ЗАПИСКИ

ФИЛИППА ФИЛИППОВИЧА

ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО АРХИВА».

(дополненное съ подлинной рукописи).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, Страстной бульваръ.
1891.

*

Записки Филипа Филиповича Вигеля печатались въ 1864 и 1865 годахъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и въ 1866 году вышли отдѣльно въ трехъ книгахъ, подъ заглавіемъ «Воспоминаній». Нынѣшнее изданіе этихъ Записокъ печатается въ болѣе полномъ видѣ, съ подлинной рукописи. Ф. Ф. Вигель родился въ 1786 году въ Пензенской деревнѣ, скончался въ Москвѣ 20 Марта 1856 года, въ чинѣ тайнаго совѣтника, полученномъ по выходѣ въ отставку изъ должности директора Департамента Иностранныхъ Исповѣданій.

*

I.

Въ наше время появилось безчисленное множество историческихъ записокъ; ими наводненъ Западъ Европы. Иныя изъ нихъ мало занимательны, другія мало правдивы; но всѣ могутъ, для будущихъ историковъ, быть болѣе или менѣе полезны. Сіи источники, иногда весьма мутные, бывъ собраны, пропущены сквозь безпристрастную критику, очищены вкусомъ и геніемъ, могутъ составить величественный, ясный потокъ, коимъ Карамзины грядущихъ временъ будутъ напоять любопытную жажду къ познаніямъ, болѣе и болѣе увеличивающуюся въ моемъ отечествѣ.

Давно родилась во мнѣ мысль и желаніе обратиться въ одинъ изъ сихъ источниковъ, продлить къ концу приближающееся, тлѣнное и малозначительное бытіе мое, превратить его въ существованіе столь же неизвѣстное, невидимое, въ журчаніе неслышимое, съ надеждою случайно брызнуть когда-нибудь изъ мрака и земли, и быть замѣчену какимъ-нибудь великимъ мужемъ, который удостоитъ пріобщить меня къ своему безсмертію или, по крайней мѣрѣ, долговѣчію.

Обстоятельства, неблагопріятствующія намѣренію моему, препятствовали мнѣ доселѣ приводить его въ исполненіе. Они не перемѣнились, но я рѣшился вопреки имъ приступить къ труду сему, столь заманчивому, быть можетъ, безполезному для другихъ, но для меня уже тѣмъ полезному, что доставляетъ мнѣ занятіе на весь остатокъ дней моихъ.

По большей части историческія записки составляются государственными людьми, полководцами, любимцами царей, однимъ словомъ, дѣйствующими лицами, которыя, описывая происшествія, на кои они имѣли вліяніе и въ коихъ сами участвовали, открываютъ потомству важныя тайны, едва угадываемыя современниками: ихъ записки — главнѣйшіе источники для исторіи. Но если симъ актерамъ вѣдомо все закулисное, то между зрителями развѣ не можетъ быть такихъ, коихъ за-

мѣчанія пригодились бы также потомству? Имъ однимъ могутъ быть извѣстны толки и сужденія партера; прислушиваясь къ нимъ внимательнымъ ухомъ, они въ тоже время могутъ зоркимъ окомъ проникать въ самую глубину сцены, и если они хоть сколько-нибудь одарены умомъ наблюдательнымъ и счастливою памятью, то сколько любопытнаго и неизвѣстнаго могутъ сообщить они своимъ потомкамъ!

Отъ самаго рожденія, природой и фортуной бывъ осужденъ, по мнѣнію моему, болѣе чѣмъ на ничтожество, во всемъ получивъ отъ судьбы посредственность въ удѣлъ, я однакоже бесѣдовалъ много съ мудрѣйшими изъ моихъ соотечественниковъ, былъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ просвѣщеннѣйшими изъ нихъ; глупцы и невѣжды мнѣ также вовсе не были чужды: я долго жилъ посреди ихъ и въ мысляхъ часто мѣрилъ пространство тѣхъ и другихъ отдѣляющее. Я не убѣгалъ также отъ нищеты и не отказывался отъ знакомства съ богатыми: отъ знатнаго до простолюдина, всѣ состоянія мнѣ были извѣстны. Пространнѣйшее государство въ мірѣ проѣзжалъ я отъ Востока до Запада и отъ Юга до Сѣвера и былъ внѣ предѣловъ его; его блестящія столицы и отдаленнѣйшія отъ нихъ провинціи, непроходимые лѣса Сибири и безлюдныя степи Новороссійскаго края мнѣ равно знакомы. Я пилъ воды Селенги и Сены и отъ вершины Хамаръ-Дабана странствовалъ до Содома Новаго Завѣта, который посѣтилъ я послѣ паденія минутной великой имперіи.

Я родился при Екатеринѣ, записанъ въ службу при Павлѣ, дѣйствительно и дѣятельно продолжалъ оную при Александрѣ и оканчиваю ее при Николаѣ. Еще въ младенческомъ возрастѣ, все окружавшее меня сильно возбуждало во мнѣ вниманіе и любопытство, все врѣзывалось мнѣ въ память, и все въ ней сохранилось. Пока еще лѣта не лишили меня сей способности, желаю я внукамъ моихъ соотечественниковъ, за неимѣніемъ собственныхъ *) завѣщать повѣсть о разнообразныхъ предметахъ, встрѣченныхъ мною на длинномъ пути не совсѣмъ обыкновенной жизни.

О себѣ буду говорить мало: скромность не позволитъ мнѣ хвалиться добрыми, но весьма обыкновенными свойствами, которыя едва могутъ служить перевѣсомъ безчисленнымъ недостаткамъ или даже порокамъ; а стыдъ, который еще знали въ наше время, не допуститъ меня открывать послѣднихъ. Не имѣя великой славы Жанъ-Жака Руссо, не имѣю и правъ на безстыдство его.

Въ описываемомъ мною я буду ничто: я буду только рама или, лучше сказать, маляръ, вставляющій въ нее попеременно картины и

*) Сочинитель женатъ не былъ. *П. Б.*

портреты и многоразличіемъ ихъ старающійся замѣнить недостатокъ въ искусствѣ живописномъ.

Но, дѣлаясь провожатымъ читателя сквозь мѣста и происшествія, мною видѣнныя, долженъ я необходимо прежде всего говорить ему о себѣ, даже о томъ, что̀ было до меня, о моемъ происхожденіи.

II.

Я долго почиталъ себя Шведомъ. Одинъ нечаянный случай, а еще болѣе любопытство мое и тщеславіе показали мнѣ мою ошибку, открыли мнѣ горькую истину.

Предки мои въ Эстляндіи, въ Везенбергскомъ округѣ, владѣли мызами Иллукъ и Куртна. Мой дѣдъ заложилъ ихъ въ 1765 году на пятьдесятъ лѣтъ, и мнѣ досталось или выкупать ихъ или за нѣкоторую сумму уступить право на вѣчное ими владѣніе. Я былъ молодъ, жилъ тогда въ Петербургѣ. Эстляндія, которую увидѣлъ я зимой, показалась мнѣ мрачнымъ оледенѣлымъ адомъ; я боялся хлопотъ и радъ былъ за маловажную сумму отказаться отъ права принадлежать къ знаменитому рыцарству. Поспѣшая обратно въ столицу, я не исполнилъ даже священной обязанности посѣтить могилу моего дѣда и не подумалъ заглянуть въ документы, по коимъ фамилія моя владѣла сказанными мызами.

Какое-то аристократическое чувство, дѣйствіе коего я впрочемъ весьма рѣдко ощущалъ, побудило меня гораздо послѣ, лѣтъ шестнадцать спустя, стараться съ точностію узнать эпоху, въ которую могущественные предки мои основали свое владычество за Наровой, тѣмъ болѣе, что представилось къ тому весьма удобное средство: г. Брунъ, шуринъ г. Ребиндера, коему уступилъ я права своей фамиліи, служилъ тогда подъ моимъ начальствомъ. По просьбѣ моей, скоро доставилъ онъ мнѣ копію съ нужныхъ для меня бумагъ, и что̀ же открылось? Первымъ владѣльцемъ помянутаго имѣнія въ моемъ родѣ былъ только дѣдъ отца моего, именемъ Валдемаръ и, что̀ еще ужаснѣе, онъ назывался Вигеліусомъ.

Кому неизвѣстно нынѣ, что въ Финляндіи природные жители имѣютъ обычай, коль скоро получатъ какую-нибудь ученую степень, облагораживать прозваніе свое Латинскимъ *усомъ*. И потому-то вѣроятно, что прадѣдъ мой—сынъ какого-нибудь пастора или профессора Финскаго племени, который, происходя изъ низкаго состоянія, украсилъ имя свое сею ненавистною для меня окончательною прибавкой. Почему бы кажется, если онъ былъ докторъ богословія или медицины и коли

непремѣнно ему нужно было себя латинизировать, не называться ему донъ-Вигелемъ, какъ были донъ-Калметъ, донъ-Букетъ. *Донъ* не такъ тѣсно связывается съ именемъ какъ *усъ*; его легче отбросить. Хвала дѣдушкѣ, что, вступивъ въ военную службу, онъ сбрилъ сей ученый усъ.

Но какъ бы то ни было, я не Шведъ. Увы, нѣтъ никакого сомнѣнія: я Финнъ или Эстъ, или, попросту сказать, Чухонецъ! Потомству обязанъ я говорить всю истину, но отъ современниковъ буду тщательно скрывать сію ужасную тайну. Открывъ ее, враги-насмѣшники конечно не оставятъ попрекать меня Чудскою моею породой. Они готовы сдѣлать болѣе: они готовы будутъ сравнивать меня съ сими безчисленными несчастными, презрѣнными тварями, съ сими потерянными женщинами, кои, родясь въ окрестностяхъ сѣверной столицы, такъ легко впадаютъ въ бездну пороковъ, и которыя думаютъ возвысить себя и состояніе свое, называя себя Вѣтками, т. е. Шведками. Впрочемъ, что̀ дѣлать? Если бы сіе и случилось, у меня всегда будетъ чѣмъ заплатить имъ.

Похвастаться дѣдомъ моимъ, Лаврентіемъ Владимировичемъ (какъ Русскіе его называли) имѣю я болѣе причинъ. Почти съ самаго дѣтства слѣдовалъ онъ за побѣдоносными знаменами Карла XII, быстро проходилъ чины и земли его герою покорявшіяся и въ званіи капитана драбантскаго полка, едва имѣя двадцать лѣтъ отъ роду, взятъ былъ Русскими въ плѣнъ подъ Полтавою. Почему съ другими плѣнниками не былъ онъ тогда отправленъ въ Сибирь, мнѣ неизвѣстно; вѣроятно изъ числа ссылаемыхъ были изъяты владѣльцы Остзейскихъ провинцій, сдѣлавшіеся новыми подданными Петра Великаго.

Новаго своего отечества не полюбилъ дѣдъ мой и никогда не хотѣлъ ему служить. Онъ спрятался на мызѣ своей и долго велъ уединенную, мрачную и безбрачную жизнь. Не знаю какъ сіе случилось, но наконецъ полюбилась ему одна благородная дѣвица, Гертруда фонъ-Бриммеръ. Онъ вступилъ съ нею въ законный бракъ, и по ней отецъ мой и дяди удостоились чести быть въ родствѣ съ Буксгевденами, Бревернами, Розенами и другими знаменитыми Лифляндскими баронами— чести, которою я, по крайней мѣрѣ, всегда весьма мало гордился.

Дальнѣйшихъ подробностей о дѣдѣ моемъ я не имѣю, ибо отецъ мой выросъ не при немъ и рано его лишился. Знаю только, что онъ никогда не покидалъ своего помѣстья, былъ столь же трудолюбивымъ хозяиномъ, какъ храбрымъ воиномъ, и что сей капитанъ-Цинциннатъ всегда плакалъ при имени Карла XII и постоянно ненавидѣлъ Россію.

Доказательствомъ сей ненависти служитъ слѣдующее. Изъ семи сыновей своихъ, четырехъ старшихъ, не знаю по какому праву, послалъ онъ за границу служить другому герою, великому Фридриху.

Неблагодарность его противъ Россіи, подъ правленіемъ коей онъ столь долго наслаждался спокойствіемъ и независимостью, была жестоко наказана: одинъ только старшій сынъ, Лаврентій, уцѣлѣлъ въ Семилѣтнюю войну; другіе же трое Оттонъ, Фредерикъ и Валдемаръ, въ цвѣтѣ лѣтъ, погибли отъ Русскихъ ядеръ или штыковъ. Старшій же сынъ жилъ, видно, очень долго, ибо въ Прусской службѣ умеръ генералъ-майоромъ и комендантомъ крѣпости Торуни. (Дѣтей онъ не оставилъ, а вдова его, урожденная Глазенапъ, какъ она подписывалась, обращалась къ отцу моему съ просьбою объ исходатайствованіи ей пансіона, посредствомъ нашей миссіи).

Младшихъ трехъ сыновей своихъ, Ивана, Якова и Филипа, рѣшился дѣдъ мой посвятить Россіи; но на то были особливыя причины.

Карлъ-Петръ Ульрихъ, герцогъ Гольштейнскій, внукъ сестры Карла XII-го, великій почитатель, какъ извѣстно, великаго Фредерика, былъ также племянникъ императрицы Елисаветы Петровны и наслѣдникъ ея престола. Но его блеска какъ бы не видѣлъ сей слѣпотствующій Германецъ; могущество народа, надъ коимъ ставила его судьба, не могъ понять сей слабоумный, сей слабодушный внукъ Петра Великаго. Почти въ ребячествѣ привезенный въ Россію и крещенный въ нашу вѣру, онъ никакъ не умѣлъ сдѣлаться Русскимъ: воспоминанія младенческихъ лѣтъ и окружавшіе его Нѣмцы, кои сохраняли ихъ въ немъ и въ его царствованіе, надѣялись воскресить времена Бирона, никакъ его къ тому не допускали. Образцомъ его сдѣлался просвѣщенный геній, но онъ умѣлъ только перенять его ошибки. Подобно Фридриху, обожателю всего Французскаго, который не зналъ истиннаго духа Германцевъ (сихъ мыслителей по превосходству) и видѣлъ въ нихъ только ратныхъ людей и боевыя машины, Всероссійскій наслѣдникъ началъ подражать всему Нѣмецкому, презиралъ все Русское и мундиръ Прусскаго генерала предпочиталъ императорской коронѣ. Забывая или не зная, что создатель Прусской славы вводилъ строгую дисциплину въ войскѣ и образовалъ солдатъ своихъ не для парадовъ, а для побѣдъ, онъ первый у насъ началъ видѣть просвѣщеніе въ марпировкѣ и, говоря словами того времени, въ метаніи артикула. Потому-то Голштейнскій его баталіонъ и Кадетскій Корпусъ Нѣмецкаго изданія, коего онъ былъ шефомъ, сдѣлались постоянными, единственными предметами его занятій.

Подъ его покровъ поставилъ дѣдъ мой трехъ маленькихъ сыновей, можетъ быть видя въ нихъ тайно будущихъ мстителей, будущихъ повелителей въ ненавистной землѣ. Ихъ приняли въ Кадетскій Корпусъ, и когда половина семейства моего дѣда проливала Русскую кровь,

другая содержалась и воспитывалась на Русскія деньги. Старая Россія, въ незлобіи и безпечности, во всемъ походила на нынѣшнюю.

Изъ трехъ сыновей, о коихъ я выше упомянулъ, одинъ только былъ дѣйствительно уменъ. Въ наукахъ, въ поведеніи, даже самою наружностію младшій отличался отъ двухъ старшихъ — это былъ мой отецъ. Но оставимъ сей любезный для меня предметъ: къ сему живѣйшему, сладчайшему изъ моихъ воспоминаній я часто буду возвращаться. Теперь поспѣшу окончить разсказъ о моихъ дядяхъ.

Старшій изъ нихъ, Иванъ, всю жизнь свою служилъ въ военной службѣ; другой же, Яковъ, началъ было съ нея, но скоро перешелъ въ гражданскую. Съ ограниченнымъ умомъ, съ пылкими страстями, они не могли пойти далеко. Дядя мой Иванъ былъ то, что̀ въ старину называлось «забубенный»: влюбчивъ, мотоватъ и весьма не строгихъ правилъ. Онъ не дожилъ до старости и кончилъ жизнь премьеръ-майоромъ и комендантомъ Орской крѣпости, бездѣтенъ, хотя и былъ женатъ на дочери какого-то гарнизоннаго офицера Семенова.

Другой мой дядя, Яковъ Лаврентьевичъ, былъ примѣчателенъ необыкновенною честностію въ дѣлахъ. Къ сожалѣнію, безкорыстные, безпристрастные судьи у насъ всегда были рѣдки; они почитались феноменомъ, и когда-то имъ дивились и ихъ уважали. Не въ это время дядя мой былъ судьею въ Санктпетербургскомъ Надворномъ Судѣ: надъ нимъ смѣялись и о немъ жалѣли; въ нынѣшнее просвѣщенное время его бы стали преслѣдовать. Онъ былъ отмѣнно трудолюбивъ и точенъ, занималъ всегда должности мелкія, но какъ говорится, доходныя, жилъ весьма бѣдно и послѣ себя ничего, кромѣ скудной движимости, не оставилъ. Долгое поприще жизни и службы окончилъ онъ въ одно время, въ 1802 году, едва достигнувъ чина коллежскаго совѣтника.

Я его знавалъ и всегда дивился скромности его желаній и удовольствій: чтеніе весьма незанимательныхъ Нѣмецкихъ книгъ и изрѣдка бесѣда стариннаго пріятеля коротали для него зимніе вечера; лѣтомъ же нанималъ онъ огородъ въ Екатерингофѣ и, покопавшись въ немъ, отдыхалъ на свѣжемъ воздухѣ. Миръ праху его, сего добраго и почтеннаго родственника!

Жизнь его, однакоже, не всегда была безмятежна: онъ зналъ любовь и въ ней только не зналъ постоянства. Онъ не плѣнялся ни знатностію рода, ни блескомъ воспитанія; красота овладѣвала имъ, гдѣ-бъ она ему ни являлась, въ прачешной ли, или хотя въ коровникѣ. Но честность его правилъ была видна даже среди волненій его страстей. Слово «наложница» пугало его добродѣтель, и всякій разъ онъ, влюбляясь въ какую-нибудь простую дѣвку (самая знатная изъ нихъ была кистерская дочь), спѣшилъ соединиться съ нею законными узами. Какъ

это сходило ему съ рукъ, вотъ чего я никакъ понять не могу. Тогда еще не было устава Евангелическихъ въ Россiи церквей, и протестантизмъ, видно, былъ у насъ не лучше магометанской вѣры (чтó бы, кажется, ему такъ и не оставаться!) Какъ бы то ни было, но почтенный дядя мой былъ многоженецъ. Я узналъ это послѣ смерти его, когда явилась ко мнѣ одна изъ его вдовъ, прося о помощи; потомъ пришла другая, наконецъ третья; испугавшись многочисленности тетокъ, я не велѣлъ ни одной пускать. Увы, говорятъ, ихъ было до восьми; одна гдѣ-то жила въ нянькахъ, другая была кухарка, а третья что-то еще хуже. Утверждаютъ, что всѣ тираны имѣютъ склонность къ многоженству и ставятъ въ примѣръ Генриха VIII и Ивана Васильевича, а мой бѣдный дядя скорѣе на все могъ быть похожъ, чѣмъ на тирана.

Между родными съ отцовской стороны былъ еще одинъ чудакъ, о коемъ никакъ умолчать не могу. Это Θедоръ Ивановичъ Сандерсъ, единственный сынъ Софiи, старшей сестры отца моего, которая лѣтъ двадцать была его старѣе, такъ что племянникъ былъ почти ровесникомъ дядѣ. Любовь и война были его девизомъ: съ ребячества до глубокой старости онъ жилъ или среди тревогъ ихъ, или ихъ воспоминанiями. Въ первый разъ видѣлъ онъ непрiятельскiй огонь въ чинѣ поручика при Кагулѣ въ 1770 году, въ послѣднiй же разъ въ чинѣ генералъ-майора подъ Парижемъ въ 1814-мъ. И такъ сорокъ четыре года воевалъ онъ, и потомъ точно отдыхалъ на лаврахъ въ Измаилѣ (куда его сдѣлали комендантомъ), на приступѣ и при взятiи коего онъ былъ три раза. Смерть его щадила, но не пули: онъ былъ весь израненъ и, не взирая на то, здоровъ, веселъ и бодръ до самой смерти. Совершенный недостатокъ въ способности мыслить, при воображенiи живомъ, вѣчно юномъ, спасли его отъ нравственныхъ болѣзней и сохранили ему и физическiя силы. Подъ конецъ жизни онъ былъ въ отставкѣ генералъ-лейтенантомъ, и хотѣлъ еще разъ взглянуть на столицу. Дорóгой, въ Твери, одинъ бродяга, котораго въ Измаилѣ онъ взялъ кучеромъ, ударилъ его оглоблей и расшибъ ему руку и ногу съ намѣренiемъ его убить и ограбить; разбойника успѣли схватить, а онъ, на 90-мъ году жизни, черезъ два мѣсяца вылѣчился и явился въ Петербургѣ. Казалось, онъ безсмертенъ; однакоже по прiѣздѣ кончилъ онъ необыкновенную жизнь свою весьма необыкновеннымъ образомъ: въ самый день рожденiя своего, когда ему исполнилось 90 лѣтъ, 1-го Января 1836 года, онъ, будучи совершенно здоровъ, нарядился, поѣхалъ въ Зимнiй Дворецъ и умеръ на ступеняхъ парадной онаго лѣстницы, по коей онъ всходилъ.

Къ числу странностей его характера и жизни принадлежитъ и самый бракъ; онъ выигралъ жену свою на билiардѣ. Одна молодая,

прекрасная Кіевская мѣщанка плѣнила богатаго, вѣтреннаго Поляка, князя Яблоновскаго, вышла за него замужъ и черезъ годъ или два ему надоѣла. Сандерсъ съ батальономъ стоялъ тогда на квартирѣ въ одномъ изъ городовъ нашихъ западныхъ губерній, принадлежавшихъ тогда Польшѣ, но занятыхъ нашими войсками; онъ часто игралъ въ биліардъ съ Яблоновскимъ и выигралъ у него нѣсколько тысячъ злотыхъ. Когда онъ сталъ требовать отъ него уплаты, то увидѣлъ его Аріадну, воспламенился и предложилъ ему взаимную уступку. Договоръ былъ скоро заключенъ, ибо всѣ стороны изъявили согласіе, особенно же молодая княгиня, по чувству оскорбленнаго самолюбія. Онъ прожилъ съ ней до самой смерти лѣтъ сорокъ пять. Кажется, искренно она его никогда ни любила, обманывала его, часто измѣняла ему, но будучи гораздо его моложе, будучи умна, хитра и ловка, дѣлала жизнь его весьма счастливою; можетъ быть своею заботливостію она ее продлила, ибо лелѣяла его, ухаживала за старымъ мужемъ, какъ за ребенкомъ *). Когда, за нѣсколько лѣтъ до смерти, онъ продолжалъ еще влюбляться, то ей одной повѣрялъ тайны муки своего сердца; она всегда выслушивала его съ участіемъ, то смѣялась, то утѣшала его, и не одними только словами, уговаривая молодыхъ красавицъ улыбкою, умильнымъ взглядомъ, ласковымъ словомъ и иногда даже холоднымъ поцѣлуемъ усладить страданія старика.

Конечно, невозможно Марину Игнатьевну ставить въ примѣръ добродѣтели нашимъ губернскимъ барынямъ, супругамъ нашихъ помѣщиковъ: онѣ живутъ тихо, спокойно, и отъ нихъ можно требовать болѣе точности въ исполненіи обязанностей. Но среди безпрестанныхъ переходовъ, среди шумной, бурной воинской жизни, какъ иногда не забыться? Сколько я зналъ такихъ воинственныхъ женъ, которыя говорили: «нашъ полкъ», «нашъ эскадронъ»; онѣ готовы были раздѣлять опасности своихъ мужей, готовы были сразиться вмѣстѣ съ ними и жертвовать за нихъ жизнію, а не считали за грѣхъ мимоходомъ любить другихъ. Въ нихъ есть что-то особенное; онѣ милы какою-то солдатскою откровенностью. Жаль, что ни одна изъ нихъ неизвѣстна

*) Слѣдуя сему примѣру, можно совѣтовать всѣмъ холостякамъ и вдовцамъ, достигающимъ глубокой старости и пользующимися пожизненными только достаточными доходами, жениться на пожилыхъ красавицахъ не строгой нравственности и владѣвшихъ долго искусствомъ плѣнять: по старой привычкѣ, онѣ привязываются къ послѣдней своей жертвѣ, къ послѣднему поклоннику и берегутъ его какъ зеницу ока. Онѣ тѣшатъ его, очаровываютъ и, окруженный призраками, старый мужъ медленнѣе приближается ко гробу. Наши Русскія въ этомъ дѣлѣ еще не мастерицы; но примѣръ Польки Шишковой нашелъ уже подражаніе въ Нѣмкѣ Обрѣзковой. Авось ли сіи оба примѣра возбудятъ соревнованіе въ нашихъ любезныхъ соотечественницахъ. Какъ мы во всемъ еще отъ Запада отстали!

Жакобу, Сю или Бальзаку: какой бы изъ нихъ прекрасный можно было сдѣлать романъ въ новѣйшемъ вкусѣ! Марина Игнатьевна не во всемъ на нихъ похожа, но можетъ также почитаться совершенно походною женой.

Я счелъ неизлишнимъ упомянуть объ этомъ старомъ воинѣ, послѣднемъ близкомъ родственникѣ отца моего (ибо дѣтей онъ не оставилъ), тѣмъ болѣе, что оригинальность его довольно замѣчательна.

III.

Разсказавъ все, что̀ зналъ, о предкахъ и родственникахъ отца моего, съ чувствомъ нѣкоторой гордости начинаю говорить о Русскомъ происхожденіи моемъ по матери.

Много есть нынѣ такихъ фамилій, кои, гордясь древностію происхожденія, имѣютъ сильныя притязанія на знатность, но коихъ названій отыскать невозможно въ такъ-называемой бархатной книгѣ. Извѣстно, однакоже, что она замѣнила родословныя книги дворянъ, преданныя всесожженію для истребленія мѣстничества при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, то-есть лѣтъ съ не большимъ полтораста тому назадъ.

Родъ Лебедевыхъ, отъ коихъ происхожу я по матери, въ ней, однакоже, находится. Сіе, впрочемъ, могло бы ничего не доказывать; я зналъ Ушаковыхъ, Новосильцовыхъ, Сабуровыхъ, людей именующихъ себя въ исторіи Россійской вездѣ встрѣчающимися названіями, кои были, однакоже, или отпущенные на волю, или отданные въ рекруты крѣпостные люди. Я не говорю уже о безчисленныхъ Павловыхъ, Алексѣевыхъ, Яковлевыхъ, Мартыновыхъ, сихъ именныхъ прозваніяхъ, кои по отцу всякій принять и потомству передать можетъ. Выслужившись до штабъ-офицерскаго чина, право или неправо наживши имѣніе, женившись на богатой купчихѣ или бѣдной дворянкѣ, они дѣтямъ своимъ, а еще болѣе внукамъ, передаютъ право безъ малѣйшаго препятствія причислиться къ благороднымъ фамиліямъ, имъ вовсе чуждымъ, и даже затмѣвать ихъ, если чины и состояніе то дозволяютъ. Послѣ того пусть еще гордятся у насъ древніе дворяне, почитающіе себя древними!

Дѣдъ мой, Петръ Ивановичъ Лебедевъ, умеръ въ 1752 году, оставивъ вдову, беременною моею матерью, и старшую восьмилѣтнюю дочь Елисавету. Онъ былъ тогда прапорщикомъ гвардіи Измайловскаго полка, а службу началъ простымъ рядовымъ. Это могло бы заставить подумать, что онъ также ничто иное какъ вѣтвь самовольно привившаяся къ древнему, благородному древу; но вотъ что̀ служитъ дока-

зательствомъ противному: всѣ дворяне и даже князья, вступая тогда въ войско, начинали быть простыми солдатами; а что еще убѣдительнѣе того, матери моей досталось отъ отца по наслѣдству село Лебедевка, при рѣчкѣ Ардымѣ, въ шести верстахъ отъ Пензы, еще донынѣ въ нашемъ семействѣ сохранившееся. Въ кладбищенской, полусгнившей деревянной церкви сказаннаго села находятся съ надписями могилы Ивана Кондратьевича и Ивана Ивановича Лебедевыхъ, прадѣда и дѣда моей матери, надъ прахомъ коихъ по извѣстнымъ временамъ она служила панихиды. Такъ какъ Пенза сдѣлалась городомъ только въ 1666 году, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, то весьма вѣроятно, что Иванъ Кондратьевичъ былъ основателемъ и первымъ вотчинникомъ селенія, которое назвалъ своимъ фамильнымъ именемъ; если же онъ получилъ его по наслѣдству отъ предковъ, то тѣмъ лучше для дворянскаго нашего тщеславія.

Моя бабка, овдовѣвъ, вышла второй разъ замужъ за одного Рязанскаго помѣщика Трескина, прижила съ нимъ дѣтей, но умерла въ молодости и оставила мать мою у вотчима, въ совершенномъ почти ребячествѣ. Вскорѣ потомъ бабка ея съ материнской стороны приняла къ себѣ малютку; но и подъ крыломъ сей послѣдней не долго она осталась. Она была во второмъ бракѣ за однимъ Василіемъ Ивановичемъ Чулковымъ и, не имѣвъ отъ него дѣтей, умирая, отказала ему попеченіе о своей внучкѣ.

Хотя сей г. Чулковъ былъ намъ почти вовсе чужой, но какъ онъ былъ единственный покровитель и единственное воспоминаніе младенческихъ лѣтъ моей матери, такъ рано лишившейся родителей и родныхъ и знавшей ихъ почти только по слуху, то мнѣ желательно сохранить здѣсь трогательное семейное о немъ преданіе.

Родившись въ низкомъ состояніи, онъ, неизвѣстно какъ, попалъ въ придворные истопники на половину цесаревны Елисаветы Петровны; по усердію своему онъ сдѣлался ей извѣстенъ и близокъ и служилъ, какъ божеству, дочери Петра Великаго. Почести на него посыпались съ ея воцареніемъ: онъ вскорѣ сдѣлался дѣйствительнымъ камергеромъ, Александровскимъ кавалеромъ и даже, наконецъ, генералъ-аншефомъ, хотя въ военной службѣ никогда не находился. Тогда-то дворянка Кривская, урожденная, хотя Татарская, но все таки княжна Мещерская, не только не погнушалась руки бывшаго истопника, но съ благодарностію приняла его предложеніе. Сей бракъ былъ устроенъ Провидѣніемъ какъ будто для того, чтобы дать защиту круглой сиротѣ, моей матери.

Я знавалъ людей, кои помнили еще царствованіе Елисаветы Петровны и со слезами умиленія вспоминали о немъ. Сія государыня,

съ добрымъ, нѣжнымъ сердцемъ, получила самое дурное воспитаніе; она выросла среди древнихъ, грубыхъ, но уже не простыхъ и чистыхъ, а Европейскимъ первоначальнымъ образованіемъ испорченныхъ нравовъ тогдашняго времени. Ей было вѣдомо искусство дѣлать подданныхъ счастливыми и заставить чужіе народы уважать имя Русское; но она не знала тѣхъ приличій, кои нынѣ царямъ необходимы, сего кроткаго величія, коимъ Екатерина Вторая умѣла вселять благоговѣйный къ себѣ страхъ. Обхожденіе съ нею было самое простое, хотя и трепетали ея гнѣва, и образъ жизни ея можно было встрѣтить, лѣтъ съ тридцать тому назадъ, между помѣщицами отдаленныхъ губерній.

Во внутренности дворца своего, она была окружена толпою женщинъ изъ простонародья, болтуній, сплетницъ. Суевѣріе, ложные страхи производили въ ней безсонницу, и эти женщины, сидя въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ея постели, должны были сначала разсказывать ей сказки, а потомъ, когда замѣчали, что она начинаетъ забываться, продолжали между собою разговоръ шепотомъ, чтобы совершенно усыпить ее. Вѣрный слуга Василій Ивановичъ долженъ былъ также тутъ находиться и, не взирая на разницу лѣтъ и званія, являясь опять прежнимъ истопникомъ, смиренно клалъ на полъ тюфячекъ свой подлѣ кровати императрицы и, какъ безсмѣнный стражъ, ложился у ногъ ея. Зная, что государыня не спитъ еще, гнусныя твари въ разговорахъ своихъ часто злословили царедворцевъ, не довольно къ нимъ *чивыхъ*: тогда правдолюбивый Чулковъ тихо возвышалъ голосъ, чтобъ опровергать ихъ клеветы, понося ихъ словами, которыя во дворцѣ слышать бы не должно было, и тѣмъ успокоивалъ раждающіяся подозрѣнія добродушной своей царицы. Случалось, что она, вставая ранѣе утомленнаго старика, тащила его, шутила съ нимъ; а онъ, приподымаясь легонько, потрепывалъ ее, говоря; «охъ, ты моя лебедка бѣлая!».

Не мое дѣло описывать царицу среди великолѣпій пышнаго двора ея, побѣды ея полководцевъ надъ великимъ Фридрихомъ, благоденствіе Россіи подъ ея правленіемъ, раждающіяся при ней художества, театръ и поэзію: для того были Ломоносовы и будутъ еще другіе счастливцы, кои въ исторіи ея изобразятъ золотой вѣкъ Россіи. Мнѣ пришлось сказать нѣсколько словъ о домашнемъ бытѣ старинной боярыни на тронѣ и столько, сколько сіе касалось до благодѣтеля моей матери, предка моего не по крови, а по благодѣяніямъ. Я увѣренъ, что читатели не причтутъ меня къ числу тѣхъ злонамѣренныхъ людей, коими изобилуетъ наше время, кои, подобно свиньѣ Крылова, ищутъ одного навоза, не хотятъ или не умѣютъ отдѣлить частной жизни царей отъ

политической и, привязываясь къ однѣмъ человѣческимъ ихъ слабостямъ, стараются затмить весь блескъ ихъ царственныхъ дѣяній.

Лѣтъ четырнадцати мать моя лишилась и попечителя своего, который вспоилъ, вскормилъ ее, берегъ и лелѣялъ, оставилъ ей примѣръ своихъ добродѣтелей и нѣсколько отеческихъ наставленій, но едва выучилъ ее грамотѣ, которую самъ плохо зналъ. Она отправилась въ свое помѣстье, вступила въ управленіе, сдѣлалась полною госпожей и... не погибла. Ангелъ-хранитель ея остался тогда единственнымъ заступникомъ бѣдной сироты; казалось, начертавъ на лицѣ ея свой образъ, онъ въ сердце ея вдохнулъ свою непорочность.

Я не могъ видѣть ея молодости (она родила меня будучи слишкомъ тридцати лѣтъ), но отъ стариковъ, искавшихъ руки ея, много слышалъ о ея разборчивости и красотѣ. Когда я могъ судить объ ней, она уже была въ преклонныхъ лѣтахъ, но и тутъ еще нравилась; для ребенка добрая мать прекраснѣе всего въ мірѣ, а мнѣ казалось и въ совершеннолѣтіи, что такой миловидной старушки я не встрѣчалъ никогда.

Въ слѣдующей главѣ буду говорить о ней пространнѣе, но и здѣсь не утерпѣлъ сказать нѣсколько словъ.

IV.

Говоря о младшихъ сыновьяхъ моего дѣда, сказалъ я, что младшій изъ нихъ былъ мой отецъ и вмѣстѣ съ ними воспитывался въ Кадетскомъ Корпусѣ.

Симъ первымъ полезнымъ учебнымъ заведеніемъ Россія обязана Нѣмцамъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны, когда они у насъ неистовствовали, безжалостно терзали Россію, грабили ее, унижали, былъ однакоже между ними одинъ знаменитый мужъ, который не довольствовался дарить наше отечество побѣдами, но и думалъ о внутреннемъ его благѣ. Благодарное потомство умѣетъ отличать его отъ единоплеменныхъ ему палачей, и имя Миниха ярко блеститъ среди воспоминаній того мрачнаго времени.

Его мыслію создано, его стараніями, попеченіями устроено первое въ Россіи военное училище. При недостаткѣ въ средствахъ къ домашнему воспитанію, при стремленіи сравниться въ познаніяхъ съ господствовавшими тогда Нѣмцами, лучшіе дворяне, самые вельможи, почитали милостію опредѣленіе дѣтей въ Сухопутный Шляхетный Кадетскій Корпусъ, какъ онъ тогда назывался. Знатные и иностранцы, разумѣется, въ семъ случаѣ предпочитались. Впослѣдствіи, при Елисаветѣ Петровнѣ, когда основатель Корпуса томился въ ссылкѣ, разсад-

никъ просвѣщенныхъ воиновъ, имъ насажденный, процвѣталъ все болѣе и болѣе, и даже наслѣдникъ престола былъ назначенъ его шефомъ. Сіе назначеніе конечно умножило наружный блескъ заведенія, но ничего не прибавило къ пользѣ внутренняго его устройства. Видно, что оно основано было на твердыхъ началахъ: ибо Петръ III, какъ извѣстно, мало заботился о распространеніи наукъ и, подобно своимъ послѣдователямъ, предпочиталъ имъ маршировку. Однакоже, подъ его управленіемъ образовались въ Корпусѣ почти всѣ государственные люди, прославившіе царствованіе Екатерины II, и, что̀ всего удивительнѣе, ни одинъ почти изъ воспитанныхъ при немъ кадетовъ не былъ причастенъ къ тѣмъ порокамъ, кои безславили и, наконецъ, сгубили несчастнаго государя.

Въ особенности отецъ мой, коего замѣтилъ и полюбилъ онъ еще съ дѣтства, отличался совершенно-дѣвственною чистотою. Пылкій, смѣлый, отважный, онъ однакоже и въ старости готовъ былъ краснѣть отъ всякаго нескромнаго, неблагопристойнаго изреченія, коими изобилуетъ солдатскій языкъ и коихъ употребленія самъ онъ вовсе не зналъ. Стройный, статный, благообразный, онъ, безъ крайней необходимости, даже передъ слугою, не обнажалъ груди или плеча *).

Можетъ быть, мнѣ не повѣрятъ; но прахомъ его клянусь, что совершеннѣе человѣка, какъ мой отецъ, я не встрѣчалъ. По мнѣнію моему, онъ былъ выродокъ не только въ семействѣ своемъ, но и въ родѣ человѣческомъ. Еслибъ онъ мнѣ былъ и чужой, то мнѣ пріятно было бы изобразить его, какъ самое чудное явленіе въ мірѣ.

Излишество во всемъ бываетъ вредно, и для самыхъ похвальныхъ качествъ есть границы, за коими они превращаются въ слабости и даже въ пороки. Такъ, напримѣръ, излишняя щедрость дѣлается расточительностію, а бережливость скупостію; смѣлость обращается въ дерзость, покорность въ раболѣпство, и благородное чувство собственнаго достоинства въ несносную спѣсь. Мудрость человѣческая состоитъ въ способности избѣгать крайности, и въ этомъ отношеніи я не зналъ человѣка, котораго бы болѣе, какъ отца, можно было назвать l'homme du juste milieu.

Онъ былъ чрезвычайно вспыльчивъ, а дѣйствіями его всегда управлялъ разсудокъ; страстно любилъ женщинъ, а всегда былъ цѣломудренъ и вѣренъ долгу супружества. Другъ порядка, почитатель установленныхъ властей, онъ однакоже никогда не былъ очень любимъ

*) Иные, можетъ быть, заключатъ изъ того, что отецъ мой былъ человѣкъ женообразный, жеманный и найдутъ похвалы мои смѣшными. На тѣхъ, кои знавали его, можно сослаться и спросить: смѣхъ или невольное уваженіе производила краска стыда и негодованія, на мужественномъ лицѣ его иногда выступавшая?

начальниками, всегда уважаемъ ими. Точность его ума болѣе всего дѣлала его способнымъ къ математическимъ наукамъ, и онъ примѣрно въ нихъ успѣвалъ, но въ тоже время чрезвычайно любилъ художества и музыку. Въ особенности же имѣлъ онъ страсть къ архитектурѣ: для сосѣдей, для пріятелей, даже иногда просто для знакомыхъ, онъ чертилъ планы домовъ, церквей, заводовъ и потомъ, при производствѣ работъ, помогалъ имъ совѣтами, какъ дешевлѣ и прочнѣе возводить строенія; и все это разумѣется даромъ. Въ провинціяхъ и доселѣ чувствуютъ недостатокъ въ архитекторахъ; проекты маловажныхъ зданій выписываются изъ столицъ. Что́ же было лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ? Присутствіе моего отца въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ находился, въ семъ отношеніи было точно для нихъ благодѣяніемъ. Однимъ словомъ, человѣкъ сей, съ правдолюбіемъ, съ простотою нравовъ древнѣйшихъ временъ, соединялъ всю образованность осмнадцатаго столѣтія.

Слогъ есть человѣкъ, сказалъ кто-то, и справедливость этого изреченія доказывалъ мой отецъ. Не бывъ природнымъ Русскимъ, не имѣвъ никакихъ предъ собою образцовъ (ибо по-русски онъ началъ писать лѣтъ за десять до рожденія Карамзина), Русскія письма его могутъ сами служить образцами. Цѣлую сотню ихъ сохранилъ я какъ святыню, и они могутъ служить тому доказательствомъ. Откуда было взять ему столь чистый слогъ, если не изъ самаго чистаго источника прекрасной души своей? Возможно ли ему было съ такою стройностію, съ такою правильностію выражать мысли, если бы въ самихъ сихъ мысляхъ не было столько ясности и красоты? И это былъ иностранецъ, воспитанникъ Кадетскаго Корпуса 1750-хъ годовъ! И онъ никогда не думалъ быть литераторомъ и, что̀ всего удивительнѣе, въ письмахъ его никогда нельзя найти ни словъ изъ приказнаго слога, сирѣчь, понеже и дондеже, ни сентиментовъ, реверансовъ, онора, конфузіи, словъ иностраннныхъ, коими необразованный еще тогда языкъ нашъ столь изобиловалъ. На Нѣмецкомъ языкѣ писалъ онъ, какъ на природномъ, а на Французскомъ писалъ онъ и говорилъ, хотя безошибочно и правильно, но какъ человѣкъ, который, чувствуя необходимость его въ обществѣ, не безъ усилій ему выучился, и выговоръ на немъ имѣлъ Нѣмецкій.

У людей совѣстливыхъ долгъ и наклонность въ безпрестанномъ состязаніи. Отецъ мой ненавидѣлъ низкія, подлыя или беззаконныя дѣла, но въ равной степени не терпѣлъ также и злословія. Какъ быть? Какъ ненавидѣть зло и не осуждать его? Смѣшной стороны онъ ни въ комъ не видѣлъ, слабости ему подвластныхъ старался увѣщаніемъ исправлять, слабости чужихъ всегда находилъ средство извинять, на порокъ смотрѣлъ въ грозномъ молчаніи. Любопытно было видѣть,

какъ, убѣжденный въ гнусности какого-нибудь нечестивца, послѣ замѣтной внутренней борьбы, онъ иногда съ тяжкимъ вздохомъ произносилъ наконецъ: «какой негодный человѣкъ!» Какъ всякій праведникъ, терпѣлъ онъ много отъ несправедливости людей, отъ начальниковъ и даже отъ подчиненныхъ. Иногда позволялъ онъ себѣ жаловаться на сіи несправедливости, но не примѣшивая ни единаго оскорбительнаго слова для тѣхъ, кои ихъ учинили. Въ обществѣ оставлялъ онъ пересуды безъ вниманія; у себя же дома всегда учтиво просилъ осуждающихъ перемѣнить разговоръ. Изъ сего можно заключить, какъ мало дозволялъ онъ семейству своему порицать ближнихъ. Можетъ-быть сія самая строгость произвела во мнѣ дѣйствіе совсѣмъ противное, сіе чувство нетерпѣнія, съ коимъ такъ трудно переносить мнѣ несправедливости не только ко мнѣ, но и къ другимъ, и сію способность обильными словами облегчать страданія, причиняемыя мнѣ глупостію или злостію людей.

Люди добродушные, какъ мой отецъ, бываютъ обыкновенно нѣсколько лѣнивы, весьма невзыскательны насчетъ опрятности и сами мало ее соблюдаютъ; въ старости сей порокъ дѣлается ощутительнѣе и еще тѣмъ болѣе безобразитъ ее. Съ отцомъ моимъ было совсѣмъ противное: онъ былъ чрезвычайно дѣятеленъ, онъ не знавалъ минуты бездѣйствія и скуки. Съ ранняго утра причесанный, умытый, одѣтый, онъ раздѣвался только, когда ложился спать; халатъ былъ для него эмблемой болѣзни; пятно на мундирѣ или фракѣ почиталъ онъ несчастіемъ не много поменѣе пятна на чести. Таковъ былъ онъ до старости, до послѣдней минуты жизни. Сіе тѣмъ примѣчательнѣе, что въ его молодые годы мы въ Россіи мало знали опрятность, и въ самыхъ знатныхъ домахъ сами барыни были весьма нечистоплотны. Опрятность есть одно изъ малаго числа благодѣяній, коими, по мнѣнію моему, Западу мы обязаны.

Одно изъ воспоминаній объ отцѣ тревожитъ меня и смущаетъ: онъ не былъ набоженъ и всегда избѣгалъ не только споровъ, но и разговоровъ объ религіи. Объяснить это себѣ стараюсь я слѣдующимъ образомъ. Онъ родился и воспитанъ въ Лютеранской вѣрѣ; будучи уже мужемъ и отцомъ семейства, впалъ онъ въ тяжкую болѣзнь, врачи отъ него отказались и осудили его на смерть. Матери моей, отчаянной супругѣ, представилась ужасная мысль, что ей, православной, даже и въ будущей жизни невозможно будетъ встрѣтиться съ обожаемымъ ею еретикомъ; пользуясь его безпамятствомъ, она призвала священника и умоляла его совершить надъ нимъ святое мvропомазаніе. Такимъ образомъ поступилъ онъ въ нѣдра Греко-россійской церкви. Едва любовь и вѣра свершили обрядъ, какъ уже лучъ надежды блеснулъ

для моей матери: съ той минуты онъ началъ оживать, воскресъ, узналъ о томъ, чтò произошло, и не смѣлъ огорчить упрекомъ ту, которая въ выздоровленіи его видѣла чудо небесное. Всѣ дѣянія его были истинно-христіанскія; по присоединеніи къ восточной церкви онъ съ точностію слѣдовалъ ея обрядамъ; но, можетъ быть, чувствуя тайно ложный стыдъ, онъ не любилъ говорить о томъ, чтò напоминало ему о невольно случившейся съ нимъ перемѣнѣ.

Послѣ всего вышесказаннаго, нужно ли говорить, что онъ былъ нѣжный супругъ и отецъ, постоянный другъ, добрый господинъ, справедливый и пріятный въ обхожденіи начальникъ? Все это, хотя не совсѣмъ обыкновенно, но къ счастію и не весьма рѣдко встрѣчается между людьми. Мнѣ хотѣлось изобразить въ немъ только то, чтó отличало его отъ другихъ, представить въ немъ противоположности, согласіе или соединеніе коихъ производило совершенство. Блестящій взглядъ его, разговоръ живой и умный и на устахъ почти всегда улыбка непорочнаго веселія, знакомаго только ему подобнымъ, дѣлали его привлекательнымъ еще и въ старости.

Младшій изо всего многочисленнаго своего семейства, онъ родился 12 Іюня 1740 года; не знаю, когда поступилъ онъ въ Кадетскій Корпусъ, но знаю только, что въ послѣдній годъ царствованія Елисаветы Петровны былъ уже онъ въ немъ прапорщикомъ и преподавалъ науки кадетамъ, изъ коихъ многіе были ему ровесниками.

Нѣмецкое происхожденіе и совершенное знаніе фронтовой службы ввели его въ особенную милость къ наслѣднику престола. Сдѣлавшись императоромъ, Петръ III сравнилъ кадетскихъ офицеровъ съ гвардейскими и, щедрый на награды, какъ сынъ и внукъ, въ продолженіи шестимѣсячнаго царствованія своего, произвелъ отца моего въ подпоручики, въ поручики и въ капитанъ-поручики. Приближался Петровъ день, царскія имянины, и баронъ Унгернъ-Штернбергъ, генералъ-адъютантъ и двоюродный дядя моего отца, объявилъ именемъ государя, что въ сей день онъ будетъ пожалованъ флигель-адъютантомъ. Можно посудить о радости двадцати-двухъ-лѣтняго юноши; онъ изъ Ораніенбаума поскакалъ въ Петербургъ, чтобы закупить все нужное къ обмундировкѣ. Но прежде 29 Іюня было 28-е. Въ этотъ день, проходя утромъ чрезъ Исакіевскую площадь и ничего не вѣдая, онъ былъ схваченъ и посаженъ подъ караулъ. Екатерина вступила на престолъ.

Тогда попали въ честь Орловы,

а подобно дѣду Пушкина, отецъ мой «въ крѣпость, въ карантинъ». Но онъ не долго въ немъ оставался, не болѣе двухъ недѣль; его выпустили и, не бывши въ числѣ крупныхъ любимцевъ, онъ скоро исчезъ въ толпѣ и возвратился къ своимъ корпуснымъ занятіямъ.

Съ величайшимъ любопытствомъ прислушивался я въ ребячествѣ къ разсказамъ покойнаго отца о благодѣтелѣ его, Петрѣ III-мъ. Онъ не хвалилъ его наружности, объ умѣ слова не было; но за то съ восторгомъ говаривалъ онъ о душевной его добротѣ и безпримѣрной снисходительности къ окружающимъ. Я росъ въ Кіевѣ, никогда не видалъ царей и представлялъ ихъ себѣ хотя и людьми, намъ подобными, но имѣющими еще болѣе важности и величія, чѣмъ самъ митрополитъ. Оттого бывалъ я въ крайнемъ изумленіи, когда слышалъ объ огромнѣйшей чашѣ съ пуншемъ, о цѣлой горѣ курительнаго табаку и о десяткахъ трубокъ, находившихся по вечерамъ въ пріемной у императора, который расхаживалъ, балагурилъ, и если не приневоливалъ, то усердно приглашалъ всѣхъ этимъ потѣшаться. Мнѣ это казалось слишкомъ милостиво.

Около тридцати пяти лѣтъ служилъ мой отецъ Екатеринѣ Второй вѣрой и правдой, всегда съ благоговѣніемъ произносилъ ея имя, никогда не позволялъ себѣ осуждать ея слабостей (о томъ у насъ въ домѣ и помину не было), но за то никогда и не удавалось мнѣ слышать отъ него тѣхъ заслуженныхъ похвалъ, коими всѣ ее превозносили. Съ растроганнымъ видомъ говаривалъ онъ о ея наслѣдникѣ: по увѣренію его (а ему вѣрить было можно) и многихъ другихъ, Павелъ Петровичъ былъ въ дѣтствѣ прекраснѣйшій ребенокъ и между тѣмъ чрезвычайно похожъ на отца своего, который, однакоже, былъ ни хорошъ, ни дуренъ.

Въ 1764 году отецъ мой, послѣ долгой разлуки, посѣтилъ слѣпаго и умирающаго своего отца, принялъ его благословеніе и послѣдній вздохъ (но наслѣдства никакого) и, возвратясь въ Петербургъ, былъ выпущенъ въ армію съ чиномъ премьеръ-майора и опредѣленъ въ генеральный штабъ.

Въ это время съ новымъ жаромъ начали хлопотать о водвореніи у насъ Европейскаго образованія: надобно было открыть ему всѣ отверстія, дабы оно могло въ самую утробу Россіи проникнуть. Въ Германіи вызвались охотники заселять степи, коими Россія столь изобилуетъ. Какъ было тому не обрадоваться? Цѣлыя массы свѣта должны были влиться къ намъ съ тысячами Нѣмецкихъ мужиковъ, изъ коихъ, какъ извѣстно, особенно Баварцы и Вестфальцы отличаются образованностію! Человѣческій родъ примѣтно умножается, особенно между Славянскими племенами; для сбыта излишества населенія у насъ неистощимые запасы пустошей, и эти запасы не за морями, какъ у другихъ, а такъ сказать подъ руками; ихъ безчисленность насъ долго пугала, тогда какъ другія государства, не имѣя таковыхъ, намъ завидовали. Итакъ, сихъ пришельцевъ приняли съ распростертыми объятіями, и

учреждена канцелярія опекунства иностранныхъ, подъ предсѣдательствомъ самого князя Орлова, тогдашняго фаворита. Императрица Екатерина была еще довольно молода и, несмотря на врожденное въ ней искусство царствовать, по неопытности, не знала еще тогда истинныхъ пользъ своего народа.

Роскошные берега Волги, въ нынѣшней Саратовской губерніи, тогдашней провинціи, были выбраны для принятія дорогихъ гостей. Конечно, поселеніе иностранныхъ колонистовъ менѣе вредно и безразсудно на краю государства, чѣмъ военныя поселенія внутри его; однакоже и пользы отъ того мало: казна тратится, а прибыли не имѣетъ; ибо по прошествіи семидесяти лѣтъ сіи колоніи, кажется, и понынѣ пользуются льготою. Хлѣбопашество въ той сторонѣ ничего отъ того не выиграло; только жители Сарепты размножили сѣяніе табаку и горчицы, что́ и безъ нихъ можно было сдѣлать.

Генералъ-фельдцейгмейстеръ и надъ фортификаціями генералъ-директоръ, князь Орловъ, искалъ между подчиненными своими, военноучеными (а ихъ было такъ мало) людей, коимъ бы можно было поручить смотрѣніе за межеваніемъ земель и размѣщеніемъ на нихъ колонистовъ, и выбралъ двухъ друзей: инженеръ-майора Либгарда и отца моего. Симъ выборомъ была навсегда рѣшена участь послѣдняго.

Саратовъ и Пенза, два провинціальные города, почти въ одно время возникшіе, построены въ двухъ стахъ верстахъ одинъ отъ другаго, и какъ въ старину, такъ и понынѣ находятся въ тѣсномъ союзѣ и безпрестанномъ соперничествѣ или, лучше сказать, соревнованіи; но участь сихъ городовъ совершенно различна.

Первый изъ нихъ стоитъ на берегу величественной Волги, царицы рѣкъ, движущагося моря, и владычествуетъ надъ одною изъ пространнѣйшихъ областей въ государствѣ. Въ сей области находятся и многолюдные уѣзды, хлѣбопашцами, помѣщичьими крестьянами населенные, и плодородныя, широкими рѣками орошаемыя степи, никѣмъ или еще мало обитаемыя, и степи безводныя, и солончаки; въ ней Елтонское озеро, снабжающее солью треть Россіи; въ ней иностранныя колоніи, въ ней Ахтуба и развалины Сарая; въ ней растутъ береза и виноградъ, произведенія Сѣвера и плоды Юга; въ ней и хлѣбопашество, и торговля, и судоходство, и рыбныя ловли, и соляной промыселъ.

Пенза на горѣ возвышается гордо надъ смиренною Сурой. Сія рѣчка, только при устьѣ своемъ достойная названія рѣки, въ одно только время года, и то самое короткое, бываетъ судоходна; она робко и медленно приближается къ спѣсивой Пензѣ и, не смѣя коснуться подошвы ея, въ двухъ или трехъ верстахъ отъ нея протекаетъ *). Гу-

*) Въ сію Суру впадаетъ, однакоже, родимый мой Ардымъ.

бернія Пензенская сжата на маломъ пространствѣ и тѣсно заселена помѣщичьими деревнями. Въ противоположность Саратовскаго разнообразія, въ ней все единообразно, вездѣ равно прекрасные виды, равно прекрасная почва земли, вездѣ изобиліе плодовъ земныхъ и вездѣ недостатокъ въ средствахъ къ ихъ сбыту. Между дворянами вездѣ почти одинаковая невѣжественно-олигархическая спѣсь, въ простомъ народѣ встрѣчаешь почти одинаковую холопью дерзость или низость.

Однимъ словомъ, сіи двѣ губерніи можно сравнить съ богатымъ купцомъ и довольно-зажиточнымъ дворяниномъ. Но какъ Русское дворянство (нынѣ столь многочисленное) прежде и болѣе другихъ сословій восприяло Европейское образованіе и съ преимуществомъ происхожденія или заслугъ соединяетъ преимущества воспитанія, то купечество весьма естественно оказываетъ ему невольное уваженіе. Въ замѣнъ того, неимущему невозможно презирать деньгами, и сіе возстановляетъ равновѣсіе какъ между обоими сословіями, такъ и между обѣими губерніями.

Поселившись въ Саратовѣ, отецъ мой охотно посѣщалъ Пензу: тамъ находилъ онъ нача̀ла, нѣкоторые признаки общежитія. Въ особенности же свелъ онъ тамъ дружбу съ воеводою, Андреемъ Алексѣевичемъ Всеволожскимъ, отличавшимся нѣкоторою образованностію, кроткимъ нравомъ и пріятнымъ обхожденіемъ.

Нѣкогда слобода, а со временъ царствованія Алексѣя Михаиловича провинціальный городъ, Пенза состояла тогда изъ десятка не весьма большихъ деревянныхъ господскихъ хоромъ и нѣсколькихъ сотенъ обывательскихъ домиковъ, изъ коихъ многіе были крыты соломою и имѣли плотневые заборы. Соборная каменная церковь, которая величиною едва ли превосходила многіе сельскіе храмы, съ тѣхъ поръ построенные, и нѣсколько каменныхъ и деревянныхъ небольшихъ приходскихъ церквей, служили единственнымъ ей украшеніемъ. Чтобы судить о неприхотливости тогдашняго образа жизни Пензенскихъ дворянъ, надобно знать, что ни у одного изъ нихъ не было фаянсовой посуды, у всѣхъ подавали глиняную, муравленую (за то человѣкъ хотя нѣсколько достаточный не садился за столъ безъ двадцати-четырехъ блюдъ, похлебокъ, студеней, взваровъ, пирожныхъ). У одного только Михаила Ильича Мартынова, владѣльца тысячи душъ, болѣе другихъ гостепріимнаго и роскошнаго, было съ полдюжины серебряныхъ ложекъ; ихъ клали предъ почетными гостями, а другія должны были довольствоваться оловянными. Многочисленная дварня, псарня и конюшня поглощали тогда всѣ доходы съ господскихъ имѣній.

Двадцать лѣтъ спустя, когда, при учрежденіи губерній, Пенза возвышена была на степень губернскаго города, въ ней все перемѣ-

нилось. Правильныя улицы, и изъ нихъ иныя мощеныя, украсились каменными двухъ и трехъ-этажными домами и каменными лавками, а въ нихъ показались товары, кои прежде, хотя съ трудомъ, можно было только выписывать изъ Москвы; явилась нѣкоторая опрятность, нѣкоторая бережливость, нѣкоторый вкусъ—необходимые спутники просвѣщенія. Перемѣна во всей Россіи шла гораздо быстрѣе, чѣмъ при Петрѣ Великомъ, и безъ пытокъ, безъ насилій. Геній и улыбка Екатерины творили сіи чудеса. Желѣзная трость Петра Великаго, переходя изъ рукъ въ руки, обратилась въ магическій жезлъ, какъ скоро коснулась ея сія могущественная очаровательница. Сія новая Цирцея хотѣла и умѣла скотовъ обращать въ людей.

Чтó касается до Пензы, то пусть позволятъ мнѣ часть успѣховъ приписать присутствію въ ней моего отца, уваженію, которое онъ въ ней пріобѣлъ, дѣятельности его и его совѣтамъ, которыхъ къ счастію слушались.

Верстахъ въ тринадцати отъ Пензы, по Саратовской дорогѣ, находится небольшое помѣстье Симбухино, носящее фамильное имя своихъ прежнихъ владѣльцевъ. Послѣдній изъ нихъ, отставной кирасирскій майоръ, Андрей Петровичъ Симбухинъ не имѣлъ никого близкихъ родныхъ и былъ женатъ на Нѣмкѣ; умирая, отказалъ онъ ей съ малолѣтнею дочерью помянутое имѣніе.

Неудивительно, что вдовѣ г. Симбухина, живущей, такъ сказать на чужой сторонѣ, полюбился молодой, красивый и всѣми уважаемый землякъ. Едва ея дочь достигла шестнадцатилѣтняго возраста, какъ сама она предложила ее моему отцу. Нетрудно было ему согласиться вступить въ бракъ съ такою молоденькой дѣвочкой, съ нѣкоторымъ состояніемъ, которой могъ онъ надѣяться быть не только супругомъ, но и образователемъ. Сей бракъ былъ счастливъ, но въ семъ мірѣ счастіе бываетъ рѣдко продолжительно: едва прошелъ годъ послѣ замужества Пелагеи Андреевны (такъ звали первую жену отца моего), какъ она родила сына Андрея и черезъ недѣлю спустя вмѣстѣ съ нимъ пошла въ гробъ. Но, какъ бы предчувствуя раннюю кончину свою, она еще во время беременности, по совѣту матери своей, укрѣпила помѣстье свое за отцомъ моимъ. Сіе помѣстье еще и понынѣ находится во владѣніи нашего семейства.

Неутѣшный вдовецъ остался единственнымъ утѣшеніемъ и подпорой горестной, бездѣтной тещѣ: не помня собственной матери своей, коей лишился въ младенчествѣ, онъ въ ней обрѣлъ нѣжнѣйшую мать, а ей замѣнялъ онъ дѣтей, друзей и родныхъ, коихъ у нея не было. Но сія добродѣтельная, благоразумная женщина не хотѣла дарованнаго ей Провидѣніемъ сына осудить на вѣчное вдовство; по прошествіи

трауриаго года, она первая начала ему совѣтовать помышлять о новой женитьбѣ; она сдѣлала болѣе: между дѣвицами, жившими въ Пензѣ, она начала искать достойную его руки.

Между тѣмъ время шло и врачевало горести молодаго вдовца. Еще при жизни первой жены своей, онъ отдавалъ справедливость прелестямъ и дѣвственно-гордому цѣломудрію юной сироты Лебедевой. Не получивъ никакого образованія, въ ней однакоже въ высшей степени господствовало природное чувство, которое Французы называютъ тактомъ. Безъ жеманства другихъ провинціальныхъ дѣвицъ, ея обхожденіе было со всѣми непринужденное, но вселяло какую-то робость въ тѣхъ, кои руки ея искали. Иные пытались однакоже являться съ предложеніями, и хотя получали отказы, но въ нихъ было столь много вѣжливаго и утѣшительнаго для самолюбія неудачныхъ искателей, что не оставалось мѣста досадѣ и злословію.

У сей недоступной дѣвы было однакоже сердце, и оно, противъ воли ея, тайно принадлежало человѣку, о коемъ она не смѣла помышлять, ибо онъ былъ женатъ. Никто не вѣдалъ о томъ, а еще менѣе другихъ тотъ, который былъ любимъ. Онъ былъ уже вновь давно свободенъ и все еще не подозрѣвалъ ничего. Одинъ только женскій опытный взглядъ можетъ проникнуть въ сокровенныя тайны женскаго сердца; въ заботливости объ участи отца моего, теща его подмѣтила неравнодушіе къ нему независимой и непорочной дѣвицы, ея ближайшей сосѣдки, и захотѣла вторично сдѣлать его счастливымъ. «Вы любите другъ друга, сказала она наконецъ обоимъ: женитесь». Тутъ не было отказа, ниже минутной притворной колеблемости. Такимъ образомъ состоялся бракъ, коему я обязанъ жизнію.

V.

Вторая женитьба отца моего была въ 1772 или въ 1773 году, хорошенько не припомню, ибо не имѣлъ несчастія быть свидѣтелемъ брака родителей, какъ съ иными сіе случается. Знаю только навѣрно, что первый ребенокъ отъ сего брака, старшая сестра моя Елисавета, родилась въ Іюнѣ 1774 года.

Вскорѣ послѣ сей второй женитьбы, послѣдовали въ участи отца моего важныя перемѣны. Всего важнѣе было для него оставить Пензу и Саратовъ. Онъ давно уже находился въ одномъ чинѣ, не получалъ никакихъ наградъ, а между тѣмъ весьма добродушный и довольно просвѣщенный начальникъ его, князь Орловъ, былъ къ нему отмѣнно благосклоненъ. Но ему не хотѣлось съ нимъ разстаться, а съ повы-

шеніемъ его онъ долженъ былъ его лишиться. Наконецъ, по чувству справедливости, онъ рѣшился доставить ему чинъ полковника съ назначеніемъ командиромъ батальона, опять не помню, котораго-то егерскаго корпуса *).

Такъ какъ, вѣроятно, мнѣ не придется болѣе говорить о Саратовѣ, въ коемъ я никогда не бывалъ, то я позволяю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе и бросить недовольный взглядъ на службу тамъ отца моего. Мѣсто, которое онъ тамъ занималъ, было что́ называется самое наживное: въ томъ краю, который называется денежною стороной, какъ Пенза хлѣбною, тамъ гдѣ все гласитъ и понынѣ о прибыли, онъ ничего не пріобрѣлъ, кромѣ двухъ друзей или можетъ быть только пріятелей, совсѣмъ не одинаковаго съ нимъ образа мыслей, но съ коими сохранилъ связи до послѣдняго конца жизни, безъ чего, по мнѣнію моему, онъ весьма могъ обойтись. Это были секретари Саратовской колоніальной конторы, а наконецъ преважные люди и сенаторы: Иванъ Сергѣевичъ Ананьевскій и Петръ Ивановичъ Новосильцовъ.

Можетъ быть, въ толпѣ грубыхъ, жадныхъ чиновниковъ ему пріятно было найдти людей болѣе совѣтливыхъ, болѣе умѣренныхъ и благопристойныхъ. Тогда это было рѣдкостію и могло почитаться почти за честность; нынѣ это сдѣлалось весьма обыкновенно. Впрочемъ и нельзя было не полюбить г. Новосильцова за его рѣдкій умъ и необыкновенныя дарованія: они кривому подъячему открыли путь до степени государственнаго человѣка и дали семейству его притязанія и даже нѣкоторое право на знатность. Я помню, съ какимъ удовольствіемъ отецъ мой говаривалъ объ умѣ друга своего, Петра Ивановича; о другихъ качествахъ его онъ слова не говорилъ, и пусть мнѣ позволятъ въ семъ случаѣ послѣдовать его примѣру.

Въ Пензѣ было также два человѣка, съ коими отецъ мой имѣлъ тѣсныя, постоянныя связи. Первый изъ нихъ, Ефимъ Петровичъ Чемесовъ, былъ послѣднимъ Пензенскимъ воеводою и въ душѣ былъ старинный дворянинъ. Онъ отличался честностью, прямодушіемъ, веселонравіемъ, незлобіемъ и необычайнымъ здравымъ смысломъ; но по формамъ своимъ, по выраженіямъ, по пріемамъ, по самому произношенію словъ, казался даже и тогда запоздалымъ, казался выходцемъ изъ временъ допетровскихъ. Другой, Богданъ Ильичъ Огаревъ, былъ человѣкъ съ умомъ пріятнымъ и основательнымъ, твердыми и благородными правилами и, въ тогдашнее время, съ большими свѣдѣніями по части

---

*) Тогда егерскихъ полковъ не было, а семь или восемь батальоновъ составляли корпусъ, котораго шефомъ былъ обыкновенно одинъ изъ отличнѣйшихъ генераловъ. Батальоны назывались нумерами.

агрономической: сими одними средствами умѣлъ онъ умножить и безъ того уже довольно хорошее состояніе *).

Предъ отъѣздомъ изъ Пензы, родители мои имѣли прискорбіе лишиться той, которая для обоихъ была нѣжнѣйшею матерью. Время было тогда для Россіи самое несчастное; на Востокѣ свирѣпствовалъ Пугачевскій бунтъ и близился къ Пензѣ, на Югѣ чума и война съ Турками. Бѣдная мать моя должна была оторваться отъ теплаго гнѣзда своего, отъ всѣхъ привычекъ, отъ наслажденій первоначальной спокойной супружеской жизни. Она уже имѣла болѣе двадцати лѣтъ отъ роду, но совсѣмъ не знала свѣта, ибо Пензу можно было тогда назвать тьмою; но у нея былъ вѣрный и нѣжный путеводитель.

Батальонъ, въ который отецъ мой былъ назначенъ, находился тогда на Кубани. Счастіе ему не всегда благопріятствовало: вмѣсто того, чтобъ подъ знаменами Румянцова идти противъ Турокъ и въ блистательной войнѣ сдѣлать себѣ имя, или по крайней мѣрѣ съ Суворовымъ и Михельсономъ спасать отечество отъ внутреннихъ враговъ, онъ долженъ былъ въ безвѣстной, но не менѣе того въ опасной борьбѣ сражаться съ горцами и еще болѣе съ климатомъ и всякаго рода нуждами, среди пустыннаго края, тогда еще не населеннаго Черноморскими казаками. Закавказскія области намъ еще не принадлежали и, подстрекаемые Турками Черкесы всѣхъ наименованій, съ большею безопасностію, съ большею дерзостію на наши войска нападали. Въ это время мать моя жила попремѣнно то въ Черкасскѣ на Дону, то въ Таганрогѣ, то въ крѣпости Св. Димитрія, нынѣшнемъ Ростовѣ, убѣгая ужасовъ чумы и вездѣ ею настигаемая.

Наконецъ, насталъ миръ и тишина; мои родители посѣтили мирный уголокъ свой, который въ ихъ отсутствіе переставалъ быть мирнымъ, и многихъ знакомыхъ не нашли уже въ немъ; они погибли отъ Пугачева, и между прочимъ добрый пріятель отца моего, воевода Всеволожскій, который вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Гуляевымъ былъ сожженъ въ томъ домѣ, въ коемъ заперся отъ злодѣевъ. Изъ Пензы поспѣшили они въ Москву, чтобы видѣть извѣстное торжество на Ходынкѣ.

Матери моей, которая Петербургъ оставила почти въ ребячествѣ, въ первый разъ міръ представился въ такомъ блескѣ. Въ ея лѣта, съ ея воображеніемъ, Московскіе праздники оставили неизгладимыя впечатлѣнія, и она съ живостію умѣла ихъ передавать. Мнѣ всего памятнѣе одинъ разсказъ ея о мученіи, которое она съ великимъ терпѣніемъ перенесла. За полторы сутки до какого-то славнаго бала,

*) Я обоихъ знавалъ и помню. Первый изъ нихъ былъ мой крестный отецъ.

была она причесана рукою искуснѣйшаго тогда парикмахера, разумѣется Француза, который двое сутокъ сряду долженъ былъ работать надъ головами всѣхъ желавшихъ быть по модѣ. За то что за прическа! Все тутъ было: и бастіоны, и башни, и ленты, и цвѣты, и блонды, и пудра и помада, и все это воздымалось на аршинъ вышины надъ головою. Правда, и цѣна за то была неимовѣрная; кажется, пять рублей.

Между тѣмъ егерскій корпусъ, въ которомъ служилъ мой отецъ, былъ переведенъ въ страну не менѣе враждебную чѣмъ Кавказъ, но гораздо болѣе пріятную, въ Польшу. Туда отправились мои родители. Съ перваго раздѣла, Русскія войска почти не покидали Польши, хозяйничали въ ней и привыкали видѣть въ ней собственность своихъ царей. Сначала батальонъ отца моего стоялъ въ Люблинѣ, а наконецъ въ самой Варшавѣ.

Природа гораздо сильнѣе искусства; иныхъ женщинъ она одаряетъ такими граціями, которыхъ одно послѣднее дать никакъ не въ состояніи. И потому-то посреди образованныхъ, ловкихъ Полекъ, превосходнѣйшихъ кокетокъ въ мірѣ, мать моя не чувствовала ихъ превосходства и въ глазахъ супруга ничего не теряла отъ сравненія съ ними. Напротивъ того, видя молодую Москальку, умную, пріятную, безъ притворства, безъ претензій, Польскія дамы сами полюбили ее до того, что, наконецъ, и самой ей сдѣлались милы, и сію склонность сохранила она цѣлую жизнь.

Что́ касается до Поляковъ, то въ послѣдствіи она имѣла случай удостовѣриться въ недоброхотствѣ ихъ къ Россіи, а во время пребыванія въ Варшавѣ ничего непріязненнаго не замѣтила: изъ уваженія ли къ дамѣ, скрывали отъ нея вражду къ ея націи, или изъ страха передъ одною знамѣнитѣйшею Русскою дамой, Екатериною Второй? Отцу моему они также показывали любовь и уваженіе, можетъ быть потому, что онъ самъ отличался вѣжливостію формъ отъ другихъ Русскихъ начальниковъ, которые, по правдѣ сказать, мало тамъ церемонились, въ особенности же начальникъ отца моего, генералъ-поручикъ Романіусъ (о которомъ впрочемъ онъ всегда съ большими похвалами отзывался) и пріятель его, гусарскій полковникъ Древицъ, который для Поляковъ былъ истинно несносенъ. Они не могли имѣть противъ нихъ нашей національной вражды, а это была просто жестокость, грубость, которою въ завоеванныхъ земляхъ отличались Нѣмецкіе воины, со временъ Тридцатилѣтней войны.

По случаю рожденія перваго внука Екатерины, столь славнаго Александра Павловича, было во всей арміи большое производство по старшинству. Въ сіе производство попалъ и отецъ мой: онъ пожало-

ванъ полковникомъ въ Нарвскій карабинерный полкъ, сверхъ комплекта [1]). Тогда полковникъ было и чинъ, и мѣсто; названіе полковыхъ командировъ не было употребляемо, а полковники, не имѣющіе полковъ, были приписываемы къ нимъ сверхъ комплекта, какъ бы за урядъ, и могли за то къ нимъ почти и не являться и жить гдѣ угодно, въ ожиданіи назначенія. И потому-то отецъ мой возвратился опять въ свое помѣстье.

Недолго однакоже могъ онъ подышать свободой и заняться хозяйствомъ: ему скоро дали Алексопольскій пѣхотный полкъ, который былъ расположенъ на берегахъ Днѣпра, во вновь занятыхъ тогда степяхъ Новороссійскаго края.

Умы были тогда наполнены Греціей и Востокомъ, которые были любимою мечтой Екатерины. Только не задолго до кончины своей, разсталась она съ нею, когда она уступила мѣсто печальнымъ истинамъ съ Запада, и тогда, вмѣсто того, чтобы разить враговъ просвѣщенія, Екатерина должна была помышлять о борьбѣ съ ужасными его распространителями. Но сіе время еще не пришло, и въ южномъ краѣ, на дорогѣ ведущей въ Константинополь, учреждались этапы и украшались звучными именами не существующихъ Греческихъ городовъ.

Въ память древняго Херсона, гдѣ Св. Владиміръ воспріялъ крещеніе, одинъ изъ подданныхъ Екатерины, но могуществомъ равный сильнѣйшимъ царямъ, захотѣлъ, при устьѣ Днѣпра, поставить новый городъ, такъ сказать, южный Петербургъ. Въ князѣ Потемкинѣ простительно желаніе быть Петромъ Великимъ, когда Россія и понынѣ полна создателей и преобразователей.

Итакъ начали строить Херсонъ. Читателямъ моимъ уже извѣстна страсть моего отца къ архитектурѣ; онъ тутъ находился съ полкомъ. Какое поле или, лучше сказать, какая степь представилась тогда для его дѣятельности! Неутомимо, безвозмездно началъ онъ трудиться надъ планами, и первый красивый домъ построилъ для себя (въ послѣдствіи съ убыткомъ онъ долженъ былъ продать его въ казну). Сіи занятія сблизили его, сдружили съ однимъ «Негромъ, какихъ мало бываетъ бѣлыхъ» [2]), съ извѣстнымъ инженеръ-генералъ-поручикомъ Иваномъ Абрамовичемъ Ганнибаломъ, главнымъ производителемъ, какъ крѣпостныхъ, такъ и строительныхъ работъ.

Явился самъ Потемкинъ. Быстрота исполненія его воли никакъ его не удивила: едва ли Наполеону были люди болѣе послушны. По-

---

[1]) Карабинерные полки были тогда кавалерійскіе на подобіе драгунскихъ.

[2]) Названіе одного романа, впрочемъ не весьма замѣчательнаго, нынѣ совсѣмъ забытаго.

добно ему, окруженный лестію и подлостями, Потемкинъ съ трудомъ могъ отличить отъ нихъ долгъ строгой подчиненности и искреннее уваженіе къ его высокимъ дарованіямъ. И потому-то отецъ мой остался въ толпѣ безчисленныхъ, мало извѣстныхъ ему поклонниковъ и былъ мало замѣченъ такимъ человѣкомъ, который умѣлъ отдавать справедливость достоинствамъ, когда могъ до нихъ добраться. Въ младенчествѣ моемъ я такъ много слышалъ о семъ гигантѣ, столь внезапно свалившемся тогда во гробъ, что мнѣ невозможно, хотя вкратцѣ, не изобразить его.

Невиданную еще дотолѣ въ вельможѣ силу свою онъ никогда не употреблялъ во зло. Онъ былъ вовсе не мстителенъ, не злопамятенъ; а его всѣ боялись. Онъ былъ отваженъ, властолюбивъ, иногда лѣнивъ до неподвижности, а иногда дѣятеленъ до невозможности. Однимъ словомъ, въ немъ видно было все, чѣмъ славится Русскій народъ, и все то, чѣмъ по справедливости его упрекаютъ; а со всѣмъ тѣмъ онъ Русскими не былъ любимъ. Сіе покажется загадкой, а ее можно объяснить весьма естественно. Не одна привязанность къ нему Императрицы давала ему сіе могущество, но полученная имъ отъ природы нравственная сила характера и ума ему все покоряла: въ немъ страшились не того, что̀ онъ дѣлаетъ, а того, что̀ можетъ дѣлать. Бранныхъ, ругательныхъ словъ, кои многіе изъ начальниковъ себѣ позволяли съ подчиненными, отъ него никто не слыхивалъ; въ немъ совсѣмъ не было того, что̀ привыкли мы называть спѣсью. Но въ простомъ его обхожденіи было нѣчто особенно-обидное; взоръ его, всѣ тѣлодвиженія, казалось, говорили присутствующимъ: «вы не стоите моего гнѣва». Его невзыскательность, снисходительность весьма очевидно проистекали отъ неистощимаго его презрѣнія къ людямъ; а чѣмъ можно болѣе оскорбить ихъ самолюбіе?

Его разсѣянно-прихотливый взглядъ въ обществахъ иногда останавливался или, лучше сказать, скользилъ на пріятномъ лицѣ моей матери. Сего достаточно было, чтобы встревожить совсѣмъ не ревниваго, но благородно-самолюбиваго отца моего. Въ одинъ вечеръ, звѣздоносные шуты тѣшили свѣтлѣйшаго разговорами о женской красотѣ; одинъ изъ нихъ объявилъ, что онъ никогда не видалъ столь прелестной маленькой ножки, какъ у моей матери. «Неужели?» сказалъ Потемкинъ. «Я не примѣтилъ. Когда-нибудь приглашу ее къ себѣ и попрошу показать мнѣ безъ чулка». И не прошло двухъ дней, какъ мой отецъ узналъ о семъ разговорѣ. Можно себѣ вообразить страхъ и гнѣвъ, коимъ онъ вскипѣлъ; онъ представлялъ себѣ отчаяніе супруги, еслибъ ей осмѣлились сдѣлать столь обидное предложеніе. Для предупрежденія всякихъ непріятностей, онъ упросилъ ее отправиться немед-

ленно въ деревню; ничего не подозрѣвая, она изумилась, но должна была повиноваться.

Нѣсколько времени спустя послѣ сей домашней тревоги, о коей виновникъ ея вовсе ничего не зналъ, прибылъ въ Херсонъ Виртембергской принцъ Фридрихъ, для командованія дивизіей, въ которой находился мой отецъ. Это было самое умное и самое капризное созданіе въ мірѣ, столь извѣстный послѣ толстый король Виртембергскій. Уваженія къ высокой его особѣ, точнаго исполненія своихъ обязанностей недостаточно было, чтобъ угодить ему; онъ требовалъ.... онъ требовалъ Богъ знаетъ чего; своенравію, странностямъ его не было предѣловъ. Съ такимъ начальникомъ трудно было ужиться отцу моему; съ перваго взгляда онъ не полюбился Монбельярскому принцу, который всячески началъ его тѣснить, а какъ онъ былъ тиранъ въ полномъ смыслѣ сего слова и тиранъ искусный, то скоро положеніе отца моего сдѣлалось несноснымъ.

Князь Потемкинъ не очень баловалъ Нѣмецкихъ принцевъ, въ нашей службѣ находившихся. Глядя на нихъ не только съ той высоты, на которой стояла тогда Россія, но съ той, на которую мечталъ онъ вознести ее, они казались ему менѣе чѣмъ ничто; но родному брату супруги наслѣдника Россійскаго престола онъ долженъ былъ невольно показывать болѣе уваженія. Со всѣмъ тѣмъ, однакоже, онъ будто наперекоръ ему сталъ болѣе покровительствовать моему отцу. Такъ продолжалось нѣсколько времени до тѣхъ поръ, какъ взаимныя жалобы ихъ наскучили князю Потемкину, и онъ рѣшился развести ихъ. Въ разлукѣ съ женою, съ дѣтьми, посреди такихъ непріятностей, моему отцу самому желательно было отойти съ честію.

Онъ былъ уже лѣтъ семь полковникомъ; ему доставалось въ бригадиры, а въ семъ чинѣ немногимъ оставляли полки. Потемкинъ представилъ его къ чину и вмѣстѣ съ тѣмъ полкъ его отдалъ другому. Сіе не совсѣмъ было пріятно, но дѣлать было нечего: онъ былъ, по крайней мѣрѣ, утѣшенъ мыслію близкаго свиданія съ семействомъ и вскорѣ потомъ отправился въ Пензу. Возвратившись туда, онъ недолго дожидался производства: онъ получилъ бригадирскій чинъ, но съ назначеніемъ къ опредѣленію въ оберъ-комендантскую или комендантскую должность *).

---

*) Чтобы генеральскому чину дать болѣе важности, изъ полковниковъ не прямо въ него жаловали: для того надобно было въ бригадирахъ года два подождать. Нѣкоторыхъ считали неспособными къ продолженію военной службы; они оставались въ армейскихъ спискахъ и были кандидатами на губернаторскія или комендантскія мѣста; они въ семъ положеніи иногда цѣлый вѣкъ оставались. Екатерина Вторая всегда призывала къ себѣ тѣхъ, кои были представлены въ губернаторы, нѣсколько разъ разговаривала съ

Не прошло года по прибытіи отца моего въ Пензенскую деревню свою Симбухино, какъ я въ ней родился, среди сельской тишины. Здѣсь кончается біографія моихъ родителей и начинается моя собственная; скоро перестану я быть разскащикомъ слышаннаго, а сдѣлаюсь повѣствователемъ видѣннаго мною.

Я всегда уважалъ старшинство, и потому прежде нежели буду говорить о себѣ, считаю долгомъ поименовать братьевъ и сестеръ, прежде меня увидѣвшихъ свѣтъ. Я уже сказалъ, что сестра моя Елисавета родилась въ 1774 году; послѣ нея Наталья въ 1775-мъ, потомъ братъ Александръ въ 1776-мъ, за нимъ Павелъ въ 1777-мъ и наконецъ Николай въ 1778-мъ. Изъ нихъ одинъ только Александръ жилъ недолго; другіе же всѣ достигли совершеннолѣтія, а нѣкоторые и старости. Первыя пять лѣтъ мои родители всякій годъ имѣли дѣтей; потомъ моя мать начала родить рѣже, но все-таки до меня еще было три сестры, Катерина, Мавра и Анна, изъ коихъ первая умерла пяти лѣтъ, а другія двѣ въ колыбели (читатель не избѣжитъ со мною ни малѣйшей подробности, до семейства моего касающейся). Послѣ меня, черезъ пять лѣтъ, родилась сестра Александра, которая и донынѣ находится въ живыхъ.

Я былъ еще на рукахъ кормилицы, когда въ жизни моихъ родителей произошла важная перемѣна. Вотъ какъ сіе случилось. Князь Потемкинъ, наконецъ, поссорился съ Виртембергскимъ принцемъ и, такъ сказать, почти его прогналъ. Одинъ изъ его любимцевъ, Василій Степановичъ Поповъ, съ которымъ отецъ мой былъ хорошо знакомъ, но не имѣлъ никакихъ связей, разговорился объ немъ съ княземъ и представилъ какъ жертву своенравія принца. Потемкинъ былъ великодушенъ, какъ всѣ люди сильные и умные: онъ началъ съ того, что бригадиру, почти въ отставкѣ жившему, доставилъ генералъ-майорскій чинъ, а потомъ чрезъ г. Попова прислалъ ему письмо, адресованное на имя тогдашняго статсъ-секретаря (послѣ канцлера) Безбородки. Въ семъ письмѣ, выражаясь съ величайшимъ участіемъ о своемъ кліентѣ, онъ требовалъ повелительно, чтобъ ему дано было первое вакантное мѣсто, согласно съ его желаніемъ.

Съ симъ письмомъ оставалось только отцу моему поскакать въ Петербургъ: съ такимъ талисманомъ въ рукѣ хлопотать ему тамъ было нечего. Безбородко объявилъ ему, что открываются двѣ вакансіи: Оло-

---

ними и, не прежде какъ убѣдясь въ ихъ способностяхъ, ихъ къ мѣсту опредѣляла. Заслуженные же, но менѣе способные, назначались въ оберъ-коменданты. Сіи послѣдніе, исключая главной крѣпости, имѣли цѣлый рядъ крѣпостей и гарнизоновъ въ своемъ вѣдѣніи, и сверхъ настоящей своей должности были то, что нынѣ называютъ окружные начальники внутренней стражи.

нецкаго губернатора и Кіевскаго оберъ-коменданта. Онъ предпочелъ послѣднее изъ сихъ двухъ мѣстъ, въ хорошемъ климатѣ, почетное, спокойное и законно-прибыльное, ибо доходы съ тысячи душъ давались на содержаніе занимавшихъ оное: Сіе мѣсто было обѣщано другому, но нельзя было идти противъ воли Потемкина.

Отцу моему было тогда отъ роду 47 лѣтъ. Въ эти лѣта еще позволено бы было помышлять о почестяхъ, о дальнѣйшемъ возвышеніи; но тогда, не такъ какъ въ наше время, довольствовались малымъ и вѣрнымъ, умѣли на пути честей останавливаться. Я не смѣю роптать на отца моего за его выборъ; не могу однакоже не пожалѣть о томъ, что онъ не предпочелъ губернаторское мѣсто, хотя въ каменистой, безлюдной Олонецкой губерніи. Это былъ для него единственный случай сдѣлаться лично извѣстнымъ Императрицѣ; а онъ долженъ былъ знать, что съ нею даромъ никто уменъ не бывалъ.

Кіевъ для меня вторая родина, и потому-то намѣренъ я посвятить ему слѣдующую главу.

VI.

Весною 1788 года, мать моя съ довольно-многочисленнымъ семействомъ изъ Пензы отправилась къ отцу моему, на постоянное жительство въ Кіевъ, гдѣ онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ находился. Я былъ тогда еще такъ малъ, что этого даже и какъ во снѣ не помню.

Кіевъ! При имени его бьется еще и понынѣ охладѣвшее мое сердце, изъ потухающихъ глазъ моихъ воспоминаніе о немъ еще и понынѣ способно извлекать слезы. Въ теченіи всей жизни моей, ничего прекраснѣе мнѣ не казалось, какъ первые предметы, которые въ немъ поражали младенческіе мои взоры. Подобно Іерусалиму, сей праотецъ градовъ южной и западной Россіи долго стеналъ подъ игомъ невѣрныхъ; какъ мусульмане у дверей гроба Господня продаютъ христіанамъ позволеніе поклониться ему, такъ Евреи у Поляковъ держали въ немъ на откупѣ православные храмы и безъ платы молящихся въ нихъ не пускали. Уже болѣе полутораста лѣтъ возвращенъ онъ былъ Россіи, а язвы, нанесенныя ему Татарами, Литвою, но болѣе всего Польскимъ правительствомъ, еще не исцѣлились.

Городъ сей тѣмъ болѣе былъ примѣчателенъ, что вездѣ являлъ контрасты: нищету и великолѣпіе. Безчисленные храмы его съ позлащенными, какъ жаръ горящими куполами, были окружены низкими, едва надъ землею замѣтными хатами; огромныя, живописныя горы служили ему подножіемъ, а позади его разстилались необозримыя, безко-

нечныя равнины; съ одной стороны была спокойная, величественная Россія, съ другой бунтующая, истерзанная Польша *).

Въ Кіевопечерской крѣпости, гдѣ Лавра и пещеры, въ священномъ Сіонѣ древней Россіи, посреди святыни, примѣровъ благочестія и великихъ отечественныхъ воспоминаній, возрасло счастливое мое младенчество. Тамъ набожная мать и сестры учили меня молиться; тамъ почтенный отецъ не столько словами, сколько примѣромъ, научалъ меня почитать добродѣтель; тамъ все ласкало, нѣжило, лелѣяло меня.

Посреди воспоминаній того быстро протекшаго времени, подобныхъ сладчайшему сну, является мнѣ одна старушка, няня моя или мама, какъ ее называли. Слово мама происходитъ отъ названія матери, и потому-то оно было приличнѣе моей незабвенной Аксиньѣ Ивановнѣ. Своею грудью она вскормила мать мою и потомъ всѣхъ дѣтей ея имѣла на своихъ рукахъ и воспитывала до семилѣтняго возраста. Она была старинная, Русская крѣпостная женщина, не Англичанка, не Швейцарка; но ея усердіе, ея нѣжныя объ насъ попеченія едва не болѣе были для насъ полезны, чѣмъ бы наемная привязанность этихъ иноземокъ. Теперь дѣло другое; но моя мамушка принадлежала къ такому времени, когда господа немного поменѣе чадъ своихъ любили своихъ домочадцевъ, и когда въ глазахъ сихъ послѣднихъ господская власть смягчалась и украшалась отеческою. Просвѣщеніе все это измѣнило; чѣмъ болѣе окцидентальный духъ на̀чалъ между нами распространяться, тѣмъ болѣе рабъ и скотъ, плантація и деревня, начали имѣть въ глазахъ нашихъ одинаковое значеніе. Трудно было бы Простакову съ Еремеевной найти до Петра Великаго и нѣсколько времени послѣ него, и хотя утверждаютъ, что комедія *Недоросль* есть картина нашего варварства—неправда: она изображаетъ только полупросвѣщеніе Русскихъ.

Но возвратимся къ Аксиньѣ Ивановнѣ. Она выросла въ домѣ предковъ моихъ по матери, коихъ просвѣщеніе тогдашняго времени, видно, не коснулось, и она всегда съ любовію и слезами объ нихъ вспоминала. Все, что̀ преданность имѣетъ благороднаго, являла въ себѣ сія старуха; почтительно и смѣло говорила она съ моими родителями, нѣжно и строго обходилась со мною. Слово: барское дитя, много для нея значило: но оно все-таки было дитя, и она съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣла журить и унимать меня. Сохраненію моего здоровья жертвовала она безпрестанно собственнымъ; сего мало, ей обязанъ я и первымъ нравственнымъ воспитаніемъ. Дѣтскимъ языкомъ, приноровленнымъ къ моимъ понятіямъ, говорила она мнѣ о Богѣ, объ

*) Польская граница находилась тогда въ Васильковѣ, въ 35 верстахъ отъ Кіева.

обязанностяхъ къ Нему человѣка, о любви къ родителямъ, о любви къ ближнему. Даръ Божій была для меня женщина сія.

Была еще другая, о которой съ равнымъ почти удовольствіемъ вспоминаю: жена гарнизоннаго прапорщика, Василиса Тихоновна (фамильнаго имени ея не запомню, потому что у насъ въ домѣ мало объ немъ заботились). Она была природная, чрезвычайно бѣдная Новгородская дворянка, сбытая съ рукъ, вытолкнутая замужъ за проходившаго съ полкомъ столь же бѣднаго офицера. Умная и пріятная женщина, воспитаніе ея было незавидное до того, что она не умѣла грамотѣ; со всѣмъ тѣмъ, ей, дворянкѣ, не могло быть весело водиться съ другими гарнизонными офицершами, совсѣмъ необразованными солдатскими дочерьми; а въ тогдашнее время (я думаю еще и въ нынѣшнее) трудно было прапорщицѣ попасть въ общество къ генеральшѣ. Она однакоже нашла туда дорогу, не искавши ея.

Она повадилась ходить къ Аксиньѣ Ивановнѣ, также умной женщинѣ, хотя и не дворянкѣ: гости ея, разумѣется, не могли быть посѣтителями моей матери, но я пристрастился къ Василисѣ Тихоновнѣ. Она была дородная, свѣжая женщина, лѣтъ сорока; каждая черта ея румяно-смуглаго лица выражала веселость, умъ и доброту, свойства, которыя уже въ малолѣтствѣ имѣли для меня притягательную силу. Но всего привлекательнѣе была для меня ея память и просвѣщенная страсть къ повѣстямъ: мужа и кого умѣла найти пограмотнѣе заставляла она по цѣлымъ вечерамъ читать себѣ романы. *Бову Королевича*, *Петра Золотыхъ Ключей* она терпѣть не могла, вообще сказокъ не любила, но плѣнялась *Тысячью и одною ночью*, прислушиваясь со вниманіемъ; всѣ ихъ знала наизусть и мнѣ потомъ разсказывала; однимъ словомъ, была моя Шехеразада. Бывало только и рѣчей у меня, что объ ней, когда приведутъ меня къ матери. Ей стало любопытно узнать плѣнившую меня красоту; она сама полюбила ее, и сія женщина сдѣлалась наконецъ у насъ домашнею.

Кругъ знакомства моей мамушки былъ довольно отборный. У нея еще было два пріятеля, которые посѣщали ее и слѣдственно и меня. Первый, отецъ Степанъ, духовникъ нашего семейства и священникъ комендантской Воскресенской церкви и Кіевскихъ гарнизонныхъ батальоновъ; другой, Евстафій Яковлевичъ Яновскій, штабъ лѣкарь тѣхъ же батальоновъ и нашъ домашній тѣлесный врачъ, какъ тотъ былъ духовный. Не могу судить о искусствѣ послѣдняго (ибо, сколько припомню, у насъ въ домѣ всѣ и всегда были здоровы); но помню, что онъ былъ весьма пріятный человѣкъ, небольшаго роста, съ живымъ веселымъ взглядомъ, постоянною улыбкой на устахъ и маленькою лысиной на головѣ, которая не только не безобразила его, но въ цѣ-

ломъ еще умножала оригинальную его пріятность. Онъ былъ Кіевскій бурсакъ, то-есть учился въ духовной академіи; Малороссійскимъ нарѣчіемъ онъ съ жаромъ разсказывалъ происшествія своей Украйны. Отецъ Степанъ разсказывалъ мнѣ про Адама, про Еву, про грѣхопаденіе, Ноевъ ковчегъ и прочее; мамушка про Русскую старину; Василиса Тихоновна сказывала сказки. Я весь былъ слухъ, весь вниманіе, и издали приготовлялся былъ самъ разскащикомъ.

Во дни оны, Кіевъ былъ проѣзжій, пограничный городъ и почти столица Малороссіи; кругомъ его были расположены войска; въ немъ стекались и воинскія чиновныя лица, и Украинскіе помѣщики по дѣламъ и тяжбамъ, и Великороссійскіе набожные дворяне съ семействами для поклоненія святымъ мощамъ, и, наконецъ, просто путешественники, которые для развлеченія посѣщали тогда южную Россію, какъ нынѣ ѣздятъ въ чужіе края. Сосѣдство съ Польшей, оборонительныя мѣры давали много заботъ отцу моему, и должность Кіевскаго коменданта была тогда совсѣмъ не синекурой, какъ она послѣ сдѣлалась. Къ тому же съ Европейскимъ вкусомъ и Нѣмецкою бережливостію онъ соединялъ Русское хлѣбосольство и былъ, какъ тогда называлось, мастеръ жить. Мѣсто, имъ занимаемое, давало ему средства быть гостепріимнымъ, и онъ всѣхъ порядочныхъ людей радушно угощалъ. Съ утра до вечера нашъ домъ былъ наполненъ гостями.

Ему оставалось тогда мало времени думать о моемъ болѣе растительномъ воспитаніи. У матери моей было также много занятій: повинуясь волѣ отца моего, она большую часть дня должна была посвящать принятію гостей, а утро занималась хозяйственными дѣлами и воспитаніемъ дочерей, которыя подрастали и близились къ возрасту невѣстъ. Опытъ показалъ ей, что можно положиться на Аксинью Ивановну, и она ограничивалась со мною ласками, поцѣлуями, предоставляя маленькія строгости кормилицѣ своей.

Меня довольно часто водили въ гостиную. Тамъ видѣлъ я и ленты, и звѣзды, и много чопорныхъ разряженныхъ барынь. Въ угожденіе ли матери моей или дѣйствительно я былъ такъ миловиденъ, всѣ въ запуски меня хвалили; все мнѣ позволялось: кататься кубаремъ, лазить по кресламъ, любой вѣшаться на шею; кажется, житье бы мнѣ тамъ, а меня все тянуло домой. Какой-то инстинктъ давалъ мнѣ понимать, что въ одномъ мѣстѣ мною забавляются, а въ другомъ меня забавляютъ, и съ первымъ развитіемъ мыслей уже раждалось во мнѣ самолюбіе. Такимъ образомъ всегда предпочиталъ я свое мѣщанское общество чиновной Кіевской аристократіи и свою дѣтскую гостиной моей матери. Чего у меня не было въ дѣтской? И Аксинья Ивановна, и

Василиса Тихоновна! Прибавить ли еще моську Азорку, первую и последнюю собаку, которую я любилъ.

Увы, куда я забрелъ съ своими воспоминаніями! Я чувствую, что въ разсказѣ моемъ нѣтъ ничего занимательнаго; но какой жестокій читатель не проститъ мнѣ продолжительнаго взгляда, который, можетъ быть, въ послѣдній разъ я бросаю на столь же отдаленную, какъ и памятную эпоху моей жизни? Сквозь тьму временъ все еще блеститъ оно мнѣ, сіе время непорочности моей и совершеннаго благополучія.

Золотой вѣкъ мой, сіе блаженное время недолго продолжалось: тогда воспитаніе рано начиналось и оканчивалось. Едва исполнилось мнѣ семь лѣтъ, какъ мнѣ наняли учителя. При братьяхъ моихъ находился одинъ, какъ говорятъ, весьма ученый г. Гагеръ; я долженъ былъ наслѣдовать имъ въ его попеченіяхъ. Но онъ пожелалъ возвратиться въ Германію, свое отечество; ихъ отправили въ Петербургъ, въ пансіонъ, сколько припомню, г. Девеля, а ко мнѣ взяли другаго Нѣмца, Христіана Ивановича Мута.

Уже нѣсколько лѣтъ свирѣпствовала тогда революція. Первые ея взрывы уже сбросили мишурную поверхность блестящихъ аристократическихъ обществъ, а вскорѣ потомъ изъ нѣдръ Франціи цѣлые потоки невѣжественнаго дворянства полились на сосѣднія страны, Англію, Германію, Италію. Бѣжать сдѣлалось славою высшихъ Французскихъ сословій, и какъ господа сіи умѣютъ все облекать пышными фразами и щеголеватыми формами, то побѣгъ назвался эмиграціей. Остались во Франціи нѣсколько знаменитыхъ, великодушныхъ жертвъ и святый мученикъ, бывшій король. Его вѣрные подданные издали, внѣ опасностей, старались защищать его воплями и интригами. Со свойственнымъ имъ легкомысліемъ, на унесенныя съ собою деньги и драгоцѣнности жили они весело и роскошно, ожидая нетерпѣливо минуты возвращенія и мести. Она не пришла, они все прожили, все издержали; надобно было подумать, какъ и чѣмъ промышлять. Отъ познаній эмигрантовъ Нѣмецкая и Англійская ученость не могла ожидать великой пользы: Французская литература въ сихъ земляхъ мало уважалась. Въ Италіи науки были дѣло постороннее, но по художественной части тамъ на Французовъ смотрѣли съ презрѣніемъ, и Гужоны, Жирардоны, Пуссены и Ле-Сюёры едва ли тамъ почитались ваятелями и живописцами. Какъ быть? Французы думаютъ недолго, а иногда и ничего не думаютъ; прежнія свои склонности, служившія имъ забавою, они поспѣшили обратить въ пользу. Франція есть царство и отчизна моды; посредствомъ скипетра ея съ гремушками она владычествуетъ надъ просвѣщенною Европой; въ поваренномъ искусствѣ Французская школа не въ шутку имѣетъ превосходство предъ всѣми другими; во Фран-

ціи всякій родится комедіантомъ, тамъ все поддѣльное, все театральное, все нарумяненное, налакированное; и слава Богу, ибо природа людей ужасаетъ тамъ наготой. Сынамъ сей благословенной страны можно было въ другихъ земляхъ не умирать съ голоду. Многіе изъ нихъ пошли въ актеры и составили труппы въ Гамбургѣ, Брауншвейгѣ и другихъ мѣстахъ; для инаго бывшаго артилериста кухонный огонь замѣнилъ боевый, и на столы гастрономовъ онъ началъ пускать bombes à la Sardanapale; познакомились тогда Нѣмецкія уста съ бешамелемъ, майонезами, но—хвала имъ!—все не отставая отъ родимаго бирсупа и жаренаго митъ-пфлауменъ-ундъ-розиненъ; иной щеголь началъ шить дамскія платья или башмаки, а иной причесывать букли и сочинять шиньоны; однимъ словомъ, кто во что́ гораздъ!

Но потребность забавъ была не въ соразмѣрности съ числомъ забавниковъ, безпрестанно умножавшимся. Нѣмцы мастера избавляться отъ докучливыхъ и вредныхъ гостей; какъ нѣкогда Жидовъ, въ царствованіе Казимира Великаго, уступили они Польшѣ, такъ Французамъ указали на Россію, страну сѣверную, гдѣ дикая природа людей ожидаетъ искусныхъ рукъ воздѣлывателей. Почуя Русскій хлѣбъ, голодные искусники какъ съ цѣпи сорвались, большими стаями ринулись на бѣдную Русь и начали ее просвѣщать по своему. Отецъ мой былъ до нихъ небольшой охотникъ; а впрочемъ когда началось мое ученіе, то и взять ихъ было негдѣ, ибо они въ небольшомъ еще числѣ начали только появляться въ столицахъ. И такъ, по счастью моему, мнѣ на участь достался Нѣмецъ.

Я распространился о такомъ предметѣ, который повидимому не имѣетъ никакого отношенія къ моему воспитанію; но какъ въ послѣдствіи Французская образованность имѣла большое вліяніе на судьбу мою, то я счелъ приличнымъ здѣсь означить начало зла, въ моихъ глазахъ по всей Россіи распространеннаго.

Трудно вообразить себѣ мое отчаяніе, когда изъ нѣжныхъ рукъ моей мамушки упалъ я въ холодныя лапы Германскаго педагога. Я помню только одно, первую ночь, которую провелъ я въ одной съ нимъ комнатѣ, а уже не въ дѣтской: я не могъ заснуть и всю ночь сію горько проплакалъ. Видъ его не суровый и не нѣжный, обхожденіе его не строгое, но и не ласковое, изумляли и мертвили меня, пріученнаго къ демонстраціямъ. Въ глазахъ моихъ въ немъ все напоминало отца моего; но между мною и имъ были всегда нѣжные посредники, мать и сестры, тогда какъ съ учителемъ долженъ былъ я находиться въ безпрерывныхъ, самыхъ близкихъ сношеніяхъ.

Сказать ли истину? Я только поздно узналъ всю цѣну почтеннаго моего родителя. У него были особенныя понятія насчетъ важности

отеческихъ обязанностей; онѣ казались ему какимъ-то священнодѣйствіемъ, и малѣйшая фамиліярность, особенно съ сыновьями, по мнѣнію его, унижала его въ глазахъ ихъ. Равномѣрно воздерживался онъ съ ними и отъ изъявленій гнѣва; нравоученія дѣлалъ рѣдко, и они имѣли всю краткость оракуловъ; онъ произносилъ ихъ тихо и внятно, но потомъ не дозволялъ ни возраженій, ни даже вопросовъ. Никогда рука его не ласкала моего ребячества, никогда не подымалась на меня для наказанія, и потому-то въ чувствѣ, которое поселилъ онъ во мнѣ, была не любовь, а нѣчто богобоязненное. Можетъ быть, все это весьма нужно съ другими дѣтьми; но у меня оно отняло много счастія, и мнѣ кажется, что и самого Бога, Отца вселенной, надобно представлять дѣтямъ не столько грознымъ судіей, какъ пучиной благости.

Въ послѣдствіи, когда я уже началъ подростать, были нѣкоторые случаи, въ которые, можно сказать, вся страсть его ко мнѣ, долго удержанная, вдругъ, какъ будто противъ воли его, съ необычайною силой обнаруживалась. Я не смѣлъ вѣрить счастію своему, тѣмъ болѣе что вскорѣ потомъ спѣшилъ онъ принять со мною свой прежній, безстрастный и холодный видъ. Родитель строгій и нѣжный! Не смѣю упрекать священную тѣнь твою: ты всѣмъ жертвовалъ тому, что́ почиталъ своимъ долгомъ; но еслибы ранѣе открылъ мнѣ сокровища твоего сердца, то и въ моемъ ранѣе бы увидѣлъ способность любить тебя и добродѣтель.

Съ матерью моею было дѣло совсѣмъ другое: съ нею зналъ я печали и радости, и гнѣвъ, и нѣжнѣйшіе восторги, и слезы, и поцѣлуи; ея владычеству отдано было первоначальное мое воспитаніе; отъ нея получалъ я всѣ первыя впечатлѣнія; и отъ того удивительно ли, что и съ сѣдыми волосами сохранилъ я раздражительность почти женскую и всю пылкость юноши? Но возвратимся къ первому учителю, отъ котораго я безпрестанно отхожу.

Онъ былъ человѣкъ умный и холодный только по наружности. Онъ прибылъ въ Россію въ царствованіе Екатерины, когда блистательнѣйшая изъ Нѣмокъ землякамъ своимъ подавала примѣръ любви и уваженія къ Россіи. Онъ жилъ сначала у Переяславскаго коменданта подполковника Фонъ-Фока, подчиненнаго и друга отца моего, и воспитывалъ старшаго сына его, столь извѣстнаго потомъ Максима Яковлевича. Когда воспитаніе сего послѣдняго кончилось, и его отправили на службу, то Фонъ-Фокъ предложилъ г. Мута для меня въ наставники. Его приняли съ радостію; ибо Адамовъ Адамычей Вральмановъ было тогда довольно въ Россіи, но люди съ нѣкоторыми дарованіями и познаніями были очень рѣдки. Ему самому было довольно лестно перейти изъ комендантскаго дома въ оберъ-комендантскій: онъ

видѣлъ въ этомъ какое-то повышеніе. Вспомнимъ, что онъ былъ Нѣмецъ, и что мѣста и чины уважались тогда не по нынѣшнему.

Сей человѣкъ не только не позволялъ себѣ говорить съ презрѣніемъ о нашихъ обычаяхъ, сколь бы они странны ни казались, но даже они освящались въ глазахъ его древностію. Впрочемъ сіе происходило, можетъ быть, не столько отъ уваженія къ Русскимъ, сколько отъ природной доброты и душевнаго расположенія видѣть во всемъ хорошую сторону. Онъ былъ Лютеранинъ, а всегда отзывался съ похвалами о папѣ, о великолѣпіяхъ духовнаго Рима; остроуміе Французовъ плѣняло его, равно какъ и основательность и разсчетливость Англичанъ. Въ добротѣ и злости, въ умѣ и въ глупости нравились ему разнообразные виды, въ коихъ является природа. Странный человѣкъ: онъ готовъ былъ также хвалить силу медвѣдя, неукротимость тигра, какъ и вѣрность собаки. Изъ сего можно бы заключить, что онъ былъ весьма нестрогихъ правилъ; напротивъ, въ разнообразіи природы онъ искалъ для себя и для воспитанника своего все, что̀ ему казалось лучшимъ.

Еще до г. Мута училъ уже меня Русской грамотѣ по Псалтырю и Часослову нашъ крѣпостной, молодой человѣкъ Александръ Никитинъ, родъ дядьки при братьяхъ моихъ. Разумѣется, я рѣдко принимался за книгу, но метода моего Русскаго учителя была прекрасная: сколь бы ни ничтожны были успѣхи мои въ чтеніи, онъ всегда дивился чудесной понятливости маленькаго барина и тѣмъ возбуждалъ меня къ новымъ чудесамъ. Совсѣмъ противное дѣлалъ г. Мутъ: часто пожималъ онъ плечами, съ состраданіемъ говоря о моей безтолковости; наказывалъ рѣдко и то за явныя ослушанія, и какъ наказывалъ! Ставилъ въ уголъ, на колѣни, а иногда билъ по рукамъ линейкой.

Съ дѣтскимъ простодушіемъ человѣкъ сей соединялъ самую чистѣйшую нравственность; вся жизнь его казалась изъявленіемъ благодарности къ Творцу за то, что Онъ въ глазахъ его такъ украсилъ міръ сей: ибо, какъ уже я выше сказалъ, на каждомъ шагу встрѣчалъ онъ предметы, его пріятно удивлявшіе. Я чувствовалъ, что онъ достоинъ любви, все сбирался полюбить его и подъ конецъ успѣлъ-таки въ томъ. Онъ же съ своей стороны, сколь ни казался холоденъ, но съ каждымъ днемъ болѣе прилѣпляясь къ своему воспитаннику, и хотя онъ того не говорилъ, но я замѣчалъ иногда, что странности моей природы его восхищаютъ.

Онъ имѣлъ удивительную память и познанія, посредствомъ ея пріобрѣтаемыя: зналъ хорошо исторію, географію, зналъ правильно Французскій языкъ, но выговаривалъ на немъ Богъ знаетъ какъ. Что̀ самъ зналъ, тому по-маленьку училъ и меня. Когда я по̀привыкъ къ

нему и началъ понимать по-нѣмецки, то разговоры съ нимъ начали для меня становиться занимательнѣе; мало-по-малу началъ я даже заимствовать и нѣкоторыя изъ его привычекъ. Напримѣръ, онъ любилъ собирать гербовыя печати со всѣхъ пакетовъ, получаемыхъ отцомъ моимъ и кѣмъ бы то ни было, онъ ихъ потомъ наклеивалъ на большіе листы; мнѣ это понравилось, я скоро началъ тоже дѣлать и могъ узнавать гербы всѣхъ извѣстнѣйшихъ въ Россіи фамилій. Хотя онъ не былъ ботаникъ, но собиралъ разные цвѣты, травы и растенія, клалъ ихъ по листамъ, однимъ словомъ составлялъ herbier, и у меня до сихъ поръ страсть къ коллекціямъ. Все что̀ касается до хронологіи достопамятнѣйшихъ происшествій въ мірѣ, до генеологіи знаменитѣйшихъ домовъ въ Европѣ, зналъ онъ наизусть, и въ послѣдствіи по этой части могъ бы и я съ нимъ состязаться.

Нѣкоторое время жили мы съ нимъ, такъ сказать, съ глазу на глазъ, но скоро одиночество мое прекратилось, и общество мое умножилось нѣсколькими товарищами. Средства воспитанія были тогда такъ скудны, что родители у моихъ выпрашивали какъ милости дозволенія дѣтямъ своимъ со мной учиться. Ихъ было трое: сыновья артиллерійскаго генералъ-маіора Нилуса, гарнизоннаго маіора Яхонтова и штабъ-лѣкаря Яновскаго, о которомъ уже я какъ-то говорилъ *). Между ними, какъ хозяйскій сынъ, бралъ я натурально первенство; но г. Мутъ не оказывалъ мнѣ ни малѣйшаго предпочтенія, а иногда въ молчаніи улыбался прилежнѣйшему. Поутру задавалъ онъ намъ уроки, которые мы твердили и должны были сказывать ему передъ обѣдомъ; а онъ между тѣмъ читалъ про себя что-нибудь изъ исторіи и географіи, съ тѣмъ чтобы послѣ обѣда въ видѣ повѣсти намъ это пересказывать. Такимъ образомъ узналъ я исторію Іудеевъ, Ассиріянъ, Мидянъ, Персовъ и Грековъ, но до Рима едва только съ нимъ дошли. Говоря словами Пушкина, мы учились чему-нибудь и какъ-нибудь.

Сверхъ того я бралъ еще другіе уроки: Софійскій каѳедральный протоіерей Сигаревичъ преподавалъ мнѣ Законъ Божій, артилерійскій штыкъ-юнкеръ Скрипкинъ училъ меня ариѳметикѣ и геометріи, на-

---

*) Всѣ они были добрые ребята, простые, провинціальные, гарнизонные мальчики, какъ и я. Всѣ трое шли потомъ по военной службѣ, ни одинъ изъ нихъ не гремѣлъ именемъ въ мірѣ; но всѣ они отличались благородствомъ чувствъ, правилъ и поступковъ, и были утѣшеніемъ и подпорой овдовѣвшихъ матерей. Послѣдній изъ нихъ, кажется, еще живъ; лѣтъ двѣнадцать тому назадъ видѣлъ я его армейскимъ подполковникомъ. Яхонтовъ убитъ въ Фридландѣ, а почтенный другъ мой Нилусъ въ генеральскомъ чинѣ, покрытый ранами и крестами Русскими и иностранными, окончилъ достославный походъ 1812—13 и 14 годовъ, бывши вездѣ примѣромъ храбрости. Прослуживъ еще нѣсколько лѣтъ и женившись, онъ нашелъ успокоеніе въ окрестностяхъ Одессы, и императоръ Александръ, сохранивъ ему все содержаніе, далъ безсрочный отпускъ.

укамъ, въ коихъ, мимоходомъ сказать, я весьма мало успѣвалъ. Одинъ Малороссійскій виртуозъ, котораго очень хвалили (кажется, звали его Чернецкій), училъ меня играть на фортепіано, а какой-то маляръ училъ рисовать. Не моя вина, если въ обоихъ сихъ искусствахъ я не мастеръ: нашли, что они безполезны и скоро заставили бросить, тогда какъ къ музыкѣ я всегда чувствовалъ особенную склонность. Старшіе братья, выпущенные гораздо послѣ въ кавалерійскіе полки, учили меня ѣздить верхомъ, а про танцы еще рѣчь впереди.

Я обѣщалъ въ началѣ говорить о себѣ очень мало, а теперь ввожу читателя во всѣ подробности ничѣмъ не замѣчательнаго домашняго моего воспитанія. Что дѣлать! Воспоминанія изъ головы моей такъ и лѣзутъ на бумагу. Впрочемъ, Богъ знаетъ, будетъ ли меня кто-нибудь еще читать, а память можетъ ослабѣть. Если Запискамъ симъ не повѣрю прошедшаго, для меня столь занимательнаго, то мало-по-малу оно будетъ изглаживаться изъ памяти, и я напрасно буду искать его въ головѣ моей, тогда какъ имъ однимъ уже начинаю я жить.

Иногда, хотя и весьма рѣдко, собирались у моего учителя по вечерамъ пріятели его, единоземцы: губернскій архитекторъ Гельмерсенъ, пасторъ Граль, аптекарь Бунге, плацъ-маіоръ Брокгаузенъ и капельмейстеръ Диль. Но гораздо чаще посѣщалъ онъ ихъ самъ по очереди и водилъ меня съ собою въ сіи общества, степенныя, спокойно-веселыя. Они были мнѣ совсѣмъ не по вкусу; вечера обыкновенно начинались разговорами о политикѣ, въ которой я тогда ничего не понималъ, замѣчанія выслушивались со вниманіемъ, отвѣты были всегда обдуманы, ибо каждому предшествовало нѣсколько минутъ молчанія; потомъ подавали всѣмъ по трубкѣ, потомъ садились играть въ ламушъ или въ лото, а все оканчивалось стаканомъ пива, нѣсколькими ломтями бутерброда и прощальнымъ дружескимъ рукожатіемъ. Конечно въ сихъ обществахъ много хвалили Германію, но никогда я не слыхалъ ругательствъ на Россію, какъ сіе случалось мнѣ послѣ иногда слышать между Нѣмцами. Мало-по-малу я было самъ сдѣлался Нѣмцемъ, говорилъ не иначе какъ по-нѣмецки, выражался какъ Нѣмецъ, смотрѣлъ маленькимъ Нѣмцемъ, и покойный отецъ мой имѣлъ слабость этому радоваться. Слава Богу, характеръ у меня остался совершенно Русскій.

Не болѣе четырехъ лѣтъ пользовался я наставленіями г. Мута: все тянуло его въ Переяславль, и, не смотря на возраставшую его привязанность къ нашему дому, Нѣмецко-лютеранское семейство г. Фонъ-Фока было ближе къ его сердцу; къ тому же онъ далъ ему слово заняться воспитаніемъ меньшихъ его сыновей, какъ скоро начнуть подростать. Итакъ онъ оставилъ меня въ началѣ 1797 года,

когда примѣры его и нравоученія могли мнѣ быть болѣе полезны. Я помню прощаніе его со мною: черты его сохранили обычную неподвижность, но изъ глазъ его ручьями текли слезы. Мнѣ случалось потомъ въ самой первой молодости встрѣчаться съ нимъ: лицо его не измѣнялось, а самъ онъ трепеталъ отъ радости.

Недавно узналъ я, что живъ еще сей почтенный старецъ. Когда вступилъ онъ въ домъ нашъ, ему было около сорока лѣтъ; прошло тому болѣе сорока, и слѣдственно ему теперь за восемьдесятъ. Онъ долго оставался въ семействѣ г. Фонъ-Фока, которое послѣ переѣхало въ Бѣлоруссію; наконецъ онъ опять поселился въ окрестностяхъ Переяславля, въ деревнѣ Еввы Яковлевны Дараганъ, старшей дочери Фонъ-Фока, воспитывалъ дѣтей ея, но внукамъ посвятить трудовъ своихъ уже былъ не въ состояніи. Онъ живетъ еще тамъ и понынѣ, среди трехъ поколѣній, предъ нимъ благоговѣющихъ. Съ растроганнымъ сердцемъ читалъ я прошлаго года письмо его къ Петру Яковлевичу, младшему изъ сыновей Фонъ-Фока: оно показало мнѣ, что вечеръ его столь же тихъ и ясенъ, какъ и вся жизнь его была безмятежна.

Хотя въ 1797 году дѣтскій возрастъ мой еще не прошелъ, но какъ это былъ годъ великихъ перемѣнъ въ судьбѣ цѣлой Россіи, равно какъ и въ моей ребячьей жизни, то имъ слѣдуетъ заключить здѣсь главу сію. Въ семъ первомъ періодѣ моего существованія являлись мнѣ однакоже нѣкоторыя примѣчательныя лица, о коихъ я ни слова не упомянулъ, вопреки обѣщанію данному самому себѣ и читателю. И потому прежде всего прошу позволенія обратиться къ нимъ и въ слѣдующей главѣ исправить сдѣланое мною упущеніе.

VII.

Всего памятнѣе мнѣ одна вельможная дама, которая почти каждый годъ посѣщала Кіевъ и коей пріѣздъ приводилъ въ движеніе, можно сказать въ волненіе, весь домъ нашъ. Это была графиня Браницкая, любимая племянница князя Потемкина и жена Польскаго короннаго гетмана. Не знаю, гдѣ и какъ познакомилась она съ моею матерью; но она ее полюбила и когда ѣзжала въ собственный городокъ, извѣстный подъ именемъ Бѣлой Церкви, находившейся тогда за границей, хотя только въ 80 верстахъ отъ Кіева, то проѣздомъ чрезъ сей городъ всегда у насъ останавливалась и живала по недѣлѣ и по двѣ. Потемкина уже не было на свѣтѣ; но любимица его, принявшая его послѣдній вздохъ, все еще какъ будто бы озарялась его славою. Умнѣйшая изъ пяти сестеръ, урожденныхъ Энгельгартовыхъ, она была ихъ и богаче. Императрица особенно благоволила къ ней и, сверхъ

того, ласкала ее какъ жену довольно сильнаго Польскаго магната, преданнаго Россіи. По всѣмъ симъ причинамъ, знаки уваженія ей оказываемые были преувеличены, и чтобы посудить объ обычаяхъ тогдашняго времени, чему нынѣ съ трудомъ повѣрять, всѣ почетнѣйшія дамы и даже генеральши подходили къ ней къ рукѣ; а она, умная, добрая и совсѣмъ не гордая женщина, безъ всякаго затрудненія и преспокойно ее подавала имъ. Мать моя смотрѣла на то безъ удивленія, нимало не осуждала сего, но, вѣроятно чувствуя все неприличіе такого раболѣпства, сама отъ него воздерживалась. Вообще обхожденіе ея съ графиней Браницкой было самое свободное, пріязненное, и разницу во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ можно было только замѣтить изъ *ты* и *вы*, которыя они другъ другу говорили.

Могущество Потемкина вызвало изъ Смоленской деревни прекрасныхъ его племянницъ, гдѣ получили они обыкновенное тогдашнее провинціальное воспитаніе. Старшая изъ нихъ, Браницкая, уже неспособна была къ принятію блестящей образованности Екатеринина двора. Но, имѣя умъ, характеръ, бывши въ самыхъ тѣсныхъ, иные говорятъ въ непозволительныхъ, связяхъ со всемогущимъ своимъ дядею, она облеклась въ какую-то величественность и ею прикрывала недостатки своего воспитанія. Вышедши замужъ за человѣка расточительнаго, который былъ вдвое ея старѣе, въ такой вѣкъ, который нравственностію не отличался, она всю жизнь осталась примѣромъ вѣрности супругу, нѣсколько разъ спасала его отъ раззоренія и бережливостію своею, можетъ-быть и скупостію, удвоила огромное его состояніе.

Когда я началъ знать ее, она была ни стара, ни молода: станъ ея былъ стройный, хотя не гибкій, лицо отмѣнно-пріятное, свѣжее и серьозно улыбающееся. Любимый нарядъ ея былъ подражаніе костюму Императрицы: длинное нижнее платье съ длинными и узкими рукавами, почти совсѣмъ закрывающее грудь; оно стягивалось узкимъ, почти непримѣтнымъ поясомъ съ одною огромною, широкою и длинною пряжкой *); а сверхъ его было другое платье, коротенькое безъ рукавовъ и спереди совсѣмъ открытое, которое называлось *гречанкою*. Все это напоминало Востокъ и романическо-государственные виды на него Екатерины Второй.

Портретъ сей чудотворной царицы, списанный искусною рукой Демейса съ оригинальнаго портрета извѣстнаго Лампи, висѣлъ въ гостиной нашего казеннаго дома. Когда, бывало, кто взглянетъ на него,

*) Эти пряжки были тогда въ модѣ у всѣхъ дамъ; ихъ называли *пафталями*; онѣ были самой искусной Азіятской работы съ цѣпями, серебряныя, позолоченныя или золотыя, смотря по состоянію, съ бирюзой или съ дорогими каменьями, также смотря по состоянію.

только что не перекрестится; я же рѣшительно почиталъ его иконой. Вдругъ онъ ожилъ передо мною: я увидѣлъ посреди комнаты женщину, которая показалась мнѣ столь же величавою, точно въ такомъ же нарядѣ, также съ лентою черезъ плечо, и вокругъ ея стоящихъ съ подобострастіемъ. Мудрено ли, что въ головѣ пяти или шестилѣтняго мальчика понятія о величествѣ перепутались, и онъ подданную принялъ за государыню? Я обмеръ, но скоро подозвала она меня къ себѣ и осыпала ласками; благосклонность ли ея къ матери моей, или дѣйствительно я такъ ей понравился, я съ той минуты сдѣлался ея маленькимъ любимцемъ Къ сожалѣнію, тщеславіе не чуждо иногда бываетъ и дѣтямъ; я пристрастился къ ней и, бывало, плакалъ, когда меня къ ней не пускали. Лѣтъ пятнадцать тому *), видѣлъ я ее въ послѣдній разъ и уже смотрѣлъ на нее не тѣми глазами. Она не роза, но жила близъ нея, и отпечатокъ величія Екатерины долго еще блисталъ на ней. Она еще жива, но въ глубокой старости осталась теперь какъ полуразрушенный ея памятникъ.

Мнѣ разсказывали про меня самого одинъ анекдотъ, который, по мнѣнію моему, заслуживаетъ найти мѣсто въ сихъ Запискахъ: онъ покажетъ духъ того времени, которымъ были проникнуты даже мозги малыхъ ребятъ. Прежде еще описаннаго мною появленія графини Браницкой, пріѣзжала она уже въ Кіевъ въ такое время, котораго я не запомню, ибо имѣлъ не болѣе трехъ или четырехъ лѣтъ отъ роду. Съ нею былъ старшій сынъ ея, Владиславъ, нынѣшній сенаторъ; мнѣ давали играть съ нимъ, хотя онъ былъ года два или три меня постарѣе. Мы смотрѣли разъ въ окошко на планъ Кіевской крѣпости и на гауптвахту, гдѣ стояли въ караулѣ какіе-то новонабранные Малороссійскіе пѣшіе казаки-стрѣлки, которые были раздѣлены не на полки, а на когорты, и поэтому называли ихъ когортами. Ихъ не успѣли еще обмундировать, и они были въ сѣрыхъ кафтанахъ, какъ ратники 1812 года. Ясновельможный панокъ расхохотался и, оборотясь ко мнѣ, сказалъ: «вотъ какіе жолнеры (воины) у васъ Москалей». Я ли или что-то во мнѣ вступилось за честь Русскихъ, и на замѣчаніе его, какъ смѣю такъ говорить съ Польскимъ графомъ (будто есть настоящіе Польскіе графы), отвѣчалъ, что всякій Русскій важнѣе всякаго Поляка. За это, говорятъ, получилъ я пощечину, на которую отвѣчалъ таковою же; и пошла у насъ сильная драка; насъ розняли, и молодаго графа легонько побранили, а меня чуть ли не наказали. Я бы не осмѣлился похвастаться рановременнымъ патріотизмомъ своимъ и, мо-

*) Графиня А. В. Браницкая скончалась въ 1838 году. Поэтому можно опредѣлить приблизительно время, когда Ф. Ф. Вигель началъ писать свои Записки. П. Б.

жетъ быть, самъ ему бы не повѣрилъ, еслибы нѣсколько разъ не слышалъ, какъ про него разсказывали, будто бы со смѣхомъ, однакоже съ видомъ самодовольствія.

Первые годы пребыванія нашего въ Кіевѣ, кажется, ни Французовъ, ни Поляковъ, тамъ совсѣмъ почти не было, а Жидовъ очень мало. Послѣднихъ я нѣсколько времени принималъ за первыхъ, и вотъ почему. Едва началъ я ходить и говорить, какъ зналъ уже, что Спаситель рода человѣческаго былъ Жидами поруганъ, мучимъ и умерщвленъ; еще понятія мои не имѣли настоящей ясности, какъ изо всѣхъ устъ услышалъ я проклятія противъ одного народа, безжалостно пролившаго невинную кровь царя своего, кроткаго, мягкосердаго и который за злобу сего народа платилъ ему отеческою любовію. Все это перепуталось въ головѣ моей, и я долго представлялъ себѣ Французовъ весьма нечистыми (въ чемъ и немного ошибся), въ длинныхъ, черныхъ платьяхъ съ бородами, ермолками и ѳесиками.

Вдругъ одна Французская чета поселилась въ Кіевѣ, въ самой крѣпости, въ нашемъ сосѣдствѣ. У насъ въ Россіи въ старину истинная наука мало уважалась; все гонялось за блескомъ, всѣ молодые дворяне лѣзли въ гвардію, изъ нея выпускались въ армейскіе полки не менѣе какъ капитанами, а на артилерію, на генеральный штабъ, особенно на инженерный корпусъ смотрѣли съ пренебреженіемъ: сіи части необходимыя для войска, за исключеніемъ малаго числа благомыслящихъ дворянъ, наполнялись обыкновенно или людьми низкаго происхожденія, съ похвальными, природными склонностями къ познаніямъ, или чужестранцами, изъ коихъ, какъ извѣстно, было въ то время на половину бродягъ *). Не знаю, какъ и когда нѣкто г. Шардонъ или де-Шардонъ, какъ онъ требовалъ чтобы къ нему надписывали, вступилъ въ нашу службу инженеромъ. Онъ давно уже въ ней находился и все еще ни слова почти не зналъ по-русски, когда въ генеральскомъ чинѣ назначили его инженернымъ командиромъ въ Кіевъ. Никто не хотѣлъ взять труда доискиваться, откуда онъ родомъ и происхожденіемъ; Французъ да и только: этого было довольно. Дородная его супруга поспѣшила сдѣлать визиты дамамъ и, разумѣется, первую почтила своимъ посѣщеніемъ сосѣдку свою, мать мою. Меня, не знаю почему, всегда водили на показъ пріѣзжимъ гостямъ. Мнѣ сказали, что я увижу Француженку и повели въ гостиную; съ потупленными взорами, съ ужасомъ и ненавистью подступилъ я къ ней; наконецъ, подняль глаза, взглянулъ на нее, и весь страхъ мой исчезъ. Я расхохо-

*) Нынѣ мы стали умнѣе и просвѣщеннѣе, и едва ли есть десятая доля.

тался, и какъ ни старались унять меня, это было дѣло невозможное, пока меня не увели.

Представьте себѣ, любезный читатель, старую, полную, румянами крѣпко натертую, смѣющуюся рожу, и посреди ея длинный ястребиный носъ съ двумя широкими отверстіями, источниками двухъ табачныхъ ручьевъ; усы, по коимъ они протекаютъ, потомъ зобъ, тройной подбородокъ и подъ нимъ старую, наморщенную, бронзоваго цвѣта шею и такую же полуоткрытую грудь, украшенную алмазами Тульской работы и осыпанную табакомъ. Все это на огромномъ туловищѣ, въ странномъ, пестромъ нарядѣ, въ платьѣ яркаго цвѣта, разъ тридцать перекроеннаго и перешитаго по послѣдней модѣ. Прибавьте къ этому вокругъ нея атмосферу, которою обыкновенно дышатъ только по близости сельдяныхъ буяновъ. Вы человѣкъ благоразумный, умѣете владѣть собою, и при видѣ ея, вѣроятно, даже не улыбнулись бы; но не требуйте того отъ ребенка, которому красоты сіи случилось столь внезапно созерцать.

Эта Француженка была баба умная, веселая, страстная охотница до свѣтскихъ забавъ, весьма искательная и совсѣмъ невзыскательная, большая мастерица играть въ бостонъ и неутомимая въ семъ упражненіи; не знаю, какъ-то, наконецъ, мы всѣ къ ней принюхались. Къ намъ ѣздить повадилась она очень часто; всякій вечеръ находила у насъ гостей, находила партію и увѣряла, что никого въ свѣтѣ такъ не любитъ, какъ моихъ родителей. Она опрокидывала всѣ понятія, которыя тогда имѣли о важности генеральскаго чина: не было возможности съ ней церемониться; у насъ въ домѣ до того дошло, что только лишь ея хватятся, то, смотря по погодѣ, бывало повелительнымъ тономъ скажутъ: послать карету или человѣка за *Шердоншей*! Такъ называли ее позаочности, но въ глаза поступали съ ней почтительнѣе. У нея спросили: какъ звали батюшку? потомъ изъ семи или восьми именъ, данныхъ ей при крещеніи, выбрали легчайшее для произношенія, и изъ всего этого составили Марью Леонтьевну.

Она меня также удостоивала своего вниманія, отцу моему давала совѣты касательно моего воспитанія, и мнѣ самому дѣлала наставленія. Въ чемъ же они состояли? Держать себя какъ можно прямѣе, стараться лучше выговаривать по-французски (а на этомъ языкѣ говорилъ я тогда хуже чѣмъ она по-русски), наконецъ, стараться быть какъ можно любезнѣе съ маленькими дѣвочками и тѣмъ приготовлять себя къ будущимъ успѣхамъ съ большими. Любопытнымъ, внимательнымъ окомъ смотрѣлъ я часто на сіе странное существо. Мнѣ все хотѣлось вникнуть въ причины мефитизма, ею распространяемаго; ихъ объяснилъ мнѣ съ самымъ важнымъ, съ самымъ ученымъ видомъ учитель мой,

г. Мутъ, отъ котораго желаній своихъ я скрыть не умѣлъ. «Тучность тѣла, сказалъ онъ мнѣ, располагаетъ ее къ частой транспираціи, а по дурной привычкѣ или по лѣности, она рѣдко мѣняетъ бѣлье; она полагаетъ, что свѣжесть лицу даютъ румяны, а не вода, и употребленіе сего элемента, кажется, ей вовсе незнакомо; наконецъ, любимая пища ея, сколько я могъ замѣтить, Голландскій сыръ, треска, чеснокъ и фезандированная, то-есть, полусогнившая дичина». Симъ объясненіемъ совершенно удовлетворилось мое любопытство.

Нѣкоторые изъ замѣчаній моихъ насчетъ г-жи де-Шардонъ въ послѣдствіи времени оказались весьма основательными. Въ одной изъ комнатъ занимаемаго нами дома висѣло нѣсколько довольно дурно гравированныхъ эстамповъ съ картинъ Теньера и Остада; въ каждой изъ нихъ видѣлъ я по Шердоншѣ; я сказалъ объ этомъ, и тѣ, которые имѣли нѣкоторыя понятія о живописи, начали подозрѣвать, что она принадлежитъ къ Фламандской школѣ. Когда эмиграція до того размножилась, что нѣкоторые эмигранты начали даже появляться въ Кіевѣ, то между ними были какіе-то проѣзжіе старики, которые ни мужа, ни жену за соотечественниковъ признать не хотѣли, утверждая, что они Бельгійскіе уроженцы, и тайкомъ увѣряли, будто когда-то видѣли ихъ въ Антверпенѣ или въ Монсѣ увеселяющими публику пляскою на канатѣ: по ультра-дородному сложенію г-жи де-Шардонъ трудно было этому повѣрить.

Скорѣе можно было найти что-то плясовое въ походкѣ и тѣлодвиженіяхъ супруга ея. Онъ былъ длинный и сухой старикъ, на длинныхъ и сухихъ ногахъ, которыми ежедневно мѣрилъ онъ верстъ до пятнадцати, обходя каждый день верхнюю, среднюю и нижнюю части Кіева. Какимъ образомъ онъ сдѣлался инженеромъ, это бы знать весьма любопытно; въ Россію вѣдь не прямо же онъ сорвался съ каната. Если догадки мои справедливы, то прежде того былъ онъ работникомъ у какого-нибудь оптическаго мастера, ибо черствыя его руки и пальцы носили на себѣ слѣды ремесленныхъ трудовъ, и онъ вѣчно занимался дѣланіемъ барометровъ и термометровъ и, разумѣется, за деньги снабжалъ ими весь Кіевъ. Сверхъ то, онъ былъ великій штукарь и эскамотёръ; сіе искусство было тогда еще въ дѣтствѣ, мы видѣли въ немъ почти колдуна; а мнѣ приходитъ иногда на мысль, что эти господа Французы, прежде отправленія въ Россію, вѣроятно, совѣтуются между собою, а можетъ быть и мечутъ жребій, кому за кого себя выдавать. Инженерная часть выпала на долю мусью Шардону, а для сей роли онъ уже былъ приготовленъ и прежними своими занятіями.

Существованіе его въ Россіи было, впрочемъ, не блестящее: они съ женой были очень бѣдны, и нынѣшніе инженеры по всѣмъ наиме-

нованіямъ должны тому дивиться. Приписать ли сіе безкорыстію его или недостатку въ доходныхъ занятіяхъ? Его все переводили изъ старой крѣпости въ старую крѣпость; строеніемъ же новыхъ въ царствованіе Екатерины занимались Сухтелены, де-Витты, де-Воланы, столь же благородные, сколь и ученые и искусные люди, коими насъ одарила Голландія, единственная западная страна, постоянно Россію однимъ полезнымъ надѣляющая.

Генералъ де-Шардонъ былъ въ Кіевѣ покровителемъ одной весьма нестарой, свѣжей и плотной Жидовки, которая не только умѣла плясать на канатѣ, но даже ходить по проволокѣ. Прежде, бывало, онъ самъ привозилъ къ намъ и даромъ показывалъ Китайскія тѣни, но, выучивъ ее тому, уступилъ ей и право свое. Сего мало, онъ составлялъ для нея маленькія пьесы, пантомимы, неизвѣстныя еще Кіевлянамъ; въ нихъ увидѣли мы ее Коломбиной, а двухъ гдѣ-то избранныхъ шутовъ Арлекиномъ и Пьерро. Все это чрезвычайно умножало доходы ея и права̀ г. Шардона на ея благодарность. Сія женщина дерзостно и безнаказанно назвала себя мадамъ Россети; слава сего имени не гремѣла еще въ мірѣ, и можетъ быть сама Жидовка почитала его вымышленнымъ, а можетъ быть и имѣла на него какое-нибудь право.

Еще нѣсколько словъ о Шардонѣ и Шардоншѣ: я ничего не сказалъ о томъ, были ли они по крайней мѣрѣ добрые люди. Онъ въ обществѣ бывалъ очень мало, а когда бывалъ, то мало говорилъ; ибо немногіе тогда знали по-французски, а онъ, какъ уже я выше сказалъ, не умѣлъ или не хотѣлъ выучиться по-русски; однакоже, злодѣй, столько зналъ на нашемъ языкѣ, чтобы говорить, разсердясь за бездѣлицу на деньщика и приказывая его раскладывать: «клади его на сюртурокъ и давай ему сто палкъ!» Что̀ касается до нея, то она была женщина не злая, и гибкость ея характера, а не стана, служитъ тому двойнымъ доказательствомъ. Главный порокъ ея былъ непостоянство; душою пухъ, хотя и свинецъ тѣломъ, она быстро мѣняла пріятелей. Дружбою ея обязаны мы были комнатамъ немного лучше чѣмъ у другихъ убраннымъ, весьма худо, но лучше чѣмъ у другихъ освѣщеннымъ, нанятому довольно искусному повару, для всѣхъ открытому столу, и большему, чѣмъ у другихъ, числу гостей; но, Боже сохрани, если, бывало, болѣзнь или какая-нибудь скорбь посѣтитъ домъ нашъ: тогда съ ней прощайся; тогда она нашей печали, а мы ея веселости уже видѣть не можемъ; тогда тѣло ея, вмѣстѣ съ духомъ, отъ насъ отлетитъ. Случалось иногда, что завистники подарками стараются ее переманить, и въ томъ успѣваютъ. Что̀ за бѣда! Если, бывало, старая шляпка отниметъ ее у насъ, то блондовая косынка, ея легкомыслію подобная, опять намъ ее возвратитъ.

Отъ изображенія въ родѣ Гогарта, долженъ я теперь перейти къ картинѣ въ родѣ Рафаэля, и не знаю, другая сія попытка не будетъ ли еще менѣе удачна чѣмъ первая. Не помню, въ 1793-мъ или въ 1794-мъ году, Кіевскій вице-губернаторъ Башиловъ (отецъ сенатора-забавника) пожалованъ былъ оберъ-прокуроромъ въ Сенатъ; какъ я его совсѣмъ почти не помню, то и нечего мнѣ о немъ говорить. На его мѣсто прибылъ изъ Москвы князь Василій Алексѣевичъ Хованскій, въ лѣтахъ еще довольно молодыхъ, служившій въ гвардіи до капитановъ и при отставкѣ получившій бригадирскій чинъ *). Въ первой молодости онъ путешествовалъ по всей Европѣ, зналъ иностранные языки, былъ славный музыкантъ, мастеръ танцовать, брался о всемъ судить и, покрытый симъ мишурнымъ блескомъ, совсѣмъ было ослѣпилъ насъ, провинціаловъ. Но въ Русскихъ есть врожденная догадливость, которая въ молодости заглушается страстями, но тѣмъ сильнѣе обнаруживается въ ихъ зрѣлыхъ лѣтахъ; изумленные, увлеченные сначала щеголеватостію формъ, изысканностію фразъ, они начинаютъ потомъ требовать болѣе совершенства, истинныхъ достоинствъ. Когда первое удивленіе прошло, наши Кіевляне увидѣли въ рѣчахъ князя Хованскаго пустословіе, въ дѣлахъ по службѣ совершенное его невѣжество, въ поступкахъ непростительную вѣтренность и тщеславіе. Онъ не являлся даже тогдашнимъ Европейцемъ; въ тонѣ, въ манерахъ его, можно сказать, видна была смѣсь Французскаго не съ Нижегородскимъ, а съ Московскимъ. Совсѣмъ противное случилось съ прибывшею съ нимъ супругою его.

Скромная, тихая, малорѣчивая, просто одѣтая, она съ перваго взгляда много теряла въ сравненіи съ мужемъ, котораго, сверхъ того, года два была и постарѣе. Но скоро обнаружились любезность ея ума, и кротость нрава, и святость ея дѣяній. Она была урожденная Нарышкина и родная племянница фельдмаршала князя Репнина; но въ ней не было замѣтно ни тѣни нынѣшней аристократической гордости, ни слѣдовъ тогдашней барской спѣси. Не будучи красавицей, она имѣла правильныя черты и самую пріятную наружность. На лицѣ ея, необыкновенной бѣлизны и прозрачности, часто проступалъ яркій румянецъ, предвѣстникъ смерти, а улыбка печальнаго ангела придавала

*) Сихъ бригадировъ называли дюжинными, потому что ежегодно ихъ выпускалось по трое изъ каждаго гвардейскаго полка, коихъ было четыре; это были обыкновенно люди добрые, честные, достаточные, но ни къ чему неспособные. Князь Вяземскій ошибается, полагая, что Фонъ-Визинъ комедіей своей заклеймилъ бригадирскій чинъ; его *Бригадаръ* старинный служака, а въ долголѣтнее царствованіе Екатерины отставными изъ гвардіи бригадирами наполнилась Москва, и именно безчисленность, невѣжество и ничтожество Московскихъ бригадировъ составляютъ смѣшную сторону бригадирства. Скорѣе Дмитріевъ убилъ сей чинъ, да еще и положилъ надъ нимъ эпитафію.

лицу сему трогательную прелесть. Она страдала тѣлесными и душевными недугами, но никому о томъ ни слова не поминала, всякій день принимала у себя или бывала въ обществѣ съ видомъ не веселымъ, но ласковымъ, ко всѣмъ привѣтливымъ, никогда себѣ злословія не позволяла, втайнѣ молилась и творила добро, отказывая себѣ иногда въ самонужнѣйшемъ. Dulde, lächle und stirb (терпи, улыбайся и умирай): такъ въ трехъ словахъ одинъ Нѣмецкій писатель изобразилъ судьбу добродѣтельной женщины, какъ будто имѣя въ виду кн. Хованскую.

Домъ вице-губернаторскій находился также въ крѣпости и рядомъ съ нашимъ. Не одно сосѣдство, но взаимная любовь и уваженіе сблизили моихъ родителей съ сею княгиней, и дружба съ нею была совсѣмъ иного рода чѣмъ съ г-жею де-Шардонъ. Отецъ мой, столь же мало расточительный на похвалы, какъ и скупой на порицанія, сознавался однакоже, что въ жизни ничего совершеннѣе не встрѣчалъ. Мать моя, будучи нѣсколько лѣтъ ея постарѣе, была ей послушна, какъ ребенокъ. Пользуясь симъ и чувствуя всю цѣну добрѣйшаго изъ сердецъ, княгиня Хованская съ нѣжностію сестры позволяла себѣ указывать ей на нѣкоторые, впрочемъ, весьма простительные ея недостатки, молила ее воздерживаться отъ нѣкоторой вспыльчивости, любить мужа безъ ревности, дѣтей безъ баловства и, если возможно, еще болѣе облегчать участь, и безъ того уже не тягостную, домашней крѣпостной прислуги; однимъ словомъ, она сдѣлалась ея второю совѣстію. Жаль только, что сама никогда не хотѣла открыть ей тайныхъ мукъ своего сердца, рѣшившись, видно, повѣрять ихъ единому Богу.

Давно уже свѣтъ если не одобряетъ, то, по крайней мѣрѣ, извиняетъ невѣрность мужей. Но когда невѣрность сія выказывается съ величайшимъ безстыдствомъ, съ забвеніемъ всякой благопристойности, какъ бы съ нѣкоторымъ хвастовствомъ, когда предметъ ея достоинъ презрѣнія, то она дѣлается отвратительною даже въ глазахъ безнравственныхъ людей. Князь Хованскій любилъ крѣпостную свою дѣвку, стройную, ловкую, но лицомъ столь же непріятную какъ, говорили, и нравомъ. Рядомъ съ спальнею своей жены далъ онъ ей комнату, убранную со всевозможною, по состоянію его, роскошью. Сія несчастная, всегда разряженная какъ кукла, всѣмъ повелѣвала въ домѣ, всѣ трепетали передъ ней; но въ свою очередь, какъ бы повинуясь невольному чувству, нечистое созданіе нѣмѣло, смущалось, когда встрѣчало тихіе взоры своей жертвы. Всѣ эти гадости были баснею цѣлаго города; онѣ принадлежали бы къ разряду обыкновенныхъ, даже самыхъ низкихъ сплетней, еслибы не отравили жизнь посвященную добродѣтели.

Для вѣрной супруги, что̀ можетъ быть горестнѣе, унизительнѣе сего положенія? Исполняя долгъ христіанки, она покорялась волѣ мужа

и несла безъ ропота тяжелый крестъ сей. Но для бѣдной княгини были еще другіе источники скорби: получивъ въ приданое весьма хорошее состояніе, она принесла его въ жертву прихотямъ своего мужа; имѣніе сіе было совсѣмъ разстроено, все въ долгахъ. Въ тоже время умножалась болѣзнь таящаяся въ груди ея, силы изнемогали, и, нѣжно любя трехъ малютокъ, дочерей своихъ, она уже видѣла грозящія имъ нищету и сиротство.

У трехъ дѣвочекъ сихъ были совсѣмъ различные характеры и наружность. Старшая изъ нихъ, Наталья [1]), была умна и только этимъ не походила на отца своего; маленькая спѣсь, насмѣшливость, едва замѣтное кокетство, съ лицомъ весьма пріятнымъ, уже въ ребячествѣ дѣлали ее оригинально-привлекательною; уже тогда было замѣтно, что она, подобно отцу своему, будетъ любить все житейское, и она исполнила свое предназначеніе. (Она давно живетъ въ Москвѣ, тамъ очень извѣстна и замужемъ за столь же извѣстнымъ тамъ почтдиректоромъ Булгаковымъ). Средняя [2]), Прасковья, была дѣвочка смирная, добрая, простая, вся какъ-то сжатая въ комокъ, не хороша собою, и самое неблагообразіе ея не имѣло въ себѣ ничего примѣчательнаго: его можно было назвать общимъ мѣстомъ. Но меньшая, Софія [3]), была, какъ говорили въ старину, вылитая мать. Никакому ребенку не могло быть приличнѣе названіе ангела; тоненькое, ѳеирное созданіе, съ прекраснымъ личикомъ и молящими взорами. Ей также, какъ и матери, не суждено было оставаться долго на землѣ, но участь ея была счастливѣе; она вышла за красиваго, благороднаго юношу, который страстно любилъ ее и пошелъ за нею въ могилу. Если еще нужны сравненія, то старшую изъ сихъ сестеръ можно было уподобить молоденькой вакханочкѣ, еще удерживаемой стыдомъ, но готовой скоро его сбросить; меньшая была совершенная сильфида, средняя — гномъ.

Князь Хованскій любилъ хлѣбосольство нашего дома, жена его любила хозяевъ; живши въ двухъ шагахъ другъ отъ друга, наши семейства видѣлись почти каждый день. Я росъ вмѣстѣ съ миленькими дѣвочками и, признаюсь, общество ихъ предпочиталъ дружбѣ моихъ добрыхъ товарищей. У нихъ не было тогда гувернантки, а няня и учитель, старый Французъ, мусью Фремонъ, который самъ былъ охотникъ буфонить и надъ которымъ всѣ трунили; вскорѣ явился еще Французъ-танцмейстеръ, мусью Потò, маленькій, старенькій, худенькій, чопорный и съ пребольшими претензіями на бельомство. Я все болѣе и болѣе дивился, стараясь понять, какъ могутъ цареубійцы быть

---

[1]) Н. В. Булгакова ум. въ 1841 г. Слѣд. Вигель началъ писать свои Записки до 1841 г.—[2]) Впослѣдствіи супруга Вас. Александр. Обрѣзкова.—[3]) За Прокоп. Ѳед. Соковнинымъ, бабка графа А. В. Бобринскаго. П. Б.

такъ смѣшны. Два раза въ недѣлю ходили мы съ маленькимъ Нилусомъ къ кн. Хованскому брать танцовальные уроки у г. Потò; на каждаго изъ насъ были по двѣ дамы, три маленькія княжны, да еще Настенька Бережецкая, нынѣшняя сенаторша Безроднова, дочь обогатившагося бывшаго таможеннаго чиновника, служившаго въ Казенной Палатѣ подъ покровительствомъ вице-губернатора. Я былъ довольно толстъ, тяжелъ, неповоротливъ и нѣсколько лѣнивъ, и мнѣ отъ Француза иногда доставалось хлыстикомъ по ногамъ, чтобы выше прыгать. И безъ того уже я его терпѣть не могъ; одинъ случай заставилъ меня его возненавидѣть.

Я любилъ подслушивать, когда говорили о любви, и наконецъ, мнѣ самому вошло въ голову, будто я горю чистѣйшимъ пламенемъ къ меньшой изъ княженъ Хованскихъ; разумѣется, я ни слова не смѣлъ о томъ сказать ей, равно какъ и старшей ея сестрѣ, которую также любилъ, но какъ-то иначе. Не надобно забыть, что мнѣ еще тогда не было десяти лѣтъ отъ роду. Вдругъ почувствовалъ я третью страсть, въ ней смѣло открылся и не худо былъ принятъ. У этой маленькой Бережецкой, которая меня годомъ была моложе, были такіе чудесные глазки, и такой поощрительный взоръ, и такія прелестныя губки, что разъ, во время танцовальнаго класса, въ углу, гдѣ я полагалъ, что насъ никто не видитъ, я рѣшился ее поцѣловать, а проклятый Потò очутился тутъ-какъ-тутъ. Онъ раскричался насчетъ безнравственности Русскихъ, у которыхъ даже дѣти заражены порокомъ, и никто не умѣлъ зажать ему ротъ. Я жестоко былъ наказанъ, не тѣмъ, что дóма, хорошенько побранивъ меня, поставили на колѣна, но тѣмъ, что бѣдную дѣвочку за меня высѣкли.

Я и въ ребячествѣ былъ столь же долготерпѣливъ, какъ непокоренъ и упрямъ, когда мѣра терпѣнія моего преисполнялась. Ни угрозы, ни удары хлыстомъ не могли меня сдвинуть съ мѣста; злодѣю-Французу отвѣчалъ я на нихъ презрительно-насмѣшливымъ взоромъ. Я разсказалъ моей матери о рубцахъ, которые покрываютъ мои ноги, и г-ну Потò отказали не совсѣмъ учтивымъ образомъ. Самъ кн. Хованскій, который о танцовальномъ искусствѣ имѣлъ вообще столь высокое мнѣніе, съ видомъ состраданія совѣтовалъ отцу моему не тратить за меня понапрасну денегъ; онъ какъ будто хотѣлъ сказать: «жаль, право, мальчика; изъ него никакого прока не будетъ». Мадамъ Шардонъ, которая всегда присутствовала при нашихъ танцовальныхъ упражненіяхъ, глядя на меня, также пожимала плечами, дивясь, какъ можно даже на полу не выучиться плясать.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ того, князь Хованскій, не знаю за чѣмъ-то, сколько помнится за Владимірскимъ крестомъ на шею, по-

ѣхалъ въ Петербургъ, оставя жену со всѣми признаками злой чахотки и съ началомъ водяной болѣзни. Оттуда вскорѣ прислалъ онъ для образованія дочерей молодую эмигрантку, мамзель де-Рювиль, съ эмигрантомъ-отцомъ. Онъ скоро куда-то уѣхалъ; а она, полуденный цвѣтокъ, въ варварскую страну заброшенный, какъ будто всѣмъ брезгала и была весьма не сообщительна; но, надобно признаться, имѣла отмѣнный тонъ, вѣжливый и пристойный. Въ обоихъ мнѣ всего памятнѣе костюмъ ихъ, который былъ новостью для всѣхъ жителей Кіева. Онъ былъ въ темно-синемъ, довольно поношенномъ фракѣ, съ непокрытою головой, даже на улицѣ, всегда съ шпагою при бедрѣ и шляпою-блиномъ подъ мышкой; такъ, говорилъ онъ, всегда слѣдуетъ быть легко-кавалерійскому Французскому капитану. Прическа его также была замѣчательна; вмѣсто тупея, волосы его въ самой серединѣ головы дѣлились на двое дорожкою, называемой chemin de Coblence, въ обѣ стороны шли очень гладко и оканчивались надъ ушами огромными туффами à l'aile de pigeon; сзади, вмѣсто обыкновенной косы, какія тогда носили, былъ у него толстый, довольно короткій, вдвое согнутый катоганъ; за неимѣніемъ пудры и помады, то-есть денегъ на покупку оныхъ, все это было туго набито саломъ и мукой. Мамзель Рювиль первая явилась къ намъ съ короткою таліей, опоясанная преширокою лентой, которая спереди на лѣвой сторонѣ завязывалась огромнымъ бантомъ съ длинными концами; у нея увидѣли мы также въ первый разъ короткій шиньонъ, книзу расширяющійся и открывающій весь затылокъ, что̀, кажется, называлось à la guillotine.

Конецъ страданіямъ несчастной княгини Хованской приблизился: она слегла въ постель и съ нея уже болѣе не вставала. Мать моя была при ней неотлучно; кромѣ ея и одной монахини Александры, она никого въ послѣдніе дни своей жизни видѣть не соглашалась. Она велѣла позвать дочерей, благословила ихъ, поручила ихъ моей матери, просила ее взять ихъ къ себѣ до возвращенія отца, потомъ отпустила ихъ и черезъ нѣсколько минутъ отдала Богу праведную душу свою. Погребеніе ея, которое, по позднему осеннему времени, мнѣ позволено было только видѣть въ окно, было самое необыкновенное: не было ни одного экипажа, но цѣлыя толпы, тысячи со стономъ и слезами шли за гробомъ, который важнѣйшіе чиновники несли попеременно съ простолюдинами. Все многочисленное Кіевское духовенство также пѣшкомъ провожало процессію; нѣсколько дней вездѣ встрѣчались печальныя лица, и святый градъ оплакалъ истинно-святую жену. Можно ли повѣрить! Лѣтъ четырнадцать тому назадъ былъ я въ Кіевѣ и не нашелъ почти никого, кто бы ее помнилъ; теперь едва ли сыщется кто-нибудь такой, который слыхалъ объ ней. Я посѣтилъ ея

могилу и нашелъ, что, отъ небреженія, время стерло надпись на ея надгробномъ камнѣ; въ самомъ семействѣ ея объ ней никогда не поминалось. Грустно подумать, что примѣръ столь высокихъ добродѣтелей совсѣмъ потерянъ для людей; но я уже счастливъ тѣмъ, что галлерею мою, гдѣ столько безобразія, могъ украсить ея священнымъ ликомъ и утѣшаюсь надеждою, что когда случайно появятся Записки сіи, когда кости мои будутъ истлѣвать въ утробѣ земли, на поверхности оной ея нетлѣнные останки будутъ чтимы православными.

Возвратясь изъ столицы, князь Хованскій, на печальныя ему привѣтствія, сказалъ нѣсколько словъ въ похвалу покойной, и тотчасъ же потомъ пустился танцовать на Кіевскихъ балахъ. Ему довольно понравилась дѣвица де-Рювиль, но роялистка древней фамиліи требовала серіозной законной любви. Шардонша ладила сдѣлать ее княгиней; дѣло не состоялось, она уѣхала, и для меня, по крайней мѣрѣ, слухъ объ ней пропалъ на вѣки.

Послѣ смерти княгини Хованской, наши семейства рѣже видѣлись; одинъ несчастный случай опять ихъ на время сблизилъ. Вновь перестроенный комендантскій домъ загорѣлся очень рано утромъ; я жилъ тогда на антресолѣ и еще спалъ. Въ ужасной суматохѣ, не знаю какъ все это случилось, что всѣ меня забыли, и родители, и учитель, и слуга, который за мной ходилъ, и хватились только тогда, какъ весь домъ былъ въ пламени. Лакей князя Хованскаго, высокій, сильный и смѣлый, по прозванію Соколовъ, соколомъ бросился вверхъ и нашелъ, что я преспокойно сплю; не давъ мнѣ опомниться, успѣлъ схватить меня, обернуть въ простыню и сквозь дымъ и пламя бѣгомъ снести по загорѣвшейся уже лѣстницѣ. Я очнулся только на площади, гдѣ нашелъ моихъ родителей. Не стану описывать ни радости ихъ, ни благодарности къ мужественному Соколову. Какъ я былъ босъ и полунагъ, а время было холодное, то меня отнесли въ сосѣдній домъ, къ князю Хованскому; тамъ оставался я недѣли двѣ, пока заняли другой домъ, и все опять пришло въ порядокъ.

Семейство князя Хованскаго, коего пребываніе въ Кіевѣ мнѣ пришлось столь подробно описывать, послѣ того недолго въ немъ оставалось. Подобно предмѣстнику его, Башилову, князя Хованскаго сдѣлали оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ, и онъ отправился въ Петербургъ. Нѣсколько разъ въ жизни случалось мнѣ встрѣчаться съ нимъ и съ его дочерьми. Онъ всякій разъ припоминалъ мнѣ о пожарѣ и о Соколовѣ, какъ будто почитая самого себя моимъ спасителемъ.

Въ Екатеринино время было еще въ Кіевѣ нѣсколько примѣчательныхъ лицъ, съ коими непремѣнно надобно мнѣ познакомить читателя, дабы дать ему понятіе о тогдашнемъ Кіевскомъ обществѣ. На сіе намѣренъ я посвятить слѣдующую главу.

VIII.

Жилъ-былъ тогда въ Кіевѣ одинъ баринъ, да еще же и князь, который, кажется, почиталъ себя выше обыкновенной знати. Фамилія Дашковыхъ происходила отъ рода князей Смоленскихъ, потомство коихъ, за исключеніемъ Вяземскихъ, при Польскомъ правительствѣ утратило княжеское свое достоинство. Князья Дашковы не размножились, какъ другіе княжескіе роды, и ихъ имя въ Русской исторіи нигдѣ не встрѣчается. Первый и послѣдній блескъ дала ему честолюбивая женщина, которая почитала себя рожденною съ тѣмъ, чтобы располагать судьбою царей. Сынъ ея, послѣдній въ своемъ родѣ, былъ ею воспитанъ на славу; она возила его съ собою по всѣмъ иностраннымъ государствамъ, всему его учила и въ Эдинбургѣ доставила ему дипломъ на званіе доктора правъ, богословія и даже медицины. Но ученіе и самый опытъ не даютъ того, что̀ природа отняла.

Участію матери своей въ возведеніи на престолъ Екатерины Второй былъ обязанъ князь Дашковъ быстрому повышенію въ чинахъ: въ двадцать пять лѣтъ онъ командовалъ уже Сибирскимъ гренадерскимъ полкомъ и стоялъ съ нимъ въ Кіевѣ. Тутъ ему приглянулась одна дѣвочка, дочь облагороженнаго чинами купца Семена Никифоровича Алферова. По высокимъ, философическимъ понятіямъ, которыя почерпнулъ онъ въ своихъ путешествіяхъ, по примѣру Англійскихъ лордовъ, коимъ онъ старался подражать и кои часто ничтожныхъ тварей, изъ одной оригинальности, возводятъ въ званіе супругъ своихъ, онъ долго не задумался, взялъ да и женился, не бывъ даже серьезно влюбленъ. Сей бракъ поссорилъ его съ матерью, разорвалъ связи его съ обществомъ столицъ и заставилъ его поселиться въ Кіевѣ. Онъ сдалъ полкъ; но, по старой памяти къ услугамъ матери, производство для него не остановилось, и онъ получилъ чины бригадира и генералъ-майора.

Горе ученымъ глупцамъ! Для головы ихъ обширныя познанія тоже, что̀ жирная пища для слабаго желудка: ихъ безпрестанно несетъ вздоромъ.

Самолюбивѣйшій изъ смертныхъ, Дашковъ полагалъ, что способенъ управлять государствомъ и осужденъ былъ скрывать свое величіе въ низенькомъ домѣ самаго грязнаго Кіевскаго переулка. Тамъ собиралъ онъ около себя веселыхъ людей, какихъ могъ найти въ Кіевѣ, шутовъ, всякую иностранную сволочь, и шумомъ сего общества старался заглушить страданія своей гордости. Несчастный утѣшался презрѣніемъ, которое могъ онъ изливать на всѣхъ окружающихъ его, на жену, на тестя, на всю родню ихъ.

Не смотря на несправедливое пренебреженіе, которое онъ также оказывалъ какъ жителямъ того города, который выбралъ онъ постояннымъ мѣстопребываніемъ, такъ и обычаямъ ихъ, они сначала приглашали его на всѣ праздники свои, на всѣ вечеринки. Онъ былъ красивый, видный мужчина и также, какъ Хованскій, страстный охотникъ до танцевъ, которые тогда были едва ли не болѣе въ модѣ, чѣмъ нынѣ; но онъ не хотѣлъ на вечерахъ сихъ ни одну даму, ни одну дѣвицу пригласить, а съ начала до конца безпрестанно танцовалъ съ одной своей женой. Какъ бы не замѣчая, что есть хозяева, есть гости, онъ безъ церемоніи сажалъ ее къ себѣ на колѣни и цѣловалъ въ засосъ; потомъ, за что-нибудь поссорившись съ ней, при всѣхъ начиналъ ее бить по щекамъ.

Мои родители застали его уже женатаго и сначала, какъ и всѣ другіе, водили съ нимъ знакомство. Досадуя на цѣлый міръ, онъ всѣхъ поносилъ, всѣхъ клеветалъ и тѣмъ уже охолодилъ отца моего. Одинъ вечеръ, будучи у насъ, онъ за что-то прогнѣвался на жену и далъ ей толчка; тогда отецъ мой ему напомнилъ, что онъ не дома и просилъ для супружескихъ исправленій избрать другое мѣсто. Онъ гордо поглядѣлъ на него, не сказавъ ни слова, потомъ взялъ подъ руку битую жену и вышелъ съ нею съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращаться; съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался непримиримымъ врагомъ отца моего. Сей примѣръ подѣйствовалъ на Кіевлянъ; наскучивъ его отвратительными странностями, одинъ за другимъ перестали къ нему ѣздить и звать его къ себѣ. Нѣсколько лѣтъ прожилъ онъ потомъ въ шумномъ своемъ уединеніи, среди грубыхъ, отчаянныхъ наслажденій, ни на что неупотребляемый, забытый дворомъ и ненавидимый обществомъ.

Въ Россіи есть губернскіе и уѣздные города; въ числѣ тѣхъ и другихъ есть такіе, кои должно назвать казенными, потому что въ нихъ встрѣчаются по большей части одни только должностныя лица; помѣщики же бываютъ въ нихъ только иногда, по дѣламъ. Въ нихъ безпрестанно мѣняется картина общества, которое черезъ десять лѣтъ, можно сказать, возобновляется во всемъ своемъ составѣ. Кіевъ болѣе чѣмъ всякій другой принадлежалъ къ числу сихъ казенныхъ городовъ.

Малороссія, которая нынѣ раздѣлена на двѣ губерніи, Черниговскую и Полтавскую, тогда составлена была изъ трехъ: Кіевской, Черниговской и Новгородско-Сѣверской; бо́льшая часть нынѣшей Полтавской губерніи составляла тогдашнюю Кіевскую. Жители Черниговскихъ уѣздовъ, а еще болѣе Новгородско-Сѣверскихъ, сохранили или приняли много Русскихъ навыковъ, бывши неоднократно подъ владычествомъ Московскихъ государей; жители же южной Малороссіи остались почти такими же казаками, какими были при Хмѣльницкомъ.

Богатѣйшіе изъ тогдашнихъ Кіевскихъ помѣщиковъ рѣдко покидали свои хутора, съ крестьянами своими, кои лѣтъ десятка два-три передъ тѣмъ были имъ равными, имѣли одинаковые вкусы, одинаковые обычаи, одинаковую пищу, также всему предпочитали борщъ и галушки, столь же нѣжно любили свиней, въ одеждѣ сохраняли туже Запорожскую неопрятность. Ихъ губернскій городъ былъ за Днѣпромъ, почти въ ненавистной имъ Польшѣ, и со временъ Петра Великаго въ немъ безпрерывно начальствовали Москали и Нѣмцы. Они чуждались его, хотя въ немъ ни языкъ, ни происхожденіе простаго народа имъ вовсе не были чужды; однакоже въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, то обязанные служить по выборамъ, то привлекаемые пріятностями общежитія, они начали чаще и въ большемъ количествѣ появляться.

Въ изображеніи лицъ, составлявшихъ тогдашнее Кіевское общество, долженъ буду я слѣдовать, такъ-сказать, іерархическому порядку мѣстъ, ими занимаемыхъ, и потому долженъ начать съ губернатора или правителя намѣстничества, какъ Екатерина Вторая, сія Нѣмка, страстная ко всему Русскому и вводившая вездѣ Русскія названія, повелѣла имъ именоваться.

Тогда управлялъ Кіевскимъ намѣстничествомъ осьмидесяти-лѣтній, полумертвый старецъ, Семенъ Ермолаевичъ Ширковъ, старшій генералъ-поручикъ по арміи, въ Польской лентѣ Бѣлаго Орла. Онъ разрушался, но все упрямился оставаться на губернаторствѣ; наконецъ его уволили съ честію и пенсіей. Объ немъ самомъ осталось у меня самое тусклое воспоминаніе, но мнѣ очень памятны почести, ему воздаваемыя. Изъ уваженія ли къ его глубокой старости, или слѣдуя чинопочитанію, которое въ то время строго соблюдалось, мой отецъ всегда на крыльцѣ его встрѣчалъ и до крыльца его провожалъ. Его довольно любили, но семейство его было самое странное; вообще весь этотъ родъ Ширковыхъ, Курскихъ помѣщиковъ, какъ прежде такъ и послѣ, имѣлъ весьма худую славу; членовъ его обвиняли въ насиліяхъ, убійствахъ, кровосмѣшеніи, разнаго рода преступленіяхъ, изъ коихъ нѣкоторыя были доказаны по дѣламъ. Такъ какъ семейство сіе недолго при насъ оставалось и я чуть его помню, то и почитаю себя въ правѣ не входить въ описаніе всѣхъ ужасовъ, кои слышалъ я послѣ о сихъ Русскихъ Атридахъ.

Послѣ Ширкова былъ губернаторомъ Василій Ивановичъ Красномилашевичъ, Смольянинъ, человѣкъ умный и пріятный, израненый, извѣстный храбростью генералъ, который и на гражданскомъ поприщѣ умѣлъ показать усердіе и способности. Онъ былъ холостъ и не слишкомъ богатъ, слѣдственно и не могъ имѣть открытый домъ, однакоже

нѣсколько разъ въ годъ давалъ балы. О вице-губернаторахъ или поручикахъ правителя я уже говорилъ.

Изъ губернскихъ предводителей мнѣ памятенъ Демьянъ Демьяновичъ Оболонской, человѣкъ уже пожилой, но еще видный и здоровый. Онъ имѣлъ семь или восемь тысячъ душъ и жену красавицу и кокетку *). Тѣмъ и другой онъ чрезвычайно гордился; а послѣднею гордились или, лучше сказать, хвалились еще и другіе. Онъ лѣтомъ обыкновенно живалъ въ деревнѣ, а только по зимамъ пріѣзжалъ, какъ онъ говаривалъ, покормить бѣдняковъ. Дѣйствительно, говорятъ, у него столъ не накрывался, а не раскрывался: цѣлый день пили и ѣли: завтракъ оканчивался водкой, за которой непосредственно слѣдовалъ продолжительный обѣдъ; послѣ обѣда закуски или заѣдки, какъ ихъ называли, не сходили со стола; послѣ чаю было кратковременное отдохновеніе, и все это заключалось столь же изобильнымъ ужиномъ, Ну ужъ желудки были въ старину! Два раза въ недѣлю пировалъ у него весь городъ; по тогдашнему обычаю, всѣ съѣзжались передъ обѣдомъ и разъѣзжались послѣ ужина. Меня какъ-то разъ взяли съ собой на одинъ изъ сихъ вечеровъ. Вотъ что̀ я нашелъ: двѣ пріемныя комнаты, длинную и низенькую залу и гостиную немного ея поменьше, обѣ обклеенныя самыми обыкновенными бумажными обоями и освѣщенныя довольно плохо, однакоже восковыми свѣчами, что̀ тогда почиталось роскошью; всѣ мебели простаго дерева, обитыя разноцвѣтными ситцами; и посреди такой простоты, на карточныхъ столахъ шандалы, а по угламъ канделябры, литые, тяжеловѣсные, серебряные, а иные позолоченые; цѣлый полкъ служителей, не совсѣмъ худо одѣтыхъ, на огромныхъ серебряныхъ подносахъ разносящихъ питья и яствы. Жена г. Оболонскаго носила бриліанты, жемчуги и богатыя платья, изъ которыхъ каждое, однакоже, въ зиму разъ по десяти или по пятнадцати, безъ всякой на немъ перемѣны, появлялось на балахъ. Изъ всѣхъ Малороссійскихъ помѣщиковъ, исключая Разумовскихъ, одинъ Оболонской позволялъ себѣ такъ жить. Но вся эта роскошь, какъ можно видѣть, была весьма не раззорительна тѣмъ болѣе, что цѣны на съѣстные припасы были самыя низкія. Имѣніе свое оставилъ онъ по смерти въ цѣлости, безъ долговъ, единственному сыну своему, неразсчетливому, необузданному, сластолюбивому, который началъ жить въ прихотливый вѣкъ и предаваться всѣмъ прихотямъ своимъ, который, гнушаясь вандальскимъ гостепріимствомъ отца, составилъ себѣ въ Петербургѣ избранный кругъ повѣсъ и съ ними, невидимымъ образомъ, умѣлъ промотать не только отцовское наслѣдіе, но и другія ему доставшіяся,

*) Она была родная тетка извѣстнаго Якубовича.

во Французскихъ трактирахъ на Страсбургскихъ пирогахъ и Шампанскомъ винѣ. Вотъ у насъ въ Россіи постепенный ходъ просвѣщенія.

Я часто говорилъ о Кіевскихъ балахъ, не описавъ ни одного изъ нихъ, тогда какъ имѣю къ тому возможность, каждую недѣлю видѣвши ихъ у себя дома; ибо дѣтей не только не отсылали къ себѣ въ комнату, но даже возили иногда на нихъ съ собою въ чужіе дома. Они начинались рѣдко позже семи часовъ вечера. Хозяинъ дома открывалъ ихъ обыкновенно Польскимъ *) съ почетнѣйшею изъ дамъ; мущины выступали важно, выдѣлывали па, мѣняли руки, и этотъ церемоніальный маршъ продолжался не менѣе получаса. Потомъ начинались англезы или контрдансы, какъ ихъ называли; рядъ мущинъ становился противъ ряда женщинъ. Старались сколь можно болѣе разнообразить фигуры и самыя названія сихъ контрдансовъ: одному дано было имя Данилы Купера, вѣроятно въ честь композитора его, какого-нибудь Англичанина, Cooper; другому имя Березани, въ честь какой-то побѣды надъ Турками, еще другія назывались Соважъ, Préjugé vaincu, Англійскій променадъ. О мазуркѣ и краковякѣ и слуху еще не было, хотя мы жили въ двухъ шагахъ отъ Польши; также о матрадурѣ и тампетѣ, которые гораздо новѣйшаго изобрѣтенія. Вмѣсто Французской кадрили танцовали какой-то монюмаскъ, а потомъ чего уже не было! Наскучивъ веселыми звуками, принимались иногда за менуэты, а тамъ за аллемандъ, и въ немъ особенно отличался одинъ Нѣмецъ, полусумашедшій нарумяненый докторъ Шёнфогель. Кто бы могъ подумать, вальсовъ еще не знали. На сихъ балахъ можно было видѣть и Малороссійскую метелицу, и голубца, и казачка; плясали и по-русски, и по-цыгански, кто во что гораздъ. Какъ сіи балы всегда должны были начинаться Польскимъ, такъ непремѣнно должны были оканчиваться алагрекомъ, который не что иное былъ какъ нынѣшній, чуть ли не покойный, гросфатеръ.

Когда пожилые люди не волнуются страстями, когда ихъ не мучатъ ни чрезмѣрная алчность къ золоту, ни зависть, ни пожирающее, безпредѣльное честолюбіе, когда они блаженствуютъ подъ сѣнію мудраго и твердаго правительства, которое равно охраняетъ ихъ безопасность и не допускаетъ возможности преступныхъ, дерзкихъ замысловъ: тогда, спокойные духомъ, они дѣлаются почти молоды и готовы иногда рѣзвиться какъ дѣти. Молодые же люди всегда расположены къ веселости, лишь бы имѣли благоразуміе не отказываться прежде-

*) Любимый Польскій былъ тогда сочиненія, кажется, Козловскаго; онъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ: „славься симъ Екатерина“, по первымъ словамъ, на кои онъ былъ положенъ. Съ какою-то восторженною гордостію ходили тогда Русскіе подъ гремящіе его звуки.

временно отъ юности, блага невозвратнаго. Таковыми были почти всѣ тогда въ Кіевѣ. У одного князя Дашкова начинался новый вѣкъ: у него были уже трубки, и пуншъ, и смѣлое обхожденіе безъ разбора лѣтъ и пола; но за то отъ дома его бѣжали, какъ отъ заразы. Беззаботная же, непринужденная, хотя и пристойная веселость, коей предавались въ описываемыхъ мною собраніяхъ люди разныхъ возрастовъ и состояній, дѣлала всю прелессть старинныхъ нашихъ баловъ. Коноводомъ на нихъ былъ шестидесяти-семилѣтній старикъ-Нѣмецъ, артилерійскій генералъ Нилусъ, отецъ моего товарища; онъ распоряжалъ танцами, приказывалъ музыкантамъ и съ неимовѣрною живостію плясалъ весь вечеръ до упада. Надобно знать также, что онъ былъ подагрикъ; когда сія мучительная болѣзнь его удерживала дома, то отсутствіе его было очень замѣтно, и веселость уменьшалась на вечеринкахъ; но лишь только немного отпуститъ ему, онъ опять явится въ бархатныхъ сапогахъ, и уже сидя, взоромъ, крикомъ, движеніями, хлопаньемъ возбуждаетъ танцующихъ. Всѣ, кои не были записные бостонисты, несмотря на лѣта, участвовали въ танцахъ, и отъ старика Нилуса до меня, осьми или девятилѣтняго мальчика, неудачнаго ученика г. Потò, все бывало въ движеніи. Одного отца моего, не знаю почему, исключая Польскихъ, я никогда не видалъ танцующимъ.

Какъ бы мы теперь казались смѣшны! Сорокъ лѣтъ времени и тысяча двѣсти верстъ разстоянія дѣлаютъ большую разницу въ понятіяхъ и мнѣніяхъ людей. Танцы были нѣкогда пріятнымъ и для здоровья полезнымъ тѣлеснымъ упражненіемъ, какъ верховая ѣзда, фехтованіе, игра въ воланъ или въ помъ: тогда могъ всякій безъ претензій въ нихъ участвовать. Они сдѣлались исключительною принадлежностію молодости, съ тѣхъ поръ какъ имъ дана цѣль, и они обращены въ средство. Теперь въ состарившихся и въ старѣющихъ, которые танцовать не перестаютъ, позволено подозрѣвать жалкое намѣреніе еще прельщать и нравиться; теперь для немолодыхъ дѣвицъ есть въ обществѣ рѣзкая черта, преступая за кою, онѣ становятся смѣшны, если добровольно не хотятъ покинуть забаву первой молодости; прежде невинному веселію границъ не ставили. Говорятъ, что нынѣшніе танцы способствуютъ сближенію молодыхъ людей обоего пола, что они даютъ имъ средства короче узнать другъ друга и сокращаютъ имъ путь къ браку. Это бы весьма хорошо, но полно такъ ли? Развѣ нынѣ болѣе женятся? Развѣ нынѣ мы видимъ болѣе супружествъ по склонности? А для молодыхъ замужнихъ женщинъ, къ чему нынѣшніе танцы сокращаютъ имъ путь? Не знаю; но мнѣ все кажется, что, въ продолженіи двухъ или трехъ часовъ, однообразный шумъ мазурки или котильона, столь утомительный для слуха, долженъ непремѣнно усы-

пить осторожность дѣвицъ, для нихъ столь необходимую. Безчеловѣчіе къ музыкантамъ, невнимательность, неучтивость ко всѣмъ не танцующимъ, которые во многихъ домахъ, нѣсколько часовъ сряду, состоятъ въ блокадѣ, запираются непроходимою комнатою и отрѣзываются отъ своихъ шубъ и шинелей: вотъ, по мнѣнію моему, большія неудобства нынѣшнихъ танцевъ.

Я все забываюсь и невольно переношусь въ настоящее время: спѣшу переброситься лѣтъ за сорокъ тому назадъ, въ мой любезный Кіевъ, чтобы продолжать списокъ чиновныхъ особъ обоего пола, составлявшихъ его общество.

Въ Уголовной Палатѣ предсѣдательствовалъ Иванъ Гавриловичъ Вишневской, человѣколюбивѣйшій изъ судей, что̀, кажется, довольно великая похвала для уголовнаго предсѣдателя. Онъ былъ домосѣдъ и, какъ говорили тогда, человѣкъ начитанный и просвѣщенный. Вмѣсто себя посылалъ онъ въ общество дородную жену свою Ульяну Степановну, сестру нашего посланника въ Константинополѣ Тамары, добрую и почтенную даму. Съ нею было у него два сына, которые воспитывались въ Вѣнѣ, и коихъ возвращеніе отняло у Кіевскихъ родителей желаніе посылать дѣтей за границу; да еще куча дочерей, очень хорошихъ дѣвокъ, между коими были и хорошенькія. Замѣчательно то, что при нихъ находилась Русская мамзель, Прасковья Ивановна: другаго прозванія ей не было. Богъ вѣсть гдѣ и какъ выучилась она иностраннымъ языкамъ, была строгой нравственности и имѣла сверхъ того другія познанія, которыя нельзя найдти у выписныхъ мамзелей. Симъ доказываеття, какъ давно можно было бы завести у насъ сей полезный классъ женщинъ.

До Вишневскаго былъ уголовнымъ предсѣдателемъ г. Москотиньевъ совсѣмъ противныхъ ему свойствъ, грубый невѣжа и страшный взяточникъ. Его я совсѣмъ не помню. Вдова его осталась жить въ Кіевѣ, часто насъ посѣщала, и вообще вездѣ ее можно было встрѣтить. Она была до чрезвычайности ко всѣмъ ласкова, ни съ кѣмъ не спорила, никого не пересуживала, все хвалила и всѣмъ старалась угождать, а все ея не любили и довольно сухо принимали; это происходило оттого, что она слыла отмѣнно жестокосердою до̀ма: увѣряли, будто двухъ или трехъ несчастныхъ крѣпостныхъ дѣвокъ своихъ, единственное свое недвижимое имущество, она таскала всякій день за волосы по полу и била плетью. Явное къ ней недоброжелательство не доказываетъ ли сострадальность, добрыя чувства моихъ тогдашнихъ Кіевлянъ?

Предсѣдателемъ Гражданской Палаты былъ человѣлъ одной изъ извѣстнѣйшихъ фамилій въ Малороссіи, Иванъ Григорьевичъ Туман-

ской, который дѣлалъ величайшую честь сословію старыхъ холостяковъ. Онъ судилъ по справедливости и законамъ, слѣдственно къ неудовольствію половины тяжущихся; а не было ни одного человѣка, который бы не любилъ его и не уважалъ. Его спокойная совѣсть изображалась на спокойномъ лицѣ его вмѣстѣ съ тихимъ веселіемъ, ея неразлучнымъ спутникомъ; скромность его была въ совершенной противоположности съ несносною спѣсью, коею всѣ родные его, однофамильцы, даже до четвертаго поколѣнія, еще и понынѣ одержимы.

Совѣстный судья, Иванъ Михайловичъ Корбе, ужасалъ безобразіемъ, но какъ увѣряли, плѣнялъ умомъ и удивлялъ ученостію, что̀ утверждать я не смѣю, ибо тогда не былъ въ состояніи о томъ судить. Жена его, коей имя не запомню, напротивъ, была хороша собой, хотя и не молода. Сего нельзя было сказать о пяти или шести его дочеряхъ: онѣ всѣ были въ него, одна другой дурнѣе, одна другой добрѣе. Богъ благословилъ сіе семейство; мнѣ сказывали, что всѣ онѣ вышли замужъ очень счастливо.

Говорить ли еще о чиновникахъ, занимавшихъ мѣста̀ нынѣ почитаемыя мелкими, которыя тогда считались крупными и доставляли уваженіе занимавшимъ ихъ, о совѣтникахъ губернскаго правленія и палатъ? Здѣсь еще не мѣсто говорить о постепенномъ упадкѣ сихъ должностей въ общемъ мнѣніи, упадкѣ столь вредномъ для пользы государственной службы; тогда еще искали ихъ и старинные дворяне, и заслуженные чиновники, и люди съ достаткомъ, и получивши ихъ, вмѣстѣ съ семействами своими, играли почетную роль въ губернскихъ городахъ. Платя дань нынѣшнему образу мыслей, я умолчу о многихъ, а о другихъ скажу только нѣсколько словъ.

Въ Губернскомъ Правленіи было тогда только два совѣтника, Николай Ивановичъ Ергольской и Прокофій Ѳедоровичъ Пражевской; строгимъ безкорыстіемъ, умомъ, знаніемъ дѣлъ и какою-то природною важностію, безъ примѣси чванства, могли оба украсить Сенатъ, еслибы въ немъ засѣдали. У перваго изъ нихъ было домашнее горе, добрая и любимая жена, Наталья Егоровна, но которая, къ несчастію, имѣла два порока: была престрашная лгунья и вечеркомъ наединѣ любила выпить. Послѣдній былъ счастливѣе. Странно было видѣть его, малорослаго, рыжеватаго, невзрачнаго, съ женою высокою, дородною, черноволосою, смуглою, всегда и во всемъ ему покорною какъ дитя. Татьяна Екимовна, такъ звали ее, урожденная, если не ошибаюсь, Сахновская, была тѣмъ особенно замѣчательна, что быстрые, огненные ея взоры изображали необыкновенное сердечное добродушіе, и что каждое слово, на выразительномъ Малороссійскомъ нарѣчіи ею произнесенное, подтверждало то, что̀ глаза ея говорили; за то отъ

стара до мала всѣ равно любили ее. Одну только замѣтили въ ней слабость: будучи двоюродною сестрою *Безбородьки* (какъ она выговаривала) она часто любила о томъ напоминать *).

Ничего, кромѣ похвалъ, не могу я сказать и о другихъ чиновникахъ воинскихъ и гражданскихъ, тогда въ Кіевѣ находившихся и мнѣ нынѣ на память приходящихъ. Но какъ самое лучшее безпрестанно повторяемое можетъ наскучить, то для перемѣны скажу нѣсколько словъ о губернскомъ прокурорѣ, Григоріи Ивановичѣ Краснокутскомъ. Его никто не могъ упрекнуть въ мздоимствѣ, но чрезмѣрное самолюбіе и безпокойный нравъ дѣлали его привязчивымъ и сварливымъ. Онъ былъ бѣденъ и гордъ, чистъ и золъ, и я не берусь его осуждать, хотя онъ причинилъ много досадъ отцу моему. Сынъ его былъ одинъ изъ заговорщиковъ 14-го Декабря.

Можетъ быть, отдаленіе украшаетъ въ глазахъ моихъ всѣ предметы; можетъ-быть, имѣя въ сердцѣ обильный источникъ любви къ ближнимъ, ничто не препятствовало ему разливаться на все меня окружавшее, и я другихъ ссужалъ собственными чувствами; какъ бы то ни было, мнѣ кажется, что нигдѣ еще не собиралось въ одно время столь много добрыхъ, умныхъ и честныхъ людей, какъ тогда въ Кіевѣ, и, по моему мнѣнію, сей городъ былъ тогда вмѣстѣ святый и благочестивый. Одна минута все перемѣнила, и тѣмъ доказывается, что время сіе, не для однихъ ребятъ, было золотымъ вѣкомъ Россіи.

Посреди сего всеобщаго благочестія, жилъ одинъ старецъ, ознаменованный небесною благодатію, и молитвы его, конечно, низводили ее на ввѣренную ему паству: святитель Самуилъ управлялъ тогда древнѣйшею епархіей въ Россіи. Онъ былъ выраженіе всего, что̀ есть прекраснаго въ ученіи Христовомъ, олицетворенная христіанская любовь и, если смѣю сказать, воплощенное слово Божіе; смотря на него, можно было постигать высоту, на кою христіанскія добродѣтели возводятъ человѣка посвятившаго себя единственно Небу. Сей великій іерархъ удостоивалъ мать мою отеческою любовію; обремененный не столько еще лѣтами, какъ слѣдствіями труженической жизни, онъ рѣдко покидалъ свое уединеніе, однакоже два или три раза въ годъ посѣ-

---

*) У нихъ было довольно многочисленное семейство. Одна изъ дочерей ихъ была замужемъ за генераломъ Левицкимъ, который до 1830 года игралъ столь важную роль въ Варшавѣ; одинъ же изъ сыновей былъ назначенъ въ 1829 году губернаторомъ въ Бессарабію. Когда онъ пріѣхалъ въ Кишиневъ и увидѣлъ его кривыя, неопрятныя, вонючія улицы, когда предъ нимъ отверзлась бездна столь же кривыхъ и запутанныхъ дѣлъ, на каждомъ шагу встрѣчая нечистоту или нравственную, или физическую, онъ до того испугался, что, пробывъ только двѣ недѣли, пожертвовалъ всѣмъ, бросилъ все и губернаторское мѣсто, и службу, и надежду на повышеніе, и будущіе успѣхи.

щалъ домъ нашъ. Всякій разъ призывалъ онъ меня къ себѣ, сажалъ на колѣна и цѣловалъ. Какъ описать мнѣ ощущенія мои при его ласкахъ? Невольный трепетъ, неизъяснимую радость, священный страхъ? Одинъ непорочный отрокъ можетъ сіе чувствовать; нынѣ же, грѣшный, изнуренный пагубными страстями, едва могу себѣ все это припомнить и съ трудомъ выразить. Можетъ быть, въ другомъ мірѣ и языкомъ неземнымъ буду въ состояніи объяснить сіе.

Не задолго до смерти Екатерины угасъ сей свѣтильникъ вѣры. Похороны происходили въ Софійскомъ соборѣ безъ всякой пышности, не было ни катафалка, ни балдахина; меня, какъ малолѣтняго, имъ любимаго, поставили близъ самаго гроба, который довольно низко стоялъ посреди церкви. Я не спускалъ глазъ съ неподвижнаго лица усопшаго праведника; но чтó было со мною, когда знаменитый краснорѣчіемъ протоіерей Леванда, его возлюбленное чадо, приблизился къ гробу и началъ произносить извѣстную рѣчь свою, которая начинается словами: «Пастырь успе, дѣлатель винограда Христова отъ дѣлъ своихъ почилъ!» Съ прекрасною наружностію Леванда соединялъ звонкій и отмѣнно пріятный голосъ, и проповѣди свои, которыя и понынѣ могутъ служить образцами, говорилъ онъ еще лучше, нежели писалъ; въ эту минуту онъ былъ очарователенъ: слезы текли ручьями изъ глазъ его, и отъ рыданій онъ долженъ былъ по временамъ останавливаться. Я никогда не забуду этого трогательнаго часа и если въ послѣдствіи я не предпочелъ всему монашескую жизнь, если я остался только твердъ въ правилахъ моей вѣры и не сдѣлался даже набожнымъ: то, видно, нѣтъ во мнѣ той благодати, которая необходима для труднаго и славнаго поприща истиннаго христіанина.

IX.

Я говорилъ обо всѣхъ и обо всемъ, чтò только могъ припомнить въ первомъ моемъ младенчествѣ, но не сказалъ ни слова о семействѣ моемъ, то-есть о братьяхъ и сестрахъ. О близкихъ сердцу говорить весьма трудно: все похвальное въ нихъ хочется украсить, всѣ несовершенства хотѣлось бы скрыть, а я обѣщался вѣщать одну только истину. Итакъ пусть ее одну только узнают мои читатели.

Лѣта старшихъ сестеръ моихъ и братьевъ имъ уже извѣстны. Воспитаніе ихъ было не худо; ограниченность состоянія, недостатокъ тогдашняго времени въ хорошихъ учителяхъ, а еще болѣе въ гувернанткахъ, и жизнь въ провинціи не дозволили родителямъ моимъ сдѣлать его блестящимъ; для нравственнаго же образованія имъ достаточно было родительскихъ примѣровъ и наставленій. При сестрахъ

моихъ, какъ мнѣ сказывали, являлись по временамъ какія-то мамзели, Нѣмки или Француженки, а можетъ-быть крещеныя Жидовки, которыя за таковыхъ себя выдавали; но доказанныя невѣжество или безнравственность скоро заставляли отсылать ихъ. Пограничный Кіевъ представилъ возможность дать сестрамъ нѣкоторые таланты: ихъ учили танцовать и играть на фортепіано; послѣднее, начатое по минованіи уже ребяческихъ лѣтъ, не имѣло большаго успѣха.

Природа не была скупа къ старшимъ сестрамъ моимъ: лучшій ея подарокъ -доброе сердце, и она обѣихъ имъ надѣлила. Старшая Елисавета умомъ и красотой уступала младшей Натальѣ, но едва ли не превосходила ее въ добросердечіи: въ этомъ сравниться съ нею трудно; ни голубицы, ни агнцы не могутъ быть незлобивѣе. Она никогда не подозрѣвала существованія зла, ниже хотѣла ему повѣрить; она знала, что есть люди раздражительные и опасно сердить ихъ, но ихъ мщенія, хитрой, постоянной злобы она никогда не могла понять. Когда случатся маленькія, семейныя, минутныя междоусобія, или горничныя, употребляя во зло ея снисходительность, не внимательны къ ея требованіямъ, она, бывало, надуется, въ ней замѣтно что-то похожее на досаду; но до гнѣва, до брани, до ссоры она отъ роду не умѣла доходить.

Иные скажутъ, что это доказываетъ необыкновенную слабость характера; но въ соединеніи съ строжайшими правилами нравственности, такая слабость не могла имѣть никакихъ неудобствъ для женщины или даже дѣвицы, которой опредѣлено было долго ничѣмъ не управлять и ни надъ кѣмъ не властвовать. Съ такими милыми свойствами сохранены были и нѣкоторые недостатки: легковѣріе, легкомысліе, чрезмѣрное иногда любопытство; врожденная въ ней набожность съ лѣтами обратилась въ суевѣріе, въ наблюденіе странныхъ, нѣсколько смѣшныхъ формулъ. Все это вмѣстѣ сохранило въ ней, среди преклонныхъ уже лѣтъ, необыкновенную молодость души: она всѣмъ тѣшится какъ дитя, міръ не теряетъ для нея своей свѣжести, своихъ прелестей. Какъ будто нарочно для нея Создатель ниспослалъ въ него надежду: она никогда съ ней не разставалась. Когда тяжкая болѣзнь постигнетъ одного изъ родителей или котораго-нибудь изъ родныхъ, она тиха, печальна, заботлива, но одна только не предается отчаянію; врачи объявляютъ, что опасность съ каждою минутой умножается, она бѣжитъ въ свою комнату, помолится тамъ, поплачетъ передъ образами, и выходитъ оттуда съ лицомъ спокойнымъ, почти веселымъ, какъ будто вынося съ собою жизнь и исцѣленіе. Когда же смерть погаситъ передъ нею послѣдній лучъ надежды, она дѣлается молчалива, грустна, но надежды свои быстро переноситъ въ другой

міръ, совершенно убѣжденная, что милые ея сердцу тамъ блаженствуютъ, и счастлива мыслію о свиданіи съ ними.

Она никогда не была хороша собою, но имѣла весьма правильныя черты, и постоянное выраженіе благосклонности придавало имъ большую пріятность. Были люди, которые искали ея руки, но или ей, или родителямъ не нравились, и Богъ не судилъ ей быть супругой и матерью; она бы могла быть ихъ образцомъ, судя по безпредѣльной любви ея къ роднымъ. Съ самой первой молодости разливала она между ими утѣшеніе и миръ; если кто-нибудь изъ насъ прогнѣваетъ родителей, она не покойна, пока не вымолитъ прощеніе; братьевъ и сестеръ она не только мирила, но старалась предупреждать малѣйшее несогласіе, всему находила извиненіе, всегда готова была вину взять на себя. Обманутыя надежды, безбрачная жизнь, необходимость покорности въ такія лѣта, когда уже можно располагать собою и другими, весьма естественно портятъ нравъ старѣющихъ дѣвицъ; кротость же сестры моей съ лѣтами, кажется, все умножалась. О достохвальныхъ ея подвигахъ мнѣ не разъ придется говорить, если продлятся Записки сіи; покамѣстъ ограничусь сказаннымъ. Счастливъ, если сего достаточно, чтобы заставить полюбить ее. Беззащитное, безобидное существо! У одра полумертвой матери поклялся я быть твоею подпорой, но что̀ бы могъ я для тебя сдѣлать? Награждая твои добродѣтели, самъ Всемогущій, среди старости, бѣдности, сиротства твоего, послалъ незнакомаго тебѣ благодѣтеля *), который душевною добротой даже съ тобою поспорить можетъ.

Ко второй сестрѣ моей природа еще была щедрѣе. Всѣ называли ее красавицей; это былъ портретъ красивой матери, списанный искуснымъ живописцемъ, который бы захотѣлъ польстить ей; нравомъ же совершенно походила на отца. Тогда какъ старшая сестра вездѣ видѣла друзей и тайны невинной души своей готова была повѣрить каждому, меньшая была осторожна, осмотрительна, даже нѣсколько недовѣрчива, и веселостямъ своего возраста предавалась съ умѣренностію, какъ бы повинуясь необходимости. Не было ли это предчувствіемъ всѣхъ горестей, которыя она должна была испытать въ жизни? Ничего чувствительнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе демонстративнаго я не знавалъ; высокія чувства, коимъ тогда не знали даже названія, таились въ глубинѣ ея сердца и иногда изливались въ дѣяніяхъ, но не въ рѣчахъ; старые люди дивились чрезвычайному благоразумію молодой дѣвочки, и въ обхожденіи съ нею самихъ родите-

*) Министръ Блудовъ, выпросившій ей пенсію, на которую по законамъ она не имѣла никакого права.

лей замѣтно было какое-то особенное уваженіе. Скромность, чувство приличія и собственнаго достоинства инымъ казались гордостію; но они скоро узнавали ошибку свою, увидя, сколько она строга къ себѣ и снисходительна къ недостаткамъ другихъ. Умъ самый основательный, сужденія всегда логическія, вывели ее рано изъ ряда подругъ и ровесницъ, и тогда какъ они занимались исключительно нарядами и городскими забавами, предметомъ ея нѣжнѣйшихъ попеченій сдѣлался маленькій братъ, который только десятью годами былъ ея моложе.

Мои читатели вспомнятъ, можетъ-быть, о княгинѣ Хованской; сіи двѣ женщины умѣли понять другъ друга, не смотря на великую разницу въ лѣтахъ. Ея примѣру, ея нѣжной любви обязана сестра моя отчасти развитіемъ прекрасныхъ свойствъ, насажденныхъ въ ней природою. Первые годы моей юности, внѣ родительскаго дома, провелъ я вмѣстѣ съ нею, слѣдственно буду часто имѣть случай говорить объ ней и потому считаю лишнимъ здѣсь далѣе распространяться.

Таже самая разница, которую можно было найти въ характерѣ двухъ сестеръ, встрѣчалась также въ обоихъ старшихъ братьяхъ. Оба были исполнены доброты, правдолюбія и чести, но старшій тысячью преимуществами блисталъ передъ младшимъ. Онъ былъ уживчивѣе, уступчивѣе, острѣе и веселонравнѣе, не говоря уже о природныхъ способностяхъ его ко всякаго рода серіознымъ занятіямъ, которыя показалъ онъ въ продолженіи службы. Меньшой же Николай былъ нраву весьма крутаго, чрезвычайно вспыльчивъ и потомъ упрямъ, какъ всѣ люди неодаренные хорошимъ разсудкомъ. Страшная охота спорить, совершенное отсутствіе логики и всегда кривые толки дѣлали его тягостнымъ не только для постороннихъ, но даже для родныхъ. Намѣренія же его всегда были чисты и похвальны. Изобразивъ его недостатки, мнѣ пріятно отдать справедливость и добрымъ его качествамъ. Замѣтно было, что онъ менѣе всѣхъ любимъ родителями; онъ самъ это зналъ, а со всѣмъ тѣмъ никто изъ насъ не могъ равняться съ нимъ въ безпредѣльной къ нимъ преданности, въ безусловной покорности: онъ видѣлъ въ нихъ нѣчто божественное. Не смотря на безконечные его споры, онъ страстно любилъ сестеръ и особливо брата и съ непритворнымъ удовольствіемъ признавалъ его превосходство надъ собою; сей же послѣдній, въ безпрестанномъ съ нимъ сообществѣ, вѣроятно научился терпѣливости, которою отличается.

Старшій братъ Павелъ былъ весьма недуренъ собою. Одинъ несчастный случай его нѣсколько обезобразилъ: кусокъ фаянса, отскочившій отъ лопнувшей чашки, попалъ ему въ глазъ, когда еще онъ былъ ребенкомъ, и всѣ старанія, чтобъ его вылѣчить потомъ, остались тщетны. Наружность меньшаго не имѣла ничего привлекательнаго:

у него были сѣрые глаза и лице блѣдное, ничего не выражающее, испорченное оспой. Наружные недостатки старался онъ замѣнить франтовствомъ, былъ чистоплотенъ и въ мелочахъ акуратенъ до крайности, имѣлъ однакоже наклонность къ расточительности, но былъ всегда удержанъ страхомъ прогнѣвить родителей. Вообще онъ, кажется, родился болѣе въ братьевъ отца нашего, чѣмъ въ него самого: Нѣмецкая кровь громче въ немъ говорила, чѣмъ въ комъ-либо изъ насъ, и съ малолѣтства курительный табакъ сдѣлался уже одною изъ потребностей его души.

Братья мои получили весьма хорошее воспитаніе. Въ Пензенскомъ уединеніи, въ промежутки времени между полковничествомъ и комендантствомъ, отецъ былъ самъ первымъ ихъ наставникомъ. По пріѣздѣ въ Кіевъ вручилъ онъ ихъ г. Гагеру, и изъ всего, что̀ я слышалъ объ немъ, можно заключить, что онъ имѣлъ основательныя познанія и былъ почтеннаго характера. Въ 1792 году мать моя со всѣми старшими дѣтьми отправилась въ Петербургъ, съ тѣмъ чтобы въ первый разъ показать его дочерямъ, а сыновей окончательнымъ ученіемъ приготовить ко вступленію въ службу и въ свѣтъ. Къ счастію, ей указали весьма хорошій пансіонъ г. Девеля, куда всѣ почтенные, просвѣщенные и благоразумные родители отдавали тогда дѣтей; знатные же своихъ воспитывали до̀ма или за границей, ибо объ аббатѣ Николѣ тогда еще и помину не было. Пристроивши ихъ, она скоро воротилась въ Кіевъ.

Странные были тогда обычаи, въ сіе, впрочемъ, столь счастливое для Россіи время: въ пятнадцать лѣтъ обыкновенно уже оканчивалось воспитаніе мальчиковъ. Полагали, что они уже всему выучены и спѣшили ихъ отдавать въ службу, чтобъ они ранѣе могли выйти въ чины. Многіе изъ родителей съ сокрушеннымъ сердцемъ смотрѣли на пагубу, которая угрожала нѣжному возрасту и неопытности сыновей ихъ, но не властны были не слѣдовать общему примѣру, опасаясь обвиненія, что они препятствовали счастію и возвышенію своихъ дѣтей.

Была еще другая странность, которую можно даже назвать злоупотребленіемъ: въ каждомъ гвардейскомъ полку сотнями считались сержанты, вахмистры, унтеръ-офицеры, каптенармусы, капралы; всѣ они были малолѣтные, живущіе до̀ма и ожидающіе очереди къ производству. Каждому изъ сихъ гвардейскихъ нижнихъ чиновъ соотвѣтствовалъ въ арміи одинъ изъ оберъ-офицерскихъ, и потому при записываніи дѣти получали сіи чины, смотря по связямъ родителей съ начальниками, по покровительству, а иногда и по заслугамъ ихъ.

Благодаря весьма дальнему родству матери моей съ конногвардейскимъ премьеръ-майоромъ, отъ арміи генералъ-поручикомъ Петромъ

Ивановичемъ Боборыкинымъ, насъ всѣхъ троихъ, братьевъ за азбукой, а меня въ колыбели, записали вахмистрами лейбъ-гвардіи въ конный полкъ. Старшинство между тѣмъ сохранялось, и для братьевъ приближалось уже время производства въ офицеры; стоило только подождать годъ-другой; но какимъ мальчикамъ не хочется ранѣе быть на свободѣ? Они убѣдили родителей дозволить имъ, какъ говорилось тогда, подать въ армію и, едва показавшись на службу, они были выпущены 1 Января 1795 года ротмистрами въ Нѣжинскій карабинерный полкъ. Подобная участь въ послѣдствіи ожидала и меня, и я, признаюсь, ожидалъ ея также съ нетерпѣніемъ.

Тотъ полкъ, въ который вышли братья мои, стоялъ тогда на квартирахъ во вновь присоединенной отъ Польши Изяславской губерніи, нынѣшней Волынской, бывшемъ Заславскомъ воеводствѣ, не очень далеко отъ Кіева. По снисходительности начальства и вообще по необращенію въ мирное время строгаго на то вниманія, они большую часть года проводили у родителей. Пріѣздъ ихъ меня совсѣмъ не обрадовалъ: три года отсутствія въ тогдашнія мои лѣта были цѣлая вѣчность, я ихъ совсѣмъ почти не помнилъ и, смотря на ласки, расточаемыя имъ матерью и сестрами, видѣлъ въ нихъ только пришлецевъ, похищающихъ мои права.

Непріязненное къ нимъ чувство еще умножилось, когда они начали мнѣ приказывать, на мнѣ взыскивать. Пусть бы сестры, думалъ я: онѣ бранятъ такимъ нѣжнымъ голосомъ; когда онѣ принуждены даже взять за ухо, отъ прикосновенія ихъ менѣе боли, чѣмъ удовольствія; а эти карабинеры, по какому праву? Сіе право я нынѣ уважаю, право старѣйшинства между родными; оно было тогда освящено обычаемъ и проистекало изъ самыхъ ясныхъ понятій о взаимныхъ обязанностяхъ единокровныхъ. Имъ крѣпится союзъ въ семействахъ; никакой ребенокъ не могъ тогда остаться совершенно сиротой, напрасно смерть похищала у него отца и мать: дяди и тетки, старшіе братья и сестры, при жизни ихъ, уже участвовавшіе въ ихъ обязанностяхъ, тотчасъ заступали ихъ мѣсто и становились естественными покровителями младенца, отрока или даже юноши. Общее мнѣніе поручало имъ беззащитнаго и требовало отъ нихъ строгаго отчета; безжалостный братъ или хищный дядя были имъ преслѣдуемы и были столь же рѣдки, какъ жестокосердые родители; но за то и они находили въ питомцахъ своихъ покорность и нѣжность. Узелъ, прикрѣпляющій дѣтей къ родителямъ, а за неимѣніемъ ихъ къ старшимъ въ родѣ, слугъ къ господамъ и взаимно, сей самый узелъ связывалъ гражданъ между собою и привязывалъ ихъ къ правительству, вѣрѣ и отечеству. Горькая истина!

Всѣ сіи узы до того нынѣ ослабѣли, что стóитъ бездѣлицы, дабы совсѣмъ развязать ихъ. О всегубительный вихорь Запада!

Напрасно будутъ говорить, что народы всегда любятъ правительства, коихъ благотворные законы ограждаютъ ихъ безопасность и собственность, что людямъ необходима какая-либо вѣра, и сія необходимость заставляетъ любить ее, что общія выгоды всегда соединяютъ людей на защиту ихъ, что слуги волею или неволею и теперь повинуются господамъ; что если дѣти и не оказываютъ нынѣ родителямъ принужденнаго уваженія какъ прежде, если позволяютъ себѣ безпрестанно съ ними обо всемъ спорить и смѣются надъ ихъ ветхими предразсудками, то не менѣе того ихъ любятъ по привычкѣ, по воспоминаніямъ о младенчествѣ. Хорошо, еслибъ и такъ; но это дѣйствіе необходимости, разсудка, разсчета, а прежде все это было чувство, и, кажется, что одно всегда бывало сильнѣе другаго.

Настоящее заставляетъ меня часто забывать прошедшее; спѣшу опять въ немъ утѣшиться. Итакъ братья мною командовали; изъ нихъ старшій, а изъ сестеръ средняя преимущественно мною занимались, мнѣ покровительствовали, меня предпочитали, тогда какъ старшая сестра и средній братъ всегда оказывали совершенное пристрастіе къ самой меньшей сестрѣ нашей Александрѣ, которая, какъ уже сказалъ я, была шестью годами меня моложе.

Сія послѣдняя отъ природы получила все, и умъ, и красоту, и доброе сердце; но, къ сожалѣнію, все это напрасно. Если оспа не совсѣмъ ее изуродовала, то по крайней мѣрѣ весьма попортила ея лицо; кожѣ необыкновенной бѣлизны и тонкости и чертамъ самымъ привлекательнымъ дала нѣкоторую грубость и выраженіе не совсѣмъ пріятное, оставивъ ей одни только прекрасные глаза. Дурное воспитаніе еще болѣе испортило ея нравъ и не дало природному уму ея развиться и украситься. Сей Веніаминъ женскаго пола былъ идоломъ покойнаго родителя; не отягченный еще, но уже побѣжденный лѣтами, онъ не могъ сохранить съ нею притворнаго равнодушія, которое показывалъ старшимъ дѣтямъ; вся нѣжность отца, усиленная продолжительнымъ воздержаніемъ отъ ея изъявленія, излилась на малютку, послѣдній плодъ счастливаго его супружества. Ея появленіе всякій разъ рождало улыбку на устахъ его, при ней терялъ онъ обычную свою важность; чадолюбивѣйшая изъ матерей не хотѣла или не смѣла показать ей малѣйшей строгости; старшіе братья и сестры тѣшились ею какъ куклой, а одинъ изъ нихъ, отличающійся нѣкоторою суровостію въ характерѣ, позволялъ ей все съ собою; наконецъ, и мнѣ, который въ ребячествѣ имѣлъ наклонность къ постыднымъ порокамъ зависти и ревности, ни минуту не приходило на сердце ей позавидо-

вать, и мы по близости лѣтъ чрезвычайно другъ друга любили. Все позволялось ей, всѣ ея прихоти исполнялись; долго не рѣшались занимать ее ученіемъ, а когда и принялись за то, никто не смѣлъ ее приневоливать; однимъ словомъ, это было самое избалованное дитя, и если Веніаминъ не сдѣлался, наконецъ, Митрофанушкой въ юбкѣ, то его спасли единственно хорошіе примѣры въ семействѣ, а можетъ быть и счастливые дары природы.

Коротко познакомивъ читателей со всѣмъ моимъ семействомъ, мнѣ предстоитъ теперь обязанность доставить имъ новыя знакомства съ посторонними лицами и приступить къ описанію совсѣмъ новой эпохи въ моей жизни.

X.

Кому изъ пожилыхъ нынѣ людей не памятенъ роковой 1796 годъ? Великія народныя бѣдствія постигли Россію въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины; на Югѣ война пылала съ Турціей, Польша волновалась и угрожала опасностію ея западнымъ границамъ, всѣ ея юго-восточныя области кипѣли ужаснымъ Пугачевскимъ бунтомъ, и моровая язва, опустошивъ южные предѣлы, проникла въ самое сердце ея, Москву. Твердостію, счастіемъ и мудрыми выборами Екатерины зло физическое и нравственное было вездѣ побѣждено, когда Румянцовъ предписывалъ Туркамъ условія мира, Бибиковы, Панины, Суворовы укрощали мятежъ, а Еропкины и Орловы спасали древнюю столицу. Бѣдствія миновались, и наступила для Россіи славная тишина, какой нельзя дотолѣ найти во всѣхъ ея лѣтописяхъ. Тишина не есть однакоже бездѣйствіе: спокойствіе, коимъ болѣе двадцати лѣтъ наслаждалась Россія при Екатеринѣ, можно уподобить лѣтнему зною, когда въ молчаніи поля и лѣсъ, люди и стада ищутъ прохлады, а силою великаго свѣтила зрѣютъ жатва и плоды.

Въ сіи двадцать слишкомъ лѣтъ быстро, хотя сначала едва примѣтно, естественно и непринужденно, просвѣщеніе разливалось по всѣмъ отраслямъ управленія, проникало въ цѣлый составъ народный. Подъ государственное зданіе, наскоро, нетерпѣливою, насильственною рукою Петра Великаго воздвигнутое, подведенъ прочный фундаментъ, котораго оно не имѣло; грубый чертежъ его во многомъ измѣнился, и въ сей передѣлкѣ, приспособленной къ нашему народному быту, соблюдены стройность и пріятность формъ. Народный духъ, болѣе пятидесяти лѣтъ подавляемый сначала Петромъ, а послѣ него Меншиковымъ и Бирономъ, воспрянулъ уже при Елисаветѣ; но въ немъ была замѣтна не столько привязанность къ достоинству Русскаго имени, сколько къ предразсудкамъ, къ варварскимъ обычаямъ старины. Пер-

вые искры національнаго самолюбія, просвѣщеннаго патріотизма показались при Екатеринѣ; при ней родились и вкусъ, и общее мнѣніе, и первыя понятія о чести, о личной свободѣ, о власти законовъ.

Пустоши, необитаемыя степи покрылись при ней селеніями; мало извѣстныя селенія обратились въ многолюдные, губернскіе города, и зацвѣли торговлей и общежитіемъ. Она никого не принуждала, но во всѣхъ умѣла возбуждать желаніе учиться, и Русскіе, какъ будто бы слѣдуя собственному внушенію, стремились сравняться съ народами, многими вѣками въ образованіи ихъ опередившими. Все шло какъ бы само собою, и очарованная ею Россія, упоенная славой, пресыщенная завоеваніями, предавалась какому-то сладкому забвенію, отъ котораго только по временамъ столь же пріятно была пробуждаема громомъ заграничныхъ нашихъ побѣдъ.

Говорятъ, что ея придворные, какъ и вездѣ, пресмыкались, завидовали и клеветали, пристально вглядывались въ царскія слабости, старались угождать имъ и въ тоже время нескромными рѣчами старались поносить ихъ. Но въ дали солнце Россіи являлось намъ во всемъ своемъ блескѣ. Державинъ пѣлъ его, Суворовъ ему служилъ, мы согрѣвались его лучами, мы озарялись его свѣтомъ. Мы блаженствовали, мы ликовали, мы все болѣе и болѣе предавались врожденной намъ безпечности, забывая о прошедшемъ, не думая о будущемъ, какъ будто бы безсмертная дѣлами была также безсмертна и тѣломъ.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1796 года ужасная вѣсть о ея внезапной кончинѣ прервала плѣнительный сонъ, въ который погружена была вся Россія. День имянинъ моихъ съ покойнымъ отцомъ, 14-го Ноября, былъ днемъ торжественнымъ для нашего семейства и праздникомъ для цѣлаго города. Въ этотъ день съ ранняго утра до обѣденнаго времени посѣтители и даже посѣтительницы являлись безпрестанно съ поздравленіями; между тѣмъ во всѣхъ комнатахъ накрывались столы, за которые тѣсно садились потомъ духовные, воинскіе и гражданскіе чиновники и нѣсколько почетнѣйшихъ Кіевскихъ купцовъ; это былъ, какъ говорилось, пиръ про весь міръ. Лишь только исчезали столы, какъ начинали съѣжаться на вечеръ и далеко за полночь веселились: самый пріятный и утомительный для насъ день.

Онъ взошелъ какъ обыкновенно: домъ нашъ наполнился всякаго званія людьми; со всѣхъ сторонъ доброжелательныя лица и нельстивыя уста привѣтствовали добраго, всѣми любимаго хозяина и его семейство. Сѣли за обѣдъ, и къ концу его, радость, кажется, болѣе нежели когда-либо блистала на всѣхъ лицахъ и изливалась въ шумныхъ не складныхъ рѣчахъ. Вотъ уже встали изъ-за стола, уже наступилъ вечеръ, и молодежь съ нетерпѣніемъ ожидала первыхъ ударовъ смычка,

какъ вдругъ вызвали губернатора Милашевича, а за нимъ и отца моего, и чрезъ нѣсколько минутъ они воротились съ видомъ мрачнымъ и безпокойнымъ. Немногіе это замѣтили; но, спустя полчаса, отецъ мой объявилъ, что музыканты отосланы и пляски не будетъ. Старыя барыни приступили къ нему съ убѣжденіями и съ требованіемъ отмѣнить сей безчеловѣчный приговоръ, молоденькія дѣвицы взорами молили его о томъ же; онъ остался непреклоненъ; одна мать моя, которая знала, что онъ никогда не дѣйствовалъ по капризамъ и подозрѣвала важную тайну, была сильно встревожена. Вечеръ прошелъ довольно скучно, и всѣ рано разъѣхались по домамъ.

На другой день поутру весь городъ узналъ ужасную тайну. Проѣхавшій накапунѣ изъ Петербурга курьеръ къ фельдмаршалу графу Румянцову, генералъ-губернатору Малороссіи, съ подорожной, на которой было выставлено имя Павла Перваго, былъ остановленъ на почтѣ и проведенъ къ губернатору, который тогда находился у отца моего, и они оба узнали отъ него нѣкоторыя подробности о кончинѣ Екатерины Второй, которыхъ никому не спѣшили сообщить. Ночью пріѣхалъ другой курьеръ съ манифестомъ о восшествіи на престолъ императора Павла.

Какъ описать видѣнное мною? Я помню всеобщее оцѣпенѣніе; я помню, какъ сквозь слезы поздравляли другъ друга съ новымъ государемъ; помню изъявленіе надежды, что онъ будетъ милосердъ къ своимъ подданнымъ, тогда какъ печальные взоры говорили всѣмъ противное. Молва заносила къ намъ вѣсти о его раздражительномъ и слабомъ характерѣ, по коему онъ невольно покорялся той, предъ коею всѣ смирялись; намъ разсказывали о его странностяхъ, о его мрачномъ житьѣ въ Гатчинѣ, среди лѣса и болотъ, въ семъ Минтурнѣ *), гдѣ онъ помышлялъ о мести. Многіе видѣли въ немъ жертву, но жертву озлобленную, и при имени его чувство состраданія сливалось съ какимъ-то тайнымъ ужасомъ. Онъ явился на тронѣ, и Россія въ безмолвіи, съ благоговѣніемъ и трепетомъ преклонила колѣна предъ сыномъ Екатерины и правнукомъ Петра.

Первыя извѣстія, полученныя потомъ изъ Петербурга, многихъ обрадовали: щедроты лились рѣкою. Но благоразумные люди разсчитывали, что если такъ продлится, то наружные знаки отличія потеряютъ всю цѣну, а раздача денегъ и деревень скоро истощитъ государство; впрочемъ, они приписывали сіе избытку радости при достиженіи давно желаемаго вѣнца.

---

*) Минтурнъ—городъ въ древнемъ Лаціумѣ, гдѣ скрывался изгнанный Марій. П. Б.

Вскорѣ потомъ другія извѣстія, быстро одно за другимъ приходящія, всѣхъ изумили. Явно преслѣдуя память матери своей, новый императоръ съ особенною торжественностью поклонялся праху отца. Извлекая его изъ могилы, вѣнчая во гробѣ, онъ только воскресилъ неуваженіе къ сему давно забытому государю. Какъ святой Реми завоевателю Клодовигу, казалось, онъ говорилъ Русскому народу: жги что̀ ты боготворилъ и боготвори что̀ ты жогъ. Минерва въ баснословіи не имѣла матери, а сыну Минервы можно было бы забыть, что онъ имѣлъ отца.

Всѣ окружавшіе Петра III были призваны ко двору и осыпаны милостями. Вѣроятно, въ спискѣ не столь важныхъ лицъ при немъ находившихся, нашлось и имя отца моего; такъ должно полагать: ибо, безъ всякаго представленія, безъ всякой извѣстной причины, вдругъ получилъ онъ милостивый рескриптъ отъ царя и на шею Анненскій крестъ, огромную бляху, составленную изъ красныхъ и бѣлыхъ стеколъ, изображающихъ яхонты и алмазы. Награда нынѣ маловажная, даже обидная для генерала, но въ первые мѣсяцы царствованія Павла она почиталась лестною; отмѣнивъ раздачу орденовъ, учрежденныхъ Екатериною, Георгіевскаго и Владимирскаго, онъ хотѣлъ замѣнить ихъ своимъ наслѣдственнымъ Голштинскимъ и для того раздѣлилъ его на три степени, почитая вторую наравнѣ съ второю степенью Владимирскаго ордена. Получивъ крестъ отъ сына Петра III и въ память его, отецъ мой надѣлъ оный съ растроганнымъ сердцемъ.

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ Екатерины, 6 Декабря, скончался близъ Кіева одинъ изъ знаменитѣйшихъ ея полководцевъ, Румянцовъ-Задунайскій. Онъ съ давняго времени жилъ въ помѣстьѣ своемъ Ташани, во ста верстахъ отъ Кіева, и оттуда управлялъ Малороссіей, то-есть имѣлъ главное наблюденіе надъ ходомъ въ ней дѣлъ, но все время нашего тамъ пребыванія ни разу не посѣтилъ Кіева. Заслуженные воины, поклонники отечественной воинской славы, съ разныхъ сторонъ стекались къ нему какъ на богомолье. Изъ подчиненныхъ его отецъ мой, имъ особенно любимый, раза два или три въ годъ посѣщалъ его и гостилъ у него по недѣлѣ. Преданный ему душею, онъ не безъ сожалѣнія видѣлъ, что благорасположеніе его раздѣляетъ онъ съ княземъ Дашковымъ, и сіе, можетъ быть, умножило его отвращеніе къ сему человѣку. Графъ Румянцовъ воспитывался въ Кадетскомъ Корпусѣ при Аннѣ Ивановнѣ, слѣдственно тогда еще былъ напитанъ Германскимъ духомъ; подъ начальствомъ графа Фермора сражался съ великимъ Фридерикомъ и, среди самыхъ побѣдъ нашихъ надъ вѣнчаннымъ полководцемъ, дивился его искусству и генію; въ послѣдствіи имѣлъ случай узнать его лично и безъ восторга не могъ

говорить объ немъ. Отечественное онъ мало уважалъ и жилъ всегда окруженный Нѣмцами. За то и Россія, платя ему дань удивленія, ограничивалась симъ холоднымъ чувствомъ, тогда какъ имя Суворова еще и понынѣ заставляетъ биться сердца патріотовъ *).

Тѣло покойнаго фельдмаршала привезено было въ Кіево-печерскую крѣпость и, по приказанію Павла, предано землѣ въ Лаврѣ съ величайшими военными почестями. Три холостые сына, изъ коихъ младшему, Сергѣю Петровичу, было уже за сорокъ лѣтъ, прибыли къ печальной церемоніи. Они принимали посѣщенія, но сами ихъ никому не дѣлали, и одинъ только изъ нихъ, Николай Петровичъ, умѣлъ со всѣми быть любезенъ и привѣтливъ. Въ память уваженія отца своего къ моему, подарилъ онъ ему богатую конскую сбрую и любимую лошадь покойника, вороную, откормленную, на которой онъ изрѣдка

* Въ новѣйшее время у Русскаго войска было также два любимца: Воронцовъ и Ермоловъ. Первый изъ нихъ и доселѣ еще управляетъ обширнымъ, мало населеннымъ, пограничнымъ краемъ; онъ живитъ его, устраиваетъ, заселяетъ и посвящаетъ ему весь умъ свой, познанія, дѣятельность, могущество и богатство. Послѣдній во многомъ обвиняемъ, а болѣе всего въ ошибкахъ, устраненный отъ дѣлъ, неимущій, зарылся въ деревнѣ, величаво уединился. Пусть объ нихъ спросятъ у любаго. Въ обоихъ видятъ погибшія надежды; но перваго никто терпѣть не можетъ, послѣднимъ всѣ еще клянутся. Отчего же такая несправедливость? До двадцатилѣтняго возраста воспитанный въ Лондонѣ, графъ Воронцовъ имѣетъ всѣ Англійскіе навыки; въ частной жизни, какъ и въ общественной, являетъ себя болѣе лордомъ чѣмъ бояриномъ; всякой Англичанинъ, хотя бы былъ небогатый купецъ, идетъ до самаго кабинета его въ шляпѣ, войдя же въ него безъ наклоненія головы трясетъ ему просто руку; тогда какъ отъ Русскихъ подчиненныхъ своихъ онъ требуетъ знаковъ нижайшей покорности. Онъ женатъ на полу-русской и бредитъ европеизмомъ. Ермоловъ, напротивъ того, видитъ въ Русскихъ (среди ихъ варварства или просвѣщенія, все равно) первый народъ въ мірѣ; какъ они, онъ властолюбивъ иногда до жестокосердія, мраченъ и остроуменъ въ насмѣшкахъ, и какъ они, имѣетъ великодушіе, отважность и самую наружность царя лѣсовъ. Его обвиняютъ, а на каждомъ шагу вы можете найдти между военными, гражданами и купцами сильныхъ и усердныхъ его адвокатовъ; старая, вѣрная Москва хотѣла утѣшить его избраніемъ въ свои предводители; самыя милости къ нему правительства, не весьма хорошо къ нему расположеннаго, имѣютъ значеніе, главнымъ образомъ, какъ знаки уваженія къ общественному мнѣнію и принимаются имъ съ восторгами благодарности. Послѣ этого пусть скажутъ, что у насъ вовсе нѣтъ національности. Мы въ этомъ случаѣ нѣсколько похожи на древнихъ Грековъ: въ нашихъ богахъ и полубогахъ мы любимъ находить наши слабости и даже наши пороки; мы желаемъ, чтобъ они были мы же, но гораздо въ большемъ размѣрѣ. Когда мы были погружены въ пучину золъ, то сострадательное Небо послало намъ архангела Скопина-Шуйскаго; теперь же торжествующіе, надменные, мы такого чуда ожидать не можемъ и готовы удовольствоваться какимъ-нибудь Ляпуновымъ или Ахиллесомъ, dont la rage est d'un tigre et les vertus d'un dieu.

выѣзжалъ и которая потомъ болѣе шести лѣтъ служила отцу моему для прогулокъ.

Хвалясь вниманіемъ Румянцова къ покойному родителю, я было забылъ похвастаться ласками къ нему Суворова. Это еще было на Кубани, гдѣ Суворовъ сражался съ горцами и жилъ съ молодою, добродушною женой, которую отмѣнно тогда любилъ. Она была красавица въ Русскомъ вкусѣ, бѣла, румяна и полна, ума не высокаго, съ воспитаніемъ стариннымъ. Въ Таганрогѣ и Черкасскѣ, среди тогдашнихъ казачекъ, пріятно было встрѣтиться Русскимъ барынямъ, и она очень сдружилась съ моею матерью. Самъ Суворовъ, навѣщая жену, очень полюбилъ ее, былъ съ нею чрезвычайно любезенъ и часто при ней геніально дурачился. Но съ тѣхъ поръ мои родители уже съ ними нигдѣ не встрѣчались.

Великій Суворовъ, Оденъ Русскаго воинства, вдругъ былъ отставленъ, какъ простой офицеръ и посланъ жить въ деревню. Не знаю, насильственная смерть герцога Ангіенскаго произвела ли во Франціи между роялистами тотъ ужасъ, коимъ сіе извѣстіе поразило всю Россію. Она содрогнулась. Симъ ударомъ, нанесеннымъ національной чести, властелинъ хотѣлъ какъ будто показать, что ни заслуги, ни добродѣтели, ниже самая слава не могутъ спасти отъ его гнѣва, справедливаго или несправедливаго, коль скоро къ возбужденію его подано малѣйшій поводъ. Симъ не довольствуясь, по какому-то неосновательному подозрѣнію, онъ велѣлъ схватить всѣхъ адъютантовъ его, всю многочисленную его свиту, посадить въ Кіевской крѣпости, и бѣдный отецъ мой осужденъ былъ стеречь сподвижниковъ великаго человѣка!

Екатерина и Румянцовъ во гробѣ, Суворовъ за-живо похороненный, многіе вельможи, подпоры трона, опрокинутые слѣпымъ самовластіемъ, представляли картину разрушенія Россіи въ началѣ 1797 года. Скоро, скоро отъ прежняго, недавняго ея величія осталась одна только ея колоссальность, служащая подножіемъ маленькой фигурѣ, которая на ней кривлялась и топорщилась.

XI.

Перемѣны шли при Павлѣ съ неимовѣрною быстротой, болѣе еще чѣмъ при Петрѣ; онѣ совершались не годами, не мѣсяцами, а часами. Тридцать пять лѣтъ пріучали насъ почитать себя въ Европѣ; вдругъ мы переброшены въ самую глубину Азіи и должны трепетать передъ восточнымъ владыкою, одѣтымъ однакоже въ мундиръ Прусскаго покроя, съ претензіями на новѣйшую Французскую любезность и рыцарскій духъ среднихъ вѣковъ. Версаль, Іерусалимъ и Берлинъ были

его девизомъ, и такимъ образомъ всю строгость военной дисциплины и феодальное самоуправіе умѣлъ онъ соединить въ себѣ съ необузданною властію ханскою и прихотливымъ деспотизмомъ Французскаго дореволюціоннаго правительства.

Званіе намѣстниковъ и генералъ-губернаторовъ уничтожено и замѣнено званіемъ военныхъ губернаторовъ, управляющихъ и гражданскою частію. Въ сію должность назначали того же самаго графа Румянцова; но онъ умеръ, и на его мѣсто прибылъ вновь пожалованный фельдмаршалъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ. Военные генералы, управлявшіе губерніями, переименованы въ соотвѣтствующій ихъ классу гражданскій чинъ и названы гражданскими губернаторами. Оберъ-коменданты лишились сего названія, остались просто комендантами, и у нихъ отняли инспекцію надъ крѣпостями и гарнизонами; но за то въ ихъ вѣдѣніе поступила полиція губернскихъ городовъ, и въ случаѣ отсутствія военнаго губернатора не гражданскіе губернаторы, а они заступали его мѣсто.

Не самая важная, но для наружности самая примѣчательная перемѣна произошла въ воинскомъ нарядѣ. Щеголеватость одежды Екатерининскихъ воиновъ найдена женоподобною. Въ самое короткое время, сначала гвардія, а потомъ вся армія обмундированы по новой формѣ; и что̀ за форма! Милліоны истрачены, чтобы Русскихъ сдѣлать уродами. Описаніе сего безобразнаго костюма довольно, кажется, любопытно: онъ состоялъ изъ длиннаго и широкаго мундира довольно толстаго сукна, не съ отложнымъ, а лежащимъ воротникомъ и съ фалдами, которыя спереди совсѣмъ почти сходились; изъ шпаги между сими фалдами, воткнутой сзади; изъ ботфортовъ съ штибель-манжетами или штиблетъ чернаго сукна; изъ низкой, сплюснутой треугольной шляпы; узкаго чернаго галстука, коимъ офицеры казались почти удавленными; перчатокъ съ огромными раструбами; простаго дерева форменной палки съ костянымъ набалдашникомъ и, наконецъ, изъ двухъ насаленныхъ надъ ушами буколь съ длинною, туго проволокою и лентою перевитою косой. Все это въ подражаніе подражателю Фридерика Втораго, отцу своему, тогда какъ въ самой Пруссіи сей странный нарядъ давно уже былъ брошенъ. Исключая кавалеріи, всѣ одѣты были въ мундиры одинаковаго цвѣта; но за то отвороты и обшлага были и розовые, и абрикосовые, песочные, кирпичные, всѣхъ въ мірѣ цвѣтовъ: удивительное единообразіе и пестрота въ одно время, живое изображеніе единства воли и безпорядка мыслей ее движущихъ.

По неограниченной любви моей къ истинѣ и справедливости долженъ я сознаться, что въ началѣ сего царствованія, сдѣланы были и такія перемѣны, которыя были весьма полезны для службы, хотя иныя

и оскорбили тогда ребяческое мое самолюбіе. Безчисленныя толпы гвардейскихъ сержантовъ и вахмистровъ потребованы на службу; иные оставлены въ гвардіи, другіе выпущены въ армію не болѣе какъ прапорщиками, а малолѣтные за неявкою исключены вовсе изъ полковъ. Нѣтъ нужды говорить, что я попалъ въ число послѣднихъ.

Но что̀ значитъ исправленіе мелкихъ злоупотребленій въ сравненіи со всеобщими, губительными распоряженіями, противными политикѣ и здравому разсудку? Начало сего несчастнаго 1797 года, между прочимъ, ознаменовано одною важною государственною ошибкой, коей зловредныя послѣдствія ощущаемъ мы и понынѣ. Сіе дѣло было для меня предметомъ постоянныхъ горестныхъ размышленій, и я позволю себѣ изложить его съ нѣкоторою подробностію.

Остзейскія провинціи были нѣкогда достояніемъ великаго Новгорода и Полоцкихъ князей. Онѣ были обитаемы тѣми же самыми малоумными, смирными, слабыми дикарями, которые нынѣ стонутъ подъ тяжкимъ игомъ жестокосердыхъ своихъ завоевателей, а прежде платили легкую дань своимъ добрымъ и сильнымъ сосѣдямъ. Не задолго до нашествія Татаръ и вторженій Литовскихъ, начали изъ-подтишка въ маломъ числѣ показываться монахи и рыцари на Ливонскихъ берегахъ и съ дозволенія безпечныхъ Новгородцевъ и Полочанъ строить за̀мки и кирки. Когда двѣ кровавыя тучи, одна послѣ другой, съ Востока и Запада, покрыли почти всю раздробленную Россію, тогда и наши Нѣмцы, усиленные прибытіемъ многочисленныхъ сподвижниковъ, начали расширяться на Сѣверѣ. Татары нагрянули, вломились; Нѣмцы же воспользовались гостепріимствомъ и засѣли, мечомъ начали крестить несчастныхъ Эстовъ и скоро захватили два Русскіе города, Юрьевъ и Ругодивъ, нынѣшніе Дерптъ и Нарву. Еслибы не могущество республикъ Новгородской и Псковской, они бы проникли во внутренность Россіи.

Итакъ хищные враги со всѣхъ сторонъ рвали на части и до того уже междоусобіями раздираемое наше отечество. Какъ оно не погибло, а возродилось, вознеслось, это чудо Провидѣнія, о которомъ здѣсь не мѣсто говорить. Лишь только установилось у насъ единодержавіе, лишь только справились съ Татарами, какъ тотчасъ хватились отнятаго у насъ Нѣмцами. Мужество Баторія не допустило грознаго царя удержать за собою завоеванную уже Ливонію. Безчеловѣчные же ея владѣтели, истребители ея тишины и свободы, давно уже утратили неукротимое мужество предковъ и утопали въ нѣгѣ, въ роскоши, въ развратѣ; тѣснимые сильными государствами, они должны были поперемѣнно признавать надъ собою господство Польши, Даніи и Швеціи. Они принадлежали послѣдней, когда возгорѣлась война между Карломъ

XII и Петромъ Великимъ: перваго ненавидѣли они за отнятіе будто бы какихъ-то правъ, а послѣднему поддались бы неохотно. Правда, дѣло шло объ нихъ и за нихъ, но не съ ними; имъ оставалось ожидать, кому они достанутся.

По праву побѣды и завоеванія, по праву прежняго владѣнія и по Ништадскому трактату, не съ ними, а съ Шведскимъ правительствомъ заключенннному, земли, ими захваченныя, возвращены опять Россіи. При сдачѣ одного города, Риги, были сдѣланы нѣкоторыя условія, и они увѣряютъ, будто на сихъ условіяхъ вся Ливонія добровольно покорилась Россійской державѣ. Петръ Великій, извѣстный по своему пристрастію ко всему Европейскому, обрадовался новымъ подданнымъ, просвѣщеннымъ, напудреннымъ и выбритымъ, и утвердилъ всѣ ихъ привиллегіи, вредныя, даже унизительныя для Россіи. Солиманъ, при взятіи Родоса и Англичане въ Мальтѣ не позаботились о правахъ существовавшаго еще ордена; а мы хотѣли показать великодушіе и учтивость хищникамъ нашей собственности. Всѣмъ извѣстно, какъ возблагодарили они насъ за то, сіи завоеванные наши тираны, во время Бирона, да и всякій разъ, когда случай къ тому представлялся. При Екатеринѣ Второй дѣла пошли иначе, сближеніе ихъ съ нами сдѣлалось возможнымъ; но смерть ея навсегда отдѣлила ихъ отъ насъ. Одна Нѣмка, коей поручила она воспитаніе своихъ внукъ, мадамъ Ливенъ, Шарлота Карловна, осыпанная ея милостями, не устыдилась сыну ея представить нѣкоторыя нововведенія, какъ посягательство на священнѣйшія права Лифляндскаго и Эстляндскаго дворянства. Не довольствуясь симъ, она успѣла увѣрить его, что и введеніе Русскаго языка и законовъ въ губерніяхъ, вновь пріобрѣтенныхъ отъ Польши, есть вопіющее насиліе. Павлу Первому стоило указать на мнимыя несправедливости его матери, чтобы возбудить его къ противодѣйствію.

Не станемъ говорить о справедливости или несправедливости присоединенія Литвы, Украйны и Бѣлоруссіи; тому, кто знаетъ хорошо Русскую исторію, разрѣшить вопросъ сей будетъ не трудно. Къ несчастію, Павелъ Первый зналъ ее плохо; онъ переписывался съ Лагарпомъ, который весьма исправно сообщалъ ему литературно-драматическія извѣстія, закулисные анекдоты, Парижскія сплетни; но едва ли зналъ наслѣдникъ Всероссійскій, кѣмъ и когда перенесена столица изъ Кіева во Владиміръ, кто первый у насъ возсталъ противъ Татаръ, какимъ образомъ и кѣмъ Москва освобождена отъ Поляковъ; имена мамзелей, хотя и не дѣвицъ, Лекуврёръ и Клеронъ ему были извѣстнѣе, чѣмъ имена Пожарскаго и Минина.

Жители разорванной на трое, несчастной Польши покорились судьбѣ, начинали привыкать къ новому порядку вещей, особенно же тѣ,

кои по раздѣлу поступили въ подданство къ Россіи. Они были присоединены къ народу Славянскому, не чужому; простой народъ въ томъ краю не переставалъ называть себя Русскимъ, двѣ трети его исповѣдывали Греко-Россійскую вѣру; а остальные, насильно вовлеченные въ латинство и унію, готовы были возвратиться въ нѣдра Православія. Дворянамъ не постыдно было промѣнять имя храбрыхъ Поляковъ на имя доблестныхъ Россіянъ, которое носили ихъ предки. Опредѣляя однихъ только коренныхъ Русскихъ на всѣ мѣста въ новыхъ губерніяхъ, употребляя Поляковъ въ арміи и внутри государства, такъ сказать, тасуя два народа, Екатерина изглаживала слѣды взаимной ихъ вражды. Ея преемникамъ оставалось только, слѣдуя по пути ею проложенному, собирать плоды ея мудрой системы. Примѣръ Смоленска, а еще болѣе Бѣлоруссіи, въ самое короткое время забывшей, что она принадлежала Польшѣ, показалъ на опытѣ, какъ легко и естественно сливаются Славянскія племена подъ однимъ управленіемъ. Какъ подживаетъ переломленный членъ, осторожно перевязанный искуснымъ врачемъ, такъ Украйна начинала было прирастать къ Россіи. И вдругъ толчокъ, и пробужденіе усыпленной боли, и волненіе замысловъ, и несбыточныя надежды, и ветхій Литовскій статутъ! Я тогда не въ состояніи былъ чувствовать всю безпредѣльность зла, Россіи причиненнаго; но нынѣ сердце обливается кровію всякій разъ, чтó вспомнишь, какъ безумно играли судьбами великаго народа.

Въ началѣ сего самаго 1797 года сдѣлано генеральное перемежеваніе губерній, то-есть весьма многія изъ нихъ упразднены и причислены къ сосѣднимъ, въ томъ числѣ и наша Пензенская; но для чего? Это одинъ Богъ знаетъ. Три Малороссійскія губерніи слились въ одну. Кіевъ отъ нихъ отдѣлился и сдѣлался главнымъ городомъ Брацлавской губерніи, наполненной Польскими помѣщиками. Вскорѣ потомъ изъ Дубно, мѣстечка Волынской губерніи, переведены въ него контракты, родъ дворянской биржи, на которую дворяне, въ извѣстное время года, съѣзжались для разнаго рода сдѣлокъ, покупки и продажи имѣній, отдачи капиталовъ въ займы и прочаго. Тутъ опять представляется вопросъ: для чего это? Не съ намѣреніемъ ли сблизить Поляковъ съ Русскими? Но какъ въ это царствованіе все дѣлалось безъ цѣли и по однимъ только прихотямъ, то и отвѣчать опять будетъ трудно.

Итакъ, я въ малолѣтствѣ своемъ сдѣлался свидѣтелемъ великой метаморфозы. Древняя столица великихъ князей Русскихъ, даже при Польскомъ правительствѣ сохранившая себя невредимою отъ Польскаго вліянія, вдругъ ополячилась. Въ продолженіи 1797 года число Русскихъ чиновниковъ и Малороссійскихъ дворянъ начало примѣтно въ ней уменьшаться, а число пановъ въ той же пропорціи увеличивалось.

Но таковы были слѣдствія направленія, даннаго умамъ въ предшествовавшее царствованіе, что они не только не чуждались общества Русскихъ, но сами искали его, были ласковы до униженія, чтобы не сказать до подлости и даже, какъ умѣли, старались говорить по-русски. О Екатеринѣ говорили съ почтеніемъ и съ восторгомъ о ея сынѣ, называя его своимъ благодѣтелемъ. Не знаю, ненависть ли къ памяти Екатерины, или безразсудство, въ которомъ ихъ обвиняютъ, рождали ихъ симпатію къ сему царю; но они его дѣйствительно любили. Странное однакоже дѣло: они при немъ не смѣли питать тѣхъ надеждъ, кои съ такою силою обнаруживали при его преемникѣ. Можетъ быть, они чувствовали, что съ нимъ невозможно ни на что̀ положиться и что въ иную минуту ему могло бы вздуматься заставить ихъ перемѣнить вѣру: отъ него все бы сталось.

Немного времени спустя послѣ коронаціи императора Павла, не смотря на траурный годъ, начались у насъ въ Кіевѣ потѣхи и празднества. Начальники губерній, сбросивъ трауръ, заботясь объ увеселеніяхъ, дѣлали сіе конечно въ угожденіе царю. Въ одной изъ крытыхъ аллей прекраснаго дворцоваго сада настлали гладкій полъ и надъ нимъ изъ двухъ или трехъ палатокъ сдѣлали наметъ. Въ сей крытой галлереѣ новаго рода, ярко освѣщенной, танцовали два раза въ недѣлю; право входа имѣли въ нее всѣ безъ исключенія, начиная отъ высшихъ классовъ до порядочно одѣтыхъ людей. Сверхъ того всякую недѣлю былъ балъ у военнаго губернатора графа Салтыкова; онъ жилъ тогда въ построенномъ давно, но дотолѣ никѣмъ не обитаемомъ, обширномъ деревянномъ домѣ графа Разумовскаго, который, такъ-сказать, висѣлъ надъ стремниной и изъ коего были чудесные виды за Днѣпръ. Домъ сей казался волшебнымъ, когда, въ лѣтнюю, темную ночь полуденнаго края, онъ блисталъ огнями; сверхъ того, въ царскіе дни были маленькіе фейерверки, иллюминаціи, и иногда спускались небольшіе воздушные шары; однимъ словомъ, всѣхъ насильно хотѣли заставить веселиться.

Тутъ въ первый разъ увидѣли мы привлекательныхъ Полекъ; онѣ отличались не столько еще красотой и любезностію ума, сколько ловкостію и смѣлостію. Ихъ самонадѣянность, ихъ ласковое, веселое, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько насмѣшливое обхожденіе приводило въ смятеніе нашихъ добрыхъ барынь и барышень; отъ разговоровъ ихъ онѣ часто должны были краснѣть Что̀ касается до меня, то мнѣ казалось, что я въ первый разъ вижу женщинъ. Онѣ къ намъ въ домъ очень часто начали ѣздить; я не зналъ кого предпочесть, которую изъ двухъ Залѣсскихъ, panью ли Гурковскую, или Росцишевскую, или Пупертову? Наше Кіевское общество составляло одно семейство;

и взрослыя, и молодыя дѣвицы, какъ будто видя во мнѣ маленькаго брата, обходились со мной какъ съ мальчикомъ. А эти милыя Польки, онѣ шутили, рѣзвились со мной, щипали меня, и даже съ ребенкомъ не забывали кокетствовать.

Между сими Польками были тогда двѣ старухи, довольно замѣчательныя. Одна изъ нихъ была вдовствующая княгиня Яблоновская, урожденная княжна Корибутъ-Воронецкая, женщина лѣтъ шестидесяти, довольно добрая, не надменная, но тщеславная, не столько глупая, сколько помѣшанная. Двѣ знатныя фамиліи, къ которымъ она принадлежала, были въ родствѣ съ Чарторыйскими и Радзивилами, кои, какъ извѣстно, породнились съ домами Прусскимъ и Виртембергскимъ; она была въ свойствѣ съ Понятовскимъ, который сидѣлъ на Польскомъ тронѣ, и съ Понинскими, изъ коихъ одна была за Курляндскимъ герцогомъ. Все это вскружило голову ея покойному супругу; онъ возмечталъ, что самъ онъ царь, и промотался на милостяхъ къ своимъ подданнымъ. Поврежденіе ума его привилось и къ ней; въ небольшомъ помѣстьѣ Стебловѣ, какъ-то уцѣлѣвшемъ, въ ветхомъ, не весьма обширномъ домѣ, который величала она за́мкомъ и палацомъ, сидѣла она, окруженная портретами родственниковъ своихъ, императоровъ и королей; дворню свою называла дворомъ, имѣла нѣсколько голодныхъ фрейлинъ, пановъ-služонцевъ, а изъ мелкой, дробной шляхты ей не трудно было набрать маршалковъ и шталмейстеровъ; когда же посѣщала сосѣдей, то два казака съ пиками должны были всегда передъ ней ѣхать верхомъ *). Визитныя ея карточки были огромныя панкарты, на которыхъ былъ напечатанъ весь ея титулъ, кастелянша такая-то и такая-то, кавалерша Австрійскаго ордена звѣзднаго креста (dame de la croix étoilée) и владѣтельница города Стеблова. Впрочемъ, она была очень тиха и благосклонна, особливо когда ей говорили о знаменитыхъ ея связяхъ и тѣшили титуломъ свѣтлости. Такія затѣи и такихъ чудаковъ случалось мнѣ послѣ видѣть и внутри Россіи.

Оригинальность другой старухи, также княгини, была инаго рода. Богъ знаетъ какимъ образомъ, однофамильцы или родственники несчастнаго царя Василія Ивановича Шуйскаго остались въ Польшѣ и вступили въ ея подданство; можетъ быть, кто-нибудь и присвоилъ себѣ самовольно сіе униженное имя, никѣмъ не оспариваемое, судьбою гонимое. Какъ бы то ни было, но послѣдній, который носилъ его, жилъ въ помѣстьѣ своемъ Ясногородкѣ, въ бывшемъ Кіевскомъ воеводствѣ.

*) Сей обычай соблюдается и нынѣ между Польскими помѣщиками въ Украйнѣ. Его бы слѣдовало строго отмѣнить, ибо онъ напоминаетъ давно уже не существующее Польское тиранское владычество надъ храбрымъ народомъ Русскаго племени.

Вдова его слыла нѣкогда красавицей, жила долго и никогда этого не могла забыть. Не знаю какихъ лѣтъ была она, когда мы ее увидѣли, но на взглядъ ей казалось болѣе семисядесяти. Какъ бы описать ее? Это былъ вѣнчанный розами изсохшій трупъ, въ которомъ, однакоже, замѣтны еще были признаки жизни; сухощавая, сгорбленная, вся дрожащая старушка, одѣтая, какъ шестнадцатилѣтняя дѣвочка, предметъ ужаса, сострадания и смѣха. Румяны и бѣлила съ нея сыпались; но она была мрачна, угрюма, и въ очахъ ея впадшихъ неподвижные взоры горѣли какимъ-то страшнымъ жаромъ. Любовь оспаривала у смерти сію жертву, но торжество послѣдней казалось весьма близкимъ. Любопытно было видѣть этотъ мосолъ подлѣ жирной Шардонши; обѣ съ удовольствіемъ говорили объ любви, но для послѣдней была она только веселымъ воспоминаніемъ, а для первой серьезнымъ, вседневнымъ упражненіемъ; и не удивительно: у одной было тощее тѣло, у другой былъ тощій карманъ. Три или четыре Поляка, красивые атлеты, записные обожатели княгини Шуйской, безъ стыда и ревности всюду ее сопровождали; надобно признаться, что въ семъ случаѣ наши Русскіе уступали въ храбрости Полякамъ: ни одинъ изъ нихъ не дерзнулъ вступить въ ея свиту.

У нея было двѣ дочери, изъ коихъ старшая была прекрасна собою, а меньшая весьма не дурна. Въ сію послѣднюю влюбился старшій братъ мой, и дѣло шло на ладъ; но онъ былъ еще слишкомъ молодъ, да и мать моя, которая въ обществѣ любила видѣть Полекъ, всегда страшилась видѣть ихъ своими невѣстками. Однакоже дурной примѣръ и дурное воспитаніе, видно, не подѣйствовали на этихъ княженъ: обѣ, какъ говорятъ, въ послѣдствіи подавали собою примѣръ цѣломудрія и кротости *).

Изъ Русскихъ домовъ, ни въ одномъ столько Поляковъ не собиралось какъ у насъ; учтивость и образованность хозяина, врожденная любезность и умное добродушіе хозяйки, мѣсто, которое отецъ мой занималъ и что-то гостепріимное, которымъ все у насъ дышало, привлекали ихъ къ намъ. Я часто видѣлъ настоящихъ или такъ-называемыхъ графовъ Чацкаго, Ржевускаго, Грохольскаго, Дульскаго, Олизара и многихъ другихъ, людей отмѣнно вѣжливыхъ, хорошаго тона, остатки лучшаго Варшавскаго общества. Нужно ли повторять здѣсь, что въ нихъ не было замѣтно и тѣни недоброжелательства къ Россіи? Отечество за отечество, они предпочитали ее Австріи и Пруссіи, гдѣ ихъ обирали и гнули въ дугу.

---

*) Старшая была замужемъ за Русскимъ полковникомъ Марченкой. Оставшійся послѣ нея единственный сынъ въ Петербургскихъ гостиныхъ блисталъ свѣжестью лица и франтовствомъ и, кажется, болѣе ничѣмъ.

Я не могу воздержаться, чтобы не сказать здѣсь нѣсколько словъ о Полякахъ вообще, тѣмъ болѣе, что мнѣ не скоро придется опять говорить объ нихъ. При описаніи событій настоящаго времени, я долженъ буду представить ихъ, какъ народъ совсѣмъ другой; ибо разныя происшествія, для нихъ благопріятныя или пагубныя, которыя въ продолженіи сорока лѣтъ имѣли вліяніе на судьбу ихъ, во многомъ измѣнили ихъ характеръ. Итакъ я позволяю себѣ теперь объяснить мысли мои о прежнихъ Полякахъ.

Славянскія племена, основавшіяся на Сѣверо-востокѣ Европы, въ странахъ почти неизвѣстныхъ, въ девятомъ и десятомъ столѣтіяхъ слились въ одинъ могущественный народъ, который назывался Русскимъ. Другія племена Славянскія, подвигавшіяся на Западъ, раздробились на мелкія княжества; иныя изъ нихъ втѣснились въ самое сердце Германіи, но встрѣтившись съ силою оружія Карла Великаго, а потомъ императора Оттона, не только были побѣждены, но и вошли въ составъ народовъ Германскихъ. Между сими западными и сѣверо-восточными Славянами образовалось не весьма обширное государство и отъ тѣхъ и отъ другихъ начало отдѣльно существовать. Поляки, не смотря на слабость силъ своихъ, какъ всѣ единоплеменные имъ народы, властолюбивые, храбрые, даже дерзкіе, не хотѣли признать передъ собою первенства безконечной, бездонной Россіи и не устрашились вступить въ опасное для нихъ соперничество. Рѣдко побѣдители, часто, весьма часто побѣждаемые, они избѣгнули завоеванія, благодаря кровавымъ междоусобіямъ князей, слѣдствіямъ пагубной удѣльной системы; но еще болѣе они симъ были обязаны для самихъ Русскихъ непонятному, тайному влеченію на Югъ, куда стремились они за славою, за золотомъ и гдѣ обрѣли они лучшее сокровище: сохранившій ихъ въ бѣдствіяхъ спасительный свѣтъ христіанской вѣры.

Симъ свѣтомъ озарились Русскіе и Поляки почти въ одно и тоже время; но первые приняли Греко-восточную вѣру, послѣдніе Латинскую. Несогласія двухъ церквей умножили несогласія двухъ народовъ; они приняли направленія совсѣмъ противоположныя, и препятствія къ ихъ соединенію сдѣлались неодолимы. Когда внезапно гнѣвъ Божій наложилъ на Русскій народъ ярмо Татарское, тогда Польша начала добровольно налагать на себя иго западныхъ народовъ; сосѣдство съ Нѣмцами, зависимость отъ папы, а болѣе всего прельщенія Франціи развратили нравы ея жителей, испортили ихъ языкъ и породили безчисленные безпорядки, коихъ она не преставала быть жертвою.

Посреди двухвѣковыхъ жестокихъ испытаній, Русскіе сохранили нравы и обычаи предковъ, утвердились въ любви къ отечеству, научились терпѣнію, не переставали презирать хищныхъ своихъ властите-

лей, гнушаться ихъ вѣрою и, какъ драгоцѣнный металлъ, вышли чисты изъ горнила, плѣна Монгольскаго. А бѣдная Польша! Все болѣе и болѣе предавалась она обычаямъ Запада, принимала къ себѣ феодальныя, готическія учрежденія, совсѣмъ не сродныя Славянскимъ племенамъ, сначала лишилась Силезіи, а потомъ Нѣмецкій орденъ отрѣзалъ ее отъ моря. Скоро, подобно Богеміи, превратилась бы она въ Нѣмецкое курфиршество, и существованіе ея, какъ независимаго государства, должно было прекратиться; но брачный союзъ католички Ядвиги съ язычникомъ Ягелло перемѣнилъ судьбу ея, и варвары. Литовцы дали ей новую жизнь, новыя силы.

Симъ возрожденіемъ воспользовался одинъ только духовный Римъ; въ послѣдствіи оно сдѣлалось вредно для Россіи, а для Польши было безполезно. Правда, распространивъ въ Литвѣ Римско-католическую вѣру, она взяла въ ней перевѣсъ, начала въ ней преобладать и, такъ сказать, всосала ее наконецъ въ себя со всѣми ея обширными, блестящими завоеваніями. Но что̀ значитъ распространеніе предѣловъ государства, когда въ немъ теряется духъ народности? Бѣдная Польша! Изгнанные отовсюду Жиды стеклись въ нее и обратили ее въ помойную яму Европы. Сіи вѣчные враги рода христіанскаго стали между господами и ихъ вассалами, первымъ облегчили средства къ полученію и умноженію доходовъ и тѣмъ умножили склонность къ расточительности, послѣднихъ изнурили до невозможности поборами; развращали и раззоряли тѣхъ и другихъ. Бравши все на откупъ, они вездѣ истребили вкусъ къ домашнему и сельскому хозяйству. Высшіе классы предались отъ того праздности, а бѣдный простой народъ доведенъ ими до безнадежности, до безчувственности, до истуканства, почти до состоянія скотовъ.

Потомъ начали на Польскомъ тронѣ являться Француженки *). Ихъ вліяніе на судьбу Польши было самое пагубное. Онѣ взялись образовать въ ней прекрасный полъ и совершенно въ томъ успѣли. Жены и дѣвы Славянскія славились дотолѣ своею непорочностію, набожностію, трогательною покорностію ко власти родителей и супружеской; отъ сего тяжкаго ига избавили ихъ Француженки: онѣ сдѣлали болѣе, онѣ научили ихъ распалять страсти въ мущинахъ, возбуждать въ нихъ и месть, и злобу, однимъ словомъ, научили ихъ надъ ними властвовать. Сдѣлавшись честолюбивыми, алчными, ничѣмъ не удержи-

*) Марія де-Гонзагъ де-Неверъ была замужемъ за послѣднимъ Владиславомъ и потомъ вышла за роднаго брата его, къ тому же кардинала, Яна Казимира, который отрекся отъ духовнаго званія и сдѣлался королемъ. Дѣвица д'Аркіенъ была женою Іоанна Собѣскаго. Въ числѣ Польскихъ королевъ не надобно забывать и женоподобнаго Генриха Валуа.

ваемыя, ни страхомъ Божіимъ, ни законами человѣческими, могли ли Польки не забыть обязанностей супругъ и матерей? Бракъ, ими безпрестанно разрываемый, потерялъ всю святость свою и обратился въ законное наложничество; онѣ сами превратились въ очаровательныхъ Цирцей; какая-то волшебная сила заступила въ нихъ мѣсто силы небесной, коею прежде они были одарены, и тогда-то въ Польшѣ, говоря словами незабвеннаго, вѣчно-милаго поэта нашего, прекрасный полъ

. . . . . утратилъ навсегда
Стройность робкую движеній,
Прелесть нѣги и стыда.

Но что́ же дѣлали тогда мущины? Какими глазами смотрѣли они на сей ужасный переворотъ? Ихъ также Француженки увѣрили, что ревность постыдный порокъ, свойственный однимъ только варварамъ, что въ просвѣщенныхъ земляхъ женщины должны быть свободны какъ воздухъ, какъ солнечный свѣтъ, что ими составляются, поддерживаются и украшаются общества, что малѣйшая прихоть ихъ должна быть закономъ для мущинъ и что сіи послѣдніе одними угожденіями могутъ имъ быть любезны. Вотъ наши Поляки принялись посвоему рыцарствовать, пить Венгерское вино изъ женскихъ башмаковъ и отечество свое обратили въ царство женщинъ и пародію Франціи.

Къ умноженію золъ и безпорядковъ, нагрянули іезуиты и съ извѣстною ихъ хитростію овладѣли умами. На праздность, расточительность, тщеславіе, легкомысліе Поляковъ смотрѣли они снисходительнымъ окомъ; ничего отъ нихъ не требовали, кромѣ слѣпаго повиновенія Римской власти; главный догматъ ихъ, что нѣтъ преступленія, которое бы не могло быть отпущено католику, и нѣтъ добродѣтельной жизни, которая бы могла спасти еретика, сдѣлалъ богатыхъ Поляковъ совершенно необузданными. Я не хочу входить въ разсмотрѣніе чудовищнаго образованія Польши, королевства и республики въ одно время, и многихъ другихъ разрушительныхъ причинъ, но скажу только: могло ли ожидать славной будущности государство, коимъ управляли женщины, іезуиты и Жиды, то-есть, страсти, обманъ и корысть? Горьки были для Польши плоды Европейскаго образованія!

Когда всѣ язвы сіи не глубоко еще проникли въ цѣлый составъ Польши, она встрѣтилась опять съ сестрой своею, сосѣдкой-соперницей. Но она предстала ей не въ прежнемъ уже видѣ малолюднаго княжества, хранимаго только одною отвагою своихъ жителей; она явилась ей могущею, грозною, обогащенною ея же безчисленными потерями. Поюнѣвшая же, изъ пепла, какъ фениксъ, возникшая Россія была также сильна своею новою молодостію и въ тоже время опытомъ,

плодомъ двухъ-вѣковыхъ протекшихъ бѣдствій; была сильна единовластіемъ царей, единомысліемъ народа. На ней еще видны были слѣды тяжкихъ оковъ, которыя недавно она сбросила и истоптала; но самый видъ заживающихъ ранъ, самое воспоминаніе о Татарахъ, еще болѣе воспламеняли ее противъ Литвы (ибо имя Польши было ею уже давно забыто).

Началась семейная распря, народная ѳиваида, упорная, лютая борьба, изрѣдка прерываемая перемиріями. Въ семъ кровавомъ процессѣ одинъ Богъ былъ судьею; Европа въ наши дѣла не мѣшалась, и сей Высшій Судія постоянно, многократно рѣшалъ въ пользу варварства противъ полупросвѣщенія. Нынѣ, послѣ троекратнаго, въ глазахъ нашихъ совершившагося покоренія, Поляки подаютъ на аппеляцію въ Парижъ. О какъ жалки они! Судей, коихъ участь мы недавно сами рѣшили, не должно́ намъ страшиться.

Но прежде чѣмъ Польша перестала существовать, увы что́ сталось съ самой Россіей! Высшіе слои общества потеряли въ ней совершенно народную ѳизіономію. Сначала противъ воли, потомъ все болѣе и болѣе увлекаемые, мы наконецъ съ остервенѣніемъ устремилось на Западъ, будто бы за познаніями, а въ самомъ дѣлѣ за всѣми утонченностями роскоши и порока. Самодержавіе, которому благоразуміе повелѣвало осторожно знакомить насъ съ Европой и ея просвѣщеніемъ, потащило насъ на сей опасный путь и въ ослѣпленіи своемъ часто требуетъ отъ насъ невозможнаго, любви къ отчизнѣ вмѣстѣ съ пристрастіемъ къ иноземному, и такимъ образомъ ставить себя въ безпрестанное съ собою противорѣчіе. Насъ ни мало не ужасаетъ примѣръ Польши. Милосердое къ намъ Небо между Европой и Россіей поставило ее какъ строгій спасительный урокъ; но мы не внемлемъ ему, и горе намъ! Позволено ли будетъ, говоря о-столь важномъ предметѣ, сдѣлать сравненіе не совсѣмъ важности его приличное? Мнѣ все кажется, что судьба поступаетъ съ нами и съ Поляками какъ иной господинъ, въ устрашеніе барскаго сынка своего, безъ милосердія наказываетъ холопскаго мальчика: судьба сѣкла и сѣчетъ еще Польшу, а барченокъ Россія на то глядитъ, и все шалитъ, все проказничаетъ и если не уймется, то рано или поздно сломитъ себѣ шею.

Коль скоро дѣло коснется до Польши и до Русскаго европіанизма, то кровь бросается мнѣ въ голову, мысли во множествѣ начинаютъ въ ней тѣсниться, и я дѣлаюсь плодовитъ, хоть и десятой доли ихъ не въ состояніи выразить. Такимъ образомъ, желая изобразить характеръ Поляковъ, я заговорился о политическомъ состояніи прежней Польши; но имъ же и можно объяснить пороки, въ коихъ обвиняютъ ея жителей. Ни одно государство въ мірѣ не имѣло столь бурной жизни;

Славянская природа въ немъ спорила съ Европейскими навыками, западная церковь съ восточною; въ немъ можно было найдти все чтó вольность имѣетъ необузданнаго и все, чтó рабство имѣетъ унизительнаго; все это пріучило Поляковъ къ сильнымъ ощущеніямъ, и все являлось въ нихъ въ преувеличенномъ видѣ, и гордость, и уничиженіе. Мужикъ, который попадалъ въ шляхтичи, почиталъ высокомѣріе обязанностію своего новаго званія, и въ тоже время, по старой привычкѣ, не переставалъ падать до ногъ и цѣловать «ренки пански» у тѣхъ, коихъ считалъ выше себя. За то мы называемъ ихъ спѣсивыми подлецами. Кто гордъ и подлъ, тотъ обыкновенно бываетъ трусъ; а можно ли этимъ упрекнуть Поляковъ? Изъ множества словъ Латинскихъ, вкравшихся въ Польскій языкъ, ни одно такъ не ласкаетъ слуха ихъ, какъ гоноръ. Впрочемъ, «падамъ до ногъ» въ разговорѣ тоже самое, чтó покорнѣйшій слуга въ письмѣ,—одна учтивость. Весьма безтолково называемъ ихъ также безмозглыми. Когда страсти не заглушали разсудокъ? Еслибъ отъ сильнаго ихъ волненія онъ и помрачился у Поляковъ, то у нихъ всегда сохранится необыкновенная живость ума и воображенія. Въ вѣкъ философіи и либерализма, всѣми обманутые, всѣми обиженные, раздѣленные и перераздѣляемые своими и чужими, то возносимые до чрезмѣрности незаслуженными похвалами, то унижаемые столь же незаслуженнымъ презрѣніемъ, всѣ понятія ихъ о ихъ правахъ и обязанностяхъ, о настоящей ихъ пользѣ, о истинномъ патріотизмѣ смѣшались и перепутались; въ нихъ осталось одно чувство и чувство прекрасное: ойчизна имъ милѣе всего на свѣтѣ.

Я не думалъ быть защитникомъ Поляковъ, тѣмъ болѣе что имѣю много причинъ негодовать на нихъ, но я люблю истину и вспомнилъ Поляковъ моей молодости. Вѣковая ихъ вражда тогда погасла въ изумленіи предъ побѣдившимъ ихъ дивнымъ геніемъ Екатерины; ея народъ раздѣлилъ съ нею невольное ихъ уваженіе; но когда потомъ увидѣли они своихъ завоевателей на колѣняхъ въ грязи передъ тѣми, коихъ почитали своими друзьями и наставниками, то удивленіе прошло, и прежде чѣмъ они стали насъ вновь ненавидѣть, уже научились они насъ презирать.

Итакъ въ царствованіе Павла Поляки еще не смѣли ничего затѣвать; напротивъ, они старались привыкать къ своему новому положенію и въ томъ совершенно успѣвали. Общее горе, общія опасенія сблизили всѣхъ, даже личныхъ непріятелей. Въ западныхъ губерніяхъ императоръ продолжалъ во множествѣ раздавать деревни Русскимъ генераламъ и министрамъ, губернаторскія и другія мѣста въ нихъ попрежнему наполнялись одними Русскими; если въ Кіевѣ увеличилось число Поляковъ, за то и Русскіе безпрестанно размножались въ дру-

гихъ городахъ вновь пріобрѣтеннаго края. По крайней мѣрѣ съ этой стороны твореніе Екатерины еще не начинало разрушаться, ея духомъ еще исполнена была Россія, и государственныя лица, совѣтники царскіе въ дѣлахъ политическихъ, все еще шли путемъ, ею начертаннымъ.

XII.

На преобразованіе войска было обращено главнѣйшее вниманіе императора. Подобно отцу, онъ былъ страстенъ къ фронту и всегда восхищался порядкомъ и устройствомъ, кои видѣлъ въ Прусской арміи. Въ послѣднее время Екатерины дисциплина дѣйствительно нѣсколько ослабѣла въ нашемъ войскѣ, но се можно было возстановить менѣе крутыми средствами; я даже не знаю, необходима ли она столько для Русскихъ воиновъ, сколько для Нѣмцовъ

Названія армій, корпусовъ и бригадъ не существовали первые два года при Павлѣ Первомъ. Была одна только армія безъ главнокомандующаго, раздѣленная на двѣнадцать дивизій, и каждая изъ нихъ имѣла по два инспектора, одного по пѣхотѣ и артилеріи, а другаго— по кавалеріи. Такимъ образомъ генералы остались бы безъ занятія, еслибы каждому изъ нихъ не дано было по полку съ названіемъ шефа. Все это я очень помню, ибо жилъ тогда въ крѣпости и мечталъ только о военной службѣ.

Изъ инвалидныхъ, болѣе чѣмъ гарнизонныхъ, Кіевскихъ батальоновъ, велѣно вдругъ составить гарнизонный полкъ, совсѣмъ на полевой ногѣ. Всѣ старые изувѣченные солдаты отосланы въ инвалидныя команды и замѣнены новонабранными рекрутами. Отецъ мой, который былъ шефомъ этого полка и который долженъ былъ отвыкнуть отъ фронтовой службы, но который нѣкогда былъ кадетскимъ офицеромъ Петра III, вспомнилъ молодость и сдѣлалъ чудеса. Несмотря даже на недостатокъ въ хорошихъ офицерахъ, черезъ три мѣсяця полкъ его ни въ чемъ не уступалъ лучшимъ старымъ линейнымъ полкамъ. Это было доведено до свѣдѣнія императора, и онъ не замедлилъ наградить его чиномъ генералъ-лейтенанта, который, впрочемъ, ему слѣдовалъ и по старшинству.

Чтобъ удостовѣриться въ успѣхахъ предпринятаго имъ военнаго преобразованія, сверхъ инспекторовъ, находившихся при каждой дивизіи, Павелъ Первый разсылалъ еще инспектовать полки приближенныхъ своихъ, такъ-называемыхъ Гатчинскихъ офицеровъ, пережалованныхъ имъ въ генералы и полковники. Это были по большей части люди грубые, совсѣмъ необразованные, соръ нашей арміи: выгнанные изъ полковъ за дурное поведеніе, пьянство или трусость, эти люди

находили убѣжище въ Гатчинскихъ баталіонахъ и тамъ, добровольно обратясь въ машины, безъ всякаго неудовольствія переносили всякій день отъ наслѣдника брань, а можетъ быть, иногда и побои. Между сими подлыми людьми были и чрезвычайно злые. Изъ Гатчинскихъ болотъ своихъ они смотрѣли съ завистью на счастливцевъ, кои смѣло и гордо шли по дорогѣ почестей. Когда, наконецъ, счастіе имъ также улыбнулось, они закипѣли местію: разъѣзжая по полкамъ, вездѣ искали жертвъ, дѣлали непріятности всѣмъ, кто отличался богатствомъ, пріятною наружностію или воспитаніемъ, а потомъ на нихъ доносили. Изъ сихъ злодѣевъ болѣе всѣхъ былъ извѣстенъ своею лютостію одинъ бѣглый Прусскій гусаръ, именемъ Линденеръ, котораго Павелъ произвелъ въ генералы. Въ кавалерійскихъ полкахъ долго помнили его имя; онъ сотнями считалъ людей, коихъ удалось ему погубить; наконецъ дошло до того, что, несмотря на покровительство императора, преслѣдуемый общею ненавистію, онъ долженъ былъ оставить службу и куда-то скрылся. У насъ былъ свой терроризмъ.

Войска, въ Кіевской губерніи расположенныя, были счастливѣе другихъ. Узнали, что пріѣхалъ изъ Петербурга генералъ-адъютантъ Баратынскій *), о которомъ дотолѣ не слыхивали. Всѣ вздрогнули, всѣ ожидали видѣть людоѣда; тѣмъ пріятнѣе всѣ были изумлены, когда узнали сего почтеннаго, тогда еще довольно молодаго человѣка, благонамѣреннаго, ласковаго, съ столь же пріятными формами лица, какъ и обхожденія. Казалось, онъ пріѣхалъ не столько осматривать полки, сколько учить ихъ по новому уставу, и онъ дѣлалъ сіе съ чрезвычайнымъ усердіемъ, съ неимовѣрнымъ терпѣніемъ, какъ будто обязанный наравнѣ съ ихъ начальниками отвѣчать за ихъ исправность. Онъ охотно разговаривалъ о своемъ государѣ и благодѣтелѣ, увѣряя всѣхъ въ извѣстной ему добротѣ его сердца, стараясь всѣхъ успокоить на счетъ ужасовъ его гнѣва и чуть-чуть было не заставилъ полюбить его.

Мѣсяца черезъ три пріѣхалъ инспекторъ, другой Гатчинецъ, молодой Измайловскій полковникъ Малютинъ: новый страхъ, новое успокоеніе. Этотъ Малютинъ былъ добрый малый, гуляка, великій другъ роскоши и всякихъ увеселеній, который имѣлъ особенное искусство придавать щеголеватость даже безобразному тогдашнему военному костюму. Но это въ немъ было не главное: въ фронтовомъ дѣлѣ былъ онъ величайшій мастеръ; за то все ему прощалось, даже страсть его

*) Отецъ извѣстнаго поэта Баратынскаго. Онъ не долго оставался въ милости; вскорѣ узнали въ Кіевѣ съ прискорбіемъ, что онъ отставленъ отъ службы и едва ли не сосланъ въ деревню.

къ щегольству, порокъ непростительный въ глазахъ Павла Перваго, такъ какъ цинизмъ казался ему почти добродѣтелью.

Въ числѣ полковъ, коимъ въ Кіевѣ Малютинъ дѣлалъ смотръ, былъ также и Кіевскій гренадерскій. Его шефомъ былъ тогда знаменитый графъ Ферзенъ, побѣдитель Косцюшки, Нѣмецъ, какихъ давай Богъ болѣе Русскимъ. Онъ не скрывалъ, сколь тяжко ему *поникнуть лавровой главой* почти передъ мальчикомъ; очень умно и вѣжливо сказалъ онъ это ему самому; но Малютинъ не былъ, видно, потомокъ Малюты Скуратова, а если и былъ, то не походилъ на своего предка, ибо съ благоговѣніемъ и стыдомъ принялъ рапортъ отъ Ферзена.

Послѣ такого героя, отцу моему уже не стыдно было представить новый полкъ свой на смотръ г. Малютину. Мнѣ въ первый разъ случилось тутъ увидѣть покойнаго отца передъ фронтомъ. Я не могъ имъ налюбоваться. Ему было тогда около шестидесяти лѣтъ, но всѣмъ кто тутъ былъ показался онъ двадцатью годами моложе. Самъ Малютинъ удостоилъ его величайшихъ похвалъ.

Мимоходомъ сказалъ я нѣсколько словъ о графѣ Ферзенѣ. Я никакъ не могу симъ ограничиться; ибо сей человѣкъ, коего именемъ украшаются наши военныя лѣтописи, былъ частымъ посѣтителемъ нашего дома, и мнѣ не рѣдко удавалось слышать любопытный его разговоръ. Онъ былъ тщедушенъ, роста небольшаго, имѣлъ носъ длинный, щеки впалыя, лицо блѣдное; голосъ его былъ тихъ, и наружность всегда спокойна, даже тогда какъ говорилъ онъ съ жаромъ; только одни глаза его разгорались огнемъ ума и чувства. Воинъ Екатерины, онъ, подобно ей, всѣми силами пламенной души своей, прилѣпился къ нашему великому отечеству и служилъ ему не какъ наемникъ, а какъ преданнѣйшій сынъ. Германія сдѣлалась ему вовсе чуждою; несправедливость ея сыновъ противъ народа, его благороднымъ сердцемъ избраннаго, противъ земли, подательницы побѣдъ и славы, его жестоко оскорбляла. Когда соотечественники его сдѣлались образцами для нашего войска, онъ не скрывалъ намѣренія оставить службу, прибавляя, что если возгорится у насъ война съ Пруссіей, либо съ Австріей, то онъ опять готовъ вступить въ нее, хотя бы простымъ рядовымъ.

Домашнія несогласія давно разлучили его съ женой, и единственнаго сына своего онъ видѣлъ только въ колыбели. Этотъ сынъ, молоденькій мальчикъ, вызванный имъ изъ Лифляндіи, къ горю его, пріѣхалъ въ Кіевъ. «Посудите», говорилъ Ферзенъ отцу моему, «каково мнѣ глядѣть на него? И глупъ, и ни слова не знаетъ по-русски». А между тѣмъ ни одинъ портретъ, ни одна статуя ни могли быть такъ схожи съ подлинникомъ какъ отецъ съ сыномъ: послѣдній былъ совершенно старикъ Ферзенъ, помолодѣвшій и не одушевленный.

Примѣчательно, что при Екатеринѣ всѣ Нѣмцы, служившіе въ нашей арміи, дѣлались наконецъ Русскими. Взаимная ихъ ненависть съ нами, возбужденная при Аннѣ Іоанновнѣ, не совсѣмъ потухла еще при Елисаветѣ Петровнѣ и на минуту опять было пробудилась при Петрѣ III, но искусствомъ Екатерины совершенно погашена. При ней одинъ Нѣмецкій генералъ обрекъ себя на вѣрную погибель, чтобы цѣною ея купить для Россіи побѣду, которую онъ не долженъ былъ раздѣлять: Вейсманъ былъ Русскимъ Леонидомъ, какъ образовавшійся при ней Барклай былъ послѣ Русскимъ Эпаминондомъ. Нельзя винить Нѣмцевъ, если въ послѣдующія царствованія они начали отдѣляться отъ насъ, составлять между собою какое-то братство и обратились наконецъ въ status in statu. Безпрестанно оказываемое предпочтеніе Ливонскому дворянству передъ корeнными жителями Россіи должно было возгордить его и озлобить послѣднихъ. Веселая безпечность Русская мститъ покамѣстъ Нѣмцамъ одними эпиграммами, точно такъ какъ праотцы наши злились тайкомъ и подтрунивали надъ Татарами. Если ничто не перемѣнится, то рано или поздно должно ожидать ужасныхъ послѣдствій для нихъ или для насъ; лучше бы, кажется, примиреніемъ стараться предупредить ихъ.

Мнѣ необходимо говорить теперь о вельможѣ, въ 1797 году начальствовавшемъ въ Кіевѣ. Его пребываніе въ семъ городѣ имѣло большое вліяніе на судьбу нѣкоторыхъ членовъ моего семейства и на мою собственную. Въ предыдущей главѣ, кажется, упомянулъ уже я о графѣ Иванѣ Петровичѣ Салтыковѣ. Въ немъ можно было видѣть типъ стариннаго барства, но уже привыкшаго къ Европейскому образу жизни; онъ любилъ жить не столько прихотливо какъ широко, имѣлъ многочисленную, но хорошо одѣтую прислугу, дорогіе экипажи, красивыхъ лошадей, блестящую сбрую; если не всякій, то по крайней мѣрѣ весьма многіе имѣли право ежедневно садиться за его обильный и вкусный столъ. Въ обхожденіи его, весьма простомъ, былъ всегда замѣтенъ навыкъ первенства и начальства; вообще онъ былъ ума не высокаго, однакоже не безъ способностей и сметливости; онъ не чуждъ былъ даже хитрости, но она въ немъ такъ перемѣшана была съ добродушіемъ, что его же за то хвалили. Какъ воинъ, онъ болѣе былъ извѣстенъ храбростію, чѣмъ искусствомъ.

Семейство его находилось въ Петербургѣ. Кто въ званіи генералъ-губернатора не любитъ одиночества, тотъ чувствовать его не будетъ: къ графу Салтыкову каждый вечеръ собирались на бостонъ, иногда даже и дамы. Но для перемѣны любилъ онъ разъ или два въ недѣлю проводить вечера у насъ, и обыкновенно въ сопровожденіи Алексѣева, любимѣйшаго изъ своихъ адъютантовъ.

Необыкновенная привязанность графа Ивана Петровича къ этом молодому человѣку, носящему прозваніе, которое могъ всякій принять, и котораго, сверхъ того, звали еще Ильей Ивановичемъ, заставляла думать, что онъ его побочный сынъ. Но онъ былъ просто небогатый дворянинъ Московской губерніи, рано лишившійся отца, и по симъ двумъ причинамъ не получивъ никакого образованія, еще въ дѣтствѣ былъ отданъ въ военную службу. Графъ Салтыковъ, который прежде командовалъ конною гвардіей, увидѣлъ у себя на ординарцахъ хорошенькаго, живаго, проворнаго мальчика, у котораго любовь и усердіе къ начальству и службѣ были написаны на лицѣ, велѣлъ чаще его наряжать, полюбилъ его и наконецъ оставилъ при себѣ.

У этого Алексѣева была самая счастливая физіономія, самый счастливый характеръ; я не зналъ почти людей, которые бы его не любили и ни одного, котораго бы онъ не любилъ. Апатія равнодушныхъ людей спасаетъ ихъ отъ враговъ, они обыкновенно ихъ не имѣютъ, но за то не имѣютъ и друзей; Алексѣевъ же былъ исполненъ огня и былъ веселый другъ вселенной. Случалось, иногда онъ вскипитъ, но тотчасъ же и простынетъ; съ нимъ бывали часто минуты гнѣва, но часовъ досады онъ не знавалъ. Его филантропія не была дѣйствіемъ разсудка, слѣдствіемъ правилъ (гдѣ было ему взять ихъ?), но горячее, врожденное сердечное чувство, коего притягательная сила дѣйствовала на все его окружавшее. Это былъ геній доброты. Что́ дѣлать, если другаго генія въ немъ было?

Умному отцу моему и умной сестрѣ Натальѣ съ самаго начала полюбилось въ немъ что-то такое, что̀ лучше богатства, ума и знатности: прекрасная душа въ стройномъ тѣлѣ, которая отражалась на свѣжемъ какъ утро, румяномъ, красивомъ лицѣ. Онъ влюбился въ сестру мою и, видно, очень страстно, потому что обыкновенно-смѣлый, онъ сдѣлался робокъ и долго не рѣшался открыться. Дочери знаютъ только что любить; а матери, забывая, что сами тоже дѣлали, гордясь красотою и достоинствами дочерей, болѣе чѣмъ цѣнили собственныя, всегда бываютъ разборчивы. Наша мать, которая въ цѣлой Россіи не видѣла столь завиднаго жениха, котораго бы, по ея мнѣнію, любимая дочь ея не была достойна, разумѣется, обидѣлась предложеніемъ двадцати-пяти-лѣтняго адъютанта, майора, у котораго всего только было 40 душъ. Но всѣ его любили, всѣ были въ заговорѣ противъ нея; самъ старый фельдмаршалъ принялся сватать; какъ человѣкъ придворный, не поскупился на убѣжденія, на обѣщанія, и она почти противъ воли принуждена была, наконецъ, дать свое согласіе.

Въ нашемъ семействѣ было одно маленькое существо, которому бракъ сей не нравился еще болѣе чѣмъ матери моей: это былъ я.

Свободное обхожденіе съ сестрой моей мущины, который наканунѣ еще былъ намъ постороннимъ, мнѣ казалось верхомъ неблагопристойности, которая должна была стыдомъ покрыть сестру и всѣхъ ея родныхъ. Я сказалъ уже, что любилъ ее, и въ тайной досадѣ моей было много ревности. Мнѣ трудно было привыкнуть къ мысли, что она перестанетъ носить одно со мною фамильное имя.

Не прошло мѣсяца послѣ сговора, который былъ 14-го Октября 1797 года, какъ графъ Салтыковъ получилъ извѣстіе, что онъ переведенъ военнымъ губернаторомъ въ Москву. Сіе извѣстіе, возвѣщающее отцу моему разлуку съ дочерью, его опечалило, но матери моей подало надежду, что скорый отъѣздъ Алексѣева, а потомъ продолжительное отсутствіе, отдалятъ не совсѣмъ пріятный для нея бракъ, а можетъ-быть и не дадутъ ему состояться. Напрасно: графъ Салтыковъ, который тогда пользовался особою довѣренностію царя и вслѣдствіе ея большими правами, уѣзжая объявилъ, что онъ адъютанта своего оставляетъ въ Кіевѣ на неопредѣленное время.

Итакъ двойное горе: надобно было приготовляться въ одно время и къ свадьбѣ, и къ разлукѣ. Среди сихъ приготовленій, отцу моему пришло на мысль отправить меня съ зятемъ и сестрой, коей попеченіямъ, несмотря на ея молодость, можно было поручить меня съ полною довѣренностію. Около года у меня не было учителя: послѣ отъѣзда г. Мута, старались безуспѣшно пріискать кого-нибудь на его мѣсто, и я жилъ въ праздности, пагубной для столь нѣжнаго возраста. У меня была особливая комната, и при мнѣ находились изъ крѣпостныхъ людей пьяный дядька Быковъ для присмотра за мною, и шаловливый мальчикъ для прислуги. Первый обыкновенно напивался тайкомъ, только не отъ меня; а я старался скрывать его порокъ, сколько изъ состраданія къ нему, столько изъ опасенія, что заступившій его мѣсто будетъ мнѣ менѣе потворствовать; наконецъ, однакоже, его наказали и прогнали.

Къ счастію, я страстно любилъ читать, и мнѣ открыта была маленькая библіотека отца моего, вся состоявшая изъ Нѣмецкихъ книгъ; я зналъ хорошо по-нѣмецки и нѣкоторыя изъ нихъ по нѣскольку разъ перечитывалъ. Болѣе всего любилъ я путешествія, исторію и географію, описанія земель и происшествій; Шрёкка и Бюшинга зналъ я почти наизусть, также и басни Геллерта, хотя не любилъ тогда поэзію; но за то какой же Геллертъ поэтъ?—Въ такомъ положеніи мнѣ оставаться было невозможно; что̀ бы изъ меня вышло? Дѣло рѣшено, чтобы воспользоваться удобнымъ случаемъ и везти меня доучиваться въ Москву.

Послѣ отъѣзда графа Салтыкова, отецъ мой около мѣсяца исправлялъ должность военнаго губернатора, до прибытія вновь назначеннаго въ сію должоость генерала Розенберга. Когда новый начальникъ пріѣдетъ въ провинцію, то первое дѣло ея жителей сравнивать его съ предмѣстникомъ: по склонности людей къ перемѣнѣ, сравненія сіи бываютъ рѣдко въ пользу оставляющаго мѣсто. Сіе, однакоже, случилось въ Кіевѣ, когда увидѣли Розенберга. Какой контрастъ! Старый Нѣмецъ, который столицу видѣлъ только въ первой молодости, который болѣе двадцати лѣтъ жилъ въ забытьи и чѣмъ-то командовалъ, то на Кавказѣ, то въ Крыму, человѣкъ весьма небогатый, а еще болѣе разчетливый, чтобы не сказать скупой, невзначай, какъ часто бывало въ то время, попалъ по старшинству на мѣсто знатнаго Русскаго барина, жившаго пышно, всѣмъ милостиво улыбавшагося. Розенбергъ никогда не улыбался, а былъ однакоже, вечельчакъ, то что̀ Нѣмцы называютъ «брудеръ люстихъ», и безпрестанно любилъ пошучивать; но извѣстно, что веселость Нѣмца всегда тяжела и несообщительна и веселитъ его только самого. То ли дѣло Французы!

Этотъ г. Розенбергъ былъ великій чудакъ; онъ никогда не хотѣлъ жениться, а до того любилъ женскій полъ, что дѣвки у него подавали чай и даже, говорятъ, служили за столомъ, что̀, впрочемъ, въ Кіевѣ бывало не часто; ибо признавъ отца моего за земляка, онъ въ домѣ у насъ почти поселился и всякій день обѣдалъ. Онъ у себя дома не выпускалъ трубки изо рта, а какъ при дамахъ тогда вѣжливость дѣлать сего не позволяла, то отъ насъ, кажется, ѣздилъ онъ домой только покурить. Въ царскіе дни, всѣ обѣденные столы, долженъ былъ, какъ говорилось тогда, справлять отецъ мой, любезный ландманъ (землякъ): это было гораздо экономнѣе для г. Розенберга. Когда насъ съ сестрой уже не было въ Кіевѣ, пріѣхали туда принцъ Конде съ герцогомъ Ангіенскимъ и со всѣмъ своимъ главнымъ штабомъ и прожили тамъ три дня; показывая отвращеніе отъ Французовъ и извиняясь незнаніемъ Французскаго языка, Розенбергъ предоставилъ отцу моему заниматься ими и ихъ угощать *).

Приближались для меня дни радости и дни печали: первое путешествіе и первая разлука съ семействомъ. Что̀ касается до свадьбы сестры моей, то я съ чувствомъ дѣтскаго удовольствія приготовлялся держать надъ нею вѣнецъ, такъ какъ старшій братъ мой назначенъ былъ въ шаферы къ жениху. Но и въ семъ утѣшеніи мнѣ было отка-

---

*) Странная была участь генерала Розенберга. До шестидесяти пяти лѣтъ, никогда не оставляя военной службы, онъ не видалъ войны. Въ первый разъ увидѣлъ онъ непріятельскій огонь въ Италіянскую компанію 1799 года; хладнокровнымъ мужествомъ и знаніемъ военнаго дѣла заставилъ онъ Суворова жалѣть, что не ранѣе былъ употребленъ

зано: на бѣду мою, въ самый день свадьбы пріѣхалъ средній братъ изъ Петербурга, куда онъ отъ полку былъ посыланъ для наученія кавалерійской службѣ. Итакъ я долженъ былъ удовольствоваться послѣднею ролью, то-есть нести только образъ.

Кстати о братьяхъ: я было и позабылъ сказать, что въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Екатерины, за какіе то подвиги при усмиреніи какихъ-то мятежниковъ въ западныхъ губерніяхъ, произвели ихъ въ майоры, тогда какъ у старшаго еще не было и пуху на подбородкѣ. Такъ какъ при Павлѣ нельзя было часто отлучаться отъ полку, а родители наши желали имѣть при себѣ котораго нибудь изъ сыновей, то и выпросили они, чтобы старшаго, любимѣйшаго, будто бы по неспособности къ кавалеріи, перевели въ пѣхоту, изъ Нѣжинскаго карабинернаго (тогда уже кирасирскаго) въ Кіевскій гренадерскій полкъ, который тогда квартировалъ въ самомъ Кіевѣ.

Свадьбу сыграли мы 20-го Января 1798 года, а въ путь отправились 16-го Февраля. Въ слѣдующей главѣ вступаю я въ новый міръ и повлеку въ него за собою читателя, если онъ не остановится, наскучивъ мелочными моими разсказами.

XIII.

Есть чувствованія, которыя не только другимъ, но и самому себѣ объяснить весьма трудно. Первый разъ въ жизни покидалъ я все родимое, все мнѣ любезное, священный Кіевъ и благословенное семейство, въ которомъ я родился. Какъ будто нарочно, все сдѣлалось передъ отъѣздомъ ко мнѣ ласковѣе, самъ отецъ мой мнѣ началъ улыбаться; даже дворовые люди наши и женщины находили сказать мнѣ что-нибудь необыкновенно-нѣжное. Безпрестанно былъ я въ горестномъ волненіи, и слезы нерѣдко навертывались на глазахъ моихъ, но въ тоже время сердце было наполнено неописаннымъ восторгомъ. Какъ часто изъ окошекъ своихъ, любопытнымъ, жаднымъ взоромъ глядѣлъ я на Заднѣпровье, на этотъ густой, темный боръ, для меня заповѣдной, какъ будто заколдованный, который сколько разъ уже то зеленѣлъ, то чернѣлъ въ глазахъ моихъ. Никогда еще не ступалъ я въ него ногой; теперь проникну въ глубину его; чтó я говорю? Онъ только занавѣсь, скрывающая отъ меня незнакомый мнѣ міръ: его увижу я, его узнаю. Голова моя была полна слышанными разсказами про Москву бѣлокаменную, про ея обширность, ея велелѣпіе, ея сорокъ-сороковъ церквей. Въ семъ расположеніи духа, съ печалію и радостію вмѣстѣ, выѣхалъ я изъ Кіева.

Въ трехъ кибиткахъ быстро мчались мы по снѣжной дорогѣ. Единообразіе зимняго пути меня скоро утомило. Февральское солнце, которое въ Малороссіи грѣетъ сильнѣе и свѣтитъ ярче, чѣмъ на Сѣверѣ, и снѣгъ, который отъ него блисталъ и таялъ, днемъ еще коекакъ развеселяли мои мысли; но какъ пришла ночь, я почувствовалъ тоску необычайную. Даромъ что я былъ съ сестрой и зятемъ, и что старшій братъ провожалъ насъ до перваго маленькаго города Козельца, мнѣ вдругъ показалось, что я совсѣмъ осиротѣлъ: сидя одинъ въ кибиткѣ, въ потьмахъ, я не могъ заснуть и заливался слезами. Такъ прошелъ первый день; слѣдующіе были не забавнѣе.

Мнѣ стало еще грустнѣе, когда, въѣхавъ въ Орловскую губернію, въ первый разъ увидѣлъ я себя въ черной закопченой избѣ, куда спаслись мы отъ мятели и гдѣ долженъ былъ я ночевать между телятами и поросятами: изнѣженному мальчику, каковымъ былъ я тогда, это показалось верхомъ злополучія.

Въ то время между Малороссійскими деревнями и мѣстечками и Малороссійскими городами не было замѣтно почти никакой разницы. Въ тѣхъ и въ другихъ встрѣчались, почти одинаковой величины, чистенькія мазанки, съ чистыми окнами, которыя ежемѣсячно бѣлились снутри и снаружи. Всѣ онѣ между собою, равно какъ и отъ улицы, отдѣлялись садиками, коихъ высокія деревья осѣняли ихъ кровли, что̀ нѣкоторымъ изъ деревень давало видъ пріятныхъ рощей, въ коихъ бѣлѣлись разсѣянные сельскіе домики. Все показывало, что тутъ живетъ народъ, который столь же мало знако́мъ съ роскошью, какъ и съ нищетой; общество, коего члены были всѣ равны между собою и отличались однѣми заслугами, оказанными войску, и почестями, личною храбростію или личными достоинствами пріобрѣтенными. И потому-то образъ жизни помѣщиковъ столь же мало разнился тогда отъ быта крестьянскаго, какъ видъ городо̀въ отъ наружности селеній.

Но коль скоро переѣдешь за Глуховъ, картина совсѣмъ перемѣняется: бѣдность и нечистота деревенскихъ хижинъ, особенно же въ господскихъ имѣніяхъ, поражаетъ своею противоположностью съ прочностію строеній городскихъ. Когда увидѣлъ я первыя Великороссійскія деревни, то полагалъ, что города немного развѣ лучше, и оттого не весьма красивый Сѣвскъ изумилъ меня своими каменными палатами. Вслѣдъ за тѣмъ Орелъ и, наконецъ, Тула показались мнѣ столицами.

Москва произвела на меня то дѣйствіе, которое обыкновенно производятъ большія столицы на провинціаловъ, никогда ихъ не видавшихъ, старыхъ ли или малыхъ: я былъ еще болѣе оглушенъ ея шумомъ, чѣмъ удивленъ огромностію ея зданій. По набожности сестры моей, мы отъ заставы отправились прямо къ Воскресенскимъ воро-

тамъ помолиться Иверской Богоматери; вокругъ часовни, гдѣ поставленъ ея образъ, въ двухъ узкихъ отверстіяхъ, ведущихъ къ Кремлю, безпрестанно кипитъ народъ, ломятся экипажи. Во время молебна мнѣ все казалось, что подлѣ насъ идутъ на приступъ.

Квартира, которую дали зятю моему въ казенномъ домѣ, называемомъ Тверскимъ, или Чернышовскимъ, или домомъ главнокомандующаго, была просторна, довольно красива, а мнѣ показалась даже великолѣпна. Мы занимали комнатъ двѣнадцать въ одномъ изъ загнутыхъ флигелей внутри двора сказаннаго дома. Изъ окошекъ были видны только высокія палаты, въ коихъ жилъ начальникъ Москвы и зятя моего и предъ коими нашъ флигель казался на колѣняхъ, да еще не весьма обширный дворъ, съ утра до вечера наполненный каретами, въ коихъ пріѣзжали не къ намъ съ посѣщеніями, а съ поклоненіемъ къ фельдмаршалу и женѣ его.

Сестрѣ моей нужно было нѣсколько дней, чтобъ обмундироваться по модѣ и приготовиться предстать предъ графиней Салтыковой, коей надменностію всѣхъ пугали. Обрядъ сей совершился не совсѣмъ къ ея удовольствію. Потомъ пустилась она развозить рекомендательныя письма, данныя ей отъ родителей, и имѣла причины быть болѣе довольна сдѣланными ей пріемами. Двѣ статсъ-дамы, фельдмаршальша графиня Каменская и княгиня Долгорукова, жена князя Юрія Владимировича, предмѣстника графа Салтыкова, не замедлили сами сдѣлать ей визиты и осыпали ласками робкую провинціалку. Обѣ бывали въ Кіевѣ и были очень знакомы съ нашею матерью; первая же одинъ разъ провела въ немъ цѣлое лѣто. Другія дамы, менѣе знатныя, оказали пріѣзжей еще болѣе вѣжливости; но графиня Салтыкова не обратила ни малѣйшаго вниманія на бѣдную сестру мою, никогда къ себѣ не приглашала, дозволяя развѣ только по временамъ къ себѣ являться. Это было совсѣмъ неободрительно, это было даже безчеловѣчно въ отношеніи къ молодой женщинѣ, которая, по тогдашнимъ понятіямъ, находилась, такъ сказать, при дворѣ ея сіятельства.

Сія графиня, Дарья Петровна Салтыкова, была между тѣмъ женщина чрезвычайно умная и отмѣнно добродушная. Наружности своей, отъ природы суровой, старалась она, по примѣру Екатерины, придать нѣкоторую величественность и тѣмъ пугала не коротко ее знавшихъ. Она была, дѣйствительно, самой строгой добродѣтели; примѣромъ и наставленіями старалась внушить она ее дочерямъ, но была, можетъ быть, слишкомъ снисходительна къ единственному сыну и вообще въ постороннихъ расположена была видѣть одну только хорошую сторону. Будучи дочерью графа Чернышова, болѣе двадцати лѣтъ Русскаго посла въ Лондонѣ и Парижѣ, она всю первую

молодость провела за границей и оттого не совсѣмъ свободно объяснялась по-русски, тогда какъ Французскій языкъ не былъ еще въ столь общемъ употребленіи, какъ нынѣ. Сіе затрудненіе дѣлало ее часто молчаливою съ другими женщинами; но за то она строго соблюдала всѣ формы вѣжливости, всѣмъ безъ изъятія платила визиты, и у себя была внимательною къ каждому, никого не оставляя безъ того, чтобы не сказать нѣсколько словъ.

Отчего же столь почтенная женщина показывала болѣе чѣмъ холодность существу, ничѣмъ ее не оскорбившему, существу, которое имѣло даже нужду въ ея покровительствѣ? Это надобно объяснить. Графиня Салтыкова была превыше мужа своего столько же умомъ, сколько нравственностью; частыя его невѣрности, несмотря на преклонныя лѣта, не могли отъ нея совершенно укрыться; она никогда не унизилась до ревности, но съ отвращеніемъ смотрѣла на невоздержность супруга. У нея въ домѣ находилась тогда одна Француженка, madame Laurent, ловкая, хитрая, довольно пригожая и не старая, въ качествѣ болѣе собесѣдницы чѣмъ гувернантки при взрослыхъ ея дочеряхъ; сверхъ того имѣла она особую, секретную должность при самомъ графѣ Салтыковѣ: она умѣла пользоваться въ одно время довѣренностію жены и нѣжностію мужа. Преувеличенныя похвалы графа Салтыкова красотѣ невѣсты любимаго имъ адъютанта возбудили мерзкія подозрѣнія въ душѣ Француженки; она поспѣшила сообщить ихъ обманутой графинѣ еще прежде нашего пріѣзда.

Опасенія госпожи Лоранъ должны были исчезнуть, коль скоро она только увидѣла сестру мою; порокъ узнаётъ тотчасъ добродѣтель по тайному стыду, который она въ немъ производитъ; но она не вдругъ еще успокоилась. Графъ Салтыковъ поступилъ въ семъ случаѣ благоразумно и деликатно: онъ только одинъ разъ, по пріѣздѣ ихъ, навѣстилъ молодыхъ супруговъ. Можно легко себѣ представить весь ужасъ положенія несчастной тогда сестры моей. Дотолѣ уважаемая, любимая и достойная того и другаго, она вдругъ встрѣчаетъ забвеніе всякаго приличія въ обхожденіи съ нею жены начальника своего мужа и осуждена жить съ нею въ одномъ домѣ. Она не вдругъ могла постигнуть, отчего это происходитъ; но когда, по инстинкту, коимъ женщины одарены, она вникнула въ причины явнаго презрѣнія, ей оказываемаго, то содрогнулась отъ негодованія. Она, которая почиталась въ Кіевѣ цвѣтомъ непорочности, въ первые дни, въ первыя минуты счастливаго нѣжнѣйшаго союза, подозрѣвается въ измѣнѣ, и въ какой же измѣнѣ? Осмѣливаются считать ее наложницей старика изъ подлыхъ видовъ корыстолюбія. Сей первый, тяжелый крестъ, посланный ей въ жизни, понесла она съ терпѣніемъ, призвавъ на по-

мощь вѣру и чувство собственнаго достоинства. На чужой сторонушкѣ, съ кѣмъ было залетной пташечкѣ раздѣлить жестокую скорбь свою? Кому ее повѣрить? Людямъ ли, едва знакомымъ, или мужу, который въ обѣихъ супругахъ видѣлъ свое провидѣніе, но, не смотря на то, въ изступленіи обиженнаго самолюбія, готовъ бы былъ погубить себя дерзостію противъ нихъ? Или малолѣтнему брату, которому неприлично и опасно было довѣрять такого рода тайны? Но я часто заставалъ ее въ слезахъ передъ иконами; я одинъ былъ свидѣтелемъ ея печали, которую болѣе всего старалась она скрывать отъ мужа, и я почти угадалъ ея тайну.

Впрочемъ, безразсудныя подозрѣнія не выходили изъ тѣснаго круга, въ которомъ родились, и не долго существовали. Прошелъ мѣсяцъ или два, и графиня Салтыкова приглашеніями, привѣтами старалась заставить забыть свою первую несправедливость; но оскорбленная сестра моя осталась непреклонна и долго еще чуждалась ея высокаго общества. Для мужа все это было непонятно; онъ дивился своенравію жены, но не смѣлъ ее упрекать въ томъ.

Мы жили почти въ совершенномъ уединеніи: сестра рѣдко дѣлала и принимала визиты. Шумъ и блескъ были вокругъ стѣнъ нашихъ, а внутри царствовали тишина и молчаніе. Я начиналъ сравнивать настоящее положеніе наше съ прошедшимъ... Тяжело вздохнулъ я; мнѣ казалось, что наша доля самая низкая въ мірѣ. Моральная болѣзнь, врожденная, хотя и не наслѣдственная, которую ни религія, ни разсудокъ, ни опытъ доселѣ совершенно излѣчить не могли, жестокое самолюбіе, источникъ немногихъ для меня наслажденій и безчисленныхъ страданій въ жизни, сія болѣзнь въ первый разъ открылась во мнѣ съ нѣкоторою силою; тогда-то заронились мнѣ въ сердце первыя сѣмяна отвращенія отъ аристократіи, впослѣдствіи столь постоянно развивавшіяся.

Въ Кіевѣ мечталъ я о Москвѣ; въ Москвѣ только и думалъ что о Кіевѣ. Но безъ насъ все уже тамъ перемѣнилось. Въ Мартѣ мѣсяцѣ генералъ Розенбергъ переведенъ военнымъ губернаторомъ въ Смоленскъ, а на его мѣсто назначенъ графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ. Сей послѣдній не успѣлъ еще съ Кавказа пріѣхать въ Кіевъ, какъ его перевели въ Каменецъ-Подольскъ, а на его мѣсто назначили... кто бы могъ ожидать? того самаго князя Дашкова, который жилъ въ Кіевѣ брошенный всѣми. Онъ находился шефомъ какого-то полка, былъ за чѣмъ-то вызванъ въ Петербургъ и тамъ до того полюбился императору, что вдругъ получилъ ленту, чинъ генералъ-лейтенанта и мѣсто Кіевскаго военнаго губернатора. Трудно объяснить, что побудило кн. Дашкова говорить царю объ отцѣ моемъ? Чувство ли великодушное

или желаніе мести? Мнѣ пріятно думать, что онъ надѣялся доставить ему новое, высшее назначеніе. Онъ съ видомъ откровенности сказалъ, что ему совѣстно сдѣлаться начальникомъ заслуженнаго человѣка, который старѣе его въ чинѣ и гораздо старѣе лѣтами. Павелъ Первый не задумался, онъ церемониться не любилъ: вдругъ приказалъ безъ всякой другой причины отца моего отставить отъ службы. Лишить почетнаго, выгоднаго мѣста человѣка, который десять лѣтъ занималъ его съ честію, который въ глазахъ его ничѣмъ не провинился и даже былъ ему угоденъ, ему казалось дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, никакая несправедливость его не устрашала: помазанникъ Божій, онъ твердо вѣровалъ въ свою непогрѣшимость; во всѣхъ жестокихъ проказахъ своихъ видѣлъ онъ волю небесъ.

Будучи въ отставкѣ, не имѣя болѣе средствъ жить въ прежнемъ изобиліи, отецъ мой желалъ оставить Кіевъ, куда личный его непріятель прибылъ начальникомъ, и отправиться въ Пензу, которую онъ любилъ и куда призывали его хозяйственныя дѣла. Къ несчастію, въ послѣдній годъ своей службы, онъ увлекся страстію къ строеніямъ и затѣялъ огромный домъ, который надѣялся или выгодно отдавать внаймы или съ прибылью продать: ему необходимо было его окончить. Князь же Дашковъ, втайнѣ торжествуя, желалъ явить умѣренность, первый посѣтилъ отца моего, и потомъ при всякой встрѣчѣ показывалъ видъ, будто ему вездѣ уступаетъ мѣсто.

Въ Москвѣ жилъ я, между тѣмъ, въ совершенной праздности и скукѣ, не имѣлъ знакомыхъ, не имѣлъ книгъ и нетерпѣливо ожидалъ минуты, когда отдадутъ меня въ какое-нибудь учебное заведеніе. Но зять мой, по своему пекшійся о моемъ благѣ, полагалъ, что для меня будетъ величайшая честь воспитываться вмѣстѣ съ молодымъ графомъ, сыномъ его начальника: у него шли о томъ негоціаціи, и отъ того медлили рѣшить мою участь. Я зналъ о его намѣреніи и трепеталъ отъ ужаса сдѣлаться наперсникомъ Московскаго дофина. Въ Кіевѣ естественнымъ образомъ бралъ я верхъ надъ своими маленькими товарищами, въ Москвѣ я ожидать сего не смѣлъ; но все-таки не хотѣлось же находиться въ свитѣ сына, какъ зять мой былъ при особѣ отца*). Въ одномъ равенствѣ видѣлъ я свое спасеніе.

Моего мнѣнія не спрашивали, и дѣло было почти полажено. Въ одинъ вечеръ пригласили меня, то-есть призвали, къ знатному моему ровеснику. Я чувствовалъ, что иду на смотръ: Московское житье сдѣлало меня робкимъ, застѣнчивымъ; но отчаяніе дало мнѣ силы, и я

---

*) Кажется, съ этихъ поръ началъ я вездѣ, и особенно въ службѣ, ненавидѣть слово *при* и *у* и всегда предпочитать имъ частицу *въ*.

вооружился невѣдомою мнѣ дотолѣ наглостію. Я нашелъ графчика одного; я ожидалъ найти въ немъ спѣсь, но онъ мнѣ показался въ смущеніи, въ замѣшательствѣ. Притворная смѣлость моя его ободрила, мы начали говорить вздоръ и, какъ водится между мальчиками, черезъ нѣсколько минутъ коротко познакомились. Я уже умягчался душой, какъ вдругъ показались мои судьи, сперва мусью Моринò, наставникъ графа, за нимъ г. Лоранъ, воспитатель его, и, наконецъ, сама г-жа Лоранъ, супруга послѣдняго. Она была вся разряжена и, благосклонно улыбаясь, сказала мнѣ: «bon jour, mon petit»; не имѣя понятія о ея интригахъ, не знаю самъ отъ чего, я весь вспыхнулъ и готовъ былъ въ нее вцѣпиться. Съ трехъ сторонъ посыпались на меня вопросы. Я прескверно говорилъ по-французски; тутъ нарочно я коверкалъ языкъ, вралъ и дурачился. Плеча пожимались, уста насмѣшливо улыбались, и все мнѣ показывало, что я успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Можетъ быть, я и напрасно приписываю себѣ успѣхъ въ семъ дѣлѣ; я не имѣлъ довольно ума и искусства, чтобы прикидываться глупымъ; можетъ быть я показался бы имъ неуклюжимъ и безъ всякихъ усилій; но какъ бы то ни было, я торжествовалъ, чувствуя, что мнѣ не выбрили затылокъ.

Послѣ того я съ сыномъ графа Салтыкова встрѣчался только изрѣдка въ манежѣ отца его, куда ходилъ я учиться верховой ѣздѣ. Онъ всегда ласково протягивалъ мнѣ руку, говоря съ сожалѣніемъ о невозможности намъ часто видѣться. Онъ былъ преблагородный, предобрый малый, не имѣлъ понятія о спѣси, но къ сожалѣнію и ни о чемъ не имѣлъ понятія. Единственный наслѣдникъ большаго состоянія и знатнаго имени, природою не обиженный, онъ достоинъ былъ лучшаго воспитанія. Лораны были просто интриганы и пройдохи, которые мало заботились о своемъ воспитанникѣ, но имѣли по крайней мѣрѣ свѣтское образованіе; поклонникъ же ихъ Моринò, какъ узналъ я послѣ, былъ пошлый дуракъ, совершенный невѣжда и въ обращеніи настоящій мужикъ. Въ то время стоило лишь быть Французомъ, чтобы заслужить довѣренность знатныхъ родителей.

Я сказалъ выше, что у меня въ Москвѣ не было знакомыхъ, забывъ, что одному нечаянному случаю былъ я обязанъ весьма пріятнымъ знакомствомъ. Мы жили въ приходѣ Косьмы и Даміана, куда по воскресеньямъ и по праздникамъ ходилъ я слушать обѣдню; однажды я замѣтилъ группу женщинъ, откуда смотрѣли на меня съ Московскимъ любопытствомъ, которое тогда было гораздо сильнѣе и выразительнѣе, чѣмъ нынѣ. По окончаніи богослуженія, одна изъ сихъ женщинъ, постарѣе другихъ, отдѣлилась отъ группы, подошла ко мнѣ и спросила: «чей ты, голубчикъ?» Я покраснѣлъ отъ сего вопроса, который мнѣ показался обиднымъ, однакоже назвался. За отвѣтомъ моимъ

послѣдовало громкое восклицаніе: «ахъ, Боже мой, какъ я рада; да какъ милъ, какъ хорошъ!» Потомъ пожилая дама потребовала, чтобъ я слѣдовалъ за нею, прибавляя, что она живетъ въ двухъ шагахъ; я отговаривался тѣмъ, что не смѣю ни къ кому ходить безъ позволенія сестры. «Пустое, пустое, батюшка», сказала она, «мы ведемъ тебя не въ худое какое мѣсто; пошлемъ слугу твоего сказать сестрицѣ, что ты у насъ, и она успокоится». Взглянулъ я на нихъ: старыя показались мнѣ такъ добры, молодыя такъ милы, что я пересталъ отговариваться. По узкому переулку пришли мы къ калиткѣ, чрезъ нее вошли въ садъ; потомъ пройдя дворъ, я очутился въ барскихъ, разукрашенныхъ хоромахъ *).

Надобно, однакоже, объяснить причины столь внезапнаго знакомства. Почти за годъ до того, въ Іюльскій палящій зной, у насъ кто-то смотрѣлъ въ окошко и указалъ матери моей старую, дряхлую женщину, которую два дюжихъ лакея болѣе тащатъ, чѣмъ ведутъ подъ руки, а за нею толпу женщинъ въ дорожномъ платьѣ. Изнеможеніе, страданія были на лицѣ старушки; мать моя послала предложить ей карету и просить ее покамѣстъ къ себѣ отдохнуть, чтó приняла она съ благодарностію. Это вышла одна почетная дама, Авдотья Ивановна Талызина, пріѣхавшая на богомолье; у нея что-то изломалось, да и лошади рѣшительно отказались взвезти тяжелый экипажъ ея на крутую, сыпучую, Печерскую гору. Ее успокоили, угостили и не прежде отпустили, пока не пріискали хорошей квартиры. Она была чрезвычайно тронута гостепріимствомъ незнакомыхъ ей людей и потомъ, хотя имѣла намѣреніе посѣщать одни только монастыри и церкви, пріѣзжала и къ намъ, увѣряя, что въ назидательно-веселой бесѣдѣ матери моей находитъ столько же услажденій, какъ и въ молитвѣ.

Съ нею была одна родственница, Александра Николаевна Полтева, зрѣлая дѣва, которая, оплакивая потерю жениха, рѣшилась посвятить себя иноческой жизни въ Кіево-Флоровскомъ монастырѣ: благое намѣреніе, которое сохранила она всю жизнь свою, не приводя его въ исполненіе. Возвращаясь въ Москву, г-жа Талызина поручила ее утѣшеніямъ и попеченіямъ моей матери. Ея-то старшая сестра Анна Николаевна Полтева замѣтила меня въ храмѣ и, узнавъ фамильное имя мое, увлекла съ собою. Она жила у третьей сестры своей, которая была замужемъ за княземъ Петромъ Ивановичемъ Одоевскимъ, братомъ г-жи Талызиной.

---

*) Это домъ въ Камергерскомъ переулкѣ, нынѣ Ліанозова (гдѣ театръ Горевой). Садъ его и заднія строенія еще въ 50-хъ годахъ простирались до переулка Козмодемьянскаго и выходили противъ зданія Тверской Части. П. Б.

Домъ князя Одоевскаго, коего сдѣлался я частымъ посѣтителемъ, не былъ шуменъ, пышенъ, какъ другіе дома богатыхъ въ Москвѣ людей, но онъ былъ, однакоже, вѣрное изображеніе тогдашнихъ нравовъ древней столицы; въ описаніи его вижу я обязанность принятаго мною званія разскащика. Въ одѣяніи, поступи, въ самомъ выраженіи лицъ господскихъ людей виденъ характеръ господина: тамъ, гдѣ безпорядокъ, они лѣнивы, неопрятны, оборваны; тамъ, гдѣ ихъ содержатъ въ строгости, они одѣты довольно чисто, вытянуты въ струнку, но тороплпвы и печальны. Видъ спокойствія, довольство, даже тучность домашней прислуги князя Одоевскаго, почтительно-свободное ея обхожденіе съ хозяевами и гостями, вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтный порядокъ и чистота показывали, что онъ отечески управляетъ домомъ. Дѣйствительно, онъ былъ баричъ, который, по достиженіи совершеннолѣтія, долго путешествовалъ за границей и, возвратясь оттуда, сохранилъ въ домѣ своемъ обычаи старины, прибавивъ къ нимъ устройство и опрятность, которыя заимствовалъ онъ у Европейскихъ народовъ *).

Онъ былъ сухенькій старичокъ, но весьма живой и, какъ говорятъ Французы, еще зеленый. Мнѣ сказали, что онъ отставной полковникъ; а я, признаюсь, сначала принялъ его за отставнаго камергера. Онъ нисколько не походилъ на тѣхъ отважныхъ Екатерининскихъ полковниковъ, которыхъ прежде я видѣлъ въ Кіевѣ; не смотря на имя его, я даже не вдругъ повѣрилъ, что онъ Русскій: не знаю, природа ли или искусство дали ему совершенно Французскую наружность, хрустальныя ножки и какое-то затрудненіе въ выговорѣ. Но въ домѣ его все напоминало Русское барство, и въ немъ только онъ одинъ былъ аристократъ. Различіе между сими двумя названіями — аристократіей и барствомъ, надѣюсь я объяснить въ другомъ мѣстѣ.

Онъ не гнался за почестями: въ это время бригадирскимъ шитьемъ или камергерскимъ ключомъ заключалось обыкновенно поприще честолюбивѣйшихъ или тщеславнѣйшихъ изъ Москвичей. Онъ жилъ въ кругу родныхъ и коротко-знакомыхъ, довольствовался ихъ любовью и уваженіемъ, наслаждался спокойствіемъ, богатствомъ и воспоминаніемъ молодости, проведенной въ Парижѣ. Тамъ былъ онъ въ концѣ царствованія Лудовика XV и, въ качествѣ Русскаго принца, былъ представленъ ко двору его. Такъ очарователенъ примѣръ старой грѣховодницы-Франціи, что добрый и честный князь завелъ свою мадамъ де-Помпадуръ.

*) Изъ цѣлой Москвы едва ли не у него только была передняя, въ которой можно было дышать не зараженнымъ воздухомъ.

Больная, набожная княгиня рѣдко выходила изъ внутреннихъ своихъ покоевъ. Это было ненужно: какъ въ гостиной, такъ и въ сердцѣ ея супруга, мѣсто ея занимала молодая дворянка, Анна Васильевна Сабурова, неимущая сирота, не столько ею, сколько мужемъ ея призрѣнная. Но это еще не все; была въ одно и тоже время и мадамъ Дюбарри. Видно, въ это время Французскія гувернантки занимали вездѣ болѣе одной должности. Мамзель Дюбуа, которая воспитывала двѣнадцатилѣтнюю дочь князя Одоевскаго, была совершенная красавица и до того мила, что во мнѣ... стыдно сказать, родилось сожалѣніе, что я не дѣвочка и что не она моя наставница. Я не могу понять, какъ согласилась она играть второстепенную ролю, тогда какъ подлѣ дѣвицы Сабуровой казалась она какъ пышный цвѣтъ подлѣ миніатюрнаго скелета; предпочтеніе же Аннѣ Васильевнѣ было очевидно.

Несмотря на эти княжескія прихоти, которыя у насъ въ Россіи могли бы войдти въ пословицу, какъ за границей баронскія фантазіи, совершенное согласіе царствовало въ семъ домѣ. Посѣтителей въ немъ видѣлъ я весьма мало, молодыхъ ни одного; но за то посѣтительницами онъ изобиловалъ. Большая часть изъ нихъ были такъ называемыя Московскія старыя дѣвки. Въ Москвѣ было въ старину одно почтенное, трогательное обыкновеніе: въ каждомъ домѣ, смотря по состоянію, принималось на жительство нѣкоторое число убогихъ дѣвицъ, преимущественно дворянокъ; однѣ старѣлись въ нихъ и даже умирали, другихъ съ хорошимъ приданымъ выдавали замужъ; связи первыхъ съ своими благодѣтельницами отъ времени становились иногда крѣпче, чѣмъ самыя родственныя узы. Въ домахъ женатыхъ людей положеніе сихъ дѣвицъ было не совсѣмъ безопасно, но у вдовъ и у незамужныхъ старушекъ, ихъ общества составляли родъ свѣтскихъ монастырей или, лучше сказать, капитуловъ, коихъ они были канониссами. Ихъ жизнь была дѣятельно - праздная; въ домѣ онѣ кой за-чѣмъ присматривали, исполняли нѣкоторыя коммиссіи своей хозяйки-аббатиссы, раскладывали съ ней гранъ-пасьянсъ, посѣщали иногда подругъ своихъ. Ихъ набожность ограничивалась одними наружными обрядами религіи, но онѣ соблюдали ихъ съ точностію мелочною; онѣ знали всѣ храмовые праздники и тамъ, гдѣ бывало архіерейское служеніе, ими наполнялась половина церкви. Такъ проходила ихъ безпорочная, ихъ безполезная жизнь.

Цѣлыми стаями слетались эти барышни къ своимъ знакомымъ у князя Одоевскаго; бывало спросишь: кто онѣ такія? скажутъ такая-то живетъ у княгини Марьи Ивановны, такая-то у княжны Лисаветы Өедоровны. Нельзя себѣ представить ихъ дѣтскаго добродушія; разговоръ ихъ былъ невинный лепетъ перваго возраста. Онѣ меня чрез-

вычайно любили, осыпали ласками и, будучи сами престрашныя лакомки, и меня прикармливали вареньями и пастилой: сладко мнѣ о нихъ воспоминаніе! Изрѣдка попадаются нынѣ такаго рода женщины, и я всегда встрѣчаю ихъ съ сердечнымъ удовольствіемъ. Дому Одоевскихъ останусь я всегда благодаренъ за пріятныя минуты, въ немъ проведенныя, хотя, впрочемъ меня, свѣжаго мальчика, довольно оригинальнаго, любили тамъ и тѣшились мною среди единообразной жизни, какъ забавляются обезьяной, карлицей или попугаемъ. Князя Одоевскаго благодарить мнѣ нечего: онъ, кажется, не любилъ мой полъ, я же былъ не совсѣмъ ребенокъ, и онъ всегда на меня косился. Когда послѣ воротился я въ Москву уже взрослымъ мальчикомъ, то не могъ быть принятъ въ его домѣ, гдѣ, видно, наблюдались всѣ строгія правила гаремовъ.

Мнѣ было весьма трудно уговорить сестру сдѣлать первое посѣщеніе княгинѣ Одоевской; съ каждымъ днемъ она болѣе дичала, но рѣшилась, наконецъ, сіе сдѣлать, чтобы поблагодарить за оказанныя мнѣ ласки. Въ разговорѣ о затрудненіяхъ, куда бы меня лучше пристроить, была призвана на совѣтъ мамзель Дюбуа; она разсыпалась въ похвалахъ пансіону г-жи Форсевиль, своей единоземки. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось учиться въ Университетскомъ пансіонѣ; но Французскій языкъ, коимъ преимущественно и почти исключительно говорили тогда высшія сословія, былъ вывѣскою совершенства воспитанія; я на немъ объяснялся плохо, а воспитанники университетскіе не славились его знаніемъ. Это замѣтила мамзель Дюбуа, прибавляя, что изъ рукъ г-жи Форсевиль молодые люди выходятъ настоящими Французами. Разсуждая, что мнѣ предназначено быть свѣтскимъ и военнымъ человѣкомъ, а не ученымъ и юристомъ, сестра моя нашла, что дѣйствительно лучше отдать меня къ Французамъ. Видно, на роду у меня было написано не получить основательнаго образованія.

Исполненіе намѣренія предать меня въ руки мадамы замедлилось нѣсколько дней по случаю тревоги, въ которой находилась вся Москва, и особенно свита графа Салтыкова. Ожидали скораго прибытія императора, полки собирались на маневры, и всѣ исполнены были страха, надеждъ и любопытства. Я стоялъ съ трепетомъ 10-го Мая*) на Тверской, подлѣ дома главнокомандующаго, когда Павелъ Первый въ нѣсколькихъ шагахъ проѣхалъ мимо меня. Онъ сидѣлъ въ открытой коляскѣ съ своимъ наслѣдникомъ и съ улыбкой кланялся (безобразіемъ его я былъ столько же пораженъ, какъ и красотою Александра). Въ продолженіе шестидневнаго пребыванія своего въ Москвѣ

*) 1798 года. П. Б.

онъ всѣхъ изумилъ своею снисходительностію: щедротами онъ удивить уже не могъ. Войскамъ объявилъ совершенное свое удовольствіе. Шефа одного полка, который былъ дѣйствительно очень дуренъ, онъ наказалъ только тѣмъ, что ничего ему не далъ, но не позволилъ себѣ сдѣлать ему даже выговора; всѣхъ же другихъ завѣшалъ орденами, засыпалъ подарками. Никто не могъ постигнуть причины такого необыкновеннаго благодушія; узнали ее послѣ. Любовь, усмиряющая царя звѣрей, побѣдила и нашего грознаго царя: пылающіе взоры извѣстной Анны Петровны Лопухиной растопили тогда его сердце, которое въ эту минуту умѣло только миловать. Графу Салтыкову пожаловалъ онъ четыре тысячи душъ въ Подольской губерніи, а всѣхъ адъютантовъ его, въ томъ числѣ и зятя моего, произвелъ въ слѣдующіе чины.

Въ пансіонѣ, въ который, наконецъ, отвезли меня, воспитывались дѣти обоего пола, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ содержательницы его. Я ожидалъ найти въ ней другую мамзель Дюбуа; можетъ быть, лѣтъ двадцать до нашего знакомства была она и лучше. Тогда она была женщина лѣтъ сорока пяти, высокая, полная, бѣлая, которая задыхалась отъ здоровья, у которой щеки алѣли всегда отъ удовольствія, когда не багровѣли отъ гнѣва. Она деспотически управляла ввѣренными ей ребятишками, и мнѣ казалось обиднымъ, что меня ставятъ на одну съ ними ногу, тогда какъ почти всѣ они были меня моложе. Я, напротивъ, имѣлъ притязанія на совершенную свободу, коею пользовался соученикъ мой Лутовиновъ, пятнадцати или шестнадцатилѣтній дюжій мальчикъ, который ничему не учился, ничего не дѣлалъ или, лучше сказать, дѣлалъ все что̀ ему было угодно. Еслибъ я былъ нѣсколько постарѣе, то можетъ быть умѣлъ бы присвоить себѣ равныя съ нимъ права; а можетъ быть и нѣтъ, ибо румянецъ осенняго листа, ветчинная свѣжесть г-жи Форсевиль мнѣ были вовсе не по вкусу.

Былъ также и мусью Форсевиль; онъ принадлежалъ къ тому роду незамѣтныхъ мужей, коихъ существованіе поглощается и исчезаетъ въ великой знаменитости супругъ, какъ мужъ г-жи Жоффренъ или г-жи Каталани. Заведеніе находилось подъ его фирмой, но въ немъ почти ни во что̀ онъ не мѣшался. Онъ мало выходилъ изъ своей каморки, прозванный кабинетомъ, развѣ только потому, что въ ней находился маленькій шкафъ, съ двумя дюжинами какихъ-то книгъ, прозванный библіотекой. Тутъ не было ни письменнаго столика, ни даже чернильницы, а одни станки, да пилы, буравы, всѣ принадлежности токарной и столярной работы: все было засорено стружками и опилками, и все обличало присутствіе болѣе мастероваго, чѣмъ грамотнаго человѣка. На природномъ языкѣ говорилъ онъ какъ простолюдинъ, за

то увѣрялъ, что весьма хорошо знаетъ Англійскій, и взялся два раза въ недѣлю учить меня оному. Недостатокъ ли въ его знаніи или въ моихъ способностяхъ былъ причиною, что я никакихъ успѣховъ не сдѣлалъ. Онъ былъ совершенный сморчокъ, старичишка добрый, по крайней мѣрѣ для меня; довѣренность его ко мнѣ до того простиралась, что изъ учениковъ я только одинъ имѣлъ входъ въ такъ называемый кабинетъ его, гдѣ таинственно предавался онъ своимъ занятіямъ. Онъ долго жилъ въ Англіи и всегда предпочиталъ ее своему отечеству; теперь я увѣренъ, что онъ тамъ былъ ремесленникомъ. Богъ вѣсть, какъ занесло его къ намъ и какъ встрѣтился и совокупился онъ съ Француженкой, въ Россіи родившеюся, хотя безграмотною, но досужею и проворною бабой. Обо всемъ онъ говорилъ равнодушно, кромѣ Англіи; самая покорность его супругѣ, кажется, была не что̀ иное, какъ слѣдствіе уваженія его къ той землѣ, гдѣ королевы женятся.

Пребываніе мое въ пансіонѣ мнѣ сначала полюбилось. Лѣто было прекрасное: отъ барства, шуму, духоты городской, мнѣ казалось, что я перенесенъ въ тихое, сельское уединеніе. Домъ, въ которомъ помѣщался Форсевилевъ пансіонъ, находился у подошвы невысокой горы, на которой построенъ упраздненный Новинскій монастырь; сей пригорокъ заслонялъ намъ видъ городскихъ строеній, а съ другой стороны открывался прекрасный видъ къ Москвѣ-рѣкѣ, на рощи, сады и невысокіе деревянные дома, между ними разсѣянные. Товарищи мои рѣчами и манерами также напоминали деревню: каждый изъ нихъ былъ оттуда прямо привезенъ въ училище, въ Москвѣ никого почти не зналъ и могъ только, въ незанимательныхъ разговорахъ своихъ, познакомить меня съ образомъ жизни нашихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Ихъ было человѣкъ тридцать; каждаго изъ нихъ могъ бы я и теперь назвать по имени и отчеству, хотя, съ самой минуты нашей первой разлуки, я ни съ однимъ не встрѣчался, ни объ одномъ ни слыхивалъ ни слова. Въ пространномъ мірѣ, называемомъ Россія, въ сей цѣлой части свѣта болѣе чѣмъ въ государствѣ, люди, съ которыми долго живешь и бесѣдуешь, не переставая существовать, часто исчезаютъ какъ атомы, теряются въ безъизвѣстности. Куда дѣвались мои товарищи? Не зная ничего о судьбѣ ихъ, но судя по ихъ способностямъ и образу воспитанія, могу съ достовѣрностію разсказать ихъ исторію. Въ пятнадцать или въ шестнадцать лѣтъ ихъ опредѣлили въ армейскіе полки унтеръ-офицерами, потомъ черезъ годъ или два произвели въ прапорщики; одни воспользовались симъ первымъ чиномъ, чтобы выйти въ отставку: другіе, болѣе алчные къ почестямъ, дослужились до поручиковъ или до штабсъ-капитановъ, но наскучивъ службою, также ее оставили. Всѣ

они зарылись въ деревнѣ, начали гоняться за зайцами, бить мужиковъ, обольщать дѣвокъ, потомъ завелись женой и дѣтьми; одни спились, промотались и потомство свое привели въ состояніе однодворцевъ; другіе, болѣе степенные, пошли служить по выборамъ и попали уже вѣрно не болѣе какъ въ засѣдатели или исправники; безъ угрызенія совѣсти, слѣдуя общему примѣру, стали неправо наживаться, чтобы каждаго сына, сколь бы ихъ много ни было, поставить на ту точку, съ которой сами пошли.

Дѣвицы, которыя съ нами воспитывались, обѣдали, а иногда и учились за однимъ съ нами столомъ, жили, однакоже, въ особливой половинѣ. Онѣ были также маленькія провинціалки, но граціознѣе и остроумнѣе мальчиковъ. Изъ двадцати или изъ двадцати пяти, одну только Ложечникову можно было назвать хорошенькою; не знаю, гдѣ умѣли набрать такихъ уродцевъ. Обхожденіе съ ними Форсевильши было болѣе строгое: отъ взгляда ея, отъ одного движенія губъ, бѣдняжки приходили въ ужасъ. Болѣе всѣхъ тирански преслѣдовала она бѣдную, четырнадцати или пятнадцати-лѣтнюю Француженку, дочь какого-то пріятеля, которая училась у нея даромъ, а за то употреблялась для разныхъ домашнихъ упражненій безъ платы; расцвѣтающія прелести были ея виною въ глазахъ отцвѣтшей мадамы. Ее звали Лабордъ; она родомъ казалась болѣе изъ Индіи, чѣмъ изъ Франціи: весь пламень Востока и Юга блисталъ въ черныхъ глазахъ ея, самый яркій румянецъ выступалъ на смугло-свѣжихъ ея щекахъ; ея волосы, уста и губы позволилъ бы я себѣ сравнить съ эбеномъ, коралломъ и перлами, еслибъ отъ частаго употребленія сіи сравненія мнѣ самому не надоѣли; выраженіе же лица юной одалиски словами невыразимо. Живши съ ней подъ одною кровлей, видя ее часто, я бы влюбился въ нее, еслибы былъ постарѣе; однакоже, не смотря на отрочество мое, я не былъ къ ней совершенно равнодушенъ, написалъ какой-то вздоръ и всунулъ ей потихоньку въ руку во время танцовальнаго класса, который для дѣвочекъ почти столь же опасенъ, какъ балы для дѣвицъ, а для меня всегда былъ часомъ искушеній. Я ожидалъ отвѣта, но тиранка-Форсевиль имѣла свою тайную полицію: кто-то изъ уродцевъ подсмотрѣлъ и донесъ. На другой день тревога, позоръ и срамъ: призвали виновныхъ, осыпали ихъ ругательствами, самыми грубыми, непристойными укоризнами; я стоялъ какъ вкопанный, не внималъ имъ, а только смотрѣлъ на слезы и на тяжко вздохами волнуемую грудь, и былъ весь раскаяніе. Опредѣлено обоихъ выгнать изъ пансіона, и приговоръ исполненъ въ тотъ же день; меня отослали къ роднымъ, но какъ шуринъ адъютанта главнокомандующаго, я на другой же день воротился съ письменнымъ увѣреніемъ, что дома строго былъ нака-

занъ. Наказаніе мое состояло въ грустныхъ, нѣжныхъ упрекахъ сестры; зять же мой расхохотался, называя меня молодцомъ. Чрезъ три дня явилась и бѣдная Лабордъ, но съ тѣхъ поръ я не смѣлъ уже подходить къ ней, а она на меня даже и глазъ не подымала *). Примѣръ сей не нуженъ, чтобы доказать, сколь опасно воспитывать вмѣстѣ дѣтей разнаго пола; теперь это вывелось, а въ старину полагали, что до пятнадцати лѣтъ всѣ дѣти должны быть столь же безстрастны, какъ грудные младенцы.

Главный вопросъ, который долженъ былъ сдѣлать всякій и который могу я самъ себѣ сдѣлать: да чему же мы тамъ учились? Богъ знаетъ; помнится всему, только элементарно. Эти иностранные пансіоны, коихъ тогда въ Москвѣ считалось до двадцати, были хуже чѣмъ народныя школы, отъ которыхъ отличались только тѣмъ, что въ нихъ преподавались иностранные языки. Учители ходили изъ сихъ школъ давать намъ уроки, которые всегда спѣшили они кончить; одинъ только Нѣмецкій учитель, нѣкто Гильфердингъ, былъ похожъ на что-нибудь. Онъ одинъ только бралъ на себя трудъ разсуждать съ нами и толковать намъ правила грамматики; другіе же разсѣянно выслушивали заданное и вытверженное учениками, которые все забывали тотчасъ послѣ классовъ. Мы были настоящее училище попугаевъ. Догадливые родители не долго оставляли тутъ дѣтей, а отдавали ихъ потомъ въ пансіонъ Университетскій. Сіе неминуемо должно было со мной случиться, но странность судьбы моей къ тому не допустила.

Четыре тысячи душъ въ Подольской губерніи, пожалованныя императоромъ графу Салтыкову, предоставлены были его выбору. Пользуясь необыкновенною милостью царя, онъ выпросилъ у него позволеніе отправить адъютанта своего, подполковника Алексѣева, чтобы сдѣлать сей выборъ. Оказывая неограниченную довѣренность зятю моему, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ доставлялъ ему безсрочный отпускъ. Въ концѣ Августа собралась сестра моя съ мужемъ въ Кіевъ къ родителямъ, а въ началѣ Сентября оставила меня одного въ Москвѣ.

Мое одиночество показалось мнѣ ужаснымъ, хотя въ положеніи оставленнаго въ пансіонѣ мальчика не было ничего необыкновеннаго. Сестра, отъѣзжая, поручила меня попеченіямъ близкой родственницы мужа своего, не очень старой, но и не весьма молодой дѣвицы, Дарьи Ивановны Корольковой, которая имѣла собственный домъ за Сухаревою башней. Сей доброй и умной, кроткой и твердой женщинѣ недо-

*) Я тщетно старался послѣ развѣдать о ея участи. Чрезъ нѣсколько лѣтъ только узналъ я, что она замужемъ за старымъ, ревнивымъ Нѣмцемъ, клавикордымъ мастеромъ, и что нѣтъ возможности ее видѣть. Милая Лабордъ, я почти увѣренъ, что она погибла во цвѣтѣ лѣтъ жертвою пылкихъ страстей!

ставало только воспитанія; своимъ примѣромъ она доказывала, что оно не всегда бываетъ необходимо для собственнаго счастія и для блага окружающихъ. У нея также жили двѣ барышни, подъ именемъ компаньонокъ, и онѣ всѣ вмѣстѣ старались утѣшать меня. Всякую Субботу или наканунѣ праздника, у подъѣзда пансіона всегда являлся за мною экипажъ и отвозилъ меня къ моей попечительницѣ. Главныя заботы ея обо мнѣ состояли въ томъ, чтобы меня исправно водили у нея въ баню, вычесывали голову, чаще мѣняли бѣлье, и чтобы поутру къ чаю всегда подавали мнѣ свѣжіе крендели. Поведеніемъ моимъ она не могла нахвалиться, и какъ не быть довольну такимъ человѣкомъ, который сидитъ сложивъ руки, все молчитъ и тайкомъ зѣваетъ? Она меня очень полюбила и потому неохотно отпускала меня иногда въ домъ Одоевскихъ, гдѣ, признаюсь, мнѣ всегда было гораздо веселѣе съ губительницей моею Дюбуа.

Письмами своими старался я разжалобить родителей и въ томъ успѣлъ; но не вполнѣ достигъ я своей цѣли, ибо, вмѣсто того чтобъ отдать меня въ Университетскій пансіонъ, велѣно обратно меня отправить въ Кіевъ. Причина тому была нижеслѣдующая. Въ числѣ имѣній князя Потемкина, коимъ наслѣдовали племянницы его, находилось въ Кіевской губерніи село Казацкое, доставшееся на часть княгинѣ Голицыной, женѣ извѣстнаго князя Сергія Ѳеодоровича. Мужъ ея нѣкогда воспитывался въ Кадетскомъ Корпусѣ, въ одно время съ отцомъ моимъ, и хотя нѣсколько лѣтъ былъ его моложе, всегда помнилъ его, любилъ и сохранялъ съ нимъ сношенія; она же была родная сестра графини Браницкой. По симъ уваженіямъ (какъ часто говорится въ канцелярскихъ бумагахъ), проѣзжая въ сказанное имѣніе чрезъ Кіевъ, она прямо остановилась у моей матери, хотя до того не была съ ней знакома. Ея супругъ начальствовалъ тогда надъ корпусомъ, посылаемымъ на помощь Австріи противъ Французовъ, а она намѣревалась нѣсколько лѣтъ прожить въ деревнѣ, для поправленія разстроенныхъ хозяйственныхъ дѣлъ. Покойная мать моя, которая съ ней скоро подружилась, не въ состояніи была не говорить о томъ, что̀ ей казалось моею миловидностію и затѣйливостію, и о тяжкой для нея разлукѣ со мною; слушая ее, княгиня Голицына предложила ей взять меня къ себѣ, чтобы не подалеку отъ Кіева воспитываться вмѣстѣ съ ея сыновьями, и прибавила, что многочисленность ея семейства и разныя учители дѣлаютъ изъ ея дома настоящій пансіонъ. Предложеніе было принято, и я, ничего о томъ не вѣдая, несказанно возрадовался, въ упованіи вновь узрѣть богоспасаемый градъ Кіевъ.

Одну Московскую барыню, на житье переселившуюся въ Кіевъ и находившуюся тогда въ Москвѣ, по какимъ-то дѣламъ, просила мать

моя привезти меня съ собою. Итакъ госпожа Королькова взяла меня отъ госпожи Форсевиль и передала госпожѣ Турчаниновой: тогда судьба моя была переходить изъ рукъ въ руки къ женщинамъ.

Но прежде чѣмъ отправлюсь изъ Москвы, хочу описать, сколь можно вкратцѣ, какъ особу, съ которою долженъ былъ совершить путешествіе, такъ и семейство ея.

Во время походовъ Миниха и Ласси, маленькой Турченокъ былъ взятъ Русскими въ плѣнъ и привезенъ въ Петербургъ къ Аннѣ Іоанновнѣ, которая его крестила. Елисавета Петровна отдала его въ услуженіе наслѣднику своему; онъ сдѣлался Кутайсовъ Петра III-го. Господинъ и государь его не имѣлъ времени пожаловать его графомъ или свѣтлѣйшимъ княземъ, и въ день кончины его онъ назывался только Александромъ Александровичемъ Турчаниновымъ, камердинеромъ полковничьяго ранга. При Екатеринѣ онъ скрывался, потомъ на сбереженныя деньги купилъ имѣньице въ Орловской губерніи, потомъ женился на сосѣдкѣ, дѣвицѣ Сибилевой, также съ нѣкоторымъ достаткомъ. Семейство ихъ въ тихомолку плодилось и множилось, равно какъ и состояніе; наконецъ, они имѣли даже домъ въ Москвѣ у Пречистенскихъ воротъ.

Воцареніе Павла пробудило давно заснувшія надежды малаго числа приверженцевъ Петра III; въ числѣ ихъ предсталъ и г. Турчаниновъ предъ новымъ императоромъ, который приказалъ производить ему все содержаніе, кое получалъ онъ при отцѣ его, а сверхъ того выдать ему оное за все время царствованія Екатерины съ наросшими процентами и рекамбіями. Составился значительный капиталъ, на который искалъ онъ купить хорошее имѣніе. Тогда въ Кіевской губерніи продавались за ничто помѣстья князя Станислава Понятовскаго, брата послѣдняго короля; для сбыта ихъ былъ данъ ему самый краткій срокъ, ибо онъ переѣхалъ въ Австрію и не хотѣлъ сдѣлаться Русскимъ подданнымъ. Бывши въ Кіевѣ на богомольѣ, г-жа Турчанинова о томъ провѣдала, купила селеніе Степанцы, состоявшее изъ 1000 душъ, кажется, не болѣе какъ за 60000 рублей и потомъ подвластнаго ей мужа выписала изъ Орла.

Онъ былъ сухенькій, сладенькій старичокъ, который всегда улыбался и до того ко всѣмъ былъ ласковъ, что рождалъ недовѣрчивость. Супруга его, женщина еще видная, соединяла твердость съ добротою душевною; слабость ея, впрочемъ весьма простительная, была желаніе казаться моложе, и потому-то погибшія на лицѣ ея розы и лиліи она весьма неискусно замѣняла искусственными. Изъ многочисленнаго семейства ихъ одна только младшая дочь была примѣчательна и сдѣлалась даже въ послѣдствіи извѣстною.

Не имѣя еще двадцати лѣтъ отъ роду, она избѣгала общества, одѣвалась неряхою, занималась преимущественно математическими науками, знала Латинскій и Греческій языки, сбиралась учиться по-еврейски и даже пописывала стихи, хотя весьма неудачно; у насъ ее знали подъ именемъ философки. Вся Кіевская ученость скрывалась тогда подъ иноческими мантіями въ стѣнахъ Братскаго монастыря; она открыла ее и, чуждая мірскихъ слабостей, не побоялась свести явную, тѣсную дружбу съ нѣкоторыми монахами, преподававшими науки въ духовной академіи. Съ такой высоты вдругъ опустила она вниманіе на маленькаго невѣжду, котораго пугали и странность ея наряда, и мрачное выраженіе ея лица.

Когда она выпросила меня къ себѣ въ гости, и меня въ первый разъ къ ней послали, то я отправился весьма неохотно. Только сей первый шагъ былъ для меня труденъ, а потомъ я надоѣдалъ просьбами о дозволеніи посѣтить ее. Чистота ли ея души, сквозь неопрятную оболочку, сообщалась младенческой душѣ моей, или магнетическая сила ея глазъ, коихъ дѣйствіе испытывали въ послѣдствіи изувѣченныя дѣти, дѣйствовала тогда и на меня: я находился подъ очарованіемъ. Я не нашелъ въ ней и тѣни педантства: всегда веселая, часто шутливая, она объяснялась съ дѣтскою простотой. Правда, иногда бралась она допрашивать меня о томъ, чему я учился, и ужасалась глубинѣ моего невѣдѣнія; но вдругъ потомъ, какъ Пиѳія на треножникѣ, какъ бы содрогаясь отъ вдохновенія, сверкала очами и начинала предрекать мнѣ знаменитость. Увы, пророчества ея столь же мало сбылись, какъ и удалось ея лѣченіе!

Разговоры ея были для меня чрезвычайно привлекательны: она охотно разсказывала мнѣ про связи свои съ почтенными учеными мужами, профессорами Московскаго университета, хвалилась любовію и покровительствомъ стараго Хераскова, дружбою Ермила Кострова и писательницы княжны Урусовой. Поэзія доступна понятіямъ младенчествующихъ какъ народовъ, такъ и людей, и хотя она была для меня Халдейскимъ языкомъ, дѣвица Турчанинова заставляла меня иногда читать нѣкоторыя мѣста изъ Россіяды и негодовала, когда неодолимая зѣвота мѣшала мнѣ продолжать сіе чтеніе. Тогда принималась она за мелкія стихотворенія, потчивала меня ими, упрашивала выучить наизусть, и одно только изъ нихъ, «Ода на смерть сына моего», Капниста, мнѣ полюбилось и осталось доселѣ у меня въ памяти. Первое знакомство съ Русскими музами сдѣлалъ я въ запыленномъ, засаленномъ кабинетцѣ моей любезной Турчаниновой.

Лѣтъ тридцать спустя, увидѣлъ я ее опять въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ того какъ имя ея надѣлало въ немъ великій шумъ, но столь же

кратковременный какъ и надежды, кои возбудила она въ сердцахъ скорбныхъ родителей обѣщаніемъ исцѣлить ихъ дѣтей. Я не нашелъ въ ней почти никакой перемѣны: черные, прекрасные, мутные и блуждающіе глаза ея все еще горѣли прежнимъ жаромъ; черныя, длинныя нечесанныя космы, какъ и прежде, выбивались изъ подъ черной скуфьи, и вся она, какъ черная труфель въ маслѣ, совершенно сохранилась въ своемъ сальномъ одѣяніи. Я не упомянулъ объ ней, говоря о Кіевѣ; тамъ видѣлъ я еще много другихъ примѣчательныхъ особъ и умолчалъ объ нихъ съ намѣреніемъ послѣ описать ихъ, по мѣрѣ какъ въ совершеннолѣтіи случай опять сводилъ меня съ ними.

Съ ея родительницей я долженъ былъ отправиться, и отъѣздъ нашъ былъ назначенъ на третій день послѣ Рождества. Я былъ внѣ себя отъ радости; но, въ самую почти минуту сего отъѣзда, къ ней примѣшалось маленькое горе. Младшій сынъ г-жи Турчаниновой, по совѣту сестры, учился въ Университетскомъ пансіонѣ; къ нему пришли товарищи и начали при мнѣ читать *Московскія Вѣдомости*, лежавшія на столѣ. Въ нихъ было помѣщено извѣстіе объ экзаменѣ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ въ семъ пансіонѣ происходившемъ, и имена учениковъ, получившихъ награды. Двумъ только даны были золотыя медали; одинъ изъ нихъ г. Кириченко-Астромовъ, находился тутъ на лицо; привѣтствія ему и поздравленія хозяйки были мнѣ какъ острый ножъ. Отецъ его занималъ какую-то маленькую должность въ Кіевѣ, и онъ ласково подошелъ ко мнѣ, называя себя моимъ землякомъ; но я спѣсиво и холодно отвѣчалъ ему, что никогда имени его не слыхивалъ (этой глупости я въ вѣкъ себѣ не прощу). Имя другаго ученика, цѣлой Россіи послѣ знакомое, имя Жуковскаго, было тогда столь же мало извѣстно. Увѣряли, будто онъ Полякъ; другіе утверждали, что онъ Малороссіянинъ; онъ самъ долго не могъ рѣшиться, чѣмъ ему быть и оставался покамѣстъ Русскимъ, славя наше отечество и имъ славимый. Послѣ восторговъ, произведенныхъ во мнѣ его стихами, мнѣ нечего раскаеваться въ зависти, которую возбудило во мнѣ имя его, въ первый разъ какъ я его услышалъ.

XIV.

Несмотря на весьма хорошій гладкій, зимній путь, мы ѣхали медленно на Лихвинъ, Калугу, Бѣлевъ и Болховъ. Близъ новой сей для меня дороги жили родные г-жи Турчаниновой, Панины, Кривцовы и другіе, и она безпрестанно къ нимъ сворачивала. Я сидѣлъ съ ней рядомъ въ четвероместномъ возкѣ, а противъ насъ довольно толстая и безобразная горничная, которую прозвала она бомбой. Я находилъ

довольно разсѣянности въ разговорахъ самой г-жи: она любила разсказывать, я любилъ слушать и узналъ отъ нея множество старинныхъ анекдотовъ и генеалогію знатнѣйшихъ въ Москвѣ домовъ. Страсть ея казаться моложе не покидала ее и дорогой: всякій день покрывала она румянами синеву, которую сильный холодъ производитъ на старыхъ лицахъ; въ городахъ же и въ гостяхъ у родныхъ, вездѣ гдѣ только останавливалась она на сутки, не упускала бѣлиться и проводить себѣ синія жилки, и лицо ея, какъ трехцвѣтное знамя, гордо подымалось противъ законнаго могущества времени.

Украйна была для меня настоящая родина; сильно забилось во мнѣ сердце, когда, послѣ годоваго отсутствія, я опять ее увидѣлъ. Когда въ Есмани, первой Малороссійской станціи, вошелъ я въ хату и услышалъ: «що, пане», то едва не заплакалъ отъ радости. Старая сопутница моя, которая часто бывала недовольна моимъ упрямымъ молчаніемъ, удивилась моей внезапной болтливости: я вступалъ въ разговоры со всѣми мужиками и крестьянками, которыхъ находилъ на станціяхъ. Нарѣчіе Хохловъ, по мнѣнію нашему столь грубое, мнѣ казалось райскимъ пѣніемъ; какъ Батюшкову, знакомыми звуками хотѣлось мнѣ насытить свой жадный слухъ. Но что сдѣлалось со мною, когда, оставя Бровары, сквозь чащу лѣса въ глазахъ моихъ

Какъ звѣздочка зажглася
Глава Печерская съ крестомъ?

Турчаниновой показалось, что я сошелъ съ ума: я крестился, я плакалъ, я дрожалъ. Давно уже зналъ я что такое любовь къ ближнимъ и, къ несчастію, до сихъ поръ не совсѣмъ еще тому разучился; тогда въ первый разъ ощутилъ я, какъ сильно и неодушевленные любимые предметы могутъ говорить нашимъ чувствамъ. Отъ восторга къ восторгу, очутился я наконецъ въ объятіяхъ родителей, сестеръ и братьевъ.

Это было въ половинѣ Генваря 1799 года. Все наше семейство довольно тѣсно помѣщалось тогда въ одномъ флигелѣ, вновь построеннаго, но еще неотдѣланнаго дома на Печерскомъ форштатѣ, близъ Никольскаго монастыря. Отецъ мой жилъ благородно, довольно открыто, но уже не было слѣдовъ маленькой роскоши, въ которой домъ нашъ я оставилъ. Сестра моя медленно оправлялась послѣ первыхъ, мучительныхъ родовъ мертвою дочерью. Братья были оба въ отставкѣ: старшій получилъ ее по просьбѣ, а о меньшомъ прочитали разъ въ приказахъ, что онъ отставляется отъ службы, безъ всякой оговорки. Никто не зналъ причины, и никто тому не удивлялся: это случалось ежедневно, и всякій въ свою очередь могъ того же ожидать. Вообще въ образѣ жизни моихъ родителей нашелъ я большую перемѣну: ме-

нѣе шуму, менѣе суеты, но за то еще болѣе семейственнаго согласія, семейственнаго счастія и тихаго веселія.

Князя Дашкова уже въ Кіевѣ не было. Новымъ поведеніемъ своимъ онъ заставлялъ забывать прежніе свои поступки, съ усердіемъ исправлялъ лежащія на немъ обязанности, и всѣ имъ были довольны. По какому-то недоразумѣнію, или наговору, Богъ вѣсть за что̀, царь на него прогнѣвался и, безъ всякой церемоніи, просто отставилъ его отъ службы; онъ поклонился и уѣхалъ въ деревню.

Объ немъ бы стали можетъ быть даже жалѣть, но преемникъ его того не допустилъ. Это былъ извѣстный природнымъ умомъ, правдивостію и опытностію въ дѣлахъ, Александръ Андреевичъ Беклешовъ, одинъ изъ государственныхъ людей, образованныхъ Екатериной. Воспитанный въ Кадетскомъ Корпусѣ вмѣстѣ съ отцомъ моимъ, въ такое время когда юношество училось Нѣмецкому языку болѣе чѣмъ Французскому, онъ зналъ его лучше другихъ и для того былъ императрицей опредѣленъ губернаторомъ въ Ригу, гдѣ и пробылъ онъ лѣтъ пятнадцать. Онъ имѣлъ отъ нея тайное порученіе, которое онъ одинъ только въ состояніи былъ выполнить: стараться познакомить Нѣмцевъ съ Русскимъ языкомъ и пріучить ихъ къ нашимъ обычаямъ, законамъ и нравамъ. Наружное безобразіе, видъ брюзгливый, всегда недовольный, голосъ грубый, сначала рождали въ подвластныхъ ему отвращеніе и страхъ; твердость воли и что-то откровенное въ обхожденіи вселяли потомъ къ нему довѣренность; наконецъ, благодарность за добро, которое онъ никогда не отказывалъ дѣлать кому только могъ, обращала все это въ искреннее къ нему уваженіе. Въ немъ была и Русская хитрость; но онъ не тратилъ ея на мелочи, а употреблялъ для видовъ государственной пользы, не для собственныхъ успѣховъ при дворѣ.

Потомъ былъ онъ генералъ-губернаторомъ Орловскимъ и Курскимъ: въ послѣднемъ изъ сихъ городовъ имѣлъ онъ постоянное пребываніе и былъ настоящимъ его основателемъ, обстроивъ его, украсивъ и введя въ немъ пріятности общежитія. Курская губернія, коей уѣзды примыкающіе къ Малороссіи были искони наполнены бѣглецами, бродягами, преступниками, при немъ только переставала быть разбойничьимъ вертепомъ. При Павлѣ дали ему въ управленіе Подолію и Волынь; потомъ перевели его въ Малороссію и придали ему наконецъ Кіевъ и Минскую губернію.

Старинную дружбу, сведенную съ отцомъ моимъ въ молодыхъ лѣтахъ, возобновилъ онъ въ старости и часто наединѣ требовалъ его совѣтовъ. Какъ въ Ригѣ плѣнилъ онъ Нѣмцевъ, заставляя ихъ однакоже, какъ говорится, плясать по своей дудкѣ, такъ въ Кіевѣ умѣлъ

обворожить Поляковъ, которые для него рады были все сдѣлать, мнѣ кажется, даже перемѣнить вѣру. Нѣсколько такихъ людей какъ Беклешовъ были драгоцѣннѣйшее наслѣдство оставленное Екатериной, и нѣкоторое время ими только и жила Россія, въ безразсудное царствованіе ея преемника.

Только въ одной наружности Кіева не нашелъ я ни малѣйшей перемѣны; въ обществѣ же его почти на половину встрѣчались мнѣ совершенно новыя лица. Я не успѣлъ еще ознакомиться съ ними, не успѣлъ еще хорошенько узнать ихъ именъ, какъ родители мои объявили мнѣ о намѣреніи своемъ отдать меня въ домъ Голицыныхъ для усовершенствованія моего образованія и самимъ везти меня туда. Мнѣ это было очень не по сердцу, но дѣлать было нечего. Итакъ Кіевъ мелькнулъ только передо мною, ибо въ первыхъ числахъ Февраля отправились мы въ новое для меня мѣстопребываніе.

Въ первый день остановились мы въ Бѣлой Церкви и весь слѣдующій провели у графини Браницкой; я говорю у графини, ибо супругъ ея въ домѣ ничего не значилъ, такъ точно какъ мужья госпожъ Форсевиль и Турчаниновой. Онъ былъ человѣкъ старый, но образованный и довольно еще любезный, ума весьма посредственнаго; славился же онъ безпримѣрнымъ аппетитомъ вмѣстѣ съ утонченнымъ вкусомъ въ гастрономіи. Несмотря на свою скупость, графиня Браницкая нанимала изящнѣйшаго повара-Француза и ничего не щадила для стола, дабы симъ пріятнымъ занятіемъ отвлечь супруга отъ хозяйственныхъ дѣлъ, въ которыхъ онъ ничего не понималъ и въ кои отъ скуки онъ захотѣлъ бы, можетъ-быть, мѣшаться. Они жили въ обширномъ деревянномъ домѣ, внутри оштукатуренномъ, коего стѣны были выкрашены просто, а потолки выбѣлены. Но главныя комнаты сего дома были наполнены драгоцѣнными вещами, бронзовыми, мраморными, фарфоровыми, хрустальными, изъ коихъ, какъ увѣряли, ни одна не была куплена графиней Браницкой: всѣ онѣ были даны дружбою и щедротою Екатерины, а иныя подарены или завѣщаны княземъ Потемкинымъ. Изо всѣхъ мнѣ болѣе показалась примѣчательна одна высокая бронзовая гора, на вершинѣ коей сидѣлъ двуглавый Русскій орелъ; изъ боковъ ея струились живоносные хрустальные ручьи, а внутри ея устроенный механизмъ производилъ музыку, которая подражала журчанію водъ. На полугорѣ сидѣлъ Сатурнъ съ косою за плечами, одною рукой опираясь объ часы, а другою держа миніатюрный портретъ Екатерины на мѣди писанный, въ оправѣ изъ стразовъ, какъ бы забывая время свое и любуясь ея изображеніемъ.

При двухъ сыновьяхъ и трехъ дочеряхъ, также какъ у графа Салтыкова, находились учитель и гувернеръ съ гувернанткой, мужъ

съ женой, г-нъ и г-жа Дорины и мусью Бробекъ. Сверхъ того, жили въ семъ домѣ Польскія и Русскія дамы и барышни, иностранный медикъ и нѣсколько отставныхъ военныхъ, неимущихъ, довольно образованныхъ чиновныхъ людей, занимавшихъ должности домоправителей, прикащиковъ надъ деревнями, конюшихъ и тому подобное *). Двѣ враждебныя націи жили тутъ въ совершенномъ согласіи. Домашняя услуга вся состояла изъ шляхтичей, и въ семъ домѣ, безъ лишнихъ прихотей, все напоминало однакоже феодальное могущество.

Княгиня Голицына, къ которой везли меня, была родная сестра графини Браницкой; но въ это время произошла между ними если не явная ссора, то, по крайней мѣрѣ, сильная простуда родственной любви. Обѣ хотѣли купить Корсунь, помѣстье князя Понятовскаго, которое вмѣстѣ съ окружавшими его деревнями имѣло до восьми тысячъ душъ. У Браницкой были огромные капиталы, а у Голицыной не было даже большаго кредита; слѣдственно первая сторговала имѣніе. Павелъ Первый помирилъ ихъ, купивъ оное для Петра Васильевича Лопухина, отца своей любимицы, котораго, вмѣстѣ съ тѣмъ, пожаловалъ свѣтлѣйшимъ княземъ. Мать моя взялась довершить примиреніе начатое императоромъ и, кажется, въ томъ успѣла.

Село или мѣстечко Казацкое, въ которое мы пріѣхали, было изъ числа тѣхъ имѣній, кои Польскіе короли раздавали магнатамъ въ Украйнѣ, послѣ раздѣленія ея на Русскую и Польскую и по совершенномъ порабощеніи послѣдней. Магнаты никогда въ нихъ не пріѣзжали, жили въ Варшавѣ или Вильнѣ и получали съ нихъ только доходы; казацкая вольница не страдала отъ панскаго присутствія. Князь Потемкинъ, еще при Польскомъ правительствѣ, властію и деньгами пріобрѣлъ всѣ тѣ имѣнія, которыя находились въ сосѣдствѣ съ Новороссійскимъ краемъ; по смерти его, они достались его наслѣдникамъ. Проѣзжая чрезъ сіи имѣнія, чрезъ Богуславъ, Корсунь, я не могъ надивиться тому, что вездѣ вижу православныя церкви, вездѣ слышу Малороссійское нарѣчіе и только изрѣдка встрѣчаю Поляковъ. Невѣжество мое, которое, впрочемъ, раздѣлялъ я со всѣми жителями внутренней Россіи, заставляло меня думать, что все находящееся за старою нашею границей есть и было всегда настоящая Польша.

---

*) Нельзя себѣ представить, сколько добрыхъ и честныхъ людей, безъ всякой вины отставленныхъ или выключенныхъ изъ службы, въ сіе мрачное время скиталось безъ пропитанія. Они принимали всякія низкія должности въ знатныхъ и помѣщичьихъ домахъ. У князя Куракина жилъ въ деревнѣ одинъ видный собою маіоръ, котораго обязанность состояла только въ томъ, чтобы съ палкою въ рукѣ ходить передъ княземъ, когда онъ изволилъ шествовать въ свою домовую церковь.

Еще не было году, что̀ семейство Голицыныхъ поселилось въ Казацкомъ. Мы пріѣхали туда въ сумерки. Безконечный дворъ, обнесенный тыномъ, въ глубинѣ коего открывались деревянные барскіе хоромы, наскоро выстроенные, а по бокамъ находились шесть довольно просторныхъ мазанокъ, вмѣсто флигелей, и садъ разведенный только осенью и представляющій одни только ряды прутьевъ, все это занесенное снѣгомъ, имѣло въ глазахъ моихъ видъ мрачный и угрюмый. Тѣ, кои вспомнятъ, какъ тяжела мнѣ была мысль сдѣлаться пріемышемъ въ знатномъ домѣ, даже среди шума блестящей столицы, могутъ посудить о томъ, что̀ во мнѣ происходило въ сію истинно-горестную для меня минуту.

Намъ отвели особливыя комнаты. Въ тотъ же самый вечеръ меня представили княгинѣ, и я познакомился какъ съ гувернеромъ, коему меня поручили, такъ и съ маленькими моими товарищами. Я не скажу теперь ни слова о впечатлѣніи, которое произвело на меня мое новое знакомство: ибо всѣхъ членовъ многочисленнаго семейства, среди коего пришлось мнѣ жить, также и всѣ лица, кои, находясь въ семъ домѣ, составляли его общество, намѣренъ я въ послѣдствіи перебрать поодиночкѣ. Права гостепріимства я почитаю священными; но я нимало не нарушу моихъ обязанностей, если о постороннихъ людяхъ скажу истину съ такою же откровенностью, съ какою говорилъ о самыхъ близкихъ родныхъ. Чрезъ два дни родители мои воротились въ Кіевъ, оставивъ меня между людьми мнѣ дотолѣ вовсе незнакомыми.

Съ нетерпѣніемъ ожидала княгиня Варвара Васильевна (такъ звали г-жу Голицыну) извѣстій отъ мужа изъ арміи, которая на походѣ находилась тогда въ Литвѣ; съ изступленіемъ бѣшенства скоро получила она письмо его, коимъ онъ ее увѣдомлялъ, что государь за что-то на него прогнѣвался, отставилъ его отъ службы, отдалъ корпусъ его генералу де-Ласси, велѣлъ ему жить въ деревнѣ, и что фельдъегерь не замедлитъ привезти его къ намъ. Конечно, было за что подосадовать, но гнѣвъ княгини Голицыной превосходитъ всякое описаніе. Столь ужаснѣйшаго гнѣва я никогда еще не видывалъ; онъ превратилъ ее въ фурію, исказилъ всѣ черты еще прекраснаго ея лица. Забывая, что свидѣтелями она имѣетъ дѣтей и слугъ, она проклинала царя, всѣхъ, народъ и войско, которые ему повинуются, и успокоилась только отъ изнеможенія силъ. Этотъ первый взрывъ яркими чертами освѣтилъ въ глазахъ моихъ весь характеръ той особы, у которой я находился въ зависимости и заставилъ меня въ поступкахъ своихъ быть весьма осторожнымъ.

Дни три спустя послѣ того прибылъ, или былъ привезенъ, самъ князь Голицынъ, въ сопровожденіи втораго сына своего, Өедора, от-

ставнаго гвардіи корнета, который отправился къ нему въ армію, въ надеждѣ подъ начальствомъ его опять вступить въ службу, но, встрѣтясь съ нимъ на дорогѣ, вмѣстѣ воротился. Не прошло недѣли, какъ изъ Петербурга прислали старшаго сына его князя Григорія, генералъ-адъютанта и любимца Павла Перваго, внезапно отставленнаго и высланнаго изъ столицы. Это было въ Февралѣ, а въ половинѣ лѣта еще прислали къ намъ третьяго и четвертаго сыновей князя Голицына, Сергія и Михаила, Семеновскихъ офицеровъ, также безъ просьбы отставленныхъ, но не совсѣмъ однакоже безъ вины и причины. Итакъ Казацкое сдѣлалось мѣстомъ заточенія цѣлаго семейства, мнѣ совершенно чуждаго, но которое однакоже я долженъ былъ съ нимъ раздѣлять.

Я не былъ свидѣтелемъ свиданія супруговъ; мы въ это время сидѣли за книгами; когда же кончился классъ, и меня представили хозяину дома, то видъ его, спокойный, довольно - веселый, и ласково-покровительственный мнѣ пріемъ меня чрезвычайно ободрили.

Теперь приступлю къ обѣщанному выше, къ изображенію людей, съ коими прожилъ я около года въ совершенномъ удаленіи отъ міра и коихъ характеръ слѣдственно могъ хорошо изучить. Чтобы успокоить читателя, спѣшу предупредить его, что между ними были лица отмѣнно-замѣчательныя и начинаю съ главы семейства.

Воспитанный въ Кадетскомъ Корпусѣ, въ концѣ царствованія императрицы Елисаветы, князь Сергій Ѳедоровичъ учился съ успѣхомъ математическимъ наукамъ и, исключая Русскаго, зналъ еще хорошо Нѣмецкій языкъ. Вышедъ изъ него, онъ въ обществѣ получилъ навыкъ къ Французскому; знаніе языковъ было тогда не бездѣлица: оно вело къ повышенію. Онъ не принадлежалъ къ знаменитой вѣтви Голицыныхъ, Дмитрія и двухъ Михаиловъ Михаиловичей, коихъ счастіе при Петрѣ Великомъ равнялось великимъ ихъ заслугамъ и коихъ семейства пріобрѣли новую славу въ глазахъ Русскаго народа, падая умилительными жертвами Нѣмецкаго тиранства при Аннѣ Іоанновнѣ. Его отецъ, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ, былъ человѣкъ и не чиновный, и не богатый, и не разсчетливый: прельстившись всѣмъ заграничнымъ, куда какъ-то его занесло, онъ получилъ необоримое отвращеніе ко всему отечественному. Разсказывали, что, по возвращеніи изъ путешествій, онъ тотчасъ завелъ флёровую фабрику и потомъ, гнушаясь названіями ржи и проса, онъ всѣ поля свои засѣялъ Французскимъ табакомъ, и скоро до того раззорился, что наконецъ не на чемъ ему было посѣять и рѣпы. Когда просвѣщеніе блеснетъ передъ полуварварами, то прежде всего хватаются они за роскошь, какъ дѣти, которыя ловятъ огонь.

Къ счастію молодаго сына, онъ вовсе не походилъ на отца; въ немъ билось истинно Русское сердце, онъ былъ наружности пріятной, былъ добръ, уменъ и храбръ: безъ того, не смотря на сіятельное свое происхожденіе, ему бы невозможно было выбиться изъ княжеской толпы *). Много ему способствовало къ тому родство съ извѣстнымъ фельдмаршаломъ, графомъ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышовымъ, президентомъ Военной Коллегіи, коего по матери былъ онъ родной племянникъ; а еще болѣе женитьба на племянницѣ князя Потемкина, который, впрочемъ, не очень его любилъ, но не могъ отказать ему въ уваженіи. Тоже самое было и съ другими тогда царскими любимцами.

Это зналъ Павелъ Первый и, вступивъ на престолъ, осыпалъ его ласками и наградами. Долго это продлиться не могло: только въ Екатеринино время можно было безнаказанно соединять вѣрную службу и преданность престолу съ нѣкоторою независимостію характера. Скоро долженъ былъ князь Голицынъ оставить службу и поселиться въ Москвѣ. Но когда война съ Французами заставила вызвать Суворова изъ заточенія, тогда вспомнили и о другихъ брошенныхъ мечахъ Екатерины: на Гатчинскихъ фрунтовикахъ трудно бы было выѣхать. Призванный въ Петербургъ, обласканный Голицынъ отправился ко ввѣренному ему корпусу, а вскорѣ потомъ въ ссылку, за какое-то откровенное письмо къ императору.

Онъ былъ тогда полный генералъ и обвѣшенъ всѣми первостепенными орденами, за военные подвиги полученными. Онъ былъ въ

---

*) Наша Россія въ этомъ отношеніи не сходствуетъ ни съ сопредѣльною съ нею Азіей, въ которой рѣдко гдѣ можно найти аристократическія наслѣдственныя права, ни съ сосѣдственною феодальною Европой, гдѣ до конца послѣдняго столѣтія привилегированныя касты такъ много еще толковали о геральдикѣ, о своихъ родословныхъ, о своихъ пергаменахъ и гордились длиннымъ рядомъ предковъ всегда болѣе, чѣмъ богатствомъ, чѣмъ талантами и доблестями. У насъ пути къ славѣ, чинамъ и богатству открыты для всѣхъ состояній; сего мало: новое имя, получившее великую знаменитость, всеобщую извѣстность, самая противоположность низкаго происхожденія и высокой степени, до которой изъ него достигаютъ люди счастливые или способные, имѣетъ для Русскихъ особую привлекательность. Люди, которые, безъ личныхъ достоинствъ, хвастаются предками, у насъ становятся смѣшны; за то вельможи, которые не краснѣютъ отъ родства съ простолюдинами, пріобрѣтаютъ новыя права на уваженіе. Со всѣмъ тѣмъ, однакоже, дворянскимъ достоинствомъ никто не пренебрегаетъ; ибо дворянство имѣетъ у насъ право, какимъ нигдѣ оно въ другихъ земляхъ не пользуется: право собственности надъ единокровными людьми. Въ понятіяхъ о благородствѣ, какъ и во многомъ, у насъ еще можно найти смѣшеніе Европейскаго съ Азіатскимъ. Въ нашемъ холодномъ климатѣ мы привыкли къ свѣжести, мы любимъ ее; какъ огромные, каменные домы наши почти ежегодно починиваются и перекрашиваются, чтобы тѣшить наши взоры, такъ и древніе роды должны безпрестанно успѣхами по службѣ или при дворѣ наводить на себя новый лоскъ, чтобъ оставаться на нѣкоторой высотѣ въ глазахъ соотечественниковъ.

крѣпости силъ и лѣтъ, ибо ему еще не было пятидесяти, и по его опытности, дѣятельности и безстрашію казалось, что судьба предназначала его быть однимъ изъ лучшихъ нашихъ полководцевъ; сіи ожиданія никогда не сбылись. Но можно утвердительно сказать, что еслибъ ему порученъ былъ корпусъ Корсакова или Германа, то слава Русскаго оружія въ Голландіи или Швейцаріи прогремѣла бы тогда не менѣе чѣмъ въ Италіи; самыя важныя происшествія взяли бы тогда, можетъ быть, иной оборотъ.

Росту былъ онъ небольшаго, но сложенія очень плотнаго и чрезвычайно полнокровенъ. Одинъ глазъ его былъ косой, и онъ имѣлъ обыкновеніе его прищуривать; сіе придавало ему видъ нѣсколько насмѣшливый, улыбка же его всегда выражала добродушіе, и это вмѣстѣ дѣлало лицо его весьма примѣчательнымъ. Кажется, кромѣ военной исторіи и стратегическихъ книгъ, онъ другаго чтенія не любилъ; о литературѣ и помину не было. Въ хозяйственныя дѣла онъ не мѣшался; по тогдашнему обычаю, воспитаніе дѣтей предоставлялъ гувернёрамъ и учителямъ. Въ чемъ состояли кабинетныя его занятія, мнѣ неизвѣстно; ибо мы видѣли его только въ обѣденное время, и по вечерамъ онъ долженъ былъ часто скучать. Въ хорошую погоду ѣздилъ онъ прогуливаться въ коляскѣ или верхомъ, а въ вечеру сражался иногда съ кѣмъ-нибудь на шахматной доскѣ и почти всегда побѣждалъ противниковъ. Осень и начало зимы было для него самое лучшее время года: тогда по цѣлымъ днямъ могъ онъ гоняться за зайцами.

Всѣ склонности его были молодецкія. Говорятъ, что смолоду онъ былъ отчаянный игрокъ, часто до послѣдней копѣйки все проигрывалъ, пока фортуна не сдѣлалась къ нему благосклоннѣе, и онъ нѣсколько сотъ тысячъ не пріобрѣлъ игрой; тогда онъ побѣдилъ сію страсть и карты пересталъ брать въ руки. Къ вину онъ никогда не былъ склоненъ, а страсть къ женщинамъ превратилась у него въ постоянную любовь къ одной. Благородство души его было неимовѣрное, оно не дозволяло зависти ея коснуться. Надобно было видѣть его сердечную радость, его восторги при чтеніи тогда новостей изъ Италіи! Сраженіе при Нови готовъ онъ былъ торжествовать какъ собственную побѣду; за то надобно было видѣть и его глубокую печаль при полученіи извѣстія о Цюрихскомъ дѣлѣ. Изгнанникъ восхищался тѣмъ, что̀ умножало славу правленія его гонителя и рукоплескалъ соперникамъ! Жестокая несправедливость царя не могла перемѣнить его чувствъ къ Россіи. Какой запасъ славныхъ, отличныхъ людей оставила Екатерина! И какъ расточительность ея двухъ наслѣдниковъ умѣла сдѣлать его безполезнымъ!

Какъ домашнимъ, такъ и деревенскимъ хозяйствомъ исключительно занималась княгиня, «его супруга златовласа, Плѣнира сердцемъ и лицомъ» *). Когда я началъ знать ее, такое названіе уже ей не было прилично, хотя черты ея были безподобныя, и въ сорокъ лѣтъ она сохраняла свѣжесть двадцатилѣтней дѣвы. Но сильныя страсти, коихъ вслѣдствіе дурнаго воспитанія она никогда не умѣла обуздывать, дали ея лицу весьма непріятное выраженіе. Въ ея власти находились чада и домочадцы, слуги и крестьяне; однакоже мужъ не переставалъ быть господиномъ, и хотя всѣмъ она управляла, всѣмъ повелѣвала, но онъ сохранялъ права генеральной инспекціи и контроля: самый благоразумный образъ правленія въ домѣ.

Я худо объяснился, если мои читатели увидятъ въ княгинѣ Голицыной злую женщину: между злою и сердитою разница превеликая. Еслибы гнѣвъ ея иногда не былъ продолжителенъ, то ее просто можно было бы назвать вспыльчивою. Она чрезвычайно любила власть и деньги, любила безъ памяти мужа и одного изъ сыновей своихъ и терпѣть не могла противорѣчій; а какъ разсудокъ ея былъ не весьма обширенъ, то никакіе доводы не могли ее убѣждать. Сообразуясь съ симъ, можно было избѣжать непріятныхъ съ нею столкновеній, и въ ея управленіи не было замѣтно и тѣни тиранства; но горе тому, кто, возбудивъ ея гнѣвъ, не спѣшилъ покорностію смягчить его: тогда она забывала все, и свой санъ, и свой полъ, и начинала даже рукамъ давать волю. Разсказывали ужасы, будто бы одинъ разъ она пріятельницу свою, помѣщицу Шевелеву, у себя въ гостиной, при всѣхъ таскала за волосы; будто бы дорогой, измучившись отъ неисправности, въ которой она находилась, она среди поля при себѣ велѣла разложить сопровождавшаго ее засѣдателя и высѣчь плетьми: тогда еще былъ живъ князь Потемкинъ, и не было даже возможности жаловаться на нее. Надобно сказать, однакоже, къ ея чести, что на совершенно беззащитныхъ, напримѣръ на горничныхъ дѣвокъ, никогда рука ея не подымалась.

Съ такимъ нравомъ ей не легко было жить въ обществѣ. Въ столицахъ она обыкновенно вела жизнь уединенную, стараясь окружать себя одними только угодниками и угодницами, а въ деревнѣ тогда не трудно было знатной барынѣ сосѣднихъ мелкопомѣстныхъ дворянокъ обращать въ свои прислужницы. Потому-то ея Зубриловка, въ Саратовской губерніи, была любимымъ ея мѣстопребываніемъ: тамъ степень ея довѣренности указывала мѣста всѣмъ уѣзднымъ барынямъ.

*) Такъ называетъ ее Державинъ въ извѣстномъ стихотвореніи: *Осень во время осады Очакова.*

Получивъ село Казацкое по наслѣдству отъ дяди, она долго не рѣшалась въ него пріѣхать. Однѣ только сильныя привычки удерживали тогда на Сѣверѣ новыхъ помѣщиковъ завоеваннаго края; но они восхищались мыслію, что могутъ, когда захотятъ, поселиться въ тепломъ, прекрасномъ климатѣ; нынѣ, еслибъ государь имѣлъ власть раздавать имѣнія близъ Ниццы и Флоренціи, то получившіе ихъ наши Руссо-Европейцы едва ли бы тому такъ радовались. Княгиню Голицыну къ переселенію побудили другія причины: всѣ эти имѣнія, находящіяся въ рукахъ арендаторовъ, заброшенныя, забытыя Польскими помѣщиками, приносили чрезвычайно мало доходу въ сравненіи съ Великороссійскими деревнями; она хотѣла личнымъ присутствіемъ стараться его умножить.

Часто, часто вздыхала она о своей Зубриловкѣ. Въ благословенной странѣ, среди роскошной природы, она жила какъ въ пустынѣ; вокругъ были одни крупныя помѣстья, и самые ближніе сосѣди во ста верстахъ. Всѣ ея навыки, всѣ ея вкусы были старинные Русскіе. Кому было угождать имъ, кому было раздѣлять ихъ съ нею? Конечно, она бы могла собрать разсѣянныхъ въ округѣ шляхтянокъ, но какъ ихъ подпустить къ себѣ? Въ глазахъ ея онѣ стояли ниже ея служанокъ. Одна своя семья и живущіе въ ней составляли ея безсмѣнное, единообразное общество. Поутру она занималась дѣломъ, за обѣдомъ хорошо кушала (и по большой части одни Русскія блюда); послѣ обѣда она сидѣла *за столикомъ въ софѣ*, какъ изобразилъ ее Державинъ. Скука ее одолѣвала. «Что̀ бы намъ дѣлать?» иногда говорила она, «чего бы намъ поѣсть?» И моченыя яблоки, и рябинная пастила, и брусничная вода, и клюковный морсъ, и морошка въ сахарѣ, иногда просто липовый медъ, всѣ Сѣверныя лакомства предпочтительно южнымъ плодамъ, смѣняли другъ друга, чтобы прогонять нашу скуку. Добрая, сердитая княгиня! Истая боярыня! Несмотря на твой постоянно-угрюмый видъ, на твои страшные иногда взоры, я чту, я люблю твою память; прости мнѣ мою откровенность: ты теперь въ обители вѣчной истины и дозволишь мнѣ говорить ее о тебѣ.

Десять сыновей родила княгиня Голицына мужу своему, и одинъ только изъ нихъ умеръ въ малолѣтствѣ. Старшій, князь Григорій, при рожденіи былъ пожалованъ гвардіи капитаномъ, какъ первенецъ изъ внуковъ Потемкина, то-есть сыновей его племянницы. Императоръ Павелъ, при вступленіи на престолъ, сдѣлалъ его, тогда семнадцатилѣтняго мальчика, полковникомъ и своимъ флигель-адъютантомъ, а года черезъ полтора генералъ-адъютантомъ. Тутъ нѣтъ ничего мудренаго, и цари могутъ, когда имъ угодно, жаловать новорожденныхъ фельдмаршалами; но вотъ что̀ удивительно: онъ нѣсколько времени

управлялъ военною канцеляріей и докладывалъ по дѣламъ ея государю, слѣдственно былъ родъ начальника штаба; кто его зналъ прежде и послѣ, тому это покажется вовсе непонятнымъ. Онъ лицомъ походилъ на отца, хотя былъ красивѣе его и ростомъ выше; не имѣлъ пылкаго характера матери, но у нея заимствовалъ страсть первенства надъ мелкими людьми. Его воспитывалъ какой-то баронъ Эйбенъ, который, даромъ что Нѣмецъ, ни самъ ничего не зналъ, ни его ничему не училъ. Много придется мнѣ говорить объ этомъ человѣкѣ въ послѣдствіи времени; теперь сказаннаго здѣсь почитаю достаточнымъ.

Второй сынъ, восьмнадцатилѣтній князь Ѳедоръ, не только въ нашемъ маленькомъ обществѣ, но и въ самомъ блистательномъ, многочисленномъ, былъ бы замѣчателенъ. Получивъ столь же плохое воспитаніе, какъ и братья, онъ пріобрѣлъ, однакоже, въ большомъ свѣтѣ этотъ хорошій тонъ, который человѣку, одаренному умомъ, даетъ такъ много средствъ его выказывать, а неимущему скрывать его недостатки. Болѣе всего помогаетъ онъ обходить затруднительные вопросы, которые могли бы изобличить въ невѣжествѣ: имѣя самыя поверхностныя познанія, можно съ нимъ прослыть едва ли не ученымъ. Во Франціи, гдѣ родился онъ, прикрывались имъ пороки и даже злодѣйства, пока революція не истребила его, какъ безполезный покровъ. Давно уже вывезли его къ намъ молодые, знатные наши путешественники, Шуваловы, Бѣлосельскіе, Чернышовы, но болѣе всего эмигранты распространили его въ лучшемъ обществѣ. Въ немъ образовался князь Ѳедоръ Голицынъ; а какъ Французскій языкъ былъ исключительный органъ хорошаго тона, безъ котораго и понынѣ онъ у насъ не существуетъ, то онъ выражался на немъ такъ свободно и пріятно, какъ я дотолѣ не слыхивалъ.

Казалось, что онъ взялъ себѣ девизомъ: все для большаго свѣта, его успѣховъ и наслажденій. И потому-то я мало зналъ людей, которые бы имѣли столько свѣтской любезности и ума. Лицо Русской кормилицы, бѣлое, полное, широкое, румяное, но съ огненнымъ взглядомъ и привлекательною улыбкой, дѣлали наружность его весьма пріятною; самой необычайной толщинѣ своей умѣлъ онъ въ молодости, посредствомъ туалета, давать щеголеватую форму. Онъ прекрасно пѣлъ романсы и прилежно читалъ романы; въ этомъ, кажется, заключались всѣ его знанія.

Сверхъ того, былъ онъ одаренъ необыкновеннымъ вкусомъ, не тѣмъ изящнымъ вкусомъ, который умѣетъ давать цѣну произведеніямъ ваятеля, зодчаго или живописца и котораго одобреніе почитаютъ они лучшею наградой,—нѣтъ, онъ самъ сознавался, что ничего не смыслитъ въ наружной архитектурѣ, что красоты ея для него не суще-

ствуютъ, и никогда не хотѣлъ взглянуть на картину. Но что̀ касается до внутренняго расположенія комнатъ, до убранства ихъ всѣми драгоцѣнными бездѣлками, то на вымыслы въ этомъ родѣ былъ онъ настоящій геній. Еслибъ онъ остался живъ и захотѣлъ бы себя на то для другихъ употребить, то я увѣренъ, что въ нынѣшнее время онъ бы затмилъ, уничтожилъ Монферрана *).

Еще одну великую способность имѣлъ князь Ѳедоръ: никто въ Россіи не умѣлъ такъ славно приготовлять великолѣпные праздники и быть ихъ распорядителемъ. Съ большимъ состояніемъ, которое наконецъ онъ получилъ и съ маленькою бережливостію, которой никогда онъ не имѣлъ, такіе люди, какъ онъ, служатъ если не подпорою государства, то по крайней мѣрѣ украшеніемъ двора.

Моложе его годомъ, князь Сергій, третій братъ, былъ похожъ на него лицомъ, но лучше его, выше ростомъ и не такъ толстъ. Онъ его взялъ за образецъ, и сіе искусное подражаніе была одна только его блестящая сторона.

Но четвертымъ, Михаиломъ, не безъ причины гордился отецъ; его любила мать, любили братья, товарищи по службѣ, весь домъ, всѣ знакомые. Нельзя было сыскать дурнаго лица столь пріятнаго, въ невысокомъ ростѣ нельзя было найдти болѣе мужественнаго вида; изъ-подъ наморщеннаго чела, изъ подъ нахмуренныхъ всегда бровей, никакіе глаза не выражали столько сердечной доброты, столько веселой смѣлости. Онъ безъ памяти любилъ женщинъ и былъ столько въ нихъ счастливъ, сколько скроменъ на счетъ успѣховъ своихъ. Съ перваго взгляда физіогномистъ могъ узнать въ немъ Русскаго человѣка. Изо всего семейства своего онъ одинъ былъ одаренъ основательнымъ умомъ и любознаніемъ и одинъ былъ бы въ состояніи поддержать весь падшій нынѣ родъ князя Сергѣя Ѳеодоровича. Но смерть всегда выбираетъ лучшія жертвы, и онъ погибъ въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, имѣя не болѣе двадцати трехъ лѣтъ отъ роду.

За нимъ слѣдовалъ пятый братъ, Николай, несчастный, больной, искаженный въ ребячествѣ отъ испуга, лишенный разсудка, и который потомъ, двадцати лѣтъ, умеръ на рукахъ у няньки.

Шестой и седьмой, Павелъ и Александръ, были мои товарищи, но двумя или тремя годами моложе меня. Ни тотъ, ни другой далеко не пошли. Первый, весьма плохоголовый, еще въ ребячествѣ имѣлъ

---

*) Французикъ, славный рисовальщикъ и декоратёръ, котораго у насъ указомъ сдѣлали архитекторомъ и которому указомъ велѣно строить мраморный соборъ, на который потребны десятки лѣтъ и десятки милліоновъ. И онъ строитъ его! Пусть скажутъ, что у насъ на Руси нѣтъ болѣе чудесъ.

лакейскія манеры и самыя подлыя наклонности; онъ долго страдалъ слѣдствіями порочной жизни и въ низкихъ должностяхъ старался держать себя вдали не только отъ столичныхъ, но и отъ губернскихъ городовъ. Другой, Александръ, былъ уменъ и храбръ; но ложныя понятія о чести и слишкомъ упрямый нравъ рано остановили его на военномъ поприщѣ, которое бы онъ могъ съ успѣхомъ проходить.

Самые меньшіе, Василій и Владимиръ, едва выходили тогда изъ младенчества. Первый весьма не глупъ и всегда оставался добрымъ и честнымъ человѣкомъ; онъ могъ бы быть человѣкомъ болѣе полезнымъ, но баловство страстной къ нему матери много повредило ему. Вообще всѣ члены этого семейства гибнули, одни въ блестящемъ, другіе въ жалкомъ ничтожествѣ. Болѣе всѣхъ изъ братьевъ надѣлалъ шуму меньшой, Владимиръ, употребляя во зло дары природы. Его называли Аполлономъ, онъ имѣлъ силу Геркулеса и былъ ума веселаго, затѣйливаго, и отъ того вся жизнь его была сцѣпленіе проказъ, иногда жестокихъ, иногда преступныхъ, рѣдко безвинныхъ.

Источникомъ всѣхъ непріятностей въ жизни, неудачъ по службѣ, раззоренія, для этихъ Голицыныхъ было дурное ихъ воспитаніе.

Отецъ болѣе всего заботился о физическомъ образованіи дѣтей: ему желалось ихъ всѣхъ видѣть молодцами. Конечно, это весьма похвально, особливо въ то время, когда родители не только высшаго, но и средняго состоянія думали отличиться отъ простонародья, воспитывая дѣтей своихъ въ совершенной нѣгѣ, державши ихъ вѣчно въ теплѣ и не давая никакой свободы ни ихъ мыслямъ, ни ихъ движеніямъ. Человѣкъ, однакоже, не растеніе, и нужно приготовить его къ перенесенію непогодъ и нравственной атмосферы. Объ этомъ, кажется, никто не думалъ въ томъ домѣ, гдѣ я находился. Молодые князья были искусны во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ: они шибко бѣгали, высоко лазили, славно катались на конькахъ, мастерски перепрыгивали черезъ рвы; смотря по возрасту, у каждаго изъ нихъ были разныхъ величинъ свайки, и они тѣшились ими между собою или дворовыми людьми; зимою и лѣтомъ каждое утро обливали ихъ холодною водой. Развитіе же ихъ умственныхъ способностей оставлено было на произволъ судьбы; никакихъ наставленій они не получали, никакихъ правилъ объ обязанностяхъ человѣка имъ преподаваемо не было. Гувернеръ ими очень мало занимался и только изрѣдка, какъ Онѣгина, *слегка бранилъ*. Дядьки говаривали: «Полноте, ваше сіятельство; вѣдь за васъ на мнѣ взыщутъ».

Что касается до наукъ, то, исключая гувернера, который училъ ихъ по-французски и зналъ хорошо правописаніе, несмотря на то что онъ былъ эмигрантъ, находился еще при нихъ учитель математики,

Имѣя намѣреніе ихъ всѣхъ посвятить военной службѣ, отецъ чувствовалъ всю необходимость для нихъ сей науки.

Будучи воспитанъ какъ благородное дитя, то-есть лѣнивый тѣломъ и мало пріученный къ холоду, новая метода, которой и я долженъ былъ слѣдовать, была мнѣ вовсе не по вкусу. Дѣлать было нечего, и я привыкъ къ ней. Здоровое и крѣпкое сложеніе, которое получилъ я отъ природы, могло бы со временемъ быть обезсилено тѣлеснымъ бездѣйствіемъ, и я весьма благодаренъ дому Голицыныхъ за сохраненіе многихъ физическихъ способностей. Но какъ добро бываетъ рѣдко безъ худа, то въ семъ же домѣ (съ горестію долженъ въ томъ признаться) въ первый разъ познакомился я съ идеями порока и разврата. Опасность явилась съ той стороны, гдѣ ея менѣе ожидать было можно. Старшій изъ моихъ маленькихъ товарищей, моложе меня, какъ сказалъ я выше, заговорилъ со мной такимъ языкомъ, который сначала показался мнѣ непонятенъ; я покраснѣлъ отъ стыда и ужаса, когда его понялъ, но вскорѣ потомъ началъ слушать его съ удовольствіемъ.

Кто бы могъ повѣрить? Другой соблазнитель мой былъ самъ нашъ гувернёръ, шевалье де-Роленъ-де-Бельвиль, Французскій подполковникъ, человѣкъ лѣтъ сорока. Не слишкомъ молодой, умный и весьма осторожный, сей повѣса старался со всѣми быть любезенъ и умѣлъ всѣмъ нравиться, старымъ и молодымъ, господамъ и даже слугамъ. Обхожденіе его со мною съ самой первой минуты меня плѣнило. Я еще помнилъ строгую мораль, которую читалъ въ глазахъ г. Мута; недавно разстался съ брюзгливымъ Форсевилемъ, и вдругъ нахожу наставника, который хочетъ увѣрить меня, что я уже не ребенокъ; а въ отроческія лѣта кому не хотѣлось быть постарѣе! Онъ началъ давать мнѣ дружескіе совѣты и одну только неловкость мою исправлять тонкими насмѣшками; я чувствовалъ себя совсѣмъ на свободѣ. Во время нашихъ прогулокъ, которыя начались съ открывшеюся весной, онъ часто забавлялъ меня остроумною болтовней; объ отечествѣ своемъ говорилъ какъ всѣ Французы, безъ чувства, но съ хвастовствомъ, и съ состраданіемъ, болѣе чѣмъ съ презрѣніемъ, о нашемъ варварствѣ. Мало-по-малу пріучилъ онъ меня видѣть во Франціи прекраснѣйшую изъ земель, вѣчно озаренную блескомъ солнца и ума, а въ ея жителяхъ избранный народъ, надъ всѣми другими поставленный. Революціонеры, новые Титаны по словамъ его, только временно овладѣли симъ Олимпомъ, но, подобно имъ, будутъ низвергнуты въ бездну. При словѣ религія онъ съ улыбкой потуплялъ глаза, не позволяя себѣ однакоже ничего противъ нея говорить; какъ средствомъ, видно, по мнѣнію его, пренебрегать ею было нельзя. Онъ познакомилъ меня съ

именами (не съ сочиненіями) Расина, Мольера и Буало, о которыхъ я, къ стыду моему, дотолѣ не слыхивалъ, и возбудилъ во мнѣ желаніе ихъ прочесть.

Посреди сихъ разговоровъ, вдругъ началъ онъ заводить со мною нескромныя рѣчи и разсказывать самые непристойные, даже отвратительные анекдоты. Я не зналъ что́ мнѣ дѣлать: я такъ уже привыкъ въ него вѣровать, что стыдился своего стыда; а онъ, злодѣй, наслаждался моимъ смятеніемъ. Еще пріятнѣе было ему видѣть, какъ постепенно исчезала моя робость и умножалось безстыдство. Какая была цѣль его? Просто, въ этихъ людяхъ есть нѣчто демонское. Когда между Французами таковы были поборники вѣры и законнаго правительства, то что́ же такое были ихъ противники?

Изобразивъ поступки этого человѣка, надобно сказать нѣсколько словъ и о наружности его. Онъ былъ высокъ и сухощавъ, имѣлъ самые маленькіе, сѣрые, сверкающіе глаза и огромный носъ, который, описывая правильную дугу, составлялъ четверть круга. Онъ былъ чрезвычайно опрятенъ и никогда не покидалъ крестика Св. Лазаря, который доставляли не заслуги, а доказательства стариннаго дворянства.

И вотъ въ какихъ рукахъ находилась тогда, конечно, половина благороднаго Русскаго юношества! При Павлѣ, въ числѣ другихъ золъ и безпорядковъ, размножились у насъ эмигранты: не было полка въ арміи, въ коемъ бы не находилось ихъ по два и по три человѣка. Вообще тѣмъ, коимъ удалось попасть въ службу, болѣе другихъ посчастливилось. Графскій титулъ, который по безчисленности носящихъ его мелкихъ, мало извѣстныхъ дворянъ, во Франціи уже былъ ни почемъ, у насъ тогда еще былъ въ рѣдкость, и наши знатныя или богатыя невѣсты охотно выходили за сихъ мнимознатныхъ людей, особливо когда они имѣли Русскій чинъ. Такимъ образомъ Лавали, Модены, Кенсона́ *) у насъ сдѣлались величайшими аристократами, не только сравнялись съ знаменитѣйшими нашими фамиліями, но начали почитать себя выше ихъ. Не такова была участь тѣхъ, кои принуждены были приняться за воспитаніе дѣтей: званіе учителя, въ нашихъ варварскихъ понятіяхъ, казалось намъ немного выше холопа-дядьки, вѣчнаго соперника *мусьи*. Французы это замѣтили; но какъ не было возможности ихъ всѣхъ помѣстить, ибо прибывающія ихъ толпы безпрестанно увеличивались, то, слѣдуя нашей пословицѣ (я думаю у нихъ же заимствованной) «плоха честь, когда нечего ѣсть», они разсѣялись по лицу земли Русской, чтобы какимъ-либо образомъ добывать себѣ хлѣбъ. Умножающееся употребленіе Французскаго языка

*) За одного изъ Кенсона́ вышла дочь описаннаго выше князя П. И. Одоевскаго. П. Б.

способствовало имъ къ отысканію мѣстъ; скоро, въ самыхъ отдаленныхъ губерніяхъ, всякій небогатый даже помѣщикъ началъ имѣть своего маркиза*). Не было у насъ для Французовъ середины: ils devenaient outchitels ou grands seigneurs

Когда между Французами, между эмигрантами, встрѣтится человѣкъ благоразумный, просвѣщенный, скромный, съ религіозными чувствами и строгою нравственностью, то надобно говорить объ немъ какъ о диковинкѣ. Такая диковинка находилась у насъ въ селѣ Казацкомъ. Къ сожалѣнію, не ему было поручено воспитаніе наше: онъ только давалъ намъ уроки. Г. Керлерь, о коемъ хочу говорить, не пріѣхалъ, а пришелъ въ Россію съ корпусомъ принца Конде. Какъ искуснаго инженернаго офицера, его бы охотно приняли во всякую иностранную службу; но онъ предпочелъ надѣть лядунку, взять ружье и стать въ ряды простыхъ воиновъ, защитниковъ королевскихъ правъ, кои почитали они священными; когда корпусъ, къ коему принадлежалъ онъ, былъ принятъ въ Русскую службу, то скоро, наскучивъ гарнизонною жизнію, онъ опредѣлился учителемъ въ домъ Голицыныхъ.

Въ этомъ коротенькомъ и крѣпкомъ человѣчкѣ нельзя было предположить ни костей, ни мяса, ни жиру, а одни только мускулы: онъ весь былъ какъ одна только сильная пружина. Родомъ былъ онъ изъ Бретани. Я не знаю, должно ли Бретонцевъ почитать Французами. Изъ завоеванныхъ Кельтическихъ племенъ они одни подъ Римскимъ владычествомъ сохранили нѣкоторую твердость, независимость, честные и дикіе нравы и неблагозвучный свой языкъ, когда вся Галлія приняла обычаи своихъ завоевателей. Гордые ихъ единоплеменники, отдѣленные отъ нихъ проливомъ, также легко переродились въ Англосаксовъ и Норманновъ, коль скоро были ими покорены. Оружіе Франковъ позже всего проникло въ ихъ Арморику, и Вандея была послѣдняя защитница прежняго порядка. Пусть назовутъ ихъ непреклонными или упрямыми; таковы остались они и понынѣ. Таковъ былъ и мой любезный Керлерь.

Онъ съ добродушною настойчивостію побѣдилъ во мнѣ отвращеніе къ математическимъ наукамъ, и въ одно лѣто прошли мы съ нимъ геометрію и алгебру; ему обязанъ я тѣмъ, что не остался совсѣмъ безсчетнымъ. Съ величайшимъ терпѣніемъ училъ онъ маленькихъ князьковъ, но усердно и успѣшно занимался съ шестнадцатилѣтнимъ от-

---

*) Я зналъ въ Пензенской губерніи одного г. Жедринскаго, у котораго было не болѣе трехъ сотъ душъ обремененныхъ долгами. Его сына воспитывалъ виконтъ де-Мельвиль.

ставнымъ офицеромъ, княземъ Михаиломъ, который одинъ изъ братьевъ пожелалъ вознаградить потерянное на службѣ время.

И такъ въ семъ домѣ было два Француза. Было еще и два Нѣмца: отставной ротмистръ, который, завѣдывалъ конюшней и смотрѣлъ за лошадьми, и лѣкарь, который морилъ людей; послѣдній былъ женатъ. Потомъ былъ Грекъ, отставной майоръ, главный управитель надъ деревнями, который всегда улыбался, пришучивалъ и обкрадывалъ своихъ вѣрителей. Въ немъ одно только мнѣ памятно: отъ него ужасно несло курительнымъ табакомъ; цвѣтъ лица онъ имѣлъ совсѣмъ кофейный и ежедневно пилъ по двѣнадцати чашекъ кофе. Всѣхъ вышесказанныхъ, но не вышеименованныхъ особъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, могъ бы я назвать читателю, который впрочемъ немного бы отъ того выигралъ, и горе только одному мнѣ, кому память столь примѣтно измѣняетъ *). Наконецъ, былъ и Полякъ, Загурскій, панъ-экономъ съ своей паньей. Грекъ и Нѣмцы обѣдали съ нами только по праздникамъ и по воскресеньямъ, а шляхтича съ женой, тоже по воскресеньямъ, пускали только по утру съ поклономъ къ княгинѣ, которая милостиво давала имъ цѣловать ручку.

Все это были должностныя лица; но въ нашемъ обществѣ находились еще два почетные члена, изъ коихъ одинъ давно уже членомъ Россійской Академіи, а другой доселѣ тщетно ожидаетъ сей чести.

Родной племянникъ Александра Петровича Сумарокова, одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ старинныхъ писателей, Павелъ Ивановичъ служилъ въ Преображенскомъ полку подъ начальствомъ князя Сергія Ѳедоровича и женился на двоюродной сестрѣ его, княгинѣ Маріи Васильевнѣ Голицыной. Онъ свелъ ее съ ума, гдѣ-то оставилъ, а прижитыхъ съ нею двухъ дѣтей, сына и дочь, отдалъ онъ на воспитаніе въ домъ своего родственника и покровителя. Принужденъ будучи, подобно многимъ, оставить службу при Павлѣ и не имѣя большаго состоянія, онъ находился тогда вмѣстѣ съ ними и гостилъ въ Казацкомъ.

Весьма бы любопытно было сдѣлать психологическое изысканіе, отчего люди, имѣющіе сколько-нибудь разсудка, иногда до того бываютъ ослѣплены высокимъ о себѣ мнѣніемъ, что выказываютъ его на каждомъ шагу, при каждомъ словѣ, не замѣчая, сколь неприлично сіе въ общежитіи, сколь противно для самолюбія другихъ. Каждый изъ насъ, если только захочетъ взять трудъ разсмотрѣть себя, то найдетъ

---

*) Чтобъ имѣть по обращику каждой націи, учился съ нами маленькій, красивый Англичанинъ, Джонъ Личъ, сынъ какого-то ремесленника. Я недавно зналъ его архитекторомъ Медико-хирургической Академіи, во что опредѣлилъ его извѣстный его единоземецъ Вилліе, хотя онъ никогда архитектурѣ и не думалъ учиться.

внутреннее, вѣрное чувство, которое поможетъ ему лучше другихъ сдѣлать самому себѣ оцѣнку. Многіе, ужасаясь умственной нищеты своей, холоднымъ молчаніемъ ограждаютъ ее отъ проницательности людей; высокомѣрнымъ обхожденіемъ, какъ плотною мантіей, прикрываютъ они природныя свои рубища. Все это предполагаетъ нѣкоторый разсудокъ, нѣкоторое искусство и слѣдственно нѣкоторый умъ. Но тѣхъ, кои, будучи словоохотны, вѣчно повторяютъ глупое *я*, когда въ ихъ взглядахъ вы всегда видите безсмысленное самодовольство, тѣхъ позволено рѣшительно назвать дураками.

Непомѣрная спѣсь г. Сумарокова превосходила всякое описаніе: никакіе успѣхи не смягчали его гордости; безчисленныя неудачи не могли никогда его образумить. Въ обращеніи со всѣми, кого смолоду не привыкъ онъ почитать выше себя, было всегда что-то грубое, жесткое, нестерпимое. Въ глубокой старости онъ остался также тяжелъ и несносенъ, какъ въ первой молодости; болѣе онъ сдѣлаться не могъ. Два раза былъ онъ губернаторомъ, обѣ губерніи долженъ былъ оставить, истощивъ терпѣніе начальства, подчиненныхъ и жителей; теперь онъ состоитъ инвалиднымъ сенаторомъ.

Онъ одинъ видѣлъ въ себѣ государственнаго человѣка и литературнаго генія; никто даже въ шутку его въ томъ не увѣрялъ. Вѣроятно, у него былъ двойникъ, и ихъ взаимное удивленіе, обожаніе, утѣшало его въ мнимой несправедливости людей. Нельзя думать, чтобы творенія его дошли до потомства; библіоманамъ было бы однакоже не худо ихъ сохранять: они могутъ служить образцами дурнаго слога, дурнаго вкуса, наглости, самохвальства и самой грубой неблагопристойности. Стараясь спасти ихъ отъ забвенія, въ которомъ, можетъ-быть, и самъ потону, спѣшу назвать извѣстнѣйшія: *Досуги Крымскаго судьи, Прогулка за границу* и повѣсть: *Өеодора*, которая такая же дура, какъ и самъ сочинитель.

Дочь его, Марія Павловна, нынѣ пожилая дѣва, была тогда двѣнадцатилѣтняя дѣвочка; воспитанная съ дѣтьми другаго пола, она имѣла и сохранила много ухватокъ мальчика. Сыну Сергѣю Павловичу, славному артилеристу и генералъ-адъютанту, было тогда лѣтъ восемь или девять. Они оба были вовсе не въ отца. Первая необыкновенною любезностію ума, послѣдній заслугами, храбростію и добросердечіемъ всегда искупали недостатки его и пріобрѣтенными въ обществѣ любовію и уваженіемъ украшаютъ незавидную его старость.

Въ Казацкомъ г. Сумарокову не было передъ кѣмъ гордиться: хозяева были къ нему расположены пріязненно, а прочіе уму его вѣрили на слово. Со мной былъ онъ довольно ласковъ, спускался иногда до шутокъ и забавлялся моимъ невѣдѣніемъ, моею неопытно-

стію. Замѣтивъ однакоже возрастающую дружбу мою къ дочери, взаимную, дѣтскую, невинную, онъ прогнѣвался, мнѣ запретилъ къ ней подходить, ей говорить со мною и съ того времени сталъ сурово на меня смотрѣть.

Въ ненастное время пернатые пѣвцы скрываются въ густотѣ лѣса: деревню и домъ князя Голицына избралъ тогда убѣжищемъ одинъ весьма мохнатый пѣвецъ, извѣстный чудесными дарованіями. Я назвалъ его пѣвцомъ мохнатымъ, потому что въ поступи его и манерахъ, въ ростѣ и дородствѣ, равно какъ и въ слогѣ, есть нѣчто медвѣжье: таже сила, таже спокойная угрюмость, при неуклюжествѣ, таже смышленность, затѣйливость и ловкость. Его никто не назоветъ лучшимъ, первѣйшимъ нашимъ поэтомъ; но конечно онъ долго останется извѣстнѣйшимъ, любимѣйшимъ изъ нихъ. Многіе догадаются, что я хочу говорить о Крыловѣ.

Онъ былъ тогда лѣтъ тридцати шести и болѣе двѣнадцати извѣстенъ въ литературѣ. Онъ находился у насъ въ качествѣ пріятнаго собесѣдника и весьма умнаго человѣка, а о сочиненіяхъ его никто, даже онъ самъ, никогда не говорилъ. Мнѣ это доселѣ еще непонятно. Отъ того ли сіе происходило, что онъ не былъ иностранный писатель? Отъ того ли, что въ это время у насъ дорожили одною только воинскою славой? Какъ бы то ни было, но я не подозрѣвалъ, что каждый день вижу человѣка, коего творенія печатаются, играются на сценѣ и читаются всѣми просвѣщенными людьми въ Россіи; еслибы зналъ это, то конечно смотрѣлъ бы на него совсѣмъ иными глазами.

Собственное его молчаніе не можетъ почитаться слѣдствіемъ скромности, а болѣе сметливости: онъ выказывалъ только то, что̀ въ состояніи были оцѣнить; истинныя же сокровища ума своего ему не передъ кѣмъ было расточать.

Происхожденіе его мало извѣстно; кажется, онъ долженъ быть сыномъ новаго, мелкаго, бѣднаго дворянина. Природа сама указала ему путь, на которомъ онъ встрѣтился съ Фортуной; потому-то онъ мало заботился о службѣ. Но въ Россіи, особливо лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, никакъ нельзя было оставаться безъ чина, и его куда-то записали. Неимущій, безпечный юноша, онъ долго не имѣлъ собственнаго угла и всегда гостилъ у кого-нибудь. Такимъ образомъ попалъ онъ къ князю Голицыну и жилъ у него уже года два до нашей встрѣчи. Онъ сопутствовалъ ему въ армію въ званіи частнаго секретаря, надѣялся за границей получить новыя впечатлѣнія, пріобрѣсть новыя познанія; но неблагопріятный оборотъ, который взяли дѣла его патрона, заставилъ его съ нимъ вмѣстѣ укрыться въ деревнѣ.

Въ тучномъ тѣлѣ его обращалась кровь не столь медленно какъ нынѣ, въ немъ было болѣе живости, даже болѣе воображенія; но уже тогда былъ онъ замѣчателенъ неопрятностью, лѣностью и обжорствомъ. Въ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ были положены зародыши всѣхъ талантовъ, всѣхъ искусствъ. Природа сказала ему: выбирай любое, и онъ началъ пользоваться ея богатыми дарами, сдѣлался поэтъ, хорошій музыкантъ, математикъ. Скоро тяжестью тѣла какъ бы прикованный къ землѣ и самымъ пошлымъ ея удовольствіямъ, его умъ сталъ рѣже и ниже парить. Одного ему дано не было: душевнаго жара, священнаго огня, коимъ согрѣлась, растопилась бы сія масса, поглотившая у насъ столь много наслажденій. Мы дивимся, мы восхищаемся тѣмъ, что̀ ускользнуло отъ могущества плоти: что́ бы мы увидѣли, еслибъ она могла быть побѣждена!

Крылова называютъ Русскимъ Лафонтеномъ; тотъ и другой первые баснописцы въ своей землѣ; но какъ поэтъ, мнѣ кажется, Французъ стоитъ выше. Какъ онъ бываетъ иногда трогателенъ, увлекателенъ, напримѣръ въ баснѣ: «Два Голубя»! Читая его, никто не спроситъ: былъ ли онъ добрый человѣкъ? Всякій это почувствуетъ. Еслибъ о Крыловѣ мнѣ сдѣлали сей вопросъ, то я долженъ бы былъ отвѣчать отрицательно. Чрезмѣрное себялюбіе, даже безъ злости, нельзя назвать добротой; въ дѣяніяхъ Крылова, въ его разговорахъ былъ всегда одинъ только разсчетъ; въ его стихахъ чистота, стройность и размѣръ, вездѣ умъ, нигдѣ не проглянетъ чувство, а умъ безъ чувства тоже что̀ свѣтъ безъ теплоты. Человѣкъ этотъ никогда не зналъ ни дружбы, ни любви, никого не удостоивалъ своего гнѣва, никого не ненавидѣлъ, ни о комъ не жалѣлъ. Никогда не вспоминалъ онъ о прошедшемъ, никогда не радовался ни славѣ нашего оружія, ни успѣхамъ просвѣщенія; если онъ и завидовалъ другимъ знаменитымъ современнымъ нашимъ писателямъ, то развѣ въ тайнѣ; былъ съ ними привѣтливъ, но никогда ихъ не читалъ, никогда не хотѣлъ говорить о ихъ сочиненіяхъ. Единственную страсть, или лучше сказать что-то похожее на нее, имѣлъ онъ къ карточной игрѣ, но и въ ней былъ всегда остороженъ и всегда презиралъ игроковъ, съ коими однакоже прожилъ вѣкъ. Двѣ трети столѣтія прошелъ онъ одинъ сквозь нѣсколько поколѣній, одинаково равнодушный какъ къ отцвѣтшимъ, такъ и къ зрѣющимъ.

Съ хозяевами домовъ, кои, по привычкѣ, онъ часто посѣщалъ, гдѣ ему было весело, гдѣ его лелѣяли, откармливали, былъ онъ очень ласковъ, любезенъ; но если печаль какая ихъ постигала, онъ неохотно ее раздѣлялъ. Еслибъ его спросили, какое слово въ Русскомъ языкѣ ему кажется нѣжнѣйшимъ, то я увѣренъ, что онъ бы отвѣчалъ: кор-

милецъ мой. Что̀ дѣлать! Видно, сердце у него въ желудкѣ; изъ сего источника почерпнулъ онъ большую часть своихъ мыслей, и надобно сказать правду, онъ имъ нехудо былъ вдохновенъ.

Тотъ, кто остается чуждъ житейскихъ бурь, кто на страсти людей, благородныя или пагубныя, смотритъ съ улыбкою презрѣнія, тотъ не долженъ имѣть ихъ слабостей, а еще менѣе ихъ предразсудковъ. Но таковы несообразности въ каждомъ изъ насъ, такое несогласіе бываетъ между разсудкомъ и наклонностями, что не сыщется нынѣ человѣка, который бы болѣе Крылова благоговѣлъ передъ высокимъ чиномъ или титуломъ, въ глазахъ коего сіятельство или звѣзда имѣли бы болѣе блеска. Положимъ, это слѣдствіе господствовавшаго прежде мнѣнія, подъ вліяніемъ коего онъ выросъ, и я очень далекъ, чтобы видѣть тутъ что-нибудь худое; но зачѣмъ же богатство имѣетъ равное право на его почтительную нѣжность? Отчего же такое жестокое невниманіе ко всѣмъ, кто обиженъ не природой, а фортуной? Гдѣ же твердый мужъ? Гдѣ же философъ? Надобно было видѣть въ Казацкомъ его умное, искусное, смѣлое раболѣпство съ хозяевами; надобно было видѣть, какъ онъ самъ возбуждалъ ихъ къ шуткамъ, какъ часто въ угожденіе имъ трунилъ надъ собою.

Грустно это вспомнить, а еще грустнѣе подумать, что на немъ выпечатанъ весь характеръ простаго Русскаго народа, какимъ сдѣлали его Татарское иго, тиранство Іоанна, крѣпостное надъ нимъ право и желѣзная рука Петра. Часто этотъ народъ долженъ трепетать передъ тѣмъ, что̀ онъ презираетъ, и если Крыловъ—вѣрное изображеніе его недостатковъ, то онъ же и представитель его великихъ способностей. Въ простомъ языкѣ его, который иногда употребляетъ онъ и въ разговорѣ, изъ простыхъ его изреченій схватилъ онъ все, что̀ показываетъ его глубокомысліе, и безъ лишнихъ украшеній, безъ приправы, составилъ изъ нихъ оригинальныя свои творенія, какъ славный поваръ изъ простыхъ, но самыхъ свѣжихъ припасовъ готовитъ вкусный столъ, который можетъ удовлетворить прихотямъ взыскательнѣйшаго гастронома. Подобно восточнымъ стихотворцамъ, въ коихъ самовластіе не могло заглушить таланта, но кои не дерзаютъ явно говорить истину, рѣшился и онъ яснымъ мыслямъ своимъ, вѣрнымъ наблюденіямъ дать форму аполога.

Несмотря на свою лѣность, онъ отъ скуки предложилъ князю Голицыну преподавать Русскій языкъ младшимъ сыновьямъ его и слѣдственно и соучащимся съ ними. И въ этомъ дѣлѣ показалъ онъ себя мастеромъ. Уроки наши проходили почти всѣ въ разговорахъ; онъ умѣлъ возбуждать любопытство, любилъ вопросы и отвѣчалъ на нихъ также толковито, также ясно, какъ писалъ свои басни. Онъ не до-

вольствовался однимъ Русскимъ языкомъ, а къ наставленіямъ своимъ примѣшивалъ много нравственныхъ поученій и объясненій разныхъ предметовъ изъ другихъ наукъ. Изъ слушателей его никого не было внимательнѣе меня, и я долженъ признаться, что если имѣю сколько-нибудь ума, то много въ то время около него набрался.

Обхожденіемъ его со мной я былъ очень доволенъ: правда, онъ напоминалъ мнѣ иногда о почтеніи, коимъ обязанъ я ребятамъ, молодымъ князьямъ, моимъ товарищамъ, что̀ мнѣ было весьма не по сердцу; но за то маленькому Англичанину Личу при мнѣ говаривалъ онъ, что ему не слѣдуетъ забываться передо мной, генеральскимъ сыномъ.

Чтобы никого не пропустить изъ нашего деревенскаго общества, долженъ я назвать еще два лица: отставнаго капитана Таманскаго, побочнаго сына князя Сергія Ѳедоровича, и живущую у княгини Русскую барышню, Прасковью Андреевну, которыя ничтожества свои, во время пребыванія моего въ Казацкомъ, совокупили законными брачными узами.

Насъ человѣкъ двадцать каждый день садилось за столъ, но по праздникамъ бывало и болѣе двадцати пяти. Казалось, будто мы океаномъ или непроходимыми горами отдѣлены отъ другихъ частей міра, и только одинъ разъ въ недѣлю, посредствомъ почты, имѣемъ съ нимъ сообщеніе. Меня увѣряли послѣ, будто за нами присматривали; но кажется, кому бы было? Земской полиціи мы въ глаза не видали, а между нами не было ни одного человѣка, который бы когда-либо запятналъ себя предательствомъ.

Почтовые дни были для насъ днями радости. Я зналъ тогда хорошо по-нѣмецки и съ жадностію бросался на Гамбургскія газеты, которыя по прочтеніи вручалъ мнѣ князь съ одобрительною улыбкой. *Московскія Вѣдомости* не менѣе тогда были любопытны: не было нумера, въ коемъ бы не упоминалось о Суворовѣ. Я шелъ за нимъ черезъ Адижъ, Требію и По, за нимъ летѣлъ на высоты Альповъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ его въ Парижѣ; голова моя горѣла, сердце билось при чтеніи блистательныхъ его реляцій. Я дома былъ изнѣженъ и слѣдственно трусливъ; тутъ откуда взялась бодрость: съ восхищеніемъ мечталъ я объ опасностяхъ, стыдился малѣйшей робости и побѣждалъ ее. Такъ сильно дѣйствуютъ великіе люди, въ отдаленнѣйшихъ отъ насъ мѣстахъ, на самые низшіе классы и на самый нѣжный возрастъ.

Слава Суворова отражалась на пославшемъ его, ослабляла чувство ненависти къ нему, утѣшала угнетенныхъ имъ, ссыльныхъ, и разливала радостный свѣтъ среди скорбной тьмы его царствованія. Дер-

зали даже ликовать, и извѣстія изъ Кіева говорили о безпрестанныхъ тамъ увеселеніяхъ.

Тутъ въ первый разъ узналъ я сладостное чувство любви къ отечеству, меня потомъ никогда не покидавшее; въ этотъ достопамятный для меня годъ познакомился я съ пороками и добродѣтелями, мнѣ дотолѣ неизвѣстными; въ уединенномъ углу Россіи вкусилъ я отъ древа познанія добра и зла. Скудны были мы настоящими происшествіями; но за то, исключая дѣтей, всѣ были богаты воспоминаніями, и потому-то бо́льшая часть разговоровъ проходила въ разсказахъ. Изъ разныхъ странъ собрались тутъ обращики разныхъ націй и состояній; съ обыкновеннымъ вниманіемъ я все выслушивалъ, позволялъ себѣ мѣшаться въ разговоры, дѣлать вопросы и получалъ снисходительные и удовлетворительные отвѣты. Такимъ образомъ, въ самомъ тѣсномъ кругу, въ коемъ прожилъ я тогда близъ года, чрезвычайно расширился кругъ моихъ идей.

Напримѣръ, я узналъ между прочимъ, что знатный родъ и блестящія связи не только замѣняютъ заслуги и чины, кои они доставляютъ или должны доставлять, но стоятъ на высотѣ, для сихъ послѣднихъ недосягаемой. Сію вѣру исповѣдывали всѣ члены семейства, въ коемъ я жилъ; изъ нихъ, кажется, первый князь Ѳедоръ принялъ ее въ тогдашнихъ Петербургскихъ гостиныхъ, куда вывезена была она прямо изъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстія статскою совѣтницей княгиней Натальей Петровной Голицыной, урожденной графиней Чернышовой, сестрой фельдмаршальши Салтыковой. Находясь въ Парижѣ во время революціи, сія знаменитая дама схватила священный огнь, угасающій во Франціи и возжгла его у насъ на Сѣверѣ. Сотни свѣтскаго и духовнаго званія эмигрантовъ способствовали ей распространить свѣтъ его въ нашей столицѣ. Составилась компанія на акціяхъ, куда вносимы были тутулы, богатства, кредитъ при дворѣ, знаніе Французскаго языка, а еще болѣе незнаніе Русскаго. Присвоивъ себѣ важныя привилегіи, компанія сія назвалась высшимъ обществомъ и правила Французской аристократіи начала прилаживать къ Русскимъ нравамъ, столь же удачно, какъ въ нынѣшнихъ Французскихъ водевиляхъ маркизы де-Сенваль и виконтессы де-Жюссакъ на нашей сценѣ перерождаются Авдотьями Дмитріевнами и Марьями Семеновнами. Екатерина благопріятствовала сему обществу, видя въ немъ одинъ изъ оплотовъ престола противъ вольнодумства, а Павелъ Первый даже покровительствовалъ его, предоставляя себѣ, однакоже, право немилосердно тузить его членовъ, чего Французскіе короли себѣ позволять не могли.

Не одинъ разъ придется мнѣ говорить о семъ высокомъ сословіи, не болѣе какъ съ полсотни лѣтъ у насъ образовавшемся, о пре-

имуществахъ, коими оно пользуется, о сомнительныхъ правахъ нѣкоторыхъ изъ его членовъ. Чтобы съ нѣкоторою подробностію изобразить его, я хочу дождаться времени, когда мнѣ дано было почтительно приблизиться къ его святилищамъ; сказанное теперь почитаю покамѣстъ достаточнымъ. Въ малолѣтствѣ не совсѣмъ деликатно давали мнѣ чувствовать его могущество, но оно еще являлось мнѣ какъ огромный блестящій фантомъ, коего образъ сокрытъ былъ отъ меня таинственнымъ покровомъ, коего не видѣлъ я слабыхъ сторонъ и коего власти не зналъ я границъ.

Барская спѣсь, съ примѣсью Французскихъ предразсудковъ, дѣлала самохвальство молодыхъ Голицыныхъ иногда несноснымъ. Ни у одного не было дурнаго сердца, не было даже гордости, но губительное для нихъ въ послѣдствіи тщеславіе и легкомысліе. Имъ все еще грезилась тѣнь дѣдушки Потемкина; изъ словъ ихъ можно было узнать, что они болѣе видятъ въ себѣ побѣжденныхъ сильнымъ противникомъ, чѣмъ караемыхъ грознымъ владыкой. Съ своими слугами они обходились такъ же просто, какъ и съ живущими у нихъ въ домѣ; эта ласка была такого рода, какая оказывается любимой лошади, собакѣ или птицѣ. Такой ласки я снести не могъ и смѣю похвастаться, что умѣлъ отразить покровительственный тонъ, который хотѣли взять со мной молодые люди; съ родителями ихъ было дѣло другое.

Прошло лѣто, наступила осень, и уже близилась зима; съ каждымъ днемъ все у насъ въ деревнѣ становилось мрачнѣе и печальнѣе. Заграничныя извѣстія сдѣлались менѣе радостны, уменьшалась быстрота полета Суворова; сколь ни славенъ былъ переходъ его чрезъ Альпы, но онъ отдалялъ насъ отъ цѣли; наши Французы - роялисты повѣсили голову, а я чуть не плакалъ отъ досады.

Мои родители изъ Кіева отправились въ Москву, чтобы быть при родахъ сестры моей Алексѣевой, которая въ Октябрѣ благополучно и разрѣшилась сыномъ Александромъ. Это извѣстіе меня обрадовало и возгордило: въ первый разъ я сдѣлался дядей.

Къ концу года приготовились для меня новыя перемѣны въ жизни. Тайный іезуитъ, аббатъ Николь, завелъ въ Петербургѣ аристократическій пансіонъ. Онъ объявилъ, что сыновья вельможъ одни только въ немъ будутъ воспитываться; и сколько съ намѣреніемъ затруднить вступленіе въ него дѣтямъ небогатыхъ состояній, столько изъ видовъ корысти положилъ неимовѣрную плату: ежегодно по 1.500 рублей, нынѣшнихъ шесть тысячъ. Обстоятельства способствовали успѣхамъ сего заведенія, которое находилось у Обухова моста, на Фонтанкѣ, рядомъ съ великолѣпнымъ домомъ князя Юсупова. Супруга его, княгиня Татьяна Васильевна, отдала сына своего къ аббату Николю, ко-

его чрезвычайно поддерживала; будучи сестрою княгини Голицыной, она письменно и ее убѣждала прислать туда же младшихъ сыновей своихъ, на что̀ послѣдняя долго не изъявляла согласія. Но какъ невозможно было наконецъ не подмѣтить безнравственности г. Ролена, такъ какъ совѣстились ему прямо отказать и затруднялись въ пріисканіи ему преемника, то и рѣшились отправить мальчиковъ въ Петербургъ. О семъ намѣреніи увѣдомили также и моихъ родителей, возвращавшихся тогда изъ Москвы.

Едва успѣли они воротиться, какъ прислали за мной довѣреннаго слугу. Исключая Михаила Голицына и учителя Керлерð, я разстался почти безъ всякаго сожалѣнія съ людьми, съ коими, казалось, одна свычка должна уже была меня связать; не меня винить надобно, а ихъ равнодушіе даже между собою, даже другъ къ другу. Въ самое Рождество, отужинавъ, простился я со всѣми довольно холодно и пошелъ къ себѣ спать, съ тѣмъ чтобы до свѣта выѣхать. Странное дѣло! Лишь только пришелъ въ свою комнату и сталъ раздѣваться, какъ мнѣ сдѣлалось грустно. Такъ послѣ со мною бывало и вездѣ, особенно тамъ, гдѣ люди не оказывали мнѣ и не возбуждали во мнѣ большаго участія: вмѣсто ихъ, роднился я съ мѣстами и ихъ только покидалъ, какъ друзей. Менѣе сутокъ пробылъ я въ дорогѣ и далеко за полночь, когда уже у насъ всѣ спали, пріѣхалъ я въ Кіевъ.

XV.

Когда по утру увидѣли меня родители, то едва могли узнать: такъ много съ небольшимъ въ десять мѣсяцевъ измѣнилась моя наружность. Они оставили меня отрокомъ, я предсталъ имъ юношей. Я похудѣлъ, я вытянулся какъ спаржа; въ теплицѣ порока насильственно и быстро я созрѣлъ.

Они не знали что̀ со мной дѣлать: мои лѣта требовали еще продолженія учебныхъ занятій, мой ростъ и тогдашніе обычаи дѣлали меня годнымъ для службы. Къ тому же имъ жаль было со мной разстаться; изъ многочисленнаго семейства находился я при нихъ тогда почти одинъ, ибо старшая сестра и старшій братъ остались гостить у замужней сестры въ Москвѣ, а средній братъ поѣхалъ въ Петербургъ попытаться войти опять въ службу.

Въ Кіевѣ былъ тогда одинъ пріѣзжій Нѣмецкій профессоръ, г. Граффъ, человѣкъ ученый и кроткій, который не хотѣлъ заводить школы, а только для образованія въ наукахъ взялъ къ себѣ жить пять или шесть молодыхъ людей. Мой отецъ хотѣлъ меня къ нему отдать; но мать моя, которая весьма была на то согласна, выпросила меня только недѣли на три, чтобы мной потѣшиться.

Въ это время военнымъ губернаторомъ былъ Беклешовъ, но не тотъ, котораго я оставилъ, а меньшой братъ его, Сергѣй Андреевичъ. Старшаго же императоръ еще лѣтомъ вызвалъ въ Петербургъ и сдѣлалъ генералъ-прокуроромъ. Выборы, кои обыкновенно онъ дѣлалъ на удачу, были иногда весьма удачны. Завѣдывая всѣми частями государственнаго управленія, Беклешовъ сохранилъ однакоже военное званіе и военный мундиръ. Императоръ Павелъ, подобно отцу и наслѣдникамъ, имѣлъ отвращеніе отъ гражданскихъ чиновниковъ и отъ гражданской службы, почиталъ подлыми ея занятія, особенно въ нижнихъ должностяхъ, и воспретилъ дворянству первоначально въ нее вступать.

Въ званіи военнаго и гражданскаго чиновника вмѣстѣ, Беклешовъ, дабы въ глазахъ государя облагородить одно званіе другимъ, предложилъ ему составить новый пѣхотный полкъ, подъ именемъ Сенатскаго, и его назначить шефомъ того полка; не ограничивать числа вступающихъ въ него подпрапорщиковъ изъ дворянъ, а симъ послѣднимъ, въ одно время преподавать законовѣдѣніе и учить ихъ фронтовой службѣ. Сія мысль была довольно курьозна, чтобы полюбиться Павлу Первому, и она немедленно была приведена въ исполненіе. Брату моему, находившемуся тогда въ Петербургѣ, поручилъ Беклешовъ написать къ моимъ родителямъ, чтобъ они прислали меня къ нему для опредѣленія въ этотъ полкъ, и не заботились потомъ о моей судьбѣ. Выгоды казались очевидны; сей новый планъ разстроилъ прежній (отдать меня къ г. Граффу) и только ожидали случая, чтобъ отправить меня въ Петербургъ.

Кіевъ оживился тогда контрактами и ярмаркой, но мы съ матерью почти все сидѣли дома, чтобы рѣже разлучаться. Во время вторичнаго отсутствія моего, число незнакомыхъ мнѣ лицъ еще болѣе въ немъ умножилось; должностные же успѣли въ это время раза два перемѣниться, а прежніе, Екатерининскіе, между прочимъ Шардонъ съ Шардоншей, были всѣ въ отставкѣ и тихо доживали вѣкъ.

Одно поразило меня тогда въ Кіевѣ: новые костюмы. Казня въ безумствѣ не камень, какъ говоритъ Жуковскій о Наполеонѣ, а платье, Павелъ вооружился противъ круглыхъ шляпъ, фраковъ, жилетовъ, панталонъ, ботинокъ и сапоговъ съ отворотами, строго запретилъ носить ихъ и велѣлъ замѣнить однобортными кафтанами съ стоячимъ воротникомъ, трехугольными шляпами, камзолами, короткимъ нижнимъ платьемъ и ботфортами. Въ столицахъ уже давно успѣли привыкнуть къ сей уродливости, въ провинціяхъ позже, а къ намъ въ деревню или приказаніе не дошло, или оно въ ней не исполнялось. И мнѣ все платье пришлось перекроить, ибо уже года два ходилъ я въ галстукѣ и снялъ куртку.

Въ первыхъ числахъ Февраля княгиня Варвара Васильевна прислала къ намъ въ домъ двухъ сыновей своихъ, Павла и Александра, чтобы всѣмъ нужнымъ запастись для дальнѣйшаго пути. Сихъ законныхъ сыновей князя Голицына привезъ въ Кіевъ незаконный сынъ его Таманскій, о коемъ въ предыдущей главѣ я, кажется, что-то сказалъ; онъ долженъ былъ сопровождать ихъ до самаго Петербурга. Вотъ и удобный случай меня отправить; имъ воспользовались, наскоро меня снарядили и поручили попеченіямъ и надзору г. Таманскаго.

Этотъ разъ поѣхалъ я уже безъ всякаго восторга, съ однимъ только чувствомъ горести. Въ чужбинѣ такъ мало испыталъ я радостей, что въ будущемъ ничего не смѣлъ себѣ пріятнаго обѣщать. Въ виду у меня были двойныя занятія и военная служба, въ которой, какъ увѣряли, дворяне не имѣющіе офицерскаго чина не избавлялись тогда отъ тѣлесныхъ наказаній. Зима была ужасная и продолжительная; мы сидѣли закутанные въ крытыхъ кибиткахъ и свѣта Божьяго не видѣли. Но насъ было четыре мальчика сорвавшихся съ узды: двое Голицыныхъ, Англичанинъ Личъ и я, а надъ нами Таманскій, котораго никто не слушался, на котораго никто изъ насъ не хотѣлъ глядѣть. Въ такой веселой компаніи скоро можно было забыть горе; Таманскій разчитывался, расплачивался, суетился, а мы, безъ заботъ, даже безъ замѣчаній, скакали день и ночь, мѣняли лошадей, а на станціяхъ только что проказничали и рѣзвились: послѣдній разъ въ жизни былъ я ребенкомъ!

Въ одномъ только Витебскѣ чрезвычайная стужа заставила насъ остановиться на сутки, чтобъ отдохнуть и обогрѣться. Въ Порховѣ уснали мы отъ одного проѣзжаго, что Беклешовъ отставленъ и уже уѣхалъ изъ Петербурга: «Чтò же Сенатскій полкъ?» спросилъ я у проѣзжаго.—«Переименованъ въ Литовскій, отвѣчалъ онъ, у Сената нѣтъ уже гвардіи: одинъ государь можетъ ее имѣть».—«Чтò же со мной будетъ?» подумалъ я и тяжко вздохнулъ.

Наконецъ, 18 Февраля 1800 года, поутру въ Гатчинѣ едва выпивъ чашку чаю въ торопяхъ, къ полдню въ первый разъ я увидѣлъ Петербургъ. Спустившись съ Пулковой горы, наши извощики остановились, чтобы поправить лошадей; я этимъ воспользовался, чтобы въ находившейся тутъ каменной лавочкѣ купить пряничныхъ орѣховъ на послѣднія десять копѣекъ мѣдью, которыя у меня въ карманѣ оставалась; деньги же на прогоны и другія потребности были моими родителями отданы въ распоряженіе г. Таманскаго, который ихъ всѣ уже издержалъ.

У самой заставы объявилъ мнѣ онъ, вѣроятно наскучивъ мною дорогой, что мнѣ открыты всѣ четыре стороны, что онъ взялся меня только довезти, но отнюдь не намѣренъ заботиться обо мнѣ въ столицѣ, и самъ съ молодыми людьми отправился прямо къ княгинѣ Юсуповой. Чтò мнѣ было дѣлать? Изъ писемъ зналъ я, что братъ мой живетъ у одного Кіевскаго пріятеля нашего семейства, артилерійскаго генерала Бѣгичева; но гдѣ? Я думалъ, что объ этомъ знаетъ на заставѣ караульный офицеръ; онъ улыбнулся моему вопросу и совѣтовалъ мнѣ узнать о томъ въ Ордонансъ-Гаузѣ. Онъ находился въ Миліонной, на углу Мошкова переулка; туда я и отправился. Тамъ ничего мнѣ не могли сказать, а полагали, что мнѣ надобно искать его на Литейной, гдѣ живутъ всѣ артилеристы, и что квартиру его мнѣ, вѣроятно, укажетъ первый попавшійся мнѣ артилерійскій солдатъ.

Когда я объявилъ о томъ своему ямщику, то онъ наморщился, однакоже повезъ меня далѣе. Это былъ послѣдній день масляницы; не знаю, хотѣлось ли ему погулять, или дѣйствительно лошади были измучены, но онъ безпрестанно съ нетерпѣніемъ оборачивался ко мнѣ, спрашивая: скоро ли кончатся наши странствованія? Я молчалъ; вдругъ онъ вновь поворотился ко мнѣ съ вопросомъ, много ли я ему дамъ на водку? Мы уже были на Литейной, противъ Арсенала. Я имѣлъ нескромность отвѣчать ему, что у меня нѣтъ ни копѣйки; тогда онъ остановился и самымъ грубымъ образомъ объявилъ мнѣ, что онъ отпрягаетъ лошадей и бросаетъ меня на улицѣ. Со мною, для прислуги, былъ только глупый деревенскій мальчикъ Лёвка, мой ровесникъ. Я обомлѣлъ; онъ, кажется, испугался еще болѣе меня.

Пусть представятъ себѣ положеніе провинціяльнаго недоросля, брошеннаго среди улицъ, которыхъ онъ не знаетъ, въ столицѣ, гдѣ ему никто не знакóмъ, и безъ гроша денегъ. Но этимъ бѣда еще не кончается. Вдругъ налетаетъ полицейскій офицеръ, и кричитъ намъ: «Шапки долой, становись за кибитку!» Только успѣлъ я безмолвно исполнить сіе приказаніе, какъ вижу, что отъ Литейнаго двора несутся сани, запряженныя парой красивыхъ, лихихъ лошадей, покрытыхъ огромными бѣлыми фартуками. Я въ нихъ узналъ самого государя, котораго одинъ разъ уже въ жизни видѣлъ. Онъ сидѣлъ съ императрицей и ѣхалъ кататься на горы, которыя тогда устроены были близъ Смольнаго монастыря. Лишь только промчался царь, полицейскій грозно возопилъ ко мнѣ: какъ смѣю я быть въ запрещенномъ нарядѣ? Но, вѣроятно, тронутый моими лѣтами, невѣдѣніемъ, совѣтовалъ скорѣе куда-нибудь убраться, чтобы меня не взяли на

съѣзжій дворъ. На мнѣ была черная шапка съ длинными ушами, и онѣ недавно передъ тѣмъ были запрещены въ столицѣ.

Между тѣмъ нашъ ямщикъ медлилъ откладывать лошадей, можетъ быть и не посмѣлъ бы сего сдѣлать; но я не зналъ своихъ правъ, и лишь только опомнился отъ испуга, то вмѣстѣ съ Лёвкой прибѣгнулъ къ мольбамъ. Проходящій въ это время солдатъ сказалъ намъ, что генералъ Бѣгичевъ живетъ на концѣ Кирочной улицы, у самаго Таврическаго сада, въ деревянномъ угольномъ домѣ. Берегъ былъ видѣнъ, хотя еще въ отдаленіи, и жестокій ямщикъ сѣлъ опять на мѣсто и поѣхалъ далѣе, но во время переѣзда поминутно осыпалъ насъ ужасными ругательствами, изъ коихъ названіе нищихъ было еще самое сносное.

Вотъ, наконецъ, мы въѣхали на дворъ; но что́ же? Новое горе: ни Бѣгичева, ни брата, ни ихъ людей не было дома; всѣ гуляли на масляницѣ или были въ гостяхъ; остались какіе-то два деньщика, которые не только не соглашались пустить меня въ комнату, но даже хотѣли прогнать со двора, принимая Богъ вѣсть за кого. На бѣду и на счастіе мое, ямщикъ нашъ былъ человѣкъ отчаянный, дерзкій: онъ прикрикнулъ на нихъ, ихъ не послушался, проворно отпрягъ лошадей и опрометью ускакалъ.

Мнѣ оставалось только сидѣть въ кибиткѣ и ожидать возвращенія брата. Я то и сдѣлалъ, но мнѣ было скучно и холодно. Я рѣшился оставить Лёвку, а самъ пошелъ ходить по улицѣ, не отдаляясь однакоже отъ жилища своего, то-есть кибитки. Попавшіеся мнѣ какіе-то люди, съ коими завязалъ я разговоръ, сказали мнѣ, что если пойду вдоль Таврическаго сада и потомъ поворочу влѣво, то выйду къ самымъ горамъ и увижу увеселенія Русскаго народа. Любопытство, юношеская вѣтренность и надежда встрѣтить, можетъ быть, брата, заставили меня пойти. Нынѣшній Преображенскій плацъ былъ тогда безконечное поле, занесенное снѣгомъ, на краю котораго едва виднѣлись низкія лачужки; я держался той стороны, которою онъ примыкаетъ къ саду, шелъ медленно, ибо вязнулъ безпрестанно въ глубокомъ снѣгу и былъ отягченъ дорожнымъ платьемъ. Доро́гой я никого не встрѣтилъ, и мнѣ казалось, что я иду степью. Когда, пройдя садъ, заворотилъ я налѣво, то замѣтилъ, что начинаетъ смеркаться и вспомнилъ несчастную свою черную шапку; измученный, истомленный, голодный, ибо ничего этотъ день не ѣлъ, кромѣ пряничныхъ орѣховъ, еще медленнѣе потянулся я назадъ. Когда я воротился, то почти уже смерклось, но я нашелъ счастливую перемѣну въ моихъ дѣлахъ: слуга моего брата пришелъ домой и помогалъ уже Лёвкѣ перетаскивать мои пожитки.

Мнѣ ужасно хотѣлось ѣсть. Къ несчастію, люди г. Бѣгичева не возвращались; безъ нихъ все было заперто, а избавитель мой въ этотъ день прогулялъ свои деньги. Въ комнатѣ, которую братъ мой занималъ, кое-какъ устроили и мнѣ кровать. Я бросился на нее; за недостаткомъ пищи, спѣшилъ укрѣпить себя сномъ и безъ просыпа полсутки проспалъ. Въ эту ночь, не знаю, видѣлъ ли я что̀ во снѣ; но если мнѣ снилось, то вѣрно ужъ съѣстное. Случайное сіе негостепріимство Петербурга оставило во мнѣ непріязненное къ нему впечатлѣніе, которое двѣ трети жизни въ немъ проведенныя не могли совершенно изгладить.

На другой день братъ меня разбудилъ и неодѣтаго повелъ къ нашему хозяину. Онъ былъ самый почтенный, самый добродѣтельный чудакъ, уменъ, благороденъ, но непреклоненъ и дикъ, не любилъ большаго общества. При видѣ малознакомыхъ, сердце его какъ будто замерзало, и онъ обдавалъ ихъ холодомъ, за то оно совершенно таяло съ ближними и пріятелями; наконецъ, страсть его къ трубкѣ довершала сходство его съ однимъ государственнымъ человѣкомъ, котораго я послѣ зналъ. Онъ меня разцѣловалъ и скорѣе велѣлъ накормить завтракомъ. Послѣ того отправились мы съ братомъ по лавкамъ и къ портному, дабы заказать мнѣ нарядъ, въ коемъ бы согласованы были законы моды съ государственными постановленіями. Тутъ только могъ я полюбоваться зданіями Петербурга; наканунѣ мнѣ не до того было.

Я былъ привезенъ въ Петербургъ для опредѣленія въ службу; но куда, теперь сдѣлалось неизвѣстно. Надобно было брату подумать, что̀ изъ меня сдѣлать: продолжать ли меня занимать ученіемъ, или просто отдать въ какой-нибудь полкъ. Онъ ни на что̀ не смѣлъ рѣшиться, не спросясь напередъ родителей, и завелъ о томъ съ ними переписку. Пока онъ получилъ ихъ согласіе, а въ послѣдствіи и полномочіе располагать моею судьбой, пока онъ хлопоталъ объ опредѣленіи меня въ Пажескій корпусъ, пока ему это обѣщали и водили его, пока, убѣдясь, что ожиданія его тщетны, онъ началъ пріискивать для меня другой родъ службы,—прошло пять мѣсяцевъ. По истеченіи ихъ, наши родители, не видя никакого успѣха, полагая, что забавы Петербурга удерживаютъ въ немъ брата столько же, какъ и хлопоты (въ чемъ и не совсѣмъ ошибались), къ тому же не въ состояніи будучи продолжать издержекъ на наше содержаніе, приказали намъ немедленно отправиться въ Москву и тамъ ожидать новыхъ приказаній.

Въ продолженіи сихъ пяти мѣсяцевъ сдѣлалъ я нѣсколько новыхъ знакомствъ, впрочемъ не весьма интересныхъ; о самыхъ занимательныхъ не могу оставить читателя въ невѣдѣніи.

Мой братъ не былъ знакомъ въ аристократическомъ кругу, который въ Петербургѣ тогда и не очень былъ обширенъ: бо́льшая часть вельможъ жили въ Москвѣ, или въ удаленіи, въ деревнѣ; небольшое число изъ нихъ имѣли дозволеніе путешествовать за границей. Первое знакомство, доставленное мнѣ братомъ, было въ домѣ одного стараго Француза, шевалье де-Лабатъ де-Виванса *), который, вслѣдствіе какого-то поединка, долженъ былъ оставить Францію гораздо прежде революціи и эмиграціи. Вступивъ у насъ въ военную службу, онъ Гасконскою оригинальностію скоро понравился начальникамъ и сдѣлался наконецъ любимцемъ самого князя Потемкина, который, причисливъ его къ своему штату, назначилъ смотрителемъ собственныхъ дворца и сада, нынѣшнихъ Таврическихъ. По смерти Потемкина, они поступили въ казну, а его мѣсто изъ партикулярнаго обратилось въ придворное. При Павлѣ Таврическій дворецъ превращенъ въ казармы лейбъ-гусарскаго полка, а г. Лабатъ, который и его смѣшилъ, сдѣланъ кастеланомъ строившагося Михайловскаго за̀мка, и императоръ еще болѣе полюбилъ въ немъ титулъ рыцарскихъ временъ, для него имъ выдуманный.

Оставивъ въ отечествѣ дворянскіе предразсудки, Лабатъ въ Россіи женился на дочери извѣстнаго въ свое время Французскаго парикмахера Марміона. Его супруга хотѣла играть роль знатной дамы, никогда не теряла важности и строгимъ взоромъ часто останавливала неприличные, по мнѣнію ея, порывы веселости своего мужа. Она, къ счастію, рѣдко показывалась; а гостей принимали двѣ дочери ея, добрыя, милыя, весьма уже зрѣлыя, но еще не пожилыя дѣвы, съ которыми мнѣ было чрезвычайно пріятно и весело.

Онъ когда-то былъ одинъ изъ проѣзжихъ, безчисленныхъ посѣтителей нашего дома въ Кіевѣ и за гостепріимство желалъ заплатить услугой. Онъ вызвался брату хлопотать объ опредѣленіи меня въ Пажескій корпусъ у двухъ вельможъ, оберъ-камергера графа Шереметева и оберъ-гофмаршала Нарышкина, съ которыми онъ былъ на короткой ногѣ. Но иное, видно, вышучивать трудно: бояре забавникамъ обѣщаютъ, водятъ ихъ, отшучиваются, и все дѣло наконецъ обращается въ шутку. Впрочемъ, главнымъ препятствіемъ къ моему опредѣленію былъ мой ростъ: тогда обыкновенно принимали мальчиковъ двѣнадцати лѣтъ, а я казался семнадцати.

Еще были мы вхожи въ домъ одного пріятеля нашихъ родителей, если только Никита Ивановичъ Пещуровъ могъ быть кому-нибудь пріятелемъ. Онъ вѣровалъ въ одно только могущество при дворѣ; любим-

---

*) О немъ часто говоритъ Жихаревъ въ своемъ «Дневникѣ». П. Б.

цы царей, любимцы вельможъ и ихъ любимцы составляли его Олимпъ, небесную іерархію, которой онъ униженно кланялся. Чтò всего страннѣе, онъ не былъ честолюбивъ, не искалъ власти, а любилъ ее въ другихъ; ему нужно было молиться, и какъ праздныя женщины, которыя въ Москвѣ всякое утро таскаются отъ часовень къ соборамъ и отъ приходскихъ церквей къ монастырямъ, такъ и онъ, прежде нежели отправится къ должности, любилъ возить набожность свою по пріемнымъ. За другихъ онъ никогда не хотѣлъ просить, а за себя очень рѣдко. Онъ ѣздилъ безъ всякой нужды; просто пріѣдетъ, подождетъ; выйдетъ бояринъ, скажетъ «здравствуй, братецъ Никита Ивановичъ, каковъ ты?» а онъ съ благодарностію поклонится, слава-молъ Богу, и потомъ на цѣлый день доволенъ, а когда пригласятъ откушать, то и совершенно счастливъ. Говоря всегда съ восхищеніемъ о сильныхъ, онъ никогда не позволялъ себѣ злословить падшихъ, въ ожиданіи, что они когда-нибудь возстанутъ; онъ не шелъ противъ нихъ, а почтительно и молчаливо ихъ убѣгалъ: это была въ одно время и врожденная, и систематическая, и самая откровенная, и самая утонченная подлость. Генеральскій чинъ нашего отца, который въ то время предполагалъ нѣкоторыя важныя связи, давалъ намъ право на его улыбку, по крайней мѣрѣ на ласковый, разсѣянно-покровительственный его пріемъ.

Бывало, мы по праздникамъ дѣлаемъ ему утреннія посѣщенія. Мнѣ памятны: простыня разостланная посреди комнаты, на ней стоящій стулъ и Никита Ивановичъ, на немъ сидящій въ пудрамантелѣ. Мы и нѣкоторыя другія, не весьма высокія, однакоже привилегированныя особы, сидѣли вдоль стѣны въ почтительномъ разстояніи, въ которомъ впрочемъ держали насъ и облака пудры, летѣвшія на тупей г. Пещурова; тѣ, которые стояли сзади его, конечно играли въ мірѣ весьма скромныя роли. Обычай принимать людей ниже себя за туалетомъ былъ, кажется, введенъ императрицей Екатериной; у нея переняли его вельможи, а отъ нихъ, видно, перешелъ онъ и къ подчиненнымъ ихъ. Никита Ивановичъ былъ тогда статскій совѣтникъ и совѣтникъ Ассигнаціоннаго Банка; теперь это менѣе чѣмъ ничто, а тогда, о блаженное время! это было что-то, такъ сказать, полугенеральство, и маленькое его чванство казалось весьма естественнымъ, нимало несмѣшнымъ. Въ теченіе долголѣтней службы своей онъ не имѣлъ случая оказать великихъ услугъ государству, двѣ трети жизни своей онъ подписывалъ ассигнаціи, онъ началъ и кончилъ свое поприще въ этомъ банкѣ и умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника, управляя онымъ. Онъ всегда слылъ самымъ добрымъ человѣкомъ въ Петербургѣ; но, вспоминая его, я никогда не завидовалъ его репутаціи.

О женѣ его говорить мнѣ не хочется; низкіе пороки между женщинами худо образованными въ это время встрѣчались нерѣдко; вино согрѣвало и веселило тогда женскія сердца чаще, чѣмъ любовь. Съ двумя сыновьями его, тогда офицерами Семеновскаго полка *), я сблизился, несмотря на разность нашихъ лѣтъ. Какъ всѣ молодые люди того времени, они были образованы для свѣта и для военной службы, но и въ этомъ не имѣли ничего блестящаго. Они были со всѣми отмѣнно вѣжливы, а ко мнѣ особенно внимательны. Я много имъ обязанъ тѣмъ, что не совсѣмъ праздно провелъ тогда время въ Петербургѣ: они ссудили меня новыми Новостями Флоріана, и я перевелъ ихъ на Русскій языкъ, но уже какъ? Это бы мнѣ любопытно было теперь знать. Я полагаю, что этотъ переводъ не существуетъ; ибо мой братъ, который былъ невеликій литераторъ, хотя любилъ чтеніе, нашелъ, что онъ достоинъ быть напечатанъ и съ этимъ намѣреніемъ взялъ его къ себѣ, а потомъ затерялъ.

Странный былъ составъ маленькой библіотеки молодыхъ Пещуровыхъ, особливо для офицеровъ: полное собраніе сочиненій Флоріана, всѣ творенія Дората, маленькій томъ Буффлера, Театръ Мариво, Письма къ Эмиліи о миѳологіи г. Демутье, Шольё и Лафаръ, Бернисъ и Жанти Бернаръ; все легкое, розовое, амурное, ни одной военной, ни одной Русской книги. Вмѣстѣ съ Версальскими предразсудками вошла у насъ въ моду и Французская литература; въ высшемъ обществѣ знали наизустъ классическихъ ея авторовъ, и вѣкъ Лудовика XIV ставили выше вѣковъ Августа и Перикла: знатныя дамы съ восхищеніемъ читали Массильйона и Бурдалу, и нѣкоторыя изъ нихъ аббатами приготовлялись уже къ воспріятію католицизма; полупросвѣщенные повѣсы проповѣдывали безбожіе и клялись Вольтеромъ и Дидеротомъ; чувствительные юноши, женщины принадлежащія ко второстепеннымъ обществамъ и молодые литераторы, также чуждые высшему кругу, плѣнялись нѣжностями, мадригалами, гримасными улыбками мелкихъ Французскихъ писателей. Духомъ сего времени созданы Измайловы и Шаликовы съ ихъ отвратительною чувствительностію.

Третій домъ нами посѣщаемый былъ полуаристократическій, не по знатности, не по тону, а по богатству, по связямъ, а еще болѣе по претензіямъ. Мой братъ учился въ пансіонѣ вмѣстѣ съ однимъ молодымъ Демидовымъ, свелъ и сохранилъ съ нимъ дружбу и сдѣлался домашнимъ у его родителей. Потомки знаменитаго кузнеца, во дни Петра Великаго открытіемъ рудъ и усовершенствованіемъ желѣзныхъ

---

*) Меньшой убитъ въ Фридландѣ, а старшій былъ въ послѣдствіи губернаторомъ въ Псковѣ.

работъ стяжавшаго столь великое богатство, что каждая изъ раздробленныхъ между многочисленными его правнуками частицъ составляетъ еще милліоны, потомки сіи почти всѣ отличаются желѣзнымъ упрямствомъ и удивительными причудами. Внукъ сего Акинѳія Демидова, Петръ Григорьевичъ, отецъ товарища моего брата, тотъ самый, къ которому мы ѣздили, если всѣхъ ихъ не превосходилъ странностями, то никому и не уступалъ. Я скажу только о тѣхъ, кои въ глазахъ свѣта казались смѣшными, а по моему мнѣнію, ему дѣлаютъ честь.

Около тридцати лѣтъ былъ онъ тогда уже женатъ. Заведенный имъ порядокъ съ тѣхъ поръ ни на волосъ не измѣнялся, и сей порядокъ, кажется, существовалъ еще въ домѣ его отца и дѣда. Въ убранствѣ комнатъ, въ обычаяхъ, въ распредѣленіи времени, во всемъ было замѣтно нѣчто Голандско-нѣмецкое. Сверхъ нижняго жилья, одноэтажный каменный домъ его въ Большой Мѣщанской сохранилъ еще и понынѣ старинный свой фасадъ. Нѣсколько узкихъ длинныхъ комнатъ сего дома были назначены для пріема гостей; гораздо же большее число внутреннихъ, какъ сердце г. Демидова, открывалось только задушевнымъ его друзьямъ. Всѣ онѣ были съ прочными сводами, украшены лѣпными изображеніями; стѣны однихъ были завѣшаны множествомъ хорошихъ и дурныхъ картинъ, въ другихъ онѣ были составлены изъ изразцовъ, въ иныхъ видна была дубовая рѣзная работа; столовые и стѣнные часы, люстры, всѣ мебели одни другимъ соотвѣтствовали: вездѣ встрѣчались опрятность и роскошь Монплезира и маленькаго Екатерингофскаго дворца. Одна изъ комнатъ была убрана Китайскими шелковыми обоями; она называлась чайною, и въ шесть часовъ вечера, не позже, разливали въ ней сей горячій напитокъ, разводили огонь въ каминѣ, и гостямъ мужескаго пола подавали каждому по маленькой бѣлой трубкѣ съ табакомъ: обычай, который конечно ни въ одномъ порядочномъ Петербургскомъ домѣ тогда встрѣтить было невозможно.

Изъ сего можно видѣть, что Петръ Григорьевичъ чрезвычайно любилъ старину *). Однѣ сѣдины и морщины давали право на его привѣтливость; на молодыхъ людей, даже на молодыхъ женщинъ, онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Ими съ большею любезностію занималась супруга его, Екатерина Алексѣевна, урожденная Жеребцова.

*) Старину, а не древность Русскую; ибо Голандско-нѣмецкая, мѣщанская, чистоплотная роскошь, введенная у насъ при Петрѣ Великомъ и не во многихъ домахъ едва сохранившаяся до временъ Екатерины, не имѣетъ ничего общаго съ древнимъ боярскимъ житьемъ, хлѣбосольнымъ, довольно безпорядочнымъ, не весьма опрятнымъ, которое и доселѣ пробивается сквозь Европейскія утонченности и grand genre нынѣшнихъ аристократовъ.

Родной братъ ея былъ женатъ на извѣстной нѣкогда въ Петербургѣ Ольгѣ Александровнѣ, родной сестрѣ князя Зубова, любимца Екатерины; родная же племянница г. Демидова была замужемъ за однимъ графомъ Головкинымъ, а родной племянникъ, также Демидовъ, женатъ на княжнѣ Лопухиной, родной сестрѣ княгини Гагариной, любимицы Павла Перваго. Столь знатное родство, посѣщавшее сей домъ, давало ему нѣкоторый блескъ; но странности въ немъ встрѣчаемыя всегда удаляли отъ него цвѣтъ тогдашняго лучшаго общества.

Странная мысль вошла тогда брату моему въ голову. Онъ никогда не бывалъ въ домѣ у Григорія Александровича, племянника г. Демидова, а съ молодою, прекрасною, меланхолическою женой его, которую мужъ ревновалъ къ цѣлому свѣту, рѣдко имѣлъ случай разговаривать. Ему показалось, впрочемъ весьма неосновательно, будто она къ нему неравнодушна. Желая казаться болѣе интереснымъ и воспользоваться мнимымъ ея хорошимъ расположеніемъ, онъ сталъ описывать ей братскую ко мнѣ любовь и нѣжныя попеченія о моей участи. Женское ли самолюбіе, которое дало угадать сильное впечатлѣніе сдѣланное на человѣка, хотя не красиваго, но молодаго, смѣлаго и пылкаго, просто ли доброта женскаго сердца возбудили въ ней состраданіе къ бѣдному мальчику; но она сама вызвалась говорить обо мнѣ графу Растопчину, министру иностранныхъ дѣлъ, и сдержала слово. Трудно было тогда отказать въ чемъ-нибудь сестрѣ княгини Гагариной, и министръ черезъ нее велѣлъ мнѣ подать просьбу объ опредѣленіи въ службу.

Запрещеніе принимать въ гражданскую службу молодыхъ дворянъ все еще существовало, но изъ сего правила сдѣлано было изъятіе для дипломатической части. Дозволено было при Иностранной Коллегіи имѣть двадцать человѣкъ юнкеровъ 14 класса и десять при Московскомъ ея архивѣ, дабы такимъ образомъ ограничить число привилегированныхъ юношей. Легко себѣ можно представить, какъ много было желающихъ занять такія мѣста и какое нужно было покровительство, чтобы получить ихъ.

Вмѣстѣ съ дворомъ находился тогда графъ Растопчинъ въ Петергофѣ. Надобно было лично подать ему просьбу, и однимъ утромъ мы отправились туда съ братомъ въ наемныхъ дрожкахъ. Этой поѣздки я вѣкъ не забуду. Страхъ былъ во мнѣ сильнѣе радости. Я видѣлъ много вельможъ, ласкавшихъ мое отрочество, робѣть мнѣ, казалось, было нечего; но во всѣхъ офиціальныхъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ при Павлѣ былъ сокрытъ какой-то тайный ужасъ, и приближенные его, подобно ему, прослыли грозными. День былъ прекрасный, воздухъ жаркій, но безпрестанно прохлаждаемый вѣтеркомъ, дующимъ со

взморья. Петергофская дорога, по которой ѣхалъ я въ первый разъ, была тогда, въ окрестностяхъ столицы, единственное мѣсто, гдѣ богачи всѣхъ сословій проводили лѣто, люди же другихъ состояній такой прихоти себѣ не дозволяли и жили всѣ въ городѣ. Двадцать шесть верстъ почти безпрерывно тянулась предо мною двойная цѣпь красивыхъ дачъ, нынѣ въ развалинахъ или обращенныхъ въ фабрики, дворцы, барскія палаты, кіоски и пагоды, монументы, мѣстами каскады и фонтаны, каналы и затѣйливые черезъ нихъ мостики; цѣлыя рощи цвѣтовъ, украшающія крыльца и балконы, попеременно мелькали передо мною, и я съ жаднымъ вниманіемъ смотрѣлъ на все то, чѣмъ искусства и произведенія чуждыхъ намъ климатовъ такъ удачно прикрываютъ уродливую Петербургскую природу. Я былъ очарованъ, переходилъ отъ изумленія къ изумленію, и во всю дорогу забылъ и горе свое, и свои надежды.

На заставѣ у Петергофа долженъ былъ я о томъ вспомнить. Караульный офицеръ посмотрѣлъ на насъ съ видомъ подозрительнымъ, спросилъ наши имена, зачѣмъ мы пріѣхали и долго ли пробудемъ; и записавъ все это, потребовалъ, чтобы мы долѣе назначеннаго нами времени не оставались. Растопчинъ жилъ въ деревянныхъ, такъ-называемыхъ кавалерскихъ домикахъ, близко отъ дворца, и чтобы сколь возможно миновать сіе мѣсто ужаса, мы, оставя дрожки наши гдѣ-то въ полѣ, старались пробраться оконечностію нижняго сада. Когда мы пришли, то насъ ввели въ небольшую комнату и, оставя въ ней однихъ, тотчасъ пошли объ насъ докладывать. Мы дожидались недолго: отворилась дверь, и вышелъ графъ Растопчинъ, съ видомъ довольно угрюмымъ. Звѣрообразное, калмыковатое лицо его и свирѣпый взглядъ, когда онъ бывалъ невеселъ, должны были въ каждомъ производить страхъ. Братъ мой назвалъ госпожу Демидову, а у меня чуть не подкосились ноги, когда я безмолвно подалъ просьбу. Принявъ ее, министръ сказалъ только: «хорошо, посмотримъ»; и мы, поклонясь, тѣмъ же путемъ отправились обратно въ Петербургъ.

Не прошло двухъ дней послѣ того, какъ мы получили грозное письмо отъ родителей. Пятимѣсячное пребываніе наше въ столицѣ становилось для нихъ тягостно; они дѣлали всевозможныя пожертвованія, чтобы содержать насъ прилично, но братъ мой, какъ сказалъ я гдѣ-то выше, былъ болѣе чѣмъ неразсчетливъ и надѣлалъ долговъ. Не видя никакого успѣха въ моемъ опредѣленіи, нашъ отецъ рѣшился приказать намъ немедленно оставить Петербургъ и отправиться въ Москву къ зятю и сестрѣ, чтобъ отдать меня тамъ въ Екатеринославскій кирасирскій полкъ, тогда называвшійся именемъ шефа своего, фельдмаршала графа Салтыкова. Дѣлать было нечего: малѣйшее отлагательство въ испол-

неніи родительской воли казалось дѣломъ невозможнымъ, а согласіе, изъявленное графомъ Растопчинымъ, весьма походило на отказъ. Сборы наши были недолги; нѣсколько дней спустя, съ двумя слугами, сѣли мы въ двѣ телѣги и на перекладныхъ поскакали въ Москву.

Я было и забылъ сказать, что въ это время мы жили въ Коломнѣ, близъ Никольскаго рынка, у добраго дяди нашего Якова Лаврентьевича, въ тѣсной, но уютной и чистенькой квартирѣ его и раздѣляли почти ежедневно скромную его трапезу. Ни одной изъ женъ его тогда при немъ не было, а хозяйствомъ его и его старостію управляла нѣкая Авдотья, служанка-госпожа или кухарка-сударка, какъ иные такихъ женщинъ называютъ. Онъ меня чрезвычайно любилъ и часто бывалъ моимъ защитникомъ отъ брата, съ коимъ житье по истинѣ было несносное. Отъ родителей онъ былъ надо мною уполномоченъ и дѣйствительно не щадилъ стараній, чтобы выгоднымъ образомъ меня пристроить; сіе дало ему высокую мысль о неограниченности его правъ, кои не весьма охотно я соглашался признавать. Онъ былъ восемью годами меня старѣе, но все-таки, по мнѣнію моему, равный мнѣ братъ, и мнѣ все казалось, что въ незрѣломъ мозгу моемъ болѣе идей и соображеній, чѣмъ въ зрѣломъ умѣ его. Безразсудная его взыскательность была въ безпрестанномъ столкновеніи съ моимъ упрямствомъ, съ моимъ самолюбіемъ; ибо тогда, какъ и нынѣ, почиталъ я унизительнымъ не только виниться, но даже и оправдываться. Мое сердитое молчаніе приводило его въ бѣшенство; возставали сильныя бури, и одинъ лишь старый дядя нашъ умѣлъ ихъ усмирять. Грѣха таить нечего: дѣло иногда доходило и до побоевъ.

Прежде нежели оставлю я Петербургъ, молодой городъ, который тогда не праздновалъ еще и перваго своего юбилея, мнѣ хочется вкратцѣ описать его и дать понятіе о тогдашнемъ его состояніи; читатели не только простятъ мнѣ сіе, но можетъ быть и поблагодарять за то. Всѣ увѣряютъ, будто, послѣ двадцатилѣтняго или даже десятилѣтняго отсутствія, никто не можетъ узнать Петербурга. Сіе могло быть справедливо при Екатеринѣ; но при ней сдѣлано въ немъ все основное; перемѣны же, которыя съ тѣхъ поръ послѣдовали, суть только прибавленія къ цѣлому (accessoires). Къ несчастію, она усвоила себѣ гибельную мысль Петра Великаго, развила ее и, такъ сказать, осуществила. Всѣ творенія ея носятъ печать вѣчности, и городъ сей, который тридцати-пятилѣтними ея стараніями возвысился и распространился, городъ, которымъ щеголяетъ Россія, забывая, что кости сотенъ тысячъ нашихъ братій, погибшихъ при ископаніи сей бездны, служатъ ему основаніемъ, сей городъ простоитъ въ велелѣпіи столь же долго, какъ и слава царства Русскаго. Безъ Екатерины онъ скоро

потонулъ бы въ болотѣ, среди коего возникъ. Въ моихъ глазахъ онъ какъ зданіе, которое, близъ сорока лѣтъ тому назадъ, увидѣлъ я въ первый разъ совсѣмъ оконченнымъ, но коего нѣкоторыя только части не были совсѣмъ отдѣланы и изъ коихъ многія потомъ изукрасились. Главныя примѣчательнѣйшія строенія тогда уже существовали и почти въ такомъ же видѣ, въ какомъ находятся и понынѣ: дворцы—Зимній, Аничковскій, Мраморный, Таврическій, три академіи, Большой театръ; кадетскіе корпуса, церкви—Спаса на Сѣнной и Николы Морскаго; стѣны Петропавловской крѣпости и берега Невы, Фонтанки и Екатерининскаго канала были уже выложены гранитомъ, рѣшетка Лѣтняго сада уже изумляла красотой. Михайловскій, что́ нынѣ Инженерный, за̀мокъ тогда достраивался.

Число и самая величина частныхъ каменныхъ домовъ въ Петербургѣ, съ умноженіемъ народонаселенія, конечно, съ тѣхъ поръ утроились. Послѣдній годъ жизни Екатерины въ немъ жителей, говорятъ, было до полутораста тысячъ; при Павлѣ число сіе значительно уменьшилось, съ тѣмъ, чтобы при наслѣдникѣ его опять быстро увеличиться. Въ Большой Коломнѣ можно встрѣтить теперь болѣе экипажей и народу, чѣмъ тогда на Невскомъ проспектѣ; но сіе происходило не столько отъ недостатка народонаселенія, какъ отъ ежедневныхъ верховыхъ прогулокъ императора. Въ сопровожденіи Кутайсова императоръ всякій день объѣзжалъ обѣ набережныя, обѣ Морскія, всѣ главныя улицы столицы своей; плохо бывало тѣмъ, коихъ нарядъ или физіономія ему не полюбятся. Всѣ ѣдущіе въ каретахъ обязаны были, поровнявшись съ нимъ, останавливаться и, не исключая даже престарѣлыхъ дамъ, выходить изъ нихъ, не смотря ни на какую погоду; мущины же въ такихъ случаяхъ должны были сбрасывать плащи и шубы *). Завидѣвъ его издали, иные пѣшеходы спасались бѣгствомъ, бросались въ первые открытые ворота; но если зоркій взглядъ его замѣчалъ таковыхъ, то полицейскіе драгуны скакали, чтобы схватить ихъ и привести къ нему. Онъ не позволялъ даже бояться; подобно Туркамъ, ему хотѣлось, чтобы мы сдѣлались фаталисты и видѣли въ немъ неизбѣжную судьбу свою.

Одна только часть Петербурга была въ 1800 году еще въ совершенномъ запустѣніи. Невскіе острова были тогда острова необитаемые. На Крестовскомъ—ветхій домъ, на Каменномъ—пустой, невысокій дворецъ и маленькая церковь являли тогда только слѣды че-

*) Одна шутиха, Французская актриса Леруа, поскользнувшась со ступеньки и упала къ ногамъ его лошади. Со смѣлостію, свойственною ея націи, она воскликнула къ нему Волтеровымъ стихомъ: Que voulez-vous de plus? Mérope à vos pieds, и онъ расхохотался.

ловѣческаго присутствія. Мосты еще не существовали, сообщенія между островов не было; вездѣ дичь, вездѣ непроходимый лѣсъ и болото. Одинъ разъ братъ возилъ меня туда кататься на шлюбкѣ; дедалъ протоковъ, густая зелень сихъ острововъ, отражаемая зеркаломъ Невы, меня восхищали; самое глубокое молчаніе, которое вокругъ насъ царствовало и было только прерываемо шумомъ нашихъ веселъ, имѣло что-то величественное. Изрѣдка попадались намъ ялики, нагруженные купеческою семьей и самоваромъ; они приставали къ влажнымъ берегамъ, и гуляющіе, выбравъ какое-нибудь маленькое возвышеніе, располагались на немъ почайничать. Но пѣсенъ мы не слыхали; оглашать сію пустыню звуками заунывнаго Русскаго удальства не было дозволено: они какъ будто выражаютъ тоску по свободѣ.

Ничто такъ меня не прельстило въ Петербургѣ, какъ театръ, который увидѣлъ я первый разъ въ жизни; ибо въ Кіевѣ его не было, а въ Москвѣ меня туда еще не пускали. Нѣсколько о томъ словъ будутъ здѣсь не лишнія. Русской труппы я тогда не видалъ или, лучше сказать, о ней и не слыхалъ, и названіе ни одного изъ актеровъ мнѣ не было извѣстно; знающихъ по-французски въ сравненіи съ нынѣшнимъ временемъ не было и десятой доли, и отличающимся знаніемъ сего языка было бы стыдно, еслибъ ихъ увидѣли въ Русскомъ театрѣ: онъ былъ оставленъ толпѣ пріѣзжихъ помѣщиковъ, купцовъ и разночинцевъ. Тощій нашъ репертуаръ ей казался неистощимъ; безъ скуки и утомленія слушала она безпрестанно повторяемыя передъ ней трагедіи Сумарокова и Княжнина; національныя оперы: *Мѣльникъ*, *Сбитеньщикъ*, *Розана и Любимъ*, *Добрый Солдатъ*, *Ѳедулъ съ дѣтьми*, *Иванъ Царевичъ* лѣтъ двадцать сряду имѣли ежегодно отъ двадцати до тридцати представленій. Въ это же время переведенныя съ Итальянскаго оперы придворнаго капельмейстера Мартини *Рѣдкая Вещь* и *Діанино Древо* начали знакомить нашу публику съ хорошею музыкой, а комедіи Фонъ-Визина чистить вкусъ и нравы. Сей вкусъ, однакоже, былъ угрожаемъ порчей отъ драматическихъ произведеній Коцебу, коими переводчики наводнили тогда нашъ театръ.

Когда братъ бывалъ мною доволенъ, что̀ случалось весьма рѣдко, то бралъ съ собою во Французскій театръ. Такъ какъ креселъ было тогда не болѣе двухъ рядовъ, то обыкновенно всѣ ходили въ партеръ, куда за входъ платили только по одному рублю. Всего удалось мнѣ видѣть спектакль три раза, и слѣдственно награды мнѣ за хорошее поведеніе стоили не болѣе трехъ рублей мѣдью. Въ первый разъ играли комедію *Le Vieux Célibataire*, какъ бы въ предзнаменованіе моей будущей судьбы. Я не въ состояніи былъ судить объ искусствѣ, и потому-то, вѣроятно, чудесная игра г-жи Вальвиль не могла

примирить меня съ ея безобразіемъ; старый Офренъ игралъ стараго холостяка и для этой роли мнѣ показался слишкомъ старъ; онъ былъ знаменитый трагическій актеръ: комедія была не его дѣло. Несмотря на все это, я не дышалъ во время представленія, боялся проронить слово; новое удовольствіе, которое ощутилъ я тогда, было столь сильно, что въ этотъ вечеръ далъ я себѣ слово не пропускать спектакля, коль скоро позволено мнѣ будетъ располагать собою и своимъ карманомъ.

Отъ втораго представленія, которое я видѣлъ, я было совсѣмъ сошелъ съ ума. Давали оперу Гретри *Прекрасную Арсену*, коей музыка и тогда была не весьма новая, но всѣхъ еще восхищала. Оркестръ, богатые костюмы, декораціи, превращенія, все меня очаровало, но болѣе всего мадамъ Шевалье—красавица, столь же славная пѣвица, какъ и актриса. Когда она запѣла: et je régnerai dans les cieux, мнѣ казалось, что она меня туда за собою увлекала. Въ послѣдній разъ видѣлъ я вторично эту сирену въ маленькой оперѣ *Le Prisonnier*; ничего не могло быть милѣе, и ни одна актриса меня съ тѣхъ поръ такъ не плѣняла. Послѣ оперы былъ балетъ или дивертисментъ, утвердительно сказать не могу; помню, что были пастухи и пастушки, гирлянды и амуры. Были двѣ молодыя танцовщицы, которыя въ то время другъ у друга оспаривали пальму первенства, и на которыхъ смотрѣлъ я съ большимъ удовольствіемъ, даже тотчасъ послѣ Шевалье. Одна изъ нихъ Француженка, Роза Колинетъ, вышла потомъ замужъ за извѣстнаго балетмейстера Дидло и, кажется, еще и понынѣ находится въ живыхъ; другая—Русская, Берилова, болѣе извѣстная подъ простымъ, нѣжнымъ названіемъ Настеньки, воплощенная грація, которая черезъ годъ или два послѣ того увяла цвѣткомъ. Я никогда не былъ великій охотникъ до балетовъ и всегда полагалъ, что лишь языкъ можетъ говорить уму и сердцу, а одни прыжки и тѣлодвиженія говорятъ только чувственности, и сего рода наслажденія я никогда не искалъ на сценѣ. Привязанность графа Кутайсова *), женатаго человѣка и отца семейства, къ г-жѣ Шевалье и щедрость его къ ней казались многимъ весьма извинительными; но вліяніе ея на дѣла посредствомъ сего временщика, продажное ея покровительство, раздача мѣстъ за деньги всѣхъ возмущали. Увѣряли, будто Кутайсовъ ея любовію дѣлился съ господиномъ своимъ, будто она была прислана сюда съ секретными порученіями отъ Бонапарте, что̀ подвержено сомнѣнію, ибо онъ былъ еще въ Египтѣ, когда она въ Россію пріѣхала; но въ

---

*) Графъ Кутайсовъ до конца († 1830 г. отъ холеры) носилъ на груди вмѣстѣ съ образками портретъ г-жи Шевалье. (Слышано отъ Пр. Никол. Барановой). П. Б.

послѣдствіи, будучи уже первымъ консуломъ республики, могъ онъ употребить ее, какъ тайнаго агента. Какъ бы то ни было, но она почиталась одною изъ сильныхъ властей государственныхъ; царедворцы старались ей угождать, а объ ней, о мужѣ ея, плохомъ балетмейстерѣ, и о братѣ ея, танцовщикѣ Огюстѣ, говорили какъ о знатномъ семействѣ; а когда она въ гордости своей воспротивилась браку сего Огюста съ дочерью актера Фрожера, то находили сіе весьма естественнымъ. Она все рѣже и рѣже стала являться публикѣ, какъ бы гнушаясь городскимъ обществомъ и сберегая прелести лица своего и таланта для одного Двора, на театрѣ Эрмитажа. Слѣдующей зимою пожаловали мужа ея прямо колежскимъ ассесоромъ; тогда ея высокоблагородіе, говорятъ, совсѣмъ перестала показываться.

Въ Петербургѣ былъ тогда одинъ только театръ, Большой или Каменный, близъ Коломны; ибо манежъ, отведенный для Нѣмцевъ въ домѣ Ланскаго, чтó нынѣ главнаго штаба, на Дворцовой площади, сего имени не заслуживаетъ. Русскіе, Французы и Итальянцы играли попеременно на Большомъ театрѣ; первые обыкновенно по Воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, когда торговый народъ, который весь почти у насъ Русскій, ничего не дѣлаетъ, и онъ-то поддерживалъ національныя представленія. Ремесленный же классъ, всегда состоящій здѣсь изъ разсчетливыхъ Нѣмцевъ, охотно, за весьма умѣренную цѣну, ходилъ слушать на сценѣ Ифланда и Коцебу; общество и образованные иностранцы наполняли Французскій театръ. Но откуда брались слушатели для Итальянской оперы, когда и теперь еще у насъ такъ мало дилетанства? И чтò всего удивительнѣе, первая Итальянская труппа была выписана при Елисаветѣ Петровнѣ, когда еще не существовало ни Французскаго, ни Нѣмецкаго здѣсь театра, а Русскій былъ еще въ пеленкахъ. Какъ тогда, такъ и теперь, музыка у насъ роскошь, въ Италіи—потребность, въ Германіи—наука. Представленія Итальянскихъ оперъ были весьма рѣдки; со всѣмъ тѣмъ, какъ увѣряли, чудесный голосъ Павла Мандини гремѣлъ, и волшебные звуки Маджіорлетти раздавались часто въ пустой почти залѣ.

Я хотѣлъ сказать нѣсколько словъ о театрѣ и написалъ три страницы о любимомъ предметѣ. Кто, не посвящая себя литературѣ и музыкѣ, подобно мнѣ, страстно ихъ любитъ и имѣлъ много празднаго времени, тотъ въ хорошемъ театрѣ находитъ свое блаженство. Я тогда едва хлебнулъ только отъ чаши наслажденій, которая потомъ такъ упоила мою молодость.

Но пора оставить Петербургъ; я слишкомъ долго прощаюсь съ нимъ, хотя и не на долгое время.

XVI.

Первая молодость сливается съ телѣгой въ воспоминаніяхъ всѣхъ Русскихъ моихъ современниковъ; ни дорожнаго, ни домашняго комфорта мы столько не знали, какъ нынѣшніе молодые люди. Недавно остроумнѣйшій изъ нашихъ стихотворцевъ *) украсилъ телѣжную ѣзду всею прелестію поэзіи; трогательная шутка его расшевелила мнѣ сердце до самой глубины. Улыбаясь, сквозь слезы, читалъ я прекрасные его стихи къ Орловскому о быломъ мученіи, которое мы такъ весело выносили. Мнѣ казалось, онъ описывалъ первую поѣздку мою изъ Петербурга въ Москву. Все нашелъ я тутъ: и вихрю подобный бѣгъ тройки, и ловкость ухарскаго ямщика, и шляпу его, украшенную даровою лентой, и руку его, вооруженную *вдохновительнымъ кнутомъ*, и русокосыхъ красотокъ, коими любовался, несмотря на боль моихъ реберъ. Ни я, ни онъ, хотя меня моложе, добровольно не согласились бы теперь безъ памяти и скакать, и прыгать по крупнымъ камнямъ и мелкимъ бревешкамъ тогдашней мостовой, а вспоминать о томъ, право, пріятно!

Первую ночь я никакъ не могъ уснуть отъ быстроты и силы движенія, въ коемъ находился; на другую ночь довольно крѣпко заснулъ, а третій день, при безпрестанныхъ толчкахъ, почти весь проспалъ преспокойно. Конечно, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца того, что̀ почиталъ моею пыткой; однакоже, любопытство, коимъ я одаренъ или одержимъ, какъ угодно, не дозволяло мнѣ ни единаго предмета пропустить безъ особаго вниманія: ни башенъ и куполовъ древняго Новаго́рода, ни Валдайскихъ горъ, ни дѣвокъ и баранокъ, ни Вышневолоцкихъ шлюзовъ, ни сафьянныхъ издѣлій Торжка, ни улицъ Твери, по указу и шнурку выстроенныхъ.

Мы спѣшили пріѣхать въ Москву 20 Іюля, день имянинъ нашего зятя, а прибыли только 21-го передъ разсвѣтомъ, и ни его, ни сестры не нашли въ городѣ: они были это время въ подмосковной графа Салтыкова. Я и забылъ сказать, что зятя моего произвели въ полковники и что вслѣдъ за тѣмъ не безъ причины онъ былъ отставленъ отъ службы. Государь прогнѣвался на графа Салтыкова, который младшую дочь свою выдалъ за графа Орлова, роднаго племянника ненавистныхъ ему Орловыхъ. Онъ безъ церемоніи отставилъ бы его, но былъ удержанъ уваженіемъ къ графинѣ, которая, какъ одна изъ пожилыхъ дамъ, внушала ему къ себѣ почтеніе и которая пріѣзжала въ

*) Князь П. А. Вяземскій (1838). П. Б.

Петербургъ ходатайствовать за мужа. Но чтобы какимъ-нибудь образомъ показать ему свою немилость, отставилъ онъ его адъютантовъ. Итакъ бѣдный Алексѣевъ нѣсколько времени долженъ былъ жить одною помощію своего бывшаго начальника.

Я увидѣлъ Москву съ великимъ удовольствіемъ, какъ старую знакомку; одинъ Кіевъ тогда почиталъ я роднымъ мѣстомъ. Мы въѣхали на квартиру зятя и сестры, которые сохранили ее, по милости главноначальствовавшаго въ Москвѣ, въ томъ же самомъ загнутомъ флигелѣ казеннаго Тверскаго дома, гдѣ жили и прежде. Узнавъ о пріѣздѣ нашемъ, они дня черезъ два поспѣшили воротиться. Какъ положеніе ихъ, такъ и склонности заставили ихъ жить въ тѣсномъ, неблестящемъ кругу знакомства. Удовольствіе быть вмѣстѣ было одно, которымъ могли мы тогда пользоваться.

Надобно было приготовить меня къ кавалерійской службѣ. Главное было тотчасъ сдѣлано: надѣли на меня ботфорты, которыхъ потомъ при Павлѣ уже я болѣе не снималъ. Я отвыкъ отъ верховой ѣзды, ни въ Казацкомъ, ни въ Петербургѣ не имѣвъ случая въ ней упражняться. Послали меня опять въ тотъ же манежъ графа Салтыкова; близъ мѣсяца по шести разъ въ недѣлю я учился ѣздить, и усилія мои, вѣроятно, были успѣшны, ибо заготовлена уже была просьба къ полковому командиру того полка, куда я долженъ былъ вступить. Мнѣ теперь самому странно о томъ подумать; но вѣдь я Русскій по матери, а изъ Русскаго человѣка можно сдѣлать все, чѣмъ ему велятъ быть: онъ ко всему пригодится. Кто знаетъ, что̀ бъ изъ меня вышло; нимало не было бы удивительно, еслибъ я сдѣлался хорошій наѣздникъ и воинъ. Судьба расположила иначе.

Время и опытъ дали узнать графинѣ Салтыковой милыя и почтенныя свойства моей сестры; она ее душевно уважала, а жалкое состояніе, въ которомъ находились тогда супруги, заставляло ее принимать самое искреннее участіе въ ихъ дѣлахъ. Сестра посѣщала ее гораздо чаще. Въ одинъ вечеръ, между разговорами, она не скрыла отъ нея опасеній своихъ насчетъ моей участи, находя, что незамѣтно было во мнѣ ни охоты, ни способностей къ тому роду службы, который принуждены были для меня избрать, и упомянула о неудачной попыткѣ у графа Растопчина. Услышавъ его имя, графиня воскликнула: «Зачѣмъ же вы мнѣ прежде не сказали! Вѣдь мы съ нимъ большіе друзья; онъ мнѣ ни въ чемъ отказать не можетъ; завтра же пишу къ нему».

Разумѣется, что съ просьбою къ полковому командиру мы пріостановились. Отвѣтъ графа Растопчина не заставилъ себя долго ждать: мы получили его не съ большимъ черезъ недѣлю. Вотъ содержаніе

его письма: «покровительствуемый-де вами давнымъ давно опредѣленъ въ число юнкеровъ при коллегіи положенныхъ, но доселѣ неизвѣстно было, куда онъ дѣвался; если вамъ непремѣнно угодно его имѣть въ Москвѣ, то хотя въ архивѣ комплектъ уже наполненъ, я беру на свою отвѣтственность перевести его туда сверхъ штата».

Служба теперь въ Россіи есть жизнь; почти всѣ у насъ идутъ въ отставку, какъ живые въ могилу, въ которой имъ тѣсно и душно, и изъ которой, при первомъ удобномъ случаѣ, они вырываются. Въ старину, на этотъ счетъ, были благоразумнѣе. Были, однакоже, семейства, и мое въ томъ числѣ, которыя въ отставкѣ видѣли уничиженіе, потерю всѣхъ надеждъ, лишеніе всѣхъ удовольствій самолюбія. Всѣ члены моего семейства, одинъ за другимъ, были удалены отъ службы; самый младшій изъ нихъ вступалъ въ нее, и прямо офицерскимъ чиномъ. Можно себѣ представить, по тогдашнимъ понятіямъ, какую радость сіе происшествіе произвело между нами!

Въ самый день имянинъ сестры моей, 26 Августа, графиня Салтыкова прислала ей письмо министра, вмѣсто подарка; лучшаго она ей сдѣлать не могла. Повезли меня къ обѣднѣ, отслужили молебенъ, послали за портнымъ, заказали мнѣ мундиръ, созвали кого успѣли изъ пріятелей и въ два часа пополудни сѣли пировать. На другой день поручили господину Яковлеву, чиновнику почтамта, представить меня господину Бантышу-Каменскому, его старинному знакомому, а моему новому и первому начальнику. Бумага обо мнѣ еще не была получена, и только въ первыхъ числахъ Сентября началъ являться я на службу въ Московскій Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Эти двѣ недѣли былъ я въ безпрерывномъ восторгѣ: я пользовался всѣми выгодами службы, не подозрѣвая ни одной изъ ея непріятностей. Мнѣ принесли мундиръ. Я не зналъ что̀ дѣлать; прежде нежели облекся я въ сію одежду мужа, robe virile, мнѣ хотѣлось расцѣловать ее *). Я пошелъ благодарить графиню Салтыкову, которую въ первый разъ увидѣлъ и вблизи; она обласкала меня и даже поцѣловала съ чувствомъ содѣяннаго благодѣянія, а на другой день, уже какъ юношу, прислала пригласить обѣдать. До́ма въ шутку величали меня благородіемъ, а я не шутя тѣмъ гордился. Не одинъ только чинъ 14 класса возвышалъ такъ меня въ глазахъ моихъ; всякое званіе имѣетъ только ту цѣну, которую даетъ ему общее мнѣніе; а молоденькіе децемвиры архива, коллегіи юнкера̀, казались существами привилегированными. Въ Московскихъ обществахъ, на Московскихъ балахъ, архивные юноши

*) Ботфорты, которые велѣно было носить штатскимъ, въ службѣ находящимся, а внѣ ея позволено всѣмъ желающимъ, и уже прежде того надѣлъ.

долго, очень долго заступали мѣсто Екатерининскихъ гвардіи сержантовъ и уступили его, наконецъ, только числу нынѣшнихъ камеръ-юнкеровъ.

Никакая эпоха такъ живо не осталась въ моей памяти, какъ первые мѣсяцы по вступленіи моемъ на службу. Никогда еще, ни прежде, ни послѣ, не встрѣчалъ я сближенія такихъ противоположностей, соединенія такихъ странностей, какъ въ первомъ мѣстѣ моего служенія. Разсказъ мой о томъ будетъ длиненъ, но для читателя, если въ половину столь занимателенъ, какъ для меня самого, то мнѣ нечего у него просить прощенія.

Въ одномъ изъ отдаленныхъ кварталовъ Москвы, въ глухомъ и кривомъ переулкѣ, за Покровкой, старинное, каменное зданіе возвышается на пригоркѣ, коего отлогость, мѣстами усѣянная кустарникомъ, служитъ ему дворомъ. Темные подвалы нижняго его этажа, узкія окна, стѣны чрезмѣрной толщины и низкіе своды верхняго жилья показываютъ, что оно было жилищемъ одного изъ древнихъ бояръ, которые, во время Петра Великаго, держались еще обычаевъ старины. Для храненія древнихъ хартій, копій съ договоровъ, ничего нельзя было пріискать безопаснѣе и приличнѣе сего стариннаго каменнаго шкапа, съ желѣзными дверьми, ставнями и кровлею. Все строеніе было наполнено, завалено кипами частью разобранныхъ, частью неразобранныхъ старыхъ дѣлъ: только три комнаты оставлены были для присутствующихъ и канцелярскихъ.

Въ мрачномъ Сентябрѣ, предсталъ я въ мрачной хораминѣ предъ мрачнаго старца, всегда сердитаго и озабоченнаго. Онъ позвалъ какого-то худощаваго, безобразнаго человѣка, съ отвислою, распухшею нижнею губою въ нарывахъ, и указалъ ему на меня. Тотъ меня усадилъ въ той же комнатѣ противъ самаго брюзги-начальника и зачѣмъ-то ушелъ. Прежде нежели онъ воротился, сдѣлался я, какъ новичокъ, предметомъ любопытнаго, но непродолжительнаго вниманія моихъ новыхъ товарищей. Скоро притащилъ безобразный человѣкъ тетрадь чистой бумаги и огромный пукъ полуистлѣвшихъ столбцовъ, наполненныхъ мертвыми для меня буквами, въ чистыхъ оберткахъ съ нумерами и надписями о ихъ содержаніи, и велѣлъ надписи сіи переписывать въ тетрадь. Работа нетрудная, но всякій день это дѣлать и видѣть то что̀ я увидѣлъ, мнѣ показалось тяжело. Тоска уже мной овладѣла, какъ вдругъ легкій, но внятный шопотъ началъ пробѣгать по всей комнатѣ. Я сталъ прислушиваться; отрывистый, шутливый, довольно умный разговоръ окружавшей меня молодежи оживилъ меня и изумилъ. Съ перваго взгляда всѣ лица мнѣ показались печальны, и въ такомъ мѣстѣ я не ожидалъ ни встрѣтить улыбки, ни услышать веселаго

слова. Тихіе вокругъ меня звуки голосовъ мнѣ были столь же пріятны, какъ бы шумъ живаго, игриваго ручейка, среди могильнаго молчанія. Но я скоро замѣтилъ, что разговаривающіе не смѣютъ ни поднять головы, ни возвысить голоса.

Нашъ начальникъ имѣлъ несчастіе лишиться слуха отъ побоевъ разъяренной черни, когда она, во время чумы, вломившись въ комнаты роднаго дяди его, Московскаго архіепископа Амвросія Зертысъ-Каменскаго, убила мудраго своего пастыря. Изъ уваженія къ памяти сего мученика, приложилъ онъ Русское фамильное его имя къ своему Молдавскому прозванію. Дѣдъ его, Константинъ Бантышъ, при Петрѣ Великомъ, прибылъ въ Россію въ свитѣ князя Кантемира, а отецъ вступилъ въ службу и женился на его матери, священнической дочери Каменской, сестрѣ убитаго архіерея.

Итакъ онъ былъ глухъ. Люди одержимые симъ недугомъ бываютъ обыкновенно подозрительны, въ каждомъ движеніи губъ видятъ они предательство. Вотъ почему Николай Николаевичъ, управлявшій архивомъ, не любилъ, чтобы при немъ разговаривали: прилежаніе къ дѣлу, котораго было такъ мало, служило ему предлогомъ требовать всеобщаго молчанія. Сейчасъ мы видѣли, какъ исполнялись, въ этомъ случаѣ, его приказанія.

Наше высшее духовенство, до архіерейскаго сана, обыкновенно ничего не видѣло кромѣ родительской хижины, семинаріи и келій монастырскихъ. Сначала богословскіе диспуты, потомъ уединенная жизнь и молчаніе, среди коего безъ всякаго противорѣчія образуются ихъ мысли и правила, наконецъ неограниченная власть, къ которой переходятъ они вдругъ отъ безпредѣльной покорности, даютъ характеру сихъ людей непреклонность, упрямство, кои, вмѣстѣ съ незнаніемъ приличій общежитія, дѣлаютъ часто сношенія съ ними весьма непріятными. Мужи строгой нравственности, великіе витіи встрѣчаются между ними не рѣдко; но какъ мірскія испытанія не смягчили ихъ сердцà, то весьма немногіе изъ нихъ знаютъ христіанскую кротость, которая, я увѣренъ въ томъ, между новѣйшими народами есть основаніе учтивости, неизвѣстной древнимъ.

Г. Каменскій, который выросъ при дядѣ и воспитанъ въ Славяно-греко-латинской академіи, еще съ молода, физическимъ недостаткомъ и склонностію къ кабинетной жизни, былъ удаленъ отъ общественной. Лицо примѣчательное, которое рѣшительно не принадлежало ни къ одному изъ двухъ состояній: это былъ старый семинаристъ, бѣлый монахъ, свѣтскій архіерей. Со всѣми преосвященными велъ онъ обширную и частую переписку и былъ совѣтникомъ и повѣреннымъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ; онъ умственно жилъ въ духовномъ мірѣ семъ, и, такъ

сказать, былъ цѣпью его съ грѣшнымъ нашимъ свѣтомъ. Послѣ того ничего нѣтъ удивительнаго въ грубомъ его съ нами обращеніи: какъ архимандритъ, онъ въ вѣтреныхъ мальчикахъ видѣлъ только послушниковъ, коихъ надлежитъ держать подъ искусомъ.

Одни робкіе его страшились, другіе бѣсились на него, а иные, благоразумнѣйшіе, оставались весьма равнодушны и очень искусно, почти въ глаза, ему смѣялись. Впрочемъ, бояться было нечего: далѣе ругательствъ и брани тиранство его не простиралось; но для щекотливыхъ самолюбій такое наказаніе, кажется, довольно жестокое. Я принадлежалъ ко всѣмъ тремъ разрядамъ, а какъ лишеніе одного изъ пяти чувствъ замѣняется у людей изощреніемъ другаго, и зрѣніе у него было рысье, то въ глазахъ моихъ читалъ онъ попеременно и страхъ, и досаду, и насмѣшку и отъ того терпѣть меня не могъ. Я былъ какъ обреченная жертва постоянно дурнаго расположенія его духа, ибо сидѣлъ прямо противъ него и былъ безпрестанно подъ молніей его взглядовъ, которая изъ-подъ тучи бровей сверкала мнѣ какъ мечь Дамоклеса. Спросятъ, что́ могло такъ часто приводить его въ гнѣвъ? Да такъ: если перестанешь писать, заглядишься въ сторону, сдѣлаешь ошибку, или встанешь съ мѣста, чтобъ идти куда-нибудь.

Молодые дворяне, какъ извѣстно, при Екатеринѣ и до нея, вступали единственно въ военную службу, болѣе блестящую, веселую и тогда менѣе трудную чѣмъ гражданская; если въ продолженіи оной переходили въ штатскую, чтобы занять выгодныя мѣста, то собственно званіемъ канцелярскаго гнушались, и оно оставлено было дѣтямъ священно-и церковно-служителей и разночинцевъ. При Павлѣ жестокости военной дисциплины побѣдили неодолимое отвращеніе молодыхъ Русскихъ къ подьяческой службѣ, какъ они ее называли, до того что, наконецъ, запретили имъ въ нее входить. Слѣдственно до того времени Московская молодежь едва ли знала о существованіи Московскаго архива.

Три члена съ равными правами и властію, управляли имъ, раздѣливъ между собою занятія. Двое изъ нихъ, нѣкто Соколовскій и ученый Стриттеръ, въ глубокой уже старости, и третій Бантышъ-Каменскій, немного помоложе ихъ, почти всю жизнь, вдали отъ свѣта, въ пыльной атмосферѣ, перебирали, пересматривали и отряхали безчисленныя рукописи, ихъ храненію ввѣренныя. Нѣсколько несчастныхъ, довольно знающихъ грамоту, чтобы читать и переписывать, изъ скуднаго жалованья, безъ всякой надежды на повышеніе, болѣе въ видѣ слугъ чѣмъ служителей канцелярскихъ ими употреблялись и старѣлись съ ними въ машинальныхъ трудахъ. Вдругъ нарушается тишина сего мирнаго убѣжища; одна волна недорослей-франтовъ гонитъ на архивъ другую; напрасно полный комплектъ юнкеровъ на время затворяетъ въ

него входъ: скоро производство въ переводчики опять его отпираетъ. Старики спѣшатъ удалиться; одинъ изъ нихъ остается, чувствуя въ себѣ довольно силы, чтобъ укротить ярость бурныхъ волнъ, смѣшавъ ихъ съ землею, съ старыми подчиненными.

Вотъ въ какомъ положеніи нашелъ я этотъ архивъ. По разнымъ возрастамъ служившихъ въ немъ юношей и ребятъ, можно было видѣть въ немъ и университетъ, и гимназію, и приходское училище; онъ былъ вмѣстѣ и канцелярія, и кунстъ-камера. Самая ранняя заря жизни встрѣчалась въ немъ съ позднимъ ея вечеромъ; семидесятилѣтній надворный совѣтникъ Ивановъ сидѣлъ близко отъ одиннадцатилѣтняго переводчика Васильцовскаго; манерные, раздушенные Евреиновы и Курбатовы писали вмѣстѣ съ Большаковыми и Щученковыми, которые сморкались въ руку. Подлѣ князя Гагарина и графа Мусина-Пушкина, молодыхъ людей принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ, богатѣйшимъ фамиліямъ въ Москвѣ, вы бы увидѣли Тархова, въ старомъ фризовомъ сюртукѣ, того урода, который надѣлялъ насъ работой и, во мзду своей снисходительности, выпрашивалъ у насъ старое исподнее платье и камзолы. Конечно, и теперь молодые люди хорошихъ фамилій во множествѣ занимаются, по канцеляріямъ разныхъ вѣдомствъ, съ людьми разныхъ состояній; но теперь это вошло уже въ обыкновеніе, а тогда было ново; къ тому же сослуживцы ихъ, къ какому бы сословію ни принадлежали, и лѣтами, и образованностію, и приличіемъ одѣянія мало, а часто и ничѣмъ, нынѣ отъ нихъ не разнствуютъ.

Въ помощь къ г. Бантышу-Каменскому, управлявшему архивомъ, данъ былъ г. Малиновскій, въ званіи канцеляріи совѣтника или младшаго члена. Лѣтъ двадцать моложе его, сей послѣдній былъ у насъ представителемъ новѣйшихъ временъ. Онъ былъ, уже безъ примѣси, Русскаго и духовнаго происхожденія: ибо протоіерей, отецъ его, находился тогда законоучителемъ въ Московскомъ университетѣ. Контрастъ между нашими двумя начальниками былъ разителенъ. Г. Малиновскій, кислосладкій, какъ прозваніе его, чуждался всего, что̀ напоминало его левитизмъ, гонялся за ученостію, но еще болѣе имѣлъ притязаній на свѣтскую любезность. Одинъ обижалъ насъ краткими, энергическими, бранными словами; другой всѣхъ казнилъ безконечными, поучительными, изысканными фразами. Онъ засѣдалъ во второй комнатѣ, немного поменѣе первой, гдѣ всегда копался или ворчалъ г. Каменскій; а въ третьей находился секретарь архива г. Ждановскій, тихій человѣкъ, который ни передъ кѣмъ пикнуть не смѣлъ. Такимъ образомъ, на столь маломъ пространствѣ можно было найдти три разныя формы правленія: въ первой комнатѣ деспотизмъ со всѣми его

ужасами, во второй нѣчто конституціонное, въ третьей совершенное безначаліе. Я не попалъ туда; слѣпой случай располагалъ мѣстами нашего сидѣнія, и онъ мнѣ не благопріятствовалъ.

Изъ сослуживцевъ моихъ одни часто будутъ встрѣчаться мнѣ въ жизни, съ другими, оставивъ архивъ, я мало имѣлъ сношеній. Говорить о первыхъ буду имѣть много случаевъ, а изображеніе послѣднихъ представитъ мало занимательнаго. По большей части, всѣ они, закоренѣлые Москвичи, рѣдко покидали обширное и великолѣпное гнѣздо свое и преспокойно тонутъ или потонули въ неизвѣстности. Ни высокими добродѣтелями они не блистали, ни постыдными пороками не запятнались; если имѣли нѣкоторыя странности, то общія своему времени и мѣсту своего жительства. Мнѣ однакоже весьма памятны сильныя впечатлѣнія, которыя оставили во мнѣ нѣкоторые изъ моихъ товарищей, и я не могу упустить, чтобы не описать ихъ.

Къ старшему сыну моего главнаго начальника, уже надворному совѣтнику и весьма зрѣлому молодому человѣку, я почувствовалъ омерзѣніе, при первыхъ словахъ, которыя обратилъ онъ ко мнѣ. Не краснѣя, нельзя говорить объ немъ; болѣе ничего я не скажу: его глупостію, его низостію и пороками не стану пачкать сихъ страницъ. Меньшой сынъ, Димитрій, едва выходилъ изъ дѣтства; между нами онъ прослылъ дурачкомъ. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался и литераторомъ, и компилаторомъ, и губернаторомъ; но многіе еще и понынѣ раздѣляютъ ребячье наше мнѣніе объ немъ.

Двое братьевъ Евреиновыхъ, взрослые молодые люди, о коихъ я уже упомянулъ, жили въ большомъ свѣтѣ, ко всѣмъ знатнымъ ѣздили на балы. Голова вскружилась у нихъ отъ сего счастія; они бредили имъ и часто, съ самодовольнымъ состраданіемъ, разсказывали мнѣ о томъ, стараясь, но тщетно, возбудить во мнѣ зависть.

Что́ не могли братья Евреиновы, то сдѣлали братья Булгаковы. И было чему позавидовать! Два красавца, лѣтъ по двадцати, сыновья знаменитаго и чиновнаго человѣка, неоднократно прославившагося въ посольствахъ, Якова Ивановича Булгакова, предъ всѣми своими сослуживцами брали неоспоримое первенство какъ въ архивѣ, такъ и въ обществахъ. Они родились въ Константинополѣ отъ чужестранной матери, которая, къ несчастію ихъ, не имѣла тогда мужа. И они носили на себѣ отпечатокъ Востока. Старшій, Александръ, имѣлъ лицо болѣе нѣжное и веселое, выражавшее одну чувственность сладострастія, что́ на молодомъ лицѣ весьма непротивно; меньшой, Константинъ, былъ одаренъ красотою мужественною и тогда уже смотрѣлъ на женщинъ съ видомъ скромнаго побѣдителя, какъ бы приглашая ихъ къ безопасному паденію. Съ самой колыбели сіи братья были связаны

тѣснѣйшею дружбой: одно прекрасное чувство, коимъ могли они хвалиться. Дѣйствуя за одно, къ достиженію желаемаго употребляли двойныя силы и каждымъ успѣхомъ вдвойнѣ наслаждались. Но старшій долженъ былъ чаще заимствовать помощь у младшаго, который въ высшей степени владѣлъ искусствомъ, немногимъ тогда извѣстнымъ: онъ имѣлъ то, что́ Французы называютъ à plomb и что́ по-русски не иначе можно перевесть какъ смѣшеніе наглости съ пристойностію и приличіемъ. И умъ, и любезность, и знаніе, и добродушіе, все имъ приписывалось и старыми, и молодыми, и мущинами, и женщинами; а они имѣли одну только наружную красоту. Сколько разъ потомъ, въ продолженіи жизни моей, готовъ я былъ, глядя на нихъ, воскликнуть, какъ Ипполитъ о Федрѣ: «Боги, кои знаете ихъ и награждаете, неужели за добродѣтели!» Но богъ любви незаконной не награждаетъ, а только всегда покровительствуетъ родившихся подъ его владычествомъ и беззаконный ихъ путь усѣваетъ успѣхами. По неопытности моей, и я нѣкогда вѣровалъ въ ихъ совершенства.

Другой юноша, о коемъ похвалы не гремѣли въ Московскихъ гостиныхъ, цвѣлъ тогда уединенно въ семейномъ кругу и украшалъ собою молодое наше архивное сословіе. Андрей Тургеневъ, со всею скромностію великихъ достоинствъ, стоялъ тогда на распутіи всѣхъ дорогъ ведущихъ къ славѣ: какую ни избралъ бы онъ, можно утвердительно сказать, что онъ далеко бы по ней ушелъ. Но изъ отличныхъ людей Провидѣніе сохраняетъ только нужное число для Его благотворныхъ видовъ; остальные гибнутъ рано, и старшій Тургеневъ не долго оставался на свѣтѣ. Ему завидовать я не смѣлъ; не смотря на свое самолюбіе, я чувствовалъ, что успѣховъ, какіе сулитъ ему будущность, я обѣщать себѣ не могъ. Меньшой братъ его Александръ былъ совсѣмъ не то, чѣмъ мы его послѣ видѣли: тоненькій, жиденькій, румяный, ласковый мальчикъ, чрезвычайно застѣнчивый.

Этого нельзя было сказать о другомъ молодомъ мальчикѣ, котораго всякій съ перваго взгляда въ нашей толпѣ могъ бы замѣтить. Чрезвычайная живость его, необыкновенная смѣлость слова и взгляда непріятнымъ образомъ меня поразили, и я избѣгалъ съ нимъ разговоровъ; а между тѣмъ, когда онъ велъ рѣчь съ другими, я заслушивался. Въ идеяхъ, кои выражалъ онъ, все мнѣ казалось такъ ново, такъ внезапно, и, всегда лакомый до ума, я невольнымъ образомъ началъ съ нимъ сближаться. Непонятно мнѣ было чувство, которое онъ во мнѣ производилъ: все меня отталкивало отъ него, и все меня къ нему привлекало. Не доказываетъ ли это, что между людьми, какъ и между небесными тѣлами, есть также законы тяготѣнія, гравитаціи? Маленькій Блудовъ былъ тогда блуждающая комета, которая, какъ бы безъ

цѣли быстро несясь въ пространство міровъ, могла въ немъ встрѣтить разрушеніе. Я не могъ тогда предвидѣть, что скоро ходъ ея сдѣлается столь правильнымъ, но уже какъ будто предчувствовалъ, что мнѣ суждено долго обращаться вокругъ нея и даже содѣлаться однимъ изъ ея спутниковъ, когда, достигнувъ созвѣздія министерства, она будетъ сіять въ немъ столь тихимъ, чистымъ и благотворнымъ свѣтомъ.

Жеманство, которое встрѣчалось тогда въ литературѣ, можно было также найти въ манерахъ и обращеніи нѣкоторыхъ молодыхъ людей. Женоподобіе не совсѣмъ почиталось стыдомъ, и ужимки, которыя противно было бы видѣть и въ женщинахъ, казались утонченностями свѣтскаго образованія. Тѣ, которые этимъ промышляли, выказывали какую-то изнѣженность, неприличную нашему полу, не скрывали никакой боязни и, что̀ всего удивительнѣе, не совсѣмъ были смѣшны. Между нами были также два молодца, или лучше сказать, двѣ дѣвочки, которыя въ этомъ родѣ дошли до совершенства, Колычевъ и Ижоринъ. Время ихъ наружность и все вокругъ нихъ измѣнило, но не измѣнило ихъ склонностей и характера; теперь обѣ уже старушки, а послѣдняя весьма добрая и почтенная. Истребляя между нашими молодыми людьми наружныя формы, столь поносныя, особенно для Русскихъ, нынѣшній вѣкъ перенесъ ихъ въ другую крайность и мужественности ихъ часто придаетъ мужиковатость.

Послѣдствія прежняго Французскаго воспитанія сильно между нами обнаруживались: почти всѣ мои товарищи не могли ступить безъ Французскаго языка. Говоря на немъ, хотя многіе дѣлали часто ошибки, но съ Русскою переимчивостію весьма удачно умѣли перенять голосъ и манеры Французовъ, жившихъ у ихъ родителей. Никто однакоже не успѣлъ столько въ томъ, какъ молодой Ефимовичъ; онъ былъ вылитый Французъ: маленькій ростъ, тоненькія ножки, увертки его и самое безобразное его старообразіе, дѣлали его настоящимъ маркизомъ. Для многихъ изъ насъ былъ онъ предметомъ уваженія и подражанія. Впрочемъ онъ былъ не безъ ума, хорошо занимался литературой и принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые берутся за все, обѣщаютъ много и изъ которыхъ, наконецъ, не выходитъ ничего.

Исключая двухъ Тургеневыхъ и Блудова, едва ли кто зналъ изъ моихъ товарищей, что есть уже Русская словесность. Живши въ одномъ городѣ съ Дмитріевымъ и Карамзинымъ, они слыхали объ нихъ, можетъ быть, встрѣчались съ ними, знали, что они что-то пишутъ, но читать ихъ? этого не приходило имъ въ голову. Честь и хвала малому числу избранныхъ юношей-отроковъ, которые, плѣняясь и заграничнымъ просвѣщеніе, не заражались однакоже окружавшими ихъ примѣрами. Геній Россіи съ раннихъ лѣтъ вдохнулъ въ сердца ихъ чув-

ство ея величія, а уму ихъ далъ способность постигать красоты благозвучнаго языка нашего и искусство выражаться на немъ. Увы, сихъ похвалъ я не заслуживалъ. Въ домѣ Голицыныхъ положено основаніе моей галломаніи, которая такъ быстро усилилась въ кругу архивныхъ юношей. Они снабжали меня Французскими книгами, по большей части романами, и я воображалъ, что занимаюсь полезнымъ чтеніемъ, когда пожиралъ ихъ по ночамъ; часто бывалъ я внѣ себя отъ ужасовъ г-жи Радклифъ, кои мучительно пріятнымъ образомъ дѣйствовали на раздражительные нервы моихъ товарищей.

Въ продолженіи зимы занимали насъ переводами съ Французскаго. Не знаю были ли они хороши, по крайней мѣрѣ не мои; а впрочемъ, какъ мнѣ кажется, г. Малиновскій, руководитель нашъ въ семъ дѣлѣ, не весьма былъ въ состояніи о томъ судить. Потомъ г. Бантышъ-Каменскій заставлялъ насъ въ одинъ форматъ переписывать на-чисто древніе грамоты и договоры, съ намѣреніемъ отдать собраніе ихъ потомъ въ печать. Въ послѣдствіи я сдѣлался съ нимъ гораздо смѣлѣе, а онъ ко мнѣ снисходительнѣе. Одна только бѣда: мой почеркъ ему не нравился; въ угожденіе ему я началъ прямить свои литеры по старинному до того, что пишу теперь какъ церковникъ.

Я напрасно хвалюсь иногда твердостію: я всегда былъ довольно человѣкоугодливъ; старшимъ, равнымъ и даже подчиненнымъ всегда готовъ былъ сказать или сдѣлать что-нибудь пріятное; когда же поступки ихъ лично противъ меня, а еще болѣе противъ совѣсти или закона, заставляютъ меня дѣлать противное, они мнѣ становятся ненавистны, ибо лишаютъ меня величайшаго удовольствія. Въ нѣжномъ возрастѣ, кто не чувствовалъ вліянія людей и обстоятельствъ, среди коихъ жилъ? Но ни на кого они столь сильно не дѣйствовали какъ на меня: мнѣ кажется, я былъ восковой. Всякое впечатлѣніе сглаживалось, но не совсѣмъ изглаживалось новымъ; каждое положеніе, въ коемъ я находился, каждое общество, чрезъ кое проходилъ, оставляли на мнѣ слѣды, и такъ-то въ описываемые мною послѣдніе два-три года образовались всѣ странности моего характера. Къ счастію, посреди сего сохранилось во мнѣ чувство справедливости и чести, данное мнѣ природой и первымъ воспитаніемъ и никогда меня не покидавшее.

Мѣсяца черезъ полтора по вступленіи моемъ въ службу, вновь былъ принятъ въ нее и зять мой, отставной полковникъ Алексѣевъ. Причины сего обстоятельства, повидимому маловажнаго, заслуживаютъ, однакоже, чтобъ ихъ объяснить. Въ царяхъ вѣрнѣйшій признакъ высокаго дара господствовать надъ людьми есть искусство открывать способнѣйшихъ и ввѣрять имъ именно тѣ только мѣста, гдѣ они могутъ быть полезны. Съ такимъ искусствомъ цари бываютъ рѣдки, имъ

принадлежитъ названіе великихъ; но иногда и слѣпой случай подсовываетъ подъ царскую руку такихъ людей, коихъ для нѣкоторыхъ должностей и съ величайшими усиліями трудно было бы отъискать. Между Гатчинскими офицерами былъ Пруссакъ Эртель, котораго сама природа создала начальникомъ полиціи: онъ былъ весь составленъ изъ капральской точности и полицейскихъ хитростей. Съ конца 1798 года былъ онъ оберъ-полицеймейстеромъ въ Москвѣ. Графъ Салтыковъ сначала никакъ не могъ догадаться, что къ нему приставленъ дядька, а когда убѣдился въ томъ, то началъ искать средствъ отъ него избавиться. Сдѣлать это было нелегко: Эртель пользовался особою довѣренностію Павла I-го, жилъ вдали отъ него и отъ неожиданныхъ его вспышекъ, и сохранялъ тѣсныя связи съ самыми приближенными ему людьми. Не прошло года, и онъ едва не успѣлъ свергнуть самого графа Салтыкова; тотъ покорился необходимости, оставилъ себѣ весь блескъ представительности, оставилъ себѣ гражданскую часть по губерніи и военную по гарнизону, сдѣлался, такъ сказать, гражданскимъ генералъ-губернаторомъ и оберъ-комендантомъ, а полицейскую часть столицы предоставилъ совершенно распоряженіямъ оберъ-полицеймейстера. Эртель былъ человѣкъ живой, веселый, дѣятельный и совсѣмъ немстительный; онъ симъ раздѣломъ остался совершенно доволенъ, сталъ любезничать съ начальникомъ, угождать ему и, чтобы скрѣпить съ нимъ союзъ, испросилъ у него позволенія представить отставнаго, любимаго его адъютанта къ должности полицеймейстера, что̀ онъ и сдѣлалъ прямо отъ себя.

Когда, бывало, попадешь на Эртеля, то трудно отъ него отвязаться, и потому долженъ я еще нѣсколько объ немъ поговорить. Москва весьма его не любила, потому что не любила Павла и никогда не любила большаго порядка. Всѣ знали, сверхъ того, что онъ часто дѣлалъ тайныя донесенія о состояніи умовъ въ старой столицѣ; всякій могъ опасаться сдѣлаться предметомъ обвиненія неотразимаго, часто ложнаго, всегда незаконнаго. и хотя нельзя было указать ни на одинъ примѣръ человѣка чрезъ него пострадавшаго, но ужасъ невидимой гибели, который вокругъ себя распространяютъ такого рода люди, самымъ непріязненнымъ образомъ располагалъ къ нему жителей Москвы. Но они не могли однакоже не согласиться, что цѣль хорошей полиціи, спокойствіе ихъ, была совершенно при немъ достигнута. Въ немъ была врожденная страсть настигать и хватать разбойниковъ и плутовъ, столь же сильная какъ въ кошкѣ ловить крысъ и мышей. Никакой воръ, никакое воровство не могли отъ него укрыться; можно вездѣ было наконецъ держать двери на отперти; ни одинъ большой съѣздъ, ни одно народное увеселеніе не ознаменовались при немъ несчастнымъ

приключеніемъ; на пожарахъ пламень какъ будто гаснулъ отъ его приближенія. Онъ былъ совсѣмъ неспѣсивъ, въ обхожденіи нецеремоненъ и негрубъ, но только жестокъ съ людьми, хотя бы дворянами, коихъ мошенничество было доказано.

Главная, непростительная вина его въ глазахъ Москвичей было строгое наблюденіе за сохраненіемъ странныхъ формъ одѣянія, предписанныхъ императоромъ. Москва разнообразна, пестра и причудлива какъ сама природа: гнуть и тѣснить ее столь же трудно, какъ и безполезно. Въ ней выдуманы слова приволье, раздолье, разгулье, выражающія наклонности ея жителей. Какъ въ старину, такъ и нынѣ, никто почти изъ нихъ не мечталъ о политической свободѣ; за то всякій любилъ совершенную независимость какъ въ общественной, такъ и въ домашней жизни. Между ними и западными вольнодумцами таже разница, что̀ между поэтомъ, составившимъ себѣ идеалъ совершенства, котораго всю жизнь онъ проищетъ напрасно, и простымъ человѣкомъ, который скоро найдетъ любимую женщину, безъ великихъ затрудненій женится на ней, и преспокойно въ любви и совѣтѣ проведетъ съ нею вѣкъ. Только не касайся ихъ вседневныхъ привычекъ, ихъ безвинныхъ предразсудковъ, и Москвичи предовольны. Но коль скоро самодержавіе вздумаетъ слишкомъ распрямлять своевольную старушку, она закричитъ голосами тысячи вралей своихъ, тысячи своихъ болтуній, и правительство, если безъ уваженія, то не совсѣмъ однакоже безъ вниманія можетъ оставить безсмысленный сей шумъ. Даже въ царствованіе Павла, удары его самовластія, которые такъ мѣтко, такъ разительно на всѣхъ упадали въ Петербургѣ и въ цѣлой Россіи, смягчались надъ царственной Москвой. Капуа для всѣхъ Нѣмцевъ, она, въ нѣдрахъ своихъ, разогрѣвала ихъ холодность, развеселяла ихъ угрюмость, ослабляла ихъ строгость, уменьшала ихъ разсчетливость и....... самъ Эртель долженъ былъ по времени возчувствовать всесильное ея дѣйствіе. Но въ немъ оставалось еще довольно Нѣмецкаго, чтобы не спастись отъ ея проклятій. Голубушка-Москва любитъ маленькій безпорядокъ; она почитаетъ себя заключенною въ монастырѣ, коль скоро видитъ вокругъ себя порядокъ, слишкомъ строго соблюдаемый. Хорошо ли это? Худо ли это? Богъ знаетъ! Биронъ съ Анной Ивановной бѣжали изъ нея, Елисавета Петровна проводила въ ней половину жизни; первые терзали Россію, при послѣдней она блаженствовала.

Зять мой, человѣкъ недостаточный, поневолѣ принужденъ былъ принять должность полицеймейстера и сдѣлался весьма полезнымъ сотрудникомъ Эртеля, хотя не имѣлъ ничего съ нимъ общаго ни въ правилахъ, ни въ нравѣ. Странное дѣло, онъ съ такою же неутомимою дѣятельностію, какъ и начальникъ его, началъ преслѣдовать безпорядки,

а былъ столько же любимъ, особливо простымъ народомъ, сколько тотъ былъ ненавидимъ. Не отъ того ли, что онъ былъ Русскій? Не отъ того ли, что въ самой строгости Русскаго есть что-то добродушное? Не отъ того ли, что въ нашемъ народѣ чувство справедливости сильнѣе, чѣмъ въ высшихъ классахъ, и что простолюдинъ, пойманный въ преступленіи столь же мало видитъ врага въ исполнителѣ надъ нимъ законовъ, какъ въ камнѣ, о который онъ ушибся, неосторожно на него падая?

Обычай не дозволялъ въ старину Русскимъ боярамъ входить въ подряды и откупа, ни въ какія торговыя дѣла, а еще менѣе отдавать въ наймы палаты свои по частямъ или въ цѣлости. Какъ бы долго ни продолжалось ихъ отсутствіе, жилища ихъ должны были безъ нихъ вдовствовать и въ безмолвіи ожидать ихъ возвращенія, какъ дворцы царскіе. Друзья и родственники имѣли часто, однакоже, право безъ платы и даже безъ позволенія въ нихъ останавливаться. Барыши, золото, одно золото оставлено было людямъ среднихъ состояній въ замѣнъ блестящихъ преимуществъ, коими пользовались одни только знаменитые роды. Заслуги, щедроты монарховъ и бережливость могли только умножать достояніе бояръ. Почтенному сему предразсудку слѣдовали еще болѣе на Западѣ, пока герцогъ Орлеанскій не обратилъ жилища своего въ базаръ и подъ именемъ Королевскаго Дворца не стали разумѣть средоточія Парижской торговли. Чтобы разбогатѣть, князья и графы теперь у насъ, даже самые богатые, употребляютъ одинакія средства съ мѣщанами, строятъ пивоварни, торгуютъ въ кабакахъ и все-таки предъ послѣдними кичатся своими громкими именами; возможно ли, чтобъ ихъ уважали? Поклоненіе златому тельцу равняетъ всѣ состоянія. Не такъ было при Павлѣ, лѣтъ сорокъ тому назадъ. У графа Салтыкова было въ Москвѣ три дома; въ одномъ, на Дмитровкѣ, жила дочь его, г-жа Мятлева съ семействомъ; другой, загородный, служилъ ему для прогулокъ, а третій, маленькій каменный у Тверскихъ воротъ, подлѣ церкви Димитрія Селунскаго, стоялъ совсѣмъ пустой. При новой должности Алексѣева не было положено казенной квартиры; желая избавить его отъ убытковъ наемной, графиня Салтыкова, которой принадлежалъ собственно послѣдній изъ сихъ домовъ, предложила ему помѣститься въ немъ, и мы переѣхали въ него около половины Ноября.

Я тогда вблизи увидѣлъ полицейскую жизнь и чиновниковъ полиціи. Въ Москвѣ въ то время, когда не было столько роскоши, столько потребностей и слѣдственно такой жадности къ прибыли, полицейскіе чиновники, обезпеченные доходами, которые почитались почти законными, не прибѣгали къ ужаснымъ, притѣснительнымъ средствамъ,

чтобъ у бѣдныхъ обывателей выжимать деньги. Частные пристава жили роскошнѣе полицеймейстеровъ, и никто не ставилъ имъ этого въ вину. То чтó называется нынѣ красть, называлось тогда брать и было дѣйствительно болѣе добровольнымъ даромъ, чѣмъ грабежомъ. Отъ лицъ, какъ слышалъ я, они ничего не принимали; а только общества торговцевъ, мастеровыхъ, въ ихъ части живущихъ, дѣлали между собою умѣренныя складки и по большимъ праздникамъ подносили имъ въ видѣ почтительныхъ приношенiй. Почитая себя нѣкоторымъ образомъ честными людьми, они съ успокоенною совѣстiю могли безпристрастно исполнять свои обязанности; общее же мнѣнiе въ Москвѣ никогда ихъ не клеймило, и бѣдные дворяне, армейскiе офицеры, съ честiю служившiе, могли безъ стыда принимать полицейскiя должности.

Имѣя офицерское званiе, мнѣ казалось, что я въ правѣ почитать себя совершеннолѣтнимъ. Отецъ мой, который опредѣленiемъ меня въ службу болѣе всѣхъ былъ обрадованъ, въ письмахъ своихъ перемѣнилъ со мною тонъ и изъ Филипушекъ произвелъ меня въ Филипы Филиповичи; только въ письмахъ и устахъ матери моей долго сохранялъ я еще дѣтское свое имя. Первый разъ въ жизни получилъ я деньги на собственныя, безотчетныя издержки; мнѣ прислали сто рублей, огромную сумму, изъ которой употребленiе я не скоро началъ дѣлать, желая все прiобрѣсть и не умѣя рѣшиться въ выборѣ. Послѣ того прискорбно мнѣ было замѣтить, что узда только опущена, а не совсѣмъ снята еще съ меня: я все еще оставался подъ строгимъ надзоромъ сестры и брата. Впрочемъ, важный шагъ сдѣланъ: мнѣ позволено ходить по улицамъ безъ сопровожденiя слуги, чего дотолѣ не было; отъ дурной привычки страхъ вмѣстѣ съ радостiю ощутилъ я, когда въ первый разъ увидѣлъ себя такимъ образомъ на свободѣ.

Отлучаясь, долженъ я былъ однакоже всякiй разъ спрашиваться и сказывать, куда иду. Три раза въ продолженiи зимы воспользовался я такими позволенiями, чтобы видѣть Московскiй театръ, не знаю зачѣмъ названный Петровскимъ, ибо во всемъ городѣ былъ онъ тогда одинъ *). Играли на немъ одни только Русскiе актеры. Изъ нихъ чета Сандуновыхъ болѣе всѣхъ приманивала публику; мужъ игралъ лакейскiя роли въ комедiяхъ, а жена была примадонной въ оперѣ; ни тотъ, ни другой мнѣ что-то не понравились. Думая искусно подражать природѣ, Сандуновъ былъ чрезвычайно подлъ на сценѣ; а жена, лѣтъ

*) Онъ сгорѣлъ еще до большаго пожара 1812 года, а въ 1823 перестроенъ въ увеличенномъ размѣрѣ.

двадцати пяти, не болѣе, почитаемая красавицей, казалась гораздо старѣе, ибо имѣла большія, правильныя черты, черные глаза и волосы, Римскій носъ, и была чрезвычайно дородна. Играя почти всегда роли молодыхъ дѣвочекъ, она была довольно отвратительна; сверхъ того, имѣла привычку часто хохотать самымъ непристойнымъ образомъ. Голосъ ея былъ силенъ, чистъ, но не имѣлъ для меня ни малѣйшей пріятности.

Въ комедіяхъ, драмахъ и трагедіяхъ замѣчательны были Плавильщиковъ и Померанцевъ. Первый—литераторъ и актеръ, занималъ главныя роли и по моему былъ очень дуренъ, хотя ему и рукоплескали. Послѣдній превосходно игралъ стариковъ; онъ имѣлъ благородную осанку, нѣжный и трогательный голосъ и, если можно такъ сказать, всю прелесть маститости, настоящей или искусственной. Главная трагическая актриса была госпожа Сахарова. Пусть представятъ себѣ Дидоной Рязанскую или Симбирскую помѣщицу, уже пожилыхъ лѣтъ, мало знакомую съ столицей и великую охотницу декламировать стихи: это была Сахарова. Какъ въ дочери госпожи Синявской, первой женщины, которая у насъ въ Россіи согласилась выступить на сцену и нѣкогда блистала въ *Хоревѣ*, въ *Синавѣ* и *Труворѣ*, въ ней особенно уважалась кулисная ея знатность.

Болѣе изъ тщеславія чѣмъ изъ охоты, многіе богатые помѣщики составляли изъ крѣпостныхъ людей своихъ оркестры и заводили цѣлыя труппы актеровъ, которые, какъ говорили тогда въ насмѣшку, ломали передъ ними камедь. Когда дѣла ихъ разстраивались, они слугъ своихъ заставляли въ губернскихъ городахъ играть за деньги; одинъ между ними, г. Столыпинъ, нашелъ, что выгоднѣе отдать свою труппу внаймы на Московскій театръ, который тогда не находился въ казенномъ управленіи. Содержатель его былъ нѣкто Медоксъ—Жидъ *), вѣроятно, крещеный. Умѣренная плата симъ лицедѣямъ, жалкое одѣяніе, въ коемъ являлись они передъ зрителями, соотвѣтствовали ихъ талантамъ. Все это было ниже посредственности. Жидъ, видно, былъ не очень разсчетливъ; и какъ было ему не раззориться? Всѣ три раза, что зимой я былъ въ театрѣ, видѣлъ я почти пустой партеръ. Когда я слышу строгія замѣчанія критиковъ на нынѣшній Московскій театръ, мнѣ всегда досадно: я вспомню прежній и нахожу, что одного столѣтія мало, чтобы произвесть удивительную между ними разницу.

Въ эту зиму увидѣлъ я и Московскіе балы; два раза былъ я въ Благородномъ Собраніи. Зданіе его построено близъ Кремля, въ центрѣ Москвы, которая сама почитается средоточіемъ нашего отечества. Не одно Московское дворянство, но и дворяне всѣхъ почти Великорос-

*) Медоксъ былъ происхожденія англійскаго. П. В.

сійскихъ губерній, стекались сюда каждую зиму, чтобы повеселить въ немъ женъ и дочерей. Въ огромной его залѣ, какъ въ величественномъ храмѣ, какъ въ сердцѣ Россіи, поставленъ былъ кумиръ Екатерины, и никакая зависть къ ея памяти не могла его исторгнуть. Чертогъ въ три яруса, весь бѣлый, весь въ колоннахъ, отъ яркаго освѣщенія весь какъ въ огнѣ горящій, тысячи толпящихся въ немъ посѣтителей и посѣтительницъ, въ лучшихъ нарядахъ, гремящіе въ немъ хоры музыки, и въ концѣ его, на нѣкоторомъ возвышеніи, улыбающійся всеобщему веселью мраморный ликъ Екатерины, какъ во дни ея жизни и нашего блаженства! Симъ чудеснымъ зрѣлищемъ я былъ пораженъ, очарованъ. Когда первое удивленіе прошло, я началъ пристальнѣе разсматривать безчисленное общество, въ коемъ находился; сколько прекрасныхъ лицъ, сколько важныхъ фигуръ и сколько блестящихъ нарядовъ! Но еще болѣе, сколько странныхъ рожъ и одѣяній!

Помѣщики сосѣдственныхъ губерній почитали обязанностію каждый годъ, въ Декабрѣ, со всѣмъ семействомъ отправляться изъ деревни, на собственныхъ лошадяхъ, и пріѣзжать въ Москву около Рождества, а на первой недѣлѣ поста возвращаться опять въ деревню. Сіи поѣздки имъ недорого стоили. Имъ предшествовали обыкновенно на крестьянскихъ лошадяхъ длинные обозы съ замороженными поросятами, гусями и курами, съ крупою, мукою и масломъ, со всѣми жизненными припасами. Каждаго ожидалъ собственный деревянный домъ, неприхотливо убранный, съ широкимъ дворомъ и садомъ безъ дорожекъ, заглохшимъ крапивой, но гдѣ можно было, однакоже, найти дюжину дикихъ яблонь и сотню кустовъ малины и смородины. Все Замоскворѣчье было застроено сими помѣщичьими домами. Въ короткое время ихъ пребыванія въ Москвѣ, они не успѣвали дѣлать новыхъ знакомствъ и жили между собою въ обществѣ пріѣзжихъ, деревенскихъ сосѣдей: каждая губернія имѣла свой особый кругъ. Но по Четвергамъ всѣ они соединялись въ большомъ кругу Благороднаго Собранія; тутъ увидятъ они статсъ-дамъ съ портретами, фрейлинъ съ вензелями, а сколько лентъ, сколько крестовъ, сколько богатыхъ одеждъ и алмазовъ! Есть про что цѣлые девять мѣсяцевъ разсказывать въ уѣздѣ, и все это съ удивленіемъ, безъ зависти: недосягаемою для нихъ высотою знати они любовались, какъ путешественникъ блестящею вершиной Эльбруса.

Не одно маленькое тщеславіе проводить вечера вмѣстѣ съ высшими представителями Россійскаго дворянства привлекало ихъ въ Собраніе. Нѣтъ почти Русской семьи, въ которой бы не было полдюжины дочерей: авось ли Дунюшка или Параша приглянутся какому-нибудь хорошему человѣку! Но если хорошій человѣкъ не знакомъ ни-

кому изъ ихъ знакомыхъ, какъ быть? И на это есть средство. Въ старину (не знаю, можетъ быть и теперь) существовало въ Москвѣ цѣлое сословіе свахъ; имъ сообщались лѣта невѣстъ, описи приданаго и брачныя условія; къ нимъ можно было прямо адресоваться, и онѣ договаривали родителямъ все то, что̀ въ Собраніи не могли высказать дѣвицѣ одни только взгляды жениха. Пусть другіе смѣются, а въ простотѣ сихъ дѣдовскихъ нравовъ я вижу что-то трогательное. Для любопытныхъ наблюдателей было много пищи въ сихъ собраніяхъ; они могли легко замѣтить озабоченныхъ матерей, идущихъ объ руку съ дочерьми, и прочитать въ глазахъ ихъ безпокойную мысль, что можетъ быть въ сію минуту рѣшается ихъ участь; по веселому добродушію на лицахъ провинціяловъ легко можно было отличить ихъ отъ постоянныхъ жителей Москвы.

Московское Благородное Собраніе существуетъ и понынѣ; зала его удивляетъ попрежнему простотою величія, попрежнему украшается единственно изображеніемъ Екатерины, но увы! она уже не форумъ Русскаго дворянства: почти весь годъ стоитъ она пустая; только разъ или два, по случаю пріѣзда царя, или другаго какого торжества, наполняется она опять людьми, но уже не въ такомъ числѣ, въ какомъ прежде собирались они въ нее еженедѣльно. Двѣнадцатый годъ болѣе всего сему Собранію нанесъ рѣшительный ударъ.

Если Москва не изобильна была публичными увеселеніями для образованнаго класса людей, то зато ни въ одномъ городѣ не было столько партикулярныхъ баловъ. Ни одного я не видалъ, меня никуда не звали, а я не имѣлъ ни воли, ни желанія куда-либо самъ называться. Партикулярнымъ баломъ нельзя почитать тотъ, на который и я былъ приглашенъ и который данъ былъ графомъ Салтыковымъ 6 Ноября, послѣдній день, въ который праздновали восшествіе на престолъ императора Павла. Тутъ было нѣчто официяльное; неявка на сей балъ, особенно для знатныхъ и чиновныхъ людей, могла бы почесться неуваженіемъ къ особѣ царя. А никогда еще Москва, какъ въ это время, не была наполнена такими людьми, коихъ у насъ называютъ вельможами, то-есть тѣхъ, кои съ высокимъ чиномъ соединяютъ знаменитость заслугъ, блестящій титулъ и огромное состояніе, и живутъ соотвѣтственно своему сану. Одни, обремененные лѣтами, при Екатеринѣ еще сошли съ поприща, чтобъ успокоиться въ градѣ бояръ; другіе, при Павлѣ, или сами поспѣшили оставить службу, или были отставлены съ позволеніемъ жить, гдѣ пожелаютъ. Всѣ они предстали тутъ, сіи нѣкогда мужи войны и совѣта, съ своими сѣдинами и Андреевскими лентами. Тутъ увидѣлъ я фельдмаршала Каменскаго, бывшаго канцлера Остермана съ братомъ, Еропкина, избавителя Мос-

квы отъ чумы, и прежняго ея начальника Юрія Долгорукаго, оберъ-камергера князя Голицына, обоихъ братьевъ Куракиныхъ, бывшихъ вице-канцлера и генералъ-прокурора, и многихъ другихъ. Не принимая участія въ игрѣ, почти всѣ они сѣли полукружіемъ, и я съ почтительнымъ вниманіемъ смотрѣлъ на сонмъ опальныхъ бояръ, какъ на галерею историческихъ портретовъ. Еслибы не было пляски, то можно было бы вообразить себѣ, что они собрались въ думу для совѣщаній о дѣлахъ государственныхъ.

Девятнадцатое столѣтіе началось для меня довольно счастливо. Въ Генварѣ 1801 года произвели меня въ переводчики коллегіи, то-есть въ 10-й классъ, безъ заслугъ, безъ покровительства, а только для того, чтобъ очистить мѣсто желающимъ поступить въ опредѣленное число юнкеровъ. Изъ новонабранныхъ двое имѣли довольно оригинальности, чтобы найти мѣсто въ сихъ Запискахъ.

Молва уже говорила намъ объ одномъ князѣ Козловскомъ, молодомъ мудрецѣ, который имѣлъ намѣреніе опредѣлиться къ намъ въ товарищи, и мы съ любопытствомъ ожидали обѣщанное намъ чудо. Вмѣсто чуда увидѣли мы просто чудака. Правда, толщина не по лѣтамъ, въ голосѣ и походкѣ натуральная важность, а на лицѣ удивительное сходство съ портретами Бурбоновъ старшей линіи, заставили сначала самого г. Бантыша-Каменскаго принять его съ нѣкоторымъ уваженіемъ; разглядѣвъ же его пристальнѣе, узнали мы въ немъ совсѣмъ не педанта, но добраго малаго, сообщительнаго, веселаго и даже легкомысленнаго. Способностей въ немъ было много, учености никакой, даже познаній весьма мало; но онъ славно говорилъ по-французски и порядочно писалъ Русскіе стихи. Откормленный, румяный, онъ всегда смѣялся и смѣшилъ, имѣлъ, однакоже, искусство, не давать себя осмѣивать, несмотря на свое обжорство и умышленный цинизмъ въ нарядѣ, коимъ прикрывалъ онъ бѣдность или скупость родителей.

Оставаясь въ Россіи, добросовѣстно, усердно посвящая себя занятіямъ по какой-либо части управленія, князь Козловскій могъ бы, наконецъ, быть однимъ изъ полезныхъ людей государства. Но онъ въ первой молодости получилъ мѣсто за границей, находился при разныхъ миссіяхъ и нѣсколько лѣтъ въ Сардиніи раздѣлялъ ссылку Сардинскаго короля, при коемъ былъ посланникомъ. Въ послѣдствіи, когда онъ былъ въ Штутгардтѣ, неосновательность его поступковъ заставила правительство отозвать его; но, сдѣлавшись совершенно чуждъ своему отечеству, онъ не захотѣлъ въ него возвратиться. Несчастный, но не первый примѣръ, встрѣчаемый между нашими земляками, для коихъ навыки заграничной жизни дороже родины, священнѣе всѣхъ обязанностей. На это смотрѣли у насъ доселѣ съ преступнымъ равно-

душіемъ. Пользуясь во Франціи приличнымъ содержаніемъ, которое оставило ему правительство, князь Козловскій казался жертвой, прослылъ чуть ли не геніемъ, коему не умѣютъ отдавать справедливость. У кого хороша память и кто много читаетъ, тому куда какъ легко быть геніемъ въ наше время, когда говорится и пишется такъ много умнаго! Необходимость принудила недавно Козловскаго посѣтить Петербургъ, и ему дивились, какъ всему заграничному. Мнѣ казалось, что я вижу предъ собой густую массу, которая болѣе тридцати лѣтъ каталась по Европѣ, получила почти шарообразный видъ и, какъ гіероглифами, вся испещрена идеями, для насъ уже не новыми, и множествомъ несогласныхъ между собою чужихъ мнѣній, которыя по клейкости ея такъ удобно къ ней приставали. Теперь масса сія въ совершенномъ бездѣйствіи остановилась въ Варшавѣ (все-таки какъ будто не въ Россіи) и сохраняется тамъ благодѣяніями презираемаго ею отечества.

Другой новобранникъ былъ Макаровъ, человѣкъ смирный, но не спокойный, ибо тогда уже былъ мучимъ желаніемъ прославиться въ литературѣ. Онъ, Данаида нашей словесности, болѣе тридцати пяти лѣтъ льетъ чернила, наполняетъ журналы и ни на шагъ не подвигается ни въ искусствѣ, ни въ знаменитости. Вообще между тогдашними архивными юношами было довольно талантовъ въ зернѣ; отъ чего, не созрѣвъ, они гибли? Богъ вѣсть, обстоятельства ли и недостатки воспитанія препятствовали ихъ развитію? Обѣщали многіе, а одинъ только сдержалъ слово.

Скоро узнали мы вѣсть непріятную для нашего чинолюбія: далѣе мы ничего не видѣли. Къ концу Февраля графъ Растопчинъ былъ отставленъ, а на его мѣсто первоприсутствующимъ въ Иностранной Коллегіи и начальствующимъ надъ почтовою частію былъ назначенъ графъ Паленъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ сохранялъ и должность Петербургскаго военнаго губернатора. Внезапныя немилости Павла давно уже перестали удивлять; но удаленіе вѣрнѣйшаго, изъ преданныхъ ему, человѣка, который въ продолженіе всего царствованія его ни на минуту не переставалъ пользоваться его довѣренностію, опытнымъ людямъ казалось худымъ предзнаменованіемъ для самого царя; эта перемѣна, по мнѣнію ихъ, должна была повлечь за собою другія важнѣйшія перемѣны. И они не ошиблись, какъ это теперь всѣмъ извѣстно.

XVII.

Опять вступаетъ Россія въ новую блистательную эпоху, въ новый міръ, сначала столь очаровательный. Съ обыкновеннымъ любопытствомъ и необычайнымъ страхомъ ожидала Москва видѣть императора въ половинѣ Мая, на большихъ маневрахъ, которые къ тому времени приготовлялись въ ея окрестностяхъ....

Необыкновенно раннее открытіе весны предшествовало раннему Свѣтлому Воскресенію: еще до половины Марта снѣгъ началъ исчезать, и наступила ясная, совершенно теплая погода. Въ Пятницу на Вербной недѣлѣ, 15 Марта, былъ я въ архивѣ; становилось поздно, многіе уже разошлись по домамъ; изъ начальниковъ оставался одинъ только г. Бантышъ-Каменскій, разбирая какія-то рукописи. Вдругъ вбѣгаетъ меньшой Тургеневъ въ радостномъ изумленіи, краснѣя, только не отъ застѣнчивости, и прерывающимся голосомъ объявляетъ намъ, что Павла нѣтъ уже на свѣтѣ и что царствуетъ Александръ. «Что ты говоришь!» воскликнулъ Каменскій и съ ужасомъ перекрестился. Тотъ продолжаетъ разсказывать нижеслѣдующее.

Проѣзжая черезъ Кремль, онъ увидѣлъ толпу народа вокругъ Успенскаго собора; желая узнать причину такого стеченія, онъ втиснулся во храмъ и нашелъ въ немъ графа Салтыкова съ другими главными должностными лицами, которыя присягаютъ новому императору. Болѣе всего онъ замѣтилъ двухъ генераловъ въ Анненскихъ лентахъ, неумытыхъ, невыбритыхъ, забрызганныхъ грязью. Ему сказали, что одинъ изъ нихъ князь Сергій Долгоруковъ, который привезъ манифестъ о кончинѣ Павла и о воцареніи Александра, а другой бывшій оберъ-полицеймейстеръ Каверинъ, присланный смѣнить Эртеля и вступить въ прежнюю должность. Къ тому прибавили, что видѣли ихъ вмѣстѣ на одной перекладной телѣгѣ скачущими отъ Тверской заставы до дому главнокомандующаго, и что всѣхъ встрѣчающихся они какъ будто взорами поздравляли и привѣтствовали.

Никакого не осталось сомнѣнія. Но какъ это случилось? Онъ даже не былъ боленъ! Все это надѣялся узнать я дóма и поспѣшилъ уйти. Отъ Покровки до Тверскихъ воротъ путь не близокъ; я долженъ былъ сдѣлать его пѣшкомъ, ибо денегъ на извощика у меня не было, и вѣроятно въ тревогѣ забыли прислать за мною лошадь. Я болѣе бѣжалъ, чѣмъ шелъ; однакоже внимательно смотрѣлъ на всѣхъ попадавшихся мнѣ въ простыхъ армякахъ, равно какъ и на людей порядочно-одѣтыхъ. Замѣтно было, что важная вѣсть разнесена по всѣмъ частямъ города и уже не тайна для самаго простаго народа. Это одно

изъ тѣхъ воспоминаній, которыхъ время никогда истребить не можетъ: нѣмая, всеобщая радость, освѣщаемая яркимъ весеннимъ солнцемъ. Возвратившись домой, я никакъ не могъ добиться толку: знакомые безпрестанно пріѣзжали и уѣзжали, всѣ говорили въ одно время, всѣ обнимались, какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія; ни слова о покойномъ, чтобы и минутно не помрачить сердечнаго веселія, которое горѣло во всѣхъ глазахъ; ни слова о прошедшемъ, все о настоящемъ и будущемъ. Сей день, столь вождѣленный для всѣхъ, казался вѣстовщикамъ и вѣстовщицамъ особенно благополучнымъ: вездѣ принимали ихъ съ отверстыми объятіями.

Кто бы могъ повѣрить? На восторги, коими наполнена была древняя столица, смотрѣлъ я съ чувствомъ неизъяснимой грусти. Я не зналъ еще...., что вся Россія, торжествующая сіе событіе, принимаетъ за него на себя отвѣтственность; но тайный голосъ какъ будто нашептывалъ мнѣ, что будущее мнѣ и моимъ мало сулитъ радости и что въ немъ бѣдствія и успѣхи, слава и униженіе равно ожидаютъ мое отечество. Я вспомнилъ, что изъ наградъ и милостей, кои бросалъ покойный безъ счету и безъ мѣры на извѣстныхъ и неизвѣстныхъ ему, по заслугамъ или безъ заслугъ, упали на меня два чина, а благодарность — ярмо, отъ котораго я никогда не умѣлъ и не хотѣлъ освобождаться, и я, признаюсь, вздохнулъ о Павлѣ. Сообщить моихъ мыслей, разумѣется, было никакъ невозможно: во мнѣ бы увидѣли сумасшедшаго или общаго врага.

На другой день, 16 числа, къ вечеру, наканунѣ Вербнаго Воскресенія, въ Охотномъ ряду, вокругъ Кремля и Китая, гдѣ продавали вербы, не доставало только качелей, чтобы увидѣть гулянье, которое бываетъ на Святой недѣлѣ: народъ веселился, а отъ каретъ, колясокъ и дрожекъ цѣлой Москвы заперлись сосѣднія улицы....

...Время, все истребляющее, все болѣе и болѣе покрываетъ забвеніемъ странности сего несчастнаго царствованія; послѣдніе памятники его—укрѣпленія Михайловскаго зàмка и шутовской нарядъ Брызгалова *)—недавно исчезли. Стариковъ, которые были свидѣтелями происшествій и могли основательно судить объ нихъ, остается мало. Для насъ, тогда несовершеннолѣтнихъ, воспоминаніе о семъ времени тоже что́ о краткомъ, удушливомъ снѣ, о кошмарѣ, который мы забыли, коль скоро пересталъ онъ давить насъ. Новыя же поколѣнія, внимая разсказамъ, видятъ болѣе смѣшную, чѣмъ ужасную сторону сей эпохи, чрезъ которую прошло ихъ отечество....

*) Бывшій кастелянъ Михайловскаго зàмка, чудакъ, болѣе тридцати лѣтъ не снимавшій костюмъ или придворную ливрею, которую носилъ при Павлѣ: малиновый мундиръ, шире и длиннѣе всякаго сертука, съ золотыми позументами, бахромою и кистями.

Итакъ, вдали отъ причинъ ненависти и любви, можно, кажется, безпристрастно судить теперь о человѣкѣ, который.... былъ нашъ Людовикъ XIV-й. Слово сего послѣдняго, которое нынѣ всѣхъ возмущаетъ—l'état c'est moi—принялъ онъ въ точномъ смыслѣ....

Подобно Людовику XI-му имѣлъ онъ своего любимца-брадобрѣя, своего Olivier le Daim; но если далеко стоитъ онъ отъ него въ жестокостяхъ, то еще гораздо далѣе въ искусствѣ правительственномъ. Какая цѣль была у Павла Перваго? Какія препятствія встрѣчалъ онъ? Внутри государства, гдѣ были могущественные враги, коихъ надлежало ему сокрушить для собственной безопасности? Благоустроенное, спокойное, сильное, великое государство получилъ онъ въ наслѣдство отъ той, коей обязанъ былъ жизнію; не терновый, а самый блестящій вѣнецъ оставила ему Екатерина. Чтó еслибы онъ жилъ во времена Людовика XI-го и былъ въ подобныхъ ему обстоятельствахъ!....

Въ наружной политикѣ тоже чтó и во внутреннемъ управленіи: никакой предусмотрительности, никакихъ видовъ, никакой осторожности; одни только царскія его личности. Онъ золъ на революцію и посылаетъ Суворова въ Италію, разсердился на Австрію и приказываетъ арміи воротиться, прогнѣвался на Англію и преждевременно грозитъ ей, а она, какъ увѣряютъ, безъ угрозъ его губитъ. Дѣйствуя безъ всякихъ правилъ, безъ всякаго плана, по однимъ внезапнымъ побужденіямъ.... знаменитому изгнаннику по праву рожденія, королю Французскому, которому далъ онъ убѣжище въ Митавѣ, безъ всякой политической причины велитъ безжалостно въ одни сутки оставить свои владѣнія; посѣтившаго его гостя, короля Шведскаго Густава IV-го, по одному капризу, высылаетъ изъ Петербурга. Онъ жилъ славою и силою Екатерины. Она ихъ стяжала; а онъ, какъ расточительный наслѣдникъ, скоро умѣлъ бы ихъ утратить....

...Сострадание, признательность, а пуще всего всегдашняя наклонность не покоряться безусловно общему мнѣнію заставляли меня нѣкоторое время быть его защитникомъ. Въ четыре года съ половиною дѣтскаго возраста привыкъ я къ треволненіямъ его царствованія; всякій могъ почитать себя наканунѣ гибели или быстраго повышенія, а эта живость, это лихорадочное состояніе юношеству не совсѣмъ бываетъ противно. Но теперь, какъ начну припоминать безчисленныя, несносныя обиды, какъ общія, такъ и частныя, нанесенныя Россіи и Русскимъ, то трудно бываетъ мнѣ воздержаться отъ глубокаго негодованія.

Сіи поминки Павлу Первому суть послѣднія, которыя я себѣ позволю. Гораздо пріятнѣе мнѣ будетъ говорить о восторгахъ, коими привѣтствовали зарю, весну новаго царствованія.

Послѣ четырехъ лѣтъ, воскресаетъ Екатерина отъ гроба, въ прекрасномъ юношѣ. Чадо ея сердца, милый внукъ ея, возвѣщаетъ манифестомъ, что возвратитъ намъ ея времена. Увидимъ послѣ, какъ сдержалъ онъ сіе обѣщаніе.

Но нѣтъ: даже и при ней не знали того чувства благосостоянія, коимъ объята была вся Россія въ первые шесть мѣсяцевъ владычества Александра. Любовь ею управляла, и свобода вмѣстѣ съ порядкомъ водворялись въ ней. Не знаю какъ описать то, что̀ происходило тогда; всѣ чувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе.

Приписать сіе должно отчасти хорошему выбору людей, коими всемогущій тогда графъ Паленъ окружилъ молодаго императора. Всѣ они были употребляемы и уважаемы его бабкою. Беклешовъ, Мордвиновъ, Трощинскій, благонамѣренные, умные и опытные люди заняли тогда важнѣйшія мѣста въ государствѣ. Только три человѣка принесены въ жертву общему негодованію: Обольяниновъ, Кутайсовъ и Эртель. Они уволены отъ службы безъ всякихъ преслѣдованій; первые два никогда въ нее болѣе не вступали, послѣдній не одинъ разъ потомъ правительству пригождался.

Первое употребленіе, которое сдѣлали молодые люди изъ данной имъ воли, была перемѣна костюма: не прошло двухъ дней послѣ извѣстія о кончинѣ Павла, круглыя шляпы явились на улицахъ; дня черезъ четыре стали показываться фраки, панталоны и жилеты, хотя запрещеніе съ нихъ не было снято; впрочемъ, и въ Петербургѣ всѣ перерядились въ нѣсколько дней. Къ концу Апрѣля кое-гдѣ еще встрѣчались старинные однобортные кафтаны и камзолы, и то на людяхъ самыхъ бѣдныхъ.

Въ военномъ нарядѣ сдѣланы перемѣны гораздо примѣчательнѣйшія: широкіе и длинные мундиры перешиты въ узкіе и черезъ мѣру короткіе, едва покрывающіе грудь; низкіе отложные воротники сдѣлались стоячими и до того возвысились, что голова казалась въ ящикѣ, и трудно было ее поворачивать. Перешли изъ одной крайности въ другую, и всѣ восхищались новою обмундировкой, которая теперь показалась бы весьма странною. Со временъ Петра Великаго зеленый цвѣтъ былъ національнымъ въ Русской арміи, но до Павла употреблялся одинъ только свѣтлый; преемникъ сохранилъ введенный имъ темно-зеленый цвѣтъ.

Траура въ Москвѣ подъ разными предлогами почти никто не носилъ. Да и лучше сказать, въ траурномъ платьѣ я помню одну только вдову генералъ-лейтенантшу Акулину Борисовну Кемпенъ, одну изъ нашихъ Кіевскихъ знакомокъ, которая въ первомъ замужествѣ

была за Московскимъ купцомъ Дудышкинымъ и оттого чрезвычайно гордилась потомъ своимъ чиномъ. Не смотря на необъятную толщину свою, она все лѣто прѣла подъ черною байкой, для того чтобъ имѣть удовольствіе показывать шлейфъ чрезмѣрной длины.

Въ Апрѣлѣ все пришло въ движеніе. Не смотря на распутицу, на разлитіе рѣкъ, на время самое неблагопріятное для путешествій, всѣ дороги покрылись путешественниками: изгнанники спѣшили возвращаться изъ мѣстъ заточенія, отставные или выключенные потянулись толпами, чтобы проситься въ службу, весьма многіе поскакали за тѣмъ только въ Петербургъ, чтобы полюбоваться царемъ. Исключая дѣйствительно порочныхъ и виновныхъ, всѣ желавшіе вступить въ службу были безъ затрудненія въ нее принимаемы. Сотнямъ нажалованныхъ и потомъ выброшенныхъ генераловъ невозможно было дать мѣстъ по чину: имъ велѣно числиться по арміи съ жалованьемъ, въ ожиданіи назначенія; во всѣхъ полкахъ удвоился и утроился комплектъ штабъ-и оберъ-офицеровъ. Сначала средній братъ мой поступилъ въ Малороссійскій кирасирскій полкъ, а потомъ мѣсяца два спустя и старшій опредѣленъ въ провіантскій штатъ. Онъ было пытался проситься въ армію, хотя состояніе здоровья его не позволяло тогда думать ему о фронтѣ; но ему отказали, ибо число просящихся подъ конецъ такъ увеличилось, что не было возможности удовлетворять ихъ желаній. По молодости лѣтъ ему хотѣлось однакоже носить военный мундиръ, который тогда былъ присвоенъ провіантскому вѣдомству; итакъ, несмотря на худую славу его, рѣшился онъ въ него вступить.

Къ числу нашихъ семейныхъ происшествій въ семъ году принадлежитъ и маленькое приращеніе его: сестра моя Алексѣева въ Апрѣлѣ родила втораго и послѣдняго сына своего Николая.

Первые три мѣсяца послѣ кончины Павла графъ Паленъ.... хотѣлъ быть главою государства; старый, преступный временщикъ былъ однакоже обманутъ притворною скромностію молодаго царя и въ одинъ мигъ съ высоты могущества низринутъ въ ссылку. Сей первый примѣръ искусства и рѣшимости новаго государя, боготворимаго и угрожаемаго въ одно время и коего положеніе было не безъ затрудненій, могъ бы удивить и при Павлѣ, когда такія извѣстія почитались самыми обыкновенными. Но Москва и Россія утопали тогда въ веселіи; сіе важное происшествіе едва было замѣчено людьми еще хмѣльными отъ радости. Вице-канцлеръ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ сдѣлался тогда нашимъ единственнымъ начальникомъ въ Иностранной Коллегіи.

Мы почти не видали, какъ прошло лѣто. Нѣкоторую онаго часть провелъ я за городомъ, въ Мареинѣ, деревнѣ графа Салтыкова. Отецъ

и дѣдъ его, Петръ Семеновичъ и Семенъ Андреевичъ, такъ же какъ и онъ долго начальствовавшіе въ старой столицѣ, всегда живали лѣтомъ въ семъ наслѣдственномъ помѣстьѣ, которое находится въ тридцати верстахъ отъ Москвы по Дмитровской дорогѣ*). Необширный, двухъэтажный каменный домъ, кудрявой архитектуры возрожденія, стоялъ тамъ тогда на высотѣ надъ широкимъ прудомъ съ островами. Два флигеля, одинаковой вышины и въ одну линію съ нимъ построенные, соединялись съ нимъ галереями и терасами, что́, растягивая фасадъ его, давало ему видъ довольно огромный. Съ одной стороны былъ длинный, регулярный садъ съ безконечными, прямыми, липовыми аллеями, а съ другой примыкала къ нему прекрасная, густая, молодая роща, идущая внизъ по скату горы, до самаго пруда или озера. Пріемнымъ комнатамъ нижняго этажа служило украшеніемъ многочисленное собраніе старинныхъ фамильныхъ портретовъ; бо́льшая же часть верхняго, подъ именемъ оружейной, обращена была въ хранилище не только воинскихъ доспѣховъ, принадлежавшихъ предкамъ, но и всякой домашней утвари, даже платья ихъ и посуды, серебряной и фарфоровой, вышедшей изъ употребленія.

---

*) Въ Россіи со временъ Петра Великаго такіе примѣры чрезвычайно рѣдки. Къ новизнамъ, къ нововведеніямъ, къ коимъ такъ жестоко приневоливалъ онъ насъ, мы до того привыкли, что гнушаемся всякою стариной. Боярскія вотчины дѣлятся, подраздѣляются, чрезъ женщинъ переходятъ въ другіе роды, очень часто проматываются и продаются въ постороннія руки съ семейными воспоминаніями, съ древними храмами и съ гробницами предковъ. Городскіе домы сбываются сыновьями вскорѣ послѣ кончины родителей, или перестраиваются заново, чтобы не оставить и слѣдовъ прежняго варварскаго вкуса, который иногда бываетъ лучше новѣйшаго; одежда отца и дѣда, дорогія вещи имъ принадлежавшія, все что̀ могло бы напомнить о ихъ существованіи, отдается за безцѣнокъ, какъ старье, какъ ветошь; даже изъ фамильныхъ документовъ тѣ, кои не даютъ правъ на какое-нибудь владѣніе, но кои могли бы быть драгоцѣнными памятниками для потомковъ, теряются и гибнутъ отъ небрежности людей равнодушныхъ, какъ къ семейной чести, такъ и къ отечественной славѣ. У насъ нѣтъ прошедшаго. Петръ Великій отсѣкъ его у насъ, и какъ будто нѣтъ и будущаго; лишь бы стало по нашъ вѣкъ, а тамъ хоть не цвѣти Россія. Чудное дѣло! Не Татары, а Западъ, гдѣ исторія, генеалогія и майораты, сдѣлалъ насъ почти кочевымъ народомъ. Не предчувствіе ли это недолговѣчія Россіи? Неужели она, убѣжище и упованіе всѣхъ друзей порядка и тишины, не что̀ иное какъ огромный метеоръ, который столь же быстро погрузится въ глубокій мракъ, сколь свѣтло и величаво онъ вышелъ изъ него? О, помилуй, Господи! Не принадлежитъ уже Марфино роду Салтыковыхъ: графъ Владиміръ Орловъ купилъ его и отдалъ дочери своей, графинѣ Паниной, которая настроила тамъ виллы и коттеджи; теперь оно пошло переходить изъ роды въ роды. (Послѣднее не оправдалось. П. Б.).

Пріятности сего лѣтняго мѣстопребыванія умножались еще любезностію двухъ хозяекъ, самой графини Салтыковой и старшей дочери ея, Прасковьи Ивановны Мятлевой. Не знаю, откуда могли онѣ взять совершенство неподражаемаго своего тона, всю важность Русскихъ боярынь вмѣстѣ съ непринужденною учтивостію, съ точностію приличій, которыми отличались дюшесы прежнихъ временъ. Еслибъ онѣ были гораздо старѣе, то можно бы было подумать, что часть молодости своей провели онѣ въ палатахъ царя Алексѣя Михайловича, съ сестрами и дочерьми его, а другую при дворѣ Лудовика XIV. Ни развратно-грубая Россія отъ Петра до Екатерины, ни гнусно-развратная Франція отъ регентства до революціи, не могли показать имъ образцовъ достойныхъ ихъ подражанія. Изъ преданія обѣихъ земель составили онѣ себѣ благороднѣйшій характеръ аристократіи, смѣшавъ гостепріимство Русской старины съ образованностію временъ просвѣщеннѣйшихъ.

Великую страсть имѣла г-жа Мятлева являться на сценѣ въ домашнемъ театрѣ, разумѣется, во Французскихъ піесахъ. Бѣлосельскіе и Чернышовы, молодые путешественники, возвратившіеся съ клеймомъ Верçали и Фернея, Кобенцели и Сегюры, чужестранные посланники, отличавшіеся любезностію, ввели представленія сіи въ употребленіе при дворѣ Екатерины. Избраннѣйшее общество участвовало въ сихъ просвѣщенныхъ забавахъ, и Эрмитажъ былъ однимъ изъ каналовъ, чрезъ кои нáчало вливаться къ намъ могущество Франціи. Сюрпризы имянинникамъ были тогда также новостію и принадлежностію одного высшаго общества. Большія затѣи приготовлялись тогда въ Марѳинѣ къ 23 и 24-му Іюня, днямъ рожденія и имянинъ фельдмаршала.

Вѣроятно лицо мое выражало страсть къ театру, ибо намѣреніе завербовать меня въ число актеровъ заставило пригласить меня въ Марѳино. Но какъ не только мнѣ самому никогда не случалось играть, я всего не болѣе семи или восьми разъ бывалъ въ театрѣ: то легко можно себѣ представить, какъ при первой попыткѣ исчезли надежды на удачное мое соучастіе въ предпринимаемомъ важномъ дѣлѣ. Мнѣ, однакоже, не показали ни малѣйшаго неудовольствія; это было-бы уже слишкомъ жестоко: напротивъ, первую робость, застѣнчивость мальчика, взброшеннаго въ едва знакомый ему кругъ, дня черезъ два привѣтствіями, вниманіемъ умѣли превратить въ смѣлое, свободное обхожденіе; и какъ мнѣ все нравилось, то, кажется, я и самъ полюбился. Я не помню, чтобы гдѣ-нибудь потомъ я такъ живо, такъ искренно, такъ безвинно всѣмъ наслаждался, какъ тогда въ деревнѣ гр. Салтыкова. Начиналась только весна моей жизни, и это было въ первые мѣсяцы владычества Александра, когда въ воображеніи поддан-

ныхъ онъ былъ еще прекраснѣе чѣмъ въ существѣ, когда всѣ стремились ему уподобиться, когда исчезли ужасы, погасли зависть и вражда и, возлюбивъ другъ друга, въ единомысліи всѣ Русскіе мечтали только о добрѣ.... Въ первый разъ былъ я совершенно свободенъ, въ самое благопріятное время года, въ прекрасномъ помѣстьи, гдѣ жили непринужденно, и однѣ веселости смѣнялись другими. Можетъ быть (кто не безъ грѣха, даже и дѣти), любезность ко мнѣ семейства, которое уважалось въ Петербургѣ и коему поклонялась вся Москва, льстила моему самолюбію; можетъ быть, очарованіе маленькаго двора, къ коему начиналъ я принадлежать, сильно на меня подѣйствовало; но все вмѣстѣ исполнило меня чувствомъ такого благосостоянія, что оно выражалось у меня въ словахъ, во взглядахъ, во всѣхъ движеніяхъ. И потому-то, какъ было всѣмъ не улыбаться моей юности и моему счастію!

Графиня Салтыкова съ каждымъ днемъ становилась ко мнѣ милостивѣе. Поощряемый возрастающимъ ея снисхожденіемъ, я рѣшился разъ сказать ей со всею откровенностію, что въ Марѳинѣ я вижу убѣжище, которое равно спасаетъ меня какъ отъ весьма нетягостной власти сестры моей, такъ и отъ тяжкаго ига г. Бантыша-Каменскаго, и она обѣщалась у обоихъ испросить мнѣ дозволеніе еще на нѣкоторое время не разставаться съ моимъ эдемомъ *).

Общество наше было многочисленное. Всякій день пріѣзжали гости изъ Москвы; постоянными же жителями Марѳина были всѣ тѣ, кои должны были участвовать въ сюрпризахъ и представленіяхъ: музыканты, пѣвуны, дамы и дѣвицы, взявшія роли. Между сими послѣдними встрѣтилъ я прежнихъ своихъ знакомокъ, трехъ молоденькихъ княженъ Хованскихъ, дочерей бывшаго Кіевскаго вице-губернатора, который при Павлѣ былъ оберъ-прокуроромъ Синода, а потомъ отставленъ и сосланъ въ Симбирскъ, откуда только что воротился. Сильно забилось во мнѣ сердце при сей встрѣчѣ, и онѣ, кажется, не безъ удовольствія увидѣли товарища своего дѣтства; но взаимныя отношенія наши совсѣмъ уже перемѣнились. Въ меньшихъ я нашелъ еще простодушіе и невинность перваго возраста, но въ старшей, Наталіи, ничего уже не оставалось дѣтскаго. Въ шестнадцать лѣтъ, смѣлые ея взоры уже искали высокихъ жертвъ и, къ счастію, почти на мнѣ не

---

*) Въ это время князь Козловскій, толстый мой товарищъ по службѣ, прислалъ куплеты въ честь графа Салтыкова; на нихъ тотчасъ сдѣлали какую-ту музыку, а автора, какъ слѣдовало, пригласили на праздникъ. Каждый куплетъ оканчивался словами: „довольны мы своей судьбой, Марѳино намъ рай земной“. Онъ это написалъ, а я это чувствовалъ.

останавливались. Плѣнительный голосъ ея всѣхъ удивлялъ, и она готовилась восхищать имъ въ оперѣ Паэзіелло *La Servante Maîtresse.*

Сверхъ того, еще двѣ оперы: одна старинная Французская, *Два охотника*, и Русская *Мельникъ*, да двѣ прескучныя комедіи Маривò были представлены въ три дня, чтò продолжались Марѳинскія увеселенія. Исключая г-жи Мятлевой, которая игрой напоминала мадамъ Вальвиль, и княжны Хованской, которая пѣла и играла какъ записная артистка, всѣ прочіе мнѣ показались довольно плохи; особенно же мущины, съ своимъ Нижегородско-французскимъ выговоромъ, совсѣмъ не за свое дѣло взялись. Всего примѣчательнѣе была піеса, интермедія, прологъ или маленькій Русскій водевиль подъ названіемъ: *Только для Марѳина*, сочиненіе Карамзина. Содержаніе, сколько могу припомнить, довольно обыкновенное: деревенская любовь, соперничество, злые люди, которые препятствуютъ союзу любовниковъ, и нетерпѣливо ожидаемый пріѣздъ изъ арміи добраго господина, графа Петра Семеновича, который ихъ соединяетъ; потомъ великая радость, пѣсни и куплеты оканчиваютъ піесу. Такъ какъ всѣ роли были коротенькія, то одну изъ нихъ, роль бурмистра, мнѣ поручили. Я надѣлъ Русскій кафтанъ, привязалъ себѣ бороду и старался говорить грубымъ голосомъ. Какъ нарочно пришлось спѣть мнѣ слѣдующій куплетъ:

Будемъ жить, друзья, съ женами.
Какъ живали въ старину.
Худо быть намъ ихъ рабами,
Воля портитъ лишь жену.
Дòма имъ не посидится,
Все бы, все бы по гостямъ.
Это право не годится,
Приберемте ихъ къ рукамъ.

Вахмистръ.

Нашъ бурмистръ несетъ пустое.
Не указъ намъ старина.
Воля дѣло золотое, и проч.

Другія представленія даны были въ небольшомъ деревянномъ театрѣ, построенномъ въ саду; но мы играли днемъ, на открытомъ воздухѣ. Въ двухъ верстахъ отъ господскаго дома, среди прекрасной рощи, названной Дарьиной, поляна, состоящая изъ двухъ противоположно-идущихъ отлогостей, образовала природный театръ; сцена заключалась въ правильномъ продолговатомъ полукружіи: тутъ первый разъ въ жизни, чуть ли не въ послѣдній, являлся я передъ публикой.

Самъ Карамзинъ пріѣхалъ наканунѣ представленія, училъ насъ и даже игралъ съ нами графа Петра Семеновича Салтыкова. Я обо-

млѣлъ, когда невзначай пришлось ему сказать мнѣ нѣсколько словъ: власти и заслуженныя почести всегда вселяли во мнѣ уваженіе, но этотъ благоговѣйный страхъ могли произвесть только добродѣтели и высокій талантъ. Встрѣтившись съ симъ необычайнымъ человѣкомъ, я бросаю на время Маркинскія забавы, чтобы предаться наслажденію говорить объ немъ.

Уже былъ онъ извѣстенъ, уже былъ онъ славенъ, уже зависть и клевета въ страшное царствованіе Павла возставали, чтобъ его погубить. Но Богъ Россіи хранилъ его; подъ Его щитомъ, съ кротостію улыбаясь самимъ врагамъ своимъ, шелъ онъ спокойно, смиренно, прекрасною, цвѣтущею стезею, ведущею его къ цѣли, которую, вѣроятно, тогда еще самъ онъ не предугадывалъ. До него не было у насъ инаго слога, кромѣ высокопарнаго или площаднаго; онъ изобрѣлъ новый, благородный и простой, и написалъ имъ путешествіе свое за границу и плѣнительныя повѣсти, кои своею новостію такъ пріятно изумили Россію. Можно сказать, что онъ же создалъ и разговорный у насъ языкъ и былъ основателемъ новой школы, долго поддерживавшей лучшія правила въ литературѣ. Казалось, чего бы болѣе для обыкновеннаго авторскаго самолюбія? Но онъ не зналъ его, а твореніями своими, какъ врожденнымъ добромъ, дѣлился съ читателями. Скоро почувствовалъ онъ еще другое, высшее призваніе; скоро лавры должны были заступить мѣсто розъ, блиставшихъ на молодомъ челѣ его. Не тщетно получилъ онъ отъ природы трудолюбіе и жажду къ познаніямъ, не даромъ даны ему были пламенное сердце, высокій умъ и чистыя уста; ими предназначено ему было вѣщать современникамъ и потомству о древней, почти забытой славѣ предковъ. Онъ долженъ былъ дать новую безконечную жизнь Васильку и Мономаху, Ляпунову и Скопину Шуйскому и грозно судить грознаго царя. Промыслу угодно было, какъ въ чистѣйшемъ сосудѣ, воспалить въ немъ жаръ просвѣщенной любви къ отечеству, угасавшій между высшими сословіями отъ безразсудной страсти къ иноземному,—не грубый, самохвальный патріотизмъ провинціаловъ и невѣждъ. Слѣдуя за духомъ вѣка, напрасно завистливые соперники хотятъ затмить его славу, стараются своими помоями залить священный огонь, имъ распространенный; отъ времени до времени онъ болѣе умножается и усиливается.

Такіе люди посылаются на землю, чтобы производить въ умахъ великіе и счастливые перевороты, и онъ былъ въ Москвѣ кумиромъ всѣхъ благородно-мыслящихъ юношей и всѣхъ женщинъ истинно-чувствительныхъ. Въ тогдашнее еще чинопочитательное время, было даже нѣсколько странно видѣть стариковъ-вельможъ, почти какъ съ равнымъ, въ обхожденіи съ тридцатилѣтнимъ отставнымъ поручикомъ. Мнѣ

не нужно описывать его наружность; портреты его чрезвычайно схожи; они очень вѣрно выражаютъ глубокія думы на его челѣ и добродушіе во взорахъ его; конечно, изображенія его сохраняются у всѣхъ просвѣщенныхъ Россіянъ.

Изъ тьмы Марѳинскихъ посѣтителей выбираю я для описанія однихъ только литераторовъ. Тутъ былъ еще одинъ поэтъ, весьма извѣстный въ свое время, болѣе по странностямъ своимъ, чѣмъ по числу и изяществу произведеній. Пушкинъ (не племянникъ, а дядя) Василій Львовичъ почитался въ нѣкоторыхъ Московскихъ обществахъ, а еще болѣе почиталъ самъ себя, образцомъ хорошаго тона, любезности и щегольства. Екатерининскій офицеръ гвардіи, которая по малочисленности своей и отсутствію дисциплины могла считаться болѣе дворомъ чѣмъ войскомъ, онъ совсѣмъ не имѣлъ мужественнаго вида. Онъ казался сначала не тѣмъ чѣмъ былъ дѣйствительно, а тѣмъ чѣмъ ему хотѣлось быть; за важною его поступью и довольно гордымъ взглядомъ скрывались легкомысліе и добродушіе; въ восьмнадцать лѣтъ на званыхъ вечерахъ читалъ онъ длинныя тирады изъ трагедій Расина и Вольтера, авторовъ мало извѣстныхъ въ Россіи, и такимъ образомъ знакомилъ ее съ ними; двадцати лѣтъ на домашнихъ театрахъ игралъ уже онъ Оросмана въ *Заирѣ* и писалъ Французскіе куплеты. Какъ мало тогда надобно было для пріобрѣтенія знаменитости! Блестящее существованіе его въ свѣтѣ умножалось еще женитьбой на красавицѣ, Капитолинѣ Михайловнѣ.

Самъ онъ былъ весьма не красивъ. Рыхлое, толстѣющее туловище на жидкихъ ногахъ, косое брюхо, кривой носъ, лицо треугольникомъ, ротъ и подбородокъ à la Charles-Quint, а болѣе всего рѣдѣющіе волосы не съ большимъ въ тридцать лѣтъ его старообразили. Къ тому же беззубіе увлаживало разговоръ его, и друзья внимали ему хотя съ удовольствіемъ, но въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи. Вообще дурнота его не имѣла ничего отвратительнаго, а была только забавна.

Какъ сверстникъ и сослуживецъ Дмитріева по гвардіи и какъ ровесникъ Карамзина, шелъ онъ нѣсколько времени какъ будто равнымъ съ ними шагомъ въ обществахъ и на Парнасѣ, и оба дозволяли ему называться ихъ другомъ. Но вскорѣ первый прибралъ его въ руки, обративъ въ безсмѣнные свои потѣшники. Карамзинъ же, глядя на него, не могъ иногда не улыбнуться, но съ видомъ тайнаго, необиднаго сожалѣнія: не только на преступленія и пороки, даже на странности и слабости людей смотрѣлъ онъ съ грустію и, казалось, радъ бы былъ все человѣчество поднять до себя. Дмитріевъ вѣрно въ шутку посовѣтовалъ ему приняться за Русскіе стихи, а онъ и въ

правду сдѣлался весьма неплохимъ поэтомъ. Онъ писалъ и басни, и коротенькія посланія, и всякаго рода мелочи, и изъ всего этого, подъ конецъ его жизни, составился небольшой томъ, не богатый идеями, но изобильный пріятными звуками и плавными стихами. Главнымъ его недостаткомъ было удивительное его легковѣріе, проистекавшее, впрочемъ, отъ весьма похвальныхъ свойствъ, добросердечія и довѣрчивости къ людямъ; никакія безпрестанно повторяемыя мистификаціи не могли его отъ сей слабости излѣчить. Онъ былъ у насъ то, что̀ во Франціи Poinsinet de Sivry, также авторъ, который нѣсколько мѣсяцевъ жарился передъ каминомъ, чтобы пріучить себя къ обѣщанной ему должности королевскаго экрана.

Въ это время завязывались у насъ первыя сношенія съ Французскою республикой. Еще до кончины Павла отправлены были въ Парижъ сначала графъ Спренгпортенъ, для размѣна плѣнныхъ, а потомъ Колычевъ, для переговоровъ. Въ Маѣ прибылъ въ Петербургъ отъ перваго консула Бонапарте молодой другъ его Дюрокъ, дипломатическимъ агентомъ и картинкой моднаго журнала. Василій Львовичъ мало заботился о политикѣ, но послѣ стиховъ мода была важнѣйшимъ для него дѣломъ. Отъ ея поклоненія близъ четырехъ лѣтъ были мы удерживаемы полицейскими мѣрами; прихотливое божество вновь показалось въ Петербургѣ, и онъ устремился туда, дабы, принявъ ея новые законы, первому привезти ихъ въ Москву. Онъ оставался тамъ столько времени, сколько нужно ему было, чтобы съ ногъ до головы перерядиться. Едва успѣлъ онъ воротиться, какъ явился въ Марѳинѣ и всѣхъ изумилъ толстымъ и длиннымъ жабо, короткимъ фрачкомъ и головою въ мелкихъ, курчавыхъ завиткахъ, какъ баранья шерсть, что̀ называлось тогда à la Дюрокъ. Мы скоро съ нимъ познакомились. Въ глазахъ моихъ былъ онъ человѣкъ пожилой, хотя и модникъ; вдругъ сближается онъ съ мальчишкой, беретъ его за руку, потомъ подъ руку, гуляетъ съ нимъ, разсказываетъ ему разнаго рода неблагопристойности про любовные свои успѣхи, однимъ словомъ, братается со мной. Мнѣ это чрезвычайно полюбилось: тогда почитали чинъ чина и годъ года; вдругъ я повысился десятью годами, увидѣлъ въ немъ товарища, почти ровесника, а потомъ началъ смотрѣть на него какъ на шалунишку, и еслибы знакомство наше на нѣкоторое время тогда не прервалось, то скоро сталъ бы унимать его и журить.

Шумная осень должна была смѣнить веселое, урожайное, благословенное лѣто, въ продолженіи коего, казалось, и въ сердцахъ была одна радость. Съ первыхъ чиселъ Августа начали черезъ день, одинъ послѣ другаго, вступать батальоны гвардейскихъ полковъ, коихъ противъ нынѣшняго не было тогда и третьей доли. Всѣ царедворцы и

всѣ помѣщики Московской губерніи, жители Петербурга и дворяне изъ отдаленныхъ провинцій, въ Августѣ же стали съѣзжаться на коронацію. Никогда еще такого стеченія не было; трудно было пріѣзжему сыскать себѣ уголокъ въ обширной Москвѣ, и съ 1-го Сентября она совершенно закипѣла многолюдствомъ и веселіемъ. Общая радость умножалась еще тысячью частныхъ, маленькихъ благополучій: друзья, укрывшіеся въ тишинѣ деревни, не чаявшіе когда-либо увидѣться, встрѣчались тутъ послѣ долгой разлуки; просто знакомые обнимались съ восторгомъ, разсказывая о горестяхъ, перенесенныхъ ими или въ крѣпости или въ Сибири; а сколько семейныхъ свиданій! О своихъ чувствахъ я говорить не буду: мои родители пріѣхали также изъ Кіева съ старшею сестрой и у насъ остановились. Едва ли не въ первый разъ отецъ такъ крѣпко прижалъ меня къ груди, а мать дня два почти не спускала съ меня глазъ.

Толпы народа бросились 5 Сентября за заставу, къ Петровскому подъѣздному дворцу; туда послѣ обѣда прибылъ государь съ молодою супругой. Удовлетворенное любопытство простаго народа, шумныя его восклицанія часто бываютъ похожи на восторгъ; лишь бы ему не мѣшали, онъ ура прокричать готовъ и тирану. Тутъ, говорятъ, было иначе: при видѣ вѣнценосной, юной, красивой четы, всѣ онѣмѣли отъ радости и удивленія; одни лишь взоры высказывали благоговѣйную любовь. Я помню, что къ зятю моему пріѣхалъ въ этотъ день другой полицеймейстеръ Ивашкинъ, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Петровское, для сохраненія порядка. Они собирались какъ на пиръ: не было и тѣни того страха, той суетливости, съ которою ожидаютъ прибытія даже обыкновеннаго начальника.

На другой день, возвращаясь пѣшкомъ изъ архива и выходя на Тверскую улицу, увидѣлъ я группы людей, разговаривающихъ между собою съ живостію; прислушавшись къ ихъ разсказамъ, я узналъ слѣдующее. Государю вздумалось прогуляться, одному, верхомъ по Московскимъ улицамъ; его узнали, къ нему кинулись, его окружили, его, такъ сказать, стиснули, но не заслоняя ему пути и не замедляя его. Онъ былъ прижатъ народомъ такъ сильно и осторожно, какъ страстная мать сжимаетъ въ объятіяхъ младенца своего. Ни крику, ни шуму; но сквозь легкій шепотъ услышалъ онъ вокругъ себя и «батюшка», и «родимый», и «красное наше солнышко», и все что въ простонародномъ нашемъ языкѣ есть нѣжно-выразительнаго. Царскій конь, сбруя и одежда, все въ глазахъ народа освящалось его прикосновеніемъ; цѣловали его лошадь, его сапоги, ко всему прикладывались съ набожностію. Предъ владыками Востока народъ въ ужасѣ падаетъ ницъ, на Западѣ смотрѣли нѣкогда на королей въ почтитель-

номъ молчаніи; на одной только Руси цари бываютъ иногда такъ смѣло и явно обожаемы. Какое доказательство, что въ нравахъ сей части свѣта совершенная разница съ двумя другими!

На протяженіи нѣсколькихъ верстъ отъ Тверской заставы до Кремля и оттуда до дворца въ Нѣмецкой Слободѣ устроены были передъ всѣми домами подмостки, въ три и болѣе ярусовъ, чтобы смотрѣть на торжественный въѣздъ императора, который назначенъ былъ 8 Сентября. Съ подмостковъ передъ нашею квартирой глядѣлъ я на сіе шествіе. Ни одного облачка не было на небѣ; этотъ день былъ почти жаркій, также какъ и предшествовавшіе ему и послѣдующіе. На позлащенныя кареты, на великолѣпные цуги, на шитьемъ и галунами покрытые мундиры и ливреи, на весь блескъ сей обыкновенной, хотя къ счастію рѣдко возобновляемой, церемоніи, смотрѣли почти разсѣянно. Всѣ нетерпѣливо ожидали одного человѣка, всѣ взоры въ него вперились, когда онъ появился, и далеко за нимъ слѣдовали. О какъ онъ былъ чудесенъ! Въ сорокъ лѣтъ знали мы его еще молодцомъ и красавцемъ; что́ же былъ онъ въ двадцать три? Онъ почти все время ѣхалъ съ обнаженною (еще не отъ волосъ) головою: ибо у каждой церкви, коихъ въ Москвѣ такъ много, встрѣчаемъ былъ съ хоругвями и иконами и долженъ былъ останавливаться и молиться. Никто такъ прекрасно и вѣрно не выразилъ того что̀ мы тогда видѣли и чувствовали, какъ Жуковскій въ извѣстномъ своемъ къ нему посланіи:

Свѣтъ утѣшительный окрестъ тебя сіялъ,
Намъ обреченный вождь ко счастію и славѣ!

Черезъ два дня потомъ было послѣ обѣда гулянье въ Слободскомъ дворцовомъ саду. Вечеръ былъ лѣтній, теплый; тѣснота и давка чрезвычайныя, такъ что инымъ по неволѣ приходилось коснуться самого императора, и многіе, какъ говорили, насладились симъ осязаніемъ.

Только наканунѣ дня коронаціи, 14 числа, погода къ вечеру нѣсколько измѣнилась. Мнѣ этотъ день чрезвычайно памятенъ. Подлѣ Ивановской колокольни, противъ дворца и соборовъ, сдѣланы были мѣста, куда по билетамъ пускались по большей части однѣ только дамы; по чрезвычайной молодости моей, по тѣснотѣ и темнотѣ можно было принять меня за женщину, и я получилъ дамскій билетъ. Въ три или четыре часа по полуночи отправились мы въ каретѣ съ матерью и двумя сестрами; отецъ же мой по чину своему имѣлъ мѣсто въ соборѣ. Странная была эта ночь; сырая мгла лежала на небѣ и на землѣ; стукъ каретъ останавливался у въѣзда въ Кремль, а онъ наполнялся войскомъ и разнаго званія людьми, и не смотря на то, цар-

ствовали въ немъ глубокій мракъ и совершенная тишина. Мало по малу начали увеличиваться глухой гулъ и невнятный говоръ. Когда стало свѣтать, туманъ разсѣялся; но солнце еще не показывалось. Мы могли видѣть только то, чтó происходило внѣ храма. Когда императоръ изъ дверей его выступилъ въ коронѣ, то солнечный блескъ внезапно освѣтилъ ее и всю величественную процессію, которая довольно близко мимо насъ потянулась. Въ тоже мгновеніе громогласное ура, громъ пушекъ и звонъ въ тысячи колоколовъ раздались въ воздухѣ; все было ослѣпительно и оглушительно въ эти четверть часа, все было радостно, трогательно и восхитительно.

Солнце скрылось опять вмѣстѣ съ государемъ, когда онъ вошелъ во внутренность дворца, облака сгустились, и къ вечеру сталъ накрапывать дождикъ; но при пасмурномъ небѣ, на утомленныхъ лицахъ, въ усталыхъ взорахъ, не переставало блистать веселіе. Влага, наполнявшая воздухъ, отражала чудесно великолѣпную иллюминацію, которая ночью зажглась изъ края въ край Москвы, и восторгъ при видѣ сего безконечнаго зарева могъ только равняться ужасу, съ коимъ, одиннадцать лѣтъ спустя, бѣгущіе жители смотрѣли на ея пожаръ.

Никто не обидѣлся, никто не удивился бережливости царя при раздачѣ милостей въ сей памятный день. Всѣ были напуганы столько же жестокостію, какъ и расточительностію его родителя*). И дѣйствительно, искусство награждать есть великое искусство. Все, чтó бросается, сыплется безъ осмотрительности, безъ разсчету, теряетъ цѣну, унижается въ глазахъ получающихъ, а еще болѣе въ глазахъ получившихъ; итакъ, нѣкоторымъ образомъ, то чтó дается однимъ отнимается у другихъ. Средства къ удовлетворенію честолюбія уменьшаются по мѣрѣ какъ возрастаетъ его алчность. Раждается зависть, желаніе такихъ наградъ, коихъ полученіе перестаетъ уже быть лестнымъ. Въ день коронаціи розданы были двѣ Андреевскія ленты и пять или шесть Александровскихъ, менѣе чѣмъ нынѣ иногда въ обыкновенный праздникъ. Зять мой ожидалъ креста, а получилъ перстень

*) За нѣсколько мѣсяцовъ до смерти, императоръ Павелъ, замѣтивъ, что число нажалованныхъ имъ служащихъ генераловъ превосходитъ всякую мѣру, вздумалъ въ одинъ день отставить безъ просьбы шесть неимущихъ гарнизонныхъ генералъ-лейтенантовъ и тридцать таковыхъ же генералъ-маіоровъ, всѣхъ съ чиномъ и мундиромъ, но безъ пенсіи, не оставивъ ни одному изъ нихъ рубля на пропитаніе. Со временъ Петра Великаго до званія полнаго генерала достигали однѣ только военныя знаменитости и, по достиженія сего высокаго сана, получали обширныя средства къ поддержанію его; одному Павлу дано было творить, безъ всякихъ заслугъ, никому неизвѣстныхъ, нищихъ генералъ-аншефовъ. Всего царствованія Александра едва достаточно было, чтобы привести въ нѣкоторое равновѣсіе состоянія, чины, мѣста и ордена. Послѣ него, кажется, опять это нѣсколько поразстроилось.

съ вензелемъ и остался предоволенъ. Страсть къ формамъ и униформамъ, кажется, въ это царствованіе еще болѣе увеличилась. Одинъ смѣлый и весьма чиновный человѣкъ, отставленный при Павлѣ безъ мундира, получилъ при Александрѣ, какъ милость, дозволеніе носить его, но принялъ оное не иначе, какъ съ условіемъ въ обыкновенные дни пользоваться правомъ надѣвать такъ-называемое партикулярное платье, чего дотолѣ никакъ допускаемо не было. Изъявленное на то согласіе необходимо было распространить и на другихъ военныхъ, съ мундиромъ отставленныхъ, и доставило имъ возможность покойно одѣваться.

Смѣльчакъ этотъ былъ никто иной, какъ князь Сергій Ѳедоровичъ Голицынъ, у котораго годъ я прожилъ въ деревнѣ. Онъ вслѣдъ затѣмъ назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ Остзейскихъ провинцій. Съ семействомъ своимъ и женою, прибывшею изъ Казацкаго, встрѣтился онъ въ Москвѣ передъ коронаціей. Всѣ старшіе сыновья его были приняты опять въ службу, и домъ его (у Арбатскихъ воротъ) сдѣлался въ это время однимъ изъ самыхъ пріятнѣйшихъ, по крайней мѣрѣ для меня.

Сколько старыхъ знакомыхъ встрѣтили мои родители! Изъ знатныхъ или случайныхъ людей три человѣка особенно благоволили къ отцу моему. Одинъ изъ нихъ, графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, изъ почтенія къ памяти своего отца; другой, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, по давнишнему знакомству и сосѣдству въ Пензенской губерніи; оба они были отличаемы и любимы вдовствующею императрицей. О пріязни генералъ-прокурора Беклешова я не одинъ разъ имѣлъ уже случай упоминать.

Новые любимцы, по большей части молодые, смотрѣли на нихъ какъ на людей прошедшаго времени, съ обвѣтшалыми идеями, и готовились скоро затмить ихъ и устранить отъ дѣлъ; но первый годъ сохраняли они еще нѣкоторую силу и вѣсъ.

Желая по возможности возстановить созданное Екатериной, Беклешовъ предложилъ открыть вновь нѣсколько губерній, упраздненныхъ при Павлѣ, и между прочимъ Пензенскую. Нужны были губернаторы; охотниковъ явилось много. Графъ Румянцовъ сказалъ о томъ отцу моему, спросивъ, не пожелаетъ ли онъ еще нѣсколько лѣтъ жизни посвятить царской службѣ? Онъ отклонилъ было сіе предложеніе; но, услышавъ, что Пенза дѣлается опять губернскимъ городомъ (любезная сердцу его Пенза, гдѣ провелъ онъ молодость, гдѣ два раза былъ счастливымъ супругомъ, гдѣ прахъ дѣтей и первой жены его, гдѣ все его имущество) къ несчастію, не могъ устоять противъ желанія въ ней начальствовать. Беклешовъ не хотѣлъ сначала тому вѣрить, по-

лагая, что должность гражданскаго губернатора (хотя и почиталась тогда важнѣе чѣмъ нынѣ) не могла отцу моему казаться лестною, когда всѣ сверстники его давно уже занимали мѣста генералъ-губернаторовъ, убѣдившись, однакоже, въ противномъ, съ своей стороны способствовалъ его назначенію. Сіе случилось передъ самымъ отбытіемъ двора изъ Москвы, около половины Октября. Отцу моему не оставили даже военнаго чина, а переименовали въ тайные совѣтники.

Въ продолженіе шестинедѣльнаго пребыванія императорской фамиліи, цѣпь празднествъ и увеселеній въ Москвѣ почти не прерывалась. Бояре, то-есть богатые, чиновные и знатные люди, живущіе въ Петербургѣ, придерживались еще тогда обыкновенія имѣть и въ старой столицѣ огромные городскіе и славные загородные дома; имъ удобно было и въ ней угощать царя. Но никто не превзошелъ въ великолѣпіи богатѣйшаго изъ нихъ, графа Шереметева. Отъ заставы, называемой у Креста, до селенія его Останкина на три версты путь ярко былъ освѣщенъ. Роскошное убранство дома, въ прежнемъ видѣ и доселѣ сохранившееся, теперь никого не удивляетъ, а тогда казалось волшебствомъ. Мои родители получали приглашенія отовсюду; но мнѣ случилось быть только на одномъ изъ такихъ праздниковъ, у начальника моего, вице-канцлера князя Куракина.

Сему вельможѣ былъ я передъ тѣмъ представленъ, и особенно-ласковый пріемъ его останется мнѣ навсегда памятнымъ. Это одно изъ тѣхъ лицъ, мимо коихъ въ воспоминаніяхъ, не останавливаясь, никакъ пройдти невозможно: его достохвальныя свойства и извинительныя слабости равно заслуживаютъ быть извѣстными читателямъ. Князь Александръ Борисовичъ, правнукъ того князя Бориса Ивановича, свояка Петра Великаго, который при немъ былъ первымъ посланникомъ въ Парижѣ, выполнилъ въ ихъ семействѣ наслѣдственную съ тѣхъ поръ обязанность образовать свою молодость въ сей такъ-называемой столицѣ просвѣщенія; но до того, какъ внукъ сестры графа Никиты Ивановича Панина, главнаго наставника Павла Перваго, вмѣстѣ съ нимъ воспитывался. Чистосердечная, безкорыстная, безпредѣльная его преданность къ наслѣднику престола была весьма непріятна не столько императрицѣ Екатеринѣ, сколько окружающимъ ее. Онъ долго былъ какъ бы въ опалѣ и, въ званіи отставнаго камергера, жилъ въ богатомъ помѣстьѣ своемъ Надеждинѣ, въ Саратовской и на самой границѣ Пензенской губерніи. Тутъ онъ познакомился съ отцомъ моимъ, посѣщалъ его и по нѣскольку дней иногда живалъ у насъ въ деревнѣ.

Въ великолѣпномъ уединеніи своемъ сотворилъ онъ себѣ, на подобіе посѣщенныхъ имъ дворовъ (не знаю, Дармштадтскаго или Веймарскаго, но вѣрно уже не Кобургскаго) также нѣчто похожее на

дворъ. Совершенно бѣдные дворяне за большую плату принимали у него должности главныхъ дворецкихъ, управителей, даже шталмейстеровъ и церемоніймейстеровъ; потомъ секретарь, медикъ, капельмейстеръ и библіотекарь и множество любезниковъ безъ должностей составляли свиту его и оживляли его пустыню. Всякій день, даже въ будни, за столомъ гремѣла у него музыка, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ были большіе выходы; раздѣленіе времени, дѣла̀, какъ и забавы, все было подчинено строгому порядку и этикету. Изображенія великаго князя Павла Петровича находились у него во всѣхъ комнатахъ; въ саду и рощѣ, тамъ-сямъ встрѣчались не весьма изящные памятники знаменитымъ друзьямъ и родственникамъ.... Онъ наслаждался и мучился воспоминаніями Тріанона и Маріи Антоанеты, посвятилъ ей деревянный храмъ и назвалъ ея именемъ длинную, ведущую къ нему аллею. Въ глуши, изобиліе и пышность, сквозь кои являлись такія державныя затѣи, отнимали у нихъ смѣшную ихъ сторону. Что̀ сдѣлалось теперь съ памятниками и храмами? Что̀ сдѣлалось теперь съ самимъ Надеждинымъ? О горе!.... *)

Съ молоду князь Куракинъ былъ очень красивъ и получилъ отъ природы крѣпкое, даже атлетическое сложеніе. Но роскошь, которую онъ такъ любилъ и среди коей всегда жилъ, и сладострастіе, къ коему имѣлъ всегдашнюю наклонность, размягчили тѣлесную и душевную его энергію, и эпикуреизмъ былъ виденъ во всѣхъ его движеніяхъ. Когда онъ началъ служебное свое поприще и долго въ продолженіи онаго, честолюбіе въ Россіи умѣрялось удовольствіями наружнаго тщеславія; никто болѣе князя Куракина не увлекался ими, никто болѣе его не любилъ наряжаться. Легкомысленно и раболѣпно онъ не хотѣлъ, однакоже, подчиняться модѣ: онъ хотѣлъ казаться не модникомъ, а великимъ господиномъ и всегда въ бархатѣ или парчѣ, всегда съ алмазными пряжками и пуговицами, перстями и табатерками. Лучезарное тихонравіе его долго плѣняло и уважалось; но въ новое царствованіе, съ новыми идеями, кои постараюсь объяснить я далѣе, оно дало поводъ сравнивать его съ павлиномъ.

При вступленіи на престолъ Павелъ Первый пожаловалъ его вице-канцлеромъ, осыпалъ богатствами, обвѣшалъ орденами. Года черезъ два онъ отставилъ его отъ службы, сослалъ въ Надеждино; потомъ позволилъ ему жить въ Москвѣ, и незадолго до смерти своей вновь сдѣлалъ его вице-канцлеромъ. Осторожная, довольно плавная, хотя съ нѣкоторымя разстановками, рѣчь его заставляла въ немъ видѣть дипломата; а между тѣмъ, надобно сказать правду, безчисленныя фразы, затвер-

---

*) Оно досталось родному его племяннику, князю Борису Алексѣевичу Куракину.

женныя имъ нѣкогда во Франціи, гдѣ на нихъ такое изобиліе, и отчасти переведенныя имъ даже по-русски, составляли всю политическую его мудрость. За то, какою искусною представительностію, какимъ благородствомъ, какимъ постоянствомъ и нѣжностію въ дружбѣ, замѣнялъ онъ всѣ недостатки свои!

Мнѣ предстояла завидная участь служить при немъ, и онъ самъ вызвался опредѣлить меня въ свою канцелярію; обстоятельства того не позволили. Съ первыхъ чиселъ Октября напала на меня странная и ужасная болѣзнь: я всегда былъ на ногахъ, могъ даже выѣзжать, но вдругъ началъ худѣть, сонъ и аппетитъ меня совершенно покинули, неизъяснимая тоска мною овладѣла; въ одно время чувствовалъ я ознобъ и жаръ, я весь горѣлъ, а спина и ноги были какъ ледъ; память, которой иногда я самъ дивился, внезапно притупѣла; я сохнулъ, я таялъ, и врачи объявили, что въ одну минуту могу угаснуть. Все это было слѣдствіе невоздержности еще не юношеской, а ребячей. О Французы, о шевалье де-Роленъ, какъ мнѣ не проклинать васъ!

Не было возможности и подумать въ такомъ состояніи отправить меня въ Петербургъ. Сестра моя, Алексѣева, скрыла отъ родителей причину и опасность моей болѣзни и уговорила ихъ, выпросивъ мнѣ отпускъ, взять меня съ собою. Они обратились прямо къ князю Куракину, который, щедрый на все, приказалъ Бантышу-Каменскому отпустить меня на шесть мѣсяцевъ. Когда къ сему послѣднему, полумертвый, пріѣхалъ я за паспортомъ, то, вѣроятно, недовольный тѣмъ, что дѣло безъ него сдѣлалось, а можетъ-быть и по врожденной и привычной вмѣстѣ грубости, сказалъ онъ мнѣ: «Чтò, зачѣмъ ѣдешь? Чтò будешь дѣлать? Голубей гонять!» Я ничего не умѣлъ ему отвѣчать. Жестокій! Съ этой минуты, право, кажется, я сталъ его ненавидѣть.

Отцу моему должно было спѣшить, чтобы все приготовить къ открытію новой губерніи; для него былъ бы я только настоящее бремя. Итакъ мнѣ оставались нѣжныя попеченія моей безцѣнной матери, которая собиралась обратно въ Кіевъ. Тамъ были у родителей моихъ обширный, новопостроенный домъ и хорошенькій хуторъ за городомъ; тамъ была большая дворня, экипажи, лошади, многочисленные пожитки, все, чтò копилось и заводилось въ теченіи тринадцати лѣтъ; тамъ были и долги. Одно надобно было заплатить, другое продать и движимость поднять съ мѣста: много заботъ и горя ей предстояло. Въ сумерки 27 Октября, посадили или, лучше сказать, положили меня въ четвероместную карету и, при холодномъ дождѣ, пополамъ съ снѣгомъ, выѣхали мы печально изъ Москвы.

XVIII.

Насъ было въ каретѣ четверо: мы съ матерью и старшею сестрой Елисаветой, да дѣвица Турчанинова, которую, въ замѣнъ услуги, оказанной ея матерью, отвозили мы въ Кіевъ къ родителямъ. Это была та самая ученая и засаленная Анна Александровна, о которой уже имѣлъ я случай говорить, магнитизерка, цѣломудренная естествоиспытательница. За нами слѣдовали двѣ или три кибитки, загроможденныя горничными и тюфяками: тогда еще въ Россіи странствовали по-авраамовски, съ рабынями, рабами и навьюченными верблюдами.

Я сидѣлъ рядомъ съ матерью, а сестра и Турчанинова насупротивъ тѣснились въ углу, чтобы дать мѣсто ногамъ моимъ. Какъ мучительно для всѣхъ насъ было начало этой дороги! Особенно же положеніе бѣдной сестры моей было ужасное. При отъѣздѣ вручили ей медики для меня лѣкарство, объявивъ ей одной, что если до назначеннаго имъ времени оно не подѣйствуетъ, то смерть моя неизбѣжна. Нѣтъ, этой заботливости, которая, по разстройству нервъ моихъ, меня иногда даже сердила, я въ вѣкъ не забуду. Лицо ея отражало безпрестанно выраженіе моего: когда что-то похожее на улыбку показывалось на немъ, она какъ будто на минуту отдыхала отъ страданій. Болѣе двухъ сутокъ продолжалось для нея сіе жестокое волненіе; мы пріѣхали въ Тулу, когда, по мнѣнію ея, наступила рѣшительная минута, и мать моя не могла понять причины неотступныхъ ея моленій, чтобы тамъ остановиться. Переломъ совершился, молодость свое взяла, и сестра ожила вмѣстѣ со мною.

Чѣмъ далѣе подвигались мы на Югъ, тѣмъ воздухъ становился чище и теплѣе. Запасъ жизненныхъ силъ въ тогдашнія мои лѣта бываетъ столь изобиленъ, что возвращеніе ихъ, безъ преувеличенія, можно уподобить быстротѣ потока. Еще нѣсколько дней, и уже я въ состояніи былъ ощутить радость, вступая въ Малороссію и предчувствуя Кіевъ.

Когда мы къ нему подъѣхали, горы его зеленѣлись новою травой, и золотые его куполы горѣли отъ лучей еще яркаго, но уже не знойнаго солнца. Отъ одного взгляда на святый городъ какъ бы чудесно довершилось мое исцѣленіе. Это было въ самый Михайловъ день. Прежде всего остановились мы у Печерской лавры, чтобъ отслужить благодарственный молебенъ за благополучное окончаніе путешествія, начатаго въ столь мрачномъ расположеніи.

Почти два года не былъ я въ Кіевѣ: въ это время сколько перемѣнъ со мною и съ нимъ! Старики и старушки, которыя потихоньку доживали въ немъ вѣкъ, питаясь скуднымъ казеннымъ содержаніемъ,

лишившись его при Павлѣ, скоро переселились на тотъ свѣтъ и оставили нищія семейства. Онъ дождилъ на моря, на вельможъ своихъ, а бѣдныя нивы гибли неорошенныя ни каплей его щедротъ. Помѣщики Малороссійскіе, изъ коихъ одни служили, другіе пріѣзжали пожить въ Кіевѣ, удалились изъ него почти до единаго. Преобладаніе Польши съ каждымъ годомъ увеличивалось; но и сами Поляки, служившіе по выборамъ, жили въ немъ съ семействами своими только два мѣсяца въ году, во время контрактовъ, а остальное время навѣщали ихъ иногда въ деревняхъ. Два полка, стоявшіе въ немъ на квартирахъ, нѣсколько оживляли пустынный видъ его.

Представительницей прежняго, согласнаго, благополучнаго Кіевскаго общества оставалась одна почтенная, умная, добрая и даже еще красивая старушка, о которой не понимаю какъ я забылъ прежде говорить. Впрочемъ, весьма кстати она мнѣ здѣсь пригодилась. Іульяна Константиновна Веселицкая, по первому мужу Бѣлуха-Кохановская, имѣла рѣшительно пристрастіе къ Кіеву; не только власть Поляковъ, нашествіе Татаръ не могло бы заставить ее изъ него выѣхать, тѣмъ болѣе что она долго жила съ ними: второй мужъ ея былъ послѣднимъ Русскимъ посланникомъ при предпослѣднемъ ханѣ Крымскомъ; но онъ дани ему не платилъ, а по состоянію вдовы его, по драгоцѣннымъ вещамъ, коими она владѣла, замѣтно было, что дани онъ самъ отъ него принималъ.

Отъ обоихъ браковъ госпожа Веселицкая имѣла по нѣскольку сыновей и по нѣскольку дочерей; одни были давно женаты, другія за мужемъ. Посреди нѣжно-подобострастнаго, многочисленнаго потомства, коимъ она кротко повелѣвала, казалась она въ домѣ своемъ какою-то царицей. Въ это время выдавала она замужъ одну изъ своихъ внучекъ, и въ день свадьбы нарумянилась, принарядилась, право, хоть бы самой къ вѣнцу. Когда я къ ней явился, по старой привычкѣ, погладила она меня по головѣ, взяла за подбородокъ и поцѣловала въ уста, называя своимъ «гарнымъ хлопцемъ». Вообще постоянное ея веселонравіе, приличная ея лѣтамъ шутливость и Украинскій ея языкъ дѣлали ее для всѣхъ пріятно-оригинальною.

Домъ госпожи Веселицкой былъ столь же веселый, какъ названіе ея и она сама. Хлѣбосольство въ старину имѣло свою худую сторону: неучтиво было не потчивать, неучтиво было не ѣсть, а кушанье было прескверное. У Іульяны Константиновны была другая крайность; подчиваніе шло своимъ порядкомъ, но и безъ него можно было объѣсться: все было свѣжее, хорошее, хотя и не весьма затѣйливое. Въ изящныхъ художествахъ, какъ и въ поваренномъ дѣлѣ, конечно, вкусъ долженъ образоваться; но иногда бываетъ онъ и врожденный, какъ у мо-

ей милой старушки. Ея совѣтамъ и приказаніямъ поварà ея были обязаны своимъ искусствомъ; она заимствовала у Москалей блины, ватрушки и кулебяки, усвоила ихъ себѣ, усовершенствовала ихъ приготовленіе и умѣла сочетать ихъ съ Малороссійскими блюдами, варениками и галушками. За ея столомъ сливались обычаи и нравы обѣихъ Россій, Восточной и Западной, Великой и Малой. Въ дѣтствѣ меня рѣдко брали къ ней; теперь никто не осмѣливался препятствовать ей меня кормить, а апетитъ у меня былъ преужасный.

Нельзя себѣ представить, какъ эта женщина была любима и уважаема своими знакомыми. Родственники ея зятей и невѣстокъ и ея собственные, Иваненки, Гудимы, Масюковы и другіе, да и просто знакомые, безпрестанно пріѣзжали изъ-за Днѣпра, единственно за тѣмъ, чтобы съ нею видѣться; одни останавливались у нея, другіе нанимали квартирки; они никуда не выѣзжали: въ ея домѣ видѣли весь Кіевъ и, пробывъ нѣкоторое время, возвращались къ себѣ. Ни одного Поляка нельзя было у нея встрѣтить, за то Русскіе бывали всякій кто хотѣлъ.

А хотѣли того многіе; ибо не было тогда ни одного Русскаго дома, куда бы ежедневно за-просто можно было ѣздить. Гражданскій губернаторъ, г. Коробьинъ, старый артилеристъ, хорошій дворянинъ, добрый и честный человѣкъ и не безъ состоянія, любилъ приглашать иногда къ себѣ земляковъ на обѣдъ или на вечеръ, но большую часть времени проводилъ въ уединеніи. Вице-губернаторъ Четвериковъ и другіе Русскіе чиновники жили всѣ про себя; а въ Кіевѣ, казенномъ городѣ, какъ я сказалъ и прежде, общество только и поддерживается что служащими людьми.

Поляки же, какъ видѣли выше, даже семейные, жили на холостую ногу. Одинъ только изъ нихъ, весьма почтенный человѣкъ, богатый вдовецъ, губернскій маршалъ, тайный совѣтникъ Козловскій, имѣлъ, чтó называлось, открытый домъ. Когда судьба отечества его рѣшилась, не прежде, чистосердечно сдѣлался онъ преданъ Россіи и двухъ сыновей своихъ опредѣлилъ въ гвардію *). Онъ, безъ различія, принималъ Поляковъ и Русскихъ, и какъ съ тѣми, такъ и съ другими, обходился вѣжливо и ласково.

Всего охотнѣе собирались Поляки не у соотечественника своего, а у Англичанина, который тогда былъ военнымъ или генералъ-губернаторомъ Кіевскимъ. Вслѣдствіе какой-то несчастной исторіи, господинъ Феньшъ или Феньша (Fenshaw) долженъ былъ навсегда оставить свое отечество; онъ пріѣхалъ въ Россію и вступилъ въ военную служ-

*) Одинъ изъ нихъ въ послѣдствіи командовалъ Преображенскимъ полкомъ.

бу. Ни въ особѣ, ни въ заслугахъ его не было ничего блистательнаго; онъ всегда служилъ въ арміи, полегоньку подвигался въ чинахъ и кое-какъ перебивался, чтобы содержать жену и семейство. Когда его произвели въ полковники, то дали ему Елецкій пѣхотный полкъ и Московскій, вмѣстѣ съ генеральскимъ чиномъ. При Павлѣ, оставаясь не болѣе какъ шефомъ этого полка, онъ успѣлъ въ короткое время получить по старшинству чинъ генерала отъ инфантеріи, и когда предмѣстникъ его, Повало-Швыйковскій, восьмой въ четырехлѣтнее царствованіе Павла Кіевскій военный губернаторъ, чѣмъ-то передъ императоромъ провинился, то сей послѣдній, заглянувъ въ списокъ, назначилъ на его мѣсто неизвѣстнаго ему Феньша. Онъ за что-то ожидалъ также себѣ отставки, когда пришло извѣстіе о кончинѣ царя.

Про него говорили, что въ военномъ дѣлѣ онъ смыслитъ очень мало, въ гражданскомъ же ровно ничего, а попалъ въ начальники двухъ или трехъ губерній! Такіе примѣры теперь уже не рѣдки, и никого болѣе не удивляютъ. Самая наружность его не могла вселить къ нему уваженіе: коротенькій, толстенькій человѣчекъ, не имѣющій ни одной оригинальной черты Англичанъ, съ самыми безцвѣтными характеромъ и физіономіей, не умный и не глупый, не добрый и не злой, не привѣтливый и не грубый. Находили, однакоже, что онъ имѣетъ нѣкоторую ученость, потому что хорошо умѣетъ говорить по англійски и знаетъ что́ такое парламентъ, о которомъ немногіе у насъ тогда слыхали. Жена его, Софья Карловна, была, по крайней мѣрѣ, похожа на что-нибудь: она напоминала собою нянекъ и ключницъ своей націи, и по-французски Англійскимъ нарѣчіемъ говорила очень забавно.

Чета сія забилась въ уголокъ просторнаго деревяннаго дворца, построеннаго Елисаветой Петровной, во вкусѣ всѣхъ публичныхъ зданій ея времени. Чтобъ отыскать ихъ, надобно было проходить рядъ нетопленныхъ комнатъ, изъ коихъ двѣ были обиты атласомъ въ позолоченныхъ, отчасти облупившихся рамахъ: роскошь, которую, по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ, можно было тогда найти въ одномъ только царскомъ жилищѣ. Сіи двѣ комнаты изрѣдка отоплялись и освѣщались, и въ нихъ давали они не балы, а балики, на которые приглашаемо было самое отборное общество, то-есть Поляки, иностранцы, да изъ Русскихъ тѣ только, которые знали не одинъ свой отечественный языкъ. Такъ какъ Французскимъ языкомъ промышлялъ я тогда уже очень порядочно и готовъ былъ плясать до упаду, то на сихъ балахъ не только былъ я не лишнимъ, но даже желаемымъ гостемъ. Всѣхъ моложе и лучше бывала тутъ недавно вышедшая замужъ Мошковская, урож-

денная Ворцель; всѣхъ старѣе и страшнѣе овдовѣвшая, все еще полная жизни, Шардонша.

Вотъ въ какихъ отношеніяхъ находились другъ къ другу члены разнороднаго тогдашняго Кіевскаго общества. Упрямые, милые мои Хохлы показывали твердость, непреклонность, которыя во многихъ случаяхъ намъ бы не худо было перенимать: они жили особнякомъ, удалялись отъ Поляковъ, но съ Русскими обходились какъ съ братьями; домъ г-жи Веселицкой, какъ сказалъ я, былъ ихъ сборнымъ мѣстомъ. Наши же любезные Русаки, столь забывчивые, слишкомъ сообщительные, готовы были водиться со всѣми; нѣкоторые, однакоже, и самые почтенные, недовольные военнымъ губернаторомъ и явно его презирающіе, собирались иногда у гражданскаго, который съ нимъ не совсѣмъ былъ въ ладахъ. Поляки, чуя уже близкое могущество свое въ Петербургѣ, съ каждымъ днемъ становились болѣе наглы и надменны. Главный пріютъ ихъ былъ у Феньша.

Ихъ дерзость обнаружилась еще болѣе, когда передъ Новымъ Годомъ начались контракты и ярмарка. Изъ всѣхъ юго-западныхъ губерній стекались ихъ земляки, и сильные числомъ, они позволяли себѣ въ обществѣ разныя неблагопристойности, а въ городѣ даже безчинства и неистовства, вламываясь ночью насильно въ хижины убогихъ вдовъ, матерей сиротъ-красавицъ, но сосѣдями и работниками всегда съ побоями и стыдомъ были прогоняемы. На балахъ, которые два раза въ недѣлю давались за деньги въ контрактовомъ домѣ, то-есть въ биржевой залѣ, многіе изъ нихъ вздумали являться въ народномъ костюмѣ и даже танцовать мазурку въ шапкахъ, напивались пьяны, дѣлали обиды и думали, что настало опять время ихъ грубой вольницы. Молодые армейскіе офицеры, которые съ воцареніемъ Александра также чувствовали себя болѣе свободными, начали вступаться за себя, за дамъ и за знакомыхъ; отъ того заводились ужасныя ссоры, оканчивавшіяся обыкновенно толчками и пинками, съ коими выпроваживали Поляковъ. Къ счастію, до поединковъ никогда не доходило. Феньшъ, разумѣется, держалъ ихъ сторону и офицеровъ сажалъ подъ караулъ. Но ихъ было множество, и разгнѣванные Поляки, объявивъ, что перестанутъ ѣздить на контрактовые балы, если тѣхъ не прогонятъ, сдержали свое слово; не могли однакоже удержать женъ и дочерей своихъ, которыя ни за что́ бы не отказались отъ удовольствія танцовать съ ловкими Москаликами. Итакъ поле сраженія и тутъ осталось за Русскими. Къ стыду моему, долженъ признаться, что внутренно былъ я за Поляковъ, вопервыхъ, какъ за побѣжденныхъ, а вовторыхъ, какъ за людей, по мнѣнію моему, болѣе образованныхъ.

Жизнь моя вообще текла весьма пріятно, со всѣми былъ я хорошъ и на тайныя и явныя несогласія смотрѣлъ довольно равнодушно; только пользовался свободой менѣе чѣмъ въ Москвѣ: я даже не имѣлъ права безъ слуги ходить пѣшкомъ по улицѣ. Въ этомъ не было никакой стѣснительной мѣры; но, по старому баловству, матушка все опасалась, чтобъ я не ушибся, или не былъ кѣмъ обиженъ. Изъ молодыхъ людей моего возраста, всего чаще бывалъ я съ прежнимъ моимъ товарищемъ Нилусомъ и съ старшимъ сыномъ Феньша, его адъютантомъ, малымъ весьма добрымъ и веселымъ *).

Для матери моей житье было хлопотливое; она никуда почти не выѣзжала, стараясь сколь можно скорѣе окончить свои домашнія дѣла, и едва къ концу Января успѣла съ ними управиться. Извѣстія изъ Пензы были самыя радостныя: отецъ мой прибылъ въ нее благополучно и былъ встрѣченъ съ восторгомъ; не говоря уже о долголѣтнихъ любви и уваженіи, коими онъ тамъ пользовался, онъ явился туда какъ милостивая грамота, возвращающая прежнее достоинство разжалованному городу. Дворяне, желая угодить правительству, на первомъ съѣздѣ сдѣлали большія пожертвованія для основанія училища, и сумма изъ того составившаяся обращена въ послѣдствіи на учрежденіе губернской гимназіи. Послѣ тьмы, въ которую четыре года старались погрузить Россію, всѣ съ рвеніемъ начали искать въ ней свѣта наукъ. Во время выборовъ помѣщики безпрестанно пировали, объѣдались и опивались, опаивали и окармливали другъ друга.

Наконецъ, пришла и намъ пора туда отправиться. Хотя я всегда чрезвычайно любилъ Кіевъ, хотя маленькая, сердечная, но совсѣмъ безвинная связь, о которой, впрочемъ, не стоило бы и говорить, умножала тогда въ глазахъ моихъ его прелесть, я не безъ удовольствія помышлялъ о сей дорогѣ. Мнѣ казалось, что въ Кіевѣ я какъ принцъ путешествующій инкогнито, а туда ѣду какъ бы на царство. Къ тому же я возбуждаемъ былъ и любопытствомъ увидѣть сторону, которую никогда не видалъ и о которой такъ много слышалъ. Я всегда живалъ на оконечностяхъ Россіи, бывалъ и въ сердцѣ ея, Москвѣ, но во внутреннія, нечистыя, такъ сказать пищеварительныя ея части, Симбирскъ, Пензу, Саратовъ и Тамбовъ, никогда не заглядывалъ.

Итакъ 31 Января, выѣхавъ изъ Кіева не безъ грусти, я однакоже свою страстишку, свой любовный хмѣль проспалъ на первомъ ночлегѣ.

*) Я говорю съ старшимъ въ Россіи, ибо самый старшій всегда оставался въ Англіи. Его мать имѣла неосторожность хвалиться имъ, какъ славнымъ проповѣдникомъ. Мысль, что сынъ ихъ попъ, ее и мужа совершенно уронила въ мнѣніи Русскихъ

Зима была непостоянная: два раза въ Малороссіи выпадалъ снѣгъ и замерзали рѣки, и два раза онъ пропадалъ и онѣ вскрывались. По тонкому льду перешли мы черезъ Днѣпръ пѣшкомъ и съ опасностію и трудомъ переправили повозки. На другой сторонѣ ожидало насъ новое горе: замерзшая, голая земля, по которой въ четверомѣстномъ возкѣ не знаю какъ дотащились мы до первой станціи на лошадяхъ. Желая выиграть время, мать моя разочла, что для сокращенія пути лучше всего ѣхать почти проселочными дорогами, на мѣстечко Басань, на Прилуки, Роме́нъ и Сумы. Лошадей вездѣ было мало, но и полсотни ихъ съ трудомъ могли бы насъ везти на полозьяхъ безъ крохи снѣгу. Къ счастію, Украйна, какъ и Молдавія, отчизна воловъ; на нихъ, шагъ за шагомъ, должны мы были проѣхать 250 верстъ. Покрывая все небо, густыя снѣжныя облака висѣли надъ нами и какъ будто насъ дразнили: это было несносно. За предѣлами Малороссіи перешли мы въ другую крайность: мы тонули въ снѣгахъ. Но что̀ разказывать о бѣдствіяхъ, столь обыкновенныхъ во время зимнихъ странствованій по Россіи? Мы проѣхали Курскъ и пріѣхали въ Воронежъ.

Тамъ находился на квартирахъ Малороссійскій кирасирскій полкъ, въ коемъ служилъ средній братъ мой Николай, и у него мы остановились. Наканунѣ, сбившись съ дороги въ сильную мятель, мы плутали половину ночи и измученные пріѣхали часу въ десятомъ утра. Матушка съ сестрами, старшею и маленькою, цѣлый день посвятили отдохновенію; а меня тотчасъ братъ повезъ смотрѣть городъ и представлять главнымъ онаго лицамъ. Все это было какъ на лету, и я ихъ всѣхъ перезабылъ, кромѣ двухъ: шефа братнина полка, генерала князя Ромодановскаго, и главнаго Воронежскаго откупщика, который садился съ гостями за жирный и званый обѣдъ и насъ убѣдительно пригласилъ остаться. Про него нѣсколько словъ.

Это былъ дворянинъ въ купечествѣ, отставной гвардіи полковникъ Ѳедоръ Николаевичъ П.... - С...., праправнукъ древнихъ бояръ, изъ столбовыхъ первый у насъ, который, сбросивъ предразсудки старины, прозрѣлъ будущность Россіи. Мужъ дальновидный, по ходу дѣлъ и по направленію умовъ, онъ предусмотрѣлъ, что скоро не чины, не заслуги, не добродѣтели будутъ въ Россіи доставлять уваженіе и вести къ знатности, а богатство, единое богатство; онъ не погнушался предводительствовать цѣловальниками и собирать дань съ порока и одинъ попятился, дабы съ потомствомъ и семействомъ (коего еще не имѣлъ *) далеко скакнуть потомъ впередъ

*) Онъ вскорѣ потомъ женился на красавицѣ княжнѣ Щербатовой. Сынъ его женатъ на княжнѣ Гагариной, родной племянницѣ адмирала князя Меншикова. Дочь его за

Послѣ убійственно-сытнаго обѣда, на часокъ завернули мы домой, чтобы навѣстить матушку, а въ пять часовъ были уже въ театрѣ. Изо всѣхъ Русскихъ городовъ въ одномъ только Воронежѣ была тогда вольная труппа, составившаяся изъ охотниковъ и отпущенныхъ на волю крѣпостныхъ актеровъ. Она не совсѣмъ плохо играла *Ненависть къ людямъ и Раскаяніе*, Коцебу. Въ восемь часовъ былъ я на балѣ у богатаго фабриканта Горденина (который почти наканунѣ выдалъ дочь за дипломата Муратова, въ послѣдствіи Харьковскаго губернатора) и проплясалъ до втораго часа ночи, имѣя въ виду со свѣтомъ отправиться далѣе въ путь. Подвиги неимовѣрные даже въ тридцать лѣтъ, и весьма естественные въ пятнадцать или шестнадцать, когда скука болѣе всего утомляетъ, и забавы служатъ отдохновеніемъ.

Братъ поѣхалъ провожать насъ, получивъ отъ князя Ромодановскаго отпускъ на двѣ недѣли. Опять пустились мы по ухабамъ, какъ по замершимъ волнамъ и, минуя Тамбовъ, безъ дальнихъ приключеній проѣхали степныя мѣста, на Югъ отъ него лежащія. Вотъ, наконецъ, въѣзжаемъ мы въ Пензенскую губернію; это было за полночь. Ужаснѣйшая вьюга, какую могу только запомнить, какъ бы предвѣстіе всѣхъ непріятностей, ожидающихъ моихъ родителей, насъ тутъ встрѣтила. Мы потеряли дорогу, ѣхали цѣликомъ, люди и лошади выбились изъ силъ, и мы готовы были остановиться и, лишь бы не замерзнуть, кое-какъ укутавшись, ожидать дневнаго свѣта, какъ вдругъ завидѣли вблизи небольшую деревню. Скорѣе туда; и въ избѣ, довольно опрятной, согрѣлись и отдохнули. На другой день все было тихо и ясно; крестьяне, узнавъ, что у нихъ ночевала губернаторша, привалили толпой, чтобы помочь намъ, посмотрѣть на насъ и выпроводить на большую дорогу, которая недалеко оттуда пролегала; староста или волостной голова также явился съ хлѣбомъ и солью. Я полюбопытствовалъ спросить названіе сей деревни; мнѣ отвѣчали Чембаръ. Проѣзжая по улицѣ, я видѣлъ однѣ только соломенныя кровли и ветхую, большую, деревянную церковь; мнѣ никакъ не могло придти тогда въ голову, что скоро тутъ будетъ уѣздный городъ, что учредителемъ его будетъ мой отецъ, что въ немъ построится нѣсколько каменныхъ зданій, и что лѣтъ черезъ тридцать Русскій царь проживетъ въ немъ двѣ недѣли, ожидая исцѣленія.

Еще оставалось намъ сдѣлать 120 верстъ. Не смотря на наше губернаторство, на военный мундиръ и крики моего брата, не смотря

высокоумнымъ К. Прибавляетъ ли сіе что-нибудь къ знатности этого семейства? Нѣтъ, ничего; но прибавитъ, если сей послѣдній разбогатѣетъ, какъ онъ надѣется, и если въ Россіи не перемѣнится общее мнѣніе.

на покорность и всеусердіе смотрителей и ямщиковъ, должны мы были имѣть еще одинъ ночлегъ и пробыть болѣе сутокъ въ дорогѣ.

Остановившись въ 13-ти верстахъ отъ Пензы, въ деревнѣ нашей Симбухинѣ, мѣстѣ рожденія моего, отправили мы брата съ извѣстіемъ о нашемъ пріѣздѣ. За нѣсколько дней до того, прибыли изъ Москвы сестра Алексѣева съ маленькимъ сыномъ и провіантскій братъ нашъ Павелъ изъ Казани, куда онъ былъ посланъ по какой-то коммиссіи. Вмѣстѣ съ ними покойный отецъ не замедлилъ прискакать къ намъ. Сдѣлался общій съѣздъ. Давно уже члены согласнаго нашего семейства не бывали всѣ вмѣстѣ; тутъ, исключая зятя, соединились всѣ, можно сказать, живые и мертвые, ибо въ нѣсколькихъ шагахъ лежали усопшіе мои братья и сестры. Въ семействѣ нашемъ любили мы другъ друга по старинѣ, долго не знали *твое* и *мое*, все было общее; можно посудить о нашей радости, сколько разсказовъ, сколько отвѣтовъ, прерываемыхъ новыми вопросами, сколько ласкъ и даже сколько поцѣлуевъ! Сладостные часы мелькнули какъ минута, и когда совсѣмъ почти смерклось, пустились мы въ Пензу.

При имени сего города что-то чудное во мнѣ происходитъ: я чувствую умиленіе и негодованіе вмѣстѣ. Тамъ принялъ я жизнь, тамъ отецъ мой долго вкушалъ верховное въ мірѣ блаженство, тамъ лежитъ онъ съ обѣими своими супругами, тамъ единственная моя собственность. Но тамъ же горестями и страданіями, сократившими дни его, заплатилъ онъ за прошедшія радости; тамъ каждый изъ насъ испыталъ множество непріятностей, оскорбительныхъ для самолюбія.

Совсѣмъ было темно, когда мы въѣхали въ этотъ городъ. Красивые виды его были скрыты отъ глазъ; я не могъ даже замѣтить, что онъ стоитъ на горѣ; чернѣя, мелькнули передо мною избы, домики и домы его. Мнѣ стало грустно, самъ не знаю отъ чего. Ни почетный пріемъ, сдѣланный матери моей у самаго подъѣзда, гдѣ дожидались ея нѣсколько чиновниковъ и городничій *), ни обширный, теплый и ярко на этотъ случай освѣщенный домъ, куда вошли мы, ни радости протекшаго дня, ничто меня не веселило. Сіе было 19 Февраля, въ Среду на масляницѣ; четыре дня увеселеній предстояли мнѣ, и это меня болѣе пугало: я бы хотѣлъ провести ихъ съ семействомъ въ Симбухинѣ. Никого не зналъ я изъ жителей, и заранѣе всѣ они мнѣ не нравились.

Посѣщеніямъ мужскимъ и дамскимъ и разнаго рода приглашеніямъ на другое утро не было конца, такъ что матери моей не оставалось времени ни порядочно отдохнуть, ни сдѣлать визиты, и она по

*) Полицеймейстеры были тогда въ однѣхъ только столицахъ.

неволѣ должна была казаться неучтивою. Въ двадцать, въ тридцать домовъ, одинъ неизвѣстнѣе мнѣ другаго, повезли меня. Всякій день, въ 10 часовъ утра, бывали гдѣ-нибудь завтракъ и блины, а потомъ катанье за городъ, волчья травля, садка или бѣгъ; послѣ того званый обѣдъ, за которымъ обыкновенно слѣдовало при фонаряхъ катанье съ горъ; наконецъ, въ третьемъ мѣстѣ балъ и ужинъ. Такъ продолжалось четыре дня до самаго чистаго Понедѣльника, и это отчаянное веселіе, этотъ шумъ нѣсколько заглушили непонятную во мнѣ тоску. Я бы болѣе насладился, еслибы сквозь учтивости и ласки, мнѣ оказанныя, проглянуло сколько-нибудь добродушія: его я ни въ комъ не замѣтилъ. Ни живаго, сердечнаго веселія прежнихъ Кіевскихъ баловъ, ни пристойности столичныхъ собраній не нашелъ я тутъ; казалось,

После ужасовъ набѣга
Татаринъ буйный пировалъ.

Какъ праздникъ встрѣтилъ я Великій постъ. Противоположность сырной недѣли и первой поста была въ провинціи, если возможно, еще болѣе рѣзкая, чѣмъ нынѣ. Мы вновь уединились и, какъ бы предвидя, что никогда уже, всѣ безъ изъятія, не будемъ соединены, почти не разставались. Въ день Сборнаго Воскресенія, въ день православія, послѣ обѣдни, сестра и братъ не отлучены были отъ семейства, а разлучились съ нимъ: одна отправилась обратно въ Москву, а другой въ Воронежъ, не съ проклятіями, а съ благословеніемъ родительскимъ.

Прежде нежели я примусь описывать Пензу, ея жителей, духъ ея общества, попрошу у читателя дозволенія на страну, ее окружающую, бросить взглядъ въ историческомъ отношеніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣкогда пролегалъ тутъ главный путь изъ Россіи въ Орду. Сколько князей и бояръ тутъ проѣхало! Баскаки спѣшили чрезъ сіи мѣста, чтобы грабить нашу землю; великіе князья и митрополиты Московскіе раскидывали тутъ свои шатры, и въ нихъ горестно молили Бога о защитѣ. Монгольское племя, болѣе всѣхъ другихъ привязанное къ кочевой жизни, могло основаться только среди необозримости степей и покидало ихъ тогда только, когда стремилось за добычей. Татары, народъ отъ Монголовъ совершенно отличный и имъ подвластный, давшій имъ свое имя и пережившій ихъ владычество, не столько чуждались осѣдлости. По всѣмъ вѣроятіямъ, Татары, какъ передовое войско Монголовъ, заняли опушку Русской земли, пространство между Волгой и Мокшей, но по малочисленности своей могли на немъ жить только разсѣянно. Для нихъ гористыя и плодородныя мѣста, изобильныя водой и лѣсомъ, представляли удобства, о коихъ Монголы не могли помышлять. Названія мѣстъ и рѣкъ, въ Пензенской и со-

сѣднихъ съ нею губерніяхъ, показываютъ, что тутъ сдѣлалась настоящая Татарія: Ардымъ, Кевда, Мелсита, Кучюкъ, Поръ, Анзыбей, Инсара, Селикса, Чембаръ, самая Пенза и множество другихъ, коихъ и не перечтешь и въ коихъ не сыщешь и слѣдовъ Славянскаго корня *).

Послѣ завоеванія Казани, Русскіе безъ опасенія и безъ спросу стали захватывать земли, занятыя ихъ врагами. Тогда все чтò было народное было царское, и все чтò было царское было народное; въ древнія варварскія времена, какъ у насъ, такъ и въ Европѣ, главы народовъ дѣлились славою и богатствомъ съ тѣми кто раздѣлялъ ихъ опасности, съ вѣрными своими сподвижниками, кои за нихъ и съ ними проливали кровь свою. Въ новѣйшее же время человѣколюбіе и просвѣщеніе государей... судятъ о томъ иначе: они усыновляютъ новыхъ подданныхъ, не только равняютъ въ правахъ побѣжденныхъ съ побѣдителями, но даже первымъ передъ послѣдними даютъ неизчетныя преимущества; орудія бросаютъ съ презрѣніемъ и обнимаютъ съ любовію пріобрѣтенія, ими добытыя. Теперь Боже спаси отъ завоеваній! Они суть только тягость, а не сила государства.

Но не о томъ рѣчь. Итакъ Русскіе селились между Татарами. Какъ предки ихъ, подвигаясь на Сѣверо-востокъ, гнали передъ собою Мерю, Весь и Финскія племена, и строили Муромъ, Ростовъ и Суздаль, такъ и они, расширяясь на Юго-востокѣ, тѣснили потомство своихъ властителей и поглощали самое ихъ народонаселеніе. Увѣряютъ, что при Борисѣ Годуновѣ потокъ до того усилился, что начали опасаться, чтобы не изсякнулъ самый источникъ его, и что сіе заставило укрѣпить за помѣщиками живущихъ на землѣ ихъ людей. Кажется, приливъ всего сильнѣе былъ около Пензы, равно какъ и число встрѣченныхъ имъ Татаръ, и оттого сіе мѣсто сдѣлалось средоточіемъ Руссо-татарской помѣси.

Всякій, кто ѣдетъ изъ Москвы, проѣхавъ Арзамасъ, можетъ легко въ томъ убѣдиться: все измѣняется вдругъ, природа и люди; горы становятся все выше и круче, лѣса тѣнистѣе, избы ниже и неопрятнѣе, лица смуглѣе, физіономіи выразительнѣе и суровѣе. Переселившіеся туда Русскіе дворяне переженились на дочеряхъ безчисленныхъ Татарскихъ мурзъ или князей, Маматказиныхъ, Мамлѣевыхъ, Колунчаковыхъ, Девлеткильдѣевыхъ, Чегодаевыхъ, Мансыревыхъ, коихъ потомство встрѣчается во всѣхъ городахъ и селахъ и во многихъ мѣстахъ па-

*) Въ другихъ губерніяхъ: Арзамасъ, Ардатовъ, Алатырь, а далѣе Чебоксаръ, Уфа, Бугульма и Белебей суть чисто-татарскія названія. Надобно же было за ними поставить Нѣмецкій *бургъ* — Оренбургъ!

шетъ нынѣ землю. Слѣдственно, и высшій классъ въ томъ краю не совсѣмъ уже Русскій.

На берегу рѣчки Пензы, близъ втока ея въ Суру, стояло самое большое изъ новыхъ селеній. По негостепріимному, неуживчивому, бранчивому нраву его жителей, обрусѣвшихъ Татаръ, или отатарившихся Русскихъ, дано ему было названіе Облай-Слобода. Въ 1666 году (апокалипсическое число) царю Алексѣю Михайловичу угодно было возвести его въ званіе города и дать ему другое имя по рѣкѣ, на которой оно было построено. Съ тѣхъ поръ постоянно управляли имъ воеводы, до самаго учрежденія губерній при Екатеринѣ.

Когда-то отцу моему, какъ Орфею, удавалось плѣнять сихъ лютыхъ звѣрей; по его совѣтамъ, какъ по голосу Амфіона, когда-то поднимались камни и, стройно ложась другъ на друга, образовывали стѣны и домà. Но сіе время прошло; съ тѣхъ поръ простота оставила ихъ черствыя души, а просвѣщеніе не успѣло еще смягчить ихъ. Я гдѣ-то говорилъ уже о Пензѣ и сказалъ, что помѣщики съ своею прислугою составляютъ бóльшую часть, а купцы и мѣщане едва треть ея населенія. Въ такомъ уѣздномъ городѣ, стоящемъ вдали отъ губернскихъ, внѣ главныхъ путей сообщенія, городничій не могъ быть важнымъ лицомъ, а напротивъ долженъ былъ стараться всѣмъ угождать; обществомъ же управляли одни предразсудки и партіи. Самые ужасы Павловыхъ временъ не заглядывали въ сію глушь. Это была республика въ забытомъ углу, какъ Санъ-Марино въ Италіи. Такъ продолжалось пять лѣтъ, и послѣ того во всякомъ начальникѣ, поступающемъ по законамъ и соблюдающемъ порядокъ, должны были сіи люди видѣть тирана.

Надобно знать, какое мнѣніе сами губернаторы и вообще всѣ жители имѣли прежде о высокомъ ихъ званіи. Губернаторъ былъ лучъ сіянія царскаго, хозяинъ губерніи, защитникъ ея правъ, ходатай у престола. Не обремененные тысячью мелочей, какъ нынѣ, не стѣсняемые безчисленными формами, не обязанные безпрестанно отправлять срочныя вѣдомости, коихъ никто не читаетъ, не окруженные лазутчиками, не устрашаемые отвѣтственностію за всякую бездѣлицу, не видящіе равносильныхъ управленій другихъ вѣдомствъ, отъ нихъ вовсе не зависящихъ, спокойные, уважаемые, могли они безпрепятственно творить добро и въ благѣ ввѣреннаго имъ края видѣть собственное. Но и къ достиженію сего завиднаго положенія, охотно сохраняемаго бóльшую часть жизни, были также нужны права, зрѣлый умъ и зрѣлыя лѣта, опытность въ дѣлахъ, несомнительная нравственность, сотворенное себѣ честное имя, уваженіе пріобрѣтенное собственными поступками. Послѣ выбора первыхъ сановниковъ государства, самымъ

труднѣйшимъ почитался выборъ губернаторовъ. Не смотря на безпорядки Павлова правленія, пусть вспомнятъ, кого нашелъ императоръ Александръ и кого сначала опредѣлилъ въ сіи должности. Имена Львова, Панкратьева, Руновскаго, Миклашевскаго, Рунича и другихъ понынѣ произносимы съ душевнымъ уваженіемъ и благословляемы въ тѣхъ мѣстахъ, коими они управляли. Если повѣрятъ мнѣ въ изображеніи отца моего, то кто болѣе его могъ надѣяться украсить собою мѣсто начальника губерніи? А едва прошелъ Мартъ мѣсяцъ, какъ появились уже неудовольствія и несогласія. Я долженъ объяснить здѣсь начало и причину ихъ.

Въ Пензенской губерніи было тогда семейство ***, безобразныхъ гигантовъ, величающихся, высящихся, яко кедры Ливанскіе; и прошелъ вѣкъ мой, и увы! не могъ я сказать: се не бѣ! И кто взыщетъ мѣсто ихъ, тотъ обрѣтетъ еще нечестивое ихъ высокомѣріе въ Симбирскѣ и Саратовѣ. Тамъ живутъ еще старшіе члены семейства ***. Глава его, ..., былъ человѣкъ неглупый, съ большимъ состояніемъ: онъ имѣлъ труппу актеровъ и музыкантовъ, имѣлъ каменный домъ въ Москвѣ, и давалъ балы, какихъ тогда можно было найдти въ ней по двадцати каждый день. Въ чинѣ отставнаго поручика (дѣло дотолѣ неслыханное) былъ онъ разъ выбранъ губернскимъ предводителемъ; если прибавить къ тому чрезвычайно высокій его ростъ, то сколько причинъ, чтобы почитать себя выше обыкновенныхъ смертныхъ! Въ немъ и въ пяти гайдукахъ, имъ порожденныхъ, была странная наклонность не искать власти, но сколько возможно противиться ей, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась.

Огромнѣйшій изъ его дѣтищъ, А....., служилъ при Павлѣ въ генералъ-прокурорской канцеляріи; тамъ сошелся, сблизился онъ съ человѣкомъ самаго необыкновеннаго ума, о коемъ преждевременно говорить здѣсь не хочу. Отъ него заимствовалъ онъ фразы, мысли, правила, кои къ представляющимся случаямъ прилагалъ потомъ вкривь и вкось. Извѣстно, какъ быстро при Павлѣ вездѣ шло производство: въ двадцать два года былъ онъ уже надворный совѣтникъ и назначенъ губернскимъ прокуроромъ въ Пензу. Природа, дѣлая лишнія усилія, часто истощаетъ себя, и чрезъ мѣру вытягивая великановъ, отнимаетъ у нихъ тѣлесныя силы. Такъ то было съ этимъ ***. Глядя на его ростъ, на его плеча, внимая его грубому и охриплому голосу, можно было принять его за богатыря; но согнутый хребетъ обличалъ его хилость, и въ двадцать лѣтъ не съ большимъ одолѣвающія его хирагра и подагра заставляли его часто носить плисовые сапоги и перчатки. Безсиліе его ума также подавляемо было тяжестію идей, кои почерпнулъ онъ въ разговорахъ съ знаменитымъ другомъ своимъ и

кои составляли все его знаніе... Первые мѣсяцы оставался онъ спокоенъ, принимая участіе въ общемъ веселіи и не разстраивая общаго согласія. Одно происшествіе подало ему поводъ себя обнаружить. Шатающійся въ Пензѣ отставной офицеръ, по имени Чудаковскій, пьяный, дерзкій и развратный, сдѣлалъ одно изъ тѣхъ преступленій, которыя въ Россіи были тогда почти неслыханы: насильственно былъ онъ причиною смерти одной несовершеннолѣтней дѣвочки. По принесенной о томъ жалобѣ, отецъ мой велѣлъ его засадить и предать уголовному суду. *** немедленно вошелъ съ протестомъ, въ коемъ, самымъ неприличнымъ образомъ порицая злоупотребленіе власти, старается оправдывать виновнаго, увлеченнаго яко бы силою любви. Это было въ началѣ Страстной недѣли; все что̀ было порядочныхъ людей, пришло въ ужасъ, а въ другихъ сначала сіе возбудило одно только любопытство. Бумагу сію можно почитать манифестомъ зла противъ добра. Безнаказанность такой наглости, нѣсколько времени спустя, ободрила всѣхъ враговъ порядка: знамя было поднято, они спѣшили къ нему... Наконецъ, малѣйшее неудовольствіе на губернатора, за всякую бездѣлицу, за невниманіе, за разсѣянность (чего бы прежде не смѣли и замѣтить) бросало въ составившуюся оппозицію многихъ помѣщиковъ, впрочемъ, не весьма дурныхъ людей, но необразованныхъ и щекотливыхъ.

Нескоро отецъ мой могъ все это понять; служивши долго при Екатеринѣ, когда власть уважали и любили, и нѣсколько времени при Павлѣ, когда трепетали передъ нею, ему не вѣрилось, чтобы было возможно столь несправедливо, безразсудно и нахально возставать противъ нея. Онъ не скрывалъ своего негодованія и жаловался старому другу своему Беклешову; а тотъ съ одной стороны успокоивалъ его конфиденціальными, совершенно пріязненными письмами, а съ другой грозилъ офиціяльно ***, что выкинетъ его изъ службы, если онъ не уймется. Но сей послѣдній умѣлъ скрывать получаемыя имъ бумаги, коихъ содержаніе сдѣлалось извѣстно только по оставленіи имъ должности: казался веселъ, покоенъ и каждый день затѣвалъ новые протесты. Отецъ мой былъ въ отчаяніи, не зная что̀ подумать о генералъ - прокурорѣ, а *** ничего не страшился: онъ зналъ что̀ происходитъ въ Петербургѣ и ничего такъ не желалъ, какъ, надѣлавъ шуму, явиться туда жертвою двухъ старовѣровъ. Наконецъ, дѣйствительно велѣно ему подать въ отставку, и онъ послалъ просьбу; но она пришла уже къ преемнику Беклешова, который, съ честію его уволивъ, причислилъ къ себѣ. Я не знаю ничего позорнѣе этой краткой борьбы между умнымъ, пылкимъ и благороднымъ старцемъ и безсмысленнымъ, безстрастнымъ и безнравственнымъ юношей.

Въ поступкахъ этого человѣка можно было видѣть нѣчто отчаянно-смѣлое и можно было въ немъ предполагать необычайную силу духа; напротивъ, трудно было сыскать человѣка болѣе его трусливаго. Старшіе братья мои и иные молодые люди говорили ему въ глаза жестокія истины, отъ коихъ всякаго другаго бы взорвало; мнѣ случилось видѣть, какъ одинъ графъ Толстой въ бѣшенствѣ взялъ его за воротъ, но онъ остался непоколебимъ, понюхивалъ табакъ и, величественно улыбаясь, старался все обратить въ шутку. Мнѣ сказывали потомъ, какъ при всѣхъ объявлялъ онъ, что не согласится ни за что̀ въ мірѣ на поединокъ. Подобно одному глупцу нынѣшняго времени, онъ любилъ твердить о своей магистратурѣ; ею, по словамъ его, какъ священною мантіей, прикрывался онъ отъ ножа или кинжала убійцы (чего опасаться, кажется, было трудно), но никогда не упоминалъ о шпагѣ или пулѣ противника, который однакоже могъ бы явиться.

Я видѣлъ только самое начало этой брани, ибо шестимѣсячный срокъ моего отпуска миновался, и далѣе Мая мѣсяца мнѣ въ Пензѣ нельзя было оставаться.

Но и послѣ ***, война не прекращалась. Передъ отъѣздомъ моимъ мнѣ хотѣлось бы показать главныя лица, въ ней подвизавшіяся. Жители Петербурга, привыкшіе съ такимъ презрѣніемъ смотрѣть на все что̀ происходитъ въ провинціяхъ, улыбнутся при чтеніи описываемаго мною и назовутъ это бурею въ стаканѣ воды. Но въ этомъ стаканѣ считается до миліона жителей, и онъ заключаетъ въ себѣ не менѣе десяти Нѣмецкихъ герцогствъ съ ихъ дворами, министрами и войсками. Не бѣда, если легкомысленный и праздный столичный народъ почитаетъ недостойнымъ своего вниманія благосостояніе цѣлой области; но правительству необходимо заботиться о ея спокойствіи и быть осмотрительну въ выборѣ людей, туда посылаемыхъ. Въ изображеніи Пензенскихъ безпорядковъ оно могло бы увидѣть тѣ, которые происходили или происходятъ и нынѣ въ другихъ губерніяхъ.

Мнѣ было очень больно, что земляки мои по сердцу, Малороссіяне, сдѣлались первыми нашими врагами. Изъ совѣтниковъ Черниговскаго губернскаго правленія, Иванъ Андреевичъ Войцеховичъ назначенъ былъ предсѣдателемъ Пензенской Гражданской Палаты. Его почитали тонкимъ и хитрымъ, а онъ по природѣ былъ только человѣкъ скрытный, но не злой и не коварный. Кажется, къ чему бы ему было хитрить, зачѣмъ бы интриговать? Онъ не былъ ни честолюбивъ, ни алченъ къ деньгамъ, и честность его въ дѣлахъ могла бы обратиться въ пословицу.*) Но у него была жена, гораздо моложе его, Прасковья

*) Во время величайшихъ несогласій съ предсѣдателемъ, мы имѣли дѣло въ Гражданской Палатѣ. Родители мои не хотѣли противъ него подать подозрѣнія и не смотря на то, онъ судилъ бы противъ насъ, еслибы наши требованія были несправедливы; но наше право было неоспоримо, и онъ рѣшилъ совершенно въ пользу нашу.

Акимовна, изъ фамиліи Сулимовъ, самолюбивая и завистливая. Губернаторство моей матери ее мучило, и она къ чему-то придралась, чтобы поссориться и, какъ говорится въ провинціяхъ, разъѣхаться домами. Тогда разъѣхавшійся домъ ея сдѣлался прибѣжищемъ всѣхъ недовольныхъ. Между ними первые явились два единоземца ея, одинъ, Данилевскій (былъ послѣ директоромъ гимназіи), а другой... видно былъ лицо не весьма примѣчательное, потому что имя его ускользнуло отъ моей памяти. Съ нею ли въ одно время они пріѣхали или прежде? Зачѣмъ они пріѣхали, и за что̀ прогнѣвались на насъ? Кажется, нѣтъ никакой нужды знать, даже мнѣ самому, а кольми паче другимъ: довольно, что они были очень злы. Въ кругу семейства и соотчичей, намъ столь враждебныхъ, могъ ли Иванъ Андреевичъ оставаться совершенно безпристрастнымъ? По крайней мѣрѣ онъ никогда не переставалъ быть скроменъ въ рѣчахъ, учтивъ во встрѣчахъ, не переставалъ также до нѣкоторой степени, какъ Греческій мудрецъ, покоряться неукротимой своей Ксантиппѣ. Въ тридцать лѣтъ, госпожа Войцеховичева могла бы быть довольно недурна собою. Но внутренняя ярость, часто выступавшая на лицо ея, успѣла рано провесть на немъ нѣсколько морщинокъ; улыбка, всегда язвительная, не придавала никакой пріятности устамъ, которыя, какъ увѣряютъ, открывались для одной только хулы; надъ самымъ челомъ ея, среди черныхъ волосъ, являлся уединенно цѣлый густой клокъ сѣдыхъ. Итакъ она была не красавица; не въ состояніи будучи воспалять любовь, она, искусно проповѣдуя независимость и равенство, умѣла возбуждать вражду и мщеніе. Я бы назвалъ ее Пензенскою мадамъ Roland, еслибы не было у нея пріятельницы, необузданностію и дерзостію ее превосходящей.

Низенькая, толстенькая, почти четвероугольная крикунья, Степанида Андреевна Кекъ, была женщина умная, воспитанная въ Смольномъ монастырѣ, украшенная золотымъ вензелемъ Екатерины Второй. Въ ней можно было видѣть разницу между просвѣщеніемъ и образованностію. Занятія ея жизни были новостію для Пензенскихъ барынь: она любила много читать и даже переводить книги, сама учила дѣтей, украшала свой садъ, выписывала рѣдкія растенія, разводила ихъ и прекрасными цвѣтами могла бы снабдить весь городъ. За то всякая баба, торгующая на базарѣ, всякій мужикъ былъ ея вѣжливѣе и пристойнѣе; даже нынѣ, когда приличія свѣта все болѣе и болѣе почитаются предразсудками, ея манеры были бы нестерпимы. Чистосердечная грубость предполагаетъ обыкновенно доброе сердце, а у этой толстушки весь жиръ разведенъ былъ желчью. Ея мужъ, изъ Нѣмцевъ, гдѣ-то служилъ, когда-то получилъ какой-то чинъ, военный или статскій, и разбогатѣлъ, отдавая деньги въ ростъ. Года за два до нашего

пріѣзда, купилъ онъ имѣніе неподалеку отъ Пензы и поселился въ ней съ супругою своёю и тещей, также Нѣмками. Про него ничего не говорили, его никогда не видѣли и знали токмо подъ именемъ мужа Кекши. Кажется, онъ помаленьку занимался прежнимъ ремесломъ и въ уединенной тишинѣ любовался только звонкимъ металомъ, умножающимъ невыносиное громогласіе жены его, которая за него разъѣзжала, дѣйствовала, а говорила за десятерыхъ. Мать моя никакъ не умѣла или не хотѣла скрывать, сколь посѣщенія этой женщины ей непріятны; она должна была знать, что въ провинціи изъявленная холодность, хотя впрочемъ безъ малѣйшей неучтивости, разрываетъ знакомство, и что разрывъ знакомства возжигаетъ непримиримую вражду; она боялась оглохнуть и на все рѣшилась.

Къ симъ двумъ пріятельницамъ начали приставать всѣ горделивыя жены Пензы. Ни малѣйшей причины къ неудовольствію имъ не было подаваемо; онѣ искали предлоговъ. Имъ казалось тягостнымъ обыкновеніе, искони, заведенное въ губернскихъ городахъ, съѣзжаться по воскресеньямъ на вечеръ къ губернаторшѣ; къ тому ихъ никто не приневоливалъ, а онѣ требовали невозможнаго: чтобы въ продолженіи недѣли всѣмъ имъ отданы были визиты. Онѣ поудержались и ожидали упрековъ, кои не оставили бы назвать взыскательностію; но ихъ отсутствія не замѣтили, онѣ продлили его и, наконецъ, объявили, что видно общество ихъ не нужно. Цѣлый легіонъ демоновъ въ женскомъ образѣ ополчился тогда противъ моихъ родителей, и еще болѣе противъ доброй моей матери. Въ семъ полчищѣ особенно примѣчательны были только двѣ сестры, старыя, кислонравныя дѣвки, недавно запасшіяся послушными мужьями—Бровцына и Есипова; онѣ были ехиднѣе самой Войцеховичевой и бѣшенѣе Кекши.

Дамъ, хотя и не совсѣмъ достойныхъ сего названія, пустилъ я впередъ, вопервыхъ изъ учтивости и вовторыхъ потому, что непосредственно послѣ *** онѣ первыя повели атаку; да еще по тому уваженію, что женская злость, равно какъ и женская доброта, всегда далеко превосходятъ мужскую. Столь же ничтожныя причины подвигли противъ отца моего и нѣкоторыхъ помѣщиковъ, живущихъ въ Пензѣ. Могли выйдти непріятности по дѣламъ, по службѣ; можно было жаловаться на несправедливости, претерпѣваемыя отъ подчиненныхъ, но этого ничего не было; наговоры, сплетни, косой взглядъ, вотъ чего достаточно было, чтобы породить ненависть. Отъявленнымъ, главнымъ врагомъ нашимъ почитался нѣкто ст. с. П. А. Г., семидесятилѣтній старикъ, утопавшій въ постыдномъ любострастіи. Владѣя хорошимъ родовымъ имѣніемъ, онъ чрезвычайно умножилъ его экономическими средствами, будучи экономіи директоромъ и потомъ вице-губернато-

ромъ въ Вятской губерніи, населенной какъ извѣстно, почти одними только казенными крестьянами; его экономическая система что-то не понравилась; нашли, что она накладна для казны и не совсѣмъ учтиво отказали ему отъ должности. Онъ пріѣхалъ на житье въ уѣздный тогда городъ Пензу, гдѣ всѣхъ онъ былъ богаче, всѣхъ старѣе лѣтами и чиномъ, гдѣ не весьма строго смотрѣли на средства къ обогащенію и охотно раздѣляли удовольствія ими доставляемыя. Старость его, которую называли маститою, была отмѣнно уважаема: ибо за дешевый, хотя множествомъ блюдъ обремененный, столъ его садилось ежедневно человѣкъ по тридцати. Только что за обоняніе, вкусъ и желудки были у гостей его! Кашами съ горькимъ масломъ, ветчиной со ржавчиной, разными похлебками, вареными часто въ нелуженой посудѣ, потчивалъ ихъ этотъ человѣкъ, въ коемъ тщеславіе спорило съ ужасною скупостію. Однимъ обыкновеннымъ хлѣбосольствомъ не ограничивалось его великолѣпіе; длинный рядъ комнатъ довольно низкаго, одноэтажнаго, деревяннаго дома его былъ убранъ съ большими претензіями; но все тамъ было неопрятно, нечисто какъ совѣсть хозяина. Въ огромномъ мезонинѣ, подавлявшемъ сей низенькій домъ, помѣщался театръ, гдѣ играли доморощенные его актеры и музыканты *). Оффиціальная сила отца моего не могла нравиться народности Пензенскаго гранда; къ тому же самая противоположность характеровъ не допускала ихъ сблизиться. Оказывая ему всевозможную учтивость, отецъ мой воздерживался однако отъ всего, что̀ могло произвесть короткость, и одинъ разъ, захворавъ отъ его обѣда, старательно отклонялъ потомъ новыя его приглашенія. Чего же болѣе для совершеннаго разрыва?

Тотъ о коемъ кончилъ я разсказъ, можетъ почитаться добродѣтельнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, о комъ я стану говорить и о комъ безъ омерзѣнія не могу я вспомнить. Нравомъ, сердцемъ, правилами и поступками, равно какъ и лицомъ, фигурой, взглядомъ и голосомъ, я не знавалъ человѣка хуже Семена Алексѣевича **.... Въ немъ одно совершенно отвѣчало другому и равно было гнусно и отвратительно. Распространяться объ немъ я много не буду, опасаясь, чтобы не стошнилось, а скажу только о необыкновенномъ способѣ, который употреблялъ онъ для стяжанія себѣ богатства. Онъ заводилъ тяжбы со всѣми сосѣдями, преимущественно же съ мелкими дворянами; когда онъ приводилъ ихъ въ отчаяніе, то мирился съ ними не иначе какъ съ условіемъ уступить ему ихъ малые участки на низкую цѣну, ко-

---

*) Житье г. Г., подъ именемъ Рукавицына, очень удачно описано въ *Искуситель*, романѣ Загоскина. Тамъ же очень вѣрно изображены бывшій при Екатеринѣ губернаторъ Ступишинъ и родственникъ его Еф. Петр. Чемесовъ, подъ именемъ Двинскаго

торую онъ сполна не выплачивалъ, и они отступались отъ нея, чтобы отъ него какъ-нибудь отвязаться. Когда у другихъ шелъ споръ объ имѣніи, то съ предложеніями о покупкѣ его онъ обращался единственно къ тѣмъ, кои лишались надежды выиграть дѣло и такимъ образомъ, за самую умѣренную цѣну пріобрѣталъ помѣстье и процессъ. Этотъ ябедникъ дѣйствовалъ не подкупомъ, а страхомъ; онъ во всѣхъ судахъ былъ ужасъ и бичъ присутствующихъ, секретарей и повытчиковъ. Когда мы пріѣхали въ Пензу, говорили, что у него въ одно время было тридцать два процесса. Такіе люди рѣдко бываютъ щекотливы, а этотъ еще требовалъ уваженія: дѣло невозможное для человѣка съ честію, каковъ былъ отецъ мой; а вотъ еще и новый злодѣй!

Многочисленное семейство его было примѣчательно родовымъ, наслѣдственнымъ свинообразіемъ. Жена его никуда не показывалась: какая-то ужасная болѣзнь, коей начало приписывали сожитію ея съ мужемъ, до того изуродовала лицо ея, и такъ уже весьма некрасивое, что лишила ее даже носа. Изъ его дѣтей мнѣ особенно памятна одна дочь его, Авдотья, которую, по преувеличеннымъ пропорціямъ тѣла ея, сами родители прозвали Дунаемъ, и у которой была удивительная страсть ловить мухъ и глотать ихъ. Со взоромъ дикаго звѣря, имѣла она туловище коровы и птичій вкусъ: Ламайскіе язычники могли бы почесть ее божествомъ.

На другой дочери его женился нѣсколько лѣтъ потомъ спустя, одинъ изъ главъ коалиціи, игрокъ О.... Выгнанный сперва изъ столицъ, потомъ изъ губернскихъ городовъ, сей смѣлый, но видно не довольно искусный человѣкъ, неоднократно изобличенный въ мошенничествѣ и воровствѣ, избралъ убѣжищемъ свободную тогда Пензу. Довольно уже неопытныхъ юношей, довольно неосторожныхъ мужей прошло чрезъ хищныя его руки, чтобы дать ему средства завести хорошій домъ и жить въ немъ прилично. Нѣкоторая роскошь есть одна изъ приманокъ, одно изъ необходимыхъ условій для промышленниковъ такого рода и обращается имъ подъ конецъ въ привычку и потребность; она домъ его сдѣлала привлекательнымъ. Мѣры при отцѣ моемъ принятыя полиціей къ прекращенію публичныхъ засѣданій въ семъ домѣ ожесточили г. О...., хотя никто не могъ воспретить ему дѣйствовать тайно, и хотя для ловитвы его открыто широкое поле на всѣхъ окрестныхъ ярмаркахъ.

Не высчитывать же мнѣ всѣхъ пакостниковъ, вошедшихъ въ сообщничество съ вышесказанными людьми, всѣхъ подлыхъ ихъ приверженцевъ! Не безъ труда и съ частыми позывами ко рвотѣ могъ изобразить я змѣй, а до ядовитыхъ насѣкомыхъ уже не спущусь. Сіи нечистыя стихіи образовали не тучу, какъ говоритъ пословица, а на-

возную кучу, изъ которой однакоже громъ не переставалъ гремѣть во время управленія отца моего. Она составилась, разумѣется, не въ одинъ день. *** положилъ ея начало, но обстоятельства, въ коихъ находилась тогда вся Россія ее умножили и усилили.

Спросятъ, можетъ быть, какъ человѣкъ съ умомъ и твердостію, какимъ представленъ мой отецъ, могъ не пренебречь дерзостію и происками людей запятнаныхъ, по большей части столь ничтожныхъ? Какъ не умѣлъ онъ обуздать ихъ? Я уже сказалъ выше, что при Павлѣ невинно-гонимые прятались по деревнямъ, а множество справедливо-преслѣдуемыхъ наполнило Пензу. Число—весьма важное дѣло, тамъ гдѣ начальникъ, безъ подпоры въ столицѣ, долженъ вооружаться противъ всякаго рода зла одною своею правотою и благонамѣренностію. И дѣйствительно, онъ долго сражался и часто побѣждалъ; но чего ему это стоило! Времена были необыкновенныя: грубое свободомысліе, которое при Екатеринѣ допустили разойтись по Россіи, притѣсненіями Павла получило нѣкоторую сущность и благостію Александра думало утвердиться. Какъ вскорѣ послѣ изобрѣтенія пороха и огнестрѣльныхъ орудій, въ эту минуту открытъ новый образъ войны противъ начальствъ и правителей, и первый опытъ сдѣланъ въ Пензѣ. Старому рыцарю, отцу моему, мало помогали сначала щитъ его и копье, добродѣтель и честь; но онъ образумился и убѣдился подъ конецъ, что и одною храбростію можно иногда одолѣвать число и искусство. Стратегическія правила этой войны усовершенствовались нынѣ, когда не только губернаторы, но и сами министры, по ввѣряемымъ имъ частямъ, идутъ какъ на бой; тогда же люди, облекаемые высокою довѣренностію царскою, спокойно садились на мѣста свои, на коихъ по долгу совѣсти и присяги безспорно творили судъ и расправу.

Пусть смѣются надо мной, а въ низкихъ и глупыхъ безпорядкахъ Пензы я и доселѣ вижу глухой, невнятный отголосокъ 1789-го года. Только послѣ двоекратнаго посѣщенія нами Парижа въ 1814 и 1815 годахъ, страшные звуки его начали становиться у насъ понятнѣе и яснѣе. Но какъ либерализмъ и безвѣріе такъ рано забрались въ такое захолустье, когда ни въ Кіевѣ, ни въ Петербургѣ и Москвѣ я, по крайней мѣрѣ, объ нихъ и не слыхивалъ? Кіевъ отъ заблужденій Запада былъ защищаемъ ненавистью и презрѣніемъ къ Польшѣ, откуда могли они въ него проникнуть; въ Петербургѣ и въ Москвѣ видалъ я только людей, напуганныхъ ужасами революціи. Въ нечестивой Пензѣ услышалъ я въ первый разъ насмѣшки надъ религіей, хулы на Бога, эпиграмы на Богородицу отъ такихъ людей, которые были совершенные неучи; впрочемъ, они толковали уже о Ноноттѣ, о Фреронѣ и объ аббатѣ Гене, и топтали ихъ въ грязь, превознося похвалами *Кан-*

дида и *Бѣлаго Быка*: авторы и сочиненія мнѣ были тогда вовсе неизвѣстны. Я не хочу быть пророкомъ; но, судя о будущемъ по прошедшему и настоящему, и теперь увѣренъ въ душѣ моей, что еслибъ когда-нибудь (помилуй насъ Боже) до дна расколыхалась Россія, еслибъ западные вѣтры надули на нее свирѣпую бурю, то первые ея валы воздыматься будутъ въ Пензѣ *). Во время Пугачевскаго бунта вѣроломствомъ и жестокостію никто не превзошелъ ея жителей; въ 1812 году, изо всѣхъ ополченій одно только Пензенское возмутилось въ самую минуту выступленія противъ непріятеля.

Да, такъ: почти сорокалѣтнее негодованіе мое и по днесь не истощилось; неугасимая ненависть къ Пензѣ и понынѣ наполняетъ мое сердце. Пусть люди добрые, но не знающіе глубокихъ ощущеній, равнодушные къ добру и злу, въ шумѣ свѣтскихъ увеселеній или въ заботахъ службы теряющіе память о иныхъ обязанностяхъ, пусть подозрѣваютъ они меня въ клеветѣ, пусть обвиняютъ въ жестокосердіи, въ ужаснѣйшей злобѣ! Я не ропщу на нихъ: имъ не понять меня. Не всякому дано священное, небесное чувство безпредѣльной сыновней любви, не у всякаго отецъ былъ праведникъ, не у всякаго распинали его, какъ у меня.

Я назвалъ главныхъ злодѣевъ нашихъ, не сказавъ, въ чемъ состояли ихъ нападенія и какой имѣли они успѣхъ. Все это такъ тѣсно связано съ тѣмъ, что́ я видѣлъ потомъ въ Петербургѣ, что отдѣлить отъ того почти невозможно, и я предоставляю себѣ разсказать о томъ въ слѣдующихъ главахъ.

Но и вездѣ не безъ добрыхъ же людей; ихъ было довольно и въ Пензѣ. Не знаю, показались ли бы они такими въ другомъ мѣстѣ, но тамъ ихъ общество было услажденіемъ: нравственности были они не строгой, любезностью ума не плѣняли, о просвѣщеніи уже и не спрашивай, болѣе или менѣе заражены были невѣжественною спѣсью; но многіе изъ нихъ были забавны своими странностями и не были чужды понятіямъ объ обязанностяхъ и достоинствѣ человѣка. Частыя поѣздки мои въ Пензу доставятъ мнѣ много случаевъ говорить о нихъ, и потому ограничусь я теперь описаніемъ вообще ихъ образа жизни.

На самомъ темени высокой горы, на которой построена Пенза, выше главной площади, гдѣ соборъ, губернаторскій домъ и присутственныя мѣста, идетъ улица, называемая Дворянскою. Ни одной лавки, ни одного купеческаго дома въ ней не находилось. Не весьма вы-

---

*) Нельзя обвинять ***, что первый бросилъ онъ въ Пензѣ зловредныя сѣмена; но очень удачно сдѣлалъ онъ первую вспашку на почвѣ самой удобной для воспріятія разрушительныхъ идей.

сокія, деревянныя строенія, обыкновенно въ девять окошекъ, довольно въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи, жилища аристократіи, украшали ее. Здѣсь жили помѣщики точно также, какъ лѣтомъ въ деревнѣ, гдѣ господскіе хоромы ихъ также широкимъ и длиннымъ дворомъ отдѣлялись отъ регулярнаго сада, гдѣ входъ въ него также находился между конюшнями, сараями и коровникомъ и затрудняемъ былъ соромъ, навозомъ и помоями. Можно изъ сего посудить, какъ рѣдко сады сіи были посѣщаемы: невинныхъ, тихихъ наслажденій тамъ еще не знали, въ чистомъ воздухѣ не имѣли потребности, восхищаться природой не умѣли.

Описавъ расположеніе одного изъ сихъ домовъ, городскихъ или деревенскихъ, могу я дать понятіе о прочихъ: такъ велико было ихъ единобразіе. Невысокая лѣстница обыкновенно сдѣлана была въ пристройкѣ изъ досокъ, коей цѣлая половина дѣлилась еще на двое, для двухъ отхожихъ мѣстъ: господскаго и лакейскаго. Зажавъ носъ, скорѣе иду мимо и вступаю въ переднюю, гдѣ встрѣчаетъ меня другаго рода зловоніе. Толпа дворовыхъ людей наполняетъ ее; всѣ ощипаны, всѣ оборваны; одни лежа на прилавкѣ, другіе сидя или стоя говорятъ вздоръ, то смѣются, то зѣваютъ. Въ одномъ углу поставленъ столъ, на коемъ разложены или камзолъ, или исподнее платье, которое кроится, шьется или починивается; въ другомъ подшиваются подметки подъ сапоги, кои иногда намазываются дегтемъ. Запахъ лука, чеснока и капусты мѣшается тутъ съ другими испареніями сего лѣниваго и вѣтренаго народа. За симъ слѣдуетъ анфилада, состоящая изъ трехъ комнатъ: залы (она же и столовая) въ четыре окошка, гостиной въ три, и диванной въ два; онѣ составляютъ лицевую сторону, и воздухъ въ нихъ чище. Спальная, уборная и дѣвичья смотрѣли на дворъ, а дѣтскія помѣщались въ антресолѣ. Кабинетъ, поставленный рядомъ съ буфетомъ, уступалъ ему въ величинѣ и, не смотря на свою укромность, казался еще слишкомъ просторнымъ для ученыхъ занятій хозяина и хранилища его книгъ.

Внутреннее убранство было также вездѣ почти одинаковое. Зала была обставлена плетеными стульями и складными столами для игры; гостиная украшалась хрустальною люстрой и въ простѣнкахъ двумя зеркалами съ подстольниками изъ крашенаго дерева; вдоль стѣны, просто выкрашенной, стояло въ серединѣ такого же дерева большое канапе, по бокамъ два маленькихъ, а между ними чинно разставлены были кресла; въ диванной угольной, разумѣется, диванъ. Въ сохраненіи мебелей видна была только бережливость Пензенцевъ; обивка ситцевая, или изъ полинялаго сафьяна, оберегалась чехлами изъ толстаго полотна. Ни воображенія, ни вкуса, ни денегъ на украшеніе комнатъ тогда много не тратилось.

Когда бывалъ званый обѣдъ, то мущины тѣснились въ залѣ, вокругъ накрытаго стола; дамы, люди пожилые и почетные и тѣ, кои садились въ карты, занимали гостиную, дѣвицы укрывались въ гинесеѣ, въ диванной. Всякая пріѣзжающая дама должна была проходить сквозь строй, подавая руку направо и налѣво стоящимъ мущинамъ и цѣлуя ихъ въ щеку; всякій мущина обязанъ былъ сперва войти въ гостиную и обойти всѣхъ сидящихъ дамъ, подходя къ ручкѣ каждой изъ нихъ. За столомъ сначала нѣсколько холодныхъ, потомъ нѣсколько горячихъ, нѣсколько жаренныхъ и нѣсколько хлѣбенныхъ являлись по очереди, а между ними неизбѣжные два бѣлыхъ и два красныхъ соуса дѣлили обѣдъ на двое. Странное обыкновеніе состояло въ обязанности слугъ, подавая кушанье и напитки, называть каждаго гостя по имени.

Вообще Пенза была, какъ Китай, не весьма учтива, но чрезвычайно церемонна; этикетъ въ ней бывалъ иногда мучителенъ. Барыни не садились въ кареты свои или колымаги, не имѣя двухъ лакеевъ сзади; чиновники штабъ-офицерскаго чина отмѣнно дорожили правомъ ѣздить въ четыре лошади; а статскій совѣтникъ не выѣзжалъ безъ шести клячъ, коихъ называлъ онъ цугомъ. Случалось, когда ворота его стояли рядомъ съ сосѣдними, то передній форрейторъ подъѣзжалъ уже къ чужому крыльцу, а онъ не выѣзжалъ еще съ своего двора. Съ воцареніемъ Александра дамы вездѣ перестали пудриться, только въ Пензѣ многія ихъ нихъ не кидали обычая носить пудру. Щеголеватостью ни формъ, ни нарядовъ прекрасный полъ въ Пензѣ не отличался, ни даже пріятною наружностію. Только въ первые дни пребыванія моего тамъ, на Масляной, двѣ красавицы мелькнули предо мною, какъ мимолетныя видѣнія: одна генеральша Львова, урожденная Колокольцова, была тутъ проѣздомъ; другая госпожа Бекетова, урожденная Опочинина, три четверти года жила въ Саратовской деревнѣ, и скромная добродѣтель ея часто походила на суровость.

Одинъ почтенный, степенный и богатый человѣкъ, Николай Васильевичъ Смирновъ, жилъ въ Пензѣ прилично и благородно. При малолѣтнемъ сынѣ его былъ гувернеромъ меньшой братъ извѣстнаго уже шевалье де-Ролена. Не имѣя ни любезности, ни ума старшаго брата, онъ былъ гораздо его нравственнѣе. До революціи стоялъ онъ съ полкомъ въ Аяччіо, гдѣ хорошо зналъ семейство Бонапарте и выучился по-италіянски. Чтобы не совсѣмъ праздно проводить мнѣ время, пригласили его посѣщать меня и давать мнѣ Французскіе и Итальянскіе уроки; въ послѣднемъ я не имѣлъ времени сдѣлать большихъ успѣховъ, достаточно, однакоже, чтобы въ послѣдствіи понимать слова въ операхъ; а мнѣ только и было нужно. Изъ Москвы сдѣланы были Ев

генію Ролену выгоднѣйшія предложенія, и онъ оставилъ домъ г. Смирнова. Давно уже срокъ моего отпуска прошелъ, но не знали съ кѣмъ меня отправить, а одного, по глупости моей, не рѣшались; и потому воспользовались отъѣздомъ г. Ролена.

Какъ мнѣ ни жаль было разстаться съ родителями, но я сдѣлалъ сіе не безъ удовольствія, покидая вмѣстѣ съ нимъ непріятную и непріязненную Пензу. Мы выѣхали, помнится, 29-го Мая, въ одной изъ широкихъ и глубокихъ кибитокъ, которыя употреблялись тогда для дальнихъ дорогъ. Путевыя издержки, разумѣется, были на счетъ моихъ родителей. Погода была чудесная, дорога какъ скатерть, я лежалъ какъ въ колыбели, и хотя сухощавый Французъ, у котораго пересчитать можно было косточки, иногда и морщился отъ ѣзды, не совсѣмъ для него покойной, но только на минуту, а потомъ опять начиналъ смѣяться и шутить. Разказамъ его, и весьма занимательнымъ, не было конца, и мнѣ кажется, ни одного путешествія я такъ скоро не совершилъ. До Саранска и далѣе, до самой границы Пензенской губерніи, проворно закладывали намъ лошадей, услуживали намъ и, какъ передъ дофиномъ Пензенскимъ, снимали передо мной шапки. Подъѣзжая къ Арзамасу, пренебреженіе къ проѣзжимъ, мальчику и Французу, сдѣлалось очень примѣтно; я гнѣвался, а Французъ хохоталъ, разсуждая о превратностяхъ міра и паденіи царствъ. По дорогѣ отъ Пензы до Москвы, на Муромъ и Владиміръ я столько разъ потомъ проѣзжалъ, что описаніе ея мнѣ кажется столь же мало любопытно, какъ разсказъ о путешествіи съ Невскаго проспекта на Крестовскій островъ.

Въ Москвѣ нашелъ я сестру и зятя, поселившихся почти за городомъ. Не все же было хорошо при обожаемой мною Екатеринѣ: не довольствуясь отнятіемъ имѣній у монастырей (чѣмъ уменьшились, едва ли не уничтожились власть и вліяніе духовенства, а слѣдственно уваженіе къ нему), князь Потемкинъ нанесъ при ней святотатственную руку на самое существованіе многихъ изъ обителей; въ томъ числѣ упразднены были въ Москвѣ знаменитый нынѣ Симоновъ, и прежде Крутицкій монастыри. Сей послѣдній долго былъ мѣстопребываніемъ епархіальнаго архіерея, коему вмѣстѣ съ епархіей давалъ даже свое имя *). Опустѣвшія кельи его об-

*) Нищета составляетъ силу возникающихъ сектъ и религій; но постепенно умножающаяся бѣдность церкви, нѣкогда могущественной и богатой, доказываетъ упадокъ самой вѣры. Зачѣмъ же потрясать алтарь въ Россіи, гдѣ онъ всегда былъ и есть самая твердая, надежнѣйшая опора трона, до того, что понятія объ нихъ сливаются въ названіи престола, обоимъ присвоеннаго? Это и преступленіе, какъ говорилъ Талейранъ, это и политическая ошибка.

ращены были въ казармы полицейскихъ драгунъ. Изъ нихъ сформировалъ Алексѣевъ два эскадрона и былъ назначенъ ихъ командиромъ. Они служили менѣе для пользы, чѣмъ для украшенія полиціи, и были потѣхой для ихъ начальника, который отъ полицейскихъ заботъ отдыхалъ, научая ихъ кавалерійской службѣ. Очень порядочные дворяне соглашались вступить въ сіи эскадроны и носить бѣлый султанъ, коимъ украшались офицеры; промотавшіеся, буйные, молодые купчики плѣнялись также высокими касками, и многіе входили въ нихъ рядовыми. Алексѣевъ баловалъ ихъ, приголубливалъ, иныхъ производилъ въ унтеръ-офицеры, всячески приманивалъ и составилъ изъ того что-то весьма красивое.

Помѣщенія внутри монастыря для него самого не было: архіерейскія келья отдалъ онъ офицерамъ. Но лѣтомъ какъ можно менѣе хотѣлъ онъ разставаться съ своими любезными эскадронами, и потому близко отъ нихъ занялъ онъ пустой, невысокій, деревянный домъ, съ обширнымъ садомъ, принадлежащій отсутствующему его пріятелю князя Жевахову. Туда перевезъ онъ жену и дѣтей, и тамъ нашелъ я ихъ.

Тамъ же провелъ я все лѣто, могу сказать, въ нѣдрахъ природы и полиціи. Оно прошло для меня быстро, слѣдственно чрезвычайно пріятно: я полюбилъ долгія уединенныя прогулки, которыя мнѣ уже не возбранялись. Крутицы находятся между Новоспасскимъ монастыремъ и Симоновымъ, въ равномъ почти разстояніи какъ отъ того, такъ и отъ другаго; въ семъ пространствѣ обыкновенно заключались мои прогулки. Во мнѣ родились новыя чувства, которымъ не было имени; я любилъ безъ предмета, желалъ безъ цѣли, наслаждался безъ всякой чувственности, думалъ безъ мыслей, столь же мало какъ птица, которая летаетъ по ясному небу. Какъ назвать это, сумасшествіемъ или мечтательностію? Знаю только, что мнѣ было очень хорошо и что ничего подобнаго никогда уже послѣ я не ощущалъ. Я полагаю, что это было лихорадочное состояніе самой первой молодости, какой то избытокъ жизни, безъ всякой причины, безъ всякаго потрясенія готовый на все изливаться. Не въ состояніи будучи выразить того, что̀ я чувствовалъ тогда, пусть позволено мнѣ будетъ сказать нѣсколько словъ о мѣстахъ, кои были свидѣтелями моего страннаго блаженства.

Пространство, занимаемое бывшимъ Крутицкимъ монастыремъ, очень велико; монахи насадили внутри стѣнъ его прекрасную липовую рощу, а затѣмъ остается еще, также внутри ограды, довольно обширная площадь, чтобы дѣлать на ней кавалерійское ученье. Двойные ворота, служившіе ему входомъ, съ маленькою церковью надъ ними, украшены и нынѣ множествомъ каменныхъ столбчиковъ, на коихъ

искусно высѣчены вѣтви, листья и птицы, покрытые зеленою и другими красками. Новая, большая церковь стоитъ у самаго входа и обращена въ приходскую; старая же соединялась съ бывшими архіерейскими кельями посредствомъ открытой галлереи или переходовъ, также поддержанныхъ кручеными столбчиками, съ навислыми между ими сосульками; но все это не каменное, а муравленное, облитое разноцвѣтною глазурью *). Чудо какъ это было хорошо! Но безъ всякаго присмотра все это билось, ломалось, портилось. Въ самой же церкви сдѣланъ былъ цейхгаузъ. Я полюбопытствовалъ разъ заглянуть туда и, не смотря на мою молодость, смутился духомъ: отъ верху до низу стѣны сохраняли еще изображенія святыхъ угодниковъ, а внутренность завалена сукнами и кожами; на сохранившемся каменномъ алтарѣ, о срамъ, о ужасъ! лежали сѣдла и уздечки. Такой вандализмъ, что право хоть бы въ революціонной Франціи.

Съ Новоспасскимъ монастыремъ почти соединяется бывшій Крутицкій примыкающею къ нему слободкою, а отъ Симонова отдѣлялся тогда длиннымъ полемъ, нынѣ частію застроеннымъ. Симоновская обитель едва начинала тогда вновь подыматься; она все еще казалась опустѣвшею: такъ мало иноковъ еще въ ней собралось. Какъ часто, среди тишины ея, даже въ сумерки, бродилъ я между могильными камнями, безъ робости и печали, а съ какимъ-то душевнымъ спокойствіемъ! Самая смерть въ глазахъ моихъ не имѣла тогда ничего угрюмаго. Мнѣ неизвѣстны были историческія лица двухъ героевъ-отшельниковъ, Осляби и Пересвѣта, похороненныхъ въ старомъ Симоновѣ, во ста саженяхъ отъ новаго; но кто въ Москвѣ не зналъ вымышленнаго лица Бѣдной Лизы? И я не рѣдко посѣщалъ Лизинъ прудъ. Повѣсть Карамзина привлекала чувствительныхъ къ нему на поклоненіе; она первая указала на красоту Симоновскихъ видовъ, открыла вновь дорогу къ забытымъ стѣнамъ его и, вѣроятно, подала мысль о его воскресеніи.

Впрочемъ, не всегда мечтательнымъ, но иногда и положительнымъ, грубымъ наслажденіямъ я предавался. Получивъ не задолго передъ тѣмъ, за открытіе большаго заведенія фальшивыхъ ассигнацій, Аннинскій крестъ на шею, зять мой праздновалъ сіе важное, по тогдашнимъ понятіямъ, для него событіе веселымъ пиршествомъ, и жалѣлъ, что не могъ угостить начальника своего, графа Салтыкова, который съ своею графиней и семействомъ уѣхалъ на все лѣто въ Петербургъ. Случалось, что полиція съ нами любезничала, дѣлая маленькія илюминаціи въ рощѣ и маленькіе фейерверки въ полѣ. Иногда

---

*) Нѣмецъ баронъ Боде сказывалъ мнѣ, что для возобновленія и украшенія Кремлевскихъ теремовъ бралъ онъ за образецъ единственно Крутицы.

пѣсельники, балалаешники, плясуны, такого рода потѣхи, которыя пріятны только лѣтомъ на открытомъ воздухѣ, забавляли насъ. Иногда въ слѣдъ за этими самыми пѣсельниками, въ темную ночь, спускались мы къ Москвѣ-рѣкѣ и слушали, какъ, съ рожками разъѣзжая въ лодкахъ, они оглашали берега ея. Въ день Преображенія Господня и Успенія Богоматери, вся Москва пѣшкомъ, верхомъ, въ каретахъ и телѣгахъ, подымалась на гулянье вокругъ сосѣднихъ съ нами монастырей.

Просрочивъ и опасаясь грубостей Бантыша-Каменскаго, я не спѣшилъ къ нему явиться; но онъ принялъ меня, о диво! какъ бы ни въ чемъ не бывало. Умный старикъ смѣтилъ, наконецъ, что взыскательность съ мальчиками, кои на годъ или на два записываются въ его архивъ для полученія чина, совсѣмъ неумѣстна, когда все гласитъ о снисходительности.

Но вмѣстѣ съ уменьшеніемъ его строгости, архивъ лишился многихъ пріятностей. Никто уже (и я въ томъ числѣ) такъ часто въ него не ходилъ: скука была ужасная, не съ кѣмъ почти было слова вымолвить. Куда дѣвались всѣ наши молодцы? Одни переселились въ спокойный уже Петербургъ подъ покровительство къ роднымъ; другіе получили мѣстà при миссіяхъ; одни путешествовали за границей, другіе доучивались въ иностранныхъ университетахъ; а иные, не покидая архива, выпросились на лѣто въ деревню. Единственною для меня отрадой были встрѣчи съ двумя сослуживцами, прежнимъ Блудовымъ, и новымъ Губаревымъ. Я нашелъ, что первый чрезвычайно выросъ, потерялъ немного прежней живости (чему причины я тогда не зналъ), за то, кажется, еще болѣе поумнѣлъ; другой былъ добрый, остроумный весельчакъ, который потомъ деревенскую жизнь предпочелъ исканію почестей.

Многіе изъ жителей Москвы и оставшихся моихъ товарищей все твердили о Петербургѣ, жилищѣ свѣтозарнаго ангела, земномъ раѣ, гдѣ люди свободны, блаженствуютъ и трудятся единственно только для добра. Очарованіе все еще длилось. Вѣнчанный юноша уже хладѣлъ въ пламенныхъ объятіяхъ Россіи, уже невѣрные взоры его съ любовію обращались къ Западу; а ея восторги не истощились. Всѣ завидовали тѣмъ счастливцамъ, кои, служа въ столицѣ, могли участвовать въ великихъ гражданскихъ подвигахъ, преднамѣреваемыхъ царемъ. Увы, несчастный! Зачѣмъ увлекся я общею молвою! Зачѣмъ послушали меня родители! Зачѣмъ вице-канцлеръ исполнилъ ихъ желаніе! Около половины Августа причисленъ я къ дѣламъ коллегіи, съ тѣмъ чтобы, по прибытіи въ Петербургъ, поступить въ канцелярію князя Куракина.

Я бы могъ спокойно жить въ безпечной Москвѣ; изрѣдка повышаемый въ чинахъ, я бы до сѣдыхъ волосъ могъ оставаться архив-

нымъ юношей. Въ старикѣ Каменскомъ привычка обращалась въ чувство; я бы сталъ копаться съ нимъ въ древнихъ рукописяхъ и могъ бы сдѣлаться полезнымъ ему сотрудникомъ. А если бы недостаточное состояніе понудило меня искать содержанія болѣе выгоднаго, то сколько мѣстъ въ Москвѣ, гдѣ служба—продолжительный, пріятный сонъ! Кремлевская Экспедиція, Почтамтъ, Опекунскій Совѣтъ и другія. Нѣтъ, всею будущностью, спокойствіемъ всей жизни пожертвовалъ я честолюбію, которое велѣли мнѣ имѣть и котораго даже во мнѣ не было. Кто знаетъ? Не столь разборчивый, я могъ бы встрѣтить скромную, тихую дѣву, безъ причудъ и шумихи Петербургскаго воспитанія; я былъ бы ею счастливъ, а она мною. Въ благорастворенномъ климатѣ, ближе къ природѣ, можетъ быть я полюбилъ бы сельскую жизнь, малый достатокъ жены соединивъ съ собственнымъ; врожденною моею бережливостію я могъ бы ихъ умножить; семейство, научаемое мною умѣренности, наслѣдовало бы моему скромному счастію, и нынѣ ясный день тихо догоралъ бы для меня. Но нѣтъ! На путь жестокихъ испытаній круто своротила меня судьба съ той мирной стези, которую указывали мнѣ и природныя наклонности, и положеніе, въ коемъ я находился.

И что же? Много ли я выигралъ передъ тѣми, кои никогда не знали Петербургской службы? То я прыгалъ, то долженъ былъ на время останавливаться; а они спокойно шли ровнымъ, тихимъ шагомъ, и отъ меня не отставали. И что̀ за жизнь моя была, о Боже! Почти вся она протекла среди болотъ Петрограда, гдѣ воздухъ физически столь же заразителенъ, какъ нравственно. Сколько нуждъ перенесъ я въ семъ городѣ! Какъ постоянно рвался я изъ него! И въ преклонныхъ лѣтахъ еще осужденъ я влачить въ немъ тяжелыя оковы службы.

Но мнѣ ли роптать? Ахъ, нѣтъ! Благодарю Тебя, Господи: по волѣ Твоей, необыкновенный, нenизкій жребій мнѣ выпалъ. Во тьмѣ заблужденій, въ кою ввергнута была моя неопытная, праздная молодость, никогда не переставали свѣтить мнѣ честь и вѣра, и голосъ совѣсти моей, иногда мучительный, никогда не умолкалъ. Близъ четверти столѣтія поставленъ я въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ врагами моей отчизны: то съ иностранцами, коихъ она обогащаетъ и коихъ ненависть возрастаетъ по мѣрѣ ея благодѣяній, то съ неблагодарными единовѣрцами, для коихъ она должна быть свѣтиломъ и упованіемъ; то съ единокровными ея злодѣями, нѣкогда случайно отторгнувшими ея области и насильственно водворившими въ нихъ чуждую ей вѣру, но болѣе всего съ безразсудными ея сынами, не постигающими истинныхъ ея и собственныхъ своихъ пользы и славы. Почти съ перваго шага осмѣлился я вступить не въ скрытый, но въ явный съ ними бой;

Часто, часто изнемогалъ я подъ ихъ ударами; иногда долженъ былъ бѣжать отъ однихъ и вдругъ являлся передъ другими. Благонамѣренное, благотворное мнѣ начальство само скучало иногда неблагоразумнымъ моимъ рвеніемъ, готово было отступиться отъ меня и предать на произволъ обстоятельствъ, но чѣмъ-то было удерживаемо. Недостатокъ въ знаніи, разстроенное здоровье, часто слѣдствіе его —недостатокъ въ дѣятельности, хитрость и сила враговъ, ничто не изумляло меня, ничто не пугало. Нѣтъ сомнѣнія, что паденіе мое близко; но я еще не погибъ, но я все еще стою, одинъ, цѣлъ и невредимъ. Кто же сіялъ мнѣ въ пропасти? Кто говорилъ мнѣ языкомъ совѣсти моей? Кто спасалъ меня отъ видимыхъ и невидимыхъ силъ? Тотъ, Котораго всегда осмѣливаюсь называть я Русскимъ.

Пусть услышитъ Онъ мольбу благодарнаго и утомленнаго существа! Буди Его воля, если мнѣ суждено до конца дней моихъ мучительно бороться! Но умилосердись, о Боже, пошли конецъ моимъ страданіямъ! Какъ одержимымъ тяжкими болѣзнями, дай вкусить мнѣ предсмертное спокойствіе хотя на малое время; дай окончить мнѣ жизнь и уснуть вѣчнымъ сномъ въ нѣдрахъ праотца или праматери городовъ Россійскихъ, въ Москвѣ или въ Кіевѣ, въ виду священнаго Кремля или лавры Печерской, вдали отъ Татарской, ненавистной мнѣ Пензы, отъ Финскаго, постылаго мнѣ Петербурга!

Въ немъ начинается совершенно новая для меня эпоха жизни, чрезвычайно важная для самой Россіи, эпоха нововведеній, все перепортившихъ улучшеній. Я намѣренъ описать ее въ слѣдующихъ уже не главахъ, а томахъ, если достанетъ у меня на то времени, здоровья и терпѣнія. Мнѣ нетрудно было изобразить первые годы моей жизни. Переносясь въ сіе отдаленное время, я начиналъ вновь существовать, живость воспоминаній оживляла мой разсказъ; но отселѣ смѣхъ и шутка должны рѣже показываться въ моемъ повѣствованіи. Я перестаю уже быть мальчикомъ, живу въ одиночествѣ, имѣю собственную волю, дѣйствую по собственному разсудку, смотрю внимательнѣе на ходъ общественныхъ дѣлъ, однимъ словомъ становлюсь гражданиномъ. Въ описаніи предметовъ болѣе важныхъ, не знаю, будетъ ли мнѣ столько удачи?

Въ послѣдній разъ сопровождаемъ я былъ спасительнымъ обо мнѣ попеченіемъ моего семейства; мнѣ не дозволили ѣхать одному. Старшій братъ мой Павелъ, за болѣзнію, опять оставилъ службу; его прислали изъ Пензы въ Москву, чтобъ отвезти меня и устроить на новомъ жительствѣ. Мы отправились 31 Августа, а 4 Сентября 1802 года прибыли въ Петербургъ.

ЗАПИСКИ

ФИЛИППА ФИЛИППОВИЧА

ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО АРХИВА».

(съ подлинной рукописи).

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1892

(1802 г.)

I.

Мы остановились въ «Лондонѣ», въ одномъ изъ двухъ только извѣстныхъ тогда трактировъ и заѣзжихъ домовъ, изъ коихъ другой, Демутовъ, принадлежащій къ малому числу древностей столѣтняго Петербурга, одинъ еще не тронутъ съ мѣста и не перестроенъ.

Большой живости не было замѣтно. Городъ только черезъ десять лѣтъ началъ такъ быстро наполняться жителями; тогда еще населеніемъ онъ не былъ столь богатъ; обычай же проводить лѣто на дачахъ въ два года между всѣми классами уже распространился: съ нихъ не успѣли еще переѣхать, и Петербургъ казался пустъ.

Но если по наружности не было замѣтно большаго движенія, то въ правительственныхъ мѣстахъ и канцеляріяхъ была тогда большая дѣятельность; ибо 8 Сентября изданъ достопамятный указъ объ учрежденіи министерствъ.

Дворъ находился тогда въ Гатчинѣ, и потому-то мы не нашли ни генералъ-прокурора Беклешова, къ которому братъ имѣлъ порученіе отъ отца, ни вице-канцлера князя Куракина, къ которому я ходилъ являться. По странному стеченію обстоятельствъ, пріѣздъ мой былъ вторично какъ будто сигналомъ удаленія для Беклешова; меня же другой разъ встрѣтили въ Петербургѣ обманутыя надежды.

Съ учрежденіемъ министерствъ можно сказать уничтожался весь прежній ходъ дѣлъ въ государствѣ и установлялся совершенно новый. Упрямство ли или дальновидность стариковъ заставляла ихъ всѣми силами противиться опаснымъ, по мнѣнію ихъ, перемѣнамъ. Ихъ представили какъ людей, правда, опытныхъ, но искусныхъ только на практикѣ, безъ единой государственной, созидательной мысли. Всѣ они поспорили и покорились необходимости; одинъ Беклешовъ вышелъ въ отставку. Князя Куракина, кажется, не спросясь уволили отъ управленія Иностранною Колегіей и утѣшили его тщеславіе званіемъ канцлера Россійскихъ орденовъ, чтó почиталось тогда въ гражданской службѣ самымъ высшимъ мѣстомъ *).

---

*) Тогда еще не было Государственнаго Совѣта и его предсѣдателя.

О неудобствахъ, о вредныхъ послѣдствіяхъ сего важнаго событія, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію пагубнаго для Россіи, долженъ я буду часто, почти безпрестанно, говорить въ сихъ Запискахъ. Здѣсь ограничусь объясненіемъ, какъ умѣю, въ чемъ состояла разница между старымъ и новымъ порядкомъ вещей.

Кажется, простой разсудокъ въ самодержавныхъ государствахъ указываетъ на необходимость колегіальнаго управленія. Тамъ, гдѣ верховная, неограниченная власть находится въ однѣхъ рукахъ, и гласъ народа, чрезъ представителей его, не можетъ до нея доходить, власть главныхъ правительственныхъ лицъ должна быть умѣряема совѣщательными сословіями, составленными изъ мужей болѣе или менѣе опытныхъ. Если сужденія ихъ, споры, даже несогласія нѣсколько замедляютъ ходъ дѣлъ: за то передъ государемъ они одни только обнажаютъ истину, выказываютъ ему способныхъ людей для каждаго мѣста и такимъ образомъ облегчаютъ ему выборы. Такъ было въ Россіи до Петра Великаго. Приказы, думы, суды превратились при немъ въ колегіи; число ихъ умножилось: перемѣнились названія, но не измѣнился существовавшій порядокъ. Предъ обновленною имъ древностію благоговѣли всѣ его преемники до Александра.

Молодость сего государя, по образу мыслей, данному ему воспитаніемъ и по внушеніямъ почти столь же юныхъ совѣтниковъ, пренебрегла опытомъ вѣковъ.... Необходимо будетъ кратко и рѣзко изобразить новыя лица, которыя выступаютъ на сцену.

Всѣхъ старѣе если не лѣтами, то чиномъ, былъ графъ Кочубей, родной племянникъ умершаго канцлера князя Безбородки. Чтобы составить геній одного человѣка, натура часто принуждена бываетъ отобрать умственныя способности у всего рода его. Такъ поступила она съ великимъ Суворовымъ и славнымъ Безбородкой. Окинувъ взоромъ всѣхъ ближнихъ и дальнихъ родственниковъ, покойный канцлеръ въ одномъ только изъ нихъ замѣтилъ необыкновенный умъ, то-есть что-то на него самого похожее: смѣтливость, чудесную память и гордую таинственность; и племянника своего, Виктора Павловича, предназначилъ быть преемникомъ счастія своего и знаменитости. Ничего не пощадивъ на его воспитаніе, въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ отправилъ онъ его въ Лондонскую миссію, къ искусному дипломату, посланнику нашему графу Воронцову, на выучку. Оттуда прямо, черезъ нѣсколько лѣтъ, нашелъ онъ средство, съ чиномъ камергера, перевести его самаго посланникомъ въ Константинополь. До смерти своей сохранивъ при Павлѣ неограниченный кредитъ, онъ сначала вызвалъ его оттуда членомъ Иностранной Колегіи, а потомъ, въ короткое время, успѣлъ доставить ему графское достоинство и званіе вице-канцлера. Одинъ,

безъ дяди, при Павлѣ, Кочубей долго не могъ оставаться и, какъ многіе другіе, былъ сосланъ въ деревню.

Въ царствованіе Александра надобно уже было ему жить собственнымъ умомъ; ему было тогда не съ большимъ тридцать лѣтъ. Онъ пренебрегъ обыкновенными ничтожными занятіями дипломатовъ, по большей части сплетнями хорошаго тона, и хотѣлъ посвятить себя внутреннему преобразованію государства. Передъ соотечественниками ему было чѣмъ блеснуть: онъ лучше другихъ зналъ составъ парламента, правá его членовъ, прочиталъ всѣхъ Англійскихъ публицистовъ и, какъ львенокъ Крыловой басни, собирался учить звѣрей вить гнѣзда. Красивая наружность, иногда молчаливая задумчивость, испытующій взглядъ, надменная учтивость—были блестящія завѣсы, за кои искусно пряталъ онъ свои недостатки, и имя государственнаго человѣка принадлежало ему, когда еще ничѣмъ онъ его не заслужилъ.

Другой сообщникъ въ важномъ предпріятіи былъ тайный, непримиримый врагъ Россіи, слишкомъ извѣстный потомъ, измѣнникъ Чарторыжскій. Изступленнымъ патріотизмомъ его мать заслужила отъ Поляковъ названіе *матки ойчизны*; въ объятіяхъ этой матки, Польской Юдиѳи, Русскій Олофернъ нашъ, князь Репнинъ, не потерялъ, однакоже, головы, и ойчизну ея, когда былъ посломъ въ Варшавѣ, заставлялъ трепетать передъ собою. Князь Адамъ былъ плодомъ всѣмъ извѣстнаго сего чудовищнаго союза. Съ малолѣтства напитанный чувствами жесточайшей ненависти къ истинному своему отечеству, онъ посвященъ былъ его же служенію. Нѣсколько времени находился онъ адъютантомъ при Александрѣ Павловичѣ, когда тотъ былъ наслѣдникомъ престола, умѣя угодить ему, и составленную съ нимъ связь сохранилъ почти всю жизнь его. При его воцареніи вызванъ онъ былъ изъ Рима, гдѣ находился посланникомъ нашимъ при Сардинскомъ королѣ, который, лишившись Піемонта, не очень спѣшилъ отправиться въ Сардинію. Чтобы сойтись съ другими любимцами царя, надобно было ему притвориться англоманомъ, чтó ему небольшаго стоило. Кромѣ зла, не могъ онъ желать Россіи, и участіе его въ замышляемомъ ея преобразованіи, по крайней мѣрѣ, показываетъ въ немъ много ума.

Третій соучастникъ былъ двадцатидевятилѣтній Павелъ Строгановъ, единственный сынъ графа Александра Сергѣевича, извѣстнаго покровителя художествъ и Музъ. Совершеннымъ мальчикомъ видѣлъ онъ въ Парижѣ ужасы революціи и былъ въ восхищеніи отъ сего народнаго волкана. Съ трудомъ могли его извлечь оттуда и перевести въ Лондонъ, гдѣ глазамъ его представилось другое зрѣлище. Тамъ увидѣлъ онъ блестящій призракъ свободы, коимъ искусный деспотизмъ

лордовъ тѣшилъ народъ, и еще болѣе плѣнился; и молодой Русскій лордъ долго еще потомъ бредилъ Англіей. Пріятное лицо и любезный умъ жены его сблизили съ нимъ императора Александра, а ея добродѣтель не могла его послѣ разлучить съ нимъ. Ума самаго посредственнаго, онъ могъ только именемъ и фортуною усилить свою партію.

Весьма еще нестарый морякъ былъ тогда уже контръ-адмираломъ. Онъ симъ обязанъ былъ не собственнымъ заслугамъ, а славѣ отца, одержавшаго надъ Шведами знаменитую морскую побѣду. Имя Чичагова, прославленное отцомъ, впослѣдствіи осквернено было сыномъ. Онъ также въ душѣ былъ Англичанинъ, въ Англіи учился мореплаванію и женатъ былъ на Англичанкѣ. Въ послѣдніе дни царствованія Павла, смѣлые, даже дерзкіе отвѣты его нетерпѣливому деспоту, за которые засаженъ былъ онъ въ крѣпость, пріобрѣли ему общее уваженіе, которое сохранилъ онъ, пока другой извѣстности не имѣлъ. Суровость моряка, въ соединеніи съ надменностію Англичанина, сдѣлала его потомъ ненавистнымъ для Русскихъ; послѣдній же его подвигъ заставилъ ихъ всѣхъ презирать его. Проклиная Россію, оставилъ онъ ее навсегда и съ лихвою платитъ ей за ненависть и презрѣніе, коими она его обременяетъ. Онъ былъ въ числѣ затѣйниковъ, которые думали устроить счастіе ея на прочномъ основаніи.

Всѣхъ старѣе лѣтами и, конечно, всѣхъ выше умомъ былъ Николай Николаевичъ Новосильцовъ. Будучи сыномъ побочной сестры стараго графа Строганова, онъ-то въ Парижъ ѣздилъ выручать молодаго, и сей услугой еще болѣе скрѣпилъ родственныя связи съ дядей. Это было не одно путешествіе, которое на его счетъ дѣлалъ онъ за границу. Англія совершенно обворожила его; въ ней только могла утолиться жажда его къ познаніямъ, какъ и всякаго другаго рода его жажда. Тамъ увидѣлъ онъ, что великій развратъ не мѣшаетъ быть великимъ человѣкомъ и, кажется, Фокса взялъ онъ себѣ за образецъ. Отчизну портера и эля, гдѣ не родятся, а льются мадера и портвейнъ, гдѣ опрятность и роскошь у самыхъ грубыхъ наслажденій отнимаютъ все что̀ есть въ нихъ отвратительнаго, сію землю въ тайнѣ сердца избралъ онъ своимъ отечествомъ. Онъ числился въ арміи подполковникомъ и оставилъ службу вслѣдъ за смертію Екатерины. При Александрѣ, который прежде его зналъ, сдѣланъ онъ былъ тотчасъ камергеромъ и статсъ-секретаремъ. Молодой царь видѣлъ въ немъ умнаго, способнаго и свѣдущаго сотрудника, веселаго и пріятнаго собесѣдника, преданнаго и откровеннаго друга, паче всѣхъ другихъ полюбилъ его и помѣстилъ у себя во дворцѣ. Его друзья держались имъ болѣе всего и чрезъ его посредство только могли дѣйствовать на Государя.

И вотъ люди, которые, едва достигнувъ зрѣлости, хотѣли быть опекунами Россіи и брались ее перевоспитывать. Нѣтъ сомнѣнія, что они не могли бы имѣть такого успѣха, еслибъ самъ Царь не имѣлъ склонности подражать всему Англинскому. Его воспитаніе было одною изъ великихъ ошибокъ Екатерины Образованіе его ума поручила она Женевцу Лагарпу, который, оставляя Россію, столь же мало зналъ ее, какъ и въ день своего пріѣзда и который карманную республику свою поставилъ образцомъ правленія будущему самодержцу величайшей имперіи въ мірѣ. Идеями, которыя едва могутъ развиться и созрѣть въ головѣ двадцатилѣтняго юноши, начинили мозгъ ребенка, котораго женили ранѣе шестнадцати лѣтъ. Не разжевавши ихъ, можно сказать, не переваривши ихъ, призвалъ онъ ихъ себѣ на память въ тотъ день, въ который началъ царствовать. Иногда у себя спрашиваешь: что̀ было бы съ красотою его души, еслибъ любовь къ отечеству сохранила ее, еслибъ ея не исказило безотчетное пристрастіе къ иноземному? И гдѣ бы тогда въ лѣтописяхъ найдти подобнаго ему царя?

Со временъ Петра Великаго судьба велитъ Россіи покорствовать которому-нибудь изъ государствъ или народовъ Европейскихъ и поклоняться ему, какъ идолу. Чтобъ угодить Петру, надобно было сдѣлаться Голандцемъ; Германія владычествовала надъ нами при Аннѣ Іоанновнѣ и Биронѣ; при Елисаветѣ Петровнѣ появился Лашетарди, и начались соблазны Франціи; они умножились и усилились страстію Екатерины Второй къ Французской литературѣ и дружбою ея съ философами восьмнадцатаго вѣка. Петръ III-й и Павелъ I-й хотѣли сдѣлать насъ Прусаками; въ первые годы Александрова царствованія Англія была нашею патроншей. Ужъ не Польша-ли становится нашимъ кумиромъ?

Изъ-за пентархіи, мною описанной, какъ будто скрываясь, выглядывалъ Сперанскій. Сіе ненавистное имя въ первый разъ еще является въ сихъ Запискахъ. Человѣкъ сей быстро возникъ изъ ничтожества. Сынъ сельскаго священника, возросшій подъ сѣнію алтарей, онъ воспитывался сперва во Владимирской семинаріи и учился потомъ въ Александроневской Духовной Академіи. Духъ гордыни рано имъ овладѣлъ; какъ падшіе ангелы, тайно возставалъ онъ противъ самаго Бога и въ первой молодости уже отвергалъ бытіе Его. А между тѣмъ невѣрующій сей дѣлалъ удивительные успѣхи въ богословскихъ наукахъ, и врагъ церкви приготовлялся быть ея служителемъ. Въ лѣта непорочности и чистосердечія пріучалъ онъ такимъ образомъ лживыя уста свои выражать то, чего онъ не думалъ. Можетъ быть, оставаясь въ духовномъ званіи, келейная жизнь дала бы другое направленіе его

мыслямъ, и демонъ, вынужденный хвалить Господа, убѣдился бы, наконецъ, въ истинахъ, кои обязанъ былъ вседневно возвѣщать. Но случайно онъ былъ перенесенъ на сцену мірской жизни.

Меньшой братъ князя Куракина, Алексѣй Борисовичъ, хотѣлъ единственнаго сына своего воспитаніемъ приготовить къ занятію со временемъ одного изъ высшихъ мѣстъ въ государствѣ и для того просилъ митрополита Гавріила выбрать ему наставника изъ студентовъ или магистровъ Духовной Академіи. Онъ прислалъ ему двухъ, изъ коихъ предпочтенъ Сперанскій *). Въ сей новой сферѣ угождалъ онъ отцу, нравился матери, баловалъ сына и прельщеніями очищалъ себѣ дорогу къ будущимъ успѣхамъ. Онъ причисленъ къ экспедиціи казначейства, коею управлялъ князь Куракинъ; когда же сей послѣдній при Павлѣ сдѣланъ генералъ-прокуроромъ и пробылъ имъ два года, то можно себѣ представить, какъ побѣжалъ онъ по ступенямъ почестей. При трехъ преемникахъ Куракина, князѣ Лопухинѣ, Беклешовѣ и Обольяниновѣ, былъ онъ также дѣятельно употребленъ и награждаемъ, но не имѣлъ главнаго вліянія на дѣла.

Фортуну его сдѣлалъ графъ Паленъ, человѣкъ столь же мало, какъ и онъ, проникнутый свѣтомъ христіанской морали. Находясь въ канцеляріи генералъ-прокурорской, онъ въ тоже время былъ правителемъ канцеляріи какой-то коммиссіи о снабженіи резиденціи припасами, коей Паленъ былъ президентомъ, по званію военнаго губернатора. Имъ былъ онъ представленъ молодому императору, который тотчасъ же сдѣлалъ его своимъ статсъ-секретаремъ. Замѣтивъ склонность Александра къ нововведеніямъ, онъ предложилъ, какъ первый опытъ, раздѣленіе дѣлъ тогдашняго Императорскаго Совѣта на экспедиціи и взялъ одну изъ нихъ въ свое управленіе.

Никто изъ пяти преобразователей не умѣлъ ничего написать. Сперанскій предложилъ имъ искусное перо свое и, принимая видъ, какъ будто собираетъ ихъ мнѣнія, соглашаетъ ихъ, приводитъ въ порядокъ, дѣйствительно одинъ составилъ проектъ учрежденія министерствъ. Тутъ увидѣлъ онъ всю пустоту претензій людей, почитавшихъ себя у насъ государственными, узналъ все ихъ ничтожество, опытность старцевъ и зрѣлыхъ мужей презиралъ, уважалъ одну только ученость, въ этомъ отношеніи на гражданскомъ поприщѣ рав-

*) Оба братья Куракины любили показывать пышность. За двумя студентами послана была цугомъ великолѣпная четвероместная карета съ гербами и ливрейными лакеями. Неопытный въ дѣлахъ свѣта, Сперанскій, говорятъ, до того изумился, что бросился становиться на запятки и рѣшился сѣсть въ карету, послѣдуя только примѣру своего товарища, болѣе смѣлаго.

ныхъ себѣ не видѣлъ и съ тѣхъ поръ пріучился ставить себя выше всѣхъ.

Въ высокихъ, блестящихъ качествахъ ума никто, даже его враги, ему никогда не отказывали. Не смотря на безнравственность его правилъ (хотя и не поведенія), въ другихъ обстоятельствахъ, въ другое время, онъ могъ бы оказать чрезвычайныя услуги государству и пользоваться чистою славой. Онъ былъ еще молодъ, спѣшилъ блеснуть, и въ торопяхъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ списать точь-въ-точь учрежденіе министерствъ, коимъ Французская Директорія надѣялась поболѣе людей привязать къ своему существованію, со всѣмъ преувеличеннымъ его содержаніемъ, со всѣмъ излишествомъ должностей. Въ немъ признали творца, точно также какъ предки наши, не знавшіе Корнеля и Расина, дивились изобрѣтательности Сумарокова и Княжнина. Потомство будетъ умѣть оцѣнить созданія Сперанскаго.

Хотя онъ (пусть простятъ мнѣ сіе простонародное выраженіе) и корчилъ иностранца, но въ немъ замѣтна была отличительная черта истинно-Русскаго человѣка: онъ не зналъ мести, не умѣлъ ненавидѣть. Но за то никто изъ его соотечественниковъ, даже самъ Потемкинъ, такъ глубоко не умѣлъ все презирать, съ тою только разницей, что онъ умѣлъ дѣлать сіе непримѣтно. Я полагаю, что это происходило отъ совершеннаго равнодушія ко всему, кромѣ самого себя и своихъ твореній. Онъ не любилъ дворянства, коего презрѣніе испыталъ онъ къ прежнему своему состоянію; онъ не любилъ религіи, коей правила стѣсняли его дѣйствія и противились его обширнымъ замысламъ; онъ не любилъ монархическаго правленія, которое заслоняло ему путь на самую высоту; онъ не любилъ своего отечества, ибо почиталъ его не довольно просвѣщеннымъ и его недостойнымъ. Тайный недругъ православія, самодержавія и Руси, и въ ней особенно одного сословія, онъ однакоже ихъ не ненавидѣлъ, въ будущемъ довольствуясь мысленно ихъ паденіемъ, не истребленіемъ. Никто никогда ни въ чемъ не могъ его уличить; но кто зналъ его характеръ и правила, тотъ изъ дѣйствій его могъ вывести достовѣрное заключеніе, что всѣ они направлены къ сей отдаленной цѣли. Когда сей зловѣщій духъ показался на нашемъ горизонтѣ, никто его не понялъ; всѣ любили, ласкали его, дивились ему, даже гордились имъ, для всѣхъ былъ онъ надежа-Сперанскій. Неблагодарный! И онъ могъ не любить своего отечества? Только въ послѣдствіи, когда воспарилъ онъ гораздо выше и заключился въ самомъ тѣсномъ кругу, когда онъ окружилъ себя какою-то таинственною, непроницаемою атмосферой, тогда только открылось поле для догадокъ и невыгодныхъ объ немъ толковъ.

Онъ имѣлъ лицо весьма пріятное и бѣлизну молочнаго цвѣта. Голубые взоры его ни на что́ не устремлялись, никогда не блуждали, никогда не потуплялись, но, медленно поворачиваясь въ сторону, какъ будто избѣгали встрѣчи съ другими взорами *); голосъ его былъ тихъ и нѣсколько протяженъ, улыбка принужденно-ласковая. Въ одѣяніи, въ образѣ жизни старался онъ прилаживаться къ господствовавшему вкусу. Къ счастію его, былъ онъ женатъ на дѣвицѣ Стивенсъ, дочери бывшей Англійской гувернантки въ домѣ графини Шуваловой; онъ ея лишился, но сохранилъ много изъ навыковъ ея земли. Напримѣръ, тогда уже завтракалъ онъ въ одиннадцать часовъ, и завтракъ его состоялъ изъ крѣпкаго чая, хлѣба съ масломъ, тонкихъ ломтей ветчины и вареныхъ яицъ. Онъ не зналъ по-англійски; умѣлъ однакоже говорить маленькой дочери своей, нынѣшней Толстой-Багрѣевой: my dear, my pretty child, my sweet girl. Лѣтомъ думалъ онъ ѣздить верхомъ, едва держась на клячѣ съ отрубленнымъ хвостомъ. Вотъ единственно смѣшная его сторона, которую неохотно я представилъ: мнѣ не хотѣлось бы ничего въ немъ видѣть смѣшнаго, а одно удивляющее, ужасающее. Впрочемъ, можетъ-быть, и это было притворство, а не претензія.

Читатель увидитъ далѣе, что мнѣ случилось быть съ нимъ, если не въ близкихъ, то въ частыхъ отношеніяхъ. Я раздѣлялъ всеобщее къ нему уваженіе; но и тогда близъ него мнѣ все казалось, что я слышу сѣрный запахъ и въ голубыхъ очахъ его вижу синеватое пламя подземнаго міра.

Невозможно было вдругъ разрушить старое, вѣковое зданіе; надобно было напередъ вывести новыя стѣны. Три министерства, иностранныхъ дѣлъ, военное и морское, дѣйствительно, всегда существовали подъ названіемъ государственныхъ колегій: съ другими колегіями ихъ смѣшивать не должно. Президенты трехъ колегій были фельдмаршальскаго чина и ходили прямо съ докладомъ къ царю; члены же ихъ, иногда втораго класса, никогда менѣе четвертаго, управляли экспедиціями (нынѣшними департаментами), на кои были раздѣлены дѣла ихъ. Прочія колегіи не имѣли ни одинаковой съ ними важности, ни равныхъ съ ними правъ. Ихъ президенты, обыкновенно тайные совѣтники, часто и выше, посылали доклады ихъ чрезъ статсъ-секретарей, дѣйствовали, однакоже, совершенно отъ нихъ независимо и чрезъ прокуроровъ состояли только подъ наблюденіемъ генералъ-прокурора. Изъ нихъ одна только медицинская передѣлана тогда въ экспедицію; прочія же колегіи, оставаясь пока въ прежнемъ составѣ и съ прежними

*) Одна умная современница Сперанскаго говорила намъ, что глаза у него были точно у издыхающаго теленка (veau expirant), что подтверждаютъ нѣкоторые его портреты. П. Б.

названіями, подчинены были вѣдомству пяти вновь учрежденныхъ министерствъ.

Слово министерство было мало употребляемо: ихъ знали болѣе подъ названіемъ департаментовъ, ибо при каждомъ министрѣ находилось ихъ первоначально не болѣе, какъ по одному. Только въ послѣдствіи, съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ, превратились иныя въ канцеляріи, а подвѣдомственныя министрамъ колегіи образовались въ департаменты. Иные читатели полюбопытствуютъ, можетъ быть, знать составъ перваго министерства въ Россіи.

Министромъ иностранныхъ дѣлъ и государственнымъ канцлеромъ назначенъ былъ престарѣлый графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ. Послѣдняя должность, которую занималъ онъ при Екатеринѣ, было мѣсто президента комерцъ-колегіи, гдѣ до того прославился онъ безстыднымъ грабительствомъ, что она принуждена была его выгнать, а Павелъ Первый никогда не хотѣлъ его употребить. Къ брату его, Семену Романовичу, почти двадцать лѣтъ сряду послу нашему въ Лондонѣ, любимцы государя имѣли сыновнее уваженіе; онъ же самъ былъ извѣстенъ угодливостію молодымъ людямъ. Причины гоненія на него были забыты, онъ казался жертвой, былъ уменъ, сговорчивъ, на все согласенъ и, не смотря на внутреннее и наружное его безобразіе, на его неопрятность, на столь же запачканное платье, какъ и репутацію, занялъ онъ первое мѣсто въ государствѣ. Товарищемъ его назначенъ князь Адамъ Чарторыжскій.

Президенты военной и адмиралтействъ-колегій, фельдмаршалы графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ и Иванъ Логиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ уволены отъ упраздняемыхъ должностей, а вице-президенты сихъ колегій, Вязмитиновъ и Мордвиновъ, назначены министрами. Покорность къ предержащей власти была девизомъ старика Сергѣя Кузьмича. Его доброта и честность были столь же извѣстны, какъ умъ его и дѣятельность: трудолюбіемъ и долговременною безпорочною службой единственно попалъ онъ, наконецъ, въ люди. Къ сожалѣнію, нахожденіе его въ малыхъ чинахъ при лицахъ строгихъ и не весьма вѣжливыхъ начальниковъ оставило въ немъ какое-то раболѣпство, не согласное съ достоинствомъ, которое необходимо для человѣка, поставленнаго на высокую степень. Ни Англійскаго, ни какого другаго иностраннаго, въ немъ рѣшительно ничего не было; въ немъ также никто не могъ бы узнать и древняго Русскаго боярина, а стариннаго, честнаго, вѣрнаго и преданнаго Русскаго холопа. Это былъ не Беклешовъ, и такой человѣкъ долженъ былъ пригодиться при составленіи министерства. Товарища ему не дали, и оттого онъ долѣе могъ усидѣть на мѣстѣ; ибо генералъ-адъютантъ графъ Ливенъ, управ-

ляющій Военною Канцеляріей при Государѣ, чаще его видѣлъ и не имѣлъ нужды быть министромъ.

Извѣстный своими добрыми намѣреніями, обширными свѣдѣніями, живымъ воображеніемъ и притязаніями на прямодушіе, Николай Семеновичъ Мордвиновъ болѣе нежели когда кипѣлъ въ это время проектами. Онъ почитался нашимъ Сократомъ, Цицерономъ, Катономъ и Сенекой. Политическій сей мечтатель, съ превыспренными идеями, съ ложными понятіями о Россіи и ея пользахъ, долженъ былъ естественнымъ образомъ сойтись въ мысляхъ съ молодыми законодателями. Къ тому же и онъ былъ женатъ на Англичанкѣ Кобле, говорилъ и жилъ совершенно по-англійски. Но не болѣе трехъ мѣсяцевъ пробылъ онъ морскимъ министромъ. Онъ вообразилъ себѣ, что у насъ подлинно парламентъ; мнѣнія, имъ подаваемыя, были столь смѣлы, что черезъ два года послѣ Павла показались даже мятежными, и онъ долженъ былъ оставить мѣсто товарищу своему Чичагову.

Державинъ, геній и дитя, поэтъ и пророкъ, какъ Давидъ, видя на тронѣ воспѣтаго имъ при рожденіи порфиророднаго отрока, увлекался сладчайшими мечтами. Все что происходило въ глазахъ его слишкомъ отзывалось поэзіей, чтобъ ему не нравиться, и онъ съ благодарностію принялъ званіе министра юстиціи и все что уцѣлѣло отъ генералъ-прокурорской должности. Годъ спустя послѣ учрежденія министерствъ, всесильный Новосильцовъ имѣлъ скромность не отвергнуть названія товарища министра юстиціи.

Вышеописанные мною графъ Кочубей и графъ Строгановъ сдѣлались: первый министромъ внутреннихъ дѣлъ, послѣдній его товарищемъ.

Столь благосклонный къ отцу моему, графъ Румянцовъ былъ президентомъ комерцъ - колегіи, съ званіемъ министра, еще до учрежденія министерствъ. Въ новомъ порядкѣ другой перемѣны для него не послѣдовало, кромѣ умноженія власти и правъ. Съ нимъ началось и прекратилось министерство комерціи.

Между министрами, наконецъ, встрѣчаемъ лицо, сохранившее физіономію прежнихъ временъ. Необходимость заставила молодежь пріобщить графа Васильева къ своимъ предпріятіямъ; а онъ, не въ силахъ будучи остановить потока, рѣшился, по крайней мѣрѣ, пустивъ огромную ладью свою по его теченію, стараться, сколько возможно, спасать ее отъ бурь. Финансовая наука была не столь трудна и многосложна, какъ нынѣ; однакоже, кромѣ его, некому было часть сію поручить. Онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ и малыхъ чиновъ всегда прилежно занимался ею, и хотя въ званіи государственнаго казначея и подчиненъ былъ генералъ-прокурору, но дѣйствовалъ почти неза-

висимо. Въ немъ была вся скромность великихъ истинныхъ достоинствъ; онъ былъ въ отношеніи къ Мордвинову, какъ мудрецъ къ софисту. Простота его жизни была не притязаніе на оригинальность, не слѣдствіе разсчетовъ, а умѣренности желаній и давнишнихъ привычекъ. Будучи происхожденія незнатнаго, едва ли дворянскаго, онъ не ослѣплялся счастіемъ, никогда не забывался среди успѣховъ. Самъ Сперанскій разсказывалъ при мнѣ, какъ даже онъ былъ тронутъ патріархальностію, которою все дышало въ его домѣ. Вѣроятно для контраста дали ему Гурьева въ товарищи; но о семъ послѣднемъ пока ни слова.

Человѣкъ, который нѣкогда красотою столько же славился какъ и умомъ и не однимъ послѣднимъ умѣлъ нравиться Екатеринѣ, который, не зная опалы, видѣлъ множество перемѣнъ при ея дворѣ и, безъ всякихъ для себя непріятностей, осторожно и спокойно прошелъ бурные года царствованія Павла, при Александрѣ принимаетъ участіе въ новообразуемомъ министерствѣ. Графъ Завадовскій, украинская умная голова, когда-то любимый секретарь Румянцова-Задунайскаго, всегда умѣлъ пользоваться жизнію и обстоятельствами. Исключая Сперанскаго, онъ одинъ только зналъ по-латыни, а вѣдь это ученость: кому же приличнѣе его поручить министерство просвѣщенія? Правда, его было весьма мало, но сначала нужно было только извѣстное имя, подъ которымъ Сперанскій брался распространить его. Товарищемъ къ сему министру назначенъ Михайло Никитичъ Муравьевъ, мужъ ученый, кроткій и добросердечный, умный и пріятный писатель, одинъ изъ наставниковъ Императора, къ сожалѣнію не довольно пылкій и твердый, чтобы сдѣлаться однимъ изъ довѣренныхъ его совѣтниковъ. Онъ вездѣ и во всемъ видѣлъ добро и столь же страстно любилъ его, какъ и искренно въ него вѣровалъ.

Назначеніемъ пожилыхъ людей въ должности министровъ правительство хотѣло сообразоваться съ тогдашнимъ общественнымъ мнѣніемъ, которое, видя у кормила государственнаго одну только юность, неохотно бы ей ввѣрялось. Симъ назначеніемъ молодые претенденты хотѣли прикрыть свои намѣренія, которыя состояли въ томъ, чтобы, приложивъ практику къ теоріи политическихъ наукъ, кою думали они имѣть, пріобрѣсти чрезъ то нѣкоторую опытность, чтобы пріучить публику видѣть въ нихъ правителей и при первомъ удобномъ случаѣ, безъ всякихъ усилій, спихнуть стариковъ. Всѣ эти предосторожности были напрасны: ни одинъ голосъ не поднялся противъ столь крутаго переворота, всѣ ему рукоплескали. Еслибъ Государь составилъ совѣтъ свой изъ пятнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, то и его постановленія были бы приняты какъ плоды высокой мудрости. Молодая Россія была безъ памяти влюблена въ молодаго Александра. А когда любовь бываетъ не слѣпа?

Утверждаютъ, что въ это время благонамѣренный и неопытный Царь, подстрекаемый письмами изъ Женевы отъ учителя своего Лагарпа (кои послѣ имѣлъ я случай читать и даже переписывать), хотѣлъ безъ всякаго приготовленія, единымъ махомъ, издать для Россіи какую-то конституцію. Увѣряютъ, будто приближенные его, не смотря на свое невѣдѣніе и англоманію, столько еще смыслили, чтобы знать великую разницу между Англіей и Россіей, что они убѣдили его на время отложить свое намѣреніе и въ замѣнъ предложили учрежденія министерствъ, какъ первый къ тому шагъ. Хороши бы мы тогда были! Родившись въ Россіи и никогда дотолѣ ея не покидавши, напитанный Рускимъ воздухомъ самодержавія, Александръ любилъ свободу, какъ забаву ума. Въ этомъ отношеніи былъ онъ совершенно Русской человѣкъ: въ жилахъ его вмѣстѣ съ кровію текло властолюбіе, умѣряемое только лѣностію и безпечностію. Дай Русскому народу Нѣмецкое прилежаніе и терпѣливость, и онъ владыка цѣлаго міра. Сейчасъ мы видѣли, какъ, пренебрегая общимъ мнѣніемъ, столь выгоднымъ для Мордвинова, за нѣсколько смѣлыхъ его выраженій, Императоръ внезапно удалилъ его. Съ другой стороны, невѣжественный нашъ народъ и непросвѣщенное наше дворянство и теперь еще въ свободѣ видятъ лишь право своевольничать. Что̀ бы произошло отъ столкновенія властей? Богъ знаетъ. А можетъ быть, мы бы мигомъ прошли кровавое время безпорядковъ, и давнымъ давно изъ хаоса образовались бы устройство и народность. Но все-таки лучше, чтобъ наши правнуки собирали плоды понесенныхъ ими опасностей.

Итакъ министерства были первымъ изъ тѣхъ безчисленныхъ опытовъ, кои мы видимъ въ теченіе почти сорока лѣтъ. Долго ли еще намъ будетъ пытаться? Страшно подумать, что эти безпрестанныя пробы могутъ довести насъ, наконецъ, до какого-нибудь ужаснаго представленія.

Я долженъ былъ посвятить изображенію сего важнаго событія, имѣвшаго неисчислимое вліяніе на судьбу моего отечества, моего семейства и мою собственную, всю первую главу второй части сихъ Записокъ. Теперь пора мнѣ возвратиться къ самому себѣ и представить читателю первые шаги малоумнаго мальчика, брошеннаго безъ всякой подпоры въ опасный для каждаго столичный міръ.

II.

Узнавъ о великихъ перемѣнахъ, кои занимали весь городъ, въ недоумѣніи что̀ мнѣ дѣлать, я пошелъ отыскивать архивскаго своего знакомца, князя Козловскаго, служившаго въ канцеляріи князя Куракина. Имѣя весьма скудное состояніе, онъ на его иждивеніи жилъ въ самомъ верхнемъ этажѣ занимаемаго имъ дома. Къ удивленію

моему нашелъ я его въ десятомъ часу по утру на постелѣ, хотя здороваго; онъ дружески протянулъ мнѣ руку, но воскликнулъ: какъ ты здѣсь, зачѣмъ ты пріѣхалъ? Я сказалъ ему причину и пріѣзда моего, и посѣщенія, сказалъ, что пришелъ къ нему развѣдать о всемъ по обстоятельнѣе и требовать его добрыхъ совѣтовъ. Онъ заговорилъ со мной непонятнымъ для меня тогда языкомъ Петербургскихъ гостиныхъ. Я увидѣлъ, что онъ попалъ въ большой свѣтъ, имъ только и бредитъ, и внѣ его все кажется ему ничтожнымъ. Легкомысленный толстякъ очень равнодушно говорилъ о перемѣнѣ, послѣдовавшей съ его начальникомъ, какъ будто она не должна была имѣть никакого вліянія на его участь; онъ оставался въ томъ же кругу, не переставалъ ѣздить въ тѣже общества. Изъ вздора, который онъ мнѣ наговорилъ, могъ я заключить только одно, что, зная мой нравъ, мои привычки, судя по моимъ манерамъ, онъ предсказывалъ мнѣ, что я никогда не буду блистать въ Петербургскомъ свѣтѣ, и что лучше было бы оставаться въ Москвѣ. Дѣло шло совсѣмъ не о томъ, и я вышелъ отъ него очень недоволенъ. По крайней мѣрѣ взялся онъ предупредить обо мнѣ Куракина и сказалъ время, въ которое онъ принимаетъ. Все это было совершенно не нужно; но почему мнѣ было это знать?

Бывшій вице-канцлеръ принялъ меня по обыкновенію своему чрезвычайно ласково, разспросилъ о родителяхъ, о службѣ ни слова, и пригласилъ на другой день на вечеръ. Дѣйствительно, вотъ все, что̀ онъ могъ для меня сдѣлать; а я по невѣдѣнію моему полагалъ, что найду случай просить его о рекомендаціи, чего при всѣхъ сдѣлать не осмѣлился. Вмѣсто того очутился я въ ярко освѣщенныхъ гостиныхъ, наполненныхъ мущинами и дамами самаго высшаго круга, мнѣ вовсе незнакомыми. Князь сидѣлъ за бостономъ и назвалъ меня тѣмъ, кои близко его находились. Козловскій подошелъ ко мнѣ съ видомъ половину-дружескимъ, половину-покровительственнымъ, поговорилъ немного и пожалъ руку, какъ будто поздравляя съ первымъ успѣхомъ, который, можетъ-быть, онъ же и приготовилъ. Мнѣ отъ того было нелегче, я прижался въ уголъ. Къ счастію, сынъ никогда неженатаго хозяина, Сердобинъ имѣлъ человѣколюбіе подойти ко мнѣ и немного заняться мною. Всего несноснѣе, всего досаднѣе показался мнѣ одинъ весьма красивый мальчикъ, самонадѣянный, заносчивый, многорѣчивый, который громогласно, безъ всякаго милосердія, разсуждалъ о Французской литературѣ и театрѣ: это былъ нынѣшній министръ Уваровъ. Тѣ, кои отъ самолюбія застѣнчивы, поймутъ, какъ мучителенъ для меня былъ этотъ вечеръ. Чрезъ нѣсколько дней князь Куракинъ уѣхалъ въ Москву.

Итакъ мнѣ ничего не оставалось какъ потащиться въ колегію и представиться оберъ-секретарю ея, Ильѣ Карловичу Вестману, человѣку очень пріятному, совсѣмъ не похожему на Бантыша и Малиновскаго. Онъ мнѣ сказалъ, что по возможности будутъ занимать меня и пригласилъ, а не приказалъ явиться въ колегію въ такой день, въ который она осчастливлена будетъ посѣщеніемъ канцлера графа Воронцова, товарища его и другихъ ея членовъ. Сіи послѣдніе, исключая столь важныхъ случаевъ, не знали какъ отворяются въ нее двери.

Въ это утро, обыкновенно почти пустые, чертоги колегіи наполнились чиновниками. Можно было ужаснуться собравшагося полчища. Прежніе барьеры при Александрѣ были сняты, число опредѣляемыхъ безъ жалованья ничѣмъ не было ограничено, мода влекла къ сему роду службы, и добрый князь Куракинъ не любилъ никому отказывать. Исключая дежурства, весь этотъ народъ не зналъ никакой другой службы; самолюбіе у многихъ ограничивалось желаніемъ схватить даромъ чина два-три. Тутъ въ одинъ разъ увидѣлъ я всю праздную Петербургскую молодежь; съ удовольствіемъ встрѣтилъ я и возобновилъ знакомство съ архивскими товарищами, Колычевымъ и Ефимовичемъ: въ первые дни пребыванія въ столицѣ, всякую знакомую встрѣчу можно почитать находкой.

Я слѣдовалъ общему примѣру, бывалъ какъ можно рѣже въ колегіи, гдѣ мнѣ нечего было дѣлать и не съ кѣмъ слова молвить. Не имѣя штабъ-офицерскаго чина, я не былъ въ числѣ дежурныхъ, а только дневальныхъ, и въ этомъ званіи долженъ былъ чрезъ каждыя двѣ - три недѣли ночевать въ колегіи, въ ожиданіи будто бы курьеровъ изъ-за границы, которые пріѣзжали прямо въ канцелярію министерства. Ко концу Октября пришла графу Воронцову счастливая идея: онъ велѣлъ раздѣлить между молодыми чиновниками, показывающими нѣкоторую способность, дѣла Петербургскаго архива, и подъ руководствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Топоркова, дипломата стариннаго покроя, заставить ихъ дѣлать выписки, чтобы по нимъ судить о знаніи и талантахъ каждаго. Мнѣ достались на долю сношенія Россіи съ Венеціянскою республикой. Труда своего я не успѣлъ окончить, ибо скоро потомъ оставилъ колегію, и потому не знаю, какъ бы онъ былъ принятъ; но теперь смѣло могу ручаться, что онъ никуда не годился.

Сколь ни молодъ я былъ, но въ первую зиму пребыванія моего въ Петербургѣ могъ я увидѣть, что въ немъ только двѣ дороги—общество и служба, выводятъ молодыхъ людей изъ безвѣстности, въ коей погрязаютъ изъ нихъ девять десятыхъ. Самые успѣхи въ Русской

литературѣ, коею такъ мало тогда занимались, если они не были чрезвычайные, не могли спасти отъ забвенія.

Высокое общество не совсѣмъ похоже было на нынѣшнее. Оно было не столько еще снимокъ съ прежняго Парижскаго, сколько копія съ Вѣнскаго. Тамъ Венгерскіе магнаты, на собственномъ содержаніи имѣющіе войска, тамъ Нѣмецкіе князья, изъ коихъ многіе пользуются правами, присвоенными владѣтельнымъ государямъ, имперскіе графы, фамиліи коихъ обладаютъ нѣсколькими майоратами, Польскіе, Богемскіе и Итальянскіе роды, соединяющіе древность происхожденій съ огромными богатствами. Изъ нихъ составилась плотная масса, совершенно отдѣленная отъ другихъ сословій, заимствующая часть блеска своего отъ императора и его двора, но самостоятельная, совершенно отъ нихъ независимая. Кому извѣстна Россія, тотъ знаетъ, на какомъ зыблемомъ основаніи поставлена наша, такъ называемая, аристократія. Казалось, подражаніе тутъ дѣло невозможное; однакоже оно отчасти удалось: мы гдѣ что̀ подмѣтимъ, то хотя на время, а уже вѣрно искусно переймемъ.

Богатыя фортуны не были еще раздѣлены между потомками, не были еще въ раздробь промотаны. Онѣ принадлежали по большей части людямъ, коимъ титулъ и высокій чинъ давали, хотя иногда новую, но настоящую знатность. Камергерство четвертаго класса и камеръ-юнкерство пятаго сыновьямъ ихъ, однимъ въ двадцать пять, другимъ въ восемнадцать лѣтъ, открывали рано дорогу къ почестямъ. Унизительная, убійственная обязанность переписывать въ канцеляріяхъ бумаги для нихъ не существовала. Предшественники Екатерины, какъ и она сама, какъ и сынъ ея, возводя кого-нибудь на высокую степень, давали ему средства не только поддержать блескъ даруемаго ему титула, но даже разливать его на своихъ потомковъ. Все было въ гармоніи, пока неосмотрительная щедрость Павла Перваго не повысила чинами людей, коихъ *всѣхъ* не въ состояніи былъ онъ обогатить. Въ такомъ положеніи (какъ говорилъ я въ другомъ мѣстѣ) не совсѣмъ было трудно усастой княгинѣ Голицыной, съ умомъ, съ твердымъ характеромъ, безъ всякихъ женскихъ слабостей, сдѣлаться законодательницей и составить нѣчто похожее на аристократію западныхъ государствъ. Къ тому же въ ней самой оставалось еще довольно много Русскаго, чтобы переходъ къ новымъ идеямъ не былъ столь ощутителенъ.

Къ чести сего общества, коего и понынѣ сохранилось еще нѣсколько обращиковъ, должно сказать, что оно отличалось чрезвычайною учтивостію, то-есть ласковою, нимало нецеремонною, строго соблюдаемою, взаимною внимательностію. Холодная же учтивость, безъ малѣйшаго вида пренебреженія, служила ему защитой отъ вторженій

въ его собранія такихъ людей, коихъ почитало оно того недостойными. Оно вынуждено было при Павлѣ поставить главнымъ своимъ догматомъ, что чины суть ничто: предпочтеніе, сдѣланное тогдашнему генералитету, скоро обратило бы его въ кабакъ. Бѣда только въ томъ, что Французскій языкъ былъ также первымъ его условіемъ и сдѣлалъ его доступнымъ людямъ, коихъ не слѣдовало бы въ немъ видѣть: всякаго рода иностранцамъ, аферистамъ, даже актерамъ.

Тогдашній дворъ сему обществу служилъ также прекраснымъ образцомъ. Имъ правила вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна, примѣръ всѣхъ семейныхъ и общественныхъ добродѣлелей, «жена сильная», о коей гласитъ Святое Писаніе, въ преклонныхъ лѣтахъ еще блиставшая величественною красотой, пышность истинно-царскую умѣвшая сочетать съ бережливостію истинно-народолюбивою. Въ тихомъ величіи скромно стояла близъ нея Елисавета Алексѣевна, и нѣмому безсильному божеству тѣмъ не менѣе усердныя возсылались моленія. Наконецъ, самъ Императоръ знаніемъ приличій превосходилъ всѣхъ современныхъ государей. Правда, желая, можетъ быть, чтобы видѣли, какъ онъ хранимъ народною любовію, одинъ прогуливался онъ пѣшкомъ по набережнымъ и такимъ образомъ ежедневно царствіе свое показывалъ на улицѣ. Но онъ дѣйствительно былъ ненаглядenъ; ему всегда радовались, какъ солнцу, которое однакоже никому не въ диковинку; какая-то сила, право волшебная, спасала его отъ неуваженія, которое мы, особенно Русскіе, невольно получаемъ къ предметамъ безпрестанно и вездѣ встрѣчаемымъ. Даже во время первой молодости, въ публичныхъ мѣстахъ видѣли его очень рѣдко, въ частныхъ домахъ—почти никогда; посѣщеніе его одному изъ первыхъ его вельможъ почиталось историческимъ происшествіемъ, ставилось выше всѣхъ оказанныхъ имъ милостей. О вечернихъ собраніяхъ у Императрицы, весьма немногочисленныхъ, въ публикѣ знали очень мало; извѣстно было только, что съ одной стороны являлась тамъ самая милостивая снисходительность, съ другой—искреннѣйшее благоговѣніе; фамиліарства—ни съ которой.

Въ гостиныхъ лучшаго общества также царствовала величайшая пристойность: ни слишкомъ возвысить голоса, ни безъ пощады злословить тамъ не было позволено. Такіе вечера не могли быть чрезвычайно веселы, и на нихъ иному не разъ приходилось украдкою зѣвнуть; но въ нихъ искали не столько удовольствія, сколько чести быть принятымъ. Самимъ женщинамъ нѣкоторая принужденность въ манерахъ давала болѣе правильности въ поступкахъ, а онѣ въ обществѣ всегда служатъ примѣромъ для мужчинъ. Гораздо позже, когда Кочубеи и Гурьевы, какими-то финансовыми оборотами болѣе чѣмъ щедротами

Монарха, стяжали себѣ великое состояніе и сдѣлались первыми вельможами, тонъ общества сталъ примѣтно грубѣть; понятія о чести начали измѣняться и уступать мѣсто всемогуществу золота. Но все это было очень далеко отъ того, до чего мы нынѣ дожили.

Особыя милости двора, кому бы онѣ ни были оказаны, конечно и тогда служили лучшей рекомендаціей въ лучшее общество. Иногда прихоть старой дамы, ея покровительство, иногда докучливость и наглость искателя, въ него и тогда открывали входъ; но эти случаи были рѣдки, и оно почти все составлено было изъ людей въ немъ родившихся, выросшихъ и, такъ сказать, въ день крестинъ своихъ получившихъ отъ него приглашеніе. Новое лицо, неизвѣстное имя человѣка самаго образованнаго, всегда сначала вооружали противъ него. Люди среднихъ лѣтъ, незнакомые съ уставами сего общества, менѣе другихъ могли надѣяться въ него вступить; но они впрочемъ о томъ мало и заботились. Молодость была счастливѣе: тамъ гдѣ нравственность не послѣднее дѣло, робость юноши принимается за добрый знакъ, и всѣ стараются поощрить его.

Принадлежать къ сему обществу было верхомъ желаній моего тщеславія. Въ средствахъ къ тому, казалось, не было недостатка. Отецъ мой готовъ былъ прислать мнѣ письма, которыя открыли бы мнѣ двери двухъ или трехъ знатныхъ домовъ, съ хозяевами коихъ былъ онъ хорошо знакомъ. Было другое средство еще вѣрнѣйшее: князь Ѳеодоръ Голицынъ, съ которымъ провелъ я годъ въ деревнѣ отца его, одаренный изящнымъ тактомъ, былъ однимъ изъ корифеевъ общества; безъ всякой дружбы онъ меня очень любилъ; ему казалось, что нѣкоторою образованностію обязанъ я ему, и онъ мнѣ предложилъ вездѣ меня представить. Но тутъ-то и было первое затрудненіе: просить объ опредѣленіи въ службу, о мѣстѣ, о какомъ-нибудь тяжебномъ дѣлѣ мнѣ никогда не казалось унизительнымъ; а мысль испрашивать, какъ милости, дозволенія къ кому-нибудь ѣздить, меня всегда пугала. Я всегда дожидался приглашеній и почти всегда дожидался ихъ тщетно: неразсчетливѣе, глупѣе моего самолюбія, признаюсь, я ни въ комъ еще не встрѣчалъ.

Къ тому же, слова Козловскаго и вечеръ у князя Куракина сильно на меня подѣйствовали, лишили меня всей бодрости. Главное же, неодолимое препятствіе было въ пустотѣ моего кармана: надобно было вдвое, втрое болѣе того, что̀ давали мнѣ родители, чтобы сколько-нибудь съ пристойностію показываться въ большомъ свѣтѣ. А между тѣмъ, къ несчастію, будучи съ малыхъ лѣтъ въ сообществѣ съ ровесниками, которыхъ фортуна гораздо лучше меня надѣлила, я имѣлъ ихъ вкусы и наклонности, и думалъ, что имѣю равныя съ ними пра-

ва. Безразсудный, я долженъ былъ знать, что я сынъ почтеннаго, но весьма небогатаго отца, и что, подобно ему, одними трудами только мнѣ возможно прокладывать себѣ дорогу. Еслибъ я могъ забыть о томъ, то его мудрые совѣты каждую почту письменно мнѣ о томъ напоминали. Но какого толку спрашивать у молодаго человѣка, едва вышедшаго изъ отрочества?

Нѣкоторое время былъ я какъ сынъ раззорившагося и недавно умершаго богатаго вельможи. Успѣхи въ свѣтѣ, столь легко пріобрѣтаемые моими товарищами, молодыми знакомыми, подробные ихъ разсказы о томъ меня терзали, но, Богъ свидѣтель, не завистію, а неизъяснимымъ, отчаяннымъ уныніемъ. Сколько разъ на чердакѣ, или почти въ подвалѣ, въ уединенной кельѣ моей, при тускломъ свѣтѣ одной сальной свѣчи, сравнивалъ я участь ихъ съ моею; въ эту минуту, когда дурная погода не дозволяла мнѣ даже прогуляться, «они», думалъ я, въ позлащенныхъ салонахъ танцуютъ, любезничаютъ съ дамами. Я не имѣлъ даже утѣшенія нынѣшней безвѣстной молодежи—либеральныхъ идей; я все уважалъ, что́ другіе уважали, и не умѣлъ еще, какъ нынѣ, становиться на дыбы противъ общаго мнѣнія. О, какъ тяжело мнѣ бывало! Долго, долго не переставалъ я видѣть въ себѣ какое-то отверженное, падшее существо.

Такого рода несчастія могутъ быть только у насъ въ Россіи, гдѣ нѣтъ настоящей аристократіи и гдѣ между ею и другими состояніями не проведена рѣзкая черта, какъ въ нѣкоторыхъ Европейскихъ земляхъ. Въ мое время подобныхъ мнѣ было, вѣрно, очень мало; я, по крайней мѣрѣ, никому не смѣлъ говорить о моихъ страданіяхъ: меня бы осмѣяли. Теперь же, когда кругъ такъ-называемаго большаго свѣта до невѣроятія расширился, когда доступъ къ нему сдѣлался такъ свободенъ и законы его стали такъ снисходительны, не принадлежать къ нему гораздо унизительнѣе, чѣмъ прежде, и предполагаетъ уже или совершенную нищету, или самое дурное поведеніе. Число требующихъ въ немъ пра̀ва гражданства должно быть неимовѣрно, а какъ нѣтъ возможности всѣхъ удовлетворить, то и досада тѣхъ, коимъ не удалось добиться столь ничтожнаго преимущества, должна быть также чрезвычайно велика.

Мнимо-несчастное положеніе мое было, однакоже, весьма благопріятно для пріобрѣтенія и умноженія познаній. Я мало воспользовался этимъ, и это новое прегрѣшеніе въ числѣ тѣхъ, въ коихъ, какъ духовному отцу, долженъ я каяться читателю. Всѣ надежды свои возлагалъ я на службу; а она, какъ увидимъ, что-то долго мнѣ не давалась. Мнѣ иногда ужасно подумать, сколько времени, и самаго дра-

гоцѣннаго, погубилъ я понапрасну. Я готовъ винить самого себя, но обстоятельства, въ которыхъ находился, еще гораздо болѣе.

Старшій братъ мой, умный провинціалъ, отличающійся непринужденною вѣжливостію, отличный и въ поведеніи армейскій офицеръ, по исключительности, по взыскательности тогдашняго Петербургскаго общества, долженъ былъ казаться въ немъ страннымъ. Онъ это зналъ и имѣлъ благоразуміе не только не искать его, но и, сколь возможно, его чуждаться. Дѣло удивительное! Въ отношеніи къ обществу онъ цѣлымъ поколѣніемъ казался старѣе отца своего. Даже второстепенныя общества Петербурга были не по немъ: онъ ихъ убѣгалъ. Онъ полагалъ, что меньшой братъ его обреченъ быть жертвой бонтона и всѣхъ его прихотей, а меньшой братъ былъ совсѣмъ отъ того не прочь: ему не доставало только путеводителя и денегъ на дорогу. Еще гораздо болѣе имѣлъ братъ мой отвращенія отъ собраній людей развратныхъ: попойки, оргіи, въ то время столь обыкновенныя, казались ему нестерпимы. Гдѣ же собирались умные люди безъ умничанья, какихъ бы лѣтъ они ни были, съ свѣдѣніями, которыя они любили сообщать въ разговорахъ, тамъ, гдѣ были пріятныя, скромныя женщины, безъ лишнихъ вычуръ моды, тамъ только былъ онъ въ своемъ элементѣ. Домашнее житье наше съ симъ братомъ было совершенно согласное; въ упрекахъ, кои рѣдко я заслуживалъ, а еще рѣже позволялъ онъ себѣ, всегда щадилъ онъ мое самолюбіе. Когда замѣчалъ во мнѣ маленькую грусть, спѣшилъ развеселить меня и, сколько позволяли наши скудныя средства, старался доставлять мнѣ всѣ возможныя, безвинныя удовольствія: то покупкой книжки, то билетомъ въ театръ, а иногда и обѣдомъ послаще. Разница съ другимъ братомъ была совершенная; правда, со времени его владычества прошло почти три года: я сдѣлался старѣе и былъ уже въ службѣ.

Братъ мой свелъ знакомство съ однимъ весьма извѣстнымъ въ свое время откупщикомъ Василіемъ Алексѣевичемъ Злобинымъ; или, лучше сказать, тотъ самъ нашелъ его. Онъ держалъ винный откупъ во всей Пензенской губерніи, и слѣдственно приглашенія его были не совсѣмъ безкорыстны. Счастіе, умъ и смѣлость сего простаго мѣщанина Саратовской губерніи, города Вольска, способствовали ему сдѣлаться въ своемъ родѣ знаменитымъ: онъ самъ разсчитывалъ, что имѣетъ барыша по тысячѣ рублей въ день, сумма въ тогдашнее время необъятная. Старикъ Злобинъ былъ типъ нашихъ православныхъ мужичковъ, то есть человѣкъ и добрый, и хитрый; онъ сохранилъ и поступь, и рѣчи, и поговорки своего первобытнаго состоянія, однимъ словомъ все, даже одежду и бороду. Этимъ самымъ отличился онъ отъ братіи своей, откупщиковъ и, какъ говорится нынѣ, создалъ себѣ позицію въ свѣтѣ. Никогда не

хотѣлъ онъ чиновъ, когда всѣ за ними гонялись, и довольствовался званіемъ именитаго гражданина. Золотыя медали на шеѣ давались тогда купцамъ еще гораздо рѣже, чѣмъ кресты чиновникамъ; ихъ-то онъ и желалъ, и одинъ только (полно, не первый ли?) получилъ таковую съ алмазами. Въ богатомъ Русскомъ кафтанѣ своемъ онъ не оставлялъ по большимъ праздникамъ всегда являться во дворцѣ, и не было въ Петербургѣ ни одного человѣка, который бы не зналъ его. Съ боярами, съ случайными людьми употреблялъ онъ необыкновенную уловку: съ видомъ простодушнымъ, откровеннымъ, въ смѣлыхъ будто выраженіяхъ, умѣлъ онъ всегда льстить ихъ самолюбію, часто угащивалъ ихъ у себя и заставлялъ думать, что онъ съ ними на пріятельской самой короткой ногѣ. Чтобы поддержать сіе мнѣніе, брался онъ за всѣхъ хлопотать и многочисленнымъ кліентамъ своимъ, когда выпрашивалъ, когда вымаливалъ, когда вымучивалъ милости, по большей части, не весьма важныя. Великое достоинство брадатаго мецената состояло въ томъ, что съ молящими его о помощи обходился онъ дружески ласково, совсѣмъ не покровительственно, что̀ въ купцѣ было бы несносно: вообще и тогда богатству кланялись, но только съ условіемъ, чтобъ и оно откланивалось. Такимъ образомъ, задабривая всѣхъ, ставилъ онъ вездѣ себѣ подпоры и распространилъ о себѣ славу, которая, возвращаясь къ своему началу, возвышала его въ глазахъ тѣхъ самыхъ, коимъ ею былъ онъ обязанъ.

Въ немъ было видно и чувство: полжизни проведя въ Петербургѣ, онъ себя и другихъ хотѣлъ увѣрить, что остается въ немъ только для приведенія дѣлъ своихъ къ окончанію; и, дѣйствительно, ни дома, ни дачи не хотѣлъ въ немъ купить. Построенныя имъ заочно каменныя палаты въ Вольскѣ, разведенные безъ него сады, безпрестанно украшалъ онъ, посылая ежегодно разныя драгоцѣнности изъ столицы, гдѣ жилъ онъ какъ на ночлегѣ. При имени родины его, въ которой надѣялся провесть остатокъ жизни, навертывались у него иногда слезы.

Однакоже, ночлегъ его былъ нанятый трехъ-этажный домъ, который хотѣлъ онъ также сколько-нибудь поукрасить: кто-то накупилъ ему картинъ, мебелей и бронзовыхъ вещей и всѣмъ этимъ безъ вкуса и порядка завѣшалъ стѣны, загородилъ комнаты. Но лучшимъ украшеніемъ сего дома была молоденькая его невѣстка, жена единственнаго его сына. Она была меньшая сестра умершей жены Сперанскаго и нѣсколько времени жила у него вмѣстѣ съ матерью, Англичанкою Стивенсъ, при оставшейся ему малолѣтней дочери. Тамъ увидѣлъ ее молодой Злобинъ, не совсѣмъ похожій на отца своего, съ большою образованностію, только не свѣтскою, съ плохимъ здоровьемъ, лицомъ печальнымъ и нравомъ угрюмымъ. Онъ плѣнился дѣвочкою живою,

избалованною, почти бѣшенною, и Сперанскій, для коего такое родство было тогда находкой и который, какъ увѣряли, имѣлъ особливыя причины спѣшить замужествомъ своячeницы, скоро этимъ дѣломъ поладилъ. Оно уже тѣмъ ему было полезно, что избавляло его отъ издержекъ на содержаніе маленькаго семейства его, тещи и дочери, которыя совсѣмъ переселились къ Злобину. Старикъ не воспротивился сему браку: суеты Петербургской жизни изгладили въ немъ слѣды старовѣрства, въ коемъ онъ родился, какъ кажется, ослабили въ немъ самое православіе; къ тому же, и свойство съ Сперанскимъ, восходящимъ солнцемъ, должно было радовать такого рода человѣка. Но едва прошло шесть мѣсяцевъ, какъ молодые супруги, по совершенному несогласію въ нравахъ, увидѣли невозможность дальнѣйшаго сожитія. Желая временною разлукой ихъ примирить, ближніе ихъ выдумали госпожу Стивенсъ съ дочерью и внукой, подъ предлогомъ какой-то болѣзни, отправить къ Балдонскимъ водамъ (за границу тогда было не такъ легко). Они медлили возвращеніемъ; ибо сынъ Злобина, не въ состояніи уже будучи скрывать злобы своей къ Сперанскому, рѣшительно объявилъ, что оставитъ отчій домъ, что̀ дѣйствительно и сдѣлалъ онъ, лишь только узналъ, что онѣ въ позднее осеннее время предприняли обратный путь. Онъ бросилъ службу и ускакалъ въ Вольскъ управлять дѣлами отца. Болѣе года еще сохраняли надежду сблизить супруговъ, и присутствіе женскаго пола въ домѣ Злобина дѣлало его болѣе пристойнымъ, умножало его пріятности.

Въ это время братъ мой сталъ туда ѣздить. Отъ него узнавъ обо мнѣ, женщины просили его привезти меня съ собою. Прошло нѣсколько дней, и я расположился тамъ, какъ до̀ма. Гувернантка, очень долго жившая въ знатномъ домѣ, имѣла аристократическій тонъ, для меня весьма привлекательный; дочь ея, о воспитаніи коей она не имѣла времени много заботиться, была другимъ образомъ привлекательна своею молодостію, не столь красивымъ, сколь пріятнымъ лицомъ и живостію, которую изобразить трудно. Около нихъ собирался маленькій кругъ, состоящій изъ Сперанскаго и самыхъ короткихъ его пріятелей. Народъ дѣловой, оберъ-секретари и секретари сенатскіе, откупщики, которые толковали только о барышахъ, и даже молодые офицеры, которые приходили попить и поѣсть, а поговорить умѣли только о парадѣ и мундирныхъ формахъ, не могли быть очень пріятны симъ дамамъ и держались отъ нихъ поодаль.

Явное предпочтеніе, оказанное мнѣ передъ сими людьми, сначала только польстило моему самолюбію. Братъ мой, будучи самъ еще молодъ, но гораздо болѣе меня опытенъ, первый замѣтилъ, что тутъ не одно простое предпочтеніе, а нѣчто болѣе нѣжное и пылкое. Находя,

что пришла уже для меня пора любви и надѣясь, что воспитаніе ея предохранитъ меня отъ разврата, онъ видѣлъ въ этомъ самый счастливый къ тому случай. Что̀ сказать мнѣ болѣе? Въ столь отдаленномъ времени мнѣ кажется говорю я не о себѣ, а совсѣмъ о другомъ человѣкѣ, и потому не краснѣя могу признаться, что *онъ* былъ любимъ и что самъ былъ болѣе чѣмъ неравнодушенъ. Все это такъ мало скрывалось отъ постороннихъ глазъ, что я, право, не знаю, какъ это сходило намъ съ рукъ. Надъ нашимъ добрымъ согласіемъ, маленькими ссорами, потомъ примиреніями всѣ еще смѣялись и смотрѣли на то, какъ на ребячество.

Сперанскій также ничего не видѣлъ тутъ серьознаго, не думалъ ревновать и, напротивъ, былъ со мною чрезмѣрно любезенъ. Онъ былъ заваленъ дѣломъ и тогда уже довольно недоступенъ; послѣднее извиняется первымъ. Для человѣка, какъ говорится, въ ходу приглашеніямъ не бываетъ конца, а удаленіе отъ свѣтскихъ забавъ придаетъ какую-то важность занятіямъ государственнаго человѣка. Самое положеніе Сперанскаго заставляло его уединиться. Онъ имѣлъ все право почитать себя выше родовыхъ дворянъ безъ заслугъ; до равенства съ знатными еще онъ не дошелъ, а извѣстность его, быстрые успѣхи, высокое просвѣщеніе вывели его изъ ряду другихъ гражданскихъ чиновниковъ, обыкновенными трудами по службѣ пріобрѣтающихъ себѣ чины и состояніе. Сначала имѣлъ я право приходить къ нему во всякое время, но не употреблялъ его во зло. Онъ даже любилъ иногда слегка пошутить, потомъ переходилъ къ предметамъ довольно важнымъ, мнѣ (долженъ признаться) тогда мало понятнымъ. Не смотря на всю его снисходительность, я чувствовалъ при немъ какой-то страхъ: все въ немъ меня дивило, ничто не увлекало. Кажется, изъ молодыхъ людей, случаемъ ему насылаемыхъ, хотѣлъ онъ дѣлать своихъ Сеидовъ. Чистота правилъ вмѣстѣ съ моимъ невѣжествомъ сдѣлали попытку его со мною неудачною. Замѣтивъ сіе, онъ не вдругъ перемѣнился, а мало-по-малу отдалилъ меня отъ себя, сталъ менѣе говорить, рѣже принимать, а я сталъ рѣже являться къ нему.

Такъ было мѣсяца три или четыре, въ продолженіе коихъ не разъ случалось мнѣ видѣть его среди малаго числа избранныхъ имъ друзей или приверженцевъ. Ихъ было до пяти или до шести; они одни безпрепятственно могли посѣщать его, и нѣкоторые довольно замѣчательны, чтобы объ нихъ здѣсь упомянуть.

Съ однимъ изъ нихъ **** читатель мой уже знако̀мъ. Возвратясь изъ Пензы, ему не совсѣмъ пріятно было встрѣтить меня у Сперанскаго; появленіе его однакоже не имѣло никакого вліянія на обращеніе со мною сего послѣдняго. Другой, слишкомъ извѣстный

Магницкій, всегда ругался дерзко надъ общимъ мнѣніемъ, дорожа единственно благосклонностію предержащихъ властей. Это одинъ изъ чуднѣйшихъ феноменовъ нравственнаго міра. Какъ младенцы, которые выходятъ въ свѣтъ безъ рукъ или безъ ногъ, такъ и онъ родился совсѣмъ безъ стыда и безъ совѣсти. Онъ крещенъ во имя архангела Михаила; но, кажется, выростая, онъ еще гораздо болѣе, чѣмъ соимянный ему Сперанскій, предпочелъ покровительство побѣжденнаго Архистратигомъ противника. Отъ сего безплотнаго получилъ воплощенный врагъ рода человѣческаго сладкорѣчіе, даръ убѣжденія, искусство принимать всѣ виды. Если вѣрить аду, то нельзя сомнѣваться, что онъ посланъ былъ изъ него, дабы довершить совращеніе могущаго умомъ Сперанскаго, и вѣроятно сего другаго демона, не совсѣмъ лишеннаго человѣческихъ чувствъ, что-то похожее на раскаяніе заставило подъ конецъ жизни отъ него отдалиться. Въ дѣйствіяхъ же, въ рѣчахъ Магницкаго, все носило на себѣ печать отверженія: какъ онъ не вѣровалъ добру, какъ онъ тѣшился слабостями, глупостями людей, какъ онъ радовался ихъ порокамъ, какъ онъ восхищался ихъ преступленіями! Какъ часто онъ долженъ былъ проклинать судьбу свою, избравшую Россію ему отечествомъ, Россію не знавшую ни революцій, ни гоненій на вѣру, гдѣ такъ мало средствъ соблазнять и терзать цѣлыя народонаселенія, столь безплодную землю для террориста или инквизитора!

Онъ былъ воспитанъ въ Московскомъ Университетскомъ Пансіонѣ, писалъ изрядно Русскіе стихи и старѣе двадцати лѣтъ оставилъ Россію. Пробывъ года два или три за границей при миссіяхъ Вѣнской, а потомъ Парижской, возвратясь, онъ сталъ коверкать Русскій языкъ и никогда уже не могъ отвыкнуть отъ дурнаго выговора, къ которому себя насильно пріучилъ. Когда я началъ знать его, онъ былъ франтъ, нахальный безбожникъ и выдавалъ себя за дуэлиста; но былъ вѣжливъ, блистателенъ, отмѣнно пріятенъ и изо всего этого общества мнѣ болѣе всѣхъ полюбился. Много еще можно говорить объ немъ, но я берегу его для продолженія сихъ Записокъ, когда мнѣ придется разсказывать послѣднія дѣянія сего апостола зла.—Лубяновскій былъ чинный, осторожный, любостяжательный Магницкій, не имѣлъ ни его хамелеонизма, ни его смѣлаго полета, никогда такъ высоко, какъ онъ, не подымался, никогда такъ низко не упадалъ. Онъ всѣхъ рѣже бывалъ у Сперанскаго, но былъ не менѣе въ тѣсныхъ съ нимъ связяхъ; объ немъ также еще рѣчь впереди. Маленькій, чванный, тщедушный сидѣлецъ изъ Нюрнбергской лавки, Цейеръ, былъ также дѣйствительнымъ, хотя довольно безгласнымъ, членомъ сего общества; это, какъ говорятъ Французы, былъ бѣдный чортъ, добрый чортъ. Онъ славился

знаніемъ Французскаго языка, потому онъ сдѣлался нуженъ Сперанскому, который взялъ его почти мальчикомъ жить къ себѣ въ домъ; онъ оставался потомъ почти цѣлый вѣкъ при немъ въ родѣ адъютанта, секретаря или собесѣдника, и на хвостѣ орла паукъ сей взлетѣлъ, наконецъ, до превосходительнаго званія. Другихъ еще (Жерве, Словцова) я не видѣлъ: ихъ вѣрно тогда не было въ Петербургѣ, и я только слышалъ объ нихъ, какъ объ отсутствующихъ членахъ.

Въ кабинетѣ Сперанскаго, въ его гостиной, въ его обществѣ, въ это самое время зародилось совсѣмъ новое сословіе, дотолѣ неизвѣстное, которое, безпрестанно умножаясь, можно сказать, какъ сѣткой покрываетъ нынѣ всю Россію,—сословіе бюрократовъ. Всѣ высшія мѣста президентовъ и вице-президентовъ колегій, губернаторовъ, оберъ-прокуроровъ береглись для дворянъ, въ военной или гражданской службѣ или и при дворѣ показывающихъ способности и знанія: не законъ или правило какое, а обычай, какой-то предразсудокъ рѣдко подпускалъ къ нимъ людей другихъ состояній, для коихъ мѣста совѣтниковъ въ губерніяхъ, оберъ-секретарей или и членовъ колегій, были мѣтою, достиженіемъ коей удовлетворялось честолюбіе ихъ послѣ долговременной службы. Однакоже между ними тѣ, которые одарены были умомъ государственнымъ, имѣли всѣ средства его выказывать и скоро были отличаемы отъ другихъ, которые были только нужными, просто-дѣловыми людьми. Для первыхъ всюду была открыта дорога, на ихъ возвышеніе смотрѣло дворянство безъ зависти, охотно подчинялось имъ, и они сами, дорожа пріобрѣтенными правами, дѣлались новыми и отъ того еще болѣе усердными членами благороднаго сословія. Въ послѣднихъ ограниченность ихъ горизонта удерживала стремленіе къ почестямъ; но необходимое для безостановочнаго теченія дѣлъ, полезное ихъ трудолюбіе должно же было чѣмъ-нибудь вознаграждаться? Изъ дневнаго пропитанія своего что̀ могли отдѣлять они для успокоенія своей старости? Беззаконныя, обычаемъ если не освящаемыя, то извиняемыя средства, оставались единственнымъ ихъ утѣшеніемъ. За то отъ мірскихъ крупицъ какъ смиренно собирали они свое малое благосостояніе! Повторяя, что всякое даяніе благо, они дѣйствительно довольствовались немногимъ. Тамъ, гдѣ не было адвокатовъ, судьи и секретари должны были нѣкоторымъ образомъ заступать ихъ мѣсто, и тайное чувство справедливости не допускало помѣщиковъ роптать противъ такого рода поборовъ, обыкновенно весьма умѣренныхъ. Они никакъ не думали спѣсивиться, съ просителями были ласковы, вѣжливы, дары ихъ принимали съ благодарностію; не дѣлая изъ нихъ никакого употребленія, они сохраняли ихъ до окончанія процесса и въ случаѣ его потери возвращали ихъ проигравшему. Къ

нимъ приступали смѣло, и они дѣйствовали довольно откровенно *). Ихъ образъ жизни, предметы ихъ разговоровъ, странность нарядовъ ихъ женъ и дочерей, всегда запоздалыхъ въ модѣ, отдѣляли ихъ даже въ провинціи отъ другихъ обществъ, приближая ихъ однакоже болѣе къ купеческому. Ихъ все-таки клеймили названіемъ подъячихъ, прежде ненавистнымъ, тогда унизительнымъ. Это было не совсѣмъ несправедливо, ибо въ нихъ можно было видѣть потомковъ или преемниковъ тѣхъ безсовѣстныхъ, безчеловѣчныхъ, ненасытныхъ вампировъ, коихъ Капнистъ такъ вѣрно изобразилъ въ комедіи своей *Ябедѣ*, конечно болѣе по воспоминаніямъ, чѣмъ по примѣрамъ, которые имѣлъ передъ глазами. Вѣкъ Екатерины преобразилъ ихъ въ піявокъ, высасывающихъ лишнюю кровь, и тѣмъ составилось второе поколѣніе сего сословія.

Нельзя винить Сперанскаго въ умыслѣ, умноживъ ихъ силу, дать имъ болѣе средствъ воровать; его намѣренія конечно были чище, возвышеннѣе. Какъ всѣ честолюбивые люди, любилъ онъ власть болѣе чѣмъ деньги, и состояніе, совсѣмъ не огромное, которое оставилъ онъ дочери, имѣло (нѣтъ въ томъ сомнѣнія) источникомъ разсчетливость его и испрашиваемыя большія пособія у царей. Въ клевретѣ его, ***, говорила еще дворянская кровь и торжествовали старинныя дворянскія правила: въ мздоимствѣ не только уличаемъ, ни даже подозрѣваемъ онъ никогда не былъ. Они оба, можетъ быть, какъ и я, смотрѣли на сіи безпорядки, какъ на слѣдствіе несчастной необходимости и извиняли ихъ уже вѣрно гораздо болѣе чѣмъ я. Желая облагородить гражданскую службу, Сперанскій думалъ сдѣлать сіе посредствомъ просвѣщенія. По нуждѣ въ добромъ согласіи съ закоренѣлыми въ лихоимствѣ умными людьми, Голиковымъ, Познякомъ и другими, онъ въ тоже время хотѣлъ въ иныхъ правилахъ воспитывать новое поколѣніе чиновниковъ, которое мысленно составлялъ онъ изъ людей неизвѣстнаго происхожденія. Но на нихъ дѣйствовать могъ онъ не самъ, а чрезъ пріятелей своихъ, подчиненныхъ и сотрудниковъ, Магницкаго, Лубяновскаго, потомъ Кавелина и другихъ приверженцевъ, кои вмѣстѣ съ Европейскимъ образованіемъ проповѣдывали и Европейскую безнравственность.

Канцеляріи министерствъ должны были сдѣлаться нормами и разсадниками для присутственныхъ мѣстъ въ губерніяхъ. И дѣйствительно, молодые люди, преимущественно воспитанники духовныхъ академій

---

*) Все это знаю я ни по преданіямъ, ни по опыту, ибо никогда никому ничего не давалъ, и ни отъ кого ничего не получалъ. Не нужно было большаго любопытства, чтобы вникнуть въ сіи тайны, всѣмъ открытыя.

или студенты единственнаго Московскаго Университета, принесли въ нихъ сначала всѣ мечты юности о благѣ, объ общей пользѣ. Жестокія строгости военной службы при Павлѣ заставили недорослей изъ дворянъ искать спасенія въ штатской, а запрещеніе вступать въ нее еще болѣе ихъ къ тому возбудило; но по прежнимъ предразсудкамъ всѣ почти кинулись въ Иностранную Колегію; тутъ вдругъ, при учрежденіи министерствъ, явилась мода въ нихъ изъ нея переходить. Казалось, все способствовало возвышенію въ мнѣніи свѣта презираемаго дотолѣ званія канцелярскихъ чиновниковъ, особенно же приличное содержаніе, которое дано было бѣднымъ, малочиновнымъ людямъ и которое давало имъ средства чисто одѣваться и въ свободное время дозволительныя, не разорительныя, не грубыя удовольствія.

Такимъ образомъ для нашего сословія начался третій періодъ. Нѣсколько лѣтъ все шло какъ нельзя лучше, и тѣ, которые вѣруютъ въ усовершенствованіе рода человѣческаго, должны были на то смотрѣть съ удовольствіемъ. Столь прекрасныя начала стали мало по малу измѣняться; духомъ нечестія, коимъ исполнены были преобразователи, заразилось зрѣющее въ дѣлахъ юношество; сохранявшіе прежніе предразсудки, по большей части изъ дворянъ, были тщательно устраняемы отъ должностей и принуждены были удаляться. Когда въ 1807 году курсъ на звонкую монету сталъ вдругъ упадать, и служащіе начали получать только четвертую долю противъ прежняго, тогда бѣдность сдѣлалась вновь предлогомъ и извиненіемъ ихъ жадности. Либерализмъ и невѣріе развратили ихъ умы и сердца, и цитаты изъ Священнаго Писанія, коими прежніе подъячіе любили приправлять свои разговоры, замѣнились въ устахъ ихъ изреченіями философовъ восьмнадцатаго вѣка и революціонныхъ ораторовъ. Съ распространеніемъ просвѣщенія, съ умноженіемъ роскоши, усовершенствовалось и искусство неправеднымъ образомъ добывать деньги; далѣе нынѣшняго оно, кажется, идти не можетъ.

Записавшись, я нарушаю порядокъ, принятый мною для повѣствованія и нечувствительно перехожу въ настоящее время. Для избѣжанія сего, довольствуюсь изображеніемъ бюрократическаго типа, какимъ я зналъ его лѣтъ двадцать тому назадъ. Бюрократъ, коль скоро получитъ мѣсто сколько нибудь видное, думаетъ быть министромъ. Онъ дѣлается гордъ, въ обращеніи холоденъ и въ тоже время словоохотливъ, но только съ тѣми, которые въ молчаніи по цѣлымъ часамъ готовы его слушать. Онъ одѣтъ щегольски, имѣетъ хорошаго повара, жену-модницу и фортепіано въ гостиной; живетъ же не очень открыто, принимая только тѣхъ, кто въ немъ имѣетъ нужду или въ комъ онъ имѣетъ нужду. Онъ знаетъ иностранные языки и имѣетъ столько на-

читанности, чтобы съ видомъ ученымъ разсуждать о предметахъ, которые менѣе всего его занимаютъ; о дѣлахъ службы въ обществѣ говоритъ мало: на то есть кабинетъ и департаментъ. Государственная польза, польза человѣчества никогда не приходили ему въ голову; онъ не унизитъ себя даже упоминать объ нихъ и въ ихъ ревнителяхъ видитъ ребяческое слабоуміе. Кромѣ страсти властвовать и наживаться, онъ не имѣетъ ни слабостей, ни пороковъ, но любитъ и поощряетъ ихъ въ другихъ, ибо уважать ему несносно, презирать усладительно. Какъ бы ни мало было занимаемое имъ мѣсто, онъ заставляетъ просителей дожидаться въ передней, обходится съ ними свысока, и даже беретъ взятки, какъ будто собираетъ дань съ побѣжденныхъ. Сотраданія онъ никогда не зналъ, ничего священнаго въ мірѣ для него не было: это былъ просвѣщенный и для большой дороги не довольно смѣлый грабитель *). Я представилъ здѣсь одинъ образецъ совершенства бюрократическаго; не всѣ могутъ съ нимъ равняться, но болѣе или менѣе къ нему приближаются.

Судьба ко мнѣ жестокая и вмѣстѣ милосердая, во дни самой первой молодости, ввергнула меня въ сію пучину, и потомъ всю жизнь мою, какъ Аретузу, провела чистою струей сквозь океанъ низкихъ пороковъ, съ тѣмъ, чтобы къ истоку дней моихъ сберечь мнѣ смѣшанныя съ горестными, сладчайшія воспоминанія.

Вниманіе ко мнѣ Сперанскаго, нѣжное расположеніе его свояченицы брату моему подало мысль, что подъ его руководствомъ и начальствомъ откроется для меня самое блестящее поприще. Едва ли не самъ онъ это предложилъ; я хорошенько не помню, такъ это все ладилось, клеилось само собою. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, коего Сперанскій былъ настоящій создатель, тогда только-что начало образоваться. Оно состояло первоначально изъ одного департамента, раздѣленнаго на три экспедиціи: государственнаго хозяйства (что́ нынѣ хозяйственный департаментъ), государственнаго благоустройства (въ послѣдствіи департаментъ полиціи исполнительной) и медицинскую. Управляющимъ первою изъ нихъ назначенъ былъ тайный совѣтникъ Габлицъ, послѣдней баронъ Кампенгаузенъ, а вторую взялъ самъ Сперанскій. Въ мои лѣта, съ малымъ моимъ смысломъ и знаніемъ, какое мѣсто можно мнѣ было дать, если не писца? Годъ-два переписывая бумаги, неужели я не довольно бы могъ познакомиться съ дѣлами, чтобы самому не въ состояніи быть заняться редакціей? Я уже сказалъ, что съ величайшимъ смиреніемъ готовъ былъ жертвовать покоемъ и самолюбіемъ, въ надеждѣ далеко подвинуться на избранномъ

*) Въ этомъ портретѣ пусть кому угодно будетъ узнать Лубяновскаго.

для меня пути; но лучшія намѣренія мои остались тщетны. При второй экспедиціи положено было учредить статистическое отдѣленіе, составивъ его, подъ управленіемъ ученаго Вирста, изъ десяти образованныхъ молодыхъ людей, въ число коихъ долженъ былъ и я попасть. Вѣрно, тогда въ Петербургѣ и едва ли въ цѣлой Россіи было десять человѣкъ, которые знали что́ такое статистика, которые слыхали объ этой наукѣ, и къ числу ихъ уже, конечно, я не принадлежалъ. Когда мнѣ сказали о томъ, я со всею самонадѣянностію невѣжества подумалъ: Что̀ за нужда! Увижу, такъ и узнаю.

Тутъ представилось одно обстоятельство, повидимому, весьма благопріятное для моей службы, но которое въ послѣдствіи чрезвычайно ей повредило. Не было еще тогда постановленія, чтобы чинъ, получаемый при отставкѣ, снимался при поступленіи вновь на службу. Кто-то посовѣтовалъ намъ, при переходѣ изъ Иностранной Колегіи въ департаментъ внутреннихъ дѣлъ, симъ воспользоваться, и въ Генварѣ 1803 года при увольненіи произведенъ я колежскимъ ассесоромъ. Я очень обрадовался случаю, какъ говорилось, даромъ схватить чинъ, и какой же чинъ? Штабъ-офицерскій, высокоблагородный, который равнялъ меня съ братьями, семь и восемь лѣтъ меня старѣе! Родные мои также обрадовались но не отецъ, который, съ обыкновеннымъ своимъ благоразуміемъ во всѣхъ дѣлахъ, симъ огорчился и бранилъ насъ за то. И дѣйствительно, возвышеніе безъ заслугъ (какъ опытъ то жестоко мнѣ доказалъ) обращается въ постоянное препятствіе къ полученію мѣстъ и можетъ только быть полезно богатымъ и знатнымъ людямъ.

Что́ потомъ со мной случилось, того уже вѣрно никогда ни съ кѣмъ ни бывало: мистификація, которая болѣе двухъ лѣтъ продолжалась. Мнѣ объявилъ Сперанскій, что я могу почитать себя причисленнымъ къ департаменту, что онъ далъ о томъ приказаніе, но что ходить въ него мнѣ нѣтъ никакой надобности; ибо ближе шести мѣсяцевъ статистическое отдѣленіе образоваться не можетъ. Не знаю, хотѣлъ ли онъ меня обманывать, или пренебрегалъ формами, или по множеству важныхъ дѣлъ забылъ о томъ, какъ бы то ни было, я ему повѣрилъ и два года былъ въ отставкѣ, когда всѣ и я самъ себя считалъ въ службѣ. Что̀ всего страннѣе, я лѣтомъ началъ ходить въ экспедицію, кое-чѣмъ занимался тамъ, какъ увидятъ далѣе, и никто не сыскался, кто бы предупредилъ меня, что я дурачусь.

Въ увѣренности, что онъ устроилъ будущую судьбу мою, братъ мой полагалъ, что ему ничего не остается болѣе дѣлать, какъ возвратиться въ Пензу. Онъ нанялъ мнѣ квартирку, приказалъ купить на толкучемъ рынкѣ и поставить въ ней не весьма дорогую, не весьма прочную и не весьма красивую мебель, оставилъ мнѣ небольшое ко-

личество денегъ, небольшой запасъ дровъ и не безъ грусти разстался со мною около половины Февраля.

III.

Съ самаго основанія своего, Петербургъ, главное звѣно пристегнувшее Россію къ Европѣ, представлялъ Вавилонское столпотвореніе, являлъ въ себѣ ужасное смѣшеніе языковъ, обычаевъ и нарядовъ. Но могущество народа, коего послушнымъ усиліямъ былъ онъ обязанъ своимъ вынужденнымъ, почти противуестественнымъ существованіемъ, болѣе всего въ немъ выказывалось: Русскій духъ не переставалъ въ немъ преобладать. Въ наружной архитектурѣ домовъ своихъ, какъ и во внутреннемъ ихъ украшеніи, богатые и знатные люди старались подражать отелямъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстія; но все это было гораздо въ большемъ размѣрѣ, какъ сама Россія. Заморскія вина подавались за столомъ, но въ небольшемъ еще количествѣ и для отборныхъ лишь гостей, а наливки, медъ и квасъ обременяли еще сіи столы. Французскія блюда почитались какъ бы необходимымъ церемоніаломъ званыхъ обѣдовъ, а Русскія кушанья, пироги, студени, ботвиньи, оставались привычною, любимою пищей. По примѣру Москвы, въ извѣстные храмовые праздники, лучшее общество не гнушалось еще, въ длинныхъ рядахъ экипажей, являться на такъ-называемыхъ гуляньяхъ; оживляемое какимъ-то сочувствіемъ, оно съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ смотрѣло на народныя увеселенія. Въ образѣ жизни самихъ царедворцевъ и вельможъ, а тѣмъ паче чиновниковъ и купечества, даже въ Петербургѣ, все еще отзывалось Русскою стариной. При Петрѣ Великомъ Европа начала учить насъ, при Аннѣ Ивановнѣ она насъ мучила; но царствованіе Александра есть эпоха совершеннаго нашего ей покоренія. Двадцатипятилѣтнія постоянныя его старанія, если не во всей Россіи, то по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, загнали чувство народности въ послѣдній, самый низшій классъ.

Я не хвалю и не порицаю, а только разсказываю. Начало рѣшительнаго перехода отъ прежней Русской жизни къ европеанизму было для меня чрезвычайно полезно. Всѣ еще гнушались площадною, уличною, трактирною жизнію; особенно молодымъ людямъ благородно рожденнымъ и воспитаннымъ она ставилась въ преступленіе. Обѣдать за свои деньги въ ресторацiяхъ едва ли не почиталось развратомъ; а обѣдать даромъ у дядюшекъ, у тетушекъ, даже у пріятелей родительскихъ, или ихъ коротко-знакомыхъ, было обязанностію *). Съ

*) Я увѣренъ, что между Русскими, въ Петербургѣ живущими, и теперь не менѣе хлѣбосольства чѣмъ прежде; но тогда хотѣли только кормить и сами быть сыты: ни большихъ прихотей у хозяевъ, ни взыскательности у гостей не было. Теперь же вседневный открытый для всѣхъ знакомыхъ столъ не въ состояніи имѣть первые бочаги.

другой стороны, для приличія, дотолѣ необходимо было имѣть экипажъ; даже на пріѣзжающихъ въ дрожкахъ смотрѣли не такъ-то привѣтливо, и тотъ, который на чердакѣ своемъ не имѣлъ иногда чашки чаю, часто разъѣзжалъ въ каретѣ. При Александрѣ вдругъ пѣшеходство вошло въ моду: самъ Царь подавалъ тому примѣръ. Всѣ стали гоняться за какою-то простотой, ордена и звѣзды спрятались, и штатскіе мундиры можно было встрѣтить только во дворцѣ. Нельзя себѣ представить, какое было ребячество въ этомъ цивизмѣ, въ этомъ мнимомъ Аглинскомъ свободолюбіи. Но для меня, сказалъ я, все это вмѣстѣ было весьма выгодно. Я могъ безъ угрызенія совѣсти ходить пѣшкомъ обѣдать къ знакомымъ, а какъ таковыхъ домовъ набралось у меня болѣе десяти, то посѣщая каждый изъ нихъ недѣли въ двѣ не болѣе одного раза, ни въ которомъ нельзя было почитать меня нахлѣбникомъ; такимъ образомъ сберегались и тощій мой карманъ, и только-что прозябающая моя репутація.

На моемъ мѣстѣ всякій другой могъ бы почитать себя счастливымъ: самая первая молодость, цвѣтущее здоровье, совершенная независимость и удовлетвореніе всѣхъ первыхъ потребностей жизни! Въ семнадцать лѣтъ чего же болѣе для наслажденій? Я уже сознался въ грѣхѣ своемъ, меня мучило самолюбіе; но сколько припомню, ничто не должно было его тревожить. Со мной обходились, можетъ-быть, лучше, чѣмъ я того заслуживалъ; меня отличали отъ десятковъ молодыхъ людей, подобно мнѣ, ничѣмъ не замѣчательныхъ. Многіе находили, что я пригожъ и что неловкость въ манерахъ замѣняется во мнѣ смѣтливостію и живостію ума, пристойностію и занимательностію разговоровъ. Я повторяю чужое, а не свое; самъ же каюсь въ глупости и неблагодарности своей: я брезгалъ обществомъ и почтенными домами, въ кои былъ вхожъ, потому что они не принадлежали къ самому высшему кругу.

Во время перваго пребыванія моего въ Петербургѣ ввелъ я читателя въ два дома: въ полуаристократическій Голандскій Демидова и Французскій, нѣсколько обрусѣвшій, Лабата. Въ обоихъ ту зиму давались балы и собиралось почти одно и тоже общество; разница была въ томъ, что въ первомъ изъ нихъ болѣе сіяло звѣздъ и чаще повторялось слово превосходительство, а въ послѣднемъ изобиловали маркизы, виконты и шевалье, все старые эмигранты, которые однакоже баламъ предпочитали обѣды.

Между ними были большіе чудаки: напримѣръ, одинъ Ліонскій каноникъ, графъ Монфоконъ, одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій во Франціи, который никогда не говорилъ о религіи, всякій день бывалъ въ театрѣ, былъ весьма безграмотенъ, но въ литературныхъ спорахъ

иногда доходилъ до изступленія, когда не хотѣли согласиться съ его мнѣніемъ, особливо когда трагика Кребильона не хотѣли признавать первымъ писателемъ въ мірѣ. Другой, нѣкто шевалье де-Ламоттъ былъ ростомъ очень малъ, щедушенъ, чрезвычайно косъ, лицо имѣлъ самое отвратительное и на довольно большомъ пространствѣ жестоко поражалъ всякое чувствительное обоняніе, а между тѣмъ увѣрялъ, что ко вступленію въ отборный полкъ, въ которомъ до революціи служилъ онъ капитаномъ, первыми условіями были молодечество и красота. Какъ духовное, такъ и свѣтское лицо, какъ священникъ, такъ и кавалеръ, оба они торговали тогда винами, выписываемыми изъ Бордо.

Молодыхъ эмигрантовъ, служившихъ тогда у насъ въ гвардіи, съ которыми я тутъ познакомился, можно было почитать цвѣтомъ Франціи. Сіи школьники несчастія были скромны, вѣжливы, приличны, хорошо учились и во всѣхъ сужденіяхъ, исключая о революціи своей, были или основательны, или остроумны. Въ нихъ было нѣчто дѣвственно-религіозно-мужественное; видно было, что они хотѣли осуществить собою тотъ идеалъ совершенства древнихъ рыцарей, который представляли романы, но который исторія такъ жестоко заставляетъ исчезать. Тутъ были: Сенъ-При, славный послѣ Русскій генералъ, который въ нашихъ рядахъ палъ при Реймсѣ; Брогліо, также убитый въ войнѣ нашей съ Французами; Дамасъ, бывшій при Карлѣ X министромъ иностранныхъ дѣлъ; Лагардъ, при немъ же посланникомъ въ Гишпаніи. Еще были другіе, между коими одинъ только Растиньякъ былъ вѣтренъ, болтливъ и заносчивъ.

Старые грѣшники, съ поношенными ленточками и поломанными крестиками Св. Лудовика, были смѣшны, слѣдственно забавны; молодые люди были достойны уваженія, любезны и привлекательны. Одни меня тѣшили, и я ихъ за то любилъ; другіе казались мнѣ неподражаемымъ примѣромъ, и я ихъ сердечно уважалъ. Все это рождало во мнѣ пристрастіе, которое прежде имѣлъ я ко всему Французскому. Въ это же время началъ я упитываться злостію противъ Бонапарта, офицеришка, который не дерзалъ еще тогда возсѣсть на престолѣ великаго Лудовика Четырнадесятаго, но уже шелъ къ нему большими шагами.

О другихъ домахъ, съ коими въ это время я случайно познакомился, не стóитъ много говорить, не потому чтобъ я дозволялъ себѣ нынѣ пренебрегать ихъ хозяевами, но отъ того, что они не имѣли никакого вліянія ни на службу мою, ни на образъ моихъ мыслей. Одинъ только требуетъ исключенія. Въ предшествовавшее лѣто, проведенное мною въ Москвѣ, Ѳеодоръ Александровичъ Голубцовъ былъ въ Пензѣ, для покупки большаго имѣнія, Пыркина. Тамъ познакомился онъ съ моимъ отцомъ, то-есть полюбилъ его и сталъ уважать, то-есть онъ

самъ былъ умный и почтенный человѣкъ. Онъ съ меньшимъ братомъ Иваномъ Александровичемъ были родные племянники графа Васильева, подъ начальствомъ и руководствомъ коего они начали службу при князѣ Вяземскомъ: канцелярія генералъ-прокурора сего была разсадникомъ полезныхъ для государства людей. Оба они были тайными совѣтниками и управляли экспедиціями казначейства, какъ въ Сентябрѣ 1802 года меньшой умеръ, а старшій, по случаю назначенія графа Васильева министромъ финансовъ, сдѣланъ государственнымъ казначеемъ на его мѣсто, но подъ его же начальствомъ. Немногосложность тогдашней финансовой науки дѣлала изъ него самаго искуснаго человѣка по сей части, и общее мнѣніе предназначало его преемникомъ дяди, какъ сіе въ послѣдствіи и случилось.

Отъ отца имѣлъ я къ нему письмо, которое непремѣнно долженъ былъ ему отдать, чего мнѣ не весьма хотѣлось. У него все было по-министерски; передняя, гдѣ дожидались, чиновники, которые ходили докладывать о приходящихъ: все это меня нѣсколько смущало. Но когда вышелъ хилый, желтенькій, опрятненькій этотъ человѣкъ, привѣтствовалъ меня добродушною улыбкой и обошелся такъ ласково, какъ никто изъ должностныхъ въ Петербургѣ людей, то, кажется, я согласился бы и часто его навѣщать. Къ несчастію, я ему очень полюбился; онъ нашелъ меня столь образованнымъ, что служба въ подвѣдомственной ему части казалась ему для меня неприличною; и когда узналъ, что я попалъ подъ крилѣ генія-Сперанскаго, то поздравилъ меня съ тѣмъ и хотѣлъ его просить за меня, какъ за роднаго. Онъ былъ полуженатъ; впослѣдствіи сама церковь, но тогда одно только время освящало давнишній союзъ его съ какой-то Меланіей Ивановной. И потому онъ у себя не охотно принималъ, исключая самыхъ короткихъ, и едва ли случилось мнѣ три раза въ жизни у него обѣдать. Чтобы меня чаще видѣть (сказалъ онъ мнѣ), желалъ бы онъ познакомить меня съ овдовѣвшею своею невѣсткой, но она тогда была въ самомъ глубокомъ траурѣ.

Сіе сдѣлалось безъ него. Спустя нѣсколько времени, къ неутѣшной вдовѣ Голубцовой изъ Пензенской деревни пріѣхали родители ея, Огаревы, поселились у нея и сдѣлались хозяевами ея дома. О Богданѣ Ильичѣ упомянулъ уже я въ самомъ началѣ сихъ Записокъ. Какъ задушевный другъ моего отца, потребовалъ онъ меня къ себѣ и объявилъ, что если у нихъ я буду иначе какъ у себя дома, то онъ будетъ на меня жаловаться. Когда вспомнишь старину и начнешь объ ней безпристрастно судить, то, право, только о потерѣ эдакихъ людей въ ней пожалѣешь.

Съ Марьей Богдановной Голубцовой жилъ единственный братъ ея, Платонъ Богдановичъ Огаревъ, человѣкъ чрезвычайно добродуш-

ный. Вотъ все что̀ могу объ немъ сказать. Къ сожалѣнію, отецъ его оставилъ ему только большое состояніе; кажется, онъ могъ бы дать ему и много ума. Какъ родительское наслѣдство, предложилъ онъ мнѣ свою дружбу, и хотя онъ былъ меня гораздо старѣе, я охотно принялъ ее, умѣя цѣнить качества сердца. Въ слѣдующее лѣто, когда всѣ родные его уѣхали въ деревню, воспользовался я другимъ его предложеніемъ, жить у него на квартирѣ, и долженъ сознаться, что не одна пріязнь къ нему, но и нужда заставила меня на сіе согласиться.

Пріязненное расположеніе ко мнѣ сестры его, когда прошло время первой супружеской горести, мнѣ показалось еще сильнѣе и нѣжнѣе. Какъ чувствъ ея не могъ я раздѣлять, то мнѣ пришлось притворяться, что я ихъ не понимаю, и до сихъ поръ дивлюсь, какъ могла она мнѣ сіе простить. Это объясняется необыкновенною ея добротою; миновавъ любовь, она даже послѣ не отказывала мнѣ въ дружбѣ. Она была тогда лѣтъ тридцати, чрезвычайно смугла, нехороша собою, отмѣнно слаба умомъ и сердцемъ и часто влюблялась. А какъ, по правиламъ строгаго цѣломудрія, въ коихъ она была воспитана, она искала болѣе мужа чѣмъ любовника, то могла сдѣлать весьма худой выборъ, попасть за мальчика или за какого-нибудь сорванца. Она довольно счастливо сіе избѣжала, хотя второе супружество ея и нельзя назвать совершенно выгоднымъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, она вышла за Поляка Сосновскаго, весьма хорошей и извѣстной фамиліи, не столь молодаго, сколь моложаваго красавчика, который весьма долго, искусно и удачно спасалъ лицо свое отъ дѣйствій всесокрушающаго времени. Послѣ полумертвой княгини Шуйской, у которой въ Кіевѣ, во время малолѣтства моего, видѣлъ я его наемнымъ ласкателемъ, соединеніе съ Марьей Богдановной должно было ему казаться весьма пріятнымъ.

Фамилія Голубцовыхъ, по близкому родству съ графомъ Васильевымъ, женатымъ на княжнѣ Урусовой, родственницѣ княгини Вяземской, вдовы генералъ-прокурора, была въ свойствѣ и съ сею послѣднею. Въ домѣ этой княгини, которая одну дочь выдала за Неаполитанскаго посланника дюка-де-Серра-Капріола, а другую за Датскаго Розенкранца, собирался весь дипломатическій корпусъ, слѣдственно и высшій кругъ Петербурга. И потому-то отблески его часто мелькали и у Марьи Богдановны, и еслибъ она умѣла быть столь же любезна какъ и добра, то гостиную свою сдѣлала бы одною изъ самыхъ пріятныхъ въ столицѣ *).

---

*) У госпожи Сосновской (прежде Голубцовой) былъ отъ перваго мужа сынъ Платонъ, женатый на графинѣ Толстой, внучкѣ княгини Вяземской, который умеръ, будучи довольно молодъ и оставивъ нѣсколько сыновей. Дочь ея, Катерина Ивановна, была лю-

Въ большой связи съ Голубцовыми былъ сенаторъ Петръ Ивановичъ Новосильцовъ, также старинный другъ моего отца, о которомъ также упомянулъ я въ началѣ сихъ Записокъ и къ которому также я долженъ былъ явиться. Сначала меня пугала жена его, Катерина Александровна; ничего страшнѣе ея взгляда и голоса, ничего добрѣе ея сердца. Когда первый страхъ во мнѣ прошелъ, я сдѣлался у нея въ домѣ какъ свой. Съ старшимъ сыномъ ихъ, моимъ ровесникомъ, я очень сошелся, чтобы не сказать подружился; и, право, не знаю отъ чего, развѣ потому, что его никто терпѣть не могъ, что онъ самъ, кажется, никого не любилъ, а мнѣ одному оказывалъ ласку и пріязнь. Онъ былъ наружности непривлекательной, имѣлъ желтокрасныя щеки, всегда недовольный видъ и весьма спесиво вздернутый къ верху крючкомъ не носъ, а подбородокъ. Надобно полагать, что замѣченное имъ всеобщее недоброжелательство дало такое странное расположеніе его лицу, выражающему всегдашнюю готовность отразить насмѣшку или грубость. Нашли, что онъ похожъ на продаваемыхъ тогда деревянныхъ раскрашенныхъ мужичковъ для щелканія орѣховъ, и прозваніе касноазета сохранилъ онъ до смерти и даже послѣ. Гораздо позже отдалился я отъ него, когда узналъ, что правила и поступки его не красивѣе его фигуры. Единственный братъ госпожи Новосильцовой, Ардаліонъ Александровичъ Торсуковъ, былъ оберъ-гофмейстеромъ при дворѣ и женатъ на племянницѣ и наслѣдницѣ знаменитой при Екатеринѣ Марьи Савишны Перекусихиной. Онъ былъ въ большой дружбѣ съ сестрою, и ихъ два дома составляли почти одинъ; потому-то между всякой всячиной встрѣчался въ нихъ и народъ придворный, и люди хорошаго тона.

Одно семейство, которое встрѣчалъ я вездѣ, съ нѣкоторыми членами коего былъ знакóмъ и о житьѣ коего я такъ наслышался, какъ будто самъ бывалъ у нихъ въ домѣ, было тогда весьма примѣчательно. Теперь въ Петербургѣ едва ли кто знаетъ, чтò такое были Арбеневы, а тогда, бывало, лишь назовешь Асафа Ивелича и Мароу Ивановну, знакомые и незнакомые люди всѣхъ состояній, всякій знаетъ, о комъ идетъ рѣчь. Сіи супруги прославились своими странностями, а смертію своею нѣсколько времени оставили въ обществѣ пустоту. Честный и добрый старикъ былъ служакой при Екатеринѣ, когда ихъ было такъ мало, и отъ того долго командовалъ при ней Измайловскимъ

бовію и радостію всѣхъ родныхъ и знакомыхъ. Болѣе десяти лѣтъ чувствовалъ къ ней взаимную страсть Виртембергскій посланникъ принцъ Гогенлое - Кирхбергъ. Нѣмецкому князьку неприлично было вступить въ бракъ съ Русской дворянкой, и онъ могъ сіе исполнить тогда только, какъ королекъ его предварительно пожаловалъ ее графинею своего королевства.

полкомъ; манеры его нѣсколько отзывались фронтомъ и отъ того должны были казаться странными въ гостиныхъ. Примѣчательно въ жизни Іоасафа Іевлевича и то, что онъ—изъ малаго числа людей, кои при Павлѣ оставили службу съ честію и миромъ, съ пенсіей и мундиромъ; даже при отставкѣ получилъ онъ чинъ полнаго генерала и остался на житьѣ въ Петербургѣ. Въ Марѳѣ же Ивановнѣ смѣшнымъ казалось то, что, наперекоръ природѣ, она хотѣла оставаться молодою въ шестьдесятъ лѣтъ и для того все у себя красила и перекрашивала, и все это для того только, чтобы лучше понравиться мужу, съ которымъ они жили, какъ голубки. Ихъ домъ, собственный, на Малой Морской, былъ единственное мѣсто, гдѣ самый высшій Петербургскій кругъ встрѣчался съ второстепеннымъ и даже съ третьекласнымъ обществомъ. Въ извиненіе себѣ знатные говорили, что ѣздятъ посмѣяться, а еслибы сказали правду, то для того, чтобы повеселиться. Говорятъ, дѣйствительно, радушіе было старинное, гостепріимство тогдашнее Московское. Всякій вечеръ чтó хозяева не на званомъ балѣ, у нихъ самихъ незваный балъ: наѣдетъ молодежь, домъ набьется биткомъ, все засмѣется, все запляшетъ. Правда, говорятъ, зажгутся сальныя свѣчи, для прохлады разнесется квасъ; уже ничего прихотливаго не спрашивай въ угощеніи; но за то веселіе, самое живое веселіе, которое, право, лучше одной роскоши, замѣнившей его въ настоящее время. Однакоже, и съ такимъ житьемъ, когда принимаешь у себя весь городъ, небольшому состоянію трудно то выдержать и, кажется, Арбеневы не оставили много средствъ жить также весело своему семейству, которое съ тѣхъ поръ удалилось въ провинцію. Какъ ни говори, но чтобъ умѣть постоянно собирать у себя разнородныя общества, необходима въ хозяинѣ или хозяйкѣ особливая приманчивость.

Въ домахъ, гдѣ видѣлъ я сію странную и почтенную чету, у Лабатовыхъ, у тогдашней красавицы Воеводской, которая давала балы, вездѣ играла она самую важную роль: ей принадлежало первое мѣсто на канапе, рука хозяевъ къ столу и лучшіе куски за ужиномъ. Тотъ кругъ, гдѣ на вечерахъ предсѣдательствовала сія чета, былъ довольно обширенъ; къ нему принадлежалъ и домъ Танѣевыхъ, о коемъ послѣ буду говорить, и домъ Морелли-де-Розетти, отставнаго полковника, Французскаго музыканта, который принялъ Итальянское прозваніе, прибавивъ къ нему своевольно графскій титулъ, вышелъ при Потемкинѣ въ чины и женился на достаточной вдовѣ генерала Байкова, и еще многіе другіе. У меня иногда спрашивали, какъ умѣлъ я сдѣлать, чтобы не попасть къ Арбеневымъ, на чтó я отвѣчалъ, что никогда и ни къ кому не любилъ напрашиваться.

Теперь нѣсколько словъ о тогдашнихъ нарядахъ мужскихъ и женскихъ. Мода, которой престолъ въ Парижѣ и которая, повидимому, такъ своенравно властвуетъ надъ людьми, сама въ свою очередь слѣпо повинуется господствующему мнѣнію въ отчизнѣ своей, Франціи, и служитъ, такъ сказать, ему выраженіемъ. При Лудовикѣ XIV, когда онъ Францію поставилъ съ собой на ходули, необъятные парики покрывали головы, люди какъ бы росли на высокихъ каблукахъ, и огромные банты съ длинными, какъ полотенца изъ кружева, висящими концами, прикрѣплялись къ галстукамъ; женщины тонули въ обширныхъ вертюгаденахъ, съ тяжелыми накладками, съ фижмами и шлейфами; вездѣ было преувеличеніе, все топорщилось, гигантствовало, фанфаронило. При Лудовикѣ XV, когда забавы и амуры смѣнили славу, платья начали коротѣть и суживаться, парики понижаться и наконецъ исчезать; ихъ замѣнили чопорные тупеи, головы осѣнились голубиными крылышками, ailes de pigeon. При несчастномъ Лудовикѣ XVI, когда философизмъ и Американская война заставили мечтать о свободѣ, Франція отъ свободной сосѣдки своей Англіи перенесла къ себѣ фраки, панталоны и круглыя шляпы; между женщинами появились шпенцеры. Вспыхнула революція, престолъ и церковь пошатнулись и рухнули, всѣ прежнія власти ниспровергнуты, сама мода нѣкоторое время потеряла свое могущество, ничего не умѣла изобрѣтать, кромѣ красныхъ колпаковъ и безштанства, и терористы должны были въ одеждѣ придерживаться старины, причесываться и пудриться. Но новые Бруты и Тимолеоны захотѣли, наконецъ, возстановить у себя образцовую для нихъ древность: пудра брошена съ презрѣніемъ, головы завились а-ла-Титюсъ и а-ла-Каракала, и еслибы республика не скоро начала дохнуть въ рукахъ Бонапарте, то показались бы тоги, сандаліи и латиклавы. Чтó касается до женщинъ, то всѣ онѣ хотѣли казаться древними статуями, съ пьедестала сошедшими: которая одѣлась Корнеліей, которая Аспазіей. Итакъ Французы одѣваются, какъ думаютъ; но зачѣмъ же другимъ націямъ, особливо же нашей отдаленной Россіи, не понимая значенія ихъ нарядовъ, безсмысленно подражать имъ, носить на себѣ ихъ бредни и, такъ сказать, ихъ ливрею? Какъ бы то ни было, но костюмы, коихъ память одно ваяніе сохранило на берегахъ Егейскаго моря и Тибра, возобновлены на Сенѣ и переняты на Невѣ. Еслибы не мундиры и не фраки, то на балы можно было бы тогда глядѣть какъ на древніе барельефы и на Этрускія вазы. И право, было недурно: на молодыхъ женщинахъ и дѣвицахъ все было такъ чисто, просто и свѣжо; собранные въ видѣ діадемы волосы такъ украшали ихъ молодое чело. Не страшась ужасовъ зимы *),

*) Многія сдѣлались тогда жертвами несогласія климата съ одеждой. Между прочимъ прелестная княгиня Тюфякина погибла въ цвѣтѣ лѣтъ и красоты.

онѣ были въ полупрозрачныхъ платьяхъ, кои плотно обхватывали гибкій станъ и вѣрно обрисовывали прелестныя формы; по истинѣ казалось, что легкокрылыя Психеи порхаютъ на паркетѣ. Но каково же было пожилымъ и дороднымъ женщинамъ? Имъ не такъ выгодно было выказывать формы; ну что-жъ, и онѣ также изъ Русскихъ Матренъ перешли въ Римскія матроны.

Послѣ расхищенія гардемёбля, по увезеніи эмигрантами всѣхъ легковѣсныхъ драгоцѣнностей, кажется, не оставалось во Франціи ни одного камушка. Фортуны раздробились, сравнялись; новыя, кои война и торговля потомъ такъ быстро создали, не успѣли еще составиться, и женщины, вмѣсто алмазовъ, принуждены были украшаться камнями и мозаиками, ихъ мужьями и родственниками награбленными въ Италіи. Намъ и тутъ надобно было подражать. Бриліанты, коими наши дамы были такъ богаты, всѣ попрятаны и предоставлены для ношенія царской фамиліи и купчихамъ. За неимовѣрную цѣну стали доставать рѣзные камни, оправлять золотомъ и вставлять въ браслеты и ожерелья. Это было гораздо античнѣе.

О мужскомъ платьѣ говорить много нечего. Съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, умы портныхъ и франтовъ вертятся около вѣчныхъ, несносныхъ, кургузыхъ и непристойныхъ фраковъ: то подымется, то опустится лифъ или воротникъ, рукава сдѣлаются то у́же, то шире, то длиннѣе, то короче. Никакъ не могутъ дойти, чтобы чѣмъ нибудь болѣе живописнымъ замѣнить сей неблагообразный костюмъ.

Вообще мода не что̀ иное какъ вкусъ, дурной или хорошій, который по временамъ мѣняется, какъ и все на свѣтѣ. Слѣдственно какъ о вкусахъ, такъ и о модахъ судить мудрено: невозможно съ математическою точностію опредѣлить, въ чемъ красота, въ чемъ безобразіе. Напримѣръ, я слышалъ прежде, что все то, гдѣ простота, правильность линій и округлостей, все что̀ легко, не обременено лишними украшеніями—все это ближе къ природѣ, и въ этомъ только состоитъ изящество; я тоже думалъ и думаю нынѣ. Теперь же говорятъ, что сама природа пестра, прихотлива, вычурна, не знаетъ симетріи и иногда прекрасна въ самыхъ ужасахъ своихъ. И это правда, я не спорю и не соглашаюсь; но вѣроятно по привычкѣ все прежнее мнѣ лучше нравится.

Въ области моды и вкуса, какъ угодно, находится и домашнее убранство или меблировка. И по этой части законы предписывалъ намъ Парижъ. Штофные обои въ позолоченыхъ рамахъ были изорваны, истреблены разъяренною его чернію, да и мирнымъ его мѣщанамъ были противны, ибо напоминали имъ отели ненавистной для нихъ аристократіи. Когда они поразжились, повысились въ должностяхъ, то

захотѣли жилища свои украсить богатою простотой, и для того, вмѣсто позолоты, стали во всемъ употреблять красное дерево съ бронзой, то-есть съ накладною латунью, чтó было довольно гадко; ткани же шолковыя и бумажныя замѣнили сафьянами разныхъ цвѣтовъ и криволиной, вытканною изъ лошадиной гривы. Прежде простѣнки покрывались огромными трюмо съ позолотой кругомъ, съ мраморными консолями снизу, а сверху съ хорошенькими картинками, представляющими обыкновенно идиліи, писанными рукою Буше или въ его родѣ. Они также свои зеркала стали обдѣлывать въ красное дерево съ мѣдными бляхами и вмѣсто картинокъ вставлять надъ ними овальныя стекла, съ подложеннымъ кускомъ синей бумаги *). Шелковыя занавѣси также были изгнаны модою, а дѣлались изъ бѣлаго коленкора или другой холщовой матеріи съ накладкою прорѣзнаго казимира, по большой части краснаго, съ такого же цвѣта бахрамою и кистями. Эта мода вошла къ намъ въ концѣ 1800 года и продолжалась до 1804 или 1805 годовъ. Павелъ ни къ кому не ѣздилъ и еслибъ увидѣлъ, то конечно воспретилъ бы ее, какъ якобинизмъ.

Консульское правленіе рѣшительно возстановило во Франціи общество и его пристойныя увеселенія: тогда родился и вкусъ, болѣе тонкій, менѣе мѣщанскій, и выказался въ убранствѣ комнатъ. Все дѣлалось а л'антикъ (открытіе Помпеи и Геркуланума чрезвычайно тому способствовало). Парижане мало заботились о Ліонѣ и его мануфактурахъ, но правителю Франціи надобно было поощрить ихъ: и шелковыя ткани опять явились, но уже по прежнему не натягивались на стѣнахъ, а щеголевато драпировались вокругъ нихъ и вокругъ колоннъ, въ иныхъ мѣстахъ ихъ замѣняющихъ. Вездѣ показались албатровыя вазы, съ изсѣченными митологическими изображеніями, курительницы и столики въ видѣ треножниковъ, курульскія кресла, длинныя кушетки, гдѣ руки опирались на орловъ, грифоновъ или сфинксовъ. Позолоченое или крашеное и лакированное дерево давно уже забыто, гадкая латунь тоже брошена; а красное дерево, вошедшее во всеобщее употребленіе, начало украшаться вызолоченными бронзовыми фигурами, прекрасной отработки, лирами, головками: медузиными, львиными и даже бараньими. Все это пришло къ намъ не ранѣе 1805 года, и по моему, въ этомъ родѣ ничего лучше придумать невозможно. Могли ли жители окрестностей Везувія вообразить себѣ, что черезъ полторы тысячи лѣтъ изъ ихъ могилъ весь житейскій ихъ бытъ вдругъ перейдетъ въ Гиперборейскія страны? Одно было въ этомъ нѣсколько смѣш-

*) Ихъ и нынѣ можно найти въ старыхъ мебельныхъ лавкахъ и въ нѣкоторыхъ Русскихъ трактирахъ, куда ходятъ люди простаго званія.

но: всѣ тѣ вещи, кои у древнихъ были для обыкновеннаго, домашняго употребленія, у Французовъ и у насъ служили однимъ украшеніемъ; напримѣръ, вазы не сохраняли у насъ никакихъ жидкостей, треножники не курились, и лампы въ древнемъ вкусѣ, съ своими длинными носиками, никогда не зажигались.

Теперь отъ внутренняго убранства перейдемъ къ наружному, то-есть къ архитектурѣ. Въ ней также воскресъ вкусъ Римской и Греческой древности. Когда у Персидскаго посла въ 1815 году спросили, нравится ли ему Петербургъ? онъ отвѣчалъ, что сей только-что вновь строящійся городъ будетъ нѣкогда чудесенъ. Это скорѣе можно было сказать въ началѣ царствованія императора Александра, а еще скорѣе въ нынѣшніе годы. Тогда въ одно время начинались конно-гвардейскій манежъ и всѣ, по разнымъ частямъ города разсѣянныя, великолѣпныя гвардейскія казармы, и огромная биржевая зала, одѣтая въ колонны, съ пристанью и набережными вокругъ нея, и быстро подымался Казанскій соборъ съ своею рощей изъ колоннъ и уже примѣтно передражнивалъ церковь Св. Петра въ Римѣ; обывательскіе же трехъ и четырехъ-этажные каменные домы на всѣхъ улицахъ росли не по днямъ, а по часамъ. Въ тоже время чистили и дѣлали судоходною рѣчку Пряжку, бока Мойки выкладывали камнемъ и перегибали черезъ нее чугунные мосты; по Невскому проспекту и на Васильевскомъ острову протягивали булевары и, наконецъ, отъ самой подошвы перестраивали заново старое, кирпичное, съ землянымъ валомъ, Адмиралтейство. Такъ какъ Государь единственнымъ, любимымъ своимъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ избралъ небольшой Каменно-островскій дворецъ, то вдругъ прервалось угрюмое молчаніе окрестъ лежащихъ островов. Вездѣ на нихъ застучали топоръ и молотъ, и засвистѣла пила; болота ихъ осушились и поросли дачами. Можно себѣ представить. какая строительная дѣятельность была тогда во всемъ Петербургѣ.

Четыре архитектора были тогда извѣстны: двое Русскихъ, Захаровъ и Воронихинъ, Итальянецъ Гваренги и Французъ Томонъ. Первый изъ нихъ, по части зодчества, въ художественной нашей исторіи стоитъ пониже поэта въ архитектурѣ, Баженова, и наровнѣ съ Старовымъ и Кокориновымъ. Надобно было его искусство, чтобы растянутому фасаду Адмиралтейства дать тотъ красивый видъ, ту правильность и гармонію, которыми мы понынѣ любуемся. Другой же, Воронихинъ, былъ холопъ графа Строганова, президента Академіи и мецената художествъ; а какъ въ старину баре, даже и знатные, отдавали мальчиковъ въ ученье, не справляясь съ ихъ склонностями, то, вѣроятно, и Воронихинъ, природой назначенный къ сапожному ремеслу,

ученіемъ попалъ въ зодчіе. И онъ по рекомендаціи своего господина построилъ Казанскій соборъ, этотъ копіистъ въ архитектурѣ, который ничего не могъ сдѣлать, какъ самымъ сквернымъ почеркомъ переписать намъ Микель-Анджело. Старикъ Гваренги часто ходилъ пѣшкомъ, и всякъ зналъ его, ибо онъ былъ замѣчателенъ по огромной синеватой луковицѣ, которую природа вмѣсто носа приклеила къ его лицу. Этотъ человѣкъ соединялъ все, и знаніе, и вкусъ, и его твореніями болѣе всего красится Петербургъ; къ сожалѣнію, въ это время, кажется, его ни на что́ не употребляли. Мусью Томонъ или Томасъ де-Томонъ, какъ онъ подписывался и печатался, былъ человѣкъ не безъ таланта, какъ то доказывается построенною имъ Биржею. Онъ также былъ извѣстенъ какъ бѣшеный роялистъ и пламенный католикъ; земляки его, средняго состоянія, составлявшіе религіозно-легитимистскую партію, которая такъ безкорыстно стояла за тронъ и церковь, говорятъ, всѣ у него собирались.

Былъ еще одинъ Французъ, архитекторъ, конечно, гораздо выше другихъ товарищей своихъ въ искусствѣ, которые съ тѣхъ поръ къ намъ изъ Франціи пожаловали. Это Камеронъ, построившій Царскосельскую колоннаду, который тогда былъ живъ, здоровъ и находился въ Петербургѣ. Непонятно, какъ, имѣя въ своемъ распоряженіи Гваренги и Камерона, можно было что-нибудь великое поручить Воронихину? Тутъ бы національность въ сторону: съ такими людьми народная слава скорѣе теряетъ, чѣмъ выигрываетъ.

Безо всякаго дѣла, какъ настоящій фланёръ, часто посѣщалъ я публичныя работы, которыя мнѣ какъ будто были приказаны. Какъ это занимало меня, дивило, восхищало! И возможно ли перемѣниться такъ въ чувствахъ? Нынѣ безъ сердечной горести, безъ глубокаго унынія не могу я видѣть, какъ громоздятся у насъ дворцы и храмы. Всякій разъ, что̀ взгляну я на нихъ, невольно вспомню, что крытый соломою Римъ покорилъ вселенную, а когда воздымались въ немъ Колизей, Нероновы бани и Адріановъ мавзолей, то начали появляться варвары и отхватывать отдаленныя его провинціи; вспомню, что среди развалинъ сего самаго Рима возникла папская власть, которая распространилась по всему христіанству, а когда соорудился Ватиканъ и храмъ апостола Петра сталъ возноситься на удивленіе всего просвѣщеннаго христіанскаго міра, бо̀льшая его половина оторвана отъ него Лютеромъ и Кальвиномъ; вспомню, что построеніе Аламбры незадолго предшествовало покоренію Гренады, и съ того времени, какъ поднялся Эскуріалъ, начался постепенный упадокъ Гишпаніи; вспомню также, что Святая Софія, Ипподромъ и Влахернскій дворецъ созидались почти въ виду непріятельскихъ становъ. Наконецъ, спрошу у себя,

на чью славу простояли вѣка Египетскія пирамиды, когда попеременно онѣ дѣлались добычею Камбиза, Александра Великаго, Юлія Кесаря, Омара, Наполеона, и нынѣ, подъ именемъ Мегемета - Али, неизвѣстно кто владычествуетъ надъ ними: Турки, Французы или Англичане? Нѣтъ, роскошь, расточительность не есть величіе царское, и огромныя зданія изящной архитектуры—часто одни только великолѣпныя занавѣсы, закрывающія народную нищету.

IV.

Въ отдаленномъ времени, о коемъ пишу, нельзя вдругъ припомнить всѣхъ замѣчательныхъ и пріятныхъ знакомствъ, которыя въ это время я сдѣлалъ. Я было и забылъ одного почтеннаго человѣка, за непосѣщеніе коего получилъ я отъ отца выговоръ и строгое приказаніе къ нему явиться. Это былъ Голандецъ Сухтеленъ, мужъ ученый, кроткій и добродѣтельный, который при Павлѣ на мѣсто Шардона начальствовалъ въ Кіевской крѣпости надъ инженерами; тутъ составилась у нихъ съ отцомъ моимъ дружба, которую одна смерть только прекратила. При Александрѣ былъ онъ его любимцемъ, генералъ-инженеромъ и генералъ-квартирмистромъ, управляя обѣими частями почти независимо отъ Военнаго Министерства, и помѣщался въ великолѣпныхъ покояхъ оставленнаго Михайловскаго за̀мка. Въ длинномъ ряду воспоминаній, кои такъ тревожатъ, утомляютъ душу, встрѣчаются изрѣдка такія, на коихъ она отдыхаетъ, сладостно успокоивается; въ числѣ ихъ находится у меня и Петръ Корниловичъ Сухтеленъ, котораго едва ли я чувствую себя достойнымъ изобразить. Онъ былъ росту небольшаго, нѣсколько сутуловатъ, имѣлъ лицо чистое, на которомъ еще въ старости игралъ румянецъ, и голосъ, коему небольшой недостатокъ въ произношеніи (вмѣсто *ш* говорилъ онъ всегда *с*) придавалъ еще болѣе пріятности. Съ кипящимъ любовію къ добру сердцемъ, при неутомимой дѣятельности, наружность его сохраняла спокойствіе, почти неподвижное, озаряемое легкою улыбкой. Этотъ человѣкъ ужасалъ своимъ знаніемъ, но такъ былъ скроменъ, что не только пугать, но даже удивлять имъ никого не думалъ. Страсть къ учености была въ немъ тихій, неугасаемый жаръ, его жизнь, его отрада, коею готовъ онъ былъ дѣлиться со всѣми, кто болѣе или менѣе поклонялся свѣтильнику наукъ. Тотъ, кто, казалось, не обидѣлъ бы мухи, въ полѣ былъ неустрашимый воинъ, и всевѣдущій сей, въ обществѣ невѣждъ, былъ ласковъ, привѣтливъ, не давая подозрѣвать о своемъ знаніи. Всѣ математическія науки, всѣ отрасли литературы,

философія, богословіе равно ему были знакомы; въ художествахъ былъ онъ вѣрный и искусный судья. Но какъ успѣвалъ онъ копить сокровище своего знанія, когда половина дня поглощаема у него была занятіями по службѣ—это сущая загадка.

Разъ въ недѣлю долженъ былъ я у него обѣдать и, наконецъ, удостоился быть въ его кабинетѣ-библіотекѣ, который заслуживаетъ быть описаннымъ. Можно представить себѣ мое изумленіе, когда вошелъ я въ бывшую тронную залу императора Павла. Она была въ два свѣта; на великолѣпно расписанномъ плафонѣ изображенъ былъ Юпитеръ-Громовержецъ и весь его Олимпъ; подъ вызолоченнымъ карнизомъ видны были гербы всѣхъ княжествъ Россійскихъ; мѣсто, гдѣ былъ тронъ, было замѣтно по сохранившимся надъ нимъ рѣзнымъ фигурамъ, и огромное зеркало въ 12 или 13 аршинъ вышины было въ числѣ забытыхъ или оставленныхъ украшеній. Но стѣны чертога были голы, даже не покрыты краскою; вдоль оныхъ до половины ихъ вышины тѣсно поставлены были выкрашенные простаго дерева шкапы безъ стеколъ и занавѣсокъ. А между тѣмъ ихъ полки поддерживали драгоцѣнности, коимъ могъ позавидовать всякій библіофилъ: кажется, одни Эльзевиры были безъ счету. На серединѣ залы стояли, одинъ за другимъ, престрашные столы съ ящиками до полу, которые въ нѣдрахъ своихъ хранили другія сокровища: рѣдкія рукописи, собранія эстамповъ и медалей, а сверху были обременены неразставленными еще фоліантами. Память о покойномъ государѣ была такъ еще свѣжа, что я невольно вздрогнулъ, и была минута, въ которую мнѣ показалось, что разгнѣванная тѣнь его пронеслась по мирному кабинету мудреца. Какая противоположность! Тамъ, гдѣ еще недавно съ трепетомъ проходили царедворцы, тамъ ежедневно по цѣлымъ часамъ блаженствовалъ мужъ добра и науки.

Онъ былъ настоящій библіоманъ. Это такого рода роскошь, на удовлетвореніе коей болѣе всего потребны время и разчетливость. Генералъ Сухтеленъ, не бѣдный и не богатый, всю жизнь свою употреблялъ половину доходовъ на покупку книгъ и по смерти своей наслѣдникамъ своимъ оставилъ такую библіотеку, которую пріобрѣла казна, ибо ни одинъ частный человѣкъ не въ состояніи былъ купить ее.

Въ обществѣ его, обыкновенно составленномъ изъ знаменитыхъ путешественниковъ, художниковъ и ученыхъ, могъ я тогда быть только слушателемъ. Однакоже всегда быть лицомъ безъ рѣчей могло бы мнѣ, наконецъ, наскучить; отъ сей опасности былъ я огражденъ разговорами дочери его Марьи Петровны, фрейлины, весьма остроумной, оригинальной и даже курьезной дѣвицы, некрасивой собою, чрезвычайно

смѣшливой и немного насмѣшливой. Еще занимательнѣе былъ для меня братъ ея Павелъ Петровичъ, молоденькій мальчикъ, въ офицерскомъ мундирѣ квартирмейстерской части, живой, веселый, добрый, умный, но который, приглядѣвшись ко всему, что имѣетъ истинное достоинство, какъ будто не зналъ ему тогда цѣны и плѣнялся единственно блестящей шумихой гвардейскихъ мундировъ, двора и свѣта. Онъ не долго вздыхалъ о кавалергардскомъ полку, годъ или полтора: съ покровительствомъ такого отца ему не слишкомъ трудно было въ него перейдти. Офицеры этого полка славились тѣмъ, чему въ Русскомъ языкѣ нѣтъ имяни—fatuité, что нельзя перевести названіями самодовольства, хвастовства, чванства; ибо ни которое отдѣльно, но всѣ вмѣстѣ входятъ въ составъ сего недостатка. Эта врожденная склонность почти всѣхъ молодыхъ и многихъ старыхъ Французовъ у насъ сдѣлалась исключительно принадлежностью одного полка, который за то, почти не исключая женщинъ, всѣ терпѣть не могли. Особенно ненавидѣли его гвардейцы другихъ полковъ, начиная съ брата государева Константина Павловича; съ негодованіемъ смотрѣли на первенство его и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто его признавали *). Мой Сухтеленъ также сначала со мною поднялъ носъ; но онъ такъ не ловко чванился, такъ мило пришепетывалъ, что я не могъ на него долго сердиться, и онъ самъ, наконецъ, почувствовалъ, какъ это смѣшно. Когда съ лѣтами прошло его легкомысліе, остались одни его прекрасныя, благородныя свойства. Онъ былъ полезенъ какъ воинъ и какъ гражданинъ, стоялъ уже на высокой степени, начиналъ Россіи замѣнять отца, какъ внезапная смерть похитила его у обоихъ, и пережившій его старецъ осужденъ былъ нѣсколько лѣтъ оплакивать его потерю.

Изо всѣхъ юношей-ровесниковъ чаще всѣхъ видѣлъ я тогда Блудова, товарища моего по службѣ въ Московскомъ архивѣ. Ни въ образѣ воспитанія, ни въ характерѣ, ни въ привычкахъ, ни въ склонностяхъ, ни въ чемъ у насъ ничего не было общаго; мы отправились съ столь различныхъ точекъ, что, казалось, никогда сойдтись не можемъ. Единственный сынъ нѣжной, умной, попечительной и хворой матери, коей былъ онъ и единственною отрадой и упованіемъ, онъ никогда еще не разлучался съ нею, выросъ, такъ сказать, въ теплицѣ ея заботливости, въ тѣсномъ кругу людей ею избранныхъ. Я въ

---

*) Кто бы могъ ожидать, чтобы въ полку, гдѣ на все дѣльное смотрѣли съ презрѣніемъ, коего сущность была искусное наѣздничество, франтовство и фразы, что въ этомъ полку увидимъ мы, наконецъ, знаменитую школу, образовавшую намъ всѣхъ нашихъ великихъ государственныхъ людей? Чернышовъ, Левашовъ, Киселевъ, всѣ эти орлы изъ одного гнѣзда вылетѣли.

Кіевѣ получилъ, можно сказать, площадное воспитаніе; гостиная моихъ родителей была волшебный фонарь, гдѣ безпрестанно однѣ проѣзжія фигуры смѣняли другія, былъ потомъ въ публичномъ заведеніи, жилъ по чужимъ домамъ и изъѣздилъ уже почти половину Россіи. Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наше положеніе въ Петербургѣ было сходно: наше одиночество, самолюбіе, которое не допускало насъ искательствомъ пріобрѣтать полезныя знакомства, все это насъ сблизило.

Еще и донынѣ благодарю я Провидѣніе, пославшее мнѣ наставника, едва вышедшаго изъ отроческихъ лѣтъ. Съ самаго рожденія видѣлъ я въ отцѣ примѣръ всѣхъ добродѣтелей; но онѣ стояли такъ высоко передо мною, что я не смѣлъ надѣяться до нихъ когда-либо возвыситься; въ отчаяніи, въ пренебреженіи къ самому себѣ, я почиталъ себя добычей, обреченною пороку. Еслибы былъ я тогда въ частыхъ сношеніяхъ съ угрюмымъ педагогомъ, который бы ежедневно проповѣдовалъ мнѣ о моихъ обязанностяхъ, то еще бы болѣе утвердился въ семъ мнѣніи. Но мнѣ предстала нравственность въ самомъ миломъ видѣ: тотъ, котораго годъ или два назадъ зналъ я умненькимъ шалуномъ, ничего не утративъ изъ веселонравія своего, живости, остроумія, словомъ и дѣломъ строго повиновался всѣмъ уставамъ чести и добродѣтели.

Мнѣ предстоитъ подвигъ трудный: изобразить этого человѣка. Если, увлекаясь пристрастіемъ, умолчу я о слабостяхъ его, то что̀ будетъ съ истиною, съ даннымъ мною обѣщаніемъ? И какъ нѣтъ ничего совершеннаго въ мірѣ, то какое правдоподобіе будетъ имѣть мой разсказъ? А говорить о его недостаткахъ куды не хочется! Впрочемъ, мнѣ бояться нечего: они такъ потоплены блистательными, рѣдкими, въ наше время необычайными качествами, что покажутся развѣ какъ родимое пятнышко на красивомъ лицѣ.

Природа создала его порочнымъ. Она сдѣлала болѣе, она открыла въ немъ два главныхъ источника всѣхъ пороковъ: гордость и лѣность; но въ тоже время вложила въ него искру того небеснаго огня, отъ котораго, рано или поздно, сіи источники должны были изсякнуть, и душа его спозаранку получила удивительную способность быстро воспламеняться отъ малѣйшаго прикосновенія всего изящнаго въ нравственномъ мірѣ. Непорочная любовь съ ея чистѣйшими, нѣжнѣйшими восторгами, и дружба весьма немногимъ прежде, нынѣ же почти никому непонятная, и вѣра съ ея тихими неземными наслажденіями, и честь со всею строгостію ея законовъ, и патріотизмъ со всею возвышенностію чувствъ имъ возбуждаемыхъ, обхватили и проникли сію почти отроческую душу. Все въ ней сдѣлалось поэзія, и

страсть къ ея произведеніямъ была главнѣйшею въ первой молодости Блудова. Можетъ-быть, она отвлекла его отъ другихъ занятій, въ мнѣніи свѣта, болѣе полезныхъ; но она очаровала его юность, расцвѣтила воображеніе и спасла его сердце отъ жестокаго эгоизма, къ которому, грѣха таить нечего, оно имѣло наклонность. Время не могло истребить счастливыхъ впечатлѣній, сею первою эпохою жизни оставленныхъ; ихъ не могло совершенно подавить бремя государственныхъ дѣлъ, и не остыли они отъ холода лѣтъ и высшаго общества, въ которомъ живетъ онъ. И вотъ почему въ Россіи, увы! онъ почти единственный государственный человѣкъ, который о благѣ ея мечтаетъ болѣе чѣмъ о почестяхъ.

Не надобно забыть, что восемнадцатый вѣкъ едва только кончился въ то время, о которомъ пишу. Въ то время невѣріе почиталось непремѣннымъ условіемъ просвѣщенія, и цѣломудріе юноши казалось вѣрнымъ признакомъ его слабоумія. Итакъ Блудову предстояла борьба не только съ самимъ собою, но и съ мнѣніемъ большинства людей. Онъ не хвастался своими чувствами, но и не скрывалъ ихъ; все это въ молодомъ мальчикѣ не показываетъ ли и силу характера и силу убѣжденія? Правда, на мерзости людскія смотрѣлъ онъ не совсѣмъ по-христіански, не съ братскимъ соболѣзнованіемъ, не только съ гордостію и презрѣніемъ, но и съ постоянною досадой, и эпиграмы, коими языкъ и перо его были вооружены какъ иглами, съ обоихъ такъ и сыпались. И ненависть глупцовъ уже почтила его въ первые годы пребыванія его въ Петербургѣ; особенно не взлюбили его молодые люди, много и скверно болтавшіе по-французски: они уже дали ему названія и мешана, и костика.

Всего болѣе нравъ его выказывался въ бесѣдахъ съ молодыми друзьями. Пріучивъ себя къ какому-то первенству между ними, онъ часто какъ будто требовалъ исполненія воли своей и потомъ, какъ бы опомнясь, переходилъ къ неожиданной уступчивости. Глядя со стороны, нельзя было рѣшительно сказать, тиранъ ли онъ друзей своихъ, или ихъ жертва? Это объясню я двумя словами: онъ властвовалъ надъ ними умомъ и покорялся имъ сердцемъ.

Этого человѣка искалъ я, вмѣстѣ и страшился. Трусости сей я не краснѣю и нынѣ готовъ сю похвалиться: я боялся его какъ совѣсти своей. Въ одномъ чувствовалъ я превосходство свое передъ нимъ: мнѣ жаль было видѣть, какъ, при умѣ его, могъ онъ съ такимъ участіемъ, иногда съ восхищеніемъ, говорить о Русской словесности; мнѣ казалось, что между высокопарно-скучнымъ церковнымъ и стихотворнымъ языкомъ нашимъ и гадкимъ языкомъ простонародья неизмѣримое пространство, на срединѣ коего, какъ едва примѣтная точка, стоялъ

Карамзинъ. Какой тутъ быть прозѣ, какимъ стихамъ, думалъ я, и стóитъ ли о томъ говорить? За то въ мысляхъ о Франціи и энтузіазмѣ къ ней были мы совершенно согласны; въ этомъ онъ былъ мой оракулъ, а Лагарпъ его законодатель. И тутъ являлось его правовѣріе: роялизмъ былъ его политическою, а классики литературною вѣрой.

Кажется, болѣе всего соединяла насъ въ это время страсть къ Французской сценѣ, которая во мнѣ доходила до безумія. Мнѣ случалось не допивать, не доѣдать; случалось довольствоваться людскими щами и кашей, чтобы послѣдній мѣдный рубль нести въ театръ: тамъ была вся услада, все утѣшеніе моей жизни; тамъ я былъ увѣренъ встрѣтить Блудова, и мы оба во всемъ смыслѣ могли называться пилястрами партера, какъ говорятъ Французы.

И вотъ тутъ-то примусь я описывать со всею подробностію (читай меня, иль не читай) любопытнѣйшее занятіе праздной моей молодости. Я говорилъ уже о Петербургскомъ театрѣ при Павлѣ Первомъ, когда я только что прозрѣлъ его. Вскорѣ послѣ кончины сего императора, удалилась или была выслана красавица-пѣвица Шевалье съ балетмейстеромъ мужемъ своимъ, и опера безъ нея осиротѣла. Прошелъ траурный годъ, въ продолженіе коего придворные актеры не могли являться на сценѣ, и о театрѣ, до котораго императоръ Александръ никогда не былъ большой охотникъ, какъ будто позабыли. Но когда весною 1802 года онъ опять былъ открытъ, среди всеобщаго стремленія къ веселостямъ, тогда всѣ почувствовали необходимость его въ столичномъ городѣ. Для самого Государя, тогда еще совершенно молодаго, публичныя увеселенія имѣли еще нѣкоторую заманчивость. Каменный или Большой театръ, возвигнутый въ Коломнѣ при Екатеринѣ, велѣно архитектору Томону перестроить заново и съ большею противъ прежняго роскошью; а покамѣстъ, дабы не прерывать представленій, отысканъ деревянный или малый театръ, никому неизвѣстный, построенный великолѣпнымъ княземъ Потемкинымъ на дворѣ принадлежавшаго ему Аничковскаго дворца. Самъ директоръ императорскихъ театровъ, расточительный оберъ-камергеръ Нарышкинъ, отправился въ примиренный съ нами Парижъ и навербовалъ тамъ два или три комплекта артистовъ всякаго рода. Все наѣхало, все поспѣло въ послѣдніе мѣсяцы сего 1802 года, первые пребыванія моего въ Петербургѣ. Перестроенный Большой театръ открыть 30 Ноября; меня чуть не задавили при входѣ, и я все-таки въ него не попалъ. Нѣсколько дней спустя, было воскресеніе Французской оперы, то-есть первый дебютъ знаменитой у насъ Филисъ.

Незабвенная Филисъ! Какими я блаженными минутами ей обязанъ! Девять лѣтъ сряду восхищала она меня. Но не подумайте, читатель,

чтобъ я въ нее хотя сколько-нибудь былъ влюбленъ; это было невозможно, вопервыхъ, потому что я никогда вблизи ея не видывалъ, и потому, вовторыхъ, что на самой сценѣ, не смотря на оптическій обманъ, она мнѣ казалась болѣе дурна, чѣмъ хороша собою. Она была уроженка изъ Бордо и 24 лѣтъ, когда къ намъ пріѣхала. Всѣмъ извѣстно, что подъ жаркимъ, южнымъ небомъ все сладчайшее, плоды и женщины, зрѣетъ гораздо ранѣе, чѣмъ у насъ, и, не смотря на молодые свои годы, моя Филисъ казалась едва ли не перезрѣлою. У нея же былъ длинный носъ и смуглое лицо, чего я терпѣть не могу. Но все чтò только можетъ замѣнить свѣжесть и красоту, все въ ней находилось; все было плѣнительно, очаровательно: и взглядъ ея, и поступь, и игра, и голосъ, когда она имъ говорила, и умѣнье владѣть имъ, когда она пѣла, и умѣнье наряжаться со вкусомъ. Никто не влюблялся въ нее какъ женщину, всѣ обожали какъ пѣвицу и актрису. Въ Парижѣ прелести ея цѣнились выше, чѣмъ у насъ; онѣ произвели страсть и гоненія брата Бонапарте, Іеронима. Видно, что власть семейства перваго консула была очень велика, ибо свободѣ Андріё (мужа или любовника Филисъ) угрожала опасность, и они, сдѣлавъ условія съ Нарышкинымъ, тайно бѣжали въ Россію...

Въ продолженіи 1803 года не проходило почти недѣли, чтобы не было на Французскомъ театрѣ дебюта и одной или двухъ новыхъ піесъ. Въ аристократическомъ обществѣ, между нашими боярами, были Французы и Француженки разныхъ временъ и возрастовъ. По ихъ требованію, въ угожденіе имъ, начали отыскивать всѣ современныя имъ музыкальныя произведенія, и стали восходить до Монсиньи и Рамò; къ счастію, современниковъ Лулли никого уже не было. Глюкъ и Пиччини мирно встрѣтились у насъ на одной сценѣ, пропѣтые одними и тѣми же артистами, и одни и тѣже зрители, не давая одному передъ другимъ преимущества, обоимъ съ одинаковымъ равнодушіемъ рукоплескали. Только для немногихъ *Ифигенія*, *Орфей и Эдипъ въ Колонѣ* воскрешали былое; когда хоромъ запѣли *Achille sera votre époux*, говорятъ, старикъ графъ Строгановъ затрепеталъ отъ восторга; когда Андріё, играя Блонделя въ *Рихардѣ Львиномъ Сердцѣ*, несноснымъ голосомъ своимъ затянулъ *O Richard, o mon roi*, одна престарѣлая княгиня, пораженная воспоминаніями, въ ложѣ своей зарыдала. Для нашего же поколѣнія Грётри казался уже ветхъ, и неистощимый Далейракъ былъ часто несносенъ. Но чтò я говорю о нашемъ поколѣніи! Поминками о Филисъ не похожъ ли я на тѣхъ, о коихъ сейчасъ говорилъ? Съ тою однакоже разницей, что музыка, отъ коей въ молодости былъ я внѣ себя, является мнѣ нынѣ изрѣдка и противъ воли

моей, какъ старая, давно забытая любовница, вся въ сѣдинахъ и морщинахъ....

Съ Французскимъ театромъ почти неразрывно связаны балеты; они чисто Французскія произведенія. Ихъ составлялъ тогда и потомъ блисталъ въ нихъ примѣчательный Дидло съ женою своею. Увѣряли, что нашимъ молодымъ Русскимъ танцовщикамъ и танцовщицамъ пòтомъ и кровью доставалось плясовое искусство: Дидло, всегда вооруженный престрашнымъ арапникомъ, посредствомъ его (какъ нѣкогда Пото со мною) давалъ имъ уроки. Другой танцовщикъ назывался Дютакъ, и про него кто-то сказалъ, что онъ Нетакъ. Тогда было не то, чтò нынѣ: давали почти одни серьезные балеты, плясовыя трагедіи, *Медея и Язонъ, Апеллесъ и Кампаспа, Пирамъ и Тизбе,* которые казались еще скучнѣе нынѣшнихъ.

Двору и обществу, какъ ребятамъ, всего хотѣлось: все еще имъ мало было забавъ. Прежняя Итальянская труппа была распущена; имъ захотѣлось новой, а какъ императоръ не былъ охотникъ до музыки, какъ уже сказалъ я, то безъ всякаго казеннаго участія дозволилъ ее только выписать, и вмѣсто всякой другой помощи, велѣлъ отдать ей даромъ, по открытіи Большаго театра, малый, Аничковскій. Антрепренеру Казасси посчастливилось сманить славные таланты, но не удалось пріобрѣсти выгодъ отъ своего предпріятія; онъ едва не сдѣлался банкротомъ, и тогда уже убѣдили Государя бѣдную труппу взять подъ свое покровительство и назвать придворною. А если эта труппа не умѣла сдѣлать Петербурга музыкальнѣе, то видно никогда ему такимъ не быть.... Преимущественно играли они тогда музыку Чимароза, Паэзіэлло, Назолини, Фіораванти. Какъ изученіе Итальянскихъ оперъ требуетъ болѣе времени чѣмъ водевилей, то частымъ повтореніемъ своимъ онѣ скоро надоѣли, и въ 1806 году совсѣмъ прекратилось ихъ здѣсь существованіе.

Не знаю, какъ другимъ молодымъ людямъ, но мнѣ случалось быть въ Нѣмецкомъ и въ Русскомъ театрѣ, какъ и въ балаганахъ о Святой, т. е. очень рѣдко. Я винился знакомымъ, что видѣлъ три Нѣмецкія оперы, именно *Волшебную Флейту* Моцарта, Вѣнскую народную *Донаувейбхенъ* и весьма забавный фарсъ *die Schwestern aus Prag,* и надо мной готовы были смѣяться. Наша новорожденная драматическая литература стояла въ глазахъ нашихъ все-таки выше Нѣмецкой; она была по крайней мѣрѣ блѣдная копія Французской, которая обществомъ почиталась тогда первѣйшею въ мірѣ. Играли, однакоже, Нѣмецкія комедіи и трагедіи передъ Нѣмецкою публикой, которая въ Петербургѣ всегда бываетъ многочисленна и которая тогда бредила Шиллеровыми *Разбойниками* и *Донъ-Карлосомъ.* Въ это время (да

полно, не такъ ли и нынѣ?) на Нѣмецкомъ языкѣ все серіозное казалось мнѣ нестерпимымъ, все пристойно-веселое скучнымъ, все нѣжное отвратительнымъ; нравились мнѣ одни только фарсы. Вотъ отчего остались у меня въ памяти только два искусные забавника, Штейнбергъ и Линденштейнъ, да еще одна молоденькая пѣвица, демоазель Брюкль, совсѣмъ не забавная, но примѣчательная по огромному голосу своему, не скажу пріятному, и по Нѣмецкой постоянности, съ какою слушали ее въ однѣхъ роляхъ болѣе тридцати лѣтъ и съ какою она занимала ихъ.

Русскій театръ, въ первые два-три года Александрова царствованія, оставался еще Россійскимъ театромъ, созданнымъ Сумароковымъ, и почти не подвигался впередъ. Незадолго до пріѣзда моего, представленіе одной новой піесы, *Лиза* или *Торжество благодарности*, весьма ничтожной и давно забытой, было важнымъ происшествіемъ и возбудило не только вниманіе, но и удивленіе публики, и авторъ г. Ильинъ удостоился чести совершенно новой, дотолѣ у насъ неслыханной: его вызвали на сцену. Ободренный симъ примѣромъ, другой, столь же неизвѣстный авторъ г. Ѳедоровъ, слѣдующею весною, вывелъ свою драму, другую Лизу, взятую изъ *Бѣдной Лизы* Карамзина, но имѣлъ успѣхъ уже посредственный. Недолго жалкіе сіи люди одни владѣли Русскою сценой, пока не явились сперва Крыловъ, а вскорѣ потомъ и Шаховской и продлили цѣпь Русскихъ комиковъ, прерванную смертію Княжнина и Фонъ-Визина и молчаніемъ Капниста. Крыловъ, съ которымъ я тогда рѣдко и довольно сухо встрѣчался, пересталъ уже жить по добрымъ людямъ и испытывалъ силы свои въ разныхъ литературныхъ родахъ. Каждый бы ему дался, и тому служатъ доказательствомъ двѣ написанныя имъ въ это время комедіи: *Урокъ дочкамъ* и *Модная лавка*. Но чтобы на этомъ поприщѣ достигнуть возможнаго совершенства, не доставало ему одного—прилежанія. Басни избралъ онъ не потому, чтобы почиталъ ихъ единственною стезею, могущею вести его къ извѣстности и славѣ, а потому что находилъ ее удобнѣйшею, легчайшею и прибыльнѣйшею *). О Шаховскомъ, съ которымъ я послѣ такъ коротко былъ знакомъ, о его слабостяхъ и достоинствахъ, нахожу, что здѣсь еще не мѣсто говорить.

Чтó сказать о лицедѣяхъ нашихъ того времени? Начнемъ съ трагическихъ, съ Яковлева и Каратыгиной. Первому искусство ничего не дало, природа все: мужественное лицо, высокій, стройный станъ,

*) На вопросъ одного умершаго нынѣ поэта, который спрашивалъ его: отчего онъ басни предпочелъ другимъ стихотвореніямъ, онъ отвѣчалъ: „Этотъ родъ понятенъ каждому; его читаютъ и слуги, и дѣти... ну, и скоро рвутъ“.

органъ звучный и громкій, но всѣми дарами ея не умѣлъ онъ воспользоваться. Я не виню его. Говорятъ, что у Дмитревскаго не было образцовъ; напрасно: онъ видѣлъ ихъ за границей и по нимъ образовалъ природный даръ свой, весьма необыкновенный. Когда онъ воротился и показался на сценѣ, въ Петербургѣ не было ни одного иностраннаго театра, и онъ имѣмъ судіями и зрителями дворъ, лучшее общество и много людей, которые сами образцы его видѣли. Яковлевъ игралъ передъ многочисленною толпой, въ которой самая малая часть принадлежала къ среднему состоянію; остальное было ближе къ простонародью, даже къ черни. Какъ актеру не искать рукоплесканій? И какъ, желая нравиться такой публикѣ, не исказить свой талантъ? А какъ въ этомъ родѣ посредственности быть не можетъ, то Яковлевъ былъ мало сказать что плохъ, онъ былъ скверенъ. Отъ неистовыхъ криковъ и частаго употребленія водки голосъ его осипъ, и онъ свирѣпствовалъ истинно каррикатурно. Подруга его на сценѣ, и какъ утверждали въ домашней жизни, госпожа Каратыгина, жена плохаго актера, игравшаго молодыхъ людей въ комедіи, была довольно красива, но играла не хорошо, все всхлипывала, и не глаза, а горло казалось у нея вѣчно исполненнымъ слезъ.

Кто знаетъ? Нынѣ, можетъ-быть, ими бы восхищались; такъ мнѣнія и вкусы перемѣнились. Трагедій было мало; всѣ прежнія, Майковскія, Николевскія и даже нѣкоторыя Сумароковскія брошены, а объ Озеровѣ еще не было слышно. Играли покамѣстъ плохо переведенныя, чудовищныя Нѣмецкія драмы, и ими обуревался, и имъ хлопалъ площадной партеръ.

Въ мірѣ былъ когда-то народъ, у котораго чувство изящнаго проникло во всѣ состоянія; онъ давно уже исчезъ. Былъ другой народъ, завоевавшій богатства цѣлаго свѣта и въ числѣ ихъ, какъ сокровище, захватившій у перваго чистоту и строгость вкуса его; отъ него осталось его громкое имя. Послѣ столѣтій, этотъ правильный вкусъ явился у третьяго народа, нѣкогда второму подвластнаго. Ознаменованныя печатію сего вкуса литературныя произведенія его распространили его вліяніе и языкъ по всей Европѣ, и прежде нежели мечомъ посягнулъ онъ на свободу народовъ, уже ему покорила ихъ лира. Когда этотъ народъ сталъ терзать себя и сосѣдей и все опрокидывать, еще высоко стояла среди него сія вѣнчанная лира, и онъ не переставалъ ей поклоняться; теперь она не разбита, но валяется въ прахѣ. Нѣтъ, классицизмъ и желаніе владѣть міромъ не могли быть врожденнымъ чувствомъ у потомства легкомысленныхъ Галловъ и черствыхъ Франковъ; первый былъ одно подражаніе и долго господствовавшая мода; другое родилось и умерло въ головѣ единаго человѣка,

Итальянца, потомка Римлянъ. Когда Европа уняла Францію, то нѣсколько времени она гнѣвалась, волновалась, но непримѣтнымъ образомъ принимала уставы своихъ сосѣдей, Англичанъ и Нѣмцевъ; все Готеско-тевтоническое, какъ нѣчто родное и такъ непринуждено, въ ней возобладало и выдавило, такъ сказать, мечты о древнемъ величіи Рима. Тѣмъ лучше! Я чуть было не сказалъ для нашей будущности, но вспомнилъ и наше идолопоклонство не одной уже Франціи, но въ совокупности съ ней цѣлой Европѣ.

Какое отступленіе! И все это по случаю игры Яковлева, правда, не понятаго и опередившаго свой вѣкъ. Теперь немного словъ еще о тогдашнемъ нашемъ театрѣ. Комедія шла не много лучше трагедіи. Рахманова, въ роляхъ сердитыхъ, сварливыхъ старухъ, какими были тогда въ Русскихъ провинціяхъ всѣ старухи (отъ бездѣйствія и скуки терзавшія все имъ подвластное) и Пономаревъ, олицетворенное подъячество, были оригинально забавны. Между не выпущенными еще воспитанниками и воспитанницами тогда уже существовавшей Театральной Школы начинали въ комедіи являться талантики.

Пѣвцы и пѣвицы были достойны играемыхъ тогда Русскихъ оперъ. Но между ними было нѣчто чрезвычайно примѣчательное, нѣчто совершенное, это буффъ въ Русскомъ родѣ, Воробьевъ. Онъ смѣшилъ когда онъ пѣлъ, когда онъ говорилъ, когда онъ стоялъ, смотрѣлъ, даже когда онъ только показывался на сценѣ. Жена его, толстенькая, слабоглазая и неуклюжая, занимала первыя роли, обыкновенно царевенъ и княжонъ. Когда число дѣйствующихъ лицъ того требовало, то голоски брали на прокатъ изъ Театральной Школы.

Отъ Русскаго театра весьма естественнымъ образомъ переходишь къ тогдашней Русской литературѣ. Сжатая при Павлѣ, омелѣвшая до Шаликовской приторности при Александрѣ, она стала возвышаться и течь съ быстротою. Еще долженъ повторить, что я совсѣмъ ею не занимался, и если что̀ узналъ о самомъ современномъ ходѣ ея, то по изустнымъ преданіямъ Блудова. Но сего достаточно, чтобы вкратцѣ описать тогдашнее ея состояніе. Она, какъ всѣмъ извѣстно, родилась въ Петербургѣ; всѣ прежніе сочинители, отъ Ломоносова до Державина и отъ Тредьяковскаго до Хвостова, въ немъ образовались, жили, служили и писали. Позднѣе Москва сдѣлалась ея центромъ, и она тѣмъ обязана постояному пребыванію двухъ знаменитыхъ писателей въ стихахъ и прозѣ, Дмитріева и Карамзина. Съ поръ тѣхъ все лучшее въ нашей словесности родится и произростаетъ тамъ, плоды же собираетъ Петербургъ. Съ воцареніемъ Александра, послѣ тягостнаго сна, все благородное воспрянуло, и Карамзинъ, столь привлекательный въ своихъ Бездѣлкахъ, прилежно и сильно принялся за дѣло. Онъ сдѣлался

первымъ издателемъ перваго у насъ журнала, достойнаго сего названія. Его Вѣстникъ Европы началъ насъ знакомить какъ съ ея произведеніями, такъ и съ нашею древностію. Какое мужество, какое терпѣніе и какое безкорыстіе были потребны Карамзину! Какая бѣдность въ матеріялахъ! Какой недостатокъ въ сотрудникахъ! Какое малое число подпищиковъ, и какая низкая цѣна за изданіе! Едва прикрывались издержки, а трудъ шелъ почти даромъ. Онъ принужденъ былъ почти одинъ постоянно заниматься, сочинять, переводить. Но великій писатель достигнулъ своей цѣли; онъ водрузилъ знамя, подъ которое стали собираться молодые таланты и развиваться подъ его сѣнію. Между тѣмъ и самый слогъ Карамзина, дотолѣ красивый, стройный, милый, какъ прелесть молодости, среди упорныхъ, вседневныхъ трудовъ примѣтнымъ образомъ сталъ укрѣпляться и подниматься, и во всей мужественной красотѣ явился въ героѣ-женщинѣ, Мареѣ Посадницѣ. Вѣстникъ Европы становился слишкомъ приманчивъ, чтобы быстро не умножилось число его читателей и подпищиковъ; тогда только, когда Карамзинъ могъ ожидать себѣ отъ него прибыли, предоставилъ онъ его людямъ, его ученіемъ образованнымъ.

Въ это же время (и все въ той же Москвѣ) сдѣлались извѣстны два молодые стихотворца, Мерзляковъ и Жуковскій. Мерзляковъ возгремѣлъ одой молодому Императору при полученіи извѣстія о кончинѣ Павла, и она найдена лучшею изъ десяти или пятнадцати другихъ, написанныхъ по случаю сего происшествія. Далѣе слава его не пошла; извѣстность его умножилась. Онъ былъ ученѣйшій изъ нашихъ литераторовъ и подъ конецъ профессоръ въ Московскомъ университетѣ, много и правильно писалъ; но читали его безъ удовольствія. Впослѣдствіи я тоже попытался и нашелъ въ немъ мало вкуса, много педантства.

Участь Жуковскаго была совсѣмъ иная. Какъ новый, какъ ясный мѣсяцъ, имъ такъ часто воспѣтый, народился тогда Жуковскій. Я разъ сказалъ уже, что, не зная его, позавидовалъ золотой его медали. Потомъ много былъ о немъ наслышанъ отъ друга его, Блудова, и хотя лично познакомился съ нимъ годомъ или двумя позже описываемаго времени, не могу отказать себѣ въ удовольствіи говорить о столь примѣчательномъ человѣкѣ.

Бездомный сирота, онъ выросъ въ Бѣлевѣ, среди умнаго и просвѣщеннаго семейства Буниныхъ. Знать Жуковскаго и не любить его было дѣло невозможное, а любить ребенка и баловать его всегда почти одно и тоже; но инымъ дѣтямъ баловство идетъ въ прокъ; такъ, кажется, было и съ нашимъ поэтомъ. Когда онъ былъ уже на своей волѣ, и въ службѣ, и въ лѣтахъ, долго оставался онъ незлоби-

вое, веселое, безпечное дитя. Любить все близко его окружающее, даже просто знакомое, сдѣлалось необходимою его привычкой. Но въ этой всеобщей любви, разумѣется, были степени, были мѣра и границы; ненавистнаго же ему человѣка не существовало въ мірѣ. Избытокъ чувствъ его рано началъ выливаться въ плавныхъ стихахъ; а потомъ вся жизнь его, какъ извѣстно будетъ потомству, была пѣснь, молитва, вѣчный гимнъ Божеству и добродѣтели, дружбѣ и любви. Какое любопытное существо былъ этотъ человѣкъ! Ни на одного изъ другихъ поэтовъ онъ не былъ похожъ. Какъ можно всегда подражать и всегда быть оригинальнымъ? Какъ можно умѣть такъ трогательно, всею душей грустить и потомъ ото всего сердца смѣяться? Не знаю, право, съ чѣмъ бы сравнить его? Съ инструментомъ ли или съ машиною какою, приводимою въ движеніе только постороннимъ дуновеніемъ? Чужеязычные звуки, какіе-бъ ни были, Нѣмецкіе, Англійскіе, Французскіе, налетая на сей Русскій инструментъ и коснувшись въ немъ чего-то, поэтической души, выходили изъ него всегда плѣнительнѣе, во сто разъ нѣжнѣе. Лишь бы ему не быть подлинникомъ: дайте ему что̀ хотите, онъ все украситъ, Французскую ничтожную пѣсенку обратитъ вамъ въ чудо, совершенство, въ *Узника* и *Мотылька* и, мнѣ кажется, еслибъ онъ былъ живописецъ, то изъ Погребенія Кота умѣлъ бы онъ сдѣлать chef d'oeuvre.

Такимъ людямъ, какъ онъ съ Блудовымъ, стоило только сойтись одинъ разъ, чтобы навсегда сомкнуться. Что̀ касается до меня, то скажу безъ хвастовства и скромности, что и у меня была одна сторона чистая, неповрежденная, и ею только могъ я прислониться и сколько нибудь прильнуть къ такого рода людямъ. Жуковскій меня любилъ, но не всегда и не много дорожилъ моею пріязнію; тѣмъ пріятнѣе мнѣ отдавать ему справедливость. Истинѣ всегда я жертвовалъ самолюбіемъ, и это свойство, не весьма обыкновенное, есть, можетъ быть, одно, которымъ позволено мнѣ гордиться.

Но дѣло не обо мнѣ, а о литературѣ. Въ Петербургѣ жилъ одинъ человѣкъ, пожилой, чиновный, честный и почтенный, но, какъ писатель, состарѣвшійся въ безъизвѣстности. Онъ имѣлъ славу быть первымъ у насъ Славянофиломъ; въ молодости плѣнился церковнымъ нашимъ языкомъ, его изреченіями, его оборотами и цѣлый вѣкъ хлопоталъ о томъ, чтобы ввести его и въ письмена, и въ разговоры. Это былъ извѣстный вице-адміралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ, еще менѣе морякъ, чѣмъ авторъ. Любимый свой Славянскій языкъ искалъ онъ не только въ земляхъ, нынѣ или прежде обитаемыхъ Славянами, но и вездѣ откапывалъ корни словесъ его. Предпріятіе важное, дѣло похвальное, страсть благородная! Только жаль, что къ по-

лезному удовлетворенію ея у него не было средствъ, не было достаточнаго ума и свѣдѣній. Трудясь въ безплодныхъ изысканіяхъ, онъ сдѣлался угрюмъ и бранчивъ. Проведя всю жизнь въ Петербургѣ и мастерски играя въ карты, ему не трудно было сдѣлать связи съ знатными людьми, съ знатными домами; а какъ наши баре не учились Русской грамотѣ, то и повѣрили ему на слово, что онъ великій человѣкъ, коему опредѣлено исправить, передѣлать, очистить усовершенствовать прекрасный Русскій языкъ, какъ говорили они, но о коемъ они не имѣли ни малѣйшаго понятія. На прежніе успѣхи Карамзина смотрѣлъ онъ съ презрѣніемъ; но когда сей послѣдній примѣтно началъ становиться основателемъ школы, то онъ жестоко вознегодовалъ. Въ такомъ расположеніи духа издалъ онъ памфлетъ, подъ названіемъ: *О старомъ и новомъ Русскомъ слогѣ*, гдѣ сильно и довольно грубо напалъ на галлицизмы, на нововведенія Московскихъ писателей. Это былъ первый пушечный залпъ изъ собравшагося непріятельскаго стана, но онъ остался безъ отвѣта.

Странное однакоже дѣло! Тогдашніе Петербургскіе литераторы, Львовы, Гераковы и другіе, народъ все нужный, должностной, поклонники Шишкова, не слѣдовали его ученію и славянизмъ у себя не вводили, въ угожденіе ему довольствуясь дурно писать. Да и самъ почтенный Александръ Семеновичъ поучалъ болѣе словами, чѣмъ примѣромъ.

Спустя нѣсколько времени, другой выстрѣлъ послѣдовалъ со сцены [1]). Князь Шаховской, служившій въ театральной дирекціи (котораго берегу́ я для будущаго) написалъ комедію: *Новый Стернъ*, въ которой дурачитъ сентиментальность какихъ-то небывалыхъ писателей, шепнувъ всѣмъ на ухо, что онъ мѣтитъ на Карамзина. Въ языкѣ Шаховскаго также никогда Славянскаго ничего не было; но Шишковъ охотно прощалъ ему, какъ сильному и полезному союзнику. На этотъ второй вызовъ также не было отвѣта; развѣ почитать отвѣтомъ веселую эпиграмму молоденькаго тогда Блудова. Вотъ она:

Хотите ль, господа, между пѣвцами
Узнать Карамзина вы записныхъ враговъ?
Вотъ комикъ Шаховской съ плачевными стихами,
И вотъ блѣднѣющій надъ святцами Шишковъ.
Они умомъ равны, обоихъ зависть мучитъ;
Но одного сушитъ она, другаго пучитъ [2]).

Однакоже, эта иголка на нѣкоторое время какъ будто прекратила дѣйствіе тяжелыхъ орудій. Послѣ этого долго не было явной

[1]) Это маленькій анахронизмъ; но я описываю не годъ, а эпоху.

[2]) Шишковъ, какъ лунь бѣлый, былъ всегда очень худощавъ; Шаховской же и въ молодости былъ неблагопристойно жиренъ.

войны. Она было возгорѣлась въ 1810 году, но скоро остановлена происшествіями другой войны, болѣе кровопролитной. Послѣ вторичнаго занятія Парижа, наша литературная война возобновилась съ новою яростію; послѣднія ея жестокія сраженія происходили въ 1816-мъ. Если я останусь живъ, и будетъ у меня время, то я неминуемо долженъ быть ея историкомъ.

Никто въ этомъ не замѣтилъ необыкновенной странности. Новенькій Петербургъ, полунѣмецкій городъ, каналъ, чрезъ который втекала къ намъ иностранная словесность и разливалась по всей Россіи, воевалъ съ старою Москвой за пренебреженіе къ древнему нашему языку, за порчу его, искаженіе, за заимствованіе множества словъ изъ языковъ западныхъ.

За симъ довлѣетъ мнѣ говорить о предметѣ, какъ для меня, такъ я полагаю, и для другихъ, менѣе занимательномъ: о мнимой службѣ моей.

V.

Не прежде какъ въ Іюнѣ или въ Іюлѣ, по приказанію Сперанскаго, явился я въ первое отдѣленіе экспедиціи государственнаго благоустройства, къ начальнику его Димитрію Семеновичу Серебрякову. Молодые статисты*), какъ мы себя называли, впредъ до образованія особеннаго для нихъ статистическаго отдѣленія, для занятій поставлены были подъ его начальство. Онъ родомъ былъ съ Дону, изъ казаковъ; но никто бы не могъ о томъ догадаться, судя по миніатюрной его фигуркѣ, по пріятному голоску, по его кротости и добродушной улыбкѣ. Его пріемъ меня очень ободрилъ, но тѣмъ все и кончилось. Я просилъ у него занятія; онъ велѣлъ подождать, потомъ обѣщалъ, все откладывалъ и изрѣдка давалъ переписать какую-нибудь коротенькую бумажку. Съ другими моими товарищами было не лучше; они имѣли право разгуливать по комнатамъ канцеляріи, разговаривать между собою, только не слишкомъ громко, и мѣшать другимъ заниматься. Имѣющіе штатныя мѣста и канцелярскіе обходились съ нами вѣжливо, но смотрѣли косо, какъ на трутней. Изрѣдка, съ досадою, но тихо произнесенныя слова: баричи, бѣлоручки, доходили до нашего слуха; инымъ казались обидны, другимъ лестны для самолюбія. Тогда уже было замѣтно составившееся намѣреніе всѣхъ невоспитанныхъ въ канцеляріяхъ, въ семинаріяхъ и университетѣ не подпускать къ должностямъ.

---

*) Статисты у насъ солдаты, а компарсы за границей вольные люди, которые нанимаются представлять народъ или войско и въ нарядѣ ходить по сценѣ.

Чего-то ожидая, толковать о вздорѣ, переливать, какъ говорится, изъ пустаго въ порожнее съ праздными товарищами моими, весьма не занимательными, было совсѣмъ незабавно. Мнѣ скоро все это надоѣло, я пересталъ ходить въ экспедицію, много одинъ разъ въ мѣсяцъ показывался въ ней, и никто не думалъ съ меня за то взыскивать.

Къ числу странностей моей судьбы принадлежитъ и то, что куда бъ я ни попадалъ, куда бы ни опредѣлялся, никогда не встрѣчалъ я ни одного знакомаго лица: все были новыя, мнѣ дотолѣ неизвѣстныя. Всякій разъ долженъ былъ знакомиться, изучать людей, посреди коихъ долженъ былъ жить. Ни во время ученія, ни на службѣ никто дважды товарищемъ моимъ не бывалъ. Можетъ-быть, это самое пріучило меня такъ наблюдать характеры людей.

Изъ десятка, къ коему я принадлежалъ, только двое или трое заслуживаютъ (и то не очень) найти здѣсь мѣсто. Первымъ, важнѣйшимъ между нами, почитался Александръ Михайловичъ Безобразовъ, хорошій, старинный, столбовой дворянинъ, какъ часто упоминалъ онъ о томъ, въ родственныхъ связяхъ съ лучшими дворянскими фамиліями. Природа захотѣла уподобить его фамильному его имени; а фортуна, ей наперекоръ, взяла къ себѣ на колѣни и доселѣ не перестаетъ ласкать его и тѣшить. Всѣ тѣ успѣхи, кои могутъ дать красота, любезность, высокая нравственность, обширныя свѣдѣнія и умъ свѣтскій, и умъ дѣловой, всѣ сіи успѣхи онъ безъ нихъ получилъ. Какъ же удалось ему? Какъ удается глупцу, который крѣпко на себя надѣется, ни въ чемъ не сомнѣвается, который смѣлъ, безстыденъ, настойчивъ и всякимъ благопріятнымъ случаемъ умѣетъ пользоваться. Онъ былъ совсѣмъ необразованный человѣкъ, а въ молодости камеръ-юнкеръ при дворѣ Александра, не то что нынѣ, и никто не находилъ это страннымъ; онъ былъ уродливо-дуренъ собою, а въ него влюбилась богатая красавица, вопреки волѣ матери, ушла съ нимъ и обвѣнчалась; онъ едва умѣлъ грамотѣ, а написалъ и напечаталъ книжку; онъ ничего не смыслилъ въ дѣлахъ, а попеременно въ трехъ губерніяхъ губернаторъ, ставился другимъ въ примѣръ, давно уже сенаторъ и мѣтитъ въ Государственный Совѣтъ.

О другомъ моемъ сослуживцѣ, Ранцовѣ, потому только здѣсь упоминаю, что онъ былъ мнѣ и землякъ, Пензенскій помѣщикъ, и болѣе другихъ искалъ моего знакомства. Умершій отецъ его, Иванъ Романовичъ, былъ побочный сынъ графа Романа Ларіоновича Воронцова; мать и семейство его постоянно жили въ Петербургѣ и меня часто къ себѣ приглашали. Онъ былъ очень пристоенъ и скроменъ въ обществѣ; но только почтеніемъ къ матери былъ удерживаемъ отъ нетрезвой развратной жизни. Послѣ смерти ея бросилъ службу, уѣхалъ въ Пензенскую деревню и тамъ въ распутствѣ кончилъ вѣкъ.

Одинъ только третій нашъ товарищъ Вельяминовъ-Зерновъ отличался прилежаніемъ и основательными познаніями, но былъ несносно скученъ и неопрятенъ. Онъ послѣ занимался законовѣдѣніемъ, писалъ что-то о законахъ, могъ быть очень полезенъ, но всегда имѣлъ неудачи по службѣ.

Экспедиція государственнаго благоустройства, нынѣ департаментъ полиціи исполнительной, состояла изъ четырехъ отдѣленій. Первымъ, какъ сказалъ я, управлялъ Серебряковъ, добрый человѣкъ, Екатерининскихъ временъ приказная строка. Начальникъ втораго отдѣленія былъ Николай Спиридоновичъ Тихомировъ; онъ слылъ человѣкомъ самымъ благороднымъ и такимъ казался; я его только что видѣлъ, оставался онъ не долго и не знаю, куда дѣвался. Третьимъ отдѣленіемъ управлялъ Магницкій, а четвертымъ Михаилъ Никитичъ Баккаревичъ, бывшій профессоръ Московскаго университета, самый нестерпимый и злой педантъ, который съ подчиненными обходился какъ съ школьниками. Ни единаго слова мы другъ другу никогда не сказали, за то мѣнялись взорами и читали въ нихъ взаимную ненависть и презрѣніе. Чиновниковъ другихъ отдѣленій я никого не зналъ, но въ нашемъ примѣчательны были два столоначальника.

Первый, Гаврило Семеновичъ Покровскій, былъ въ Александроневской Духовной Академіи соученикъ Сперанскаго, который и заманилъ его въ гражданскую службу. Притворство одного и скромность другаго составляли единственное между ними сходство. Покровскій началъ съ генералъ-прокурорской канцеляріи; потомъ вмѣстѣ съ дѣлами ему ввѣренными перенесенъ изъ нея въ министерство или департаментъ внутреннихъ, гдѣ при тѣхъ же дѣлахъ и кончилъ длинное свое поприще. Есть люди, для которыхъ столъ, коимъ они управляютъ, долженъ быть столбы Геркулесовы; природа, на сей столъ имъ указывая, говоритъ: ты далѣе не пойдешь; но въ Россіи какая-то могущественная сила тянетъ людей вверхъ, иногда противъ воли ихъ. Такимъ образомъ и мой Гаврило Семеновичъ, увлеченный сею силой, и даже въ бореніи съ ней, перелѣзъ черезъ свой столъ и подъ конецъ дней своихъ очутился надъ департаментомъ. Орлиный полетъ Сперанскаго былъ ему не по крыльямъ; онъ не завидовалъ ему, а только имъ любовался. Я не знавалъ человѣка менѣе его словоохотнаго: вотъ то-то былъ молчальникъ. Но за краткостію словъ, за неподвижностію чертъ и взглядовъ видна была сильная страсть, страсть къ бумагамъ, страсть съ утра до вечера надъ ними сидѣть, ихъ перебирать, въ нихъ копаться, наблюдать за правильнымъ ходомъ, заботясь впрочемъ мало о ихъ содержаніи. Это была какая-то болѣзнь, формiазмъ, бумагоманіе, разстройство нервъ, которое утихало только отъ бумажнаго ося-

занія. Въ Петербургѣ знавалъ онъ обыкновенно только ту часть города, чрезъ которую лежала дорога отъ квартиры его къ церкви и въ канцелярію; въ день Свѣтлаго Воскресенія послѣ обѣдни безъ всякаго дѣла сидѣлъ онъ одинъ въ департаментѣ, съ пріѣзда своего въ малолѣтствѣ никогда не бывалъ за заставой, отъ роду не бывалъ въ театрахъ, не посѣщалъ никакихъ гульбищъ; долго не зналъ, гдѣ Лѣтній садъ и когда одинъ разъ потребовали его туда съ дѣлами къ министру, жившему въ маломъ дворцѣ Петра Великаго, то онъ было заплутался.

Совершенную противоположность являлъ въ себѣ другой столоначальникъ, Петръ Петровичъ Кильдюшевскій, весельчакъ, говорунъ, добрый и умный малый. Этому бы утро хорошенько поработать, за то остальное время дня погулять, попировать, только пристойно, съ хорошими и образованными людьми. Какъ это случилось, что онъ попалъ въ Казанскую Семинарію, когда прозваніе у него было Татарское, лицо, фигура и выговоръ какіе-то Чувашскіе? Отецъ его изъ муллъ не перешелъ ли въ православные священники? Онъ неизмѣнно былъ со мною хорошъ; много и часто толковалъ со мною, но не довольно ясно, и я долго не могъ понять, чтó онъ такое, чего ему хочется? Теперь, когда Кильдюшевскіе такъ размножились, съ перваго слова догадался бы я, что онъ либералъ. Это было слѣдствіемъ маленькой слабости: онъ очень хорошо учился, зналъ иностранные языки, даже говорилъ по французски очень смѣшно, однимъ словомъ былъ созданіемъ дѣлъ своихъ, и оттого почиталъ себя великимъ человѣкомъ. Онъ любилъ сердечно и восхищался только тѣми, кто самъ проложилъ дорогу или можетъ ее проложить себѣ, въ число коихъ дѣлалъ честь и меня включать. Отъ обѣихъ отцовскихъ религій, кажется, не оставалось у него ни одной, и оттого-то Бонапарте ставилъ онъ выше Бога, а Сперанскаго выше Бонапарте. Его живость, его нескромность, его всеприсутствіе въ послѣдствіи много повредили ему въ глазахъ правительства, и уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, не по доброй волѣ, долженъ былъ онъ оставить службу. Къ похвалѣ его должно сказать, что отъ мѣстъ имъ занимаемыхъ онъ, кромѣ жалованья, ничего не получалъ; а когда, впослѣдствіи, положеніе его сдѣлалось роскошнѣе, то еще въ похвалу ему скажу, что онъ тѣмъ обязанъ былъ честной и счастливой игрѣ. Онъ былъ самый усердный членъ Англійскаго клуба, долго веселилъ его своими любезными странностями и опечалилъ только своею смертію.

Служеніе мое въ департамемнѣ внутреннихъ дѣлъ имѣло еще одну невыгодную, можно сказать мучительную сторону. Губернаторы находились въ прямой зависимости отъ министра и его департамента;

слѣдственно отецъ мой былъ въ самыхъ частыхъ съ ними сношеніяхъ; слѣдственно, состоя тамъ на службѣ, обязанъ я былъ находиться его повѣреннымъ, его постояннымъ ходатаемъ, если не заступникомъ. Тогда люди ранѣе зрѣли, ранѣе старѣлись; въ тогдашнія мои лѣта, нынѣ мнѣ только что вступить въ университетъ или приготовляться къ вступленію въ него: тогда отъ меня требовали опытности и дѣятельности. А что̀ могъ я дѣлать? Ничьею довѣренностью не могъ я пользоваться. Сперанскій пересталъ пускать меня къ себѣ, а до Кочубея было высоко какъ до царя. Между тѣмъ, ***, получившій мѣсто начальника отдѣленія въ департаментѣ юстиціи и распространявшій здѣсь свои связи, подбивалъ отсюда безпрестанно Пензенскихъ негодяевъ къ продолженію наступательной войны.

Что̀ тогда происходило въ Пензѣ, тому трудно повѣрить. Мнѣ бы теперь самому казалось, что память меня обманываетъ, если бы не имѣлъ въ рукахъ письменныхъ доказательствъ, копій съ жалобъ, посылаемыхъ къ министру. Пригласитъ ли кто моего отца обѣдать, онъ осмѣлится занемочь и пришлетъ извиниться, за эту грубость жалуются Кочубею; какой-нибудь мерзавецъ до того ли себя дурно ведетъ, что даже въ Пензѣ закрываются ему всѣ дома, онъ называетъ это гоненіемъ моего отца и приноситъ жалобу; побранятся ли два помѣщика, идутъ на судъ къ отцу моему, грозно требуя отъ него справедливости, и когда онъ имъ докажетъ, что это сущій вздоръ, они мирятся, а не менѣе того жалуются высшему начальству, что въ ихъ городѣ нѣтъ суда. Разумѣется, здѣсь этому смѣются, хотя ***, чрезъ коего подаются просьбы, и умѣетъ всякое подобное дѣло выставить въ дурномъ видѣ. Но снисходительное министерство, не терпя никакихъ жестокостей, обращается къ губернатору съ требованіемъ поясненій, а къ губернскому предводителю съ порученіемъ склонить просителей къ оставленію дѣла, повидимому не заключающему въ себѣ большой важности. Еженедѣльная переписка съ родителями имѣла предметомъ почти исключительно всѣ эти непріятности. По словамъ брата почитали меня весьма близкимъ къ Сперанскому, дивились моей вѣтренности, моей безпечности и не могли понять, какъ возможно такъ мало заниматься отцовскими дѣлами. Я не зналъ что̀ отвѣчать, иногда даже лгалъ, чтобы сколько-нибудь успокоить бѣднаго моего родителя.

Вѣчная эта тревога, волненіе, разстроили здоровье отца моего до того, что въ концѣ Августа впалъ онъ въ тяжкую болѣзнь, получилъ желчную, нервическую горячку, отъ которой чрезъ нѣсколько недѣль единый Богъ, а ужъ конечно не тогдашніе Пензенскіе врачи, его избавили. По выздоровленіи его умолялъ я его всячески, чтобы пріѣхалъ въ столицу; онъ самъ имѣлъ намѣреніе это сдѣлать въ началѣ зимы,

чтобы выйдти наконецъ изъ несноснаго положенія, изъ разговоровъ съ Кочубеемъ и другими министрами усмотрѣть, можетъ ли онъ далѣе продолжать службу или долженъ ее бросить.

Одно семейное обстоятельство тому воспрепятствовало и заставило сію поѣздку на нѣкоторое время отложить. Средній братъ мой Николай, какъ видѣли выше, стоялъ съ Малороссійскимъ кирасирскимъ полкомъ въ Воронежѣ. Онъ влюбился тамъ въ одну молоденькую дѣвочку. Со временъ Петра Великаго, два трудолюбивыя купеческія семейства, Горденины и Тулиновы, водворили промышленность въ Воронежѣ, устроили близъ него первыя суконныя фабрики. Не знаю, чтó сдѣлалось съ Гордениными, объ нихъ что-то не слыхать; но Тулиновы, хотя въ послѣдствіи времени и раздѣлились на нѣсколько вѣтвей, хотя уже давно получили дворянское достоинство, и хотя нынѣ нѣкоторые изъ нихъ служатъ въ гвардіи, а другіе имѣютъ придворные чины, никогда не хотѣли удалиться отъ источника своей извѣстности и богатства. Одинъ изъ нихъ, предобрѣйшій и препочтеннѣйшій человѣкъ, отставной отъ арміи капитанъ, Иванъ Ивановичъ, въ числѣ другихъ дѣтей имѣлъ дочку Варвару, не столь красивую, какъ миловидную. Въ семнадцать или въ восемнадцать лѣтъ, съ удивительною бѣлизною, съ вѣчно играющимъ румянцемъ, съ добротою и нѣжностію въ голубыхъ взорахъ, какъ не понравиться? Пылкій братъ мой сдѣлался безъ ума отъ нея. Не скоро могъ онъ получить ея руку. Зная его крутой нравъ, родители колебались ее выдать; но разсудивъ, вѣроятно, что столь почтительный сынъ, столь нѣжный братъ, долженъ быть непремѣнно и примѣрнымъ мужемъ, какъ вообще прекраснымъ семьяниномъ, рѣшились изъявить свое согласіе и не ошиблись въ своемъ предположеніи.

Будущій тесть моего брата не имѣлъ большаго состоянія: невдали отъ Воронежа прекрасное помѣстье Рамонъ, да суконная фабрика, отъ которой въ тѣ поры прибыль была незначительная, вотъ все, чтó онъ имѣлъ. Запретительная система 1808 года, какъ ни вредна была для Россіи во многихъ отношеніяхъ, для фабрикантовъ была очень выгодна; съ тѣхъ поръ положеніе родныхъ моего брата примѣтнымъ образомъ стало улучшаться. Почти единственный примѣръ въ Россіи: родъ Тулиновыхъ, не оставляя одного дѣла и города въ теченіи болѣе полутораста лѣтъ, отъ поколѣнія до поколѣнія, все усовершенствовалъ издѣлія своихъ мануфактуръ и умножалъ свое благосостояніе. Тогда же Иванъ Ивановичъ, кромѣ приличнаго приданаго и небольшаго капитала, ничего за дочерью дать не могъ. А какъ у насъ въ семействѣ давно уже дурной обычай за богатствомъ не гоняться, то мои родители никакого препятствія не поставили сыну, когда онъ началъ просить ихъ благословенія. Сговору назначено быть въ Ноябрѣ мѣ-

сяцѣ, а свадьбѣ въ Январѣ 1804 года, послѣ чего въ Февралѣ молодые съ поклономъ должны были явиться въ Пензу. Такъ и случилось, и только въ Мартѣ по послѣднему зимнему пути могли родители мои предпринять путешествіе въ Петербургъ.

Они прибыли 23-го числа и нашли меня въ довольно просторныхъ комнатахъ, изрядно меблированныхъ, на Невскомъ Проспектѣ, для ихъ пріѣзда за нѣсколько дней передъ тѣмъ нанятыхъ, но совсѣмъ не топленныхъ, ибо у меня было много жару въ крови и ни гроша денегъ въ карманѣ. Радость свиданія на нѣсколько минутъ могла согрѣть моихъ родителей, но потомъ надобно было поспѣшнѣе послать за дровами.

Точно такъ какъ я съ малою опытностію моею предвидѣлъ, пріѣздъ моего отца имѣлъ на дѣла его самое полезное вліяніе. Первый пріемъ Кочубея былъ обыкновенный его пріемъ, учтивый, холодный, важный, но послѣ двухъ или трехъ свиданій онъ совершенно перемѣнился. Надобно отдать справедливость этому Кочубею: онъ имѣлъ одно достоинство, которое исключительно должно бы принадлежать царямъ. Въ немъ была удивительная способность выбирать людей, умѣть ихъ употреблять и знать имъ цѣну. Отъ природы бѣденъ, онъ былъ самый искусный оцѣнщикъ чужихъ сокровищъ и безъ собственныхъ капиталовъ, однимъ кредитомъ, былъ цѣлый вѣкъ богатъ. Онъ увидѣлъ, сколь мнѣніе, внушенное ему насчетъ отца моего, было ошибочно и всѣми силами старался загладить свою ошибку. Другіе министры: графъ Румянцовъ, графъ Васильевъ, Вязмитиновъ встрѣтили отца моего дружелюбно. Только двое: полуотставной Трощинскій, возбуждаемый земляками своими, Пензенскими хохлами, да недавно поступившій, на мѣсто уволеннаго Державина, князь Лопухинъ, бывшій при Павлѣ генералъ-прокуроромъ, къ которому *** попалъ въ милость, не скрывали даже своего недоброжелательства.

Десять лѣтъ не бывалъ отецъ мой въ Петербургѣ; сколько перемѣнъ нашелъ онъ въ немъ! Но изъ старыхъ знакомыхъ никто къ нему не перемѣнился. Самые почетнѣйшіе изъ нихъ, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, Сухтеленъ, Беклешовъ, Кіевскій знакомый генералъ Розенбергъ, всѣ неоднократно его посѣщали. Офиціальныя-же отношенія не столь были лестны. Государь при представленіи не удостоилъ его ни единымъ словомъ. Министры почли излишнимъ прислать ему визитныя карточки, и Сперанскій, только что директоръ департамента, сдѣлавъ сіе, почиталъ оное со стороны своей необычайною вѣжливостію. Не знаю, не было-ли принято за правило чрезъ мѣру возвышать министровъ и унижать званіе губернаторовъ? Если было, то мы видимъ плоды сей мудрой системы.

Пребываніе моихъ родителей въ Петербургѣ не могло быть продолжительно; сопряженныя съ тѣмъ издержки для ихъ состоянія были слишкомъ обременительны. Весьма было замѣтно, что отецъ мой, обнесенный графу Кочубею, симъ послѣднимъ не съ выгодной стороны былъ представленъ самому Государю. Надѣясь на время, чтобы сіе исправить и выпросить ему наружный знакъ отличія, который бы въ провинціи могъ произвесть полезное для него дѣйствіе, онъ покамѣстъ предложилъ ему представить къ наградамъ всѣхъ чиновниковъ, которые, по мнѣнію его, то заслуживаютъ, и чрезъ нѣсколько дней всѣмъ безъ исключенія оныя испросилъ: это по тогдашнему было очень важно. Послѣ того отцу моему, обезпеченному насчетъ будущей защиты Кочубея, оставалось только приготовиться къ отъѣзду.

Желаніе матери моей было не такъ скоро со мною разставаться; да и мнѣ самому хотѣлось на время отдохнуть не отъ трудовъ, а отъ нуждъ мною претерпѣнныхъ въ столицѣ. Итакъ рѣшено было ѣхать и мнѣ, но напередъ испросить совсѣмъ ненужное дозволеніе министра. По сему случаю былъ я отцомъ лично ему представленъ. Я увидѣлъ его въ первый разъ и не оробѣлъ отъ его важности; онъ съ улыбкой сквозь зубы сказалъ мнѣ что-то, кажется, пріятное и ободрительное. Сперанскій объявилъ отцу, что пачпорта мнѣ не нужно, что это въ числѣ отброшенныхъ формальностей; какъ было ему не повѣрить? Но уже тутъ видно было не забвеніе, а дурной умыселъ держать меня безъ службы. До сихъ поръ не могу понять глупаго стыда своего, который заставилъ меня это важное для меня обстоятельство утаить отъ родителей. Но какъ бы то ни было, 22-го Мая мы оставили Петербургъ.

Эти тысячу четыреста верстъ между Петербургомъ и Пензой, это пространство, по которому въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ сновалъ я, какъ челнокъ у ткача, описывать мнѣ нечего; скажу только, что меня посадили одного въ препокойную, вновь купленную коляску, и что сидя въ ней и вспоминая кибитки и телѣги, въ которыхъ я по этой дорогѣ катался, мнѣ казалось, что я въ раю.

По пріѣздѣ въ Москву, мы недѣли на двѣ остановились въ ней у зятя Алексѣева. Въ это время, передъ самымъ нашимъ пріѣздомъ, послѣдовала тамъ важная перемѣна. Я было и забылъ сказать, что графиня Дарья Петровна Салтыкова, съ сопровожденіи супруга своего, отправившись въ Декабрѣ 1802 года изъ Петербурга, отъ разстроеннаго желудка занемогла дорогой и скончалась на станціи Хотиловѣ. Ударъ этотъ такъ поразилъ бѣднаго старика, что съ тѣхъ поръ какъ умственныя, такъ и тѣлесныя его силы примѣтно начали слабѣть. Не въ состояніи будучи далѣе продолжать службу, онъ въ концѣ Апрѣля

уволенъ отъ должности, и за нѣсколько дней до насъ прибылъ назначенный на его мѣсто многореченный Беклешовъ, дважды генералъ-прокуроръ.

Первый выѣздъ въ Москвѣ отца моего былъ къ новому военному губернатору, который тотъ же день пригласилъ его обѣдать, а на другой день пріѣхалъ самъ вечеромъ съ гражданскимъ губернаторомъ Барановымъ и Кіевскимъ знакомымъ княземъ Хованскимъ на бостонъ. Такія пріязненныя отношенія были очень полезны Алексѣеву, который увидѣлъ, что съ графомъ Салтыковымъ онъ не всего лишился.

Я замѣтилъ, что полицеймейстерская должность зятя моего въ глазахъ Московской публики очень упала, самъ же онъ сталъ еще болѣе любимъ. Полиція тогда только и уважаема, когда она страшна; а въ первые годы царствованія Александра, кромѣ настоящихъ преступниковъ, кому и чего было бояться? А все шло, какъ нельзя лучше. Русскихъ надобно сколько нибудь баловать, чтобъ они не шалили: однимъ страхомъ ихъ удержишь, можетъ-быть, а не исправишь.

Двѣ недѣли, проведенныя нами въ тогдашней Москвѣ, прошли какъ двѣ блаженныя минуты. Я не люблю этихъ мимолетныхъ радостей; лучше бы ихъ не знать, или бы онѣ были продолжительнѣе.

Мы поѣхали не прямо въ Пензу, а сдѣлали верстъ триста крюку, чтобъ въ Воронежѣ познакомиться съ новыми родными. До Тулы была мнѣ знакомая дорога; Ефремовъ и Елецъ были только для меня новые города. Съ нами не случилось никакого важнаго приключенія, кромѣ одного, которое однакоже не имѣло несчастныхъ послѣдствій, коихъ ожидать было можно. Сдѣлалась гроза, и мы съ сестрой Елисаветой сидѣли закутавшись въ коляскѣ, какъ ужасный громовой ударъ, какихъ я не запомню, испугалъ лошадей, и онѣ безъ памяти понесли насъ внизъ по прекрутой и превысокой горѣ надъ самою станціей Пальнóй; отъ проливнаго дождя сдѣлавшаяся грязь могла одна удержать стремленіе нашего бѣга и спасти нашу жизнь. Сестра моя, великая трусиха, помертвѣла, да и я едва ли менѣе ея испугался. Чтобъ дать понятіе о сей горѣ, скажу, что окрестные помѣщики вѣрить не хотятъ, чтобъ Альпы и Пиринеи могли быть выше и ужаснѣе ея.

Мы нашли городъ пустымъ; всѣ разъѣхались по деревнямъ, кромѣ Тулиновыхъ, которые, бывъ предварены, ожидали нашего пріѣзда. Благословенная семья, патріархальные нравы, но не безъ просвѣщенія. Семейство сіе состояло тогда, исключая отсутствующей дочери, моей невѣстки *), изъ мужа съ женой, двадцати двухъ или двадцати-трех-

*) Тотчасъ послѣ свадьбы брата моего, Малороссійскій кирасирскій полкъ былъ переведенъ изъ Воронежа въ городокъ Гадячъ Полтавской губерніи. Тамъ находились молодые супруги.

лѣтняго сына Алексѣя, другаго сына Димитрія, лѣтъ четырнадцати, и маленькой двѣнадцатилѣтней дочери. Рѣдко случалось мнѣ встрѣчать столько кротости и добродушія, вмѣстѣ съ умомъ и пристойностію, какъ въ тещѣ брата моего, Аннѣ Семеновнѣ. Старшій сынъ былъ добрый малый, но принадлежалъ болѣе къ нынѣшнему, чѣмъ къ своему времени: деньги предпочиталъ онъ знаніямъ и почестямъ, и до того мечталъ безпрестанно о богатствѣ, что лишился наконецъ ума. Отецъ Тулиновъ, какъ сказалъ я прежде, былъ добрый и почтенный человѣкъ, съ стариннымъ воспитаніемъ и старинными правилами. О двухъ другихъ дѣтяхъ, тогда еще малолѣтныхъ, кажется, говорить здѣсь нечего.

Семейство Тулиновыхъ, столь извѣстное въ Воронежѣ по своему гостепріимству, удвоило старанія, чтобъ насъ лучше принять; можетъ, быть, по старой пословицѣ: не для зятя собаки, а для милаго дитяти; но кажется и родство съ такимъ человѣкомъ, какимъ былъ мой отецъ, должно было для нихъ быть лестно. Собственный домъ ихъ, каменный, двухъ-этажный, хорошо и прилично убранный, съ большою усадьбой, находился почти за городомъ, и мы могли почитать себя какъ бы въ гостяхъ у помѣщика-сосѣда. Два раза былъ я въ Воронежѣ, а не могу сказать, чтобы видѣлъ этотъ городъ; первый разъ зимой въ темнотѣ и во время вьюги катался я въ немъ закутанный, другой разъ почти въ него не въѣзжалъ.

Пробывъ не болѣе двухъ дней въ Воронежѣ, мы пустились далѣе въ Тамбовъ, куда прибыли подъ вечеръ, ночевали у нашего знакомаго почтъ-директора Треборна и на другой день обѣдали у него. Время становилось самое жаркое, и мы рѣшились ѣхать ночью, своротивъ съ большой дороги на другую, кратчайшую, черезъ степь, по которой намъ выставлены были лошади. Нельзя выразить того удовольствія, которое чувствуешь въ первой молодости, когда во время ночной прохлады, въ покойномъ экипажѣ, летишь по благовонной степи, по гладкой, какъ полъ, дорогѣ; какъ сладостно засыпаешь, и по временамъ какъ сладостно просыпаешься! Это испыталъ я въ ту ночь, въ которую оставили мы Тамбовъ.

Опять и по той же дорогѣ приблизился я къ Пензенской губерніи, но уже не ночью, а днемъ, не въ ужасную вьюгу, а среди палящаго зноя. Чембаръ назывался уже городомъ и былъ все еще деревней; однакоже пять или шесть домиковъ, съ крышами изъ досокъ, въ полтора года въ немъ выросли. Въ одномъ изъ нихъ мы остановились, и пока отецъ мой пошелъ по избамъ, въ которыхъ помѣщались присутственныя мѣста, насъ посѣтила сперва нотабельная персона въ городѣ, купчиха Коробчиха, ни дать ни взять Пошлепкина изъ комедіи *Ревизоръ*, пустилась всѣхъ ругать, болѣе всѣхъ городничиху

Реймерсъ и потомъ какъ ей, такъ и другимъ судейшамъ, одна за другой прибывавшимъ, кланяться въ поясъ. Но что всѣ сіи уѣздные оригиналы, противъ тѣхъ, кои ожидаютъ меня въ Пензѣ!

VI.

Всю злость свою на этотъ городъ излилъ я при первомъ его описаніи; теперь постараюсь быть умѣреннѣе, чтобы не надоѣсть повтореніями. Я надѣюсь даже быть забавенъ, съ помощію многихъ чудаковъ, представителей образа мыслей и духа того времени. Не знаю, благорастворенный ли воздухъ лѣтній на меня дѣйствовалъ, или, зная Пензу по опыту, я вооружился противъ нея терпѣніемъ; какъ бы ни было, на этотъ разъ прибыль я въ нее съ какою-то тихою покорностію къ волѣ судебъ.

Дни два или три спустя послѣ нашего пріѣзда (однакоже не по сему случаю) городъ вдругъ наполнился и оживился: наступила Петровская ярмарка, которая начинается съ Иванова дня, съ 24 Іюня, и продолжается недѣлю, до 1 Іюля. Тутъ увидѣлъ я первый разъ въ жизни сіе ежегодное, но для провинціи тѣмъ не менѣе, важное событіе *).

Внизу подъ горой, на которой построена Пенза, въ малонаселенной части ея, среди довольно обширной площади, стоитъ церковь апостоловъ Петра и Павла. Въ день праздника сихъ святыхъ, вокругъ церкви собирался народъ и происходилъ торгъ. Но какъ жители, покупатели, купцы и товары размножились и стало тѣсно, то и перенесли лавки немного отдаль, на пространное поле, которое тоже получило названіе площади, потому что окраено едва виднѣющимися лачужками.

Тутъ стояли ряды, сколоченные изъ досокъ и крытые лубками; между ними была также лубками крытая дорога для проходящихъ. Вездѣ сквозило, отовсюду могли проникать солнце, дождь и пыль. Съ утра до вечера можно было тутъ находить разряженныхъ дамъ и дѣвицъ и услужливыхъ кавалеровъ. Но покупать можно было только по утру, и то довольно рано: остальное время дня ряды дѣлались мѣстомъ всеобщаго свиданія. Не терпящія пѣшеходства, по большей части весьма тучныя барыни, съ дочерьми, толстенькими барышнями, преспокойно садились на широкіе прилавки, не оставляя бѣдному торговцу

*) Во время Кіевскихъ контрактовъ видѣлъ я уже ярмарку, но она не имѣла ничего похожаго на наши внутреннія ярмарки. Тамъ бываетъ она зимой, въ Январѣ, и на Подолѣ всѣ обывательскіе домики обращаются въ теплыя лавки, куда заѣзжаютъ одни только покупатели.

ни полъ-аршина для показа товаровъ. Вокругъ суетились франты, и съ ихъ ужимками, вотъ какъ обыкновенно начинался разговоръ: «Чтó покупаете-съ?» — «Да ничего, батюшка, ни къ чему приступу нѣтъ»; а купецъ: «Помилуйте, сударыня, да почти за свою цѣну отдаю», и такъ далѣе. Такъ по нѣсколькимъ часамъ оставались неподвижны сіи массы, и часто маски въ тоже время: сдвинуть ихъ съ мѣста было совершенно невозможно; не помогли бы ни убѣжденія, ни самыя учтивыя просьбы, а начальству бѣда бы была въ это вступаться. А между тѣмъ, это одна только въ году эпоха, въ которую можно было запасаться всѣмъ привознымъ *). И потому-то матери семействъ, жены чиновниковъ, бѣдныя помѣщицы, въ простенькихъ платьяхъ, чѣмъ свѣтъ спѣшили дѣлать закупки, до прибытія дурацкой аристократіи.

Одна весьма важная торговля начиналась только въ рядахъ, но условія ея совершались послѣ ярмарки. Это былъ ловъ сердецъ и приданыхъ: какъ на Азіатскихъ базарахъ, на прилавкахъ, взрослыя дѣвки также выставлялись, какъ товаръ.

Помѣщикамъ и ихъ семействамъ, съѣхавшимся почти изо всей губерніи, можно было бы, кажется, умѣть пріятнымъ образомъ недѣльку повеселиться. И было бы гдѣ: вокругъ Пензы, въ одной и въ двухъ верстахъ отъ нея, есть прелестныя рощицы; нѣтъ, они предпочитали грязь, пыль и духоту ярморочную. Одно увеселеніе, которое похоже на что нибудь, бывало въ Петровъ день: это назывался воксалъ или балъ въ регулярномъ саду г. Горихвостова, куда въ этотъ день платили за входъ. Садъ былъ не великъ; но *галдарея*, какъ еще говорили тогда, была преогромная, правда, однако, также досчатая. Она была обита выбѣленою холстиной и украшена предольшущею жестяною люстрой; въ окнахъ же стояли деревянные треугольники, къ коимъ прибивались желѣзные шандалы. Тутъ довершались побѣды красоты: статуи, кои какъ вкопанныя сидѣли на ярмаркѣ, здѣсь одушевлялись, приходили въ сильное движеніе, при блескѣ сальныхъ свѣчъ и звукахъ громкой музыки.

Кстати объ увеселеніяхъ. Кто бы могъ повѣрить? Въ это время было въ Пензѣ три театра, и три труппы актеровъ. Такое чудо нужно объяснить. У насъ все такъ шло съ временъ Петра Великаго: кроется крыша, когда нѣтъ еще фундамента; были уже университеты, академіи, гимназіи, когда еще не было ни учителей ни учениковъ; вездѣ

---

*) Замѣчательно также, что Пензенскіе купцы, коихъ число и состояніе столь малы, передъ самою ярмаркой стараются выписывать свой товаръ, зная напередъ, что только въ это время можетъ онъ почти весь быть распроданъ. И отъ того-то въ остальные мѣсяцы года въ Пензѣ ничего почти нельзя было найти.

были театры, когда не было ни піесъ, ни сколько-нибудь порядочныхъ актеровъ. Право жаль, что, забывъ пословицу: поспѣшишь да людей насмѣшишь, мы надорвались, гоняясь за Европой. Итакъ въ Пензѣ три театра, оттого что полубарскія затѣи, забытыя въ Петербургѣ, кое-гдѣ еще встрѣчались въ Москвѣ, а въ провинціяхъ были еще во всей силѣ обычая.

Труппа г. Горихвостова посвящена была игранію оперъ и исключительно Итальянской музыкѣ; особенно славилась въ ней какая-то Аринушка. Сія труппа играла даромъ для увеселенія почтенной публики, собиравшейся у почтеннаго г. Горихвостова. Я къ этому обществу не принадлежалъ, сихъ пѣвицъ не слыхахъ и крайне о томъ жалѣю: это въ карикатурномъ родѣ должно было быть совершенство.

Григорій Васильевичъ Гладковъ *), самый безобразный, самый безнравственный, жестокій, но довольно умный человѣкъ, съ нѣкоторыми свѣдѣніями, имѣлъ пристрастіе къ театру. Подлѣ дома своего, на городской площади, построилъ онъ небольшой, однакоже каменный театръ, и въ немъ все было, какъ водится, и партеръ, и ложи и сцена. На эту сцену выгонялъ онъ всю дворню свою отъ дворецкаго до конюха и отъ горничной до портомойки. Онъ предпочиталъ трагедіи и драмы, но для перемѣны заставлялъ иногда играть и комедіи. Послѣднія шли хуже, если могло быть только что-нибудь хуже первыхъ. Все это были какія-то страдальческія фигуры, все какъ-то отзывалось побоями, и нѣкоторые увѣряли, будто на лицахъ, сквозь румяна и бѣлила, были иногда замѣтны синія пятна. Эти представленія я видѣлъ, но что́ сказать мнѣ объ нихъ? Даже и вспомнить и жалко, и гадко. За деньги (которыя, разумѣется, получалъ господинъ) играли несчастные по зимамъ. Зрители принадлежали не къ самому высшему состоянію.

Самаго стариннаго покроя баринъ, носастый и брюхастый Василій Ивановичъ Кожинъ, безъ всякой особой къ тому склонности, изъ подражанія, или такъ для препровожденія времени, затѣялъ также у себя камедь; и что́ удивительнѣе, сдѣлалъ сіе удачнѣе другихъ. Но о труппѣ его потолкуемъ послѣ; а теперь поговоримъ о томъ, что̀ занимательнѣе, о его домашней жизни. Почти до шестидесяти лѣтъ прожилъ онъ холостой, въ деревнѣ, рѣдко изъ нея выѣзжая, какъ вдругъ въ сосѣдствѣ его появилась одна старая, на помадѣ, на духахъ и на блондахъ промотавшаяся сіятельная чета. Князь Василій Сергѣевичъ и княгиня Настасья Ивановна Долгоруковы, въ близкомъ родствѣ со

*) Братъ его Иванъ Васильевичъ былъ при Александрѣ оберъ-полицеймейстеромъ въ обѣихъ столицахъ.

всѣми знатнѣйшими фамиліями, имѣя сыновей генераловъ, при концѣ дней своихъ принуждены были поселиться въ оставшейся имъ Пензенской деревнѣ. Съ ними была дочка Катерина Васильевна, сорокалѣтняя дѣва; не знаю была ли она разборчива въ Москвѣ, но въ глуши, куда она попалась, *рада-рада ужъ была*, чтобъ выйти... за Василія Ивановича; добрые сосѣди это дѣло какъ-то состряпали. Она была воспитана въ Смольномъ монастырѣ, безъ Французскаго языка не могла дохнуть, а на немъ между сосѣдями ей не было съ кѣмъ слова молвить. Цѣлый вѣкъ съ старымъ медвѣдемъ, хотя смирнымъ, ручнымъ, но прожить въ его берлогѣ! Это ужасно. Дѣло рѣшено; она купила въ Пензѣ обширный, ветхій, деревянный домъ и перевезла въ него мужа со всѣми его театральными затѣями. Благодарю за то судьбу мою: во всякій пріѣздъ мой въ Пензу, они были моею отрадой.

Есть странности, коихъ прелесть на словахъ или перомъ никакъ передать невозможно: надобно было ихъ видѣть. Странности сихъ супруговъ происходили отъ сочетанія въ нихъ всевозможныхъ противоположностей. У обоихъ было добрѣйшее сердце, но въ немъ дворянская спѣсь чрезвычайно умножилась княжескимъ родствомъ. Надобно было видѣть ихъ обхожденіе; слова *ты* они не знали между собой. Еслибъ онъ былъ женатъ на великой княжнѣ, то, кажется, болѣе почтенія онъ не могъ бы ей оказывать; она платила ему тѣмъ же, стараясь другимъ дать чувствовать, что молодая жена обязана уважать стараго лѣтами мужа.

Трудно было назвать ее уродливою, а красивою еще труднѣе: какъ для красоты женской, такъ и для безобразія есть нѣкоторыя условія; она имъ всѣмъ была чуждою. Похожаго на ея лицо я нигдѣ не встрѣчалъ и увѣренъ, что никто не встрѣтитъ. Все то, что́ у другихъ бываетъ продолговато, у нея было совершенно круглое, и глаза, и носъ, и ротъ. Съ брюшкомъ нѣсколько скривленнымъ, она никогда не была, но вѣчно казалась, беременною. Цвѣтъ лица у нея былъ свѣтло-мѣдный, тѣло плотное, но не регулярное какъ у Василія Львовича Пушкина, если въ сихъ Запискахъ его кто припомнитъ. Съ нимъ имѣла она много сходства и въ характерѣ: была также добродушна, чрезвычайно легковѣрна и также хотѣла всѣхъ любить и всѣми быть любимою. Но чего въ немъ не было, она была безмѣрно вспыльчива; гнѣвъ ея бывалъ мгновененъ, но ужасенъ, и казалось, что въ углу ея добрѣйшаго сердца хранится для запаса злость безъ всякаго употребленія; но когда нужда потребуетъ, она является, и тогда бѣда! Самыя жесточайшія, язвительныя истины осыпаютъ оскорбителя Катерины Васильевны. Вообще до глубокой старости на ней оставался отпечатокъ первобытнаго Смольнаго воспитанія; она сохраняла дѣтскую, ми-

лую откровенность. Пороки, или лучше сказать, недостатки ея были малочисленны и безвредны для общества: она была неопрятна, скупа и прожорлива, любила ѣздить по чужимъ обѣдамъ и подъ именемъ ридикюля всегда носила съ собою огромный мѣшокъ, куда клала фрукты, сласти, конфеты, на сихъ обѣдахъ собираемые, и ими же потомъ у себя гостей потчивала. Въ дополненіе скажу, что она говорила голосомъ удушливо-перхотнымъ и къ тому же картавила.

Одно не могу я похвалить въ ней: ея безчеловѣчный эгоизмъ. Со строгою супружескою вѣрностью, съ безчувствіемъ, съ равнодушіемъ, хотѣла она плѣнять; не раздѣляя ихъ, возбуждать сильныя страсти, сводить людей съ ума. Многіе прикидывались влюбленными: тогда поглядѣли бы вы, съ какимъ гордымъ самодовольствіемъ смотрѣла она на свои мнимыя жертвы! Въ числѣ ихъ былъ и я; а Василій Ивановичъ и не думалъ ко мнѣ ревновать: онъ зналъ, что полубогиня не можетъ имѣть слабостей, и даже соболѣзновалъ робкой моей любви. Въ его отсутствіе, она дѣлалась иногда гораздо смѣлѣе, но разумѣется до извѣстныхъ границъ, которыя мы съ ея супругомъ умѣли ей ставить: когда она казалась встревоженною, изумленною, я становился отчаянно почтительнымъ и удалялся. Не знаю, отчего эта мистификація могла меня нѣкоторое время занимать; я думаю, отъ скуки.

У такихъ добрыхъ господъ-содержателей труппа не могла быть иначе какъ веселою, прекуріозною. Кожинымъ удалось гдѣ-то нанять вольнаго актера Грузинова, который препорядочно зналъ свое дѣло; да и между дѣвками ихъ нашлась одна, Дуняша, у которой, невзначай, былъ природный талантъ. Катерина Васильевна, помня, какъ въ Смольномъ сама госпожа Лафонъ учила ее играть Гоѳолію, преподавала свои наставленія, кои въ настоящемъ случаѣ, мнѣ кажется, были безполезны; ея актеры могли играть однѣ только комедіи съ пѣніемъ и безъ пѣнія. Эту труппу называли губернаторскою, ибо мой отецъ дѣйствительно ей покровительствовалъ и для ея представленій выпросилъ у предводителей пребольшую залу дворянскаго собранія, исключая выборовъ почти всегда пустую. Завелось, чтобы туда ѣздили (разумѣется, за деньги) люди лучшаго тона, какія бы ни были ихъ политическія мнѣнія. Къ Гладкову же въ партеръ ходила одна чернь, а въ ложи ѣздила зѣвать злѣйшая оппозиція, къ которой однакоже онъ самъ отнюдь не принадлежалъ.

Этотъ разъ прожилъ я въ Пензѣ не съ большимъ пять мѣсяцевъ, но дѣлалъ изъ нея частыя отлучки. Первая поѣздка моя была вскорѣ послѣ Петровской ярмарки, Саратовской губерніи, Балашовскаго уѣзда, въ село Зубриловку, о которомъ было помянуто въ первой части сихъ Записокъ. Въ проѣздъ нашъ чрезъ Москву, обѣдалъ у насъ мо-

лодой, великій господинъ, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Голицынъ, также читателю знакомый, и взялъ съ моихъ родителей слово отпустить меня въ ихъ деревню къ 5 Іюля, дню именинъ отца его. За годъ до того, будучи Рижскимъ военнымъ губернаторомъ, князь Сергій Ѳедоровичъ, по какому-то небольшому неудовольствію, вышелъ въ отставку и поѣхалъ жить на зиму, какъ всѣ тогдашніе бояре, въ Москву, а на лѣто въ свою Зубриловку. Въ Казацкомъ мнѣ такъ ее расхвалили, что я съ нетерпѣливымъ удовольствіемъ туда отправился.

Мнѣ надобно было сдѣлать 130 верстъ проселочными дорогами, но я вездѣ находилъ славныхъ лошадей за умѣренную цѣну. Сперва ночевалъ я въ нашемъ Симбухинѣ, а потомъ въ тридцати верстахъ оттуда, въ селѣ Бекетовкѣ, нашелъ я Хоперъ почти ручейкомъ, и во всю дорогу рѣдко разставался съ его берегами. Если онъ самъ выбралъ мѣста, чрезъ кои началъ протекать, то надобно предполагать въ немъ много вкуса, ибо они очаровательны; взялъ бы онъ немного лѣвѣе, и онъ былъ бы въ пустынѣ, а тутъ, что́ за виды, что́ за рощи, или лучше сказать, что за лѣса, темные, но не дремучіе! Проѣзжая ими въ лѣтній день, дышешь какою-то жаркою, душистою влагой, подобною (но во сто разъ лучше) тѣмъ парамъ, которые поднимаются съ горячей плитки, когда льютъ на нее спиртовые духи. Досадно, что я никогда не умѣлъ описывать природу, ни чувствъ, которыя она во мнѣ производитъ; право жаль, ибо, любуясь ея красотами, я всегда дѣлаюсь чрезвычайно добръ и вселюбителенъ. Между тѣмъ, по всей дорогѣ безпрестанно находишься въ нѣсколькихъ верстахъ, иногда даже въ нѣсколькихъ сотняхъ сажень, отъ голой степи, которая начинается внезапно и тянется на сотни верстъ, какъ великій постъ, въ одну минуту прерывающій шумную масляницу. Вѣрно послѣдній ямщикъ, который везъ меня къ вечеру, былъ, какъ и я, обвороженъ прелестью воздуха и неба, что, не замѣтивъ узкаго Хопра, переѣхалъ чрезъ него, сбился съ дороги, и мы попали въ степь, гдѣ, плутавъ нѣсколько времени, только послѣ полуночи, почти передъ разсвѣтомъ, могъ я пріѣхать въ Зубриловку. Тамъ, однакоже, по заведенному славному порядку, мнѣ тотчасъ отвели хорошую комнату съ хорошею постелью.

Когда я проснулся и одѣлся, то было уже около десяти часовъ утра, и всѣ, для поздравленія хозяина-именинника, собирались въ залу, гдѣ поставленъ былъ завтракъ. Я какъ будто предугадалъ, что взялъ съ собою мундиръ; ибо всѣ пріѣзжіе гости, сосѣдніе дворяне и даже самые сыновья князя были при мундирахъ, при шпагахъ, и кто ихъ имѣлъ, при орденахъ. Кому нынѣ изъ отставныхъ вельможъ будетъ оказана подобная почесть? Теперь сбылась гадкая Русская пословица, что отъ кого чаютъ, того только и величаютъ.

Хотя ему было не въ диковинку, но князь Голицынъ былъ тронутъ сими знаками уваженія и вообще со всѣми обошелся скорѣе какъ съ дорогими гостями, чѣмъ съ людьми, пріѣхавшими къ нему на поклоненіе. Объ немъ говорить нечего, онъ ко мнѣ всегда былъ очень добръ; да и сама сердитая княгиня была этотъ разъ со мною безмѣрно ласкова.

Зубриловка есть одно изъ немногихъ мѣстъ въ Россіи, подобныхъ палацамъ и замкамъ, коими усѣяна Польша. Тамъ Славянское племя долго и тщетно гнули подъ феодальныя формы: ни Радзивилы, ни Сапѣги, ни Чарторыйскіе, не смотря на несмѣтныя богатства, на многочисленныя дружины, ихъ окружавшія, никогда не могли сдѣлаться совершенно независимыми владѣтелями, какъ высокіе бароны въ Германіи, Франціи и Италіи. Ихъ неограниченная, ихъ необузданная власть, все оставалась насиліе, не законъ. Въ Россіи удѣльные князья являли когда-то и что-то тому подобное; съ истребленіемъ удѣлизма, съ утвержденіемъ единодержавія, намѣстники государевы, начальники городовъ и областей, съ ограниченною властью, получали помѣстья, вмѣсто жалованья, и вѣроятно палаты для жительства. Хоромы владѣющихъ помѣстьями, какъ и богатыхъ вотчинниковъ, въ старинное неприхотливое время, могли отличаться отъ избъ простолюдиновъ только бо́льшимъ размѣромъ и бо́льшею опрятностью. Мало-по-малу блескъ двора сталъ привлекать богатыхъ владѣльцевъ въ Москву, а исканіе мѣстъ и почестей удерживать ихъ въ ней; съ улучшеніемъ вкуса, съ умноженіемъ потребностей начали строиться шире и прочнѣе, и тогда деревянная Москва сдѣлалась Москвою бѣлокаменною. Какъ видно изъ исторіи, не одни опальные царедворцы и воеводы ссылались въ свои деревни; но и другіе, послуживъ Богу и Царю, удалялись на отдохновеніе въ свои родовыя или жалованныя имѣнія. Долго существовалъ сей обычай, и въ отдаленныхъ отъ столицы мѣстахъ нерѣдко можно было найдти маститую старость вельможи, окруженную всеобщимъ благоговѣніемъ и отражающую блескъ, заимствованный ею отъ свѣтлаго лица государева (я говорю ея языкомъ), при коемъ она нѣкогда находилась. Въ такого рода жизни, кажется, нѣтъ ничего феодальнаго.

Нѣсколько позже, привычка къ солнцу не дозволяла далеко отдаляться отъ лучей его. Тогда, кажется, родилось названіе подмосковныхъ и умножилась цѣнность ихъ. Тогда, не переставая быть царедворцемъ, не покидая любезныхъ ему золотыхъ цѣпей, могъ бояринъ на лѣто освобождаться отъ ихъ тягости, такъ однакоже, чтобы, при первомъ позывѣ царя или честолюбія своего, могъ онъ скорѣе возложить ихъ на себя. Во временныхъ убѣжищахъ начали, на подобіе

царскихъ, заводиться въ маломъ видѣ дворцы и сады, а въ отдаленныхъ богатыхъ вотчинахъ, ветхія зданія господскія стали клониться къ паденію и замѣняться, гдѣ волостною избой, гдѣ домикомъ для прикащика или управителя.

Но время текло, нравы мѣнялись, и строился Петербургъ. Съ начала однакоже, въ новую столицу перенесены обычаи старой, и среди окрестностей первой явилось великолѣпіе по большей части уже новыхъ боярскихъ фамилій, въ Гостилицахъ, въ Славянкѣ, въ Коировѣ, въ Мурзинкѣ, въ Муринѣ, въ Парголовѣ. Это было не надолго, это казалось слишкомъ далеко отъ двора, и всѣ названныя мѣста опустѣли. Тогда богатыя, прекрасныя дачи по Петербургской дорогѣ, на царскомъ пути, всѣ разряженныя, съ обѣихъ сторонъ вытянулись почтительнымъ фрунтомъ. Кто бы могъ прежде ожидать? И онѣ брошены, и онѣ распроданы подъ фабрики. Нынѣ, въ самомъ Царскомъ Селѣ, въ Павловскомъ, въ Петергофѣ или на островахъ, поближе къ Каменному и Елагину дворцамъ, Русская знать, въ хорошенькихъ, разубранныхъ уютныхъ дачкахъ гнѣздится, жмется, какъ дворня въ людскихъ. И эти люди называютъ себя аристократами!

Въ старину, то-есть какъ говорится въ Россіи, лѣтъ сорокъ тому назадъ, всѣ отставные вельможи полагали, что имъ нигдѣ приличнѣе жить нельзя какъ въ отставной столицѣ. Нѣкоторые изъ нихъ не оставляли ея во все лѣто, имѣя въ самомъ городѣ сады, въ десять или въ двѣнадцать разъ болѣе иныхъ Каменноостровскихъ дачъ; другіе ѣздили въ свои подмосковныя, кои продолжали беречь и украшать; немногіе, какъ князь Сергій Ѳеодоровичъ, отправлялись въ дальнія деревни.

Итакъ Зубриловка его, равно и лежащее въ тридцати верстахъ отъ нея, село Надеждино, князя Куракина, еще красовались тогда и славились не только во всемъ околоткѣ, но и во всѣхъ сосѣднихъ губерніяхъ. Грустно теперь подумать объ нихъ. Что̀ сдѣлалось и съ вами, Ташань, Батуринъ, гдѣ долго и тихо догасали два фельдмаршала, герой Россіи и геній доброты? Гдѣ ихъ потомство, и кому вы нынѣ принадлежите? А ты, Бѣлая Церковь, мѣсто знаменитое въ лѣтописяхъ воинственной, вольной Украйны, что̀ стало съ тобою? Пятидесятилѣтнія просвѣщенныя старанія одной Русской женщины превратили степь твою въ безконечный прелестный вертоградъ; ты сдѣлалась добычею горделивой, злой, неблагодарной Польки, ея невѣстки, ненавистницы имени Русскаго, и она обрекла тебя забвенію и запустѣнію.

Какъ въ предшествующую ночь, за Хопромъ, верчусь я все около Зубриловки, и насилу могу въ нее попасть. Деревня построена въ низу и отдѣляется прудомъ и плотиною отъ горы, на которой

стоитъ господскій домъ, каменный, трехъ-этажный. Въ соединеніи съ двумя большими каменными-же двухъ-этажными флигелями, посредствомъ двухъ предлинныхъ оранжерей и имѣя подлѣ себя церковь, величиною превосходящую самый большой уѣздный соборъ, домъ сей, вся эта масса зданій представляются глазу довольно поразительно. Исключая той горы, на которой находятся строенія, съ лѣвой ея стороны, есть еще двѣ другія гораздо ея выше; всѣ они покрыты густымъ лѣсомъ, а въ ихъ промежуткахъ долины, ущелья и пригорки чрезвычайно разнообразятъ мѣстоположеніе и безпрестанно производятъ новые виды. Горы сіи наполнены родниками, которые изъ боковъ ихъ вырываются сильно бьющими ключами [1]). Легко можно повѣрить, послѣ такого Эдема, какою пустыней должно было казаться, хотя и въ лучшемъ климатѣ, плоское Казацкое: на его равнинѣ только что было гарцовать казакамъ.

Только вокругъ господскаго дома видна рука искусства, но и тутъ, въ этихъ бассейнахъ, каскадахъ, сильно помогала ей природа. Имѣніе сіе было не родовое; князь Голицынъ купилъ его и потомъ три года сряду стоялъ въ немъ на безсмѣнныхъ квартирахъ съ двадцати-четырехъ-эскадроннымъ Смоленскимъ драгунскимъ полкомъ, коего онъ былъ начальникомъ. Утверждаютъ, что всѣ построенія Зубриловки были дѣло рукъ солдатскихъ; это извиняется дурнымъ обычаемъ: полкъ давался тогда какъ аренда, и въ самомъ Петербургѣ, начальники гвардіи симъ дешевымъ способомъ возводили себѣ дома.

Хотя я былъ въ новомъ мѣстѣ, однакоже въ знакомой сторонѣ: всѣ сыновья князя Сергѣя Ѳеодоровича (исключая Михаила, который служилъ тогда въ Семеновскомъ полку) были на лицо. Меньшіе, Василій и Владиміръ, все еще находились въ малолѣтствѣ; двое постарѣе ихъ, Павелъ и Александръ, прежніе мои соученики, только что взяты изъ пансіона аббата Николя, гдѣ кончили ученіе [2]); Ѳеодоръ былъ камергеромъ и въ отпуску, Сергѣй и Григорій въ отставкѣ.

Сей послѣдній при новомъ Государѣ вступилъ было въ службу, не генералъ-адъютантомъ какъ прежде, а генералъ-майоромъ по арміи;

---

[1]) Насъ князь Сергій, третій сынъ хозяина, повезъ кататься въ открытыхъ линейкахъ, чтобы показать намъ окрестности. Мы остановились и вышли погулять по одной долинѣ, исполненной благоуханія и пересѣченной свѣтлыми бѣгущими ручьями. Я бы назвалъ ее долиной счастія, готовъ бы построить тамъ домикъ и оставаться въ ней вѣкъ. Съ нами первою гостьей была генеральша, Агнія Дмитріевна Ступишина, наша Пензенская и бывшая губернаторша; она не могла понять, зачѣмъ мы тутъ остановились. „Помилуй, батюшка, князь Сергѣй Сергѣевичъ, куда ты насъ это завезъ, сказала она, али деревьевъ-то не видали, али травы?“ Меня такъ и взорвало.

[2]) Что̀ это было за ученье! Всѣ воспитанники этого пансіона, которые знаютъ что-нибудь, начали учиться уже по выходѣ изъ него.

но въ вслѣдъ за отцомъ опять ее оставилъ. Вô время коронаціи Александра, женился онъ на молодой дѣвицѣ, графинѣ Катеринѣ Ивановнѣ Сологубъ, дочери извѣстной при Екатеринѣ красавицы Натальи Львовны и племянницѣ Александра и Димитрія Львовичей Нарышкиныхъ. Она была изъ числа тѣхъ женщинъ, кои, къ чести прежняго времени и къ стыду настоящаго, встрѣчались тогда чаще чѣмъ нынѣ. Ихъ образцомъ была императрица Елисавета Алексѣевна. Пріятности лица молодой княгини Голицыной были ничто въ сравненіи съ ея скромною любезностію: не покидая земли, она все казалась на дорогѣ къ небу, и еслибы могла быть убыль въ ангелахъ, то, я увѣренъ, что изъ такихъ существъ дѣлали бы ихъ новый наборъ.

Житье въ Зубриловкѣ мнѣ показалось славное; оно напоминало, какъ богатые и знатные баре живали въ старину. Нѣтъ лишнихъ прихотей, но всего вдоволь; столъ изобильный, сытный и вкусный, прислуга многочисленная, ворота настежъ, сосѣди, мелкіе дворяне, такъ и валятъ, но не обременяя собою: предовольны, когда хозяинъ скажетъ имъ привѣтливыхъ слова два-три. Князь Өедоръ, мой милый аристократъ, будущій владѣлецъ Зубриловки, тогда уже поговаривалъ объ vie de château, объ удовольствіи по временамъ удаляться въ свой замокъ, среди малаго, но избраннаго круга; толпу же сосѣдей показывать только въ важныхъ случаяхъ, на празднествахъ, какъ декорацію. Они съ отцомъ имѣли разныя понятія о деревенской жизни.

Пробывъ въ отсутствіи четыре или пять дней, воротился я въ Пензу. Она нѣсколько присмирѣла послѣ тѣхъ отзывовъ, которые сообщены были ей изъ Петербурга. *** въ ней не было, и по заочности не могъ бы онъ такъ сильно на нее дѣйствовать, еслибъ, какъ Илія возносясь, не бросилъ онъ мантіи своей, какъ Елисею, нѣкоему г. Бекетову.

Преемникомъ его былъ въ званіи прокурора г. Ламановъ, человѣкъ тихій и благородный; но въ немъ оставался онъ не болѣе полутора года, бывъ переведенъ вице-губернаторомъ во вновь учрежденную Томскую губернію. Тогда отставной маіоръ Бекетовъ, по ходатайству друга своего, ***, произведенъ въ надворные совѣтники и назначенъ на его мѣсто. Въ умѣ и познаніяхъ этотъ человѣкъ отсталъ даже отъ ***, но въ дерзости и безнравственности его самого превзошелъ.

Онъ былъ двоюродный братъ знаменитаго нашего поэта Дмитріева; къ тому же его звали Аполлонъ Николаевичъ, поэтому почиталъ онъ себя въ обязанности быть въ знакомствѣ съ музами и въ правѣ судить о литературѣ. И по этой части былъ онъ оракуломъ въ Пензѣ, то есть его сужденія принимались слѣпо, почтительно, но въ

тоже время невнимательно, какъ о дѣлѣ постороннемъ, ни до кого не касающемся, какъ рѣчь на непонятномъ языкѣ. А что̀ это было за глубочайшее невѣжество!

Первый годъ своего прокурорства онъ былъ довольно умѣренъ, пристоенъ; мы были тогда знакомы, и онъ просилъ меня съ скромною гордостію заглянуть въ оставленное имъ для службы его сельское убѣжище. На возвратномъ пути изъ Зубриловки долженъ я былъ перемѣнить лошадей въ селѣ его Черкасскомъ, и въ отсутствіе хозяина, но по его приглашенію, пошелъ смотрѣть его домъ. Онъ былъ каменный, двухъэтажный и поставленъ совсѣмъ поперекъ большой дороги; съ правой стороны была роща, съ лѣвой садъ; малое пространство между ними и домомъ было еще наполнено двумя откосами или пантдусами въ нихъ ведущими. Только подлѣ самаго дома, подъ откосами, съ обѣихъ сторонъ оставлено было для проѣзда по аркѣ, дабы никто не могъ ни проѣхать, ни пройти, не полюбуясь, не подивясь причудливости г. Бекетова. Внутренность дома отвѣчала наружности его: вездѣ безпорядокъ, по моему совсѣмъ непріятный, вездѣ претензіи на странность, все не на своемъ мѣстѣ. Напримѣръ, среди кабинета его нашелъ я гипсовую статую Амура (я ожидалъ найти Бахуса) съ извѣстною надписью, qui que tu sois, на столикѣ визитную карточку хозяина, на которой написано: pour prendre congé; наконецъ на крытой соломою конюшнѣ замѣтилъ я honny soit qui mal y pense. И что́ всего страннѣе, г. Бекетовъ прескверно говорилъ по-французски и не могъ почти слова сказать безъ ошибки.

Описывая первый пріѣздъ мой въ Пензу, упомянулъ уже я о госпожѣ Бекетовой, красотѣ холодной и суровой, блиставшей какъ солнце на снѣжныхъ равнинахъ. Такія женщины въ многочисленныхъ обществахъ служатъ ему только наружнымъ украшеніемъ, но въ семейной жизни они ея благополучіе. Какъ бы не замѣчая пороковъ мужа и слабостей отца, Прасковья Петровна Бекетова обоихъ почтительно и нѣжно любила, какъ долгъ, для матери была утѣшеніе, Провидѣніе для дѣтей, и она осталась до конца жизни набожною, благотворною, любимою и всепочитаемою. Какъ я всякому люблю отдавать справедливость, то и о самомъ Бекетовѣ долженъ сказать, что въ поступкахъ противъ жены его нечѣмъ было упрекнуть, равно какъ и въ лихоимствѣ. Эти двѣ обязанности почиталъ онъ священными.

Родители Бекетовой также находились тогда въ Пензѣ. Отецъ ея, Петръ Михайловичъ Опочининъ былъ добръ и слабъ характеромъ. Онъ былъ богатый Ярославскій помѣщикъ, но въ первой половинѣ жизни, черезчуръ любя ея наслажденія, какъ многіе другіе наши дво-

ряне, съ безпечностію истинно-русскою, успѣлъ все имѣніе прожить *); подъ старость лѣтъ въ чинѣ статскаго совѣтника, принужденъ онъ былъ принять должность совѣтника Пензенской Уголовной Палаты, въ тѣ поры еще довольно уважаемую.

О женѣ его, Александрѣ Ѳедоровнѣ, урожденной Ладыженской, скажу только, что она служила образцомъ дочери. При воспоминаніи о прежней роскоши, ни жалобы, ни упрека никогда изъ устъ ея не выходило: она имѣла эту тихую твердость, героизмъ женщинъ. Не знаю право, куда такія жены дѣвались? Нынѣ малѣйшая слабость мужа служитъ женѣ предлогомъ его преслѣдовать и, среди собственныхъ безпорядковъ, еще казаться жертвою. Въ этомъ отношеніи Европейскіе обычаи не моремъ, не прямо вошли къ намъ, а черезъ Польшу.

Пріязнь матери моей съ г-жей Опочининой, подчиненность мужа ея отцу моему, и увѣщанія сына ихъ, служившаго въ Петербургѣ, до нѣкотораго времени удерживали буйные порывы противъ насъ г. Бекетова. А этотъ шуринъ былъ ему весьма полезенъ, ибо находился въ самомъ завидномъ положеніи для молодаго человѣка. Ротмистръ конной гвардіи и любимый адъютантъ цесаревича Константина Павловича, съ пріятною наружностью и гибкимъ вкрадчивымъ характеромъ, онъ удивительно всѣмъ нравился и мужчинамъ, и женщинамъ. Онъ былъ ростомъ не великъ, но чудесно сложенъ, въ самомъ голосѣ имѣлъ что-то привлекательное, хотя въ немъ ничего не было женоподобнаго, а развѣ только одинъ императоръ Александръ болѣе его одаренъ былъ мужскимъ кокетствомъ. Ни передъ кѣмъ не унижаясь, онъ однакоже никому не показывалъ гордости, и, вѣроятно не любя печальныхъ лицъ, самъ старался всѣмъ улыбаться. Было ли это въ немъ врожденное благосклонное ко всѣмъ чувство, то сіе дѣлаетъ честь его сердцу; или въ столь молодыхъ лѣтахъ это уже было слѣдствіемъ разсчета, тогда оно служитъ доказательствомъ тонкаго ума. Всякій ищетъ пути къ возвышенію; а онъ не ошибся въ томъ, который избралъ. Передъ тѣмъ зимой я съ нимъ познакомился; но видѣлся съ нимъ не часто, или мнѣ такъ казалось, потому что всякій разъ

---

*) Не знаю, дозволено ли порицать слабость, когда она дѣлается почти всѣмъ общею и когда, такъ сказать, она есть дѣйствіе мѣстностей. Стѣсненные въ извѣстныхъ границахъ, во всемъ размежеванные, западные народы давно уже принуждены разчитывать. Но въ Россіи все еще такъ безпредѣльно, и власть царя, и настоящія границы, и будущее ея предназначеніе, что неудивительно, если въ коренныхъ ея жителяхъ такъ много преувеличеннаго и все такъ дѣлается на широкую руку. Болѣе всего это выказывалось въ Москвѣ. Но подождемъ: уже и въ ней ультрамотовство примѣтно уменьшилось; число помѣщиковъ въ Россіи навѣрное удесятерилось съ тѣхъ поръ, а число промотавшихся, конечно, не составляетъ и десятой доли противъ прежняго. Не доказываетъ ли это, что Нѣмцы не напрасно насъ обработываютъ?

обращеніе его и разговоръ были столь милы, что я бы его не наслушался.

Я обѣщалъ нѣсколько новыхъ портретовъ, нѣкоторые уже намаралъ, а остается еще довольно. При представленіи ихъ я не буду, какъ въ Кіевѣ, слѣдовать порядку адресъ-календаря: Пенза всегда была городъ дворянскій, а не казенный. Но какъ надобно какого нибудь порядка держаться, то я раздѣляю ихъ на враговъ, на пріятелей и на преданныхъ дому нашему.

Въ числѣ первыхъ къ сожалѣнію находились два семейства, дотолѣ связанныхъ съ моими родителями узами самой тѣсной дружбы. Одно изъ нихъ, семейство Ступишиныхъ, состояло изъ четырехъ лицъ и трехъ поколѣній. Я только что говорилъ объ Агніи Дмитріевнѣ, которую видѣлъ въ Зубриловкѣ; у нея была мать, у нея былъ мужъ, у нея была дочь. Сама она была женщина простая, суетливая, ни добрая ни злая и великая хлопотунья. За то мать ея, Елисавета Петровна Леонтьева, была одарена необыкновеннымъ умомъ, которымъ прикрывала всѣ недостатки стариннаго воспитанія; будучи малочиновная и небогатая вдова, и не самой строгой нравственности, она умѣла себя поставить на такую ногу, что никто не смѣлъ ей отказывать въ знакахъ наружнаго уваженія. Когда же она единственную дочь свою выдала за Пензенскаго губернатора, тогда похищенное ею право первенства обратилось въ законное, неоспоримое.

Иванъ Алексѣевичъ Ступишинъ открывалъ Пензенскую губернію, былъ первымъ въ ней губернаторомъ. Трудно было найти человѣка, у котораго голова была бы пустѣе; а между тѣмъ онъ избранъ Екатериной и, что̀ еще удивительнѣе, выборъ сей нельзя было осудить. Находившись долго въ военной службѣ, онъ былъ изъ числа тѣхъ строгихъ, точныхъ исполнителей даваемыхъ имъ предписаній, которые бываютъ полезны тамъ, гдѣ умствованія могли бы только запутывать дѣла. Какъ онъ былъ нрава серіознаго и весь исполненъ чести, доброты и справедливости и какъ онъ попалъ въ то счастливое время, когда правительство само поддерживало поставляемыхъ имъ начальниковъ, то, волею или неволею, всѣ почтительно ему повиновались. Къ тому же и дѣлъ сначала было немного; и въ нихъ, кажется, было столь же мало отвлеченностей, какъ и въ мысляхъ Ивана Алексѣевича. Оставивъ службу, онъ рѣдко показывался въ Пензѣ, хотя и жилъ въ тридцати верстахъ отъ нея, въ деревнѣ своей Пановкѣ.

Полученное имъ довольно большое наслѣдство послѣ брата и пожалованное ему имѣніе, вмѣстѣ съ небольшимъ родовымъ, составило ему до полуторы тысячи душъ; а какъ у него была одна только дочь, то и могла она почитаться богатою невѣстой, особенно въ провинціи.

Эта молоденькая, бѣленькая, полненькая дочь его, Александра Ивановна, имѣла самое пріятное изъ дурныхъ лицъ. Ея воспитаніемъ занималась преимущественно умная бабка ея Леонтьева, и хотѣла имъ прославиться, стараясь одарить ее всѣмъ, чего въ самой недоставало, и не щадя на то денегъ. Внучка оправдала ея ожиданія: отъ всѣхъ другихъ дѣвицъ въ Пензѣ отличалась скромностію, любезностію, знала иностранные языки и по-французски выражалась, какъ говорили тогда на немъ въ большомъ свѣтѣ; много читала, переводила и казалась чуждою даже маленькимъ дѣвичьимъ сплетнямъ. Голосъ ея былъ пріятный и въ согласіи съ нѣжностію, съ чувствительностію, которыя, какъ имѣлъ я случай узнать послѣ, были въ ней не столько врожденныя, какъ внушенныя иностранными гувернантками.

Никто изъ молодыхъ людей (которыхъ, впрочемъ, было немного) не смѣлъ къ ней подступиться, и еслибы маленькое, едва замѣтное предпочтеніе не ободрило старшаго брата моего Павла, которому она чрезвычайно нравилась, то онъ довольствовался бы любить ее въ молчаніи. Однакоже, они поняли другъ друга, воспламенились и объяснились; но дѣвица Ступишина, зная уже виды и надежды, не столько родителей, какъ гордой честолюбивой бабки, просила его до удобнаго случая хранить ихъ взаимную страсть. И дѣйствительно, г-жа Леонтьева, выдавъ глупую бѣдную сироту свою за генералъ-поручика и губернатора, могла надѣяться, что такая внука будетъ за канцлеромъ или за фельдмаршаломъ. А между тѣмъ дѣвочкѣ, восторженной отъ чтенія романовъ, довольно пріятно, въ тиши уединенія, на яву длить собственный романъ. Одинъ учитель, Французъ (эти люди всегда мѣшаются въ любовныя дѣла), который прежде того давалъ уроки, часто навѣщалъ Пановку, отвозилъ туда письма отъ брата и привозилъ оттуда на нихъ отвѣты. Письма ея были по-французски, а какъ братъ мой на этомъ языкѣ говорилъ нехорошо, а писалъ еще хуже, то тотъ же самый Французъ, болѣе со словъ, переводилъ Русскія его письма, а онъ уже потомъ списывалъ. Когда случилось мнѣ послѣ читать эти посланія молодой Ступишиной, то мнѣ казалось, что страсть и искусство выражать ее далѣе идти не могутъ; но еще позднѣе, когда я болѣе начитался романовъ, нашелъ въ нихъ цѣлыя страницы, уже мною читанныя. Какъ все это болѣе переписывалось чѣмъ сочинялось, то никакая любовная *переписка* названія сего такъ не заслуживаетъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и оба семейства, ничего не подозрѣвая, продолжали свои дружественныя сношенія и, не смотря на тридцать верстъ разстоянія, довольно часто другъ друга посѣщали. Наконецъ робкая дѣва осмѣлилась признаться во всемъ отцу, который одобрилъ ея желанія, и она поспѣшила сообщить о томъ моему брату.

Въ нетерпѣливой радости своей онъ обратился къ родителямъ, и они нашли все это дѣломъ весьма обыкновеннымъ, естественнымъ. Партія была самая выгодная, неравенство могло только быть въ одномъ состояніи; къ тому же въ провинціи это могло казаться соединеніемъ двухъ династій. Но не такъ думали Леонтьева и дочь ея; узнавъ истину отъ неосторожнаго старика, онѣ въ два-три дня успѣли совсѣмъ сбить его съ толку, и когда мать моя пріѣхала къ нимъ съ формальнымъ предложеніемъ, то госпожа Леонтьева, отъ имени всѣхъ, не весьма искусно, но довольно учтиво сдѣлала отказъ.

Можно себѣ представить, что̀ изъ того послѣ произошло, видя съ одной стороны женщину живую, самолюбивую какъ мать моя, а съ другой—раздраженную, бранчивую дуру Леонтьеву и дочь ея, и между ними услужливыхъ сплетчицъ и переносчицъ. Болѣе года прошло послѣ этого разрыва, когда во второй разъ пріѣхалъ я въ Пензу, и вражда была тогда во всей силѣ; за то и любовь молодыхъ людей также не угасала, и тайная переписка продолжалась еще года два.

Другое семейство, о коемъ я упомянулъ, было нѣкоторымъ образомъ продолженіемъ перваго. Говоря о молодости отца моего и о первыхъ связяхъ его въ Пензѣ, я назвалъ Ефима Петровича Чемесова, мужа древнихъ временъ. Болѣе тридцати лѣтъ существовала у него съ отцомъ моимъ дружба старинная, непоколебимая. Онъ былъ еще довольно молодъ, когда безпощадный для дворянъ Пугачевскій бунтъ достигнулъ Пензы. Всѣ бѣжали. Онъ остался, примѣромъ своимъ ободрилъ нѣкоторыхъ молодыхъ помѣщиковъ и, пользуясь довѣренностію и уваженіемъ, которыя имѣлъ даже между простымъ народомъ, изъ господскихъ людей, изъ мѣщанъ и изъ нѣсколькихъ поселянъ успѣлъ собрать почти цѣлый полкъ, который вооружилъ наскоро и назвалъ уланскимъ; надобно знать, что ни самъ онъ и никто изъ его сподвижниковъ никогда не бывалъ въ военной службѣ *). Съ этимъ войскомъ онъ выступилъ противъ непріятеля, но къ счастію былъ такъ уменъ

---

*) Не доказываетъ ли это, что всякій Русскій въ одинъ мигъ изъ мирнаго гражданина можетъ превратиться въ смѣлаго воина? И послѣ того какъ не видѣть, сколь безполезенъ отяготительный, изнурительный для государства обычай держать въ мирное время полмиліона подъ ружьемъ? Мнѣ кажется достаточно бы было однихъ кадровъ, когда могучій голосъ Царя можетъ въ короткое время и пятаго отъ сохи вызвать къ оружію. Неужели солдаты только для потѣхи и помпы царей? Тогда это тягостнѣе, чѣмъ роскошь десяти дворовъ. Мнѣ все кажется, что Славянское племя, разумѣется кромѣ Поляковъ (которые въ немъ выродки), имѣетъ въ себѣ что-то молочное, что-то бѣлое, свѣжее, прѣсное. Турки, равно какъ и Нѣмцы, берегутъ его въ погребѣ, въ преисподней; Пруссаки квасятъ его, гноятъ, чтобы сдѣлать изъ него какой-то сыръ; но тамъ, гдѣ оно свободно, появленіе непріятеля кипятитъ его какъ огонь, оно клокочетъ, и горячія его волны какъ лава поглощаютъ враговъ.

и остороженъ, что не хотѣлъ дать себя и людей своихъ даромъ зарѣзать. Сила мятежниковъ была уже такъ велика, что при первомъ появленіи его бы истребили; онъ довольствовался вести партизанскую войну, нападать врасплохъ на отряды вражьи, отбивать конвои, затруднять сообщенія, спасать бѣгущихъ отъ злодѣевъ, сохранять духъ повиновенія въ крестьянахъ. Онъ ничего не бралъ у жителей, ничего не стоилъ казнѣ, и содержалъ команду свою единственно отхваченнымъ у мятежниковъ. Удивительно, что такіе подвиги не были награждены, но въ нихъ самихъ находилъ онъ уже себѣ награду; ибо этою эпохой, по всей справедливости, всю жизнь свою гордился. Нѣсколько времени былъ онъ потомъ провинціальнымъ прокуроромъ и наконецъ воеводою (съ нимъ и прекратилось Пензенское воеводство). Такъ какъ маленькое тщеславіе всегда бываетъ слабая сторона добродушныхъ людей, то и онъ не былъ его чуждъ: на низкомъ каменномъ жильѣ построилъ онъ обширный деревянный домъ, понынѣ еще существующій, и сколь возможно лучше, по тогдашнему времени, его убралъ; почитая себя представителемъ царской власти, онъ назвалъ его дворцомъ, и когда въ торжественные дни послѣ молебна приглашалъ онъ къ себѣ чиновниковъ обѣдать, то всегда говорилъ: «Покорно прошу ко мнѣ во дворецъ».

Большую страсть имѣлъ онъ къ чтенію: все, что̀ было писано, печатано по-русски, подлинники и переводы, по какой бы части наукъ, о какомъ бы предметѣ то ни было, все онъ прочиталъ, но все безъ разбора, безъ системы, и еслибъ онъ приготовленъ былъ образованіемъ, то конечно былъ бы ученѣйшимъ тогда человѣкомъ. Страсть къ наукамъ изобразилъ очень хорошо въ немъ Загоскинъ, въ романѣ своемъ *Искуситель*. Но еще болѣе былъ онъ па́докъ на умъ; умныхъ людей обожалъ онъ, и потому ни мало ни удивительно особенное пристрастіе его къ единственной сестрѣ своей, вышесказанной Елисаветѣ Петровнѣ Леонтьевой. Несмотря на то, онъ однакоже сначала не хотѣлъ никакого принять участія въ ссорѣ ея съ нашимъ семействомъ. Къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ честностію, съ благородствомъ души, не соединялъ онъ тѣхъ строгихъ, твердыхъ правилъ, коими руководствовался отецъ мой; былъ снисходителенъ къ негодяямъ: довольствуясь на нихъ не походить, онъ выслушивалъ ихъ вранье и жалобы, оспаривалъ ихъ, потомъ молчалъ и, наконецъ, чуть ли не готовъ былъ съ ними соглашаться. Къ тому же онъ старѣлъ, слабѣлъ, начиналъ слѣпнуть и съ каждымъ днемъ становился подвластнѣе хитрой сестрѣ своей. Онъ не побранился, не поссорился съ отцомъ моимъ, къ тому не было ни малѣйшаго повода; но онъ вдругъ остылъ къ нему и такъ остался до смерти

своей. Впрочемъ съ обѣихъ сторонъ никто не слыхалъ отъ нихъ ни малѣйшей жалобы, ни малѣйшаго осужденія.

Когда отецъ мой прибылъ въ Пензу на губернаторство, тогда дворянство, обрадованное его пріѣздомъ, желая чѣмъ нибудь ему угодить, не нашло ничего лучше, какъ друга его Чемесова единогласно избрать своимъ губернскимъ предводителемъ. Тѣже самые люди, прибѣгая къ нему потомъ, старались увѣрить его, что долгъ и безпристрастіе требуютъ отъ него, чтобъ онъ былъ защитникомъ ихъ правъ противъ насилія; но ему не было случая за нихъ вступаться: никто не думалъ нападать на нихъ. Желая сколько нибудь сблизиться съ ослѣпленнымъ другомъ, отецъ мой, будучи въ Петербургѣ, настоятельно, убѣдительно, чрезъ Кочубея выпросилъ ему чинъ статскаго совѣтника. Сначала это старика было потѣшило; но Леонтьева скоро успѣла его увѣрить, что это сдѣлано было съ намѣреніемъ его унизить, и онъ почиталъ это жесточайшею обидой. Я былъ крестный сынъ его и, слѣдуя старому обычаю, по духовному родству обязанъ былъ его посѣщать. Какъ онъ, такъ и семейство его всегда встрѣчали меня съ распростертыми объятіями.

Семейство сіе было многочисленное; у него было четыре сына и пять дочерей. Супруга его, Мароа Адріановна, имѣла въ себѣ много оригинальнаго, была типомъ старинной дворянской спѣси и фамиліи Чемесовыхъ и Киселевыхъ, къ коимъ принадлежала по замужеству и происхожденію, почитала выше всѣхъ другихъ дворянскихъ родовъ въ Россіи. Она вела жизнь самую праздную; ни деревенскимъ, ни домашнимъ хозяйствомъ, ни воспитаніемъ дѣтей, ни даже угощеніемъ посѣщавшихъ ее, она никогда не занималась; не понимала другой любви, кромѣ супружеской, не предавалась особенной набожности, не любила выѣзжать, не думала о нарядахъ, не умѣла играть въ карты; а между тѣмъ никогда не знала скуки. Тьфу-пропасть, скажутъ иные, да что̀ же она дѣлала? А вотъ что̀: у ней была чудесная желѣзная память, вмѣстѣ (чему трудно повѣрить) съ чрезвычайнымъ любопытствомъ и удивительною скромностію. Она любила собирать вѣсти, но не разглашать ихъ; она ихъ копила, прятала и, не обременяя ее, наполняла ими память свою. Она была мастерица выспрашивать; все, что̀ отъ нея болѣе или менѣе зависѣло, служанки, даже мелкія дворянки и чиновницы не смѣли къ ней являться безъ короба вѣстей. Однакоже, далѣе Пензенской губерніи, изъ которой она никогда не выѣзжала, ни любопытство, ни свѣдѣнія ея не простирались. Зато уже въ ней знала она рѣшительно все: годъ, мѣсяцъ и день рожденія каждаго изъ дворянъ, у кого сколько душъ, сколько земли, сколько долгу и кому онъ долженъ. Этого мало, въ каждомъ домѣ извѣстна ей была вся его под-

наготная, она знала имена всѣхъ дворовыхъ людей и женщинъ, ихъ родство, ихъ поведеніе, милостивое или жестокое обращеніе съ ними господъ; ничего не записывая, всему вела она вѣрный счетъ. Въ этой женщинѣ можно было предполагать много философіи, она ни къ кому не имѣла пристрастія и никогда не чувствовала гнѣва, она была откровенна, правдолюбива и не терпѣла лжи; но сіи качества были иногда бичомъ общества. Вообще она рѣдко говорила о томъ, что̀ знала, но иногда совсѣмъ неожиданно приходила ей фантазія при всѣхъ начинать свои допросы. «Скажите, матушка, сколько вамъ лѣтъ?» или: «Какъ велико ваше состояніе?» Молодыя женщины, переходящія въ зрѣлыя лѣта, обыкновенно отъ словъ сихъ блѣднѣли: не было возможности утаить отъ нея ни одной недѣли; обличенія, доказательства были у нея тотчасъ готовы. «Не правда, случалось мнѣ слышать, я помню, это было тогда-то и такъ-то». И всѣ сіи публичныя испытанія дѣлались съ убійственнымъ хладнокровіемъ неумолимаго судьи. Имя Марѳы было дано ей очень кстати, ибо ей можно было сказать, какъ въ Св. Писаніи: *Марѳа, Марѳа, печешися о многихъ*.

Всѣ четыре сына Ефима Петровича служили; одинъ изъ нихъ достигъ генеральскаго чина, но ни который изъ нихъ не возвысилъ его имени, ни продлилъ его рода. Объ одной изъ дочерей его впослѣдствіи долженъ буду говорить съ подробностію.

Людей умѣренныхъ, которые не интриговали, избѣгали ссоръ съ нашими непріятелями, но и не дружились съ ними, въ глаза и за глаза были почтительны къ начальству, но и не искали съ нимъ короткости, однимъ словомъ, держались середины, такихъ людей было немного; почти всѣ они не были родомъ изъ Пензы, а находились въ ней только на службѣ. Перваго назову я вице-губернатора Сергѣя Яковлевича Тинькова, человѣка довольно пожилаго, малорослаго и щедушнаго, добраго и честнаго, который при Екатеринѣ еще былъ вице-губернаторомъ въ Тулѣ *). Его не любили, но онъ какъ-то всегда ускользалъ отъ Пензенской злости. Жену его Анѳису Никаноровну, урожденную Анненкову, я бы назвалъ Пензенской Шардоншей: она столь же широка была въ объемѣ, также была нашею вседневною, также румянилась до самыхъ рѣсницъ; два ряда крѣпкихъ, хотя и зеленыхъ, зубовъ посредствомъ постоянной улыбки она также всегда выставляла и также любила свѣтскія увеселенія, то есть хорошій, вкусный обѣдъ, наряды и бостонъ.

---

*) Утѣшительно было бы думать, что добродушіе доставляетъ долговѣчіе. Тиньковъ недавно только что умеръ 97 лѣтъ.

Вмѣстѣ съ Тиньковымъ засѣдалъ въ Казенной Палатѣ совѣтникъ ея, Аѳанасій Аѳанасіевичъ Докторовъ, двоюродный братъ извѣстнаго у насъ генерала. Онъ былъ Орловскій помѣщикъ, попромотавшійся, попроигравшійся старый франтъ, который служилъ по необходимости. Казались въ немъ странны не дѣянія его, а манеры, нарядъ и какой-то особенный, весьма забавный Французскій языкъ. Тогда въ платьѣ все было просто, гладко, одноцвѣтно; его же полосатые фраки, пестрые клѣтчатые жилеты, тканные, вязанные, вышитые, размадеванные отличали его ото всѣхъ; въ пятьдесятъ лѣтъ онъ румянился, сурмилъ брови, чернилъ себѣ волосы. Слѣдуя старинной модѣ, носилъ онъ двое часовъ, или, по крайней мѣрѣ, двѣ цѣпочки отъ нихъ, томпаковыя, или симилоровыя съ брелоками, которыя длинно висѣли изъ жилетныхъ его кармановъ и которыми онъ поигрывалъ, побрякивалъ. Передъ этимъ, былъ онъ директоромъ училищъ въ Перми и Тобольскѣ, и тамъ имѣлъ онъ случай набрать множество если не драгоцѣнныхъ, то самоцвѣтныхъ каменьевъ и употребить ихъ на разные мелкіе предметы, табатерочки изъ яшмы и порфира, перстеньки бирюзовые, аметистовые, коими покрыты были его пальцы и, наконецъ, двѣ цѣпочки изъ разныхъ камешковъ, которыя сверхъ жилета носилъ онъ крестообразно; всего же примѣчательнѣе въ его сокровищницѣ былъ огромный лаллъ, который при важныхъ оказіяхъ, въ видѣ застежки, являлся у него на груди.

Человѣкъ этотъ былъ опасенъ; онъ смѣшилъ при первомъ на него взглядѣ, и селадонство его, его ужимочная учтивость позволяли думать, что можно смѣяться надъ нимъ безнаказанно. Но бѣда, если онъ то замѣтитъ; голосъ его возвысится, глаза нальются кровію, онъ распѣтушится, заговоритъ о шпагѣ и заговоритъ серьезно. Страсть къ игрѣ его не покидала, и онъ въ ней почти всегда былъ несчастливъ. Любопытно было видѣть, съ какою учтивою улыбкою человѣкъ этотъ, обремененный семействомъ, проигрывалъ иногда послѣдній свой рубль; все заложить, все продать готовъ былъ онъ, чтобы быть исправнымъ въ платежѣ игорнаго долга. Своего, кажется, у него ничего не было, и онъ жилъ помощію богатаго брата глухой жены своей, Варвары Ѳедоровны, Орловскаго Креза, графа Степана Ѳедоровича Толстаго. О другомъ его ресурсѣ мнѣ что-то совѣстно говорить; по званію совѣтника Казенной Палаты онъ долженъ былъ находиться въ рекрутскомъ присутствіи, и эта обязанность доставляла ему средства и жить, и проживать. Какія противорѣчія бываютъ въ человѣкѣ! Съ весьма здравымъ разсудкомъ Докторовъ такъ дурачился и съ такою щекотливостію въ отношеніи къ чести прибѣгалъ къ средствамъ столь беззаконнымъ, можно сказать, столь безчеловѣчнымъ!

Дочери его были слегка помазаны свѣтскимъ образованіемъ и чрезвычайно какъ ломались. Въ молодости онѣ были несносны своимъ жеманствомъ, а нынѣ, въ старости почтенны твердостію, съ какою умѣютъ переносить бѣдность. Одна изъ нихъ пошла въ гувернантки и добросовѣстно, прилежно и съ великимъ успѣхомъ занимается воспитаніемъ дѣвицъ; другая всегда имѣла страсть къ живописи, пишетъ портреты и тѣмъ пристойно себя содержитъ. Право, можно подумать, что дѣло идетъ о Французскихъ эмигранткахъ.

По обстоятельствамъ, болѣе чѣмъ по склонности, принадлежалъ къ умѣренной партіи одинъ изъ почетнѣйшихъ жителей Пензы, дѣйствительный статскій совѣтникъ Егоръ Михайловичъ Жедринскій. Въ Петербургѣ провелъ онъ всю молодость свою, которую умѣлъ продлить за сорокъ лѣтъ. Онъ служилъ въ гвардіи, былъ только что сержантомъ въ Семеновскомъ полку, какъ нечаянный бракъ вывелъ его въ люди. Начальникъ этого полка, генералъ-аншефъ и Андреевскій кавалеръ Ѳедоръ Ивановичъ Вадковскій, долженъ былъ, какъ говорятъ, поспѣшить замужествомъ старшей изъ своихъ дочерей; надобно было сыскать жениха не слишкомъ взыскательнаго и потомъ наградить его за снисходительность. Это доставило Жедринскому не только скорое повышеніе, но и знакомство съ людьми лучшаго тогда общества въ Петербургѣ. Когда онъ овдовѣлъ, изъ гвардіи капитановъ вышелъ въ отставку бригадиромъ и пріѣхалъ потомъ въ Пензу предсѣдателемъ Гражданской Палаты, то отъ всѣхъ ея жителей постоянно отличался неизвѣстною имъ пристойностію въ разговорахъ и вѣжливостію въ обращеніи, особенно съ дамами. Хотя онъ былъ весьма уже не молодъ и некрасивъ собою, но съ любезностію, которой въ другихъ тогда не было, умѣлъ еще нравиться женщинамъ. Читалъ онъ мало, и такъ называемый духъ философіи и правила разврата, непосредственно отъ него вытекающія, почерпнулъ онъ, кажется, изъ разговоровъ, а не изъ книгъ. Потому-то безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти соблазнилъ онъ одну сиротку, Нѣмку, дворянку Раутенштернъ, жившую въ домѣ Чемесовыхъ. Когда состояніе ея сдѣлалось несомнѣнно, и стыдъ ея сталъ всѣмъ извѣстенъ въ маленькомъ городѣ, тогда она должна была лишиться покровительства своихъ благодѣтелей и могла найти убѣжище только у самого похитителя ея чести: вступиться за нее было некому, она была круглая сирота. Къ счастію ея, человѣкъ безъ сердца, воплощенный грѣхъ, прилѣпился къ младенцу, ею рожденному: безъ того онъ бы ее прогналъ. Вѣрно уже не ради Христа, Коего божества онъ не признавалъ, вѣрно не изъ состраданія, котораго никогда не зналъ, далъ онъ ей уголокъ, обязавъ быть его ключницей и нянькой его ребенка; всегда обременялъ

онъ ее потомъ своимъ презрѣніемъ, не уважая въ ней даже своей жертвы и матери своего сына.

Въ совершенномъ заточеніи, не смѣя никому показать лица своего, такъ провела лучшіе годы своей жизни хорошенькая, скромная дѣвушка, рожденная для добродѣтели, которой, разъ измѣнивъ ей, всегда потомъ оставалась она вѣрна. Мальчикъ подросталъ, отецъ отсѣкъ первый слогъ фамильнаго своего имени и оставилъ ему названіе Дринскаго. По связямъ, которыя сохранилъ онъ еще въ Петербургѣ, незаконнаго сына его записали сержантомъ въ гвардію и даже, слѣдуя тогдашнему злоупотребленію, въ малолѣтствѣ выпустили капитаномъ въ какой-то армейскій полкъ, стоявшій въ Пензѣ. Съ кончиною Екатерины, съ упраздненіемъ Пензенской губерніи, кончилась какъ его служба, такъ и служба несовершеннолѣтняго его сына.

Нѣжность къ сему сыну, неотступныя мольбы его, и участіе, которое самые равнодушные люди принимали въ злополучной судьбѣ бѣдной Раутенштернъ, въ началѣ царствованія Александра, заставили сѣдаго Ловеласа съ нею обвѣнчаться и болѣе для того, чтобы узаконить сына и дать ему свое имя. Нескоро бѣдная женщина рѣшилась показаться между людьми, несмотря на свое новое превосходительство, все искала послѣдняго мѣста въ обществѣ и долго еще сидѣла въ немъ, потупя взоры, какъ преступница.

Старику Жедринскому было болѣе семидесяти лѣтъ, когда жена его была полна, свѣжа и имѣла блестящіе взгляды. Но онъ былъ еще привѣтливъ, опрятенъ, говорилъ неглупо, подшучивалъ довольно остро и по большей части на счетъ добродѣтели, церкви, духовныхъ лицъ и обрядовъ. Не смотря на его ласки ко мнѣ, я чувствовалъ тайное отвращеніе отъ сего повапленаго гроба; я все видѣлъ печать ада въ сардонической улыбкѣ, до ушей обнажавшей беззубый ротъ его, и мнѣ казалось, что, говоря о немъ совсѣмъ не въ смыслѣ брани, можно было употребить названіе стараго чорта. Наказаніемъ его была страсть къ игрѣ; отъ нея онъ былъ весь опутанъ долгами, и это дѣлало его еще искательнѣе, ко всѣмъ ласковѣе. Не надѣясь много выиграть, но и не опасаясь проиграть, онъ съ госпожею Тиньковой былъ ежевечернимъ партнеромъ моего отца, который, не уважая его, но по сочувствію старыхъ людей къ другимъ старикамъ, жалѣлъ о немъ и не одинъ разъ имѣлъ случай дѣлать ему одолженія.

Совершенно въ его духѣ, въ его правилахъ былъ воспитанъ любимый сынъ его, Владиміръ Егоровичъ; но въ немъ было болѣе чувства и гораздо менѣе ума, чѣмъ въ отцѣ. Еще въ ребячествѣ, самъ родитель наставлялъ его во всѣхъ карточныхъ играхъ; и въ двѣнадцать лѣтъ сидѣлъ уже онъ съ большими за бостономъ; впослѣдствіи

ученикъ превзошелъ наставника, и его выигрышъ часто замѣнялъ неудачи послѣдняго; въ обоихъ, кажется, недоставало рѣшимости подняться на тѣ смѣлыя спекуляціи, отъ коихъ единственно по сей части обогащаются. Воспитанный эмигрантомъ Виконтомъ де-Мельвиль, молодой Дринскій изрядно говорилъ по-французски; стараясь подражать манерамъ отца своего, онъ черезчуръ пересластилъ, сдѣлался приторенъ и жемaненъ. Онъ слылъ красавцемъ, ему было осмнадцать или девятнадцать лѣтъ, когда увидѣлъ я его въ первый мой пріѣздъ, и я совсѣмъ этого не нашелъ: черты довольно правильныя, но совсѣмъ обыкновенныя, ничего не выражающія, лицо блѣдное, нѣсколько желтоватое, характеръ и разговоръ столь же безцвѣтные, какъ и лицо, которое одно только иногда умѣлъ онъ искусно расцвѣчивать; вотъ весь онъ. Совсѣмъ этимъ, какъ онъ былъ единственный молодой человѣкъ въ Пензѣ, то и почитался опаснымъ для женскихъ сердецъ; и дѣйствительно, не столько изъ собственныхъ злыхъ побужденій, сколько по наущенію отца, который думалъ оживать въ немъ, успѣлъ онъ завлечь нѣсколько легкомысленныхъ, чтобы хвалиться ихъ слабостію. Прокуроръ Бекетовъ также взялся быть его вожатымъ; но въ немъ не было довольно энергіи, чтобы когда либо дойти до высочайшей безнравственности.

Безпристрастіе, коимъ я все хвалюсь, къ сожалѣнію не дозволяетъ, какъ бы мнѣ хотѣлось, превознести похвалами людей, которые постоянно показывали приверженность отцу моему. Однакоже между ними одни отличались умомъ, другіе честностію и добротою; но были и такіе, или лучше сказать такой, въ которомъ ничего этого нельзя было найти. Такого звали Дмитрій Владимировичъ Елагинъ. Также, какъ г. Жедринскій, служилъ онъ въ Семеновскомъ полку и изъ капитановъ вышелъ въ отставку бригадиромъ и, также какъ онъ, опредѣленъ былъ въ Пензу предсѣдателемъ, но только Уголовной Палаты. Что-то такое похожее на воспитаніе оставило на немъ едва замѣтные слѣды, тогда какъ дурная компанія, посреди коей онъ жилъ, отзывалась во всѣхъ его сужденіяхъ, разговорахъ и даже тѣлодвиженіяхъ. Однакоже не надобно думать, чтобы онъ былъ забіяка, игрокъ, мотъ, или пьяница; въ немъ ничего не было такого, что̀ въ старину называли гвардейское молодечество, а скорѣе гаерство, которое можно было находить между нижними чинами во всякой гвардейской ротѣ. Тотъ, ктобы вздумалъ назвать его повѣсой, конечно захотѣлъ бы польстить ему: онъ просто былъ пакостникъ, лгунъ и пустомеля. Начиная старѣть, любилъ онъ вспоминать молодость и ко всему придирался, чтобы съ восхищеніемъ поговорить о царствованіи Екатерины, на которую взносилъ величайшія нелѣпости, между прочимъ, будто она удо-

стоивала его разговорами и называла mon enfant. Онъ былъ только дерзокъ на словахъ и чрезвычайно злорѣчивъ; это почти со всѣми его поссорило; но въ тоже время (чего я до сихъ поръ не могу понять), съ столь низкими пороками, человѣкъ этотъ былъ исполненъ страха и обожанія къ отцу моему, который его презиралъ и даже рѣдко съ нимъ говорилъ. Отогнать его было труднѣе, чѣмъ вѣрную собаку, и такъ терпѣли его, пока къ нему не привыкли. Что̀ бы мы ни дѣлали, а все болѣе или менѣе принадлежимъ къ своему вѣку: какъ въ молодости моей матери нельзя было жить безъ шутовъ, то со всѣмъ ея умомъ Елагинъ казался ей иногда забавенъ. Другое еще дѣло было со мною, когда г. предсѣдатель не былъ удерживаемъ законами благопристойности; отъ его росказней, отъ простонародныхъ прибаутокъ, отъ сквернословія его часто валялся я со смѣху. Простите меня, читатель: я былъ такъ молодъ, а въ Пензѣ была такая тоска! Что̀ касается до службы его, то не знаю что́ сказать; а говорили, будто онъ на пенсіи у секретаря своей палаты.

Одинъ бѣдный, выслужившійся дворянинъ, собою очень видный, женился на доброй, глупой и богатой невѣстѣ, дочери Василья Николаевича Зубова, двоюродной сестрѣ князя и графовъ Зубовыхъ. Иванъ Андреевичъ Маленинъ, въ званіи городничаго, начальствовалъ въ Пензѣ, когда, при Павлѣ, была она уѣзднымъ городомъ, и до нѣкоторой степени напоминалъ собою прежнихъ ея воеводъ и губернаторовъ. Безпеченъ, хотя и тщеславенъ, довольствовался онъ тою порціей величія, которая въ сей аристократической республикѣ, какъ единственному оффиціальному лицу, ему на долю доставалась, и съ дворянами довольно ладилъ. При вторичномъ открытіи губерніи онъ уже въ прежней должности остаться не хотѣлъ и сдѣланъ совѣтникомъ Казенной Палаты; тогда сталъ онъ въ ряды другихъ бояръ, получивъ въ городѣ великій вѣсъ отъ роли, которую передъ этимъ игралъ, отъ знатнаго родства, хорошаго состоянія и большаго хлѣбосольства. Онъ былъ мужикъ честный, правдивый, чистосердечный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ и осторожный: никогда не говорилъ неправды, но не всегда говорилъ правду. Его преданность отцу моему, безъ малѣйшей подлости, свободомыслящіе въ Пензѣ именовали подобострастіемъ, а онъ не хотѣлъ даже брать труда на нихъ сердиться. Маленькое чванство, лошади, псарня, вотъ всѣ его извинительныя слабости. Ученостію ни онъ, ни жена его не могли похвастаться: домашняго маляра своего называлъ онъ въ шутку Сократомъ, увѣренъ будучи, что Сократъ былъ великій живописецъ. Супруга его, Александра Васильевна, долго полагала, что всѣхъ медиковъ зовутъ Петерсонами, потому что первый, который ее лѣчилъ, носилъ сіе имя.

Господинъ и госпожа Дубенскіе, Григорій Львовичъ и Анна Егоровна, привязаны были не столько къ лицу, какъ къ мѣсту губернатора, и отъ одного къ другому переходили по наслѣдству. Онъ былъ молчаливъ и довольно угрюмъ, а она добрая женщина, большая болтунья и первая вѣстовщица въ городѣ. Между ними существовало странное условіе, предписанное мужемъ: она, которая наединѣ трепетала отъ его взгляда, должна была при людяхъ на него покрикивать, а онъ отмалчиваться и казаться у нея въ загонѣ.

Нѣкто Андрей Сергѣевичъ Мартыновъ, весьма еще не старый помѣщикъ и богатѣйшій женихъ въ провинціи, также какъ и Дубенскіе, любилъ безъ памяти власть; но свѣтской ему было мало: онъ прибавилъ еще къ ней духовную и былъ всегда на безсмѣнныхъ ординарцахъ какъ у епископа, такъ и у начальника губерніи. Въ его гостинной, на первомъ мѣстѣ, всегда висѣло изображеніе архіерея между портретами губернатора и губернаторши, разумѣется, господствующими: по мѣрѣ какъ назначаемы были новые, высылались они въ залу, гдѣ, по прошествіи двухъ десятковъ лѣтъ, составилась презанимательная портретная галерея.

Я бы никогда не кончилъ, еслибъ захотѣлъ представить всѣхъ странныхъ людей, коими тогда населена была Пенза. Я выбиралъ любопытнѣйшихъ изъ нихъ, а остальныхъ берегу въ запасѣ для будущихъ посѣщеній. Но объ одномъ человѣкѣ не могу здѣсь умолчать: онъ былъ мнѣ слишкомъ памятенъ.

Тяжкій, горькій опытъ показалъ мнѣ, что въ нашей Россіи каждый честный, умный и благородно-мыслящій человѣкъ, коему ввѣряется начальство, долженъ имѣть своего плута. При опредѣленіи отца моего, рекомендовали ему въ Москвѣ нѣкоего Арфалова или Арфалоса, бывшаго секретаремъ при Курскомъ губернаторѣ Бурнашевѣ, человѣкѣ извѣстномъ и почтенномъ, и вмѣстѣ съ нимъ оставившаго службу: это одно уже говорило въ его пользу. Огромная голова, высоко поднятая, твердый голосъ, смѣлая поступь, все, что̀ служитъ вывѣской честности, все это къ нему могло возбудить довѣренность самыхъ опытныхъ людей; но гордость, злоба, хитрая месть и алчность до времени скрывались за этою личиной. Онъ родомъ былъ Грекъ, не знавшій, однакоже, природнаго языка своего; но родился ли онъ въ Россіи или въ малолѣтствѣ вывезенъ откуда нибудь? Къ какому состоянію принадлежалъ онъ, гдѣ учился и какъ поступилъ на службу? Все это умѣлъ онъ задергивать непроницаемою завѣсой. Онъ былъ чрезвычайно уменъ и трудолюбивъ, и коварство Грека, какъ броню, облекъ еще въ Русское подъячество. Ему нуженъ былъ одинъ только человѣкъ, начальникъ его; но и съ нимъ отвергалъ онъ обыкновенныя

средства униженій и лести. Съ нимъ позволялъ онъ себѣ иногда отрывистыя возраженія, но видя настойчивость, отвѣчалъ на нее неодобрительнымъ молчаніемъ, за которымъ всегда слѣдовало быстрое исполненіе приказаній. Онъ старался изучить характеръ начальника, съ каждымъ днемъ становиться ему необходимѣе и мало-по-малу успѣвалъ увѣрить его, что за него готовъ онъ и въ огонь, и въ воду. Сильнѣйшій государственный человѣкъ въ послѣдніе годы жизни Александра слѣдовалъ этой же самой методѣ; но Арфаловъ можетъ почитаться изобрѣтателемъ ея.

Грустно было видѣть, какъ дерзкій этотъ мошенникъ овладѣлъ старостію бѣднаго отца моего. По большей части онъ же былъ причиной негодованія на него, а прикидывался добровольною жертвой, за вѣрность къ нему радостно выносящею отъ всѣхъ гоненія и такимъ образомъ нечестіе свое сплеталъ съ честію почтеннаго моего родителя. Почти со всѣми обходился онъ холодно, сухо; въ случаѣ же нужды всегда у него были готовы рѣзкіе обидные отвѣты: какое было ему дѣло! Будучи только секретаремъ губернатора, изъ-за него дѣйствовалъ онъ, какъ изъ-за укрѣпленія; смѣнятъ его, чтó за бѣда? Онъ примется за другаго. Съ самаго начала возненавидѣли мы другъ друга, никогда не говорили и не кланялись; и какъ ни молодъ я былъ, какъ ни робокъ при отцѣ, не страшась его гнѣва, при первомъ словѣ объ Арфаловѣ приходила ко мнѣ чудесная смѣлость, и я принимался его обвинять. Бѣдность, въ которой жилъ онъ съ своимъ семействомъ, была всегда побѣдоноснымъ отвѣтомъ въ устахъ моего родителя. Только при его преемникѣ построилъ онъ каменный домъ и купилъ деревню.

Чтобы скорѣе забыть этого человѣка, отправимся въ дорогу, на ярмарку, въ Саранскъ. Она обыкновенно бываетъ въ половинѣ Августа, около Успеньева дня, вскорѣ послѣ Макарьевской, которая отъ нея была не далеко и оканчивалась тогда къ 1-му Августа. Всѣ на сей послѣдней нераспроданные товары привозились на Саранскую, гдѣ и продавались дешевле, отчего она была богаче и многолюднѣе Пензенской. Сверхъ того, въ уѣздныхъ городкахъ, на небольшомъ пространствѣ, въ хорошее время года, ярмарки всегда бываютъ живѣе, кипучѣе, чѣмъ въ губернскихъ городахъ; на нихъ что-то похожее на лагерное житье, или на ту беззаботную, безцеремонную жизнь, которую ведутъ на минеральныхъ водахъ. Нѣсколько дней, проведенныхъ тамъ съ моимъ семействомъ, чрезвычайно возвеселили духъ мой. Только для того, чтобы показать, какъ мало въ это время дворяне брезгали мѣстами, и какъ они еще были уважены, скажу, что городничимъ въ Саранскѣ былъ тогда человѣкъ извѣстной фамиліи, имѣвшій тысячу душъ, братъ сенатора, Алексѣй Ѳедоровичъ Желтухинъ.

Въ самый день Успенія былъ въ Саранскѣ, проѣздомъ изъ Петербурга въ Саратовъ, оберъ-камергеръ Александръ Львовичъ Нарышкинъ и остановился въ немъ на цѣлыя сутки. Зачѣмъ бы, кажется, человѣку, который совсѣмъ не былъ хозяинъ, предпринимать столь трудныя путешествія въ дальнія свои деревни? Особенно тогда, какъ на столь великомъ пространствѣ, при каждомъ шагѣ долженъ былъ онъ встрѣчать недостатокъ и худое качество съѣстныхъ припасовъ? За тѣмъ-то именно онъ и ѣздилъ. Крѣпкое сложеніе самаго Русскаго человѣка онъ нѣсколько поразстроилъ вседневною, изысканною, прихотливою пищей; впрочемъ, здоровье его цвѣло, но вкусъ иногда притуплялся; доктора, вмѣсто діэты, совѣтовали ему путешествовать по Россіи, онъ долженъ былъ проголодаться; однимъ словомъ, въ Саратовъ ѣздилъ онъ за апетитомъ. Отецъ мой былъ съ нимъ знакомъ, и я было забылъ, что передъ этимъ, въ Апрѣлѣ, онъ меня ему представилъ, и первый разъ въ жизни былъ я у него въ Петербургѣ на истинно-аристократическомъ балѣ.

Кому тогда въ Россіи не извѣстны были наслѣдственные веселость духа, умъ, острота и любезность этихъ Нарышкиныхъ, не столько потѣшниковъ, какъ часто утѣшителей дальнихъ родственниковъ своихъ, членовъ императорской фамиліи. Старина еще показывалась въ широкомъ ихъ боярскомъ житьѣ, когда уже всѣ удовольствія новой образованной жизни блистали въ ихъ бесѣдахъ; и сія встрѣча, сіе соединеніе лучшаго изъ двухъ разныхъ временъ, дѣлаетъ ихъ незабвенными. Особенно, говорятъ, былъ примѣчателенъ Левъ Александровичъ, отецъ того, о комъ пишу; у того, говорятъ, все подавай на столъ и всѣхъ давай за столъ, и сколько бѣдныхъ дворянъ, возвращаясь въ свою провинцію, хвалились тѣмъ, что у него обѣдали: они могли думать, что были при дворѣ, ибо дворъ и Нарышкины всегда въ совокупности тогда являлись мыслямъ *). Александръ Львовичъ былъ уже гораздо разборчивѣе, а еще болѣе сыновья его.

Но и онъ сохранялъ еще въ себѣ типъ прежняго вельможества. Онъ не зналъ, что́ такое неучтивость, со всѣми, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, не только былъ ласковъ, даже фамильяренъ, безъ малѣйшаго, однакоже, урона своего достоинства. Вообще эти люди, съ пьедестала своего, какъ-то свободно, безбоязненно нагибались, какъ будто чувствуя, что упасть имъ никакъ невозможно. Будучи и въ Петербургѣ ко всѣмъ привѣтливъ, въ провинціи Нарышкинъ былъ особенно любезенъ съ гу-

*) Кто бы могъ ожидать! Когда я сіе пишу, ни одного Нарышкина нѣтъ при дворѣ, хотя еще ихъ довольно есть въ Россіи. Когда всѣ при дворѣ то, видно, Нарышкинымъ нѣтъ уже тамъ мѣста.

бернаторомъ и его сыномъ. Тутъ случился одинъ богатый помѣщикъ, Вельяшевъ, у котораго поваръ почитался и былъ дѣйствительно лучшимъ во всей губерніи; къ нему позвалъ отецъ мой его обѣдать, а къ себѣ на вечеръ и ужинъ; въ дорогѣ тѣмъ и другимъ остался онъ чрезвычайно доволенъ. Съ нимъ былъ меньшой сынъ его, Кирила Александровичъ, съ которымъ въ Петербургѣ пришлось мнѣ сказать слова два-три; тутъ я съ нимъ немного поболѣе познакомился, но гораздо короче въ слѣдующемъ году.

Возвратясь въ Пензу, я опять недолго въ ней оставался: отцу моему въ Сентябрѣ нужно было объѣзжать губернію, и онъ взялъ меня съ собою. Въ столь отдаленное время и въ столь отдаленной провинціи, проѣздъ губернатора могъ нѣсколько походить на тріумфальное шествіе; вездѣ ожиданія, вездѣ суета, вездѣ встрѣчи, вездѣ толпы народа, которыя стоятъ съ почтеніемъ, смотрятъ съ любопытствомъ; во всѣхъ уѣздныхъ городахъ лучшія квартиры, во всѣхъ деревняхъ лучшія комнаты господскаго дома. Обозрѣніе судовъ, тюремъ, дорогъ, мостовъ, переправъ, множество заботъ, у самихъ губернаторовъ отнимали все, чтó такія путешествія могли имѣть для нихъ пріятнаго. Но губернаторскому сыну оставались одни только удовольствія: наперерывъ старались угостить его, доставить ему разнаго рода наслажденія, разумѣется самыя грубыя, матеріальныя, и между ними, сказать ли правду?.. и довольно постыдныя, кои юноша, менѣе пылкій и болѣе цѣломудренный, чѣмъ я, отвергъ бы съ презрѣніемъ. Но чтò дѣлать, такъ ужъ тогда водилось.

Между селами въ Пензенской губерніи, Екатериною произведенными въ города, считались два: Мокшанъ и Городище, которыя, если возможно, были еще хуже Чембара. За то Краснослободскъ, Саранскъ, и Инсаръ, по народонаселенію своему, по торговлѣ и по числу церквей, и тогда уже были достойны названія городовъ. Многіе и понынѣ смѣются надъ бѣдностію и ничтожествомъ всѣхъ этихъ мѣстечекъ, разсыпанныхъ въ Россіи, именующихся городами, забывая, что каждое изъ нихъ можетъ быть зародышемъ большаго города и не примѣчая великихъ перемѣнъ, отъ одного только даннаго имъ имени въ нихъ послѣдовавшихъ. Еслибы одни только правильность линій, чистота и порядокъ ихъ отличали отъ другихъ казенныхъ селеній, то и тѣмъ бы они много выиграли. Какъ часто видимъ мы людей низкаго состоянія, мѣщанъ, даже простыхъ крестьянъ, внезапно разбогатѣвшихъ счастіемъ и оборотливостію въ торговыхъ дѣлахъ; любовь къ родимому мѣсту есть замѣчательная черта въ сихъ выходцахъ изъ бѣдности; къ ней примѣшивается маленькое тщеславіе, и они, на удивленіе и на зависть земляковъ, громоздятъ каменныя палаты. Глядя на нихъ и же-

лая не совершенно отъ нихъ отстать и заслужить имя настоящихъ горожанъ, другіе также начинаютъ строить опрятные домики и могутъ имѣть надежду съ нѣкоторою выгодою отдавать ихъ въ наймы судьямъ и канцелярскимъ. Раздробленіе имѣній и потребность общежитія также способствуютъ умноженію жителей въ сихъ городкахъ; самые мелкопомѣстные дворяне все уже не прежніе варвары, три времени года потрудясь въ полѣ надъ хлѣбопашествомъ своимъ, зимой скучаютъ въ домикахъ своихъ, занесенныхъ снѣгомъ; дороговизна губернскихъ городовъ пугаетъ ихъ бѣдность, а въ уѣздныхъ вмѣстѣ съ должностными лицами могутъ они составить нѣчто похожее на общество.

Разумѣется, я здѣсь говорю не объ уѣздныхъ городахъ, кои, будучи прибрежны большимъ рѣкамъ, ведутъ обширную торговлю, или имѣютъ давно заведенную промышленность, которая годъ отъ году болѣе процвѣтаетъ, но только о городкахъ, кои, лишены будучи всѣхъ способовъ, кромѣ тѣхъ, на кои я указалъ, однакоже, не падаютъ, а по маленьку все идутъ впередъ. Въ продолженіи почти сорока лѣтъ, неоднократно со вниманіемъ проѣзжая черезъ нихъ, я утвердительно могу сказать, что всѣ эти центрики растутъ и расширяются. Они порождены великою мыслію Екатерины, отъ нея ведутъ свое начало и развѣ тогда только погибнутъ, когда исчезнетъ объ ней память. Шестидесятилѣтняя жизнь для города младенчество, а наши ребята-города, право, не тощаютъ, а примѣтно укрѣпляются.

Усердствуя, если не благосостоянію, которое доставляютъ только время и труды, то по крайней мѣрѣ украшенію Пензенскихъ уѣздныхъ городовъ, отецъ мой выпросилъ чрезъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ двѣсти тысячъ рублей ассигнаціями, съ тѣмъ, чтобы, раздавъ ихъ дворянамъ, подъ вѣрные залоги, на положенные сроки, изъ капитала и процента, въ семь лѣтъ выстроить въ каждомъ изъ девяти городовъ большое каменное двухъ-этажное зданіе съ таковыми же флигелями, для присутственныхъ мѣстъ и жительства городничаго. Мнѣ пріятно теперь вспомнить, что всѣ сіи города сохраняютъ понынѣ памятники полезной заботливости отца моего *).

Изъ числа помѣщиковъ, коихъ посѣтили мы на семъ пути, двое-трое жили истинно по-барски; это были братья Хрущовы, Араповъ и Вельяшевъ. Если когда-нибудь случится мнѣ опять встрѣтиться съ ними въ моихъ воспоминаніяхъ, то, можетъ быть, скажу объ нихъ нѣ-

*) Я забылъ сказать, что отецъ мой склонилъ помѣщика Колокольцова продать въ казну за двадцать тысячъ рублей ассигнаціями два каменные дома, одинъ трехъ-этажный, а другой двухъ-этажный, которые по тогдашнему стоили полтораста тысячъ, и успѣлъ только за оказанную имъ умѣренность выпросить ему монаршее благоволеніе. Одинъ изъ сихъ домовъ доселѣ губернаторскій.

сколько словъ. Теперь поговорю объ одномъ пріѣзжемъ изъ Петербурга баринѣ, у котораго въ деревнѣ довольно скучно (для меня по крайней мѣрѣ) должны мы были пробыть почти сутки. Еще въ Кіевѣ, останавливаясь съ кавалерійскимъ полкомъ, коимъ онъ начальствовалъ, Михайло Алексѣевичъ Обрѣзковъ познакомился съ моими родителями. При Павлѣ подвергся онъ общей участи, былъ произведенъ генераломъ, украшенъ лентой, потомъ отставленъ и сосланъ; при Александрѣ опять былъ принятъ въ службу, но сначала только числился въ ней и жилъ, гдѣ хотѣлъ. Послѣ покойной жены его, урожденной Талызиной, досталось ему съ дѣтьми богатое наслѣдство въ Пензенской губерніи,—безконечная лѣсная дача, при коей устроилъ онъ обширный винокуренный заводъ; въ это имѣніе, которое тогда было единственнымъ источникомъ его доходовъ, пріѣзжалъ онъ по временамъ хозяйничать.

Отецъ его былъ нашимъ посланникомъ въ Константинополѣ; тамъ нашелъ онъ себѣ жену, въ этой странной кастѣ, въ этой помѣси, составленной изъ людей всѣхъ Европейскихъ націй, не имѣющихъ отечества и употребляемыхъ миссіями всѣхъ державъ; отъ нея произошелъ нашъ Обрѣзковъ и, кажется, наслѣдовалъ всей безнравственности ея родственниковъ. Есть пороки, которые вредятъ успѣхамъ человѣка, имъ подвластнаго, которые даже губятъ его; есть напротивъ другіе, которые способствуютъ его возвышенію, обогащенію. Одни только послѣдніе имѣлъ г. Обрѣзковъ. Отъ Востока, гдѣ онъ родился, принялъ онъ вмѣстѣ съ жизнію неутомимую алчность къ ея наслажденіямъ; а Европа восемнадцатаго вѣка научила его дѣйствовать осторожно, но не отступать ни отъ какихъ средствъ къ достиженію желаемаго. Онъ получилъ прекрасное свѣтское образованіе, имѣлъ много основательности, особенно разсчетливости въ умѣ; но ни единаго похвальнаго, благороднаго чувства, я увѣренъ въ томъ, не ощутилъ онъ ни разу въ душѣ своей. Не знаю, чему болѣе можно было дивиться, безумію ли его спѣси, или безстыдству его подлости? Отъ одного къ другому никто еще, какъ онъ, такъ быстро не умѣлъ переходить: сегодня имѣетъ онъ въ васъ нужду, хотя не очень великую, и готовъ вмѣсто ковра разстилаться подъ ногами вашими; но она удовлетворена, вы ему безполезны, и завтра же станетъ онъ васъ мѣрять глазами и обдастъ презрительнымъ, нестерпимымъ холодомъ. Въ Петербургѣ жилъ онъ въ самомъ аристократическомъ кругу и (еще разъ прошу позволенія заимствовать у Французскаго языка, чего нѣтъ въ нашемъ), владѣя въ совершенствѣ жаргономъ большаго свѣта, постоянно въ немъ удерживался. Тамъ разумѣется былъ онъ умѣреннѣе, тамъ съ каждымъ умѣлъ онъ очень тонко оттѣнять свое обхожденіе; только внѣ его предавался

онъ крайностямъ и готовъ былъ плевать на ту руку, которую вчера лизалъ.

Страсть его (никогда истинная любовь) къ женскому полу и желаніе ему нравиться тогда уже начинали его дѣлать смѣшнымъ. Ему было за сорокъ лѣтъ; однакоже, онъ еще очень молодилъ себя. Онъ былъ небольшаго роста, тонокъ, строенъ и чрезвычайно ловко танцовалъ; искусственная бѣлизна его лица спорила съ искусственною чернотой его волосъ, и яркій искусственный румянецъ покрывалъ его щеки; но раннее употребленіе косметическихъ средствъ повредило его кожѣ: она уже тогда казалась выкрашенною подошвой. Ничто не могло быть совершеннѣе механизма его наряда и въ изобрѣтеніи его непремѣнно долженъ былъ участвовать какой-нибудь скульпторъ: такъ было все пропорціонально, такъ все хорошо пригнато, гдѣ дополнено, гдѣ убавлено; вездѣ шнурованіе, тамъ винтъ, тамъ пружина; и въ этой бронѣ, въ которой выступалъ онъ противъ спокойствія женскихъ сердецъ, всѣ тѣлодвиженія его были такъ свободны, что никто не могъ бы подозрѣвать тутъ чего-нибудь поддѣльнаго. Чтобъ открыть всѣ таинства сего туалета, нуженъ былъ зоркій, любопытный мой взглядъ; по тѣснотѣ деревенскаго дома его, я спалъ съ нимъ почти въ одной комнатѣ; онъ вставалъ очень рано, а я, притворясь спящимъ, въ открытую дверь, полуоткрытымъ глазомъ могъ прозрѣть весь этотъ снарядъ и даже самую подошву лица его, къ утру уже полинявшую и пожелтѣвшую.

Туже самую осень посѣтилъ онъ насъ въ Пензѣ, остановился у насъ въ домѣ, прожилъ двѣ недѣли и по собственному выбору помѣщался въ занимаемыхъ мною комнатахъ; но дверь уже не отворялась, и я могъ его видѣть только въ полномъ блескѣ и устройствѣ. Онъ вставалъ всегда рано; иногда, когда я лежалъ еще въ постели, заходилъ онъ ко мнѣ и журилъ за лѣность, безъ церемоніи садясь ко мнѣ на кровать. Иногда необыкновенныя его ласки меня смущали, но онъ расточалъ ихъ всему семейству, всему дому и не оставлялъ безъ вниманія даже любимой собачки моей матери.

Полгода спустя, сдѣланъ онъ генералъ-кригскомисаромъ. Въ семъ званіи оставался онъ не болѣе двухъ лѣтъ; хищничество его сдѣлалось такъ очевидно, что, несмотря на сильное покровительство, онъ удаленъ отъ должности и преданъ суду, который однакоже оправдалъ его. Послѣ того пріискалъ онъ другое мѣсто, гдѣ болѣе наживы и менѣе отвѣтственности, мѣсто директора департамента внѣшней торговли, и очень долго занималъ его. Въ званіи сенатора сохранялъ онъ военный чинъ и мундиръ и продолжалъ въ немъ тянуться и пялиться; подъ конецъ съ размалеванной рожей казался онъ даже страшенъ Но

когда производство въ дѣйствительные тайные совѣтники лишило его эполетовъ, то съ отчаянія умылъ онъ лицо, бросилъ шнуровки и парики, обнажилъ сѣдины свои и принялъ человѣческій видъ.

Нѣсколько лѣтъ еще въ знакомствѣ со мною продолжалъ онъ оказывать прежнюю благосклонность; всѣ сношенія мои съ нимъ должны были прекратиться службой отца моего. При первой встрѣчѣ послѣ того, показалъ онъ мнѣ столь удивильное, столь наглое высокомѣріе, что съ тѣхъ поръ довольствовался я мѣняться съ нимъ презрительными взглядами. Гораздо послѣ, когда мнѣ счастіе нѣсколько улыбнулось, встрѣтясь со мною, вздумалъ онъ дружелюбно протянуть мнѣ руку; я обрадовался случаю, вспомня, что у него хирагра, схватилъ ее и такъ сильно сжалъ, что онъ долженъ быть закричать, послѣ чего отошелъ я съ извиненіемъ и поклономъ.

Нѣтъ, гнусенъ былъ человѣкъ, и скверна объ немъ память! Я говорю *былъ*, ибо въ живыхъ его не почитаю, хотя физически онъ не умиралъ. Его гордость, безчувствіе, эгоизмъ, сребролюбіе, развратъ безъ примѣси малѣйшей добродѣтели, нынѣ жестоко наказаны. Тамъ, гдѣ другіе находятъ награду и вѣнецъ долговременно понесенныхъ трудовъ, тамъ, гдѣ другихъ ожидаетъ уваженіе людей въ высокомъ чинѣ и глубокой старости, тамъ подавляется онъ всеобщимъ презрѣніемъ. Тотъ, который всю жизнь прельщеніями и деньгами соблазнялъ невинность и кучу жертвъ принесъ своему сластолюбію, на старости палъ безоруженъ въ сѣти, разставленныя распутницей, которая безъ большаго искусства умѣла превратить ихъ въ брачныя узы. Мгновенно прежній міръ исчезъ передъ нимъ: знакомые, родные, даже дѣти его оставили. Симъ послѣднимъ долженъ былъ онъ отдать родовое имѣніе первой жены, а награбленное скоро похитила у него вторая. Недуги, тѣлесныя страданія посѣтили его, и на одрѣ болѣзни онъ не утѣшенъ даже присутствіемъ той безстыдной женщины, которой онъ всѣмъ пожертвовалъ: она разъѣзжаетъ, тѣшится и рѣдко его навѣщаетъ. Сколько лѣтъ такимъ образомъ онъ уже не живетъ и умереть не можетъ! Если онъ сохранилъ разсудокъ и память, то ничего ужаснѣе сего положенія я не знаю. Симъ примѣромъ не хочетъ ли справедливое Небо устрашить ему подобныхъ? Или въ милосердіи Своемъ еще на этомъ свѣтѣ, для очищенія отъ грѣховъ, не послало ли Оно ему сей несчастный бракъ?—Я не понимаю, какъ столь ничтожное воспоминаніе могло такъ далеко меня увлечь. Вѣдь вышелъ цѣлый эпизодъ, который, можетъ-быть, я весьма не кстати здѣсь вклеилъ.

Прежде нежели оставлю Пензу, долженъ я поговорить о родственникахъ, которыхъ я въ ней имѣлъ и о коихъ я доселѣ умалчивалъ, потому что они жили болѣе въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ. Тетка моей

матери была второю женою Михаила Ильича Мартынова, у котораго ихъ было три; слѣдственно только дѣти втораго брака его были довольно въ близкомъ съ нами родствѣ. Изъ нихъ находилось тогда въ Пензѣ двое: Ѳедоръ Михайловичъ Мартыновъ и Наталья Михайловна Загоскина. Первый былъ не послѣднiй въ Пензѣ чудакъ. О немъ нельзя говорить, не объяснивъ напередъ, что̀ такое была супруга его, послѣдняя, какъ говорили, изъ своего роду и, кажется, послѣдняя въ родѣ тѣхъ женщинъ прежняго вѣка, коихъ Фонъ-Визинъ и Капнистъ такъ вѣрно изобразили, а Рахманова такъ удачно представляла на сценѣ. Она предпочитала деревенское житье городскому и постоянно имѣла пребыванiе, въ сорока верстахъ отъ Пензы, въ селенiи своемъ Кучкахъ. Тамъ, среди сельской тишины, почти ежедневно свирѣпствовали бури ея гнѣва; тамъ все трепетало передъ ней, тамъ била она дѣвокъ, сѣкла мужиковъ и терзала словами двухъ взрослыхъ падчерицъ. Но коль скоро завидитъ издали приближающуюся коляску или телѣжку на ресорахъ, спѣшитъ укротить свое бѣшенство и всякаго прiѣзжаго, внутренно посылая къ чорту, встрѣчаетъ съ отверстыми объятiями и словами: «Ахъ, батюшка, отецъ ты мой родной! Да какъ тебя Богъ занесъ, да какъ разодолжилъ, что пожаловалъ.» Потомъ, угощая дорогаго гостя, выжимала она улыбку на уста и нѣжнымъ голосомъ говорила слугамъ: «Другъ мой, голубчикъ Андрюша, подай это, прими то-то», а Ѳедя и Андрюша дрожали какъ листъ, ибо при улыбкѣ взоры ея сверкали еще яростiю.

Мужъ ея былъ совсѣмъ тому противное, ни къ кому не ласковъ, ко всѣмъ доброжелателенъ. Въ обществѣ иногда бывалъ онъ довольно непрiятенъ, всѣхъ прерывалъ, говорилъ громко, хохоталъ во все горло. Самый добрый и честный крикунъ, часто враль, а иногда и лгунъ по легковѣрiю, потому что готовъ былъ повторять всякiй слышанный имъ вздоръ, всякую умышленно сказанную нелѣпость, нужно ли къ этому прибавить, что въ Пензѣ былъ онъ первымъ вѣстовщикомъ? Съ такими склонностями и съ такою женою ему не очень весело было оставаться въ деревнѣ, и отъ того бо́льшую часть времени проводилъ онъ въ городѣ, гдѣ имѣлъ скромную квартиру: зачѣмъ ему бо́льшая, когда съ утра до ночи разъѣзжалъ онъ по гостямъ, собиралъ и развозилъ новости? Впрочемъ, съ сожительницею своею былъ онъ всегда въ совершенномъ согласiи, потому что злодѣйка любила его безъ памяти, берегла и тѣшила, потому что онъ былъ простосердеченъ, а она хитра, потому что онъ не имѣлъ большаго достатка, а она весьма хорошее состоянiе и, наконецъ, потому что она одна занималась хозяйствомъ, предоставляя ему въ полное распоряженiе все время его, которое, какъ мы видѣли, онъ съ такою пользою умѣлъ употреблять.

Глядя на сіе супружество, казалось, что видишь союзъ пѣтуха съ кошкою.

Потомство этого Михаила Ильича Мартынова, отъ всѣхъ трехъ браковъ, при многихъ похвальныхъ качествахъ, отличалось однимъ общимъ порокомъ—удивительнымъ чванствомъ, которое проявлялось въ разныхъ видахъ, смотря по характеру, положенію или образу воспитанія каждаго изъ происходящихъ отъ него лицъ. Такъ напримѣръ, Ѳеодоръ Михайловичъ чванился тѣмъ, что остался старшимъ въ родѣ Мартыновыхъ и, на подобіе сеніоровъ въ Нѣмецкихъ княжескихъ домахъ (о существованіи коихъ впрочемъ онъ не вѣдалъ), хотѣлъ быть главою многочисленнаго потомства отца своего, требуя отъ членовъ сего семейства знаковъ не только покорности, но и подобострастія, и тѣмъ не только не раздражалъ, даже потѣшалъ ихъ тщеславіе. Другое было въ немъ еще забавнѣе: это притязаніе на ученость, хотя въ Пензѣ, и въ то время, немногіе превосходили его въ невѣжествѣ. Въ доказательство просвѣщеннаго вкуса и любви къ наукамъ, завелъ онъ у себя въ деревнѣ кабинетъ рѣдкостей. Чтǒ это такое было, трудно себѣ представить! Сову ли кто убьетъ, ужа ли поймаетъ, скорѣе несетъ къ доброму барину; изъ одной велитъ онъ набить чучелу, кожу съ другаго натянетъ на палку. Пріятели, родные, старались посѣщать его не всегда съ пустыми руками, но не разорялись на покупку игрушекъ, коими дарили стараго ребенка: кто доставитъ ему заржавленный кусокъ желѣза, увѣряя, что это отломокъ сѣкиры или бердыша, найденный на древнемъ полѣ битвы; иной привезетъ ему свиной клыкъ, выдавая его за зубъ какого-нибудь рѣдкаго Американскаго дикаго звѣря; изъ Петербурга насылались ему купленные на толкучемъ рынкѣ подъ именемъ картинъ намалеванныя корки. Немногіе совѣстились и надѣляли его довольно порядочными вещицами. Для сего драгоцѣннаго собранія не было, однакоже, особеннаго помѣщенія; все это громоздилось въ трехъ низенькихъ пріемныхъ его комнатахъ, столовой и двухъ гостиныхъ; поворотиться бывало трудно, и особенно непріятно обѣдать посреди чучелъ. Странно въ немъ и то, что онъ увѣренъ былъ и другихъ увѣрялъ, будто читалъ всѣхъ иностранныхъ писателей, котораго бы при немъ ни назвали, только не помнитъ содержанія ихъ твореній; когда же начнутъ ему доказывать, что они никогда не были переведены на Русскій языкъ, а другаго кромѣ его онъ не знаетъ, то другихъ возраженій, кромѣ грубостей, онъ не находитъ.

Сестра, гораздо моложе его, не совсѣмъ была чуждою Мартыновской спѣси; но сія спѣсь едва была замѣтна среди любезности ея, привѣтливости ко всѣмъ.

Въ Пензѣ не находилось хозяйки дома болѣе пріятной Натальи Михайловны Загоскиной. Замѣчено, что тяжкія испытанія разнымъ образомъ дѣйствуютъ на людей: они болѣе раздражаютъ злыхъ, а добрыхъ научаютъ терпѣнію и снисходительности. Такъ было съ Натальей Михайловной. Почти въ ребячествѣ выдали ее за человѣка, хотя молодаго, но весьма страннаго. Съ самыми кипящими страстями, Николай Михайловичъ Загоскинъ любилъ добродѣтель и исполненъ былъ религіозныхъ чувствъ; безъ родителей, безъ совѣтовъ, совершенно свободный, хотѣлъ онъ отъ силы страстей оградиться неодолимымъ оплотомъ и затворился въ стѣнахъ монастыря. Тамъ болѣе года постился онъ, молился и готовъ былъ принять постриженіе, а плоть все одолѣвала духъ. Добросовѣстные монахи убѣдили его предпочесть супружество, какъ состояніе истинно-христіанское, если не столь святое, какъ монашество. Какъ онъ былъ весьма не бѣденъ, не старъ и не дуренъ собою, то легко было найти ему невѣсту, и въ награду за его добросердечіе Небо послало ему дѣвочку кроткую, умную и веселую. Съ нею обрѣлъ онъ счастіе, а она только благоразуміемъ и осторожностію могла наконецъ до него достигнуть; непримѣтно исправляя ихъ, должна была она переносить кучу странностей, которыя были слѣдствіемъ борьбы человѣческихъ слабостей съ упорною волею побѣдить ихъ. Проведя нѣсколько лѣтъ съ нимъ въ добровольномъ заточеніи, она умѣла извлечь его изъ него вмѣстѣ съ народившимся семействомъ.

Сіе семейство уже тогда было многочисленно. Нынѣ столь извѣстный Загоскинъ былъ первымъ плодомъ сего брака, и странности, которыя первые примѣры и первое воспитаніе въ немъ оставили, ни временемъ, ни треніемъ объ людей высшихъ сословій не могли быть изглажены. Ему было тогда лѣтъ четырнадцать, и уже по тогдашнему обычаю его готовили на службу, хотя ученіе его не только не было кончено, мнѣ кажется даже не было начато. Имя Миши, коимъ звали его, было ему весьма прилично; дюжій и неуклюжій какъ медвѣжонокъ, имѣлъ онъ довольно суровое, но свѣжее и красивое личико. Мнѣ онъ не нравился по тѣмъ же самымъ причинамъ, по коимъ многіе и теперь имѣютъ несправедливость не любить его: прежде не зналъ онъ существованія приличій свѣта, а послѣ мало объ нихъ заботился. Многіе и тогда обижались слишкомъ фамильярнымъ его обхожденіемъ. Какъ истинно-Русскій весельчакъ, любилъ онъ всегда безъ желчи, безъ злости, безъ малѣйшаго дурнаго умысла, подшучивать въ глаза надъ слабостями людей и такимъ образомъ, задѣвая самыя чувствительныя струны ихъ самолюбія, часто творилъ изъ нихъ непримиримыхъ себѣ враговъ; потомъ онъ же удивлялся и готовъ былъ сказать: да, ка-

жется, за что бы? Не только тогда, но и гораздо послѣ не могъ я подозрѣвать удивительнаго, оригинальнаго таланта, который такъ внезапно и ярко въ немъ развился; при всегдашней его разсѣянности, которая давала ему видъ легкомыслія, могъ ли я предполагать въ немъ тѣ постоянныя, глубокія наблюденія, кои снабдили сочиненія его столь живыми, вѣрно изображенными картинами? Кто бы какъ ни любилъ перо его, но кто узнаетъ сердце, которое имъ водило, тотъ полюбитъ человѣка, я увѣренъ въ томъ, еще болѣе, чѣмъ автора. Я скажу объ немъ, какъ Іисусъ объ Магдалинѣ: многое должно ему простить, ибо много любилъ онъ добро, исполненіе своихъ обязанностей, много любилъ Бога, отечество свое и весь родъ человѣческій. Его отпускали въ Петербургъ со мною, поручая его братскимъ моимъ объ немъ попеченіямъ. Ну, умѣли же найти ему наставника!

Во время нашихъ сборовъ, явился въ Пензѣ умный, богатый и брадатый Василій Алексѣевичъ Злобинъ, на обратномъ пути въ Петербургъ изъ Волжска и Саратова. Мнѣ теперь совѣстно вспомнить, какъ тогда за нимъ ухаживали: лучшаго пріема нельзя было бы сдѣлать вельможѣ; всѣ чиновники ходили къ нему являться, и у губернатора обѣдалъ онъ всякій день, занимая, какъ пріѣзжій гость, первое мѣсто. Послѣ того, кажется, трудно новыя поколѣнія слишкомъ упрекать въ поклоненіи злату. Однакожъ не мнѣ осуждать почести, оказанныя Злобину: онъ въ это время самымъ любезнымъ образомъ вызвался сдѣлать мнѣ великое одолженіе. Привыкнувъ къ нѣгѣ, онъ ѣхалъ одинъ въ просторной четвероместной каретѣ; я захворалъ, и онъ предложилъ мнѣ половину оной, съ обѣщаніемъ дорогой оберегать меня. Наши двѣ зимнія кибитки, моя и Загоскина, примкнули къ его поѣзду, и мы 4 Ноября отправились въ путь.

Старики прежде не охотно входили въ сужденія съ молодежью, и я Злобина зналъ только поверхностно; но тутъ, запершись въ каретѣ, въ безпрестанныхъ съ нимъ разговорахъ, узналъ я, сколько, безъ всякаго ученія, въ простомъ Русскомъ человѣкѣ можетъ быть природнаго ума: въ каждомъ словѣ сколько толку, какой великій смыслъ! Иногда онъ меня ими ужасалъ. Порабощеніе у насъ никогда до того не простиралось, чтобы, какъ у невольниковъ древняго міра и Новаго Свѣта, оно у крѣпостныхъ нашихъ отнимало даже время на размышленіе, а опасеніе проговориться заставляло ихъ быть осторожными въ рѣчахъ и кроткими въ выраженіяхъ. Изъ того произошли миліоны поговорокъ и пословицъ, составляющихъ народную мудрость, которая изъ рода въ родъ переходя, какъ умственное наслѣдство, все болѣе обогащается новыми мыслями. Въ этомъ, мнѣ кажется, ни одинъ народъ въ мірѣ не можетъ сравниться съ нашимъ.

Передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ выпалъ снѣгъ, стали морозы и сдѣлалось первопутье; оттого мы не ѣхали, а летѣли, и хотя по откупнымъ дѣламъ Злобинъ долженъ былъ останавливаться въ Саранскѣ и Арзамасѣ и промѣшкалъ въ обоихъ болѣе полутора сутокъ, все-таки пріѣхали мы въ Москву 8 числа, въ самый Михайловъ день. Тутъ мы разстались: онъ на другой день поѣхалъ далѣе, а я остался погостить у сестры.

Что̀ сказать мнѣ о тогдашней Москвѣ? Трудно изобразить вихорь. Съ самаго вступленія на престолъ императора Александра, каждая зима походила въ ней на шумную недѣлю масленицы. Я помню, какъ малолѣтнимъ случилось мнѣ быть въ комнатѣ, гдѣ изъ большихъ бутылей переливали наливки въ жестяной чанъ, а изъ него разливали по бутылкамъ, и какъ, не проглотивъ ни капли, я опьянѣлъ отъ одного пріятнаго ягодно-спиртоваго запаху. Тоже было со мною и въ Москвѣ: не имѣя ни много знакомыхъ, ни намѣренія долго въ ней оставаться, я подобно другимъ не веселился, а отъ однихъ разказовъ объ обѣдахъ и приготовленій на балы кружилась у меня голова. Въ ночи съ 28 на 29 Ноября поскакалъ я въ Петербургъ.

Дорогой случилось со мной нѣчто довольно забавное. Въ Твери остановился я въ извѣстномъ трактирѣ Итальянца Гальяни (который давно уже померъ, но котораго имя до сихъ поръ сохранила заведенная имъ гостиница). Я проголодался, промерзъ и спросилъ поѣсть; тутъ были офицеры какого-то кавалерійскаго полку, которые кого-то угощали, кого-то провожали и меня очень ласково пригласили съ собой обѣдать. Я даромъ наѣлся и, уступая потчиванію, еще болѣе напился, потомъ поблагодарилъ ихъ и пошелъ ложиться въ кибитку. Я проснулся передъ разсвѣтомъ и когда спросилъ, скоро ли пріѣдемъ на станцію, мнѣ сказали, что мы проѣхали Валдай и что я проспалъ болѣе двухъ сотъ верстъ. Чѣмъ свѣтъ, 1-го Декабря, прибылъ я въ неизбѣжный мнѣ Петербургъ, пробывъ не съ большимъ двое сутокъ въ дорогѣ. Я не знаю, какъ это случилось: я не ѣхалъ на курьерскихъ, не имѣлъ права торопить, слуга мой ничего лишняго не платилъ; но видно, счастіе приходило ко мнѣ во снѣ и приводило съ собой лихія тройки и лихихъ ямщиковъ.

VII.

Вотъ уже третій разъ, что̀ я пріѣзжаю въ Петербургъ, подумалъ я; неужели и нынѣ не болѣе посчастливится мнѣ въ немъ, какъ было доселѣ? Теперь я пріѣхалъ одинъ, никто не привозилъ меня, и даже я самъ привезъ младаго птенца, совсѣмъ не питомца Музъ, но который впослѣдствіи долженъ былъ содѣлаться однимъ изъ ихъ отличнѣйшихъ служителей. Теперь надлежало мнѣ самому промышлять о себѣ.

Какъ неимущіе провинціалы, начали мы съ Ямской и оттуда, сдѣлавъ нѣсколько поисковъ во внутренность города и открывъ довольно удобную квартирку неподалеку отъ Невскаго Проспекта, черезъ три дня съ Загоскинымъ въ нее переѣхали.

Едва счелъ я нужнымъ явиться къ Сперанскому и, не объявляя ему о моемъ намѣреніи, мимо его прямо графу Кочубею подалъ прошеніе, въ коемъ объяснилъ всю странность положенія моего. Опредѣленіе меня въ министерство не заставило себя долго дожидаться; черезъ два дня подписана бумага, но не совсѣмъ согласно съ моимъ желаніемъ и требованіемъ: ибо найдено невозможнымъ зачислить мнѣ въ службу все то время, въ которое ничего офиціальнаго обо мнѣ не было. Я и тѣмъ остался доволенъ; попавъ разъ на мѣсто, могъ я изъ него пріискивать другую, болѣе пріятную или выгодную службу. Пока я фиктивно служилъ, то ходилъ еще иногда въ экспедицію, а со дня опредѣленія въ нее, началъ забывать, какъ отворяются ея двери.

Веселость, царствующую въ Москвѣ, можно было также найти тогда и въ Петербургѣ, и въ той же степени, но въ умѣреннѣйшемъ, болѣе пристойномъ видѣ. Сколько припомню, я не видалъ тогда мрачныхъ лицъ, не слыхалъ недовольныхъ рѣчей. На награды были очень скупы; попасть въ службу ко двору, кромѣ тѣхъ, коимъ знатный родъ, вмѣстѣ съ богатствомъ, давалъ на то право, никто не смѣлъ и помышлять; доступъ въ большой свѣтъ былъ очень труденъ; ничто не возбуждало ни чрезмѣрнаго честолюбія, ни тщеславія, слѣдственно и зависти, и всякій жилъ про себя, отъ всего сердца веселясь въ своемъ кругу и не думая о лучшемъ. Дворъ отличался болѣе величіемъ, чѣмъ изысканностію и разорительною прихотливостію роскоши; въ частныхъ домахъ вмѣсто нея было изобиліе и съ златою умѣренностію всѣ души были въ покоѣ.

Меня одного, можетъ быть, терзало тогда желаніе чего-то лучшаго, чего-то высшаго. Прежняя скудость и разсчетливость Петербургской моей жизни мнѣ вдругъ наскучили; я сталъ гораздо лучше одѣваться, чаще нанимать лошадей, искать знакомствъ, ѣздить по вечерамъ и баламъ. Все это было гораздо забавнѣе, но кошелекъ мой примѣтно сталъ тощать, и я начиналъ (чего дотолѣ никогда не было) думать о томъ, гдѣ бы, въ случаѣ нужды, занять мнѣ денегъ? Изъ сихъ затрудненій былъ я выведенъ однимъ представившимся къ тому весьма удобнымъ случаемъ.

Въ Февралѣ мѣсяцѣ 1805 года всѣ начали толковать о посольствѣ, отправляемомъ въ Китай. Въ аристократическомъ мірѣ только о томъ и было разговоровъ; потому что знатный баринъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, оберъ церемоніймейстеръ, графъ Юрій Алек-

сандровичъ Головкинъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ. Столь многочисленнаго посольства никогда еще никуда отправляемо не было: оно должно было составиться изъ военныхъ, ученыхъ, духовныхъ лицъ и гражданскихъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ. Чего же лучше? сказалъ я себѣ и, много не подумавъ, началъ проситься о причисленiи меня къ свитѣ сего посольства.

Пользуясь ласковымъ приглашенiемъ Александра Львовича Нарышкина, сдѣланнымъ въ Саранскѣ и ободренный ласковымъ его прiемомъ въ Петербургѣ, раза два или три въ зиму былъ я у него на балахъ, удостоился даже нѣсколькихъ словъ отъ его Марьи Алексѣевны, и на вечерахъ сихъ почти успѣлъ побѣдить гордую свою застѣнчивость. Графъ Головкинъ былъ женатъ на родной сестрѣ его, Катеринѣ Львовнѣ, и почти всякiй день бывалъ у него. Какого мнѣ пути еще искать было? Но я вспомнилъ, что, передъ этимъ лѣтъ за пять, тотъ же самый Нарышкинъ все обѣщалъ опредѣлить меня пажемъ и ничего не сдѣлалъ. Какъ быть? Другаго средства не было, и я приступилъ къ нему съ своею просьбой. На этотъ разъ стоило мнѣ только намекнуть добрѣйшему Александру Львовичу о моемъ желанiи, и на другой же день письмо графа Головкина къ графу Кочубею испрашивало его согласiя на временное увольненiе меня изъ его вѣдомства. Я даже не успѣлъ еще быть представленъ послу, и мнѣ пришлось являться къ нему и благодарить его въ одно время.

Не польза наукъ, коихъ не было во мнѣ положено и первоначальнаго основанiя, заставляла меня предпринять столь отдаленное путешествiе, ни даже любопытство увидѣть землю, никѣмъ изъ Русскихъ моихъ современниковъ тогда не посѣщенную: поѣздка въ Германiю мнѣ показалась бы гораздо привлекательнѣе. Я уже признался въ томъ, какiя причины побуждали меня рѣшиться на двухгодовое странствованiе: я былъ угрожаемъ совершеннымъ безденежьемъ. Подъ именемъ дворянина посольства, опредѣленъ я былъ въ число его канцелярскихъ служителей; каждому изъ нихъ назначено по шести сотъ рублей серебромъ годоваго жалованья и, сверхъ прогоновъ, по тысячѣ рублей на подъемъ. Въ мои разсчеты входила также и родительская помощь; ибо я увѣренъ былъ, что отецъ, одобривъ мое намѣренiе, въ семъ случаѣ не пожалѣетъ для меня денегъ, въ чемъ и не ошибся.

Съ какою цѣлiю было отправляемо столь великолѣпное посольство? Вотъ о чемъ не догадался я даже спросить. Я былъ матросъ, который, сѣвъ на корабль, не подумаетъ узнать, зачѣмъ онъ плыветъ въ Остъ-Индiю, Бразилiю или Канаду. При сей мысли мнѣ право стыдно иногда бываетъ самого себя; но какъ я вспомню бо̀льшую часть моихъ товарищей, которые, какъ мнѣ кажется, также въ этомъ

предпріятіи видѣли одну продолжительную, веселую прогулку, то и нахожу себя извинительнымъ.

Признаюсь, я и до сихъ поръ полагаю, что само правительство въ этотъ дѣлѣ не имѣло никакого твердаго намѣренія и въ Китай посылало Головкина, такъ, на всякій случай, на удачу, на авось. Все было такъ молодо, такъ зелено, все дѣлалось такъ необдуманно; но всѣ побужденія были великія, прекрасныя. Молодость царя имѣла нужду въ дѣятельности, а продолжающійся миръ съ Европейскими державами давалъ ей мало пищи; тогда въ благородныхъ порывахъ своихъ обратился онъ къ Востоку и къ другимъ частямъ свѣта, дабы и первые мирные годы царствованія своего ознаменовать какими нибудь полезными, памятными событіями. Вотъ почему Русскіе корабли подъ начальствомъ Крузенштерна и Лисянскаго сдѣлали первое путешествіе вокругъ свѣта; съ ними Рѣзановъ отправленъ былъ посланникомъ въ Японію; ему же поручено было въ Америкѣ стараться о распространеніи нашей торговли и нашихъ владѣній; на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей строились новые города, открывались новые порты; за Кавказомъ Циціановъ велъ счастливую, славную войну съ Персіянами; надобно было, наконецъ, подумать и о Китайцахъ, отдаленнѣйшихъ нашихъ сосѣдяхъ. Тутъ явились Іезуиты, съ предложеніемъ усердныхъ услугъ, Іезуиты, которые при Екатеринѣ и до нея, при Польскомъ правительствѣ, имѣли столицу свою въ Полоцкѣ, а со временъ Павла поселились и въ Петербургѣ. Ихъ предложенія были чистосердечны: не зная никакой національности, сія папская милиція готова всегда удружить правительству, коего покровительствомъ она пользуется или отъ коего имѣетъ право его ожидать. Патеръ Груберъ, генералъ Ордена, чрезъ миссіонеровъ своихъ, имѣвшихъ тогда большое вліяніе въ Пекинѣ, приготовилъ Китайское правительство къ благосклонному намъ пріему. Князь Чарторыйскій управлялъ Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ и, способствуя нашимъ затѣямъ, съ столь великими издержками сопряженнымъ, можетъ быть внутренно смѣялся надъ ними. Нѣтъ, въ Россіи не должно было ожидать благословеннаго окончанія дѣлу, начатому подъ руководствомъ Поляка и Римско-католическихъ монаховъ.

При Аннѣ Іоанновнѣ и Биронѣ, когда Нѣмцы такъ заботились о пользѣ и чести Русскихъ, Савва Владиславичъ Рагузинскій, посланникъ ихъ, безъ всякой причины, вѣроятно изъ одной учтивости, отступился отъ владѣній нашихъ по самую рѣку Амуръ, на берегу которой наши крѣпостцы составляли уже цѣлую линію и былъ выстроенъ городъ Албазинъ. Сія земля, Даурія, имѣющая до полуторы тысячи верстъ протяженія и изобилующая всѣми дарами природы, до сихъ

поръ остается незаселенною и нейтральною, дабы Небесное царство не одною каменной стѣной, но и мѣстами необитаемыми было ограждено отъ опаснаго нашего сосѣдства. Надѣялись (такъ меня послѣ увѣряли) посредствомъ искусныхъ переговоровъ склонить Китайцевъ къ измѣненію сего условія и къ допущенію Русскихъ въ прежнія ихъ владѣнія.

Такъ какъ Китайцы самый церемонный народъ въ мірѣ, то чего же приличнѣе какъ послать къ нимъ оберъ-церемоніймейстера? Такъ какъ сношенія наши съ ними болѣе торговыя, чѣмъ политическія, то чего же выгоднѣе, какъ отправить къ нимъ президента Коммерцъ-Коллегіи? Графъ Головкинъ былъ и то, и другое; а сверхъ того человѣкъ весьма высокаго роста, величавъ, осанистъ, съ большимъ орлинымъ носомъ, умными глазами и медоточивымъ языкомъ: появленіе его должно было производить почтительный страхъ, довѣренность и любовь. Забыли только объ одномъ, о довольно важномъ во всякихъ дѣлахъ: о характерѣ человѣка.

Кажется, все потомство бывшаго при Петрѣ Великомъ, перваго графа Головкина, Гаврилы Ивановича, поселилось за границей, не отказываясь, однакоже, отъ Русскаго подданства и, не знаю по какому праву, продолжая владѣть имѣніями въ Россіи и пользуясь съ нихъ доходами. Сей пагубный примѣръ, который такъ распространился, и нынѣ заставляетъ только роптать, но всеобщаго негодованія еще произвести не можетъ. Когда Россія къ Европѣ станетъ въ таковомъ же отношеніи, какъ Ирландія къ Англіи, и столицы Запада будутъ поглощать всѣ плоды потовыхъ, кровавыхъ трудовъ нашихъ поселянъ: тогда только противъ сихъ добровольныхъ, вѣчныхъ, преступныхъ отчужденій отъ отчизны будутъ приняты сильныя мѣры. Какъ бы то ни было, отецъ посла Головкина никогда не бывалъ въ Россіи, женился на какой-то Швейцарской аристократкѣ и дѣтей крестилъ въ Реформатскую вѣру.

Когда сынъ его явился ко двору Екатерины, въ немъ, кромѣ имени, ничего Русскаго не было. Она приняла его въ гвардію, опредѣлила ко двору, женила на дочери любимаго своего Нарышкина и милостивыми словами привлекла его къ престолу своему, привязала и къ государству. Всѣ знатные молодые люди тогдашняго времени старались быть тѣмъ, чѣмъ ихъ сдѣлали судьба и воспитаніе: быть иностранцами съ Русскимъ именемъ; слѣдственно ничто не могло побудить его преобразоваться въ Русскаго. И онъ остался настоящимъ дореволюціоннымъ Французомъ, сохранивъ до глубокой старости всю ихъ любезность, ихъ самонадѣянность и легкомысліе. Одно только напоминало Швейцарское его происхожденіе по матери: удивительная его разсчет-

ливость, которую въ роскошной, мотоватой нашей Россіи позволяли себѣ называть скупостію.

Съ поверхностными познаніями, кои онъ имѣлъ, могъ онъ въ обществѣ, гдѣ никогда не углубляются въ обсуживаемые предметы и скользятъ по нимъ, казаться свѣдущимъ во всѣхъ наукахъ. Только въ дѣлахъ это было все ничтожество Русскихъ знатныхъ господъ новѣйшихъ временъ. За то̀, что за выходъ, что за важность, что̀ за представительность!

И это все было бы очень хорошо, еслибъ по крайней мѣрѣ дали ему сколько нибудь дѣльнаго и просвѣщеннаго секретаря посольства; но и тутъ умѣли сдѣлать выборъ еще хуже самого Головкина. Одинъ нахалъ, по имени Левъ Сергѣевичъ Байковъ, служившій въ конной гвардіи, подбился къ графу Маркову и въ 1801 году въ званіи канцелярскаго служителя поѣхалъ съ нимъ въ Парижъ; послѣ разрыва съ Бонапарте, онъ послѣдній изъ нашихъ оттуда выѣхалъ. Въ трехгодичное свое тамъ пребываніе, онъ исполнился не революціоннаго духа, который при первомъ консулѣ началъ исчезать, но нестерпимаго, неблагопристойнаго тона новой Франціи. Магницкій, его товарищъ, въ сравненіи съ нимъ казался скромнымъ; однимъ словомъ, съ ногъ до головы, въ немъ было что-то такое непотребное, что порядочной женщинѣ, кажется, не краснѣя нельзя было съ нимъ говорить. Въ буйной молодости цесаревичъ Константинъ Павловичъ охотно окружалъ себя подобными людьми; ихъ наглые пороки казались ему молодечествомъ, и Байковъ былъ въ числѣ его любимцевъ. Эта связь, смѣлость его и разсказы о Парижѣ дали ему большой ходъ въ обществѣ. Его пожаловали камеръ-юнкеромъ, хотя ему было гораздо за тридцать лѣтъ; но это для того, чтобы доставить ему пятый классъ и право на мѣсто перваго секретаря посольства въ Китай. Къ занятію сего мѣста считали его болѣе кого-либо способнымъ: онъ умѣлъ къ кому захочетъ подольститься, ничего не стыдился, не зналъ совѣсти, лгалъ безъ милосердія. Какъ же ему было не провести или, по просту сказать, не надуть Китайцевъ?

Второй секретарь былъ уже настоящій, природный Французъ графъ Ламбертъ *), который однакоже гораздо менѣе имъ казался, чѣмъ оба предыдущія лица. Какъ иностранецъ въ Русской службѣ, старался онъ съ ними ладить, хотя впрочемъ нельзя было его упрекнуть въ гибкости характера; онъ былъ довольно вѣжливъ, но холоденъ,

---

*) Его братъ былъ однимъ изъ извѣстныхъ, храбрѣйшихъ генераловъ нашей арміи. Солдаты его очень любили, находя въ немъ совершенно Русскаго человѣка. Они были эмигранты.

осторожен, скуп на слова и до того спесив, что никому почти не кланялся, а только легким, едва заметным наклонением головы давал знать, что отвечает на поклон. Перед этим, кажется, был он употреблен при миссиях наших в Копенгагене и Мадрите; но дипломатических способностей, видно, в нем или не было, или их не умели оценить: ибо, не смотря на предпочтение, даваемое у нас иностранцам для занятия посланнического места, он впоследствии никогда его получить не мог.

Третий секретарь посольства назывался Андрей Михайлович Доброславский, который ни доброй, ни худой славы никогда заслужить не мог. Он был в числе тех людей смирных, трудолюбивых, покорных, бездарных, можно сказать удобных, коих начальство так любит и мало уважает, которые в тихомолку продолжают службу и неприметно ее оставляют. Этот был уже совсем не Француз, ибо ничего не знал кроме Русскаго языка, и хотя на нем говорил чисто, а все-таки с примесью Украинскаго наречия. Находясь в Коммерц-Коллегии, из которой он никогда не выходил, знал он хорошо только одну таможенную часть; там сделался он известен президенту коллегии графу Головкину, который (я было и позабыл сказать), по званию сенатора, получил поручение обозреть и ревизовать все губернии, чрез кои он должен был проскакать. И на сей предмет взял он с собою сего великаго искусника.

Вот все почти, что́ составляло дипломатическую или деловую, письменную часть посольства; за тем следовала ученая часть, и наконец мы, которые молодостию, развязностию, красивым нарядом, даже самым числом, должны были служить к возвышению блеска посольства и важности посла.

И в этом отношении, без хвастовства скажу, все было очень удовлетворительно. Из аристократических гостиных молодые люди так и ринулись в невиданное, неслыханное посольство. Семи мест кавалеров и стольких же дворян посольства не было достаточно, чтоб определить всех просившихся, и это особенно шевелило мое самолюбие: с кем ни встретишься из знакомой молодежи, всякий спрашивает с недовольным видом (по крайней мере мне так казалось), какия у нас делаются приготовления, скоро ли поедем; а как ни браним мы зависть, как ни презираем ею, а все более из того хлопочем, чтобы произвесть ее. Во время странствования успеем мы познакомиться с моими спутниками, но считаю не лишним на первый случай здесь их представить.

Между кавалерами, первыми стояли по списку два дѣйствительныхъ камергера, Васильчиковъ и князь Голицынъ. Алексѣй Васильевичъ былъ одинъ изъ тѣхъ четырехъ братьевъ Васильчиковыхъ, изъ коихъ Иларіонъ Васильевичъ болѣе всѣхъ возвысился въ почестяхъ и сдѣлался извѣстнѣе. Ихъ рыцарями назвать было не можно; имя благородныхъ витязей имъ было приличнѣе, ибо всѣ они были Русскіе дворяне въ душѣ, и давно уже Псковская губернія гордится ихъ родомъ. Нашъ Васильчиковъ былъ не слишкомъ высокаго ума, за то высокъ былъ онъ сердцемъ, и еслибъ одного усердія, прилежанія было достаточно, чтобъ сдѣлаться искуснымъ въ дѣлахъ гражданской службы, то могъ бы онъ быть со временемъ лучшимъ изъ нашихъ государственныхъ людей. – Ни объ одномъ Голицынѣ скоро нельзя будетъ говорить безъ его родословной въ рукѣ: до того они размножились. Голицына, который находился при посольствѣ, звали Димитрій Николаевичъ; онъ былъ сынъ одного богатаго князя Николая Алексѣевича и княгини Марьи Адамовны, урожденной Олсуфьевой, и съ братомъ своимъ оставались они единственными потомками знаменитаго Димитрія Михайловича, пережившаго двухъ меньшихъ братьевъ, фельдмаршаловъ, Михайловъ Михайловичей и, по милости Бирона, кончившаго дни въ ссылкѣ. Объяснивъ такимъ образомъ родословную этого Голицына, кажется болѣе объ немъ сказать нечего, развѣ только то, что онъ былъ добрый малый, безъ претензій, чрезвычайно угреватъ и не виденъ собою. Онъ умеръ смертію героевъ на войнѣ съ Французами.

За тѣмъ слѣдуютъ четыре камеръ-юнкера: Нарышкинъ, Бенкендорфъ, Гурьевъ и Нелидовъ. Я уже сказалъ, что съ Кириломъ Александровичемъ познакомился я въ Саранскѣ; послѣ того въ Петербургѣ, въ домѣ отца его, знакомство сіе сдѣлалось короче; во время же путешествія нашего, его пріязнь, его постоянно хорошее ко мнѣ расположеніе не одинъ разъ были мнѣ весьма полезны. Онъ былъ примѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ сливались и смѣшивались два противоположные характера его родителей: онъ соединялъ въ себѣ Нарышкинское барство, роскошество и даже шутливость вмѣстѣ съ крутымъ нравомъ, благородными чувствами, бережливостію и аристократическою гордостію матери своей Марьи Алексѣевны. Онъ былъ еще весьма молодъ, но умѣлъ брать какой-то верхъ надъ своими товарищами, къ чему впрочемъ ему много способствовала любовь къ нему посла, по женѣ роднаго его дяди.

Константинъ Бенкендорфъ былъ меньшой и единственный братъ послѣ всѣмъ столь извѣстнаго, Александра Христофоровича. Онъ во мнѣ, какъ и во всѣхъ знакомыхъ своихъ, оставилъ по себѣ самую пріятную память. Не трудно было любить его: онъ былъ чрезвычайно

доброжелателенъ, съ тѣмъ вмѣстѣ уменъ и образованъ. Его мать изъ Германіи послѣдовала за великою княгиней, послѣ императрицей Маріей Ѳеодоровной, въ Россію, вышла замужъ за Русскаго генерала, но прожила недолго на чужой сторонѣ и четырехъ сиротъ своихъ завѣщала сей государынѣ. Съ такимъ покровительствомъ и съ счастливыми способностями, Константинъ Бенкендорфъ на всѣхъ путяхъ, кои иногда мѣнялъ онъ, встрѣчалъ успѣхи и честь. По его веселому нраву, по его разсѣянности можно было иногда принять его за Француза; но Нѣмецъ былъ виденъ въ Нѣмецкомъ прямодушіи, твердости, правдолюбіи, которыя, по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи, скоро останутся однимъ историческимъ воспоминаніемъ. По чувствамъ привязанности къ Россіи былъ онъ истинно Русскій, и сіе доказалъ онъ тѣмъ, что за границей въ поединкахъ стоялъ за честь ея.

Молодой, свѣжій, откормленный, упитанный тѣлецъ, туго начиненный словами, а не мыслями, сынъ будущаго министра финансовъ Гурьева, находился между нами и думалъ, что дѣлаетъ тѣмъ великую честь посольству. Онъ вмѣстѣ съ Бенкендорфомъ и Нарышкинымъ былъ воспитанъ въ пансіонѣ аббата Николя, почти въ одно время произведенъ съ ними камеръ-юнкеромъ и вмѣстѣ отправлялся въ Китай; въ семъ тріумвиратѣ конечно могъ онъ почитаться Крассомъ по его жадности и златолюбію. Въ самой молодости, когда все такъ живо представляется сердцу и уму, до одного ничто къ нему не доходило, другой былъ окутанъ какою-то густою оболочкою, чрезъ кою съ трудомъ проникали понятія. Когда, бывало, онъ просыпается и глядитъ во всѣ глаза, то долго, очень долго, не можетъ понять, что̀ говорятъ; около часу ему, бывало, нужно, чтобы въ мозгу своемъ пробудить способность мыслить. Все въ немъ было тупо и тяжело; это просто былъ желудокъ, облеченный въ человѣка. Но оставимъ его; судьба столько разъ носъ съ носомъ сводила меня съ нимъ, что въ случаяхъ поговорить о немъ не будетъ недостатка.

Нелидовъ, Любимъ Ивановичъ, былъ всѣми любимъ, ибо имѣлъ сердце столь же кроткое, нѣжное, какъ и наружность. Онъ былъ флигель-адъютантомъ при Павлѣ, когда старшій братъ его Аркадій Ивановичъ былъ его молодымъ любимцемъ и генералъ-адъютантомъ; оба они не избѣжали общей при немъ участи, были отставлены и высланы изъ столицы.

Седьмой и послѣдній изъ кавалеровъ посольства былъ коллежскій совѣтникъ Павелъ Петровичъ Карауловъ, передъ этимъ полковникъ Преображенскаго полка, высокій и красивый мужчина, но отвратительный своею приторностію и жеманствомъ. Полагая вѣроятно, что этимъ тономъ можно болѣе нравиться старымъ и богатымъ женщи-

намъ, къ коимъ не одинъ разъ нанимался онъ въ любовники, сохранялъ онъ его по привычкѣ и съ мужчинами. Взыскательность этихъ барынь провела уже нѣсколько морщинъ по лбу его, и вообще онъ, Васильчиковъ и Нелидовъ почитались у насъ стариками, потому что они были лѣтъ тридцати или безъ малаго, а мы лѣтъ двадцати или около того.

Между нами, семью дворянами посольства, самый знатный былъ Николай Ивановичъ (не знаю почему) Перовскій, побочный сынъ графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго; такъ по крайней мѣрѣ думалъ онъ и показывалъ то. У родителя его, какъ у Людовика XIV-го, были такія дѣти отъ разныхъ, не браковъ, а сожитій. Этотъ былъ отъ перваго, но воспитывался не въ родительскомъ домѣ, а у тетки Наталіи Кириловны Загряжской, гдѣ съ малолѣтства дышалъ онъ придворной атмосферой. И надобно сказать правду, онъ имѣлъ все, что̀ отличаетъ Русскаго аристократа: манеры большаго свѣта, совершенное знаніе Французскаго языка, а во всемъ прочемъ большое невѣжество. Другіе братья его, рожденные отъ послѣдующихъ сожитій, такъ же, какъ и онъ, получили названіе свое отъ Перовой рощи подъ Москвой, принадлежащей ихъ отцу, но, кажется, были имъ болѣе любимы и передъ старшимъ имѣли преимущество носить отческое его имя и называться Алексѣевичами. Они получили тщательное воспитаніе людей средняго состоянія, долженствующихъ пробиться службой и трудами. Онъ теперь почти ничто; они занимаютъ первыя мѣста въ государствѣ. Незаконнорожденныя дѣти находятся вообще въ фальшивомъ положеніи: природа даетъ имъ права̀, въ коихъ отказываютъ имъ законы; они стоятъ выше и ниже людей обыкновенныхъ состояній, такъ сказать внѣ общества; они не иначе какъ штурмомъ могутъ въ немъ брать свои мѣста. Въ этомъ случаѣ нашъ Перовскій былъ истинный герой: грудью шелъ онъ впередъ, продирался, затиралъ слабыхъ, обходилъ сильныхъ; дивились его дерзости, смѣялись надъ нею, но не мѣшали ему; и онъ, равный всѣмъ высшимъ, преспокойно сталъ смотрѣть великимъ бариномъ.

Исключая сына сенатора Теплова, также ничѣмъ кромѣ дурацкой спѣси непримѣчательнаго, да еще меня, Перовскій никого изъ другихъ товарищей своихъ не удостоивалъ разговорами. Сіи остальные собратія мои были нижеслѣдующіе.

Францъ Александровичъ Юни, маленькій, сухощавый, старообразный, увертливый Нѣмчикъ, не безъ ума, не безъ способностей, не безъ хитрости и слегка балагуръ. Онъ высоко не лѣзъ; едва знаемый графомъ Головкинымъ, онъ все увивался около Байкова и вмѣстѣ съ

секретаремъ Доброславскимъ и нѣкоторыми другими составлялъ его свиту и партію.

Корнѣевъ, коллежскій ассесоръ, лѣтъ тридцати отъ роду, служилъ въ Иностранной Коллегіи и не зналъ ни одного иностраннаго языка. Непонятно, какъ его всунули въ это посольство. Онъ былъ отмѣнно простъ и толстъ, неопрятенъ, лѣнивъ и вѣчно заспанъ; онъ, весь какъ будто былъ налитъ растопленнымъ жиромъ; когда шелъ онъ, то тѣло его трепетало какъ несомый на блюдѣ картофельный кисель; когда же лежалъ онъ, то похожъ былъ на засаленный тюфякъ.

Живой и веселый мальчикъ, Александръ Хвостовъ, сынъ столь извѣстнаго чрезвычайными порученіями въ Константинополь, эпикуреизмомъ, остроумный шутками и стихами Александра Семеновича Хвостова, былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ для меня сотоварищей. О послѣднемъ, также весьма молодомъ мальчикѣ, Клементѣ, рѣшительно нечего сказать.

Столь же принужденное молчаніе долженъ я хранить и въ разсужденіи нѣкоторыхъ другихъ лицъ, о которыхъ говорить не сто́итъ, но о коихъ упомянуть я считаю обязанностію. Напримѣръ, что́ бы я сказалъ о казначеѣ посольства, надворномъ совѣтникѣ Осиповѣ, о коммиссарѣ посольства, коллежскомъ совѣтникѣ Алексѣевѣ, о двухъ фельдъегеряхъ офицерскаго чина, Штосѣ и Михайловѣ? Наконецъ, объ аптекарѣ Гельмѣ? Ибо чего не было у насъ, въ нашей подвижной колоніи! Только изъ этого народа надобно изъять одного человѣка или, если вѣрнѣе говорить, изъ этого стада хочется мнѣ выхватить одну паршивую овцу.

У вышесказаннаго коммиссара Алексѣева, которому самому дѣлать было нечего, былъ еще помощникъ Эдуаръ Карловичъ Цирлейнъ. Сынъ бѣднаго Нѣмецкаго ремесленника, онъ выучился немножко порусски и по-французски и, съ этимъ малымъ запасомъ, пустился въ службу и дошелъ до того, чего люди съ достоинствами не часто достигаютъ. Онъ былъ маленькій, гаденькій, гниленькій, совсѣмъ пустой и безграмотный человѣкъ и въ посольствѣ почитался послѣднимъ изъ послѣднихъ. Головкинъ, у котораго служилъ онъ въ Церемоніальномъ Департаментѣ, взялъ его съ собою болѣе какъ прислугу, чѣмъ въ видѣ чиновника. Этотъ Нѣмецъ былъ еще скромнѣе Нѣмца Юни. Куда ему до Байкова! Онъ водилъ дружбу съ камердинеромъ посла и съ его поваромъ и по-пріятельски ходилъ къ нимъ завтракать. Долго послѣ того, изъ Церемоніальнаго Департамента перешелъ онъ въ Петербургскій Почтамтъ, гдѣ и понынѣ занимаетъ мѣсто равное званію старшаго столоначальника: выше сего по недостатку въ способностяхъ онъ никакъ стать не можетъ. И въ этомъ званіи онъ превосходитель-

ный, весь въ лентахъ и звѣздахъ, и получаетъ огромное содержаніе; чѣмъ могъ онъ заслужить сіе въ столь пустыхъ должностяхъ? Но онъ Нѣмецъ; а у насъ Нѣмецъ, лишь попади на тропу, безъ заслугъ, безъ стараній, одною силою существующаго между ними согласія, такъ и начнетъ подыматься вверхъ. Я не изъ зависти сіе говорю: можно ли завидовать Цирлейну? Еще менѣе изъ злобы: онъ малый смирный, и еслибы хотѣлъ, то и мухи не умѣлъ бы обидѣть; но мнѣ досадно и стыдно за Россію.

Еще не кончено, еще не всѣ названы и описаны, еще были при посольствѣ: исторіографъ, три переводчика, профессоръ живописи изъ Академіи Художествъ и съ нимъ два воспитанника, изъ нея выпущенныхъ, для снятія видовъ и костюмовъ; наконецъ, докторъ медицины, штабъ-лѣкарь и аптекарь, котораго я уже назвалъ.

Званіе или, пожалуй, должность исторіографа дана была меньшому брату почтеннаго генерала Сухтелена. Чтó такое былъ онъ въ Голландіи, мнѣ неизвѣстно; вѣроятно дворянинъ, ибо все семейство называлось фанъ-Сухтеленъ; но какія у него тамъ были занятія, какое мѣсто? Вотъ чего въ самомъ короткомъ съ нимъ знакомствѣ не могъ я у него вывѣдать. Видно, это мѣсто было не послѣднее, когда, въ соотвѣтственность тому, приняли его въ Русскую службу прямо коллежскимъ сóвѣтникомъ, передъ самымъ отправленіемъ въ Китай. Ему было гораздо за пятьдесятъ лѣтъ, чуть ли не подъ шестьдесятъ, и ничто уже въ немъ не было молодо: ни завидное его здоровье, поддерживаемое однакоже тщательными стараніями о его сохраненіи, ни самая всегдашняя веселость его, часто забавная, но никогда не живая. Въ немъ было слишкомъ много ума, хладнокровія и лѣности, чтобъ имѣть злое сердце; за то и чувствительности искать въ немъ было бы напрасно. Руфъ (то-есть Рохъ) Корниловичъ Сухтеленъ, былъ человѣкъ нынѣшняго времени, наипріятнѣйшій эгоистъ. Тогда еще ихъ было у насъ мало, и они почитались добрѣйшими людьми; и дѣйствительно, онъ словомъ никого не захотѣлъ бы обидѣть, по заочности едва задѣлъ бы человѣка легкою шуткой (все опасаясь сдѣлать изъ него врага, не изъ чего другаго), но уже не пошевелилъ бы пальцемъ, чтобъ оказать малѣйшую услугу. Онъ все житейское размѣрилъ по масштабу; вычислилъ всѣ пріятности жизни, равно какъ и всю тягость ея, всѣ ея страданія, и нашелъ, что въ совершенномъ спокойствіи духа и тѣла можно единственно обрѣсти блаженство въ мірѣ. Онъ спѣшилъ погасить въ себѣ первыя искры страстей и, размысливъ, какъ много стоитъ труда сдѣлать самого себя счастливымъ, счелъ излишнимъ пещись не только объ общемъ благѣ людей, но и кого-либо изъ нихъ въ особенности; всю нѣжную заботливость свою обращалъ

къ себѣ и, соблюдая сію нравственную діэту, долго и спокойно прожилъ вѣкъ.

Онъ тогда только оставилъ Голландію, когда Французская революція проникла въ нее съ оружіемъ и, пріѣхавъ къ брату въ Россію, всюду потомъ за нимъ слѣдовалъ. Находясь подъ крыломъ у ангела, вездѣ должно было ему казаться раемъ; холостой, но окруженный почтительнымъ къ нему, любезнымъ семействомъ, котораго не имѣлъ онъ труда ни воспитывать, ни содержать, имѣлъ онъ всякаго рода утѣшенія, и дни его текли безъ заботъ, но не безъ дѣла. Онъ любилъ читать и проводилъ жизнь у обильнаго для того источника: въ библіотекѣ брата своего. Чего онъ не зналъ? И что за необъятная, и съ тѣмъ вмѣстѣ для свѣта безполезная была въ немъ ученость! Въ первой молодости, когда въ числѣ не совсѣмъ потухшихъ страстей оставалось въ немъ сильное любопытство, ѣздилъ онъ за Океанъ, въ Голландскую Гвіану. Этотъ подвигъ, для него самого неимовѣрный, до того поразилъ его, что онъ никогда не упускалъ случая объ немъ поговорить, и я самъ столько разъ слышалъ названія Демерари, Эссеквебо и Суринами, что затвердилъ ихъ. Семейство генерала Сухтелена иногда скучало сими частыми повтореніями и, можетъ-быть, желая, чтобы новое впечатлѣніе изгладило старое, и свѣжіе любопытнѣйшіе разсказы замѣнили надоѣвшіе ему, уговорило старика отправиться въ Китай.

Изъ трехъ переводчиковъ, одинъ былъ для Монгольскаго языка, другой для Китайскаго, третій для Латинскаго, необходимаго въ сношеніяхъ нашихъ съ іезуитскими миссіонерами. Первый изъ нихъ, надворный совѣтникъ Игумновъ дожидался насъ на Китайской границѣ. Другой былъ коллежскій ассессоръ Владыкинъ, крещеный Киргизъ, который, не знаю какимъ образомъ, провелъ нѣсколько лѣтъ въ Китаѣ, выучился трудному его языку, и потому былъ опредѣленъ въ Иностранную Коллегію и получалъ въ ней чины. Онъ мало говорилъ, много улыбался и почитался у насъ не столько человѣкомъ, какъ запасною вещью, необходимою только на границѣ и за границей. Третій былъ коллежскій ассесоръ Христіанъ Андреевичъ Сруве, отъ котораго не такъ легко отдѣлаешься, какъ отъ двухъ предъидущихъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ завелась въ Россіи дипломатическая часть, служитъ въ ней фамилія Струве безпрерывно, исключительно; она плодуща и многочисленна, и потому нѣтъ у насъ почти миссіи, къ которой не былъ бы приткнутъ какой-нибудь Струве. Это цѣлый родъ общихъ мѣстъ, все люди самые обыкновенные, никогда выше, никогда ниже посредственности, которыхъ употреблять не безполезно, слишкомъ возвышать трудно. Изъ нихъ выродокъ, то-есть какъ карло въ семей-

ствѣ людей средняго роста, достался на долю Китайскому посольству. Онъ былъ, какъ сухарикъ, тоненькій и крошечный, тихъ нравомъ, нѣженъ сердцемъ, пылокъ воображеніемъ. Путешествіе, которое начиналъ онъ съ нами, было для него не первое въ этомъ родѣ: лѣтъ двѣнадцать передъ этимъ, находился онъ въ свитѣ Кутузова, когда, послѣ Ясскаго мира, ѣздилъ онъ посломъ въ Константинополь; восточные обычаи ему уже были извѣстны. Онъ былъ тогда еще невинный юноша и любилъ предаваться мечтаніямъ, среди коихъ одинъ разъ забрелъ онъ въ какое-то мѣсто, далеко отъ жилищъ, гдѣ былъ встрѣченъ наединѣ неистовымъ янычаромъ, который жестоко оскорбилъ его честь; сіе происшествіе сильно подѣйствовало на его нервы и навсегда оставило въ немъ примѣтную робость. Онъ съ ребячества исполненъ былъ религіознаго чувства; на бѣду его, явились мистическіе писатели, Сведенборгъ, Эккартсгаузенъ и Юнгъ-Штиллингъ; чтеніе сихъ авторовъ, въ которое погрузился онъ, изсушило и безъ того уже тощій мозгъ его. Онъ сталъ грезить на яву и всѣмъ разсказывать, какъ на Невскомъ Проспектѣ, среди дня, видѣлъ онъ отца своего, давно уже умершаго, въ алмазныхъ сапогахъ; житель другаго міра не могъ сообщаться съ нимъ языкомъ смертныхъ, а хотѣлъ показать ему, что онъ на пути къ вѣчному блаженству. Въ Петербургѣ все предвѣщало, что бѣдный духовидѣцъ будетъ жертвой и забавой вѣтреной нашей молодежи. Мнѣ одному былъ онъ жалокъ: его простодушіе, его дѣтская улыбка, когда изрѣдка бывалъ онъ веселъ, даже неудовольствіе, которое показывалъ онъ, какъ ребенокъ, который дуется и не смѣетъ заплакать, все располагало меня къ состраданію, котораго не понимаю какъ другіе не раздѣляли.

Никакого сожалѣнія не возбуждалъ во мнѣ другой чудакъ, также отмѣченный еще въ Петербургѣ мѣломъ и назначенный кандидатомъ въ придворные шуты Головкина; этотъ былъ зубастъ, громогласенъ и всѣмъ такъ и рѣзалъ правду. Русскій живописецъ, Андрей Ефимовичъ Мартыновъ, дѣйствительно былъ чрезвычайно смѣшонъ. Онъ былъ не безъ таланта, и хотя онъ почиталъ себя выше Рубенса и едва ли не выше Рафаэля, имя его не блеститъ въ художественной нашей лѣтописи, и Академія не гордится его произведеніями. Виноватъ и каюсь: маленькою лестью успѣлъ я овладѣть имъ, и когда бывало разсержусь на кого изъ сильныхъ, то заряжу его своею злостію и изъ устъ его, какъ изъ отверстія пистолета, пущу выстрѣлъ. Бывало, бѣсясь, расхохочутся; но въ послѣдствіи, замѣчая, что не всегда онъ неудачно замахивается, а иногда довольно тяжело умѣетъ ранить, стали рѣже его дразнить и болѣе остерегаться.

Два рисовальщика, данные ему въ помощь, Александровъ и Васильевъ, довольно хорошо знали свое дѣло, но были замѣчаемы тогда только, когда приносили и показывали свои рисунки. Ни который изъ нихъ не прославился послѣ въ живописи.

Главнымъ медикомъ при посольствѣ былъ Реманъ, только что прибывшій изъ Германіи. Это путешествіе и знакомство, которыя оно ему доставило, было первымъ его успѣхомъ въ Россіи; но и безъ того имѣлъ онъ все, чтобы сдѣлать себѣ въ ней имя и состояніе: былъ уменъ и добръ, веселъ и остороженъ, искателенъ и благороденъ, а какъ врачъ ученъ и искусенъ. Къ счастію, кажется, никто не имѣлъ нужды прибѣгать къ его помощи въ продолженіи нашего странствованія, и по окончаніи его почитался онъ только пріятнымъ собесѣдникомъ. Извѣстность пріобрѣлъ онъ вскорѣ послѣ того, жилъ счастливо и умеръ гражданскимъ генералъ-штабъ-докторомъ.

Штабъ-лѣкарь Гарри, Англичанинъ, взятый прямо съ корабля и посаженный въ посольскую коляску, былъ молодъ, красивъ, молчаливъ, гораздо серіознѣе Ремана и, также какъ онъ, не имѣлъ у насъ случая показать своего искусства. Послѣ того служилъ онъ при дворѣ.

Уфъ, какъ я усталъ, и какъ бы хотѣлось скорѣе кончить сію длинную номенклатуру! Но когда я упомянулъ даже о фельдъегерѣ Штосѣ, то какъ же пропустить графа Ивана Потоцкаго, просвѣщеннѣйшаго и оригинальнѣйшаго изъ Поляковъ, который по случаю отправленія нашего посольства былъ принятъ въ Русскую службу тайнымъ совѣтникомъ? Какъ не говорить о людяхъ, составлявшихъ у насъ ученую часть, которой управленіе или, лучше сказать, направленіе, поручено было сему Потоцкому? Онъ почти столько же, какъ и старшій братъ его, графъ Северинъ Осиповичъ, умѣлъ наукѣ давать удивительную привлекательность и насъ, невѣждъ, заставлялъ приступать къ ней не только безъ боязни, но и съ особеннымъ наслажденіемъ. Въ историческихъ и другихъ изысканіяхъ своихъ былъ онъ упорно трудолюбивъ, какъ Нѣмецъ, а въ заключеніяхъ, кои выводилъ онъ изъ своихъ открытій, легкомысленъ, какъ Полякъ. Неутомимыя его упражненія, безпрестанное напряженіе умственныхъ силъ, вмѣстѣ съ игривостію самаго живаго воображенія, кажется, были нѣсколько вредны для его разсудка. Говорятъ, что жемчужины не что́ иное, какъ накипь въ морскихъ раковинахъ, ихъ болѣзнь: такъ точно и легкое поврежденіе разсудка у Потоцкаго произвело прекрасные перлы, два Французскіе романа. Немногіе, кои читали ихъ тогда, дивились ихъ смѣлой новости; въ нихъ былъ виденъ и наблюдатель, и мечтатель, и изобрѣтатель, и свѣтскій, и ученый человѣкъ. Кажется, въ нихъ также можно видѣть и типъ нынѣшнихъ романовъ; они, по крайней мѣрѣ,

могли бы служить имъ образцами: такъ всѣ безобразные, отвратительные и ужасающіе предметы въ нихъ скрашены искусствомъ и пристойностію автора.

Странности его были замѣтны въ самомъ нарядѣ; онъ былъ въ одно время и небреженъ, и чистоплотенъ, совсѣмъ не заботился о покроѣ платья своего, но всегда былъ изысканно опрятенъ. Иногда по недосугамъ не имѣлъ онъ времени дать обрѣзать себѣ волосы, и они почти до плечъ у него развѣвались, какъ вдругъ, въ минуту нетерпѣнія, хваталъ онъ ножницы и самъ стригъ ихъ у себя на головѣ и вкривь и вкось, послѣ чего, разумѣется, смѣшилъ всѣхъ своею прической. Въ отношеніи къ Головкину, велъ онъ себя отмѣнно прилично, не подавалъ ему ни малѣйшаго повода къ неудовольствію, за то и не баловалъ излишнею почтительностію. Всегда углубленный въ науку, онъ заслонилъ себя ею отъ нашихъ сплетенъ, хотя и жилъ посреди ихъ. Онъ былъ немного кривобокъ, и правое плечо было у него выше лѣваго; имѣлъ лицо блѣдное, черты довольно пріятныя, глаза голубые и, нѣтъ въ томъ сомнѣнія, точно помѣшанные.

Онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ женатъ на одной изъ двѣнадцати или пятнадцати дочерей графа Потоцкаго же, Феликса, котораго въ переводѣ Поляки называли Щенснымъ, то есть Счастливымъ, вѣроятно потому, что онъ весьма счастливо измѣнилъ старому своему отечеству; сыновья же сего Феликса, чтобы загладить его преступленіе, измѣняли новому, а дочери измѣняли только мужьямъ. Ту, которая была за нашимъ Яномъ Потоцкимъ, звали Констанція, хотя она была непостоянна, какъ всѣ Польки, ни болѣе, ни менѣе, и мужъ любилъ ее безъ памяти, хотя она была хромая и хотя она его терпѣть не могла, потому что почитала горбатымъ. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ нашего путешествія, она бѣжала отъ него съ какимъ-то родственникомъ; но по крайней мѣрѣ не хотѣла, подобно другимъ своимъ соотечественницамъ, вмѣшивать религію въ дѣла распутства, не разводилась съ нимъ и не выходила ни за кого замужъ. Въ отчаяніи о ея потерѣ онъ зарѣзался бритвою.

Профессоръ астрономіи, статскій совѣтникъ Шубертъ, почитался въ посольствѣ старшимъ между своими собратіями. Что̀ мнѣ говорить о его знаніи? По наукѣ своей онъ давно уже у насъ знаменитъ и препрославленъ; только нѣсколько словъ о его наружности и характерѣ. Онъ былъ длинный, сухощавый, учтивый, но иногда весьма сердитый и взыскательный старикъ. Съ самаго начала не полюбился онъ Головкину и окружавшей его молодежи. Чтобъ осадить его гордость, старался посолъ держать его наравнѣ съ другими профессорами, которые и по лѣтамъ могли бы годиться ему въ сыновья. Самъ

же Шубертъ, забывая, что онъ князь звѣздочетовъ, мало дорожилъ своимъ достоинствомъ и предпочиталъ ему свѣтскія отличія; онъ видѣлъ въ себѣ генерала, потому что на шляпѣ имѣлъ плюмажъ, а на шеѣ сіяющій огромный Анненскій крестъ, еще довольно рѣдкій, носящихъ который простой народъ величалъ тогда превосходительствомъ. При немъ офиціально находился шестнадцатилѣтній его сынокъ, ласковый, бѣлокуренькій мальчикъ, нынѣ сѣдовласый несносный старикъ, тогда по квартирмейстерской части едва произведенный подпоручикъ, нынѣ генералъ-квартирмейстеръ.

Другіе профессора, коихъ было четыре, немного болѣе могли похвалиться расположеніемъ къ себѣ посла, и если Шубертъ довольно явно ненавидѣлъ его, то и они тайкомъ не менѣе его презирали. И по моему это было бы несправедливо, еслибъ сіе чувство съ обѣихъ сторонъ не было взаимное. Презрительное негодованіе едва было замѣтно только въ Клапротѣ, и онъ дѣйствительно изъ нихъ болѣе всѣхъ заслуживалъ уваженія. Въ послѣдствіи отомстилъ онъ посольству маленькою Нѣмецкою брошюркой, въ которой представилъ все безразсудство главныхъ его дѣйствующихъ лицъ. Онъ зинимался, кажется, частію историческою и словесною.

Для занятій по части естественной исторіи посланы были три профессора, Редовскій по минералогіи, Адамсъ по зоологіи и Панснеръ по ботаникѣ. Всѣ четверо были ребята довольно молодые; одинъ только Редовскій перешелъ за тридцать лѣтъ. Онъ былъ Прусскій Полякъ, Адамсъ же Русскій Нѣмецъ; первый ничего не зналъ ни по-польски, ни по-русски, другой плохо говорилъ по-нѣмецки и вообще совсѣмъ не похожъ былъ на ученаго. А еще менѣе Панснеръ, невысокій, но плотный, широкоплечій, плосколицый, обжорливый здоровякъ, мало говорившій и повидимому мало думавшій и мало занимавшійся до того, что многіе сомнѣвались въ его знаніи. Трое, Клапротъ, Редовскій и Панснеръ были выписаны изъ Германіи, одинъ только Адамсъ доморощенный. Примѣчательнѣе и пріятнѣе всѣхъ мнѣ казался Редовскій, человѣкъ кроткій, влюбленный въ науку, при весьма незавидномъ здоровьѣ. Онъ одинъ только не воротился изъ Китайскаго посольства: на обратномъ пути онъ остался въ Сибири и за новыми открытіями отправился сначала по Ленѣ въ Якутскъ, а оттуда въ Охотскъ, гдѣ и погибъ отъ убійственнаго его климата.

Подъ начальствомъ графа Потоцкаго и начальникомъ надъ офицерами свиты по квартирмейстерской части поставленъ былъ полковникъ Ѳеодоръ Филипповичъ Довре, полу-Французъ, родомъ изъ Брабанта (когда онъ принадлежалъ еще Австріи), въ первой молодости

находившійся въ Польской службѣ и перешедшій потомъ изъ нея въ Русскую. Съ отличнымъ образованіемъ и большою опытностію, онъ умѣлъ со всѣми быть хорошъ. Не добръ и не золъ, не безобразенъ и не красивъ, а какъ умный и ученый, если не великій богачъ, то по крайней мѣрѣ достаточный человѣкъ, онъ находился въ посольствѣ, вѣроятно какъ и вездѣ, не возбуждая ничего чрезвычайнаго и не творя ничего отмѣнно замѣчательнаго. Никого не обгоняя и не отставая ни отъ кого, всю жизнь прослужилъ онъ въ военной службѣ, бывалъ въ сраженіяхъ, и никогда не далъ молвѣ ничего сказать о себѣ. Золотая посредственность, а не просто посредственность была его удѣломъ. Онъ давно полный генералъ, но по глубокой старости, кажется, нигдѣ не употребляется.

Капитанъ Теслевъ и четыре подпоручика, Теннеръ, Ивановъ, Богдановичъ и Мошинскій, даны были въ его распоряженіе, гдѣ будетъ возможно, для снятія плановъ въ Китаѣ. Всѣ они какъ будто были выточены по формѣ, данной генераломъ Сухтеленомъ, ихъ начальникомъ и образователемъ; имъ отзывалось отъ нихъ: такое же какъ и въ немъ смиреніе безъ низости, и ученыя свѣдѣнія безъ педантства. Чувствительный Ивановъ рано кончилъ жизнь самоубійствомъ, а Мошинскій пропалъ для меня безъ вѣсти. Другіе же всѣ генералы, и одинъ изъ нихъ, Теслевъ, исправляетъ должность Финляндскаго генералъ-губернатора.

Кажется, конецъ; но нѣтъ, еще не совсѣмъ. Какія-то еще двѣ-три фигуры въ рясахъ, какъ будто сквозь туманъ являются моей памяти, и между ними немного болѣе явственное лицо двадцати-пятилѣтняго архимандрита Аполлоса, начальника духовной миссіи, отправленной съ нами для смѣны прежней, для коей кончился положенный десятилѣтній срокъ. Архимандрита, его монаховъ и студентовъ мы рѣдко, почти никогда не видѣли; наши сильные не больно уважали православіе: Головкинъ былъ реформатъ, Потоцкій католикъ, а Байковъ не принадлежалъ ни къ какой вѣрѣ. Мнѣ Аполлосъ казался что-то жалокъ. Ему не было болѣе двадцати пяти лѣтъ отъ роду, а въ отношеніи къ свѣту это еще младенчество для человѣка, который никогда не покидалъ стѣнъ Духовной Академіи. Еслибы молодой монахъ, при всей неопытности своей, хотя и въ другую часть свѣта, въ новый для него міръ, подобно предшественникамъ своимъ, отправленъ былъ обыкновеннымъ путемъ и порядкомъ, то послѣ десяти лѣтъ, созрѣвъ въ Пекинѣ, онъ со свѣдѣніями, другимъ мало извѣстными, воротился бы въ отечество свое примѣчательнымъ лицомъ. Но на его несчастіе онъ попался въ вертлявое, насмѣшливое посольство, не былъ съ нимъ принятъ и послѣ меня, говорятъ, надѣлалъ какихъ-то глупо-

стей. Дорого и долго онъ за нихъ платилъ; ибо, какъ я слышалъ, онъ и понынѣ только что архимандритомъ въ какомъ-то отдаленномъ монастырѣ.

Приготовленія наши къ отъѣзду были самыя веселыя и забавныя. Въ нѣжномъ попеченіи о подчиненныхъ, самъ посолъ, разумѣется, по-французски, сочинилъ для нихъ длинную инструкцію, съ которой до сихъ поръ храню я копію и въ которой предписываетъ онъ имъ разныя средства къ предохраненію себя отъ великихъ бѣдствій, угрожающимъ имъ на ужасномъ пути, имъ предстоящемъ. Хотя бы пораспросилъ онъ немного Сибиряковъ, чтобы не быть такъ смѣшнымъ! Право, можно было подумать, что чрезъ Нубію и Абиссинію надлежитъ намъ проникнуть во внутренность Африки. Сіе твореніе мудраго его предвѣдѣнія читали мы всѣ и даже переписывали съ благоговѣніемъ.

Исключая военныхъ, всѣмъ чинамъ посольства, какого бы вѣдомства они ни были, выпросилъ графъ Головкинъ мундиръ Иностранной Коллегіи, который тогда былъ очень простъ: зеленый съ бѣлыми пуговицами и чернымъ бархатнымъ воротникомъ и обшлагами. Онъ сдѣлалъ болѣе: онъ испросилъ дозволеніе украсить его богатымъ серебрянымъ шитьемъ, котораго онъ тогда еще не имѣлъ и, вмѣсто обыкновенныхъ статскихъ шпажекъ, носить намъ форменныя военныя сабли, на черной лакированной, черезъ плечо носимой, перевязи, съ вызолоченными, бронзовыми двуглавымъ орломъ и вензелемъ императора. Въ дополненіе, вмѣсто шляпъ даны намъ были зеленыя фуражки, похожія и на киверъ, и на каску, также съ прибавкой серебрянаго шитья. Какъ хотѣлось симъ нарядомъ щегольнуть намъ въ Петербургѣ! Но какъ театральный костюмъ, имѣли мы право надѣть его только при выходѣ на сцену, то-есть при выѣздѣ за заставу.

Мои занятія въ Петербургѣ при посольствѣ были довольно маловажны: они ограничивались еженедѣльнымъ дежурствомъ въ залѣ (она же и канцелярія) посла, которая служила входомъ прямо въ его кабинетъ. Отъ переписки бумагъ уклонялся я не отъ лѣни, а вопервыхъ потому, что изъ моихъ товарищей только три плебейскія фигуры, Карнѣевъ, Юни и Клементъ, были на то посвящены, и потому вовторыхъ, что сіе поставило бы меня въ зависимость или отъ Байкова, который мнѣ казался нестерпимъ, или отъ Доброславскаго, который былъ мнѣ жалко-смѣшонъ. Вмѣстѣ съ патриціями Перовскимъ и Тепловымъ старался я все становиться въ рядъ величаво-праздныхъ камеръ-юнкеровъ и лѣзъ прямо къ послу. Не знаю, худо ли, хорошо ли я дѣлалъ, что не скрывалъ отвращенія своего отъ Байкова. Еслибъ я болѣе умѣлъ владѣть собою, то, можетъ-быть, онъ меня бы полюбилъ, за то сдѣлался бы со мною фамильяренъ и сталъ бы повелѣвать. Но

онъ возненавидѣлъ меня; не смѣю сказать, чтобъ онъ боялся меня, но по крайней мѣрѣ не позволялъ себѣ ни малѣйшей неучтивости; былъ только что холоденъ и тайкомъ только противъ меня одного старался возбуждать посла. Что̀ же вышло изъ того? Правда, я одинъ только сдѣлался предметомъ если не гоненій, то частыхъ придирокъ и нападокъ. Напримѣръ, если я опоздаю на дежурство или по болѣзни не могу на него явиться, то именемъ Головкина посылается докторъ Реманъ меня свидѣтельствовать; иногда какое нибудь нескромное слово мое перетолковывается Байковымъ. За тѣмъ обыкновенно слѣдовали наединѣ личныя объясненія съ посломъ; я ихъ не боялся: я уже зналъ какъ обходиться съ Французами; маленькая лесть, всунутая въ оправданіе, тотчасъ обезоруживала его, и дѣла мои шли потомъ лучше прежняго. Байкову никакъ не удалось тогда почать меня.

Отъ дѣлъ посольства перейду я на нѣсколько строкъ къ семейнымъ дѣламъ моимъ. Какъ будто мнѣ на смѣну, прибылъ братъ мой Павелъ, старшій и отставной. Онъ не долго имъ оставался, ибо слѣдующимъ лѣтомъ опять вступилъ въ проклятый провіантскій штатъ. Онъ остановился у меня, и намъ втроемъ съ Загоскинымъ было немного тѣсненько. Тутъ надобно сказать, что̀ и съ симъ послѣднимъ сдѣлалось: по протекціи Злобина, когда впрочемъ никакой протекціи на то не было нужно, опредѣлили его въ канцелярію государственнаго казначея Голубцова, и мнѣ казалось, что канцелярскія занятія и ему не совсѣмъ по сердцу.

Другой братъ мой, Николай, ожидалъ тогда быть отцомъ. Женатые люди, кои не имѣютъ высокихъ чиновъ, рѣдко остаются въ военной службѣ, особливо когда нѣтъ войны. Неудобныя помѣщенія въ маленькихъ городахъ, иногда въ бѣдныхъ селеніяхъ, частые переходы дѣлаютъ для семействъ ихъ жизнь весьма тягостною. Братъ мой подалъ въ отставку и былъ уволенъ съ чиномъ подполковника. Въ тоже время (2 Марта 1805 года) жена родила ему сына, которому въ честь родителя моего, конечно уже не мнѣ, дано было имя Филипа. Супруги были довольно молоды, чтобы надѣяться видѣть его большимъ; но имъ не суждено было испытать великихъ горестей и радостей родительскихъ. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Воронежѣ, они къ концу лѣта пріѣхали на житье въ Пензу.

Отъ сего города не слишкомъ далеко пролегала дорога въ Сибирь. Я улучилъ удобную минуту, чтобы, мимо Байкова, выпросить у графа Головкина дозволеніе отправиться сперва одному для прощанія съ родителями, а потомъ уже въ Казани дожидаться прибытія посольства. Въ разговорахъ съ глазу на глазъ, посолъ всегда былъ ко мнѣ весьма

снисходителенъ. И такъ 21 Мая, благословясь, отправился я въ дальній свой путь.

VIII.

Послѣ отъѣзда моего изъ Петербурга, нѣсколько времени еще длилось въ немъ очарованіе, въ которомъ близъ пяти лѣтъ находилась вся земля Русская и которое неоднократно усиливался я изобразить. Но уже приближался конецъ блаженнаго времени, того незабвеннаго пятилѣтія, которое не для меня одного быстро просіяло, какъ одинъ только веселый, ясный, праздничный день. Пока я странствовалъ среди отдаленнѣйшихъ населеній Россіи, происходила въ ней ощутительная перемѣна, и наступала вторая эпоха царствованія Александра. Когда, послѣ кратковременнаго отсутствія, водворился я въ счастливое дотолѣ мое отечество, то многое въ немъ измѣнилось; поколебалась вѣра въ его несокрушимость; на долго, можетъ быть, на всегда нарушены взаимныя любовь и довѣренность царя и народа.

Здѣсь долженъ я проститься съ мечтами моей молодости, хотя она тогда была еще во всей силѣ перваго цвѣта; здѣсь позволю я себѣ взглянуть на Европу, то-есть на Францію, начинавшую въ ней владычествовать, на Францію, источникъ нашихъ золъ, на эту Францію, на которую смотрѣлъ я доселѣ только что съ удовольствіемъ, какъ на модную лавку или на книжный магазинъ.

Бонапарте, отнынѣ императоръ Наполеонъ, еще и безъ сего титула спокойно въ ней царствовалъ. Когда ступени сооружаемаго имъ престола обагрилъ онъ кровію Бурбона, то болѣе всѣхъ Русскій дворъ изъявилъ негодованіе. Екатерининскій Марковъ находился тогда въ Парижѣ; онъ думалъ, что онъ въ Варшавѣ и имѣетъ дѣло съ Польскимъ сеймомъ, и поведеніемъ своимъ ускорилъ разрывъ; но отъ разрыва до войны еще не близко. Въ отвѣтъ на упреки и угрозы Европейскихъ государей, надѣлъ на себя Наполеонъ и лавровый вѣнецъ Кесарей и Августовъ, и желѣзную корону Карла Великаго; такимъ образомъ всемірно объявлялъ онъ притязанія свои на равное имъ владычество и, несмотря на тысячелѣтнюю давность, во второй разъ хотѣлъ воскресить Западную имперію.

Между тѣмъ Англія хотѣла въ этомъ видѣть одно только неосторожное его тщеславіе и, замѣчая сколь жестоко тѣмъ оскорбляются права Австрійской имперіи, такъ смирно и не страшно носящей названіе Римской, она старалась возбудить не только ее одну къ войнѣ, но посредствомъ преданныхъ ей министровъ и отдаленную Россію. Всѣ эти тайны кабинетовъ были неизвѣстны публикѣ, мнѣ кажется болѣе отъ того, что она ими мало занималась, и при отъѣздѣ моемъ ничто не предвѣщало еще скораго поднятія оружія.

Съ безпечностію силы (какъ столь удачно выразился пѣвецъ двѣнадцатаго года) смотрѣла Россія на грозныя тучи, собирающіяся на Западѣ. Она измѣряла пространство, отъ бурныхъ мѣстъ ее отдѣляющее, помнила Суворова и Нови, помнила, какъ одинъ ея батальйонъ возстановлялъ Неаполитанское королевство, и думала, что всегда будетъ время унять затѣйника. Но когда блеснуло передъ ней кровавое солнце Аустерлица, она изумилась, не скрыла своего неудовольствія и тѣмъ возбудила его и безъ того уже въ охладѣвшей къ ней душѣ Императора.

Отъ величественнаго и печальнаго зрѣлища, на которое указалъ я здѣсь, скорѣе перекидываюсь въ телѣгу, въ которой такъ радостно мчался я по Московской дорогѣ. Много мнѣ было съ нею хлопотъ, отъ необыкновенной ея постройки болѣе изъ прутьевъ, чѣмъ изъ дерева. Это была просто Польская бричка, за дешевую цѣну добытая мною въ Петербургѣ, длинная, укладистая и легкая. Къ несчастію, я первый показалъ такого рода экипажъ; она новостію своею удивляла ямщиковъ и огромностію пугала ихъ; называли ее то баней, то анбаромъ; они вѣрить не хотѣли, чтобы, не уморивъ тройки, можно было ее везти. Тщетно въ ихъ присутствіи, вмѣстѣ съ слугою моимъ, употребляя легкое усиліе, приводилъ я ее въ движеніе: они предполагали тутъ особенную какую-нибудь уловку или колдовство, и я увѣренъ въ томъ, что еслибъ я не имѣлъ подорожной по казенной надобности, то мнѣ рѣшительно отказали бы въ требуемомъ мною числѣ лошадей.

Москву нашелъ я столь же полною жителей какъ и зимой. Въ концѣ Мая дворяне не слишкомъ торопились въ свои подмосковныя: любили тогда повеселиться и отъ столичнаго шума не очень спѣшили къ сельской тишинѣ. Къ тому же, большая часть помѣщиковъ, въ Москвѣ живущихъ, мало была знакома съ мелочною роскошью и долгами: имъ не нужно было двѣ трети года жить нищенски въ деревнѣ, чтобы три мѣсяца поблистать въ ней зимой наравнѣ съ другими.

Одѣвшись въ нарядный свой костюмъ, спѣшилъ я въ немъ явиться къ начальнику столицы, Беклешову, и когда онъ не обратилъ на него никакого вниманія, то мнѣ стало очень обидно. «Мнѣ теперь некогда съ тобой много толковать, сказалъ мнѣ сей старый другъ отца моего, а пріѣзжай-ка сегодня обѣдать: тогда поговоримъ». Я надѣялся, что за столомъ будетъ что-нибудь болѣе лестное для моего самолюбія; но и тутъ ошибся: старики мало удостоивали молодыхъ своими разговорами, и все ограничилось двумя-тремя маловажными вопросами. Мнѣ было предосадно, и разумѣется, послѣ того я его не видѣлъ: видно, что я начиналъ уже идти за вѣкомъ.

Не смотря на то, я не оставилъ однакоже, чтобы не побывать у другихъ довольно важныхъ лицъ и былъ счастливѣе. Москвичи на все курьозное смотрятъ съ любопытствомъ и удовольствіемъ и меня не оставили безъ замѣчанія. Между прочимъ, посѣтилъ я и прежняго своего начальника, Бантышъ-Каменскаго, который принялъ меня очень ласково, пригласилъ обѣдать и предложилъ мнѣ навѣдываться въ архивъ для прочтенія весьма важныхъ документовъ, относящихся къ прежнимъ Китайскимъ посольствамъ. Мнѣ было не до того, мнѣ хотѣлось нагуляться въ Москвѣ; впрочемъ еслибъ и была охота заняться, то не достало бы на то времени. Раза два побывалъ я въ архивѣ и довольно разсѣянно пробѣжалъ данныя мнѣ бумаги, что̀ весьма не полюбилось Николаю Николаевичу и, кажется, не возвысило меня въ его мнѣніи.

Я всего пробылъ тогда съ недѣлю въ Москвѣ и жилъ почти за городомъ, остановившись у зятя и сестры въ Крутицкихъ казармахъ, гдѣ для начальника выстроены были вновь прекрасныя деревянныя хоромы въ два жилья, съ прекраснымъ видомъ на Москву-рѣку. Добрѣйшая моя чета пользовалась въ это время всѣмъ возможнымъ на свѣтѣ счастіемъ. Графъ Салтыковъ купилъ для бывшаго, любимаго своего адъютанта хорошенькую, прибыльную подмосковную; безбѣдное состояніе, молодость, здоровье, спокойная совѣсть, совершенное между собою согласіе, всеобщая любовь, миленькіе, подростающіе сынки, все это дѣлало существованіе ихъ завиднымъ, все украшалось для нихъ цвѣтами. Увы, тернія были впереди, и близко! И сколько такихъ гнѣздъ разрушено было потомъ западными вихрями!

Въ первый разъ увидѣлъ я съ удовольствіемъ Пензу. Въ ней никого почти не было, кромѣ моего семейства: исключая служащихъ, всѣ разъѣхались по деревнямъ, а собираться на ярмарку еще было не время. Безпокойства моей матери насчетъ опасностей, которыя, по ея мнѣнію, мнѣ предстояли, радость моего отца, который наконецъ начиналъ во мнѣ видѣть что-то дѣльное, умножали, если возможно, ихъ нѣжность ко мнѣ, а меня дѣлали совершенно счастливымъ. Окруженный одними родными, пріятелями и приверженцами отца моего, я вполнѣ насладился удовольствіемъ быть такъ искренно любимымъ и, хотя на малое время, могъ обрѣсти рай среди самаго Пензенскаго ада. Но пріятное никогда не бываетъ продолжительно: отпраздновавъ самымъ веселымъ образомъ, въ селѣ нашемъ Симбухинѣ, день рожденія отца моего, 12 Іюня, чрезъ нѣсколько дней надобно было думать о разлукѣ. Медлить было невозможно, ибо съ первыхъ чиселъ Іюня посольство должно было отдѣленіями начать отправляться въ путь; а

какъ распоряженія сдѣланы были послѣ меня, то я и не зналъ, къ которому принадлежу.

Снаряжая меня въ дорогу, не однѣми деньгами снабдили меня родители, но и многими нужными для меня вещами; сверхъ того, отняли у себя необходимаго почти для нихъ крѣпостнаго человѣка, берейтора Гаврилу Олисова, и дали мнѣ въ услуженіе на все время моего странствованія. Мать и сестры со слезами разстались со мною 17 Іюня у заставы, а до перваго уѣзднаго городка, въ сорока верстахъ отъ Пензы находящагося, взялся меня проводить г. де-Руссель.

За это доброе дѣло и за доброе ко мнѣ расположеніе обязанъ я, кажется, заплатить ему какою-нибудь услугой и думаю, что сдѣлаю сіе, передавъ имя его потомству, если только мое до него дойдетъ. До перваго еще открытія Пензенской губерніи, былъ онъ нарочно выписанъ изъ Франціи, чтобы быть учителемъ въ домѣ воеводы Чемесова; но какъ и черезъ кого, этого я не вѣдаю. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ соотечественниковъ своихъ онъ первый явился въ Пензѣ, и потому-то не диво, что онъ въ ней дивомъ казался. Кажется, онъ былъ простой селянинъ (какъ сіе произношеніемъ его доказывалось), но смѣтливый, предпріимчивый и кое-какъ выучившійся грамотѣ, и Россія своимъ варварствомъ не столько испугала его, какъ приманила. Когда онъ прибылъ въ нее, то почти никого не нашелъ съ кѣмъ бы оворить на природномъ языкѣ, и чтобъ учить по-французски, долженъ былъ самъ напередъ выучиться по-русски: такимъ образомъ Руссель совсѣмъ обрусѣлъ. Онъ былъ молодъ и дюжъ и, говорятъ, имѣлъ довольно прибыльные любовные успѣхи. Когда онъ понакопилъ нѣсколько денегъ, то взялся за умъ, то-есть принялся за торговлю; и какъ онъ былъ добръ, честенъ и внушалъ къ себѣ довѣренность, то скоро и нажился. Только то странно, что когда онъ сдѣлался Русскимъ купцомъ и изъ Жанъ Жозефа переименовалъ себя въ Иваны Осиповичи, то къ простому имени своему вздумалъ прибавить Французское благородное *де*. Наконецъ, въ званіи прикащика управлялъ онъ виннымъ откупомъ въ Городищѣ, куда онъ провожалъ меня и гдѣ онъ имѣлъ домъ лучше и опрятнѣе другихъ. Никакая Русская барышня въ старину не пошла бы за иностранца, учителя или купца, и потому де-Руссель долженъ былъ удовольствоваться супружествомъ съ Нѣмкой-колонистской, съ которою и имѣлъ уже взрослыхъ сыновей. Все это: онъ самъ, нажитое имѣніе и прижитое семейство какъ-то вдругъ исчезло, все осталось, все легло въ землѣ Русской.

Рано по утру оставилъ я Городище и простился съ добрымъ Иваномъ Осиповичемъ, который въ немъ угостилъ и успокоилъ меня. Дорога изъ Пензы въ Симбирскъ самая безмолвная, самая уединен-

ная, какъ всѣ дороги въ Россіи, кои, далеко отъ столицъ и въ сторонѣ отъ большихъ трактовъ, служатъ только соединеніемъ двухъ губернскихъ городовъ. Отъ Городища я проѣхалъ верстъ полтораста, во весь день не встрѣтивъ болѣе двухъ или трехъ крестьянскихъ телѣгъ. На всемъ этомъ протяженіи, не слишкомъ широкій путь лежалъ мнѣ черезъ лѣсъ, и я смотрѣлъ на небо сквозь продолговатое, узкое отверстіе. Лишь только переѣдешь за Суру, начинаются вѣковыя дубравы, черезъ кои нѣкогда безъ имени она протекала; долго, почти до половины прошедшаго столѣтія сѣкира не нарушала ихъ молчанія, и подъ тѣнію ихъ пять зимнихъ мѣсяцевъ накопившіеся снѣга, тая три лѣтнихъ, питали ея воды и весь годъ дѣлали ее судоходною. Берега сей рѣки, нынѣ рѣчки, начинали уже обнажаться; но когда въ это время проѣзжалъ я безконечный Засурскій лѣсъ, кажется, что хищная рука форштмейстеровъ не проникала еще въ глубину его священнаго мрака, не вырубался онъ для варенія хмѣльнаго напитка, развратителя Русскаго народа, не рѣдѣлъ онъ отъ мотовства распутныхъ дворянскихъ наслѣдниковъ, нынѣ въ одинъ день цѣлыя десятины его поглощающихъ, и явился мнѣ во всемъ своемъ величіи.

Одни чувствуютъ, другіе чувствуютъ и умѣютъ выражаться. Я принадлежалъ къ числу первыхъ и потому съ восторгомъ, года полтора спустя, прочиталъ я въ Шатобріанѣ описаніе своихъ ощущеній. Все, что̀ говоритъ онъ о пустынныхъ лѣсахъ Америки, могло относиться тогда и къ Засурскому; тоже шумное молчаніе, тѣже невнятные звуки, невѣдомо откуда выходящіе, тотъ же благоуханной влагой умѣряемый жаръ. Жужжаніе миліардовъ невидимыхъ насѣкомыхъ, щебетанье и чириканіе милліоновъ птицъ, перескакиваніе бѣлокъ, трепетанье и чоканье вѣтвей, хрустѣнье листьевъ и хвороста подъ ногами идущаго звѣря, все сливалось въ одинъ тихій гулъ, все бору давало голосъ, какъ говоритъ Шатобріанъ. Могли же близко тутъ быть волки, медвѣди, а мнѣ и въ голову не приходило бояться: такъ былъ я очарованъ, такъ все окружающее меня казалось мнѣ спокойно, торжественно, хвалебно.

Прелестное въ мірѣ всегда бываетъ и опасно: Засурскій лѣсъ не однихъ лютыхъ звѣрей скрывалъ тогда въ своей чащѣ, но и недобрыхъ людей. Это узналъ я, когда, выѣхавъ изъ него въ открытыя мѣста и подъѣзжая къ одному уѣздному городу, замѣтилъ множество разставленныхъ пикетовъ. Въ этомъ городѣ, который не знаю почему названъ Корсунемъ (когда онъ ничего не имѣетъ общаго съ Херсономъ и Херсонисомъ) бываетъ одна изъ многолюднѣйшихъ ярмарокъ въ Россіи, и на везущихъ на нее товары дѣлались еще изъ сего лѣса частыя нападенія. Не смотря на средства къ обогащенію, Корсунь

столь же мало представляетъ примѣчательнаго какъ и другой городокъ, Тагай, который я въ тотъ же день проѣхалъ.

Мнѣ не судьба была видѣть Симбирскъ. Я подъѣзжалъ къ нему ночью; передъ разсвѣтомъ пошелъ проливной дождь, отъ котораго защитился я всѣми застежками моей брички, и не смѣлъ изъ нея выглянуть: такимъ образомъ пріѣхалъ я на весьма незавидный почтовый дворъ. Я спѣшилъ ѣхать, дождь не унимался, и я выѣхалъ изъ Симбирска также укрытый какъ и въѣхалъ въ него.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Симбирска погода разгулялась, и небо опять просіяло, но вскорѣ потомъ сокрылось отъ глазъ моихъ; крѣпкій сонъ одолѣлъ меня, и я проспалъ почти до самаго вечера. Выѣхавъ изъ одной грязной деревни, гдѣ долженъ я былъ починить колесо, гдѣ поѣлъ и напился чаю, узналъ я, что зовутъ ее городъ Буинскъ. На другой день часу въ десятомъ утра пріѣхалъ я въ Услонъ, деревню въ семи верстахъ отъ Казани, на превысокомъ и прекрутомъ берегу Волги лежащую. Тутъ въ первый разъ увидѣлъ я издали нашу Татарскую столицу и у ногъ моихъ царицу рѣкъ въ настоящей красѣ ея. Я говорю въ настоящей, а не въ полной, ибо она возвратилась уже изъ ежегоднаго посѣщенія, которое она дѣлаетъ Казани и вошла въ берега свои. Но и тутъ переправа черезъ нее была продолжительна и мнѣ показалась опасна. Ровно въ двѣнадцать часовъ 21 Іюня пріѣхалъ я въ Казань.

Я изъ Петербурга имѣлъ письмо къ одному молодому человѣку отъ отца его, богатаго купца Василья Васильевича Евреинова, который въ столицѣ хлопоталъ по дѣламъ своимъ, видѣлъ меня у Злобина и предложилъ остановиться въ собственномъ его Казанскомъ домѣ. Этотъ домъ находился близъ крѣпости, противъ Гостиннаго двора, на самой главной улицѣ, которой имя я теперь забылъ. Я прямо туда въѣхалъ, но мнѣ сказали, что молодой хозяинъ кому-то домъ свой отдалъ на лѣто, а самъ живетъ за городомъ на мыльномъ заводѣ. Куда мнѣ было дѣваться? Мнѣ рядомъ указали на Нѣмецкій трактиръ.

Хозяиномъ его былъ Иванъ Иванычъ Шварцъ; столь же пошлое имя между Нѣмцами, какъ Смирновъ и Поповъ между Русскими. Мнѣ все въ немъ показалось *шварцъ*, и рожа, и душа, и я, кажется, не ошибся. Нельзя себѣ представить, какъ Нѣмцы въ старину у насъ бывали дерзки! По всему было видно, что этотъ человѣкъ изъ простыхъ мужиковъ; онъ былъ грубіянъ и плутъ, съ проѣзжими обходился невѣжливо и дралъ съ нихъ безъ милосердія, а у него останавливалось и ему покровительствовало губернское начальство; за то, разумѣется, и съ нимъ былъ онъ почтителенъ и угодливъ. Пріѣзжіе изъ уѣздовъ и сосѣднихъ губерній въ это время скупились и стыдились жить

въ гостиницахъ; а родные и знакомые, преслѣдуя своимъ гостепріимствомъ, ихъ до того не допускали. Одна только необходимость заставляла никому незнакомыхъ людей, какъ и я, селиться въ единственномъ заѣзжемъ домѣ сего большаго города; и потому-то Шварцъ вымещалъ на нихъ свои недоборы и видѣлъ въ нихъ беззащитныя жертвы своей алчности. Онъ былъ не простой трактирщикъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и содержатель клуба или благороднаго собранія: оно помѣщалось въ семъ же самомъ домѣ и имѣло пребольшую залу, въ которой по зимамъ танцовали.

Какъ отъ публичнаго лица въ Казани, надѣялся я отъ г. Шварца узнать что-нибудь на счетъ проѣзда чиновниковъ посольства. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что мало о томъ заботится, но слышалъ однакоже, что какіе-то посольскіе обозы проходили черезъ Казань. Уставъ отъ дороги, я послѣ обѣда легъ отдохнуть, а слугу своего послалъ между тѣмъ поразвѣдать о томъ въ городѣ. Онъ ходилъ не даромъ и къ вечеру пришелъ мнѣ сказать, что улицы черезъ двѣ отъ нашего жилища, одинъ купеческій, пустой, просторный, каменный домъ отведенъ подъ постой для посольства, что всѣ принадлежащіе къ нему въ немъ останавливаются и что даже въ это время наполненъ онъ пріѣзжими.

Рано по утру на другой день пошелъ я туда и нашелъ Шуберта съ сыномъ, Довре со всѣми его офицерами и лѣкаря Гарри. Мы дотолѣ были мало знакомы, но, какъ будто на чужой сторонѣ, встрѣтились дружески. Вотъ что́ узналъ я отъ нихъ: чтобы не имѣть затрудненія въ лошадяхъ, графъ Головкинъ раздѣлилъ весь нашъ поѣздъ на десять, не помню, на двѣнадцать отдѣленій, отправляя ихъ черезъ три или четыре дня одно послѣ другаго. Графъ Потоцкій съ четырьмя профессорами открывалъ шествіе; за нимъ слѣдовала духовная миссія; Шубертъ и Довре составляли третье отдѣленіе. Въ слѣдующихъ за тѣмъ отдѣленіяхъ, каждое подъ управленіемъ котораго-нибудь изъ нестоль важныхъ чиновниковъ, Осипова, Алексѣева, Корнѣева и другихъ, везены были всѣ тяжести посольства: богатые подарки императору и его двору, палатки на всякій случай, множество дорожной складной мебели, большой казенный серебряный сервизъ для нашего употребленія, и мало ли чего, между прочимъ цѣлый оркестръ музыкантовъ. Всю эту истинно царскую помпу заключалъ посолъ со штатомъ своимъ и канцеляріей. Меня къ тому Байковъ не допустилъ, а приписалъ къ предпослѣднему отдѣленію, коимъ заправлялъ камеръюнкеръ Нелидовъ. Слѣдственно долго еще мнѣ было дожидаться своей очереди, и мнѣ предстояло довольно времени, чтобъ изучить Казань и соскучиться въ ней.

Любезные мои товарищи приглашали меня умѣститься съ ними, но сего предложенія я принять не могъ. Правда, домъ снаружи и внутри былъ очень хорошо выбѣленъ, за то болѣе уже не спрашивай: ни зеркальца, ни занавѣски; двѣ, много три досчатыя кровати и нѣсколько большихъ столовъ изъ простаго дерева составляли всю его меблировку. Старику Шуберту отвели уголокъ попокойнѣе; прочіе же жили съ неприхотливостію совершенно-военною; каждая комната была въ одно время и спальня, и столовая, и чертежная, ибо столы были покрыты планами и рисунками, и всѣ спали, кажется, въ повалку.

Погулявъ по городу, прежде нежели возвратился я домой, зашелъ я въ домъ Евреинова, чтобъ узнать, какимъ образомъ могу я сыну доставить письмо данное мнѣ отцемъ. Я взошелъ по лѣстницѣ; не встрѣтивъ никого въ передней и пройдя первую большую комнату, во второй нашелъ я сидящихъ три дамы: одну старую и двухъ молодыхъ; я извинился передъ ними въ своей нескромности и объяснилъ причину моего внезапнаго посѣщенія; онѣ просили меня сѣсть, и знакомство сдѣлалось у насъ очень скоро. Пожилая барыня была Анна Давыдовна Кикина, урожденная Панчулидзева, сестра весьма извѣстнаго въ нашихъ мѣстахъ Саратовскаго вице-губернатора; другія же двѣ были ея дочери, одна замужняя и одна дѣвица. Мужъ старшей дочери, служащій въ провіантскомъ штатѣ подполковникъ Шеваревъ, находился въ какомъ-то свойствѣ съ Евреиновыми и жилъ тутъ у нихъ даромъ. Ничего не могло быть благосклоннѣе моихъ новыхъ знакомокъ; онѣ взяли у меня письмо къ хозяину дома и, какъ приближался обѣденный часъ, то-есть было болѣе двѣнадцати часовъ полудня, пригласили съ собой обѣдать. Вскорѣ пришелъ и зять госпожи Кикиной, и мы сѣли за столъ. Анна Давыдовна должна была смолоду быть очень хороша собою: Грузинскія правильныя черты сочетались на лицѣ ея съ бѣлизною сѣверныхъ женщинъ; въ ней виденъ былъ тотъ природный умъ, который угадываетъ законы общежитія; старшая дочь ея, Шеварева, была хороша и глупа, меньшая дурна и ума самаго пріятнаго; о зятѣ не стоитъ говорить. Я чрезвычайно обрадовался сему первому нечаянному знакомству. Пенза, которая отъ Казани отдѣлена одною только Симбирскою губерніей, тогда почти столь же мало имѣла съ ней сношеній, какъ съ Гамбургомъ, и потому изъ нея я ни къ кому не могъ быть адресованъ.

Тотъ же день, въ сумерки, пріѣхалъ ко мнѣ получившій уже письмо отъ отца своего, Иванъ Васильевичъ Евреиновъ и сталъ убѣдительно просить меня переѣхать къ нему на заводъ, который хотя и находился въ двухъ съ половиною верстахъ отъ мѣста моего жительства, но былъ смеженъ съ городомъ. Для пѣшехода разстояніе ужас-

ное! Возраженія мои побѣдилъ онъ обѣщаніемъ дать къ полное распоряженіе мое легонькія дрожки съ парою борзыхъ, отчаянныхъ коней, которые, по моему велѣнію, въ одинъ мигъ вихремъ будутъ переносить меня куда угодно. Противъ этого устоять я не могъ; нервы у меня не были разстроены, я не былъ такимъ трусомъ какъ нынѣ, и скакать мнѣ казалось блаженствомъ. Уже было поздно, и мы положили, что перенесеніе мое совершится въ слѣдующее утро.

Три чистыя, покойныя комнаты, которыя самъ онъ занималъ, уступилъ мнѣ хозяинъ мой и перешелъ на отцовскую половину. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ двадцати пяти; высокій, сухощавый и смуглый, добрый и степенный, своею бережливостію, разсчетливостію, трудами безпрестанно поправлявшій дѣла отца своего, котораго предпріимчивость часто грозила имъ разореніемъ. Я началъ жить на всемъ готовомъ, но скучая уединеніемъ, велъ себя весьма нескромно, цѣлый день разъѣзжалъ и возвращался домой только что обѣдать и ночевать. А добрый мой хозяинъ хотя бы взглядомъ упрекнулъ меня за невниманіе къ нему. Не понимаю, изъ чего онъ бился? И говоря языкомъ нынѣшняго вѣка, спрашиваю у себя, на какую потребу былъ ему молодой человѣкъ, котораго онъ дотолѣ вовсе не зналъ и въ это время мало видѣлъ? Да такъ просто, представился случай одолжить, а такіе люди ни за что̀ его не пропустятъ. Если онъ ожидалъ благодарности, то и въ этомъ ошибся; ибо вскорѣ потомъ забылъ я одолженіе его, и его самого, и только теперь съ чувствомъ о томъ вспоминаю. Пусть нынѣ поищутъ подобныхъ ему людей!

Житье въ Казани для свитскихъ офицеровъ было еще пріятнѣе; жители ея носили ихъ на рукахъ; не довольствуясь каждый день звать ихъ обѣдать, они посылали къ нимъ на домъ множество съѣстнаго, сухарей, кренделей, пироговъ, пирожковъ и тому подобное. Эти господа не безъ сожалѣнія разставались съ симъ городомъ, и дабы сдѣлать меня участникомъ и преемникомъ изобилія, въ коимъ они находились, полковникъ Довре, наканунѣ отъѣзда своего, повезъ меня въ нѣкоторые изъ тѣхъ домовъ, съ коими успѣлъ познакомиться.

Между прочимъ заѣхали мы къ одному члену Военной Коллегіи, генералъ-маіору Петру Дмитріевичу Бестужеву-Рюмину, который находился тутъ на слѣдствіи по одному пустому дѣлу въ провіантской коммиссіи; онъ давно его кончилъ, но медлилъ отъѣздомъ, чтобы продлить пріятную для него роль ревизора. Онъ прежде того былъ адъютантомъ у Наслѣдника и вмѣстѣ съ тѣмъ шпіономъ, приставленнымъ къ нему Павломъ Первымъ, о чемъ Императоръ узналъ по восшествіи на престолъ; разумѣется, что онъ его при себѣ не оставилъ, однакоже и не почелъ его достойнымъ своей мести. Это былъ препустѣйшій

человѣкъ въ мірѣ, который тщетно силился придать себѣ какую-то важность: природа и обстоятельства тому препятствовали. Онъ нахальнымъ образомъ поселился въ домѣ у губернатора, который тогда былъ въ отсутствіи, и безъ его вѣдома, на его счетъ, приказывалъ готовить себѣ кушанье и даже на сіи обѣды звалъ гостей.

Пока мы съ нимъ разговаривали, пріѣхалъ губернаторъ изъ дороги, и наморщась, весь запыленный, вошелъ въ комнату. Бестужевъ встрѣтилъ его какъ ни въ чемъ не бывало, а мы съ Довре натурально ему представились. Онъ, какъ умѣлъ, насъ привѣтствовалъ и пригласилъ на другой день обѣдать. Довре, поблагодаря, извинился отъѣздомъ.

Этотъ губернаторъ, Борисъ Александровичъ Мансуровъ, былъ человѣкъ вдовый, довольно пожилой, отмѣнно добрый, до губернаторства находившійся все въ военной службѣ. Не знаю почему искалъ я въ немъ сходства съ отцомъ моимъ, но кромѣ доброты и честности никакого не находилъ; вообще онъ былъ очень любимъ, но мало уважаемъ, чтó происходило отъ вредной для власти со всѣми фамильярности. Дня въ два мы коротко съ нимъ познакомились, и онъ успѣлъ уже мнѣ жаловаться на безстыдство Бестужева, который мало что безъ его приглашенія живетъ въ его домѣ, но и позволяетъ себѣ въ немъ хозяйничать.

Видно, я казался ему менѣе тягостнымъ, ибо онъ признался мнѣ, что болѣе для того желаетъ выжить Бестужева, чтобы меня помѣстить у себя. Дѣло было трудное, едва ли возможное, и потому губернаторъ придумалъ другое средство, чтобы приблизить меня къ себѣ. Въ Казани было два брата, Порфирій и Христофоръ Львовичи Молоствовы, весьма богатые и уважаемые помѣщики, которые лѣтомъ жили въ деревнѣ. Съ ними, и особенно съ первымъ, жилъ Мансуровъ въ тѣсной дружбѣ. Домъ сего Порфирія Молоствова находился напротивъ губернаторскаго, и располагая имъ какъ собственнымъ, онъ предложилъ мнѣ занять въ немъ двѣ-три комнаты. Онъ былъ не слишкомъ веселаго нрава, но любилъ веселость и молодежь, и ею окружалъ себя. Въ числѣ его приближенныхъ находился, по моему, тогда не совсѣмъ молодой человѣкъ, Андрей Андреевичъ Нечаевъ, шуринъ Молоствова, который также жилъ въ семъ домѣ и которому поручилъ онъ угощать меня.

О перемѣщенія своемъ гордо возвѣстилъ я Евреинову, какъ будто объ освобожденіи отъ плѣна. Добродушіе сего почтеннаго человѣка заставило его думать, что онъ чѣмъ-нибудь не угодилъ мнѣ, оскорбилъ меня: онъ началъ извиняться; тогда я почувствовалъ что-то похожее на угрызеніе совѣсти и первыми ласковыми словами спѣшилъ его успокоить.

Тутъ началась для меня самая веселая жизнь, въ холостой губернаторской компаніи, такъ что я не имѣлъ никакой нужды ѣздить въ тѣ дома, куда Довре возилъ меня знакомить и которые лѣтомъ никогда, или по крайней-мѣрѣ на короткое время, разставались съ городомъ. Примѣчательны были только два семейства, коимъ я былъ представленъ и коихъ, въ свою очередь, не излишнимъ считаю представить здѣсь читателю.

Отставной сенаторъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Желтухинъ, жилъ тогда въ Казани. При Екатеринѣ былъ онъ Вятскимъ губернаторомъ. Жителей сей губерніи, почти все казенныхъ крестьянъ, управляющіе оною, кажется, и понынѣ почитаютъ своими собственными; видно, что г. Желтухинъ слишкомъ сильно въ томъ убѣдился, ибо его призвали къ отвѣту въ Петербургъ. Судъ продолжался, медлилъ приговоромъ, а покамѣстъ тѣснилъ обвиненнаго и все высосанное имъ мало-по-малу изъ него выжималъ. Наступило грозное царствованіе Павла, и Желтухинъ рѣшился на отчаянное средство. Онъ явился въ пріемный день у генералъ-прокурора съ запечатаннымъ огромнымъ пакетомъ въ рукахъ. Въ короткихъ словахъ изобразилъ онъ униженіе, въ которомъ находится, униженіе, которое терпитъ, и при всѣхъ просилъ тщательно разсмотрѣть заключенныя въ пакетѣ бумаги, которыя по его увѣренію послужатъ къ совершенному его оправданію. Вельможа, котораго благодарность не позволяетъ мнѣ назвать, довольно разсѣянно приказалъ секретарю принять пакетъ изъ рукъ его и отнести къ себѣ въ кабинетъ. Тамъ наединѣ принялся онъ разсматривать документы и насчиталъ, говорятъ, до ста тысячъ неоспоримыхъ доказательствъ въ его пользу; вытребовалъ дѣло, доложилъ Императору, и черезъ два дня Желтухинъ изъ подсудимаго въ Сенатѣ пересѣлъ въ судящіе. Тутъ поспѣшилъ онъ вознаградить себя за понесенные убытки и сдѣлалъ хорошо, ибо при Павлѣ, какъ извѣстно, даже на неподвижномъ мѣстѣ сенатора никто долго усидѣть не могъ. Онъ былъ отставленъ и высланъ изъ столицы.

Сей почтенный человѣкъ былъ не любящъ, не любезенъ и не любимъ. Жилъ онъ уединенно, посѣщали его немногіе; но при встрѣчахъ всѣ оказывали ему тѣ знаки уваженія, въ которыхъ тогда лѣтамъ и званію отказывать было не позволено. Когда Доврè привезъ меня къ нему, онъ поблагодарилъ и его, и меня. Братъ его Алексѣй Ѳедоровичъ, о коемъ мимоходомъ я упомянулъ, былъ городничимъ въ Саранскѣ и находился подъ начальствомъ отца моего; это одно уже располагало его быть со мною ласковымъ, и дня два спустя прислалъ онъ звать меня обѣдать. Этого обѣда я не забуду. Я не говорю о столѣ, который могъ быть очень хорошъ или очень дуренъ, я не могъ

судить о томъ, ибо все, что у меня было передъ глазами, отнимало у меня апетитъ. Насъ было только четверо: хозяинъ съ женою и дочерью, да я четвертый. Никогда, ни прежде, ни послѣ не встрѣчалъ я лицъ, болѣе выражающихъ злобу, какъ лица обоихъ супруговъ, Өедора Өедоровича и Анны Николаевны, урожденной Мельгуновой. Между тѣмъ привычная улыбка не покидала ихъ устъ, но въ ней было что-то презрительное и злорадное, (съ такою улыбкою убиваютъ врага), и она становилась нѣжнѣе, когда только взоры супруговъ, созданныхъ другъ для друга, встрѣчались между собою. Разговоръ со мною хозяина былъ вѣжливый, совсѣмъ не глупый, но весьма обыкновенный; видно, что въ приглашеніи меня послѣдовалъ онъ только принятому обычаю. А я охотно бы избавилъ его отъ того. Худоба, блѣдность и вѣчный трепетъ слугъ, глубокая печаль и страхи, изображенные на чертахъ замужней, разводной его дочери Каховской *), молчаніе ея и потупленные взоры, все мнѣ показывало, что я нахожуся въ царствѣ ужаса, какъ городская молва вслѣдъ за тѣмъ мнѣ подтвердила. Вставши отъ стола, я спѣшилъ вонъ, и къ счастію меня не удерживали. Выходя изъ сего дома, мнѣ пришла смѣшная мысль сравнивать себя съ Даніиломъ, когда по милосердію Божію онъ исходилъ невредимъ изъ львиной ямы.

Другое семейство, съ которымъ меня познакомили, также слыло немного добрѣе Желтухиныхъ, но по крайней мѣрѣ не посѣтители его могли на то жаловаться.

У Ивана Осиповича и Натальи Ипатовны Юшковыхъ было пять сыновей и столько же дочерей, отъ сорока лѣтъ до пятнадцати и ниже; и это было менѣе половины нарожденныхъ ими дѣтей; бо́льшую же половину они похоронили. Только у насъ въ Россіи, и то въ старину, смотрѣли безъ удивленія на такое плодородіе семействъ, коимъ болѣе принадлежитъ названіе рода или племени. Никуда такъ охотно не стекаются гости какъ въ тѣ дома, гдѣ между хозяевами можно встрѣтить оба пола и всѣ возрасты. Вотъ почему домъ Юшковыхъ почитался и былъ дѣйствительно однимъ изъ самыхъ веселыхъ въ Казани. Старшіе сыновья служили въ Преображенскомъ полку; двое изъ нихъ, одинъ недавно вышедшій въ отставку, а другой по болѣзни въ отпуску, находились тогда при родителяхъ и помогали имъ принимать гостей.

---

[1]) Сверхъ того было у нихъ еще четыре сына, изъ коихъ двое сдѣлались извѣстны. Старшій Сергѣй Өедоровичъ былъ трусъ и глупъ; другой Петръ Өедоровичъ уменъ и храбръ; но оба злы и жестоки. Оба кончили жизнь генералъ-лейтенантами; послѣдній умеръ предсѣдателемъ Молдавскаго Дивана во время послѣдней Турецкой войны.

Не въ столь веселый, но болѣе пріятный домъ повезъ меня губернаторъ Мансуровъ: ко вдовѣ одного изъ предмѣстниковъ своихъ, князя Семена Михайловича Баратаева, матери пяти красавицъ. Одну изъ нихъ и, какъ увѣряли меня, самую прелестную, я не нашелъ: смерть похитила ее у семейства за мѣсяцъ до моего пріѣзда. Черное платье и печальный видъ дѣлали еще трогательнѣе красоту четырехъ оставшихся. Безъ блестящаго воспитанія, безъ малѣйшаго кокетства, всѣ онѣ были привлекательны, и какъ ни хороши были собою, поговоривъ съ ними немного, можно было почувствовать, что наружность ихъ только красивый футляръ, вмѣщающій въ себѣ нѣчто болѣе драгоцѣнное, ангельскую душу. Какъ мать, такъ и дочери, были привѣтливы и скромны, и все въ домѣ семъ показывало благочестіе и пристойность.

Какъ бы мнѣ не позабыть пару добрыхъ людей, которые сами старались со мной познакомиться: старика коменданта, генералъ-майора Кастелли и жену его Софью Васильевну, урожденную Нелюбову. Съ Итальянскимъ прозваніемъ, былъ онъ простой Русскій солдатъ, не зналъ никакого иностраннаго языка и даже походомъ Суворова въ Италію, въ которомъ находился, не умѣлъ воспользоваться, чтобы выучиться по-итальянски. Жена его имѣла недостатокъ, дурную привычку (порокомъ, право, назвать грѣшно) все разсказываемое преувеличивать. Примѣчательно, что въ ней это было врожденное, общее со всѣми членами ея семейства; братья, сестры, всѣ безъ краснаго словца ступить не могли. Изъ нихъ я помню одну, генеральшу Елисавету Васильевну Репнинскую, которую знавалъ я въ Кіевѣ, и артилерійскаго генерала Василья Васильевича Нелюбова, которые искусство сіе доводили до совершенства; и онъ самъ, бывало, шутя говорилъ: «Нелюбова не слушай, а лгать не мѣшай». Добродушіе Казанцевъ не дозволяло имъ оспаривать госпожу Кастелли, ни поднимать ее на смѣхъ.

Не знаю, что̀ мнѣ сказать объ обществѣ, въ которомъ я жилъ. Молодыхъ людей, служащихъ и не служащихъ, окружавшихъ тогда губернатора, всѣхъ до одного я помню; но сдѣлаю будто ихъ перезабылъ, потому что, право, они того сто̀ятъ: ни одного порока, ни одной доблести. Каковы были они, таково было Казанское общество, или по крайней мѣрѣ та часть его, которую въ трехнедѣльное пребываніе успѣлъ я узнать. А между тѣмъ собирались, разговаривали безъ умолку, толковали, а о чемъ? Богъ вѣсть, хотя бы о собакахъ или объ урожаѣ. Анъ нѣтъ! ни пересудовъ и злословія, ни политики, ни литературы, а такъ какой-нибудь вздоръ взбредетъ, не на умъ, который тутъ не вмѣшивался, а на языкъ, и какъ на жерновѣ начнетъ перемалываться. Однакоже не худо ли я дѣлаю, что почти съ

пренебреженіемъ говорю о томъ, что̀ меня самого тѣшило и тогда какъ я самъ все зря говорилъ? Вспоминая вѣчныя претензіи, вѣчную клевету, грубыя, иногда язвительныя шутки Пензенскія, я какъ будто успокоивался веселымъ, безвиннымъ Казанскимъ пустословіемъ.

Новорожденный Казанскій Университетъ видѣлъ я въ пеленкахъ. Кончились первые его экзамены, и я присутствовалъ на торжественномъ актѣ, когда призы раздавались студентамъ. Строеніе было довольно обширно, не то что́ послѣ, когда его распространили; но нынѣ нѣтъ ни одной гимназіи, которой публичныя испытаніян е представляли бы зрѣлища, болѣе уваженія возбуждающаго. Чтобы дать понятіе о степени младенческаго его ничтожества, скажу только, что Яковкинъ былъ его ректоромъ.

Дважды пламя пожирало Казань, послѣ того какъ я былъ въ семъ городѣ, и онъ, говорятъ, въ новой красотѣ подымался изъ развалинъ. Съ тѣхъ поръ какъ я его видѣлъ, долженъ былъ онъ перемѣниться, и можетъ быть теперь я не узналъ бы его. Но и тогда, по населенію, по числу и прочности зданій, если не по красотѣ, могъ онъ дѣйствительно почитаться третьимъ Русскимъ городомъ: ибо Рига Нѣмецкій, Вильно Польскій, а Одесса Вавилонскій городъ. Сначала ожидалъ и искалъ я въ Казани Азіятской физіономіи, но вездѣ передо мной подымались куполы съ крестами, и только издали глаза мои открыли потомъ минареты. Казань, сколько могла, старалась рабски все перенимать у побѣдительницы своей, Москвы; въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіи Россія повелительно, а не всепокорно дѣлала завоеванія, какъ въ восемнадцатомъ и девятнадцатомъ вѣкѣ. Не знаю почему госпожа Сталь называла Москву Татарскимъ Римомъ; гораздо справедливѣе и основательнѣе можно было назвать Казань Татарскою Москвой: также кремль, также древніе соборы и храмы, въ одномъ стилѣ и современные Московскимъ церквамъ, ибо новое зодчество началось у насъ при обоихъ Іоаннахъ. Купцы, чиновнички и мелкіе дворяне, также какъ въ Москвѣ за Москвой-рѣкой и за Яузой, жили здѣсь за Казанкой и за Булакомъ. Сплошное каменное строеніе было при мнѣ только по Большой улицѣ и вокругъ такъ-называемаго Чернаго озера; тутъ были всѣ публичныя зданія, торговля, и жило лучшее дворянство; въ другихъ кварталахъ каменное строеніе мѣшалось съ деревяннымъ.

На самыхъ окраинахъ города поселены были первобытные жители Казани, побѣжденное племя Татарское. Тамъ только, когда я жилъ на заводѣ Евреинова, могъ я часто ихъ встрѣчать. Я заходилъ въ ихъ мечети и безвозбранно смотрѣлъ на ихъ моленіе. Я любилъ ихъ смѣлый, откровенный взглядъ, ихъ довѣрчивый характеръ; одной

храбрости Русскихъ они бы не уступили, но хитрость и соединенныя силы ихъ задавили. Примѣчательно, что хотя они народъ торговый, а никто изъ нихъ не богатѣетъ подобно Русскимъ купцамъ, которые въ глазахъ ихъ дѣлаются милліонерами; стало быть и въ оборотливости наши ихъ превзошли. Изъ ихъ древностей видѣлъ я только въ крѣпости какіе-то переходы, бывшіе при царицѣ Сумбекѣ и носящіе ея имя. Въ окрестностяхъ Казани посѣтилъ я одинъ только весьма не замѣчательный Хижицкій монастырь, мѣсто погребенія богатыхъ людей, куда ежегодно бываетъ крестный ходъ изъ собора.

Внутренность видѣнныхъ мною домовъ богатствомъ и обширностію мало разнствовали отъ Пензенскихъ; только я замѣтилъ, что бумажныя обои продолжали здѣсь быть въ употребленіи, когда въ Москвѣ и даже Пензѣ они совсѣмъ были брошены. Одинъ только губернаторскій казенный домъ, не знаю у кого купленный, великолѣпіемъ превосходилъ другіе; къ украшенію его много послужила Китайская торговля. Большая гостиная была обита шелковою матеріей, по которой въ Китайскомъ вкусѣ очень пестро разрисованы были цвѣты и листья; въ диванной стѣны были настоящія Китайскія, разноцвѣтныя, лакированныя, и на нихъ были выпуклыя фигуры, какъ будто изъ финифти.

Былъ также въ Казани и театръ, пребольшущій, деревянный, посреди одной изъ ея площадей; но лѣтомъ на немъ не играли. Содержатель его, Петръ Васильевичъ Есиповъ, былъ одинъ изъ тѣхъ Русскихъ дворянъ, ушибенныхъ театромъ, которые имъ же потомъ лѣчились. Онъ жилъ тогда въ деревнѣ, я думаю, единственной, ему оставшейся, верстахъ въ сорока отъ Казани, и съ самаго пріѣзда моего слышалъ я все о замышляемомъ на него набѣгѣ губернатора съ своимъ обществомъ: въ семъ предпріятіи долженъ былъ я участвовать. Почти передъ самымъ концомъ пребыванія моего въ Казани собрались, наконецъ, на сію партію удовольствія, какъ говорятъ Французы. Предувѣдомленный о нашемъ нашествіи, хозяинъ ожидалъ насъ твердою ногой. Какъ эта поѣздка была для меня единственною въ своемъ родѣ, то нѣтъ возможности не поразсказать объ ней.

Насъ восемь человѣкъ отправилось въ линейкѣ, въ томъ числѣ губернаторъ и Бестужевъ. Это было въ шесть часовъ вечера; многіе другіе, въ разныхъ экипажахъ, пустились еще съ утра. Мы ѣхали не шибко, перемѣняли лошадей и переправлялись черезъ Волгу, а между тѣмъ не видѣли, какъ проѣхали болѣе сорока верстъ; всю дорогу смѣялись, а чему? какъ говоритъ нашъ простой народъ, своему смѣху. Генералъ Бестужевъ, развеселясь, также хотѣлъ насъ потѣшить; онъ не умѣлъ пѣть, но прекрасно насвистывалъ, даже съ варіаціями, всѣ извѣстныя пѣсни. Часу въ двѣнадцатомъ могли мы только пріѣхать,

но домъ горѣлъ, какъ въ огнѣ, и хозяинъ встрѣтилъ насъ на крыльцѣ съ музыкой и пѣніемъ. Черезъ полчаса мы были за ужиномъ.

Господинъ Есиповъ былъ рано состарившійся холостякъ, добрый и пустой человѣкъ, который никакого понятія не имѣлъ о порядкѣ, не умѣлъ ни въ чемъ себѣ отказывать и чувственнымъ наслажденіямъ своимъ не зналъ ни мѣры, ни границъ. Онъ насъ употчивалъ по своему. Я зналъ, что дамы его не посѣщаютъ и крайне удивился, увидѣвъ съ дюжину довольно нарядныхъ женщинъ, которыя что-то больно почтительно обошлись съ губернаторомъ: все это были Фени, Матреши, Ариши, крѣпостныя актрисы Есиповской труппы. Я еще болѣе изумился, когда онѣ пошли съ нами къ столу, и когда, въ противность тогдашняго обычая, чтобы женщины садились всѣ на одной сторонѣ, онѣ размѣстились между нами, такъ что я очутился промежъ двухъ красавицъ. Я очень проголодался; столъ былъ заставленъ блюдами и обставленъ бутылками; внѣ себя я думалъ, что всякаго рода удовольствія ожидаютъ меня. Какъ жестоко былъ я обманутъ! Первый кусокъ, который хотѣлъ я пропустить, остановился у меня въ горлѣ. Я думалъ голодъ утолить питьемъ: еще хуже. Не было хозяевъ; слѣдственно, къ счастію, некому было заставлять меня ѣсть; за то гости и гостьи приневоливали пить. Не знаю, какое названіе можно было дать этимъ ужаснымъ напиткамъ, этимъ отравленнымъ помоямъ. Это какое-то смѣшеніе водокъ, винъ, настоекъ съ примѣсью, кажется, пива, и все это подслащенное медомъ, подкрашенное сандаломъ. Этого мало, настойчивыя приглашенія сопровождались горячими лобзаніями дѣвъ съ припѣвами: «Обнимай сосѣдъ сосѣда, поцѣлуй сосѣдъ сосѣда, подливай сосѣдъ сосѣду». Я пилъ, и мнѣ былъ девятнадцатый годъ отъ роду; можно себѣ представить, въ какомъ расположеніи духа я находился! На другомъ концѣ стола сидѣли, можно ли повѣрить? актеры и музыканты Есипова, то-есть слуги его, которые смѣнялись, вставали изъ-за стола, служили намъ и потомъ опять за него садились. Въ Шотландіи, говорятъ, существовалъ обычай, чтобы господа и служители одного клана садились за одинъ столъ; въ этомъ можно видѣть нѣчто патріархальное, а тутъ какая была патріархальность!

Сатурналіи, вакханаліи сіи продолжались гораздо далеко за полночь. Когда кончился ужинъ, я съ любопытствомъ ожидалъ, какому новому обряду насъ подвергнутъ. Самому простому: исключая губернатора и Бестужева, которымъ отвели особыя комнаты, проводили насъ всѣхъ въ просторную горницу, родъ пустой залы, и пожелали намъ доброй ночи. На полу лежали тюфячки, подушки и шерстяныя одѣяла, отнятыя на время у актеровъ и актрисъ. Я нагнулся, чтобы взглянуть на подлежащую мнѣ простыню и вздрогнулъ отъ ея пестро-

ты. Сопутники мои, вѣроятно зная напередъ обычаи сего дома, спокойно стали раздѣваться и весело бросились на поганыя свои ложа. Нечего было дѣлать, я долженъ былъ послѣдовать ихъ примѣру. Разгоряченный виномъ, или тѣмъ что называли симъ именемъ, разъяренный поцѣлуями, я млѣлъ, я кипѣлъ. Жаръ крови моей и воображенія можетъ быть, наконецъ, бы утихъ, еслибы темнота и молчаніе водворились вокругъ меня; самый отвратительный запахъ коровьяго тухлаго масла, коимъ напитано было мое изголовье, не помѣшалъ бы мнѣ успокоиться; но при свѣтѣ сальныхъ свѣчъ, калякание, дурацкій нашъ дорожный разговоръ возобновился, и другіе, пріѣхавшіе прежде насъ, подливали въ него новый вздоръ. Не одинъ разъ подымалъ я не грозный, но молящій голосъ; полупьяные смѣялись надо мной, не столь учтиво, какъ справедливо, называя меня нѣженкой. Одинъ за другимъ начали засыпать; но когда послѣдніе два болтуна умолкли, занялась заря, которая безпрепятственно вливалась въ наши окошки безъ занавѣсъ. Между тѣмъ, сверху мухи и комары, снизу клопы и блохи, всѣ колючія насѣкомыя объявили мнѣ жестокую войну. Ни на минуту не сомкнувъ очей, истерзанный, я всталъ, кое-какъ одѣлся и побрелъ въ садъ, чтобъ освѣжиться утреннимъ воздухомъ. Такъ кончилась для меня сія адская ночь.

Солнце освѣтило мнѣ печальное зрѣлище. Длинныя аллеи прекрасно насаженнаго сада, съ безподобными липами и дубами, заросли не только высокою травой, въ иныхъ мѣстахъ даже кустарникомъ; изрядныя статуи, къ счастію, не мраморныя, а гипсовыя, были всѣ въ инвалидномъ состояніи; изъ довольно красиваго фонтана, прежде, говорятъ, высоко бившаго воду, она легонько сочилась. Взглядъ на домъ былъ еще непріятнѣе; онъ былъ длинный, на каменномъ жильѣ, во вкусѣ большихъ деревянныхъ домовъ временъ Елисаветы Петровны, обшитый тесомъ, съ частыми пилястрами и разными фестонами на карнизахъ, съ полукруглымъ наружнымъ крыльцомъ, ведущимъ сперва къ деревянной терассѣ; всѣ ступени были перегнивши, наружныя украшенія поломаны, иныя обвалились; если запустѣніе было въ саду, то раззореніе въ домѣ. Одинъ только новопостроенный театръ въ боку содержался въ порядкѣ. Видно, что отецъ жилъ бариномъ, а сынъ фигляромъ.

Вся честная компанія собралась къ чаю; послѣ того всѣ принялись за карты; никто не подумалъ пойдти прогуляться. Я приступилъ къ губернатору съ просьбою, даже съ требованіемъ, велѣть мнѣ дать телѣгу съ парою лошадей, чтобы воротиться въ Казань, и изобразилъ ему весь ужасъ ночи, проведенной безъ сна. Вздумали было шутить, но истинная горесть всегда бываетъ трогательна и краснорѣчива; ей

вняли и начали совѣтоваться какъ бы утѣшить меня и успокоить на слѣдующую ночь. Мансурову необходимо было спать одному: онъ имѣлъ на то свои причины (всѣ губернаторы, бывшіе и настоящіе, пользуются нѣкоторыми господскими правами); Бестужевъ, хотя и генералъ, ихъ не имѣлъ; положено было поставить мнѣ кровать въ его комнатѣ и даже занавѣской оградить меня отъ свѣта и насѣкомыхъ. За обѣдомъ я ѣлъ какъ Французъ, на обратномъ походѣ въ 1812 году; онъ былъ шуменъ, веселъ, но болѣе пристоенъ чѣмъ ужинъ, ибо драматическихъ артистовъ съ нами не было: всѣ они наряжались и готовились тотчасъ послѣ обѣда потѣшить насъ оперой *Коза рара* или *Рѣдкая вещъ*. Играли и пѣли они, какъ всѣ тогдашніе провинціальные актеры, не хуже, не лучше. Наученный опытомъ, я былъ остороженъ за ужиномъ, надежда меня болѣе не оживляла, я отворачивался отъ поцѣлуевъ, не слушалъ припѣвовъ, и опричь кваса ничего не хотѣлъ пить. Послѣ спокойной ночи, проведенной съ почтеннымъ Бестужевымъ, я всталъ, и мы въ той же линейкѣ, но другою дорогой отправились обратно въ Казань. Ну, господинъ Есиповъ! На томъ свѣтѣ да отпустятся тебѣ твои прегрѣшенія, а здѣсь ты былъ хуже Буянова и опаснѣе Опаснаго Сосѣда. На половинѣ дороги заѣхали мы обѣдать къ сестрѣ и зятю Есипова, бригадиру Ѳедору Ѳедоровичу Геркену, которые, кажется, рѣдко съ нимъ видѣлись и совсѣмъ инымъ образомъ жили, какъ онъ.

Отдѣленія посольства черезъ три-четыре дня слѣдовали одно за другимъ, останавливаясь въ Казани для починки и отдыха, такъ что иногда одно настигало другое и гнало впередъ, ибо для каждаго потребно было не менѣе сорока лошадей. Чиновники, ими управлявшіе и ихъ сопровождавшіе, иные меня навѣщали, у другихъ я навѣдывался; отъ нихъ узналъ я, что посолъ намѣренъ, отправивъ послѣднее отдѣленіе, не ранѣе какъ спустя двѣ недѣли послѣ него, выѣхать изъ Петербурга. Однимъ утромъ, не хозяинъ, а угоститель мой, г. Нечаевъ, сказалъ мнѣ, возвратясь отъ губернатора, что въ рапортѣ, поданномъ ему о пріѣзжихъ, находится камеръ-юнкеръ Нелидовъ съ отдѣленіемъ своимъ, состоящимъ по большей части изъ чиновниковъ. Это было для меня почти сигналомъ отъѣзда. Я пошелъ отыскивать временнаго, дорожнаго своего начальника и нашелъ его вмѣстѣ съ Сухтеленомъ въ трактирѣ у Шварца; (въ каменномъ пустомъ домѣ, гдѣ всѣ посольскіе останавливались, они жить не захотѣли. Въ немъ остались дворяне посольства, Хвостовъ и Клементъ, аптекарь Гельмъ и обозъ отдѣленія).

Съ величайшимъ удовольствіемъ встрѣтилъ я большое согласіе въ этомъ странствующемъ обществѣ. Кротость Нелидова, спокойный духъ

и просвѣщенный умъ Сухтелена, веселая живость Хвостова и простодушіе Клемента обѣщали мнѣ пріятныхъ и уживчивыхъ спутниковъ и сдержали обѣщанное. Чтобы удружить симъ господамъ, началъ я ихъ угащивать Казанью, все показывать, всюду возить, со всѣми знакомить: я уже почиталъ себя въ правѣ въ ней хозяйничать. Нелидову и даже Сухтелену такъ полюбилось, что вмѣсто предполагаемыхъ трехъ дней они прожили пять, и только 13 Іюля, послѣ поздняго прощальнаго обѣда у Мансурова, рѣшились оставить Казань. У меня были еще кое-какія дѣла, и я выѣхалъ нѣсколько позже, но догналъ ихъ на первой станціи, гдѣ мы и ночевали.

Здѣсь начинаешь какъ будто прощаться съ матушкой-Россіей и близиться къ огромной ея дочери, Сибири. Отсюда начинается также мое офиціальное путешествіе, и описаніе его переношу я въ слѣдующую главу.

IX.

Не должно ожидать отъ меня того, что̀ требуется отъ другихъ путешественниковъ, ученыхъ или литераторовъ. Любопытныхъ открытій по части естественной, глубокихъ наблюденій по части нравственной и политической, я дѣлать не могъ. Если какой-нибудь странный обычай возбуждалъ мое вниманіе, если величіе новой для меня природы иногда поражало меня, то произведенными во мнѣ ощущеніями, сколько могу, готовъ подѣлиться съ читателемъ, но многаго обѣщать не смѣю. Когда я ѣду одинъ, то на предметы, встрѣчающіеся мнѣ на пути, смотрю обыкновенно прилежнѣе; а тутъ я находился въ обществѣ, гдѣ каждый разговорами старался развлекать скуку другихъ, скуку безконечной дороги. Въ самый же первый день мы съ Сухтеленомъ распорядились слѣдующимъ образомъ: у него была новая, легкая, покойная, двумѣстная коляска, доро̀гой немного пострадавшая отъ лишней нагрузки; мы условились чтобы мнѣ сидѣть въ ней вмѣстѣ съ нимъ, а бричку мою обратить въ кладовую какъ для его, такъ и для моихъ пожитковъ. Общество мое ему показалось пріятнымъ: не столько собесѣдникъ, сколько внимательный слушатель былъ ему нуженъ, и мнѣ пришлось Голландіей и Америкой заниматься болѣе, чѣмъ Сибирью.

Въ день прибытія послѣдняго посольскаго отдѣленія, семейство Юшковыхъ отправилось въ деревню, съ небольшимъ во ста верстахъ отъ Казани и въ одной верстѣ отъ Сибирскаго тракта находящуюся. Сыновья взяли съ меня слово, пригласивъ моихъ товарищей, своротить къ нимъ съ дороги, погулять, попировать у нихъ и дали обѣщаніе отпустить насъ съ пирогами и другими съѣстными припасами.

Я объявилъ о томъ Сухтелену: онъ любилъ покушать, ибо у эгоистовъ всегда славный желудокъ. Разыгрался въ немъ аппетитъ тѣмъ болѣе, что въ упраздненномъ городѣ Арскѣ и въ слѣдующихъ за нимъ селеніяхъ въ тотъ день никого найдти и ничего достать было нельзя. Къ вечеру, вступивъ въ Вятскую губернію, пріѣхали мы въ богатое татарское селеніе Янгулъ и остановились у зажиточнѣйшаго изъ жителей. Хозяинъ, видно, былъ плохой магометанинъ, потому что встрѣтилъ насъ съ полдюжиной нарумяненыхъ и набѣленыхъ женщинъ; они что-то праздновали и пригласили насъ съ собой за трапезу; но не было возможности: такъ на столѣ все было неопрятно и такъ чувствителенъ былъ духъ кобыльяго мяса. Между тѣмъ присланный нарочно отъ больнаго исправника объявилъ намъ, что онъ было велѣлъ тутъ готовить для насъ обѣдъ, но что Юшковы тому воспрепятствовали, сказавъ, что они сами насъ цѣлый день будутъ дожидаться. И такъ мы къ нимъ отправились. Давно уже смерклось, и подлѣ меня, въ темнотѣ, Сухтеленъ безпрестанно восклицалъ: «Ахъ, далеко ли намъ еще до пироговъ!» Мы въѣхали на широкій дворъ, и одинъ лай собакъ насъ встрѣтилъ; всѣ уже улеглись. Кто-то во тьмѣ появился, и мы отъ него настоятельно стали требовать, чтобъ онъ разбудилъ и вызвалъ къ намъ молодыхъ господъ. Они потихоньку вышли въ халатахъ и шепотомъ стали извиняться, что не могутъ насъ принять, ибо боятся потревожить сонъ семидесятилѣтней матери, указали намъ на городокъ Малмыжъ, въ десяти верстахъ отъ нихъ лежащій, и обѣщались на другой день сами туда къ намъ пріѣхать. Нѣтъ, досады обыкновенно-хладнокровнаго Сухтелена описать невозможно; къ счастію она обратилась не на меня. «Какіе неучи, повторялъ онъ, а еще дворяне и гвардіи офицеры! Ихъ мать, ихъ мать! Что̀ намъ до ихъ матери? Развѣ я пріѣхалъ обольщать, соблазнять ее? Я пріѣхалъ, чтобъ ѣсть».

Утѣшеніе ожидало насъ въ Малмыжѣ. Онъ еще не былъ опять возведенъ въ званіе уѣзднаго города, однакоже въ немъ жилъ прежній городничій, безъ должности, но не безъ дѣла. Любовь жителей давала ему содержаніе, и они добровольно шли къ нему на судъ. Забыть его имя могло бы еще быть извинительно, но не спросить даже о немъ, право, гадко; а мы это сдѣлали. У него была страсть ловить всѣхъ проѣзжихъ и угощать у себя, и потому-то насъ прямо къ нему и ввезли. Комнаты были высокія, домъ не очень великъ, но отмѣнно опрятенъ; черезъ пять минутъ онъ освѣтился, а черезъ полчаса поспѣлъ ужинъ, который сто́илъ двухъ обѣдовъ: все было изобильно, просто, свѣжо и хорошо приготовлено; у людей съ похвальными наклонностями всегда бываетъ и вкусъ. Чело Сухтелена просіяло; не умѣя говорить по-русски, онъ хозяину за столомъ безпрестанно дѣ-

лалъ ручкой, какъ бы мысленными поцѣлуями желая изъявить ему свою благодарность; похваламъ ему не было конца, равно какъ и брани Юшковымъ. Я умиралъ со смѣху и не замѣчалъ, что тутъ есть нѣчто обидное, презрительное отъ иностранца и жителя столицы къ Русскимъ и провинціаламъ, коихъ они почитаютъ обязанными имъ угождать. Мы спали также хорошо какъ и ужинали.

Мы едва успѣли проснуться часу въ десятомъ, какъ нагрянули братья Юшковы, на собственныхъ лихихъ шестеркахъ. Нелидовъ встрѣтилъ ихъ чрезвычайно вѣжливо, а Сухтеленъ очень холодно. Хозяинъ сунулся было съ завтракомъ, но они едва дозволили намъ выпить по чашкѣ чаю. Въ двадцати верстахъ было ихъ селеніе Гоньба съ винокуреннымъ заводомъ, на берегу широкой рѣки Вятки и у самой переправы черезъ нее. Повара съ ранняго утра были туда отправлены, и тамъ происходила страшная стряпня, чтобы сколько-нибудь вознаградить за тщетныя наши ожиданія наканунѣ. Не болѣе какъ въ часъ прилетѣли мы туда на борзыхъ коняхъ и въ просторной избѣ прикащика нашли уже накрытый столъ. Скоро сталъ онъ гнуться подъ тяжестію приносимыхъ блюдъ, и Сухтеленъ у Юшковыхъ начиналъ уже пожимать руку. Пресыщенный, упоенный старикъ былъ растроганъ, и когда въ лодкѣ, переплывъ рѣку, гостепріимные братья на другомъ берегу ея стали съ нами прощаться, онъ съ нѣжностію ихъ поцаловалъ. «Вотъ примѣръ, говорилъ онъ мнѣ потомъ наставительно, что никогда не надобно спѣшить съ сужденіями своими о людяхъ». А я позволилъ себѣ замѣтить ему, что кажется только въ Россіи можно быть такъ взыскательну съ незнакомыми, и онъ замолчалъ.

Этотъ случай напомнилъ намъ, что необходимо нужно заботиться о дальнѣйшемъ нашемъ продовольствіи. Я предложилъ Нелидову слѣдующій планъ. У каждаго изъ насъ было по одному слугѣ; камердинеръ Нелидова, какъ Метръ-Жакъ, былъ въ тоже время и поваръ; отъ первой должности каждый день надлежало увольнять его на все то время, чтó онъ будетъ заниматься другою, а покамѣстъ всѣ наши люди должны находиться къ услугамъ его господина. Вотъ еще другое. Я успѣлъ замѣтить, что молодому Клементу хочется играть какую-нибудь роль, хотя бы весьма не важную; его надзору были поручены три или четыре качалки *) съ нами отправленныя. Но этого было мало

*) Качалки эти были четвероугольные, продолговатые ящики, величиною съ карету, повѣшенные на ремняхъ и пазахъ. Онѣ чѣмъ-то были плотно набиты; можетъ быть, въ нихъ были и панталоны Байкова, а можетъ быть золотыя или серебряныя вещи, назначенныя въ подарокъ Пекинскому двору. Храненіе ихъ было строго намъ наказано, содержаніе ихъ было намъ неизвѣстно.

для его дѣятельности. Онъ былъ очень чинопочитателенъ, а какъ онъ находился въ четырнадцатомъ классѣ, а Нелидовъ въ пятомъ, то мнѣ пришло въ голову создать для него новую должность, родъ адъютанта при начальникѣ нашего отдѣленія. Въ семъ званіи, долженъ онъ будетъ каждое утро ранѣе отправляться для заготовленія провіанта въ томъ мѣстѣ, гдѣ у насъ назначенъ обѣдъ и съ Метръ-Жакомъ тамъ насъ дожидаться. Скромный Нелидовъ боялся обидѣть его такимъ предложеніемъ, но я взялся сдѣлать оное отъ его имени и имѣлъ совершенный успѣхъ. Новыя заботы чрезвычайно полюбились Клементу и польстили его честолюбію, которое между людьми въ такихъ разныхъ видахъ является.

Отъ рѣки Вятки начинаются селенія того народа или Финскаго племени, которому она дала свое имя, равно какъ и всей области и главному ея городу, прежнему Хлынову. Тогда была рабочая пора; жители сіи, Вотяки, цѣлый день были въ полѣ, и мы мало ихъ видѣли. Они рослѣе, дороднѣе и опрятнѣе другихъ Чухонцевъ, но мнѣ показались столь же безсмысленны. Языкъ ихъ долженъ быть не весьма благозвученъ, судя по названіямъ ихъ деревень, въ коихъ учреждены были станціи: Какси, Можги, Пумсы, Бокчегурты, Чемошуры. Они пугали избалованный мой слухъ, ибо тогда всѣ романисты и поэты именами старались ласкать его: нынѣ съ такими именами не только можно написать героическую поэму, но пожалуй втереть ихъ и въ идиллію.

Мы ѣхали дремучими лѣсами, почти того не примѣчая; просѣка были сажень во ста ширины, и вѣчно подлѣ тѣни, мы никогда не знали ея: а жаръ былъ лѣтне-сѣверный, то-есть нестерпимый. Потому-то рѣшились мы ѣхать только ночью, а днемъ отдыхать; станціонныя же избы представляли къ тому большія удобства, ибо просторомъ своимъ онѣ бы въ маленькихъ городахъ могли называться домами. Лѣсу было вдоволь, щадить его было нечего, и строеніе сихъ избъ стоило не дорого.

Во время отдыха на одной изъ сихъ станцій, мы съ удивленіемъ увидѣли вошедшаго къ намъ офицера въ Преображенскомъ мундирѣ. Это былъ графъ Толстой Ѳедоръ Ивановичъ, доселѣ столь извѣстный подъ именемъ Американца. Онъ дѣлалъ путешествіе вокругъ свѣта съ Крузенштерномъ и Рѣзановымъ, со всѣми перессорился, всѣхъ перессорилъ, какъ опасный человѣкъ былъ высаженъ на берегъ въ Камчаткѣ и сухимъ путемъ возвращался въ Петербургъ. Чего про него не разсказывали! Будто бы въ отрочествѣ имѣлъ онъ страсть ловить крысъ и лягушекъ, перочиннымъ ножикомъ разрѣзывать имъ брюхо и по цѣлымъ часамъ тѣшиться ихъ смертельною мукою; будто бы во

время мореплаванія, когда только начинали чувствовать нѣкоторый недостатокъ въ пищѣ, любезную ему обезьяну женскаго пола онъ застрѣлилъ, изжарилъ и съѣлъ; однимъ словомъ, не было лютаго звѣря, съ коего неустрашимостію и кровожадностію не сравнивали бы его наклонностей. Дѣйствительно онъ поразилъ насъ своею наружностію. Природа на головѣ его круто завила густые, черные его волосы; глаза его, вѣроятно отъ жара и пыли покраснѣвшіе, намъ показались налитыми кровью, почти же меланхолическій его взглядъ и самый тихій говоръ его настращеннымъ моимъ товарищамъ казался омутомъ. Я же, не понимаю какъ, не почувствовалъ ни малѣйшаго страха, а напротивъ, сильное къ нему влеченіе. Онъ пробылъ съ нами не долго, говорилъ все обыкновенное, но самую простую рѣчь велъ такъ умно, что мнѣ внутренно было жаль, зачѣмъ онъ отъ насъ, а не съ нами ѣдетъ. Можетъ быть, онъ сіе замѣтилъ, потому что со мною былъ ласковѣе, чѣмъ съ другими и на дорогу подарилъ мнѣ сткляницу смородинаго сыропа, увѣряя, что, приближаясь къ болѣе обитаемымъ мѣстамъ, онъ въ ней нужды не имѣетъ. Столь примѣчательное лицо заслуживаетъ, чтобы на немъ остановиться, но я надѣюсь еще съ нимъ встрѣтиться въ сихъ Запискахъ и поговорить объ немъ пообстоятельнѣе.

Скоро вступили мы въ переднюю Сибири, въ Пермскую губернію; тутъ опять появились Русскія селенія. Мы нашли одинъ только трупъ городишка Оханска, который за мѣсяцъ до нашего пріѣзда весь выгорѣлъ; на крутомъ берегу Камы, высоко и одиноко торчалъ еще домъ, занимаемый прикащикомъ Злобина, содержателя питейнаго откупа во всей губерніи. Онъ угостилъ насъ по-злобински, пока черезъ рѣку переправляли наши повозки. Славное вино развеселило сердца наши, и радость въ насъ умножилась, когда въ сопровожденіи сего прикащика, на двѣнадцативесельномъ его катерѣ, оглашенные пѣснями его гребцовъ, мы стрѣлой полетѣли черезъ широкую Каму. Долгъ благодарности заставилъ насъ вспомнить о Юшковыхъ, о Гоньбѣ и о рѣкѣ Вяткѣ. Но чтò она въ сравненіи съ Камой, съ этимъ обращикомъ рѣкъ зауральскихъ! Всѣмъ она взяла, сія величественная Кама, и шириной, и глубиной, и быстротой, и я не могу понять, почему полагаютъ, что она въ Волгу, а не Волга въ нее впадаетъ.

Ночью, часу во второмъ, пріѣхали мы въ губернскій городъ Пермь и достучались у городничаго до указанія намъ квартиры. Въѣхавъ въ Пермь, особенно при темнотѣ, нѣкоторое время почитали мы себя въ полѣ: не было тогда города, гдѣ бы улицы были шире и дома ниже. Это не было царство какъ Казань и Астрахань, не княжескій удѣльный городъ, даже не слобода, которая, распространяясь,

заставила посадить въ себя сперва воеводу; это было пустое мѣсто, которому лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ велѣно быть губернскимъ городомъ, и оно послушалось, но только медленно. Торговля есть первое условіе существованія новыхъ городовъ; и здѣсь, хотя слабо, но она одна его поддерживала. Десятокъ каменныхъ двухъэтажныхъ купеческихъ домовъ красовались уже въ сторонѣ на берегу Камы, тогда какъ главный въѣздъ и главныя улицы находились въ томъ видѣ, въ которомъ ночью не столько узрѣли мы, какъ угадали ихъ. Утромъ мы еще болѣе изумились пустотѣ города Перми: только одна узкая дорога посреди улицы была наѣзжена; все остальное обратилось въ тучные луга, на которыхъ паслись сотни гусей.

Пріѣхавшій прежде насъ и зажившійся за починками, казначей посольства Осиповъ напугалъ насъ разсказомъ о начальникѣ губерніи, котораго представилъ сущимъ медвѣдемъ. Это былъ Карлъ Ѳедоровичъ Модерахъ, сынъ одного учителя математики въ кадетскомъ корпусѣ, какъ я слышалъ отъ отца моего. Вѣрно, сынъ хорошо учился у отца, ибо въ свое время почитался у насъ однимъ изъ лучшихъ инженеровъ; по его проекту и подъ его наблюденіемъ берега Фонтанки выложены были гранитомъ. Года за два до смерти Екатерины назначенъ онъ былъ губернаторомъ въ Пермь и съ тѣхъ поръ никогда не выѣзжалъ изъ своей губерніи; мысль о благѣ ввѣреннаго ему края такъ овладѣла имъ, что онъ день отлучки почиталъ вреднымъ для него; однакоже и по заочности былъ онъ уважаемъ и награждаемъ при Павлѣ и при Александрѣ. И въ этомъ самомъ 1805 году къ Пермской его губерніи прибавили ему Вятскую, поставивъ его надъ обѣими генералъ-губернаторомъ; въ Пермь же покамѣстъ губернатора не назначали. По истинѣ онъ не былъ любезенъ, сей камергерской добродѣтели въ немъ не было; уединенная и вмѣстѣ дѣятельная жизнь въ отдаленномъ мѣстѣ хоть кого заставитъ потерять желаніе и забыть о способахъ нравиться, кольми паче людей серіозныхъ, со строгою нравственностію. Модерахъ былъ честенъ, добръ, уменъ и свѣдущъ въ дѣлахъ; но какъ все великими трудами пріобрѣтенное цѣнится болѣе, чѣмъ даровое, то и генералъ-губернаторство свое, кажется, ставилъ онъ наравнѣ съ владѣтельнымъ герцогствомъ. Къ тому же, какъ въ Перми нѣтъ другихъ дворянъ, какъ богатыхъ заводчиковъ, живущихъ въ столицахъ, то болѣе десяти лѣтъ и не видѣлъ онъ никого кромѣ подчиненныхъ, а между проѣзжими по большей части мелкихъ чиновниковъ и ссыльныхъ: вотъ что̀ обращенію его давало холодность, сухость, которыя не совсѣмъ были пріятны.

Мы нарядились въ мундиры и пошли къ нему in corpore. Рядомъ съ его домомъ былъ другой, одинаковой съ нимъ величины, въ кото-

ромъ находилось Губернское Правленіе; онъ въ это время тамъ присутствовалъ, и насъ, Богъ вѣсть зачѣмъ, туда повели. Доложили объ насъ, и онъ велѣлъ намъ сказать, чтобы мы приходили въ другой часъ, а что тутъ ни мѣсто, ни время ему насъ принимать; мы тоже думали, но только можно было отвѣтъ сдѣлать поучтивѣе. Все это такъ намъ не понравилось, что мы, возвратясь домой, замышляли, не видавшись съ нимъ, на другое утро пуститься далѣе. По крайней мѣрѣ мы были довольны нашею квартирой въ чистенькомъ домѣ часовыхъ дѣлъ мастера Розенберга, который увѣрялъ насъ, будто онъ двоюродный братъ генерала сего имени. Мы обѣдали въ его саду, въ который выходъ былъ прямо изъ нашихъ комнатъ. Послѣ обѣда пріѣхалъ городничій отъ имени генералъ-губернатора звать насъ на другой день къ нему обѣдать; и такъ отъѣздъ нашъ должны мы были отложить до слѣдующаго вечера.

Мы нашли г. Модераха чрезвычайно важнымъ, что̀ намъ весьма не полюбилось, особливо послѣ черезчуръ добраго Мансурова. Семейство его состояло на лицо изъ жены и шести дочерей, двухъ замужнихъ и четырехъ дѣвицъ; единственный сынъ былъ въ военной службѣ и въ отсутствіи. Генералъ-губернаторша была добрая Нѣмка, которая, какъ намъ казалось, охотно должна была ходить и на кухню, и на погребъ. Старшая дочь, женщина весьма обыкновенная, была замужемъ за предсѣдателемъ Уголовной Палаты, статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Михайловичемъ Энгельгардтомъ, какъ бы то ни было двоюроднымъ братомъ графинь Браницкой и Литты, княгинь Голицыной и Юсуповой, что̀ ему было весьма не къ рожѣ. Четыре взрослыя дѣвки были только что молоды.

Но какъ алмазъ вправленный въ олово, такъ сіяла посреди сего семейства вторая дочь Модераха, Софья Карловна, выданная за Гатчинскаго генералъ-лейтенанта Аггея Степановича Пѣвцова, инспектора пѣхотной дивизіи и шефа Екатеринбургскаго полка, который въ томъ городѣ и стоялъ на квартирахъ. Мужъ поѣхалъ осматривать полки, а жену покамѣстъ отправилъ къ родителямъ. Она была двадцати трехъ лѣтъ. Столь милаго личика и столь пристойнаго, умнаго кокетства трудно было найдти. Отъ ея взоровъ и рѣчей все наше отдѣленіе вдругъ воспламенилось; самъ ледяной Сухтеленъ началъ таять, а бѣдный нашъ Нелидовъ! Онъ не на шутку влюбился, за то болѣе всѣхъ и полюбился; впрочемъ, и каждый изъ насъ сначала могъ считать себя предпочтеннымъ. Чудесная сія женщина была вмѣстѣ съ тѣмъ и просвѣщеннѣйшая изъ всѣхъ тѣхъ, коихъ дотолѣ я видѣлъ; свободно выражаясь на иностранныхъ языкахъ, наслаждалась всѣми цвѣтами литературы и въ преддверіи Азіи, читая журналы, знала все, что̀ про-

исходитъ въ Европѣ. Разумѣется, что нашъ отъѣздъ былъ еще отложенъ; насъ тотъ же день пригласили еще на вечеръ.

Исключая Сухтелена (старика и брата генералъ-инженера), Модерахъ почти никого изъ насъ не замѣчалъ. Надобно думать, что старшія дочери, въ отсутствіе наше, шепнули ему что-нибудь для насъ выгодное, представивъ людьми довольно порядочными и, можетъ-быть, кто знаетъ, женихами для меньшихъ его дочерей; потому что вечеромъ былъ онъ внимательнѣе и привѣтливѣе къ намъ. Были собраны какіе-то два-три аматёра, чтобы сопровождать (аккомпанировать) одну изъ сихъ младшихъ дочерей, которая передъ нами хотѣла блеснуть музыкальнымъ искусствомъ, довольно страннымъ для женщины: она играла на скрипкѣ. Но еслибъ она играла и на контрабасѣ, то я мало бы тому подивился, бывъ совершенно углубленъ въ созерцаніе сестры ея, Пѣвцовой *). Сія чародѣйка, желая продлить наше пребываніе въ Перми, заставила зятя своего, Энгельгардта, пригласить насъ на другой день къ себѣ обѣдать. Третій день, 22 Іюля, былъ табельный, именины императрицы Маріи Ѳеодоровны. въ который генералъ-губернатору надлежало дать официальный обѣдъ. Какъ Модерахъ былъ бѣденъ и разсчетливъ, то отпраздновали мы сей день партикулярнымъ образомъ. На обѣдъ, на балъ и на ужинъ пригласилъ насъ Пермскій амфитріонъ, губернскій казначей Дягилевъ, у котораго въ этотъ день жена была именинница. Мы было хотѣли отговориться, но Софья Карловна намъ не велѣла. Мы знали одно только семейство Модераха; тутъ увидѣли мы все Пермское общество, и я нашелъ, что оно двумя десятками годовъ отстало отъ Пензенскаго и Казанскаго. Мущины безъ всенижайшаго поклона не подходили къ дамамъ и говорили имъ съ безпрестаннымъ словоерсомъ. Итакъ вмѣсто однѣхъ сутокъ, прожили мы почти пять, и только 23 Іюля вырвались изъ пустаго города, оживленнаго присутствіемъ одного превосходнаго существа.

Объ немъ были всѣ помышленія, всѣ разговоры согласныхъ соперниковъ въ первый день разлуки съ нимъ; но дорожныя впечатлѣнія, какъ бы сильны ни были, скоро изглаживаются новыми. На другой же день, по прибытіи въ уѣздный городъ Кунгуръ, свѣжія прелести двадцатилѣтней городничихи, княгини Маматказиной, жены шестидесятипятилѣтняго городничаго, насъ взволновали: взоры ея и даже слова сулили намъ счастіе и конечно по одиночкѣ каждому умѣли бы дать его; но къ сожалѣнію, мы ѣхали толпой и не могли долго останавливаться.

---

*) Будучи вдовою, она была назначена начальницей Екатерининскаго Института въ Москвѣ.

Городъ Кунгуръ, самый старинный въ Пермской губерніи, былъ прежде мѣстопребываніемъ воеводы и, такъ сказать, столицей Біарміи или Великой Перми, когда города сего имени еще не было. Онъ не имѣлъ и третей доли пространства занимаемаго Пермью, за то жителей втрое болѣе. Все въ немъ возвѣщало жизнь и дѣйствіе, и онъ казался въ отношеніи къ Перми какъ плотный, здоровый старичокъ, невысокаго росту, къ длинному, вытянутому юношѣ, который едва держится на ногахъ. Строеніе въ немъ было довольно не регулярно; но оно стоитъ на высокомъ мѣстѣ, въ пріятномъ положеніи и орошается двумя рѣчками, коихъ берега столь же красивы какъ и названіе: ихъ зовутъ Ирень и Сильва.

Съ самаго въѣзда въ Пермскую губернію ощутительна въ ней становилась рука Модераха: онъ устроилъ въ ней такія дороги, съ которыми можно было бы обойдтись безъ шоссе. Посрыты горы, накатаны, убиты дороги, со спусками для воды въ канавы, прорытыя по бокамъ; для предохраненія откосовъ горъ отъ осыпи, укрѣплены онѣ простыми плетнями во всю ихъ высоту и за нихъ брошены сѣмена разныхъ растеній; проростая сквозь сіи плетни, обвивая ихъ и покрывая ихъ цвѣтами онѣ давали имъ видъ пестрыхъ тканей и занавѣсокъ. По ту сторону Перми дороги сіи недавно были кончены, а къ Кунгуру и за нимъ уже успѣли утвердиться. Къ несчастію, да, точно можно сказать, къ несчастію, черезъ нѣсколько лѣтъ провѣдали о томъ въ Петербургѣ и, видя съ какими малыми средствами и какъ успѣшно произведены сіи работы, вздумали имъ подражать. Забыли только, что Модерахъ дѣлалъ все исподволь, годъ за годомъ, со знаніемъ инженера и съ бережливостію Нѣмца. Въ Великороссійскихъ же нашихъ губерніяхъ, гдѣ всему велятъ кипѣть, построеніе новыхъ дорогъ перепортило, истребило только старыя, разорило жителей, обогатило надсмотрщиковъ и губернаторамъ доставило награды.

Въ пятидесяти верстахъ отъ Кунгура, начинается непримѣтно постепенное возвышеніе Уральскаго хребта, и тутъ ступаешь на землю, чреватую металическими богатствами. Тутъ, не далеко въ сторонѣ отъ большой дороги, верстахъ въ двухъ, находится желѣзный Суксунскій заводъ, принадлежавшій Николаю Никитичу Демидову. О его роскоши и о скупости вмѣстѣ гласятъ Россія, Франція и Италія; но знаетъ ли кто, слыхалъ ли кто о безпримѣрномъ гостепріимствѣ, заведенномъ имъ на Суксунскомъ заводѣ? Всякій проѣзжій, какого бы званія онъ ни былъ, въ одиночку или съ обозомъ, казеннымъ или собственнымъ, имѣетъ право на семъ заводѣ остановиться и требовать, чтобы въ экипажахъ или повозкахъ его починки, какъ бы велики ни были, сдѣланы были даромъ. Сего мало: во все время что продолжается

сія починка, имѣетъ онъ, также даромъ, квартиру со столомъ, а въ зимнее время съ отопленіемъ и съ освѣщеніемъ.

Сими щедротами мы воспользовались и хорошо сдѣлали, что въ этомъ случаѣ не поспѣсивились. Наши экипажи были въ жалкомъ состояніи по неопытности или небрежности служителей при насъ находящихся, и мы о томъ не догадывались; по осмотрѣ оказалось, что потребуется по крайней мѣрѣ полторы сутки на ихъ совершенную починку. Намъ отвели просторный и покойный домъ, достаточно снабженный мебелью, и доставили съѣстныхъ припасовъ сутокъ на трое. Управитель Пермяковъ, простой крестьянинъ съ бородою, котораго по всей справедливости можно было назвать господиномъ Пермяковымъ (такъ онъ былъ уменъ и учтивъ), явился къ намъ, какъ сказалъ онъ, за приказаніями и съ просьбою посѣтить его жилище. Оно было въ каменномъ домѣ о двухъ этажахъ, съ пребольшимъ садомъ надъ пребольшимъ прудомъ; полы лоснились чистотою; главнымъ украшеніемъ просто выбѣленныхъ комнатъ были картины, довольно искусно писанныя на жести; всѣ онѣ были произведенія мастеровъ другаго дальняго Демидовскаго завода, называемаго Тагильскимъ. Отъ скуки ходили мы бродить по окрестностямъ и находили мѣста живописныя; когда бы не климатъ, тутъ можно бы было вѣкъ остаться. Производства работъ на заводѣ мы не могли видѣть, ибо рабочіе лѣтомъ трудятся въ полѣ.

Русское населеніе, по большой Сибирской дорогѣ, какъ будто на двое разрѣзываетъ Пермскую губернію, отбросивъ Пермяковъ, Зырянъ и Вогуличей, коренныхъ, первобытныхъ жителей на Сѣверъ, а на Югъ Тептерей и Башкирцевъ. Сіи послѣдніе не разъ бунтовали и принимались за оружіе; для обузданія ихъ выстроенъ былъ рядъ крѣпостей по восточной отлогости Урала. Когда Башкирцы присмирѣли, укрѣпленія пали, и только имена крѣпостей Ачитской, Бисерской, Киргишанской, Кленовской сохранились селеніямъ заступившимъ ихъ мѣсто. Мы мѣняли въ нихъ лошадей; одно только, называемое Кленовская крѣпость, мнѣ показалось примѣчательно и осталось памятно по ужасу произведенному во мнѣ мѣстами его окружающими, мрачнымъ сосновымъ лѣсомъ, оврагами, пропастями, на каждой верстѣ встрѣчаемыми.

Казенный Билимбаевскій заводъ находился на самой вершинѣ Урала; слѣдующая же за нимъ станція Рѣшета на противоположномъ спускѣ. Мы не замѣтили какъ перевалились чрезъ эту знаменитую цѣпь Уральскихъ горъ; болѣе ста верстъ, все на изволокъ въѣзжали мы и немного круче стали спускаться. Ужаснѣйшая гроза встрѣтила насъ на рубежѣ Европы и Азіи; молнія поминутно сверкала, дождь водопадомъ лился съ неба, и эхо невидимыхъ для насъ горъ повторя-

ло сильные громовые удары. Это принудило насъ болѣе двухъ часовъ остановиться въ Билимбаевѣ. Ручей болѣе чѣмъ рѣчка, Чусовая (послѣдняя, на сей сторонѣ Урала) ниспадающая съ горъ, отъ дождевой воды до того раздулась, что черезъ нее нужно было сдѣлать переправу; это еще насъ остановило, такъ что въ этотъ день опоздали мы пріѣздомъ въ Екатеринбургъ, отъ котораго находились менѣе чѣмъ въ пятидесяти верстахъ.

Сосѣдству съ первыми въ Россіи золотыми пріисками обязанъ сей городъ своимъ рожденіемъ; за два года до кончины своей Петръ Великій окрестилъ его во имя супруги своей, съ прибавкою неизбѣжнаго для всѣхъ новосозидаемыхъ при немъ городовъ Нѣмецкаго бурга; при Биронѣ, кажется, учрежденъ въ немъ первый бергамтъ. Города́, подобно людямъ, наружностію показываютъ свои лѣта. Екатеринбургъ не былъ старикъ, какъ Кунгуръ, ни мальчикъ какъ Пермь: въ немъ было чувствительно недавнее, но не вчерашнее. По сю сторону длинной плотины черезъ рѣку Исеть, приводящую въ движеніе шлифовальныя и золотопромывальныя фабрики, помѣстили насъ въ просторномъ двухъ-этажномъ деревянномъ домѣ. Онъ намъ показался новостію, потому что былъ построенъ совсѣмъ по образцу Молдавскихъ домовъ, съ длинною и широкою поперечною комнатой, съ четырьмя малыми по четыремъ ея угламъ, съ крытою галлереей вокругъ всего дома и съ верхнимъ этажемъ, совершенно подобнымъ нижнему.

Домъ сей былъ ветхъ и запущенъ; давно уже не жила въ немъ владѣлица его, довольно богатая заводчица, госпожа Фелицата Турчанинова *). Ея имущество, тогда еще въ однѣхъ рукахъ, сравнивала одна умная женщина съ порядочнымъ слиткомъ золота, который раскололся на кусочки между тремя сыновьями ея и пятью дочерьми, Титовой, Кокошкиной, Ивеличевой, Зубовой и Колтовской; послѣ нихъ же кусочки разлетѣлись на блестки, за которыя третье поколѣніе, кажется, по сю пору грызется и рѣжется.

Мы пробыли три дня въ Екатеринбургѣ, не познакомившись ни съ кѣмъ изъ его жителей. Пользуясь прекраснѣйшею погодою, мы предпочли, гуляя, осматривать все примѣчательное въ немъ; видѣли какъ промываютъ въ немъ золото, какъ изъ большой глыбы желтокрасноватаго песку добывается метала менѣе чѣмъ на полчервонца; заходили въ мастерскія, гдѣ для Петербургскихъ дворцовъ отдѣлываются

---

*) Между постоянными нашими образцами, Французами, въ этой свободной землѣ, гдѣ всѣ рабы моды, завелся обычай, чтобы къ фамильному имени знаменитостей всегда прибавлять крестное. По неволѣ дѣлаясь подражателемъ, я назвалъ Фелицату Турчанинову, какъ бы Амабль Тастю, Делфину Ге или Жоржъ Занда.

огромной величины и превосходной работы, малахитовыя, порфировыя, яшмовыя разныхъ цвѣтовъ вазы, также табакерки и другія издѣлія для продажи. Ходили за городъ, видѣли лагерь Екатеринбургскаго пѣхотнаго полка, коего шефа, мужа нашей Пѣвцовой, все еще не было; подлѣ самаго почти лагеря любовались богатыми, тамъ дешевыми, мраморными памятниками надъ усопшими, въ монастырѣ поставленными.

Отъ Екатеринбурга пролегаютъ двѣ дороги во внутренность Сибири: одна идетъ на Тобольскъ, другая чрезъ уѣздный городъ Ишимъ, и послѣдняя тремя стами верстами короче первой. Мы избрали послѣднюю, тѣмъ болѣе, что на ней было для насъ приготовлено большее число лошадей. Съ первой станціи Косулиной, гдѣ дорога дѣлится на двое, своротили мы вправо и чрезъ нѣсколько часовъ пріѣхали на казенный, чугуноплавильный Каменскій заводъ. Какъ для жителей Петербурга отработка чугуна не представляетъ ничего новаго, то и отклонили мы предложеніе идти смотрѣть ее; но какъ заводы въ Сибири суть настоящіе города, то и воспользовались приглашеніемъ управляющаго провести у него вечеръ и ночь. Это было съ 31-го Іюля на 1-е Августа. Когда мы встали чтобы продолжать путь, то съ чувствомъ не совсѣмъ пріятнымъ нашли, что воздухъ сдѣлался вдругъ гораздо свѣжѣе; и въ Россіи Августъ почитается осеннимъ мѣсяцемъ, а мы ѣхали въ Сибирь.

Мы стали болѣе торопиться, чтобы менѣе времени провести въ дорогѣ, и для того начали скакать день и ночь. Такимъ образомъ рѣшительно не видѣлъ я заштатнаго города Долматова, ибо спалъ, когда перемѣняли въ немъ лошадей; въ уѣздномъ же за тѣмъ городѣ Шадринскѣ мы едва кое-что успѣли перекусить. Спѣшили, мучились мы напрасно, проѣзжая чрезъ мѣста изобильныя, пріятныя, гдѣ вездѣ можно было найдти припасы и чистые, удобные ночлеги; тамъ только, гдѣ нѣтъ ихъ, надобно вести скаковую жизнь въ коляскѣ. Чрезмѣрно уставши, на общемъ совѣтѣ положили мы остановиться и переночевать въ селѣ Сопнинѣ и тамъ проститься съ Пермскою губерніей и Модерахомъ, то-есть съ прекрасными его дорогами. Однакоже въ этомъ селеніи не могъ я много отдохнуть: мнѣ отвели особую избу, гдѣ первый разъ въ жизни увидѣлъ я человѣка съ рваными ноздрями; это былъ ея хозяинъ. Каюсь въ своей трусости: я заставилъ солдата нашего отдѣленія ночевать съ собою.

Грустною улыбкой встрѣтила насъ Тобольская губернія: стало опять жарче, но небо покрылось сѣрыми тучами, и теплый, тихій, мелкій дождикъ началъ портить дорогу и безъ того незавидную, когда мы прибыли на станцію Мостовскую, людное и зажиточное селеніе съ самымъ живописнымъ мѣстоположеніемъ. Послѣ этой станціи, отъѣхавъ

верстъ сто, за рѣчкою Тоболомъ, которая шириною съ Каму, природа начинаетъ примѣтно дурнѣть, болотныя мѣста показываются чаще, и лѣсъ становится мельче. Тутъ, на одной изъ станцій, помнится Голышмановой, остановились мы въ необыкновенномъ жилищѣ, составленномъ изъ четырехъ флигелей, соединенныхъ между собою переходами. Хозяинъ съ бородой и въ простомъ крестьянскомъ платьѣ встрѣтилъ насъ съ учтивостію и привѣтами образованныхъ людей; на скромный вопросъ кѣмъ-то изъ насъ сдѣланный: кто онъ таковъ,—отвѣчалъ онъ нахмурясь и очень сухо, что простой мужикъ; потомъ удалился и не возвращался, но прислалъ намъ довольно порядочный обѣдъ.

На безлюдьи, говоритъ пословица, и Ѳома человѣкъ, и въ малонаселенныхъ мѣстахъ смотрятъ на малые города почти какъ на маленькія столицы; мы сами, Петербургскіе жители, подъѣзжая къ Ишиму, видѣли въ немъ какъ будто нѣчто важное. Этотъ чистенькій городъ былъ не очень малъ. Во время нашего проѣзда гордился и славился онъ тѣмъ, что былъ мѣстомъ рожденія колежскаго совѣтника Бакулина, перваго министра, то-есть правителя канцеляріи господина Селифонтова, генералъ-губернатора всея Сибири, и лѣтнимъ мѣстопребываніемъ госпожи Бакулиной, которая въ немъ жила и царствовала. Я самъ видѣлъ, какъ, встрѣтясь на улицѣ съ сопровождавшимъ насъ въ прогулкѣ городничимъ, она величественно, почти повелительно съ нимъ говорила и какъ подобострастно, съ непокрытою и опущенною головой, отвѣчалъ онъ ей. Увы, все это могущество и слава скоро должны были исчезнуть какъ дымъ!

Отъѣхавъ верстъ триста отъ Ишима, у станціи Крупенской, мы переправились черезъ знаменитый Иртышъ, въ водахъ котораго погибъ Ермакъ, нашъ Кортесъ, нашъ Пизарро. Я тогда прочелъ еще немного Русскихъ стиховъ, но это немногое зналъ наизусть: какъ мнѣ обидно показалось, когда я увидѣлъ что Иртышъ, въ этомъ мѣстѣ, совсѣмъ не крутитъ и не сверкаетъ какъ у Димитріева, а въ ровныхъ берегахъ медленно катитъ желтоватую, отъ глины погустѣвшую волну.

Вдоль этой дороги, отъ самаго въѣзда въ Тобольскую губернію, находились мы въ близкомъ разстояніи отъ Сибирской линіи, по которой регулярныя войска и казаки охраняютъ эту сторону отъ вторженій Киргизъ-кайсацкихъ. Но они вѣдь не Черкесы; однакоже иногда сквозь кордонъ, не пробивались они, а прокрадывались, не отважно дѣйствовали, а говоря словами жителей, пошаливали, то-есть захватывали стада и кое-когда ихъ стрегущихъ. Разсказы о томъ возбудили если не опасенія наши, то по крайней мѣрѣ вниманіе. Однажды, поднявъ верхъ коляски, по ровной дорогѣ, мы съ Сухтеленомъ медленно ѣхали на усталыхъ коняхъ и крѣпко заснули, какъ вдругъ про-

буждены были страшнымъ топотомъ, ржаньемъ и криками. Старикъ и молодой, оба онѣмѣли; съ ужасомъ брошенный другъ на друга взглядъ сказалъ: мы въ плѣну! Мы не смѣли выглянуть и чувствовали, что вокругъ насъ несутся эскадроны. Что же вышло? Цѣлыя сотни, «косяки», какъ ихъ тамъ называютъ, цѣлые табуны лошадей перегонялись жителями съ одного пастбищнаго мѣста на другое. Можно себѣ представить, какъ смѣшно и стыдно намъ стало самихъ себя.

Ужаснѣе сего происшествія въ сихъ ужасныхъ мѣстахъ мы ничего не видѣли. Еслибъ я былъ одаренъ живымъ воображеніемъ нынѣшнихъ Французскихъ писателей, то какими прелестными выдумками могъ бы украсить свой разсказъ; хочется, да не могу, какъ-то совѣстно: хотя я и путешествовалъ, а все лгать не выучился. Вотъ-таки, напримѣръ, недавно появился романъ г. Александра Дюма, подъ названіемъ Метръ-д'Армъ. У меня волосы становились дыбомъ, когда я читалъ о всѣхъ лишеніяхъ и мученіяхъ, претерпѣнныхъ бѣднымъ мусью Метръ-д'Армъ, на пути изъ Казани въ Тобольскъ; а между тѣмъ лѣтъ за тридцать прежде описываемаго имъ, по тѣмъ же самымъ мѣстамъ преспокойно проѣхалъ я взадъ и впередъ, находя вездѣ селенія, просторныя, чистыя, теплыя избы, въ которыхъ днемъ сытно ѣлъ, а ночью сладко спалъ. Еслибъ я имѣлъ случай встрѣтиться съ сочинителемъ, то со всѣмъ уваженіемъ къ его великому таланту, позволилъ бы себѣ сказать ему: «Послушайте, г. Александръ Дюма, не будьте правдивы, это всякому Французу дозволено; но по крайней мѣрѣ будьте сколько-нибудь правдоподобны. Вѣдь всѣ нынѣ смѣются надъ вашимъ же соотечественникомъ Левальяномъ, который никогда не бывалъ во внутренности Африки, хотя вмѣсто дичи и настрѣлялъ тамъ множество тигровъ и гіэнъ. Вы также всѣхъ волковъ и медвѣдей изо всей Россіи загнали на встрѣчу вашему Метръ-д'Армъ; вы изъ нихъ составили цѣлыя полчища, и на необитаемой, безпредѣльной, снѣжной равнинѣ, при сорока градусахъ мороза и при свѣтѣ сѣвернаго сіянія, заставляете его съ ними сражаться. Несчастный, если онъ и побѣдилъ, то какъ онъ не умеръ или не сошелъ съ ума! Нѣтъ, г. Дюма, вы слишкомъ безчеловѣчны». Что дѣлать! У Французовъ такъ уже ведется: между ними есть нѣкоторыя условныя истины, которымъ они вѣрятъ болѣе чѣмъ настоящимъ.

Надобно сказать правду, что мѣста, чрезъ кои мы проѣзжали, совсѣмъ не были привлекательны красотою, что въ избахъ тараканы хозяйничали и жили въ совершенномъ согласіи съ людьми, и наконецъ, что все это было лишь приготовленіемъ къ величайшимъ непріятностямъ путешествія и къ воззрѣнію на настоящее безобразіе природы. Мы приближались къ Барабинской степи.

Не знаю, можно ли дать названіе степи величайшему изъ блатъ земнаго шара? Бараба въ Сибири въ самомъ огромномъ размѣрѣ то что̀ Понтійскія болота въ Италіи. Ниспадающія съ Апениновъ воды въ застоѣ и нагноеніи своемъ производятъ близъ Рима зловредныя испаренія; что̀ же такое должно быть, когда низменное мѣсто, имѣющее нѣсколько сотъ верстъ длины и ширины, кажется, какъ губка, принимаетъ въ себя всю влагу трехъ цѣпей горъ, въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи его окружающихъ: Урала, Становаго или Яблоннаго хребта и Алтайскаго. Многіе полагаютъ, съ большимъ вѣроятіемъ, будто въ этомъ мѣстѣ было внутреннее море, подобное Каспійскому и Аральскому и что послѣ какого-то сильнаго переворота на землѣ, воды его утекли, неизвѣстно куда. Сіе предположеніе подтверждается изобиліемъ озеръ, по Барабѣ разсѣянныхъ: многія изъ нихъ, въ близкомъ разстояніи и соединеніи между собою, подъ именемъ Чановъ, удостоиваются названія моря.

На станціи Копьевой попали мы опять на большой Сибирскій трактъ, уже отъ Тобольска идущій: слѣдующая за нею станція Резина есть послѣдняя въ Тобольской губерніи, а послѣдующая Мурашева первая въ новоучрежденной тогда Томской. Станція сія почитается началомъ нестерпимой Барабинской степи; но еще прежде нея почувствовали мы вліяніе дурнаго воздуха. Каково намъ было слышать, что все видимое и обоняемое нами одно только вступленіе въ сіи печальныя мѣста!

Скоро прибыли мы въ столицу Барабы, посадъ Каинскъ, упраздненный было и только за годъ до насъ опять уѣздный городъ. Около него замѣтилъ я лѣсочки, наполненные одними осиновыми деревьями; сіе заставило меня думать, что названіе Каинска дано ему въ честь Каина, который за первое братоубійство осужденъ былъ трястись какъ осиновый листъ. И въ немъ были жители, былъ городничій, присутственныя мѣста и даже недостроенная каменная церковь, въ придѣлѣ которой совершалось богослуженіе. Насъ не обманули, сказавъ, что предыдущее ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ насъ за Каинскомъ ожидаетъ.

По дорогѣ были устроены гати изъ хворостины и тростника; наполняясь клейкою грязью, въ сухое время представляли онѣ гладкую и твердую поверхность, по которой скакать было легко. И этого утѣшенія судьба не оставила намъ: въ минуту нашего выѣзда изъ Каинска пошелъ частый и мелкій дождикъ и продолжался безпрерывно. Къ несчастію, былъ онъ довольно теплый и служилъ, такъ сказать, растворомъ всему ядовитому, сокрытому между мховъ, одинъ надъ другимъ цѣлыми поколѣніями поросшихъ, изъ коихъ составляется тутъ

грунтъ земли. Что̀ за отвратительный запахъ мы почувствовали! Какъ сгустилась атмосфера, которая въ этомъ состоянiи порождаетъ обыкновенно болѣзнь, столь извѣстную подъ именемъ Сибирской язвы! Пока мы ѣхали, нѣсколько людей успѣли уже ею заразиться.

Описать же самую дорогу невозможно; о подобной ей могутъ имѣть понятiе только тѣ, кои зимой, въ дождливое время, ѣздили по Одесскимъ улицамъ. Почти не подвигаясь, плыли мы по смрадному морю, выбивались изъ сей пучины золъ. Какъ жалко было смотрѣть на лошадей! Бѣдныя твари тщетно рвались, чтобы поскакать; кнута было не нужно: ихъ подстрекали тысячи живыхъ иголокъ. Почуя сырость, Сибирскiя насѣкомыя, гиганты въ сравненiи съ нашими, поднялись всѣ изъ щелей, въ которыхъ прятались отъ солнечнаго свѣта и зноя. Одни скоты оставались имъ въ жертву; люди же были одѣты и замаскированы: у каждаго изъ насъ, не исключая ямщиковъ, на головѣ была сѣтка изъ лошадиной гривы, сквозь которую трудно было пролѣзть толстымъ комарамъ и мошкамъ; случалось однакоже, что, найдя скважину въ перчаткѣ, они запускаютъ чрезъ нее свое жало, и тогда на нѣсколько часовъ пухнетъ рука. На ночлегахъ вокругъ избъ и внутри ихъ защищались мы отъ сихъ злодѣевъ безпрестаннымъ куревомъ.

Человѣкъ человѣка осуждаетъ часто на вѣчную муку; это иногда заставляло меня думать, что адъ его выдумка. И еслибъ онъ дѣлалъ сiе изъ мести, а то по большей части для своихъ выгодъ, для прибыли. Кто бы добровольно пожелалъ остаться въ Барабѣ? Конечно, правительство поступало справедливо, заселяя ее людьми, ссылаемыми за преступленiя. Но чѣмъ же виноваты ихъ несчастные потомки? А впрочемъ, еслибы не было по ней цѣпи деревень, то было бы почти разорвано сообщенiе между Восточною и Западною Сибирью. Какъ эти бѣдные жители малорослы, худощавы, какая синеватая блѣдность покрываетъ ихъ лица! Жилища ихъ однакоже не такъ дурны, какъ бы можно ожидать въ мѣстахъ совершенно безлѣсныхъ, у людей, которые ни пастыри, ни хлѣбопашцы; ибо у нихъ нѣтъ ни луговъ, ни полей, годныхъ для засѣва. Избы ихъ суть постоялые дворы для безконечныхъ обозовъ, которые всю зиму тутъ тянутся. Симъ промысломъ, равно какъ и рыболовлей, живутъ они; иные наживаются и отъ того не слишкомъ жалуются на судьбу свою. Зима для нихъ лучшее время года, здоровое и прибыльное, и они начинаютъ оживать, когда природа замираетъ.

Страданiя наши наконецъ прекратились; топи, туманы, дожди, непогодь, все исчезло вмѣстѣ съ Барабой. Мы благополучно достигли до Чаускаго острога, принадлежащаго вѣдомству Колывано-Воскресен-

скихъ горныхъ заводовъ. Главное ихъ мѣсто, городъ Барнаулъ, былъ губернскимъ въ бывшемъ при Екатеринѣ Колыванскомъ намѣстничествѣ, при Павлѣ упраздненномъ. Польза края заставила, при Александрѣ, учредить вновь третью Сибирскую губернію, и она въ началѣ 1804 года открыта въ Томскѣ, куда мы ѣхали. Губернаторомъ тамъ былъ Василій Семеновичъ Хвостовъ, родной дядя ѣхавшаго съ нами молодаго человѣка.

Когда мы отдыхали въ Чаускомъ острогѣ, ѣхавшій изъ Томска чиновникъ горнаго вѣдомства сказалъ намъ, что губернаторъ только что воротился изъ дальняго путешествія въ сѣверную часть своей губерніи. Молодой Хвостовъ изъявилъ Нелидову желаніе скорѣе увидѣться съ дядей; видя, что есть возможность отлучаться изъ отдѣленія, и мнѣ пришла охота ему сопутствовать, а Нелидовъ не умѣлъ иначе сдѣлать какъ дать свое согласіе на наши предложенія. И такъ въ туже ночь, вдвоемъ, поскакали мы въ Томскъ.

Селенія, черезъ кои мы проѣзжали, принадлежали всѣ горному управленію. Меня удивили въ нихъ просторъ и опрятность двухъэтажныхъ деревянныхъ домовъ и видъ довольства и зажиточности мужиковъ; не знаю, къ чему отнести ихъ благосостояніе, къ собственному ли ихъ трудолюбію, къ мѣстнымъ ли выгодамъ, или къ попеченіямъ о нихъ начальства. Къ сожалѣнію, я не могъ вполнѣ насладиться удовольствіемъ такого зрѣлища: я бодро выдержалъ муку Барабинскую, а тутъ первый разъ еще въ дорогѣ почувствовалъ себя нездоровымъ. Во время двухчасовой переправы черезъ необъятную Обь, тутъ же среди парома варилась уха на славу, изъ самыхъ лучшихъ рыбъ, и стоила бездѣлицу; я заплатилъ за нее, но не въ состояніи былъ даже прикоснуться къ ней губами. Чѣмъ хуже я себя чувствовалъ, тѣмъ болѣе торопилъ своего товарища и, пробывъ въ дорогѣ не съ большимъ сутки, 18 Августа на разсвѣтѣ пріѣхалъ въ новый губернскій городъ.

Губернаторъ былъ уже на ногахъ, съ нѣжностію облобызалъ племянничка и со мной обошелся очень ласково. Между тѣмъ я успѣлъ уже выздоровѣть; чѣмъ же я вылѣчился? Чѣмъ такъ часто лѣчится молодость: однимъ краснымъ днемъ. Домъ, который занималъ Василій Семеновичъ, былъ незавидный, разумѣется, для губернатора. Будучи вдовъ и безъ семейства, сказалъ онъ, помѣщеніе для него одного кажется ему достаточнымъ; но только жалѣетъ о томъ, прибавилъ онъ, что не можетъ удержать у себя столь любезныхъ гостей. И потому какъ можно ближе отъ себя приказалъ намъ отвести покойную квартиру.

Онъ былъ человѣкъ тучный, тяжеловѣсный, степенный и разсудительный, всю живость ума предоставившій брату своему Александру Семеновичу; лицо онъ имѣлъ багровое, говорилъ тихо и размѣрно, дѣйствовалъ осторожно, однакоже не медленно. Если прибавить къ тому, что онъ былъ самыхъ честныхъ правилъ и исполненъ человѣколюбія, то надобно признаться, что лучшихъ качествъ для занимаемаго имъ мѣста требовать не можно. Впослѣдствіи увидимъ, какъ съ нимъ было поступлено. Въ Томскѣ видна была прочная основа для губернскаго города. Замѣтно было, что онъ поднялся самъ собою, выросъ естественнымъ образомъ, безъ усилій правительства, и что, слѣдуя теченію времени, онъ отъ младенчества постепенно перешелъ въ зрѣлый возрастъ. Въ немъ считалось болѣе восьми тысячъ жителей и шесть или семь каменныхъ церквей, исключая двухъ; дома же всѣ были деревянные. Общества никакого не было; мѣста̀ еще не всѣ были заняты, а тѣ, кои на нихъ были назначены, не всѣ еще прибыли.

У губернатора за обѣдомъ, къ удивленію нашему, встрѣтили мы Довре́ съ его свитскими офицерами. Они ѣхали еще тише насъ; доро́гой фуры ихъ всѣ поломались, и уже нѣсколько дней жили они въ Томскѣ, чтобы совершенно ихъ вычинить; нетерпѣливый Шубертъ съ сыномъ ускакалъ впередъ. Впрочемъ это было уже не въ первый разъ, что мы догоняли и обгоняли посольскіе транспорты, которые тѣми же причинами были останавливаемы; также и они насъ обгоняли иногда. Порядокъ шествія нашего былъ вовсе разрушенъ. Цѣлыми сутками послѣ насъ прибылъ Нелидовъ съ Сухтеленомъ, когда еще Доврѐ не уѣхалъ, и чтобъ имѣть лошадей въ дорогѣ, по неволѣ должны были они на нѣсколько дней тутъ остановиться.

Скучно, томительно было намъ въ Томскѣ. Губернаторъ былъ человѣкъ прекрасный, даже багровый, сказалъ я выше, но слишкомъ серіозный, и предметы разговоровъ его мнѣ казались совсѣмъ не занимательны; Сухтелену полюбился онъ болѣе всѣхъ, ибо хорошо кормилъ насъ. Дни стояли ясные, но начинали коротѣть, а ночью небо покрывалось обыкновенно тучами, такъ что зги было не видать. Нелидовъ съ отдѣленіемъ жилъ на другомъ концѣ города, въ полуторѣ верстѣ отъ насъ и спозаранку убирался домой; во всемъ городѣ мало еще было дрожекъ, а объ извощикахъ уже и не спрашивай; чтобъ увидѣться съ своими товарищами, должны мы были ночью съ фонаремъ въ рукахъ странствовать по пустымъ улицамъ.

Вдругъ прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что за нимъ слѣдуетъ самъ посолъ со свитою своею. Какая быстрота и какая дѣятельность! Онъ только въ половинѣ Іюля оставилъ Петербургъ и въ одинъ мѣсяцъ успѣлъ не только сдѣлать 4500 верстъ и промчаться черезъ во-

семь или девять губерній, но на бѣгу обревизовать въ нихъ дѣла и на лету написать о томъ донесенія. Мы ахнули, ибо Доврè только что наканунѣ выѣхалъ: посолъ, можетъ быть, не захочетъ остановиться, мы должны будемъ его пропустить, за нѣсколько дней остаться въ Томскѣ и обратиться въ хвостъ главы нашей, Головкина.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ пріѣзда курьера узнали мы, что губернаторъ поѣхалъ самъ встрѣтить посла на берегу рѣки Томи и проводить его оттуда въ приготовленный для него каменный домъ купца Мыльникова, лучшій въ городѣ. Мы не замедлили туда явиться во всей формѣ и были привѣтствованы милостиво. Мы нашли его окруженнаго Байковымъ, Ламбертомъ, Нарышкинымъ, Доброславскимъ, Реманомъ; другіе чиновники еще не прибыли, а нѣкоторые съ его дозволенія изъ Екатеринбурга отдѣлились отъ него, чтобы взглянуть на Тобольскъ. Онъ объявилъ намъ, что намѣренъ три дня пробыть въ Томскѣ, чтобы осмотрѣть присутственныя мѣста; они едва были открыты, и крайней надобности въ томъ не было, но отъ Екатеринбурга скакалъ онъ безъ памяти, и ему хотѣлось отдохнуть. Вслѣдствіе того и приказалъ онъ намъ немедленно отправиться и дожидаться его въ первомъ городѣ, до котораго однакоже было еще пятьсотъ верстъ.

Мы съ Хвостовымъ преспокойно легли спать и на другой день не слишкомъ рано отправились. На второй станціи нашли мы Клемента, Гельма и нашъ обозъ, примкнули къ нимъ и вмѣстѣ пустились гнаться за Сухтеленомъ и Нелидовымъ, которые, желая въ точности выполнить приказаніе начальника, еще до свѣту выѣхали. Мы догнали ихъ только ночью на одной станціи, на которой рѣшились они нѣсколько часовъ отдохнуть и насъ дождаться.

Мы шибко ѣхали тѣми безпредѣльными лѣсами, которые неизвѣстны старому міру. Во времена Тацита существовали они въ отчизнѣ Тевтоновъ, въ глухой тогда Германіи и имъ были описаны; въ Америкѣ поэтически вдохновенъ ими былъ Шатобріанъ; въ Засурскомъ лѣсѣ видѣлъ я ихъ образчикъ. Но не мнѣ дано изобразить ихъ величественный ужасъ. Гдѣ мы ни ѣхали дотолѣ, исключая Барабинской пустыни, вездѣ пахло жильемъ; а тутъ начинаешь чувствовать отсутствіе населенія. Правда, каждая станція деревня, но другихъ мы не видѣли; еще далѣе, и находишь болѣе почтовыхъ дворовъ, нежели селеній. Между тѣмъ положеніе мѣстъ становится тутъ опять болѣе и болѣе гористо. Ачинская крѣпость, тогда посадъ, а послѣ насъ уѣздный городъ Ачинскъ, вѣроятно былъ укрѣпленъ не для защиты отъ непріятелей, а отъ разбойниковъ, въ ущельяхъ гнѣздившихся. Слѣдуютъ за тѣмъ двѣ ужасныя станціи, Большія и Малыя Кемчуги, каждая по 35 верстъ; пространство между ними наполнено вертепами.

Посреди сихъ мрачныхъ мѣстъ находится открытое, и на немъ является вамъ чистенькій и веселенькій городокъ: это Красноярскъ, гдѣ намъ велѣно было дожидаться проѣзда посла. Мы все подвигались на Востокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на Югъ, и отъ того-то внутри Сибири, къ концу Августа, въ Красноярскѣ встрѣчены еще были красными днями. Что́ можетъ быть лучше? Мы имѣли жаръ съ прохладой. Впрочемъ, не насъ однихъ погода хотѣла собой попотчивать: она тутъ круглый годъ поступаетъ такъ съ жителями, какъ они насъ увѣряли. Болѣе двѣнадцати пасмурныхъ дней не бываетъ у нихъ въ году, сказывали они намъ, то-есть по одному на мѣсяцъ, и обыкновенно въ эти дни или сыплетъ снѣгъ, или ливмя льетъ дождикъ, покрываетъ или освѣжаетъ землю, а потомъ дѣлается опять чисто, дѣлается жаръ или морозъ. Не завидно ли это покажется Петербургскимъ жителямъ и особливо жительницамъ? Старухи шестидесяти и болѣе лѣтъ сохраняютъ въ этомъ чудномъ городкѣ здоровье и всѣ признаки его: бѣлые зубы, алыя щеки и черные волосы. Величайшимъ же украшеніемъ Красноярску служитъ Енисей, рѣка-море, которой нѣтъ равной, нѣтъ подобной ни въ Европѣ, ни въ Россіи. Здѣсь не клубится безпредѣльный Енисей, какъ сказалъ первый изъ нынѣшнихъ нашихъ поэтовъ *), можетъ быть далѣе, можетъ быть въ другое время, а передъ нами столь же величаво, какъ и быстро, катилъ онъ прозрачныя, какъ стекло, студеныя струи свои. А за нимъ вдали, какъ будто вблизи, рисовались и красовались высокія Саянскія горы, отрасль Алтайскихъ. Величайшая изъ нихъ казалась досягаемою для руки, а была въ 20 верстахъ отъ Енисея; отличающая ее отъ другихъ горъ нагота служила доказательствомъ недавняго ея существованія: лѣтъ за пятьдесятъ передъ тѣмъ, силою подземнаго огня, часто тутъ колеблющаго землю, была она вытолкнута изъ нѣдръ ея и воздвигнута на этомъ мѣстѣ.

Насъ посѣтилъ одинъ ученый, который имѣлъ постоянное пребываніе въ этомъ городѣ. Г. Спасскій посвятилъ себя изысканію всѣхъ предметовъ, могущихъ сколько-нибудь объяснить древность Сибири. Онъ полагалъ, что вѣроятное переселеніе черезъ нее народовъ должно было оставить за собою ихъ слѣдъ, и всюду искалъ его. Для того лазилъ онъ по горамъ, списывалъ на ребрахъ ихъ изсѣченныя надписи на непонятномъ языкѣ, съ удивительнымъ чутьемъ угадывалъ мѣста́ старыхъ могилъ и довольно удачно иногда въ нихъ рылся. Такимъ образомъ составилъ онъ себѣ изрядный музей изъ хартій, оружій и маленькихъ бурхановъ или мѣдныхъ идоловъ. Труды его были признаны полезными, одобряемы и поддерживаемы Академіей Наукъ.

---

*) А. С. Хомяковъ. П. Б.

Знатные люди въ Россіи ничего долго вынести не могутъ, ни труда, ни покоя, ни даже веселья. Графъ Головкинъ прискакалъ, когда мы еще не ожидали его, кажется, на другой день послѣ насъ; побѣжалъ взглянуть на стѣны присутственныхъ мѣстъ, пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать, много шутилъ за столомъ, а послѣ обѣда опять сѣлъ въ коляску. Черезъ два дня и мы за нимъ послѣдовали.

Отъ Канскаго острога, нынѣ города, и рѣки Кана, одной изъ главнѣйшихъ между второстепенными Сибирскими рѣками, начиналась Иркутская губернія. Безконечный лѣсъ и тутъ продолжаетъ тянуться въ ужасной красотѣ съ столѣтними дубами своими, вѣковыми кедрами и необъятными лиственницами. Одно происшествіе, тутъ случившееся со мною, довольно ужасно, чтобы разсказать здѣсь объ немъ. Начинало смеркаться, и тучи заволакивали небо. Сухтеленъ пожелалъ остановиться на весьма хорошемъ почтовомъ дворѣ, куда мы пріѣхали. Спѣшить было не къ чему; но я разсчитывалъ, что еще рано, что мы легко можемъ сдѣлать одну станцію, мнѣ хотѣлось выиграть ее, и я уговорилъ Нелидова не слушать старика. Онъ разсердился на меня за то и не пустилъ къ себѣ въ коляску; я же преспокойно залегъ въ кладовую, на этотъ разъ ссылочную мою бричку и крѣпко заснулъ, лишь только тронулись съ мѣста. Жестоко былъ я наказанъ за неуваженіе къ старости: когда я проснулся, измученныя лошади, самыя худшія изъ всѣхъ, которыхъ намъ дали, стояли неподвижно, не смотря на усилія и побои ямщика и моего Гаврилы; а между тѣмъ дождь, котораго во снѣ не слыхалъ я, болѣе часа лилъ какъ изъ ведра. Ночь была такая, что хоть глазъ выколи, а отъ спутниковъ моихъ мы давнымъ-давно отстали. Мнѣ объявлено, что другаго средства нѣтъ, какъ отпрячь одну изъ четырехъ лошадей, самую крѣпкую, сѣсть на нее и шажкомъ за свѣжими конями поѣхать на станцію, до которой однакоже было болѣе шести верстъ. Меня взяло раздумье, кому изъ насъ ѣхать. Страшная рожа ямщика, которую видѣлъ я съ вечера, и грубый, охриплый голосъ его, который я слышалъ, заставляли меня подозрѣвать со стороны его дурной умыселъ—привести къ намъ своихъ товарищей; оставаться съ нимъ было не весело, а ѣхать одному, лѣсомъ, въ такую ночь, также не совсѣмъ было пріятно. Я рѣшился однакоже на послѣднее; перекрестясь, трухъ трухъ потащился я верхомъ, весь орошаемый сверху шумнымъ водопадомъ. Сбиться съ пути было невозможно: широкая просѣка шла на тысячу верстъ, боковыхъ, проселочныхъ дорогъ не было. Не знаю, проѣхалъ ли я болѣе половины предлежащаго мнѣ пространства, какъ вдругъ услышалъ въ лѣсу страшное завываніе стаи волковъ. Я обмеръ; конь мой вздрогнулъ, то останавливался, то пытался идти рысью. Снаружи леденѣлъ я отъ сы-

рости и холода, снутри кровь начинала застывать въ жилахъ моихъ. Машинально, безъ памяти сидѣлъ я, и теперь не понимаю какъ меня пронесло.

Привычный конь самъ собою остановился у крыльца почтоваго дома, изъ котораго высыпали любопытные. Меня должно было снять, и всѣ изумились моей блѣдности, когда ввели меня въ комнату. Разспрашивать было нечего: еще и тутъ былъ слышанъ вой. Когда я немного опомнился, первое слово мое было моленіе о помощи оставленнымъ мною въ лѣсу, и тотчасъ за ними были посланы вооруженные ямщики. Всѣ съ безпокойствомъ старались меня отогрѣть, напоить горячимъ; самъ Сухтеленъ много хлопоталъ, сопровождая однакоже заботливость свою ворчаньемъ и упреками. Странно, что я забылъ названіе сихъ станцій: видно, страхъ отшибъ у меня память.

Слѣдующую ночь провели мы въ жалкомъ городѣ Нижнеудинскѣ, въ которомъ отъ общества выстроенъ былъ особливый домъ для проѣзжихъ по казенной надобности. Мы еще не успѣли встать съ постели, какъ явилось четыре проѣзжихъ, именно тѣ, кои, сопутствуя послу, оставили его, чтобъ увидѣть Тобольскъ: Васильчиковъ, Бенкендорфъ, Гурьевъ и Перовской. Мы одѣлись и, заказавъ общій большой обѣдъ, пошли съ ними прогуливаться не столько по городу какъ вокругъ его: ибо въ немъ видѣть было нечего. Такъ-какъ эти господа ѣхали въ двухъ колясках, и не могло быть большой разницы въ числѣ лошадей, то и согласились мы отправиться компаніей до Иркутска, къ которому подъѣзжая, казалось, мы на послѣдней станціи; и дѣйствительно, до него оставалась бездѣлица, всего только пять-сотъ верстъ. За обѣдомъ, Бенкендорфъ довольно разсѣянно сказалъ намъ одну вѣсть, которую мы столь же равнодушно и спокойно приняли: въ Тобольскѣ получено было извѣстіе, что гвардія начинаетъ выступать изъ Петербурга. Противъ кого? Да, разумѣется, противъ Французовъ; когда мы воротимся изъ Пекина, то успѣемъ еще узнать о побѣдахъ нашихъ, подумалъ я.

Менѣе сутокъ проѣхали мы вмѣстѣ съ нашими же новыми товарищами; наша медленность, тяжесть нашихъ фуръ, дурная привычка каждый день ночевать, имъ не понравились, и они насъ кинули. Однакоже, на бѣду одного изъ нихъ, рѣшились они переночевать въ одной деревнѣ, на берегу широкой рѣки, которой имя не вспомню: ихъ было такъ много. Гурьевъ не согласился, оставилъ коляску свою Бенкендорфу, а самъ съ однимъ слугой, переправясь черезъ рѣку, поскакалъ въ перекладной телѣгѣ, чтобы первому явиться къ послу въ Иркутскѣ, мѣстѣ общаго нашего сборища. Оставшіеся еще не спали, когда услышали нѣсколько глухо до нихъ дошедшихъ выстрѣловъ и думали, что

онъ въ потьмахъ изволитъ тѣшиться; каково было ихъ удивленіе, когда по утру на слѣдующей станціи нашли они его истерзаннаго, почти помѣшаннаго. Вотъ что́ случилось съ нимъ. Едва успѣлъ онъ отъѣхать три версты отъ переправы, какъ нѣкто стоявшій посреди дороги, имъ въ темнотѣ не замѣченный, схватилъ лошадей его и остановилъ ихъ. Гурьевъ, полагая, что онъ имѣетъ дѣло съ однимъ человѣкомъ, не трусилъ, выстрѣлилъ въ него и не попалъ; въ туже минуту самъ услышалъ нѣсколько выстрѣловъ и увидѣлъ себя спереди, сзади и съ боковъ окруженнымъ вооруженными людьми, выскочившими изъ лѣса. Сопротивленіе было невозможно; они обезоружили его, связали какъ его, такъ и слугу и ямщика, и всѣхъ трехъ вмѣстѣ съ лошадьми и телѣгой поволокли въ глубину лѣса. Тамъ отыскали они знакомую имъ поляну, остановились на ней, завязали глаза тремъ плѣнникамъ своимъ, а ихъ самихъ, стоймя, руками назадъ, привязали къ деревьямъ; потомъ разложили огонь, открыли чемоданъ и стали въ немъ копаться.

Обыскъ вѣроятно не отвѣчалъ ихъ ожиданіямъ, ибо они начали съ досадою говорить о сдѣланной ими ошибкѣ. Изъ словъ ихъ видно было, что они поджидали какого-то купеческаго прикащика съ десятками тысячъ рублей, и что́ же нашли? немного платья, немного бѣлья, вышитый мундиръ, который могъ быть для нихъ уликой, и денегъ только что на прогоны. Пошли между ними совѣщанія, отъ коихъ бѣднаго Гурьева по кожѣ подирало; мнѣнія были несогласны: одни требовали чтобы людей зарѣзать, а лошадей и пожитки увезти; другіе, болѣе склонные къ милосердію, полагали, что надлежитъ довольствоваться малой наживой, захваченныхъ же ими слѣдуетъ выпроводить на большую дорогу, взявъ съ нихъ напередъ клятвенное обѣщаніе, что, во мзду даруемой имъ жизни, они никому не будутъ говорить о томъ что̀ съ ними происходило. Спорили долго, наконецъ остановились на мысли однаго разбойничьяго доктринёра, чтобы взять деньги и золотые часы, а плѣнниковъ, не убивая и не отвязывая, предоставить произволу судьбы. Приговоръ исполненъ, они удалились.

Я не люблю Гурьева, но и до сихъ поръ не могу вспомнить безъ состраданія объ ужасѣ его положенія. Подобно мнѣ, и еще болѣе беззащитенъ, могъ онъ ожидать нападенія хищныхъ звѣрей. Занялась заря и поднялись насѣкомыя, Сибирскія страшныя насѣкомыя и начали покрывать язвами всѣ открытыя части его тѣла. Среди этой пытки въ безпамятствѣ рвался и метался онъ, и отъ того веревки, коими онъ былъ прикрѣпленъ, вытягиваясь, оставили нѣкоторую свободу его рукамъ; онъ воспользовался тѣмъ, вооружился терпѣніемъ и наконецъ высвободилъ какъ себя, такъ и сомучимыхъ своихъ. Лошади, телѣга, чемоданъ, все тутъ было, и даже одинъ забытый разбойниками пред-

метъ, который онъ не оставилъ взять съ собою: длинный ножъ съ примѣчательною рукоятью. Не безъ труда выбрался онъ на дорогу и пріѣхалъ на станцію, почти вмѣстѣ съ товарищами своими, которые эту ночь весьма спокойно проспали.

По представленному Гурьевымъ ножу, виновные были потомъ отысканы. Въ близости отъ сей дороги существовала казенная суконная фабрика, основанная при князѣ Потемкинѣ, когда сей необыкновенный человѣкъ мечталъ между прочимъ и о завоеваніи Китая; туда изъ Россіи ссылались на вѣчную работу люди пойманные въ разбоѣ; за ними былъ плохой присмотръ, и нѣкоторые изъ нихъ, шатаясь, по старой привычкѣ, брались за прежнее ремесло.

На свѣжіе, на горячіе слѣды пріѣхали мы на станцію, черезъ нѣсколько часовъ послѣ происшествія, о которомъ съ великими подробностями разсказалъ намъ станціонный смотритель. Слѣдующую ночь, разумѣется, остановились мы, хотя находились близко отъ Иркутска. Сія ночь была послѣдняя, которую провелъ я въ обществѣ моихъ, скажу, милыхъ спутниковъ, всегда снисходительныхъ, всегда веселыхъ. Во время продолжительнаго пути кто ни ссорится? А мы два мѣсяца на большой дорогѣ жили душа въ душу.

Хотя мы и были въ Сибири, но все-таки на самомъ Югѣ ея, подъ 52-мъ градусомъ сѣверной широты, и отъ того-то Сентябрь совсѣмъ не Сентябремъ смотрѣлъ на насъ: погода стояла прекрасная, такая, какъ въ Петербургѣ иногда бываетъ она невзначай среди Августа. Въ день Рождества Богородицы, 8 числа, остановились мы въ виду Иркутска, у Вознесенскаго монастыря, вошли въ церковь, исключая еретиковъ Сухтелена и Гельма, приложились къ мощамъ Св. Иннокентія, просвѣтителя сихъ странъ. Потомъ начали мы переправляться черезъ широкую Ангару, рѣку-потокъ, съ яростію вырвавшуюся изъ Байкала; быстрѣе и прозрачнѣе ея, кажется, нѣтъ рѣки въ мірѣ: на глубокомъ днѣ ея видны всѣ песчинки. Долго продолжалась церемонія нашей переправы, ибо далеко надобно было подыматься противъ теченія, чтобъ оттуда стрѣлой спуститься къ пристани. Весь Иркутскъ, на ровномъ мѣстѣ, вытянутъ по Ангарѣ. Солнце такъ и сіяло, что́ придавало ему какой-то праздничный видъ, когда мы подплыли къ нему. Надобно было случиться, чтобы посолъ, который жилъ на самомъ берегу, вышелъ въ это время прогуляться; но онъ вышелъ не инкогнито, а въ шитьѣ, въ лентахъ и звѣздахъ, въ сопровожденіи всей собравшейся, многочисленной свиты своей, когда кругомъ народъ валилъ, чтобы поглазѣть на его величіе. Онъ остановился у пристани и первый въ Иркутскѣ встрѣтилъ насъ ласковыми словами. Глаза мои въ толпѣ устремились на Гурьева; красныхъ пятенъ не было на лицѣ его, но онъ

похудѣлъ, и я разчелъ, что нѣсколько фунтовъ жиру должно было въ немъ растаять въ жаркую для него ночь. Тутъ же при послѣ былъ и городничій, который сталъ разводить насъ, то-есть далъ по проводнику, чтобы указать назначенную каждому изъ насъ квартиру. Въ этой суматохѣ мы не успѣли порядочно проститься.

Я еще тогда не брился, слѣдственно туалетъ мой не могъ долго продолжаться; помѣстили же меня близко отъ посла, и я поспѣшилъ къ его обѣденному столу, на который сдѣлалъ онъ намъ общее приглашеніе.

Домъ, гдѣ онъ имѣлъ жительство, былъ выстроенъ при Екатеринѣ генералъ-губернаторомъ Якоби, который такъ долго начальствовалъ въ Иркутскѣ и еще долѣе находился потомъ подъ судомъ. Его называли дворцомъ, всѣ генералъ-губернаторы жили въ немъ, и послѣдній, тутъ находящійся, Силифонтовъ уступилъ его пріѣзжему гостю. Домъ этотъ былъ деревянный, въ одинъ этажъ, но чрезвычайно длиненъ и высокъ; комнаты были огромныя, особенно три: пріемная зала, столовая и большая гостиная; первыя двѣ были пестро расписаны по штукатуркѣ, послѣдняя обита зеленымъ атласомъ въ позолоченныхъ рамкахъ. Посвятивъ нѣсколько дней отдохновенію, посолъ первый разъ принималъ въ сихъ чертогахъ; все посольство на лицо, до пятидесяти человѣкъ вмѣстѣ наполняли ихъ и садились за одинъ столъ, за которымъ находились и мѣстные начальники: генералъ-губернаторъ Селифонтовъ, бывшій военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ Лебедевъ, гражданскій губернаторъ Корниловъ, вицъ-губернаторъ Шишковъ и многіе другіе. Въ боковой комнатѣ гремѣла музыка, отличный поваръ Французъ приготовлялъ обѣдъ, который подавали на богатомъ казенномъ серебрянномъ сервизѣ, и тщеславный графъ Головкинъ сіялъ веселіемъ.

Начиная съ этого дня, сіи торжественные, сіи пышные обѣды сдѣлались ежедневными; мы имѣли право, а отнюдь не обязанность, являться на нихъ, хотя впрочемъ въ этомъ только состояла тогда вся служба наша. Мы бы могли въ иные дни пользоваться и приглашеніями Иркутскихъ жителей; мы не получили ихъ, ибо сіи жители были одни чиновники и купцы. Мы часто слышали похвалы какому-то старинному Русскому хлѣбосольству; если оно и существовало когда-нибудь, то въ одномъ только дворянскомъ сословіи: можетъ ли въ мірѣ быть что-нибудь негостепріимнѣе Русскаго купечества? Обычай и тщеславіе заставляютъ нашихъ купцовъ праздновать крестины и имянины, свадьбы и похороны; тогда только, безъ мѣры и безъ вкуса, кормятъ они званыхъ на убой; остальное же время, двери на запоръ, въ кругу своего семейства довольствуются они самою умѣренною, простонародною пи-

щею. Въ нашъ разсчетливый вѣкъ и дворяне начинаютъ перенимать у купцовъ. Въ знойныхъ пустыняхъ Аравіи гостепріимство между Бедуинами есть исполненіе долга, предписываемаго Кораномъ; такого гостепріимства мы имѣть не обязаны: у насъ вездѣ постоялые дворы, заѣзжіе дома и гостинницы. Въ Европѣ гостепріимство есть слѣдствіе потребности въ общежитіи; мы его также имѣть не можемъ, ибо сей потребности не чувствуемъ.

Между Иркутскими купцами, ведущими обширную торговлю съ Китаемъ, были миліонщики, Мыльниковы, Сибиряковы и другіе; но всѣ они оставались вѣрны стариннымъ Русскимъ, отцовскимъ и дѣдовскимъ обычаямъ: въ каменныхъ домахъ большія комнаты содержали въ совершенной чистотѣ, и для того никогда въ нихъ не ходили, ежились въ двухъ-трехъ чуланахъ, спали на сундукахъ, въ коихъ прятали свое золото, и при неимовѣрной, даже смѣшной дешевизнѣ, ѣли съ семьею одну солянку, запивали ее квасомъ или пивомъ.

Совсѣмъ не таковъ былъ купчикъ, къ которому судьба привела меня на квартиру. Алексѣй Ивановъ Полевой, родомъ изъ Курска, лѣтъ сорока съ небольшимъ, былъ весьма не богатъ, но весьма торо-ватъ, словоохотенъ и любознателенъ. Жена у него была красавица, хотя уже дочь выдана замужъ; онъ держалъ ее на заперти, и мы, кажется, другъ другу очень понравились. Онъ гордился не столько ею самою, какъ ея рожденьемъ: у нихъ былъ девятилѣтній сынишка, Николай, нѣжненькій, бѣленькій, худенькій мальчикъ, который влюбленъ былъ въ грамоту и бредилъ стихами. Съ худой ли, съ хорошей ли стороны онъ теперь извѣстенъ всей Россіи. Я всякій день ходилъ обѣдать къ послу и только вечеромъ зналъ хлѣбосольство моихъ хозяевъ. Можно было подумать, что они хотятъ меня окормить. Насытясь отъ Французскаго обѣда, я за ужиномъ безъ пощады опоражнивалъ Русскія блюда; не знаю, кого изъ супруговъ мнѣ благодарить или бранить за сіе пресыщеніе. Я думаю однакоже скорѣе жену.

Никакой нужды не имѣлъ я искать въ Иркутскѣ знакомства; я не успѣлъ еще хорошенько свести его въ Петербургѣ со многими изъ моихъ товарищей, въ Иркутскѣ сдѣлалось это скорѣе, и мы проводили вечера во взаимныхъ посѣщеніяхъ. Къ счастію, погода не мѣнялась, и пѣшеходство не было для насъ тягостію. Нѣкоторые изъ насъ сочли однакоже неизлишнею учтивостію сдѣлать утренніе визиты двумъ старшимъ начальникамъ, генералъ-губернатору и гражданскому губернатору, о которыхъ необходимо приходится мнѣ здѣсь говорить.

Семидесятилѣтній старецъ, Иванъ Осиповичъ Селифонтовъ, еще дюжій и плотный, хотя не весьма большаго роста, былъ въ молодости

своей морякъ. Нечаянный случай сдѣлалъ его лично извѣстнымъ Екатеринѣ, которая, угадавъ въ немъ хорошаго губернатора, въ семъ званіи назначила его въ Рязань; надобно полагать, что она не раскаевалась въ семъ выборѣ, потому что девять лѣтъ спустя сдѣлала его генералъ-губернаторомъ Пермскимъ и Тобольскимъ. Съ упраздненіемъ сего мѣста при Павлѣ посаженъ онъ въ Сенатъ и долго слылъ въ немъ чудомъ безкорыстія и правосудія. Между тѣмъ Тобольская губернія почиталась внутреннею, а Иркутская, пограничная, находилась подъ управленіемъ военныхъ губернаторовъ. Когда въ 1803 году признали за благо изъ сихъ двухъ губерній сдѣлать три, подъ общимъ названіемъ Сибирскихъ, поставивъ надъ ними одного генералъ-губернатора, то общее мнѣніе на сіе мѣсто призвало Селифонтова. Онъ сначала отговаривался и насилу принялъ должность, многотрудную для добросовѣстнаго человѣка. Онъ поселился въ знакомомъ ему Тобольскѣ и, оставивъ тамъ все семейство свое, пріѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Иркутскъ, когда на бѣду его и на несчастіе Сибири судьба пригнала въ нее Китайское наше посольство.

Съ появленіемъ Головкина наступило полное его затмѣніе. Онъ не кичился, не соперничалъ съ нимъ, но, будучи въ одномъ съ нимъ чинѣ и званіи сенатора, не хотѣлъ слишкомъ кланяться. Отъ самой Москвы, посолъ встрѣтилъ перваго человѣка, который не согнулъ передъ нимъ колѣна и почиталъ себя ему равнымъ: этого гордость его перенести не могла. Были, можетъ-быть, нѣкоторые безпорядки: на такомъ обширномъ пространствѣ какъ исправить ихъ въ короткое время? Правитель канцеляріи, Бакулинъ, немного чванился и пользовался недозволенными выгодами; но отъ нихъ былъ онъ только что сытъ, а отнюдь не богатѣлъ. Ни объ одной вопіющей несправедливости мы не слыхали: веселость, довольство и изобиліе между людьми простаго званія, которое вездѣ встрѣчали мы, служили явнымъ доказательствомъ добраго управленія. Грубыя шутки Байкова, которыя имѣли мы глупость повторять, дошли до жителей, а люди всегда готовы жаловаться изъ пустяковъ, когда подается имъ малѣйшій къ тому поводъ. Не знаю, что̀ именно писалъ Головкинъ въ Петербургъ, лишь знаю, что въ донесеніяхъ своихъ представилъ положеніе Сибири въ самомъ черномъ видѣ.

Почтенный Алексѣй Михайловичъ Корниловъ, къ сожалѣнію, также не совсѣмъ ладилъ съ Селифонтовымъ, и отъ этого былъ въ большой милости у посла. Домъ его могъ почитаться единственнымъ въ Иркутскѣ; миловидная и добродушная жена его Александра Ефремовна, урожденная Фанъ-деръ-Флитъ, въ немъ угощала насъ и своею непринужденною, можно сказать, неумышленною любезностію всѣмъ нравилась.

Въ день коронаціи, 15 Сентября, была она хозяйкою на многолюдномъ, и, говорятъ, престранномъ балѣ, который городу давалъ Головкинъ. Я не опишу его, ибо простудившись не былъ на немъ.

О прибытіи своемъ въ Иркутскъ, графъ Головкинъ, чрезъ нарочно посланнаго курьера на границу, увѣдомилъ Китайское правительство; вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ онъ ему подробный списокъ о всѣхъ находившихся при немъ чиновникахъ и служителяхъ. На посланіе свое не замедлилъ онъ получить отвѣтъ, въ коемъ правительство сіе, всегда склонное къ подозрѣніямъ, непремѣнно требовало отъ него уменьшенія свиты. Желая показать снисходительность, графъ послалъ новый списокъ съ значительною убавкою его сопровождающихъ. Тайна сихъ переговоровъ была извѣстна только Байкову и Ламберту; надобно однакоже было, наконецъ, объявить объ ней, и какъ посолъ вообще не любилъ старости и въ особенности чувствовалъ отвращеніе отъ астронома Шуберта, то онъ съ сыномъ первые были пожертвованы. Можно себѣ представить бѣшенство надменнаго старика: онъ въ туже минуту потребовалъ подорожную и на другой же день уѣхалъ изъ Иркутска.

Между тѣмъ съ нимъ поступили вѣжливо въ сравненіи съ тѣми, отъ коихъ сочли нужнымъ скрыть ихъ выключку. Ихъ, Богъ вѣсть зачѣмъ, потащили на границу, чтобы, въ минуту переѣзда черезъ нее, сказать имъ: «теперь ступайте назадъ». Я находился въ числѣ ихъ.

Полагая, что за тѣмъ нѣтъ ужъ никакихъ препятствій ко вступленію ему въ Зайцынское царство, посолъ началъ приготовляться къ отъѣзду. Прежде всего надобно было отправить наши тяжести, накопившіяся въ Иркутскѣ. Я никакъ не могъ думать, что буду имѣть честь, вслѣдствіе новаго распредѣленія, сдѣлаться начальникомъ перваго обознаго отдѣленія. Я узналъ руку Байкова, который хотѣлъ низвести меня на степень низшаго разряда чиновниковъ. Чтò было дѣлать? Я повиновался, утѣшаясь надеждою, что буду въ Китаѣ, если хотятъ обратить меня въ нужнаго человѣка. На меня взвалили съ полдюжины зеркаловъ, которыя, необъятною своею величиной, должны были ужаснуть и прельстить Китайцевъ; не думалъ ли Байковъ, что я разобью ихъ? Но мнѣ дали двухъ проворныхъ унтеръ-офицеровъ, которые отъ самаго Петербурга во всю дорогу неотлучно при нихъ находились.

Предводительствуя зеркалами, первый и одинъ отправился я изъ Иркутска 22 Сентября послѣ обѣда. Тутъ кончается для меня Сибирь и начинается все то, чтò имѣлъ я общаго съ Китаемъ. Для описанія того нужна мнѣ особая глава.

X.

Только что выѣдешь изъ Иркутска, начинаются чрезвычайно высокія горы, покрытыя лѣсомъ, по обѣимъ сторонамъ Ангары. У подошвы сихъ горъ, по берегу сей быстрой рѣки, въ нѣсколько часовъ проѣхавъ шестьдесятъ верстъ, увидѣлъ я Байкалъ, изъ котораго она вытекаетъ. Далѣе, направо и налѣво, тѣже самыя горы, все болѣе и болѣе воздымаясь, идутъ на нѣсколько сотъ верстъ вокругъ всего этого чуднаго озера, прозваннаго съ семъ краю сердитымъ и святымъ моремъ. Они обхватываютъ его на всемъ его протяженіи и образуютъ какъ бы продолговатую чашу, на днѣ которой колыхаются его воды.

Обыкновенно, отъ Лисвинишнаго мыса, на которымъ я остановился, до Зимовья Голоустнаго, дѣлаютъ еще шестьдесятъ верстъ вдоль Байкала, чтобы переправиться черезъ него въ самомъ узкомъ мѣстѣ, гдѣ онъ имѣетъ только 55 верстъ ширины. Но тутъ, у истока Ангары, нашелъ я суда, назначенныя для перевозки тяжестей посольства. Немного поодаль, въ сторонѣ, стоялъ на якорѣ единственный фрегатъ сего моря и дожидался посла и его свиты, имъ управлялъ какой-то флотскій офицеръ.

Какъ я на Лисвинишный мысъ пріѣхалъ вечеромъ поздно, то и не могъ ранѣе слѣдующаго утра начать нагрузку порученныхъ моему надзору огромныхъ ящиковъ, что̀ надлежало дѣлать съ величайшею осторожностію. Весь этотъ день, 23-е число, былъ на то употребленъ: какъ въ семъ дѣлѣ я ничего не смыслилъ, то и положился совершенно на своихъ унтеръ-офицеровъ, а самъ, пользуясь наипріятнѣйшею погодой, карабкался по горамъ, чтобъ открывать оттуда удивительные, хотя и пустынные виды.

Суда на Байкалѣ, называемыя досчаниками, суть не что̀ иное, какъ большія барки, немного болѣе тѣхъ, кои ходятъ по Волгѣ, ими также управляютъ лоцманы, которые въ знаніи мореплаванія должны уступить простымъ матросамъ. Я никакъ не подозрѣвалъ опасности своего положенія, когда безтрепетно ступилъ на свой досчаникъ 24-го числа, часу во второмъ по полудни. Въ это утро, какъ и наканунѣ, погода стояла довольно тихая, намъ дулъ попутный вѣтеръ, не съ большимъ сто верстъ должны мы были переплыть, и я разчитывалъ, что буду ночевать на противномъ берегу.

Лишь только вышли мы въ открытое море, какъ сталъ накрапывать дождикъ, и вѣтеръ началъ мѣняться. Я этого не замѣтилъ, а отъ дождя укрылся внизу, гдѣ было довольно свѣтло, чтобы мнѣ приняться за чтеніе. Когда стало смеркаться, вышелъ я на палубу и

спросилъ: далеко ли мы еще отъ пристани? Тутъ узналъ я, что мы плывемъ сами не знаемъ куда, что иногда берегъ теряется изъ вида, иногда опять открывается, но что утвердительно сказать гдѣ мы, никакъ невозможно и что, вѣроятно, будемъ мы кататься во всю ночь. Это меня крайне озадачило; однакоже я подумалъ, что качка усыпитъ меня, а утромъ мы опять найдемъ дорогу. Между тѣмъ, вѣтеръ, часто мѣняясь, около полуночи до того усилился, что сдѣлалось страшно; съ своей стороны, дождь не только не уменьшался, но по временамъ казался воздушнымъ моремъ, и я ни на минуту не могъ заснуть. Мои унтеръ-офицеры, люди Петербургскіе, старались скрыть отъ меня опасность; но, при свѣтѣ фонаря, я прочелъ ее въ отчаянныхъ взорахъ лоцмана и его работниковъ. Итакъ я могу похвастать, что разъ въ жизни видѣлъ морскую бурю; представить же ее не берусь. Читая описаніе кораблекрушеній въ романахъ Эжена Сю и капитана Марріэта, которые въ этомъ дѣлѣ великіе мастерà, мнѣ всегда становится и страшно и скучно; куда же мнѣ за ними гнаться! Однакоже, все было какъ слѣдовало, все шло обыкновеннымъ порядкомъ: и паруса рвались, и снасти трещали, равно какъ и самый корпусъ утлой нашей ладьи. Я не молился, не плакалъ, не роталъ, не клялъ на судьбу свою, а просто какъ-то одурѣлъ. Но скорѣе къ концу; утромъ все опять утихло, прояснилось, мы открыли дорогу и передъ вечеромъ причалили къ длинной косѣ, ведущей къ такъ-называемому Посольскому монастырю.

Тутъ были двѣ-три избы для странниковъ и тройка съ телѣгой, чтобы посылать за лошадьми въ слободку, находящуюся у сказаннаго монастыря. Съ слугою своимъ и имуществомъ сѣлъ я въ телѣгу и поскакалъ, поручивъ команду свою старшему изъ унтеръ-офицеровъ и уполномочивъ его дѣйствовать въ мое отсутствіе по своему усмотрѣнію. Пока продолжалась выгрузка, думалъ я отдохнуть въ стѣнахъ святой обители. Когда я подъѣхалъ къ ней, ударили въ колоколъ къ вечернѣ, я отъ души перекрестился и вошелъ въ церковь. Это было наканунѣ Іоанна Богослова, и въ семъ монастырѣ, называемомъ Преображенскимъ (Посольскимъ не знаю почему) былъ придѣлъ во имя сего евангелиста; можно себѣ представить, какъ усердно молился я ему. Игуменъ позвалъ меня къ себѣ и сталъ подчивать, чѣмъ бы вы думали? ломтями разрѣзаннаго большаго огурца, пересыпанными мелкимъ сахаромъ. А я, который полторы сутки ничего въ ротъ не бралъ, кромѣ чаю и вареныхъ скверыхъ омулей (Байкальскихъ сельдей), и которому такъ нужно было укрѣпить себя пищей, я чуть было къ чорту не послалъ святаго отца и съ братіей. Вообще же въ этомъ монастырѣ, въ коемъ самая ограда была деревянная и одна только церковь камен-

ная, какъ показалось мнѣ, царствуютъ такое невѣжество, грубость, нищета и нечистота, что я не рѣшился въ немъ остаться. Выпросивъ лоскутъ бумаги, написалъ я къ унтеръ-офицеру, что поручаю ему свою бричку и продолжаю время его владычества до пріѣзда въ первый городъ, гдѣ я буду его дожидаться. Какъ люди, которые во всемъ себѣ отказываютъ, чтобы послѣ вполнѣ насладиться, такъ не щадя покоя, чтобы скорѣе добиться его, ѣхалъ я всю ночь и, сдѣлавъ полтораста верстъ, прибылъ рано поутру въ уѣздный городъ Верхнеудинскъ. Онъ былъ гораздо обширнѣе, красивѣе и опрятнѣе Нижнеудинска и почитался первымъ въ этомъ Забайкальскомъ краѣ. Въ немъ болѣе пятнадцати лѣтъ городничествовалъ Иванъ Алексѣевичъ Сѣнной, толстенькій, веселый старичекъ, съ Георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ, который постоемъ у себя отвелъ мнѣ квартиру. Съ перваго взгляда домикъ его напоминалъ мнѣ Петербургскія дачки; онъ стоялъ на дворѣ съ крылечкомъ прямо изъ комнатъ въ большой палисадникъ, отдѣляющій его отъ улицы; въ семъ садикѣ замѣтилъ я нѣсколько кустовъ и стебли подсолнечниковъ, но лѣтомъ, по словамъ хозяина, наполнялся онъ бархатцами, желтофіолями, настурціями и бальзаминами. Вообще было много въ г-нѣ Сѣнномъ, по моему мнѣнію, похвальныхъ прихотей. Въ домѣ его, гдѣ все было вымыто и выметено, видѣлъ я бѣленькія занавѣски у оконъ и зеркальцы между ими; множество птицъ въ клѣткахъ и картинокъ въ рамкахъ было развѣшено на потолкахъ и по стѣнамъ; все житье его и столъ показывали въ немъ если не совсѣмъ образованный, то образующійся вкусъ.

Семья его состояла изъ жены и молоденькой, изрядненькой дочки. Предметомъ разговоровъ моихъ съ ними все былъ какой-то артилерійскій поручикъ де-Барбишъ, который два года тутъ прожилъ, потомъ уѣхалъ, но непремѣнно къ нимъ воротится. Этотъ настоящій, или Русскій, Французикъ, успѣлъ вскружить голову всему семейству; его рисунки подъ стеклами въ почетѣ висѣли отдѣльно отъ другихъ картинокъ, дѣвочку онъ выучилъ играть на гитарѣ и пѣть Русскія пѣсенки, матери помогалъ вышивать; воспоминанія о немъ примѣшивались ко всѣмъ ежедневнымъ ихъ упражненіямъ. Одинъ разъ позволилъ я себѣ бѣдной дѣвушкѣ шепнуть на ухо, что завидую участи де-Барбиша; посмотрѣли бы, какъ, вспыхнувъ, она сердито на меня взглянула! Не случилось мнѣ узнать, что̀ сдѣлалось послѣ меня; но какъ Сибирскіе жители суть, или по крайней мѣрѣ были при мнѣ, весьма легковѣрны и неопытны, то боюсь за бѣдныхъ Сѣнныхъ.

Какъ изъ посольства я первый показался за Байкаломъ, то въ Вернеудинскѣ игралъ роль знаменитаго путешественника и вмѣстѣ отмѣнно-довѣренной особы, когда попеченіямъ моимъ поручены столь же

огромные, какъ и драгоцѣнные предметы. Бѣгали смотрѣть на меня по улицамъ, и самъ почтенный Сѣнной былъ со мною чрезвычайно почтителенъ; дома же не зналъ чѣмъ накормить. Такимъ образомъ катался я только два дни какъ сыръ въ маслѣ, пока въ цѣлости не подвезли мнѣ моихъ зеркаловъ. Я бы еще побылъ, какъ вдругъ наѣхали Тепловъ, Хвостовъ, Струве, Мартыновъ и другіе чиновники съ обозами: я почувствовалъ, что моя роль кончена и въ ту же минуту поспѣшилъ появленіемъ моимъ удивлять другія мѣста.

Немного оставалось мнѣ пространства и времени: въ тотъ же вечеръ, неподалеку отъ города Селенгинска, обогналъ меня секретарь посольства графъ Ламбертъ и довольно повелительно сказалъ мнѣ, чтобъ я болѣе торопился. Меня это удивило: я не зналъ, что Головкинъ послалъ его вмѣсто себя на границу принять начальство надъ всѣми отправленными туда чиновниками. Не менѣе того сталъ я спѣшить, и какъ отъ Селенгинска оставалось мнѣ всего ѣзды 90 верстъ, то я перемѣнилъ въ немъ только лошадей и на разсвѣтѣ 29 Сентября пріѣхалъ въ Кяхту.

Я ошибся, въ Троицкосавскую крѣпость. Настоящая Кяхта, въ которой живутъ одни купеческіе прикащики, всего на все не болѣе полутораста душъ, находится четыре версты далѣе, на самой чертѣ нашей границы, разстояніемъ на пушечный выстрѣлъ отъ Китайскаго торговаго селенія Маймачина. А Троицкосавскъ, довольно большой городокъ, на ручьѣ Кяхтѣ, заложенный въ Троицынъ день посломъ Саввою Рагузинскимъ, вмѣщаетъ въ себѣ главную таможню, ея чиновниковъ, купцовъ и значительное число жителей; сверхъ того, пограничную военную команду. Примѣчательно, что, слѣдуя общему правилу, принятому для пограничныхъ мѣстъ, въ Троицкосавскѣ не позволено имѣть ни одной кирпичной стѣнки; кажется, нападательной войны съ этой стороны ожидать не можно, развѣ возсталъ бы какой-нибудь новый Чингисъ-ханъ. Самое названіе крѣпости и острокольный, бревенчатый, полуразрушенный заборъ, подъ именемъ укрѣпленія, также довольно смѣшны.

Лучшіе дома въ Кяхтѣ (для сокращенія такъ буду называть я Троицкосавскъ) принадлежали таможеннымъ чиновникамъ; по нимъ размѣстили насъ. Какъ о трактирахъ тутъ понятія не имѣли, то они же вызвались и обязались продовольствовать насъ пищей. Мнѣ на долю, или я ему, достался великій чудакъ, нѣкто Семеновъ, самый тяжелый, несносный, мрачный и нѣсколько помѣшанный человѣкъ. Насъ раздѣляли сѣни; одну половину, состоящую изъ двухъ малыхъ комнатъ, уступилъ онъ мнѣ, другую, такую же, оставилъ для себя съ женою, пожилыхъ лѣтъ, какъ и онъ. Не довольствуясь всегда у меня со мною

обѣдать, какъ хозяинъ, почиталъ онъ себя въ правѣ входить ко мнѣ во всякое время, когда заблагоразсудитъ; сидитъ по цѣлымъ часамъ, смотритъ печально, каждыя десять минутъ выпуская по слову. Спасенія не было отъ него; скажешь, что хочется спать, ложитесь; что хочу читать: читайте, скажетъ онъ, не трогаясь съ мѣста. Дорого платилъ я ему за гостепріимство; такого мучителя еще у меня не бывало; въ послѣдствіи долженъ былъ я прибѣгнуть къ отчаяннымъ средствамъ, чтобъ избавиться отъ него.

Не долгъ, а любопытство заставило меня тотчасъ по пріѣздѣ пойдти къ Ламберту въ дорожномъ платьѣ. Онъ объявилъ мнѣ о новыхъ правахъ своихъ и съ видомъ неудовольствія далъ замѣтить, что мнѣ не слѣдовало придти къ нему въ такомъ нарядѣ. Я отвѣчалъ, что, выѣхавъ изъ Иркутска прежде него, не зналъ о сдѣланныхъ новыхъ распоряженіяхъ, что я зашелъ навѣстить его, какъ знакомаго, но что если ему угодно, я черезъ часъ могу явиться въ мундирѣ. Онъ и безъ того почиталъ себя моимъ начальникомъ, и такой отвѣтъ сдѣлалъ мнѣ новаго непріятеля.

Съ каждымъ днемъ Кяхта становилась многолюднѣе: по нѣскольку чиновниковъ вмѣстѣ пріѣзжали въ нее и, наконецъ, 6 Октября прибылъ самъ посолъ. На другой день начались опять Иркутскіе ежедневные обѣды для всего посольства; но казенный домъ, въ которомъ посолъ остановился, не соотвѣтствовалъ ихъ пышности. Длинныхъ деревянныхъ два ящика, соединенныхъ третьимъ поперечнымъ и нѣсколько ларчиковъ, сзади къ нимъ прикленныхъ, составляли этотъ дворецъ. Впрочемъ, мы располагали не долго оставаться и смотрѣли на него, какъ на посольскую ставку болѣе, чѣмъ на домъ.

Между тѣмъ проходили дни и недѣли, и ничто не предвѣщало нашего скораго отъѣзда. Чрезвычайная медленность въ отвѣтахъ Китайскаго правительства послѣдовала за первою его поспѣшностію; придирки, неумѣстныя требованія умножились, и время длилось въ перепискѣ. Главнымъ препятствіемъ къ сближенію была все-таки многочисленность свиты; болѣе всего пугали Китайцевъ сорокъ драгунъ съ капитаномъ и двадцать казаковъ съ сотникомъ, данныхъ послу въ видѣ тѣлохранителей. Они разсуждали, зачѣмъ воины въ мирной и союзной землѣ? Они могли бы прибавить, что въ случаѣ непріязненныхъ поступковъ такая горсточка была бы слабою защитой; Головкинъ же увѣрялъ, что сіи воины неотъемлемая принадлежность его достоинства и на этомъ пунктѣ стоялъ твердо. Во всемъ прочемъ былъ онъ уступчивѣе; напримѣръ, на двухъ чиновниковъ оставилъ онъ по одному служителю, ихъ же самихъ въ новый списокъ внесъ подъ названіемъ служителей. Такой обманъ могъ легко открыться и навлечь ему непріятностей; не

лучше ли бы было, безъ малѣйшихъ для себя униженія и опасности, на половину уменьшить свое войско?

Были еще другія, постороннія причины, дѣйствовавшія на нерѣшительность и сварливость Китайцевъ. Въ началѣ весны умеръ благонамѣренный іезуитскій генералъ Патеръ Груберъ, великій помощникъ нашъ въ семъ дѣлѣ; узнавъ о сей смерти, агенты его къ намъ охладѣли. Мы любимъ похвастаться, попугать, и чужестранныя газеты давно уже говорили о великихъ приготовленіяхъ нашихъ и какомъ-то замыслѣ на Китай; добрые же наши союзники, Англичане, не оставивъ того безъ вниманія, имѣли время предупредить насъ и встрѣтить своими происками. Коварное это правительство, которое завистливыми очами глядитъ на всѣ концы міра, въ мысляхъ тайно пожираетъ Китайскую торговлю и кончитъ тѣмъ, что у насъ на носу ею овладѣетъ.

Все что̀ происходило, скрывалось отъ насъ въ глубокой тайнѣ; у насъ всегда не кстати секретничаютъ. Но что̀ было жестоко и несправедливо, это требованіе, чтобы мы не показывали нетерпѣнія: изъявленіе скуки, малѣйшее любопытство въ семъ случаѣ ставились намъ въ величайшую вину. Люди прибѣжали къ дверямъ, которыхъ не открываютъ и не соглашаются имъ отпереть, и стой они какъ истуканы у нихъ! Не знаю право, за кого Головкинъ принималъ своихъ подчиненныхъ. Всѣхъ болѣе или менѣе спасала безпечность. Стараясь сохранить всю важность государственнаго достоинства своего, посолъ, до окончанія переговоровъ, ни себѣ ни намъ не позволялъ видѣть Китайцевъ; для того намъ воспрещено было ѣздить въ торговую Кяхту, а ихъ не пускали въ Троицкосавскъ.

Странное было житье разнороднаго общества, собравшагося на краю свѣта. Обѣдали всѣ вмѣстѣ у посла, но что̀ дѣлать изъ длинныхъ осеннихъ вечеровъ? Основались пріемные дома, и разобраны дни. Нарышкинъ жилъ съ Бенкендорфомъ и Гурьевымъ, Васильчиковъ съ Перовскимъ, Нелидовъ съ Сухтеленомъ и Голицынъ съ Карауловымъ. Симъ превосходительствамъ и высокородіямъ въ совокупности отведены были квартиры попросторнѣе, они были хозяевами четырехъ сборныхъ мѣстъ, а посѣтителями Тепловъ, Довре, Струве, Хвостовъ, Мартыновъ и я. Ламбертъ иногда показывался между ними; Байковъ никогда. Остальные вечера проводили каждый у себя дома; я же, бѣгая отъ своего Семенова, изъ Кяхтинскаго аристократическаго круга заглядывалъ и въ ученый міръ, и въ плебейское общество посольства. Спросятъ, что̀ дѣлали на сихъ вечерахъ? Одни важничали, другіе врали, буфонили, разсказывали, всѣ разговаривали, никто не курилъ; подчивали однимъ чаемъ, который тутъ былъ не въ диковинку; наконецъ, все переговоривши, иные достали карты и засѣли въ бостонъ.

Послу, который жилъ въ совершенномъ уединеніи съ своимъ секретаремъ посольства, провѣдавъ о томъ, стало завидно. Кавалеровъ посольства пригласилъ онъ къ себѣ на всѣ вечера, а изъ насъ выбралъ четырехъ, Хвостова, Перовскаго, Теплова и меня, и велѣлъ поочередно на сихъ вечерахъ дежурить. Какая разница! Тамъ были мы въ сюртукахъ, а иногда и ихъ снимали, а тутъ слѣдовало быть во всей формѣ. Это всѣмъ не полюбилось; надобно было какъ-нибудь помочь бѣдѣ, и для того положили по перемѣнкамъ двумъ только отправляться, чтобы съ Байковымъ составить партію послу. Я никогда не любилъ картъ и почиталъ великимъ мученіемъ чрезъ три дня просиживать цѣлые часы подлѣ стола и смотрѣть, какъ въ нихъ играютъ.

Также никогда не былъ я великій наѣздникъ, хотя и сбирался въ кавалерійскую службу, а послу вздумалось верхомъ разгонять скуку по полямъ и рощамъ, въ сопровожденіи приближенныхъ своихъ, въ числѣ коихъ, не знаю почему, и меня помѣстилъ. Обобрали казачьихъ лошадей, и мы (по крайней мѣрѣ въ дорожномъ платьѣ, однако форменномъ, сѣромъ) летучимъ эскадрономъ носились по окрестностямъ Кяхты.

Мы были подъ 50-мъ градусомъ сѣверной широты и хотя на Востокъ, почти въ сосѣдствѣ съ Становымъ хребтомъ, почитаемымъ за одно изъ высочайшихъ мѣстъ въ мірѣ, однакоже въ Ноябрѣ еще не чувствовали зимы. Снѣгъ иногда перепадывалъ, но былъ тотчасъ поглощаемъ песчанымъ грунтомъ земли, на которомъ построена Кяхта. Обыкновенно ее почитаютъ началомъ Кобійской степи, отдѣляющей насъ отъ Китая, а я полагаю его въ Селенгинскѣ; ибо природа въ сихъ странахъ вездѣ почти одинакова; вездѣ ровное мѣсто, песчаные холмы, мелкія рѣчки и тощіе лѣски.

Верховыя наши прогулки бывали и забавны; по приглашенію Головкина иногда сопровождалъ насъ сморщенный Нѣмчикъ Струве. Великій мистификаторъ, Бенкендорфъ, успѣлъ увѣрить его, что послу будетъ весьма, пріятно если онъ одѣнется въ казацкое платье. Надобно было видѣть несчастную, печальную фигурку латиниста, педанта, иллюмината верхомъ, въ этомъ нарядѣ, съ высокою шапкой и парою пистолетовъ за поясомъ. Покорность этого человѣчка, которому нельзя было не видѣть, что его дурачатъ, не знаю чему приписать: подлости ли, Нѣмецкому ли, или христіанскому терпѣнію? Подходилъ Юрьевъ день, 26 Ноября, имянины Головкина; стали думать, какой ему сдѣлать сюрпризъ, чѣмъ бы его развеселить? Безъ Струве дѣло обойтись не могло. Нашли какую-то Французскую фарсу, шараду въ стихахъ, *Кокатриксъ*, въ которой нѣсколько мужскихъ лицъ и одна женская роль; онъ согласился ее принять и явился въ юбкѣ, въ діадемѣ, въ румянахъ и въ локонахъ, съ неподвижно-серіознымъ лицомъ.

Одного нельзя было сдѣлать: заставить его плясать, ибо не съ кѣмъ было. Мы затѣвали балъ и для того выписали изъ Селенгинска единственную даму, которая собой могла другимъ подать примѣръ, жену генералъ-маіора Винклера начальника гарнизона. Ей до смерти хотѣлось. Родившись въ Усть-Каменгорской крѣпости на Иртышѣ, она тамъ выросла и вышла замужъ и, переѣхавъ прямо съ Сибирской линіи на Китайскую границу, она достигла тридцатилѣтняго возраста, никогда не видавши какъ танцуютъ. Она обѣдала и проводила вечера у Головкина. Ничто не подѣйствовало на Кяхтинскихъ невидимокъ-жительницъ, ни ея примѣръ, ни власть посла и генералъ-ревизора. Азіятскіе нравы существовали тутъ во всей своей силѣ.

Всему виною былъ статскій совѣтникъ Петръ Дмитріевичъ Вонифатіевъ, который болѣе пятнадцати лѣтъ управлялъ Кяхтинскою таможней. Такого хитраго и смѣлаго плута еще свѣтъ или по крайней мѣрѣ Россія не производила; онъ успѣлъ Русскимъ внушить страхъ и повиновеніе къ себѣ и пріобрѣсть совершенную довѣренность Китайцевъ. Такимъ образомъ господствовалъ онъ по всей границѣ: ничто не дѣлалось безъ его спроса; его воля была законъ, вся Китайская торговля на немъ какъ на оси вертѣлась. Нужно ли сказать, что онъ исполненъ былъ ума и твердости. Будучи низкаго происхожденія и занимая дотолѣ одни низшія мѣста въ отчизнѣ своей, онъ ,кажется, не слишкомъ ее любилъ и почиталъ отечествомъ своимъ то мѣсто, гдѣ владычествовалъ. Говорили о несмѣтномъ его богатствѣ; но время показало, что оно совсѣмъ не было такъ огромно, какъ полагали; слѣдуя обычаю, онъ пользовался выгодами, которыя получали тогда всѣ таможенные чиновники, но корыстолюбіе всегда уступало у него мѣсто властолюбію. Въ Петербургѣ имѣлъ онъ большія связи съ Коммерцъ-коллегіей и пользовался особымъ покровительствомъ министра графа Румянцова, личнаго непріятеля Нарышкиныхъ и зятя ихъ Головкина.

Человѣкъ этотъ былъ деспотомъ и въ семействѣ своемъ; жену съ двумя хорошенькими дочерьми, кромѣ церкви, никуда не пускалъ; когда же мы пріѣхали, то и храма Божія онѣ лишились. По существующему ли прежде или по введенному имъ порядку, и другія женщины никогда не показывались мущинамъ, и даже едвали посѣщали другъ друга. Головкину, великому обожателю прекраснаго пола, захотѣлось въ Кяхтѣ освободить его отъ оковъ; для того обратился онъ къ Вонифатьеву, стараясь объяснить ему, что онъ упускаетъ единственный случай выгоднымъ образомъ выдать дочерей своихъ замужъ; что, оставаясь невидимыми, онѣ полюбиться не могутъ, и кончилъ приглашеніемъ ихъ къ себѣ на вечеръ. Вонифатьевъ довольно сухо отклонилъ предложеніе сіе. Любезность и величавость графа Головкина никакого

дѣйствія на него не производили. Однимъ праздничнымъ утромъ, окруженный всею свитой, посолъ (какъ всѣ знатные люди, которые думають славно говорить по-русски, когда употребляютъ простонародныя выраженія) иностраннымъ нарѣчіемъ своимъ сказалъ ему: «Пасматрите, Петеръ Митричъ, у мена малатцофъ што сакалофъ». А тотъ, посмотрѣвъ на насъ пристально, очень холодно отвѣчалъ: «нѣтъ, ваше сіятельство, ни одинъ изъ нихъ не годится мнѣ въ зятья», такимъ образомъ оставивъ насъ въ недоумѣніи: гордость ли или скромность внушила ему сей отвѣтъ.

Можно себѣ представить, какъ не взлюбилъ его великій баринъ, начальникъ его, какъ президентъ Коммерцъ-коллегіи. Но онъ былъ подъ крыломъ самого министра коммерціи и велъ себя такъ осторожно, что не было возможности къ нему придраться. Въ обращеніи съ посломъ былъ онъ молчаливъ, угрюмъ и почтителенъ; ненавистью же своею предупредилъ его. Ему посольство не нравилось; онъ зналъ, что оно будетъ безполезно и опасался даже, чтобъ оно не произвело у насъ разрыва къ Китаемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что у Китайцевъ онъ тайно старался вредить Головкину, однакоже такъ, чтобы неудовольствія отнеслись къ лицу его, а не къ правительству, его употребившему. У этого чваннаго, чопорнаго, неподвижнаго народа, въ человѣкѣ высокаго званія веселость почитается преступленіемъ, а черезъ Вонифатьева знали они всѣ подробности нашей залихватской жизни.

Я на минуту ворочусь домой къ хозяину своему. Мнѣ не было житья отъ него. На однѣхъ со мною сѣняхъ, онъ рѣшительно держалъ меня въ осадѣ; кто бы ни вошелъ въ нихъ, онъ высовывался въ двери, чтобы поглядѣть или, лучше сказать, подглядѣть идущаго ко мнѣ. Вдругъ сталъ ревновать къ старухѣ-женѣ, отъ которой жилъ я въ двухъ шагахъ, но которой ни разу даже вскользь не видѣлъ. Заботясь какъ о чести дома своего, такъ и о цѣломудріи моемъ, не позволялъ онъ моему слугѣ принимать прачку, приносившую бѣлье, иначе какъ на дворѣ. Я сталъ отъ него запираться, и когда онъ стучался, отвѣчалъ просто, что не пущу къ себѣ; тогда онъ обманомъ умѣлъ прокрадываться; особенно же когда меня не было дома, вездѣ шарилъ, за шкафомъ и за печкой, не найдетъ ли какой-нибудь женщины. Мнѣ черезчуръ сдѣлалось досадно, и я, никому не жалуясь, просилъ полицеймейстера отвести мнѣ другую квартиру, хотя бы похуже. Пока онъ ее пріискивалъ, вступился за меня, кто бы могъ ожидать? Байковъ. Онъ съ Головкинымъ смотрѣли на губернскихъ чиновниковъ какъ на поганую челядь, слишкомъ осчастливленную постоемъ такихъ людей какъ мы; сверхъ того, были и сердиты на Кяхтинскую таможню. Узнавъ нечаянно о моихъ досадно-смѣшныхъ несогласіяхъ, Байковъ за меня

обидѣлся и донесъ о томъ послу, который упрекнулъ меня излишнею терпѣливостію, не велѣлъ мѣнять квартиры и, призвавъ полицеймейстера, отправилъ его съ фельдъегеремъ Штосомъ сказать Семенову его грозное слово. Онъ приказалъ объявить ему, что если впередъ будетъ меня тревожить, то угодитъ Богъ вѣсть куда, и что еслибъ я навелъ къ себѣ дюжину наемныхъ прелестницъ и сдѣлалъ оргію, то и въ такомъ случаѣ не имѣлъ бы онъ права мнѣ мѣшать. Пораженный Семеновъ бросился было къ Вонифатьеву; но и тотъ обвинилъ его, хотя никогда не хотѣлъ и глядѣть на меня. Съ тѣхъ поръ бѣднякъ умолкъ, все плакалъ да вздыхалъ и никому не показывался; онъ точно былъ помѣшанъ.

Письма и газеты изъ Петербурга приходили къ намъ исправно; только новости никогда не были свѣжи, потому что почта ходила оттуда полтора мѣсяца, иногда и долѣе. Узнали мы, что Государь отправился къ арміи и всѣ тому обрадовались. Со смерти Петра Великаго, около ста лѣтъ, ратное поле не видѣло Русскаго царя; опасаться же за него намъ и въ голову не приходило: возможно ли, чтобы прекрасный представитель великой Россіи не былъ хранимъ самимъ Богомъ? Въ это время совершенно плѣнился я Константиномъ Бенкендорфомъ; болѣе всѣхъ и почти одинъ запылалъ онъ энтузіазмомъ. Какъ любилъ онъ славу Россіи! И я также вспомнилъ 1799-й годъ и ребячьи мои слезы восторга при имени Суворова. Бенкендорфъ понялъ меня, и такое единомысліе, сочувствіе, скоро насъ сблизили. Какими благословеніями напутствовали мы Царя! Мы уже гордились его красотою, его доблестьми; еще не доставало ему геройства.

Бенкендорфъ нѣсколько времени находился въ Берлинской миссіи; ему было очень больно видѣть, что Пруссія колеблется пристать къ союзу нашему съ Австріей. Какъ всѣ Нѣмцы, бредилъ онъ молодою королевой, которая, какъ звѣзда, сіяла тогда на Сѣверѣ Германіи. Она была добра, великодушна, чувствительна и прелестна; съ такими качествами можно обойтись безъ большаго ума. На ея посредничество Бенкендорфъ возлагалъ свои надежды. Однимъ утромъ нашелъ я его, съ газетою въ рукахъ, трепещущимъ отъ радости: наше красное солнышко, Александръ Павловичъ, прикатилъ въ Берлинъ, все тамъ оживилъ, все воспалилъ, все очаровалъ. Въ избыткѣ чувствъ хотѣлось ему что-нибудь написать, а безпорядокъ мыслей мѣшалъ тому; онъ призвалъ меня на помощь, и мы придумали соединенными силами сочинить акростихъ на имя королевы Луизы. Мы бились съ нимъ болѣе получаса, и что̀ же вышло? Еслибъ онъ былъ похожъ на что нибудь, я не рѣшился бы его здѣсь помѣстить; но какъ не было въ немъ ни складу, ни ладу, то готовъ имъ посмѣшить читателя.

Les grâces aujourd'hui favorisent nos armes;
O Reine, c'est vous dont les yeux, pleins de charmes,
Usant du pouvoir qu'ils ont sur nos guerriers,
Inspirent le désir de cueillir les lauriers.
Soyez pour les Russes et pour leur Souverain,
Et nos drapeaux bientôt flotteront sur le Rhin.

Каковы стихи? Не правда ли? Прошу не прогнѣваться. Горячо испеку, а за вкусъ не берусь, могли бы мы сказать. Не долго могли мы вмѣстѣ, забывъ Китай, заниматься Европейскими дѣлами: скоро наступила для насъ минута разлуки.

Въ послѣднихъ числахъ Ноября, не знаю по какому случаю или по какой причинѣ, Байковъ верхомъ поскакалъ въ Ургу, разстояніемъ 350 верстъ отъ Кяхты. Это не городъ, а главное кочевье въ Кобійской или Монгольской степи и мѣстопребываніе двухъ первостатейныхъ мандариновъ, Вана и Амбана, намѣстника и вице-намѣстника ханскихъ; до этого мѣста, не далѣе, ѣздятъ обыкновенно посланцы нашего губернскаго Иркутскаго начальства. Онъ, кажется, возилъ ультиматумъ Головкина и, не дождавшись отвѣта изъ Пекина, черезъ недѣлю воротился.

Около половины Декабря дзаргучей или комендантъ Маймачинскій потребовалъ аудіенціи у посла, и мы въ первый разъ увидѣли Китайцевъ. Онъ явился съ пріятнымъ извѣстіемъ, что молодой родственникъ императора, Бейсъ, съ многочисленною свитой уже на пути изъ Пекина, чтобы встрѣтить и проводить туда наше посольство. За тѣмъ снято запрещеніе ѣздить намъ въ торговую Кяхту и въ Маймачинъ, и я не изъ послѣднихъ симъ дозволеніемъ воспользовался.

Маймачинъ—единственный Китайскій городокъ, который я видѣлъ, и потому не лишнимъ считаю сказать о немъ здѣсь нѣсколько словъ. Онъ построенъ правильнымъ четвероугольникомъ и весь обнесенъ превысокимъ заборомъ; разбитъ онъ, какъ регулярный садъ, и самыя улицы его могутъ почитаться узкими аллеями; строеніе на нихъ совершенно одинаковой вышины, низкое, сплошное, безъ малѣйшаго разрыва и единаго окна. Такою улицей идешь, какъ коридоромъ, между двухъ стѣнъ, вымазанныхъ сѣроватою глиной, не выкрашенныхъ и не бѣленыхъ; справа и слѣва домà различаются только всегда закрытыми отверстіями, раскрашенными воротами со столбиками и пестрыми надъ ними навѣсами. На каждомъ перекресткѣ есть крытое мѣсто съ четырьмя воротами, такъ что всякая улица можетъ запираться, какъ домъ; надъ крытымъ же мѣстомъ всегда возвышается деревянная башня, въ два или три яруса, расцвѣченная, съ драконами, колокольчиками, бубенчиками, какіе вы видѣли на картинкахъ или въ садахъ. Это давало

Маймачину довольно красивый видъ, особливо въ сравненіи съ двумя Кяхтами, большою и малою; но бѣда если пожаръ: ничто не уцѣлѣетъ! Во внутренности дворовъ, вокругъ всей стѣны, идетъ открытая, наружная галлерея на столбикахъ, служащая соединеніемъ жилыхъ покоевъ съ амбарами и конюшнями; какъ всѣ окна выходятъ на галлерею сію, то можно посудить о темнотѣ, которая бываетъ въ комнатахъ. На другомъ концѣ города пустили меня въ Китайскую божницу, посвященную богу брани; онъ находится въ особенномъ мѣстѣ или придѣлѣ и стоя держитъ за узду бѣшенаго коня. Въ главномъ же храмѣ видѣлъ я колоссальнаго Конфуція, богато разодѣтаго, высоко на тронѣ сидящаго, и массивную, пудъ въ двадцать, желѣзную полированную лампаду, день и ночь передъ нимъ горящую.

Тѣмъ, кои были въ Китаѣ, предоставляю я право описывать въ подробности образъ жизни, обычаи и костюмы сего любопытнаго народа. Я же, который видѣлъ Китайцевъ лишь мелькомъ, на краю ихъ владѣній, я почитаю себя свободнымъ отъ обязанности много говорить о нихъ.

Лишь только посолъ узналъ о прибытіи Бейса въ Маймачинъ, призвалъ меня и съ видомъ сердечнаго сожалѣнія объявилъ о необходимости разстаться со мною. Вмѣсто отвѣта, я только поклонился и вышелъ: ни просить, ни жаловаться, ни благодарить, кажется, было нечего. Исключая двухъ Шубертовъ, отца и сына, да меня, еще четыре человѣка были пожертвованы необходимости, какъ говорилъ Головкинъ: кавалеръ посольства Васильчиковъ, профессоръ Клапротъ, Корнѣевъ и Клементъ. Съ двумя послѣдними не сочли нужнымъ много церемониться, а въ прочихъ былъ замѣченъ не знаю какой-то духъ непокорности. Не говорю о себѣ; но отослать двухъ самыхъ ученыхъ профессоровъ, чтобъ взять съ собою лишнихъ два-три драгуна, кому бы не показалось безразсудно?

Когда Вонифатьевъ узналъ о моей выключкѣ, то, встрѣтясь со мною на улицѣ, бросился обнимать. Онъ нашелъ какой-то предлогъ и прежней холодной со мною суровости, и внезапной своей пріязни, затащилъ къ себѣ, сталъ потчивать и расточать грубыя свои ласки. Какъ знатокъ, предложилъ онъ дешево купить нѣкоторыя Китайскія бездѣлицы и досталъ ихъ почти даромъ, наконецъ прислалъ мнѣ на дорогу огромный ящикъ чаю *). О Головкинѣ пока ни слова; но, видя меня разъ довольно печальнымъ, потихоньку сказалъ онъ мнѣ: «Не горюй, братъ; повѣрь мнѣ, не бывать имъ далѣе Урги; мѣсяца пол-

*) Въ юго-восточной Сибири чай почитается поклономъ: не принять его значитъ не отвѣчать на поклонъ и за вѣжливость заплатить неучтивостію.

тора попляшутъ на морозѣ, а что увидятъ? почти тоже, что здѣсь». Мнѣ стало гадко, а не менѣе того онъ утѣшилъ меня своими словами.

Сначала Бейсъ у посла имѣлъ публичную аудіенцію, на которой мы всѣ присутствовали, потомъ другую приватную. Головкинъ, стараясь приноровиться къ восточной напыщенности рѣчей, черезъ переводчика такъ и сыпалъ гиперболами, на кои Бейсъ отвѣчалъ тихо и скромно; а между тѣмъ Байковъ въ углу, со смѣхомъ, ругалъ Китайцевъ непотребными словами, не замѣчая, что въ свитѣ Бейса находились Маймачинцы, очень хорошо понимающіе Русскій языкъ и любимыя народныя поговорки. Китайскій принцъ совсѣмъ не похожъ былъ на Китайца, худощавъ, смуглъ, съ правильными чертами, черными глазами и усиками, съ нѣжнымъ и пріятнымъ голосомъ; онъ всѣмъ понравился. Нарядъ Китайцевъ невольно смѣшилъ насъ: куріозно было видѣть мущинъ въ кофтахъ съ юбками. Всего страннѣе показался мнѣ экипажъ, въ которомъ привезли Бейса: это были употребляемыя въ Европѣ носилки (porte chaise), на двухъ колесахъ съ оглоблями.

Забавны были также и воины Китайскіе, Азіатскіе амуры, съ лукомъ и колчаномъ за спиной, со стеклянною шишкой на шапкѣ и съ прикрѣпленнымъ къ ней павлиньимъ перомъ. Я видѣлъ, какъ сіи герои, обступивъ нашихъ драгунъ, сидящихъ на конѣ, смотрѣли на нихъ съ ужасомъ: правда, народъ былъ подобранъ все рослый, усастый, лошади подъ ними были, какъ слоны, и каски на нихъ въ аршинъ вышиною; но все-таки солдаты другой Азіатской націи, при видѣ ихъ, умѣли бы скрыть свой страхъ.

И въ Петербургѣ смѣялись надъ ними, когда, возвратясь, говорили мы о войнѣ съ Китаемъ, какъ о дѣлѣ не только сбыточномъ, но и весьма не затруднительномъ въ исполненіи. У тѣхъ, кои по крайней мѣрѣ брали трудъ оспаривать насъ, вѣчнымъ аргументомъ была степь. Конечно, она имѣетъ до восьми сотъ верстъ ширины; но эта степь вся заселена кочующими Монголами, не слишкомъ преданными Китайско-Манжурскому племени, съ которымъ не принадлежатъ даже къ одной вѣрѣ; но эту степь вездѣ пересѣкаютъ рѣчки и рощи, вездѣ есть топливо и вода. Для продовольствія десятки степныхъ кораблей, верблюдовъ, могутъ замѣнить тысячи подъемныхъ лошадей; а ихъ цѣлыя сотни можно разомъ купить на границѣ. Главное же то, что предъ тридцатью тысячами Русскаго войска не устоитъ полмиліона Китайцевъ; кажется, это ясно. У насъ и безъ того слишкомъ много владѣній, продолжаютъ спорщики; да кто говорить о завоеваніи Китая, о присоединеніи его къ Россіи? Но когда судьба или, лучше сказать, само Провидѣніе, насъ съ завязанными глазами подвело почти къ каменной стѣнѣ, какъ не внять его гласу? Какъ не стать на Амурѣ и, вооору-

живъ берега его твердынями, какъ не предписывать законовъ гордому Китаю, дабы для подданныхъ извлечь изъ того неисчислимыя выгоды? Какъ не взять его въ опеку и не защитить отъ вторженій другихъ Европейскихъ народовъ? Какъ на устьѣ Амура, гдѣ такъ много удобныхъ пристаней, не сдѣлать новаго порта и не замѣнить имъ несчастныя Охотскую и Авачинскую гавани? Это во сто разъ было бы полезнѣе, чѣмъ наши глупыя Американскія владѣнія, всѣ эти Курильскіе и Алеутскіе острова. Наконецъ, какъ оставлять въ запустѣніи великое, плодородное пространство земли и не открыть его на Сѣверѣ Сибири прозябающимъ племенамъ Якутамъ, Тунгусамъ, Корякамъ, чтобъ изъ животныхъ превратить ихъ въ людей? Гласъ Божій— гласъ народа; въ Иркутскѣ, Нерчинскѣ и за Байкаломъ нѣту жителя, который бы не говорилъ о Дауріи, какъ о потерянномъ раѣ; эти бѣдные люди не могутъ понять, чѣмъ прогнѣвали они такъ Бѣлаго Царя, что онъ имъ не хочетъ отпереть его.

Европа поглощаетъ все вниманіе правительства, и ему мало времени думать объ Азіатскихъ выгодахъ. Къ тому же почти всегда дипломатическая часть поручалась у насъ иностранцамъ, и они болѣе заботились о томъ, что̀ къ нимъ ближе. Биронъ, Нѣмецъ или Латышъ, Богъ его знаетъ, даромъ отдалъ Даурію, а Русскій Потемкинъ хотѣлъ опять ее завоевать. Всѣ великіе помыслы о славѣ Россіи, исключая одной женщины, родятся только въ головахъ однихъ Русскихъ: Годунова, Петра, Потемкина.

Наступилъ для посольства день отъѣзда, 21 Декабря. Снѣгу не было; холодъ нѣсколько дней началъ усиливаться; въ это утро термометръ на солнцѣ спустился на 14 градусовъ ниже точки замерзанія. Перспектива была неутѣшительна: дни проводить въ колускахъ или верхомъ, а ночью въ клѣтчатыхъ войлокомъ укутанныхъ юртахъ или кибиткахъ; посолъ былъ мраченъ, всѣ другіе печальны. Первый разъ въ жизни услышалъ я слово бивуакъ, не зная, что чрезъ нѣсколько дней долженъ буду испытать его значеніе. Съ кѣмъ-то, на дрожкахъ, рано по утру отправился я въ малую Кяхту. Скоро прибылъ посолъ съ дружиной и въ деревянной церкви выслушалъ путешественный молебенъ, что́ исполнилъ онъ какъ простой обрядъ, который ему присовѣтовали; вышедши изъ церкви, поспѣшилъ онъ сѣсть на лошадь. У меня сердце сжалось, когда пришлось мнѣ разставаться съ товарищами; три мѣсяца свыкся я съ ними въ ссылкѣ; всѣ простились со мной дружески, всѣ наканунѣ снабдили меня письмами въ Петербургъ.

На улицѣ и по дорогѣ зрѣлище было любопытное, совсѣмъ необыкновенное. Обѣ Кяхты, Маймачинъ ходили вокругъ обоза, который тянулся болѣе чѣмъ на версту. Все, что̀ шло черезъ Сибирь отдѣле-

ніями было тутъ собрано вмѣстѣ съ присоединеніемъ драгунъ, казаковъ и свиты Китайскаго князька, которая была вдвое болѣе посольской. Цѣлые табуны дикихъ, степныхъ лошадей были впряжены въ повозки и Европейскія коляски, какихъ они отъ роду не видывали; онѣ ржали, бѣсились, становились на дабы и часто рвали веревочныя постромки. На козлахъ сидѣли Монголы съ Русскими людьми, которые учили ихъ править. Другіе Монголы, привлеченные любопытствомъ, носились кругомъ на своихъ лошаденкахъ. Впереди, ужасно величественъ, посолъ ѣхалъ верхомъ съ своею кавалькадой. Шумъ, гвалтъ, кутерьма! Я отказался проводить посольство до перваго ночлега; довольно было съ меня слѣдовать за нимъ версты двѣ или три, чтобы полюбоваться симъ удивительнымъ поѣздомъ.

Возвратясь въ Троицкосавскъ, обѣдалъ я у Вонифатьева, по его приглашенію. До тѣхъ поръ онъ былъ довольно скроменъ въ рѣчахъ о Головкинѣ, а тутъ совсѣмъ распоясался на его счетъ. Я былъ растроганъ, чувство великодушія во мнѣ не погасало, и я отвѣчалъ ему довольно рѣзко и зло, чтобы разсердить его. Болѣе мы съ нимъ не видѣлись; кажется, послѣ того, онъ еще многія, многія лѣта царствовалъ въ Китаѣ.

Намъ, покинутымъ, должно было промышлять о себѣ. Клапротъ, подобно Шуберту, коль скоро узналъ объ отчужденіи своемъ отъ посольства, дня не хотѣлъ съ нимъ оставаться и тотчасъ уѣхалъ, съ намѣреніемъ предпринять ученое путешествіе по Сибири. Корнѣевъ располагался прожить въ Кяхтѣ до весны. Клементъ совсѣмъ осиротѣлъ безъ Нелидова, къ коему всякій день являлся за приказаніями, которыхъ никогда не получалъ: этому плющу нужно было дерево. Васильчиковъ состоялъ въ четвертомъ классѣ, слѣдственно еще выше Нелидова, и я безъ большаго труда поладилъ съ нимъ. Изъ Иркутска Алексѣй Васильевичъ въ туже зиму собирался прокатиться въ Якутскъ (охота же ему была), и добровольно подчиненный собесѣдникъ пришелся ему весьма кстати. Мнѣ же скорѣе хотѣлось въ Петербургъ.

Байкалъ въ это время года былъ непроходимъ: огромныя льдины носились по немъ и только къ концу Января могли его оковать. Мнѣ оставалась другая дорога, вокругъ Байкала, не весьма пріятная, особливо зимой: изъ семи сотъ верстъ до Иркутска, триста необходимо было ѣхать верхомъ. Тоска меня одолѣвала, и я на все готовъ былъ рѣшиться, чтобы не оставаться одному съ Вонифатьевымъ, Корнѣевымъ, Семеновымъ и офицерами Селенгинскаго гарнизоннаго полка.

Но напередъ хотѣлось мнѣ еще разъ побывать въ Маймачинѣ и взглянуть на Китайцевъ. На другой день послѣ отбытія посольства, 22 Декабря, купецъ Сизовъ, родственникъ Полеваго, возилъ меня туда

обѣдать къ одному богатому Китайскому торговцу. Меня чрезвычайно забавлялъ разговоръ гостя съ хозяевами [1]; два народа создали какой-то средній языкъ, которымъ говорятъ и который понимаютъ одни живущіе на границѣ, и вотъ между прочимъ, что услышалъ я на немъ: «а много отсель до Печински походи?» Это былъ переводъ вопроса моего, далеко ли отсюда до Пекина. Отъ кушанья же, вѣроятно по непривычкѣ, мнѣ два раза стошнилось: гадко было видѣть, какъ Китаецъ запускаетъ длинные когти свои въ баранье мясо и рваные куски кладетъ себѣ въ ротъ. Десертъ также не слишкомъ былъ вкусенъ: леденцы съ померанцами, съ миндалемъ и чеснокомъ.

Я продалъ свою бричку и на перекладныхъ телѣгахъ вмѣстѣ съ Васильчиковымъ и съ Клементомъ, 23 Декабря отправился въ обратный путь.

Мѣстами почти ровными, по голой замерзшей землѣ, проскакавъ верстъ почти двѣсти, пріѣхали мы на другой день въ Харацайскую крѣпость [2]. Не въ дальнемъ отъ нея разстояніи, начинаются страшныя Алтайскія горы, черезъ кои не иначе можно перебраться, какъ на тощихъ, но надежныхъ и къ нимъ привычныхъ коняхъ. Дорога, сначала довольно широкая, все болѣе и болѣе суживается по мѣрѣ какъ подымается въ гору, и превращается наконецъ въ тропинку. Первый день моего всадничества напала на меня храбрость, и я не отставалъ отъ Васильчикова, стараго конногвардейца; можетъ быть, рѣшился бы я слѣдовать за нимъ и ночью, если бы, проѣхавъ верстъ семдесятъ, съ непривычки не почувствовалъ себя совершенно разбитымъ. Мы простились: онъ съ Клементомъ пустился въ опасный путь, а я остался ночевать почти на открытомъ воздухѣ.

Какъ Богъ пронесъ его въ темнотѣ! подумалъ я, взглянувъ на ужасы, меня окружающіе; но скоро и самъ среди дня долженъ былъ поручить себя Его святому покрову. Это было въ самый день Рождества Христова; мученія, которыя потомъ перенесъ я въ первые три дня праздниковъ, безъ всякаго преувеличенія позволю я себѣ назвать адскими. Морозъ, въ полдень солнечными лучами нѣсколько смягчаемый, ночью дѣлался трескучимъ. Весь закутанный отъ него и затянутый, не могъ я безъ большихъ усилій владѣть членами и, сидя неподвижно на конѣ, коимъ не управлялъ, слѣдовалъ въ молчаніи за проводникомъ-Бурятомъ. Скалы неимовѣрной вышины, почти безъ отвѣса, перпендикулярно иногда поднимались передо мной, и я долженъ былъ

---

[1]) Все одни мущины; Китайки никогда за каменную стѣну не переѣзжаютъ.

[2]) Единожды навсегда названіе крѣпости или острога въ Сибири принадлежитъ по старой памяти мѣстамъ нѣкогда худо укрѣпленнымъ деревяннымъ палисадомъ.

лѣзть на нихъ тропою, зигзагомъ пробитою по ихъ бокамъ. Съ ихъ вершины, кедровые лѣса, растущіе въ долинахъ (тутъ называемыхъ пáдями) казались мнѣ засохшею травой, и я съ такою же опасностію, долженъ былъ въ нихъ спускаться. Шумные водопады образовали внизу рѣчки, коимъ быстрое теченіе не давало замерзать; чтобы переходить ихъ въ бродъ, надобно было погружаться въ нихъ, имѣя воды по грудь лошади; онѣ часто грозили намъ потопленіемъ, и сверхъ того летящія отъ нихъ брызги замерзали на моемъ платьѣ и обуви. Насъ всего шесть человѣкъ: я, слуга мой Гаврила, проводникъ, да три верховые Бурята, которые подъ уздцы вели вьючныхъ лошадей. Къ счастію не показывались дикіе звѣри, кои во множествѣ тутъ витаютъ; а то бы плохо намъ было: Буряты вооружены были широкими ножами, но ружей и пистолетовъ у нихъ вовсе не было.

Тотъ, кто по этому пути проѣхалъ бы лѣтомъ, несмотря на всѣ его неудобства и опасности, могъ бы замѣтить дивныя красоты сихъ мѣстъ; мнѣ было не до того: я былъ въ совершенномъ отчаяніи и почти безпамятствѣ. Одна неприступная громада служила подножіемъ другой, и мнѣ казалось, что я достигаю до небесъ; я былъ выше того, что́ такъ называютъ, и у ногъ моихъ могъ бы видѣть облака, еслибъ не вездѣ было ясно. Изрѣдка попадались мнѣ равнины, длиною съ версту или немного болѣе; тогда не имѣлъ я нужды каблуками возбуждать къ быстротѣ спасительную подъ собой скотину: надъ пропастями съ осторожностію переступая нога за ногу, тутъ, какъ бы понимая меня, принималась она скакать во всю прыть.

Бѣда одна никогда не приходитъ. Васильчиковъ взялъ съ собою единственнаго Бурята, который немного зналъ по-русски, и я съ моими спутниками могъ объясняться только пантомимой. Въ торопяхъ, уже вѣрно неумышленно, служитель его захватилъ все съѣстное, запасенное нами, частію въ Кяхтѣ, частію въ Харацайской крѣпости, вареное и жареное мясо, вино, хлѣбъ и сухари. Подъ именемъ станцій въ тридцати пяти, иногда въ сорока верстахъ одна отъ другой, построены были юрты, то-есть осмиугольныя бревенчатыя избы безъ печей, съ широкимъ отверстіемъ посреди крыши; при нихъ находились проводники и лошади. Самыя Монгольскія названія ихъ пугали слухъ: Укыръ Чолонъ, Баянъ Хусунъ, Шара Озорга, Мондокуль. На нихъ надѣялся я немного утолить свой голодъ. Что́ же ѣли сіи несчастные? Баранье сало, да кирпичный чай! *) У меня вся внутренность поворо-

---

*) Кирпичный чай дѣлается изъ молоденькихъ, тоненькихъ прутиковъ чайнаго дерева, которые плотно сколачиваются въ кирпичи. Ихъ рѣжутъ Монголы, толкутъ и варятъ въ водѣ, прибавляя овечьяго масла; это ихъ щи.

тилась. Только по двѣ таковыхъ станцій въ состояніи былъ я сдѣлать въ одинъ день и по ночамъ останавливался въ юртахъ; а въ нихъ что за ужасъ и что за мерзость! Я ложился на нары, подлѣ стѣны, которая была не законопачена, ибо не было возможности приблизиться къ пылающему посерединѣ костру: вокругъ него сидѣли на корточкахъ Буряты обоего пола, старые и малые, закопченые, совсѣмъ нагишомъ, съ овчиннымъ тулупомъ на плечахъ и за спиною. Простите мнѣ, чувствительный читатель; ихъ главное занятіе состояло тутъ въ ловлѣ насѣкомыхъ, коими наполнена была ихъ одежда.

Итакъ, почти четверо сутокъ, ни одной минуты не подышавъ теплымъ воздухомъ, ничего не ѣвши, изнуренный, разбитый, полузамерзшій, наконецъ 27-го числа въ вечеру почуялъ я берегъ. Десять верстъ не доѣзжая Тункинскаго острога, открылись мнѣ ровное мѣсто и глубокій снѣгъ. Онъ одинъ свѣтлѣлся въ темнотѣ, а я съ остервенѣніемъ, безжалостно толкалъ подъ бока бѣдную лошадь свою и мчался во весь опоръ по узкой дорогѣ. Напрасно кричалъ мнѣ берейторъ Гаврила, что я сломаю себѣ шею: я не слушалъ его, и мои спутники должны были за мной слѣдовать. Три раза измученный конь, на всемъ скаку, падалъ на колѣна, а я ему черезъ голову; но всякое паденіе оканчивалось счастливо: теплая шинель, шуба, халатъ и прочее и прочее, во что я былъ закутанъ, превратили меня въ подушку, и меня бросало на снѣгъ.

Вотъ я въѣхалъ въ Тункинскій острогъ; въ немъ была улица, были дома, въ нихъ свѣтился еще огонь, и я обрадовался, какъ будто лѣтъ десять того не видалъ. Изъ состраданія, Васильчиковъ возвѣстилъ о скоромъ пріѣздѣ моемъ; меня дожидались и отвели ту самую квартиру, на которой онъ останавливался. Хозяинъ былъ старый, отставной казачій офицеръ, который праздновалъ имянины или рожденіе одного изъ членовъ многочисленной своей семьи. Къ счастію, когда я пріѣхалъ, вечерній пиръ приходилъ къ концу; такъ много было напечено и наварено, что можно было еще десять голодныхъ накормить, а не меня одного. Давъ мнѣ большую, опрятную, выбѣленную, теплую, даже жаркую комнату, скоро оставили меня въ покоѣ; прежде нежели я легъ, выпросилъ я горячей воды и весь вымылся. Нѣтъ, не забыть мнѣ той блаженной минуты, когда послѣ толикихъ страданій увидѣлъ я себя на мягкомъ пуховикѣ, покрытомъ чистою простыней подъ славнымъ стеганнымъ одѣяломъ!

Прежде нежели оставлю Тункинскій острогъ, хочу обернуться къ презрѣннымъ Бурятамъ, которыхъ наше правительство почитаетъ ни за что; а они—одинъ изъ тѣхъ безцѣнныхъ подарковъ, кои въ неистощимой щедрости сдѣлало намъ Провидѣніе. Что еслибъ они одарены

были энергіей, подобно Черкесамъ? Алтай сдѣлался бы для насъ хуже Кавказа; вѣдь ихъ предки были первыми сподвижниками Чингисъ-Хана; а они, старый и вмѣстѣ младенчествующій народъ, смиренно и покорно населяютъ всѣ владѣнія наши отъ Бухтармы до Нерчинска и вокругъ всего Байкала. Я уже познакомился съ ними въ Кяхтѣ *). Во время прогулки изъ нея въ Кударинскую слободу, своротивъ съ дороги, заѣзжалъ я въ извѣстную, большую, деревянную ихъ кумирню: я нашелъ ея стѣны отъ потолка до низу обитыя холстомъ, на коемъ въ семь или въ восемь ярусовъ изображены были сторукіе, стоглазые, иные весьма неблагопристойные уроды, ихъ идолы. Вокругъ кумирни была ограда, и внутри ея видѣлъ я первое основаніе ихъ новѣйшаго образованія, школу, и двадцать мальчиковъ, учащихся грамотѣ, только не-Русской. Не болѣе ста лѣтъ тому, принадлежали они еще къ шаманству; кто-то изъ Тибета завезъ къ нимъ священныя книги, и они всѣ приняли Ламайскую вѣру: вотъ доказательство, что разсудокъ можетъ на нихъ дѣйствовать. Гораздо послѣ насъ, Англичане прислали къ нимъ просвѣтителя, г. Свана, методиста или квакера; онъ нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Иркутскѣ на Русскомъ жалованьѣ и, о счастье! ни одного не успѣлъ обратить въ христіанство; это было бы черезчуръ стыдно нашему духовенству. Теперь слышу я, что двадцать тысячъ Бурятъ сдѣлались православными, шесть тысячъ учатся Русской грамотѣ съ успѣхомъ, и почти всѣ принялись за соху, когда въ мое время они и хлѣба не умѣли ѣсть. Благословенъ будь, кто бы онъ ни былъ, виновникъ ихъ перерожденія! Буряты или Братскіе, какъ ихъ тамъ называютъ, не что̀ иное какъ Монголы, настигнутые Русскими и отъ нихъ не бѣжавшіе; они въ безпрестанныхъ сношеніяхъ со степными братіями своими, Китайскими подданными. Я вижу въ нихъ цѣпь, которую Россіи самъ Богъ вложилъ въ руку; сто̀итъ только нѣжненько ее потянуть, чтобы привлечь всѣ другія Монгольскія племена.

Послѣ жестокихъ морозовъ сдѣлалась почти оттепель, когда, проспавши полсутки, 28-го Декабря, изъ Тункинскаго острога отправился я въ перекладныхъ, крытыхъ саняхъ. Право, человѣкъ болѣе плоть чѣмъ духъ: вспоминая еще вчерашнее, чувствовалъ я себя совершенно счастливымъ. На другой день, 29-го числа, пріѣхалъ я въ Иркутскъ и остановился у прежняго хозяина своего, г. Полеваго.

---

*) Ихъ тайши или князьки были два раза у Головкина съ своими супругами, Онъ и ихъ даже не посадилъ, а черезъ переводчика только что любезничалъ съ ними. Когда они выходили, то долго надобно было курить, чтобъ изгнать несносный духъ ихъ копченыхъ овчинъ, кои онѣ одни только покрывали сукномъ.

Для удовлетворенія любопытства, ничего не могъ я лучше избрать: Полевой занимался Европейскою политикой гораздо болѣе чѣмъ Азіятскою своею торговлей. Въ немъ была замѣтна наклонность къ тому, чему тогда не было еще имени и что́ нынѣ называютъ либерализмъ, и онъ выписывалъ всѣ газеты, на Русскомъ языкѣ тогда выходившія. Во время послѣдняго моего пребыванія въ Иркутскѣ, узналъ я у него о томъ, что́ мѣсяца два передъ тѣмъ происходило въ Германіи; какъ подлецъ Макъ положилъ оружіе при Ульмѣ, какъ Австрійская армія ретировалась, какъ ученикъ Суворова, Багратіонъ, дрался уже съ Французами и при Голлабрюнѣ и Вишау далъ имъ сильный отпоръ. Маленькій сынъ Полеваго не питалъ еще тогда ненависти къ своему отечеству; напротивъ прельщался его славою и написалъ четверостишіе, въ которомъ вклеилъ, играя словами: Богъ рати онъ и На полѣ онъ. Послѣ тоже самое слышалъ я въ Москвѣ, и теперь не знаю, гдѣ было эхо, тамъ ли, или въ Иркутскѣ? Гдѣ повторяли, и кто у кого перенялъ? Я покамѣстъ былъ доволенъ и пріятными извѣстіями изъ арміи надѣялся насладиться по возвращеніи моемъ въ столицу.

Изъ знаменитаго посольства насъ было тогда четверо изгнанниковъ въ Иркутскѣ, и всѣ мы, не исключая профессора Клапрота, проводили жизнь у губернатора Корнилова. Генералъ-губернаторъ Селифонтовъ давно уже возвратился въ Тобольскъ. Александра Ефремовна, губернаторша, умѣла такъ быть любезна съ купцами и женами ихъ, что для нея согласились они на одинъ вечеръ отказаться отъ своихъ предразсудковъ и встрѣтить у нея новый 1806-й годъ.

Всѣмъ снабжаютъ Сибирь преступленія содѣланныя въ Россіи: въ Иркутскѣ было даже человѣкъ до десяти музыкантовъ. На этомъ вечерѣ у губернатора поработали они. Васильчиковъ открылъ балъ съ хозяйкой, а послѣ того какъ онъ, такъ и она, такъ и почти всѣ мы танцовали до упада; худо ли, хорошо ли, только отъ всего сердца. Дамы были все жены чиновниковъ, а кавалеры (такъ называли тогда танцующихъ) были все мужья чиновницъ. Жены же и дочери купеческія, разряженныя по старинѣ, въ бархатныхъ и парчевыхъ кофтахъ и юбкахъ, съ шелковыми платками, шитыми серебромъ и золотомъ, повязанными на головѣ, нѣкоторыя изъ нихъ съ кружевами и косынками на плечахъ, бриліантовыми нитками на шеѣ, такими же серьгами въ ушахъ, перстнями на всѣхъ пальцахъ, сидѣли неподвижны и какъ будто поневолѣ смотрѣли на богоотступныя забавы. Желая угостить какъ ихъ самихъ, такъ и мужей ихъ, согласно ихъ вкусамъ и обычаямъ, хозяинъ приказалъ, чтобы весь вечеръ подносили имъ не прохладительные, а болѣе горячительные напитки; онѣ не отказывались, пили, краснѣли и молчали. Надобно было чѣмъ-нибудь и другимъ развеселить

ихъ; на нѣкоторое время прекратились танцы и начались фанты; хоронили золото, пѣли подблюдныя пѣсни. Между этими бабочками, были прекрасненькія; слѣдуя наставленіямъ Иркутскихъ франтовъ, я ни съ одной не позволилъ себѣ слова сказать, онѣ бы обидѣлись; за то, во время игрища, ни одно изъ тайныхъ моихъ рукожатій не осталось безъ отвѣта отъ нихъ. Какіе странные нравы! Послѣ имѣлъ я причины благодарить себя за воздержность въ словахъ.

Были въ Иркутскѣ музыканты, были и актеры, слѣдственно былъ театръ, были и содержатели его; все это составилось изъ ссыльныхъ и ихъ дѣтей, и должно бы быть изрядно. Играли, однакоже, такъ дурно, что хоть бы на Великороссійскомъ губернскомъ театрѣ.

Въ первый мой пріѣздъ, былъ я, хотя весьма маловажное, однакоже, офиціальное лицо и потому ссыльныхъ не могъ принимать у себя; они же сами держали себя отъ насъ поодаль. Теперь же, какъ частный человѣкъ, я не отказывался видѣться съ ними, тѣмъ болѣе, что они всѣхъ посѣщали, и я вездѣ ихъ встрѣчалъ. Несчастіе почитается здѣсь почти невинностію, и сосланнымъ, лишеннымъ чиновъ и дворянства, подъ именемъ несчастныхъ, оказывается отъ жителей такое вниманіе, что можно подумать, будто общее мнѣніе, собственною силой, хочетъ возстановить ихъ въ прежнемъ достоинствѣ. Нѣкоторые изъ нихъ употребляютъ иногда во зло такую снисходительность.

Двое несчастныхъ, какъ ихъ называютъ въ Сибири, устроили въ Иркутскѣ театръ. Одинъ изъ нихъ имѣлъ большой чинъ и носилъ знатное имя, князь Василій Николаевичъ Горчаковъ. Отъ природы расточитель и плутъ, еще въ первой молодости, разными постыдными средствами и обманомъ проживалъ онъ чужія деньги. Онъ попалъ въ милость къ императору Павлу, который, подъ именемъ главнаго военнаго комиссара, опредѣлилъ его лазутчикомъ къ принцу Конде. Съ его корпусомъ дѣлалъ онъ походъ въ Германію и безжалостно обиралъ бѣдныхъ, храбрыхъ эмигрантовъ, удерживая часть суммъ, отъ щедротъ Царя черезъ него имъ доставляемыхъ. Послѣ того съ полновластію ѣздилъ онъ къ казакамъ на Донъ и, наконецъ, назначенъ будучи военнымъ губернаторомъ въ Ревель, только что было принимался грабить Нѣмцевъ, какъ императоръ Александръ, вступивъ на престолъ, удалилъ его отъ должности. Въ тоже время богатая жена *), которой имѣніе начиналъ онъ проматывать, разошлась съ нимъ. Лишенный всѣхъ способовъ кидать деньги, онъ прибѣгнулъ къ дѣланію фальшивыхъ век-

---

*) Единственная дочь, которую имѣлъ онъ отъ нея, была замужемъ за Львомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ и умерла бездѣтна.

селей; мошенничество его скоро открылось, и онъ очутился въ Иркутскѣ.

Другой, Алексѣй Петровичъ Шубинъ, былъ жалкое, ничтожное созданіе, блудливый какъ кошка, глупый какъ баранъ. Онъ сдѣлался жертвой мерзкихъ интригъ одного таварища своего въ Семеновскомъ полку, Константина Полторацкаго, который былъ ложнымъ его другомъ и любовникомъ его жены. Тотъ подучилъ его выдумать какой-то заговоръ противъ Александра, въ которомъ будто бы отказался онъ участвовать. Чтобы попасть къ Царю въ милость, въ доказательство мести людей, коихъ не умѣлъ онъ назвать и кои страшились его нескромности, ночью въ Лѣтнемъ саду прострѣлилъ онъ себѣ руку. Его сослали, а наставникъ и предатель его Полторацкій, который совсѣмъ не уменъ, а только изворотливый и смѣлый буффонъ, остался правъ, какъ послѣ того неоднократно, изъ пакостей своихъ, какъ изъ грязи, всегда выходилъ онъ чистъ и сухъ.

Горчаковъ, лицомъ и взглядомъ, походилъ на ястреба. Шубинъ— на овцу. Ссылка связала ихъ дружбой, любовь ихъ поссорила. Примадонна, дочь одного сосланнаго Польскаго шляхтича, тайно оказывала милости обоимъ антрепренёрамъ; когда невѣрность ея открылась, сумашедшіе вызвали другъ друга на поединокъ. Ихъ до него не допустили, и всѣ взяли сторону Шубина; Горчакова же послали въ Тункинскій острогъ. Черезъ нѣсколько времени воротился онъ изъ него; но Шубинъ торжествовалъ, оставшись одинъ властелиномъ театра и примадонны. Оба, признаюсь, были мнѣ гадки; но Горчаковъ во сто разъ гаже низостью души и откровенностію порока.

Третій изгнанникъ, который явился ко мнѣ, казался мнѣ забавнѣе. Это былъ опрятненькій, сухенькій, живой и здоровый шестидесятилѣтній старичокъ, послѣдняя отрасль не весьма извѣстнаго, но не менѣе того истиннаго Русскаго княжескаго рода Гундоровыхъ. Спросить его, за что онъ былъ сосланъ, почиталъ я нескромностію; а онъ такъ давно находился въ Сибири, что никто не помнилъ причины его заточенія. Самъ же онъ очень хорошо помнилъ веселую молодость въ Москвѣ и былъ для меня хроникой стариннаго Московскаго скандала.

Другихъ примѣчательныхъ людей въ этомъ родѣ я еще не видѣлъ, кромѣ одного Эстляндскаго дворянина, Сталь фонъ-Голстейнъ; но этотъ обществъ не посѣщалъ. Онъ видно смолоду былъ великій гастрономъ, училъ за деньги поваровъ и на каждомъ большомъ званомъ обѣдѣ, во фракѣ, чисто одѣтый, являлся въ видѣ метръ-дотеля и распоряжалъ столомъ. У себя за стуломъ имѣлъ я честь видѣть однофамильца, можетъ быть и родственника, знаменитой писательницы.

Святки хотѣлъ я взять въ Иркутскѣ. Я не очень спѣшилъ изъ него: такой родъ жизни, какой велъ я тогда въ немъ, нравится молодости. Однакоже, натѣшась до сыта, 7-го Января, оставилъ я его въ купленной мною огромной зимней кибиткѣ. Главу сію началъ я первымъ выѣздомъ моимъ изъ Иркутска, оканчиваю ее послѣднимъ моимъ изъ него отъѣздомъ.

XI.

Переправа черезъ Ангару была еще затруднительнѣе, чѣмъ лѣтомъ. Рѣка сія, выходя изъ Байкала, какъ увѣряютъ, имѣетъ по двѣ сажени склоненія на каждую версту; можно себѣ представить ея быстрину. День стоялъ совершенно ясный, морозъ былъ крещенскій, ледъ на ней еще не показывался, и паръ, подобный самому густому туману, подымался съ ея поверхности. Вездѣ кругомъ было свѣтло, а на паромѣ съ трудомъ могли мы различать предметы и поднимались, такъ сказать, ощупью.

Когда же на противоположномъ берегу запрягли мнѣ лошадей, тогда я точно стрѣлой пустился по дорогѣ. Сибирскую зимнюю ѣзду только съ желѣзною дорогой можно сравнить. Пока запрягаютъ, что̀ дѣлается очень скоро, сильный ямщикъ стоитъ передъ тройкой, но лишь только другой сѣлъ на облучокъ, онъ съ необыкновеннымъ проворствомъ отскакиваетъ прочь. Тогда борзые со станціи на станцію мчатся, не останавливаясь ни на минуту, не переводя духу, по горамъ и оврагамъ. Даже меня, любителя скорой ѣзды, такая вихрю подобная скачка сначала изумила; но я скоро привыкъ, и среди скуки нескончаемаго пути была она единственною моею отрадой.

Въ Нижнеудинскѣ зашелъ я только погрѣться на ту общественную квартиру, на которой передъ этимъ ночевалъ я съ своими товарищами. Чтобы дать понятіе о шибкой ѣздѣ въ Сибири, скажу, что, выѣхавъ 7-го числа въ самый полдень изъ Иркутска и сдѣлавъ тысячу верстъ, безъ малаго въ трое сутокъ прибылъ я въ Красноярскъ.

Жестокіе морозы и скорая ѣзда утомили меня. Я захотѣлъ вздохнуть на томъ мѣстѣ, которое лѣтомъ показалось мнѣ столь пріятнымъ, и расположился, пробывъ полсутки, переночевать въ немъ. Ученаго Спасскаго не было, я оставилъ его въ Иркутскѣ; городскія власти не сочли нужнымъ меня видѣть, и я долженъ былъ въ совершенномъ уединеніи провести время; между тѣмъ удовольствія совсѣмъ необычайныя ожидали меня въ Красноярскѣ.

Меня отвели къ одному зажиточному мѣщанину Тимофѣеву. Новый деревянный домъ его, узкій и длинный, имѣлъ два жилья, верхнее и нижнее, и въ каждомъ было по четыре комнаты длинныхъ и высо-

кихъ; одна изъ нихъ мнѣ досталась. Стѣны, ничѣмъ не бывъ обиты, издавали тотъ свѣжій запахъ дерева, который такъ люблю я въ новопостроенныхъ домахъ; широкія дубовыя лавки, такой же столъ, образъ Спасителя съ лампадой въ углу и большая кровать съ бѣлымъ полотнянымъ пологомъ, вотъ что̀ составляло меблировку моего пріюта, гдѣ все лоснилось чистотой *).

Пусть сими подробностями скучаютъ читающіе меня; они властны перевернуть страницу, чтобъ избавиться отъ нихъ: для меня же все драгоцѣнно въ томъ, что̀ привожу здѣсь на память.

Семейство моего хозяина состояло изъ матери его, жены и двухъ дѣтей, двадцатидвухлѣтняго сына и шестнадцатилѣтней дочери. Въ этомъ семействѣ, не исключая даже бабушки, все блистало здоровьемъ, свѣжестью и красотой. Не знаю, удовлетвореніе ли всѣхъ первыхъ потребностей жизни, равенство ли фортунъ, отсутствіе ли дурныхъ примѣровъ, вездѣ встрѣчаемыхъ въ нашихъ большихъ городахъ, дѣлали изъ потомства преступниковъ, сосланныхъ въ Сибирь, людей самыхъ добросердечныхъ, сострадательныхъ, простодушныхъ и легковѣрныхъ; особенно же въ Красноярскѣ, можетъ-быть, и самая чистота воздуха сохраняла чистоту нравовъ. Какія бы ни были причины, я, въ моральномъ смыслѣ, попалъ въ рай. Сердитый на морозъ, вошелъ я въ отведенную мнѣ комнату съ видомъ угрюмымъ, едва ли не съ бранью на устахъ. Не изъ боязни, а изъ сожалѣнія все засуетилось, чтобы смягчить мою досаду. Когда я отогрѣлся, успокоился, переодѣлся, предложили мнѣ сѣсть за семейную трапезу; я не только не отказался, но, желая загладить свою грубость, старался съ каждымъ изъ членовъ этой семьи быть порознь любезнымъ. Вдругъ я обомлѣлъ: глаза мои остановились на предметѣ, которому подобнаго они еще не встрѣчали. Съ кѣмъ сравнить его, если не съ безплотными небожителями? Я готовъ былъ преклонить колѣна.

Я растерялся въ словахъ, и дѣйствіе, произведенное на меня дочерью, было слишкомъ сильно, чтобы не замѣтили его родители. Бѣдняжки, это польстило ихъ самолюбію, и вскорѣ потомъ остался я съ нею наединѣ. А она, ангелъ непорочности, не скоро могла понять меня; но любовь магнетизмъ, когда магнетизёру девятнадцать лѣтъ и онъ немного опытенъ. Тотъ же вечеръ признанъ я женихомъ и съ симъ

*) Обвиняютъ Русскихъ въ неопрятности; гдѣ же встрѣчалась она съ нищетой? Въ комфортабельной Англіи заглянуть бы въ убѣжища послѣдней. Суровый климатъ и крайніе недостатки заставляютъ нашего мужика на узкомъ пространствѣ собирать въ тепломъ гнѣздѣ все, что̀ ему дорого, семью и достояніе свое, дѣтей и скотину. Но лишь только выбьется онъ изъ нужды, посмотрите, какъ раскраситъ онъ свою свѣтлицу, какъ начнетъ ею любоваться, холить и мыть ее.

званіемъ пріобрѣлъ много вольностей и привилегій. Что̀ мнѣ было дѣлать? Ничего не требуя, я на все готовъ былъ согласиться; я не обманывалъ, а обманывался. Выдумалъ же я только важныя бумаги, которыя приказано мнѣ будто отдать въ столицѣ, да родительское благословеніе, котораго никогда бы не получилъ; а до того просилъ все дѣло держать какъ семейный секретъ. Вмѣсто полусутокъ, пробылъ я три дня; я бы пробылъ тридцать, триста шестьдесятъ, я бы пробылъ всю жизнь, еслибы разсудокъ не восторжествовалъ. И не онъ одинъ: я слишкомъ любилъ, чтобы хотя на минуту забыть долгъ чести.

Но что̀ за блаженство любить со всею свѣжестію, неиспорченностію чувствъ и находить взаимность въ созданіи чистомъ, неопытномъ! Какой источникъ нѣжности женское сердце, когда Вѣрочка, почти безграмотный ребенокъ, такъ живо умѣла объяснять ее! Всѣ слова ея до единаго я помню и могъ бы здѣсь помѣстить; но разговоры наши останутся вѣчною тайной между нами и Небомъ. Какъ ни влюбленъ я былъ, но я чувствовалъ, что нельзя было такую жену представить роднымъ и проклятому обществу, которому мы такъ много жертвуемъ. Вѣрочка была только богата красою и чувствомъ. Разставаясь, мы заливались слезами; когда я пошелъ садиться въ повозку и отецъ сказалъ мнѣ: «батюшка-зятюшка, да обойми еще разъ, поцѣлуй невѣсту», я просто зарыдалъ. Съ тѣхъ поръ ничего не слыхалъ я объ нихъ. Милая Вѣрочка, дружокъ, незабвенный, если ты еще жива, что̀ ты такое теперь? Заботливая хозяйка, добрая старуха, на лицѣ которой сквозь морщины нельзя добраться и до слѣдовъ прежнихъ прелестей. Но есть мѣсто, у меня подъ грудью, на которомъ однажды отразилась небесная красота твоя, и тамъ, по крайней мѣрѣ, остается она неувядаемою.

Трехдневный мой романъ покажется очень глупъ; иные сочтутъ меня дуракомъ, который не умѣлъ пользоваться случаемъ; другіе назовутъ подлымъ обманщикомъ, обольстившимъ невинность; многіе скажутъ, что не стоило писать о такихъ пустякахъ. Воля ихъ; но чтобы среди грустныхъ и тяжкихъ воспоминаній, не останавливаясь, въ ихъ угодность прошелъ я мимо самаго усладительнаго, это дѣло невозможное. Какъ требовать отъ путника, чтобы, встрѣтивъ цвѣтокъ на безплодной степи, онъ не остановился полюбоваться имъ, или звѣздочкой, сквозь облака ему сіяющей?

Доро̀гой былъ я грустенъ, часто навертывались у меня слезы, и я много разсуждалъ съ собою о предразсудкахъ свѣта, такъ тиранствующихъ межъ людьми. О войнѣ съ Французами вспомнилъ я только, приближаясь къ Томску. Я пріѣхалъ въ него за полночь и долженъ былъ остановиться на почтовомъ дворѣ. Лишь только разсвѣтало, былъ я уже у губернатора Хвостова, Василій Семеновичъ обошелся со мною

учтиво и даже церемонно, но не сдѣлалъ мнѣ никакого приглашенія, ни малѣйшаго вопроса на счетъ посольства. Этотъ почтенный и скучный человѣкъ былъ великій тянисловъ, и на мои вопросы о томъ, что̀ происходило въ Германіи отвѣчалъ такъ неопредѣлительно, отвлеченно, двусмысленно, что я ничего не могъ понять. Я увидѣлъ, что мнѣ въ Томскѣ дѣлать нечего, воротился домой, поѣлъ, спросилъ лошадей и пустился далѣе.

Какъ трупы нѣкоторыхъ людей въ гробу бываютъ лучше, чѣмъ живые, когда исчезаютъ безобразившіе ихъ угри и волдыри, такъ и Бараба понравилась мнѣ одѣтая въ бѣлую ризу, особенно же когда въ холодную, ясную, но тихую ночь, катился я во весь духъ по гладкой ея тогда равнинѣ, которую луна всю осыпала серебряными блестками. Въ Каинскѣ, въ Каиновомъ городкѣ, какъ называлъ я его, пришло мнѣ въ голову сдѣлать лишнихъ триста верстъ, чтобы не выѣзжать изъ Сибири, не увидѣвъ главнаго, древнѣйшаго ея города, Тобольска.

При лунномъ свѣтѣ выѣхалъ я въ незнакомый еще мнѣ городъ Тару, который когда-то, при царяхъ, былъ крѣпостію, но который, до царствованія Павла, имѣлъ комендантовъ. Послѣдній изъ нихъ оставался тутъ на жительствѣ. Лишь только узналъ онъ о моемъ пріѣздѣ (что̀ въ маленькихъ городахъ дѣлается очень скоро), то самъ прибѣжалъ за мною, чтобы тащить къ себѣ на вечеринку, какъ неуклюже, по дорожному, ни былъ я одѣтъ. На ней нашелъ я гусли, флейту, танцы и барынь; самъ же старый комендантъ, съ своими шестьюдесятью и болѣе годами, пошелъ очень важно выступать *полонею*. Онъ прозывался Иванъ Васильевичъ Зеленой, хотя по лѣтамъ былъ онъ совсѣмъ не зеленъ, а лицомъ весьма багровъ; о Европѣ какъ онъ, такъ и гости его мало заботились, и я ничего не могъ у нихъ узнать; о самой Россіи, гдѣ онъ никогда не бывалъ, говорилъ онъ почти какъ о чужомъ государствѣ; признавался однакоже, что передъ смертію хотѣлось бы ему хотя разъ взглянуть на *Питенбурхъ*. Мнѣ стало скучно, карикатурные балы были мнѣ не въ диковинку, я усталъ и скоро отретировался и поспавъ часика три-четыре, до свѣта уѣхалъ изъ Тары.

Я продолжалъ ѣхать все также шибко, и станціи, право, какъ будто мелькали передо мной. Вотъ показался и Тобольскъ? Главнымъ украшеніемъ служила ему крутая укрѣпленная гора, на высотѣ которой стояли каменный сгорѣвшій намѣстническій домъ, соборная церковь и арсеналъ, въ коемъ какъ святыня хранилось знамя Ермака и доспѣхи его; самый же городъ выстроенъ былъ внизу. Слѣдуя обычаю старины, безъ всякаго приглашенія, выѣхалъ я прямо къ старинному Кіевскому знакомому, пріятелю моихъ родителей, Никол. Никол. Дурасову,

Сибирскому почтъ-директору. Они оба съ женой Варварой Яковлевной, Кіевскою уроженкой, обрадовались мнѣ какъ земляку, какъ родному. Онъ былъ человѣкъ благоразумный и весьма пріятнаго обхожденія; она же добрая, милая говорунья. Тутъ у почтъ-директора за новостями мнѣ недалеко было ходить: всѣ прочитанныя газеты принесены мнѣ. Увы. зачѣмъ мнѣ было такъ спѣшить! Все разомъ узналъ я и былъ убитъ какъ громомъ.

Не знаю, откуда у иныхъ берется патріотизмъ, когда я вижу такъ много людей, лишенныхъ чувства любви къ отечеству? Много хвалиться имъ кажется нечего; я полагаю, что оно должно быть врожденное, какъ всякая другая страсть, похвальная, простительная или постыдная, какъ страсть къ музыкѣ, къ древностямъ, или къ игрѣ и къ вину. Можетъ быть, это не что́ иное какъ особаго рода хвастовство; одинъ чванится жилетомъ, прической, другой лихими рысаками, а я люблю хвастаться пространствомъ, силою и богатствомъ моей отчизны, умомъ и храбростію моихъ согражданъ; у всякаго свое. Виноватъ ли же я, что нахожу мало охотниковъ до того, что́ самъ такъ люблю?

Дикіе народы соединяются на защиту существованія и собственности и на похищеніе ихъ у сосѣдей; у нихъ общее горе, общія радости, вотъ весь ихъ патріотизмъ. Но и сіи узы еще довольно крѣпки. Когда же просвѣщеніе, коснувшись народа новаго, станетъ въ немъ распространяться, то малое число имъ образованныхъ начинаетъ презирать толпу согражданъ и почитать земляками опередившихъ ихъ въ знаніи, и тогда любовь къ родинѣ дѣлается принадлежностію однихъ низшихъ классовъ. Кажется Невтонъ (ни за что̀ не назову его Ньютономъ) сказалъ, что поверхностная философія истребляетъ религію, а глубокая утверждаетъ въ ней людей. Такъ точно начало просвѣщенія бываетъ вредно для патріотизма; надобно ему всюду разлиться, чтобъ сказанное чувство обратилось въ благородное достояніе всей націи. Сынъ крестьянскій, котораго взяли на барской дворъ, особливо когда онъ побываетъ въ народномъ училищѣ, смотритъ съ отвращеніемъ на родимую избу и на братьевъ-неучей; но не гадко ли на него самого смотрѣть благомыслящимъ людямъ? Но если съ высокими чувствами достигаетъ онъ высшаго просвѣщенія, то съ покорностію поклонится матери и съ нѣжностію обниметъ ее.

Тутъ въ Тобольскѣ, правда въ Сибири, печаль моя казалась непонятною, чуть ли не смѣшною. Казалось, говорили, да какое ему дѣло? Приказана ему что ли Россія? Аустерлицъ ровно ударилъ меня по щекѣ. Величіе происшествія должно бы было меня нѣсколько утѣшить: битва трехъ императоровъ напоминала и Фарсалу, и Акціумъ. Больно мнѣ было даже самое имя Острѣльницъ, обстрѣленными на-

шими солдатами угаданное названіе, данное мѣсту сраженія; оно какъ будто находилось уже въ Польшѣ, въ землѣ Славянской, нашей. Безъ грусти не могъ я также вспомнить царя, боготворимаго Александра, столь скромнаго въ счастіи, нынѣ съ поникшимъ отъ стыда челомъ возвратившагося въ свою столицу, и безъ досады слышать грубыя замѣчанія, что ему не слѣдовало бы путаться не въ свое дѣло.

Хозяева, можетъ быть, не раздѣляя моей печали, старались, однакоже, утѣшить меня. Дурасовъ повезъ меня ко всѣмъ властямъ и потомъ пригласилъ ихъ къ себѣ на обѣдъ, данный, какъ увѣрялъ онъ, по случаю моего пріѣзда. Генералъ-губернаторъ Селифонтовъ, которому представлялся я въ Иркутскѣ, первый позвалъ меня обѣдать; послѣ него два Нѣмца, гражданскій губернаторъ Гермесъ и вице-губернаторъ Штейнгель, сдѣлали тоже.

Первый изъ двухъ, бывшій артилеристъ, Богданъ Андреевичъ Гермесъ, съ многочисленнымъ семействомъ, жилъ однимъ жалованьемъ, слѣдственно скромно, даже скудно; къ тому же не охотникъ былъ много говорить, и потому въ Великороссійскихъ губерніяхъ нашли бы его дурнымъ губернаторомъ. Но въ Сибири его любили и уважали за его безкорыстіе, доброту и строгость только въ случаѣ надобности. Другой, отставной морякъ, Иванъ Ѳедоровичъ Штейнгель, немного богаче перваго, но столько же честенъ, былъ сообщительнѣе и нравомъ нѣсколько веселѣе его.

Почтенный старикъ, Иванъ Осиповичъ, жилъ также не слишкомъ великолѣпно, хотя получалъ содержаніе, по тогдашнему времени, довольно большое. Скоро долженъ былъ наступить для него черный день, и онъ на него какъ будто берегъ денежку. Съ нимъ были жена и дочь; да сверхъ того находились при немъ, въ званіи чиновниковъ по особымъ порученіямъ, два сына, молодые люди, ничѣмъ не замѣчательные.

Онъ казался унылъ, не зная, впрочемъ, до какой степени повѣрять въ Петербургѣ неосновательному, можно сказать, ложному доносу посла. Богу дастъ онъ отвѣтъ, этотъ графъ Головкинъ, не столько еще за легкомысленную жестокость, съ которою свергнулъ онъ невиннаго, заслуженнаго старца, сколько за ужасныя отъ того послѣдствія для Сибири. Болѣе двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ не терзаетъ ее преемникъ Селифонтова, Пестель, а имя его жителями ея съ проклятіями еще передается внукамъ. Какъ имя сіе напоминаетъ моровую язву, такъ самъ онъ былъ продолжительнымъ бѣдствіемъ въ Сибири. Другіе люди бываютъ жестоки изъ трусости, изъ мщенія, изъ желанія выслужиться, можетъ быть, съ намѣреніемъ быть полезными; а этотъ человѣкъ любилъ зло, какъ стихію, безъ которой онъ дышать не можетъ, какъ рыба любитъ воду. Никогда еще Сибирскій

край не былъ управляемъ столь достойными людьми, каковы были три губернатора, Гермесъ, Хвостовъ и Корниловъ; при Пестелѣ скоро ни одинъ изъ нихъ не остался на мѣстѣ. Гермесъ съ Штейнгелемъ заблаговременно успѣли убраться въ Пермь къ Модераху; Корниловъ же и Хвостовъ, мало-по-малу опутанные его кознями, привлечены имъ были къ отвѣту въ Сенатъ. Не смѣя показаться въ Сибири, гдѣ ожидало его убійство, онъ правилъ ею изъ Петербурга посредствомъ подобныхъ себѣ изверговъ, коимъ выпросилъ онъ тамъ губернаторскія мѣста. Находясь въ столицѣ, онъ безпрестанно новыми обвиненіями преслѣдовалъ двухъ несчастныхъ, которые около десяти лѣтъ томились подъ судомъ. Истина наконецъ восторжествовала: они оправданы, сдѣланы сенаторами, а онъ удаленъ отъ службы. Въ другомъ государствѣ былъ бы онъ повѣшенъ. Надъ преступнымъ сыномъ его свершилась впослѣдствіи сія праведная казнь, которую, можетъ быть, онъ гораздо болѣе его заслуживалъ.

Разставаясь съ Сибирью, которую, если Богъ милостивъ, никогда не увижу, позволю себѣ здѣсь нѣкоторыя размышленія о ней. Она была завоевана, можно сказать, открыта въ одно время почти съ Англійскими колоніями, нынѣшними Сѣверо-Американскими Штатами. Британское правительство ничего не щадило, чтобы сдѣлать для себя полезнымъ пріобрѣтеніе первыхъ владѣній своихъ за океаномъ; для заселенія ихъ употребляло самыя безчеловѣчныя средства. Двухвѣковыя усилія сего правительства мудраго, искуснаго, дѣятельнаго увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ. Много способствовали ему просвѣщеніе, расчетливый умъ и предпріимчивость частныхъ лицъ, богатѣвшихъ на пріобрѣтенной ими землѣ. Чѣмъ же кончилось? Милліоны сыновъ Англіи отреклись отъ нея, возстали на нее, побѣдили, освободились и сдѣлались первыми, почти единственными ея соперниками. Кто знаетъ! Тоже самое когда-нибудь случится и съ Вандименовою землей: у торговаго народа нѣтъ другихъ узъ, кромѣ барышей.

Безпечная Россія всегда смотрѣла на Сибирь, какъ богатая барыня на дальнее помѣстье, случайно ей доставшееся, куда она никогда не заглядывала, управленіе коего совершенно ввѣрено прикащикамъ, болѣе или менѣе честнымъ, болѣе или менѣе искуснымъ. Помѣстье всегда исправно платитъ оброкъ золотомъ, серебромъ, желѣзомъ, мѣхами: ей только и надобно; о нравственномъ и политическомъ состояніи его она мало заботится. Крестьяне, ходя на промыселъ и подвигаясь все впередъ, наткнулись на транзитную Китайскую торговлю: тѣмъ лучше: и имъ прибыль, и госпожѣ.

Какъ не признать, что во время дремоты нашей, у изголовья самимъ Богомъ приставленъ къ намъ ангелъ-хранитель? Зачѣмъ же намъ

слишкомъ хлопотать? Въ свое время все полезное придетъ къ намъ само собою. Когда мы больно начнемъ мудрить, всегда надѣлаемъ глупостей; извѣстно, что мы мастера все испортить. Все идетъ намъ въ прокъ, даже лѣность и невѣжество нашихъ дворянъ. Что еслибъ, отъ природы ко всему способные, они вздумали почти задаромъ покупать въ Сибири большія пространства дѣвственной земли и переводить на нихъ крестьянъ (чтó никогда запрещено не было)? Какими бы владѣтельными князьями могли они сдѣлаться! *) Но къ счастію, имъ это не приходило въ голову; имъ пріятнѣе было вести праздную жизнь въ деревняхъ или въ столицахъ, щеголять Европейскою болтовней. Итакъ въ Сибири нѣтъ ни одного помѣщика: все казенное, все Божье, да государево. Чиновники всѣ присылаются изъ Россіи; пробывъ нѣсколько лѣтъ, когда они волею или неволею оставляютъ службу, то опять въ нее же возвращаются. Духовенство вездѣ у насъ бѣдно; миліонщики-купцы также не владѣютъ землею, имѣютъ только дома и капиталы и торгъ ведутъ по большей части черезъ Россію. Однимъ словомъ, Сибирь, какъ медвѣдь, сидитъ у нея на привязи.

Кто можетъ знать будущее? Но судя по настоящему, не видно и возможности отдѣлиться ей отъ насъ. Она такъ велика, такъ бѣдна жителями, сообщенія между ними такъ затруднительны, что всякая попытка будетъ неудачна. Тогда какая польза для государства владѣть безпредѣльными, необработанными пустошами? Развѣ мало пользы имѣть на вѣчныя времена въ запасѣ достаточное количество земли для умножающагося народонаселенія? Оно только можетъ идти опять изъ той же Россіи: когда Оренбургская губернія и южная часть Пермской преисполнятся жителей, тогда они ровными, довольно густыми массами будутъ подвигаться и населять Тобольскую. Такимъ образомъ, Россія будетъ все расти, по мѣрѣ того какъ Сибирь будетъ укорачиваться. Только Китайская граница и особенно Амуръ суть мѣста, о коихъ позаботиться было бы не худо.

Съ самаго выѣзда изъ Красноярска, чувствовалъ я неодолимую тоску; извѣстія, полученныя мною въ Тобольскѣ, должны были ее умножить, а образъ жизни, который въ немъ вели, не могъ уменьшить ее. Всѣ веселія ограничились для меня четырьмя сытными обѣдами, и хотя

*) Недавно въ Саратовской губерніи, на степи, близь Иргиза, на нетропутой землѣ, съ малыми средствами поселился одинъ помѣщикъ, Колокольцовъ. Прилежно занимаясь разработкой ея, посредствомъ не рабовъ-Негровъ, даже не крѣпостныхъ мужиковъ, а вольнонаемныхъ, онъ въ нѣсколько лѣтъ до того успѣлъ разбогатѣть, что этого человѣка, генія агрономіи, стали подозрѣвать въ разбояхъ и въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. Примѣръ его могъ бы возбудить къ подражанію; къ несчастію, онъ убитъ въ степи невѣдомо кѣмъ.

по вечерамъ была несносная скука, я не искалъ развлеченій и не полюбопытствовалъ даже взглянуть на театръ, который тутъ находился подъ управленіемъ также сосланнаго дворянина, Василія Васильевича Пассека. Я бы скоро оставилъ Тобольскъ, но морозы начали доходить до сорока градусовъ, и я все выжидалъ, чтобы холодъ уменьшился. Долѣе пяти или шести дней прождать я не могъ и выѣхалъ въ ужаснѣйшій морозъ, какой я запомню.

Въ закутанной отовсюду кибиткѣ, надобно было еще мнѣ думать о спасеніи ушей и носа; приподнявъ шубу и завязавъ ее надъ головой, сидѣлъ я въ совершенныхъ потьмахъ; куда какъ мнѣ весело было! Съ двумя уѣздными городами, Тюменемъ въ Тобольской губерніи и Камышловымъ Пермской, обошелся, я какъ съ простыми станціями, только что погрѣлся въ нихъ, да перемѣнилъ лошадей. Въ одиннадцать часовъ вечера, 3 Февраля, пріѣхалъ я въ Екатеринбургъ.

Не скоро ночью могъ я отыскать какого-то полицейскаго, который привелъ меня къ какимъ-то мѣщанамъ на краю города. Они что-то косо посмотрѣли на меня, однакоже отвели въ небольшую горенку, гдѣ, уставъ отъ мороза, съ удовольствіемъ я началъ дышать теплымъ воздухомъ и расправлять отъ неподвижности и холода онѣмѣвшіе мои члены. Прежде нежели легъ спать, немного укрѣпилъ я себя простою пищей; вдругъ среди сладости перваго сна пробужденъ я былъ необыкновеннымъ шумомъ. Тонкая перегородка отдѣляла меня отъ образной или молельной; хозяева мои были раскольники, это было наканунѣ воскреснаго дня и, ровно въ полночь, начали они безъ священника совершать свое богослуженіе. Какъ объяснить, сколь нестерпимы были для слуха чтеніе и пѣснопѣніе ихъ? Какъ описать мое бѣшенство, отчаяніе мое? Много нагрѣшилъ я въ эту ночь. Вдали отъ слуги моего, который спалъ въ другомъ мѣстѣ, забывъ и страхъ, и долгъ христіанства, не владѣя собою, громкими ругательствами и проклятіями сопровождалъ я моленія ихъ; ими покрывалъ я иногда голоса ихъ, но мой чаще былъ заглушаемъ ихъ возгласами и бормотаньемъ. Я давно уже умолкъ, а они долго еще продолжали крики и визги свои. Какъ бы отчитавъ бѣснующагося, незадолго передъ разсвѣтомъ оставили они меня въ покоѣ. Сильное волненіе въ крови рано разбудило меня.

Я вспомнилъ Софью Карловну Пѣвцову, одѣлся и въ морозъ пошелъ пѣшкомъ ее отыскивать. Найти было нетрудно, въ уѣздномъ городѣ, генеральскій собственный, каменный домъ въ два этажа. Я былъ допущенъ къ генералу, котораго нашелъ я въ залѣ, среди стоящихъ вокругъ него штабъ-и оберъ-офицеровъ его полка. Я отнюдь не былъ пораженъ величіемъ сего зрѣлища, тѣмъ болѣе что съ перваго взгляда, Аггей Степановичъ показался мнѣ фельдфебелемъ, который

только что надѣлъ генеральскій мундиръ и ленту. Объяснивъ ему свое имя и качество, я прибавилъ, что, пользуясь приглашеніемъ его супруги, желалъ бы и ей представиться. Онъ отвѣчалъ мнѣ сухо и даже сурово: «она на сносяхъ брюхата, вамъ нельзя ее видѣть». Я поклонился, повернулся и вышелъ. На лѣстницѣ слышу, что кто-то меня догоняетъ; поровнявшись со мной, невысокаго роста, толстенькій человѣкъ въ военномъ мундирѣ обратилъ ко мнѣ слѣдующія слова: «Мнѣ, право совѣстно за нашего генерала, онъ совсѣмъ не умѣетъ жить; такіе гости, какъ вы, у насъ рѣдки; надобно стараться ихъ удерживать. Позвольте мнѣ предложить вамъ мои сани и проводить васъ въ одинъ домъ, гдѣ уже, конечно, будутъ умѣть оцѣнить васъ.» Чтó могло быть любезнѣе такого предложенія? я принялъ его.

Проводникъ мой былъ Екатеринбургскаго полка подполковникъ Кореневъ, а повезъ онъ меня къ женѣ генерала, то-есть оберъ-берггауптмана четвертаго класса, Ивана Филиповича Германа, начальника Горнаго Правленія, Елисаветѣ Гавриловнѣ, урожденной Качькѣ. Мужъ былъ въ Петербургѣ, а жена дѣйствительно заставила меня краснѣть отъ любезности ея привѣтовъ. Она не хотѣла отпустить меня до обѣда, на который пригласила къ себѣ; и когда, по окончаніи его, началъ я раскланиваться, чтобъ идти домой и въ тотъ же день отправиться далѣе въ дорогу, она объявила мнѣ, что этому не бывать, что повозка моя у нея въ сараѣ, а пожитки мои въ пустомъ кабинетѣ ея мужа. Когда же я сталъ отговариваться, она отвѣчала мнѣ: «Неужели въ Петербургѣ молодые люди такъ грубы, что не уважаютъ просьбами женщинъ? Нѣтъ, вы не будете такъ неучтивы, чтобъ отказаться отъ бала, который сегодня я даю въ честь вашу и на который созвала я весь городъ». Чтò мнѣ было дѣлать? Послѣ худо проведенной ночи, послѣ дурнаго пріема утромъ, я совершенно былъ оглушенъ расточаемыми мнѣ ласками, и далъ г-жѣ Германъ распоряжаться мною, какъ ей было угодно.

Надобно, однакоже, описать наружность любезной моей хозяйки и внутренность ея семейства. Отъ роду было ей лѣтъ сорокъ, если не болѣе; вѣсу въ ней было пудовъ сорокъ, если не болѣе; она была рыжевласая, и рябины на лицѣ ея спорили за мѣсто съ веснушками. Она должна была имѣть великую тѣлесную силу, ибо толщину свою носила съ необычайною живостію и легкостію. При ней находились двое дѣтей, девятнадцатилѣтняя дочь и восемнадцатилѣтній сынъ, уже горный офицеръ; меньшіе сыновья отданы были въ Горный Корпусъ. Дочь была не дурна собою и чрезвычайно скромна; я скоро замѣтилъ, что представившій меня Кореневъ въ нее влюбленъ, ищетъ руки ея и всячески старается угодить матери.

Но зачѣмъ при такой взрослой дѣвицѣ, подумалъ я, гувернантка четырьми годами ея только старѣе? Мадамъ Леграпъ, какъ замѣтилъ я, принадлежала къ такому роду женщинъ, которыя похищаютъ названіе мадамы, хотя, впрочемъ, онѣ сами съ достовѣрностію не помнятъ эпохи, въ которую лишились права называться мамзелями. Она пустилась разсказывать про мадамъ Браншю и другихъ оперныхъ пѣвицъ въ Парижѣ, какъ будто про какихъ принцессъ; въ вольномъ семъ разсказѣ не утаила она ни одной изъ ихъ слабостей, а изъ простонароднаго слога, *жонъ* и *жавонъ*, ея повѣствованія, заключилъ я, что у которой-нибудь изъ нихъ должна она была находиться служанкой. Къ счастію молодой Германъ, была она болѣе повѣренною въ дѣлахъ матери, чѣмъ ея наставницей. Чтобы дать понятіе о непринужденности ея обхожденія съ мущинами, скажу, что, во время бала, найдя меня въ кабинетцѣ, куда зашелъ я отдохнуть, она безъ церемоніи сѣла мнѣ на колѣни и обѣ руки закинула мнѣ за голову; внезапно показалась хозяйка и громоносный взглядъ ея заставилъ ее вскочить.

Не съ одной этой стороны поведена была противъ меня атака: Елисавета Гавриловна все со мной танцовала, и я сначала думалъ, что отъ усталости такъ крѣпко жметъ она мнѣ руку. На этотъ счетъ былъ я отъ природы тупъ, совсѣмъ не избалованъ прекраснымъ поломъ и нескоро могъ догадаться, чего отъ меня хотятъ; но тутъ уже дѣло было очевидное. Въ цѣлыя сутки я почти минуты не имѣлъ отдыха и когда пошелъ къ себѣ въ комнату спать, то заперся; ну что̀ много извиняться, виноватъ, струсилъ!

Я ожидалъ, что на другое утро встрѣтятъ меня съ холодностію; вмѣсто того, меня просто начали гнать съ двора, говорить, что меня не удерживаютъ, что въ дорогѣ заживаться не должно. Мнѣ стало досадно. Наканунѣ на балѣ одинъ горный чиновникъ, пятаго класса Иванъ Козмичъ Савковъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ потихоньку, что Софья Карловна въ отчаяніи отъ неучтивости своего мужа, что она проситъ меня не уѣзжать, не повидавшись съ нею и не принявъ отъ нея порученій къ родителямъ въ Пермь и что самъ мужъ ея приказалъ принять меня, коль скоро я приду. Этимъ случаемъ не оставилъ я воспользоваться.

Я уже успѣлъ замѣтить, что въ Екатеринбургѣ нѣтъ большаго согласія между двумя вѣдомствами: военнымъ, и горнымъ, и что въ обоихъ станахъ встрѣчаются переметчики. Я гордо возвѣстилъ г-жѣ Германъ, что немедленно уѣду, но что напередъ долженъ увидѣться съ г-жей Пѣвцовой, и пошелъ къ сей послѣдней.

Мужъ ея былъ правъ, она едва могла передвигаться, но и въ семъ состояніи была мила и пріятна. Не такъ уже смотрѣлъ я на нее,

какъ за семь мѣсяцевъ передъ этимъ: въ головѣ моей все еще былъ одинъ свѣжій женскій образъ, при которомъ въ глазахъ моихъ померкли другія женскія прелести. Пѣвцова расхохоталась, когда я съ видомъ горести и смиренія сталъ разсказывать ей о непонятной для меня внезапной перемѣнѣ въ обхожденіи со мною почтенной Елисаветы Гавриловны Германъ. По приказанію генерала, нашли мнѣ квартиру близко отъ его дома.

Скоро пришелъ ко мнѣ молоденькій Германъ *), который никакого не хотѣлъ принять участія въ несправедливомъ на меня гнѣвѣ своей матери и предложилъ мнѣ съѣздить съ нимъ на Березовскій казенный заводъ, гдѣ добывается золото. Тамъ потрапезничавъ, спустились мы въ рудники, и такимъ образомъ разъ въ жизни случилось мнѣ побывать подъ землею. Я былъ слишкомъ разсѣянъ во время сего сошествія въ преисподнюю и ничего особенно любопытнаго не могу сообщить о немъ читателю; только пораженъ я былъ безстыдствомъ и развратомъ работниковъ обоего пола. Вечеръ провелъ я у Пѣвцовыхъ и на другой день уѣхалъ изъ Екатеринбурга, не простясь съ Германшей.

По пріѣздѣ въ Пермь, остановился я у прежняго своего хозяина, часовыхъ дѣлъ мастера Розенберга. Городъ сей имѣлъ видъ еще болѣе унылый чѣмъ лѣтомъ: передъ каждымъ рядомъ низкихъ домовъ стоялъ валъ изъ снѣгу, на широкихъ улицахъ метелями нанесеннаго. Не располагая тутъ долго пробыть, я въ тотъ же вечеръ пошелъ къ Модераху съ письмомъ отъ Пѣвцовой. Жена его была нездорова, дочери не показывались, и я пробылъ съ нимъ наединѣ. Онъ сдѣлался разговорчивѣе; замѣтивъ какое участіе, несмотря на мою молодость, принимаю я въ заграничныхъ происшествіяхъ, началъ онъ изъясняться объ нихъ съ чувствомъ, какъ Нѣмецъ временъ Екатерины, который дорожитъ Русскою честію. Съ прискорбіемъ говорилъ онъ о послѣдствіяхъ Аустерлицкаго сраженія и Пресбургскаго мира; съ негодованіемъ о принятіи двумя курфирстами короны изъ рукъ не всѣми признаннаго императора и объ униженіи чрезъ то королевскаго достоинства; но вѣровалъ еще въ могущество Россіи и надѣялся на сильное содѣйствіе Пруссіи. Утѣшенный имъ, преисполненный къ нему уваженія, оставилъ я его.

---

*) Его зовутъ Өедоръ Ивановичъ. Въ немъ были необыкновенный умъ, удивительныя способности и чрезвычайная безнравственность. Послѣ перешелъ онъ въ военную службу и находился при Оренбургскомъ (нынѣшнемъ Санктпетербургскомъ) военномъ губернаторѣ Эссенѣ. Въ званіи адъютанта управлялъ онъ всѣмъ краемъ и до того прославился, что изъ Петербурга велѣно было начальнику его удалить сего слишкомъ искуснаго адъютанта.

Отъ Перми въ Казань дорога показалась мнѣ весьма пріятною, потому что воздухъ сдѣлался вдругъ гораздо теплѣе: послѣ продолжительныхъ морозовъ въ пути оттепель покажется всегда благополучіемъ. При масленичной погодѣ, во Вторникъ на Масляницѣ пріѣхалъ я въ Казань.

Передъ отъѣздомъ изъ сего города, лѣтомъ, далъ я сыну коменданта Кастелли, Николаю Степановичу, обѣщаніе на обратномъ пути у него остановиться. Онъ былъ добрый, молодой, веселый морячокъ, недавно оставившій службу и женившійся на одной изъ дѣвицъ Юшковыхъ; сдержать данное ему слово было мнѣ легко и пріятно. Я присталъ у него, и мы пустились съ нимъ по городу, который тогда исполненъ былъ веселыхъ пиршествъ.

Губернаторша почитается необходимостію въ губернскомъ управленіи: возлагая на нее заботы домоводства и общественной жизни, что̀ входитъ въ составъ его обязанностей, губернаторъ имѣетъ болѣе свободы заниматься дѣлами по службѣ; когда сіе второе мѣсто въ губерніи остается вакантнымъ, то какъ будто чего-то не достаетъ въ губернскомъ городѣ. Добрѣйшій Борисъ Александровичъ Мансуровъ, вдали отъ дѣтей своихъ, которыя воспитывались у родныхъ въ столицѣ, скучая одиночествомъ и вдовствомъ своимъ и внимая преслѣдовательнымъ убѣжденіямъ жителей, передъ самою Масляницей вступилъ во второй бракъ со старшею изъ княженъ Баратаевыхъ, Елисаветой Семеновной, и Казанцы не знали какъ изъявить радость по случаю сего важнаго для нихъ событія.

Недавняя, почти вчерашняя госпожа Мансурова была годами вдвое моложе своего мужа, а степенностію едва ли не старѣе его. Она помнила еще отца своего на губернаторствѣ, слѣдственно оно ей было не въ диковинку; однакоже, по природной скромности, всегда приходила въ замѣшательство, когда старыя дамы уступали ей мѣсто. Самъ же Мансуровъ на радости былъ со мною, если возможно, еще добрѣе и ласковѣе. Мы проводили вмѣстѣ дни и вечера, на званыхъ свадебныхъ обѣдахъ, на катаньяхъ и на балахъ. Это было тоже что̀ въ Пензѣ, да не то: въ помѣщикахъ Казанскихъ были радушіе и искренность, которыхъ не было въ Пензенскихъ; а Пензенскія дамы имѣли жеманство и претензіи, которыхъ не было въ Казанскихъ. Сплетни однакоже неизбѣжное зло губернскихъ городовъ, и я былъ провозглашенъ женихомъ Александры Семеновны, одной изъ меньшихъ Баратаевыхъ потому только, что часто бывалъ у ея матери, чаще съ нею танцовалъ и дѣйствительно находилъ ее красивѣе и милѣе другихъ дѣвицъ *).

*) Она теперь замужемъ за попечителемъ Казанскаго университета Мусинымъ-Пушкинымъ

Въ Казани находился тогда одинъ выходецъ, я чуть было не сказалъ бѣглецъ, изъ дѣйствовавшей арміи, сынъ Желтухина, Измайловскаго полку полковникъ Сергѣй Ѳедоровичъ, который былъ въ Аустерлицкомъ сраженіи или близъ его и послѣ угрожавшихъ ему издали опасностей пріѣхалъ успокоиться къ родителямъ. Я было къ нему съ распросами; онъ отвѣчалъ такъ не ясно, такъ отрывисто, что я приписалъ это его гордости или скромности; послѣ въ Петербургѣ узналъ, что это происходило отъ его невѣдѣнія и что вообще самое воспоминаніе о сраженіяхъ его сильно тревожило.

Во Вторникъ на первой недѣлѣ поста выѣхалъ я изъ Казани. Находясь такъ близко отъ Пензы, куда я долженъ былъ опять заѣхать, въ другое время не прожилъ бы я недѣли въ семь городѣ, но я предпочелъ пиршества въ Казани и тишину семейной жизни въ Пензѣ. Опять проѣхалъ я черезъ Симбирскъ, не видавши его, ибо это было въ темную ночь, когда мятель только что начинала разыгрываться; я выждалъ на почтовомъ дворѣ, чтобъ она прошла, и выѣхалъ до свѣту. Спѣшить было не къ чему: я не нашелъ въ Пензѣ ни родителей, ни родныхъ своихъ.

Въ бытность отца моего въ Петербургѣ, военный губернаторъ графъ Петръ Александровичъ Толстой уговорилъ его, посредствомъ своихъ подчиненныхъ, принять на себя закупку муки въ Пензѣ и доставку ея Сурой и Волгой въ столицу. Онъ находилъ, что провіантскими чиновниками дѣлается сіе слишкомъ накладнымъ образомъ для казны, и отецъ мой имѣлъ неосторожность согласиться. Сія опасная операція совершена съ успѣхомъ, то-есть въ половину дешевлѣ противъ прежнихъ годовъ. Но караванъ имѣлъ остановки въ плаваніи, и поверхность муки подверглась нѣкоторой порчѣ. Это подало поводъ управляющему запасными магазинами, статскому совѣтнику Романовскому, лишенному при семъ случаѣ обыкновенныхъ своихъ ежегодныхъ барышей, забраковать всю муку. Почтеннаго графа Толстаго тогда не было въ Петербургѣ; онъ командовалъ корпусомъ, дѣлалъ съ нимъ высадку въ Померанію и ходилъ на помощь къ Гановеру. Онъ сохранялъ свое званіе, но мѣсто его временно занималъ военный министръ Вязмитиновъ, хорошій знакомый отцу моему, добрый человѣкъ, но слабый, робкій и склонный къ подозрѣніямъ. Чтобы спасти себя отъ совершеннаго разоренія, принужденъ былъ отецъ мой съ семействомъ отправиться въ Петербургъ; и сдѣлалъ хорошо, ибо въ послѣдствіи все дѣло обратилось къ стыду г. Романовскаго. Чтò было мнѣ дѣлать въ пустой для меня Пензѣ? Не видавъ почти никого, отдохнулъ я въ ней сутки и пустился опять въ безконечный свой обратный путь.

Въ Москвѣ нашелъ я сестру и зятя веселыми и довольными. Причина ихъ радости, для человѣка равнаго съ полковникомъ Алексѣевымъ чина, едва ли въ нынѣшнее время не была бы причиною печали: зятю моему, послѣ Аннинскаго креста на шеѣ, дали Владимирскій въ петлицу. Два Екатерининскихъ ордена, военнаго и гражданскаго достоинствъ, которыхъ Павелъ не раздавалъ и на раздачу которыхъ Александръ былъ очень скупъ, цѣнились еще весьма дорого. Не нужно говорить объ удовольствіи, съ которымъ увидѣло меня почти все мое семейство, ибо и другія двѣ сестры родителями оставлены были въ Москвѣ у Алексѣевыхъ; не временемъ, а отдаленіемъ мѣрили мое отсутствіе, и мы увидѣлись какъ послѣ десятилѣтней разлуки.

Несмотря на великій постъ, въ Москвѣ казалось шумно и весело. Въ ней только тогда побѣдителей ожидали тріумфы, и князь Багратіонъ, почти единственный изъ военачальниковъ, поддержавшихъ честь Русскаго оружія, пріѣхалъ въ нее за вѣнками, со множествомъ молодыхъ знатныхъ людей, подвизавшихся съ нимъ въ послѣднюю кампанію. Изъ нихъ, у князя Сергія Ѳеодоровича Голицына, видѣлъ я только одного, третьяго сына его князя Сергія, который имѣлъ на головѣ рану и весьма красиво и кокетски надѣтую черную повязку. Множество праздниковъ съ похвальными куплетами даны были въ честь Багратіона и его сподвижниковъ. На одномъ изъ нихъ, въ благородномъ собраніи, самомъ блистательномъ и многолюдномъ, явилась старшая изъ трехъ дочерей князя Василія Алексѣевича Хованскаго, о которыхъ не одинъ разъ я упоминалъ. Она была одѣта какой то воинственной дѣвой, съ каской на головѣ, въ курткѣ свѣтло зеленаго цвѣта съ оранжевымъ, вмѣсто обыкновенныхъ лентъ, украшенная Георгіевскими, принадлежащими гвардейскому егерскому полку, коего Багратіонъ былъ шефомъ, и своимъ прекраснымъ голосомъ пропѣла стихи во славу его. Все это было очень трогательно и немного смѣшно. Возвратившись, какъ мнѣ казалось, со стыдомъ, я никуда не показывался, и пишу здѣсь все одно слышанное.

Мнѣ такъ надоѣла дорога всю зиму и такъ хорошо мнѣ было съ родными, что я дней десять откладывалъ все выѣздъ свой. Но послѣдній зимній путь начиналъ портиться, и я долженъ былъ спѣшить, чтобы воспользоваться имъ. Итакъ, 12 Марта покинувъ Москву, 16-го прибылъ я въ Петербургъ, послѣ десятимѣсячнаго изъ него отсутствія.

XII.

Я имѣлъ адресъ квартиры нанятой моимъ отцомъ и нашелъ въ ней особо приготовленную для меня комнату. Сестры въ Москвѣ были мнѣ безъ памяти рады; но то ли дѣло было въ Петербургѣ съ родителями! Только отецъ мой нѣсколько сожалѣлъ о неудачномъ для меня окончаніи столь дальняго путешествія.

Семейство Тулиновыхъ также находилось тогда въ Петербургѣ. Запрещенія ввоза иностранныхъ издѣлій тогда еще не существовало, и суконными фабриками можно было тогда только что жить, а не наживаться. Старшій сынъ, Алексѣй Ивановичъ, какъ сказалъ я въ одной изъ предыдущихъ главъ, несмотря на свою молодость и при весьма похвальныхъ свойствахъ, имѣлъ чрезвычайную алчность къ богатству, а единственные почти источники его находились тогда въ питейныхъ домахъ: откупщики были настоящіе алхимисты, которые нашли не камень философскій, а жидкость. Въ Сенатѣ назначены были торги на новые питейные откупа, и молодой Тулиновъ уговорилъ родителей испытать счастіе на семъ новомъ для ихъ семейства торговомъ поприщѣ. Но толпа искателей фортуны противъ прежнихъ четырехлѣтій чрезвычайно увеличилась, и въ той же мѣрѣ и цѣны на право продавать водку, равно какъ и казенные доходы. Такимъ образомъ не слишкомъ выгодно взялъ Тулиновъ на откупъ Пензенскую губернію, что̀ отцу моему было весьма непріятно: ибо явно помогать ему въ его кабацкихъ дѣлахъ было бы неблаговидно, а отказывать въ помощи родственнику и жестоко, и несправедливо.

Такимъ случаемъ, каковымъ было пребываніе въ столицѣ двухъ столь близкихъ ему семействъ, не оставилъ братъ мой Николай воспользоваться, чтобы въ первый разъ молодой женѣ показать Петербургъ. Я до тѣхъ поръ еще не видывалъ ея, и хотя грѣшно позавидовать брату, признаюсь, что сдѣлалъ сіе. Она была изъ числа тѣхъ существъ, которыя посылаются минуту погостить на землѣ, чтобы показать, до какой степени смертные могутъ уподобиться небожителямъ, и потомъ опять улетѣть домой.

Весною въ концѣ Апрѣля пріѣхалъ и старшій братъ мой, Павелъ. Онъ во время похода слѣдовалъ за арміей; когда я перебирался черезъ горы вокругъ Байкала, проѣзжалъ онъ съ войсками черезъ Венгрію, и когда со столь отдаленныхъ, противоположныхъ точекъ сошлись мы вмѣстѣ, то имѣли что̀ другъ другу поразсказать. Моимъ родителямъ, на чужой сторонѣ, было усладительно видѣть себя окруженными большею частію своего семейства. Припомнивъ себѣ все что̀

въ это время до него относилось, что̀ мнѣ казалось дороже всего, скажу о томъ что̀ могъ тогда видѣть и замѣтить въ городѣ и въ обществѣ.

Расположеніе умовъ нашелъ я въ Петербургѣ иное чѣмъ въ Москвѣ. Тамъ позволяли себѣ осуждать Царя, даже смѣяться надъ нимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обременять ругательствами побѣдителя его, съ презрѣніемъ называя его Наполеошкой. Здѣсь напротивъ были воздержнѣе: всѣ чувствовали, что униженіе, понесенное главою народа неизбѣжно должно раздѣлять съ нимъ все государство. Самое негодованіе на сильнаго противника нашего было глубже и пристойнѣе; большаго унынія не показывали, всѣ храбрились, послѣднюю побѣду его усиливались приписывать болѣе счастію чѣмъ искусству, и желаніе новой съ нимъ войны было общее. Знатная молодежь, воспитанная эмигрантами и участвовавшая въ сей войнѣ, не столько ненавидѣла въ немъ врага своего отечества, какъ маленькаго поручика, дерзнувшаго возсѣсть на престолѣ великаго Лудовика; она спѣсиво и грозно толковала о будущихъ своихъ подвигахъ, надъ чѣмъ иные тайкомъ смѣялись, будто по ошибкѣ вмѣсто *геро* называя ихъ *зеро*, и розданнымъ ей во множествѣ Анненскимъ шпагамъ давая названіе ослиныхъ шпагъ: âne вмѣсто Anne. Чувствами выражаемыми лучшимъ обществомъ, дворомъ и гвардіей, долженъ былъ Государь остаться доволенъ, хотя Французскій роялизмъ, а еще болѣе раболѣпство въ семъ случаѣ принимали цвѣтъ патріотизма; къ сожалѣнію другаго почти не бываетъ въ новой столицѣ. Съ другой стороны, приверженцы Англіи указывали на нее какъ на якорь нашего спасенія, и вліяніе ея на дѣла наши сдѣлалось еще сильнѣе прежняго. Несмотря на мое невѣдѣніе, съ этого времени началъ я ее ненавидѣть: мнѣ казалась обидна мысль, что мы въ числѣ народовъ, коихъ гордые островитяне, внѣ континентальныхъ опасностей, нанимаютъ, чтобы сражаться за ихъ выгоды.

Одного изъ послѣдователей Англійской системы не щадило тогда общее мнѣніе. Князь Адамъ Чарторижскій, управлявшій иностранными дѣлами и находившійся во время путешествія и Аустерлицкаго сраженія при Государѣ, сдѣлался всѣмъ ненавистенъ. Въ среднихъ классахъ называли его просто измѣнникомъ; а тайная радость его, при видѣ неблагопріятныхъ для насъ событій, не избѣжала также отъ глазъ высшей публики. Императоръ въ это время дорожилъ еще мнѣніемъ Россіи, которая громко взывала къ нему объ удаленіи предателя, и Чарторижскій, къ концу лѣта, долженъ былъ оставить министерство, сохранивъ только званіе попечителя Виленскаго университета. Мнѣ сказали, что по возвращеніи изъ посольства долженъ я

былъ непремѣнно къ нему явиться, и я исполнилъ сіе какъ весьма тягостную для меня обязанность. Въ прихожей нашелъ я дежурнаго, который пошелъ обо мнѣ докладывать; онъ былъ одинъ и чрезъ пять минутъ велѣлъ позвать меня къ себѣ. Пройдя длинный рядъ комнатъ, я вошелъ въ его кабинетъ; онъ не сидѣлъ, а стоялъ за высокимъ письменнымъ столомъ, оборотился ко мнѣ съ пріятною улыбкой, сказалъ нѣсколько вѣжливыхъ вопросовъ и кончилъ предложеніемъ вступить подъ его начальство. Я, поклонясь только, поблагодарилъ, не стараясь давать отказу своему никакого благовиднаго предлога. Послѣ не одинъ разъ жалѣлъ я о томъ; но тутъ, когда онъ былъ такъ добръ со мною, право, кажется, готовъ бы я былъ его зарѣзать. Не знаю, чѣмъ заслужилъ я его милость. Наружность ли ему моя понравилась, или не-Русское мое прозваніе, или предполагаемое во мнѣ неудовольствіе за сдѣланную мнѣ несправедливость? Это былъ единственный разъ, что я его видѣлъ, и предубѣжденіе мое до того не простиралось, чтобы не замѣтить, какъ пріятно было выраженіе лица его, не смотря на слишкомъ выдвинутую впередъ нижнюю челюсть.

Прежде того, успѣлъ я являться къ настоящимъ моимъ начальникамъ, Кочубею и Сперанскому! Оба приняли меня холодно и сухо, ни о чемъ не спросили и сказали только, что я по прежнему могу заниматься въ канцеляріи, то-есть, въ переводѣ, по прежнему могу ничего не дѣлать. Болѣе любезности, гораздо болѣе внимательности нашелъ я въ гостиныхъ, куда ввели меня привезенныя отъ товарищей письма. Я не думалъ ими воспользоваться и сначала, развозя ихъ, отдавалъ просто швейцару; но мнѣ суждено было имѣть свою минуту извѣстности. Меня отыскали, я получилъ приглашенія и былъ осыпанъ учтивостями и разспросами. Нѣсколько мѣсяцевъ прежде меня воротился Шубертъ съ сыномъ; но въ большомъ свѣтѣ онъ ни съ кѣмъ не былъ знакомъ, никуда не показывался и прибылъ въ такую минуту, когда всѣ умы заняты были происшествіями на Западѣ. Сверхъ того онъ пріѣхалъ изъ Иркутска, слѣдовательно изъ Сибири, что̀ совсѣмъ было не диковинка; я же первый какъ будто прямо изъ Китая. Вотъ тутъ-то, и только въ это время, случилось мнѣ раза два или три быть въ домѣ Гурьевыхъ. Димитрій Александровичъ тогда еще не былъ министромъ; но и тогда подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ въ Кабинетѣ и Удѣльномъ Департаментѣ подавлялъ тяжестью ума своего; въ свѣтѣ же имѣлъ всѣ замашки величайшаго аристократа, хотя отецъ его, едва ли не изъ податнаго состоянія, былъ управителемъ у одного богатаго, но не знатнаго и провинціальнаго помѣщика. За то самъ онъ женился на графинѣ Салтыковой, престарѣлой дѣвкѣ, отъ руки коей, не смотря на ея большое состояніе, долго всѣ бѣгали. Прасковья

Николаевна, тогда уже дама довольно пожилая, была расточительна на ласки съ тѣми, коихъ почитала себѣ равными или съ коими хотѣла сравняться, и раздавительно горда со всѣми, кои казались ей ниже ея. Сія чета, въ началѣ девятнадцатаго вѣка, открывала у насъ торжественное шествіе его финансовой знатности; въ семъ домѣ имѣлъ вѣсъ титулъ, но только въ соединеніи съ кредитомъ при дворѣ; одно богатство, но только самое огромное, и наконецъ мода, которая какъ изъ людей, такъ и изъ нарядовъ, не всегда самое лучшее выставляетъ и вводитъ въ употребленіе. Вотъ куда я попался, и вотъ какова сила предразсудковъ, что, внимая привѣтамъ хозяевъ, нѣкоторое время я чувствовалъ себя нѣсколькими вершками выше прежняго.

У Нарышкиныхъ не имѣлъ я нужды въ новой рекомендаціи, чтобы хорошо быть принятымъ. Однакоже чадолюбіе Александра Львовича заставило его быть еще любезнѣе съ человѣкомъ, котораго сынъ его письменно называлъ своимъ пріятелемъ.

Сестра его, жена нашего посла Головкина, Катерина Львовна, которая послѣ отъѣзда моего воротилась изъ Италіи и къ которой не имѣлъ я письма̀, сама пожелала со мной познакомиться. Не знавши, трудно было сказать, сколько ей отъ роду лѣтъ. Еще съ молоду имѣла она мужскія черты, была непригожа и старообразна. А какъ дурнота лица имѣетъ въ себѣ какую-то твердость, одеревенѣлость, которая долго противустоитъ дѣйствію времени, тогда какъ цвѣтъ красоты такъ скоро отъ него вянетъ, то Катерина Львовна лѣтъ въ сорокъ пять была тоже, что̀ въ шестнадцать: дурна собою и не стара. Прибавьте къ этому, что она была стройна, какъ двадцатилѣтняя дѣва и что нарядъ ея соотвѣтствовалъ ея стану; еще прибавьте къ тому ея ловкость, умъ, необыкновенную любезность, сильное желаніе нравиться (мнѣ бы не хотѣлось прибавить—ея щедрость), и вы безъ труда повѣрите, что были люди, которые охотно соглашались ее любить. Я не былъ въ числѣ ихъ; безъ всякихъ видовъ была она мила со мною, и я безкорыстно любилъ ея общество и разговоръ. Опытныя женщины единымъ взглядомъ умѣютъ измѣрять силу чувства, которую могутъ онѣ ожидать отъ предстоящаго мужчины, и вообще зрѣлость лѣтъ предпочитаютъ красивой незрѣлости. Графиня Головкина была уже давно только по имени супругою; искренняя, нѣжная, взаимная дружба съ мужемъ давно уже заступила мѣсто, даже я думаю, не любви супружеской, а только ея обязанностей.

Еслибъ у единственной дочери ихъ, Наталіи Юрьевны, не были слишкомъ крупныя черты, то она могла бы почитаться совершенной красавицей. Однакоже молодость ея, свѣжесть, тогда еще пристойное и тѣмъ еще болѣе привлекательное ея кокетство, многихъ сводили съ

ума. Она лѣтъ шестнадцати была выдана за графа Александра Николаевича Салтыкова, втораго сына фельдмаршала Николая Ивановича, и хотя смотрѣла еще невѣстою, но была уже тогда матерью четырехъ дочерей *). Мужъ ея былъ блѣденъ и сухъ и казался старѣе своихъ лѣтъ. Выросши вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ, коего главнымъ воспитателемъ былъ отецъ его, имѣлъ онъ въ манерахъ что-то съ нимъ сходное: важность безъ спѣси и учтивость, удерживающую всякую короткость. Умственнымъ образованіемъ онъ мало отличался отъ другихъ вельможескихъ дѣтей того времени, напитанъ былъ Французской литературой, проникнутъ духомъ Французской аристократіи и исполненъ знанія Французской исторіи. Нужно ли сказать, что на Французскимъ языкѣ объяснялся онъ лучше, чѣмъ на природномъ? На немъ однакоже не упускалъ онъ случая искренно хвалить свое отечество: онъ былъ воспитанъ при Екатеринѣ. Какая-то дѣтская ссора, какое-то непріятное происшествіе во время ихъ младенчества съ Государемъ, сего послѣдняго болѣе чѣмъ охладили къ нему. За то общее мнѣніе сильно его поддерживало: предполагаемыя въ немъ познанія, видъ спокойствія, непоколебимости, любовь къ отчизнѣ заставляли въ немъ видѣть истинно-великаго государственнаго человѣка и сѣтовать, что онъ занимаетъ ничтожное мѣсто члена Иностранной Коллегіи. Александръ, который въ жизни столько разъ жертвовалъ сердечными склонностями общему желанію, общему благу, впослѣдствіи призывалъ его къ высокимъ должностямъ; но, къ сожалѣнію, въ дѣлахъ оказался онъ ниже своей репутаціи.

Молодая графиня, безъ большаго ума, была очаровательна до невозможности. Познакомившись со мною у матери, она пригласила къ себѣ и представила мужу, который обошелся довольно вѣжливо, чтобы побудить меня къ продолженію посѣщеній. Грустно подумать, что обѣ эти женщины, которыхъ зналъ я во всемъ блескѣ — мать и дочь — такъ печально кончили свое поприще. Когда, наскучивъ свѣтомъ, простившись съ его суетами и прельщеніями, женщины покидаютъ его для набожной или просто спокойной жизни, то уваженіе слѣдуетъ за ними въ ихъ убѣжище; но горе тѣмъ, кои, разрывая съ нимъ связи, удаляются отъ нѣмыхъ его приговоровъ для того, чтобы свободнѣе предаваться осуждаемымъ имъ наслажденіямъ! Графини Головкиной давнымъ давно уже нѣтъ на свѣтѣ; а дочь ея видѣлъ я недавно, столь же добрую, столь же милую, какъ и прежде, даже немного

*) Всѣ онѣ выданы за людей знатныхъ фамилій: старшая за Голицына, вторая за Долгорукаго, третья за Шувалова, четвертая за Потоцкаго.

состарѣвшуюся, и душевно пожалѣлъ объ ней, увидѣвъ, до какой степени она сдѣлалась нечувствительна къ общему неуваженію.

Невская вода имѣетъ свойство струй Леты, рѣки забвенія. Вотъ отчего, люди прибывшіе изъ провинціи, принимавшіе живѣйшее участіе въ дѣлахъ ея, съ негодованіемъ смотрѣвшіе въ ней на несправедливости, на неустройства, лишь только хлебнутъ немного этой заколдованной воды, такъ скоро дѣлаются равнодушны къ благу провинціи, чуждаются воспоминаній объ ней. Не прошло недѣли послѣ того, что увидѣлъ я берега сей канальной рѣки, какъ забылъ и Сибирь, и Вѣрочку, и посольство. Но о семъ послѣднемъ скоро пришлось мнѣ вспомнить.

Мнѣ вдругъ сказали, что пріѣхалъ Байковъ; я не повѣрилъ, тѣмъ болѣе, что сіе случилось 1-го Апрѣля. Однако я вспомнилъ пророчество Вонифатьева; оно сбылось слово въ слово.

Нѣкоторое время старались держать втайнѣ причину возвращенія Байкова. Не бывъ свидѣтелемъ происходившаго на Ургѣ, я не могу ручаться за достовѣрность сообщаемаго здѣсь разсказа и передаю его какъ послѣ слышалъ отъ возвратившихся моихъ сопутниковъ.

Безконечный караванъ, при постоянныхъ, морозахъ шагъ за шагомъ три недѣли тянулся до Урги. Тутъ посольство расположилось станомъ и примкнуло къ сему большому Монгольскому стану, посреди коего находилось одно только прочное жилище двухъ мандариновъ, намѣстниковъ ханскихъ. Первые дни прошли въ посѣщеніяхъ, во взаимныхъ учтивостяхъ, то-есть въ церемоніяхъ и въ пересылкѣ подарковъ. Посолъ болѣе чѣмъ когда старался показать Европейскую ловкость и любезность. Но Китайцы (если позволено мнѣ сдѣлать весьма неблагородно и часто употребляемое сравненіе) въ этомъ дѣлѣ столь же плохіе судьи, какъ свиньи въ апельсинахъ. Гораздо полезнѣе было бы послать къ нимъ какого-нибудь увальня: его истуканству они охотнѣе стали бы поклоняться. На Головкина и Байкова смотрѣли мандарины, какъ на фигляровъ, имъ на смѣхъ присланныхъ, и съ каждымъ днемъ начали умножать свои требованія; терпѣніе бѣднаго посла подвергнуто было жесточайшимъ испытаніямъ. Въ одинъ день, по полученнымъ изъ Пекина наставленіямъ, приглашенъ былъ онъ къ вану на какое-то празднество; тутъ предложена ему была репетиція того церемоніала, который долженъ былъ онъ соблюсти при представленіи императору. Въ комнату, въ которой поставлено было изображеніе сего послѣдняго (полно, вѣрить ли тому?) долженъ былъ онъ войдти на четверенькахъ, имѣя на спинѣ шитую подушку, на которую положится кредитная его грамота. Онъ отвѣчалъ, что согласится на такое униженіе тогда только, какъ получитъ на то дозволеніе отъ своего двора; можетъ-

быть надѣялся онъ испугать Китайцевъ твердымъ намѣреніемъ долго жить на ихъ счетъ. На другой день, всѣ подарки имъ сдѣланные, въ сундукахъ и ящикахъ, были не выставлены, а брошены передъ его посольскою палаткой. Послѣ того ему ничего не оставалось болѣе, какъ ѣхать въ Сибирь дожидаться приказаній двора своего. Обратный путь былъ ужасенъ: къ холоду скоро присоединился голодъ; по цѣлымъ суткамъ тщетно ожидая съѣстныхъ припасовъ, посольство вмѣсто мяса получало иногда живыхъ барановъ въ небольшомъ количествѣ и, не имѣя съ собою мясниковъ, должно было еще платить за ихъ рѣзаніе. Не было непріятностей, коихъ бы оно не претерпѣло отъ сихъ варваровъ. Какъ было въ глубинѣ сердца не возблагодарить мнѣ Бога, пославшаго злодѣю моему Байкову мысль спасти меня отъ всѣхъ этихъ напрасныхъ мученій! Послѣ пятидесятишестидневнаго странствованія въ пустынѣ, Головкинъ, подобно Моисею, не узрѣвъ обѣтованной земли, возвратился въ Кяхту.

Надобно было въ неудачѣ своей оправдаться передъ царемъ. По прибытіи въ Иркутскъ, Байковъ предложилъ свои услуги, которыя посолъ принялъ съ благодарностію; онъ былъ мастеръ пускать въ глаза пыль, и можно было надѣяться, что онъ дѣло будетъ умѣть представить въ красивѣйшемъ видѣ, чѣмъ оно было. Итакъ Байковъ поскакалъ, а Головкинъ остался въ Иркутскѣ ожидать рѣшенія судьбы своей.

Но лишь только предатель успѣлъ пріѣхать въ столицу, какъ пустился оправдывать одного себя, выставлять великія свои заслуги, взваливая всю вину на вѣрителя своего, всевозможнымъ образомъ стараясь очернить его. Послѣ урона, претерпѣннаго на Западѣ, Государь не очень расположенъ былъ къ снисходительности, и бѣдный Головкинъ понесъ опалу. Но друзья его, возмущенные наглостію и нечестіемъ Байкова, съ своей стороны и этого молодца отработали: черезъ недѣлю былъ онъ отправленъ обратно въ Иркутскъ съ приказаніемъ ему и Головкину оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока ихъ оттуда не вызовутъ. Всѣмъ же другимъ чиновникамъ посольства позволено возвратиться, какъ и когда они того пожелаютъ.

Оставаться въ видѣ изгнанника тамъ, гдѣ такъ недавно онъ господствовалъ, и можно сказать съ глазу на глазъ съ подлецомъ, уже отъявленнымъ врагомъ своимъ — наказаніе, по мнѣнію моему, слишкомъ жестокое за вину неумышленную. Надобно признаться, что въ искательности, медленности и продолжительности наказаній Александръ былъ знатокъ. Что за бѣда для Россіи, если Головкинъ не попалъ въ Пекинъ? Вѣдь тамъ онъ тоже ровно ничего не могъ бы сдѣлать; а о брошенномъ понапрасну миліонѣ надобно было подумать прежде.

Чтобы не смѣшивать другихъ воспоминаній съ тѣми, кои относятся къ сему посольству, имѣвшему столь смѣшной и жалкій конецъ, хотѣлъ я окончательному о немъ повѣствованію почти исключительно посвятить сію главу.

Молодые наши люди, въ продолженіи всего лѣта, одинъ за другимъ, по одиночкѣ возвращались въ Петербургъ. Одни только неодушевленные предметы, зеркала и другія дорогія вещи, остались на вѣки въ Иркутскѣ, чтобы въ немъ украшать собою въ послѣдствіи построенные дома генералъ-губернатора и губернатора. Когда послѣдній изъ чиновниковъ прибылъ обратно, что̀ было въ началѣ Сентября, тогда только бывшему послу и его секретарю посольства дано позволеніе оставить Сибирь. А какъ они не могли получить его ранѣе половины Октября, то не совсѣмъ покойнымъ образомъ, разумѣется, не вмѣстѣ, совершили они сей обратный путь и, переворачивая стихи Расина въ Ифигеніи, могъ Головкинъ сказать:

Et moi, qui arrivais, triomphant, entouré,
Je m'en retournerais, seul et désespéré.

Въ обществѣ, коего былъ онъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ гражданъ, явился онъ спокойно и безбоязненно, но при дворѣ долго не показывался. Въ продолженіи всего царствованія Александра, не могъ онъ заставить его забыть свою первую неудачу; иногда приподнимался, но никогда совершенно не могъ стать на ноги. Найдя меня довольно короткимъ въ своемъ семействѣ, онъ смотрѣлъ на то одобрительно, и воспоминаніе недоброжелательства Байкова чрезвычайно умножало его ко мнѣ благосклонность.

XIII.

Въ началѣ Іюня 1806 года, успѣшнымъ образомъ окончивъ дѣла свои, отецъ мой отправился въ Пензу. Вскорѣ послѣ него братъ мой беременную жену повезъ въ Воронежъ.

Я опять остался одинъ и принялся за прежнюю праздную Петербургскую жизнь. Нѣкоторое время имѣлъ я средства проводить ее довольно пріятно; во время пребыванія родителей моихъ въ столицѣ, содержаніе мнѣ почти ничего не стоило; сбереженныя какъ отъ того, такъ и отъ продолжительнаго и дешеваго путешествія деньги въ семъ случаѣ были мнѣ очень полезны.

Давно уже не упоминалъ я о домѣ Француза Шевалье-Лабата-де Виванса, Русскаго превосходительства и кастелляна Михайловскаго за̀мка. Онъ пересталъ быть шуменъ и веселъ, ибо физическія и фи-

нансовыя силы старика-хозяина примѣтно истощились; но въ это лѣто посіялъ онъ еще послѣднимъ блескомъ. Число роялистовъ умножилось въ Петербургѣ; не знаю откуда они понаѣхали. Аустерлицкое наше пораженіе воскресило ихъ надежды: первый неудачный опытъ, по мнѣнію ихъ, ничего не значилъ; но они съ радостію замѣтили, что Русскіе на національной чести видятъ пятно, которое горятъ желаніемъ изгладить. Тогда начали они смотрѣть на нихъ не столько какъ на покровителей, а какъ на союзниковъ, и стали выше подымать головы. Каждую недѣлю раза два или три собирались они во множествѣ у престарѣлаго Лабата для совѣщаній, и тамъ, со знаками всенижайшаго уваженія, окружали графа Блакаса, тайнаго повѣреннаго въ дѣлахъ Французскаго претендента, жившаго тогда въ Митавѣ. А онъ держалъ себя такъ высоко, какъ бы только прилично было послу Лудовика XIV, въ самую блестящую эпоху его царствованія. Сіе зрѣлище было смѣшно и трогательно въ одно время.

Года за два передъ этимъ, открытъ источникъ Липецкихъ минеральныхъ водъ. Недужные и друзья ихъ тому обрадовались. Наполеонъ, все болѣе и болѣе отхватывая, закрывалъ отъ насъ Европу, Кавказъ казался ужасенъ, путешествіе къ его цѣлебнымъ ключамъ сопряжено было съ великими издержками, трудностями и даже опасностію, и Липецкъ внутри Россіи отъ стеченія больныхъ и ихъ семействъ быстро началъ выростать. Блаженное время нашего невѣжества, когда думали, что всякій минеральный колодезь можетъ лѣчить отъ всякаго рода болѣзней, когда поутру, дѣлая движеніе, пили на здравіе Зельтерскую воду, какъ бы нынѣ Карлсбадскую или Пирмонтскую. Желѣзными частицами исполненная Липецкая вода, возвращая силы, исцѣляя изнуренныя тѣла, убивала людей одержимыхъ обструкціями и другими болѣзнями и скоро потеряла свою репутацію. Предшествующимъ лѣтомъ семейство Лабатовыхъ возило въ Липецкъ разбитаго параличомъ отца; тамъ познакомился онъ съ другимъ старцемъ, тайнымъ совѣтникомъ Тургеневымъ, и я съ великимъ удовольствіемъ въ гостиной г. Лабата встрѣтилъ сына сего Тургенева, бывшаго товарища моего въ Московскомъ архивѣ.

Описывая вступленіе мое въ службу въ помянутый архивъ, говорилъ я объ Андреѣ Тургеневѣ, о рановременной его кончинѣ, о великой потерѣ, которую сдѣлали въ немъ отечество, дружба и словесность. Тамъ же слегка упомянулъ я о меньшомъ братѣ его Александрѣ, застѣнчивомъ, ого всего краснѣющемъ мальчикѣ. Тутъ показался онъ мнѣ совсѣмъ въ иномъ видѣ. Настоящей дружбы между нами никогда не было, никакого вліянія на судьбу мою онъ не имѣлъ; но въ частыхъ сношеніяхъ, въ частыхъ свиданіяхъ прошли наша мо-

лодость, зрѣлыя наши лѣта и встрѣтила насъ старость. И поэтому мнѣ кажется, что на мнѣ лежитъ трудная обязанность, забывъ и старинное мое къ нему пріязненное расположеніе, и настоящее негодованіе, изобразить его съ безпристрастіемъ. А какъ вообще все это семейство (не родъ, я говорю) Тургеневыхъ, котораго у насъ на Руси скоро и слѣдовъ не останется, было въ ней очень примѣчательно, какъ правила и поступки сего самаго Александра Тургенева, по большей части, были слѣдствіемъ какого-то общаго направленія взятаго симъ семействомъ, то отъ него отдѣлять его почти невозможно, и можетъ-быть во мзду многихъ пріятныхъ часовъ, проведенныхъ мною съ членами его, суждено мнѣ, если самъ только спасусь, спасти и его отъ забвенія.

Отца Тургенева, Ивана Петровича, я никогда не знавалъ: онъ умеръ вскорѣ послѣ Липецкаго лѣченія. Онъ слылъ умнымъ, добродѣтельнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ. Къ счастію или на бѣду его, въ послѣдней половинѣ царствованія Екатерины показалась въ Москвѣ секта Мартинистовъ. Что̀ это такое, право сказать не умѣю и долженъ признаться въ своемъ невѣжествѣ. Но полно, стыдиться ли мнѣ того? Чтобъ объяснить духъ каждой изъ религіозно-философическихъ сектъ, возникшихъ въ Германіи, надобно изучить ихъ исторію и посвятить на то цѣлую жизнь, а сто̀итъ ли того? Давно уже испытующій духъ народовъ Германскихъ ищетъ проникнуть въ таинства Христовой вѣры. Отъ Юга до Востока церковь разсѣлась на двое; но трещину задѣлать остается возможность, ибо основаніе не пошатнулось; мрачному и дѣятельному уму потомковъ сѣверныхъ варваровъ, ниспровергнувшихъ Римскую имперію, дано было устремиться къ его разрушенію. Во Франціи, шуты, вооруженные эпиграммами, сарказмами, блестящими софизмами, конечно нанесли нѣкоторый легкій, наружный вредъ вѣчному зданію; но тамъ, посмѣявшись съ ними, надъ ними же стали смѣяться. То ли дѣло въ Германіи? Тамъ работа продолжительная, постоянная, истинно-Нѣмецкая, методическая, систематическая, ведущая свое начало отъ Цвингля и Лютера. И Германія, въ надменности своей, полагаетъ, что она не только сравнялась съ древнею Греціей, но и превзошла ее, и когда ей называютъ Пиѳагора, Сократа, Платона, Эпиктета, она съ гордостію и презрѣніемъ отвѣчаетъ: Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель, и что̀ всего досаднѣе, всѣ эти истолкователи и ученики ихъ, какъ переодѣтые лазутчики, прикрываются именемъ христіанъ. Безумцы, хотѣлось бы мнѣ имъ сказать: да вѣдь Греческіе философы существовали до святаго откровенія; поиски ихъ къ открытію истины почтенны, и самыя заблужденія ихъ отзываются всею прелестію поэзіи, и тогда какъ алмазу подобныя капли росы, ихъ системы

исчезли при появленіи вѣчнаго свѣтила, неужели вашимъ туманомъ вы думаете навсегда заслонить его?

Мартинизмъ, какъ кажется, исключительно филантропическая секта, ибо послѣдователи его все толкуютъ о святомъ человѣколюбіи и вѣроятно полагаютъ, что можно исполнять его обязанности безъ помощи христіанской вѣры. Нѣмецкое злое сѣмя на Русской почвѣ не могло или не успѣло развиться. Человѣкъ просвѣщенный, Николай Новиковъ, духовный отецъ всѣхъ въ Россіи Мартинистовъ, завербовавъ нѣсколько знатныхъ и богатыхъ людей, съ помощію ихъ и на ихъ счетъ завелъ лучшую и обширнѣйшую типографію въ Москвѣ, дорого платилъ авторамъ за право печатать ихъ сочиненія, дешево уступалъ ихъ книгопродавцамъ, поощрялъ всѣ молодые таланты, отправлялъ за границу отличнѣйшихъ между воспитанниками университета; и когда частное лицо не способствовало такъ у насъ распространенію просвѣщенія. Но успѣхи Французской революціи сдѣлали наше правительство и самоё Екатерину подозрительными и осторожными: посреди ихъ благотворныхъ дѣйствій, открыли (съ позволенія сказать) заднюю мысль, arrière pensée Мартинистовъ, и разослали ихъ по разнымъ отдаленнымъ мѣстамъ государства, Трубецкихъ, Ивана Владиміровича Лопухина и многихъ другихъ; пощадили только фельдмаршала князя Репнина. Отецъ Тургеневыхъ сосланъ былъ въ Симбирскъ, гдѣ и оставался до царствованія Павла, который освобождалъ десятки жертвъ мнимой несправедливости своей матери, чтобы послѣ ссылать тысячи жертвъ своихъ прихотей.

Такъ о Мартинистахъ гласятъ преданія, и если въ мой разсказъ вкралась какая-нибудь невѣрность, то это ихъ вина, а можетъ-быть и моя, ибо я слушалъ ихъ безъ большаго вниманія. Итакъ возможно ли, чтобы сыновья мученика, воспитанные имъ въ заточеніи, не приняли его вѣры? Чтобы они не возненавидѣли власть тирановъ, отъ которой онъ пострадалъ? Сдѣлавшись при Павлѣ директоромъ Московскаго университета, г. Тургеневъ имѣлъ всѣ средства дать самое лучшее образованіе сыновьямъ своимъ, и они тѣмъ воспользовались. Заблужденія ума не всегда мѣшаютъ добротѣ сердца и добрымъ нравамъ, и семейство Тургеневыхъ было вообще любимо и уважаемо.

Вмѣсто того чтобы, подобно намъ, молодымъ неучамъ, искать въ канцеляріяхъ занятій и чиновъ, Александръ Тургеневъ, о которомъ идетъ рѣчь, получилъ отпускъ и отправился доучиваться въ Геттингенскій университетъ. По окончаніи курса, путешествовалъ онъ по всей Нѣмеціи, стоялъ лицомъ къ лицу съ Виландомъ, съ Шиллеромъ и даже съ Гёте и, напитанный ученымъ и разсчетливымъ духомъ Германіи, за неизбѣжными успѣхами явился наконецъ въ Петербургъ.

Онъ все имѣлъ, что̀ можетъ ихъ дать; отъ него такъ и несло ученостію, до того онъ былъ весь ею вымазанъ, а этотъ духъ въ то время притягивалъ мѣста и отличія; умѣренное вольнодумство также было тогда въ модѣ. Его легкомысліе, обдуманныя его разсѣянность и нескромность приняты за откровенность благородной души; филантропическія изреченія, съ малолѣтства имъ вытверженныя, названы выраженіями высокой добродѣтели; самые тѣлесные его недостатки пошли за цѣломудріе, и каплунный жиръ его за дѣвственную свѣжесть. Ну, просто совершенство человѣческое, да и только! Объ его смѣлости, настойчивости у начальства вырывать потомъ награды, скажу я только, что она была въ самой крайней противоположности съ его прежнею дѣтскою стыдливостію.

Какимъ почиталъ его свѣтъ, такимъ онъ и мнѣ казался. Только иногда начиналъ онъ педантствовать и тогда становился мнѣ тяжелъ; вдругъ потомъ приходила ему охота дурачиться, бѣситься, и онъ дѣлался смѣшонъ. Обыкновенно же притворство его со всѣми было такъ велико и всегда такъ весело, что мнѣ никогда не приходило въ голову его подозрѣвать.

Онъ скоро увидѣлъ, что прослыть необыкновеннымъ человѣкомъ въ одномъ городѣ еще недостаточно для быстрыхъ успѣховъ по службѣ, и что труднѣе ослѣпить ученый міръ чѣмъ большой свѣтъ. Попасть въ него было ему не трудно; но ему хотѣлось въ немъ блеснуть, чтобъ ускорить ходъ своей фортуны. Онъ немного зналъ полатыни, и, еслибы нужда потребовала, могъ бы сказать наизустъ первые стихи изъ нѣкоторыхъ пѣсней Энеиды, изъ одъ и посланій Горація, изъ элегій Тибулла; могъ назвать всѣ Нѣмецкія книги и ихъ сочинителей. Но на Нѣмецкихъ авторахъ въ салонахъ не далеко можно было уѣхать: тамъ подавай Французскую литературу, которою онъ дотолѣ совсѣмъ почти не занимался. Теперь я вижу ясно, что тѣсная дружба его съ Блудовымъ сначала имѣла цѣль и только послѣ на нѣкоторое время превратилась въ привычку. Никто изъ тогдашнихъ молодыхъ людей, не исключая даже Уварова, такъ основательно не зналъ этой литературы какъ Блудовъ, такъ хорошо не умѣлъ судить о ней; а какъ Тургеневъ рѣдко заглядывалъ въ книги, и знанія свои почерпалъ болѣе изъ разговоровъ свѣдущихъ людей, то и отъ связи сей ожидалъ себѣ пользу. Блудовъ же, легковѣрный какъ всѣ люди, коимъ съ высотъ ума трудно сойдти до мелкимъ разсчетовъ посредственности, предавался всѣмъ сладостямъ этой мнимой дружбы. Черезъ него, что-то на то похожее составилось и у меня съ Тургеневымъ.

Онъ не ошибся въ своихъ разсчетахъ. Будучи отъ природы довольно остроуменъ (не обмолвился ли я, не сказалъ ли уменъ?), свѣт-

ская болтовня скоро сдѣлалась для него природнымъ языкомъ, который иногда удачно приправлялъ онъ техническими терминами изъ законовѣдѣнія, богословія и другихъ наукъ. Тѣмъ немного пугалъ онъ непривычный къ тому слухъ знатныхъ людей и дамъ, за то поселялъ въ нихъ высокую о себѣ мысль. Сначала опредѣлился онъ въ канцелярію любимца государева, Новосильцова, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ Коммиссію составленія законовъ. Послѣ того всегда умѣлъ онъ занимать три или четыре мѣста въ одно время, кюмюлировать ихъ, какъ говорятъ Французы, по всѣмъ получая жалованье и трудными занятіями одного извиняясь въ неисполненіи обязанностей другаго. Дѣятельный и лѣнивый вмѣстѣ, первая забава его была хлопотать, суетиться, находиться въ движеніи, главное искусство—какъ можно менѣе принимаясь за настоящее дѣло, казаться вѣчно озабоченнымъ. Весь вѣкъ, можно сказать, прожилъ онъ заимообразно, чужимъ умомъ, чужими знаніями, чужими трудами, чужою славой. Въ друзьяхъ, въ знакомыхъ, а кольми паче въ подчиненныхъ видѣлъ онъ всегда кошекъ, которыя изъ огня должны таскать ему каштаны, чтобъ ему не обжечь обезьянной своей лапки. Болѣе восемнадцати лѣтъ сія фальшивая монета находилась въ обращеніи и принималась въ той цѣнѣ, которую ей самой хотѣлось себѣ дать. Для живописца характеровъ такой странный, удивительный человѣкъ сущая находка; не знаю искусно ли, но по крайней мѣрѣ очень вѣрно его изобразилъ я здѣсь.

Въ гостиной тѣхъ же Лабатовыхъ и въ тоже время показался другой юноша, еще юнѣе Тургенева и меня, и также на Липецкихъ водахъ съ ними познакомившійся. Тогда я рѣдко видѣлся съ Жихаревымъ; лѣтъ восемь спустя, начались дружественныя мои связи съ нимъ, и онъ имѣлъ случай сдѣлать мнѣ великое одолженіе. Какъ я всегда любилъ слѣдовать хронологическому порядку, то постараюсь описать его тогда только, когда допишусь до эпохи моей съ нимъ короткости.

Все лѣто 1806 года прошло для правительства въ приготовленіяхъ къ новой войнѣ съ Наполеономъ. Великая тягость, которую съ такимъ трудомъ выноситъ Россія, многочисленная, можно сказать, безчисленная ея армія, въ этомъ году начала увеличиваться; дотолѣ не было и третьей доли ея противъ нынѣшней. Никто не смѣлъ роптать: всѣ видѣли, что честь политическая, независимость и безопасность государства того требовали. На первый случай сформированы одна пѣхотная дивизія и три конные полка, одинъ гусарскій и два драгунскіе. Шефомъ одного изъ сихъ двухъ полковъ, названнаго Митавскимъ, назначенъ зять мой Алексѣевъ, Московскій полицеймейстеръ: для полковника отличіе большое, когда званіе шефа почти исключительно принадлежало генеральскому чину. Онъ имѣлъ неосторожность

князю Багратіону и любимцу Александра, генералъ-адъютанту князю Долгорукову, показывать ученіе своихъ полицейскихъ драгунъ, которые дѣйствительно находились въ такомъ устройствѣ, что хоть бы тотъ же часъ въ сраженіе. Эти господа расхвалили царю Алексѣевскихъ драгунъ, и къ его двумъ эскадронамъ велѣно прикомандировать третій изъ какого-то коннаго полка, стоящаго на квартирахъ въ Псковской губерніи; для составленія же цѣлаго полка велѣно ему набирать охотниковъ изъ Московской вольницы, изъ буйныхъ молодцовъ, шатающихся по трактирамъ. Пробывъ шесть лѣтъ полицеймейстеромъ, онъ очень хорошо зналъ простой народъ и былъ имъ любимъ, и потому ему было удобнѣе чѣмъ кому-либо исполнить сіе удачно. Въ концѣ Іюня назначенъ онъ шефомъ, а въ началѣ Сентября съ готовымъ почти полкомъ выступилъ онъ изъ Москвы въ городъ Порховъ, гдѣ ожидалъ его поступившій подъ его начальство старый эскадронъ.

Спокойная, тихая жизнь кончилась тогда для бѣдной сестры моей. Для богатыхъ людей странствованіе болѣе забава, чѣмъ тягость; для женъ не больно страстно любящихъ мужей своихъ, разлука съ ними есть несчастіе, которое они довольно великодушно переносятъ; но съ малымъ состояніемъ моей сестры и съ великою привязанностію ея къ мужу, она не могла имѣть другаго жительства, какъ въ городишкѣ или селеніи, гдѣ находилась полковая его квартира. А въ бурныя времена Наполеоновы, гдѣ можно было долго оставаться на мѣстѣ? Гдѣ можно было чѣмъ-нибудь завестись? Малыхъ дѣтей, коимъ она хотѣла дать приличное воспитаніе и коихъ надѣялась сама быть наставницей, должно было или таскать съ собой по походамъ, или бросить на руки наемниковъ.

Въ началѣ этого года благодѣтель ея мужа, графъ Салтыковъ скончался, и связи его съ семействомъ покойнаго фельдмаршала съ тѣхъ поръ почти были разорваны. Въ этомъ же году, другой начальникъ, также отечески къ нему расположенный, Беклешовъ, оставилъ службу. Никто его къ тому не неволилъ, старая столица любила его, Государь его уважалъ; но чудно устроенная голова этого старика сама умѣла судить о своихъ силахъ и замѣтила ихъ ослабленіе. Никогда пары тщеславія не могли затмить его яснаго разсудка и, слѣдуя правилу имъ часто повторяемому, «что надобно служить да не переслуживаться», онъ настойчиво выпросилъ себѣ увольненіе. На его мѣсто опредѣленъ былъ Тимоѳей Ивановичъ Тутолминъ, родственникъ его, имѣвшій почти столько же ума, но не одного съ нимъ покроя. При Екатеринѣ, послѣднее время, былъ онъ намѣстникомъ четырехъ западныхъ губерній, только что отъ Польши присоединенныхъ.

Онъ не смѣлъ и подумать противиться намѣренію этой великой женщины ввѣренный ему край сдѣлать совершенно Русскимъ и даже споспѣшествовалъ его исполненію, сколько того выгоды его дозволяли. Но онъ любилъ жить по-царски, и самыя щедроты Императрицы были недостаточны для поддержанія его пышности, а Поляки на колѣняхъ подносили ему золото и тѣмъ нѣсколько препятствовали быстротѣ перемѣнъ, у нихъ происходящихъ. Десять лѣтъ пробылъ онъ потомъ въ отставкѣ, отвыкъ отъ дѣлъ управленія, а не отъ привычекъ, полученныхъ имъ на Югозападѣ Россіи. Отъ такого начальника спасъ Алексѣева Митавскій драгунскій полкъ.

Пріятная вѣсть сначала шопотомъ, потомъ громко, разнеслась по Петербургу: Императрица сдѣлалась беременна. Добрые нравы на тронѣ всегда плѣняли Русскій народъ; богамъ своимъ не дозволяетъ онъ имѣть слабости простыхъ смертныхъ, и Греческому баснословію никогда бы онъ не поклонился. Уважаемая, но оставленная супругомъ, горестная мать, лишившаяся единственнаго утѣшенія своего, единственной малолѣтней дочери, Елисавета Алексѣевна была предметомъ его состраданія и благоговѣнія. Ее обожали, Константина Павловича ненавидѣли; а Государь, полюбивъ войну, показывалъ желаніе всегда лично находиться въ сраженіяхъ. Всѣхъ возрадовала надежда увидѣть наслѣдника престола, подобнаго родителямъ; всѣ благословляли возобновленный союзъ царской четы, всѣ забыли Аустерлицкій стыдъ.

Посреди столь пріятныхъ ожиданій наступила осень.

Послѣ Берлинскаго посѣщенія, болѣе чѣмъ политическій союзъ, тѣснѣйшая дружба связывала императора Александра съ королемъ Прусскимъ. По обыкновенію своему, Наполеонъ уступилъ послѣднему не принадлежащій ему, чужой Гановеръ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, основавъ Германскій Союзъ подъ именемъ Рейнскаго и объявивъ себя его главою, совершенно отдѣлилъ, выгородилъ Пруссію отъ Германіи. Послѣ того съ одной стороны подавала ей Франція всевозможные поводы къ неудовольствіямъ, а съ другой Россія всячески возбуждала ее къ войнѣ. Имѣя двѣсти пятьдесятъ тысячъ человѣкъ прекраснѣйшей арміи и позади себя сильно вооружающуюся Россію, она не замедлила объявить ее. Съ восторгомъ получили сіе извѣстіе въ Петербургѣ.

Матеріальныя силы Пруссіи были огромныя; великій порядокъ въ финансахъ, войско свѣжее, славно выученное; нравственныхъ же силъ, кромѣ памяти о побѣдахъ Великаго Фридериха и энтузіазма къ смѣлой, доброй, прекрасной королевѣ, въ семъ составномъ государствѣ никакихъ не было. Основатель его великаго значенія въ Европѣ былъ и первымъ его развратителемъ: сражаясь съ Французами, побѣждая ихъ и ругаясь надъ ними, онъ у нихъ же перенималъ все то, чтó ихъ

древнюю монархію вело къ разрушенію. Во всю мирную половину своего царствованія старался онъ офранцузить подданныхъ своихъ полуварваровъ и трудился надъ истребленіемъ между ними религіи, слѣдственно и нравственности. Распутный и малодушный его преемникъ, съ фанфаронскимъ манифестомъ пославъ стараго полководца, герцога Брауншвейгскаго, самъ гордо ополчился было противъ революціи, но отъ Вердена скорѣе давай Богъ ноги. Тотчасъ потомъ призналъ онъ республику, сталъ жить въ добромъ согласіи съ террористами и растригу Сіеса имѣлъ при себѣ отъ нихъ посланникомъ. При обоихъ Вильгельмахъ, старомъ и молодомъ, Пруссія, забившись въ сѣверный уголъ, всегда смѣялась тщетнымъ и благороднымъ усиліямъ соперницы, нѣкогда госпожи своей, Австріи и никогда не хотѣла подать ей руку помощи. Невѣріе и несчастіе между тѣмъ свободно распространялись по землѣ, устроенной и возвеличенной безбожнымъ царемъ; червь безнравственности все точилъ молодое, быстро растущее дерево; чтó удивительнаго, если одинъ громовой ударъ сломилъ его? У насъ забыли про постыдный походъ Вильгельма II и ожидали Росбаха. Въ началѣ Октября, вмѣсто Росбаха, была Іена.

Нѣтъ, столь счастливаго, столь блестящаго похода никогда еще Наполеонъ не дѣлалъ: лишь коснется крѣпости, она падаетъ передъ нимъ безъ защиты; лишь настигнетъ бѣгущій корпусъ, хватаетъ его руками. Отъ стыда Пруссіи покраснѣли наши щеки; каждое ея пораженіе какъ кинжаломъ ударяло насъ въ сердце: они не знаютъ того, неблагодарные, нынѣшніе наши ненавистники, какъ всѣ Русскіе въ душѣ своей тогда побратались съ ними. Уже не за Аустерлицъ, а за чуждую нашей чести Іену, кричали всѣ отмщеніе.

Въ ночи съ 3-го на 4-е Ноября, разбудилъ меня пушечный громъ; я сосчиталъ болѣе ста выстрѣловъ и въ радости своей скоро не могъ потомъ опять заснуть. Поутру узнали всѣ, что наслѣдникъ, какъ говорили придворные, изъ учтивости пустилъ впередъ сестру свою, что опять не Росбахъ, а Іену, не сына Богъ далъ намъ, а дочь, и что, зная сильное желаніе жителей столицы, не хотѣли вдругъ опечалить ихъ малымъ числомъ выстрѣловъ. Бѣдное дитя, названное по матери Елисаветою, было принято народомъ съ досадою, какъ неудача; тѣмъ болѣе привязалась къ ней мать, которая однакоже, какъ и первою дочерью Маріею, была ею счастлива только полтора года.

Между тѣмъ дѣло шло не на шутку. Въ первый разъ еще Французы начали близиться къ нашимъ границамъ; они были уже въ Мазовіи, то-есть въ бывшей Польшѣ, и ненавистью къ намъ ея жителей противъ насъ усиливались. Всѣ полагали, что Пруссія по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ постоитъ за себя, а мы въ это время успѣ-

емъ собрать всѣ силы, чтобы съ нею довершить пораженіе злодѣевъ или, въ случаѣ дурнаго успѣха, придти къ ней на помощь. Но Наполеонъ такъ скоро съ нею раздѣлался, что можно сказать засталъ насъ въ расплохъ, до того, что главнаго не успѣли мы сдѣлать—выбора надежнаго предводителя арміи. О старикѣ Кутузовѣ слышать не хотѣли: онъ провинился тѣмъ, что молодые генералъ-адъютанты на зло ему проиграли Аустерлицкое сраженіе. Итакъ въ оставленномъ Екатериною богатомъ славою магазинѣ надобно было отыскать другое орудіе для защиты отечества: послали на-скоро въ Орловскую деревню за старымъ фельдмаршаломъ графомъ Каменскимъ.

Въ первый и въ послѣдній разъ является онъ въ моихъ Запискахъ. Къ женѣ его, графинѣ Аннѣ Павловнѣ, когда-то коротко знакомой моей матери, раза два въ Москвѣ возила меня сестра, когда я учился еще въ пансіонѣ. Тутъ видѣлъ я графа Михаила Ѳедотовича, и въ старости остроумнаго живчика, невысокаго роста. Послѣ того какой-то карточный долгъ, денежный разчетъ у брата моего Николая съ однимъ изъ его сыновей, прогнѣвилъ его на моихъ родителей, и всякое знакомство съ его семействомъ у насъ за тѣмъ прекратилось. Изъ Русскихъ былъ онъ почти одинъ, который въ первой молодости находился въ иностранной службѣ, для пріобрѣтенія опытности въ военномъ искусствѣ. Онъ прославился при Екатеринѣ въ обѣихъ войнахъ съ Турками, но она никогда его не любила за крутой и вмѣстѣ вспыльчивый его нравъ и за его жестокость. Она употребляла его и по гражданской службѣ. Разсказываютъ, что когда онъ былъ генералъ-губернаторомъ въ Рязани, однажды впустили къ нему съ просьбою какую то барыню, въ ту минуту, какъ онъ хлопоталъ около любимой суки и щенковъ ея клалъ въ полу своего сюртука, и будто взбѣшенный за нарушеніе такого занятія, въ бѣдную просительницу сталъ онъ кидать щенятъ. Увѣряли, что совершеннолѣтнихъ сыновей, въ штабъ-офицерскомъ чинѣ, приказывалъ онъ иногда тѣлесно при себѣ наказывать. За это, разумѣется, не хвалили его; но всѣ признавали въ немъ ученаго тактика, неустрашимаго въ бояхъ. Тогда, подражая Суворову, многіе изъ генераловъ гнались за оригинальностію; въ томъ числѣ и графъ Каменской, и этою юродивостію онъ еще болѣе рождалъ къ себѣ вѣру.

Какъ спасителя приняли его въ Петербургѣ. Передъ отъѣздомъ его въ армію, пожелала его видѣть лежащая въ родахъ Императрица. Подходя къ постели, онъ согнулъ передъ ней колѣно и поцѣловалъ руку, которую она ему протянула. Обыкновенно скромная и воздержная въ рѣчахъ, она тутъ съ жаромъ и чувствомъ говорила ему о защитѣ и спасеніи любезной ей Россіи, и ему казалось, какъ онъ

сказывалъ, что онъ слышитъ небесный голосъ. Дѣда Елисаветы Алексѣевны Наполеонъ изъ маркграфовъ Баденскихъ пожаловалъ курфирстомъ и переименовалъ потомъ великимъ герцогомъ; но она мало о томъ заботилась. Она не нашла счастія въ Россіи и не могла его дать ей; за то она обрѣла въ ней любовь, и ни одна изъ иностранныхъ принцессъ на Русскомъ тронѣ такъ щедро ей тѣмъ же не платила.

Около половины Ноября чуть ли не первый разъ въ жизни сестра моя Алексѣева пріѣхала въ Петербургъ. Во всю осень съ малыми дѣтьми слѣдовала она за мужемъ и его полкомъ. Не доходя ста верстъ до Порхова, гдѣ она надѣялась отдохнуть, зять мой получилъ повелѣніе, не останавливаясь, идти далѣе въ Литву, на дорогѣ продолжать формированіе полка и, прибывъ въ назначенное мѣсто, поступить въ одинъ изъ корпусовъ дѣйствующей арміи. Куда ей было дѣваться? Желая какъ можно ближе находиться отъ мужа и чаще имѣть объ немъ извѣстія, она рѣшилась ѣхать въ Петербургъ. Можно себѣ представить, въ какомъ расположеніи духа пріѣхала она въ него послѣ первой разлуки съ мужемъ, которая могла сдѣлаться вѣчною: ибо хотя дѣйствія еще не начались, она знала, что онъ шелъ на войну.

Я отыскалъ ей квартиру въ верхнемъ этажѣ одного изъ вновь построенныхъ высокихъ домовъ въ концѣ Невскаго проспекта, пройдя Литейную и не доходя Знаменія, и тамъ помѣстился съ нею вмѣстѣ. Знакомствъ имѣла она мало и ихъ не искала. Болѣе мѣсяца стояла погода Петербургская, осенне-зимняя, когда о солнцѣ и слуха не бываетъ, когда морозъ споритъ съ морскими, сырыми, пронзительными вѣтрами, и мостовая покрывается навозомъ, попеременно тающимъ и замерзающимъ. Въ это время года смертность обыкновенно умножается, и для препровожденія времени могли мы нерѣдко любоваться похоронными процессіями, которыя мимо насъ тянулись въ Невскую Лавру. Все было грустно, все было мрачно.

Простое горе одно никогда не приходитъ: оно всегда влечетъ за собою великія печали. Скоро пришло къ намъ извѣстіе о первомъ семейномъ несчастіи, случившемся на моей памяти. Когда женщины или дѣвицы гибнутъ въ самой первой молодости, обыкновенно уподобляютъ ихъ цвѣткамъ, скошеннымъ неумолимою смертію, и какъ сравненіе сіе сдѣлалось ни пошло, я лучшаго здѣсь не нахожу. Въ нашемъ семействѣ зацвѣла недавно не роскошная роза, не пышная лилея, а скромная фіалка, которая благоуханіе разливала только въ тѣсномъ кругу своихъ родныхъ. Невѣстка моя Варвара Ивановна наполняла тихою радостію весь домъ моихъ родителей, въ немъ всѣ отъ души ее любили; но никто такъ утѣшенъ, такъ очарованъ ею не былъ, какъ престарѣлый нашъ отецъ: цвѣтокъ этотъ точно былъ приколотъ къ

его сердцу. Она съ мужемъ выпросилась у него въ Воронежъ, чтобы время беременности и родовъ провести у родителей своихъ Тулиновыхъ. Тамъ дала она жизнь дочери Елисаветѣ, а сама лишилась ея на двадцатомъ году отъ роду.

Мы съ сестрой мало ее знали, но уже много любили. Еслибъ и этого не было, то глубокая скорбь, въ которую ввергнута была старость отца нашего, отчаяніе несчастнаго нашего брата должны уже была чувствительно насъ тронуть. Горесть вдовца описать не возможно; она равнялась счастію, коимъ онъ наслаждался. Всѣ ищутъ его, кто въ богатствѣ, кто во власти, кто въ житейскихъ удовольствіяхъ, а найти его можно только въ одномъ: въ законной, постоянной, непорочной, взаимной любви. Кто можетъ такимъ образомъ обрѣсти его, тотъ, не покидая земли, стоитъ уже въ преддверіи рая. Двое сиротъ не могли даже утѣшить бѣднаго моего брата; оставаясь вѣренъ памяти жены, онъ до конца жизни своей все нылъ, все чахъ, все тосковалъ объ ней.

Въ этомъ печальномъ Ноябрѣ, не смотря на многочисленную армію, которая прикрывала наши границы, увидѣли необходимость подумать, въ случаѣ непріятельскаго вторженія, и о защитѣ внутреннихъ областей нашихъ. И для того 30 числа изданъ указъ, коимъ сзываются къ оружію отставные воинскіе чины и разныхъ сословій люди, и изъ нихъ, въ видѣ резервной арміи, учреждается милиція или земское войско, раздѣленное на семь округовъ. Зная, какое сильное дѣйствіе производило имя Екатерины, какъ имъ одушевлялись еще всѣ Русскіе, въ окружные начальники набраны все люди, при ней извѣстные, ею уважаемые или употребляемые, и имъ подчинены генералы, военные губернскіе начальники. Въ Петербургъ назначенъ окружнымъ начальникомъ графъ Татищевъ, командовавшій нѣкогда гвардіей, въ Москву военный губернаторъ Тутомлинъ, въ Курскъ графъ Орловъ-Чесменскій, въ Ригу Беклешовъ, которому не дали успокоиться и который при столь важныхъ обстоятельствахъ не отказался сослужить послѣднюю службу; въ Казань князь Юрій Владимировичъ Долгорукій, въ Смоленскъ князь Сергѣй Ѳедоровичъ Голицынъ, въ Кіевъ князь Александръ Александровичъ Прозоровскій. Нѣкоторыя изъ отдаленныхъ губерній, въ томъ числѣ и Пензенская, не должны были участвовать въ семъ общемъ вооруженіи, за то обязаны были ставить болѣе рекрутъ. Чтобы завлечь молодыхъ людей гражданскаго вѣдомства въ милицію, данъ ей былъ красивый, щеголеватый мундиръ, и этотъ способъ былъ отмѣнно удаченъ, особливо въ Москвѣ, гдѣ всѣ были увѣрены, что непріятелю никогда до нея не добраться. Въ одно утро, къ удивленію моему, прислалъ за мною Сперанскій, котораго я уже давно не видалъ (каждый годъ доступъ дѣлался къ нему затруднительнѣе) но

меня тотчасъ пустили. Онъ съ злою улыбкой предложилъ мнѣ вступить въ милицію, изъ чего заключилъ я, что онъ смѣется надъ нею и надо мной; мнѣ было досадно, и я отвѣчалъ ему, «что еслибъ чувствовалъ собственное побужденіе къ тому, то сталъ бы его о томъ просить, не дожидаясь его предложенія». Можетъ быть, это было причиною что я не надѣлъ тогда полувоеннаго мундира.

Между тѣмъ Наполеонъ все подвигался. Данцигъ и крѣпость Грауденцъ не сдались ему, но не могли остановить его на Вислѣ: жалкіе остатки Прусской арміи примкнули къ Русскому корпусу Бенигсона. Всѣ съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ ожидали извѣстій изъ арміи.

Наканунѣ Рождества ихъ получили. Они были тревожны и утѣшительны вмѣстѣ. Графъ Каменскій, послѣдній мечъ Екатерины, видно, слишкомъ долго лежалъ въ ножнахъ и отъ того позаржавѣлъ. Гемороидальные ли припадки, старость ли, или (слѣдствіе обоихъ) страхъ подѣйствовали на него, только онъ вдругъ лишился разсудка. Едва успѣлъ принять онъ начальство надъ арміей, какъ внезапно отказался отъ него, наканунѣ перваго сраженія съ Наполеономъ, и написалъ неблагопристойное, сумасбродное письмо къ Государю *). Старшій по немъ, Бенигсонъ, самъ собою принужденъ былъ вступить въ званіе главнокомандующаго, и 14 Декабря (памятное число) при Пултускѣ одержалъ побѣду надъ Французами. Такъ по крайней мѣрѣ доносилъ онъ о томъ и такъ всѣ въ Петербургѣ тогда о томъ подумали. Нѣтъ нужды говорить, что послѣ того онъ утвержденъ главнокомандующимъ арміей.

Этотъ человѣкъ былъ въ числѣ заговорщиковъ 12 Марта, не любимъ былъ дворомъ и не смѣлъ показываться въ Петербургѣ, какъ вдругъ сама судьба вручила ему спасеніе государства. Но въ надежныхъ ли оно было рукахъ? Извѣстны были его искусство и храбрость, равно какъ и кротость, за которую любили его офицеры и солдаты; но она же могла произвести ослабленіе въ дисциплинѣ, что̀ пагубно для арміи въ военное время.

Загадочная Пултуская побѣда, повидимому, оставалась безъ результата; дѣйствія однакоже продолжались, но они скорѣе похожи были на маневры, чѣмъ на битвы. Тѣснимый Наполеономъ, Бенигсонъ пятился бокомъ вправо и вступилъ наконецъ въ настоящую Пруссію. Сія приморская земля, подобно нашимъ Курляндіи и Лифляндіи, отхвачена Нѣмцами у Славянъ и обитаема племенами, обоимъ народамъ

*) Три года потомъ прожилъ онъ безвыѣздно въ Орловской деревнѣ. Нравъ его тамъ не смягчился, онъ мучилъ крестьянъ, и одинъ изъ нихъ убилъ его топоромъ.

чуждыми. Сдѣлавшись добычею Тевтоническихъ рыцарей, жители какъ Пруссіи, такъ и Ливоніи приняли отъ нихъ кровавое крещеніе, и города ихъ названы Нѣмецкими именами. Какъ въ той, такъ и въ другой магистры ордена сдѣлались независимыми владѣтельными герцогами. Но княжество Лифляндское вошло въ безчисленные титулы царя Русскаго; Пруссія же ближе къ родимому краю дала свое имя всему изъ лоскутьевъ сшитому государству. Хорошо, что мы плохо тогда знали исторію и географію и, читая въ реляціяхъ названія Морунгена, Ландсберга и другія, думали, что Бенигсонъ Бонапарта погналъ назадъ въ Германію. Это насъ очень успокоивало.

Новыя поколѣнія находятъ непонятною, можетъ быть, смѣшною живость участія, принимаемаго тогда нами, мирными гражданами, въ происшествіяхъ войны. Нынѣ едва изъ любопытства хотимъ мы узнать, сколь блестящи успѣхи нашего оружія или сколь великъ уронъ, нами претерпѣнный въ отдаленной части Имперіи нашей или вдали отъ ея границъ. Тогда дѣло было другое: всѣ наши войны до Наполеона и послѣ него, даже при немъ, но не съ нимъ, возбуждали въ насъ мало опасеній; этому же искусному счастливцу удалось войну изъ коммерческой игры превратить въ азартную, и въ каждомъ съ нимъ сраженіи государство ставилось на карту.

Сестра моя довольно исправно получала извѣстія отъ мужа своего; онъ былъ, какъ говорится, лишь взятъ, то и повѣшенъ, aussitôt pris, aussitôt pendu: съ полкомъ своимъ, еще некомплектнымъ, полувыученнымъ, полуустроеннымъ успѣлъ онъ уже раза два побывать въ боевомъ огнѣ. При всеобщемъ тревожномъ состояніи и особенно среди печальнаго положенія сестры моей, нашли мы съ нею нѣкоторую отраду въ одномъ весьма пріятномъ сосѣдствѣ. Подъ нами жила одна дама, знакомствомъ съ которой семейство мое во время моего малолѣтства также обязано было Кіеву; это была Александра Петровна Хвостова, надъ изображеніемъ которой пріятно мнѣ будетъ потрудиться.

Никакого женскаго воображенія сильныя страсти такъ еще не воспаляли, никакого женскаго сердца такъ не волновали онѣ. Она по себѣ была Хераскова и родная племянница поэта, несмотря на свою посредственность у насъ столь знаменитаго. Родъ Херасковыхъ не такъ еще давно, едва ли при Петрѣ Великомъ, поселился въ Россіи, и я между Валахами зналъ Херескуловъ, которые имъ были дальніе родственники. Вотъ почему пламень Юга, пройдя черезъ одно или два поколѣнія, кипятилъ еще кровь Хвостовой и блисталъ въ ея взорахъ. Въ первой молодости выдали ее за Димитрія Семеновича Хвостова (не брата, а въ дальномъ родствѣ съ Александромъ и Василіемъ Семено-

вичами, о коихъ я говорилъ), за человѣка глупаго, грубаго и порочнаго. По матери своей былъ онъ въ близкой связи со всѣми графами Чернышевыми и ихъ потомствомъ; а Александра Петровна была племянница Трубецкихъ, и поэтому она родилась, выросла и провела первые годы замужества въ аристократическомъ мірѣ.

Она приняла всѣ его формы; ей мало того: она умѣла отличиться и отъ знатной толпы и стать выше ея. По-французски писала развѣ только хуже Севинье, голосъ имѣла очаровательный и въ свое время была первою въ столицѣ музыканткой и пѣвицей. Собою была не хороша (смолода круглый носъ ея начиналъ уже синѣть), но дурною быть, какъ кто-то сказалъ про Делиля, никогда не имѣла времени: до того всѣ черты лица ея отъ живости чувствъ были всегда подвижны и выразительны. И придворные, и дипломаты, и писатели, и Русскіе, и иностранцы, всѣ были у ногъ ея; она была молода въ царствованіе Екатерины, когда съ прекрасными манерами дурное поведеніе извинялось въ женщинахъ, и имѣла мужа, котораго не дѣлать рогоносцемъ, право, было бы грѣшно. Однакоже, такъ какъ ей надобно было въ жизни все перелюбить, то годъ, другой послѣ замужества страстно была она привязана къ его молодости и своему долгу. Онъ же первый началъ показывать ей презрѣніе, явно и подло сталъ измѣнять ей, искалъ въ низшихъ классахъ наемной любви и обрадовался, когда замѣтилъ, что она отдалилась отъ него сердцемъ. Приговоры свѣта бываютъ обыкновенно столь же несправедливы, столь же слѣпо жестоки, какъ и законы всѣхъ уголовныхъ кодексовъ въ мірѣ; онъ требовалъ, чтобы женщина, исполненная огня, ума и талантовъ, на вѣки прикованная къ отвратительному истукану, умѣла казаться счастливою и быть вѣрною супругой. Что̀ въ немъ ужаснѣе, онъ почти всегда щадитъ тѣхъ, кои находятся подъ защитою молодости своей, ея прелестей и выгодъ фортуны; но состарься, обѣднѣй слабая женщина, тогда только беззащитную примется онъ терзать.

Мужъ Хвостовой прожилъ сначала ея приданое, потомъ проматывалъ второе или третье наслѣдство. Онъ самъ имѣлъ часто недостатокъ въ деньгахъ, жилъ однакоже съ женою подъ одною кровлей, никогда ея не видѣлъ и готовъ былъ отказать ей въ малѣйшей помощи. Спасли ее отъ совершенной нищеты ея великодушіе и геройство: на улицѣ пала она къ стопамъ грознаго Павла и вымолила помилованіе преступному старцу, отцу невѣрнаго своего мужа. Тронутый симъ поступкомъ, свекоръ умирая завѣщалъ ей порядочное содержаніе и обязалъ сына выплачивать ей оное. Сіе дѣлалъ онъ не слишкомъ исправно, и въ образѣ жизни ея часто проглядывала бѣдность. Ей было тогда за сорокъ лѣтъ; гордая нечувствительность по-

казывала видъ добродѣтельнаго негодованія, посредственность всегда ей завидовала и стала клеветать на нее, и весь свѣтъ противъ нея вооружился.

Покинутая имъ, она не унывала: въ уединеніи ей оставалось еще довольно занятій и утѣшеній. Ея гостиная и кабинетъ, не богато, но щегольски и со вкусомъ убранные, наполнены были художественными предметами, прекрасными рисунками лучшихъ артистовъ, поднесенными ими какъ дань удивленія къ ней, разными рѣдкостями и древностями, путешественниками по Востоку и Европѣ ей на память оставленными. Почти каждый вечеръ въ сихъ комнатахъ собиралось прелюбезное общество, составленное по большей части изъ отборныхъ иностранцевъ, изъ малаго числа молодыхъ женщинъ, строгихъ къ себѣ и снисходительныхъ къ другимъ, изъ немногихъ Русскихъ, довольно образованныхъ, чтобы знать цѣну пріятностей такого дома. Между частыми посѣтителями его всѣхъ примѣчательнѣе были два брата, графы Местры, болѣе Французы чѣмъ Италіянцы. Старшій, Іосифъ, находился у насъ посланникомъ жившаго въ заточеніи Сардинскаго короля, былъ чрезвычайно умный человѣкъ, краснорѣчивый легитимистъ и бѣшенный католикъ, и написалъ, въ послѣдствіи, двѣ книги, исполненныя изувѣрства, *Le Pape* и *Soirées de Pétersbourg*; довольно явно показывалъ онъ нелюбовь къ Россіи, и единственно только за ея схизму. Другой, Ксаверій, въ Русской службѣ полковникъ, былъ менѣе пылокъ, и хотя столь же серіозенъ и разсѣянъ, но болѣе пріятенъ въ обществѣ; онъ авторъ разныхъ мелкихъ твореній въ стихахъ и прозѣ, между коими болѣе всего извѣстны: *Путешествіе вокругъ моей комнаты* и *Прокаженный въ долинѣ Аосты.* Навѣщалъ также Александру Петровну одинъ знатный баринъ, чудакъ князь Бѣлосельскій, и читалъ ей и обществу ея свои уродливо-смѣшныя произведенія на Русскомъ и Французскомъ языкахъ. На этихъ вечерахъ никто не гонялся за умомъ, никто ни у кого его не требовалъ, почти у каждаго было его про себя вдоволь, и непринужденно являлся онъ самъ собою въ разговорахъ; порывы веселости останавливались на самой границѣ благопристойности. Во всемъ этомъ было нѣчто единственное, безъ примѣровъ у насъ и безъ подражанія; только напоминало собою учено-пріятныя собранія, бывшія до революціи у госпожъ Дюдефанъ и Жофренъ. Плохое освѣщеніе и скверный ужинъ довершали сходство съ вечерами этихъ Парижскихъ дамъ.

Болѣе всего нравилась мнѣ въ этой милой Хвостовой ея непритворная и въ свѣтской женщинѣ тогда непонятная любовь къ своему отечеству. Кто изъ дамъ не пренебрегалъ тогда Русскимъ языкомъ? Которая изъ нихъ читала на немъ что-нибудь? Хвостова, по чувствамъ

точно выше своего вѣка, рѣшилась сдѣлать первый опытъ и принялась на немъ писать. Я не назову примѣромъ для нея писанныя слогомъ семинариста оды тетки ея княжны Екатерины Сергѣевны Урусовой. Въ двухъ цвѣткахъ, въ двухъ незабудкахъ, ею произведенныхъ, *Каминъ* и *Ручейкъ*, скорѣе Карамзинъ могъ служить ей образцомъ и одобреніемъ; однакоже и то ложно, что онъ помогалъ ей въ ихъ сочиненіи; новыя, живыя идеи, небрежность, съ коей онѣ изложены и самыя ошибки противъ граматики, составляютъ всю ихъ прелесть.

Такого гибкаго ума, какъ въ ней, я ни въ комъ еще не встрѣчалъ. Она ничѣмъ не гнушалась; съ такимъ же участіемъ, съ такимъ же вниманіемъ входила она въ сужденія съ попомъ, съ деревенскою барыней или съ степеннымъ дворяниномъ, какъ и съ первымъ государственнымъ человѣкомъ; съ одними также готова была она толковать о соленіи огурцовъ и грибовъ, какъ съ послѣднимъ о преніяхъ парламента; разговорный языкъ лучшаго свѣта былъ ей также знакомъ какъ и всѣ наши простонародныя поговорки. Обо всемъ умѣла она судить, правда довольно поверхностно, но всегда умно и пріятно.

И этой женщинѣ не знали у насъ цѣны. За клевету, за гоненія, за обиды она платила иногда веселыми эпиграмами; ей хотѣлось бы все любить и она сердилась какъ ребенокъ, когда ей мѣшали въ семъ привычномъ занятіи, сама же до вражды никогда не умѣла дойдти. Сострадательность была главною чертою ея характера; денегъ у нея не было, и несчастнымъ помогала она не однѣми слезами, а неимовѣрною дѣятельностію; мучила друзей, наряжала ихъ преслѣдовать сильныхъ и богатыхъ, дабы исторгнуть у нихъ помощь страждущимъ. Она была великая искусница утѣшать и успокоивать печальныхъ и съ мастерствомъ своимъ довольно часто являлась къ сестрѣ моей, которая посѣщала ее только по утрамъ. Я же ходилъ къ ней на вечера, за тѣмъ чтобы наслушаться тамъ болѣе чѣмъ наговориться.

Наконецъ въ началѣ Февраля 1807 года узнали мы о рѣшительной побѣдѣ надъ Французами при Прейсишъ-Эйлау, 27 Января. Казалось, что только этого извѣстія и ожидали; оно подало знакъ зимнимъ увеселеніямъ. Чтò ни говори Французы, сраженіе это мы выиграли, и лучшимъ доказательствомъ тому служитъ четырехмѣсячное послѣ него бездѣйствіе Наполеона, который не очень любилъ отдыхать на лаврахъ. Напротивъ того, Нѣмецъ Бенигсонъ, отколотивъ исполина, самъ изумленный чудомъ совершеннымъ не столько имъ какъ Русскими солдатами, увѣренный въ невозможности новаго нападенія со стороны непріятеля, захотѣлъ вкусить сладостное успокоеніе. По заочности судить трудно, особливо человѣку не принадлежащему къ военному ремеслу; однакоже всѣ меня послѣ увѣряли, что Суворовъ и Кутузовъ

такъ бы не поступили: не довольствуясь симъ пораженіемъ, они бы заставили Наполеона не по сю сторону Вислы, а за Одеромъ и можетъ быть за Эльбой расположиться на зимнихъ квартирахъ. Надобно отдать справедливость нашимъ Нѣмецкимъ генераламъ, они великіе мастера останавливать во-время Русское войско; послѣ того Кноррингъ и Дибичъ нашимъ храбрымъ ребятамъ не дали и взглянуть ни на Стекольной, ни на Царьградъ, ни на Аршаву, куда они съ такою жадностію рвались; у самыхъ воротъ злодѣи умѣли удержать ихъ стремленіе.

Не долго послѣ сего радостнаго извѣстія оставались мы въ Петербургѣ. Убитый горестію братъ нашъ Николай находился тогда у родителей, и отецъ мой, приглашая къ себѣ почти столь же печальную дочь, приказывалъ мнѣ проводить ее въ Пензу: онъ надѣялся, что цѣлымъ семействомъ раздѣленное горе скорѣе облегчится. Между тѣмъ и не слишкомъ тяжеловѣсный кошелекъ сестры моей въ столицѣ довольно оскудѣлъ; мои финансы тоже были не въ самомъ лучшемъ состояніи. Итакъ, полонъ надеждъ, произведенныхъ во мнѣ успѣхами нашего оружія, и еще умноженныхъ выступленіемъ въ то время гвардіи, выѣхалъ я съ сестрой въ половинѣ Февраля.

По прибытіи въ Москву, сестру мою взяло раздумье: ее ужасало пространство, все болѣе и болѣе ее отъ мужа отдѣляющее. Она нашла добрую родственницу его, Дарью Ивановну Корсликову, которую, можетъ быть, читатель припомнитъ въ малолѣтствѣ моемъ и которая домъ свой за Сухаревою башней и саму себя отдала въ ея распоряженіе; подмосковная деревенька была близка и также могла прокормить ее. Недѣли двѣ колебалась она, какъ наступила ранняя весенняя погода; опасности пути послужили ей предлогомъ отложить свой выѣздъ. Тогда я долженъ былъ отправиться одинъ и сей послѣдній зимній путь совершилъ не весьма покойнымъ и пріятнымъ образомъ: подъ Муромомъ, на Окѣ, ледъ трещалъ подо мной, и проливной дождь обливалъ меня сверху.

XIV.

Великимъ постомъ пріѣхалъ я въ Пензу, и великопостныя лица встрѣтилъ я въ моемъ семействѣ; при свиданіи со мной на минуту озарились они слабою улыбкой. Въ это самое время отецъ мой чуть было не сдѣлался жертвой самой подлой злобы людей.

Министръ внутреннихъ дѣлъ получилъ отъ него собственноручное письмо, въ коемъ, съ тономъ оскорбленнаго самолюбія, жалуется онъ на претерпѣваемыя имъ несправедливости и проситъ исходатайствовать ему увольненіе отъ службы. Графъ Кочубей отвѣчалъ ему,

что онъ не замедлилъ бы его просьбу представить на высочайшее усмотрѣніе, но что Государь отправился къ арміи; а онъ, между тѣмъ, надѣясь, что отецъ мой перемѣнитъ мысли, будетъ ожидать повторенія его требованія, чтобы препроводить его въ главную квартиру. Дѣло состояло въ томъ, что отецъ мой къ Кочубею совсѣмъ не писалъ и не думалъ еще тогда выходить въ отставку.

Въ канцеляріи его служилъ нѣкто Тезиковъ, хорошій калиграфъ, молодой человѣкъ не безъ способностей, проворный и дѣятельный, но самой дурной нравственности, особенно извѣстенъ онъ былъ искусствомъ подражать всякому почерку. Секретарь, надѣясь на его исправленіе, не выгонялъ его, а подвергалъ частымъ наказаніямъ. Губернскій прокуроръ Бекетовъ переманилъ его къ себѣ, сталъ ласкать его, поить и самъ иногда пить съ нимъ. Подъ пьяную руку, чтобы сказать въ риѳму, видно, затѣяли они съ нимъ эту штуку. Полученный Бекетовымъ отпускъ, поѣздка его въ Петербургъ, пріѣздъ его туда въ одно время съ полученіемъ мнимой просьбы отца моего не оставляли никакого сомнѣнія насчетъ участія его въ семъ подлогѣ. Какова Пенза?

Послѣ письменнаго объясненія губернатора съ министромъ, дѣло завязалось довольно важное. Отецъ мой не могъ скрывать подозрѣній своихъ на Бекетова и кромѣ какъ по дѣламъ, никакого сношенія съ нимъ имѣть не хотѣлъ. Слѣдствіе продолжалось болѣе полутора года; благодаря искусству слѣдователей, наконецъ, уличенный Тезиковъ сознался и былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе. Я не могу однакоже не похвалить твердости, съ которою спасалъ онъ честь своего соблазнителя, котораго почиталъ онъ благодѣтелемъ своимъ.

Въ два пріема познакомилъ я читателя своего со всею тогдашнею Пензою; сомнѣваюсь, чтобы онъ сталъ благодарить меня за то. На этотъ разъ не могу никого ему представить кромѣ одного новаго лица, явившагося во время моихъ частыхъ переѣздовъ. Добрый Тиньковъ, за старостію лѣтъ, самъ пожелалъ выйти въ отставку; на его мѣсто назначенъ вице-губернаторомъ Александръ Михайловичъ Евреиновъ, бывшій нѣкогда полицеймейстеромъ въ Петербургѣ, человѣкъ дрянной, хвастливый и трусливый. Онъ былъ женатъ на одномъ видномъ мужчинѣ, Александрѣ Алексѣевнѣ, родной сестрѣ огромныхъ С**** и потому долженъ былъ питать, хотя весьма недавнюю, но уже какъ будто наслѣдственную вражду ихъ противъ насъ. Однакоже за что-то поссорился онъ съ Бекетовымъ и на зло ему началъ сближаться съ нашимъ домомъ, угождать моимъ родителямъ, и въ это время дѣйствительно сталъ нѣсколько благороднѣе и честнѣе.

Мнѣ было тогда не до Пензы и до ея жителей: я жаждалъ только побѣдъ, а все молчало изъ Петербурга и изъ арміи. Вотъ уже настала и весна, а Государь все жилъ покойно съ королемъ Прусскимъ въ какомъ-то Бартенштейнѣ, королева же въ Кенигсбергѣ, какъ будто по доброй волѣ, во второй своей столицѣ. Да будетъ ли конецъ? думалъ я, а онъ, къ несчастію, былъ довольно близокъ.

По великой отдаленности отъ театра войны, не могли мы имѣть никакихъ частныхъ обстоятельныхъ объ ней свѣдѣній: изъ однѣхъ вѣдомостей дозволено намъ было узнавать одни офиціальныя извѣстія. Публичности у насъ никакой не было, газетъ и журналовъ менѣе чѣмъ нынѣ, и они подобно Европейскимъ не слѣдили шагъ за шагомъ за политическими происшествіями. Вотъ почему, внутри Россіи, мы настоящимъ образомъ не знали объ опасности ей угрожающей. Только замѣтно было, что съ обѣихъ сторонъ приготовляются, съ одной къ сильному нападенію, съ другой къ такому же отпору. Въ нѣсколько недѣль Наполеонъ успѣлъ пріобрѣсть неизчислимыя передъ нами преимущества: къ Франціи, Италіи и Голландіи, которыя у него давно уже были въ рукахъ, присоединилъ онъ почти всю Германію и часть Польши, и все это вооружалъ противъ насъ. Можно сказать, что въ двѣнадцатомъ году Россія не въ первый разъ сражалась съ цѣлою Европой.

Одинъ разъ въ недѣлю, по Понедѣльникамъ, приходила къ намъ почта. Въ одинъ изъ сихъ Понедѣльниковъ, въ самый Ивановъ день, когда начиналась Петровская ярмарка и собрались на нее дворянство и купечество, прочитали мы въ Московскихъ газетахъ о сраженіяхъ, происходившихъ 24 Маія при Гутштатѣ и 29-го при Гейльсбергѣ. Ихъ выдавали за побѣды, и всѣ тому повѣрили. Я уже извѣрился, онѣ мнѣ показались что-то сомнительны; однакоже я увидѣлъ въ нихъ по крайней мѣрѣ благопріятное начало военныхъ дѣйствій.

Самая медленность въ сообщеніи пріятныхъ извѣстій меня безпокоила; съ нетерпѣніемъ ожидалъ я 1-го Іюля слѣдующей почты: ничего! Для развлеченія скорбнаго отца моего, уговорили его поѣхать на другую ярмарку, которая бываетъ вслѣдъ за Пензенской въ Нижнемъ-Ломовѣ и оканчивается 8-го Іюля, въ день Казанской Богородицы. Онъ взялъ меня съ собою, и я опять увидѣлъ тутъ почтенное Пензенское дворянство въ полномъ собраніи. Городокъ Ломовъ менѣе Саранска, домà въ немъ плохи; но ярмарка была въ немъ значительнѣе и веселѣе, отъ того, если можно сказать, что была лагернѣе.

Тамъ за одинъ разъ узнали мы обо всемъ, и о Фридландѣ, и о свиданіи въ Тильзитѣ; письма и извѣстія, вѣроятно дотолѣ удерживаемыя, такъ ко всѣмъ и посыпались. Насъ съ отцомъ поразило какъ

громомъ, и развѣ только насъ однихъ; все прочее веселилось, шумѣло, какъ бы ни въ чемъ не бывало. Что́ за толки услышалъ я, Боже мой! Вотъ ихъ сущность: «Ну что-жъ, была война, мы побили непріятелей, потомъ они насъ побили, а тамъ обыкновенно, какъ водится, миръ; и слава Богу, не будетъ новаго рекрутскаго набора». Что̀ такимъ людямъ до народной чести, до государственной независимости? Были бы у нихъ только карты, гончія, зайцы, водка, пироги, шуты, балалаешники, плясуны, Цыганскія пѣсни, вотъ все ихъ блаженство. Лѣтъ пять спустя, заговорили они другимъ языкомъ, но тогда дѣло дошло до ихъ личности, тогда схватило ихъ за живое. Ненавидѣть мнѣ Пензенскихъ дворянъ болѣе чѣмъ прежде было невозможно; но съ этого времени, кажется, началъ я ихъ еще болѣе презирать.

Изъ Ломова поѣхали мы въ селеніе Лашму, къ одному весьма богатому помѣщику и славному гастроному, Николаю Андреевичу Арапову, который приглашалъ насъ на имянины супруги своей, Ольги Александровны, 11-го Іюля Ихъ отпраздновали очень великолѣпно. Хозяйка, барыня необъятной толщины, почиталась въ губерніи отмѣнно тонкою въ политикѣ и любила о ней говорить. Съ веселымъ видомъ объявила намъ она, будто кто-то къ ней пишетъ, что Наполеонъ, *какъ любезный и учтивый Французъ*, за обѣдомъ въ Тильзитѣ налилъ бокалъ Шампанскаго и выпилъ за здоровье Прусской *императрицы*. Мнѣ что-то и смѣяться не захотѣлось.

На Петербуръ, даже на Москву и на всѣ тѣ мѣста въ Россіи, коихъ просвѣщеніе болѣе коснулось, Тильзитскій миръ, произвелъ самое грустное впечатлѣніе: тамъ знали, что союзъ съ Наполеономъ не что̀ иное можетъ быть какъ порабощеніе ему, какъ признаніе его надъ собою власти. И вотъ эпоха, въ которую нѣжнѣйшая любовь, какую могутъ только имѣть подданные къ своему государю, превратилась вдругъ въ нѣчто хуже вражды, въ чувство какого-то омерзенія. Я не хвалюсь великою мудростію; но въ этомъ увидѣлъ я жестокую несправедливость Русскихъ. Мнѣ за нихъ стало стыдно: такъ презираемые ими Черемисы и Чуваши сѣкутъ своихъ боговъ, когда они не исполняютъ ихъ желаній. Все, что́ человѣкъ не рожденный полководцемъ можетъ сдѣлать, все то сдѣлалъ императоръ Александръ. Что̀ оставалось ему, когда онъ увидѣлъ безчисленную рать непріятельскую, разбитое свое войско, подкрѣпленное одною только свѣжею новосформированною дивизіею князя Лобанова, и всѣмъ ужаснаго Наполеона, стоящаго уже на границѣ его государства? Что́ бы сказали Русскіе, еслибы за нее впустилъ онъ его? И въ этомъ тяжкомъ для его сердца примиреніи развѣ не сохранилъ онъ своего достоинства? Развѣ не умѣлъ онъ, побѣжденный, стать совершенно наравнѣ съ побѣдителемъ

и тутъ явиться еще покровителемъ короля? Такимъ ли бѣдствіямъ, такимъ ли униженіямъ подвергался императоръ Францъ II-й? Что̀ дѣлали его подданные? Дѣлили съ нимъ горе и съ каждымъ новымъ несчастіемъ крѣпче тѣснились къ нему и сыновнѣе его любили. Лѣтъ пятнадцать послѣ того, наказаніе Божіе едва было не постигнуло насъ за неблагодарность нашу къ Александру: онъ былъ долготерпѣливъ и мстителенъ и все вспомянулъ во дни славы своей. Когда вмѣстѣ со счастіемъ возвратилось къ нему обожаніе подданныхъ, на распростертый передъ нимъ народъ взглянулъ онъ съ досаднымъ презрѣніемъ, и не было слова его потомъ, не было дѣйствія, которое бы его не выражало. Онъ думалъ, что съ нимъ можно все себѣ позволить. Тогда въ головѣ его родились неслыханные еще преступные замыслы противъ ввѣреннаго ему Богомъ государства, которые уже началъ онъ приводить въ исполненіе и не имѣлъ только времени совершить. Тогда-то народный гласъ долженъ былъ возгремѣть ему въ услышаніе; но тогда стоялъ онъ на высотѣ своего могущества, сзывалъ царей на конгресы и располагалъ судьбами народовъ Европейскихъ. Немногіе дерзнули робко напомнить ему о священномъ долгѣ, который онъ забывалъ. Народы бываютъ иногда также подлы, какъ и люди.

Срокъ отпуска для меня давно уже прошелъ, но по роду службы моей на мнѣ бы не взыскали, еслибъ и годъ я просрочилъ. Отцу моему всегда непріятно было продолжительное пребываніе мое въ Пензѣ, онъ все надѣялся, что въ Петербургѣ мнѣ праздность скорѣе надоѣстъ; мнѣ самому любопытно было видѣть, что̀ тамъ дѣлается послѣ столь важнаго происшествія, слышать, что̀ говорятъ о немъ, и при первомъ словѣ о томъ, изъявилъ онъ согласіе на мой отъѣздъ. Супруги, находившіеся проѣздомъ изъ Саратова въ Москву, предложили мнѣ ѣхать съ ними въ четвероместной каретѣ, и мы отправились въ концѣ Іюля.

Чету, которой я сопутствовалъ, надлежитъ мнѣ описать.

Въ самомъ началѣ сихъ Записокъ говорилъ я о старыхъ друзьяхъ отца моего, Богданѣ Ильичѣ Огаревѣ и Андреѣ Алексѣевичѣ Всеволожскомъ, Пензенскомъ воеводѣ, который погибъ въ огнѣ во время Пугачевскаго бунта. У перваго былъ братъ Иванъ Ильичъ, одаренный столь же свѣтлымъ умомъ, какъ и мрачною душею; послѣдній оставилъ трехъ сыновей, изъ коихъ одинъ поселился въ Саратовѣ. Алексѣй Андреевичъ, Саратовскій сынъ его, былъ женатъ на Варварѣ Ивановнѣ, дочери Ивана Ильича Огарева. Эта женщина была вся въ отца: безъ сердца и безъ красоты, но съ умомъ и съ чувственностію, хотѣла и умѣла она нравиться нѣкоторымъ мужчинамъ. Въ Саратовѣ господствовала и распутствовала она въ глазахъ ослѣпленнаго мужа, который довѣрчивостію и добродушіемъ превосходилъ всѣхъ мужей на

свѣтѣ. Она занесла меня въ списокъ покорныхъ къ ея услугамъ; но по окончаніи путешествія должна была вымарать. Мнѣ некогда здѣсь много говорить о ней; придетъ время и, если съумѣю, въ короткихъ словахъ постараюсь изобразить жизнь ея, въ которой осуществила она всѣ ужасы новѣйшихъ Французскихъ романовъ. Этотъ эпизодъ берегу я для будущаго.

Проведя четыре дня съ безстыднымъ и отвратительнымъ порокомъ, пріятно мнѣ было въ Москвѣ найти родную непорочность. Сестра моя все сбиралась ѣхать въ Пензу; возобновленіе войны и вскорѣ затѣмъ послѣдовавшій миръ ее остановили. Мужъ ея чрезвычайно отличился въ эту войну, находился во всѣхъ дѣлахъ, дрался храбро, и былъ столько счастливъ, что ни разу не раненъ, если не считать легкой контузіи, полученной въ послѣднемъ дѣлѣ. За то награжденъ онъ былъ Аннинскимъ бриллiантовымъ крестомъ на шеѣ, Владимирскимъ третьей степени, чиномъ генералъ-майора и золотою шпагой съ бриліантами и съ надписью за храбрость. Онъ увѣдомлялъ жену, что армія, перешедшая подъ начальство графа Буксгевдена, идетъ въ Витебскъ, чтобы тамъ расположиться лагеремъ и оттуда разойдтись по другимъ мѣстамъ государства, и звалъ ее туда къ себѣ. Привыкнувъ жить на одномъ мѣстѣ, она не пріобрѣла еще того мужества, съ коимъ послѣ такъ легко было ей странствовать одной, и просила меня быть ея проводникомъ. Несмотря на довольно большой, предстоящій мнѣ крюкъ, мнѣ пріятно было сдѣлать ей угодное и желательно увидѣть обломки той храброй арміи, которую почти безъ предводителя, въ продолженіе одной недѣли, въ трехъ большихъ сраженіяхъ, громилъ Наполеонъ и едва могъ принудить къ отступленію.

Только одинъ разъ въ жизни проѣхалъ я по этой дорогѣ. Я любовался на ней тучными пажитями, тѣнистыми лѣсами, цвѣтущимъ состояніемъ селеній, устройствомъ и видомъ изобилія нѣкоторыхъ городовъ, и въ голову не приходило мнѣ думать, что не далеко время, въ которое чрезъ счастливыя сіи мѣста война промчится взадъ и впередъ со всѣми ужасами опустошенія. Я жалѣю теперь, что не посмотрѣлъ внимательнѣе на Можайскъ и на его окрестности. Въ Гжатскѣ остановилъ сестру мою, чѣмъ-то обязанный ея мужу, богатый купецъ Григорій Петровичъ Чороковъ и въ бѣлокаменномъ домѣ своемъ, внутри чрезмѣрно испещренномъ, роскошно насъ угостилъ; въ Вязьмѣ надѣялся я полакомиться пряниками и не успѣлъ ихъ найти; Дорогобужа что-то совсѣмъ почти не помню.

Въ Смоленскъ пріѣхали мы ночью и остановились въ плохомъ домикѣ какого-то бѣднаго предмѣстья. Я уговаривалъ сестру пробыть въ немъ по крайней мѣрѣ сутки, чтобъ успѣть мнѣ осмотрѣть сей

достопримѣчательный и старинный городъ. Есть ли какая-нибудь человѣческая сила, которая бы могла удержать жену, ѣдущую на свиданіе съ мужемъ послѣ войны? Поутру, пока закладывали лошадей, сбѣгалъ я на гору, чтобъ составить себѣ какое-нибудь понятіе о Смоленскѣ. За Порѣчьемъ начинается Бѣлоруссія; при видѣ сей тощей земли и ея тощихъ жителей, грязныхъ корчмъ и содержателей ихъ, засаленныхъ жидовъ, я началъ торопиться болѣе сестры; но палящій зной, измученныя лошади и сыпучіе пески чувство нетерпѣнія моего превратили въ сущую пытку. Подъ Велижемъ болѣе четырехъ верстъ не могли мы сдѣлать въ часъ.

На послѣдней станціи къ Витебску, куда пріѣхали мы 14 Августа, приготовился я къ восхитительному зрѣлищу радостнаго свиданія двухъ супруговъ. И что̀ же! Одинъ мучительною болѣзнію прикованъ былъ къ постелѣ; другая, не предупрежденная о то̀мъ, предалась страху и отчаянію. Какъ всѣ сѣверные жители, подверженъ былъ онъ гемороидальнымъ припадкамъ, которые при дѣятельной жизни такъ легко переносятся; во время зимней кампаніи долженъ былъ онъ часто дни проводить на лошади, ночью валяться на снѣгу среди бивуаковъ, и отъ замерзанія спасаться ромомъ; это во̀спалило кровь его, полученная имъ контузія пуще раздражила болѣзнь, все бросилось въ одно мѣсто и произвело фистулу. Страданія его были жестоки; корпусные и дивизіонные доктора старались облегчить ихъ, не умѣя сладить съ столь серіозною болѣзнію. Стеченіе военныхъ чиновниковъ было ужасное, и зятю моему могли отвести только маленькую, тѣсную квартиру, и то какъ генералу, трудно больному. Ничто не предвѣщало мнѣ пріятнаго пребыванія въ Витебскѣ.

Вдругъ бросить сестру было мнѣ невозможно, разсѣянностей искать трудно, ибо изъ военныхъ всѣ знакомства мои были въ гвардіи, а тутъ надобно было дѣлать новыя. Оставалось мнѣ только посѣщать публичныя мѣста, и тѣ, въ коихъ веселятся и тѣ, въ коихъ молятся.

Сперва пошелъ я вечеромъ въ небольшой садъ, посреди города, для ежедневныхъ прогулокъ его жителей на высокой горѣ, надъ Двиною, устроенный. Было людно и тѣсно, а для меня довольно весело: играла военная музыка, и надъ толпами возвышалась роща изъ султановъ. Никого не зная и никѣмъ не знаемый, ходилъ я какъ въ маскарадѣ и видѣлъ прекрасненькія маски. Я прислушивался къ разговорамъ панночекъ, и съ удовольствіемъ внималъ Польскому языку, который я всегда такъ любилъ въ женскихъ устахъ и который мнѣ напоминалъ мое ребячество.

На другой день почти тоже общество увидѣлъ я въ дворянскомъ клубѣ или благородномъ собраніи (не знаю какъ называли эту обыкновенную принадлежность всѣхъ губернскихъ городовъ). Зала публичныхъ увеселеній была не великолѣпная, просто выбѣленная, длинная и широкая, но низкая и съ двухъ сторонъ вся въ окошкахъ, какъ оранжерея. Мнѣ показалось, что я обращаю на себя вниманіе какъ одѣтый во фракъ, ибо подобныхъ мнѣ можно было пересчитать: все было генеральство да офицерство. Дамъ было также довольно; но господа помѣщики этого края, который болѣе другихъ однакоже обрусѣлъ, видно, и тогда не очень полюбливали Русскихъ и не охотно дѣлили съ ними время. Графъ Буксгевденъ своимъ присутствіемъ не удостоилъ сего бала, а только семейство свое прислалъ на него.

Въ семъ окатоличенномъ городѣ божественная литургія на Русскомъ языкѣ производилась въ единомъ храмѣ и только однажды въ недѣлю, по воскреснымъ днямъ. Прекрасный и просторный соборъ выстроенъ былъ нашимъ правительствомъ не на концѣ Витебска, а внѣ его; при Екатеринѣ и при Потемкинѣ все думали объ увеличеніи городовъ и полагали, что ихъ края со временемъ непремѣнно должны сдѣлаться срединой, а Полякамъ пріятно было видѣть, что изгнанное православіе едва осмѣливается показывать себя у вратъ городскихъ. Въ первое Воскресенье пошелъ я помолиться и посмотрѣть на народъ православный; его было много, христолюбивое воинство наполняло всѣ окрестныя мѣста. Когда обѣдня кончилась, и стали расходиться, одинъ молодой воинъ увидѣлъ меня въ толпѣ и бросился обнимать. Я обрадовался бы тутъ всякому хорошему знакомому, еслибъ онъ былъ и не графъ Александръ Кутайсовъ.

Какъ объ немъ не сказалъ я еще ни слова, право, не понимаю. Гдѣ-то, помнится въ домѣ Демидовыхъ, встрѣтился я съ нимъ и познакомился; послѣ того видѣлъ его часто; но это продолжалось не долго: изъ гвардейской артилеріи перевели его въ армейскую. Все то чтò можетъ льстить только тщеславію, все то чтò можетъ жестоко оскорбить самолюбіе, все то испыталъ онъ почти въ ребячествѣ. Сынъ любимца Павла Перваго, который и на все семейство сыпалъ свои милости, въ шестнадцать лѣтъ сдѣланъ былъ онъ полковникомъ. Послѣ перемѣны царствованія, всякій почиталъ обязанностію лягнуть въ падшаго фаворита; онъ спѣшилъ удалиться за границу, а жену и дѣтей оставилъ въ Петербургѣ на жертву ненависти и презрѣнія. Однакоже на спокойное, благородное и прекрасное лицо меньшаго сына его ни одинъ дерзкій, гордый взглядъ не смѣлъ подняться. Какъ этотъ мальчикъ не давалъ счастію баловать себя, такъ и передъ несчастіемъ не поникнулъ онъ головой; какъ бы не замѣчая никакой перемѣны, онъ

столь же ясно и привѣтливо смотрѣлъ на людей, когда они оказывали ему холодность, какъ и тогда, какъ они ласкались къ нему; безъ всякихъ усилій, обнажая только душу свою, онъ кончилъ тѣмъ, что всѣхъ обворожилъ. Онъ славно зналъ артилерійскую науку и прилежно ею занимался; въ музыкѣ же и въ поэзіи видѣлъ только для себя забаву, но и онѣ ему дались. Какъ чудесно онъ выражался! У него былъ какой-то особенный, свой собственный языкъ, простой, для всѣхъ понятный, а неподражаемый. Что́ удивительнаго, если всѣ женщины были отъ него безъ ума, когда мущины имъ плѣнялись? Не знаю, кого бы онъ не люблпъ, но нѣкоторыхъ любилъ болѣе прочихъ, и мнѣ кажется, что я былъ въ числѣ ихъ.

На войнѣ прославился онъ мужествомъ и талантами: подъ Прейсишъ-Эйлау, въ генеральскомъ чинѣ, командовалъ онъ почти всею артилеріей и батареями своими болѣе всѣхъ наносилъ вредъ Французской арміи. Какъ пріятно было мнѣ увидѣть сего милаго мнѣ юношу, годомъ или двумя меня постарѣе, съ Георгіевскимъ крестомъ на шеѣ. Не давъ мнѣ опомниться, онъ посадилъ меня въ коляску, повезъ къ себѣ въ лагерь и почти насильно оставилъ у себя обѣдать.

Въ большой ставкѣ, гдѣ мы усѣлись и въ которой накрытъ былъ длинный столъ, черезъ нѣсколько времени начали собираться подчиненные Кутайсова, артилерійскіе штабъ и оберъ-офицеры. Обращенія его съ ними я никогда не забуду; я бы назвалъ его чрезвычайно искуснымъ, если бы не зналъ, что въ этомъ человѣкѣ все было натуральное. Въ ласкахъ, въ фамиліярности его съ людьми, изъ коихъ половина была старѣе его, чувствительно было начальство; они же, отмѣнно свободно съ нимъ разговаривая, ни на минуту не забывались передъ нимъ. Всѣ глядѣли ему въ глаза, чтобы предугадать его желанія, и онъ казался старшимъ братомъ между меньшими, которые любятъ и боятся его: въ немъ была какая-то магія.

Я пробылъ еще нѣсколько времени въ Витебскѣ и почти каждый день, иногда и пѣшкомъ, посѣщалъ этотъ лагерь, который былъ въ двухъ верстахъ отъ города. Вокругъ Кутайсова было все такъ живо, такъ весело и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ пристойно, какъ онъ самъ; молодыя дамы могли бы не краснѣя находиться въ его военномъ обществѣ. Прибавить ли къ тому еще одно, чему нынѣ съ трудомъ повѣрятъ: всѣ эти воины, окуренные пороховымъ дымомъ, не знали табачнаго; у Кутайсова не было ни одной трубки. Я болѣе его не видѣлъ: вскорѣ потомъ умеръ онъ героемъ, какъ умереть ему надлежало. Спасибо Жуковскому, что онъ въ прекрасныхъ стихахъ сохранилъ память о столь прекрасномъ существованіи: безъ него простылъ бы и слѣдъ такого диковиннаго человѣка.

Приближеніе осени заставило меня торопиться, я согласился остаться съ сестрою только день ея имянинъ 26-е Августа, а 28-го по Бѣлорусскому тракту отправился въ Петербургъ.

Симъ обратнымъ путешествіемъ хочу я заключить вторую часть моихъ Записокъ. Наступилъ второй періодъ царствованія императора Александра, когда все измѣнилось въ немъ и вокругъ него, когда онъ долженъ былъ разорвать прежніе союзы, удалить отъ себя прежнихъ любимцевъ, когда, насильно влекомый Наполеономъ, долженъ былъ онъ казаться идущимъ съ нимъ рука объ руку, когда притворство сдѣлалось для него необходимостію и спасеніемъ.

Въ томъ же году вступилъ я въ законное совершеннолѣтіе, кончилась первая моя юность, а ее только одну признавалъ я всегда за настоящую. Уже румянецъ началъ спадать съ моихъ щекъ, и густой, черный волосъ заступилъ мѣсто нѣжнаго пуха на подбородкѣ моемъ; вошедъ въ лѣтніе годы моей жизни, сталъ я сильнѣе любить, за то глубже и постояннѣе ненавидѣть, чаще сердиться, рѣже смѣяться, рѣже и плакать: все миновалось. Прости же моя молодость, время дорогое, золотое, невозвратное, вѣчно памятное! Кто не жалѣлъ о тебѣ; но признаюсь, увы, кто болѣе меня? Всѣ истинныя, сердечныя радости зналъ я только съ тобою. Благодарю тебя, молодость, за неоцѣненные дары твои, за друзей, коихъ дала ты мнѣ и коихъ большая часть вмѣстѣ съ тобою отъ меня удалились, за нѣжные взоры, за безкорыстную, непритворную ко мнѣ любовь, за которую тебѣ же я обязанъ и которая вслѣдъ за тобою отъ меня скрылась. Благодарю за все, за все, даже за горести, тобою мнѣ посланныя и тобою же услажденныя.

Вотъ этимъ, кажется, бредилъ я дорогой. Въ день выѣзда моего, изъ Витебска, къ вечеру, погода перемѣнилась, пошелъ дождь, и за одну ночь лѣто превратилось въ холодную осень. Я былъ, какъ говорится, на лѣтнемъ ходу; ничего со мною не было теплаго, и въ Великихъ Лукахъ почувствовалъ я первый легкій ознобъ; меня напоили чаемъ съ виномъ, мнѣ показалось, что я согрѣлся, но это былъ лихорадочный жаръ. Пароксизмы возобновлялись и проходили; я все упрямствовалъ ѣхать. А что̀ за погода! Что́ за дорога! На деревянной мостовой бревешки прыгали подо мной, какъ клавиши. Когда приходило на меня безпамятство, слуга при мнѣ находившійся бралъ на себя останавливать меня. Въ Лугѣ сдѣлалось мнѣ такъ дурно, что я самъ рѣшился остановиться. Я думалъ, что наступилъ мой послѣдній часъ и не жалѣлъ о жизни: молодость моя прошла, а безъ нея, казалось мнѣ, на что мнѣ жизнь? Однакоже мнѣ отлегло, и рано поутру 2 Сентября пріѣхалъ я въ Петербургъ.

ЗАПИСКИ Ѳ. Ѳ. ВИГЕЛЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Стр.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЗАПИСКИ

ФИЛИПА ФИЛИППОВИЧА

ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО АРХИВА».

(дополненное съ подлинной рукописи).

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1892.

I.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, въ болѣзненномъ состояніи духа и плоти, прежде всего искалъ я отрады, зная, что ею начнется исцѣленіе и телѣснаго моего недуга. Для того взъѣхалъ я прямо къ Блудову, увѣренъ будучи, что онъ не поскучаетъ ни хандрой моей, ни лихорадкой, и въ томъ не ошибся. Его нравъ не переставалъ быть живымъ и веселымъ, а сердце сострадательнымъ. Въ началѣ предыдущаго года имѣлъ онъ горесть лишиться обожаемой матери и почти въ тоже время утѣшеніе наслѣдовать довольно богатому дядѣ. Это давало ему возможность къ другимъ похвальнымъ или любезнымъ качествамъ присоединить и гостепріимство. Онъ послалъ за врачемъ своимъ, Англичаниномъ Беверлеемъ, заставлялъ самого меня смѣяться надъ мрачными моими мыслями, и дни въ три или четыре все у меня прошло, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

Какъ ровно за пять лѣтъ передъ тѣмъ, въ началѣ Сентября 1802 года, прибылъ я тутъ въ Петербургъ, чтобы быть свидѣтелемъ любопытнаго зрѣлища: важныхъ перемѣнъ во всемъ государственномъ управленіи. Какъ бы не обращая никакого вниманія на пристрастіе своихъ подданныхъ къ союзной съ нимъ дотолѣ Англіи, на явную ненависть ихъ къ омрачившимъ ихъ воинскую славу великому Французскому полководцу и его побѣдоносному народу, Государь во всемъ обнаруживалъ новую симпатію свою къ нимъ и удивленіе. Изъявленій всеобщаго за то неудовольствія не было возможности не только наказывать, ни даже удерживать: ибо отъ знатнаго царедворца до мало-грамотнаго писца, отъ генерала до солдата все, повинуясь, роптало съ негодованіемъ. А онъ, примѣръ долготерпѣнія на тронѣ, долженъ былъ все выслушивать съ молчаніемъ, когда, по мнѣнію его, въ глубинѣ души своей, онъ былъ увѣренъ, что сдѣлалъ все для спасенія Россіи и будущаго ея величія.

Многіе годы прошли, люди исчезли, страсти погасли, и теперь можно съ нѣкоторою справедливостію судить о тогдашнихъ поступкахъ Александра. Франція, воинственная и блестящая, хвастливая и заносчивая, была постоянно предметомъ страха и зависти всѣхъ со-

1*

сѣдей своихъ, Австріи, Великобританіи и Гишпаніи, Германскихъ и Итальянскихъ владѣтелей. Окруженная со всѣхъ сторонъ естественными врагами, она весьма благоразумно и успѣшно искала всегда союзниковъ въ отдаленныхъ отъ нея странахъ, въ Швеціи, въ Польшѣ и въ Турціи. Изъ-за нихъ встало неслыханное государство, по обширности своего размѣра и по быстротѣ своихъ успѣховъ, можно сказать, невиданное въ мірѣ. Менѣе чѣмъ въ полвѣка, оно заступило мѣсто всѣхъ старыхъ союзниковъ Франціи, унизивъ одного, уничтоживъ другаго, обезсиливъ третьяго. Прежнее Французское правительство не могло еще понять важность значенія Россіи. Въ горячкѣ, въ бѣшенствѣ своемъ, революція слѣпо вооружалась, безъ разбора, противъ всѣхъ монархій; но когда, уставъ отъ судорожныхъ усилій, она подчинилась порядку, то воинственный геній, его водворившій, не довольствуясь силою оружія, призвалъ на помощь и политику для обузданія мятежнаго духа, ею распространеннаго. Орлинымъ взглядомъ своимъ Наполеонъ увидѣлъ первый для Франціи всю выгоду союза съ Россіей; самодержавіе на Сѣверѣ плѣняло его властолюбивый умъ, онъ искалъ сближенія, и восторженный Павелъ, передъ смертію, раздѣлялъ уже величіе его замысловъ. Сильное вліяніе Англіи разсѣкло сей едва завязанный узелъ; кротость Александра, его желаніе мира и добра отдаляли его отъ честолюбца; но сей послѣдній не упускалъ случая, чтобы возстановить съ нимъ согласіе. Накакунѣ Аустерлица онъ еще мирволилъ и просилъ о свиданіи и, наконецъ, получилъ его въ Тильзитѣ.

Кто былъ свидѣтелемъ тайной бесѣды на роковомъ паромѣ? О, какъ любопытенъ былъ сей разговоръ, когда въ состязаніи были съ одной стороны вся прелесть наружности, благородство осанки, нѣжность голоса, тонкость и гибкость ума, однимъ слономъ почти женская привлекательность, которая покоряла сердца подданныхъ и чужеземцевъ, а съ другой—Итальянская хитрость, прикрытая солдатскою откровенностію, почти сверхъестественная сила убѣжденія и очарованіе великаго имени. Ужасная буря породила сильнаго человѣка, который усмирилъ ее; оковавъ мятежъ, онъ превратилъ его въ какое-то славобѣсіе; болѣе десяти лѣтъ ужасомъ своего имени наполнялъ онъ Европу; казалось, сами небеса изъ ада на землю вызвали его какъ исполнителя ихъ воли, и онъ стоялъ лицомъ къ лицу передъ Александромъ. При его появленіи, въ виду его, сей громовержецъ погасилъ свои перуны, и руку, которая за мигъ до того держала ихъ, протянулъ къ нему почтительно и дружелюбно. Кто бы устоялъ противъ того, особливо въ минуту явной опасности? Не трудно было Наполеону доказать, сколь выгодна могла быть для Россіи дружба съ нимъ, то-есть съ Франціей, коей былъ онъ тогда главою, представителемъ и выражені-

емъ. Это такая истина, которую въ послѣдствіи одно только безпримѣрное его властолюбіе могло сдѣлать сомнительною, но которой люди съ здравымъ смысломъ всегда вѣрили и нынѣ менѣе нежели когда оспариваютъ. «Доселѣ былъ одинъ Наполеонъ, отнынѣ да будетъ ихъ двое, вѣроятно сказалъ онъ; соединивъ свои силы, довершатъ они покореніе свѣта, и потомъ, общими же силами, среди всеобщаго мира, будутъ пещись объ устройствѣ всеобщаго благоденствія». Признаюсь, я еще и понынѣ вѣрю честосердечію обоихъ договаривавшихся государей: при произнесеніи клятвы въ вѣчной любви, кто думалъ о ея нарушеніи и кто не нарушалъ ея? Хотя Европа не берлога, однакоже трудно было медвѣдю долго ужиться въ ней со львомъ; но все-таки, наконецъ, медвѣдю удалось задушить его.

Подражаніе обычаю или одѣянію какого-нибудь народа всегда въ Россіи есть вѣрнѣйшій признакъ добраго съ нимъ согласія. Уже съ Сентября мѣсяца начали всю гвардію переодѣвать по-французски; въ слѣдующемъ году сдѣлано это и со всею арміей. Дотолѣ слѣдовали простотѣ Австрійскихъ мундировъ; исключая бѣлаго плюмажа на шляпѣ, ничто не отличало генерала отъ простаго офицера; тутъ шитье и эполеты, все богаче по мѣрѣ возвышенія въ чинахъ, начали обозначать каждый изъ нихъ. Косы обрѣзаны, пудра и помада брошены и оставлены гражданскимъ чиновникамъ, которые также начали употреблять ихъ только при мундирахъ и въ дни пріѣзда ко двору. Всѣ военные люди были вытянуты, затянуты, такъ что инымъ трудно было дышать; новый покрой сдѣлалъ одежду ихъ просторнѣе и далъ полную свободу ихъ тѣлодвиженіямъ. Они и этимъ были недовольны: въ новыхъ мундирахъ своихъ видѣли Французскую ливрею и, съ насмѣшливою досадой поглядывая на новое украшеніе свое, на эполеты, говорили, что Наполеонъ у всѣхъ Русскихъ офицеровъ сидитъ на плечахъ.

Можно себѣ представить, какъ все это было больно для Петербургской знати, заимствовавшей всѣ повѣрія свои отъ эмигрантовъ; съ какою явною холодностію сія искусственная аристократія, вся проникнутая легитимизмомъ, принимала присланнаго отъ Наполеона на первый случай Савари. Въ разсужденіи его исполняла она всѣ обязанности общежитія, платила ему визиты, приглашала его на всѣ большіе званые вечера свои, но обходилась съ нимъ съ тою убійственною учтивостію, въ которой она такая мастерица и которой тайна ей одной извѣстна.

Упрекнуть его было не въ чемъ: онъ все переносилъ съ терпѣніемъ и старался быть любезенъ. Въ одномъ только знатномъ домѣ былъ онъ принятъ съ отверстыми объятіями: старуха княгиня Елена Никитишна Вяземская, вдова генералъ-прокурора, выдавшая двухъ дочерей

за посланниковъ Неаполитанскаго и Датскаго, всегда любила безъ памяти иностранцевъ и въ особенности Французовъ, и для нихъ былъ у нея всегда притонъ. Прежде многіе старались ей подражать; но продолжительною связью съ Французскимъ посольствомъ она обезславила свою старость; были люди, которые не побоялись взвести на нее клевету, будто за угощеніе Французовъ она получала деньги отъ правительства.

Родною племянницей этой княгини Вяземской была Александра Петровна Хвостова, о которой говорилъ я въ концѣ второй части сихъ Записокъ. Не смотря на свой патріотизмъ и легитимизмъ, въ угожденіе тетки, должна была она принимать Савари и его свиту; впрочемъ, съ живостію ея ума и характера, и ей самой любопытно и пріятно было ихъ видѣть у себя. Тутъ имѣлъ я случай ихъ встрѣчать, и могу сказать нѣсколько словъ объ нихъ. Умнѣе всѣхъ былъ конечно Ле Лорнь (Le Lorgne), который въ видѣ путешественника бывалъ уже въ Россіи, живалъ въ Москвѣ и выучился немного по-русски. Онъ былъ малый лѣтъ тридцати, ловкій, смѣлый, даже иногда наглый, и вмѣстѣ съ тѣмъ вкрадчивый; такіе люди вездѣ или вламываются, или пролѣзаютъ. Замѣтно однакоже было, что ласковый пріемъ, сдѣланный ему до того въ Россіи, сильно на него подѣйствовалъ, и что онъ искренно любилъ ее, а со всѣмъ тѣмъ охотно пожертвовалъ бы ею кумиру Франціи: онъ одинъ, кажется, у Савари занимался письменною частію.

Благороднѣе всѣхъ именемъ и осанкой былъ Монтескіу-Фезенсакъ, ведущій родъ свой отъ Лупа, герцога Гасконскаго, слѣдственно отъ Карловинговъ. Примѣсью такихъ людей Наполеонъ любилъ скрашивать свои полки и миссіи.

Всѣхъ красивѣе собою былъ молоденькій Талуетъ. Онъ вмѣстѣ съ другимъ, Фодоасомъ, принадлежалъ къ новой республиканско-императорской аристократіи, то-есть они оба были сыновья во время революціи чрезмѣрно обогатившихся плебеевъ. Оба сіи *жокриса* *), невѣдѣніемъ свѣтскаго обращенія, разговорами и манерами смѣшили Петербургскія гостиныя. Одинъ изъ нихъ, Фодоасъ, любезничая разъ съ какою-то дамой, игралъ лежащимъ на ея столикѣ аметистовымъ сердцемъ, бралъ его въ ротъ и нечаянно проглотилъ его. На другой день, изверженное и вымытое сердце сіе, при учтивой запискѣ, было возвращено той, которой оно принадлежало.

Къ симъ двумъ примыкалъ еще третій молодой мальчикъ, Антоанъ, сынъ богатаго Марсельскаго негоціанта и, не менѣе того, по матери родной племянникъ женъ Іосифа Бонапарте и Бернадота, то

*) Простофили. П. Б.

есть будущихъ королей Гишпанскаго и Шведскаго. Въ это время Іосифъ уже былъ Неаполитанскимъ королемъ. Слухъ прошелъ, будто Марія-Каролина, настоящая королева, находившаяся тогда въ Сициліи, не только опасно занемогла, но и скончалась. О томъ неосторожно сказали при Антоанѣ, который, полагая, что рѣчь идетъ о его теткѣ, счелъ долгомъ притвориться падающимъ въ обморокъ. Все это чрезвычайно забавляло знатныхъ, которые насмѣшками надъ цвѣтомъ юности, неудачно присланнымъ Наполеономъ, думали мстить ему за его славу.

Какъ странно было видѣть сихъ обращиковъ ново-французскаго двора встрѣчающихся у Хвостовой съ Лагардами, Дамасами и другими молодыми роялистами древнихъ фамилій, офицерами въ Русской гвардіи! Послѣдніе даже въ общемъ разговорѣ старались, чтобъ однимъ словомъ не задѣть кого-нибудь изъ этой ротюры; одинъ только дерзкій Растиньякъ подступилъ разъ къ Монтескіу и громко спросилъ его: при комъ онъ камергеромъ, при Бонапарте или при женѣ его? Тотъ скромно отвѣчалъ: «при императрицѣ».

Попытку Хвостовой соединить у себя тѣхъ и другихъ Французовъ одобрить нельзя. Сама она часто не могла утерпѣть, чтобы не оказать предпочтенія прежнимъ своимъ знакомымъ и не похвастать иногда славой своей Россіи, когда Наполеонисты слишкомъ завирались о его безсмертіи. Съ другой стороны роялисты и многіе Русскіе съ смертельною досадой должны были бесѣдовать съ тѣми, коихъ почитали сволочью и коихъ по неволѣ встрѣчали только среди толпы въ большихъ собраніяхъ. Едва прошла осень и наступила зима, какъ тѣ и другіе ее покинули, и одни только искренніе ея друзья остались постоянными и вѣрными ея посѣтителями.

Кажется, Наполеону хотѣлось, оказавъ Россіи первую учтивость, показать съ тѣмъ вмѣстѣ и преимущество свое надъ нею. Для того прислалъ онъ Савари съ одними комплиментами, безъ всякаго уполномочія, и ожидалъ прежде назначенія къ намъ чрезвычайнаго посла, чтобы кто-нибудь отъ насъ въ семъ званіи къ нему былъ отправленъ. Выборъ палъ на графа Петра Александровича Толстаго, прежде бывшаго Петербургскаго военнаго губернатора, но оставившаго сію должность, чтобы подвизаться на войнѣ. Его любили и уважали; но, согласившись ѣхать посломъ въ Парижъ, онъ сдѣлался виновнымъ въ мнѣніи публики. Плохая эпиграмма въ дурныхъ Французскихъ стихахъ, ходившая по городу, была его выраженіемъ. Вотъ она:

Nous imitons le grand: on le savait d'avance.
Caius fit son cheval consul de Rome,
Et nous faisons tout comme
En envoyant un âne ambasadeur en France.

Сущая несправедливость! Графъ Толстой былъ человѣкъ усердный, вѣрный, на котораго совершенно положиться было можно: Русскій въ душѣ и Русскій по уму, то-есть, какъ говорится, изъ просту лукавъ. Такіе люди, съ притворною разсѣянностію, какъ бы ничего не помня, ничего не замѣчая, за всѣмъ слѣдятъ глазомъ зоркимъ и наблюдательнымъ и ни на минуту не теряютъ изъ вида пользъ и чести своего отечества. Кажется, у насъ въ Россіи изстари велось, чтобы мужи, предназначающіе себя на великіе подвиги, болѣе или менѣе на себя накидывали какое-то юродство. Стòитъ только вспомнить Суворова, который въ семъ родѣ былъ не первый и въ наше время не одинъ. Тутъ есть что-то похожее и на Брута, и на Сикста Пятаго.

По прибытіи въ Парижъ, графъ Толстой нашелъ приготовленное уже для него жилище. Слѣдуя системѣ прельщеній съ Россіей, Наполеонъ купилъ Отель-Телюсонъ, довольно большой и красивый домъ, въ лучшей части города, съ прекраснымъ садомъ его отъ улицы отдѣляющимъ, и отдалъ его Русскому посольству. Мы не могли остаться въ долгу и хотѣли заплатить съ лихвою, и для того только что отдѣланный великолѣпный домъ князя Волконскаго, на Дворцовой набережной, за дорогую цѣну купленъ въ казну для ожидаемаго Коленкура.

Пріѣздъ его въ Январѣ мѣсяцѣ былъ сигналомъ отъѣзда для Савари съ компаніей. Почти всѣ полагали, что нестерпимая спѣсь Коленкура была слѣдствіемъ данныхъ ему наставленій. Я совсѣмъ другаго мнѣнія: этотъ человѣкъ былъ просто дерзкій холопъ, который, гордясь успѣхами, могуществомъ своего господина, какъ всѣ низкія души забывался въ счастіи. Можетъ-быть, по примѣру Савари, приготовленный къ холодному пріему отъ общества, онъ съ перваго шага хотѣлъ предупредить его своею надменностію. Доказательствомъ, что раздраженіе противъ себя Русскихъ не могло входить въ намѣренія Наполеона, служитъ то, что предтеча Коленкура, Савари, и преемникъ его, Лористонъ, всегда оказывали, первый величайшую терпѣливость, послѣдній — умѣренность и скромность въ сношеніяхъ съ дворомъ и вельможами, даже тогда, какъ все клонилось къ совершенному разрыву съ Россіей.

Цѣлыя пять лѣтъ съ Сентября 1802 года, министерство, прозванное Англійскимъ, управляло государственными дѣлами. Кажется, въ самодержавныхъ правленіяхъ министры, которые просто орудія воли государевой, должны только слѣдовать, хотя бы и не одобряли ея, новой политической системѣ, имъ принятой. Не такъ думали наши Фоксы и Питты; жаль имъ было разставаться съ мѣстами и властію, они ихъ какъ будто противъ воли сохраняли; но самъ Императоръ подалъ имъ средства съ благовидностію освободиться отъ тяжести дѣлъ. Не вдругъ, какъ въ Англіи, а въ продолженіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ

1807 года министерство измѣнилось и возобновилось почти въ цѣломъ составѣ своемъ.

Началось съ министра финансовъ, почтеннаго графа Васильева. Онъ бы не удалился, и его бы не отпустили: онъ былъ еще не слишкомъ старъ, но изнуренный долголѣтними трудами и опытный въ дѣлахъ, онъ можетъ быть съ трепетомъ смотрѣлъ на приближающееся несогласіе съ Великобританіей, царицей торговли, и чувствовалъ, что затрудненія, въ которыя оно его поставитъ, будутъ превыше силъ его. Счастіе сопутствовало ему всегда въ жизни и не покинуло его при концѣ ея: ибо что̀ можетъ быть счастливѣе какъ во-время умереть? Онъ скончался въ концѣ Августа, а въ половинѣ Сентября объявлена война Англіи. Бремя, имъ носимое, само собою легло на давно уже подставившаго подъ него рамена свои, племянника его, Өедора Александровича Голубцова, и черезъ два года потомъ его раздавило.

За годъ до того, князь Чарторыйскій, уступая силѣ общаго мнѣнія, долженъ былъ портфель иностранныхъ дѣлъ передать нѣкоему барону Будбергу; не покидая однакоже Государя, онъ тайно оставался главнымъ совѣтникомъ его въ дѣлахъ дипломатическихъ. Этотъ Будбергъ былъ, кажется, лицо совсѣмъ безъ физіономіи. При воспитаніи императора Александра, находился онъ въ числѣ наставниковъ, и объ немъ ничего не говорили. Потомъ еще при Екатеринѣ былъ онъ назначенъ посланникомъ въ Стокгольмъ и тамъ ничего не умѣлъ сдѣлать, даже сосватать великую княжну Александру Павловну за Шведскаго короля; его однакоже не отозвали. Безъ особыхъ милостей и безъ гоненій отъ Павла, оставался онъ при немъ на прежнемъ мѣстѣ почти въ забвеніи. Въ 1802 году попытались было сдѣлать его Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ; мѣсяца два или три мѣсто сіе оставалось какъ будто вакантнымъ, объ немъ и помину не было, и его опять назадъ отправили въ Стокгольмъ. Какъ подставку, какъ подтычку вызвали его оттуда въ 1806 году, чтобы дать ему названіе министра иностранныхъ дѣлъ. Съ симъ званіемъ случился онъ въ Тильзитѣ при переговорахъ, и неумышленно, безвинно подписалъ мирный трактатъ; и за то никто не думалъ на него сердиться и поносить его, а вся досада обратилась на бывшаго тутъ, также случайно, Русскаго князя. Трудно опредѣлительно сказать что-нибудь на счетъ характера такого человѣка, который сквозь столь важныя мѣста и событія прошелъ невидимкой; судя по догадкамъ можно себѣ вообразить его Нѣмцемъ, довольно образованнымъ для того времени, гдѣ нужно искательнымъ, терпѣливымъ и молчаливымъ, и слѣдственно по наружности глубоко-

мысленнымъ. Познавъ наконецъ весь нуллитетъ его, Государь, видно безъ обиняковъ сказалъ ему: «Ступай, братъ, на покой!» *)

Мѣсто жалкаго Нѣмца занялъ Русскій съ громкимъ именемъ, высокою образованностію, благородною душею, незлобивымъ характеромъ и съ умомъ, давно ознакомленнымъ съ дѣлами дипломатическими и ходомъ Французской революціи. И единоземцы его громко возроптали на то. Я не осуждаю ихъ; сердце у Русскихъ наболѣло отъ двухгодоваго стыда, и все приводило его въ раздраженіе; они безъ ужаса не могли видѣть сына знаменитаго ихъ полководца усерднымъ посредникомъ Россіи съ похитителемъ ея славы. Самое даже согласіе графа Николая Петровича Румянцова на принятіе званія министра иностранныхъ дѣлъ показываетъ въ немъ сильный духъ, готовый, со вступленіемъ въ должность, вступить въ борьбу со всеобщимъ мнѣніемъ, самоотверженіе, съ которымъ онъ въ настоящемъ жертвовалъ собственною честію для будущей пользы своего отечества. Время, конечно, показало, что онъ обманывался; но кто изъ подвизавшихся тогда, въ концѣ 1807 года, не былъ обманутъ, не исключая даже самихъ Александра и Наполеона? Онъ смотрѣлъ не съ той точки зрѣнія какъ высшая и низшая публика, и обѣими былъ не понятъ. Уже вѣрно Румянцовъ не могъ быть подкупленъ золотомъ, онъ, который, живши всегда умѣренно, расточалъ его единственно на умноженіе просвѣщенія въ Россіи. И онъ бы сталъ измѣнять ей! Такъ чтоже? Онъ былъ очарованъ величіемъ дотолѣ врага и вдругъ ревностнаго союзника Россіи, онъ былъ увлеченъ плѣнительною мыслію о великомъ союзѣ Сѣверовостока съ Югозападомъ, предъ коими все должно было покориться: такъ ошибаются только люди съ необыкновенною душею.

До того еще, безпрестанныя шутки Александра Львовича Нарышкина на счетъ графа Румянцова много повредили ему въ мнѣніи свѣта. Тетка его, Анна Никитишна, была замужемъ за дядею Нарышкиныхъ и полученное отъ мужа имѣніе во вдовствѣ хотѣла отказать своему племяннику; изъ того вышелъ процессъ, который, наконецъ, Нарышкины же выиграли. Но придворный шутникъ никогда не могъ простить своему противнику, вѣчно преслѣдовалъ его своими острыми насмѣшками и успѣлъ въ глазахъ людей сдѣлать его смѣшнымъ; а что́ смѣшно, то кажется и глупымъ. Съ другой стороны зависть, которая оставляетъ въ покоѣ одну только посредственность, которая готова заглядывать въ нужныя мѣста, подслушивать холопскія рѣчи, не гнушается ничего нечистаго, чтобъ осквернить имъ уважаемыхъ людей, изощряла про-

*) Попробовалъ бы Русскій быть столь ничтожнымъ, какъ Андрей Яковлевичъ Будбергъ; ему много, много бы удалось быть членомъ Московскаго Англинскаго клуба.

тивъ него свое жало и приписывала ему какія-то слабости, противныя нравственности. На каламбуры Нарышкина, не всегда удачные, на клевету мірскую, какъ бы не вѣдая о нихъ, отвѣчалъ Румянцовъ одними великими, безпримѣрными въ Россіи дѣлами: снаряжалъ на свой счетъ корабли и для открытій отправлялъ ихъ вокругъ свѣта, съ издержками и трудами отыскивалъ и собиралъ любопытныя, отечественныя древнія рукописи и хартіи и посредствомъ великолѣпныхъ изданій дарилъ ими читающую публику, заводилъ для всѣхъ открытыя библіотеки, учреждалъ музеи. Содѣянное имъ блеститъ на Англійской набережной въ Петербургѣ и лучше меня оправдаетъ его предъ потомствомъ.

Въ началѣ второй части сказалъ я, что онъ былъ министромъ комерціи; сдѣлавшись министромъ иностранныхъ дѣлъ, сохранялъ онъ два года оба министерства, доколѣ первое не было упразднено. Предмѣстникъ его, Будбергъ, до того устрашился одного имени министра, что спѣшилъ выпросить себѣ въ товарищи сына покровителя своего, фельдмаршала Николая Ивановича Салтыкова, Александра Николаевича, зятя графа Головкина (объ немъ я также говорилъ въ своемъ мѣстѣ). По родственнымъ связямъ съ Нарышкиными былъ онъ въ числѣ недоброжелателей Румянцова, который нашелъ его въ министерствѣ. По великому тогда кредиту сего послѣдняго, стоило ему только изъявить желаніе удалить отъ себя сего товарища, чтобъ оно было исполнено. Онъ того не сдѣлалъ, оказывалъ уваженіе и довѣренность Салтыкову и великодушіемъ старался, но не успѣвалъ обезоруживать своихъ непріятелей.

На сіи перемѣны могъ я смотрѣть равнодушно; скоро однакоже должны онѣ были коснуться и мѣста моего служенія. Лордъ Кочубей, который въ продолженіе пяти лѣтъ усиливался при дворѣ, расширялъ свое министерство, распространялъ свою власть, казался первымъ министромъ. Для соблюденія пристойности, чтобъ явно не измѣнить исповѣдуемымъ имъ политическимъ правиламъ, показывалъ онъ видъ недовольный, безмолвное порицаніе, не зная, что и безъ того уже онъ сдѣлался не угоденъ Царю. Не будучи слишкомъ богатъ, а чиновенъ, гордъ и разсчетливъ, онъ хотѣлъ, не разоряясь, жить соотвѣтственно притязаніямъ своимъ на высокую знатность. Ему одному извѣстны были средства, кои употреблялъ онъ, чтобы согласовать великолѣпіе съ бережливостію. Сначала дивились, наконецъ стали приписывать колдовству быстрое и чрезвычайное приращеніе его состоянія, тогда какъ не уменьшались его расходы; долговъ онъ не дѣлалъ, помощи отъ Государя не получалъ и при заботахъ государственныхъ едва ли имѣлъ время заниматься собственными хозяйственными дѣлами. Изъ двухъ тысячъ не съ большимъ душъ выросло у него вдругъ до двадцати. Въ непріяте-

ляхъ недостатка у него не было; надменность его, хотя умѣряемая вѣжливостію, вселяла къ нему нелюбовь, которая въ иныхъ доходила до ненависти. Отъ того пошли толки о тѣсныхъ связяхъ его съ Перецомъ, съ Штиглицомъ, Евреями-миліонерами, кои по его покровительству имѣли въ рукахъ своихъ важныя отрасли государственныхъ доходовъ. Начали замѣчать, что изъ начальниковъ губерній тѣ только пользовались особою его милостію, кои управляли богатѣйшими изъ нихъ и умѣли наживаться; имъ только безпрестанно выпрашивалъ онъ награды. Сіи толки, сіи подозрѣнія тайными каналами достигли, наконецъ, до царскаго слуха.

Передъ отъѣздомъ Государя въ армію, оберъ-прокуроръ Петръ Степановичъ Молчановъ, преданный Куракинымъ, отправленъ былъ въ Саратовъ по какому-то пустому дѣлу, но съ тайнымъ порученіемъ обстоятельно развѣдать о поступкахъ губернатора Бѣлякова. Подъ разными ничтожными предлогами проживъ тамъ все лѣто, онъ осенью воротился съ возомъ обвиненій и неоспоримыхъ доказательствъ хищности любимца Кочубеева. Бѣляковъ былъ призванъ въ Петербургъ и преданъ суду. Ударъ сей нанесенъ былъ самому министру, который горячо въ сіе дѣло вступился. Утверждаютъ, будто въ жару разговора о томъ съ Государемъ, разгнѣванный Александръ далъ ему почувствовать, что почитаетъ его прикосновеннымъ къ злоупотребленіямъ въ Саратовской губерніи; будто обиженный тѣмъ Кочубей сказалъ, что «послѣ того оставаться ему невозможно» и получилъ въ отвѣтъ, «что никто его не удерживаетъ».

Преемникъ его былъ уже на пути изъ Полтавы въ Петербургъ. Нѣкогда Безбородко, дядя Кочубея, при Павлѣ, посредствомъ Лопухиной и Лопухиныхъ, умѣлъ ниспровергнуть такъ-называемую партію императрицы Маріи Ѳеодоровны, Куракиныхъ, Лобановыхъ, Нелидовой, Буксгёвдена. Съ тѣхъ поръ между первымъ изъ сихъ семействъ и его племянникомъ продолжало существовать какое-то непріязненное соперничество. Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, бывшій два года при Павлѣ генералъ-прокуроромъ, можно сказать генералъ-министромъ, долженъ былъ при Александрѣ довольствоваться должностію Малороссійскаго генералъ-губернатора и находиться нѣкоторымъ образомъ въ зависимости своего противника. Призваніе его къ занятію мѣста Кочубея показывало уже явную немилость къ сему послѣднему, который, однакоже, имѣлъ утѣшеніе видѣть, что, при всеобщемъ расположеніи умовъ, безчисленность недовольныхъ смотрѣла на паденіе его какъ на торжество возрастающей Французской партіи, какъ ее называли, оказывала ему участіе и уваженіе и не слишкомъ спѣшила привѣтствовать восходъ Куракина. Мнѣ долженъ былъ онъ

казаться радостнымъ, ибо, по давнишнимъ связямъ отца моего съ старшимъ братомъ новаго министра, могъ онъ ожидать отъ него болѣе защиты и покровительства.

Въ Ноябрѣ случилась сія перемѣна. Въ послѣдней половинѣ царстнованія Екатерины, можетъ быть, съ ея одобренія, всѣ молодые люди богатыхъ и знатныхъ фамилій искали только мѣстъ при Дворѣ и къ занятію ихъ однихъ лишь были способны. И потому-то князь Алексѣй Куракинъ, который изъ нихъ одинъ смолода посвятилъ себя изученію законовъ и трудностямъ гражданской службы, между ними былъ лицо замѣчательное. Въ жизни его были пятна, но да позволено мнѣ будетъ умолчать о всемъ, что́ не клонится къ чести его.

Во время послѣдней кампаніи противъ Французовъ, Императоръ собственными глазами убѣдился во многихъ безпорядкахъ по военному управленію, кои, по мнѣнію его, были причиною послѣднихъ неудачъ нашего войска; одною артилеріей, доведенною до совершенства графомъ Аракчеевымъ, остался онъ доволенъ. Зная, сколь имя сего человѣка, дотолѣ одними только отдѣльными частями управлявшаго, было уже ненавистно всѣмъ Русскимъ, но полагая, что извѣстная его энергія одна лишь въ состояніи будетъ возстановить дисциплину въ войскѣ и обуздать хищность комисаріатскихъ и провіантскихъ чиновниковъ, онъ не поколебался назначить его военнымъ министромъ. Состарѣвшемуся Вязмитинову было дѣйствительно не подъ силу занимать сію должность, когда армія умножилась сотнею тысячъ воиновъ, когда онъ не пользовался никакою довѣренностію, когда, безъ малѣйшей отвѣтственности, вся власть находилась въ рукахъ у докладчика по военной части генералъ-адъютанта графа Ливена и когда, сверхъ того, подъ именемъ главнокомандующаго, взвалили на него управленіе столицей. Еще въ ребячествѣ слышалъ я, какъ съ омерзеніемъ и ужасомъ говорили о людоѣдѣ Аракчеевѣ. Съ конца 1796 года по 1801-й былъ у насъ свой торроризмъ, и Аракчеевъ почитался нашимъ Русскимъ Маратомъ. Въ кроткое царствованіе Александра такіе люди казались невозможны; этотъ умѣлъ сдѣлаться необходимъ и всемогущъ. Сначала былъ онъ употребленъ имъ какъ исправительная мѣра для артилеріи, потомъ какъ наказаніе всей арміи и подъ конецъ, какъ мщеніе всему Русскому народу. Давно уже вся Россія говорила о семъ человѣкѣ; а я не сказалъ ни одного слова; но здѣсь только нашелъ я мѣсто вкратцѣ, по своему, начертать его жизнь и характеръ, впрочемъ всѣмъ извѣстные.

Сынъ самаго бѣднаго дворянина Новгородской губерніи, онъ въ малолѣтствѣ отданъ былъ въ артилерійскій кадеткій корпусъ. Одаренный умомъ и сильною надъ собою волею, онъ съ ребячества

умѣлъ укрощать порывы врожденной своей злости: не только покорялся всегда высшимъ надъ собою, но, кажется, любилъ ихъ власть, видя въ ней источникъ, изъ коего единственно могъ онъ почерпать собственную. Не занимаясь изученіемъ иностранныхъ языковъ, пренебрегая исторіей, словесными науками, до того что плохо выучился Русской грамотѣ, чуждый совершенно чувству всего изящнаго, молодой кадетъ, любя только все разчетливое, положительное, прилѣпился къ однѣмъ наукамъ математическимъ и въ нихъ усовершенствовался. Выпущенный въ офицеры, онъ попалъ въ артилерійскую роту, которая для потѣхи дана была наслѣднику престола и находилась при немъ въ Гатчинѣ.

Лучшей школы раболѣпства и самовластія найти бы онъ не могъ; онъ возмужалъ среди людей отверженныхъ, презираемымъ, покорныхъ, хотя завистливыхъ и недовольныхъ, среди этой малой гвардіи, которая должна была впослѣдствіи осрамить, измучить и унизить настоящую, старую гвардію. Чувствуя все превосходство свое передъ другими Гатчинцами, Аракчеевъ не хотѣлъ имъ быть подобенъ даже и въ изъявленіяхъ холопской своей преданности.

Употребляя съ пользою данную ему отъ природы суровость, онъ давалъ ей видъ какой-то откровенности и казался бульдогомъ, который, не смѣя никогда ласкаться къ господину, всегда готовъ напасть и загрызть тѣхъ, кои бы воспротивились его волѣ. Такимъ образомъ пріобрѣлъ онъ особую довѣренность Павла Перваго.

При вступленіи его на престолъ, былъ онъ подполковникъ, черезъ два дня послѣ того генералъ-майоръ, въ Аннинской лентѣ и имѣлъ двѣ тысячи душъ. Не довольствуясь обогащеніемъ, быстрымъ возвышеніемъ его, новый Императоръ открывалъ широкое поле его извѣстной дѣятельности, создавъ для него новую должность коменданта города Петербурга (не крѣпости) и въ тоже время назначивъ его генералъ-квартирмейстеромъ арміи и начальникомъ Преображенскаго полка. На просторѣ, разъяренный бульдогъ, какъ бы сорвавшись съ цѣпи, пустился рвать и терзать все ему подчиненное: офицеровъ убивалъ поносными, обидными для нихъ словами, а съ нижними чинами поступалъ совершенно по-собачьи; у одного гренедера укусилъ носъ, у другаго вырвалъ усъ, а дворянчиковъ унтеръ-офицеровъ изъ своихъ рукъ билъ палкою. Онъ былъ тогда еще весьма не старъ, не совсѣмъ опытенъ и въ пылу молодости спѣшилъ по своему натѣшиться. Впослѣдствіи выучился онъ кусать и инымъ образомъ. И такія дѣянія, объ ужасѣ коихъ не смѣли ему доложить, почитались милостивцемъ его за ревностное исполненіе обязанностей. Годъ спустя, чрезмѣрное его усердіе изумило самого Царя, и въ одну изъ добрыхъ его минутъ, внимая

общему воплю, рѣшился онъ его отставить и сослать въ пожалованную имъ деревню.

Не болѣе года оставался онъ въ ней. Она была въ близости отъ Петербурга и какъ Государю стоило, такъ сказать, протянуть къ нему руку, то онъ и не утерпѣлъ, чтобы не призвать проученнаго имъ приверженца и не назначить инспекторомъ всей артилеріи. Мнѣ неизвѣстна причина новой немилости къ нему Царя; вѣроятно наговоры и происки безчисленныхъ непріятелей; только вторично долженъ былъ онъ удалиться. Вызванный въ послѣдній разъ, онъ въѣзжалъ въ заставу столицы въ ту самую минуту, когда прекращалась жизнь его благодѣтеля.

Сельское житье его было мучительно для несчастныхъ его крестьянъ, между коими завелъ онъ дисциплину совершенно военную. Ни покоя, ни малѣйшей свободы, ни веселія, плясокъ и пѣсней не знали жители села Грузина, нѣкогда помѣстья князя Меншикова. Вездѣ видны были тамъ чистота, порядокъ и устройство, за то вездѣ одни труды, молчаніе и трепетъ. И эта каторга должна была служить послѣ того образцомъ изобрѣтенныхъ имъ военныхъ поселеній. Непонятно, какъ могъ императоръ Александръ, который зналъ, что въ царствованіе отца его Аракчееву поручено было тайно присматривать за его дѣяніями, какъ могъ онъ вновь избрать его начальникомъ всей артилеріи? Не служитъ ли это доказательствомъ, что личностями умѣлъ онъ иногда жертвовать пользѣ службы? Войдя разъ въ частыя сношенія съ молодымъ Императоромъ, онъ, лучше чѣмъ отца его, успѣлъ его обольстить своею грубою, мнимо-откровенною покорностію; все убѣждало Александра въ его чистосердечіи, самый девизъ въ гербѣ, при пожалованіи ему Павломъ графскаго достоинства, имъ избранный, «безъ лести преданъ». Онъ умѣлъ увѣрить Царя, что кромѣ двухъ боговъ, одного на небѣ, другаго на землѣ, онъ ничего въ мірѣ не знаетъ и знать не хочетъ, имъ однимъ служитъ, имъ однимъ поклоняется.

Въ явномъ несогласіи съ общимъ мнѣніемъ, во многомъ къ нему несправедливымъ, Государь выборомъ графа Аракчеева въ военные министры какъ будто хотѣлъ показать, что онъ симъ мнѣніемъ не дорожитъ и болѣе щадить его не намѣренъ.

Такой человѣкъ какъ Аракчеевъ безусловно не могъ принять министерства. Онъ потребовалъ устраненія графа Ливена отъ военныхъ дѣлъ, уничтоженія канцеляріи военно-походной, причисленія ея къ его собственной канцеляріи и распространенія его власти до того, чтобы сами главнокомандующіе арміями должны были принимать его приказанія. Обстоятельства ему благопріятствовали; на зло недовольнымъ, Государь на все изъявилъ свое согласіе.

Чтобы хотя на время дать совершенный покой старику Сергѣю Кузьмичу Вязмитинову, освободили его и отъ главнаго начальства надъ столицей, назначивъ военнымъ губернаторомъ князя Димитрія Ивановича Лобанова-Ростовскаго. Кажется, и онъ своей строптивости обязанъ былъ симъ мѣстомъ. При Екатеринѣ храбрый полковникъ, при Павлѣ генералъ-лейтенантъ, отставленный отъ службы, жилъ онъ долго въ деревнѣ, забытый всѣми. Объ немъ бы никогда не вспомнили (ибо нечѣмъ добрымъ было помянуть его), еслибы опасность, угрожающая нашимъ границамъ, не заставила вызвать на защиту отечества всѣхъ заслуженныхъ воиновъ. По его проворству поручено ему было сформировать наскоро совсѣмъ новую пѣхотную дивизію; она поспѣла весной, и онъ привелъ ее къ Нѣману въ самое то время, какъ на берегахъ рѣки сей побѣда остановлена была миромъ. Двоюродный братъ его, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, бывшій вице-канцлеръ, назначенный посломъ въ Вѣну, на пути туда, случился тутъ также проѣздомъ и предложилъ его въ число уполномоченныхъ. Тогда они втроемъ съ Будбергомъ имѣли славу подписать знаменитый Тильзитскій трактатъ, за что Лобановъ произведенъ былъ полнымъ генераломъ. Не знаю, почему именно онъ, а не другіе, этимъ огадилъ всѣмъ и, въ насмѣшку надъ кривлявою заносчивостію своею, получилъ прозваніе Князя Мира. Никогда еще ничтожество не бывало самолюбивѣе и злѣе, какъ въ этомъ сокращенномъ человѣкѣ, въ этомъ сердитомъ карлѣ, у котораго на маленькой Калмыцкой харѣ рѣзко было начертано грѣхопаденіе, не знаю, матери или бабки его.

Вотъ почти всѣ новыя лица, которыя явились тогда на политической сценѣ у насъ. Прежніе любимцы, мало-по малу, одинъ за другимъ начали удаляться: Чарторыйскій уѣхалъ въ Австрію и никогда уже въ Петербургъ не возвращался *); Кочубей продалъ домъ и слѣдующею весною поѣхалъ путешествовать за границу; Новосильцовъ сдѣланъ просто сенаторомъ и, получивъ безсрочный отпускъ, поселился въ Вѣнѣ; товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, графъ Павелъ Строгановъ, во фракѣ отличавшійся съ казаками противъ Французовъ, поступилъ въ военную службу генералъ-майоромъ. Одинъ только Чичаговъ сохранилъ покамѣстъ прежнее мѣсто.

Благоразумный Сперанскій, мѣняясь съ обстоятельствами, потихоньку, непримѣтнымъ образомъ, перешелъ изъ почитателей Великобританіи въ обожатели Наполеона, изъ Англичанина сдѣлался Французомъ. Сія перемѣна въ правилахъ и въ образѣ мыслей была для него

*) Авторъ ошибается: князь Чарторыйскій былъ въ Петербургѣ напр. въ 1817 году. П. Б.

чрезвычайно полезна, ибо еще болѣе приблизила его къ Царю, при особѣ котораго единственно остался онъ статсъ-секретаремъ, получивъ увольненіе отъ должности своей въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Вскорѣ потомъ назначенъ онъ товарищемъ министра юстиціи и управляющимъ Коммиссіей составленія законовъ. Не въ однѣхъ двухъ должностяхъ сихъ наслѣдовалъ Сперанскій Новосильцову, но и въ безпредѣльной довѣренности, коею сей послѣдній пользовался у Александра, а слѣдующее затѣмъ пятилѣтіе есть періодъ, который по всей справедливости получилъ его названіе.

II.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ Государь поѣхалъ въ Витебскъ для осмотра большой арміи, которая возсоздавалась изъ своихъ развалинъ. Послѣ того нѣкоторая часть ея взяла направленіе къ Сѣверу; но, приближаясь къ Петербургу, полки, не вступая въ него, обходомъ шли далѣе. Никто не зналъ намѣреній Императора: легко сохранить тамъ тайну, гдѣ никто не ищетъ ее проникнуть, а въ это время всѣ были очень равнодушны ко всему, что̀ не относилось прямо къ Наполеону и его дѣйствіямъ.

Одинъ изъ сихъ полковъ былъ въ совершенномъ разстройствѣ; его остановили и спрятали въ Подгорномъ Пулковѣ, чрезъ которое Царскосельская дорога тогда еще не пролегала: это былъ полкъ зятя моего, Митавскій драгунскій. Дѣлая ему смотръ, великій князь Константинъ Павловичъ сказалъ, что онъ отъ роду еще ничего хуже не видалъ; впрочемъ, сказалъ онъ сіе безъ гнѣва, ибо зналъ, что въ совершенномъ младенчествѣ, не созрѣвъ, полкъ сей ничего не дѣлалъ какъ только храбро дрался, что командуетъ имъ майоръ, что полковой командиръ еще не назначенъ, а шефъ его въ это время лежалъ безгласенъ, бездыханенъ.

Болѣзнь бѣднаго генерала Алексѣева усилилась отъ недостатка въ медицинскихъ пособіяхъ. Будучи въ Витебскѣ, Государь оказалъ ему великое участіе и для излѣченія дозволилъ ему ѣхать въ Москву. Это было въ глухую осень, и я воображаю, какія мученія долженъ былъ онъ выдержать дорогой, и едва ли менѣе того сопровождавшая его супруга; но въ Москвѣ ожидало его спасеніе.

Отъ послѣдняго разгрома въ Пруссіи множество отличнѣйшихъ людей въ разныхъ родахъ спасалось въ Россію. Между ими одинъ соединялъ въ себѣ высокое знаніе врача, долголѣтнюю практику съ величайшимъ искусствомъ оператора: это извѣстный Лодеръ, который находился тогда въ Москвѣ. Алексѣеву, привыкшему ходить на встрѣчу

непріятельскимъ пулямъ и картечамъ, не столь страшно было подставить себя благотворному ножу Лодера, хотя сей послѣдній и объявилъ ему, что операція фистулы можетъ быть для него опаснѣе самаго сраженія и что въ продолженіи ея можетъ испустить онъ духъ. Все это перенесъ онъ съ необычайною твердостію и послѣ того скоро началъ поправляться въ здоровьѣ своемъ.

Съ симъ добрымъ извѣстіемъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Петербургъ вдовый братъ мой Николай. Когда онъ служилъ въ Малороссійскомъ кирасирскомъ полку и жилъ въ уѣздномъ городѣ Гадячѣ, то съ молодою женой часто посѣщалъ по близости губернскій городъ Полтаву, мѣстопребываніе генералъ-губернатора князя Куракина. Въ провинціи знатные не могутъ быть столь разборчивы насчетъ общества какъ въ столицѣ, и молодая женщина, хорошенькая и образованная, должна была казаться украшеніемъ гостиной княгини Куракиной, и оттого мужъ и жена скоро сдѣлались у нея короткими. Желая испытать, не будетъ ли новый министръ внутреннихъ дѣлъ къ нему столь же благосклоненъ, какъ былъ генералъ-губернаторъ, братъ мой пріѣхалъ изъ Пензы чрезъ Москву и явился къ нему съ покорнѣйшимъ привѣтствіемъ отъ отца моего. Для себя братъ мой ничего не хотѣлъ: лишившись подруги, онъ жилъ единственно для дѣтей и для родныхъ; въ неутолимой его горести одна къ нимъ любовь была для него услажденіемъ. И потому-то онъ несказанно былъ утѣшенъ ласковымъ пріемомъ Куракина, который поручилъ ему написать къ нашему родителю, что, зная связи его съ его братомъ Александромъ Борисовичемъ, онъ всегда желалъ быть участникомъ въ этой дружбѣ, а меня велѣлъ себѣ представить. Со мною обошелся онъ какъ съ мальчикомъ, котораго хотятъ приласкать, и я пока и этимъ остался доволенъ.

Но брата моего удовлетворить этимъ было невозможно. Употребляя во зло снисходительность министра, онъ началъ его преслѣдовать неотступными просьбами о доставленіи мнѣ слѣдующаго, но совсѣмъ не слѣдуемаго чина. Сперанскій пересталъ уже быть моимъ начальникомъ, и сладить съ этимъ дѣломъ казалось легче. На его мѣсто поступилъ Григорій Григорьевичъ Пшеничный, изъ Малороссіянъ, нѣкогда правитель канцеляріи генералъ-прокурора князя Куракина, слѣдственно начальникъ Сперанскаго. Человѣкъ этотъ былъ, видно, какъ Фигаро, какъ я, какъ бóльшая часть Русскихъ, дѣятеленъ по необходимости и лѣнивъ по природѣ. Бѣдность заставляла его трудиться въ молодости; когда же онъ поднялся въ чинахъ и нажилъ состояніе, то уже втянулся въ работу, и она обратилась ему въ привычку. Князь Куракинъ, по старому знакомству, призвавъ его опять на службу, забылъ или не зналъ, что десятилѣтній покой послѣ трудовъ отнимаетъ у человѣка

много способностей и охоты. Пшеничный показался намъ человѣкомъ тяжеловѣснымъ, сдобнымъ и мягкимъ какъ вновь испеченный пшеничный пирогъ. Въ экспедиціи засѣлъ онъ какъ бревно; но начальники отдѣленій и другіе чиновники, желая, видно, не походить на лягушекъ басни, обходились съ нимъ весьма почтительно. Все показывало, что отъ него нельзя было ожидать ни пользы, ни вреда. Разсказывали намъ, что на старости лѣтъ пристрастился онъ къ своей національной музыкѣ и проводилъ дни въ играніи на гусляхъ Малороссійскихъ пѣсенъ. Послѣ Сперанскаго, такой-то человѣкъ и былъ мнѣ надобенъ; ему велѣно представить меня къ чину, а для такихъ людей воля начальника есть законъ. Представленія къ наградамъ чрезъ Комитетъ Министровъ дѣлались тогда съ величайшею тайной, и я никогда не узналъ, какіе искусно вымышленные труды могли мнѣ быть приписаны. Какъ бы то ни было, черезъ три мѣсяца послѣ представленія, произведенъ я за отличіе въ надворные совѣтники, со старшинствомъ съ 31 Декабря 1807 года. Вотъ какимъ образомъ добрый братъ мой, въ отставкѣ, въ Петербургѣ заѣзжій, руководимый единымъ горячимъ желаніемъ мнѣ добра, во второй разъ мнѣ благодѣтельствовалъ.

Онъ нѣсколько времени оставался еще въ Петербургѣ, выжидая пріѣзда выздоравливающаго зятя нашего, который, изрѣзанный, похудѣвшій, въ Январѣ мѣсяцѣ прибылъ къ столь же хворому полку своему. Константинъ Павловичъ особенно благоволилъ къ Алексѣеву; съ его высокою помощію и съ собственною врожденною дѣятельностію, въ два мѣсяца онъ успѣлъ поставить полкъ сей на ряду съ лучшими кавалерійскими.

Неожиданная вѣсть разнеслась въ Февралѣ мѣсяцѣ: новая война возгорѣлась почти у воротъ столицы; Русскія войска вступили въ Шведскую Финляндію. За чѣмъ или за что? Упрямый король Густавъ IV думалъ, что походитъ на Карла XII, ибо имѣлъ нѣкоторыя изъ его странностей, забывъ, что не имѣлъ совсѣмъ воинской его храбрости, забывъ его уроны и жалкій конецъ. Онъ одинъ изъ Европейскихъ монарховъ (исключая Англіи) не соглашался еще признать Наполеона императоромъ, не хотѣлъ съ нимъ мириться. Россія должна была приневолить его ко вступленію въ общій союзъ противъ острова, враждебнаго всей твердой землѣ. Роль которую игралъ тогда Александръ, конечно могла казаться незавидною: во исполненіе какъ будто не собственной, а чужой воли, онъ вооружался всею силою своею противъ слабаго сосѣда, близкаго родственника, свояка, ничѣмъ его не оскорбившаго. Наше правительство, т. е. Государь и новые его министры, смотрѣли на это иначе, какъ на начало развитія плана, съ общаго условія въ Тильзитѣ начертаннаго. Къ тому же, храбрость

Шведовъ, неограниченная власть и благородное безразсудство ихъ короля представляли единственный случай къ завоеванію Финляндіи; а опытъ показалъ, еще при Екатеринѣ, сколь Шведское сосѣдство можетъ быть опасно для Петербурга.

Въ первый разъ еще, можетъ-быть, съ тѣхъ поръ какъ Россія существуетъ, наступательная война противъ старинныхъ ея враговъ была всѣми Русскими громко осуждаема, и успѣхи нашихъ войскъ почитаемы безславіемъ. Какъ бы то ни было, наши солдаты, подъ предводительствомъ главнокомандующаго графа Буксгёвдена, дѣлали свое дѣло, шли все впередъ, встрѣчая мало сопротивленія, находя даже помощь въ измѣнѣ многихъ недовольныхъ королемъ. Сей послѣдній изумился, не хотѣлъ сначала повѣрить такой несправедливости; но, убѣдясь въ ней, поступилъ, несчастный, какъ Азіатскій деспотъ: велѣлъ Русскаго посланника лишить свободы и тѣмъ далъ справедливый поводъ къ войнѣ, которая дотолѣ ограничивалась какъ будто одними демонстраціями.

Съ напряженными силами начала Швеція защищаться. Говорить объ этой войнѣ мнѣ еще придется; но описывать, даже начало ея, кажется, не мое дѣло. Истинно-военные люди всегда находятъ причины ко всякой войнѣ справедливыми: имъ лишь бы подраться. Вотъ почему зять мой скорбѣлъ о томъ, что разстройство, неисправность его полка осуждаютъ его на мирное пребываніе въ уѣздномъ городѣ Тихвинѣ, куда въ Мартѣ мѣсяцѣ велѣно было ему полкъ сей отвести. Онъ не зналъ, что война сія безъ него не кончится, или, лучше сказать, имъ кончится.

Мѣсяца два или три прожилъ я самымъ пріятнымъ образомъ, въ семейномъ кругу, что́ въ Петербургѣ случалось со мной рѣдко. Только въ Апрѣлѣ сестра моя поѣхала къ мужу, а братъ мой Николай отправился въ Воронежъ, гдѣ находились его дѣти.

На смѣну той и другому скоро пріѣхалъ старшій, тогда несчастный братъ мой Павелъ. Часто невинные страдаютъ за виновныхъ и вмѣстѣ съ ними. Трудно было Императору отличить тѣхъ отъ другихъ, когда позднее доставленіе амуниціи и съѣстныхъ припасовъ къ дѣйствующей арміи и худое ихъ качество обличали комисаріатскихъ и провіантскихъ чиновниковъ въ умышленной, злонамѣренной неисправности. Еще осенью обоимъ штатамъ объявлена опала, и служащіе въ нихъ лишены чести носить общій армейскій мундиръ. Взамѣнъ никакого имъ дано не было; впослѣдствіи сочинили для нихъ мундиръ, весьма бѣдный, похожій на тотъ, который носятъ полковые лѣкаря, и назначили его въ награду только тѣмъ чиновникамъ, которые на дѣлѣ докажутъ свое усердіе и безкорыстіе. Сіе общее клеймо

пало и на брата моего, котораго оно убивало. Въ провіантской службѣ былъ ему лестенъ одинъ только военный мундиръ; въ продолженіе двухъ кампаній противъ Французовъ старался онъ отличиться отъ другихъ своихъ сослуживцевъ, имѣлъ право ожидать награды, ибо атестованъ и представленъ къ оной былъ отъ главнокомандующаго и корпусныхъ командировъ, и вмѣсто того подвергся общему наказанію. Съ отчетами вызванъ онъ былъ въ Петербургъ и по прибытіи немедленно представилъ ихъ военному министру. Никакого начету на него сдѣлать было не можно; но что́ всего ужаснѣе было для него, графъ Аракчевъ, опасаясь, чтобы малое число честныхъ людей не поспѣшило оставить службу, выпросилъ, вопреки дворянской грамотѣ, запрещеніе подавать въ отставку даже и тѣмъ, кои найдены будутъ совершенно исправными.

Въ это время внезапный упадокъ государственнаго кредита производилъ чрезвычайное уныніе и какъ будто оправдывалъ жалобы людей, болѣе другихъ вопіявшихъ противъ союза съ Наполеономъ. Не знаю, правда ли, что разрывъ съ Англіей и остановка морской торговли были тому причиной. Я могу только судить о дѣйствіяхъ и объ нихъ только могу здѣсь упомянуть. Асигнаціонный рубль, который въ Сентябрѣ еще стоилъ 90 копѣекъ серебромъ, къ 1 Января 1808 года упалъ на семьдесятъ пять, а весною давали за него только 50 копѣекъ серебромъ; далѣе и болѣе, черезъ три года, серебряный рубль ходилъ въ четыре рубля асигнаціями. Для помѣщиковъ, владѣльцевъ домовъ и купечества такое пониженіе курса не имѣло никакихъ вредныхъ послѣдствій, ибо цѣны на всѣ продукты по той же мѣрѣ стали возвышаться. Для капиталистовъ же и людей живущихъ однимъ жалованьемъ было оно сущимъ разореніемъ; кажется, съ этого времени начали чиновники вознаграждать себя незаконными прибытками. Людямъ, недавно купившимъ въ долгъ имѣнія на асигнаціи, пониженіе курса послужило обогащеніемъ и спасеніемъ вообще всѣмъ задолжавшимъ.

Прослыть честнымъ въ провіантскомъ штатѣ было также бѣда. Брата моего вызвали въ Петербургъ нарочно съ тѣмъ, чтобы скорѣе послать его въ Финляндскую армію. Едва недѣли двѣ или три успѣли мы пожить вмѣстѣ, какъ онъ долженъ былъ отправиться, полонъ грусти и унынія, безъ всякой надежды на повышеніе, даже безъ правъ на уваженіе, котораго военный министръ всѣхъ сихъ опальныхъ старался лишить.

Мнѣ вошло въ привычку, на свободѣ, вмѣсто дачи ѣздить каждое лѣто въ Пензу. Мой родитель, становясь старѣе, сдѣлался гораздо снисходительнѣе, если позволено мнѣ сказать, слабѣе къ дѣтямъ, и потому мнѣ нетрудно было получить его позволеніе на новую отлучку;

министерство также не затруднилось дать мнѣ отпускъ. Разставшись съ братомъ, мнѣ что-то стало грустно; къ тому же, отправляясь налегкѣ, онъ оставилъ въ полное мое распоряженіе хорошенькую дорожную коляску; я хотѣлъ ею воспользоваться и 22 Мая, помнится, выѣхалъ изъ Петербурга.

III.

Чтó достопримѣчательное могъ я встрѣтить отъ Петербурга до Москвы по дорогѣ, по которой проѣзжалъ я восьмой разъ въ жизни? Сама Москва, въ которой никого не было изъ моихъ родныхъ и весьма мало знакомыхъ, представлялась мнѣ какъ покойный ночлегъ. Но Русскому какъ будто грѣшно проѣхать Москву, не остановившись въ ней по крайней мѣрѣ дня три; къ тому же, заставили меня сіе сдѣлать нѣкоторыя необходимыя починки въ коляскѣ.

Мало заботясь о томъ, что̀ происходило въ Европѣ, всѣ заняты были тогда домашнимъ важнымъ происшествіемъ, открытіемъ новаго гулянья на Прѣсненскихъ прудахъ. Я помню, когда я жилъ въ пансіонѣ Форсевиля, по близости случалось мнѣ съ товарищами проходить по топкимъ и смраднымъ берегамъ запруженнаго ручья Прѣсни. Искусство умѣло тутъ изъ безобразія сотворить красоту. Не совсѣмъ прямая, но широкая аллея, обсаженная густыми купами деревъ, обвилась вокругъ спокойныхъ и прозрачныхъ водъ двухъ озеровидныхъ прудовъ; подлыя гати замѣнены каменными плотинами, чрезъ кои прорвались кипящіе шумные водопады; цвѣтники, бѣсѣдки украсили сіе мѣсто, которое обнеслось хорошею желѣзною рѣшеткой. Два раза въ недѣлю музыка раздавалась надъ сими прудами, старъ и малъ, богатъ и убогъ толпились вокругъ нихъ. Съ великимъ удовольствіемъ былъ я на этомъ гуляньѣ; оно и по сю пору еще существуетъ въ прежнемъ видѣ, но почти совсѣмъ оставлено посѣтителями. Москвичи, какъ и всѣ мы Русскіе, въ этомъ случаѣ похожи на ребятъ: всегда обрадуются новой игрушкѣ, потомъ скоро она имъ надоѣстъ, и безпрестанно подавай имъ новое.

Честь и хвала однакоже учредителю гулянья сего. Въ прежнія времена, при Екатеринѣ и при Павлѣ камергеры, князь Тюфякинъ, князь Масальской завѣдывали мелкими, брошенными Московскими городскими и загородными дворцами, при каждомъ изъ коихъ было по смотрителю и по малочисленной прислугѣ. Императоръ Александръ, хотя послѣ коронаціи ни разу не заглядывалъ въ Москву, однакоже будучи, какъ извѣстно, великій строитель, чрезвычайно пекся объ ея украшеніи. Воспользовавшись сею склонностію, старый царедворецъ, Петръ Степановичъ Валуевъ подалъ мысль учредить родъ строитель-

ной коммисіи, подъ именемъ Кремлевской Экспедиціи, съ значительнымъ штатомъ и сдѣлать его начальникомъ оной. Москва много отъ этого выиграла: онъ былъ человѣкъ со вкусомъ, къ тому же гибкій, угодительный, часто ѣздилъ въ Петербургъ и умѣлъ выпрашивать суммы на поддержаніе старыхъ зданій, на распространеніе ихъ и на возведеніе новыхъ. Рядовой и весьма небогатый дворянинъ, онъ задумалъ быть знатнымъ, и какъ ни трудно было при Екатеринѣ достигнуть сего безъ заслугъ (чего не дѣлаетъ сильное желаніе!), онъ успѣлъ въ томъ. Женившись на дѣвицѣ, которая была въ близкомъ родствѣ съ сильными вельможами, онъ умѣлъ ими овладѣть и увѣрить, что честь ихъ требуетъ возвысить новаго родственника. Всѣхъ перещеголялъ онъ въ искусствѣ ловко нагибаться передъ любимцами Императрицы и презрительно смотрѣть на толпу, отъ коей началъ отдѣляться. Онъ былъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ, камергеромъ, а при Павлѣ оберъ-церемоній-мейстеромъ, потомъ при немъ же все таже пѣсня: осыпанъ наградами, отставленъ и высланъ изъ Петербурга. Послѣ того въ Москвѣ, убѣжищѣ всѣхъ удалившихся отъ двора вельможъ, естественнымъ образомъ онъ сталъ въ ихъ ряду, пока не создалъ себѣ въ ней пріятнаго служенія. Оставаясь однимъ изъ ея кумировъ (въ числѣ коихъ такъ много истукановъ), онъ самъ однакоже не забывалъ часто ѣздить на идоломоленье въ Петербургъ. Мнѣ случалось только его видѣть иногда; знавшіе же его лично сказывали мнѣ, что ничего не могло быть гибче его передъ силой и упруже передъ слабостью. Пусть оно такъ, наружная сторона Вознесенскаго монастыря, Синодальная типографія и Прѣсненскіе пруды останутся всегда славными его памятниками.

Послѣ недовольнаго Петербурга, поглядѣвъ на безпечную Москву съ удовольствіемъ, не совсѣмъ для нея лестнымъ, я отправился въ Пензу. Подъѣзжая къ Мурому, замѣтилъ я что-то неисправное въ колесѣ и взялъ осторожность поѣхать тише. Пріѣхавъ благополучно, увидѣлъ я, что если бы сотню саженъ далѣе, былъ бы я съ коляской на боку: желѣзная ось совсѣмъ почти была переломлена. Братнину коляску оставилъ я на сохраненіе почтмейстеру, къ коему случайно имѣлъ письмо; безпрестанныя починки мнѣ надоѣли, и я поскакалъ на перекладныхъ, что̀ мнѣ было не въ диковинку. Далѣе Саранска, когда я выѣхалъ со станціи Ермоловки, жаръ сдѣлался нестерпимый, въ Россіи, въ первыхъ числахъ Іюня можно сказать невѣроятный: земля и небо казались раскаленными. Отъ совершеннаго изнеможенія, не смотря на частые толчки, я заснулъ. Когда черезъ часъ я проснулся, мнѣ показалось, что уже сумерки и меня кто-то давитъ; совершенно же очнувшись, я увидѣлъ, что черныя тучи совсѣмъ заволокли небо и до того спустились на землю, что сдѣлались какъ бы досягаемы для

руки. Въ воздухѣ, который отъ сильнаго ихъ давленія сталъ удушливъ, царствовала грозная тишина. Она продолжалась не долго; цѣлые катаракты низвергались на грѣшную главу мою, и страшные громовые удары падали такъ близко, что казалось искали ея. Ямщикъ мой безпрестанно крестился и едва управлялъ лошадями, которыя отъ испуга часто падали ницъ. Я потому позволяю себѣ говорить объ этой грозѣ, что подобной ей въ жизни не видывалъ. Мракъ озарялся не однимъ блескомъ молній, но и пламенемъ зажженныхъ имп окрестъ лежащихъ деревень. На самой же дорогѣ, верстъ на десять до перваго селенія, Пелетмы, не было ни одного мѣста, гдѣ бы я могъ остановиться. Того не могъ я сдѣлать и въѣхавъ въ селеніе; ибо всѣ суетились, бѣгали, и я оглушенъ былъ крикомъ женщинъ, которыя вопили объ отцахъ или мужьяхъ, родственникахъ или сосѣдяхъ, убитыхъ грозою; на самой улицѣ видѣлъ я народъ, толпящійся вокругъ одного изъ тѣлъ. Итакъ, освѣщаемый молніями, долженъ былъ я ѣхать далѣе до станціи Кутли. Я никогда не хвалился храбростію, и потому не безъ труда повѣрятъ мнѣ, если скажу, что мало робѣлъ во время этого воздушнаго мятежа. Это много зависитъ отъ состоянія нервовъ; когда столь страшныя явленія не производятъ жестокаго испуга, то рождаютъ обыкновенно какой-то восторгъ. Его я болѣе чувствовалъ: блескъ, въ которомъ являлась мнѣ смерть, отнималъ бо́льшую часть ея ужаса.

Въ Кутлѣ унялись громъ и молнія; кончилась поэзія грозы, но не прекращалась прозаическая часть ея, проливной дождь, который охолодилъ воздухъ. Въ открытой телѣгѣ, пробитый имъ до костей, дрожалъ я отъ лихорадки, а продолжалъ все ѣхать далѣе. Въ Пензенской губерніи вездѣ черноземъ; накатанная по немъ дорога въ сухое время становится тверда, какъ камень; растворенный же дождевою влагой превращается онъ въ клейкое вещество, которое липнетъ къ экипажамъ и колесамъ и отстать болѣе не можетъ; оттого-то тройка славныхъ коней съ трудомъ и медленно тащила мою легкую повозку. Наступила ночь, зги не было видно, безпрестанно встрѣчались овраги и новыя промоины, и дорога сдѣлалась совсѣмъ не забавна. Между тѣмъ грязь, насылаемая мнѣ копытами лошадей, покрывала весь плащъ мой, а на лицѣ моемъ образовала плотную маску. Проѣхавъ послѣднюю къ Пензѣ станцію Вазерки, налѣво отъ дороги увидѣлъ я огни въ господскомъ домѣ села Грабовки; измученный не могъ я долѣе выдержать, велѣлъ туда поворотить и рѣшился предстать хозяевамъ во всемъ своемъ безобразіи. Дѣйствительно они испугались и не вдругъ узнали меня. Какъ было не принять и не угостить губернаторскаго сынка? Они садились ужинать, но подождали, чтобы дать мнѣ время умыться. Пока продол-

жается ужинъ, дайте мнѣ, читатель, поразсказать вамъ, кто таковы были владѣльцы села Грабовки, меня гостепріимно призрѣвшіе.

Давно, очень давно, прежде описываемаго мною времени, близъ Пензы жилъ счастливо одинъ добродушный и богатый помѣщикъ, Аполонъ Никофоровичъ Колокольцовъ, степенный, кроткій, всѣми уважаемый. Молодая, веселая и прекрасная жена, Елисавета Григорьевна и вокругъ нея пять цвѣтущихъ младенцевъ были радостію его жизни. какъ вдругъ злой судьбѣ захотѣлось посѣтить его жесточайшею изъ печалей. Внутри Россіи войска весьма рѣдко проходятъ черезъ города, а еще рѣже останавливаются въ нихъ; безпрестанныя войны и великое протяженіе границъ требуютъ тамъ ихъ присутствія; когда же невзначай показываются среди жителей, къ нимъ непривычныхъ, то обыкновенно горе мужьямъ и родителямъ! Послѣ Пугачевскаго бунта какой-то драгунскій полкъ цѣлый годъ простоялъ въ Пензѣ на безсмѣнныхъ квартирахъ; имъ начальствовалъ не старый еще полковникъ Петръ Алексѣевичъ Исленьевъ, смѣлый и предпріимчивый, рослый и плечистый. Онъ умѣлъ понравися госпожѣ Колокольцовой; однакоже сія связь оставалась неизвѣстною не только довѣрчивому супругу (мужья суть обыкновенно послѣдніе, до коихъ такого рода тайны доходятъ), но и всѣмъ любопытнымъ кумушкамъ обоего пола, коими провинціальные города всегда такъ наполнены.

Наконецъ, полкъ долженъ былъ выступить, и для любовниковъ пришла минута разлуки. Они, то есть болѣе она была въ отчаяніи и рѣшилась, по мнѣнію моему, на дѣло преступное. Желая въ послѣдній разъ угостить мнимаго друга, котораго полкъ былъ уже на дорогѣ, несчастный Колокольцовъ пригласилъ всю Пензу на прощальный для него пиръ въ то самое село Грабовку, о которомъ говорю. Онъ едва замѣтилъ смущеніе, въ коемъ хозяйка сѣла за столъ; когда же поднялась чаша за здравіе отъѣзжающаго, она вдругъ встала и, заливаясь слезами, объявила, что не имѣетъ силъ съ нимъ разстаться и готова слѣдовать за нимъ всюду. Всѣ гости поражены были симъ театральнымъ ударомъ, вѣроятно приготовленнымъ самимъ Исленьевымъ, которому желалось цѣлый городъ сдѣлать свидѣтелемъ торжества своего и стыда почтеннаго Колокольцона. Сей послѣдній отъ изумленія онѣмѣлъ; любовь превозмогла справедливый его гнѣвъ, онъ палъ къ ногамъ виновной, прощая ея заблужденіе, именемъ дѣтей умолялъ ее не покидать ихъ и его. Она колебалась, когда Исленьевъ показалъ въ открытое окошко, какъ солдаты его выносятъ сундуки и чемоданы, въ которые наканунѣ тайкомъ уложила она свои пожитки. Колокольцовъ велѣлъ было дворнѣ своей остановить солдатъ; Исленьевъ указалъ на стоящій вблизи на коняхъ вооруженный эскадронъ, готовый по знаку его окружить домъ и сдѣлать

всякое сопротивленіе невозможнымъ. Кромѣ дневнаго разбоя, трудно такому поступку пріискать приличное названіе. Хозяйка и гости поспѣшно оставили домъ, за часъ до того шумный и веселый; онъ опустѣлъ и наполнился единою горестію. Будемъ справедливы къ настоящему времени: согласимся, что при нынѣшнемъ правительствѣ и съ нынѣшними нравами столь безстыдная жестокость не могла бы быть терпима и не осталась бы безнаказанною.

Если не люди, то справедливое Небо почти всегда наказываетъ преступленія. Долго странствовала госпожа Колокольцова, таскаясь безпрестанно по походамъ за соблазнителемъ своимъ; она претерпѣвала всякаго рода нужды, въ городахъ чуждалась общества, но нѣкоторое время все была утѣшена продолжающеюся его привязанностію. Между тѣмъ онъ, какъ будто для приличія, женился; законную жену держалъ въ Москвѣ, а наложницу при полку или бригадѣ на полевой ногѣ. Время шло и поневолѣ все болѣе ихъ связывало; она старѣлась, онъ холодѣлъ къ ней; кончилось тѣмъ, что она надоѣла, омерзѣла ему, и сколь они оба ни желали того, ни онъ отвязаться отъ нея, ни она оставить его долго не могли. Наконецъ, рѣшился онъ эту Аріадну бросить въ нищетѣ гдѣ-то на берегу Азовскаго моря*).

Тамъ нашли ее дѣти ея, давно уже совершеннолѣтнія. Соединенными мольбами склонили они оскорбленнаго отца дать кровъ у себя въ домѣ блудной женѣ, болѣе двадцати пяти лѣтъ отъ него отлучившейся. Милосердія двери отверзлись передъ ней, а прежняя любовь за нею ихъ затворила. Дѣло удивительное! Престарѣлый Колокольцовъ влюбился въ обезчещенную старуху столь же страстно, какъ нѣкогда въ нее же, свою непорочную невѣсту. Счастіе и спокойствіе, блиставшіе на первой зарѣ ея жизни, освѣтили опять и вечернюю.

Грабовка была оставлена владѣльцемъ своимъ; онъ уединился во вновь построенномъ для себя убѣжищѣ, въ другой, болѣе отдаленной отъ города деревнѣ; тамъ принялъ онъ заблудшую овцу свою. Еще нѣсколько лѣтъ до возвращенія ея, началъ онъ посѣщать Пензу и, въ намѣреніи жить открыто и пышно, построилъ въ ней самый большой, лучшій каменный трехъэтажный домъ, который послѣ отецъ мой такъ дешево купилъ въ казну для губернаторовъ. Кающаяся грѣшница въ немъ не бывала: она не могла ожидать великой снисходительности отъ Пензенской публики и потому не смѣла или не хотѣла ей показываться,

*) Мерзкіе поступки не мѣшали Исленеву быть отмѣнно храбрымъ и искуснымъ воиномъ. При Екатеринѣ былъ онъ уже генералъ-поручикомъ, а при Павлѣ отставленъ тѣмъ же чиномъ. Его неимовѣрному мужеству приписывалъ отчасти Суворовъ удачный штурмъ Праги. Онъ тѣмъ былъ отличенъ, что получилъ прямо Владимирскую ленту 1-й степени, другой во всю жизнь не получалъ, слѣдственно и не носилъ.

заперлась съ мужемъ въ деревнѣ, а онъ для нея готовъ былъ забыть цѣлый свѣтъ. Однакоже въ первые мѣсяцы губернаторства отца моего, стариннаго ея пріятеля и по первой его женѣ, родственника, любезное, даже нѣжное письмо его къ ней, въ первый и въ послѣдній разъ, вызвало ее въ Пензу изъ добровольнаго ея заточенія. Обхожденіе съ нею добродѣтельной и сострадательной матери моей послужило примѣромъ для другихъ женщинъ. Глядя на сихъ старыхъ, нѣжныхъ супруговъ, подумалъ я: кто бы могъ вообразить, чтобы въ промежуткѣ начала и конца согласной ихъ жизни былъ ужасный, даже отвратительный романъ.

Старшему сыну Димитрію Аполоновичу, женатому на дочери многорѣченнаго Богдана Ильича Огарева, Александрѣ Богдановнѣ, отдана была Грабовка во владѣніе еще при жизни родителей. Жена нравомъ схожа была съ отцомъ, а мужъ съ матерью своею. Она имѣла всѣ тѣ свойства, кои особенно похвальны въ мущинахъ, строгія и твердыя правила, умѣренность въ рѣчахъ, осторожность въ поступкахъ, за то сухость и холодность въ женщинѣ непріятныя. Онъ же имѣлъ нѣкоторыя изъ женскихъ слабостей, былъ нескроменъ, легкомысленъ, добръ сердцемъ и золъ на словахъ. Онъ имѣлъ нѣкоторую образованность, зналъ иностранные языки, довольно успѣшно занимался хозяйственными дѣлами, выписывалъ всѣ дозволенныя газеты, отчасти любилъ политическія новости, а еще болѣе городскія и за слишкомъ поспѣшное разглашеніе ихъ ссорился иногда съ знакомыми. Отъ отца своего получилъ онъ по наслѣдству любовь и уваженіе къ моему и всегда сохранялъ ихъ. Этой связи сылъ онъ обязанъ должностью губернскаго предводителя, на которую выбрали его уѣздные дворяне, почти всѣ преданные моему отцу и почти вездѣ составляющіе большинство.

Къ этой четѣ явился я ночью въ запачканномъ видѣ. Они уговаривали меня переночевать; я не согласился, ибо всего оставалось мнѣ только 24 версты до Пензы, и, насытясь, обогрѣвшись, спѣшилъ я кончить мое путешествіе. Тогда велѣли они шестерню лучшихъ лошадей съ ихъ конюшни заложить въ легкую и покойную коляску и, не смотря на грязь, на горы и овраги, я благополучно въ ней доѣхалъ, хотя впрочемъ далеко за полночь.

Я остановился въ нижнемъ этажѣ опустѣвшаго губернаторскаго дома. За нѣсколько дней до того отецъ мой переѣхалъ въ собственный, деревянный, на Дворянской улицѣ вновь выстроенный домъ, не столь большой какъ красивый: страсть его къ строеніямъ не оставляла его до конца жизни. Къ перемѣщенію его на новоселье была еще особая причина: въ Пензѣ съ любопытствомъ и нетерпѣніемъ, со страхомъ и надеждой ожидали одну важную особу, ни болѣе, ни менѣе

какъ сенатора, какъ ревизора. Кто знаетъ провинцію, тому извѣстно, сколь великимъ это почитается тамъ происшествіемъ. Отецъ мой придрался къ случаю, оказавъ ему учтивость уступкою казеннаго своего жилища и не обременивъ никого постоемъ, пожить въ домѣ, отъ котораго онъ былъ безъ памяти.

Надобно разсказать по порядку, какимъ образомъ, въ первый разъ еще во время управленія отца моего Пензенскою губерніей, велѣно было ревизовать ее. Послѣ отставки Бѣлякова никто не назначенъ былъ Саратовскимъ губернаторомъ. Временно управлялъ губерніею вице-губернаторъ Алексѣй Давыдовичъ Панчулидзевъ. Это такое лицо, которое давно желалъ изобразить я; не доставало только къ тому удобнаго случая.

Кажется, нѣтъ ни одного народа ни въ Европѣ, ни въ Азіи, коего бы представители, образцики, не находились въ Русской службѣ и слѣдственно, наконецъ, не дѣлались Русскими дворянами, отчего сіе сословіе у насъ такъ отличается отъ другихъ, чисто-Русскихъ, и становится помѣсью всѣхъ породъ. Нѣкто Давыдъ Панчулидзе, выходецъ изъ Грузіи, вѣроятно въ числѣ слугъ Грузинскихъ царевичей по временамъ въ Россіи поселяющихся, получилъ какой-то небольшой чинъ, а сыновей успѣлъ опредѣлить въ казенныя учебныя заведенія, въ кадетскіе корпуса, и они всѣ вышли въ люди. Грузинцы вообще не славятся великимъ умомъ, но на что́ онъ годится? И для успѣховъ не во сто ли разъ полезнѣе хитрость, свойственная всѣмъ жителямъ порабощенной Азіи? Старшій сынъ Давыда, Алексѣй Панчулидзе съ 14-го класса служилъ въ Казенной Палатѣ и, не покидая ея, дослужился до чина статскаго совѣтника и должности вице-губернатора. Можно себѣ представить, какую великую опытность пріобрѣлъ онъ въ финансовыхъ дѣлахъ столь богатой губерніи. Два раза былъ онъ вдовцомъ и женился въ третій разъ; но приданое всѣхъ трехъ супругъ далеко не было достоточно, чтобы поддержать то великолѣпіе, коимъ изумлялъ онъ въ Саратовѣ. Не одинъ принадлежащій ему огромный и помѣстительный домъ, а два или три соединенные между собою галереями, и при нихъ множество службъ, обширный дворъ и безконечный садъ, почти внѣ города, занимали болѣе пространства, чѣмъ увеселительные за́мки многихъ изъ Нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей. Этотъ очарованный за́мокъ служилъ гостинницей и ловушкой для всѣхъ пріѣзжихъ изъ обѣихъ столицъ и другихъ провинцій; во время пребыванія ихъ въ Саратовѣ, каждый изъ нихъ пользовался въ немъ помѣщеніемъ, освѣщеніемъ, отопленіемъ, столомъ и прислугой. Этого мало: библіотека, каждый годъ умножаемая вновь издаваемыми книгами на Русскомъ и иностранныхъ языкахъ, въ которую самъ хозяинъ никогда не заглядывалъ, была къ услугамъ малаго

числа читающихъ его посѣтителей; оркестръ, при коемъ находились два-три Нѣмца капельмейстера, долженъ былъ при изъявленіи малѣйшаго желанія тѣшить столь же малое число любителей музыки; конюшня его, наполненная славными рысаками, и псовая охота были въ распоряженіи его гостей болѣе, чѣмъ въ его собственномъ. Возможно ли было устоять противъ обольщеній столь милаго хозяина, въ мѣстѣ, исключая дома его, лишенномъ всякихъ забавъ? Все это было для иногородныхъ; для служащихъ же въ Саратовской губерніи былъ онъ еще болѣе дóрогъ и полезенъ: карманъ его сдѣлался каналомъ, чрезъ который протекая, Пактолъ *) дѣлился на мелкіе ручьи и разливался по тощимъ ихъ нивамъ. Безкорыстнымъ губернаторамъ (кажется, былъ одинъ таковой, Нефедьевъ) умѣлъ онъ угождать всѣмъ, чѣмъ, исключая денегъ, угождать только было можно; съ другими ладилъ онъ посредствомъ дѣлежа. Всѣ оставались довольны, всѣ восхваляли всещедраго, чудеснаго вице губернатора; всѣ знали, къ сотворенію такихъ чудесъ какія употреблялъ онъ средства, и всѣ согласно молчали о томъ. Но вы не знаете о томъ, читатель; объяснить ли вамъ сію тайну? Не говоря о множествѣ другихъ богатыхъ источниковъ, между коими откупная часть, продажа горячаго вина, можетъ почитаться не послѣднимъ, въ Саратовской губерніи находится одинъ неисчерпаемый кладезь, Елтонское соляное озеро: теперь вы понимаете, я надѣюсь. Скажите, чтò такое казна? Общественный капиталъ. Послѣ того можно ли почитать похищеніемъ ея все то, чтò употреблено для пользы общества? Такими разсужденіями многіе, вѣроятно, извиняли г. Панчулидзева, всѣ тѣ, въ коихъ оставалось сколько-нибудь совѣсти.

Онъ самъ своею особой былъ вовсе не любезенъ; малъ ростомъ, блѣденъ, долгоносъ, угрюмъ и молчаливъ; яблонное дерево совсѣмъ не красиво, а любятъ его, ибо плоды его вкусны и сочны. Единственною или, по крайней мѣрѣ, главною его страстію было разчетливое тщеславіе. Никогда, ничего и никого не позволялъ онъ себѣ осуждать; напротивъ, ко всѣмъ порокамъ былъ болѣе чѣмъ снисходителенъ, смотрѣлъ на нихъ одобрительно, всѣхъ запятнанныхъ людей утѣшалъ своимъ участіемъ. Это уже много. Онъ дѣлалъ еще болѣе: не возставалъ даже противъ честности, никогда не преслѣдовалъ ея, почитая ее весьма извинительнымъ заблужденіемъ ума и, разсчитывая, что сколь ни постоянно она гонима въ Россіи, однакоже по временамъ честные люди подымаются въ ней и дѣлаются сильны.

Пока онъ послѣ Бѣлякова временно управлялъ губерніей, показалась въ ней какая-то повальная болѣзнь. Дѣйствительно ли онъ испугался

*) Рѣка въ Лидіи, съ золотымъ пескомъ. П. Б.

или хотѣлъ придать болѣе важности своему донесенію, но онъ представилъ министру, что у него открылась чума. Въ такихъ случаяхъ, туда гдѣ нѣтъ генералъ-губернаторовъ, для скорѣйшаго прекращенія зла, посылаются обыкновенно сенаторы съ особеннымъ полномочіемъ; выборъ же предоставляется министру внутреннихъ дѣлъ. Князь Куракинъ предложилъ Государю Козодавлева, преданнаго ему и имъ взысканнаго человѣка, во время его генералъ-прокурорства бывшаго оберъ-прокуроромъ Сената, а потомъ герольдмейстеромъ. Въ концѣ Февраля отправился онъ со свитою чиновниковъ въ Саратовъ.

Такого ли человѣка, какъ Панчулидзевъ, сталъ бы такой человѣкъ, каковъ былъ Козодавлевъ, уличать во лжи или обвинять въ ошибкѣ, которая ввела правительство въ чрезвычайныя, совсѣмъ излишнія издержки? Къ тому же, прилично ли было сенатору прокатиться даромъ и, надѣлавъ шуму, подобно синицѣ, не зажечь моря? Всѣ мѣры приняты, разставлены карантины, оцѣплены деревни, а отъ страшной заразы умерло всего девять человѣкъ. Не трудно было къ сему числу прибавить нуль, и сколь ни мало оно еще было, увѣрить въ донесеніи, что если тысячи не погибли, то отчасти государство должно за то благодарить бдительность неутомимаго вице-губернатора. Мѣсяца два съ половиною прошли прежде чѣмъ сдѣлано было это донесеніе, и тогда только когда зародыши, самые слѣды жестокой язвы были совершенно истреблены. Такъ безстыдно обмануть Царя тонкаго, недовѣрчиваго, осторожнаго! И никто не взялъ труда объяснить ему смыслъ этой басни. Право, вмѣсто того чтобы гордиться пространствомъ Россіи, приходится иногда жалѣть о томъ, что разстояніе такъ часто мѣшаетъ истинѣ доходить до трона. Козодавлеву дали Александровскую ленту; всѣ сопровождавшіе его и съ хорошей стороны имъ замѣченные губернскіе чиновники получили награды. Мнимая чума совсѣмъ кончилась, а началось настоящее, продолжительное, нравственное опустошеніе Саратовской губерніи: Панчулидзевъ назначенъ губернаторомъ.

Сколь званіе сіе ни лестно было для его самолюбія, онъ безусловно принять его не могъ. Сдѣлать его губернаторомъ, лишивъ его Елтонскаго озера, значило тоже, что̀, подобно Антею, возвысить его, отдѣливъ отъ земли. Что̀ такое былъ бы онъ безъ солянаго озера? Самсонъ безъ волосъ. Въ удовольствіе его, управленіе соляною частію перенесено и причислено къ должности гражданскаго губернатора.

Чтобы продлить на все лѣто пріятное внѣ столицы сенаторское пребываніе Козодавлева, министръ внутреннихъ дѣлъ придумалъ испросить ему приказаніе проѣздомъ обозрѣть Пензенскую губернію, разсмотрѣть нѣкоторыя оставшіяся безъ отвѣта прежнія жалобы жителей и производящееся дѣло по подложной просьбѣ въ отставку отца моего.

Тутъ былъ еще противъ него тайный умыселъ князя Куракина, какъ послѣ сіе открылось; въ секретномъ письмѣ просилъ онъ, Козодавлева именемъ старой дружбы, расхвалить все, даже то что̀ не найдетъ онъ слишкомъ исправнымъ. Не мнѣ осуждать его за то.

Объ этомъ отецъ мой, разумѣется, ничего не зналъ и, слыша, какъ Панчулидзевъ превосходилъ самого себя, какъ разнообразно потѣшалъ онъ пребывающаго въ Саратовѣ сенатора, не имѣя ни средствъ, ни намѣренія въ чемъ-нибудь равняться съ нимъ, нѣсколько затруднялся въ томъ, какимъ образомъ ему принять избалованнаго угощеніями Козодавлева. При мнѣ болѣе недѣли со дня на день его ожидали; наконецъ, пріѣхалъ онъ съ семействомъ своимъ и довольно большею свитой. Въ уступкѣ для его жительства казеннаго дома видѣлъ онъ знакъ отмѣннаго къ нему уваженія и хотѣлъ отвѣчать на то вѣжливостію; потому отказался, опасаясь, какъ говорилъ онъ, подвергнуть губернатора и кратковременному стѣсненію. Родитель же мой, какъ отцы къ младшимъ дѣтямъ, какъ авторы къ послѣднимъ своимъ сочиненіямъ, такъ прилѣпился къ новому архитектурному творенію своему, что уже все лѣто не хотѣлъ съ нимъ разстаться, и я одинъ остался на раздольѣ въ губернаторскомъ домѣ. Отказъ занять его наши Пензенскіе недоброжелатели сочли немилостію сенаторскою, тѣмъ болѣе, что, по приглашенію одного помѣщика, который безъ ссоры чуждался нашего семейства, остановился онъ въ его домѣ. О семъ помѣщикѣ не сказалъ я еще ни слова, и развѣ здѣсь придется о немъ поговорить.

Осипъ Петровичъ и Анна Петровна Козодавлевы родились въ одномъ году и въ одномъ городѣ; потомъ встрѣтились, влюбились, женились и, наконецъ, въ одномъ и томъ же году оба умерли. Сама природа приготовила ихъ другъ для друга, и судьба споспѣшествовала ихъ соединенію. Столь согласныхъ и нѣжныхъ супруговъ встрѣтить можно было не часто; ученію Апостола касательно браковъ «да будутъ двѣ плоти во едино» слѣдовали они съ точностію. Дѣйствительно они были какъ бы одно тѣло, изъ коего на долю одному достались кожа да кости, а другой мясо и жиръ. Каждый отдѣльно являлся болѣе или менѣе дробью; только въ приложеніи другъ къ другу составляли они цѣлое. Оттого во всю жизнь ни на одни сутки они не разлучались; къ счастію, Осипъ Петровичъ не былъ воинъ, не то Анна Петровна сражалась бы рядомъ съ нимъ. Оба замѣчательны были одинаковымъ безобразіемъ, и что̀ еще удивительнѣе, въ обоихъ оно было не безъ пріятности. Имъ было тогда за пятьдесятъ лѣтъ; слѣдственно въ молодости это безобразіе могло быть и привлекательно, и тѣмъ объясняется взаимная ихъ страсть.

Одного семейнаго счастія не доставало имъ: у нихъ не было дѣтей. Имъ замѣнила ихъ любимая воспитанница. У Анны Петровны была

сестра, княгиня Елисавета Петровна Хилкова *), обѣ урожденныя княжны Голицины; сей послѣдней Богъ не далъ ума, коимъ наградилъ старшую, за то благословилъ чрево ея. Одну изъ ея дочерей, въ честь тетки названную Анною, крестила Козодавлева и груднымъ младенцемъ взяла къ себѣ съ кормилицей. Родную дочь нельзя было болѣе любить, и дѣвочка, называя ихъ отцомъ и матерью, платила имъ величайшею нѣжностію, за то непростительнымъ образомъ чуждалась, даже гнушалась тѣхъ, коимъ обязана была жизнью. Съ перваго взгляда была она очень хороша собою, стройна какъ пальма, румяна какъ роза, бѣла какъ мраморъ. Пріятности, однакоже, черты лица ея не имѣли, и цвѣтъ волосъ у нея былъ самый странный: видно было, что время изъ рыжихъ сдѣлало ихъ темнорусыми, ибо изъ темноты ихъ все выскакивали яркія искры; они обрусѣли какъ бы рѣчь чужестранца, который бы правильно говорилъ по-русски, но съ иноземнымъ выговоромъ. Воспитана она была хорошо и въ семнадцать лѣтъ совсѣмъ не застѣнчива, съ невинною веселостію не подозрѣвала могущества красоты и никому не имѣла желанія нравиться. Гораздо послѣ, весьма уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ и будучи замужемъ за однимъ княземъ Щербатовымъ, какъ мнѣ сказывали, разсчетливость произвела въ ней сіе желаніе. Но въ то время, никогда не видавъ Петербургскихъ баловъ, на кои ея не вывозили еще, плясать на Саратовскихъ и Пензенскихъ казалось ей верхомъ блаженства.

При отправленіи Козодавлева, нѣсколько чиновниковъ дано было въ его распоряженіе, и на возвратномъ пути его трое изъ нихъ находились при немъ въ Пензѣ. Флоръ Осиповичъ Доливо-Добровольскій, человѣкъ самый дѣятельный и проворный, былъ полицеймейстеромъ въ Могилевѣ, когда, при обозрѣніи сей губерніи, Козодавлевъ узналъ, оцѣнилъ и понялъ его. Онъ его вытребовалъ въ видѣ старшаго адъютанта, когда ополчился противъ Саратовской чумы. Родъ Добровольскихъ и Кршижановскихъ въ Польшѣ и Западныхъ губерніяхъ и Евреиновыхъ въ Россіи весьма многочисленъ; ихъ названія ознаменованы крестомъ (кршижъ по-польски) и будутъ гласить позднѣйшему ихъ потомству о доброй волѣ, съ какою Израильскіе предки ихъ приняли христіанскую вѣру. Судя по красивымъ, но совершенно Іудейскимъ чертамъ лица Флора Осиповича, можно было полагать, что святое мѵропомазаніе, изъ семейства его, надъ нимъ первымъ совершено было. По происхожденію его и по должности, которую онъ занималъ, состояніе его

*) Въ Москвѣ я слышалъ, что эта женщина была геніально глупа. Ее кто-то увѣрилъ, что преставленіе свѣта будетъ въ тотъ годъ, когда Свѣтлое Воскресеніе придется въ Великій Четвергъ, и при началѣ каждаго года она съ трепетомъ о томъ справлялась.

могло быть и родовое, и благопріобрѣтенное; денегъ было у него много, онъ не скупъ былъ на нихъ, но умѣлъ дѣлать изъ нихъ полезное для себя употребленіе. Въ искусствѣ угождать начальству (не одною ревностною службой), въ то время довольно обыкновенномъ, былъ онъ не послѣдній. Особенно имѣлъ онъ даръ дарить нужныхъ ему людей и дамъ, усердно и ловко подъ именемъ бездѣлицъ предлагая имъ мелкія драгоцѣнныя вещи, которыя подъ именемъ же бездѣлицъ безъ затрудненія могли быть приняты. Отъ сихъ бездѣлицъ, удачно посѣянныхъ, собиралъ онъ въ послѣдствіи весьма полезные плоды. Дѣятельность не покинула его и въ старости: служа въ почтовомъ вѣдомствѣ, въ сѣдинахъ и въ лентахъ, и понынѣ скачетъ онъ по станціямъ, для осмотра будто бы состоянія почтъ въ Россіи.

Другой сенаторскій адъютантъ или секретарь былъ Андрей Петровичъ Римской-Корсаковъ, молодой человѣкъ небольшаго роста, и я готовъ прибавить, и ума, въ которомъ корыстолюбіе только что развивалось, а самолюбіе было въ полномъ развитіи. Отецъ его, Петръ Воиновичъ, по деревнѣ, былъ сосѣдомъ графа Аракчеева, который, какъ извѣстно, въ собесѣдникахъ своихъ не искалъ ни высокаго просвѣщенія, ни любезностей общежитія. Онъ коротко сошелся съ старымъ Корсаковымъ, потому что тотъ былъ великій весельчакъ, ѣдунъ и любодѣй, и выпросилъ у Государя фамильное имя его и права̀ законныхъ дѣтей пяти сыновьямъ его внѣ брака рожденнымъ; въ числѣ ихъ былъ и тотъ, о коемъ говорю. Козодавлевъ, какъ человѣкъ придворный, любилъ въ немъ сына Аракчеевскаго друга, любилъ трудолюбіе его и политическое воспитаніе, которое надѣялся ему дать *).

Если третьему чиновнику Козодавлевъ оказывалъ менѣе вѣжливости и вниманія, за то любилъ его паче другихъ. Сего весьма зрѣлаго юношу звали Иванъ Никитичъ Бѣлоклоковъ. Слыхали ли вы когда-нибудь такое названіе? Ужъ вѣрно нѣтъ и никогда болѣе не услышите: безъ рода и безъ племени, онъ умеръ безъ жены и безъ потомства. Вышедъ изъ тьмы неизвѣстности, сей малый метеоръ посіялъ малое время заимствованнымъ отъ Козодавлева тусклымъ блескомъ и опять послѣ него погрузился во мракъ. Онъ былъ довольно добрый малый, но неспособный ни на какую должность, кромѣ той, которая составляетъ середину между приватнымъ секретаремъ и камердинеромъ. Если кто вспомнитъ, что̀ говорилъ я о безплодіи друга моего Тургенева, тотъ конечно удивится, когда узнаетъ, что я почитаю его родоначальникомъ особаго рода людей въ Русской службѣ, которыхъ я на-

*) Изъ послѣдней должности, которую занималъ этотъ Римской-Корсаковъ, Волынскаго гражданскаго губернатора, былъ онъ навсегда выгнанъ.

зову чиновниками-хлопотунами. До него въ колегіяхъ и канцеляріяхъ находились просто люди занятые или праздные, трудящіеся или числящіеся; онъ вымыслилъ нѣчто новое, подобно симъ искуснымъ женщинамъ, которыя, при наслажденіи порокомъ, умѣютъ пользоваться всѣми почестями добродѣтели. Послѣдователи въ изобрѣтенномъ имъ искусствѣ далеко его опередили. Нынѣ каждый министръ имѣетъ при себѣ по чиновнику-хлопотуну, рѣдко болѣе одного. Они находятся при немъ неотлучно, безсмѣнно дневальными, всегда подъ рукой; они чинятъ ему перья, ничего не пишутъ, кромѣ пригласительныхъ его записокъ, разсылаютъ ихъ, исполняютъ его комисіи по дѣламъ службы, равно какъ и по домашнимъ его дѣламъ. Они ходятъ къ нему прямо въ кабинетъ, въ спальню, даже далѣе; имъ однимъ является онъ въ халатѣ, иногда въ рубашкѣ; при нихъ брѣется, умывается. Тѣ, которые пользуются уже неограниченною его довѣренностію, проникаютъ въ слѣдъ за нимъ въ уединеннѣйшее мѣсто его жительства; тамъ, вдали отъ взоровъ другихъ докладчиковъ и толпы просителей, одни они присутствуютъ при семъ тайномъ возсѣданіи и даже тутъ представляютъ ему нѣкоторыя черновыя бумаги. Они гроза курьеровъ, предметъ любезностей директоровъ, глубочайшаго почтенія начальниковъ отдѣленій. При испрошеніи или раздачѣ наградъ, разумѣется, самые лакомые куски имъ достаются. Общая страсть ихъ *покровительствовать*: уставая отъ безпрестанно-согбеннаго и сжатаго положенія, они любятъ расправляться передъ тѣми, кто въ нихъ ищетъ. Но кругъ министерства, въ коемъ служатъ, для нихъ слишкомъ тѣсенъ: они выпрашиваютъ у своего министра рекомендательныя письма къ другимъ; о мѣстахъ, о чинахъ, о денежномъ пособіи хлопочутъ у директоровъ департаментовъ; по тяжебнымъ дѣламъ, за деньги или даромъ, ходатайствуютъ у сенаторовъ, у оберъ-прокуроровъ; за каждое оказанное имъ снисхожденіе требуется и отъ нихъ какая-нибудь послуга, и они становятся настоящими мѣнялами. Этой вѣчной суетѣ посвящаютъ они все свободное время, которое оставляютъ имъ занятія по прямой, или, лучше сказать, по косвенной ихъ обязанности, и это даетъ имъ, болѣе чѣмъ кому, видъ озабоченныхъ людей въ столицѣ. Послѣ всего сказаннаго нужно ли болѣе объяснять, какой родъ должности при Козодавлевѣ исправлялъ Бѣлоклоковъ, одинъ изъ первыхъ порожденій Тургенева *)?

Еще одинъ Пензенскій помѣщикъ самъ приписалъ себя къ свитѣ Козодавлева. Я объ немъ не говорилъ: дворянство сей губерніи такъ многочисленно, что нѣтъ возможности назвать всѣхъ членовъ его

*) Въ новѣйшее время, въ семъ родѣ болѣе всѣхъ были замѣчательны два человѣка: Николай Ѳеодоровичъ Рёмеръ и Гаврило Степановичъ Поповъ.

вдругъ, а только постепенно, при удобномъ случаѣ, выводить ихъ на сцену. Николай Порфирьевичъ Дубенскій былъ сынъ Порфирія и племянникъ Ксенофонта Гавриловичей, которые оба, если вѣрить преданіямъ, при умѣ и нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ, имѣли удивительную, непонятную охоту откармливать свиней. Изъ этого заключить можно, что ни который изъ нихъ не могъ служить Фонъ-Визину образцомъ въ изображеніи характера Скотинина. Однакоже время охоту сію превратило въ страсть, когда поля ихъ покрылись цѣлыми стадами сихъ животныхъ, и они ростомъ и дородствомъ стали равняться съ кабанами. Если пристально станешь разсматривать лица, то на физіономіи дѣтей почти всегда найдешь отпечатокъ склонностей, которыя имѣли ихъ родители. Желтовато-смуглое лицо молодаго Дубенскаго всегда имѣло цвѣтъ и подобіе слегка копченаго окорока; изъ поръ его, даже безъ большаго жара, вмѣсто обыкновенной потной влаги, все проступали какъ бы частицы растопленнаго сала; сурово-потупленный взглядъ давалъ ему тоже нѣкоторое сходство съ любимцами его отца; но на этомъ оно и останавливалось. Кажется, онъ имѣлъ расположеніе къ толщинѣ, если бы желчь, которою онъ былъ преисполненъ, не поглощала бы и не истребляла въ немъ зародышей жира до того, что съ лѣтами кожа лица его потеряла свою первоначальную влажность.

Виноватъ, я находилъ большое удовольствіе въ его обществѣ: въ Пензѣ никто не могъ равняться съ нимъ умомъ и знаніемъ; въ другихъ мѣстахъ встрѣчалъ я много людей умнѣе его, но злѣе и завистливѣе никого не встрѣчалъ. Онъ готовъ былъ вредить всякому успѣху самаго добраго знакомаго (друзей у него не бывало): полученіе кѣмъ-либо небольшаго чина, маловажный выигрышъ въ карты, любовь къ кому-нибудь даже противной ему женщины, все производило его досаду и весьма острыя, язвительныя насмѣшки. Умомъ побѣждалъ онъ однакоже иногда злость: онъ не любилъ отца моего, но гнушался подлыми его противниками и не хотѣлъ мѣшаться въ ихъ интриги. Жена его Елисавета Петровна, урожденная Гартунгъ, воспитанная въ Смольномъ монастырѣ, была въ Петербургѣ какъ-то знакома съ семействомъ Козодавлева; онъ же самъ, выпущенный при Екатеринѣ капитаномъ, не съ большимъ въ тридцать лѣтъ былъ отставнымъ полковникомъ, не видавъ никогда непріятельскаго огня. Потому и желалъ онъ сразиться по крайней мѣрѣ съ опасностями моровой язвы, чрезъ покровительство жены вызванъ сенаторомъ къ нему въ помощь и за великіе подвиги въ дѣлѣ семъ произведенъ въ статскіе совѣтники. У него въ домѣ остановился Козодавлевъ. Всѣмъ извѣстно, какимъ блестящимъ образомъ служилъ онъ потомъ и какъ внезапно и постыдно упалъ онъ съ высоты, до коей достигъ.

Въ сношеніяхъ своихъ съ отцомъ моимъ, г-нъ Козодавлевъ не подавалъ повода къ малѣйшему неудовольствію; напротивъ, какъ будто нехотя бралъ первенство передъ нимъ, и часто упоминалъ о томъ, что въ чинѣ его моложе. Что касается до части угостительной, то онъ вывелъ его изъ затрудненія угадывать что можетъ ему быть пріятнѣе, и самъ указалъ на средство удовлетворить его желанія. Онъ просилъ губернатора о приказаніи ежедневно доставлять въ его домъ нужные для него съѣстные припасы и вести тому вѣрный счетъ, по которому при отъѣздѣ не оставитъ онъ сдѣлать уплату. Такъ какъ въ Пензѣ трудно было достать хорошаго вина, которымъ былъ наполненъ погребъ отца моего, то онъ его же просилъ снабжать онымъ, обѣщаясь по возвращеніи въ Петербургъ въ замѣну прислать ему цѣлый транспортъ. Болѣе ничего онъ не требовалъ, а то ли дѣло было въ Саратовѣ! Однакоже и этого было довольно и было бы даже слишкомъ много, еслибъ пребываніе его въ Пензѣ продлилось. Онъ былъ человѣкъ умный, добрый и просвѣщенный, съ весьма хорошимъ состояніемъ, и такое отсутствіе деликатности, конечно, было ни что иное какъ остатокъ дурныхъ обычаевъ прежнихъ временъ.

Приблизилось время Петровской ярмарки, и обыкновенный съѣздъ на нее чрезвычайно умножился прибытіемъ Саратовскихъ жителей и помѣщиковъ, пріѣхавшихъ на поклоненіе сенатору благодѣтелю. Дворянство, купечество начали въ честь его давать праздники, на коихъ царицею была любимая дочь-племянница, княжна Анна Михайловна. Сдѣлавшись почти домашнимъ у Козодавлевыхъ, я замѣтилъ, что они того же ожидаютъ отъ отца моего, и такъ уже обремененнаго чрезвычайными расходами. Я началъ его уговаривать; дѣлать было нечего, и онъ рѣшился дать пиръ въ селѣ своемъ Симбухинѣ, который въ провинціи могъ почитаться великолѣпнымъ. Онъ думалъ, что тѣмъ и кончится; нимало: Козодавлевымъ полюбилось пировать на чужой счетъ, и они уже безъ зазрѣнія совѣсти стали сами напрашиваться. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ, не смотря на жары, должно было дать еще два бала: одинъ въ собственномъ домѣ, въ которомъ жилъ отецъ мой, а другой въ пустомъ губернаторскомъ, 22-го числа, въ день имянинъ вдовствующей Императрицы. Все это, говорили, было ничто въ сравненіи съ Саратовомъ, гдѣ однакоже пиршества только сопровождали другія, гораздо важнѣйшія, пожертвованія. Великая разница въ положеніи двухъ губернаторовъ: одинъ только что вступилъ въ должность и имѣлъ тысячу средствъ къ вознагражденію себя за убытки, другой ни прежде, ни послѣ не имѣлъ ни одного и думалъ уже объ оставленіи службы.

Давно уже окончены были ничтожныя дѣла, порученныя въ Пензѣ разсмотрѣнію Козодавлева; а онъ все медлилъ отъѣздомъ, котораго

мы ожидали съ нетерпѣніемъ, не смотря на ласки, на любезности намъ расточаемыя какъ имъ самимъ, такъ и окружающими его. Ко всему этому присоединилось еще одно обстоятельство довольно непріятное и затруднительное. Бѣлоклоковъ, который игралъ столь важную и столь низкую роль при сенаторѣ, затѣялъ влюбиться въ меньшую сестру мою Александру. Нравиться ей онъ не могъ: онъ не былъ даже дуренъ, а имѣлъ одну изъ тѣхъ пошлыхъ физіономій, которыхъ никогда не замѣчаешь, которыя видишь двадцать разъ, каждый разъ полагая, что это въ первый; но благодарность ли, или женское самолюбіе—онъ казался ей менѣе отвратителенъ, чѣмъ другимъ. Козодавлевъ ни мало не затруднился съ предложеніями обратиться къ отцу моему. Это была его любимая дочь. Онъ жестоко обидѣлся, но, стараясь не показывать того, только что нахмурился и отослалъ къ матери моей, говоря, что онъ въ эти дѣла не мѣшается. Она же, будучи предупреждена, отвѣчала, что ни за что̀ не согласится прежде восемнадцати лѣтъ выдать замужъ дочь, которая едва только вступила въ семнадцатый годъ. Кажется, можно было это принять за учтивый отказъ; но Козодавлевы упрямились видѣть въ томъ отстрочку, и внезапную холодность, которую показывала сестра моя, когда узнала, что дѣло становится серіознымъ, почитать застѣнчивостію, стыдливостію провинціальной дѣвочки.

Наконецъ, въ Августѣ мѣсяцѣ, который у насъ считается первымъ осеннимъ, начались ихъ сборы къ отъѣзду. На дорогѣ былъ Саранскъ и его Успенская ярмарка; нѣжность Козодавлевыхъ къ моимъ родителямъ до того увеличилась, что, желая какъ можно позже съ ними разстаться, они начали уговаривать ихъ съ ними туда доѣхать. Больно было отцу моему провожать сенатора, тащиться за нимъ; но трудно отказывать людямъ, которые умоляютъ и въ которыхъ имѣешь нужду. Итакъ, послѣ завтрака у насъ, всѣ вмѣстѣ отправились мы въ путь. На половинѣ дороги, своротивъ немного влѣво, приготовленъ намъ былъ ночлегъ у одного помѣщика, весьма замѣчательнаго человѣка, по его предварительному приглашенію.

Благодатный родъ чудаковъ, которыми и Москва, и провинція въ старину такъ были обильны, нынѣ совсѣмъ почти исчезъ. На перепутьи, у одного изъ сихъ послѣднихъ Могикановъ, не могу отказать себѣ въ удовольствіи остановиться передъ его памятью. Иванъ Ѳедоровичъ Кошкаровъ былъ счастливымъ смертнымъ: онъ былъ всегда веселъ, здоровъ, жилъ почти всегда въ деревнѣ, имѣлъ тысячу душъ. На туловищѣ его, имѣвшемъ видъ четвероугольнаго обруба или терма, торчала голова, какъ бы изсѣченная изъ темносѣраго мрамора съ бѣлыми крапинами, то-есть лицо его было смуглое и рябоватое. Пріятную, забавную свою уродливость соединилъ онъ съ чудеснѣйшею кра-

сотой одной Ольги Васильевны. Въ первые годы супружества оставалась она ему вѣрною, и отъ того, къ сожалѣнію, всѣ дѣти наружностію въ него удались. До конца дней своихъ былъ онъ влюбленъ въ свою Оленьку и могъ любоваться собою, глядясь въ восемь или девять зеркальцевъ, отражавшихъ его самодовольную харю. Нѣчто однакоже любилъ онъ едва ли не болѣе жены: музыкальное чувство было въ немъ врожденное, онъ имѣлъ вѣрный слухъ и самоучкою изрядно игралъ на скрипкѣ; ко всѣмъ странностямъ стариннаго покроя помѣщика прибавлялъ онъ всѣ проказы бѣшенаго меломана. Изрѣдка посѣщалъ онъ Петербургъ и имѣлъ причины всегда тамъ быть доволенъ сдѣланнымъ ему пріемомъ: во многіе знатные дома на расхватъ его приглашали. Онъ никакъ не разбиралъ ни лѣтъ, ни званія, со всѣми обходился равно фамильярно и, чрезвычайно смѣшно изъясняясь по-французски, всѣхъ называлъ mon cher. Какъ кладу обрадовался ему Шаховской, снялъ съ него скорѣе слѣпокъ и по немъ удачно успѣлъ изваять двѣ оригинальныя фигуры Пентюхина и Транжирина въ своихъ комедіяхъ. Мнѣ случилось сидѣть подлѣ этого Кошкарова, во время концерта знаменитаго скрипача Роде; ничего не могло быть забавнѣе, какъ видѣть огромное его пузо, трепещущее отъ восторга и слышать тихо, чуть внятно произнесенныя слова: «Батюшка, Родюшка, голубчикъ, другъ мой!» Нужно ли говорить, что у такого человѣка былъ отличный оркестръ, когда въ это время, слѣдуя обычаю, другіе помѣщики, менѣе его богатые и не имѣвшіе понятія о музыкѣ, заводили свои капеллы. Смѣшно и жалко было смотрѣть на поминутныя ласки его Русскому капельмейстеру, который завелъ ему роговую музыку, можетъ быть лучшую въ Россіи и въ тоже время явно былъ любовникомъ жены его. Она же, гораздо за сорокъ лѣтъ, все еще совершенная красавица, прекрасно насъ угостила. Сенатору и губернатору съ супругами, разумѣется, отведены были особыя комнаты, а насъ, другихъ прочихъ, кое-какъ уложили спать. На другой день, съ ранняго утра до поздняго завтрака, потчивали насъ музыкой; послѣ того отправились мы далѣе и къ вечеру пріѣхали въ Саранскъ.

Ярмарка въ самомъ разгарѣ: скачка, шумъ, крикъ въ небольшомъ городѣ, тѣсное помѣщеніе въ жаркое время года, все это, къ счастію, весьма не полюбилось Козодавлевымъ; угощеніе, впрочемъ, довольно богатаго городничаго Евсюкова также не слишкомъ понравилось имъ и, пробывъ только два праздничные дня, 15 и 16 числа, они 17-го насъ оставили. Отецъ мой поспѣшилъ обратно въ Пензу, куда призывали его и повѣрка собственныхъ домашнихъ счетовъ, и накопленіе дѣлъ во время веселой суматохи, произведенной присутствіемъ сенатора. Слѣдствіемъ оной между прочимъ была продажа любимаго его

новаго дома, который построилъ онъ экономически, долго отказывая себѣ во многихъ прихотяхъ.

Мнѣ также была пора скоро воротиться въ Петербургъ; до зимняго пути было еще далеко, а поздній осенній въ тогдашнее время, еще болѣе чѣмъ теперь, у насъ былъ настоящая пытка. Помаленьку сталъ я сбираться и совсѣмъ готовъ былъ отправиться, какъ одинъ весьма пріятный случай заставилъ меня на нѣсколько дней отложить свой выѣздъ. По утру, 7 Сентября, почтмейстеръ къ отцу моему принесъ съ почты пакетъ, въ коемъ находились Государевъ рескриптъ и Аннинская лента. Куракинъ ожидалъ только окончательнаго, требуемаго имъ донесенія Козодавлева, чтобы сдѣлать сильное, убѣдительное представленіе Царю. Это было торжество, побѣда надъ врагами, но объ одержаніи ея такъ много и такъ долго, право, не стоило заботиться, а не лучше ли бы было давно отойти съ миромъ, особенно тогда, какъ званіе губернатора годъ отъ году примѣтно упадало? Какъ однакоже ордена въ то время не потеряли еще совсѣмъ цѣну свою, особенно же ленты и звѣзды, то полученіе такой награды, хотя довольно поздно, обрадовало моихъ родителей. Семь лѣтъ отецъ мой былъ на губернаторствѣ, и я заставилъ его засмѣяться, когда, поздравляя его съ царской милостью, сказалъ, что онъ получилъ ее за семилѣтнюю войну съ негодяями. Многіе изъ его приверженцевъ хотѣли давать ему обѣды, балы; онъ отклонилъ отъ себя сіи почести, ибо съ Козодавлевымъ долженъ былъ напередъ отпраздновать послѣдній успѣхъ свой по службѣ. Въ семейномъ кругу, съ малымъ числомъ коротко знакомыхъ, провели мы нѣсколько пріятныхъ дней.

Въ братниной коляскѣ, привезенной мнѣ изъ Мурома, выѣхалъ я изъ Пензы въ день Воздвиженія Креста, 14 Сентября. Отъѣхавъ не болѣе двѣнадцати верстъ, встрѣтилъ я тяжело нагруженную четвероместную карету; сидѣвшая въ ней вскрикнула и велѣла остановиться. Это была сестра моя Алексѣева. Ея мужъ выступилъ въ походъ противъ Шведовъ, а она, въ разлукѣ съ нимъ, спѣшила къ родителямъ и къ двумъ малымъ сыновьямъ, которые съ учителемъ около года находились въ домѣ у дѣдушки. Отъ этой встрѣчи цѣлымъ получасомъ опоздала она къ нимъ на свиданіе.

Время мнѣ благопріятствовало, оно было сухое, теплое; въ сутки часа на три или на четыре становилось даже жарко. Ночью однакоже бывало холодно. Отъ частыхъ перемѣнъ въ температурѣ я простудился, и въ самый день пріѣзда моего въ Москву схватила меня лихорадка; но два-три дня были для меня достаточны, чтобъ отъ нея освободиться. Французская труппа съ Филисой изъ Петербурга находилась тогда на время въ Москвѣ; я пошелъ ее смотрѣть во вновь открытый, деревян-

ный, обширный, прекрасный театръ на Арбатской площади, который былъ построенъ въ замѣнъ сгорѣвшаго стараго, каменнаго Петровскаго театра и который черезъ четыре года самъ долженъ былъ сдѣлаться жертвою пламени. Одного только знакомаго встрѣтилъ я тамъ, и то довольно новаго; обрадовался же я Жуковскому, какъ будто вѣкъ съ нимъ жилъ. Цвѣтъ поэзіи въ немъ только что совершенно распустился, и въ непритворныхъ, неискусственныхъ, веселыхъ разговорахъ благоухала вся душа его. Мнѣ показалось, что я въ Петербургѣ во Французскомъ театрѣ, сижу съ Блудовымъ; объ немъ мы не наговорились поневолѣ долженъ былъ я нѣсколько лишнихъ дней пробыть въ Москвѣ.

Хорошая, ясная погода между тѣмъ все какъ будто поджидала меня, чтобы сопуствовать мнѣ въ Петербургъ. Не было ни облачка на небѣ, ни малѣйшаго трепетанья въ пожелтѣвшихъ листьяхъ; такая осень случается иногда на Сѣверѣ, но очень рѣдко. Въ день Покрова Богородицы, 1-го Октября, когда я приблизился къ Петербургу, уже смерклось; я могъ однакоже замѣтить, что дачъ еще не покидали, ибо со многихъ сторонъ подымались въ воздухъ фузеи и ракеты.

IV.

Хотя и пріѣхалъ я въ Петербургъ, но въ этой главѣ буду объ немъ говорить мало. Съ начала моего пріѣзда ничего особенно примѣчательнаго въ немъ не случилось. Государь находился въ Эрфуртѣ, для свиданія съ Наполеономъ въ сопровожденіи Румянцова, Аракчеева, Сперанскаго и многихъ другихъ приближенныхъ къ нему особъ. Императрицы продолжали жить въ загородныхъ дворцахъ, и знатные люди, изъ вѣрноподданническаго подражанія, зябнули отъ сырости и стужи на своихъ дачахъ. Какъ я пишу для себя столько же, какъ и для другихъ, то главу сію намѣренъ посвятить однимъ семейнымъ воспоминаніямъ, которыя могли бы быть вовсе не занимательны для читателя, если бы сколько-нибудь не были связаны съ политическими происшествіями того года.

Недолго зятю моему Алексѣеву, шефу Митавскаго драгунскаго полка, дали оставаться съ нимъ въ Тихвинѣ. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ велѣно было ему, съ полкомъ своимъ, идти позади Ладожскаго озера въ Сердоболь, лежащій на старой нашей Финляндской границѣ; тамъ получилъ онъ приказаніе пробираться черезъ лѣсистую и каменистую Карелію далѣе на Сѣверъ, чтобы соединиться съ корпусомъ генерала Тучкова.

Въ продолженіи лѣта, бо́льшая часть Финляндіи была занята Русскими войсками; главный городъ ея, Абовъ, находился въ ихъ рукахъ; Свеаборгъ, неодолимая твердыня, сѣверный Гибралтаръ, былъ взятъ или купленъ часто поминаемымъ мною графомъ Сухтеленомъ. Рѣдкіе и малые наши уроны противъ Шведовъ были тотчасъ вознаграждаемы важными надъ ними успѣхами. Корпусъ Тучкова (Николая Алексѣевича), по направленію къ Сѣверу, проникалъ во внутренность земли; другой корпусъ, подъ начальствомъ одного молодаго генерала, подававшаго дотолѣ однѣ надежды, а тутъ оправдавшаго ихъ, подвигался впередъ вдоль берега Ботническаго залива.

Императрица Екатерина полководцевъ своихъ любила награждать въ ихъ дѣтяхъ, повышая ихъ въ малолѣтствѣ. Младшій сынъ фельдмаршала Каменскаго, графъ Николай Михайловичъ, не имѣя двадцати лѣтъ отъ роду, былъ при ней полковникъ. Я лично его знавалъ; онъ учился въ одномъ пансіонѣ съ братьями моими, остался съ ними пріятелемъ, и потому когда бывалъ въ Кіевѣ, какъ родной живалъ у насъ въ домѣ. Онъ былъ скроменъ, ласковъ, весьма недуренъ собою, въ голосѣ имѣлъ что-то нѣжное; я помнилъ постоянно пріятную его улыбку и съ трудомъ могъ повѣрить, что гнѣвъ его, подобно отцу, доходилъ иногда до изступленія. Пылкій, влюбчивый, онъ въ тоже время былъ чрезвычайно застѣнчивъ, могъ и не умѣлъ нравиться женщинамъ; слѣдствіе того тайныя наслажденія и муки еще въ молодости изсушили его тѣло и разстроили его нервы. Оттого-то, вѣроятно, не всегда онъ могъ владѣть собою; не смотря на то, всѣ подчиненные любили и уважали его за его умъ, за его благородное, доброе сердце. Едва начиная брить усъ, былъ онъ уже генералъ-майоромъ и на Альпійскихъ высотахъ дѣйствовалъ отчаянно-геройски въ глазахъ героя Суворова, соперника отца своего; восхищенный имъ старецъ благословилъ его, и послѣ того онъ, Багратіонъ и Милорадовичъ почитались въ арміи крестниками Суворова, какъ бы усыновленными имъ на полѣ битвы. Въ день Аустерлица, подъ Прейсишъ-Эйлау, подъ стѣнами Данцига, командуя бригадой или дивизіей, поддержалъ онъ свою репутацію неустрашимости и военнаго знанія. Когда въ Финляндіи поручили ему корпусъ, счастіе продолжало ему улыбаться; ибо первое важное дѣло при Куортанѣ, гдѣ онъ отдѣльно начальствовалъ, было имъ выиграно. На время оставимъ его.

Жители малолюдной, безплодной Кареліи почти не знали употребленія хлѣба: имъ замѣняли его рыба, изобилующая въ ихъ озерахъ, и дичь, которою наполнены были ихъ густыя, непроходимыя дебри; всѣ они были звѣроловы. Когда Алексѣевъ, предводительствуя горстію своихъ всадниковъ, вступилъ въ ихъ предѣлы, то по невѣжеству сво-

ему, полагая, что идутъ грабить ихъ скудную собственность, и ободренные малочисленностію непріятелей, они всѣ вооружились. Первый переходъ черезъ лѣсистыя горы совершилъ Алексѣевъ благополучно, не встрѣтивъ ни малѣйшаго нападенія; но на другой день, чѣмъ далѣе сталъ онъ углубляться въ лѣсъ, положеніе его становилось опаснѣе: казалось, что каждое дерево превращалось въ стрѣлка, во всякомъ ущельѣ была засада. Онъ потерялъ уже нѣсколько драгунъ и началъ расчитывать, что, подъ ударами невидимыхъ и вездѣсущихъ враговъ, ему не останется ни единаго человѣка, когда онъ едва достигнетъ половины предлежащаго ему длиннаго пути. Потому рѣшился онъ воротиться въ Сердоболь и донести, что не видитъ возможности исполнить даннаго ему повелѣнія, если не дадутъ ему болѣе помощи.

Аракчеевъ, который никогда не видалъ непріятельскаго огня, который никогда не бывалъ на войнѣ, а изъ кабинета своего распоряжалъ однакоже въ то время военными дѣйствіями, увидѣлъ въ этомъ поступкѣ явную трусость. Еслибы Государь лично не зналъ Алексѣева и не вступился бы за него, то за осторожность свою могъ бы онъ жестоко пострадать. Придворные генералы смотрѣли съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ на опасности сей, по мнѣнію ихъ, побочной войны; однакоже, отъ нечего дѣлать, для прогулки, чтобы не терять привычки къ сраженіямъ и мимоходомъ схватить лишнюю награду, вызывались иногда въ ней участвовать. Умершій въ 1806 году отъ болѣзни, молодой любимецъ государевъ, князь Петръ Петровичъ Долгоруковъ, который въ жизни имѣлъ одну только славу нагрубить Наполеону наканунѣ Аустерлица, оставилъ по себѣ брата-близнеца и друга, князя Михаила Петровича, который заступилъ мѣсто его въ сердцѣ царевомъ и въ званіи генералъ-адъютанта. Онъ въ этомъ случаѣ предложилъ свои услуги, которыя охотно были приняты.

Онъ пріѣхалъ въ Сердоболь и въ первыя минуты не захотѣлъ скрыть отъ Алексѣева инструкціи, данной ему Аракчеевымъ, въ которой онъ не весьма лестно отзывался насчетъ его храбрости. Можно себѣ представить отчаяніе и бѣшенство беззащитнаго противъ власти воина. Долгоруковъ, нѣсколько осмотрѣвшись, поразвѣдавъ, въ донесеніи своемъ поспѣшилъ оправдать Алексѣева и объявить, что онъ не тронется съ мѣста, если отрядъ его не будетъ усиленъ пѣхотой и артиллеріей. Любимца Царя криводушный Аракчеевъ не смѣлъ обвинить въ слабости духа и отказать ему въ помощи.

Съ отрядомъ, вчетверо усиленнымъ, выступилъ князь Долгоруковъ. Сначала шелъ онъ осторожно; но испуганные жители не смѣли уже показываться, и на всемъ пути не слыхалъ онъ ни одного выстрѣла. О благополучномъ совершеніи похода донесъ онъ въ Петербургъ и

за сей трудный подвигъ произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты. Соединившись съ Тучковымъ, онъ поставилъ его въ затруднительное положеніе, не хотѣлъ себя подчинить ему и началъ дѣйствовать отдѣльно. Онъ велѣлъ генералу Алексѣеву атаковать Шведовъ въ укрѣпленныхъ киркѣ и мызѣ Индесальми, а самъ съ веселымъ духомъ сталъ на пушечный выстрѣлъ отъ мѣста сраженія, чтобы распоряжаться движеніями. Онъ родился для войны, любилъ ее, говорятъ, болѣе всего, былъ блистательно отваженъ и обѣщалъ Россіи хорошаго полководца. Случается иногда, хотя рѣдко, что слабые и угнетенные бываютъ явно покровительствуемы Небомъ, тогда какъ гордые, сильные между людьми гибнутъ посреди торжества своего. Пока оскорбленный въ своей чести Алексѣевъ рвался доказать нелѣпость обвиненій Аракчеева и шелъ по узкой плотинѣ, черезъ малое озеро, прямо къ укрѣпленіямъ Индесальми, осыпаемый картечью и пулями, пущенное оттуда ядро вырвало бокъ у князя Долгорукова, который довольно еще далеко стоялъ верхомъ. Смерть генерала обыкновенно изумляетъ, смущаетъ, разстраиваетъ солдатъ, но только не Русскихъ: оживленные примѣромъ другаго начальника, воспламененные самою опасностію своего положенія, наши воины продолжали идти отчаянно на бой, непріятели выгнаны изъ укрѣпленій, разбиты, взяты въ плѣнъ, и дѣло совершенно выиграно. Алексѣевъ вышелъ изъ него цѣлъ и невредимъ, и честь этого дня конечно ему принадлежала.

Это было въ концѣ Октября, когда Государь только что воротился изъ Эрфурта. Онъ съ величайшею горестію узналъ о смерти Долгорукова, и не одинъ: всѣ надѣялись, что если одинъ братъ побранился съ Наполеономъ, то другому удастся побить его. Всѣ говорили, что подобно Эпаминонду, послѣдніе взоры его устремлены были на бѣгущаго непріятеля. Какъ это несправедливо! Еслибъ онъ остался живъ, то могъ бы имъ быть; но сраженіе только что начиналось, когда ядро въ одну секунду, безъ страданій, прекратило его жизнь. Тѣло его съ великими почестями привезено въ Петербургъ и предано землѣ въ Невской Лаврѣ *). Вступившій опять во всѣ свои права, Тучковъ, въ

---

*) Графъ Толстой, прозванный Американцемъ, о встрѣчѣ съ коимъ въ Сибири говорилъ я во второй части сихъ Записокъ, былъ остановленъ у Петербургской заставы, когда возвращался изъ путешествія вокругъ свѣта, потомъ провезенъ только чрезъ столицу и отправленъ въ Нейшлотскую крѣпость. Приказомъ того же дня переведенъ онъ изъ Преображенскаго въ тамошній гарнизонный полкъ тѣмъ же чиномъ. Наказаніе жестокое для храбреца, который никогда не видалъ сраженій, и въ то самое время, когда отъ Востока до Запада во всей Европѣ загорѣлась война. По прибытіи Алексѣева въ Сердоболь, явился онъ къ нему и молилъ взять его съ собою. Молодой левъ наружностію и сердцемъ полюбился Алексѣеву, и онъ представилъ о томъ въ Петербугъ, но съ выговоромъ получилъ отказъ. Другое дѣло было съ Долгоруковымъ: тому отказывать не

донесеніи своемъ, отдалъ полную справедливость Алексѣеву, которому, въ награду за его подвиги и въ вознагражденіе за понесенную имъ напраслину, дали Аннинскую ленту.

Почти въ тоже время, съ другой стороны, графъ Каменскій одержалъ свою вторую еще блистательнѣйшую побѣду при Оровайсѣ, послѣ которой могъ онъ дойдти до послѣднихъ предѣловъ Финляндіи и Остъ-Ботніи: онъ сталъ на границѣ Лапландіи. Между тѣмъ, главнокомандующій графъ Буксгёвденъ все оставался, съ главною квартирой, въ главномъ городѣ Абовѣ. Военный министръ въ перепискѣ съ нимъ обходился какъ съ подчиненнымъ, и давалъ ему предписанія, чтȯ Буксгёвденъ не соглашался переносить терпѣливо; отъ того родились между ими ужаснѣйшая вражда и перекоры. Изъ мщенія подалъ Аракчеевъ къ подписанію Императора рескриптъ Каменскому на Георгіевскій орденъ второй степени, въ которомъ приписываетъ ему успѣхъ всей войны и называетъ его завоевателемъ цѣлой Финляндіи. Общее мнѣніе въ этомъ случаѣ только было согласно съ Аракчеевымъ; хотя всѣ и почитали Шведскую войну величайшею несправедливостію, утѣшались однакоже мыслію, что она служитъ приготовительною школой для будущихъ противниковъ Наполеона. А какъ онъ двадцати шести лѣтъ побѣждалъ при Арколѣ и Лоди, то во всякомъ молодомъ отличившемся генералѣ видѣли будущаго его соперника и защитника Россіи. Вотъ почему съ изъявленіями живѣйшаго восторга былъ принятъ Каменскій, когда, по окончаніи кампаніи, въ началѣ зимы, пріѣхалъ онъ въ Петербургъ.

Я ничего не говорилъ объ участи бѣднаго брата моего Павла, находившагося также въ Финляндіи. Она сдѣлалась ужасна. Не помню, въ какомъ корпусѣ или дивизіи былъ онъ провіантскимъ комисіонеромъ, какъ отъ осенняго, сыраго холода, въ угрюмомъ климатѣ сѣверной Финляндіи, впалъ онъ въ тяжкую болѣзнь и долженъ былъ на время сдать свою должность. Хотя беззаконное, даже противузаконное самоуправіе въ Россіи удивлять не можетъ, но чтȯ за тѣмъ послѣдовало, едва ли покажется вѣроятнымъ. Въ Эрфрутѣ получилъ Аракчеевъ о томъ донесеніе и, полагая, что братъ мой отъ лѣности сказался больнымъ, написалъ собственноручно: «до вступленія опять въ должность и по поступленіи въ нее, для поправленія здоровья, во время

смѣли. Онъ за адъютанта находился подлѣ него въ ту минуту, какъ его убили. Онъ находился и въ свитѣ, сопровождавшей его тѣло; но какъ воспрещеніе въѣзжать въ столицу снято съ него не было, то опять остановили его на заставѣ. Ему велѣно было только присутствовать при церемоніи погребенія и тотъ же часъ опять выѣхать изъ Петербурга, только уже къ Преображенскому батальону, находившемуся въ Абовѣ, куда перевели его въ память Долгорукова.

сраженій посылать его въ самыя опасныя мѣста». Отъ Куопіо до Эрфуртъ довольно далеко, и до полученія отвѣта, къ счастію, братъ мой успѣлъ уже выздоровѣть; начальники однакоже не осмѣлились не исполнить сдѣланнаго надъ нимъ приговора, и онъ, не одинъ разъ, какъ безполезная жертва, разъѣзжалъ во фракѣ подъ непріятельскими пулями. Всякое размышленіе о такомъ поступкѣ почитаю излишнимъ и привожу его здѣсь, какъ одинъ изъ тысячи примѣровъ безразсудной жестокости Аракчеева, которою омрачилась, можно сказать, осквернилась большая половина царствованія человѣколюбиваго Александра.

Встрѣтясь гдѣ-то съ братомъ, графъ Каменскій тотчасъ узналъ въ немъ прежняго пріятеля и школьнаго товарища, и бросился къ нему на шею. Всѣхъ предстоящихъ пріятно изумило такое обхожденіе корпуснаго командира, героя той эпохи, съ провіантскимъ комисіонеромъ. Не ручаясь за успѣхъ, онъ далъ ему слово сильно ходатайствовать за него по пріѣздѣ въ Петербургъ.

Я гдѣ-то упомянулъ о домѣ Т....ыхъ, котораго чуждался, предвидя въ немъ скуку. Отставной генералъ-маіоръ Сергѣй Михайловичъ Т....въ былъ баринъ совсѣмъ стариннаго покроя; жена же его Катерина Николаевна, урожденная Дурасова, почти однихъ съ нимъ лѣтъ, была напротивъ модница и престрашная щеголиха. Кто въ Петербургѣ не знавалъ тогда его бѣлокураго, почти сѣдаго, парика, лоснящагося искусственной бѣлизной лица ея, карминомъ натертыхъ щекъ и вѣчныя ея пунцовыхъ лентъ? Кто во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ не встрѣчалъ ихъ всегда? Шли слухи, что Аракчеевъ, только что выпущенный въ офицеры и едва ли не будучи кадетомъ, въ объятіяхъ этой женщины, тогда давно уже опытной, познаълъ первые опыты любви. Если это одна клевета, то нѣтъ грѣха повторять ее: ибо, когда Аракчеевъ сдѣлался случайнымъ, сама г-жа Т....ва старалась, будто невольнымъ образомъ, выдавать ее за истину. Какъ сія добрая, хотя весьма не добродѣтельная дама, воспитывая молодаго тигра, не умѣла смягчить его нрава! Впрочемъ ей ли было укрощать его ярость, которая, можетъ быть, болѣе всего плѣняла ее въ немъ? Мальчикомъ, никому не знакомымъ, ему лестно было имѣть входъ въ гостиную и въ спальню генеральши; въ зрѣлыхъ лѣтахъ остался онъ вѣренъ сладостнымъ воспоминаніямъ и дружбѣ, которая скоро должна была замѣнить имъ любовь. Все это зналъ я, и собою пожертвовалъ для брата. При первой встрѣчѣ, лишь только показалъ я себя Катеринѣ Николаевнѣ особенно привѣтливымъ, какъ получилъ приглашеніе посѣщать ея домъ. Не знаю, какіе имѣла она на меня виды. Неужели во второмъ или въ третьемъ поколѣніи—сдѣлать меня наслѣдникомъ любезнаго ей лютаго звѣря? И не скорѣе ли ласкала она меня для меньшой дочери, хоро-

шенькой и бѣдной невѣсты? Съ своей стороны старался я со всѣми быть любезенъ. Мнѣ одному извѣстно, чего мнѣ стоило, чтобы сблизиться съ единственнымъ ея сыномъ Александромъ Сергѣевичемъ, моимъ ровесникомъ. Это былъ какой-то недоносокъ, недоростокъ, недоумокъ, худенькой и жиденькой, желтинькой и синенькой человѣчекъ, который, не бывъ малаго роста, лѣтъ до сорока казался мальчикомъ въ морщинахъ. Самой славной ворожеѣ не повѣрили бы тогда, еслибъ стала она предсказывать, что онъ будетъ нѣкогда важнымъ въ государствѣ человѣкомъ. Какъ отъ Т....вой, такъ и отъ графа Каменскаго, къ которому ходилъ я въ Петербургѣ являться, узналъ я, что Аракчеевъ несправедливый гнѣвъ свой положилъ на милость и что братъ мой сдѣланъ постояннымъ членомъ главной провіантской комисіи въ Абовѣ.

Много удовольствій и много горестей должны были родители мои перечувствовать въ этомъ 1808 году; самая жесточайшая ожидала ихъ въ концѣ его. Въ молодости своей лишились они пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей обоего пола, изъ коихъ долѣе всѣхъ жила дочь Катерина, умершая пяти лѣтъ. Съ тѣхъ поръ смерть какъ будто щадила ихъ чадолюбіе и не похищала ни одного изъ взрослыхъ членовъ ихъ семейства. Первою жертвой ея была любимая ихъ невѣстка, Варвара Ивановна. Два года оплакивалъ ее неутѣшный мужъ; тягостную жизнь свою посвятилъ онъ заботамъ о двухъ младенцахъ, ею оставленныхъ; они воспитывались въ Воронежѣ, у Тулиновыхъ, и онъ часто отрывался отъ нихъ, чтобы ѣздить къ родителямъ въ Пензу. Въ началѣ Ноября установился санный путь, и онъ собирался въ дорогу, чтобы поспѣть къ 14 числу, дню именинъ отца нашего; лошади были запряжены, повозка подвезена, онъ началъ уже надѣвать шубу, какъ вдругъ неосторожно задѣлъ рукавомъ за заряженный пистолетъ, который хотѣлъ взять съ собою. Ударъ попалъ прямо въ середину лѣвой ладони и пробилъ ему руку насквозь. Рана была бы не смертельная, еслибы врачи были искуснѣе; но они спѣшили закрыть ее: тогда вся боль кинулась въ сердце, которое, какъ увѣряютъ, находится посредствомъ жилъ въ прямомъ соединеніи съ лѣвою рукой. Не оставалось никакой надежды на его спасеніе, и послѣ жестокихъ мученій, на третій день предалъ онъ Богу душу свою, непорочную, незлобивую, исполненную безпримѣрной любви ко всѣмъ своимъ близкимъ. Ему только что исполнилось тридцать лѣтъ. Привязанность его къ памяти жены такъ всѣмъ была извѣстна, что многіе полагали, будто онъ съ умысломъ прострѣлилъ себѣ руку; мнѣніе это было совершенно ложное: отцовскою нѣжностію былъ онъ прикованъ къ жизни и добровольно съ нею бы не разстался.

Его поджидали въ Пензу, когда онъ лежалъ уже въ землѣ; сестра моя Алексѣева, у родителей находившаяся, осуждена была объявить имъ о томъ наканунѣ того дня, который надѣялись они вмѣстѣ съ нимъ праздновать. Тогда только семейство мое узнало, какъ онъ былъ ему дорогъ. Скорбь о его потерѣ была у насъ общая, ощущаемая однакоже не всѣми въ равной степени. Во мнѣ она была смѣшана съ упреками совѣсти: дважды былъ онъ моимъ благодѣтелемъ, а я долго не могъ забыть отроческихъ огорченій, имъ когда то мнѣ причиненныхъ! Отчаяніе матери моей было безпредѣльное, зато не столько продолжительное. Болѣе всѣхъ пораженъ былъ престарѣлый мой отецъ; сначала онъ какъ будто твердо устоялъ противъ сего удара, вскорѣ же потомъ самъ примѣтно началъ клониться къ паденію. Въ первый разъ еще въ жизни, служба и возлагаемыя ею обязанности показались ему несносными, и онъ рѣшительно приступилъ къ исполненію намѣренія своего ее оставить.

V.

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ разошелся слухъ, который возбудилъ любопытство и участіе во всѣхъ жителяхъ Петербурга, отъ вельможи до мѣщанина. Государь ожидалъ къ себѣ дорогихъ гостей: королеву Прусскую, предметъ нѣжнѣйшаго и почтительнѣйшаго состраданія всѣхъ Русскихъ, и короля супруга ея. Никакое государство, не переставая существовать, не доходило еще до столь глубокаго униженія, въ какомъ находилась тогда Пруссія: столицы ея, крѣпости, всѣ главные города были заняты Французскими войсками, до выплаты огромной контрибуціи; въ одномъ только нетронутомъ углу, на самой Русской границѣ, въ небольшомъ городѣ Мемелѣ, въ небольшомъ частномъ домѣ жило, забившись, королевское семейство. Душевно соболѣзнуя о томъ, императоръ Александръ былъ въ Эрфуртѣ искуснымъ и жаркимъ адвокатомъ Пруссіи. Наполеонъ, у котораго начиналась война съ Гишпаніей, гораздо серіознѣе чѣмъ онъ ожидалъ, и готовилась другая, съ Австріей, имѣя нужду собрать вокругъ себя всѣ войска свои, показалъ, будто ни въ чемъ не умѣетъ ему отказывать и согласился очистить путь королю въ Берлинъ. Кажется, оба императора начинали уже тогда хитрить другъ съ другомъ. Тронутые симъ новымъ опытомъ дружбы нашего Царя, для изъявленія ему благодарности, король и королева захотѣли посѣтить его столицу, прежде возвращенія въ собственную.

Въ Петербургѣ всѣ толки шли болѣе о королевѣ, которая блистала прелестію красоты и въ тоже время двойнымъ величіемъ сана и несчастія. Любовь къ ней Русскихъ умножалась всею ненавистью

ихъ къ Наполеону, столь не рыцарски изливавшему всю злость свою противъ нея. Въ день Рождества, вечеромъ, ожидаемая чета, въ сопровожденіи принцевъ своего дома, прибыла въ Стрѣльну. На другое утро, 26 Декабря, были они встрѣчены съ почестями, можетъ быть, не совсѣмъ приличными, но всѣми одобряемыми, какъ великое утѣшеніе въ великихъ горестяхъ. Погода стояла суровая и холодная; какъ нарочно въ этотъ день сдѣлалась совершенная оттепель. Не доѣзжая до Петербургской заставы, отъ которой гвардейскіе полки стояли по обѣимъ сторонамъ улицъ до Зимняго дворца, королева остановилась на дачѣ Бергина, чтобъ переодѣться въ нарядное платье и сѣсть въ приготовленную для нея осьмистекольную, раззолоченную карету. У этой заставы, Императоръ въ сопровожденіи великаго князя Константина Павловича, множества военныхъ генераловъ и нѣкоторыхъ посланниковъ иностранныхъ дворовъ, встрѣтилъ ее и оттуда вмѣстѣ съ королемъ и его свитой имѣлъ торжественный въѣздъ. Палили изъ пушекъ, это бы такъ; но въ православныхъ церквахъ звонили въ колокола: этого бы, кажется, не слѣдовало дѣлать въ честь вѣнценосныхъ еретиковъ.

Одинъ человѣкъ былъ весьма примѣчателенъ въ это утро, безстыдно и нагло пользуясь большими правами своими: Французскій посолъ Коленкуръ, когда всѣ были въ парадныхъ мундирахъ, и полиція никого не пускала по улицамъ, по которымъ долженъ былъ пройти церемоніальный поѣздъ, разъѣзжалъ верхомъ между полками, одинъ, въ сюртучкѣ и круглой шляпѣ, съ видомъ величайшаго неудовольствія и даже досады; когда же проѣхалъ мимо его Государь съ королемъ, онъ пожалъ плечами и злобно усмѣхнулся. Это видѣлъ народъ, и еслибъ не былъ удерживаемъ страхомъ, закидалъ бы его грязью и каменьями. Тутъ не было ничего обиднаго для Россіи, какъ послѣ оказалось: привыкнувъ видѣть своего императора окруженнаго толпою королей имъ побѣжденныхъ или имъ пожалованныхъ, Коленкуръ находилъ, что другой, равный ему императоръ, унижаетъ свое достоинство, воздавая такую честь тому, котораго бы могъ онъ почитать едва ли не вассаломъ своимъ. Также увѣряли послѣ, будто онъ проникъ тайный замыселъ королевы, чтобы склонить Государя къ новому союзу съ Австріей, къ которому бы пристала Пруссія, и чтобы такимъ образомъ общими силами подавить, наконецъ, общаго врага. Если у нея было такое намѣреніе, то оно не имѣло никакого успѣха.

Начались въ Петербургѣ безконечныя празднества. Не смотря на склонность мою противорѣчить общему мнѣнію, не смотря на убѣжденіе, что намъ полезно доброе согласіе съ Франціей, я не могъ безъ умиленія думать о прекрасной жертвѣ ея властолюбія; не смотря на

свой трауръ, я искалъ всѣ случаи, чтобъ ее видѣть. Для насъ, горожанъ, не принадлежащихъ ко Двору и къ нему не представленныхъ, ихъ было немного; я всѣми воспользовался и до сыта налюбовался ея красивымъ станомъ, безподобными плечами, очаровательною улыбкой и взоромъ. Между тѣмъ я видѣлъ только тѣ прелести, которыя двухгодовое горе не совсѣмъ еще успѣло истребить въ ней.

Не одинъ пріѣздъ королевы, но также и обрученіе великой княжны Екатерины Павловны съ принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, которое совершено 1-го Января 1809 года, было причиною необычайныхъ празднествъ этой зимы, фейерверковъ, илюминацій, придворныхъ маскарадовъ и великолѣпныхъ баловъ. До сихъ поръ не знаю, правда ли, что Наполеонъ тогда же хотѣлъ разводиться съ Іозефиной, чтобы свататься за нашу красотку? Правда ли, что, узнавъ о томъ, она исполнилась ужаса и негодованія и, для избѣжанія такой участи, спѣшила замужествомъ съ бѣднымъ родственникомъ, младшимъ сыномъ весьма немогущественнаго Нѣмецкаго владѣтельнаго герцога? Странный выборъ ея, невзрачность, только что не безобразіе жениха могли бы заставить сему повѣрить, еслибъ дѣло не объяснилось желаніемъ ея не покидать Россіи и обѣщаніемъ будущаго супруга навсегда въ ней остаться. Впрочемъ могъ онъ ей и понравиться: о вкусахъ спорить нельзя. Она могла бы, если бы хотѣла, предпочесть ему другаго молодца, красиваго, виднаго, статнаго, принца Фердинанда Кобургскаго, который прискакалъ нарочно, чтобы искать ея руки и, будучи также меньшимъ, согласился бы на всѣ условія, какія бы захотѣли ему предписать. Плодовитый родъ Кобурговъ тогда уже начиналъ промышлять собою, но не такъ удачно, какъ въ нынѣшнее время *).

Замѣчательно было, что во всѣхъ илюминованныхъ домахъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, согласно волѣ Императора, вездѣ горѣли одни вензелевыя имена короля и королевы Прусскихъ, какъ бы въ доказательство, что всѣ сіи торжества происходили только по случаю ихъ пріѣзда. Одинъ лишь Коленкуръ, постоянно изъявлявшій къ нимъ презрѣніе, не согласился сообразоваться съ симъ, и на домѣ своемъ выставилъ одну огромную литеру Е, вензель невѣсты.

Въ продолженіе всего пребыванія короля и королевы стояли жестокіе морозы, и одинъ балагуръ замѣтилъ, что въ Петербургѣ вы-

*) Этотъ бѣдный Фердинандъ имѣлъ неудовольствіе не только тайно получить отказъ, но и жестокое приглашеніе быть свидѣтелемъ торжества своего соперника. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ утѣшился пріобрѣтеніемъ пребогатѣйшей Венгерки, которая заставила его принять фамильное имя свое—Когари и вступить въ подданство Австріи, даже, кажется, принять Католическую вѣру. Изъ корысти чего Нѣмецкіе князья не сдѣлаютъ!

живаютъ Прусаковъ (такъ называется особый родъ таракановъ), точно также какъ въ деревенскихъ избахъ. Только въ день выѣзда ихъ, 20-го Января, сдѣлалась опять такая же оттепель, какъ и въ день ихъ пріѣзда.

Во дни оны, жизнь каждаго частнаго лица такъ связана была съ политическими происшествіями, такъ много отъ нихъ зависѣла, что мнѣ приходится, хотя бы и не совсѣмъ мое дѣло, все говорить о союзахъ, о войнахъ, о мирныхъ трактатахъ. Къ концу зимы начали приготовляться къ новой кампаніи противъ Шведовъ; хотѣли нанести имъ рѣшительные удары и приневолить ихъ къ выгодному для насъ миру. На всемъ правомъ берегу Ботническаго залива не оставалось болѣе непріятельскихъ войскъ; чтобы напасть на нихъ, надобно было перейти на лѣвый берегъ, для чего открывался одинъ только путь, который огибалъ заливъ и пролегалъ чрезъ вѣчно-снѣжную Лапландію. Дѣло казалось затруднительнымъ; но морозы, противъ которыхъ нынѣ такъ вопіетъ наша изнѣженность, всегда во̀ время были нашими сильными союзниками какъ въ нападательной, такъ и въ оборонительной войнѣ. Они оковали бурныя волны залива, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ усѣянный островами и шкерами онъ болѣе суживается.

Тогда въ головѣ Государя родился одинъ изъ тѣхъ дерзкихъ плановъ, коихъ выполненіе возможно только съ Русскими солдатами. Несогласіе между военнымъ министромъ и главнокомандующимъ Финляндскою арміей дошло до того, что одному изъ нихъ непремѣнно надлежало удалиться, и конечно уже не Аракчееву. Одинъ Русскій генералъ изъ Нѣмцевъ, Богданъ Ѳедоровичъ Кнорингъ, отличившійся нѣкогда при Екатеринѣ, прослывшій великимъ тактикомъ, призванъ былъ на мѣсто Буксгёвдена. Ему велѣно было раздѣлить армію на три корпуса; первый отданъ былъ подъ начальство князя Багратіона, другой порученъ Барклаю-де-Толли, третій генералъ-адъютанту графу Шувалову. Только послѣдній могъ идти естественнымъ путемъ, по твердой землѣ, чрезъ Торнео. Другіе же два, новые Фараоны, должны были проходить по морю аки по суху, по пучинамъ, покрытымъ льдяною корой. Что̀ такое воинская слава въ Россіи, когда соотечественники и даже современники совершенно забываютъ столь отважныя предпріятія, увѣнчанныя успѣхомъ?

Всѣхъ удивило послѣ, что Каменскій не пожелалъ участвовать въ семъ дѣлѣ и во всемъ блескѣ своемъ закатился въ Орловской деревнѣ. Никто не подозрѣвалъ, какъ трудно ему было въ пылу сраженій сохранить свое хладнокровіе, съ какимъ напряженіемъ душевныхъ силъ старался онъ подчиненнымъ подавать примѣръ мужества и какъ съ разстройствомъ его нервъ нужно ему было на время ихъ успокоеніе.

Со смѣлостью почти безразсудною, свойственною однимъ только Русскимъ, на трехъ указанныхъ имъ пунктахъ, въ половинѣ Марта, генералы со ввѣреннымъ имъ войскомъ совершили чудесно-геройскіе свои подвиги; особенно же Багратіонъ и Барклай, кои въ продолженіи трехъ или четырехъ-дневнаго перехода, при малѣйшей перемѣнѣ вѣтра, могли быть поглощены морскою бездной. Барклай изъ Вазы въ Умео перешелъ заливъ черезъ Кваркенъ, группу необитаемыхъ скалъ среди моря. Багратіонъ овладѣлъ Аландскими островами, а передовой отрядъ его, подъ начальствомъ генерала Кульнева, на противоположномъ берегу, занялъ Гриссельгамъ въ виду Шведской столицы. О дѣйствіяхъ Шувалова пока говорить не буду.

Въ трепетномъ ожиданіи самъ императоръ Александръ отправился въ Абовъ. Весь планъ этого необычайнаго похода былъ имъ самимъ составленъ; ему хотѣлось показать міру, что вступать въ столицы, подобно Наполеону, для него дѣло также возможное. И что же? Воля его исполнена, войско его не погибло, а онъ воскипѣлъ гнѣвомъ и отчаяніемъ. При появленіи Русскихъ вблизи Стокгольма, сдѣлался тамъ бунтъ, и несчастный Густавъ IV, дѣйствительно нѣсколько помѣшанный, былъ свергнутъ съ престола, на который посаженъ дядя его, герцогъ Зюдерманландскій подъ именемъ Карла XIII. Узнавъ о томъ, разсудительный, благоразумный Нѣмецъ Кнорингъ въ семъ домашнемъ переворотѣ увидѣлъ конецъ войны и, не проникнувъ намѣреній Императора и не дожидаясь дальнѣйшихъ его повелѣній, думалъ сдѣлать ему угодное, давъ приказаніе генераламъ идти обратно тѣмъ же опаснымъ путемъ. Я бы, мнѣ кажется, его задушилъ; терпѣливый Александръ удовольствовался наказать убійственно - презрительными словами и взглядами. Этотъ примѣръ долженъ былъ показать Государю, что на все рѣшительное, отчаянное предпочтительно должно употреблять Русскихъ; онъ бы вспомнилъ Бенигсена послѣ Прейсишъ-Эйлау и могъ бы убѣдиться, что часто Нѣмецкая осторожность отнимаетъ у насъ весь плодъ нашихъ успѣховъ. Именемъ Царя дали Кнорингу почувствовать, что ослу не довлѣетъ оставаться начальникомъ арміи. На его мѣсто назначили Барклая-де-Толли, котораго вмѣстѣ съ Багратіономъ произвели въ полные генералы; послѣднему дали другое назначеніе.

По прибытіи къ своему корпусу, графъ Шуваловъ объявилъ Алексѣеву, что какъ въ предстоящемъ походѣ кавалерія можетъ быть только затрудненіемъ, то, по распоряженіямъ военнаго министра, полкъ его велѣно отослать внутрь Финляндіи. Что же касается собственно до него, то именемъ Государя предложилъ онъ ему, какъ человѣку необходимому, участвовать въ предпринимаемомъ опасномъ дѣлѣ. Можно

себѣ представить, какъ предложеніе сіе обрадовало Алексѣева, а еще болѣе когда онъ получилъ рескриптъ отъ Царя, коимъ за изъявленное имъ согласіе объявлялъ онъ ему особое свое благоволеніе.

Тутъ случился одинъ человѣкъ, котораго, безъ всякаго преувеличенія, можно назвать совершеннымъ негодяемъ, но которому одинъ разъ, именно въ это время, удалось пригодиться Русскому войску. Нѣкто (настоящаго его имени до сихъ поръ еще никто не знаетъ), называющій себя Ансельмъ-де-Жибори, былъ офицеромъ въ томъ отрядѣ Французской арміи, который, по Пресбургскому трактату, занялъ Илирію и Далмацію. Въ Боко-ди-Катаро укралъ онъ полковой ящикъ съ казною и патентъ своего полковника; съ нимъ бѣжалъ онъ сперва въ Корфу и очутился наконецъ на флотѣ адмирала Синявина, находившагося тогда въ Средиземномъ морѣ. На адмиралтейскомъ кораблѣ былъ онъ только что свидѣтелемъ побѣды, одержанной Синявинымъ надъ Турками близъ Тенедоса и Аѳонской горы. Съ Французскою наглостію выпросилъ онъ у Русскаго добродушія сильную о себѣ рекомендацію и мѣсто въ лодкѣ, повозкѣ или коляскѣ отправляемаго съ извѣстіемъ о побѣдѣ морскаго штабъ-офицера.

Прежде нежели пріѣхалъ онъ въ Петербургъ, былъ уже заключенъ Тильзитскій миръ, что̀ нѣкоторымъ образомъ должно было разстроить его замыслы. Онъ, однакоже, не оробѣлъ, и пока отличившійся, скромный морякъ представлялъ оффиціально донесенія своего начальства, разливался уже онъ по гостинымъ и съ притворнымъ восторгомъ, въ преувеличенномъ видѣ, не забывая себя, описывалъ чудесные подвиги Русскихъ офицеровъ и матросовъ. Угождая общему мнѣнію, выдавалъ онъ себя за стариннаго дворянина, въ душѣ роялиста, поневолѣ служившаго тирану Франціи, и въ тоже время за бывшаго адъютанта, друга и приверженца республиканскаго генерала Моро, извѣстнаго врага и соперника Бонапарте. Гоненія имъ отъ того претерпѣваемыя заставили его, наконецъ, покинуть побѣдоносныя Французскія знамена. На украденный имъ и будто полученный знакъ Почетнаго Легіона при всѣхъ онъ плевалъ. И всѣмъ этимъ нелѣпицамъ вѣрили и вездѣ осыпали его похвалами. Онъ потребовалъ себѣ Георгіевскій крестъ на шею, а ему дали Владимирскій третьей степени, и онъ казался тѣмъ не совсѣмъ доволенъ. Потомъ сталъ онъ проситься въ службу, а какъ тирана его уже признали императоромъ, то и приняли его тѣмъ чиномъ, въ которомъ онъ ему будто бы служилъ, то-есть полковникомъ по кавалеріи, и отправили въ Финляндію. Тогда уже были на лицо Савари и Коленкуръ и имѣли все право вытребовать бѣглеца и вора; они того не сдѣлали: можетъ быть тайно смѣя-

лись надъ легковѣріемъ Русскихъ, можетъ быть, тайно и употребляли его.

Онъ не показывалъ трусости при встрѣчахъ съ непріятелемъ, и это одно въ Русской арміи спасло его отъ совершеннаго пренебреженія, которое безъ того постигло бы сего безстыдника, лгуна и сквернослова. Товарищи смѣялись надъ нимъ, а начальники сдѣлали изъ него шута. Онъ являлся къ Шувалову (который до того о немъ не слыхивалъ) и съ первыхъ словъ ему чрезвычайно полюбился. Графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ, сынъ графа Андрея Петровича, пріятеля Вольтера и Лагарпа, писателя Французскихъ стиховъ, автора посланія къ Нинонѣ, былъ воспитанъ совершенно на Французскій манеръ, какъ всѣ баричи того времени. Онъ былъ человѣкъ добродушный, благородный и храбрый, одинъ изъ любимцевъ Императора, и долженъ бы былъ быстрѣе шагать на военномъ поприщѣ, если бы смолоду не имѣлъ несчастной совсѣмъ не аристократической привычки придерживаться хмѣльнаго.

Не ожидая съ другихъ сторонъ нападенія, почитая его невозможнымъ, Шведы сосредоточили всѣ остатки силъ своихъ въ Торнео, на единственномъ пунктѣ, который Шувалову надлежало атаковать. Числомъ были они гораздо сильнѣе, чѣмъ десятитысячный Русскій корпусъ. Дѣло едва только началось; послѣ небольшой перестрѣлки, отъ которой съ обѣихъ сторонъ убито и ранено человѣкъ десятка полтора, всѣ изумились, когда увидѣли, что Шведы, прекративъ пальбу, прислали сказать, что они сдаются въ плѣнъ со всѣмъ оружіемъ и военными снарядами. На всякой случай легкій отрядъ былъ посланъ къ нимъ въ тылъ, а между тѣмъ Ансельмъ-де-Жибори, съ согласія Шувалова, явился въ ихъ станъ болѣе въ видѣ переметчика, чѣмъ парламентёра. Изобразивъ имъ всю ненависть свою противъ Русскихъ варваровъ, среди коихъ завелъ его несчастный случай, всю братскую нѣжность, которая соединяетъ южныхъ Французовъ съ сѣверными (какъ Шведы любятъ чтобъ ихъ называли), онъ учетверилъ въ глазахъ ихъ число нашихъ солдатъ, увѣрилъ ихъ, что они отрѣзаны, что они въ западнѣ и, не видя для нихъ другаго спасенія, дружески совѣтовалъ имъ положить оружіе. Они его послушались, и когда уже поздно увидѣли свою ошибку, многіе изъ нихъ приходили въ такое бѣшенство, что ломали шпаги и ружья, которыя должны были класть передъ побѣдителями. И говорить нечего! Вся слава этого дѣла принадлежитъ обманщику Французу; за это произвели его въ генералъ-майоры.

Не видя передъ собою болѣе препятствій и, по чрезвычайной отдаленности отъ главной квартиры, гораздо позже другихъ получивъ

отъ Кнорингa приказаніе воротиться, графъ Шуваловъ продолжалъ подвигаться уже съ Сѣвера на Югъ.

Въ продолженіе всей зимы, отецъ мой неоднократно обращался къ князю Куракину съ просьбой о дарованіи ему свободы, то-есть о испрошеніи ему всемилостивѣйшаго увольненія отъ службы. Еще чаще писалъ онъ о томъ къ Козодавлеву, котораго въ началѣ зимы министръ внутреннихъ дѣлъ выпросилъ къ себѣ въ товарищи. Съ своей стороны, исполняя родительскую волю, я не оставлялъ напоминать о томъ Осипу Петровичу, котораго домъ я нерѣдко посѣщалъ, пользуясь приглашеніемъ обоихъ супруговъ и ласковымъ ихъ пріемомъ. Домъ ихъ, не совсѣмъ еще вошедъ въ составъ высшей аристократіи, примѣтно однакоже начиналъ подыматься. Ни министръ, ни товарищъ его не хотѣли вѣрить чистосердечному желанію отца моего. Смерть сына, и еще не единственнаго, не казалась имъ такимъ несчастіемъ, въ которомъ нельзя бы быть утѣшену временемъ, разсѣянностію, даже заботами, и особенно же почестями. Они забывали, что ему было подъ семьдесятъ лѣтъ; не понимали, что рановременная смерть сына какъ будто возвѣщала ему близость собственной; не знали, что въ жизни, особенно въ преклонныхъ лѣтахъ, для человѣка, испившаго всѣ горести ея, приходитъ время, въ которое становятся ему противны даже ея наслажденія. Въ день рожденія Императора, 12 Декабря (1809) три или четыре сенатора, моложе отца моего въ чинѣ, были по старшинству произведены въ дѣйствительные тайные совѣтники; они полагали что это его огорчило. Доброжелательный ему честолюбецъ Куракинъ, видя въ мѣстѣ имъ занимаемомъ препятствіе къ повышенію, хотѣлъ его утѣшить сенаторствомъ и искалъ только удобнаго случая доложить о томъ Государю. Этого нельзя было сдѣлать безъ министра юстиціи, а князь Лопухинъ, преемникъ Куракина въ генералъ-прокурорской должности, давнишній соперникъ его при Павлѣ, тайный недругъ его, хотя и не отказывалъ, но и медлилъ дать свое согласіе. Въ это время съ Государемъ въ Абовъ поѣхалъ Сперанскій, любимѣйшій изъ гражданскихъ чиновниковъ его окружавшихъ, къ тому же товарищъ министра юстиціи; съ нимъ отправленъ былъ за подписаніемъ двухъ министровъ докладъ о назначеніи отца моего сенаторомъ. Онъ совсѣмъ забылъ, что Куракину обязанъ былъ первыми, быстрыми шагами своего счастливаго поприща, но не забылъ и никогда не могъ простить ему того, что былъ у сына его учителемъ. Пользуясь раздраженіемъ Царя противъ Кнорингa, онъ умѣлъ сдѣлать ему такой докладъ, что заставилъ его поступить совсѣмъ по-отцовски.

Довольно замѣчательно, что указъ, данный въ Абовѣ, коимъ отецъ мой увольняется отъ службы съ пенсіономъ, послѣдовалъ 5 Апрѣля, въ

то самое число и мѣсяцъ, въ которые, одиннадцать лѣтъ передъ тѣмъ, былъ онъ отставленъ Павломъ Первымъ, и что въ этомъ указѣ также ничего не упомянуто о его просьбѣ. Довольно странно и то, что 5-е Апрѣля, число несчастное для отца моего, въ послѣдствіи было для меня счастливымъ днемъ и что три раза въ этотъ день получалъ я потомъ пріятнѣйшія награды. Родителя моего это вѣрно менѣе огорчило, чѣмъ князя Куракина: онъ призвалъ меня къ себѣ и, объявляя о томъ, обѣщалъ, что меня по крайней мѣрѣ постарается вознаградить за то, чего не успѣлъ сдѣлать для него.

Извѣстіе объ отставкѣ родителя принялъ я, долженъ признаться, съ великимъ удовольствіемъ. Унизительная борьба его съ людьми, недостойными взгляда сего необыкновеннаго человѣка, хотя и прекратилась, могла однакоже возобновиться. Спокойствіе, которымъ долженъ былъ онъ пользоваться среди деревенской жизни, обѣщало мнѣ сохранить на долго драгоцѣнные для насъ дни его. Того же мнѣнія была вѣчно странствующая сестра моя Алексѣева; она находилась тогда въ Петербургѣ проѣздомъ въ Абовъ, гдѣ скорѣе надѣялась имѣть извѣстія о мужѣ, а можетъ-быть и дождаться его. Не зная какъ раздѣлить себя между нимъ и дѣтьми, бѣдняжка скакала изъ края въ край Россіи.

VI.

Ежелѣтнюю поѣздку свою въ Пензу въ этомъ 1809 году я не намѣренъ былъ сдѣлать: мнѣ больно было бы видѣть тамъ злобную радость враговъ моего отца. Къ тому же, я твердо рѣшился искать серіозныхъ занятій по службѣ, штатнаго мѣста, и оно было мнѣ обѣщано.

Новаго Пензенскаго губернатора, преемника отца моего, въ предъидущіе годы имѣлъ я случай не одинъ разъ видѣть и разговаривать съ нимъ. Обыкновенно встрѣчалъ я его въ домахъ богатыхъ откупщиковъ, Злобина, Кусовникова, Чоблокова, Кандалинцова, куда иногда зазывалъ меня апетитъ молодого человѣка, весьма здороваго и не всегда сытаго. Жирный обѣдъ, стерляжья уха, Шампанское рѣкою, шумъ веселый и не всегда пристойный, могли быть привлекательны даже для юноши поставленнаго въ лучшее, въ высшее положеніе, чѣмъ то, въ которомъ я находился. Манерами я не совсѣмъ походилъ на другихъ, частыхъ посѣтителей сихъ домовъ, и то что̀ должно было лишить меня благосклонности хозяевъ, напротивъ давало мнѣ права на какое-то первенство между гостями. Особенно былъ я угоденъ прекрасному полу, котораго всегда видѣлъ передъ собою три поколѣнія: бабушекъ, съ головою повязанною шелковымъ платкомъ, въ объярин-

ныхъ и штофныхъ кофтахъ и юбкахъ, матерей, довольно чопорныхъ, пристойно и богато одѣтыхъ и, наконецъ, щеголеватыхъ, разряженныхъ по модѣ дочерей, которыя хорошо танцовали, кое-какъ болтали по-французски и на клавесинѣ играли вальы и экосесы. Тогда какъ я, съ чрезвычайнымъ и ни на чемъ не основаннымъ самолюбіемъ, прощалъ себѣ посѣщенія сихъ домовъ, какъ проказы молодости, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Ѳедоровичъ Крыжановскій гордился знакомствомъ этой финансовой знати.

Онъ былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, довольно высокаго роста и наружности непротивной. Фамильное имя его заставляло подозрѣвать, что онъ крещенъ не вскорѣ послѣ рожденія. Впрочемъ, при первомъ взглядѣ ни въ чемъ не можно было замѣтить въ немъ чего-либо Еврейскаго, ни въ чертахъ лица, ни въ выговорѣ, развѣ только въ цвѣтѣ волосъ. У этой пламенной породы волосъ всегда бываетъ черенъ какъ уголь или ярокъ какъ огонь, и оттого-то, кажется, г. Крыжановскій былъ рыжеватъ. Про себя сказывалъ онъ только, что былъ уроженецъ Подольской губерніи и долго находился при *свѣтлѣйшемъ*, то-есть Потемкинѣ. Это дѣло возможное: при военно-походномъ дворѣ этого вельможи царя состояло нѣсколько сотъ человѣкъ. Должно полагать, что онъ служилъ въ канцеляріи его, ибо всегда пользовался покровительствомъ Василія Степановича Попова, правителя оной, который даже выдалъ за него Марію Константиновну, любовницу свою, Гречанку, простую дѣвку, имъ гдѣ-то добытую; за таковое избавленіе Поповъ всегда почиталъ себя ему обязаннымъ.

Пріятная, можно сказать, забавная сторона характера Александра Ѳедоровича была его изобрѣтательность; онъ одаренъ былъ цвѣтущимъ воображеніемъ восточныхъ разкащиковъ; видно было, что предки его жили близъ страны, гдѣ сочинена «Тысяча одна ночь». Въ разговорахъ онъ ничего не умѣлъ представить иначе, какъ въ преувеличенномъ видѣ; это весьма несправедливо называли ложью. Не знаю, какъ до сихъ поръ не хотятъ понять великой разницы, которая существуетъ между ложью и лганьемъ; первая просто обманъ, другое почти поэзія. Одинъ или два примѣра поэзіи Крыжановскаго приведу я здѣсь. Онъ находился (будто бы) въ лагерѣ во время достопамятной осады Очакова, гдѣ Русскіе такъ великодушно переносили стужу и голодъ; у него не было палатки, онъ спалъ въ бричкѣ, за которою привязаны были его лошади. Разъ проснувшись, увидѣлъ онъ, что нѣтъ надъ нимъ кожанаго навѣса, подъ которымъ онъ заснулъ; бѣдные кони, измученные голодомъ, во время сна его, въ одну ночь съѣли кожу. Другой разъ находился онъ (будто бы) на какомъ-то военномъ суднѣ, подлѣ какой-то осаждаемой крѣпости, лежащей на какомъ-то мысу.

Вдругъ сдѣлалась буря, поднялся ужасный вихрь, и корабль сорвало съ якоря; пасажиры нѣсколько минутъ были безъ памяти и не могли понять спокойнаго, едва замѣтнаго плаванія своего, какъ вдругъ увидѣли себя на другой сторонѣ мыса: сильнымъ вѣтромъ перенесены они были туда по воздуху поверхъ непріятельской крѣпости. Онъ не смѣлъ сердиться, когда откупщики помирали со смѣху, слушая его росказни.

И вотъ человѣкъ, который долженъ былъ наслѣдовать отцу моему въ губернаторской должности! И вотъ на какую степень упала она послѣ семи лѣтъ съ половиною! Будучи отставнымъ, жилъ Василій Степановичъ Поповъ въ селѣ своемъ Рѣшетиковкѣ подлѣ самой Полтавы и свелъ тѣсную дружбу съ Куракинымъ; находясь тогда опять въ службѣ, онъ выпросилъ у него это мѣсто для Крыжановскаго; за то, что онъ нѣкогда развязалъ его съ надоѣвшей ему любовницей, навязалъ онъ его Пензѣ. Сначало мнѣ показалось это обиднымъ; но послѣ, вспомня дворянскую спѣсь Пензенцевъ, зная, какъ тяжело имъ будетъ оказывать знаки самомалѣйшей покорности такому губернатору, я совершенно утѣшился. Я не зналъ еще его властолюбія, его дерзости, его искусства обирать людей, имѣющихъ до него нужду; если-бы зналъ, тогда признаюсь, еще болѣе бы обрадовался.

По возвращеніи Государя изъ Абова, въ Петербургѣ ожидали его другія заботы, приготовленія къ новой необыкновенной войнѣ и свадьба любимой сестры его Екатерины Павловны. Война Австріи съ Франціей уже начиналась, она была объявлена, и Наполеонъ не соглашался, чтобы Россія оставалась спокойною свидѣтельницей оной. Вслѣдствіе сего, почти наканунѣ бракосочетанія великой княжны, 18-го Апрѣля, воспрещенъ пріѣздъ ко двору находившемуся тогда въ Петербургѣ послу Австріи, послѣ знаменитому ея полководцу, князю Шварценбергу. Какъ бы въ доказательство того, что онъ не вѣритъ вынужденному недоброжелательству Россіи, илюминовалъ онъ домъ свой вензеловыми именами новобрачныхъ. Необычайно-странно было видѣть въ самодержавномъ государствѣ явную протестацію царедворцевъ противъ воли Императора: они ежедневно посѣщали Шварценберга, и всегда десятокъ каретъ можно было найдти у его подъѣзда. Когда же онъ совсѣмъ отправился въ путь, то многія дамы провожали его до первой станціи.

Начальникомъ арміи, которая должна была дѣйствовать противъ Австрійцевъ, назначенъ былъ извѣстный читателю князь Сергѣй Ѳедоровичъ Голицынъ, у котораго въ деревнѣ провелъ я годъ моего ребячества. Неужели за Наполеона будетъ онъ проливать Русскую кровь? спрашивали другъ у друга. Непонятно, какъ человѣкъ съ та-

кими военными способностями могъ отказаться отъ побѣдъ и согласиться на притворную войну; но въ этомъ случаѣ бездѣйствіе было для него истинною славой въ глазахъ соотечественниковъ. Голицынъ вступилъ въ Галицію, занятую войсками эрцгерцога Фердинанда; въ продолженіе всего лѣта искали они другъ друга, не находили, нигдѣ не встрѣчались и не имѣли ни одной стычки. Генералы тайно переписывались между собою.

Итакъ, въ одно время Россія имѣла за границей четыре дѣйствующія арміи: Тормасовъ сражался съ Персіянами, въ Молдавіи и Валахіи осмидесятилѣтній старецъ, фельдмаршалъ князь Прозоровскій готовился перейти Дунай, чтобы напасть на Турокъ, и въ Финляндіи дѣйствія еще не прекращались. Вотъ плоды мира съ Наполеономъ, четыре войны вдругъ, говорили недовольные; я твердилъ все свое, и часто доставалось мнѣ за то въ обществѣ. Меня все утѣшала мысль, что, придавленные съ Запада, мы быстро распространяемся на Сѣверѣ и на Югѣ.

Четыре войны имѣла Россія, и о происшествіяхъ ихъ никто не заботился. За то съ самаго начала лѣта, бывало, кто бы знакомый ни встрѣтился на улицѣ, всякій спрашиваетъ о новостяхъ или самъ разсказываетъ вѣсти о войнѣ въ Германіи: туда только было обращено всеобщее вниманіе. Побѣда при Асппернѣ произвела радостный восторгъ; всѣ гордились успѣхами Австрійцевъ, какъ собственными; послѣ Ваграма пришли въ бѣшенное отчаяніе, а не повѣсили головы; и Шиля, и Гофера, еретиковъ погибшихъ за дѣло освобожденія Европы, готовы были сопричислить къ святому сонму мучениковъ и угодниковъ. Послѣ того странно, что Наполеонъ три года спустя потомъ могъ ожидать содѣйствія, а не отчаяннаго сопротивленія отъ націи, столь глубоко проникнутой къ нему ненавистью, которая отъ неудачъ приходила въ уныніе, но никогда не разставалась съ надеждою его побѣдить, которой начальники и воины, сегодня разбитые въ прахъ, завтра готовы были возстать изъ него, чтобъ отмстить за вчерашнюю обиду. Нѣтъ, говорили многіе, не Австріи, видно, сладить съ этимъ великаномъ! И какъ будто въ прозрѣніи будущаго, видѣли уже перстъ Божій, указующій на ихъ Россію, какъ на обреченную сему кровавому и славному дѣлу.

Въ разсужденіи Россіи, цѣль Наполеона была отчасти достигнута: если въ этой странной для нея войнѣ, изъ угожденія ему, не потеряла она ни одного солдата, то, по крайней мѣрѣ, оказала ему великую услугу, сдѣлавъ въ пользу его сильную диверсію; если не явной вражды, то, по крайней мѣрѣ большаго охлажденія могъ онъ ожидать между нею и Австріей. Для умноженія его, при заключеніи мира отрѣ-

залъ онъ ломтикъ отъ Галиціи, Тарнопольскій уѣздъ, и ей бросилъ его какъ будто Христа ради.

Знакомство одно, сдѣланное мною незадолго передъ этимъ, нѣсколько поколебало вѣрованіе мое въ продолжительный и для насъ полезный союзъ съ Наполеономъ. У Хвостовой встрѣчался я съ Михаиломъ Александровичемъ Салтыковымъ, человѣкомъ чрезвычайно умнымъ, исполненнымъ многихъ свѣдѣній, красивымъ и даже миловиднымъ почти въ сорокъ лѣтъ и тона самаго пріятнаго. Пасынокъ сильнаго при дворѣ Екатерины Петра Богдановича Пассека, съ фамильнымъ именемъ довольно громко въ Россіи звучащимъ, но съ состояніемъ весьма ограниченнымъ, могъ онъ только почитаться полузнатнымъ. Хотя, какъ настоящій баринъ, получилъ онъ совершенно Французское образованіе, былъ однакоже у другихъ молодыхъ бояръ цѣлымъ поколѣніемъ впереди. Классиковъ вѣка Лудовика XIV уважалъ онъ только за чистоту ихъ неподражаемаго слога, болѣе же плѣнялся роскошью мыслей философовъ восемнадцатаго вѣка; но тѣхъ и другихъ готовъ онъ былъ повергнуть къ ногамъ Жанъ-Жака Руссо; въ немъ все было: и чувствительность, и воображеніе, и мысли, и слогъ. Послѣ него признавалъ онъ только двухъ хорошихъ писателей: Бернардена де-Сенъ-Піера въ прозѣ и Делиля въ стихахъ. О Нѣмецкой, объ Англійской литературѣ не имѣлъ онъ понятія; на Русскую словесность смотрѣлъ онъ не такъ какъ другіе аристократы, гордо отворачивающіеся отъ нея какъ отъ урода, при самомъ рожденіи умирающаго, а видѣлъ въ ней невиннаго младенца, коего лепетъ можетъ иногда забавлять. Въ первой молодости былъ онъ уже подполковникомъ и адъютантомъ князя Потемкина, и если далѣе не пошелъ впередъ, то самъ былъ виноватъ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, кои, зная цѣну достоинствъ и способностей своихъ, думаютъ, что правительство, признавая въ нихъ оныя, обязано ихъ награждать, употребляютъ ли или не употребляютъ ихъ на пользу государственную. Какъ всѣ люди честолюбивые и лѣнивые вмѣстѣ, ожидалъ онъ, что почести, безъ всякаго труда, сами собою должны были къ нему приходить. Во время революціи превозносилъ онъ жирондистовъ, а террористовъ, ихъ ужасныхъ побѣдителей, проклиналъ; но какъ въ то время у насъ не видѣли большой разницы между Барнавомъ и Робеспьеромъ, то едва ли не прослылъ онъ якобинцемъ. Всегда и всѣми недовольный, кинулъ онъ службу и общество и въ среднемъ состояніи нашелъ себѣ молоденькую жену, Француженку, дочь содержательницы пансіона Ришаръ. При Павлѣ его было не слыхать, не видать. При Александрѣ республиканецъ пожелалъ и получилъ камергерскій ключъ, который далъ ему четвертый классъ и который въ старину однимъ открывалъ путь къ дальнѣйшимъ поче-

стямъ, а для другихъ запиралъ его навсегда. Онъ сердился, что не получаетъ мѣста, и никого не хотѣлъ удостоить просьбою о томъ. Нѣсколько позже сталъ онъ занимать довольно важныя должности, но по незнанію дѣлъ, по совершенному презрѣнію къ нимъ, всѣ мѣста умѣлъ превращать въ канониканства. Онъ всегда имѣлъ видъ спокойный, говорилъ тихо, умно и красно. Обольщенный имъ, я обрадовался, когда вздумалось ему въ первый разъ пригласить меня къ себѣ. Съ величайшимъ хладнокровіемъ хвалилъ онъ и порицалъ; разгорался же только нѣжностію, когда называли Руссо, или гнѣвомъ при имени Бонапарте. Не знаю какое чувство, монархическое ли, врожденное во всякомъ Русскомъ, или привитое республиканское (не оба ли вмѣстѣ?) такъ сильно возбуждали его противъ похитителя престоловъ и истребителя свободы; только никто столь убѣдительно не проповѣдывалъ противъ него какъ этотъ Салтыковъ. Какъ ни больно мнѣ было сознаться, что я ошибался, онъ заставилъ меня сіе сдѣлать.

Послѣ неудачной попытки на Стокгольмъ, Государю надоѣла Шведская война, и онъ желалъ кончить ее добрымъ миромъ. Новый старый король не смѣлъ еще подаваться на него, ибо война сдѣлалась національною, и она медленно продолжалась. Одинъ только корпусъ Шувалова оставался дѣйствующимъ.

По примѣру Австріи, Аракчеевъ, какъ графъ Тугутъ, изъ кабинета своего распоряжалъ военными дѣйствіями въ Финляндіи, и Барклай не смѣлъ или покамѣстъ не хотѣлъ ему противиться. Говорили, что онъ (Аракчеевъ) весьма покойно водилъ пальцемъ по картѣ и не могъ вѣрить никакимъ естественнымъ препятствіямъ. Исполняя приказанія его, Шуваловъ нѣкоторое время продолжалъ идти впередъ въ Вестъ-Ботніи, вдоль лѣваго уже берега залива, имѣя передъ собою малочисленный Шведскій отрядъ, который, по мѣрѣ его приближенія, безъ бою все отступалъ назадъ. Надоѣлъ онъ ему; чтобы принудить его сражаться, захотѣлъ Шуваловъ потѣшиться славнымъ дѣломъ. Дошедши до мѣстечка Шелефта, нашелъ онъ небольшой заливъ, углубляющійся внутрь земли, который перегораживалъ ему дорогу; этотъ заливъ имѣлъ около двадцати верстъ ширины и весь покрытъ былъ еще льдинами, хотя это было 3 Мая, то есть 15 новаго стиля. Онъ сталъ кличъ кликать; предложилъ генераламъ, кому изъ нихъ угодно будетъ, пока онъ пойдетъ вокругъ залива вслѣдъ за Шведскимъ отрядомъ, переправиться черезъ него по рыхлому льду, чтобы Шведамъ перерѣзать дорогу; всѣ отказались, безъ крайней надобности не желая идти на вѣрную погибель; одинъ изъ нихъ вызвался; это былъ Алексѣевъ. За смѣльчакомъ пошли Русскіе солдаты по гибкому, ломкому льду, часто проваливались и вытаскивали другъ друга изъ во-

ды, потомъ опять продолжали бодро идти впередъ. Богъ, видно, помогалъ имъ, и черезъ нѣсколько часовъ очутились они на другой сторонѣ. Какъ съ неба упали они передъ ретирующимися Шведами, которые едва могли повѣрить такому чуду. Поставленные между двухъ огней, сдались они со всѣми своими пушками и знаменами. Это очень полюбилось въ Петербургѣ, и Алексѣеву данъ за то Георгіевскій крестъ третьей степени на шею.

Послѣ такого подвига Шуваловъ почиталъ себя въ правѣ говорить громче и смѣлѣе. Онъ остановился и рѣшительно отказался идти далѣе впередъ; онъ представлялъ о великомъ отдаленіи его отъ главной квартиры, о чрезвычайныхъ затрудненіяхъ въ продовольствіи. Съ какою цѣлію могъ онъ идти далѣе? Не ожидая никакого новаго подкрѣпленія, съ убавленнымъ отъ похода числомъ воиновъ, если бы и удалось ему подойти къ Стокгольму, то одного вооруженнаго народонаселенія достаточно бы было, чтобы раздавить его малочисленный корпусъ. Аракчеевъ прогнѣвался за такое ослушаніе; во всѣхъ подозрѣвалъ онъ трусость и сталъ обвинять въ оной Шувалова. Онъ столько имѣлъ уже власти надъ умомъ Царя, что любимца его успѣлъ подвергнуть жестокому наказанію.

Послушному и смѣлому Алексѣеву велѣно принять начальство надъ корпусомъ, а графу Шувалову находиться неотлучно при немъ, вчерашнемъ его подчиненномъ. Одинъ приказъ, одно наставленіе дано было Алексѣеву: впередъ и впередъ. Онъ исполнилъ приказаніе, влача за собою разобиженнаго, разогорченнаго Шувалова. Какъ судьба играетъ людьми! Алексѣевъ, одинъ изъ младшихъ генералъ-маіоровъ Русской арміи, который за годъ передъ тѣмъ, или еще и менѣе, за благоразумное представленіе едва не лишился чести, предводительствуетъ корпусомъ, правда, числомъ воиновъ едва превышающимъ комплектную дивизію, но который по совершенно отдѣльному положенію своему могъ почитаться маленькою арміей, и одинъ идетъ противъ цѣлаго Шведскаго королевства. Онъ торжественно вступилъ въ Умео, главный городъ Весть-Ботніи, въ пятистахъ верстахъ отъ Торнео и въ полутора тысячѣ сухимъ путемъ отъ Абова. Отдохнувъ немного, собирался онъ продолжать походъ свой къ Гернезанду.

Не всѣ были довольны излишнею, по мнѣнію ихъ, покорностію своего новаго начальника: съ каждымъ шагомъ впередъ положеніе ихъ становилось затруднительнѣе и опаснѣе. Многіе полагали, что Алексѣевъ дѣйствуетъ по собственнымъ побужденіямъ и, обезпамятѣвъ отъ радости начальствовать корпусомъ, себя и ихъ ведетъ на вѣрную погибель. Болѣе всѣхъ возроптатъ вновь пожалованный генералъ Ансельмъ-де-Жибори, который скучалъ среди холодныхъ Ботническихъ

пустынь, которому хотѣлось скорѣе пощеголять шитьемъ и эполетами въ Петербургскихъ гостиныхъ, попировать и покощунствовать въ Петербургскихъ трактирахъ. Его подбили сдѣлать доносъ. Онъ писалъ къ министру, что войско гибнетъ отъ безразсудности неученаго и неопытнаго начальника, который только что отчаянно-храбръ, а съ военнымъ искусствомъ вовсе не знакóмъ. Это до нѣкоторой степени была правда; сколько однакоже было генераловъ въ Русской арміи, которые Тюреня и Фридерика знали только по имени, а объ Коментаріяхъ Кесаря и не слыхивали, но которые, одарены будучи особеннымъ инстинктомъ, зоркимъ взглядомъ болѣе угадывали, чѣмъ видѣли опасности и съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа ихъ отвращали; однимъ словомъ, которые самоучкой побѣждали. Лучше Багратіона я примѣра не нахожу. Ничего о томъ не вѣдая, Алексѣевъ съ своей стороны доносилъ Аракчееву, что по волѣ **Царя** готовъ онъ въ огонь и въ воду, какъ онъ сіе успѣлъ уже и доказать, но что для успѣха такого дѣла, какое ему поручено, одного усердія и смѣлости мало, и потому съ чистою совѣстію, признавая себя къ тому неспособнымъ, просилъ прислать другаго начальника, болѣе его свѣдущаго въ ратномъ искусствѣ. Государь былъ тронутъ его скромностію, она полюбилась ему, и графъ Каменскій опять нехотя былъ вызванъ изъ Орловской губерніи.

Между тѣмъ узналъ Алексѣевъ о тайномъ доносѣ Ансельма. Увидѣвъ его у себя и не зная ни одного слова по-французски, черезъ переводчика пустился онъ съ нимъ въ объясненія въ присутствіи другихъ генераловъ. Человѣкъ этотъ, который при исполненіи своихъ обязанностей въ мирѣ и въ войнѣ никогда не терялъ головы, въ обыкновенномъ быту жизни, съ чрезвычайно-добрымъ сердцемъ, бывалъ до бѣшенства запальчивъ, къ тому же для свѣта не совсѣмъ образованъ. Разгорячившись, онъ неоднократно повторялъ: скажите отъ меня этой Французской канальѣ то-то и то-то. Кажется, и для Француза это могло быть понятно. Того мало: онъ сопровождалъ разговоръ свой тѣми особенно энергическими выраженіями, которыя подобно Англійскому *Годдему*, какъ говоритъ Фигаро, служатъ основой нашему солдатскому и простонародному языку и которыя всякій иностранецъ, вступающій въ Русскую службу, такъ скоро изучаетъ. Ансельмъ притворился, будто ничего не понимаетъ и честію своей націи клялся, что никогда ничего объ немъ въ Петербургъ не писывалъ. «Ну, полно врать», отвѣчалъ наконецъ Алексѣевъ, «вижу, что ты лжешь, но такъ и быть, Богъ съ тобой; приходи ко мнѣ, мусью, обѣдать». И тотъ пришелъ.

Съ успокоенными нервами, въ первыхъ числахъ Августа, прибылъ графъ Каменскій къ корпусу, не совсѣмъ на радость. Отъ похода, отъ недостатковъ, отъ болѣзней этотъ корпусъ примѣтно уменьшился. Не прошло двухъ дней, Каменскій не успѣлъ еще составить никакого плана, какъ вдругъ узнали, что довольно многочисленное Шведское свѣжее войско, подъ предводительствомъ графа Вахмейстера, высажено на берегъ и идетъ къ нимъ съ тылу. Одинъ только берегъ былъ населенъ, съ одной стороны море, съ другой необитаемыя пустыни. Другаго средства не было, какъ идти назадъ къ Шведамъ на встрѣчу, чтобы сквозь нихъ пробиваться. Превосходство мѣстоположенія и числа было совершенно на ихъ сторонѣ. Въ день Преображенія, 6 Августа, началось жаркое, отчаянное дѣло при мѣстечкѣ Сефварѣ. Шведы надѣялись всѣхъ Русскихъ солдатъ побрать руками и могли то сдѣлать; но не такъ-то легко даются они непріятелямъ. Искусство тутъ ничего бы не помогло, а одна только вселомящая Русская храбрость. Алексѣевъ, какъ на своемъ мѣстѣ, былъ вездѣ впереди; Каменскій же находился въ нѣкоторомъ разстояніи и съ ужасомъ смотрѣлъ на происходящее. Онъ клялъ свою жизнь, рвалъ на себѣ волосы, не давалъ никакихъ приказаній, однимъ словомъ, совсѣмъ терялъ голову *). Надобно полагать, для его чести, что онъ болѣе тревожимъ былъ мыслію о потерѣ сраженія, чѣмъ о потерѣ жизни. Вдругъ пальба какъ будто умолкла, и несутъ къ нему Алексѣева съ веселымъ лицомъ и прострѣленною ногою. «Ну что̀, мой бѣдный Илья Ивановичъ? Что̀ съ вами, и что̀ съ нами? Мы пропали!» бросившись къ нему воскликнулъ Каменскій. «Какъ такъ? Да не обо мнѣ дѣло, ваше сіятельство, а честь имѣю васъ поздравить съ побѣдою», отвѣчалъ онъ. «Неужели?» сказалъ Каменскій. «Конечно: Шведы бѣгутъ, усаживаются на свои суда и скоро отплывутъ. У насъ въ рукахъ остались ихъ плѣнные и часть ихъ обоза и артилеріи». Безъ словъ, съ слезами на глазахъ, кинулся Каменскій его обнимать. Когда бѣгущіе Шведы отстрѣливались отъ преслѣдователей своихъ, послѣдняя ихъ пуля попала въ ногу Алексѣева; вотъ почему сказалъ я выше, что имъ и должна была кончиться Шведская война.

Послѣ того, Каменскій, не дожидаясь никакихъ уже предписаній изъ Петербурга, поспѣшно началъ ретироваться къ Умео и далѣе. Въ столицѣ, гдѣ довольно поздно получено было извѣстіе о Сефварскомъ дѣлѣ, принято оно было за пораженіе. Аракчеевъ готовилъ уже свои

---

*) Немного было тому свидѣтелей. Пятнадцать лѣтъ спустя, одинъ очевидецъ, полковникъ Липранди, который любилъ Каменскаго и имѣлъ нѣкоторыя неудовольствія на Алексѣева, съ сожалѣніемъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ. Какъ было ему не повѣрить?

перуны противъ Каменскаго: онъ никакъ не хотѣлъ понять, чтобы послѣ побѣды можно было идти назадъ.

Но уже нѣсколько недѣль министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Румянцовъ находился для переговоровъ въ Фридрихсгамѣ съ Шведскими полномочными. Они долго были неуступчивы; наконецъ, 5 Сентября подписанъ ими славный и выгодный для насъ миръ. Благородный и правдивый Румянцовъ увѣдомлялъ, что, послѣ полученія въ Стокгольмѣ извѣстія о Сефварскомъ дѣлѣ, Шведское правительство, котораго оно было послѣднимъ усиліемъ, вдругъ перемѣнило тонъ, и что не его дипломатическимъ уловкамъ, а скорѣе побѣдѣ Каменскаго Россія обязана за скорѣйшее заключеніе мирныхъ условій. Тогда только Румянцова пожаловали канцлеромъ, а графа Каменскаго генераломъ-отъ-инфантеріи, но положили объявить ему о томъ по возвращеніи его въ Петербургъ. Алексѣеву же моему послѣ залѣпили рану бриліантовой Аннинской звѣздой, да, какъ инвалиду, дали для прокормленія аренду въ полторы тысячи рублей серебромъ. Онъ и тѣмъ остался очень доволенъ.

Ничего не могло быть удивительнѣе мнѣнія публики, когда пушечные выстрѣлы съ Петропавловской крѣпости 8 Сентября возвѣстили о заключеніи мира, и Дворъ изъ Зимняго дворца парадомъ отправился въ Таврическій для совершенія молебствія. Всѣ спрашивали другъ у друга, въ чемъ состоятъ условія. Неужели бо́льшая часть Финляндіи отходитъ къ Россіи? Нѣтъ, вся Финляндія присоединяется къ ней. Неужели по Торнео? Даже и Торнео съ частію Лапландіи. Неужели и Аландскіе острова? И Аландскіе острова. О, Боже мой! О, бѣдная Швеція! О, бѣдная Швеція! Вотъ что́ было слышно со всѣхъ сторонъ. Пусть отыщутъ другой народъ, въ коемъ бы было сильнѣе чувство справедливости, Англичане не захотятъ тому повѣрить. Русскіе видѣли въ новомъ завоеваніи своемъ одно только беззаконное, постыдное насиліе. Во всей Россіи, дотолѣ славной и безъ потерь владѣній униженной все болѣе и болѣе, господствовала одна мысль, что у нея, именно у нея, а не у Государя ея, есть на Западѣ страшный соперникъ, который долженъ положить преграду величественному теченію ея великихъ судебъ, если сама она не будетъ умѣть потушить сей блестящій, ей грозящій метеоръ. Съ самаго Тильзитскаго мира смотрѣла она на пріобрѣтенія свои съ омерзеніемъ, какъ на подачки Наполеона.

Тѣ изъ Русскихъ, кои нѣсколько были знакомы съ Исторіей, не столько негодовали за присоединеніе Финляндіи, сколько благодарили за то Небо.

Обезсиленіе Швеціи упрочивало, обезпечивало наши сѣверныя владѣнія, коихъ сохраненіе съ построеніемъ Петербурга сдѣлалось для насъ необходимымъ. Если спросить, по какому праву Швеція владѣла Финляндіей? По праву завоеванія, слѣдственно по праву сильнаго; тогда тотъ изъ сосѣдей, который былъ сильнѣе ея и воспользовался имъ, имѣлъ еще болѣе ея правъ. Къ тому же, самое названіе Финляндіи, земли Финновъ, не показываетъ ли, что жители ея суть соплеменные множеству другихъ Финскихъ родовъ, подвластныхъ Россіи, внутри ея и на берегахъ Балтійскаго моря обитающихъ? Бóльшая часть Финляндіи, Ижора, Копорье, Корела или Карелія не принадлежали ли нѣкогда Великому Новгороду? Когда онъ сдѣлался добычей великихъ князей Московскихъ, тогда не могъ уже онъ самъ себя защитить и не одинъ разъ видѣлъ Шведскія полчища грабящія его области, а въ царствованіе Шуйскаго и его самого терзавшія. Финны всегда ненавидѣли Шведовъ, подъ коихъ иго подпали. Послѣ Русскаго завоеванія могли они надѣяться, что отъ него избавлены: ни мало, человѣколюбіе Александра не сняло его съ нихъ. И чтó такое сама Швеція, даже съ Норвегіей вмѣстѣ, весь Скандинавскій полуостровъ? Большая, холодная, бѣдная, безплодная земля, давнымъ-давно уже опустѣвшая, послѣ безпрерывныхъ побѣговъ удалыхъ своихъ сыновъ, кои безчисленными стаями рыскали по вселенной, искали приключеній и добычи, переходили земли, переплывали моря и подъ именемъ Варяговъ-Руссовъ или Нормановъ, основывали государства въ Нейстріи, Англіи, Сициліи, Неаполѣ и Россіи. Незапамятно оставленная ими отчизна не могла съ ними имѣть ничего уже общаго. Только въ шестнадцатомъ вѣкѣ начала опять Швеція проявляться Европѣ изъ-за тумановъ и снѣговъ своихъ. Предпріимчивый духъ предковъ показался и между потомками, и слабая Швеція хотѣла попасть въ число сильныхъ державъ Европейскихъ. Къ счастію или къ несчастію ея, имѣла она цѣлый рядъ знаменитыхъ или чѣмъ-нибудь особенно примѣчательныхъ государей, въ числѣ коихъ былъ одинъ и великій. Кто изъ просвѣщенныхъ людей не знаетъ жестокаго Христіерна, мудраго Густава-Вазу, великаго Густава Адольфа, проказницу Христину, воинственныхъ Карла Густава и Карла XII? Только ими и красна была Швеція, а сама по себѣ ничего не значила. Особливо избаловала ее Тридцатилѣтняя война, когда ея Густавъ съ своими Торстенсонами и Оксенштіернами рѣшалъ судьбу Германскихъ народовъ. Еще болѣе зазнались Шведы, когда двое изъ его преемниковъ хотѣли располагать Польскою короной, пока одинъ Русскій великанъ подъ Полтавой не далъ имъ, съ позволенія сказать, такого щелчка, послѣ котораго они присѣли, притихли и долго не могли опомниться. Однакоже и послѣ, развѣ не могли

они въ нѣсколько часовъ приплывать изъ Гельсингфорса къ Ревелю и овладѣть имъ? Развѣ не могли они надѣлать суматохи въ Петербургѣ? Развѣ Екатерина въ Царскосельскомъ дворцѣ своемъ не считала всѣхъ пушечныхъ выстрѣловъ морскаго съ ними сраженія подъ Красной горкой? Нѣтъ, не надобно имъ давать воли, не надобно позволять имъ почитать себя выше Баваріи и Виртемберга. Чтó бъ ни говорили, завоеваніе Финляндіи есть слава Александра, а не преступленіе его. Нельзя однакоже умолчать о томъ, что сдѣланное имъ изъ нея послѣ можно назвать измѣной... такъ точно, первой его измѣной Россіи. Но чтó спѣшить съ размышленіями о печальныхъ событіяхъ, кои въ послѣдствіи осужденъ я буду описывать.

Если этотъ 1809-й годъ былъ довольно обиленъ военными происшествіями, то еще болѣе долженъ быть памятенъ для нашихъ гражданскихъ чиновниковъ. Какъ всѣ люди по-неволѣ дѣятельные и трудами обремененные, императоръ Александръ терпѣть не могъ въ другихъ праздности и лѣни. Къ тому же, какъ либералъ и властолюбецъ вмѣстѣ, онъ болѣе переносилъ, чѣмъ поощрялъ аристократическій образъ мыслей и всѣ преимущества отъ него независящія и не отъ него проистекающія ненавидѣлъ. Всегда смотрѣлъ онъ косо на придворные чины: въ молодыхъ камергерахъ и камеръ-юнкерахъ, обязанныхъ находиться при большихъ выходахъ, танцовать на придворныхъ балахъ, украшать собою общества, служить единственно для умноженія царской помпы, видѣлъ онъ людей только что шаркающихъ по паркету и называлъ ихъ полотерами. Изъ ничего, безъ всякихъ заслугъ и для бездѣйствія производились они прямо въ четвертый и пятый классъ, тогда какъ другіе могли только достигать до того многолѣтними трудами. Оно, конечно, съ перваго взгляда можетъ казаться несправедливостію; въ какой однакоже монархіи нѣтъ множества привилегированныхъ фамилій? И въ Англіи, молодые лорды, по достиженіи совершеннолѣтія, не засѣдаютъ ли въ верхней камерѣ парламента и не берутъ ли шагъ у старыхъ заслуженныхъ генераловъ? Въ Россіи дѣло совсѣмъ другое: въ ней никогда истинной аристократіи не бывало, и мѣстничество было одно постоянное притязаніе, а не право. Петръ Великій установилъ чинъ; послѣ того кто былъ чиновнѣе, тотъ и долженъ былъ, кажется, у насъ быть знатнѣе. Вышло однакоже не совсѣмъ такъ: слѣды старины не могли вдругъ изгладиться; движеніе къ званію бояръ уже не существующихъ и къ древнимъ родамъ ихъ все еще сохранялось, и новыя понятія въ частыхъ сношеніяхъ со старой Европой, у нея заимствованныя, еще болѣе его усиливало. Воля царская, которая въ Россіи превыше всего, могла между тѣмъ единымъ дуновеніемъ создавать знатныхъ, т. е. многозначущихъ и вельможъ, т. е. вельми мощныхъ

и даже изъ самой черни извлекать первыхъ сановниковъ государства и ставить ихъ не только наравнѣ, но и выше потомковъ князей и бояръ. Императоры и императрицы однакоже мало употребляли сіе право и до Павла, исключая Меншикова и Разумовскихъ, едвали можно найдти примѣръ, что кто-либо изъ простонародья, т. е. изъ самаго низшаго состоянія, возведенъ былъ въ самое высшее. Не довольствуясь избранныхъ своихъ награждать чинами и титлами, они жаловали ихъ большими помѣстьями, зная, что на низшій классъ болѣе всего дѣйствуетъ наружный блескъ и широкое житье и желая заставить уважать свое твореніе.

Людей полезныхъ ей, но по мнѣнію ея не довольно способныхъ къ занятію первыхъ мѣстъ въ государствѣ, Екатерина производила медленно. Особенно второй классъ, то есть чинъ генерала-аншефа, адмирала и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, при ней для весьма многихъ недосягаемо подымался; онъ-то рѣшительно давалъ знатность тѣмъ, которые наслѣдственно ея не имѣли. Сыновья людей съ знатнымъ фамильнымъ именемъ соединяющихъ богатое состояніе, равно какъ и сыновья сихъ новознатныхъ, получившіе хорошее образованіе, но не чувствовавшіе въ себѣ склонности къ военной службѣ, обыкновенно одни жаловались въ камеръ-юнкеры, не для ихъ удовольствія, а въ награду заслугъ отцовскихъ, для украшенія общимъ мнѣніемъ уважаемыми именами придворнаго списка, для умноженія пышности столицы, гдѣ необходимы великолѣпныя палаты и роскошные праздники. Безъ камеръ-юнкерства, можетъ-быть, предпочли бы они жить великокняжески въ своихъ помѣстьяхъ. Какъ часто видимъ мы людей, уже уставшихъ, а все продолжающихъ идти по трудному пути честей для того единственно, чтобы подавать руку сыновьямъ своимъ, которые безъ нихъ, можетъ быть, стали бы на немъ спотыкаться: успѣхи предметовъ ихъ нѣжности бываютъ для нихъ дороже собственныхъ. Екатерина вѣдала то и, про ихъ дѣтей, держала камеръ-юнкерство какъ одно изъ лучшихъ средствъ дѣлать ихъ самихъ счастливыми.

Александръ хотѣлъ вездѣ одной пользы, забывая, что сама природа производитъ не одно полезное, но и пріятное. Вмѣсто цвѣтовъ, во множествѣ украшающихъ сады его и коими любилъ онъ тѣшить взоръ свой, не велѣлъ же онъ сѣять капусту и рѣдьку. Онъ задумалъ положить преграду существующему, по мнѣнію его, злоупотребленію и о средствахъ къ тому сталъ совѣтываться съ Сперанскимъ.

Такъ какъ камергерство и камеръ-юнкерство должны были почитать единственно чрезвычайными, особыми знаками царской милости, а отнюдь не наградой за личныя заслуги, то и стоило только продолжать ихъ раздачу съ большею противъ прежняго бережливостью и

только тѣмъ юношамъ, о коихъ я выше сказалъ и для коихъ слѣпая фортуна и слѣпой случай рожденія сдѣлали болѣе, чѣмъ природа.

Когда я началъ знать Сперанскаго, изъ дьячковъ перешагнулъ онъ черезъ простое дворянство и лѣзъ прямо въ знатные. На новой высотѣ, на которой онъ находился, не знаю, чѣмъ почиталъ онъ себя; извѣстно только, что самую уже знатность хотѣлось ему топтать. Примѣръ Наполеона вскружилъ ему голову. Онъ не имѣлъ сына, не думалъ жениться и одну славу собственнаго имени хотѣлъ передать потомству. Онъ сочинилъ проектъ указа, утвержденный подписью Государя, коимъ велѣно всѣмъ настоящимъ камергерамъ и камеръ-юнкерамъ, сверхъ придворной, избрать себѣ другой родъ службы, точно такъ, какъ отъ вольноотпущенныхъ требуется, чтобы они избрали себѣ родъ жизни. Нѣсколько трудно было для превосходительныхъ и высокородныхъ, изъ коихъ нѣкоторые были лѣтъ сорока, пріисканіе мѣстъ соотвѣтствующихъ ихъ чинамъ (въ коллегіи не опредѣляли новыхъ членовъ); по нѣскольку человѣкъ посадили ихъ за оберъ-прокурорскіе столы, другихъ разсовали по министерствамъ. Чувствуя униженіе свое, никто изъ нихъ, даже тѣ, которые имѣли нѣкоторыя способности, не хотѣли заняться дѣломъ, къ которому никто не смѣлъ ихъ приневоливать.

Всѣ послѣ этого указа вновь жалуемые камергеры и камеръ-юнкеры должны были оставаться въ тѣхъ чинахъ, въ коихъ прежде находились, и всѣ сіи малочинные, также какъ и чиновные, должны были занимать какую нибудь должность въ гражданской службѣ. Можно ли было ожидать отъ графчика или князька, наслѣдника двадцати, тридцати или пятидесяти тысячъ душъ, чтобы онъ охотно, въ званіи канцелярскаго служителя, подчинилъ себя засаленному повытчику и по его приказанію переписывалъ бумаги? Въ Россіи всякій несправедливый законъ исправляется неисполненіемъ его. Всѣ эти баричи числились только по департаментамъ, а главное начальство само способствовало ихъ повышенію.

Этимъ указомъ съ своею знатью похристосовался Государь въ день Свѣтлаго Воскресенья. Между нею произвелъ онъ нѣкоторый ропотъ; дворяне же и разночинцы тому обрадовались, особенно же тѣ, кои, подобно мнѣ, воспитаніемъ, образованіемъ своимъ почитали себя равными баричамъ, но дотолѣ не смѣли имъ завидовать.

Спрашивается послѣ этого: не самъ ли Государь возбуждалъ подданныхъ своихъ къ идеямъ о равенствѣ и свободѣ? Какъ никто не умѣлъ тогда замѣтить, что отъ этого единаго удара волшебнаго царскаго прутика исчезъ существовавшій у насъ дотолѣ призракъ аристократіи. Сперанскому хотѣлось республики, въ томъ нѣтъ никакого

сомнѣнія. Но чего же хотѣлось Александру? Неужели представительнаго монархическаго правленія? Оно нигдѣ безъ высшихъ, привилегированныхъ сословій не существовало. Ему хотѣлось Турецкаго правленія, гдѣ одинъ только Оттоманскій родъ пользуется наслѣдственными правами и гдѣ сынъ верховнаго визиря родится простымъ Туркомъ и наравнѣ съ поселяниномъ платить подать.

Указъ, о коемъ говорю, былъ только прелюдіемъ другаго болѣе жестокаго и несправедливаго указа: великій преобразователь Россіи, Сперанскій, объявилъ его въ день Преображенія Господня, 6 Августа. Онъ давно смотрѣлъ съ негодованіемъ и нѣкоторою завистію на молодыхъ дворянъ, которые, безъ большихъ трудовъ, подвигались въ чинахъ, благодаря покровительству родныхъ и друзей ихъ семействъ. Нельзя этого одобрять, однакоже и никакой большой бѣды отъ того не было. Чины не были такъ расточаемы какъ нынѣ, сохраняли еще свою цѣну; люди были умѣреннѣе въ своихъ желаніяхъ, и немногіе упорно лѣзли вверхъ. Чины получать даромъ можно было только въ Петербургѣ, и немногіе соглашались оставаться въ немъ цѣлую жизнь. Иной, подобно Простодуму въ *Хвастунѣ* Княжнина, поклонами добившись до *штабскаго чинишка*, спѣшилъ похвастать имъ въ провинціи, и его высокоблагородіе оставалось навсегда въ своемъ помѣстьѣ, спокойно имъ управляя, и было пресчастливо, когда подъ старость дворянство выбирало его своимъ уѣзднымъ предводителемъ. Другіе довольно пріятно и весело (по большей части въ Англійскомъ клубѣ) выживали сроки, положенные для выслуги лѣтъ въ каждомъ чинѣ; они не думали занимать высокихъ мѣстъ, для которыхъ чувствовали себя неспособными и, зная напередъ, что не пойдутъ далѣе чина колежскаго совѣтника, имъ оканчивали разчеты своего чрезмѣрнаго честолюбія. Такіе люди, обыкновенно достаточные помѣщики, съ семействами и прислугой поселяясь въ Петербургѣ, умножали въ немъ число потребителей и хорошее, пристойное общество, которое знатная спѣсь называла среднимъ состояніемъ. Чины были весьма легкимъ, хотя единственнымъ средствомъ для правительства, чтобы приманивать ихъ въ свою холодную, негостепріимную столицу. Если Европейское просвѣщеніе почитать благомъ для Россіи, то и въ этомъ отношеніи пребываніе ихъ въ Петербургѣ было полезно для его распространенія. Было много и такихъ людей, кои не почитали обязанностію часто посѣщать департаменты, къ коимъ принадлежали, лучше сказать, были только приписаны, и не хотѣли изнурять, убивать умственныя свои способности ежедневными мелочными канцелярскими трудами. Ихъ почитали праздными, тогда какъ бо̀льшую часть своего времени посвящали они чтенію, изученію иностранныхъ твореній о законодательствѣ, о политической экономіи;

когда слѣдили они всѣ распоряженія правительства, въ тайнѣ порицали или одобряли ихъ и, не участвуя въ дѣлахъ его, безпрестанно ими занимались. Они медленнѣе подымались по лѣстницѣ чиновъ, за то шли они непринужденно, благородно и всегда готовые перейдти на другую, на лѣстницу мѣстъ, гдѣ теорію своихъ знаній могли бы съ пользою приложить къ практикѣ дѣлъ текущихъ. Они не заслоняли дороги подъячимъ, которые шли путемъ людей дѣловыхъ, а они надѣялись быть государственными. Тѣхъ и другихъ задумалъ Сперанскій уничтожить однимъ ударомъ.

До 1803 или 1804 года во всей Россіи былъ одинъ только университетъ, Московскій, и не вошло еще во всеобщій обычай посылать молодыхъ дворянъ доканчивать въ немъ ученіе. Не смотря на скудость тогдашнихъ средствъ, родители предпочитали домашнее воспитаніе, тѣмъ болѣе, что, при вступленіи въ службу, отъ сыновей ихъ не требовалось большой учености. Не прошло двухъ или трехъ лѣтъ послѣ основанія Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ вдругъ учреждены и уже открыты пять новыхъ университетовъ. У насъ на Руси все такъ быстро дѣлается: *да будетъ свѣтъ и бысть*. Не смотря, однакоже, на размноженіе сихъ, наскоро созданныхъ университетовъ, число учащихся въ нихъ было не велико. Государь и безъ того уже не слишкомъ благоволилъ къ своимъ Русскимъ подданнымъ; Сперанскій воспользовался тѣмъ, чтобы ихъ представить ему какъ народъ упрямый, лѣнивый, неблагодарный, не чувствующій цѣны мудрыхъ о немъ попеченій, народъ, коему не иначе, какъ насильно можно творить добро. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилъ онъ въ глазахъ его число праздношатающихся молодыхъ дворянъ-чиновниковъ. Сего было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы склонить Царя на принятіе такой мѣры, которая, по увѣреніямъ Сперанскаго, въ будущемъ обѣщала большую пользу гражданской службѣ, а въ настоящемъ сокрушала всѣ надежды на повышеніе цѣлаго, почти безъ изъятія, безчисленнаго сословія нашего.

Что̀ распространяться о содержаніи указа, многія лѣта, многими тысячами проклинаемаго? Скажемъ о немъ нѣсколько словъ. Для полученія чиновъ статскаго совѣтника и колежскаго асессора, обязаны были чиновники, представлять университетскій атестатъ объ экзаменѣ въ наукахъ въ числѣ коихъ были нѣкоторыя, о коихъ они прежде и не слыхивали, кои по роду службы ихъ были имъ вовсе безполезны, какъ напримѣръ, химія для дипломата и тригонометрія для судьи, и которыя тогдашніе профессоры сами плохо знали. Не безразсудно ли было заставлять не только совершеннолѣтняго, но даже и пожилаго человѣка возвращаться къ школьнымъ лавкамъ? Люди живущіе од-

нимъ жалованьемъ и занимающіе должности, которыя мало оставляли имъ свободнаго времени, могли ли отъ нихъ отрываться, чтобъ ежедневно на нѣсколько часовъ дѣлаться учениками? Не рѣшаясь на то, съ лучшими способностями осуждены они были вѣкъ пресмыкаться въ самыхъ низкихъ должностяхъ. Безкорыстнымъ и благомыслящимъ людямъ, имѣющимъ насущный хлѣбъ, что̀ оставалось дѣлать, если не бросить службу? Недобросовѣстные же и неимущіе вынуждены были беззаконною прибылью утѣшать, вознаграждать себя за лишеніе всего, что̀ служба имѣла для нихъ привлекательнаго. Нелѣпость этого указа ослабляла въ общемъ мнѣніи всю жестокую его несправедливость.

Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы строгое его исполненіе было возможно. Всѣ полагали, что оно, послѣ временной остановки въ производствѣ, будетъ только относиться къ юношамъ, вновь поступающимъ на службу. Какъ бы на смѣхъ, какъ бы на зло правительству, университеты долго еще оставались почти пусты; ни старый, ни малый, ни служащій, ни служившій, ни даже приготовляющійся на службу не спѣшили посѣщать ихъ. Съ своей стороны цари не любятъ сознаваться въ ошибкахъ, и Александръ въ этомъ случаѣ никакъ не хотѣлъ уступать всеобщему ропоту. Въ продолженіе всего царствованія его указъ этотъ отмѣненъ не былъ; только гораздо позже послѣдовали въ немъ нѣкоторыя измѣненія.

Зло, имъ причиненное, неисчислимо, хотя совсѣмъ не то, котораго могъ ожидать Сперанскій. Онъ зналъ (да и кто же не зналъ тогда?), какъ всѣ состоянія были недовольны Государемъ, который всю армію свою казнилъ Аракчеевымъ. Налоги ежегодно увеличивались, торговля страдала отъ запретительной системы, введенной въ угожденіе Франціи; капиталисты разорялись отъ безпрестаннаго пониженія курса на ассигнаціи. Онъ убѣдилъ Александра вдругъ поразить Дворъ, все гражданское вѣдомство и цѣлое дворянство. Отъ всюду разсѣянныхъ и вездѣ возрастающихъ неудовольствій чего могъ ожидать онъ, если не смутъ, заговоровъ и возмущеній, въ виду торжествующаго Наполеона? Но слава долготерпѣнію твоему, народъ Русскій! Претерпѣваяй до конца, не одинъ разъ ты спасенъ былъ. Въ случаѣ неудачи, могъ Сперанскій надѣяться другаго. «Сыновья людей духовнаго званія учатся всѣ въ семинаріяхъ, думалъ онъ; почти всѣ они не любятъ отцовскаго состоянія и предпочитаютъ ему гражданскую службу; множество изъ нихъ въ ней уже находится. Семинарскимъ ученіемъ приготовленные къ университетскому, они и нынѣ составляютъ бо̀льшую часть студентовъ ихъ: новый указъ ихъ всѣхъ туда заманитъ. Придавленные имъ дворянчики не захотятъ продолжать службы; пройдетъ немного времени, и управленіе цѣлой Россіи будетъ въ рукахъ семинаристовъ».

Такъ вѣрно думалъ онъ, но не совсѣмъ такъ случилось. Въ одномъ онъ только не ошибся: самолюбіе заставляло служить почти всѣхъ дворянъ. Чины еще были въ уваженіи; для полученія ихъ смолоду вступали они въ службу, привыкали къ ней, полегоньку болѣе или менѣе знакомились съ дѣлами и, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, ѣхали въ провинцію облагороживать, украшать своимъ именемъ, своимъ состояніемъ, своею честностію мѣста́ предсѣдателей, прокуроровъ и совѣтниковъ. Подъ старость титулъ превосходительства ожидалъ ихъ, какъ вѣнецъ на концѣ съ честію пройденнаго, длиннаго поприща. Внезапно на немъ остановлены они. Сколько было между ними людей умныхъ и способныхъ, которые скорѣе проживали имѣнія, чѣмъ наживались на службѣ! Мало-по-малу, другъ за другомъ, стали они убираться. Кѣмъ было замѣщать во множествѣ оставляемыя ими мѣста̀? Для занятія ихъ дотолѣ былъ необходимъ соотвѣтствующій имъ чинъ; но производства не было, и надо было спускаться. Не прошло двухъ лѣтъ, какъ на мѣста пятаго класса, вице-губернаторовъ и предсѣдателей, начали опредѣлять надворныхъ совѣтниковъ; на мѣста же совѣтничьи шестаго класса стали сажать колежскихъ секретарей. Бывало, въ министерствѣ не знаютъ, что дѣлать съ помощникомъ столоначальника, ни къ чему не способнымъ: посылаютъ его совѣтникомъ въ губернію. Послѣ того можно себѣ представить, какіе люди соглашались оставаться тамъ секретарями и повытчиками. Всѣ мѣста вдругъ начали упадать, а чины не возвысились. Напротивъ, начался противъ нихъ какой-то заговоръ, какое-то нѣмое согласіе оказывать къ нимъ пренебреженіе, которое, время отъ времени увеличиваясь, въ нынѣшніе дни совершенно уничтожило ихъ прежнее значеніе. Чѣмъ малочиновнѣе былъ богатый помѣщикъ, тѣмъ, нарочно, болѣе стали показывать къ нему уваженія. По тяжбамъ своимъ готовы были дворяне давать судьямъ своимъ, что̀ было имъ угодно, только не пускать ихъ въ гостинныя свои.

Оставалось, однакоже, въ столицахъ довольно разъяреннаго честолюбія, чтобъ одержимые имъ, для удовлетворенія производимой имъ нестерпимой жажды, дерзали на все, даже на посрамленіе свое. Мы видѣли людей съ сѣдѣющими волосами, покупающихъ книги, будто ихъ изучающихъ и смѣло потомъ идущихъ въ университеты на экзаменъ, какъ на торговую казнь. Безъ тайнаго у нихъ согласія съ экзаменаторами (впрочемъ, весьма несвѣдущими), не могли бъ они получить атестата. Послѣднихъ надобно было задобрить. Итакъ, гнусное лихоимство, благодаря Сперанскому, проникло даже въ святилища наукъ. Люди, дотолѣ извѣстные чистотою правилъ, безсребренники-профессора, осквернились взятками. Нѣсколько позже, провѣдавъ о томъ,

молодые дворяне, желающіе вступить въ службу, не брали труда ходить слушать лекціи, а просто за деньги получали атестатъ, открывающій имъ дорогу къ почестямъ: самый нѣжный возрастъ научался дѣйствовать подкупомъ. Лѣтъ пять такъ продолжалось, пока не приняты были мѣры къ пресѣченію постыднаго торга ученостію. Между тѣмъ вкусившіе отъ запрещеннаго плода преподаватели наукъ бросились туда, гдѣ жатва его была обильнѣе; простившись съ докторствомъ и магистерствомъ, они спѣшили на путь, на которомъ имъ однимъ дозволено было идти быстро и до всего доходить. Сколько людей, обѣщавшихъ блистать на каѳедрѣ, погребло дарованія свои въ канцеляріяхъ! Университеты и гимназіи, сама ученая часть пострадала отъ чрезвычайныхъ привилегій ей дарованныхъ.

Всемѣрно завлекая студентовъ и семинаристовъ въ гражданскую службу, Сперанскій лишилъ и церковь твердыхъ ея подпоръ, достойныхъ пастырей, вѣщателей Слова Божія, образцовыхъ проповѣдниковъ. Можетъ быть, и это входило въ его намѣренія. Дѣйствительно, всѣ наши свѣтильники вѣры, Филареты, Ѳеофилакты явились до изданія пагубнаго указа; почти черезъ тридцать лѣтъ воскресло у насъ духовное краснорѣчіе съ Иннокентіемъ. Храмы Божіи, храмы наукъ опустошалъ нечестивецъ своими затѣями. Онъ втайнѣ приготовлялся тогда къ одному важному дѣлу, къ перестройкѣ государственнаго зданія и, въ угожденіе Государю, дѣлалъ опытъ надъ экспедиціей водяныхъ комуникацій. Она дотолѣ входила въ составъ издыхающаго министерства комерціи, о которомъ канцлеръ Румянцовъ, при другихъ занятіяхъ, уже мало заботился. Изъ сей экспедиціи, съ помощію друга своего Лубяновскаго, состряпалъ онъ новое министерство, подъ именемъ путей сообщенія. Но какъ Императоръ намѣренъ былъ поручить его управленію зятя своего, мужа любимой сестры своей Екатерины Павловны, молодаго принца Ольденбургскаго, и званіе простаго министра ему было неприлично, то и названо оно Главною Дирекціей. Тогда же съ великими издержками основаны институтъ и корпусъ инженеровъ путей сообщенія. Во всѣхъ Европейскихъ странахъ гражданскіе инженеры были давно уже извѣстны; въ Россіи это показалось новостію. Оно что-то похоже было на архитекторство; а какъ у насъ художества тогда мало отличались отъ ремеслъ, и молодые дворяне, хотя изгоняемые изъ статской службы, не охотно бы за нихъ принялись: то, чтобъ открыть имъ какую-нибудь дорогу и привлечь ихъ, принцъ выпросилъ симъ новымъ инженерамъ военные мундиры и чины. Вмѣстѣ съ назначеніемъ его главнымъ директоромъ путей сообщенія сдѣлали его генералъ-губернаторомъ Новгородскимъ, Тверскимъ и Ярославскимъ. Для великой княгини составили дворъ; въ Твери генералъ-губернаторскій домъ наскоро, но пышно

передѣлали въ дворецъ, и въ концѣ Августа они на житье туда отправились. И Тверь, не одинъ разъ великокняжеская столица, нѣкогда соперница Москвы, еще на нѣкоторое время опять блеснула между Русскими городами.

Желая навѣстить милую сестру и взглянуть на ея молодое, царское хозяйство, Государь отправился въ Тверь ко дню именинъ ея, 24-го Ноября. Видно, что старое, давно уснувшее соперничество Москвы въ ней опять пробудилось; ей казалось, что будетъ обидно, если Царь, находясь въ столь близкомъ отъ нея разстояніи, не захочетъ удостоить ее своимъ посѣщеніемъ. Два маститые старца, графъ Остерманъ и князь Голицынъ, явились въ Тверь отъ имени всего сонма заслуженныхъ, на покоѣ живущихъ бояръ и вельможъ, всего стариннаго Русскаго дворянства, коими наполнялась и гордилась тогда Москва, умолять Его Величество показать себя ей. Не знаю, какъ принялъ онъ это приглашеніе, однакоже согласился ѣхать, только не иначе, какъ съ сестрой, желая вѣроятно тѣмъ показать, что единственно для нея предпринялъ все это путешествіе. Тогда Цари не скакали еще на курьерскихъ изъ края въ край своихъ государствъ; ихъ странствованія, ихъ появленія, вдали отъ постояннаго мѣста ихъ жительства, почитались еще великими событіями, долженствующими занять важное мѣсто въ скрижаляхъ народной исторіи. Болѣе восьми лѣтъ, со времени его коронаціи, Москвитяне не видали Александра; ни Сперанскаго, ни Аракчеева съ нимъ не было; все забыто; радость и восторгъ были неописанные. Если не самъ онъ, то, по крайней мѣрѣ, прелестная Екатерина, достойная славнаго имени бабки своей, раздѣляла ихъ. Праздникъ за праздникомъ, пробылъ онъ въ Москвѣ цѣлую недѣлю и даже провелъ въ ней день рожденія своего, 12-го Декабря. Въ этотъ день вечеромъ онъ довольно милостиво и нѣжно съ нею распростился [1]).

Въ концѣ мрачнаго Октября сестра моя Алексѣева привезла раненаго мужа своего изъ Абова [2]). На костыляхъ представлялся онъ Го-

---

[1]) Нынѣ извѣстно, что эта поѣздка Государя въ Тверь и потомъ въ Москву имѣла значеніе политическое: нуженъ былъ лишній предлогъ, чтобы замедлить отвѣтомъ Наполеону на его предложеніе жениться на великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ и, въ переговорахъ о бывшей Польшѣ, которые велись тогда же, выговорить побольше для Россіи. См. Русскій Архивъ 1877 года. П. Б.

[2]) Мнѣ все приходится говорить о графѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ Толстомъ, прозванномъ Американцемъ. У раненаго Алексѣева, нѣсколько времени жившаго въ Абовѣ, каждый вечеръ собиралась гвардейская молодежь, между прочими старый знакомый его Толстой и молодой Нарышкинъ. Они оба были влюблены въ какую-то Шведку, Финляндку или Чухонку, и ревновали ее другъ къ другу. Въ одинъ изъ сихъ вечеровъ, сидѣли они рядомъ за большимъ карточнымъ столомъ, шепотомъ разбранились, на другое утро дрались, и бѣдный Нарышкинъ палъ отъ перваго выстрѣла своего противника. Вслѣдъ за тѣмъ гвардія выступила обратно походомъ въ Петербургъ, откуда было прислано прика-

сударю и Аракчееву; и даже послѣдній принялъ его ласково, и даже посадилъ, чего не дѣлалъ онъ съ корпусными генералами. Вообще въ Петербургѣ никогда ему не было такого житья, какъ въ эту осень и зиму. Изъ военныхъ, всѣ вельможные часто посѣщали его, оказывали ему участіе и уваженіе, особливо же недавніе начальники его, Каменскій и Шуваловъ. Послѣ трудностей похода, послѣ недостатковъ, часто голода, армейскіе вообще любятъ погулять, не заботясь о состояніи своего кармана; въ мирное время, какъ говорится, у нихъ копѣйка ребромъ. А этотъ былъ особенно добродушный и неразсчетливый весельчакъ. Натѣшившись въ столицѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ, получивъ безсрочный отпускъ съ сохраненіемъ жалованья и окладовъ, да сверхъ того нѣкоторую помощь отъ казны, въ самый новый годъ отправился онъ съ женою, сперва въ родимую Москву, а потомъ къ родимымъ въ Пензу, къ отцу-матери, къ малымъ дѣтушкамъ.

Проживши все это время съ зятемъ и сестрою, могъ бы я провести его довольно пріятно, еслибы на сердцѣ было повеселѣе. Я вступилъ въ тотъ возрастъ, въ которомъ люди серіозно начинаютъ думать о будущемъ, а оно мнѣ представлялось совсѣмъ не въ розовомъ видѣ. Еще съ весны началъ я настойчиво просить о должности, о штатномъ мѣстѣ. Въ такомъ случаѣ ищутъ обыкновенно въ младшихъ. Я полагалъ, что не имѣю въ томъ нужды, пользуясь покровительствомъ министра и его товарища. По волѣ перваго и ходатайству послѣдняго, въ Іюлѣ прикомандированъ я былъ къ экспедиціи государственнаго хозяйства, коею все продолжалъ управлять почтенный и ученый тайный совѣтникъ Карлъ Ивановичъ Габлицъ; его попеченіямъ былъ я порученъ отъ министра. Онъ передалъ меня Егору Васильевичу Корнѣеву *), начальнику третьяго отдѣленія, который долженъ былъ посвятить меня въ таинства соляныхъ дѣлъ, въ этомъ отдѣленіи производящихся. Онъ былъ чрезвычайно косъ, говорилъ со мною мало и смотрѣлъ на меня косѣе обыкновеннаго. Будучи настоящій бюрократъ, видѣлъ онъ во мнѣ бѣлоручку, барченка. Вся эта порода ко мнѣ не благоволила; были въ ней, однакоже, выродки и, между прочимъ, одинъ столоначальникъ этого отдѣленія, надворный совѣтникъ Богдановичъ, съ которымъ я долженъ былъ заниматься. Съ весьма добрымъ сердцемъ, съ большою опытностію, имѣлъ онъ плохое здоровье, собирался въ отпускъ и возвращаться къ должности не хотѣлъ, если здоровье

заніе везти Толстаго арестованнымъ. У Выборгской заставы его опять остановили и послали прямо въ крѣпость. Нѣсколько лѣтъ вертѣлся онъ около Петербурга и въ третій разъ едва успѣлъ въ него попасть.

*) Нынѣ, въ глубокой старости, онъ инвалидный сенаторъ. Не смотря на то, женился на какой-то молодкѣ.

ему не позволитъ. Я предназначенъ былъ его преемникомъ, и онъ употреблялъ всѣ средства, чтобы, познакомивъ меня со ввѣренными ему дѣлами, сдѣлать меня способнѣе къ занятію его мѣста. Онъ уѣхалъ, и я три мѣсяца исправлялъ его должность. Въ столѣ моемъ были дѣла по Крымскому соляному производству, и въ занятіи ими никакого не было колдовства. Корнѣевъ былъ со мною вовсе не любезенъ, обходился холодно, даже нѣсколько сурово, но ни малѣйшей неучтивости не позволялъ себѣ: видно, что я былъ исправенъ въ должности и въ обхожденіи съ нимъ умѣлъ быть вѣжливъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показывать нѣкоторую твердость.

Въ это время явился жестокій указъ 6 Августа; послѣднимъ предѣломъ моего честолюбія поставлены были чинъ колежскаго совѣтника и мѣсто начальника отдѣленія. Еслибъ у меня были свобода и состояніе, я немедленно бы оставилъ службу. Небольшое жалованье было для меня необходимостію, и я готовъ былъ терпѣливо переносить и Корнѣева, и всѣ указы Сперанскаго.

Когда Богдановичъ прислалъ просьбу объ отставкѣ, я считалъ излишнимъ напоминать о себѣ, обращаться къ министру, къ товарищу его или къ управляющему экспедиціей съ новыми искательствами: мѣсто столоначальника казалось принадлежащимъ мнѣ по праву. Вдругъ Лошкаревъ, своякъ Корнѣева, изъ другаго вѣдомства, назначенъ на это мѣсто, и я долженъ сдать ему бумаги. Я было бросился съ упреками: Корнѣевъ косо посмотрѣлъ на меня и ни слова не отвѣчалъ; Габлицъ сказалъ, что у него какъ-то вышло изъ памяти и что я напрасно ему не напомнилъ; «какъ быть», прибавилъ онъ, «дѣло сдѣлано». Итакъ, четыре мѣсяца самолюбіемъ, свободою и лѣностію напрасно жертвовалъ я желанію быть себѣ и службѣ полезнымъ! Зло меня взяло, и я готовъ былъ изъ Петербурга бѣжать въ какую-нибудь пустыню.

Въ Декабрѣ, въ одно тихое, ясное, холодное утро встрѣтилъ я на дворцовой набережной управляющаго министерствомъ финансовъ, почтеннаго Ѳедора Александровича Голубцова, котораго давно я не видалъ. Онъ остановилъ меня ласково и велѣлъ идти съ собою; потомъ сталъ разспрашивать о службѣ и съ участіемъ выслушивалъ подробности о неудачахъ моихъ по ней. «Батинька, голубчикъ (названія, кои употреблялъ онъ съ тѣми, къ коимъ благоволилъ), приходи ко мнѣ», сказалъ онъ, «тамъ кое о чемъ на просторѣ поговоримъ». Въ назначенный часъ явился я къ нему и былъ тотчасъ допущенъ; онъ объявилъ мнѣ намѣренія свои. Колегіи, полуразрушенныя, все стояли еще, все еще не совсѣмъ были повалены; ударъ, готовый навсегда сокрушить сіи ветхія, а еще твердыя зданія, былъ уже занесенъ, но

никто о томъ еще не вѣдалъ. Министерства все еще сохраняли названія департаментовъ, ибо каждое изъ нихъ состояло изъ одного; была между ними, однакоже, нѣкоторая разница, напримѣръ, всеобъемлющій департаментъ внутреннихъ дѣлъ былъ раздѣленъ на три экспедиціи, изъ коихъ каждая имѣла свои отдѣленія и равнялась числомъ служащихъ съ другими департаментами, тогда какъ департаментъ финансовъ весь состоялъ изъ нѣсколькихъ только отдѣленій. Одно изъ нихъ было по кредитной части. Государственный долгъ былъ не великъ, и она далеко не была столь важною, какъ нынѣ, къ несчастію, она почитается. Отдѣленіемъ симъ управлялъ статскій совѣтникъ Семенъ Николаевичъ Озеровъ, человѣкъ честный, съ познаніями и усердіемъ. Пословица говоритъ: рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ—гдѣ лучше; въ Россіи не совсѣмъ такъ: а человѣкъ—гдѣ выше. Озеровъ желалъ получить мѣсто оберъ-прокурора въ Сенатѣ, и оно ему было уже обѣщано. Не зная, кѣмъ замѣнить его, Голубцовъ предложилъ мнѣ вступить въ его департаментъ, сдѣлаться ученикомъ Озерова мѣсяцевъ на семь или на восемь, можетъ-быть на годъ, и заступить его потомъ въ мѣстѣ начальника отдѣленія. Можно себѣ представить, какъ я обрадовался такому предложенію.

Я скорѣе подалъ Габлицу просьбу объ увольненіи меня изъ департамента внутреннихъ дѣлъ, но Корнѣевъ докладывалъ по ней министру. Не знаю, какъ онъ ему представилъ ее, только князь Куракинъ чрезвычайно прогнѣвался. Онъ зналъ, что кредитъ его при Дворѣ падаетъ, что Сперанскій, который никогда не могъ простить ему того, что былъ у него въ домѣ учителемъ, давно уже подъ него подкапывается; можетъ-быть полагалъ, что это извѣстно его подчиненнымъ и былъ въ весьма дурномъ расположеніи духа. Въ атестатѣ, мнѣ выданномъ при увольненіи, ни единаго слова не сказано мнѣ въ похвалу. По вечерамъ посѣщалъ я иногда домъ Козодавлева; когда послѣ того увидѣлъ онъ меня у себя, то подошелъ съ видомъ досады и сказалъ, что я напрасно поторопился, не предупредивъ его, что молодые люди всегда теряютъ отъ нетерпѣнія своего и тому подобное. Можетъ-быть, былъ онъ правъ, но какъ мнѣ было знать это тогда? Я отвѣчалъ не дерзко, но довольно смѣло; онъ отворотился отъ меня и всегда уже потомъ былъ холоденъ со мною.

Когда, наканунѣ Рождества, пришелъ я благодарить почтенно-милѣйшаго моего Ѳедора Александровича за опредѣленіе въ департаментъ финансовъ, сказалъ онъ мнѣ: «Батинька, голубчикъ, еще покамѣстъ не за что́ благодарить. Теперь къ концу года мы чрезвычайно заняты отчетами, а подожди недѣльки двѣ или три: тогда авось изъ экстраординарной суммы пріищу тебѣ содержаніе, съ которымъ ты безбѣдно мо-

жешь прожить до полученія настоящаго мѣста». Вотъ съ какою сладостною надеждой заснулъ я въ 1809 году и проснулся въ 1810-мъ.

VII.

Въ день Новаго Года всѣ воротившіеся изъ дворца отъ обѣдни, не одинъ коробъ, а цѣлый возъ привезли съ собою вѣстей. Одна изъ нихъ поразила меня, какъ громовымъ ударомъ: Голубцовъ былъ отставленъ. Но я не иначе люблю разсказывать, какъ все по порядку.

Со временъ Петра Великаго былъ при царяхъ Тайный Совѣтъ *). Онъ не имѣлъ постоянныхъ засѣданій и созывался въ нужныхъ, чрезвычайныхъ случаяхъ. Потомъ продолжалъ онъ существовать подъ именемъ Совѣта Его или Ея Императорскаго Величества. По вступленіи на престолъ Александра, Сперанскій, чрезъ покровителя своего графа Палена, предложилъ раздѣлить канцелярію его на четыре экспедиціи, какъ я гдѣ-то выше сказалъ, и умножить въ ней число дѣлъ. Этотъ первый опытъ назову я удачнымъ, ибо Совѣтъ никогда менѣе не занимался, ничего не могъ сдѣлать, ничего не дѣлалъ и въ новомъ образованіи своемъ успѣлъ уже состарѣться. Сперанскій задумалъ дать ему новую жизнь, новую силу и посредствомъ его управлять цѣлою Россіей. Онъ названъ Государственнымъ Совѣтомъ и долженъ былъ имѣть предсѣдателя, чего дотолѣ не было. Сперанскій былъ только что тайный совѣтникъ и, не смѣя себя предложить на это мѣсто, указалъ на государственнаго канцлера графа Румянцова, котораго все время поглощали затруднительныя тогда дипломатическія занятія.

Не канцелярію Совѣта, а самый Совѣтъ раздѣлилъ онъ на четыре департамента: законовъ, военныхъ дѣлъ, сухопутныхъ и морскихъ, гражданскихъ и государственной экономіи. Каждый изъ нихъ получилъ особаго предсѣдателя и нѣсколько членовъ. Всѣ дѣла особенной важности должны были подлежать разсмотрѣнію одного изъ департаментовъ или общаго ихъ собранія. Жалобы тяжущихся Государю на рѣшенія Сената, пропущенныя чрезъ вновь учрежденную Комисію Прошеній, также должны въ Совѣтѣ разсматриваться и перерѣшаться. Однимъ словомъ, онъ сдѣлался высшею инстанціей, соединяющею въ себѣ правительственную, законодательную и судебную власти.

Правителемъ канцеляріи Совѣта въ прежнемъ ея составѣ былъ нѣкто тайный совѣтникъ Иванъ Андреевичъ Вейдемейеръ. Незаконнорожденный сынъ Русскихъ родителей, православной вѣры, получилъ онъ отъ нихъ Нѣмецкое прозваніе, какъ талисманъ; и дѣйствительно,

*) Отъ того названія и мѣста, нынѣ чины, тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ.

оно одно отверзало ему путь къ почестямъ, на которомъ ничтожество его, наконецъ, остановило. При новомъ преобразованіи Совѣта назначенъ онъ его членомъ, а Сперанскій смиренно заступилъ мѣсто этого жалкаго творенія, только уже подъ созданнымъ имъ названіемъ государственнаго секретаря. Подчиненные ему, управляющіе канцеляріями департаментовъ, получили титулъ статсъ-секретарей.

Въ картинахъ, въ романахъ, даже въ исторіи смотримъ мы съ удовольствіемъ на ужасы, при видѣ коихъ въ сущности мы бы содрогнулись. Такъ то было и съ императоромъ Александромъ: отецъ его, какъ увѣряютъ, не охотно бы согласился лично находиться въ сраженіяхъ, а безъ памяти любилъ маневры; сынъ же всегда любилъ тѣшиться искусственнымъ изображеніемъ представительнаго правленія. Кому лучше Сперанскаго можно было знать это? Государственный Совѣтъ и Правительствующій Сенатъ умѣлъ онъ въ глазахъ Царя представить подобіемъ верхней и нижней камеръ парламента, тогдашнихъ Французскаго Сената и Законодательнаго Корпуса, тогда какъ они съ ними ничего не имѣли общаго. Совѣтъ былъ ни чтò иное, какъ самъ Сперанскій, который предлагалъ въ немъ къ слушанію дѣлà, потомъ, среди общаго молчанія членовъ, самъ разсуждалъ о нихъ и опредѣленія свои давалъ имъ подписывать. Сенатъ же упалъ ниже прежняго, превратился въ какую-то кассаціонную палату.

Мѣста предсѣдателей департаментовъ Совѣта, поставленныя выше званій министровъ, какъ въ томъ скоро убѣдились, были не что иное, какъ необидное, благовидное отъ сихъ послѣднихъ увольненіе. Для занятія должности предсѣдателя департамента экономіи вырыли вѣчнаго Николая Семеновича Мордвинова. Министръ юстиціи, князь Лопухинъ, и министръ народнаго просвѣщенія, графъ Завадовскій, уволены отъ должностей; первый назначенъ предсѣдателемъ департамента законовъ, послѣдній—департамента гражданскихъ дѣлъ. Соединеніе званій предсѣдателя всего Совѣта и министра иностранныхъ дѣлъ въ лицѣ графа Румянцова доказывало, что и ихъ можно было бы оставить при обоихъ мѣстахъ (оба были извѣстны своимъ умомъ и опытностію); но Сперанскому нужны были министры помоложе и попокорнѣе.

Но чтó всего было важнѣе, непонятнѣе, изумительнѣе, Аракчеевъ, самъ графъ Алексѣй Андреевичъ, оставилъ Военное Министерство, чтобы занять мѣсто предсѣдателя департамента военныхъ, сухопутныхъ и морскихъ дѣлъ. Кто въ этомъ дѣлѣ былъ обманутъ, Государь ли или Аракчеевъ? И не оба ли вмѣстѣ? Первый послѣднему никогда не оказывалъ болѣе любви и довѣренности. Можетъ-быть, думалъ онъ этимъ распространить его занятія и власть. А можетъ-быть, наскучивъ безпрестаннымъ несогласіемъ его съ главнокомандующими арміями, ожидая отъ

того вредныхъ послѣдствій въ случаѣ болѣе обширной войны, внимая жалобамъ всего войска, которыя были слишкомъ громки, чтобы не доходить до него; можетъ быть, тайно негодуя за то, что Аракчеевъ, не уважая его выборовъ, не хотѣлъ щадить ни единаго изъ его военныхъ любимцевъ, а между тѣмъ, желая показать, что онъ не уступаетъ общему мнѣнію, Государь искалъ средства, какъ будто возвышая его, устранить отъ такой части, которою самъ онъ тогда исключительно любилъ заниматься и въ которой министръ его не оставлялъ ему почти никакого дѣла. Помогъ ему Сперанскій, если сей послѣдній не самъ желалъ парализировать могущество Аракчеева. А этотъ показывалъ видъ весьма довольный; онъ, кажется, полагалъ, что не одна армія, но наконецъ и весь флотъ попался въ его желѣзныя лапы. Такъ всѣ по крайней мѣрѣ думали, и бѣдные моряки чрезвычайно опустили было голову.

Посредствомъ всѣхъ этихъ перемѣщеній, по примѣру Англіи, возобновленъ былъ почти весь кабинетъ, что̀ также было по вкусу Императора. И мнѣ приходится въ третій разъ изображать лица новыхъ министровъ *).

Военнымъ назначенъ главнокомандующій Финляндскою арміею Барклай-де-Толли. Онъ былъ Нѣмецъ, а никто изъ Русскихъ не позволилъ себѣ тогда поднять голоса противъ его назначенія. Высокая добродѣтель, высокій умъ самихъ враговъ своихъ заставляютъ невольно уважать себя. Происхожденіемъ изъ Шотландіи, сынъ Ревельскаго купца и бургомистра, женатый на дворянкѣ Смиттенъ, Барклай, казалось, не принадлежалъ ни къ какой націи, ни къ какому сословію: онъ принадлежалъ только къ чрезмѣрно-ограниченному въ мірѣ разряду мудрецовъ и героевъ. Оставивъ начальство на двѣ трети уменьшенной арміи своей, подъ именемъ корпуса, генералъ-лейтенанту Штейнгелю, прибылъ онъ въ Петербургъ въ половинѣ Января. Съ первыхъ минутъ показалъ онъ твердость и умѣренность. Онъ не согласился подчинить себя Аракчееву (что̀ Государь уже предвидѣлъ), потребовалъ власти равной той, которою предмѣстникъ его пользовался, и въ тоже время дѣйствіями своими доказывалъ, что не употребитъ ее во зло.

Извѣстный лично Государю, сенаторъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ былъ призванъ изъ Москвы, чтобы на мѣсто Лопухина быть министромъ юстиціи. Это былъ первый примѣръ тайнаго совѣтника, поступающаго

*) Надо отдать справедливость Александру и Сперанскому: никто лучше ихъ не умѣлъ хранить тайну. Никто не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія на счетъ приготовляемыхъ перемѣнъ. Сами министры узнали о томъ, развѣ только накавунѣ новаго года, дня, въ который перемѣны сіи послѣдовали.

прямо въ министры. Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что Сперанскій, перепутывая чины и мѣста, думалъ уже объ уничтоженіи первыхъ. Зная Дмитріева, какъ отличнаго поэта, вспоминая Державина, полагая, что несовершенное знаніе дѣлъ подчинитъ ему его, онъ не противился выбору Царя, мысленно сдѣланному во время недавняго посѣщенія Москвы. Странное дѣло, что Александръ не любилъ стиховъ, презиралъ ими даже, а высоко цѣнилъ поэтовъ. Онъ полагалъ, что стихи не что̀ иначе, какъ блестящія шалости, мотовство богатаго ума, сокровища свои попусту расточающаго. Во всякомъ поэтѣ видѣлъ онъ искуснаго правителя, судью, котораго сто̀итъ только поставить на истинный путь, ему природой указанный, съ котораго сила воображенія своротила его, и тогда отъ него болѣе чѣмъ отъ другихъ государство можетъ ожидать пользы. Все польза да польза, а какая польза безъ наслажденій вкуса, ума и сердца! Какъ не зналъ Александръ, что не стихи-поэзія, а любовь, которую въ молодости онъ такъ сильно ощущалъ, слава, которою онъ былъ очарованъ, религіозныя чувства, которымъ онъ такъ искренно предавался, наконецъ, всѣ благородныя страсти, кои тѣмъ сильнѣе волновали грудь его, чѣмъ болѣе онъ старался скрывать ихъ, желая всегда казаться только мудрымъ и хладнокровнымъ.

Когда, при вступленіи на престолъ, Павелъ наслѣдника своего сдѣлалъ шефомъ Семеновскаго полка, Дмитріевъ былъ въ немъ капитаномъ. Мужественная красота его поразила юношу; остроуміе его забавляло и плѣняло однополчанъ, тогда какъ въ тоже время какая-то природная важность въ присутствіи его удерживала лишніе порывы ихъ веселости: они почтительно наслаждались имъ. Изъ офицеровъ тогдашней гвардіи немногіе отличались образованностію; за то всѣ они, почти безъ изъятія, подобно Дмитріеву, гордились извѣстностію, древностію благородныхъ своихъ именъ. Въ самомъ же Дмитріевѣ (пусть нынѣ назовутъ это предразсудкомъ) старинный дворянинъ былъ еще чувствительнѣе, чѣмъ поэтъ и офицеръ. Оттого товарищи еще болѣе любили его, въ этомъ только почитали себя ему равными, во всемъ же прочемъ признавали его первенство между собою. По какому-то недоразумѣнію схваченъ былъ онъ (разумѣется при Павлѣ) и какъ преступникъ посаженъ въ крѣпость. Не прошло сутокъ, какъ истина открылась, и онъ призванъ въ кабинетъ Царя, куда явился съ покорностію подданства и смѣлостію невинности. Павелъ восхитился имъ и, по обыкновенію своему, переходя изъ одной крайности въ другую, изъ гвардіи капитановъ произвелъ его прямо въ оберъ-прокуроры Сената, съ опредѣленіемъ на первую могущую открыться вакансію. Вотъ въ какихъ обстоятельствахъ узналъ его Александръ и послѣ того всегда сохранялъ о немъ высокое мнѣніе.

Какъ стихотворецъ, будетъ всегда занимать онъ на Русскомъ Парнасѣ замѣчательное мѣсто. До него свѣтскіе люди и женщины не читали Русскихъ стиховъ или, читая, не понимали ихъ. Не было середины: съ одной стороны Ломоносовъ и Державинъ, съ другой Майковъ и Барковъ, или восторженное, превыспренное, или площадное и непотребное, ода *Богъ* или *Елисей*. Скажутъ конечно, что Княжнинъ прежде его написалъ въ стихахъ двѣ хорошія комедіи—*Хвастунъ* и *Чудаки*; да развѣ въ нихъ есть разговорный языкъ хорошаго общества? Доказавъ Ермакомъ и Освобожденіемъ Москвы все, что́ въ лирическомъ родѣ онъ въ состояніи сдѣлать, не отъ безсилія перешелъ онъ къ другому, на первый взглядъ болѣе легкому роду. Его *Модную Жену*, *Воздушные Замки* и даже множество пѣсенокъ начали дамы знать наизустъ. Съ недосягаемыхъ для публики высотъ свелъ онъ Музу свою и во всей красѣ поставилъ ее гораздо выше гніющаго болота, гдѣ воспѣвали Панкратій Сумароковъ и ему подобные: однимъ словомъ, онъ представилъ ее въ гостиныхъ. То, что́ предпринялъ онъ въ стихахъ, сдѣлалъ въ прозѣ землякъ его, другъ и братъ о Аполлонѣ, Карамзинъ, и долго оба они сіяли Москвѣ, какъ созвѣздіе Кастора и Полукса.

Государь не ошибся, избравъ министромъ поэта Дмитріева; но только не поэта, а кореннаго Русскаго человѣка по отцу и по матери. Эти люди, исключая особаго какого-нибудь дара, всегда имѣютъ еще врожденныя способности ко всему. Оттого часто мы видимъ у себя моряковъ, которые, не покидая морской службы, хорошо выучиваются фронтовой, гусаровъ, которые дѣлаются инженерами; оттого, когда нужда потребовала, видѣли мы канцелярскихъ, бросающихъ перо, хватающихся за ружье и саблю и славно владѣющихъ ими противъ непріятеля. Оттого не должны мы слишкомъ строго осуждать помѣщиковъ, твердо въ томъ увѣренныхъ, которые, не справляясь со склонностями крѣпостныхъ своихъ мальчиковъ, безъ разбора, по прихоти отдаютъ ихъ учиться ремесламъ: если не всѣ выходятъ изъ нихъ мастера, то, по крайней мѣрѣ, хорошіе работники. Русскіе отличаются этою смѣтливостію не только отъ другихъ народовъ, но и ото всѣхъ Славянскихъ племенъ. Дмитріевъ, который, можетъ быть, никогда не думалъ о судебной части, долженъ былъ заняться ею, вслѣдствіе счастливаго каприза императора Павла. Съ его необыкновеннымъ умомъ, съ его любовію къ справедливости, ему не трудно было съ сею частію скоро ознакомиться, и Русское правосудіе сдѣлало въ немъ важное пріобрѣтеніе. Но оно отвлекало его отъ любимыхъ его стихотворныхъ занятій, коимъ надѣялся онъ посвятить всю жизнь, и нѣсколько лѣтъ провелъ онъ въ отставкѣ. Желая уму его дать болѣе солидную пищу,

Александръ сдѣлалъ его сперва сенаторомъ, а вскорѣ потомъ министромъ. Тогда не былъ я столь счастливъ, чтобы лично съ нимъ познакомиться (это случилось гораздо позже), но какъ всѣ короткіе пріятели мои пользовались его благосклонностію, которую въ послѣдствіи и на меня простеръ онъ, то и тогда я уже зналъ характеръ его, какъ будто вѣкъ съ нимъ жилъ. Какъ во всякомъ необыкновенномъ человѣкѣ, было въ немъ много противоположностей: въ немъ все было размѣрено, чинно, опрятно, даже чопорно, какъ въ Нѣмцѣ; всѣ же привычки, вкусы его были совершенно Русскаго барина; квасъ, пироги, паче всего малина со сливками были его наслажденіемъ. Любилъ онъ также и шутовъ, но въ нихъ посвящалъ обыкновенно чванныхъ стихоплетовъ. Многіе почитали его эгоистомъ *), потому что онъ былъ холостъ и казался холоденъ. Любилъ онъ немногихъ, за то любилъ ихъ горячо; прочимъ всегда желалъ онъ добра; чего требовать болѣе отъ человѣческаго сердца? Крупные и мелкіе Московскіе литераторы всегда составляли его семью, общество и свиту; въ молодости и въ зрѣлыхъ лѣтахъ былъ онъ ихъ коноводомъ, въ старости патріархомъ ихъ. Человѣка, не имѣющаго никакихъ слабостей, мнѣ кажется любить нельзя, можно ему только что дивиться; Дмитріевъ, съ прекрасными свойствами истинныхъ поэтовъ, имѣлъ нѣкоторыя изъ ихъ слабостей: въ немъ была чрезвычайная раздражительность и маленькое тщеславіе. Съ этою приправой, самая важность его, серіозный видъ дѣлались привлекательны.

Министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ былъ графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій, попечитель Московскаго университета. Онъ также посѣщенію Москвы Государемъ былъ обязанъ за его выборъ. Всѣ сыновья добродушнаго, ко всѣмъ радушнаго Кирила Григорьевича были не въ него спѣсивы и не доступны. А казалось бы ему скорѣе можно было въ молодости зазнаться при быстромъ переходѣ отъ состоянія пастуха къ званію гетмана Малороссіи, отъ нищеты къ несмѣтному богатству. Всѣ они воспитаны были за границей, начинены Французскою литературой, облечены въ иностранныя формы и почитали себя Русскими Монморанси. Трое изъ нихъ были просто любезные при Дворѣ и несносные внѣ его аристократы; одинъ Андрей былъ извѣстнымъ дипломатомъ, а двое, Григорій и Алексѣй, предались наукамъ, первый минералогіи, послѣдній ботаникѣ. Можетъ быть, Линней и былъ бы хорошимъ министромъ просвѣщенія, но между ученымъ

*) Дружбы не знаютъ эгоисты, а сердце Дмитріева какъ будто осиротѣло, овдовѣло послѣ смерти Карамзина. Одинъ разъ со мною, разговаривая объ умершемъ другѣ своемъ съ чувствомъ, съ похвалою, но безъ большаго жара, вдругъ забылся онъ до слезъ. Изъяснить не могу, какъ я былъ глубоко этимъ тронутъ.

и только что любителемъ науки великая разница. Изъ познаній своихъ дѣлалъ графъ Алексѣй Разумовскій тоже употребленіе, что̀ и изъ богатства: онъ наслаждался ими одинъ, безъ малѣйшаго удовольствія, безъ всякой пользы для другихъ. Въ подмосковномъ великолѣпномъ помѣстьѣ своемъ Горенкахъ, среди царской роскоши, заперся онъ одинъ съ своими растеніями. Тогда все почиталось великою ученостью; отъ любезныхъ ему теплицъ оторвали его, чтобы поручить ему разсадники наукъ: казалось, право, что Русское юношество считали принадлежащимъ къ царству прозябаемыхъ. Еще разъ должно сказать, что всѣ эти баричи, при Екатеринѣ и послѣ нея, на Французскій знатный маперъ воспитанные, въ дѣлахъ были ни къ чему не годны, слѣдственно съ властію и вредны; и къ сотнямъ доказательствъ того принадлежитъ Разумовскій. Никакой памяти не оставилъ онъ по себѣ въ министерствѣ. Онъ имѣлъ одну только беззаконную славу быть отцомъ Перовскихъ.

Если трое названныхъ мною новыхъ министровъ были выписные, изъ арміи, изъ Москвы, то четвертый былъ Петербургскій, доморощенный, при Дворѣ откормленный, Дмитрій Александровичъ Гурьевъ. При первомъ учрежденіи министерствъ умѣлъ онъ какъ-то припутаться къ партіи Новосильцовыхъ, Кочубеевъ, Чарторыйскихъ и попалъ въ товарищи министра финансовъ. Въ тоже время управлялъ онъ Кабинетомъ его величества, то-есть карманными его деньгами. Когда въ 1805 году Трощинскій вышелъ въ отставку, сдѣланъ былъ онъ сверхъ того министромъ удѣловъ; удѣлы, какъ извѣстно, почитаются министерствомъ за урядъ и въ отношеніи къ другимъ тоже самое, что̀ Марокская имперія къ имперіи Австрійской или Россійской.

Послѣ кончины графа Васильева надѣялся онъ быть его преемникомъ; но всѣмъ извѣстная, высокая, огромная его неспособность до того не допустила. Голубцова сдѣлали управляющимъ министерствомъ; а Гурьеву, старѣе его чиномъ, нельзя было оставаться его товарищемъ. Съ тѣхъ поръ не переставалъ онъ думать объ этомъ министерствѣ и тайно интриговать о полученіи его. Осторожность, робость и вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельность Голубцова не могли нравиться Сперанскому: онъ почиталъ его человѣкомъ завязшимъ въ старинной, изъѣзженной колеѣ. Онъ все страшился чрезвычайныхъ займовъ. Безсмысленный! Развѣ, развѣ не зналъ онъ, что Англія богатѣетъ, благоденствуетъ въ неоплатныхъ долгахъ: этого рода блаженство желалъ Сперанскій доставить Россіи. Въ учрежденіи Совѣта такъ было все устроено, что онъ могъ любое министерство или изъ него любую часть забирать къ себѣ въ руки; при тогдашнихъ обстоятельствахъ финансовая начинала почитаться важнѣйшею, а отъ Голуб-

цова не могъ онъ ожидать совершенной покорности. Онъ даже не хотѣлъ ему дать мѣста въ новомъ своемъ Совѣтѣ и въ указѣ о его увольненіи ни слова не упомянулъ о его просьбѣ. Послѣ того Гурьевъ оставался только именемъ министръ финансовъ; настоящимъ не переставалъ быть Сперанскій до самаго паденія своего, не входя впрочемъ ни въ какія внутреннія по канцеляріямъ распоряженія.

Другой разъ встрѣчаюсь я съ этимъ Гурьевымъ, однимъ изъ долговѣчнѣйшихъ нашихъ министровъ и все какъ будто избѣгаю входить на счетъ его особы и управленія въ какія-либо подробности. Признаюсь, предметъ не самый пріятный; но такъ и быть, начну ab ovo, съ яйца, изъ котораго онъ вылупился. Если вѣрить словамъ одного стариннаго разскащика, бывшаго при дворѣ Екатерины, не покидавшаго Петербурга, знающаго настоящихъ отцовъ многихъ изъ нынѣшнихъ пожилыхъ уже людей, яйцо это было не орлиное. Большіе баре въ старину любили камердинеровъ своихъ, домоправителей, управителей выводить въ чины; они гордились этимъ, они даже смотрѣли равнодушно, иные даже съ удовольствіемъ, какъ, распоряжая ихъ имѣніями, эти люди наживали собственныя; въ моей молодости это я еще помню. Одинъ изъ сихъ управителей, отецъ Гурьева, былъ чрезвычайно любимъ своимъ господиномъ, котораго разскащикъ мой *) назвать мнѣ не умѣлъ, но говорилъ какъ о дѣлѣ въ его время всѣмъ извѣстномъ. Не только отпустилъ онъ его на волю, не только доставилъ ему штабъ-офицерскій чинъ, но малолѣтнаго его сына позволилъ воспитывать съ собственными дѣтьми. Когда мальчикъ выросъ, отецъ его имѣлъ уже хорошее состояніе и могъ, записавъ его въ артилерію, дать ему приличное содержаніе. Гурьевъ никогда не былъ ни хорошъ, ни уменъ; только въ тѣ поры былъ онъ молодъ, свѣжъ, дюжъ, бѣлъ и румянъ, вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно искателенъ и угодителенъ; ему хотѣлось во что бы ни стало попасть въ люди, и слѣпое счастіе услышало мольбы его. Онъ случайно познакомился съ однимъ молодымъ, женоподобнымъ миліонеромъ, графомъ Павломъ Мартыновичемъ Скавронскимъ, внукомъ роднаго брата Екатерины I, отправлявшимся за границу. Гурьевъ умѣлъ ему полюбиться, даже овладѣть имъ, и болѣе трехъ лѣтъ странствовалъ съ нимъ по Европѣ. Этотъ молодой Скавронской, какъ говорятъ, былъ великій чудакъ: никакая земля не нравилась ему, кромѣ Италіи, всему предпочиталъ онъ музыку, самъ сочинялъ какую-то ералашъ, давалъ концерты, и слуги его не иначе имѣли дозволеніе говорить съ нимъ какъ речитативами, какъ на рас-

*) Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ.

пѣвъ. Вѣроятно и Гурьевъ изъ угожденія принужденъ былъ иногда пѣть съ нимъ дуэты. Когда Скавронской воротился въ Петербургъ, всѣ молодыя знатныя дѣвицы стали искать его руки, а онъ о женитьбѣ и слышать не хотѣлъ. Наконецъ, самъ князь Потемкинъ пожелалъ выдать за него племянницу свою Энгельгардтъ, сестру графини Браницкой и княгини Голицыной. Одинъ только Гурьевъ могъ этимъ дѣломъ поладить, но онъ торговался и требовалъ по тогдашнему невозможнаго: онъ хотѣлъ быть камеръ-юнкеромъ. Всякаго другаго, но только не Потемкина, это бы остановило; и такъ сей бракъ стараніями его состоялся. Не только получилъ онъ камеръ-юнкерство, но сверхъ того отъ Скавронскаго три тысячи душъ въ знакъ памяти и вѣрной дружбы. Молодость, иностранная образованность, придворный чинъ, богатство, все это позволяло думать ему о выгодной партіи, только новость его имени все еще мѣшала ему получить право гражданства въ аристократическомъ мірѣ; онъ скоро пріобрѣлъ ихъ, женившись на графинѣ Прасковьѣ Николаевнѣ Салтыковой, тридцатилѣтней дѣвкѣ, уродливой и злой, на которой никто не хотѣлъ жениться, не смотря на ея три тысячи душъ.

Гурьевъ не даромъ путешествовалъ за границей: онъ тамъ усовершенствовалъ себя по части гастрономической. У него въ этомъ родѣ былъ дѣйствительно геній изобрѣтательный и, кажется, есть паштеты, есть котлеты, которые носятъ его имя. Онъ давалъ обѣды знатнымъ, новымъ роднымъ своимъ, и только имъ однимъ; домъ его сталъ почитаться однимъ изъ лучшихъ, и самъ онъ попалъ въ число первыхъ патриціевъ Петрополя.

Восшествіе Гурьева на знатность можно почитать пагубной для нея эпохой. Дворъ Екатерины и Павла, заимствовавшій тонъ и манеры у Версальскаго, наслѣдовалъ ему послѣ его паденія и разсѣянія его представителей, сдѣлался убѣжищемъ вкуса и пристойности и начиналъ служить образцомъ другимъ дворамъ Европейскимъ. Мужчины и женщины старались въ немъ отличаться вѣжливостію; непринужденно отдѣляясь отъ толпы, они привѣтливо ей улыбались: чѣмъ знатнѣе кто считалъ себя, тѣмъ учтивѣе былъ онъ съ тѣми, кого почиталъ себя ниже. Восходящіе изъ ничтожества спѣшили имъ уподобляться, чтобы сравниться съ ними, и подражаніе начинало распространяться по провинціямъ, къ чему Русское добродушіе много способствовало. Революція породила борьбу демократіи съ высшимъ дворянствомъ во Франціи и, можетъ быть, нѣкоторымъ образомъ въ сосѣдственныхъ съ нею земляхъ; мы же оставались внѣ ея дѣйствія. Происшествія заставили въ Европѣ настоящихъ аристократовъ принять видъ непріязненный противъ притязаній низшихъ классовъ: имъ нужно было надменностію

осадить заносчивость людей средняго состоянія. Въ Россіи никто не думалъ оспаривать правъ знатности, сколь впрочемъ они ни были мнимы и ни на чемъ не основаны: уважали ея возвышеніе, любили ея привѣтливость. Но все Европейское, рано или поздно или въ непопадъ, непремѣнно должно къ намъ перейти. Кочубей былъ первый, который берегъ улыбки для равносильныхъ ему при Дворѣ, для приближенныхъ своихъ, необходимыхъ ему по дѣламъ службы и по денежнымъ дѣламъ его: всѣхъ прочихъ встрѣчало его надменное, угрюмое чело, скупость словъ и убійственный холодъ. Не говоря о давно-прошедшемъ при Аннѣ и Елисаветѣ, въ новѣйшее время онъ первый началъ входить въ постыдныя для министра спекуляціи.

Но обхожденіе его можно было назвать ласкою въ сравненіи съ дурацкою напыщенностію Гурьева. Еслибъ посредствомъ родственныхъ и другихъ связей заранѣе не водворился бы онъ въ такъ называемомъ высшемъ кругу, еслибъ по достиженіи министерства перемѣнилъ бы онъ обращеніе съ людьми, его составляющими, то неизбѣжно постигнуло бы его названіе... Сего не случилось, ибо въ возвышеніи его Русская знать видѣла торжество своей касты. Семейства обоихъ, Кочубея и Гурьева, подражая имъ, сдѣлались въ обществѣ нестерпимы и наглы со всѣми, коихъ не признавали своими, то-есть (чинъ, титулъ и древность рода въ сторону) со всѣми, коихъ богатство и кредитъ при Дворѣ были незначительны. Мало-по-малу, умножая число своихъ приверженцевъ, семейство Гурьево похитило законодательство и полицію гостиныхъ. Можетъ быть, примѣръ вѣчно образцовой для насъ Франціи также дѣйствовалъ тогда: тамъ одинъ только Талейранъ умѣлъ еще быть учтивымъ; новые же герцоги, маршалы, министры, префекты, равно какъ и супруги ихъ, всѣ вылѣзшіе изъ харчевень, конюшень, кабаковъ, вѣрно не хуже Гурьевыхъ умѣли подавлять своею спѣсью. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ при Кочубеѣ было такъ обширно, что въ немъ самомъ видѣли перваго министра; послѣ того Министерство Финансовъ при Гурьевѣ почиталось выше другихъ; наконецъ, зять этого Гурьева долго управлялъ и до сихъ поръ управляетъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ; и какъ бы прежде ни хвалилась Петербургская аристократія своею независимостію отъ милостей Двора, офиціальная сила сихъ трехъ человѣкъ имѣла на составъ ея рѣшительное вліяніе. Всѣ трое извѣстны были алчностію къ прибыли, и по всей справедливости можно почитать ихъ у насъ основателями явнаго поклоненія златому тельцу, столь пагубнаго для нашей чести и нравственности.

Трое только изъ прежнихъ министровъ сохранили свои портфели: Румянцовъ, Чичаговъ и Куракинъ; послѣдній не на долго. Сперанскій,

какъ всѣ гордыя и подлыя души, для коихъ благодарность – бремя и скука, не зналъ, какъ совершенно отдѣлаться отъ перваго своего патрона и искалъ только удобнаго случая его выпроводить; онъ скоро представился. Дочь императора Австрійскаго, эрцгерцогиня Марія Луиза, была, какъ извѣстно, залогомъ послѣдняго мира его съ Наполеономъ. Всемірный этотъ владыка хотѣлъ, чтобъ и семейныя его происшествія были ознаменованы печатію побѣдъ и торжества. Подвластные ему короли и королевы должны были лично присутствовать при его бракосочетаніи; союзные же государи, коихъ число было не велико, почитали необходимостію отправить вмѣсто себя знатнѣйшихъ сановниковъ своихъ, чтобы быть свидѣтелями сего великаго происшествія. Зная, какъ всѣ Куракины болѣе или менѣе заражены тщеславіемъ, Сперанскій увѣренъ былъ, что князь Алексѣй Борисовичъ не откажется отъ таковой чести и присовѣтовалъ Государю предложить ему сію поѣздку, въ надеждѣ воспользоваться его отсутствіемъ, чтобы, какъ говорится, доканать его. Въ Мартѣ отправился онъ на свадьбу въ Парижъ, гдѣ старшій братъ его, князь Александръ Борисовичъ, переведенный изъ Вѣны, находился чрезвычайнымъ посломъ. По отъѣздѣ его, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ поручено товарищу его Козодавлеву.

По окончаніи маневровъ, болѣе чѣмъ военныхъ дѣйствій, противъ Австріи въ Галиціи, по заключеніи мира съ Швеціей, все вниманіе обратилось на войну съ Турками. Съ 1806 года Молдавія и Валахія по Дунай заняты были Михельсономъ, который въ слѣдующемъ году умеръ. Осьмидесятилѣтній, полумертвый фельдмаршалъ князь Прозоровскій, заступившій его мѣсто, болѣе двухъ лѣтъ мирно управлялъ княжествами и спокойно начальствовалъ неподвижною арміей. Церемонились съ нимъ, не хотѣли обидѣть его, не рѣшались отозвать, а между тѣмъ желали расшевелить старика и оживить гаснущую войну. Для того выдумали послать къ нему въ помощь знаменитаго воина, князя Багратіона, который къ концу лѣта 1809 года дѣйствительно успѣлъ усадить его на коня и перетащить за Дунай. Браннымъ шумомъ и движеніемъ гальванизированный трупъ Прозоровскаго на нѣсколько дней какъ будто ожилъ; но это была послѣдняя вспышка догорающей лампы: однимъ утромъ нашли его въ палаткѣ заснувшаго вѣчнымъ сномъ. Багратіонъ не принялъ начальства надъ арміей, которое и безъ того уже имѣлъ, а получилъ только званіе главнокомандующаго. Войска было у него не слишкомъ много; однакоже, въ продолженіи осени успѣлъ онъ безъ всякаго кровопролитія взять двѣ важныя крѣпости, Браиловъ и Измаилъ, а за Дунаемъ, безъ главнаго дѣла, во всѣхъ частныхъ встрѣчахъ Турки были разбиты и прогнаны.

Война съ Швеціей пріучила Петербургъ къ быстрымъ успѣхамъ, и потому дѣйствія Багратіона казались весьма неудовлетворительными. ‹Вотъ диковинка, что перешелъ Дунай; лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ можно было этому дивиться, а теперь никого не польститъ названіе Задунайскаго; нѣтъ, братъ, ступай за Балканы›. Такъ разсуждали въ Англійскомъ клубѣ. Въ Петербургѣ неслужащихъ весьма мало, а праздныхъ людей чрезвычайно много; всѣ тѣ, которые имѣли претензіи на просвѣщеніе, старались быть членами этого клуба, чтобы поврать о политикѣ. Не имѣя понятія ни о трудахъ, ни объ опасностяхъ, ареопагъ сей, упиваясь Шампанскимъ, произносилъ строгіе приговоры генераламъ; къ сожалѣнію, находили они отголоски въ обществахъ. ‹Сражаться съ просвѣщенными Шведами, кажется, труднѣе, находили они, чѣмъ съ варварами, не знающими ни дисциплины, ни тактики. Впрочемъ, этотъ Багратіонъ и самъ невѣжда, который знаетъ войну только по практикѣ». Между тѣмъ и Аракчеевъ, который мыслилъ видно не болѣе ихъ, также гнѣвался на него за медленность и начиналъ уже ссориться. Багратіонъ сталъ просить объ увольненіи, не зная еще, что самъ Аракчеевъ получилъ его. Государь, общее мнѣніе и новый министръ Барклай прочили его мѣсто графу Каменскому, и потому никакихъ, можетъ быть тайно ожидаемыхъ имъ, препятствій къ исполненію его вынужденной просьбы не встрѣтилось.

Назначеніе Каменскаго главнокомандующимъ Молдавскою арміей всѣхъ обрадовало: всѣ любили его, всѣ уважали, всѣмъ извѣстны были его воинскіе таланты; никто не зналъ его болѣзненнаго состоянія. Союзъ съ Наполеономъ все еще продолжался, но ясно можно было видѣть, что разрывъ замедляется единственно жестокими затрудненіями, имъ встрѣчаемыми на Гишпанскомъ полуостровѣ: Гишпанская война, какъ Шпанская муха, оттягивала отъ насъ бѣдствія. Пока онъ не успѣлъ еще управиться съ великодушными, храбрыми Кастиланами и Арагонцами, надобно было стараться намъ кончить всѣ наши разсчеты съ сосѣдями и блестящимъ образомъ, если можно взятіемъ Константинополя, заключить войну нашу съ Турками. Усиленная всѣми войсками, находившимися въ Галиціи, предводительствуемая Каменскимъ, чего, казалось, не могла совершить Молдавская армія?

Въ первыхъ числахъ Февраля, благословляемый всею Россіей, Каменскій отправился въ Букарештъ. Съ нимъ поѣхалъ одинъ молодой человѣкъ, о которомъ много и довольно часто говорилъ я въ сихъ Запискахъ, но о коемъ давно уже не упоминалъ. Возвратившись осенью 1808 года въ Петербургъ, я не нашелъ въ немъ Блудова. Занимаясь, наконецъ, дѣятельно, при товарищѣ министра иностранныхъ дѣлъ графѣ Салтыковѣ, во время отсутствія Румянцова управлявшемъ министерствомъ, еще бо-

лѣе уважающемъ его, чѣмъ любящемъ, отправленъ былъ онъ съ Андреевскою лентой къ брату Наполеона, Голандскому королю Лудовику. Молодой Корсиканецъ, отъ искренняго сердца сдѣлавшись Голандцемъ, какъ всѣ новые соотечественники его, полюбилъ Россію; какъ они, гордился онъ славою Сардама, которая навсегда связала ихъ съ нами, но которою, какъ мнѣ кажется, мы не слишкомъ должны гордиться. Молодой человѣкъ былъ отмѣнно хорошо принятъ при молодомъ дворѣ, не совсѣмъ еще устроенномъ, и самъ король вручилъ ему бриліантовый знакъ вновь учрежденнаго имъ Ордена Союза. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратившись, нашелъ онъ, что при Румянцовѣ самъ Салтыковъ мало имѣетъ занятій, и онъ опять остался безъ дѣла.

Покойная мать его, почти всегда хворая, жила уединенно въ Москвѣ, въ сосѣдствѣ и тѣсной дружбѣ съ статсъ-дамою графинею Каменскою, женою фельдмаршала и матерью главнокомандующаго, которая также семейную жизнь предпочитала свѣтской: рѣдко можно было видѣть двухъ сестеръ столь нѣжно любящихъ другъ друга. Передъ коронаціей Александра пріѣхалъ изъ Петербурга къ графинѣ Каменской родной дядя ея, князь Андрей Николаевичъ Щербатовъ съ женою и дочерью и остановился у нея. Молодая княжна Анна Андреевна Щербатова примѣчательна была нѣжными чертами лица, и при Дворѣ, гдѣ она находилась фрейлиной, многіе находили въ ней сходство съ императрицею Елисаветою Алексѣевной; одни давали ей преимущество, другіе императрицѣ. Присутствіе Петербургской дѣвицы оживило однообразіе графини Каменской. Не трудно было княжнѣ Щербатовой, съ прелестьми, которыя она еще имѣла, съ ангельскою кротостію, которою всегда отличалась, съ знаніемъ приличій большаго свѣта, вскружить голову пятнадцати или шестнадцатилѣтнему кипучему мальчику, не знакомому еще со свѣтскимъ и женскимъ кокетствомъ, совершенно невинному, но въ которомъ отъ силы воображенія страсти успѣли уже созрѣть. Она плѣнила его, хотя никакъ о томъ не думала и нѣсколькими годами была его старѣе. Эта страсть въ слѣдующемъ году привлекла его въ Петербургъ. За нее долженъ благодарить онъ Небо: она истребила въ немъ всѣ порочныя побужденія, жаръ души его направила къ добру и чести. Какъ можно было почти ребенку помышлять о женитьбѣ? Долго оставалась она для него только кумиромъ добродѣтели, источникомъ чистѣйшихъ помышленій и чувствованій. Исключая несовершеннолѣтіе его, къ брачному съ нею союзу представлялись еще другія препятствія. Княгиня Щербатова, женщина извѣстная своею набожностію, строгими правилами, примѣрною преданностію и вѣрностію супругу, (тридцатью годами ея старѣе), гордясь его знатностію и своими добродѣтелями, была сурова и надменна. Многимъ молодымъ

людямъ достойнымъ ея дочери отказывала она уже въ рукѣ ея; чего же можно было ожидать малочиновному дворянчику, у котораго, правда, была родословная длиною въ восемь столѣтій, наполненная именами бояръ и воеводъ, но что это значитъ въ Россіи? Подъ словомъ знатность разумѣется въ ней совсѣмъ новая или, по крайней мѣрѣ, подновленная знаменитость. Время и постоянство одолѣваютъ все: графиня Каменская, принявшая на себя всѣ обязанности умершей матери Блудова, вступилась въ это дѣло, и гордая княгиня изъявила, наконецъ, свое согласіе. Для доставленія скорѣйшаго повышенія будущему родственнику, Каменскій назначилъ его правителемъ своей заграничной канцеляріи, что было очень важно для надворнаго совѣтника, которому не было двадцати пяти лѣтъ отъ роду.

VIII.

Если счастье наконецъ улыбалось Блудову, то отъ меня оно совсѣмъ отвратило лицо свое; другому я бы можетъ-быть позавидовалъ, а его успѣхи были для меня утѣшеніемъ.

Я принадлежалъ къ канцеляріи министра финансовъ, которой еще не видалъ, въ которой рѣшительно никого не зналъ и ни къ кому не являлся. Собравшись съ духомъ, посѣтилъ я Озерова *), которому извѣстны были намѣренія Голубцова; онъ откровенно сказалъ мнѣ, что самъ находится въ затруднительномъ положеніи, не думаетъ долго сохранить мѣста и совѣтовалъ мнѣ пока оставаться спокойнымъ, повременить, осмотрѣться, увидѣть, какое возмутъ направленіе дѣла и люди.

Возвратившись изъ Китайскаго посольства, былъ я у Гурьева съ письмомъ отъ сына его. Какъ имъ самимъ, такъ и супругой его, къ которой водилъ онъ меня рекомендовать, былъ я принятъ учтиво и получилъ приглашеніе ихъ посѣщать, чѣмъ вечера два, кажется, и воспользовался. Не могъ я жаловаться, не могъ я много и хвастаться ихъ обращеніемъ со мною; но, чувствуя необоримую антипатію къ нимъ, пересталъ ѣздить, послѣ чего, встрѣчая меня въ другихъ домахъ, они меня не узнавали. По прошествіи четырехъ лѣтъ возобновленіе этого знакомства было не только трудно, даже невозможно. Къ тому же, сынъ ихъ, чрезъ котораго могло бы сіе сдѣлаться, съ которымъ никогда не имѣлъ я связей, но и не прекращалъ знакомства, который по временамъ то оказывалъ мнѣ пріязнь, то досадно бывалъ холоденъ, находился тогда при миссіи въ Парижѣ. Добрые люди, съ которыми я

---

*) Семенъ Николаевичъ Озеровъ, недавно умершій въ Москвѣ сенаторомъ.

на этотъ счетъ объяснялся, совѣтовали мнѣ никакихъ не дѣлать попытокъ, увѣряя, что, исключая немногихъ, чиновники, подчиненные Гурьеву, должны почитать себя счастливыми, когда лишены его лицезрѣнія.

Уступая постояннымъ жестокостямъ неумолимой ко мнѣ судьбы, я желалъ только уклониться отъ ея ударовъ, оставить навсегда службу, зарыть молодость свою въ Пензенской деревнѣ и обратиться въ прилежнаго хлѣбопашца. Чтобы склонить отца моего дать на то согласіе, нужны были сильные доводы, убѣжденія; я не надѣялся успѣть въ томъ посредствомъ переписки и рѣшился воспользоваться послѣднимъ зимнемъ путемъ, чтобы самому отправиться въ Пензу. Я пошелъ за паспортомъ къ г. Дружинину, новому правителю канцеляріи (директоровъ канцеляріи тогда еще не было) и безъ затрудненія получилъ его. О г. Дружининѣ здѣсь распространяться не буду, ибо тогда еще мало зналъ объ немъ.

Я спѣшилъ оставить Петербургъ, имѣя причину опасаться, чтобы отъ распутицы не засѣсть гдѣ-нибудь на дорогѣ. Совершенная оттепель продолжалась около полуторы недѣли, и въ тонкомъ черепкѣ на улицахъ было менѣе льду чѣмъ навозу, какъ въ самый день выѣзда моего, 12-го Марта, воротилась зима въ такомъ видѣ, въ которомъ не худо бы было ей всегда являться: выпалъ снѣгъ, потомъ прояснѣло, по ночамъ морозы доходили до двѣнадцати градусовъ, днемъ при тихой погодѣ красное солнце опять согрѣвало воздухъ, и послѣдній путь сдѣлался лучше и глаже первопутья.

Нѣсколькими часами послѣ меня выѣхала по той же дорогѣ вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна, и я вездѣ встрѣчалъ радостныя ожиданія жителей. Она спѣшила въ Тверь навѣстить Екатерину Павловну, милое, балованное дитя цѣлаго семейства. Это была большая жертва въ то время, когда царскія особы старались оставаться неподвижны въ столицахъ своихъ, какъ изображенія боговъ въ храмахъ и, надобно признаться, умножали тѣмъ въ народѣ къ себѣ уваженіе. Какъ шибко ни скакалъ я, лошади, приготовленныя для Императрицы, видно, были лучше моихъ, и на станціи Хотиловѣ былъ я настигнутъ ея величествомъ.

Вмѣстѣ съ народною толпою подошелъ я довольно близко къ зимнему экипажу, изъ котораго, не выходя, остановилась она, пока перемѣняли лошадей. Ласково улыбаясь, говорила она что-то, невнятно, худымъ Русскимъ выговоромъ; народъ слушалъ съ умиленіемъ непонятныя для него слова, вѣроятно, думалъ онъ, на какомъ-нибудь божественномъ языкѣ. Въ первый разъ еще видѣлъ я мужиковъ, ямщиковъ, млѣющихъ, трепещущихъ отъ восторга. Бабы приговаривали: «Матуш-

ка, государыня, старушка» *). Не знаю, доходили ли слова сіи до нея; по крайней мѣрѣ не казалась ими оскорбленною эта старушка, красивая и которой пятьдесятъ лѣтъ едва ли тогда исполнилось. Когда я пріѣхалъ въ Вышній Волочокъ, уже смерклось, и я видѣлъ Императрицу, отправляющуюся далѣе при свѣтѣ факеловъ; во всѣхъ окошкахъ маленькаго города зажжены были свѣчки, тутъ развѣшаны были фонари, тамъ горѣли плошки. Радостный шумъ, гуляющія толпы нашелъ я также въ Твери; огни нигдѣ не потухали, хотя было за-полночь, часъ, въ который жители губернскихъ городовъ обыкновенно давно уже спятъ.

Таковъ народъ Русскій: онъ любитъ то, чего боится, Бога и тѣхъ, кои отъ Него надъ нимъ поставлены. Можетъ быть, писатели Запада и правы, видя въ этомъ врожденную подлость, называя то закоренѣлымъ рабствомъ; только, воля ихъ, не всѣхъ же увѣрятъ они, что долгъ въ соединеніи съ чувствомъ достоинъ презрѣнія. Тамъ гдѣ люди повинуются по необходимости, изъ одного страха, тамъ они жалки и до нѣкоторой степени гадки; но примѣшайся къ тому любовь, и все облагорожено. Горе роду человѣческому, когда предметами всеобщаго посмѣянія, а не восторга его, какъ было донынѣ, сдѣлаются любовники, тысячу разъ готовые жертвовать жизнію для обожаемой женщины, вѣрныя долгу супруги, втайнѣ оплакивающія неблагодарность и непостоянство мужей и не думающія мстить имъ; покорныя съ нѣжностію дѣти къ строгимъ, даже несправедливымъ родителямъ. Горе намъ, когда въ цѣломъ свѣтѣ терпѣніе и кротость будутъ почитаться признаками низкой души, а всякое возмущеніе благородствомъ ея: тогда міръ нашъ сдѣлается настоящимъ адомъ.

Погода все не мѣнялась. Ясное небо, болѣе свѣжій чѣмъ холодный воздухъ мало-по-малу успокоивали меня, проливали свѣтъ надежды въ мракомъ исполненную душу мою; чистоту и неподвижность атмосферы принималъ я какъ предзнаменованіе безмятежной жизни, которая ожидала меня среди сельской тишины. Увы, никогда не долженъ былъ я насладиться ею! По заведенному обычаю, въ Москвѣ остановился я на нѣсколько дней. Въ этомъ городѣ, гдѣ провелъ я нѣсколько лѣтъ моего отрочества, число знакомыхъ моихъ съ каждымъ новымъ посѣщеніемъ примѣтно убавлялось; въ этотъ пріѣздъ совершенно не помню, съ кѣмъ я видѣлся и что̀ я дѣлалъ.

---

*) Старостію въ старину не презирали Русскіе. Напротивъ того, по достиженіи тридцати лѣтъ, крестьяне и крестьянки спѣшили выдавать себя за стариковъ и старухъ, чтобы скорѣе пользоваться правами на уваженіе молодыхъ. Названія: дядя, тетка, говоря съ пожилыми людьми, хотя посторонними, всегда произносились съ нѣжностію; старичокъ и старушка еще болѣе.

Напрасно останавливался я въ Москвѣ въ такое время года, когда однѣхъ сутокъ достаточно, чтобы испортить всю дорогу. До Мурома доѣхалъ я благополучно; за Окой начались дожди, но по крайней мѣрѣ ѣхалъ я зимнимъ путемъ; отъ Арзамаса же почти все долженъ былъ тащиться по голой землѣ и счастливъ бывалъ, когда выдадутся сотни двѣ саженъ грязнаго льду. Въ гористой Пензенской губерніи каждый оврагъ превратился въ рѣчку, черезъ которую въ кибиткѣ на полозьяхъ долженъ былъ я почти переплывать. Кое-какъ однакоже 20 Марта пріѣхалъ я въ Пензу.

Отецъ мой, для двухъ или трехмѣсячнаго зимняго пребыванія въ Пензѣ, купилъ на Лѣкарской улицѣ *) домъ, небольшой, но весьма помѣстительный. Однакоже, какъ насъ собралось много (исключая родителей моихъ и двухъ незамужнихъ сестеръ, жилъ еще зять мой Алексѣевъ съ женою, съ двумя сыновьями и учителемъ), то намъ становилось немного тѣсненько. Но, какъ говоритъ пословица, въ тѣснотѣ люди живутъ, лишь не въ обидѣ; а мы никто другъ друга не думали обижать.

Къ удовольствію моему, Крыжановскій царствовалъ тирански, деспотически. Онъ дѣйствовалъ какъ человѣкъ, который убѣжденъ, что лихоимство есть неотъемлемое, священное право всѣхъ тѣхъ, кои облечены какою-либо властію, и говорилъ о томъ непринужденно, откровенно. Мнѣ, признаюсь, это нравилось: истинное убѣжденіе во всякомъ человѣкѣ готовъ я уважать. У каждаго, кто имѣлъ къ нему просьбу, безъ обиняковъ требовалъ онъ денегъ; въ случаѣ отказа сердился и, силою законовъ, которыхъ онъ былъ искусный толкователь, заставлялъ раскаяваться скупаго просителя. Иногда въ присутствіи Пензенскихъ жителей позволялъ онъ себѣ смѣяться надъ недостаткомъ ихъ въ щедрости. «Хороша здѣсь ярмарка! говорилъ онъ имъ съ досадною насмѣшкой. Бердичевская въ Волынской губерніи даетъ тридцать тысячъ рублей серебромъ губернатору; а мнѣ здѣсь купчишки поднесли три пуда сахару; вотъ я же ихъ!»

Что̀ дѣлать? Виноватъ ли онъ былъ, если всегда жилъ съ такими людьми, въ такихъ обществахъ, гдѣ чести, безкорыстію и притворныхъ похвалъ не слыхивалъ? Не надобно также забыть его происхо-

---

*) Не ранѣе какъ въ царствованіе Екатерины II, пріѣхалъ въ Пензу первый лѣкарь Петерсонъ, онъ же и аптекарь. Онъ поразбогатѣлъ, выстроилъ домъ и каждой изъ трехъ дочерей своихъ, которыхъ выдавалъ за вновь поселявшихся тамъ по временамъ медиковъ, построилъ въ приданое по дому на той же улицѣ, которая отъ нихъ и получила названіе Лѣкарской. Петерсонъ, какъ скипетръ, держалъ Эскулаповъ жезлъ, и размножившееся его семейство располагало жизнью и здоровьемъ обывателей. Имъ прописывались лѣкарства, и у него же они приготовлялись: какая убійственная монополія!

жденіе: сребролюбіе у Евреевъ течетъ съ кровію. Нѣтъ въ мірѣ народа самолюбивѣе, нѣтъ въ мірѣ народа болѣе униженнаго; въ горькой участи его, золото—его утѣшеніе, его спасеніе, единственное его могущество. Онъ любитъ его болѣе какъ средство, нежели какъ цѣль. Спасительная вода Св. Крещенія можетъ скоро смыть съ Еврея кровавыя пятна, на него и на чадѣхъ его положенныя; но не скоро, развѣ черезъ нѣсколько поколѣній, въ потомкахъ его вымоетъ алчность къ блестящимъ металамъ. Жители Пензы губернаторство Крыжановскаго не хотѣли признавать настоящимъ, законнымъ управленіемъ; они почитали его междуцарствіемъ, его же самого называли Вторымъ Лжедимитріемъ, Тушинскимъ воромъ.

Надобно признаться, жалки были Пензенцы: какъ новые Филистимляне, порабощены были они тогда племенемъ Іудейскимъ. Вице-губернаторъ, о которомъ давно уже я говорилъ, былъ все тотъ же еще Александръ Михайловичъ Евреиновъ. Поведеніе сего единокровнаго губернатору могло казаться упрекомъ: предсѣдательствуя въ Казенной Палатѣ, имѣя много случаевъ беззаконно наживаться, онъ ими не пользовался, хотя чувствовалъ сильное къ тому поползновеніе, но чѣмъ-то былъ удерживаемъ. Онъ былъ въ явномъ несогласіи, даже во враждѣ съ Крыжановскимъ; каждый изъ нихъ съ удовольствіемъ выслушивалъ всякое злословіе на счетъ непріятеля своего, не позволяя однакоже ни малѣйшей шутки касательно предковъ его. Къ сожалѣнію, время показало, что честность Евреинова была одна только робость и что ненавидѣлъ онъ Крыжановскаго, завидуя лишь его смѣлости.

Сей послѣдній не былъ изъ числа тѣхъ подлыхъ взяточниковъ, коимъ нужна одна только прибыль: деньги деньгами, а почесть почестію. На первомъ, такъ и быть, Пензенскіе помѣщики готовы бы были помириться; но необходимость показывать уваженіе безстыдному плуту, дерзкому и свѣдущему въ дѣлахъ, слѣдственно для нихъ иногда опасному, была для нихъ настоящая мука. Жена его была для нихъ еще несноснѣе: нѣкогда наемная наложница Василія Степановича Попова, она манерами напоминала Польскихъ служанокъ въ Жидовскихъ корчмахъ. Разъ попавъ на губернаторство, полагала она, что ей все позволено: отъ разговоровъ, отъ разсказовъ ея, женщины, даже легкомысленныя, съ негодованіемъ потупляли взоры, нѣкоторые мужчины съ омерзѣніемъ отворачивались, тогда какъ другіе съ подобострастіемъ улыбались. И она же, злодѣйка, называла это варварствомъ и непотребное свое просвѣщеніе думала распространить въ обществѣ, а между тѣмъ никому не позволяла съ собою слишкомъ забываться. Великая искусница была она давать комиссіи: отъѣзжающему въ Петербургъ любителю музыки поручала она купить фортепіано для

дочери; отправляющагося въ Москву, гдѣ дешевъ пушной товаръ, просила она прислать ей оттуда шубу; ѣдущіе на Макарьевскую ярмонку должны были привезти ей: кто шаль, кто нѣсколько цибиковъ чаю. Дѣлая сіи порученія, всегда прибавляла она: послѣ сочтемся. Тѣмъ, кои отказывались, увѣряя, что у нихъ едва достаточно денегъ для собственныхъ издержекъ, никогда она не прощала.

Мои родители между тѣмъ жили спокойно въ селѣ своемъ Симбухинѣ, въ 13 верстахъ отъ Пензы. Первое посѣщеніе зятя, который привезъ съ собой свѣжія лавры, человѣка военнаго, веселонравнаго, который зимой умеръ бы со скуки въ деревнѣ, изъ нея вызвало ихъ. Этотъ переѣздъ былъ весьма непріятенъ Крыжановскому, который ни старшихъ, ни равныхъ себѣ не любилъ видѣть въ своей столицѣ. Однакоже какъ умѣлъ, съ обоими обошелся онъ хотя сухо, но учтиво, и сталъ изрѣдка посѣщать домъ нашъ. Только вотъ бѣда: всѣ тѣ, кои, безъ явнаго неудовольствія держали себя хладно-почтительно въ сношеніяхъ своихъ съ отцомъ моимъ, сдѣлались вдругъ къ нему отмѣнно-нѣжными; тѣ же, кои, не умѣли скрывать вражды своей, употребляли всѣ средства, чтобы съ нимъ сблизиться и, не смѣя подступить къ нему, обращались къ членамъ его семейства съ изъявленіями покорности своей и раскаянія. Какъ было не простить кающихся грѣшниковъ? Въ губернскихъ городахъ есть обычай, существующій и понынѣ, по воскресеньямъ безъ приглашенія собираться на вечеръ къ женатымъ губернаторамъ; лишь только отецъ мой переѣхалъ въ городъ, когда приходили воскресные вечера, въ небольшомъ домѣ его не было почти возможности поворотиться: становилось тѣсно, душно, тогда какъ губернаторъ сидѣлъ дома одинъ съ своимъ семействомъ. Это, какъ говорили провинціалы, дѣлалось въ пику Крыжановскому. Ему бы на то не обращать никакого вниманія, а онъ сталъ яриться, бушевать, всѣхъ упрекать въ измѣнѣ. Извиняясь невозможностію раздѣлить себя на два вечера, затѣйливые Пензяки выдумали, собравшись міромъ, нахлынуть къ нему въ Субботу, въ день шабаша. Эта дурная шутка пуще прогнѣвала его, и въ слѣдующую Субботу онъ никого не велѣлъ къ себѣ пускать.

Отецъ мой не искалъ ни дружбы, ни ссоры съ Крыжановскимъ; послѣдней же избѣжать однако не могъ. Господинъ Миленинъ (котораго читатель помнитъ, а можетъ быть и не помнитъ, все равно) имѣлъ столь мало такту, что, сдѣлавъ обѣдъ въ честь пріѣзжаго генерала Алексѣева, позвалъ на него какъ новаго, такъ и стараго губернатора. Тестю не могло быть непріятно предпочтеніе слѣланное въ этомъ случаѣ зятю его, который былъ, какъ говорятъ Французы, героемъ праздника; Крыжановскій же сильно вознегодовалъ. Къ концу обѣда, вѣро-

ятно разгоряченный виномъ, сталъ онъ съ грубостями придираться къ хозяевамъ и къ посѣтителю, человѣку, не весьма терпѣливому. Тотъ сначала отмалчивался, наконецъ, вышедъ изъ себя, не прибѣгая ни къ какимъ обинякамъ, ни къ какимъ колкостямъ, просто разругалъ его и чѣмъ-то погрозилъ. Эта угроза имѣла полезное дѣйствіе, ибо въ мигъ охладила запальчивость начальника губерніи; а между тѣмъ хозяйка была вся въ слезахъ, съ другими дамами, тутъ находившимися, сдѣлалась дурнота. Сіе происшествіе, весьма маловажное, довольно смѣшное, было однакоже какъ бы сигналомъ всеобщаго возмущенія; всѣ взяли сторону болѣе обидѣвшаго, чѣмъ обиженнаго гостя. Ободряя другъ друга, съ каждымъ днемъ Пензенцы дѣлались болѣе дерзки, съ каждымъ днемъ союзъ противъ грабителя становился плотнѣе. Все это казалось прискорбно отцу моему, и онъ нетерпѣливо ожидалъ весны, чтобы скорѣе воротиться въ деревню.

Это произошло до пріѣзда моего. Какъ человѣкъ служащій, долгомъ я счелъ явиться къ губернатору, и онъ обошелся со мной иначе, какъ съ другими. Онъ принадлежалъ къ новому поколѣнію губернаторовъ, воспитанныхъ въ страхѣ министровъ, и въ глазахъ которыхъ всякій мелкій чиновникъ министерства имѣетъ нѣкоторую важность. Учтивость свою простеръ онъ до того, что посѣтилъ меня въ банѣ, въ которой жилъ я за неимѣніемъ другаго мѣста.

Въ числѣ тѣхъ, кои пожелали вновь сойтиться съ отцомъ моимъ, было и семейство предмѣстника его Ступишина, съ тѣхъ поръ, какъ говорилъ я объ немъ, уменьшившееся и умножившееся. Почтенный старикъ, Иванъ Алексѣевичъ, отошелъ въ вѣчность; романъ дочери его съ братомъ моимъ не могъ вѣчно длиться: отъ безпрестанной разлуки должна была погаснуть любовь, которая менѣе была въ сердцѣ, нежели въ головѣ. Тщеславная бабка Леонтьева, опасаясь, чтобы зрѣлая, хотя достаточная внучка не засидѣлась въ дѣвкахъ, нашла средство выписать для нея славнаго жениха. Человѣкъ лѣтъ сорока пяти, совсѣмъ безъ состоянія, армейскій генералъ-маіоръ Семенъ Давыдовичъ Панчулидзевъ, на дорогѣ въ Саратовъ къ брату, роскошному губернатору, долженъ былъ мимоѣздомъ осмотрѣть невѣсту. Первое привѣтствіе его было: «вы совсѣмъ не такъ дурны, какъ мнѣ васъ описывали». Послѣ того можно судить о любезности его; но онъ былъ крѣпокъ и плечистъ, у него были генеральскія шитье и эполеты и нѣсколько крестовъ въ петлицѣ и на шеѣ, и всѣ романическія мечты должны были уступить столь надежной сущности. Еще разъ не служитъ ли это доказательствомъ, сколь силенъ былъ тогда въ Россіи предразсудокъ чина и какъ легко было позолотить его выгоднымъ супружествомъ. Къ другимъ горестямъ брата моего, нахо-

дившагося тогда въ Финляндіи, умѣющаго искренно и постоянно любить, присоединилось еще извѣстіе о семъ бракѣ. Болѣе года прошло послѣ того, и госпожа Леонтьева пріѣзжала при мнѣ къ матери моей объявить о рожденіи двухъ правнуковъ-близнецовъ, какъ бы о новомъ торжествѣ своемъ.

Великихъ усилій стоило мнѣ съ матерью и сестрами убѣдить родителя моего въ томъ, что служба сдѣлалась для меня невозможною. Лишившись одного сына, онъ недавно самъ ее оставилъ; получено было извѣстіе, что и другой сынъ его, отъ благорасположенія лично знакомаго ему новаго военнаго министра Барклая-де-Толли, ничего не требовалъ, кромѣ отставки, и получилъ ее; наконецъ, послѣдній сынъ желалъ того же. По понятіямъ тогдашняго времени прискорбна была ему мысль, что нигдѣ въ служебныхъ спискахъ и имени его уже не встрѣтится. Успѣвъ поколебать его твердость и почти увѣренъ будучи въ его согласіи, я не спѣшилъ съ отправленіемъ просьбы.

Въ концѣ Апрѣля переѣхали мы въ деревню. Я устроилъ себѣ уютный уголокъ, который старался украсить, какъ можно болѣе цвѣтами; мысленно дѣлилъ уже я время на часы, посвященные чтенію, прогулкѣ, сельскимъ занятіямъ, семейнымъ обязанностямъ, отдохновенію: изъ будущей жизни своей сочинилъ я настоящую идиллію. Отъ брата моего, вышедшаго въ отставку и остановившагося въ Петербургѣ для сдачи отчетовъ, получили родители мои письмо; это было 13 Мая, ужасное число, которое осталось мнѣ памятно. Симъ письмомъ увѣдомлялъ онъ, что министръ финансовъ приказалъ чиновниковъ, числящихся по его министерству и не занимающихъ штатныхъ мѣстъ, прикомандировать къ асигнаціонному банку; тѣхъ же изъ нихъ, кои находятся въ отпуску и не явятся къ сроку, велѣлъ исключить изъ службы. Вмѣстѣ съ тѣмъ заботливый братъ мой писалъ, что по сему случаю видѣлся онъ съ Никитою Ивановичемъ Пещуровымъ, управляющимъ банкомъ, старымъ знакомымъ моихъ родителей, также и читателя моего, если у него память хороша, и что г. Пещуровъ обѣщается сдѣлать служеніе мое съ нимъ какъ можно пріятнѣе, доставить мнѣ занятіе, соотвѣтствующее моему чину и даже по оному выпросить мнѣ жалованье. Послѣ того можно себѣ представить, что родитель объ отставкѣ моей ничего слышать не хотѣлъ и что я къ поддержанію справедливости моихъ желаній ничего болѣе сказать не могъ. Сборы не могли быть велики для человѣка, который отправлялся на перекладныхъ. Первый разъ еще думалъ я о Петербургѣ съ отвращеніемъ и ужасомъ и о Пензѣ съ сожалѣніемъ: какой-то тайный голосъ увѣрялъ меня, что надежды уже не мои, а отца моего, и на этотъ разъ еще не сбудутся. Какъ бы то ни было, дня черезъ три-

четыре по полученіи письма отъ брата моего, опрометью поскакалъ я въ Петербургъ, куда 24 Мая и пріѣхалъ.

IX.

Брата, у котораго присталъ я на квартирѣ, вмѣсто ожидаемой имъ благодарности, встрѣтилъ я грустными упреками. И дѣйствительно, какой родъ службы доставался мнѣ на часть въ цвѣтущіе годы моей жизни!

Государственный асигнаціонный банкъ есть одно изъ благодѣтельныхъ учрежденій Екатерины. Пока печатные царскіе векселя не превышаютъ цѣну государственныхъ имуществъ, ихъ даже нельзя почитать государственнымъ долгомъ. Тамъ, гдѣ по примѣру Европейскихъ городовъ, исключая столицъ, нѣтъ нигдѣ банкировъ, тамъ они одни облегчаютъ торговые обороты; польза ихъ какъ для правительства, такъ и для частныхъ лицъ столь очевидна, что распространяться объ ней не нужно. Дальновидный и смѣлый Сперанскій, для прикрытія безпрестанно умножающихся издержекъ, ничего лучше не выдумалъ, какъ чрезвычайно великій ихъ выпускъ; отъ чрезвычайнаго ихъ упадка не ожидалъ ли онъ, какъ во время Французской революціи, какихъ-нибудь важныхъ послѣдствій? Для того, Гурьевъ нагналъ въ этотъ банкъ всѣхъ безъ занятій находящихся чиновниковъ своего министерства и подписаніемъ асигнацій занялъ ихъ праздныя руки.

Первые вельможи почитали за честь быть президентами банковъ. Старшіе члены присутствія назывались совѣтниками, младшіе директорами; первые состояли въ пятомъ классѣ, послѣдніе въ шестомъ. Сперанскій не успѣлъ еще коснуться сего состава; однакоже подчиненность президента министру финансовъ заставила управленіе банка перейти изъ рукъ вельможескихъ въ руки великаго почитателя ихъ Пещурова. Горько было мнѣ идти къ нему являться; дѣлать было нечего. Къ счастію, нашелъ я его уже причесанымъ и напудреннымъ *), и не принужденъ былъ присутствовать при его туалетѣ. Маленькая тѣнь важности была наведена на свѣтъ его привѣтливаго взора и улыбки. Онъ объявилъ мнѣ, что еще до пріѣзда моего распорядился онъ такимъ образомъ, дабы я могъ занять мѣсто сверхштатнаго директора, и что, въ случаѣ умноженія штата или открытія вакансіи, надѣется онъ доставить мнѣ и слѣдуемое по оному жалованье, всего 1.200 рублей асигнаціями. Важность моего новаго мѣста состояла въ томъ, что я долженъ былъ подписывать асигнацію выше кассира, хотя немного ниже совѣтника.

---

*) См. первую часть сихъ Записокъ, главу XV.

Я пошелъ въ то прекрасное зданіе на Садовой улицѣ, лучшій памятникъ архитектуры, коимъ Петербургъ обязанъ Гваренги, котораго наружность такъ прельщаетъ взоры, а внутренность вмѣщаетъ такъ много ничтожества и скуки. Я сказался; какой-то присяжный поднесъ мнѣ пукъ новенькихъ печатныхъ бумажекъ, стиснутыхъ въ плоскіе щипцы, и я пустился ихъ подписывать. Когда рука моя уставала, я озирался и въ обширной залѣ, гдѣ насъ сидѣло десятка три подпищиковъ, старался разглядѣть моихъ сотрудниковъ: что̀ за неподвижность въ чертахъ, что̀ за безсмысліе во взорахъ! Каноникатствъ, синекюръ съ хорошимъ содержаніемъ тогда не было такъ много; людямъ неспособнымъ или лѣнивымъ тогда не было такого житья какъ нынѣ. Тѣ, коимъ сильныя особы хотѣли благотворить, но которыхъ пугало все головоломное, какъ говорили они, должны были, по крайней мѣрѣ, не даромъ ѣсть доставленный имъ насущный хлѣбъ и принимались за рукодѣліе, на которое безъ всякой платы былъ я осужденъ. Если симъ людямъ скупая къ нимъ природа изъ милости и пожаловала немного способности мыслить и сколько-нибудь воображенія, то оно должно было въ нихъ погаснуть, когда ежедневно на нѣсколько часовъ превращались они въ машины и, привыкая къ сему состоянію, могли оставаться имъ довольны.

Обыкновенно, когда, бывало, пробьетъ два часа, всѣ автоматы сіи начнутъ медленно подыматься одинъ за другимъ и мѣняться нѣсколькими словами. Всегда почти одинъ разговоръ, одни вопросы и отвѣты: сколько удалось кому подписать бумажекъ? Тотъ, который быстротою пальцевъ успѣлъ перещеголять другихъ, скромно объявлялъ о томъ; другіе слегка ему дивились. Былъ, помнится, одинъ жирный Нѣмецъ, баронъ Дольстъ, который въ этомъ искусствѣ всѣхъ превосходилъ, и каждый день тысячами считалъ подписки своего имени. Не смотря на то, не думаю, чтобъ оно дошло до потомства, и на всякій случай, въ этой сомнительной надеждѣ, помѣщаю его здѣсь.

Еслибъ тогда мнѣ дали жалованье по мѣсту, то съ отчаянія можетъ быть рѣшился бы я вѣкъ оставаться автоматомъ; къ счастію сего не случилось. Прошло лѣто, Іюнь, Іюль мѣсяцы, даже болѣе половины Августа, и мнѣ приходилось не въ мочь. Прогуливаясь разъ по Невскому проспекту, встрѣтилъ я давнишняго знакомаго своего Опочинина, котораго нѣсколько времени не видалъ (со стыда и досады я старался никому не показываться). Онъ ласково остановилъ меня за обѣ руки, пристально посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и, видя, что я не спѣшу начать съ нимъ разговоръ, спросилъ, отчего я такъ унылъ? Въ двухъ словахъ объяснилъ я ему положеніе мое. Онъ пригласилъ меня къ себѣ, чтобы наединѣ пообстоятельнѣе поговорить о средствахъ изъ него выйти.

Онъ былъ величайшій эгоистъ, грѣха таить нечего; но въ кадкѣ его себялюбія, конечно, вмѣщалась, по крайней мѣрѣ, ложка необыкновеннаго добродушія. Онъ навѣрно употребилъ бы всѣ средства, чтобы выдавить, если можно, раздавить человѣка, стоящаго поперекъ его дороги; онъ не сталъ бы много безпокоиться, чтобы сдѣлать добро кому бы то ни было; если же, однако, представлялся случай безъ всякаго труда одолжить хорошаго знакомаго, онъ принимался за то съ радостію, съ сердечнымъ удовольствіемъ. Онъ только-что недавно оставилъ военную службу; но, продолжая пользоваться величайшею милостію цесаревича Константина Павловича, при коемъ дотолѣ былъ адъютантомъ, и даже жительствомъ въ принадлежащемъ его высочеству Мраморномъ дворцѣ, ему не трудно было у Гурьева, изъ полковниковъ гвардіи, съ чиномъ статскаго совѣтника получить мѣсто С.-Петербургскаго вице-губернатора. Это поставило его въ частыя сношенія со всѣми матадорами Министерства Финансовъ, коихъ онъ мягкостію характера, пріятностію формъ умѣлъ привлечь къ себѣ. Надобно прибавить, что онъ женился на любимой дочери полководца Михаила Ларіоновича Кутузова и тѣмъ умножилъ связи свои съ большимъ свѣтомъ. Помощь такого человѣка, конечно, могла мнѣ быть полезна. Онъ нашелъ, что ничего для меня не можетъ быть лучше, какъ возвратиться къ прежнему намѣренію и занимать въ канцеляріи министра по кредитной части, если не первое мѣсто, какъ я прежде надѣялся, то, по крайней мѣрѣ, приготовиться къ занятію его со временемъ. Озеровъ оставилъ его; преемникомъ его сдѣлался Рибопьеръ, родственникъ жены Опочинина, и онъ предложилъ мнѣ дружественно рекомендательное къ нему письмо. Я зналъ сего подростающаго вельможу, и предложеніе Опочинина мнѣ было вовсе не по сердцу; убѣжденія его однакоже были столь сладки, что я наконецъ согласился нести письмо его.

Часто случается, что люди, сами по себѣ ничего незначущіе, не имѣющіе никакого особаго достоинства или недостатка, порока, дѣлаются примѣчательны потому только, что носятъ на себѣ отпечатокъ времени и обстоятельствъ, въ коихъ находились. Въ этомъ отношеніи Рибопьеръ заслуживаетъ вниманія, и я готовъ просить читателя не отказать въ немъ изображенію его, которое здѣсь попытаюсь я сдѣлать. Какъ исторія происхожденія его, такъ и его собственная довольно любопытны.

Возвратясь изъ заграничнаго путешествія, молодой богачъ и баричъ Степанъ Степановичъ Апраксинъ, единственный сынъ умершаго фельдмаршала, привезъ съ собою изъ Швейцаріи молодаго (говорятъ) камердинера, котораго, по пріѣздѣ въ Россію, произвелъ въ домашніе

секретари; онъ назывался Рибопьеръ. Вожделѣнный женихъ всѣхъ знатныхъ невѣстъ, Апраксинъ велъ себя, какъ Французскій roué тогдашняго времени... Въ числѣ его жертвъ была одна фрейлина, помѣщенная Екатериною жительствомъ во дворцѣ, какъ сирота, оставшаяся послѣ знаменитаго въ войнѣ и мирѣ Александра Ильича Бибикова. Молодой секретарь сочинялъ ему письма къ ней, тайно ихъ передавалъ... Онъ былъ сострадателенъ, она чувствительна, онъ старался утѣшить ее и до того успѣлъ въ томъ, что она рѣшилась *за него* выйдти замужъ. Не смотря на негодованіе всѣхъ родныхъ, на гнѣвъ Императрицы, она устояла въ своемъ намѣреніи. Иностранныя имена, особенно Французскія, были тогда въ большой модѣ; гораздо болѣе препятствій встрѣтила бы дѣвица Бибикова, еслибъ пришлось ей соединиться бракомъ съ человѣкомъ, который бы носилъ Русское неизвѣстное названіе, хотя бы старинное дворянское, напримѣръ Терпигорева. Когда дѣло было сдѣлано и помочь ему было нельзя, Женевскаго мѣщанина *) записали гвардіи сержантомъ и, какъ водилось тогда, черезъ нѣсколько времени выпустили въ армію капитаномъ. Онъ былъ, говорятъ, красивъ, благороденъ и храбръ, служилъ хорошо, на войнѣ получилъ Георгіевскій крестъ и въ чинѣ бригадира, начальствуя какимъ-то пѣхотнымъ полкомъ, убитъ при штурмѣ Измаила. Послѣ него остался одинъ малолѣтный сынъ, Александръ Рибопьеръ, о которомъ идетъ рѣчь.

Необыкновенная красота мальчика, геройская смерть отца и великіе подвиги дѣда заставили строгую иногда по необходимости, но всегда чувствительную и добрую Екатерину... взять отрока подъ особое свое покровительство: она сдѣлала его офицеромъ конной гвардіи, часто призывала къ себѣ и любовалась имъ. Въ восемнадцать лѣтъ, когда Павелъ пожаловалъ его камергеромъ, на плечахъ у него такая была головка, за которую всякая, даже довольно пригожая, дѣвица готова была бы помѣняться своею. Въ послѣдніе дни его царствованія, имѣлъ онъ поединокъ съ княземъ Четвертинскимъ за одну придворную красавицу; бредя рыцарствомъ, Павелъ, обыкновенно въ этихъ случаяхъ, бывалъ не слишкомъ строгъ; но какъ ему показалось, что любимая его княгиня Гагарина на него иногда заглядывалась, то изъ ревности велѣлъ онъ его съ разрубленной рукой, исходящаго кровію, засадить въ казематъ, откуда при Александрѣ не скоро можно было его выпустить по совершенному разслабленію, въ которое онъ отъ того пришелъ. Послѣ того сдѣлался

---

*) Это несправедливо. И. С. Рибопьеръ происходилъ изъ древняго, но обѣднѣвшаго рода. См. Записки его сына въ Русскомъ Архивѣ 1877 года. П. Б.

онъ кумиромъ прекраснаго пола. Самъ не менѣе того началъ онъ обожать себя. И могло ли быть иначе послѣ такого младенчества и въ такомъ блескѣ проведенной молодости?

Мнѣ случилось иногда видѣть его довольно важно танцующаго на балахъ съ какимъ-то тихимъ самодовольствіемъ; также случалось мнѣ встрѣчать его у князя Ѳеодора Сергѣевича Голицына, въ которомъ видѣлъ онъ своего Пилада, тогда какъ тотъ почиталъ себя его Орестомъ. Можетъ-быть, для твердости дружественныхъ узъ дѣйствительно необходима противоположность характеровъ: сколько въ Голицынѣ было веселости, любезности, сообщительности, столько въ Рибопьерѣ было неподвижности, разсчетливости, учтивой надменности.

Хотя они были ровесники, первый казался принадлежащимъ къ прежнему, послѣдній—къ новому изданію Русской аристократіи; одинъ хотѣлъ какъ будто властвовать надъ нисшими любовію, другой поражать ихъ своимъ величіемъ. Ума болѣе чѣмъ посредственнаго, этотъ человѣкъ имѣлъ однакоже даръ довольно кстати помѣщать въ разговоры затверженныя имъ фразы; общія мѣста, съ тономъ приговора имъ произносимыя, людьми несвѣдущими или невнимательными принимались за новыя и глубокія мысли. Амуръ и геній вмѣстѣ, онъ плѣнялъ въ одно время и изумлялъ Петербургское общество, за которое, право, я готовъ краснѣть. Наконецъ, сама холодная и гордая Баденская принцесса Амалія, сестра Императрицы, находившаяся тогда въ Петербургѣ, говорила объ немъ съ восторгомъ, весьма похожимъ на любовь. Выдумать себя онъ не былъ въ состояніи, а умѣлъ лишь нѣсколько приблизительно быть подражаніемъ Кочубея; онъ былъ плохая съ него литографія. Красотою, умомъ онъ не столько еще гордился, какъ (кто бы подумалъ?) знатностію своею и, не краснѣя, часто любилъ объ ней твердить: однихъ убѣждалъ онъ въ ней, другимъ безпрестанно напоминалъ о ея свѣжести. Онъ былъ женатъ на дѣвицѣ Потемкиной, дочери княгини Юсуповой отъ перваго брака и родственниковъ жены и матери своей не иначе называлъ, какъ съ прибавленіемъ степени родства ихъ съ нимъ: дядя мой Голицынъ, тетка моя Браницкая, тетка моя Кутузова *). Пріобщенный къ сонму полубоговъ, онъ совершенно забывалъ смертныхъ, единокровныхъ ему Швейцарскихъ молочницъ. Въ обществѣ многіе находили, что столь необыкновенный человѣкъ крадетъ себя у государства, не посвящая ему великія свои способности; а онъ давалъ чувствовать, что не его вина, когда не умѣютъ употребить его съ пользою. Указъ Сперанскаго о ка-

---

*) Катерина Ильинишна Кутузова, теща Опочинина, была родная сестра Александра Ильича Бибикова, дѣда Рибопьера.

мергерствѣ заставилъ его, наконецъ, искать мѣста; но все было не по немъ. Въ судьбѣ, въ происхожденіи и въ притязаніяхъ Гурьева и Рибопьера было слишкомъ много сходства, чтобы у послѣдняго не составились связи съ семействомъ перваго и съ нимъ самимъ. Первое мѣсто, сдѣлавшееся вакантнымъ въ его министерствѣ, получилъ Рибопьеръ, который, принимая его, согласился попятиться, въ надеждѣ скоро далѣе прыгнуть.

Вотъ къ какому человѣку былъ я адресованъ, вотъ кому долженъ былъ я подчинить себя! Я бы могъ употребить на то Өеодора Голицына; но это никогда не могло бы придти мнѣ въ голову, еслибы не прельщенія Опочинина, еслибы, закупоренный въ Банкѣ, я чуть не задыхался.

У начальника отдѣленія, Рибопьера, нашелъ я весь порядокъ, заведенный у министровъ: курьера, прихожую, ожидающихъ въ ней (впрочемъ, кажется, только одного), докладчика и выходъ; новаго покроя аристократъ никакъ не пренебрегъ окружить себя канцелярской помпой. «Чтò, сказалъ я себѣ, вѣдь Озерову или мнѣ никакъ бы не придумать такихъ затѣй! Надобно признаться, что глупцы имѣютъ особый даръ придавать необыкновенную наружную важность всякому мѣсту, которое занимаютъ». Двери отворились; я подалъ записку. Хотя г. Рибопьеръ никогда не удостоивалъ меня взглядомъ, однакоже невозможно было ему не знать меня: какъ было ему не замѣтить человѣка, который никогда не гнулъ передъ нимъ выи, слушая его, никогда не изъявлялъ удивленія? «Мнѣ кажется, я васъ знаю, сказалъ онъ; я гдѣ-то васъ видѣлъ».—«Можетъ-быть, не помню», отвѣчалъ я съ видомъ смиреннымъ и гордымъ вмѣстѣ. Онъ спросилъ меня о чинѣ и узнавъ воскликнулъ: «возможно ли, въ такія лѣта?» Ему еще не было тридцати; болѣе десяти былъ онъ превосходительнымъ, его звали Рибопьеръ, и онъ дивился. Впрочемъ объявилъ онъ мнѣ, что желаніе мое будетъ немедленно исполнено. Онъ, право, былъ совсѣмъ не дурной человѣкъ; но баловство свѣта для слабоумныхъ еще хуже чѣмъ баловство родительское.

Въ третьемъ отдѣленіи канцеляріи, коимъ онъ управлялъ въ этомъ году, число дѣлъ весьма умножилось. Завязалась не весьма обширная и не весьма мудреная переписка съ иностранными банкирами, особенно съ домомъ Гопие и компаніей; а какъ никто изъ служащихъ въ отдѣленіи не зналъ довольно правильно Французскаго языка, чтобы сочинить на немъ бумагу или даже безъ ошибокъ переписать ее, то въ этомъ случаѣ я пригодился. Составленіемъ этихъ важныхъ бумагъ по-французски занимался самъ Рибопьеръ; когда ему не хотѣлось или было некогда (чтó случалось довольно рѣдко), то мнѣ поручалъ онъ

ихъ. Раза два-три еженедѣльно ходилъ я въ канцелярію; все это было веселѣе, чѣмъ банкъ, но какъ тамъ, такъ и тутъ ничего я не видѣлъ впереди. Было довольно безъ меня практикантовъ, народа чернорабочаго и тѣмъ болѣе нужнаго; нѣкто Никандръ Самойловичъ Рубцовъ, родъ вице-начальника отдѣленія, старѣе меня чиномъ и гораздо старѣе лѣтами, да еще нѣсколько братьевъ Ламанскихъ, которые родились, выросли сперва въ столѣ, потомъ отдѣленіи по этой части, состарѣлись въ немъ и вѣроятно умрутъ и изъ коихъ, кажется, одному подъ конецъ дней удалось въ немъ быть начальникомъ. Другаго мѣста, кромѣ того, которое занималъ Рибопьеръ, желать я не могъ. «А гдѣ ему впередъ, думалъ я, хорошенько разглядѣвши его: безъ покровительства Гурьева не усидѣть бы ему и на этомъ мѣстѣ».

Надоѣлъ я самому себѣ, а кольми паче читателю безпрестанными повтореніями о горестяхъ и неудачахъ своихъ. Для того, устраняя себя вовсе отъ разсказа сего, примусь говорить о томъ, что̀ въ этомъ году болѣе интересовало публику, о военныхъ происшествіяхъ новой кампаніи противъ Турокъ и о великихъ перемѣнахъ по гражданской части.

Бури, свирѣпствовавшія по Дунаю, не ранѣе половины Мая дозволили Каменскому переправиться черезъ него. Кампанія открылась самымъ блестящимъ образомъ: войска, подъ начальствомъ старшаго брата главнокомандующаго, графа Сергія Михайловича (не самъ онъ, говорятъ) 24 Мая среди бѣлаго дня взяли приступомъ укрѣпленный городъ Базарджикъ. Черезъ нѣсколько дней спустя, 30 Мая, сдалась важная крѣпость Силистрія. Послѣ того армія безпрепятственно пустилась въ походъ къ Балкану. Къ несчастію, наткнулась она на Шумлу, дѣвственную твердыню, вѣчный камень преткновенія для нашихъ войскъ. Много потерялъ времени графъ Каменскій на осажденіе этого мѣста, болѣе природой, чѣмъ искусствомъ укрѣпленнаго, въ которомъ самъ визирь засѣлъ со всѣми своими вооруженными Турками. Частыя стычки, въ которыхъ Русскіе всегда имѣли верхъ, ничего не доказывали и ни къ чему не вели. Нетерпѣливый Каменскій, среди принужденнаго бездѣйствія, изнывая отъ досады, пожелалъ хотя на другомъ пунктѣ нанести непріятелю какой-нибудь новый, рѣшительный ударъ. Для того по новому направленію пошелъ онъ обратно къ Дунаю, и 22 Іюля, въ день имянинъ вдовствующей Императрицы, далъ онъ несчастно-памятный штурмъ неприступной крѣпости Рущуку.

Отраженіе непріятельское было совершенно пораженіемъ нашей арміи. О горе, о стыдъ, о дѣло неслыханное! Русскіе побитые на голову Турками! Очевидцы разсказывали, что Каменскій, увидя совершенную неудачу свою и съ отчаянья забывъ весь страхъ, жаждалъ

смерти и становился въ самыя опасныя мѣста, куда изъ крѣпости долетали непріятельскія ядра. Полагаясь на умъ, на дружбу и на усердіе Блудова, съ печальнымъ извѣстіемъ отправилъ онъ его въ Петербургъ. Онъ надѣялся, что онъ искусно будетъ умѣть ослабить впечатлѣніе, которое оно должно тамъ было произвести; это было трудно, это было невозможно. Напрасно лишилъ онъ себя Блудова: изъ числа людей его окружавшихъ, такъ мало осталось вѣрныхъ его несчастію. Какъ войско, такъ и народъ въ Россіи чрезъ мѣру любитъ побѣдителей: все готовы прощать имъ, все готовы переносить отъ нихъ, и всегда забываютъ прежнія заслуги побѣжденныхъ.

Всю жизнь прослуживши въ арміи, Каменскій не былъ знакомъ съ тонкостями выраженій, употребляемыми въ столицѣ, которыя смягчаютъ выговоръ, которыя слѣпую покорность военныхъ людей дѣлаютъ имъ сносною. Привыкнувъ самъ безропотно повиноваться начальству, онъ въ свою очередь требовалъ строгаго исполненія своихъ приказаній. Любезенъ, привѣтливъ въ обществѣ, даже съ простыми офицерами, онъ все забывалъ, когда дѣло доходило до службы, особливо во время войны. Съ усиленіемъ его тѣлесныхъ страданій, умножилась и неровность его характера, и тѣ, коимъ за нѣсколько часовъ нѣжно и грустно онъ улыбался, нерѣдко встрѣчали его съ угрозою и бранью на устахъ. Нѣсколько придворныхъ генераловъ, между коими были Уваровъ, Строгоновъ, Трубецкой, множество штабъ и оберъ-офицеровъ гвардейскихъ, прискакали въ Молдавскую армію за вѣрными успѣхами и наградами. Они болѣе затрудняли, обременяли его чѣмъ были ему въ помощь; онъ не умѣлъ довольно скрывать того и не хотѣлъ давать имъ явнаго предпочтенія передъ другими заслуженными воинами. Среди нихъ родились неудовольствія на него, возросли, умножились, и еще прежде Рущука окруженъ онъ былъ интригами, въ коихъ непослѣднее участіе принималъ Французъ, Ансельмъ-де-Жибори, котораго имѣлъ онъ слабость взять съ собою. Послѣ же этого несчастнаго дѣла, всѣ тайно противъ него возстали, и самъ старшій братъ его, этотъ гнусный, подлый и завистливый Сергій Михайловичъ публично за обѣдомъ пилъ за здоровье Бошнякъ-Аги, начальника Рущука, побѣдителя брата своего, какъ онъ его называлъ. Въ Петербургѣ чѣмъ болѣе возлагали на него надеждъ, тѣмъ менѣе прощали ему неисполненіе ихъ. Отцы семействъ, въ семъ кровопролитіи лишившіеся сыновей, кляли его за эту потерю, какъ будто онъ былъ обязанъ беречь дѣтей ихъ. Однимъ словомъ, Рущукская пушка убила вдругъ его счастье, его славу, общую къ нему любовь.

Однакоже, отдохнувъ нѣсколько времени, съ остатками войскъ пошелъ онъ противъ собравшейся новой, сильной, ободренной Турец-

кой арміи, и 26 Августа (многократными событіями памятный для Россіи день) разбилъ ее въ прахъ при селеніи Батинѣ. Вслѣдствіе сей побѣды пали послѣднія Турецкія крѣпости на Дунаѣ — Журжа и этотъ ужасный Рущукъ. Уже былъ Сентябрь, ничего новаго предпринять было невозможно, и кампанія кончилась не совсѣмъ неудачно.

Чтò происходило въ Петербургѣ, стоило Рущукскаго дѣла. Въ продолженіе цѣлаго лѣта все государственное зданіе трещало и ломилось подъ всесокрушительною и всезиждительною десницею Сперанскаго. Спокойно-величаво стоявшія дотолѣ колегіи падали одна за другою, и изъ развалинъ ихъ скромно поднимались департаменты. Уже названіе сіе перестало было присвоено цѣлому министерскому управленію, а только частямъ его, которыя наслѣдовали покойнымъ колегіямъ. Наименованіе управляющихъ экспедиціями исчезло и замѣнилось названіемъ директоровъ. Іерархія мѣстъ и лицъ сдѣлалась весьма не длинна и не сложна: министерства дѣлились на департаменты, департаменты на отдѣленія, отдѣленія на столы, коими управляли министры, директоры, начальники отдѣленій и столоначальники, точно такъ какъ во Франціи; новаго тутъ ничего не было придумано. Не все однакоже, чтò на взглядъ просто, бываетъ удобно и легко. Всѣ другія мѣста, нынѣ въ министерствахъ существующія, суть вставки сдѣланныя позже.

Названіе директора банка, которое временно и даже минутно носилъ я, не могло сдѣлать много вреда званію директора департамента: великая разница между ними была слишкомъ очевидна, и никто не сталъ бы смѣшивать перваго консула Французской республики съ нашимъ консуломъ въ Марсели. Но Сперанскій умѣлъ уронить, убить титулъ директора, при самомъ его созданіи, распространивъ его на правителей канцелярій министровъ. Это пріучило сихъ послѣднихъ видѣть во всѣхъ директорахъ простыхъ, обыкновенныхъ, хотя болѣе чиновныхъ секретарей. А эти люди въ новомъ государственномъ порядкѣ должны были представлять президентовъ колегій, изъ коихъ нѣкоторые еще недавно украшались Андреевскою лентой. Я помню изумленіе одного провинціала, недавно изъ губерніи пріѣхавшаго и давно не бывшаго въ столицѣ, который ожидалъ министра въ его пріемной; тутъ молчаливо сидѣлъ въ углу человѣкъ съ портфелемъ и съ Аннинской звѣздой, директоръ департамента Политковскій; вдругъ позвали его громко къ владыкѣ, онъ съ трепетомъ вскочилъ и съ быстротою кинулся къ нему въ кабинетъ. Мой провинціалъ не хотѣлъ вѣрить глазамъ своимъ. «Какъ, забывшись воскликнулъ онъ: у министровъ и секретари нынче въ лентахъ!»

Министры съ познаніями, съ образованіемъ понимаютъ всю важность званія начальника департамента и видятъ въ нихъ своихъ товарищей, главныхъ своихъ сотрудниковъ. Но царскій выборъ не падаетъ ли иногда на грубіяна, на невѣжду, на неуча, взятаго изъ военныхъ рядовъ, гдѣ не годился онъ? Случайно достигнувъ власти, иной не думаетъ о пользѣ, для которой она ему дана, а спѣшитъ показать ее надъ подчиненными. Ближайшими, первыми жертвами его кто? Директоры департаментовъ. Я не стану описывать ихъ мученій при объясненіи дѣлъ министру несвѣдущему, безтолковому, и между тѣмъ самонадѣянному, а буду только говорить о формѣ взаимныхъ ихъ сношеній. Во всякое время дня и ночи, министръ имѣетъ право призвать директора и заставить его заниматься. Если первый любитъ точность, то промедленіе въ явкѣ послѣдняго можетъ навлечь ему жесточайшій выговоръ, хотя бы разница была въ нѣсколькихъ минутахъ и происходила отъ невѣрности часовъ. Когда же, напротивъ, министръ распоряжается своимъ временемъ не съ великою точностію, то еще хуже для директора. Прибывъ по волѣ его въ назначенное имъ время, по нѣскольку часовъ, иногда голодный и изнуренный, принужденъ бываетъ онъ дожидаться, пока начальникъ его принимаетъ или дѣлаетъ посѣщенія, или забылъ о немъ, или занимается другимъ дѣломъ; хорошо еще, когда учтивость заставитъ его слегка предъ нимъ извиниться. Были министры, которые директорамъ своимъ говорили: «гей ты, какъ бишь тебя!» Я не говорю, чтобъ это всегда было, но иногда бываетъ и всегда безпрепятственно можетъ быть. Скажутъ, зачѣмъ же они это терпятъ и не виноваты ли они сами, когда не умѣютъ болѣе внушить къ себѣ уваженія? Въ сношеніяхъ такого рода мнѣ кажется все болѣе относится къ должности чѣмъ къ лицу: если бъ мусью Викторъ Гюго принужденъ былъ сдѣлаться моимъ камердинеромъ, и я не имѣлъ бы другаго слуги, я не знаю, почему не могъ бы я сказать ему: «братецъ, сними съ меня сапоги», можетъ, изъ уваженія къ его таланту прибавивъ «пожалуста». А тотъ кто не знаетъ по-французски и не любитъ стиховъ?

Упадокъ директорства совершился не вдругъ, а постепенно. Аристократы, которыхъ императоръ Александръ почти насильно нагналъ въ гражданское вѣдомство, вмѣсто того, чтобы его облагородить, были для него настоящею язвою. Въ малыхъ чинахъ и мѣстахъ, они ничего не дѣлали, гнушались своими сослуживцами и, поддержанные цѣлою кастою своею, ругались надъ ближайшими своими начальниками; тѣ, которые занимали высшія мѣста, сдѣлались скоро добычею бюрократовъ и Нѣмцевъ. Опытность и раболѣпство тѣхъ и другихъ должны были нравиться ихъ надменности и маловѣдѣнію. Ихъ тайно

предпочитали они людямъ благородно-рожденнымъ и благородно-мыслящимъ, покорнымъ, но не согнутымъ передъ ними; ихъ старались выводить, изъ нихъ министры выбирали директоровъ, директоры начальниковъ отдѣленій. Тщеславію аристократовъ лестно было видѣть въ чинахъ и лентахъ тѣхъ, коихъ они могли почитать своими челядинцами. Мало по малу все то, что́ сначала могло казаться злоупотребленіемъ власти, къ которому начальство не слишкомъ смѣло приступало, обратилось, наконецъ, въ общепринятый обычай. Никакого права, на которое могли бы опереться сіи беззащитные передъ министромъ, Сперанскимъ дано имъ не было, что́ не доказываетъ дурной его умыслъ, а только недальновидность. Вотъ почему нельзя винить ни министровъ, которые слишкомъ забываются, ни директоровъ, которые все переносятъ отъ нихъ: все происходитъ отъ недостатковъ въ учрежденіи министерствъ.

Государи, коимъ Сперанскій такъ долго докладывалъ и могъ бы объяснить достоинство званія директоровъ, сами видятъ въ нихъ ничто иное, какъ канцелярскихъ служителей. Не такъ давно одинъ изъ нихъ за описку въ какой-то бумагѣ былъ посаженъ на гаубтвахту и, черезъ два дня вышедъ изъ нея, вступилъ опять въ управленіе департаментомъ. Послѣ того, въ случаѣ несправедливости министра, какъ могутъ поднять они голосъ? Какой судъ могутъ они найдти? Въ этомъ случаѣ ихъ подчиненные счастливѣе: до министра ближе, чѣмъ до Бога и Царя. Обиженный директоръ, вслѣдствіе неудовольствія, не вдругъ смѣетъ подать и въ отставку; въ самодержавномъ правленіи и это можетъ быть сочтено за возмущеніе противъ власти.

Надобно посмотрѣть, какъ и нѣкоторые директоры неудовольствія свои вымещаютъ, на подчиненныхъ, какъ съ ними вознаграждаютъ они себя за претерпѣваемыя униженія! Въ свою очередь, у себя дома или въ департаментѣ, какъ мастерски перенимаютъ они роль у министровъ! Лучше всѣхъ изъ нихъ выполняютъ сіе аристократы, когда случайно занимаютъ такія должности, какъ недавно видѣли мы сіе въ Рибопьерѣ. Имъ удобнѣе то дѣлать; подобострастіе къ министру, въ которомъ не уступаютъ они бюрократамъ, цѣнится гораздо выше, и они служащихъ подъ ихъ начальствомъ рѣшительно подавляютъ своею спѣсью. Тѣ, которые до директорства дошли изъ низкаго состоянія, поступками своими напоминаютъ Римскихъ отпущенниковъ, affranchis. Все министерское управленіе у насъ состоитъ изъ деспотовъ. Сперанскій говорилъ, что точно также и во Франціи; но тамъ была революція, а насъ Богъ избавилъ отъ нея.

Если ни аристократовъ, ни бюрократовъ ты не хочешь въ министерствахъ, могутъ спросить у меня, то кого же тебѣ надобно? Дво-

рянъ, природныхъ, наслѣдственныхъ Русскихъ дворянъ; кажется, въ нихъ недостатка нѣтъ. Если между знатными покажутся выродки, чего однакоже мнѣ почти никогда не случалось видѣть, то почему не сажать ихъ въ Сенатъ, а по испытаніи ихъ способностей и еще болѣе патріотизма, не дѣлать и министрами? Вообще нашей знати въ такомъ видѣ, въ которомъ она находится, должны принадлежать исключительно гофмаршальство, камергерство, придворные чины, золотые мундиры и блескъ. Первыя и вторыя мѣста въ государственномъ управленіи должны быть достояніемъ однихъ родовыхъ дворянъ; средніе и низшіе пусть займутъ семинаристы. Дѣти ихъ уже могутъ идти на ряду съ старинными, такъ называемыми у насъ столбовыми дворянами. Сперанскаго указы все перепутали: придворныхъ разослали по канцеляріямъ, а дворецъ наполнился разночинцами, людьми съ странными и неслыханными именами, отъ которыхъ стало въ немъ и душно, и смрадно. Все умѣлъ уронить этотъ человѣкъ. Зачѣмъ было смѣшивать то, что́ при Екатеринѣ и ея предшественникахъ такъ мудро было раздѣлено?

Вмѣсто повѣствованія пустился я болѣе въ разсужденія; но какъ они не чужды предмету разсказа моего, то, не перескакивая, могу къ нему воротиться.

Ни къ одному изъ министерствъ не было отмежевано столько департаментовъ, какъ министерству финансовъ. Такъ какъ я служилъ въ немъ, то позволю себѣ здѣсь ихъ изочесть. 1) Департаментъ внѣшней торговли, бывшая комерцъ-колегія, до того министерство; 2) департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, бывшая бергъ-колегія, съ соляною частію, у министерства внутреннихъ дѣлъ отнятою; 3) департаментъ податей и сборовъ, въ который поступили дѣла бывшей камеръ-колегіи; 4) департаментъ казначейства, часть, коею управлялъ дотолѣ государственный казначей, почти министръ и перешедшій въ званіе простаго директора; 5) вновь учрежденный департаментъ государственныхъ имуществъ, составленный изъ бывшаго лѣснаго департамента и частей по разнымъ другимъ вѣдомствамъ разсѣянныхъ и, наконецъ 6) канцелярія, которая обширностію своею могла равняться съ другими департаментами. Сверхъ того три банка: заемный, асигнаціонный и комерческій. Двигателей сей огромной машины, въ составѣ которой, въ продолженіе болѣе тридцати лѣтъ, происходило мало измѣненій, если не считать Сперанскаго, было всего два человѣка.

Что̀ касается до Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, которое Сперанскій любилъ, образовалъ, въ которомъ пять лѣтъ служилъ онъ управляющимъ экспедиціей государственнаго благоустройства (переименованной имъ въ департаментъ полиціи исполнительной), то оно

какъ будто попало къ нему въ немилость. Онъ раскололъ его на двое, второй половинѣ давъ названіе Министерства Полиціи. Точно также было и у Наполеона, слѣдственно и въ этомъ видно одно только подражаніе. Преобразователь Россіи забылъ или не хотѣлъ вспомнить, что въ положеніи двухъ императоровъ была великая разница. Двѣ трети подданныхъ Наполеона почитали его хищникомъ престола и всегда готовы были къ заговорамъ и возмущеніямъ: пока онъ сражался съ внѣшними врагами своими, для удержанія внутреннихъ былъ ему необходимъ искусникъ Фуше. То ли самое было въ Россіи? Сперанскому сильно того хотѣлось и, можетъ быть, преступныя желанія свои принималъ онъ за существенность. Какъ бы то ни было, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, которое при Кочубеѣ и Куракинѣ, равно какъ и вездѣ, во всѣхъ другихъ Европейскихъ государствахъ, почиталось всегда первымъ, никогда не могло подняться послѣ удара, въ семъ году ему нанесеннаго. Играя въ департаменты, иногда дѣлало оно нѣкоторыя пріобрѣтенія, но подъ конецъ всегда оставалось въ проигрышѣ и безпрестанно коротѣло.

Мы видѣли, какъ въ предыдущемъ 1809 году изъ экспедиціи водяныхъ комуникацій скоро передѣлано было для принца Георгія Ольденбургскаго новое министерство, подъ именемъ главной дирекціи путей сообщенія. Въ этомъ году родилось еще три министерства: полиціи, о коемъ сейчасъ говорено, государственный контроль и главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Сперанскій разъ навсегда показалъ, сколь мало затруднительно и даже какъ удобно въ Россіи кроить и перешивать министерства и департаменты. Сколько разъ потомъ видѣли мы, какъ послѣднихъ производили въ первые, а первымъ велѣли быть послѣдними. Еслибъ умноженіе дѣлъ и сложность ихъ, для быстрѣйшаго ихъ производства, непремѣнно требовали умноженія мѣстъ и вѣдомствъ, то кто бы сталъ не одобрять сего, какъ мѣръ, принимаемыхъ мудростію правительства? Но какъ мы видимъ часто, что сіе дѣлается лишь въ удовлетвореніе честолюбія любимцевъ царскихъ, то какъ не пожалѣть о казнѣ и не опасаться еще болѣе путаницы въ дѣлахъ? Управленіе Россійской имперіи похоже на новую ея столицу: все идетъ ломка и перестройка.

Изъ прежняго министерства Внутреннихъ Дѣлъ оставили новому только два департамента: бывшую экспедицію государственнаго хозяйства, въ которой нѣкоторое время я занимался и изъ которой коечто повыбрали, чтобъ отдать Министерству Финансовъ, да еще почтовый департаментъ, недавно въ сіе министерство поступившій и называвшійся дотолѣ главнымъ почтовымъ правленіемъ. Чтобы скольконибудь скрыть худобу его, сочинили ему третій департаментъ, кото-

рому не умѣли сыскать другаго названія, какъ хозяйственнаго, хотя былъ уже департаментъ государственнаго хозяйства, чтó сначала въ перепискѣ много спутывало губернаторовъ. Департаментъ сей долженъ былъ заниматься по дѣламъ приказовъ общественнаго призрѣнія и богоугодныхъ заведеній, отъ нихъ зависящихъ.

Не знаю, подъ какими предлогами князя Куракина цѣлое лѣто держали въ Парижѣ. Во время отсутствія его происходили всѣ большія перемѣны въ его министерствѣ, съ согласія и, говорятъ, съ участіемъ товарища его Козодавлева, которому въ награду за покорность обѣщано было его мѣсто. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Козодавлевъ согласился бы управлять и отдѣленіемъ, еслибъ только оному было дано названіе министерства. По возвращеніи осенью, найдя министерство свое разсѣченнымъ, оборваннымъ, Куракинъ, несмотря на любовь свою къ власти и почестямъ, отказался отъ него, какъ товарищъ его сіе предусмотрѣлъ, и сей послѣдній получилъ его мѣсто.

Приверженцы Куракина облагодѣтельствованнаго имъ преемника его обвиняли въ предательствѣ. Но кто же себѣ добра не желаетъ?

Кажется, я уже познакомилъ читателя съ Осипомъ Петровичемъ; только боюсь, неумышленно не далъ ли я объ немъ худаго мнѣнія, котораго, право, я самъ вовсе не имѣлъ. Не все хорошо въ людяхъ, не все и худо. Слабость, которую раздѣлялъ онъ съ большею частію людей, занимающихъ въ Петербургѣ высшія мѣста, конечно являлась въ немъ нѣсколько въ преувеличенномъ видѣ: онъ любилъ Дворъ до обожанія и для полученія милости Царя или даже хорошаго расположенія его приближенныхъ, готовъ онъ все былъ сдѣлать. Знакомые его могли на немъ, какъ на барометрѣ, справляться о состояніи придворной атмосферы. Готовыя мнѣнія получалъ онъ прямо изъ дворца или изъ кабинета Сперанскаго и никакихъ другихъ себѣ не позволялъ. Я помню сначала, какъ онъ съ женой не произносилъ никогда имени Наполеона безъ почтительнаго восклицанія. Нѣкоторое время, гораздо позже и то недолго, либеральныя идеи были въ модѣ при Дворѣ: изъ раболѣпнаго подражанія находилъ онъ тогда холопскія чувства въ нѣкоторыхъ басняхъ Крылова. Чтó это все доказываетъ, если не вѣрноподданничество, которое съ нынѣшними испорченными понятіями только можетъ казаться страннымъ? Корыстолюбіе его, впрочемъ, весьма умѣренное, никто не думалъ порицать: всякій зналъ, что онъ предается ему не съ намѣреніемъ обогатиться, не изъ алчности къ прибыли, а для поддержанія высокаго сана, на который былъ онъ поставленъ. Еслибы императоръ Александръ былъ пощедрѣе къ своимъ министрамъ, то нѣкоторымъ изъ нихъ не нужно было бы прибѣгать къ средствамъ, не совсѣмъ одобряемымъ строгою нравственностію.

Козодавлевъ былъ литераторъ и членъ Россійской Академіи. Ему нужно было щегольнуть словесностію въ министерствѣ своемъ: для того учредилъ онъ при немъ газету, подъ именемъ *Сѣверной Почты*, и самъ наблюдалъ за ея изданіемъ. Весьма мало заграничныхъ извѣстій помѣщалось въ сей газетѣ, все изъ опасенія, чтобы не проврáться; за то всѣ столбцы ея наполнялись статьями о свекловицѣ и кунжутѣ, и о средствахъ изъ сихъ растеній выдѣлывать сахаръ и масло. Послѣ того начали появляться въ ней мериносы, шерсть и суконныя фабрики *). Запретительная система была тогда во всей своей силѣ, и онъ старался доказывать, сколь выгодно произведенія иностранной промышленности замѣнять отечественными.

Я не скрылъ его недостатковъ; послѣ того грѣшно бы было умолчать о его любезныхъ, въ столичномъ мірѣ рѣдкихъ, свойствахъ. Онъ былъ по истинѣ добрѣйшій человѣкъ, не зналъ ни злобы, ни зависти: надобно было видѣть его радость, когда узнавалъ онъ о чьемъ-нибудь повышеніи, о чьихъ либо успѣхахъ! Когда же самому удавалось ему выпрашивать награды, спасать кого отъ бѣды, то онъ совершенно бывалъ счастливъ. Безъ всякаго притворства былъ онъ исполненъ религіозныхъ чувствъ; послѣ конечно это пригодилось ему; но онъ показывалъ набожность, когда еще она не была въ модѣ. Какъ было разгадать его? Онъ былъ уменъ, просвѣщенъ, добръ, христолюбивъ, а со всѣмъ тѣмъ!... Можетъ-быть, добротою сердца своего измѣряя пучину благости Господней, онъ болѣе надѣялся на милосердіе Его, чѣмъ на правосудіе. Со мною продолжалъ быть онъ ласковъ, когда сдѣлался министромъ; но по наговору окружающихъ, почитая меня человѣкомъ неуживчивымъ, вѣчно недовольнымъ, слышать не хотѣлъ, чтобы имѣть меня подъ своимъ начальствомъ.

Министерство полиціи, составленное только изъ двухъ департаментовъ (полиціи исполнительной и медицинской), было чрезвычайно сильно небольшою прибавкой, въ немъ сдѣланною, какъ иногда въ письмѣ post-scriptum изображаетъ всю важность цѣли его. Сія прибавка названа Особою Канцеляріей.

Многіе видѣли въ ней возрожденіе Тайной Канцеляріи, стыда и ужаса прошедшихъ временъ Россіи, при коронаціи Александра его благостію уничтоженной. Для чего было создавать ее вновь? Посредствомъ ея чтò можно было узнавать и удерживать? Вся Россія сдѣлалась нескромною, злилась на Государя своего, а все-таки, безъ памяти его любя, готова была всѣмъ ему пожертвовать.

*) Я было и забылъ сказать, что въ послѣдствіи увеличили его министерство присоединеніемъ къ нему мануфактуръ-колегіи, названной департаментомъ мануфактуръ и внутренней торговли.

Со времепъ царя Ивана Васильевича Грознаго секретною этою частію почти всегда у насъ завѣдываютъ Нѣмцы. Мы находимъ въ исторіи, что какой-то Колбе, да еще пасторъ Вестерманъ и многіе другіе плѣнники, желая мстить Русскимъ за ихъ жестокости въ Лифляндіи, добровольно остались при ихъ мучителѣ и составили изъ себя особаго рода полицію. Они тайно и ложно доносили на бояръ, на всякаго рода людей и были изобрѣтателями новыхъ истязаній, коими возбуждали и тѣшили утомленную душу лютаго Іоанна. Съ тѣхъ поръ ихъ родъ не переводился ни въ Москвѣ, ни въ цѣлой Россіи. Всякому новому вѣнценосцу предлагали они услуги свои, и чѣмъ власть его была колеблемѣе и сомнительнѣе, тѣмъ вліяніе ихъ становилось сильнѣе, какъ сіе видно при Годуновѣ и Лжедимитріѣ. Оставляя въ сторону кровавое ихъ могущество при Петрѣ и Биронѣ, въ новѣйшія времена находимъ мы имена Шварца, Толя, Эртеля гремящими въ полицейскихъ лѣтописяхъ. Можно было ожидать, что Нѣмецъ будетъ министромъ полиціи; но на этотъ разъ Небо избавило отъ того Россію.

Должность сія поручена была человѣку, который успѣлъ выказать способности свои въ званіи, сперва Московскаго, затѣмъ Петербургскаго оберъ-полицеймейстера. Природа дала все Александру Дмитріевичу Балашову, въ замѣнъ пріятности наружной, въ которой отказала ему; дала ему все что̀ нужно для успѣховъ: хитрость Грека, смѣтливость и смѣлость Русскаго, терпѣніе и скромность Нѣмца. Въ ученомъ смыслѣ, какъ всѣ тогда въ Россіи, получилъ онъ плохое образованіе; но, по мѣрѣ возвышенія въ чинахъ и мѣстахъ, болѣе чувствовалъ онъ потребности въ познаніяхъ, кидался на нихъ съ жадностію и съ быстротою все пожиралъ. Заронись одна благородная искра въ этотъ необыкновенный умъ, воспламени его, и отечество гордилось бы имъ.

Я его помню еще тогда, когда онъ служилъ въ Москвѣ и былъ болѣе товарищемъ, чѣмъ начальникомъ зятя моего Алексѣева. Онъ жилъ съ нимъ весьма дружно и часто посѣщалъ его: видно, правда, что оконечности охотно сходятся. У одного ни одной заповѣдной думы не оставалось на душѣ, все выходило на языкъ; другой, совсѣмъ не молчаливый, однакоже, бывало, не выронитъ лишняго слова. Онъ ростомъ былъ малъ, только что не безобразенъ, и черты лица его были неблагородно выразительны; а когда послушаешь его немного, то начнешь и смотрѣть на него съ удовольствіемъ. Никакого умничанья, умствованія, витійства онъ себѣ не позволялъ, ничего любезнаго, трогательнаго не было въ его разговорахъ, а все было просто, хорошо и умно. Свѣтлый зимній день имѣетъ также свои пріятности; рѣчи Бала-

шова были столь же ясны, какъ его разсудокъ и такъ же холодны, какъ душа его...

Онъ былъ женатъ сперва на одной дѣвицѣ Коновницыной, которая оставила ему дѣтей и весьма хорошее имущество; потомъ женился онъ въ другой разъ на дѣвицѣ Бекетовой, которая была еще гораздо богаче первой жены его, и онъ сими двумя состояніями пока довольствовался, когда его сдѣлали министромъ.

Доказательствомъ удивительной его ловкости служитъ то, что онъ успѣвалъ въ своихъ намѣреніяхъ, никогда не придерживаясь ни Сперанскаго, ни Аракчеева; послѣдній почиталъ его даже врагомъ своимъ и старался ему вредить. Въ началѣ 1809 года удалось ему уже спихнуть начальника своего, безпокойнаго князя Лобанова, и самому сѣсть на его мѣсто; это еще первый примѣръ человѣка изъ оберъ-полицеймейстеровъ поступающаго прямо въ военные губернаторы столицы; съ симъ назначеніемъ вмѣстѣ произвели его генералъ-лейтенантомъ и генералъ-адъютантомъ. Съ опредѣленіемъ въ министры сохранилъ онъ и должность С.-Петербургскаго военнаго губернатора.

По секретной части, въ такъ-называемой Особой Канцеляріи, однакоже дѣло не обошлось безъ Нѣмца. Правителемъ сей канцеляріи (еще пока не директоромъ) назначенъ былъ надворный совѣтникъ Яковъ де-Санrленъ, вѣроятно потомокъ одной изъ Французскихъ фамилій, которыя бѣжали въ Германію во время гоненій на реформатскую вѣру. Передъ тѣмъ, кажется, былъ онъ частнымъ приставомъ и прославился наглостію, подлостію и проворствомъ своимъ. Не знаю, отъ того ли, что Русскіе были тогда избалованы Александромъ или отъ того, что они чувствовали себя сильными единодушіемъ своимъ, единомысліемъ, только никто изъ нихъ не хотѣлъ скрывать глубокаго презрѣнія къ такого рода людямъ. Сколь ни опасенъ, сколь ни страшенъ для каждаго изъ нихъ былъ этотъ де-Санrленъ, никто не хотѣлъ ни говорить съ нимъ, ни кланяться ему.

Государственный контроль было единственное изъятіе, сдѣланное изъ прежняго Министерства Финансовъ. Когда о сю пору губернскій контроль остается только частію казенной палаты, то право не знаю, зачѣмъ бы общую ревизію счетовъ отдѣлять отъ министра, отъ котораго казенныя палаты зависятъ? Что̀ могло побудить къ тому Сперанскаго? Развѣ желаніе доставить министерское мѣсто пріятелю своему, прежнему сослуживцу (надѣюсь не соумышленнику) Кампенгаузену. Части, составлявшія контроль, были столь малы, что Сперанскій посовѣстился дать имъ названіе департаментовъ, а оставилъ ихъ по прежнему экспедиціями. Само министерство, не получивъ наименованія сего, образовалось въ видѣ какой-то просто отдѣльной части: самъ

Кампенгаузенъ принялъ титулъ не министра, а государственнаго контролера *).

Онъ съ великою пользою могъ бы занять и не столь пустую должность. Съ умомъ сухимъ, холоднымъ, но весьма обширнымъ, съ характеромъ твердымъ, соединялъ онъ старинную, прежнюю, пространную, добросовѣстную Нѣмецкую ученость, неутомимость въ трудахъ и всѣ познанія, нужныя для государственнаго человѣка. Ему бы быть министромъ финансовъ, а не Гурьеву; но и самъ Сперанскій не всегда могъ противиться дворцовымъ интригамъ, къ тому же часть сію въ Совѣтѣ взялъ онъ подъ непосредственную свою опеку. Кампенгаузенъ былъ управляющимъ третьею или медицинскою экспедиціей въ первоначальномъ департаментѣ внутреннихъ дѣлъ, когда Сперанскій управлялъ второю, а Габлицъ первою. Потомъ былъ онъ градоначальникомъ въ Таганрогѣ, котораго и можно почитать его настоящимъ основателемъ. Оттуда прямо онъ переведенъ министромъ.

Главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностраннаго исповѣданія сначала было еще миніатюрнѣе государственнаго контроля. Это министерство было ни что́ иное, какъ одинъ человѣкъ, для котораго оно было создано. Исторія этого человѣка любопытна, занимательна. Какъ бы у насъ ни чванились князья безъ состоянія и безъ чиновъ, никто на нихъ смотрѣть не хочетъ, даже богатые ихъ однофамильцы; хвала тѣмъ, кои, отбрасывая родовое пусточванство, принимаются за дѣло и становятся, наконецъ, на ряду, иногда и выше другихъ знатныхъ. Одинъ изъ бѣднѣйшихъ князьковъ Голицыныхъ отданъ былъ малолѣтнымъ въ Пажескій корпусъ. Онъ былъ мальчикъ крошечный, веселенькій, миленькій, остренькій, одаренный чудесною мимикой, искусствомъ подражать голосу, походкѣ, манерамъ особъ каждаго пола и возраста. Весьма близкая къ императрицѣ Екатеринѣ, старая, довѣ-

*) Осенью 1810 года случился одинъ забавный анекдотъ, который ходилъ по цѣлому городу. Молоденькій армейскій офицеръ стоялъ въ караулѣ у одной изъ Петербургскихъ заставъ. Тогда былъ обычай, какъ и нынѣ, у проѣзжающихъ въ городскихъ экипажахъ, не требуя вида, спрашивать объ именахъ и записывать ихъ; какой-то проказникъ вздумалъ назвать себя Рохусъ Пумперникель, шутовская роль въ извѣстной тогда Нѣмецкой комедіи. Почему было знать и какая нужда была знать офицеру о существованіи этой комедіи? Но внесеніе Рохуса въ вечерній рапортъ было приписано его глупости и невѣжеству. Онъ былъ осужденъ на безсмѣнный караулъ по заставамъ, пока не отыщется дерзновенный, осмѣлившійся наругаться надъ распоряженіями правительства. Ѣдетъ въ коляскѣ съ дачи худенькій человѣкъ; его спрашиваютъ, какъ зовутъ его; онъ отвѣчаетъ: баронъ фонъ-Кампенгаузенъ. Имя и отчество? Балтазаръ Балтазаровичъ. Чинъ и должность? Государственный контролеръ. „Тебя-то, голубчикъ, мнѣ и надобно!“ воскликнулъ бѣдный офицеръ и, вытащивъ министра изъ коляски, посадилъ его подъ стражу и немедленно донесъ о томъ по начальству. Увѣряли, что офицера перевели за то въ гарнизонный полкъ.

ренная ея камеръ-юнгфера Марья Савишна Перекусихина какъ-то узнала его, полюбила, тѣшилась забавнымъ мальчикомъ и, наконецъ, представила его государынѣ, которая, какъ извѣстно, чрезвычайно любила дѣтей, что̀ обыкновенно служитъ лучшимъ признакомъ добросердечія. Это составило счастіе маленькаго князя Александра Николаевича. Какое умственное образованіе можно было получать въ пажескихъ корпусахъ вообще? Всегда были они только школами затѣйливыхъ шалостей. Вѣрные первоначальной цѣли учрежденія своего, пышности двора, совсѣмъ не государственной пользы, пажи хорошо только выучивались танцовать, фехтовать, ѣздить верхомъ. Не знаю, въ семъ послѣднемъ успѣвалъ ли нашъ Голицынъ, только въ немъ не было замѣтно и тѣни склонности къ военному ремеслу. Онъ рожденъ былъ для Двора. Счастливымъ случаемъ въ него попавъ ребенкомъ, воспитанный, такъ сказать, у юбки Марьи Савишны, онъ навсегда долженъ былъ въ немъ оставаться. Это не избѣжало отъ благосклоннаго и проницательнаго взгляда Екатерины: когда она женила шестнадцатилѣтняго любимаго внука своего Александра и составила ему маленькій дворъ, то помѣстила въ него Голицына, изъ камеръ-пажей пожаловавъ его прямо въ камеръ-юнкеры и доставивъ ему средства прилично себя содержать. Съ нѣжностію его чувствъ, какъ было не прилѣпиться ему ко внуку своей благодѣтельницы и съ забавнымъ его умомъ, какъ не полюбиться молоденькому царевичу! Павелъ произвелъ его сначала камергеромъ; а потомъ, за годъ до своей кончины, по какому-то неудовольствію на сына, отставилъ отъ службы, выслалъ и изъ особой милости дозволилъ жить въ Москвѣ.

Первый призванный въ Петербургъ, по воцареніи Александра, былъ разумѣется, жертва преданности къ нему, веселіе его домашней жизни. Князь Голицынъ былъ столько скроменъ, благоразуменъ, что сперва ничего не желалъ, ничего не требовалъ, кромѣ счастія ежедневно находиться при Царѣ, наслаждаться его лицезрѣніемъ, иногда разсѣевать, если нужно, грусть его. Но не таковъ былъ разсчетъ Государя: между окружающими его не хотѣлъ онъ видѣть ни единаго празднаго царедворца. У князя Александра Николаевича была одна изъ тѣхъ камергерскихъ, пустопорозжихъ головъ, которыя императоръ Александръ, на перекоръ природѣ и воспитанію, хотѣлъ непремѣнно удобрить, вспахать, засѣять дѣловыми, государственными идеями. Это лужочки, которые весьма удобно покрываются цвѣтами; но на неблагодарной почвѣ ихъ посади сѣмяна полезныхъ овощей, и они почти всегда поростутъ дурманомъ. Только сначала куда было ему въ слѣдъ за Новосильцовыми, Строгановыми, Чарторижскими лѣзть на министерство. Творя волю пославшаго его въ Сенатъ, онъ тамъ посидѣлъ

за оберъ-прокурорскимъ столомъ, потомъ самъ сдѣлался оберъ-прокуроромъ. Съ помощію добрыхъ или недобрыхъ людей, имъ тамъ найденныхъ, онъ, видно, этимъ дѣломъ какъ-то поладилъ.

Апетитъ, говорятъ, приходитъ съ ѣдою: вотъ моего князя взяла честолюбивая зâчесь; а почему бы и ему не въ министры?

Должность оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода сдѣлалась вакантною; это не министерство, но легко можно изъ того сотворить отдѣльную часть. Дотолѣ синодальные оберъ-прокуроры, точно также какъ и сенатскіе, находились въ зависимости генералъ-прокурора и наслѣдовавшаго ему министра юстиціи. При полученіи сего мѣста, Голицынъ выпросилъ себѣ званіе статсъ-секретаря и право вносить доклады свои прямо къ Государю, безъ посредства какого-либо министра. Въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ архіереями и монахами, какъ старѣющая дѣва, теряющая прелести свои, началъ онъ помаленьку вдаваться въ набожность; сперва пріятнымъ образомъ занимали его одни церковные обряды, наконецъ, совсѣмъ къ тому не приготовленный, принялся онъ разсуждать о догматахъ. Прошло нѣсколько годовъ, и однихъ православныхъ служителей церкви ему сдѣлалось мало. Министерства Духовныхъ Дѣлъ тогда учредить не рѣшались: это было бы уже слишкомъ явно духовную власть подчинить мірской. Гораздо удобнѣе было сдѣлать сіе съ духовенствомъ терпимыхъ вѣръ христіанскихъ и нехристіанскихъ, и потому-то, оставаясь синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, назначенъ былъ онъ главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

Этотъ добрый, этотъ бѣдный князь дѣлался всегда собственностію людей при немъ находившихся: то сумасбродовъ, то злоумышленниковъ, то невѣждъ, то изувѣровъ, и дѣянія его тотчасъ окрашивались ихъ мнѣніями и характеромъ. Неисчислимо зло, причиненное цѣлому государству симъ кроткимъ созданіемъ, которое, какъ слонъ Крыловой басни, съ умысломъ бы мухи не обидѣло. Дѣло чудное, примѣчанія достойное! Всѣ тѣ, кои были его двигателями, всѣ тѣ, кои направляли его къ посягательству на священныя права нашей вѣры, всѣ они печальнымъ, даже несчастнымъ образомъ кончили поприще свое. Правосудное Небо какъ будто ихъ всѣхъ карало: изъ нихъ кто сосланъ былъ въ Сибирь, кто сошелъ съ ума, кто живетъ въ заточеніи, кто подвергъ себя добровольному изгнанію; его одного доселѣ щадило оно, какъ бы невѣдавшаго чтó творилъ. Много бы говорить объ немъ; но здѣсь не мѣсто: не одинъ разъ найдется оно, если только Записки сіи продлятся.

Послѣ князя Голицына, первымъ чиновникомъ въ главномъ управленіи сдѣланъ былъ многогрѣченный Александръ Тургеневъ, который

придумалъ для себя названіе управляющаго перепиской, ибо съ самаго начала въ карманномъ министерствѣ не было ни единой экспедиціи, ни единаго отдѣленія, а только небольшая канцелярія, зародышъ департамента, мнѣ послѣ столь коротко знакомаго.

X.

Первый цвѣтъ моей молодости увялъ, и я бы могъ тогда уже сказать съ Державинымъ:

Не сильно нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ.

Не столько уже я любилъ театръ, и это замѣтить можно изъ того, что во всей этой части Записокъ моихъ ни разу не упомянулъ объ немъ. А все-таки довольно часто бывалъ онъ для меня развлеченіемъ въ горестномъ положеніи моемъ.

Послѣ того, что̀ въ послѣдній разъ говорилъ я о Петербургской Французской труппѣ, сдѣлала она много богатыхъ пріобрѣтеній и все становилась лучше. Не смотря на общее недоброжелательство къ Наполеоновой Франціи, лучшая публика продолжала Французскій театръ предпочитать всѣмъ прочимъ. Пріѣхавшая въ 1805 году дѣвица Туссенъ, послѣ того госпожа Туссенъ-Мезьеръ, было такое чудо, которому подобнаго въ роляхъ субретокъ я никогда не видалъ: непонятно, какъ выпустили ее изъ Франціи. Въ Парижѣ могла бы она поспорить съ дѣвицею Марсъ, хотя и выполняла неодинаковыя съ нею роли. Вмѣсто состарѣвшагося Лароша, явился въ комедіи еще нестарый Дюранъ. Въ немъ было что-то приготовленное, манерное, болѣе выученное чѣмъ естественное; это однакоже не мѣшало ему нравиться старымъ барынямъ съ молодымъ сердцемъ, и его искусственная къ нимъ любовь, говорятъ, не менѣе того ихъ плѣняла. Старикъ Фрожеръ изъ сценическихъ шутовъ перешелъ въ комнатные, въ домашніе..

Трагедія Французская въ Петербургѣ высоко вознеслась въ 1808 году прибытіемъ или, лучше сказать, бѣгствомъ изъ Парижа, казалось, самой Мельпомены. Что̀ бы ни говорили новыя поколѣнія, какъ бы ни брезгали Французы старѣвшимся искусствомъ дѣвицы Жоржъ, подобнаго ей не скоро они увидятъ. Голова ея могла служить моделью еще болѣе ваятелю, чѣмъ живописцу: въ ней виденъ былъ типъ преж-

ней Греческой женской красоты, которую находимъ мы только въ сохранившихся бюстахъ, на древнихъ медаляхъ и барельефахъ, и которой форма какъ будто разбита или потеряна. Самая толщина ея была пріятна въ настоящемъ, только страшила за нее въ будущемъ: замѣтно было, что ея развитіе со временемъ много грацій отыметъ у ея стана и движеній. Болѣе всего въ ней очаровательнымъ казался мнѣ голосъ ея, нѣжный, чистый, внятный; она говорила стихи нараспѣвъ, и то, чтò восхищало въ ней, въ другой было бы противно. Въ игрѣ ея было не столько нѣжности, сколько жара; въ *Герміонѣ*, въ *Роксанѣ*, въ *Клитемнестрѣ*, вездѣ, гдѣ нужно было выразить благородный гнѣвъ или глубокое отчаяніе, была она неподражаема. Ксавье, великанъ въ юпкѣ, не стыдилась показываться вмѣстѣ съ ней; однакоже, какъ должно было страдать ея самолюбіе, видя всѣхъ прежнихъ рукоплескателей своихъ превратившихся въ шикателей!

Для забавы друга своего Александра, въ Эрфуртѣ, и на удивленіе толпы прибывшихъ туда королей, Наполеонъ выписалъ изъ Парижа труппу лучшихъ комедіантовъ. Между ними Русскому императору болѣе всѣхъ игрой полюбилась дѣвица Бургоэнь; замѣтивъ то, Наполеонъ велѣлъ ей отправиться въ Петербургъ, чего сама она внутренно желала. Замѣчено, что Парижскіе актеры охотно мѣняютъ его только на Петербургъ, и Россія есть единственная страна, которая оттуда умѣетъ сманивать великіе таланты. Щедрѣе ли другихъ она платитъ, или касаясь предѣловъ Китая и Персіи, по весьма извинительному честолюбію въ артистахъ, надѣются они, что черезъ нее лишь слава ихъ можетъ достигнуть до концовъ вселенной? Публикѣ мамзель Бургоэнь очень полюбилась; но Царь и дворъ его не обратили на нее особеннаго вниманія. Она также играла на обѣ руки, молодыхъ дѣвицъ и женщинъ въ комедіяхъ и трагедіяхъ. Одинъ изъ зрителей, весьма энергически, совершенно по-русски, прозвалъ ее настоящею разбрвой; и дѣйствительно, при милой ея рожицѣ и отличномъ талантѣ, въ ней было что-то черезъ-чуръ удалое. Когда она играла пажа въ *Фигаровой Женитьбѣ*, всѣ были отъ нея безъ памяти; когда же хотѣла быть трогательною въ *Ифигеніи*, невольно располагала всѣхъ къ смѣху. Года полтора или два она оставалась въ Петербургѣ, потомъ соскучилась о Парижѣ и въ него вернулась.

Вмѣстѣ съ Жоржъ бѣжалъ къ намъ первый Парижскій танцовщикъ Дюпоръ. О причинахъ ихъ бѣгства, о связи ихъ, о чей-то ревности, о чьихъ-то преслѣдованіяхъ, о всѣхъ по сему случаю закулисныхъ интригахъ мнѣ подробно тогда разсказывали; но, признаюсь, я ничего не припомню, и, право, кажется, нѣтъ въ томъ большой надобности. Самого же Дюпора я никакъ не забылъ: какъ теперь гляжу

на него. Всѣ тѣлодвиженія его были исполнены пріятности и быстроты; не весьма большого роста былъ онъ плотенъ и гибокъ, какъ резиновый шаръ; полъ, на который падалъ онъ ногою, какъ будто отталкивалъ его вверхъ; бывало, изъ глубины сцены на ея край въ три прыжка являлся онъ передъ зрителями; послѣ того танцы можно было болѣе назвать полетами. Въ короткое время образовалъ онъ шестнадцати или семнадцатилѣтнюю танцовщицу, Данилову, въ которую скоро влюбился весь Петербургъ и которая была превыше всего, что въ этомъ родѣ онъ дотолѣ видывалъ. Страсть къ ней зрителей желая удовлетворить и деспотически распоряжаясь своими воспитанницами, дирекція безпрестанно заставляла ее показываться, не давъ ей распуститься, убила ее во цвѣтѣ, и она погибла, какъ бабочка, проблиставъ одно только лѣто. Для образованія ея Дюпоръ, какъ увѣряли, употреблялъ гораздо болѣе нѣжныя средства, чѣмъ жестокосердый Дидело, который между тѣмъ все продолжалъ быть балетмейстеромъ. Сообразуясь съ новымъ вкусомъ, онъ началъ ставить на сцену одни только анакреонтическіе балеты, тѣмъ болѣе, что Дюпоръ въ нихъ однихъ соглашался танцовать. Исключая Даниловой, были тогда еще двѣ замѣчательныя Русскія танцовщицы; одна изъ нихъ, гораздо прежде на сценѣ и гораздо старѣе лѣтами, должна была вдругъ остаться почти безъ употребленія. Съ выразительными чертами лица, съ прекрасною фигурой, съ величавою поступью, Колосова, лучше чѣмъ языкомъ, умѣла говорить пантомимой, взорами, движеніями; но трагическіе балеты брошены, и нашей Медеѣ ничего не оставалось, какъ, пожимая плечиками плясать по-русски. Другая, Иконина, была хороша собою, высока ростомъ, молода, стройна, неутомима и танцовала весьма правильно; но всякій разъ, что появлялась, заставляла со вздохомъ вспоминать о Даниловой. Вдругъ напала на нее ужасная худоба, румяна валились съ ея сухихъ и блѣдныхъ щекъ, и она сдѣлалась настоящимъ скелетомъ. Тогда еще менѣе она стала нравиться, ибо кому пріятно смотрѣть на пляску мертвецовъ?

Менѣе всего въ послѣднія семь или восемь лѣтъ произошло перемѣнъ во Французской операѣ. Все таже Филисъ продолжала царствовать въ ней съ своимъ ничтожнымъ Андріё, какъ бы какая нибудь Англинская королева съ какимъ нибудь Кобургскимъ принцемъ. Голосъ ея, кажется, сдѣлался еще сильнѣе, ея искусство еще усовершенствовалось; только одного лица ея годы не пощадили. Она не хотѣла никакого соперничества и къ одинаковымъ съ своими ролямъ подпускала только сестру свою Бертень, да старую Монготье. Попыталась было дочь знаменитаго композитора Пиччини, довольно изрядная пѣвица, показаться въ операхъ отца своего; куда! Филисъ съ своимъ семей-

ствомъ и съ своею партіей скоро ее выжила. Она даже не хотѣла другаго тенора, какъ мужа; но это было рѣшительно невозможно; наконецъ, онъ сталъ просто говорить подъ музыку. Тогда два порядочные пѣвца, Дюмушель и особенно Лебланъ, приняты дирекціей. Одно семейство, которое знало Филисъ, было ею самою приглашено; оно состояло изъ Месса, хорошаго баса, жены его для старушечьихъ ролей, и дочери ихъ, мадамъ Бонне, для ролей женщинъ среднихъ лѣтъ.

Итальянская опера не могла поддержаться въ Петербургѣ; въ 1806 году надолго прекратилось въ немъ ея существованіе. Однакоже она оставила по себѣ память: она нѣсколько обработала вкусъ любителей музыки и сдѣлала ее строже и разборчивѣе къ ея произведеніямъ. Всѣ мы продолжали любить Французскія комическія оперы; но уже начинали въ нихъ чувствовать превосходство Херубини передъ другими, и когда въ 1809 году показалась *Весталка*, сочиненіе Спонтини, Французская опера съ италіянизированною музыкой, то приняли ее съ восторгомъ.

Чуть было въ это время не опротивѣла намъ Итальянская музыка отъ прибывающихъ старыхъ, отставныхъ примадоннъ, которыя, за ненахожденіемъ сцены, давали слушать себя въ концертахъ. Мадамъ Мара̀, которой печатные портреты вездѣ продавались и которая долго гремѣла въ Европѣ, давно уже умолкла. Кто-то подбилъ ее пріѣхать въ Россію: «этимъ, дескать, сѣвернымъ варварамъ нужна одна только слава имени, а недостатковъ пѣнія они не въ состояніи будутъ разобрать». Можетъ быть, дѣйствительно, были мы тогда плохіе судьи въ искусствахъ; но что̀ касается до свѣжести лица и голоса, то въ этомъ Русскіе всегда были любители и знатоки. Уваженіе ихъ къ знаменитости таланта также не служило признакомъ ихъ невѣжества, и они показали то, въ почтительномъ молчаніи выслушавъ Мара̀. Когда же, одобренная симъ полууспѣхомъ, явилась другая старуха, Фантоцци Маркетти, то и они нашли, что это дурная шутка, уже не были столь учтивы и расхохотались послѣ первой аріи. Странно, что послѣ того обѣ онѣ остались навсегда въ Россіи и кончили въ ней вѣкъ: видно въ тогдашней хлѣбосольной нашей странѣ всякій могъ какъ-нибудь прокормиться.

Не однѣ онѣ, но еще и другіе обветшалые, поношенные таланты повадились тогда къ намъ ѣздить. Пріѣхала мамзель Сенваль, которая гораздо прежде революціи извлекала слезы у Маріи-Антуанетты и принцессы Ламбаль; но послѣ того прошло около тридцати лѣтъ, а она и смолоду была неуклюжа и неблагообразна. Ну, такъ и быть, подавай ее сюда: графы и князья, которые видѣли блескъ Версаля, утверждаютъ, что она чудо. У каждой актрисы есть своя любимая

роль, въ которую для дебюта облекается она, какъ въ праздничное платье; Сенваль явилась намъ Аменаидой. Я не буду говорить о лицѣ ея; но какъ не содрогнуться, увидѣвъ страстную любовницу, малорослую, толстую, кривобокую, съ короткою шеей и въ карикатурномъ нарядѣ! Въ продолженіи первыхъ двухъ дѣйствій зрители были удерживаемы отъ смѣха чувствомъ отвращенія. Коль же скоро, въ третьемъ дѣйствіи, осужденная на смерть, показалась она въ цѣпяхъ, въ бѣломъ платьѣ съ распущенными волосами, тогда самый голосъ ея, дотолѣ охриплый, казалось, вдругъ сдѣлался чистъ и трогателенъ; изъ глубины ея сердца потекли рѣкою прекрасные стихи Вольтера. Такъ было до конца, и между зрителями остались нерастроганными только тѣ, которые на сценѣ въ женщинахъ ищутъ одной красоты. Нельзя себѣ представить, сколько истиннаго чувства было въ этой женщинѣ: она была воплощенная трагедія, къ несчастію, въ самой безобразной оболочкѣ. Она не думала затмить Жоржъ (ихъ роли были совсѣмъ не одинаковыя), но сравненіе ихъ наружности было убійственно для бѣдной Сенваль. Всего еще въ двухъ трагедіяхъ играла она, въ *Китайской Сиротѣ* да въ *Ипермнестрѣ*, только почти безъ всякаго успѣха. Со стыда, сердечная, скорѣе куда-то уѣхала.

Три четверти Петербургской публики изъ однѣхъ афишекъ только знали, что̀ даютъ на Нѣмецкомъ театрѣ; а чего на немъ не давали? Число драматическихъ писателей въ послѣднее двадцатипятилѣтіе въ Германіи чрезвычайно расплодилось, и каждый изъ нихъ былъ отмѣнно плодовитъ. Сей огромный репертуаръ безпрестанно умножался еще переводами Итальянскихъ и Французскихъ оперъ и Англійскихъ трагедій. И все это у насъ играли, и Нѣмецкая ненасытимость все это поглощала. Источникъ такого богатства былъ у насъ подъ носомъ, и никто не думалъ черпать изъ него; никто не спѣшилъ ознакомиться съ геніальными твореніями Лессинга, Шиллера и Гёте. Таковъ былъ вѣкъ.

Мы, вслѣдъ за Французами, почитали Аристотелево правило о трехъ единствахъ на сценѣ нашею драматическою вѣрой, тогда какъ, въ творческой гордости своей, Нѣмцы совершенно пренебрегали имъ. Французы, наши наставники, пріучили насъ видѣть въ Нѣмцахъ одно смѣшное, а мы на счетъ сихъ послѣднихъ охотно раздѣляли мнѣніе ихъ, по врожденной, такъ сказать, инстинктивной къ нимъ ненависти. Тогда она чрезвычайно ослабѣла; лежачаго не бьютъ, говорятъ Русскіе, а мы того и глядѣли, что сами ляжемъ съ ними подъ каблукъ Наполеона. Не смотря на то, въ хорошемъ обществѣ кто бы осмѣлился быть защитникомъ Нѣмецкой литературы, Нѣмецкаго театра? Сами молодые Нѣмцы, въ немъ отлично принятые, Палены, Бенкендорфы, Шёпинги, если не образомъ мыслей, то манерами, были еще болѣе

Французы чѣмъ мы. Нѣкоторые изъ нихъ со смѣхомъ разсказывали сами, какъ въ иныхъ піесахъ герой, котораго видѣли юношей въ первомъ дѣйствіи, въ послѣднемъ является старикомъ, какъ первое происходитъ въ Греціи, а послѣднее въ Индіи; тридцать или сорокъ дѣйствующихъ лицъ были также предметомъ общихъ насмѣшекъ. Названія играемыхъ трагедій или драмъ: *Минна фонъ-Барнгельмъ*, *Гётцъ фонъ-Берлихингенъ*, *Докторъ Фаустъ*, казались уродливы, чудовищны. И что́ это за Мефистофель? И какъ можно чорта пустить на сцену? Это тоже, что́ пьянаго сапожника представить въ гостиную знатной модницы. Все это казалось неприличіемъ, отвратительною неблагопристойностью. Я помню разъ въ театрѣ стараго графа Строганова, который такъ и катался, читая Damen, Senatoren und Banditen на концѣ афишки, возвѣщающей первое представленіе Абеллино. Пристрастные къ собственности своей, Нѣмцы между тѣмъ молчали и себѣ на умѣ думали, что придетъ время, когда они поставятъ на своемъ. Оно пришло. Никому нынѣ не осмѣлюсь я сказать того, но въ сей тайной исповѣди долженъ признаться, что въ этомъ отношеніи о прошедшемъ времени я часто вздыхаю.

Что̀ бы сказать мнѣ о Нѣмецкой труппѣ? Я уже разъ говорилъ объ ней, называлъ Брюкля, Штейнсберга, Линденштейна; они оставались безсмѣнны. Піесы давались безпрестанно новыя, а играли ихъ актеры все старые. Упомянуть ли мнѣ объ одной, довольно плохой актрисѣ, о которой много говорено было въ обществѣ молодыхъ людей? Дѣвица Лёве была совершенная красавица; одни только неимущіе обожатели сей разчетливой Нѣмки находили, что она достойна своего имени, что въ ней жестокость львицы; щедрые же богачи видѣли въ ней кротость агнца. Увѣряли, что прежній мой начальникъ, скупой графъ Головкинъ, для нея только былъ отмѣнно чивъ.

Русскимъ театромъ хочу я заключить: успѣхи его тѣсно связаны съ успѣхами нашей словесности, и переходъ отъ одного къ другой будетъ естественнѣе. Объ одномъ, какъ и о другой говорилъ я очень мало въ предшествующей второй части сихъ Записокъ; да и правду сказать, говорить много было бы трудно: успѣхи обоихъ шли слишкомъ медленно въ первое пятилѣтіе нынѣшняго вѣка.

Пристрастіе ко всему иностранному и особенно къ Французскому, образующагося Русскаго общества, при Елисаветѣ и Екатеринѣ, сильно возбуждало досаду и насмѣшки первыхъ двухъ лучшихъ нашихъ комическихъ авторовъ, Княжнина и Фонъ-Визина, какъ оно возбуждало ихъ тогда и возбуждаетъ еще и понынѣ во всѣхъ здравомыслящихъ нашихъ соотечественникахъ. Еслибы что-нибудь могло ему противодѣйствовать, то, конечно, это были забавныя роли Фирюлиныхъ въ

Несчастіи отъ кареты, и въ *Бригадирѣ*—глупаго бригадирскаго сынка, котораго душа, какъ говоритъ онъ, принадлежитъ Французской коронѣ. Но теченіе подражательнаго потока, въ ихъ время, было слишкомъ сильно, чтобы какими-нибудь благоразумными или даже остроумными преградами можно было остановить его, тогда какъ не только намъ, потомкамъ ихъ, едва ли нашимъ потомкамъ когда-нибудь удастся сіе сдѣлать.

Воспитанный въ ихъ школѣ, Крыловъ, если можно сказать, еще быстрогляднѣе ихъ на несовершенства наши, думалъ, что приспѣло къ тому время, когда, въ надменности нашей, при Александрѣ, забыли мы даже сердиться на Нѣмцевъ и, казалось, въ непримиримой враждѣ съ революціей и Бонапарте. Онъ жестоко ошибся. Что могло быть веселѣе, умнѣе, затѣйливѣе его двухъ комедій, *Урока Дочкамъ* и *Модной Лавки,* игранныхъ въ 1805 и 1806 годахъ? Можно ли было колче какъ въ нихъ осмѣять нашу столичную и провинціальную галломанію? Во время частыхъ представленій, партеръ былъ всегда полонъ, и наполнявшіе его отъ души хохотали. Конечно, это былъ успѣхъ, но не тотъ, котораго ожидалъ Крыловъ. Только этотъ разъ въ жизни пытался сей разсѣянный, повидимому, ко всему равнодушный, но глубокомысленный писатель, сдѣлать переворотъ въ общественномъ мнѣніи и нравахъ. Ему не удалось, и это, кажется, навсегда охолодило его къ сценѣ.

Высшее общество, болѣе чѣмъ когда, въ это время было управляемо женщинами: въ ихъ рукахъ были законодательство и расправа его. Французскій языкъ въ ихъ глазахъ былъ одинъ способенъ выражать благородныя чувства, высокія мысли и всѣ тонкости ума, и онъ же былъ ихъ исключительная собственность. И жены чиновниковъ, жительницы предмѣстій Петербурга, и молодыя дворянки въ Москвѣ и въ провинціяхъ, думаютъ смѣшнымъ образомъ пользоваться одинаковыми съ ними правами. Какія дуры! Спасибо Крылову, и онѣ одобряли его усилія и улыбались имъ. Что̀ можетъ быть общаго у Французскаго языка, сдѣлавшагося ихъ отечественнымъ, съ тѣмъ, что̀ происходитъ во Франціи? И она, грозившая овладѣть полвселенною, въ ихъ глазахъ находилась въ переходномъ состояніи. Таково было упорное мнѣніе эмигрантокъ, ихъ воспитывавшихъ, которое онѣ съ ними усердно раздѣляли. И къ счастію, онѣ не ошиблись.

Все это гораздо легче Крылова могъ подмѣтить другой драматическій писатель, болѣе его на семъ поприщѣ извѣстный, князь Александръ Александровичъ Шаховской. Сперва военная служба въ гвардіи, гдѣ онъ находился, потомъ придворная, мало льстили его самолюбію. Онъ рожденъ былъ для театра: съ малолѣтства всѣ помышленія

его къ нему стремились, всѣ радости и мученія ожидали его на сценѣ и въ партерѣ. Какъ актеръ, утвердительно можно сказать, онъ бы во сто разъ болѣе прославился чѣмъ какъ комикъ: не будь онъ князь, безобразенъ и толстъ, мы бы имѣли своего Тальму, своего Гаррика. Согласно его склонностямъ, былъ онъ въ послѣдствіи опредѣленъ управляющимъ по репертуарной части императорскихъ публичныхъ зрѣлищъ, подъ начальствомъ главнаго директора Александра Львовича Нарышкина. Тогда онъ сдѣлался безсмѣннымъ посѣтителемъ дома своего начальника, въ которомъ соединялось и блистало все первостепенное въ столицѣ, но въ которомъ оставалось много простора для ума и гдѣ можно было (однакоже не забываясь) предаваться всѣмъ порывамъ веселости. Страненъ былъ этотъ человѣкъ, странна и судьба его; и стòитъ того, чтобы безпристрастно разобрать какъ похвалы, нѣкогда ему расточаемыя, такъ и жестокія обвиненія на него возводимыя.

Права рожденія, воспитанія спозаранку поставили его въ короткія сношенія съ людьми, принадлежащими къ лучшему обществу; вкусъ къ литературѣ сблизилъ его съ писателями и учеными; наконецъ, страсть къ театру кинула его совершенно въ закулисную сволочь. Первую половину жизни своей безпрестанно толкался онъ между сими разнородными стихіями, пока подъ конецъ совсѣмъ не погрязъ онъ между актерами и актрисами. Много дано ему было природою живаго, наблюдательнаго ума, много чтеніемъ пріобрѣлъ онъ и познаній; все это обезсилено было въ немъ легкомысліемъ и слабостію характера. Каждое изъ сословій имъ посѣщаемыхъ оставляло на немъ окраску; но невоздержность, безразсудность, завистливость жрецовъ Таліи всего явственнѣе выступала въ его дѣйствіяхъ и образѣ мыслей. Оттого-то всякая высокоподрастающая знаменитость, особенно же драматическая, приводила его въ отчаяніе и бѣшенство, которыхъ не имѣлъ онъ силы ни одолѣть, ни скрыть. Противъ одной давно утвердившейся знаменитости не смѣлъ онъ возставать и одной только посредственности умѣлъ онъ прощать. И со всѣмъ тѣмъ онъ былъ чрезвычайно добръ сердцемъ, не злобивъ, не злопамятенъ; во всемъ что̀ не касалось словесности и театра, видѣлъ онъ одно восхитительное, или забавное, или сожалѣнія достойное.

Какъ ни горячился онъ, но, почти живши въ домѣ у Нарышкиныхъ, всегда имѣлъ онъ смѣтливость не идти противъ господствующаго мнѣнія въ большомъ обществѣ. Онъ охотнѣе нападалъ на тѣхъ, коихъ болѣе почиталъ себѣ подъ силу. Петербургъ мало дорожилъ тогда Москвою. Карамзинъ, живущій въ ней, казался ему безопасенъ. Карамзинъ, предметъ обожанія Москвичей, весьма преувеличеннаго молвою, приводилъ его въ ярость, и онъ хватилъ въ него *Новымъ Стер-*

номъ. Онъ увѣрялъ, что хочетъ истребить отвратительную сентиментальность, порожденную будто имъ между молодыми писателями и, въ тоже время, сознавался, что мѣтитъ прямо на него. Послѣ того, въ двухъ комедіяхъ, впрочемъ весьма забавныхъ, *Любовная Почта* и *Полубарскія Затѣи*, безъ милосердія предавалъ онъ осмѣянію деревенскихъ меломановъ и учредителей домашнихъ оркестровъ, труппъ и балетовъ, все какъ будто похитителей принадлежащихъ ему привилегій и монополіи. Потомъ съ каждымъ годомъ, становился онъ плодовитѣе. Сдѣлавшись властелиномъ Русской сцены, онъ превратилъ ее въ лобное мѣсто, на которомъ по произволу для торговой казни выводилъ онъ своихъ соперниковъ. Надобно, однакоже, признаться, что страсть его, не совсѣмъ дворянская и княжеская, имѣла самое благодѣтельное дѣйствіе на нашъ театръ: его «комедій шумный рой», какъ сказалъ одинъ изъ нашихъ поэтовъ, долго одинъ разнообразилъ и поддерживалъ его. Что еще важнѣе, онъ былъ неутомимымъ и искуснымъ образователемъ всего новаго, молодаго поколѣнія нашихъ лицедѣевъ.

Около описываемаго мною времени, жилъ онъ въ большомъ согласіи съ однимъ поэтомъ, мало дотолѣ извѣстнымъ, хотя онъ былъ уже въ чинахъ и довольно зрѣлыхъ лѣтахъ. Мнѣ случалось видѣть и не одинъ разъ разговаривать съ Владиславомъ Александровичемъ Озеровымъ, потому что онъ былъ двоюроднымъ братомъ Блудова и что сей послѣдній, по чрезвычайной молодости лѣтъ, кажется, съ начала пріѣзда своего былъ порученъ его попеченіямъ. Многіе утверждали, что онъ ума не обширнаго; мнѣ казалось совсѣмъ противное: я слушалъ его съ величайшимъ удовольствіемъ, а отъ произведеній его бывалъ внѣ себя. Только въ концѣ 1804 года началась его литературная извѣстность, самымъ блестящимъ образомъ. Всѣ старыя трагедіи Сумарокова и даже Княжнина, по малому достоинству своему и по обветшалости языка, были совсѣмъ забыты и брошены. Переводу Шиллеровыхъ *Разбойниковъ* названія трагедіи давать не хотѣли, и казалось, что разлука наша съ *Мельпоменой* сдѣлалась вѣчною. Вдругъ Озеровъ опять возвратилъ ее намъ. Появленіе его *Эдипа въ Аѳинахъ* самымъ пріятнымъ образомъ изумило Петербургскую публику. Трагедія эта исполнена торогательныхъ мѣстъ и вся усыпана прекрасными стихами, изъ коихъ многіе до сихъ поръ сохранились еще въ памяти знатоковъ и любителей поэзіи. Много способствовалъ также успѣху этой піесы первый дебютъ молоденькой актрисы Семеновой въ роли Антигоны: съ превосходствомъ игры, съ благозвучіемъ голоса, съ благородствомъ осанки, соединяла она красоту именно той Музы, которой служенію она себя посвящала.

Въ концѣ слѣдующаго года показался его *Фингалъ*. Тутъ было гораздо болѣе энергіи, и дикая природа Сѣвера, которою отзываются характеры всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, нашимъ сѣвернымъ зрителямъ, *Spectateurs du Nord* *), весьма пришлась по вкусу. Едва прошелъ годъ, и *Дмитрій Донской* былъ представленъ въ самую ту минуту, когда загорѣлась у насъ предпослѣдняя война съ Наполеономъ. Ничего не могло быть *апропье*, какъ говаривалъ одинъ старинный забавникъ. Аристократія наполняла всѣ ложи перваго яруса съ видомъ живѣйшаго участія; при послѣднемъ словѣ послѣдняго стиха: *Великъ Россійскій Богъ*, рыданія раздались въ партерѣ, восторгъ былъ неописанный. Озеровъ былъ поднятъ до облаковъ, какъ говорятъ Французы. Сіе необычайное торжество, увы, было для него послѣднее. Столь быстрыхъ, столь безпрерывныхъ успѣховъ бѣдный Шаховской никакъ не могъ перенесть.

Сколько припомню, въ 1808 году, поставлена была на сцену попослѣдняя трагедія Озерова, *Поликсена*. Въ пособіяхъ, которыми дотолѣ Шаховской такъ щедро надѣлялъ его, какъ сказывали мнѣ, сталъ онъ вдругъ ему отказывать и, напротивъ, сколько могъ, во всемъ началъ ставить ему препятствія. Наша публика, неизвѣстно чьими происками предупрежденная не въ пользу новаго творенія, на этотъ разъ не возбуждаемая болѣе патріотизмомъ и не довольно еще образованная, чтобы быть чувствительною къ простотѣ и изяществу красотъ Гомерическихъ, чрезвычайно холодно приняла піесу. Ничто не могло расшевелить ее, ни даже пророчество Кассандры, которымъ оканчивается трагедія и въ которомъ, предрекая Грекамъ паденіе ихъ и возрожденіе, она говоритъ имъ, что придетъ народъ

от странъ полнощныхъ
Оковы снять съ Ахеянъ маломощныхъ.

Сіи стихи, которые бы должны были наполнить наши груди восторгомъ благородной гордости (и которые, кромѣ меня, едва ли кто помнитъ) были лебединою пѣснію несчастнаго Озерова.

Онъ всегда расположенъ былъ къ ипохондріи; чрезвычайная раздражительность нервовъ его къ тому располагала, и оттого-то такъ сильно принималъ онъ къ сердцу всякую неудачу. Послѣдняя поразила его, и онъ видѣлъ въ ней совершенное свое паденіе. Онъ началъ убѣгать общества, уединялся, дичалъ, наконецъ бросилъ службу и

*) Названіе издаваемаго тогда въ Гамбургѣ Французскаго журнала, у насъ многими получаемаго.

скрылся въ какой-то отдаленной деревнѣ. Тамъ рѣшился онъ ума и, къ счастію, вскорѣ потомъ и жизни.

Но примѣръ его прошедшихъ успѣховъ былъ заразителенъ для цѣлой толпы недавно проявившихся мелкихъ стихотворцевъ: всѣ захотѣли быть трагиками. Одному только изъ нихъ, Крюковскому, удалось сладить съ оригинальною трагедіей, *Пожарскій*, довольно хорошими стихами писанною; всѣ же другіе думали прославить себя одними переводами. Молодой воинъ Маринъ перевелъ *Меропу*, и старый Хвостовъ *Андромаху* *). По слѣдамъ ихъ Гнѣдичъ перевелъ *Танкреда*, Жихаревъ *Атрея*, а Катенинъ *Сида и Аталію* (по его Гоѳолію). Затѣмъ уже составилась цѣлая компанія переводчиковъ, которые надѣялись имѣть успѣхи посредствомъ складчины дарованій своихъ: графъ Сергѣй Потемкинъ, какой-то Шапошниковъ, какой-то Висковатовъ и еще другіе, по-двое или по-трое вмѣстѣ, пустились въ запуски, кто кого хуже, изводить извѣстныя Французскія трагедіи, чтобъ угодить общему вкусу. Необходимость въ помощи Шаховскаго для постановки сихъ искаженныхъ классическихъ твореній на время окружила его искателями. Ему пріятно было покровительствовать новые, только что на свѣтъ показавшіеся таланты, тѣмъ болѣе, что и въ глазахъ его они въ будущемъ ничего не обѣщали. Каждая изъ сихъ трагедій имѣла по нѣскольку представленій, и наша покорная публика, которой воспрещено тогда было не только свистать, но даже и шикать, первые раза два довольно спокойно и терпѣливо ихъ выносила; но вскорѣ потомъ отсутствіемъ своимъ, какъ единымъ средствомъ ей на то оставленнымъ, пользовалась она, чтобъ изъявлять неодобреніе свое. Весь этотъ потокъ черезъ сцену прямо утекалъ въ Лету; *Меропа* и *Танкредъ* однѣ только на нѣкоторое время удержались. Съ самодовольствіемъ окинувъ взоромъ всю толпу сихъ бездарныхъ людей, но въ тоже время увлекаемый примѣромъ, самъ Шаховской задумалъ высоко подняться надъ ними; этого мало, онъ затѣялъ въ творчествѣ состязаться съ самимъ Расиномъ, и для того въ Библіи началъ искать сюжетъ для оригинальной своей трагедіи. Немалое время мучился онъ и, наконецъ, разразился ужасною своею *Деборой*. Съ любопытствомъ всѣ кинулись на нее; устрашенные же, скоро стали отъ нея удаляться. Но не такъ-то легко какъ другихъ, можно было одолѣть театральнаго директора: съ каждымъ представленіемъ зала все болѣе пустѣла, а Дебору все играли, играли, пока ни одного зрителя не стало.

---

*) Александръ Львовичъ Нарышкинъ назвалъ эти переводы Mérope marinée и Andromaque déracinée.

Переводныхъ комедій было очень мало: по всей справедливости, Шаховской не любилъ ихъ и не подпускалъ къ нашей сценѣ. Водевили, если дѣломъ изрѣдка показывались, то словомъ, то-есть именемъ, тогда неизвѣстны были на Русскомъ театрѣ. За то операми заимствовались мы у всѣхъ, у Французовъ, у Нѣмцевъ, а когда стали побогаче голосами, то и у Итальянцевъ. Началось съ безконечной *Donauweibchen;* ея веселыя, легкія, пріятныя Вѣнскія мелодіи не трудно было перенять нашимъ плохимъ тогда пѣвцамъ, не трудно было ими плѣнить и нашихъ слушателей. Все это, вмѣстѣ съ богатыми декораціями, безпрестанными превращеніями и уморительнымъ шутовствомъ Воробьева, около года привлекало многочисленную публику и умножало барыши дирекціи. Ее переименовали *Русалкой* и сцену перевели на Днѣпръ, что также немало полюбилось брадатымъ зрителямъ. Когда замѣтили, что она имъ приглядѣлась и посѣщенія становятся рѣже, то, чтобы возбудить къ ней погасающую въ нихъ страсть, создали ей наслѣдницу, вторую часть, или *Днѣпровскую Русалку.* Слѣдуя все той же методѣ прельщеній, черезъ нѣкоторое время сочинили и третью часть, уже *Лесту, Днѣпровскую Русалку.* Сильная къ нимъ любовь совсѣмъ истощилась, когда показалась четвертая часть подъ именемъ просто опять *Русалка*, безъ всякаго прибавленія; успѣхъ ея былъ довольно плохой. Между Русалками возсталъ *Илья Богатырь*, волшебная опера, которую написать упросили Крылова. Онъ сдѣлалъ это небрежно, шутя, но такъ умно, такъ удачно, что герой его неумышленно убилъ волшебницу-Нѣмку, для соблазна Русскихъ обратившуюся въ ихъ соотечественницу.

Ихъ вкусъ между тѣмъ все исправлялся и чистился. Декораціи переставали имъ быть необходимы; они болѣе стали понимать музыку, но все-таки ее одну безъ словъ не любили. Тогда (я все говорю о среднемъ и низкомъ классѣ) начали переводить для нихъ Французскія оперы, *Калифа Багдадскаго*, *Мнимый Кладъ*, *Двое Слѣпыхъ*, а наконецъ и *Водовоза.* Познакомивъ ихъ съ Боіелдіё, съ Мегюлемъ, приготовили ихъ быть способными чувствовать и Херубини. Глядь, и *Деревенскія Пѣвицы* Фіорованти явились передъ ними. Своихъ композиторовъ у насъ тогда еще не было: произведенія Кавоса, управлявшаго оркестромъ, были такъ слабы; къ тому же онъ былъ чужестранный, Итальянецъ, что и считать его нечего. Кажется, не заставляя себя трудиться, легче бы было ходить имъ во Французскій театръ; нѣтъ, подавай имъ свое: тамъ ни слова они не понимали, а звуки могли имъ быть пріятны только въ соединеніи съ мыслями. Правда, у нихъ не было Филисъ, за то не было и Андріё. Мѣсто первой въ Русской оперѣ занимала недавно образовавшаяся, молоденькая, хорошенькая

актриса, Черникова, съ небольшимъ, но пріятнымъ голоскомъ. У молодаго же тенора, Самойлова, былъ такой голосъ, который Итальянцы превозносили и ему завидовали. Въ послѣдствіи выучился онъ очень хорошо играть, и еслибъ не спѣша насладиться успѣхами доставленными ему чудеснымъ, природнымъ его даромъ, онъ прилежно постарался его усовершенствовать, то навѣрное можно сказать, что не менѣе Рубини прогремѣлъ бы онъ въ Европѣ. По примѣру Филисъ и Андріе, и сія чета соединилась законнымъ бракомъ. Отъ частыхъ родовъ голосъ у Самойловой началъ слабѣть и упадать.

Какъ бы ей на смѣну, театральная школа произвела нѣчто чудесное. Еще не выпущенная изъ нея воспитанница Бо́лина красотой затмѣвала подругъ своихъ, а голосомъ едва ли не болѣе еще плѣняла чѣмъ красотой. Только одну зиму насладилась ею публика. Одинъ молодой дворянинъ, Марковъ, сынъ умершаго богатаго отца, имѣвшій болѣе сорока тысячъ рублей доходу, совершенно свободный, влюбился въ нее безъ памяти. Онъ предложилъ ей руку, а дирекціи выкупу, сколько бы ни потребовалось за ея воспитаніе и освобожденіе. Согласиться съ его желаніями до выпуска ея никакъ не было возможно. Тогда рѣшился онъ увезти ее, обвѣнчаться съ нею и за то цѣлый мѣсяцъ долженъ былъ просидѣть на гауптвахтѣ. На ней толпами посѣщала его безразсудная молодежь, видя въ наказаніи его жестокую несправедливость, при всеобщемъ тогда неудовольствіи на правительство, думая дразнить его тѣмъ и забывая, что для нея изсякъ источникъ живѣйшихъ удовольствій и, что Марковъ былъ похитителемъ ихъ. Какія у насъ обо всемъ ложныя понятія! Права казны и общества должны быть еще неотъемлемѣе правъ частной собственности. И что же? Осьмнадцатилѣтняя пѣвица, которая могла бы долго быть украшеніемъ сцены и упиваться восторгами ею производимыми, сдѣлалась несчастнѣйшею изъ помѣщицъ. Сперва изъ ревности, а потомъ стыдясь неровнаго брака, мужъ всегда поступалъ съ нею жестоко и не давалъ ей нигдѣ показываться. Не получивъ въ школѣ приличнаго воспитанія будущему ея званію, ни свѣтскаго образованія потомъ, изъ нея вышло нѣчто совершенно пошлое. Лѣтъ двадцать спустя, по его приглашенію, случилось мнѣ разъ у нихъ обѣдать: о Боже! въ Граціи, которою я нѣкогда такъ восхищался, нашелъ я что-то хуже деревенской барыни, простую кухарку, неповоротливую, робкую, которая не умѣла ни ходить, ни сидѣть, ни кланяться, и какъ будто не смѣла и говорить. Я узналъ послѣ, что Маркова сдѣлали губернаторомъ; ну, подумалъ я, для жены его роль губернаторши будетъ потруднѣе ролей Зетюлбе и Алины.

Въ школѣ, въ запасномъ магазинѣ драматическихъ талантовъ, не нашлось ни одной дѣвочки, которая бы могла замѣнить Болину. Попеременно ихъ выставляли; одна только Карайкина, въ замужствѣ Лебедева, могла нѣкоторое время удержаться.

Не въ театральной школѣ долженъ былъ образоваться великій талантъ для нашей оперы. Въ Петербургѣ былъ тогда одинъ домъ, въ которомъ еженедѣльно собирались большіе любители музыки и лучшіе виртуозы. Домъ этотъ сенатора Теплова, который имѣлъ и собственный славный оркестръ, былъ совершенно музыкальный. Познакомившись въ немъ черезъ сына Теплова, бывшаго товарища моего во время путешествія по Сибири, я нерѣдко посѣщалъ ихъ вечера. На одномъ изъ нихъ услышалъ я пѣніе Нѣмочки, дочери придворнаго музыканта Фодора, и оно показалось мнѣ пискомъ. Мнѣ непонятно было, какъ могли великіе знатоки восхвалять его и въ пророческомъ восторгѣ судить ему славу. Въ этомъ дѣлѣ и въ это время, Петербургская публика, видно, столько же смыслила какъ и я; ибо года три спустя, когда Фодоръ явилась на Русской сценѣ, была она принята ею съ удовольствіемъ, не совсѣмъ преувеличеннымъ. Въ большомъ обществѣ такъ много еще было тогда пристрастія ко всему Французскому, что въ немъ обижались сравненіями, которыя нѣкоторые позволяли себѣ дѣлать между нею и старѣющею Филисъ. Не для того ли чтобы поднять себя въ его мнѣніи и нѣсколько офранцузить себя, вышла она послѣ за Французскаго комическаго актера Менвіеля? Нѣтъ, ничто не помогло. Имѣя однакоже въ себѣ чувство превосходства своего, наконецъ, стала она требовать по крайней мѣрѣ прибавки жалованья; ей и въ этомъ отказали; тогда Россію она навсегда оставила. Вся Европа узнала ее потомъ, засыпала золотомъ и заглушила рукоплесканіями.

Гораздо болѣе Фодоръ-Менвіель полюбилась семнадцати-лѣтняя красотка, которая хотя послѣ нея, но еще при ней показалась въ оперѣ. Это была Нимфодора, меньшая сестра трагической актрисы Семеновой. Голосокъ у нея былъ только что изрядный, за то быть милѣе ея въ игрѣ было трудно. Красотою обѣ сестры были равны, только въ родахъ ея различествовали между собою. У старшей былъ Греческій профиль и что-то великолѣпное въ чертахъ; меньшая выполняла всѣ условія Русской красоты, бѣлизну груди, полноту и румянецъ щекъ, живость въ очахъ, тонкость и пристойную веселость въ улыбкѣ. Исключая небольшой разницы, и судьба сихъ сестеръ была одинакова. Обѣ соединились незаконнымъ бракомъ съ дѣйствительными тайными совѣтниками: старшая, Катерина, съ княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Гагаринымъ, меньшая съ графомъ Василіемъ Валентиновичемъ Муси-

нымъ-Пушкинымъ-Брюсомъ. Одна старшая умѣла обратить его, наконецъ, въ законный.

Ничего болѣе о театрѣ сказать я не имѣю. Читатель, можетъ-быть, скажетъ: «да кажется и этого не слишкомъ ли много?» На это позволю я себѣ замѣтить ему, что бо̀льшая половина этой главы посвящена была драматической литературѣ, а она въ это время едва ли не составляла всю нашу словесность.

Итакъ объ ней остается мнѣ мало говорить, но много о множествѣ словесниковъ, какъ о сдѣлавшихся въ это время извѣстными, такъ и объ оставшихся съ тѣхъ поръ неизвѣстными.

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины Второй, между литературами двухъ столицъ возникли какія-то несогласія; но не только до расколу, ни даже до сильныхъ распрей дѣло не доходило. При Павлѣ, въ Москвѣ, куда бо̀льшая часть писателей удалилась, отъ столкновенія несогласныхъ начали взаимныя неудовольствія умножаться и превращаться въ нѣчто похожее на вражду. Исключая стараго Хераскова, который въ старой Москвѣ доживалъ свой вѣкъ, всѣхъ знаменитѣе были Дмитріевъ и Карамзинъ; съ ними въ тѣсной связи находился Тургеневъ, директоръ Университета, отецъ многорѣченнаго въ сихъ Запискахъ Тургенева, не писатель, но великій другъ просвѣщенія. Въ томъ же Университетѣ, однимъ изъ трехъ кураторовъ былъ Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ, человѣкъ умный и свѣдущій, но какъ стихотворецъ никѣмъ не замѣченный, не хвалимый и не осуждаемый. Вѣроятно сіе невниманіе встревожило его самолюбіе и возбудило досаду на двухъ сочинителей, болѣе его счастливыхъ. Къ нему, какъ бы въ видѣ наперсника, присталъ Шатровъ, поэтъ съ большими дарованіями, которыя преимущественно посвятилъ онъ переводу псалмовъ. Онъ усердно вдавался въ мартинизмъ подобно Тургеневу и также какъ Карамзинъ въ первой молодости былъ поддержанъ и поощряемъ Николаемъ Новиковымъ, главою мартинистовъ. Вотъ почему не понятно, какъ въ послѣдствіи сдѣлался онъ врагомъ столь почтенныхъ людей.

Подъ именемъ критики разумѣли тогда брань и поношеніе, мало знали ее, мало употребляли. Не знаю, правда ли, но меня увѣряли потомъ неоднократно, будто который-то изъ сихъ господъ (и полно, не оба ли) прибѣгнули къ другому средству нападенія, къ средству постыдному и жестокому, къ ложному доносу на Карамзина: они обвиняли его въ якобинизмѣ, и передъ кѣмъ же? Передъ Павломъ! Конечно, какъ всѣ великодушные и неопытные юноши, въ первоначальныхъ порывахъ къ добру, создавалъ онъ нѣкогда утопіи, вѣровалъ въ свободу, въ братскую любовь, въ усовершенствованіе рода человѣческаго Когда

началось его воспитаніе, въ Россіи, по примѣру другихъ Европейскихъ, даже самыхъ деспотическихъ государствъ, наставники воспитанникамъ все указывали на блескъ Греческихъ республикъ, на величіе Римской; твердили, что съ свободой ихъ были неразлучны добродѣтели, счастіе и слава, и что съ ея утратою они всего лишились; въ вѣкахъ ближе къ нашему старались они возбуждать ихъ восторгъ къ Швейцаріи и Вильгельму Телю, къ Нидерландамъ и Эгмонту; наконецъ, Сѣверная Америка съ своими Вашингтономъ и Франклиномъ должна была осуществить для нихъ прекрасныя мечты ихъ отрочества. Съ такими поученіями, съ чистою и пылкою душой, въ самой первой молодости Карамзинъ отправленъ былъ путешествовать по Европѣ, которая тогда полна была надеждъ и ожиданій благополучнѣйшихъ послѣдствій отъ едва начавшейся Французской революціи. Возвратившись, нѣкоторое время не скрывалъ онъ своихъ благородныхъ заблужденій, пока видъ Польши, погибшей отъ и посреди безначалія, и Франціи, политой кровію, не разочаровалъ его. Чадъ его давно прошелъ, но незабытый врагами послужилъ къ его обвиненію. Невѣжество или доброта людей, управлявшихъ тогда дѣлами, спасли его: въ гнусномъ дѣлѣ увидѣли они одно литературное соперничество и съ пренебреженіемъ бросили его, не доводя до Императора. Въ первобытной невинности нашихъ правительственныхъ лицъ (не хуже, чѣмъ въ преступномъ знаніи нынѣшнихъ) такъ мало обращали вниманія на то, что касалось до словесности, политики и религіи, такъ мало вникали въ настоящій смыслъ преподаваемыхъ злонамѣреніемъ правилъ (лишь не говори на прямки), что переводились, печатались и съ дозволенія цензуры продавались всѣ забавные, веселые и богомерзкіе романы Вольтера, *Кандидъ*, *Бѣлый Быкъ* и *Принцесса Вавилонская*; за ними даже показался и *Кумъ Матвѣй*. Вотъ новое и еще сильнѣйшее доказательство этой безпечности или невѣдѣнія. Со времени Екатерины, черезъ все царствованіе Павла и долго при Александрѣ издавался въ Москвѣ нѣкіимъ Матвѣемъ Гавриловичемъ Гавриловымъ Политическій Журналъ. Если гдѣ нибудь уцѣлѣли экземпляры его, то пусть заглянутъ въ нихъ и подивятся: тамъ между прочимъ найдутъ цѣликомъ рѣчи Мирабо, Жирондистовъ и Робеспьера. Такая смѣлость должна бы была произвесть, по крайней мѣрѣ, удивленіе; никто не вѣдалъ про содержаніе журнала, и никто его нынѣ не помнитъ. Лѣнивые цензоры съ разсѣянностію пропускали его нумера, а названіе политическаго пугало и отталкивало праздныхъ тогда и невѣжественныхъ Москвичей; малое же число читателей, тайно принимающихъ живое участіе въ сохраненіи его, не спѣшило разглашеніями. На это никто не доносилъ, и горе тому, кто бы осмѣлился сіе сдѣлать: искони старая Москва любила потворство-

вать всякаго рода маленькому своеволію. Самъ издатель, Гавриловъ, невѣдомо откуда имѣвшій средства къ поддержанію себя и журнала своего, лично былъ знакомъ съ немногими, чуждался сношеній съ извѣстными писателями, выставлялъ свое имя и скрывалъ свою особу, и какъ будто любилъ мракъ, въ который старался погрузиться.

Также особнякомъ, только не въ тѣни, жилъ и писалъ тогда въ Москвѣ еще одинъ сочинитель, князь Иванъ Михаиловичъ Долгорукой, бывшій при Екатеринѣ Пензенскимъ вице-губернаторомъ. Въ твореніяхъ его было столько же ума, оригинальности и безобразія, какъ, говорятъ, и въ наружности его; только о первыхъ могу я судить, послѣдней же никогда не видывалъ. Мнѣ кажется, ему не довольно отдавали справедливости: между стихами его много такихъ замѣчательныхъ по силѣ чувства, мысли и выраженія, что не затверживая сохранилъ я ихъ въ памяти.

Все это при Павлѣ. Число литераторовъ при немъ было не весьма большое въ большой столицѣ. Но сколько въ обѣихъ столицахъ существовало ихъ непримѣтнымъ образомъ, сколько скрывалось по деревнямъ, сколько зрѣющихъ и даже назрѣвшихъ талантовъ, чтобы воспрянуть, дожидалось какъ будто назначеннаго часа. Онъ пробилъ 12-го Марта. Я былъ тогда въ Москвѣ и помню этотъ часъ; откуда что̀ взялось? Какъ будто изъ земли выросло! Все съ истиннымъ, равнымъ восторгомъ, но не съ равнымъ искусствомъ пустилось привѣтствовать и славословить Александра; все кинулось, кто къ трубамъ и къ лирамъ, кто къ балалайкамъ и гудкамъ, принимая одни за другіе, все загремѣло, запѣло, запищало; однимъ одамъ счету не было; старый Херасковъ и студентъ Мерзляковъ удачнѣе всѣхъ воспѣли пришествіе молодаго Царя.

Прошелъ годъ; все поустоялось, поутихло, и примѣтно увеличившееся сословіе начало приниматься за дѣло, еще мало писать, но составлять изъ себя общества и избирать предводителей. Настоящихъ партій, кромѣ Петербургской и Московской, быть не могло. Петербургская не замедлила обнаружить свой честолюбивый и нападательный духъ; она разсуждала логически: тамъ гдѣ Царь, тамъ должна быть и первенствующая власть. Московская же, по примѣру не главы своего, а образца и кумира, Карамзина, старалась сколь можно болѣе сохранять спокойствія и равнодушія къ симъ нападеніямъ.

Впрочемъ, кажется, и довольно трудно было бы кому-либо изъ сей партіи вступить въ ратоборство. Всѣ эти тогдашніе Московскіе литераторы по большей части были народъ смирный. Постараемся перечесть и изобразить ихъ.

Первымъ, послѣ главныхъ, почитался Василій Львовичъ Пушкинъ, о которомъ сказали, что эпиграмы его дѣлаютъ болѣе чести его сердцу, чѣмъ уму. Сибаритъ, франтъ, свѣтскій человѣкъ, онъ имѣлъ великое достоинство пріучать ушеса щеголихъ, княгинь и графинь къ звукамъ отечественной лиры. Стихи его не были геніальны, за то благозвучны и напоминали собой благовоспитанный кругъ, въ которомъ родились. Только подъ конецъ, разгнѣванному до неблагопристойности, случилось ему въ одно время выйдти изъ себя и превзойдти себя. Въ такомъ расположеніи, съ помощію природныхъ добродушія и веселонравія, удалось ему написать небольшую сатиру *Опасный Сосѣдъ*, которая изумила, поразила его насмѣшниковъ и заставила самыхъ строгихъ, серіозныхъ людей улыбаться соблазнительнымъ сценамъ, съ неимовѣрною живостію разсказа, однакоже съ нѣкоторою пристойностію, имъ изображеннымъ. Напечатать такого рода стиховъ не было возможно; но тысячи ихъ рукописныхъ копій, кажется, еще доселѣ сохранились. Не въ первый разъ приходится мнѣ говорить о семъ Пушкинѣ, можетъ-быть и не въ послѣдній.

О Мерзляковѣ говорить мнѣ будетъ трудно: много слышалъ я о немъ и о сочиненіяхъ его, только безъ вниманія, и оттого ихъ почти, а его вовсе не знаю. Мнѣ сдается, что въ словесномъ дѣлѣ былъ онъ тоже, что̀ въ военномъ искусствѣ великій тактикъ, которому не удалось выиграть ни одного сраженія. На нападки, на придирки изъ Петербурга, кажется, смотрѣлъ онъ какъ на дрязги, недостойныя его вниманія. Гораздо, гораздо послѣ былъ онъ первый, который читалъ публичныя лекціи о Русской словесности и въ университетской залѣ залѣ собиралъ вокругъ себя многочисленныхъ слушателей и слушательницъ.

Жуковскій еще мало былъ извѣстенъ въ первое пятилѣтіе Александрово. Куда ему было вступать въ полемику, когда всю жизнь онъ ея чуждался? Просторѣчивый и дѣтски или, лучше сказать, школьнически шутливый, онъ уже былъ тогда весь исполненъ вдохновеній, но стыдливый, скромный, какъ будто колебался обнаружить ихъ передъ свѣтомъ. Не помню, въ 1803 или въ 1804 году, дерзнулъ онъ показаться ему. Первый трудъ его, переводъ Греевой элегіи *Сельское Кладбище*, остался не замѣченъ толпою обыкновенныхъ читателей; только немногіе, способные постигать высокое и давать цѣну изящному, съ перваго взгляда въ небольшомъ твореніи узнали великаго мастера. Года два спустя, узнали его и, не умѣя еще дивиться ему, уже полюбили, когда, подобно пѣвцу о полку Игоревѣ, въ чудесныхъ стихахъ оплакалъ онъ падшихъ въ пораженіи Аустерлицкомъ. Видно въ Славянской природѣ есть особенное свойство величественно и трогательно

воспѣвать то, что̀ другіе народы почитаютъ для себя унизительнымъ; доказательствомъ тому служатъ и Сербскія пѣсни.

Въ Бѣлевскомъ уединеніи своемъ, гдѣ проводилъ онъ половину года, Жуковскій пристрастился къ Нѣмецкой литературѣ и сталъ насъ подчивать потомъ ея произведеніями, которыя по формѣ и содержанію своему не совсѣмъ приходились намъ по вкусу. Упитанные литературою древнихъ и Французскою, ея покорною подражательницей (я говорю только о просвѣщенныхъ людяхъ), мы въ выборахъ его увидѣли нѣчто чудовищное. Мертвецы, привидѣнія, чертовщина, убійства̀, освѣщаемыя луною, да это все принадлежитъ къ сказкамъ, да развѣ Англійскимъ романамъ; вмѣсто Геро, съ нѣжнимъ трепетомъ ожидающей утопающаго Леандра, представить намъ бѣшено-страстную Ленору со скачущимъ трупомъ любовника! Надобенъ былъ его чудный даръ, чтобы заставить насъ не только безъ отвращенія читать его баллады, но, наконецъ, даже полюбить ихъ. Не знаю, испортилъ ли онъ нашъ вкусъ; по крайней мѣрѣ создалъ намъ новыя ощущенія, новыя наслажденія. Вотъ и начало у насъ романтизма.

Много говорилъ я о немъ и о талантѣ его во второй части Записокъ моихъ. Боюсь повторять себя, но о необыкновенномъ человѣкѣ всегда сыщется сказать въ прибавкахъ что-нибудь новое. Въ бесѣдахъ съ короткими людьми, въ разговорахъ съ ними часто до того увлекался онъ душевнымъ, полнымъ, чистымъ веселіемъ, что начиналъ молоть премилый вздоръ. Когда же думы засядутъ въ головѣ у него, то съ исключительнымъ участіемъ на землѣ начинаетъ онъ искать одну грусть, а живыя радости видитъ въ одномъ только небѣ. Оттого-то, мало создавая, все имъ выбранное на ней спѣшилъ онъ облекать въ его свѣтъ. Все тянуло его къ неизвѣстному, незримому и имъ уже сильно чувствуемому. Не такою ли нѣжною тоской наполнялись души первыхъ христіанъ? Отъ гадкаго всегда умѣлъ онъ удачно отворачиваться и, говоря его стихами, всю низость настоящаго онъ смолоду еще позабылъ и пренебрегъ. Въ немъ точно смѣшеніе ребенка съ ангеломъ, и жизнь его кажется длящимся превращеніемъ изъ перваго состоянія прямо въ послѣднее. Какъ я записался о немъ и какъ трудно разстаться мнѣ съ Жуковскимъ! Когда только вспомню о немъ, мнѣ всегда становится такъ отрадно: я самъ себѣ кажусь лучше.

Чтобы переходъ отъ него къ глупцамъ сдѣлать менѣе рѣзкимъ, назову я Макарова. Только не надобно смѣшивать; между литераторами тогда въ Москвѣ ихъ было двое: Петръ и Михаилъ; одинъ былъ чрезвычайно уменъ, другой... не совсѣмъ. Этотъ Петръ Ивановичъ Макаровъ былъ отличный критикъ, ученый, добросовѣстный, безпристрастный, пристойный. Онъ подвизался въ журналѣ, имъ самимъ из-

даваемомъ, кажется, въ *Московскомъ Меркуріи* и, разумѣется, болѣе за Карамзина. Это продолжалось недолго: онъ умеръ слишкомъ рано, едва въ зрѣлыхъ лѣтахъ, какъ много другихъ у насъ полезныхъ и достойныхъ людей. А Макаровъ 2-й уцѣлѣлъ; я уже упоминалъ о немъ, какъ о товарищѣ моемъ въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, какъ о трудолюбивомъ, бездарномъ, безконечномъ, нескончаемомъ писателѣ.

Каковъ бы онъ ни былъ, этотъ Михаилъ Николаевичъ Макаровъ, мнѣ все непонятно, какъ могъ онъ Шаликову позволить взять передъ собой первенство? Развѣ изъ уваженія къ старшинству лѣтъ и заслугъ. Между сими двумя мужами и еще однимъ третьимъ составился крѣпкій союзъ, долго существовавшій. У меня глупая привычка всегда узнавать имя и отчество человѣка и потомъ сохранять ихъ въ памяти. Итакъ третьяго звали Борисъ Карловичъ Бланкъ (хорошо, что и это еще упомнилъ, за то уже ничего болѣе о немъ не знаю). Эти люди, въ совокупности съ какими-то другими, много, много, долго, долго писали, а что̀ они писали? Этого нынѣ въ Москвѣ почти никто не помнитъ, и ихъ творенія, еще при жизни ихъ, только съ трудомъ отыскивались въ *собраніяхъ древнихъ рѣдкостей*. Всѣ они, не спросясь здраваго разсудка и Карамзина, даже ему незнакомые, принялись его передразнивать; и это въ Петербургѣ назвали его партіей.

Одинъ только изъ нихъ, Шаликовъ, и то странностями своими, получилъ нѣкоторую извѣстность. Еще при Павлѣ писалъ онъ и печаталъ написанное. Какъ во дни терроризма, подъ стукъ безпрестанно движущейся гильотины, Французскіе поэты воспѣвали прелести природы, весны, невинную любовь и забавы, такъ и онъ въ это время, среди общаго испуга, почти одинъ любезничалъ и нѣжничалъ. Его почти одного только было и слышно въ Москвѣ, и оттого-то вѣроятно между не весьма грамотными тогда Москвичами пользовался онъ особеннымъ уваженіемъ *). У него видѣли манеру Карамзина и почитали будущимъ его преемникомъ.

Карамзинъ довольствовался тѣмъ, что у себя никого изъ сихъ господъ не принималъ, но полагалъ, что для нихъ жестоко обидно будетъ, если онъ явно станетъ отрекаться отъ нихъ. Они же оставались преспокойны, почитая себя въ совершенной безопасности отъ

---

*) Мнѣ сказывалъ Загоскинъ, что во время малолѣтства случалось ему съ родителями гулять на Тверскомъ бульварѣ. Онъ помнитъ толпу, съ любопытствомъ, въ почтительномъ разстояніи идущую за небольшимъ человѣчкомъ, который то шибко шелъ, то останавливался, вынималъ бумажку и на ней что-то писалъ, а потомъ опять пускался бѣжать. „Вотъ Шаликовъ", говорили шепотомъ, указывая на него, „и вотъ минуты его вдохновенія".

Петербургскихъ нападеній и думая, что всѣ стрѣлы недоброжелательства должны падать на избраннаго ими. Правда, въ Петербургѣ объ нихъ и не думали, а наоборотъ изрѣченія: «поражу пастыря и разыдутся овцы», хотѣли, нападая на паршивыхъ овецъ, истребить пастыря, который имъ никогда даже не бывалъ.

Только Димитріевъ окружалъ себя этимъ народомъ и въ особенности любилъ тѣшиться Шаликовымъ. Оно, конечно, довольно забавно видѣть ворону, которая воркуетъ голубкомъ; но, кажется, скоро это должно прискучить. Вотъ до чего насъ, старыхъ холостяковъ, доводитъ иногда скука одиночества! Не знаю, какъ Димитріевъ могъ съ этимъ ладить. Онъ очень дорого цѣнилъ высокое званіе свое и умѣлъ его поддерживать, а до министерства своего и послѣ него, жилъ въ Москвѣ всегда въ обществѣ такъ называемыхъ литераторовъ. Извѣстно, что всѣ эти мелкіе писачки, все людъ заносчивый и тщеславный: напечатаетъ четверостишіе и думаетъ уже имѣть права на безсмертіе и на равенство съ Вольтеромъ. Еслибъ Данте и Шекспиръ воскресли, мнѣ кажется, что самый послѣдній изъ нихъ не задумавшись сѣлъ бы съ ними рядомъ и началъ говорить имъ ты. Ничего не можетъ быть труднѣе, какъ удерживать тварей, всегда готовыхъ положить ноги на столъ, а этой работѣ посвятилъ себя Иванъ Ивановичъ. Онъ стоялъ такъ высоко, что она ему была легче, чѣмъ кому другому; однакоже не разъ и онъ вынужденъ былъ забывающимъ себя отказывать отъ дому. И какъ ни говори, это нѣсколько роняло его въ мнѣніи и приготовило то нестерпимое обращеніе словесниковъ, которое мы нынѣ видимъ. Нѣтъ, я придерживаюсь Французской поговорки, что лучше быть одному, чѣмъ худо сопровождаемому.

Ни съ Жуковскимъ, ни съ Шаликовымъ не нашелъ я приличнымъ назвать вмѣстѣ Владимира Васильевича Измайлова. Онъ, говорятъ, былъ человѣкъ почтенный и добрый, только также черезъ-чуръ вдавался въ ложную чувствительность. Недавно попытался я прочесть Путешествіе его въ полуденную Россію; и что же? слогомъ отмѣнно опрятнымъ написаны все пустяки, о коихъ не стоило говорить. Нѣтъ возможности читать это наркотическое произведеніе: скука и зѣвота такъ и одолѣваютъ.

Около 1806 года Карамзинъ пересталъ издавать *Вѣстникъ Европы* и передалъ его молодому другу своему, Жуковскому. Я говорилъ уже объ этомъ журналѣ въ предшествующей части сихъ Записокъ. Примѣчательно въ немъ было быстрое развитіе таланта издателя, и до того уже необычайнаго; онъ росъ не по днямъ, а по часамъ, такъ что сама Бѣдная, милая Лиза уже казалась дѣвченкой въ сравненіи съ величественною Мароой: что эта за красота, и что за сила въ ея изобра-

женіи! Съ этого времени онъ умолкъ и предался великому, безсмертному труду, съ высочайшаго соизволенія имъ предпринятому.

Про другіе Московскіе тогдашніе журналы слышалъ я только вскользь. Помню, что еще до *Вѣстника* при *Московскихъ Вѣдомостяхъ* еженедѣльно выдавался литературный листокъ, подъ названіемъ *Иппокрены*, и что сей мутный, непримѣтный ручей текъ безъ всякаго шума. Послѣ, если не ошибаюсь, были и *Эфемериды*; а послѣ еще и *Меркурій*, издаваемый Макаровымъ, про который я уже говорилъ. Вдругъ вздумалось затѣйнику Макарову 2-му, который первому совсѣмъ не былъ родня, объявить объ изданіи *Амура*, подъ вымышленнымъ именемъ небывалой княжны Елисаветы Трубецкой. Дорого было пришлось ему расплатиться за эту совсѣмъ неумную проказу: всѣ Трубецкіе возстали, и начальство архивское едва могло дѣло сіе утушить. Эротическими названіями надѣялись эти господа привлекать и женщинъ. Такимъ образомъ явилась и Шаликовская Аглая, и были читатели, которые дуру эту принимали за Грацію.

Совсѣмъ въ иномъ духѣ, въ иномъ родѣ показался, наконецъ, *Русскій Вѣстникъ*. Для успѣховъ болѣе всего нужно умѣніе выбирать время. Когда изданіемъ сего журнала Сергѣй Николаевичъ Глинка сдѣлался извѣстенъ, Москвичамъ начинало уже тошниться отъ подслащеннаго рвотнаго, приготовляемаго другими журналистами и ихъ сотрудниками, и любовь къ отечеству примѣтно возрастала съ видимо-умножающимися для него опасностями. Глинка былъ истинный патріотъ, безъ исключенія превозносилъ все отечественное, безъ исключенія поносилъ все иностранное. Пусть нынѣ смѣются надъ такими людьми: я люблю ихъ непреклонный характеръ цѣликомъ. Въ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы тогда находились, журналъ его, при всемъ несовершенствѣ своемъ, былъ полезенъ, даже благодѣтеленъ для провинцій.

Они съ Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ въ одно время сдѣлались въ Москвѣ основателями двухъ своекоштныхъ, военныхъ, патріотическихъ школъ. Воины были тогда нужнѣе всего. Муравьевъ взялся образовать молодыхъ дворянъ для пополненія ими великаго недостатка въ офицерахъ, чувствуемаго въ генеральномъ штабѣ и по части артилерійской и инженерной. Преподавая имъ высшія математическія науки, онъ вселялъ въ нихъ и высокія чувства народной гордости. Глинка захотѣлъ быть просвѣтителемъ Донскихъ казаковъ и принялся за умъ и за сердце пылкихъ, дикихъ мальчиковъ. Довольно грубымъ, но пламеннымъ и имъ понятнымъ языкомъ вливалъ онъ въ нихъ любовь къ познаніямъ и къ великому ихъ Россійскому отечеству.

Кто нынѣ рѣшится на столь славные и безкорыстные подвиги? Кто хвалитъ ихъ, или кто помнитъ ихъ? Или, лучше, кто знаетъ объ

нихъ? Конечно патріотизмъ, эта неземная любовь къ земному, есть чувство, которое въ самомъ себѣ находитъ муку и отраду: его ни поощрять, ни награждать нечего. Но все-таки кажется, что совершенное забвеніе и, еще хуже того, строгое наказаніе не должны же быть слѣдствіемъ сей, по крайней мѣрѣ, простительной страсти. Одинъ изъ тѣхъ, о коихъ говорилъ, давно забытый, окончилъ вѣкъ въ сельскомъ уединеніи; другой просидѣлъ на гауптвахтѣ за неумышленное упущеніе по цензурѣ, но скорѣе за чистосердечную неукротимость свою, что́ навсегда и положило храненіе устамъ его. Почтенные люди, если послѣ меня въ какомъ-нибудь углу уцѣлѣютъ небрежно составляемыя мною Записки, то потому уже почитаю ихъ достойными храненія, что о заслугахъ вашихъ скажутъ они болѣе насъ, можетъ-быть, благодарному потомству.

Да что же ты ничего не говоришь о сенаторѣ-кураторѣ Кутузовѣ? Скажутъ мнѣ, что́ съ нимъ сдѣлалось? Или что онъ дѣлалъ? Онъ отмалчивался, ни съ кѣмъ не ссорился и оставался представителемъ и кореспондентомъ Петербурга.

Гораздо опаснѣе его и гораздо его сердитѣе былъ новый противникъ, который сначала тайно, а потомъ явно возставалъ на Карамзина. Онъ, также какъ и Зоилъ, былъ родомъ и душею Грекъ, находился профессоромъ исторіи въ Московскомъ университетѣ и назывался Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій. Всѣ недруги его, а ихъ было много, отдавали справедливость его уму и учености; но вмѣстѣ тѣмъ имѣлъ онъ всѣ тѣ ненавистныя свойства, которыя отличаютъ Грековъ нынѣшняго и всѣхъ прошедшихъ временъ и которыя послѣ имѣлъ я случай такъ коротко узнать: безпокойный духъ, ужасное высокомѣріе, пронырство, неблагодарность, раздражительность и вѣчная жажда мести. Можно себѣ представить, какъ все выше и выше полетъ Карамзина долженъ былъ терзать его мрачную душу. Долго, весьма долго одинъ парилъ, какъ орелъ; а другой не переставалъ шипѣть, какъ змѣя.

Въ это же время въ Москвѣ явилось маленькое чудо. Несовершеннолѣтній мальчикъ Вяземскій вдругъ выступилъ впередъ, и защитникомъ Карамзина отъ непріятелей, и грозою пачкуновъ, которые, прикрываясь именемъ и знаменемъ его, безславили ихъ. Одинъ изъ богатыхъ и просвѣщеннѣйшихъ Московскихъ вельможъ, князь Андрей Ивановичъ Вяземскій, вручилъ судьбу и руку прекрасной любимицы своей, дочери сердца своего, другу своему Карамзину и, чувствуя приближеніе смерти ему же поручилъ воспитаніе и будущую участь единственнаго малолѣтняго своего сына. Со всею силой нѣжнаго и пылкаго сердца, ребенокъ привязался къ зятю, опекуну, второму отцу своему;

а этому казалось, что Богъ даровалъ ему сына, и какого же?—исполненнаго благородства, ума и чувствительности. Можетъ быть, снисходительность, слѣпое къ нему пристрастіе его, послѣ, во многомъ повредили отроку, который слишкомъ рано захотѣлъ быть юношей и мужемъ. Карамзинъ никогда не любилъ сатиръ, эпиграмъ и вообще литературныхъ ссоръ, а никакъ не могъ въ воспитанникѣ своемъ обуздать браннаго духа, любовію же къ нему возбуждаемаго. А впрочемъ что за бѣда? Дитя молодое, пусть его тѣшится; а дитя куда тяжелъ былъ на руку! Какъ Иванъ-царевичъ, бывало князь Петръ Андреевичъ, кого за руку, рука прочь, кого за голову, голова прочь. И это было въ Москвѣ, гдѣ всегда съ нѣжнымъ восторгомъ говорятъ о Западѣ и стараются подражать ему, а между тѣмъ въ обыкновенномъ быту сохраняютъ всѣ навыки Востока, гдѣ глупцы всегда стояли и стоятъ еще подъ защитою законовъ цѣлаго общества, высшаго, низшаго; гдѣ животныя всякаго рода хранимы также всеобщимъ скотолюбіемъ, какъ въ Царѣградѣ собаки и кошки; гдѣ юродивые почитаются существами священными, какъ делибаши во всей Азіи. Въ этомъ странномъ, старинномъ Русскомъ, европейсгвующемъ городѣ, гдѣ всякій, не опасаясь названія клеветника, не обинуясь, можетъ по заочности такого то и такого-то, иногда весьма честнаго человѣка, назвать мошенникомъ, воромъ, злодѣемъ, бѣда если кто острымъ словцомъ задѣнетъ дурака; а изъ Вяземскаго они такъ и сыпались.

Онъ могъ бы пострадать: какъ ни зубастъ онъ былъ, его бы заѣли; но онъ былъ молодъ, богатый женихъ и чрезвычайно влюбчивъ. И женщины-матери, и дочери, охотно видя въ немъ будущаго зятя, любовника или мужа, стояли за него горой. Къ тому же вездѣ женщины болѣе способны понимать тонкости ума и во всѣхъ странахъ любятъ смѣлость мущинъ: то и другое онѣ въ немъ находили и всѣмъ составомъ своего пола отстаивали его. И не однѣ еще: онъ скоро сдѣлался идоломъ молодежи, которую роскошно угащивалъ и съ которою дѣлилъ ея буйныя забавы. Да не подумаютъ, однакоже, что этотъ острякъ, смѣльчакъ былъ съ кѣмъ бы либо дерзокъ въ обращеніи; онъ всегда умѣлъ уважать полъ и лѣта. Баловень родныхъ, друзей и прекраснаго пола, при постоянныхъ успѣхахъ и среди многихъ заблужденій своей счастливой молодости, онъ никогда не зазнавался, всегда оставался доброжелателенъ, сострадателенъ и любящъ. Онъ служилъ доказательствомъ, что остроуміе совсѣмъ не плодъ дурнаго сердца, а скорѣе живаго, веселаго нрава. О чрезвычайномъ стихотворномъ его талантѣ пока ни слова; будетъ еще мѣсто и время поговорить объ немъ, если поживется.

Мнѣ, однакоже, пришла охота показать здѣсь обращикъ этого таланта, тогда еще не созрѣвшаго. Шаликовъ объявилъ всѣмъ о намѣреніи своемъ отправиться за границу; за однимъ стало дѣло, за деньгами. Вяземскій воспѣлъ сіе несостоявшееся отбытіе. Я помѣщу здѣсь только то, что́ изъ этихъ стиховъ припомню.

Съ собачкой, съ посохомъ, съ лорнеткой,
И съ миртовой отъ мошекъ вѣткой,
Подвязанъ розовымъ платкомъ,
Въ карманѣ пара мадригаловъ,
Съ едва звенящимъ кошелькомъ,
Вотъ какъ пустился нашъ Вздыхаловъ
По свѣту странствовать пѣшкомъ.

Прежде того, прощаясь съ друзьями, Шаликовъ говоритъ имъ:

Прости, Макаровъ, Фебомъ чтимый,
И ты, о Бланкъ неистощимый,
Единственный читатель мой.

Недавно дѣлалъ я поиски, и въ свѣдѣніяхъ только что мною полученныхъ открылъ бездну литературныхъ сокровищъ того времени, зарытыхъ въ забвеніи, и симъ кладомъ хочу подѣлиться съ читателемъ. Исключая *Вѣстника Европы* (о которомъ ошибочно сказалъ я, что Карамзинъ передалъ его прямо Жуковскому, тогда какъ сей послѣдній гораздо послѣ два года издавалъ его вмѣстѣ съ Каченовскимъ, тогда еще не обнаруживавшимъ свои прекрасныя свойства) было еще нѣсколько неназванныхъ мною журналовъ, и вотъ ихъ названія: 1) *Журналъ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія*, съ 1802 по 1804 годъ, издаваемый Панкратіемъ Сумароковымъ, 2) *Новости Руской Литературы* съ 1802 по 1805 г., издаваемыя Сохацкимъ и Побѣдоносцевымъ, 3) *Другъ Просвѣщенія*, въ 1804 г., издаваемый двумя сенаторами: графомъ Хвостовымъ и Кутузовымъ, 4) *Журналъ для милыхъ*, въ 1804 же г., издаваемый, разумѣется, Макаровымъ 2-мъ, 5) *Патріотъ, журналъ воспитанія*, въ 1804 же г., издаваемый Владиміромъ Измайловымъ, 6) *Московскій Курьеръ*, въ 1805 и въ 1806 гг., издаваемый опять Макаровымъ 2-мъ, 7) *Ученыя Вѣдомости*, въ 1805 и 1806 гг., издаваемыя при университетѣ какимъ-то профессоромъ Буле.

Не даромъ Дмитріевъ въ одной эпиграмѣ сказалъ тогда:

Журналовъ тысячу, а книги ни одной.

Съ Москвою кое-какъ еще я справился; не знаю какъ-то будетъ съ Петербургомъ.

Державинъ находился въ немъ въ томъ же самомъ состояніи успокоившагося патріарха, какъ Херасковъ въ Москвѣ, и тѣмъ са-

мымъ передъ нею давалъ уже ему перевѣсъ, въ отношеніи къ словесности. Заживо онъ сопричтенъ уже былъ къ сонму боговъ: два верховные жреца, Шишковъ и Шаховской, ему поклялись и именемъ его управляли толпою мелкихъ служителей, дьячковъ, пономарей, звонарей Аполлона.

О счастливой мысли перваго посредствомъ Славянскихъ изреченій и оборотовъ украсить и усилить Русскій языкъ я уже говорилъ. Она родилась въ головѣ совсѣмъ не геніальной; тѣмъ не менѣе должны мы чтить память весьма почтеннаго, хотя немного смѣшнаго старца. Много говорилъ я и о послѣднемъ, можетъ быть, слишкомъ много.

О Крыловѣ неоднократно упоминалъ я. Въ изображеніи Русскаго театра объ Озеровѣ высказалъ все, что̀ зналъ. Мнѣ остается еще представить множество рядовыхъ писателей, которые слѣпо шли подъ знаменами двухъ вышесказанныхъ предводителей, особенно же Шишкова; простыхъ работниковъ, которые словесностію, какъ ремесломъ, въ тихомолку промышляли. Ихъ ничтожество давно поглощено забвеніемъ, я не вижу ни возможности, ни нужды ихъ оттуда вытаскивать. Если же который взбредетъ на память, то, да проститъ мнѣ читатель, я не оставлю назвать его.

Между сими мелкими лицами, въ памяти моей возникаетъ одно крупное лицо, которое раза два мимоходомъ пришлось мнѣ назвать. Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, первый и предпослѣдній графъ сего имени (ибо пожилой сынъ его вѣроятно не женится), былъ извѣстенъ всей читающей Россіи. Для знаменитости, даже въ словесности, великіе недостатки болѣе нужны, чѣмъ небольшія достоинства. Когда и какъ затѣялъ онъ нѣсколько поколѣній смѣшить своими стихами, этого я не знаю; знаю только по наслышкѣ, что въ первой и въ послѣдующихъ за нею молодостяхъ, лѣтъ до тридцати пяти, слылъ онъ богатымъ женихомъ и потому присватывался ко всѣмъ знатнымъ невѣстамъ, которыя съ отвращеніемъ отвергали его руку. Наконецъ, пришлась по немъ одна княжна Горчакова, которая едвали не столько же славилась глупостію, какъ родной дядя ея Суворовъ—побѣдами. Этотъ союзъ вдругъ поднялъ его: будучи не совсѣмъ молодъ, неблагообразенъ и неуклюжъ, пожалованъ былъ онъ камеръ-юнкеромъ пятаго класса—званіе завидуемое, хотя обыкновенно оно давалось осмнадцатилѣтнимъ знатнымъ юношамъ. Это такъ показалось странно при Дворѣ, что были люди, которые осмѣлились замѣтить о томъ Екатеринѣ. «Что̀ мнѣ дѣлать, отвѣчала она, я ни въ чемъ не могу отказать Суворову: я бы этого человѣка сдѣлала фрейлиной, еслибъ онъ того потребовалъ».

Тутъ начинается его извѣстность. Придворный чинъ, родство съ Суворовымъ, большое состоянiе, все это высоко цѣнилось; при этомъ поэзiя его шла даромъ: никто не обращалъ на нее вниманiя. А въ ней-то и видѣлъ онъ надежды на будущее свое величiе. Оберъ-прокурорство, сенаторство, лента, наконецъ графское достоинство, въ память Суворова Сардинскимъ королемъ ему дарованное, все это, конечно, тѣшило его тщеславiе, но не удовлетворяло честолюбiя: ему хотѣлось прославиться, жить въ вѣкахъ. Обманывалъ ли онъ самъ себя насчетъ дарованiя своего, или морочить хотѣлъ людей, чтобы при жизни насладиться ихъ рукоплесканiями, вотъ что̀ трудно разобрать. Всю долголѣтнюю жизнь свою просуетился, промучился онъ напрасно только изъ того, чтобъ его похвалили; желанiе это обратилось у него въ болѣзнь, въ чесотку, въ бѣшенство. Чего онъ не дѣлалъ? Подличалъ извѣстнымъ авторамъ, дарилъ сочиненiя свои книгопродавцамъ и нераспроданное самъ покупалъ, чтобы приступить къ другому изданiю; кормилъ, угощалъ голодныхъ стихотворцевъ, ссужалъ ихъ деньгами. Хвалить его было имъ невозможно: никто не рѣшился бы на столь позорное дѣло; совѣстливые молчали, а безсовѣстные надъ нимъ же ругались въ стихахъ. Вошло въ обыкновенiе, чтобы всѣ молодые писатели объ него оттачивали перо свое, и безъ эпиграмы на Хвостова какъ будто нельзя было вступить въ литературное сословiе; входя въ лѣта, уступали его новымъ пришельцамъ на Парнасъ, и такимъ образомъ цѣлый вѣкъ молодымъ ребятамъ служилъ онъ потѣхой.

Такое общее ожесточенiе можно бы назвать безчеловѣчiемъ, если бы самъ онъ поступками своими не безпрестанно подавалъ поводу къ насмѣшкамъ. За все брался онъ: сочинялъ, переводилъ трагедiи, комедiи, поэмы, оды, посланiя, басни, одно хуже, одно нелѣпѣе другаго; метроманiя нигдѣ еще не являлась въ столь смѣшномъ, неугомонномъ и запачканномъ видѣ. Онъ имѣлъ характеръ неблагородный, наружность подлую и нарядъ всегда засаленный. Неизвѣстно, примѣчательная нечистоплотность отъ жены ли къ нему привилась, или отъ него къ ней; только неопрятность обоихъ супруговъ была баснею Петербурга. Кажется, самъ онъ никогда не умывался, а въ комнатахъ его, подобныхъ хлѣвамъ, до того дышало заразительнымъ воздухомъ, что мефетизмъ стали знать подъ названiемъ хвостовизма. Онъ не принадлежалъ ни къ какой партiи, но втирался безъ разбору во всѣ литературныя общества и во всѣхъ оставался нулемъ, хотя, разумѣется, нигдѣ въ глаза не смѣли его дурачить.

Примѣчательны были также два Украинца: одинъ поэтъ въ отставкѣ, другой въ семъ званiи только-что поступившiй на службу. Оба

они, несмотря на единовѣріе, единокровіе, единозваніе, на двухвѣковое соединеніе ихъ родины съ Россіей, тайкомъ ненавидѣли ее и Русскихъ, Москалей, кацаповъ. Это были Капнистъ и Гнѣдичъ.

Василій Васильевичъ Капнистъ женился на родной сестрѣ жены Державина, и даже эти брачныя узы не могли привязать его къ Россіи. Онъ много написалъ стиховъ и весьма хорошихъ и, заключивъ поприще свое великимъ твореніемъ своимъ, называемымъ *Ябеда*, опустился на лавры. Не обращая вниманія на наши слабости, пороки, на наши смѣшныя стороны, онъ въ преувеличенномъ видѣ, на позоръ свѣту, представилъ преступныя мерзости нашихъ главныхъ судей и ихъ подчиненныхъ. Тутъ ни въ дѣйствіи, ни въ лицахъ нѣтъ ничего веселаго, забавнаго, а одно только ужасающее, и не знаю почему назвалъ онъ это комедіей. Лѣтъ сорокъ спустя, одинъ изъ единоземцевъ его, малорослый Малороссъ, коего назвать здѣсь еще не мѣсто, движимый тѣми же побужденіями, въ такомъ же духѣ написалъ свои комедіи и повѣсти. Не выводя на сцену ни одного честнаго Русскаго человѣка, онъ предалъ насъ всеобщему поруганію въ лицахъ (по большей части вымышленныхъ) нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ. И за то, о Боже, половина Россіи провозгласила циника сего великимъ!

Природа поставила Николая Ивановича Гнѣдича на той самой точкѣ, гдѣ кончается глупость и начинается умъ; но въ него съ этой точки довольно часто умѣлъ онъ дѣлать набѣги. Лицо его, которому говорятъ, суждена была красота, изуродовано и изрыто было оспою, которая въ опустошительной ярости своей лишила его глаза. Муза его была чопорна, опрятна, суха и холодна, какъ онъ самъ; на выдумки не была она великая мастерица, да и въ подражаніяхъ и переводахъ болѣе всего отличалась точностію и вѣрностію. По пріѣздѣ его первый разъ въ Петербургъ, обстоятельства его, видно, были до того плохи, что онъ рѣшился на неслыханное средство, на исканіе покровительства и помощи графа Хвостова. Въ посланіи къ нему, которое, къ счастію его, не было напечатано, но съ котораго, къ несчастію его, не всѣ успѣлъ онъ потомъ истребить копіи, въ семъ посланіи, гдѣ умоляя его, старается онъ его разжалобить, находится между прочимъ этотъ стихъ:

И дуренъ я, и кривъ, и денегъ не имѣю.

Счастіе ему помогло: онъ скоро нашелъ другаго покровителя посильнѣе, по-умнѣе и по-благороднѣе Хвостова, который, во ввѣренныхъ управленію его частяхъ, успѣлъ доставить ему покойныхъ мѣста два съ хорошимъ содержаніемъ. Тогда задумалъ онъ приступить къ труду важному, долголѣтнему, который успѣшно онъ продолжалъ и счастливо

кончилъ, къ переводу *Иліады.* Для поддержанія его въ семъ трудѣ испрошено ему было великое поощреніе, пенсіонъ въ полторы тысячи рублей отъ великой княгини Екатерины Павловны. Все, кажется, налагало на него долгъ благодарности къ Россіи, а онъ питалъ къ ней совсѣмъ противное чувство, которое гораздо послѣ, противъ воли его, мнѣ часто обнаруживалось въ короткихъ съ нимъ бесѣдахъ.

Говоря о Русскомъ театрѣ, я называлъ нѣсколько человѣкъ, переводившихъ трагедіи. Литературныя ихъ достоинства были такъ слабы, что сего было бы достаточно, еслибы въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не было бы чего другаго примѣчательнаго. Напримѣръ, Преображенскій офицеръ, потомъ полковникъ и флигель-адъютантъ, Сергѣй Никифоровичъ Маринъ, переводчикъ *Меропы*, былъ военный острякъ, отъ котораго въ стихахъ крѣпко доставалось и словесникамъ, и свѣтскимъ людямъ. Они съ Шаховскимъ, будучи безсмѣнными у Александра Львовича Нарышкина, сдѣлались почти его домашними поэтами. Былъ еще къ нимъ въ прибавку и третій авторъ, не на одной ногѣ съ ними принятый. Не знаю, какъ попалъ въ этотъ домъ одинъ бѣдный, своенравный и самолюбивый Грекъ, воспитанный въ кадетскомъ корпусѣ и въ немъ же потомъ служившій. Имя его было Геракосъ, которое на Славяно-россійскій языкъ перевелъ онъ Гавріиломъ Гераковымъ и любилъ, чтобы такъ его называли. Извѣстно, что между Греками для ума нѣтъ средняго состоянія: все богачи или нищіе и что имъ убогіе всегда горды душою. Тогда въ Россіи стоило что-нибудь написать, да только напечатать, чтобы приписаться къ цеху даже ученыхъ; столько было смѣтливости въ Гераковѣ, чтобъ это увидѣть, и онъ началъ что-то писать и отдавать въ печать. Его тщеславіе безпрестанно тревожили и кололи, а когда начиналъ онъ выходить изъ терпѣнія, то спѣшили успокоивать его какою-нибудь похвалой или лаской; право похвастать тѣмъ что онъ коротокъ въ знатномъ домѣ было лучшій бальзамъ, врачевавшій раны, наносимыя его кичливости, и ослѣпленіе его на счетъ его достоинствъ не позволяло ему видѣть, что входъ въ него доставляетъ ему единственно титулъ шута. Маринъ былъ его казнію; въ пародіи стиховъ Державина на рожденіе порфиророднаго отрока онъ собираетъ у колыбели его колдуновъ и такимъ образомъ заставляетъ ихъ предрекать его будущность:

Будешь, будешь сочинитель
И читателей тиранъ.
Будешь въ корпусѣ учитель,
Будешь вѣчно капитанъ.
Будешь, и судьбы рѣшили,
Ростомъ двухъ аршинъ съ вершкомъ,
И всѣ старцы подтвердили:
Будешь вѣкъ ходить пѣшкомъ.

Онъ пылалъ страстію ко всему прекрасному полу, восхвалялъ его въ прозѣ и вѣчно ругалъ нѣжныхъ своихъ Московскихъ соперниковъ. Этимъ угодилъ онъ Шишкову и заслуживалъ отъ него самые лестные отзывы.

Нѣсколько словъ еще объ одномъ военномъ стихотворцѣ, однополчанинѣ Марина, объ офицерчикѣ Павлѣ Александровичѣ Катенинѣ, переводчикѣ *Цида* и *Гофолiи*. Круглолицый, полнощекій и румяный какъ херувимъ на вербѣ, этотъ мальчикъ вѣчно кипѣлъ какъ кофейникъ на конфоркѣ. Онъ былъ довольно хорошъ съ Шаховскимъ, ибо далеко превосходилъ его въ неистощимой хулѣ писателямъ: ни одному изъ нихъ не было отъ него пощады, ни Русскимъ, ни иностраннымъ, ни древнимъ, ни новымъ, и Виргилій всегда бывалъ первою его жертвой. Мудрено завидовать людямъ двѣ тысячи лѣтъ назадъ умершимъ; можетъ-быть, ему не хотѣлось быть на ряду съ обыкновенными людьми, почтительными къ давно признаннымъ достоинствамъ, и смѣлостію сужденій стать выше ихъ; а скорѣе не было ли это слѣдствіемъ страсти его къ спорамъ? Въ новѣйшее время мы также знали одного поэта, только настоящаго, который въ словесной борьбѣ находилъ величайшее наслажденіе; но онъ бралъ діалектикой, умомъ и всегда умѣлъ сохранять въ ней учтивость и хладнокровіе *). Катенину же много помогали твердая память и сильная грудь; съ ихъ помощію онъ всякаго перекрикивалъ и долго продолжалъ еще спорить, когда утомленный противникъ давно отвѣчалъ ему молчаніемъ. Не изъ угожденія Шишкову (ибо онъ никому не хотѣлъ нравиться, а всѣхъ поражать), а такъ изъ оригинальности, въ надеждѣ служить примѣромъ, Катенинъ свои трагедіи, стихотворенія безъ мѣры и безъ искусства начинялъ славянизмами. И чтò это было? Верхъ безвкусія и безсмыслія! Видалъ я людей самолюбивыхъ до безумія, но подобнаго ему не встрѣчалъ. У него было самое странное авторское самолюбіе: мнѣ случилось отъ него самаго слышать, что онъ охотнѣе проститъ такому человѣку, который назоветъ его мерзавцемъ, плутомъ, нежели тому, который хотя бы по заочности назвалъ его плохимъ писателемъ; за это готовъ онъ вступиться съ оружіемъ въ рукахъ. Еслибъ онъ сталъ лучше прислушиваться, то ему пришлось бы драться съ цѣлымъ свѣтомъ.

И графъ Сергѣй Павловичъ Потемкинъ былъ тоже поэтъ и офицеръ, и того же Преображенскаго полка. Тройственный союзъ его съ Шапошниковымъ и Висковатовымъ не долго продолжался. Стихотворство у него была прихоть богача, роскошь его: онъ любилъ не театръ, а актрисъ, не литературу, а маленькое меценатство. Онъ соскучился,

---

*) Хомяковъ.

женился, переѣхалъ въ Москву и тамъ принялся за другаго рода роскошь, болѣе блистательную, въ которой показалъ онъ гораздо болѣе вкуса и умѣнья, но которая довела его почти до нищеты. Оба товарища его пропали потомъ безъ вѣсти, какъ будто канули въ воду. Наши предки, которые, вѣроятно, слыхали о Летѣ, подъ этимъ разумѣли быть поглощену забвеніемъ.

Была еще пара писателей, которые, по сходству названій, всегда вмѣстѣ близнецами приходятъ мнѣ на память. Одинъ изъ нихъ, Евстафій Станевичъ, кажется Малороссіянинъ, переводчикъ Юнговыхъ *Ночей*, съ душею мрачною, почитался у насъ Рембрандтомъ поэзіи. Другой, Анастасевичъ, Полякъ, употребляемъ былъ графомъ Хвостовымъ для разныхъ послугъ, замѣчателенъ былъ тѣмъ, что въ Русскіе свои переводы и сочиненія вводилъ множество Польскихъ словъ, западныхъ императоровъ называлъ *заходными* и слугъ именовалъ всегда холуями.

Пора мнѣ остановиться. Я вѣдь не взялся писать біографіи литераторовъ и исторію тогдашней литературы, а представить только то, что въ это время объ ней придетъ мнѣ на память. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и я вижу, что если стану подбирать всѣ щепки, то никогда не кончу сей главы.

Вообще въ первое десятилѣтіе Александрово, Петербургскій, такъ-называемый, ученый міръ молодечествомъ и самохвальствомъ старался взять верхъ надъ Московскимъ; а въ сей послѣдней, какъ бы смотря съ презрѣніемъ на варваровъ, хотѣли отличить себя отъ нихъ любезностію и нѣжностію, и какъ Донъ-Кишотъ, въ Дмитріевой баснѣ, говоритъ грубіянамъ: «не бей меня, но пой», одни облекались въ броню и вооружались мечомъ, другіе вѣнчались розами и въ рукахъ держали свирѣль. Жаль только, что Петербургскіе писатели со смѣлостію соединяли мало ума и таланта и что вѣчныя похвалы ихъ отечеству, какъ напримѣръ въ *Храмѣ славы Россійскихъ героевъ*, Новгородскаго губернскаго прокурора Павла Юрьевича Львова, никого не воспламеняя, на всѣхъ наводили сонъ и зѣвоту.

Владѣя безспорно Парнасомъ, не дозволяя никому имѣть литературнаго мнѣнія противнаго ихъ мнѣніямъ и полагая, что мнимые ихъ противники осуждены никогда не покидать Москвы, Петербургскіе главные писатели не могли предвидѣть, что противъ ихъ неограниченной власти можетъ скоро составиться союзъ и заговоръ. И дѣйствительно, въ цѣломъ Петербургѣ всего на все былъ одинъ только не съ большимъ двадцати лѣтъ молодой человѣкъ, Блудовъ, полный ума и вкуса, который позволялъ себѣ явно осмѣивать ихъ недостатки и претензіи и писать на нихъ эпиграммы. Для обузданія его хотѣли они,

хотя тщетно, употребить даже высшую власть. Прибывшій въ 1805 году Александръ Тургеневъ присталъ къ нему, но былъ болѣе его остороженъ. Я слушалъ ихъ съ удивленіемъ: мнѣ казалось странно и непонятно живое участіе, принимаемое ими въ семъ дѣлѣ. Мнѣ было не до Шишкова: я бредилъ тогда Лагарпомъ, Парни, Фонтаномъ и Шатобріаномъ.

Вдругъ пришла ужасная вѣсть. Въ Твери, у Екатерины Павловны, Карамзинъ читалъ императору Александру нѣсколько главъ своей исторіи, этой исторіи, гдѣ по словамъ ихъ должны были встрѣчаться все одни милые Святополки и нѣжные Мстиславы. Не прошло мѣсяца какъ Дмитріевъ назначенъ министромъ юстиціи и скоро прибылъ въ Петербургъ; и онъ прибылъ не одинъ, а привелъ съ собою немногочисленную, но избранную дружину. Его сопровождали три юноши, Милоновъ, Граматинъ и Дашковъ; первые два были только-что поэтами, послѣдній тѣмъ, чѣмъ бы только захотѣлъ онъ быть. Огромный талантъ Милонова можно сравнить съ прекрасною зарей никогда не поднявшагося дня; много было его и въ Граматинѣ, но онъ также далеко не пошелъ. Первый талантъ свой потопилъ въ винѣ или лучше сказать въ водкѣ; послѣдній зарылъ его въ деревнѣ, куда навсегда переселился хозяйничать. О Дашковѣ, о незабвенномъ Дашковѣ, о которомъ воспоминаніе останется всегда прекраснѣйшимъ въ моей жизни, здѣсь говорить не буду: въ эту минуту я не чувствую себя способнымъ достойнымъ образомъ изобразить его.

Глава Славянофиловъ или Варягороссовъ, какъ ихъ тогда называть начали, со товарищи видѣли въ министерствѣ Дмитріева опасность для своего всемогущества, тогда какъ обязанности государственнаго сановника вовсе не оставляли времени Дмитріеву заниматься литературой. Правда, онъ часто принималъ у себя Блудова и Тургенева, за тихою трапезой съ ними и съ живущимъ у него Дашковымъ часто любилъ бесѣдовать о любимомъ предметѣ, между ними почиталъ себя какъ бы главою семейства, былъ отечески ласковъ и оказывалъ нѣжную снисходительность и покровительство Граматину и Милонову. Конечно, все это можно было почитать зародышемъ оппозиціи; но ея еще не было, а противники замышляли уже задушить ее при самомъ рожденіи.

Этого мало: имъ хотѣлось, въ случаѣ первой неудачи, поставить твердый оплотъ противъ распространенія ея дальнѣйшихъ успѣховъ. Россійская Академія была тогда ветхое укрѣпленіе, почти на двѣ трети защищаемое ветеранами литературы. И хотя Шишковъ былъ уже ея душою и убылыя въ ней мѣста пополнялъ одними своими клевретами, но все еще упрямился жить и президентствовать въ ней полумертвый,

дѣйствительный тайный совѣтникъ Андрей Андреевичъ Нартовъ, не совсѣмъ ему покорный. Надобно было изъ-за нея воздвигнуть твердыню, которая, содержа ее въ повиновеніи, служила бы ей въ одно время и защитою. Слѣдствіемъ глубоко-обдуманныхъ мѣръ, плодомъ искусно-начертаннаго стратегическаго плана было, въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1810 года, рожденіе *Бесѣды Любителей Россійскаго Слова.*

Обстоятельства чрезвычайно благопріятствовали ея учрежденію и началамъ. Мудрено объяснить состояніе умовъ тогда въ Россіи и ея столицахъ. По вкоренившейся привычкѣ не переставали почитать Западъ наставникомъ, образцомъ и кумиромъ своимъ; но на немъ тихо и явственно собиралась страшная буря, грозящая намъ истребленіемъ или порабощеніемъ; вѣра въ природнаго, законнаго защитника нашего была потеряна, и люди, умѣющіе размышлять и предвидѣть, невольно тѣснились вокругъ знамени, нѣкогда водруженнаго на Голгоѳѣ и вокругъ другаго невидимаго еще знамени, на которомъ уже читали они слово: отечество. Пристрастіе къ Европѣ примѣтно начало слабѣть и готово было превратиться въ нѣчто враждебное; но въ ней была порабощенная Италія, страждущая и борющаяся Гишпанія, Германія, которая тайно молила о помощи, и Англія, которая не переставала предлагать ее. Воспрянувшее въ разныхъ состояніяхъ чувство патріотизма подѣйствовало, наконецъ, на высшее общество: знатныя барыни на Французскомъ языкѣ начали восхвалять Русскій, изъявлять желаніе выучиться ему или притворно показывать будто его знаютъ. Имъ и придворнымъ людямъ натолковали, что онъ искаженъ, зараженъ, начиненъ словами и оборотами, заимствованными у иностранныхъ языковъ, и что Бесѣда составилась единственно съ цѣлію возвратить и сохранить ему его чистоту и непорочность; и онѣ всѣ взялись быть главными ея поборницами.

Маститый Державинъ, который воспѣлъ всѣ минувшія славы Россіи, для засѣданій Бесѣды отдалъ великолѣпную залу прекраснаго дома своего на Фонтанкѣ. Въ этой залѣ, ярко освѣщенной, какъ во храмѣ бога свѣта, не помню сколько разъ, зимой бывали вечернія, торжественныя собранія Бесѣды. Члены вокругъ столовъ занимали середину, тамъ же разставлены были кресла для почетнѣйшихъ гостей, а вдоль стѣнъ въ три уступа хорошо устроены были сѣдалища для прочихъ посѣтителей, по билетамъ впускаемыхъ. Чтобы придать симъ собраніямъ болѣе блеску, прекрасный полъ являлся въ бальныхъ нарядахъ, штатсъ-дамы въ портретахъ, вельможи и генералы были въ лентахъ и звѣздахъ, и всѣ вообще въ мундирахъ. Часть театральная, декораціонная была совершенство; заправлялъ ею, кажется, самъ Шаховской. Чтеніе обыкновенно продолжалось болѣе трехъ часовъ и какъ

содержаніемъ, такъ и слогомъ статей отнюдь не отвѣчало наружному убранству великой храмины. Дамы и свѣтскіе люди, которые ровно ничего не понимали, не показывали, а можетъ-быть, и не чувствовали скуки: они исполнены были мысли, что совершаютъ великій патріотическій подвигъ, и дѣлали сіе съ примѣрнымъ самоотверженіемъ. Горе было только тѣмъ, которые понимали и принуждены были безпрестанно удерживать зѣвоту. Модный свѣтъ полагалъ, что торжество отечественной словесности должно предшествовать торжеству вѣры и отечества.

На подобіе Государственнаго Совѣта, составленнаго изъ четырехъ департаментовъ, и Бесѣду раздѣлили на четыре разряда, и такъ же какъ у него, въ каждый посадили по предсѣдателю, да еще каждому дали по попечителю. Это былъ сущій вздоръ, ибо въ предметахъ занятій между разрядами не было никакого различія. Потомъ было въ каждомъ изъ нихъ по нѣскольку членовъ и по нѣскольку членовъ-сотрудниковъ, которые составляли какъ бы канцелярію Бесѣды. Вообще, она имѣла болѣе видъ казеннаго мѣста чѣмъ ученаго сословія, и даже въ распредѣленіи мѣстъ держались болѣе табели о рангахъ, чѣмъ о талантахъ. Попечителями были предсѣдатели въ Совѣтѣ, графъ Завадовскій и Мордвиновъ и министръ просвѣщенія графъ Разумовскій; какъ будто на смѣхъ, четвертымъ посадили министра юстиціи, Дмитріева. Почти всѣ вышепоименованные писатели попали въ члены, коихъ списокъ украшался именемъ Крылова, какъ вечернія собранія ихъ оживлялись немного чтеніемъ его басенъ. Въ числѣ сотрудниковъ находились и нашъ Жихаревъ, который тогда еще былъ не нашъ, и Гречъ, о которомъ я тогда не имѣлъ еще никакого понятія. Крыловъ, хотя и выдалъ особу свою Бесѣдѣ, но, говорятъ, тайкомъ подсмѣивался надъ нею. Доказательствомъ тому поставляютъ вскорѣ послѣ ея открытія выданную имъ басню *Квартетъ*, гдѣ проказница мартышка, оселъ, козелъ, да косолапый мишка спорятъ о мѣстахъ, и авторъ говоритъ имъ: «Друзья, какъ ни садитесь, а въ музыканты не годитесь».

Чтобы ни говорили, а Бесѣда, можетъ-быть, не весьма съ похвальными намѣреніями основанная, по мнѣнію моему, была во многомъ полезна. Вопервыхъ, самого Карамзина грубости Шишкова сдѣлали нѣсколько осмотрительнымъ; онъ указывалъ ему на средства дать болѣе важности и достоинства историческому слогу (болѣе онъ сдѣлать не могъ), а тотъ съ своимъ чудеснымъ умомъ и талантомъ не оставилъ ими воспользоваться. Нѣсколько молодыхъ писателей были поудержаны отъ жеманства, въ которое, по неопытности, могли бы впасть, глядя на Московскихъ вздыхателей. Наконецъ, покровительство и уваженіе, оказываемыя въ столицѣ отечественной словесности правительствомъ

и высшими сословіями, имѣли благотворное дѣйствіе на провинціи и нѣкоторымъ образомъ способствовали сближенію разныхъ состояній и согласію между ними, столь необходимыхъ въ эту памятную эпоху.

Какъ ни велико было авторское полчище, набранное Бесѣдою, все еще оставалось много людей, упражняющихся въ литературѣ, которыхъ она воспріять не захотѣла или которые сами въ ней быть не пожелали. Въ это время число ихъ до того увеличилось, что можно было, по примѣру Ривароля до революціи, составить въ одномъ Петербургѣ маленькій словарь маловеликихъ людей. Служащій въ министерствѣ просвѣщенія Димитрій Ивановичъ Языковъ, человѣкъ ученый, переводчикъ Шлецерова *Нестора*, нашелъ, что изъ сихъ остатковъ можно создать еще новое особое общество, предложилъ имъ о томъ, получилъ ихъ согласіе, для засѣданій выпросилъ одну изъ залъ опустѣвшаго Михайловскаго зȧмка и сдѣлался первымъ президентомъ Общества Любителей Наукъ, Словесности и Художествъ.

Никто изъ членовъ его не смѣлъ и подумать вступить въ соперничество и борьбу съ Бесѣдой; хотя Дашковъ, Милоновъ и Грамматинъ были приняты въ число ихъ, однакоже умѣли сохранить нѣкоторую отъ нея независимость. Между ними были примѣчательны два человѣка: Петербургскій Измайловъ, котораго звали Александръ Ѳеимовичъ, да еще Александръ Христофоровичъ Востоковъ, который изъ любви къ Россіи бросилъ Нѣмецкое прозваніе Остенекъ.

Первый былъ всѣмъ извѣстный баснописецъ въ родѣ Крылова. Между ними была та разница, что Крыловъ умѣлъ облагораживать простонародный языкъ, а этотъ сохранялъ ему всю первобытную его нечистоту. Однимъ словомъ, и всѣ въ томъ соглашались, это былъ Крыловъ на-веселѣ, зашедшій въ казарму, въ харчевню или въ питейный домъ.

Востоковъ, кажется, былъ нѣчто въ родѣ Мерзлякова, болѣе профессоръ поэзіи, чѣмъ поэтъ, искусный учитель пѣнія, у котораго не было голоса. Онъ заикался, и это напоминаетъ мнѣ стихи его, о самомъ себѣ написанные:

Языкъ ему не доданъ смертныхъ,
Но данъ языкъ боговъ.

Многіе увѣряли, что и на этомъ онъ заикается.

Еще было одно общество, но не столько литературное или ученое, сколько пріятельское. Оно состояло тогда изъ пяти или шести человѣкъ и собиралось только отобѣдать, потолковать или провести вечеръ у мецената своего, Алексѣя Николаевича Оленина, о которомъ также не здѣсь, а далѣе долженъ буду много говорить. Принадлежа ко всѣмъ и ни къ которой изъ партій или обществъ, члены Оленинскіе,

даже въ домѣ его, хлѣбосольномъ, для всѣхъ открытомъ, и принимая участіе въ общей веселости, составляли какой-то особый міръ, имѣющій особыя мнѣнія, особыя правила. Отличнѣйшими или отличенными между ними были Крыловъ и Гнѣдичъ. Другихъ не назову кромѣ одного, Александра Ивановича Ермолаева, скромнаго, молчаливаго и ученаго человѣка по части Русскихъ древностей. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, кои, оторвавшись отъ житейскаго, всѣмъ духомъ своимъ погружаются въ любимую науку.

Труды свои одна только Бесѣда издавала періодически, книжками, послѣ каждаго собранія и публичнаго чтенія. Журналовъ въ продолженіе этого времени было много въ Петербургѣ, все менѣе, чѣмъ въ Москвѣ; но какъ уже я сказалъ, я мало ими занимался и немногіе помню. *Сѣверную Почту* называть бы не слѣдовало, ибо это была офиціальная газета, называемая политическою, но которой страницы обыкновенно наполнялись только одними почти извѣстіями объ успѣхахъ выдѣлыванія свекловичнаго сахара и кунжутнаго масла, чтó было слѣдствіемъ продолжавшейся у насъ, по милости Наполеона, запретительной системы торговли. Она издавалась при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, подъ управленіемъ и покровительствомъ самого министра, Козодавлева, который хотѣлъ показать, какъ усердно онъ занимается мануфактурною частію *).

Еще былъ *С.-Петербургскій Вѣстникъ*, да еще *Улей*, журналъ непозволительно-безобразный и глупый, какъ по содержанію своему, такъ и по наружной формѣ: оберткой служила ему темносѣрая, толстая бумага съ волосьями, а издателемъ Анастасевичъ, подъ руководствомъ графа Хвостова.

Какъ бы мнѣ еще не забыть *Сіонскій Вѣстникъ* и имъ заключить сію длиннѣйшую изо всѣхъ главъ моихъ Записокъ. Издателемъ его былъ Александръ Θедоровичъ Лабзинъ, конференцъ-секретарь Академіи Художествъ, часть, которою онъ совсѣмъ почти не занимался. Сказывали, что онъ былъ человѣкъ строгой нравственности, живаго и пылкаго характера и что чистосердечіе его часто обращалось въ грубость. Онъ былъ ученикъ Николая Новикова, и журналъ его, можно сказать, былъ продолженіемъ *Утренняго Свѣта* и *Вечерней Зари*, тѣхъ, кои наставникъ его нѣкогда издавалъ въ Москвѣ. Нужно ли говорить, что онъ былъ чисто-религіознаго содержанія, но въ духѣ мартинизма, имъ исповѣдуемаго, и наполненъ былъ мечтательностію, отвлеченно-

*) Я начинаю повторять себя. О Сѣверной Почтѣ уже я говорилъ, и мнѣ бы слѣдовало вымарать строки сіи, но я ихъ оставляю, желая подвиги министра Козодавлева тверже сохранить въ памяти читателя.

стями, немногимъ понятными, и что оттого немногіе и читали его? По моему мнѣнію, христіанскій журналъ тогда только можетъ быть у насъ полезенъ, когда онъ будетъ вѣрующихъ еще болѣе утверждать въ Православіи и распространять свѣтъ его между невѣрующими, а *Сіонскій Вѣстникъ* былъ явнымъ посягательствомъ на его права. Сильное дѣйствіе его обнаружилось послѣ, когда источникомъ мистицизма сдѣлалась сама верховная власть, и онъ усиливался разлиться по всему лицу земли Русской. Зданіе ему, въ охраненіе и въ честь его воздвигнутое, Библейское Общество, внезапно рушилось, расшиблось, и рѣдко гдѣ нынѣ можно встрѣтить его дребезги.

XI.

Несчастнымъ происшествіемъ начался печальный 1811-й годъ. Въ то самое время, когда всѣ тѣшились и плясали, встрѣчая его, Большой каменный театръ, близь Коломны, заново отдѣланный, славный и обширный, ровно въ полночь загорѣлся; никакими средствами не могли унять пламя, и зарево его до утра освѣщало весь испуганный Петербургъ. Люди, которые ждутъ бѣды, во всемъ готовы видѣть худое предзнаменованіе. Одинъ только главный директоръ театра, Нарышкинъ, не терялъ веселости и присутствія духа: онъ сказалъ пофранцузски прибывшему на пожаръ, встревоженному Царю: «Ничего нѣтъ болѣе: ни ложъ, ни райка, ни сцены, все одинъ партеръ, tout est par terre».

Я шелъ въ это время пѣшкомъ къ себѣ на Малую Воскресенскую улицу съ Фурштатской, отъ сестры и зятя Алексѣевыхъ, которые за недѣлю до того пріѣхали. На столь дальнемъ разстояніи, меня такъ и обдало свѣтомъ. Вылѣчившись совершенно отъ ранъ, генералъ Алексѣевъ спѣшилъ въ Финляндію принять начальство надъ доставшеюся, въ мирное время, ему на часть бригадою и недѣли черезъ двѣ потомъ туда уѣхалъ.

По убѣжденію Александры Петровны Хвостовой, съ которою дружба все продолжалась у насъ попрежнему, съ самой осени жилъ я противъ ея квартиры въ домѣ одного сенатора Болотникова. Заборъ этого не совсѣмъ еще достроеннаго дома, близь Литейнаго двора, выходилъ прямо на Неву, и тѣмъ представлялось мнѣ пріятное удобство спокойно прогуливаться во всякое время, даже ночью, по гладкимъ, всегда вычищеннымъ гранитамъ ея набережной.

Согласно желанію той же Хвостовой, познакомился я и съ хозяевами дома, и они должны непремѣнно войдти въ опись встрѣченныхъ мною въ жизни странныхъ людей. Начнемъ съ супруга.

Во время первой молодости графа Бобринскаго, когда императрица Екатерина могла еще надѣяться, что изъ него выйдетъ что нибудь путное, велѣла она между кадетами Сухопутнаго Корпуса выбрать двухъ молодыхъ людей, которые бы отъ другихъ отличались особымъ прилежаніемъ къ наукамъ и примѣрнымъ поведеніемъ, чтобы сопутствовать ему за границу, куда посылала она его для довершенія его воспитанія. Выбраны были Борисовъ и Болотниковъ, произведены въ гвардіи офицеры и отправлены путешествовать. Про Борисова я ничего не знаю; а степенный, неподвижно-серіозный Болотниковъ, вѣроятно, долженъ былъ находиться въ вѣчномъ разладѣ съ невоздержанымъ, расточительнымъ Бобринскимъ; они воротились непріятелями. Не смотря на то, Государыня не лишила его своего покровительства, и неимущій, мелкій дворянинъ, съ самымъ малымъ состояніемъ, но съ великою бережливостію и порядочнымъ пособіемъ могъ поддержать себя въ гвардіи до капитанскаго чина. Въ Шведскую войну, при Екатеринѣ, находился онъ въ походѣ, влюбился во вдову убитаго подполковника фонъ-Бушена и женился на ней. Она была дочерью Шлиссельбургскаго достаточнаго фабриканта, крещеннаго Еврея Лемана, и отъ того и денежныя его обстоятельства значительно поправились. Онъ былъ полковникомъ и командовалъ какимъ-то пѣхотнымъ полкомъ, когда Павелъ воцарился; при немъ успѣлъ онъ быть произведенъ генералъ-лейтенантомъ и при немъ же, какъ водилось, успѣлъ онъ быть отставленъ. «Будетъ съ меня», сказалъ онъ, поселился въ деревушкѣ, гдѣ-то въ сосѣдствѣ съ Аракчеевымъ, и рѣдко являлся въ Петербургѣ.

Елисавета Христіановна, вдова фонъ-Бушенъ, урожденная Леманъ, имѣла всѣ права называться Нѣмкой, и она воспользовалась ими, чтобы сдѣлаться любезною и угодною графинѣ Ливенъ, воспитательницѣ великихъ княженъ. По ней, и второй супругъ ея, Алексѣй Ульяновичъ, пользовался милостію и покровительствомъ графини, тѣмъ болѣе что разсчетливость его и точность, совсѣмъ не-Русскія, ей были очень извѣстны. Когда просватали Екатерину Павловну за принца Ольденбургскаго и начали заниматься составленіемъ ей особаго двора, то графиня Шарлотта Карловна рекомендовала генерала Болотникова вдовствующей императрицѣ, какъ человѣка самаго способнаго къ занятію должности гофмейстера, а съ другой стороны Аракчеевъ поддержалъ это предложеніе у Государя. И дѣйствительно, съ качествами хорошаго Нѣмецкаго эконома соединялъ онъ усердіе и смѣлость Русскаго дядьки, который барское добро бережетъ какъ глазъ и, въ случаѣ нужды, можетъ поудерживать молодыхъ господъ. Съ этою мыслію отправился онъ въ Тверь и, принявшись за дѣло, цѣлый дворъ заставилъ во всемъ нуждаться. Все вопіяло, и когда великая княгиня поз-

волила себѣ ласково замѣтить ему, что въ такомъ усердіи есть нѣкоторая преувеличенность, то получила въ отвѣтъ, что обязанность его смотрѣть за тѣмъ, чтобъ она не предавалась излишней расточительности и, въ доказательство своихъ правъ, её самоё началъ онъ морить съ голоду. Я замѣтилъ, что для людей и особенно для женщинъ, одаренныхъ необыкновеннымъ умомъ, нѣтъ болѣе мученія, какъ обязанность всегда находиться въ обществѣ и въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ людьми самодовольными и безтолковыми; это у нихъ обращается въ нѣкотораго рода болѣзнь, которую другіе не хотятъ, или не могутъ понять. Можно себѣ представить досаду женщины, довольно самонравной, именемъ и головою подобной своей великой бабкѣ, смотря на неподвижное бревно, во всѣхъ самыхъ простыхъ дѣйствіяхъ ея жизни загораживающее ей дорогу. Долѣе пяти мѣсяцевъ онъ при ней оставаться не могъ, и окружающіе ее находили и это удивительнымъ. Заставили этого человѣка Богу молиться, а онъ лобъ расшибъ, только къ счастію небольно.

Онъ долго служилъ въ Семеновскомъ полку вмѣстѣ съ Дмитріевымъ. Вѣроятно сей послѣдній находилъ его странности забавными, тайкомъ подсмѣивался надъ нимъ, ласкалъ его какъ нужнаго для себя человѣка, а тотъ привязался къ нему, и наконецъ самъ Дмитріевъ былъ нѣжно къ нему расположенъ. Его сдѣлали министромъ юстиціи въ то самое время, когда шло дѣло объ избавленіи Екатерины Павловны, объ удаленіи Болотникова изъ Твери. Онъ могъ непріятнымъ образомъ быть отставленъ; но Дмитріевъ, пользуясь первоначальнымъ кредитомъ своимъ у Государя, выпросилъ ему сенаторство, съ сохраненіемъ придворнаго мундира и всего весьма большаго содержанія, по званію гофмейстера имъ получаемаго. Вѣдь всегда же счастіе... нѣтъ, не скажу кому.

Несмотря на безразсудность его поведенія при дворѣ великой княгини, слылъ онъ человѣкомъ чрезвычайно дѣльнымъ, и по всей справедливости называли его весьма трудолюбивымъ. Онъ хотѣлъ быть безпристрастнымъ и свѣдущимъ судіею и вникнуть въ существо каждаго дѣла, а понять дѣла самаго простаго не могъ безъ величайшаго труда. Оттого Дмитріевъ въ шутку, хотя и въ глаза, называлъ его Долбилинымъ, находя, что каждый вопросъ долбитъ онъ, чтобы добраться до его смысла. Съ этимъ сравненіемъ я не согласенъ; по моему, напротивъ, каждую мысль надобно было какъ гвоздемъ вколачивать въ твердый какъ гранитъ его черепъ и въ одеревенѣлый мозгъ. Я что-то ему не полюбился: во мнѣ еще оставалось довольно живости и откровенности, чтобы въ глазахъ его это казалось вертопрашествомъ. Онъ на меня косо смотрѣлъ, едва мнѣ кланялся и мало со

мной говорилъ, чему, признаюсь, я очень былъ радъ, ибо онъ мнѣ казался нестерпимо-скученъ. Отношеній у насъ другъ къ другу, кажется, никакихъ не могло быть, кромѣ исправнаго платежа денегъ за квартирку мою. Такъ зачѣмъ же ты у него бывалъ? спросятъ меня. Знакомство съ Болотниковыми есть грѣхъ, который долженъ лежать на душѣ моей любезной Хвостовой.

Она по сосѣдству познакомилась съ Елисаветой Христіановной и полюбила ее; и было за что: она была весьма привѣтливая, прегостепріимная и предобрая барыня. Видя меня у нея нѣсколько разъ, она пожелала увидѣть у себя въ домѣ и просила ее меня на то склонить, послѣ того довольно часто присылала приглашать на вечеръ и всегда осыпала ласками. Я долго не понималъ, на что я могу быть ей надобенъ; Александра Петровна взялась мнѣ это объяснить. Ей хотѣлось женить меня на старшей изъ трехъ дочерей своихъ отъ перваго брака *); но на такого рода предпріятіе я не дерзнулъ бы рѣшиться. Софья Николаевна была дѣвочка худенькая, собой не весьма красивая, съ желто-синеватымъ цвѣтомъ лица и вѣчно какъ будто въ лихорадкѣ; къ тому же (непростительная тогда вина въ моихъ глазахъ) не говорила по французски. Она часто весьма неосторожно побрякивала ключами въ карманѣ и за всякой бездѣлицей изъ гостиной безпрестанно бѣгала въ кладовую и на погребъ. Разъ случилось, что въ день какого-то званнаго обѣда, когда кого-то долго дожидались, она вбѣжала съ безпокойствомъ и при всѣхъ объявила вотчиму, что если ожиданіе продлится, то клёцки разварятся и супъ никуда годиться не будетъ. Однимъ словомъ, въ ней видна была воспитанница Алексѣя Ульяновича, и она достойна была называться не падчерицей, а родной его дочерью. Ея мать часто говорила мнѣ о ея хозяйственныхъ добродѣтеляхъ и увѣряла, что мужъ долженъ найти въ ней сущій кладъ; я же оставался весьма равнодушенъ къ симъ внушеніямъ, ибо никогда не приходило мнѣ въ голову искать счастія въ брачномъ союзѣ съ ключницей. Да впрочемъ, какъ у насъ у обоихъ ничего не было, то и запирать было бы нечего. Начиная съ самого Болотникова, все въ этомъ домѣ находилъ я ультра-мѣщанскимъ. А что̀ было дѣлать? Живши въ одномъ домѣ нельзя было, всякій разъ отказываться отъ приглашеній. Иногда, скрѣпя сердце, дозволялъ я себѣ подступать съ разговорами къ дѣвицѣ; а она всегда казалась въ смущеніи, въ смятеніи, только совсѣмъ не любовномъ. Нѣтъ, мы, видно, не рождены были другъ для друга.

*) Меньшія воспитывались тогда въ институтѣ. Моя невѣста вышла потомъ за одного господина Кондоиди, вторая за какого-то Ринга; а третья—Амалія Николаевна, весьма умная и образованная, за весьма неумнаго и необразованнаго Пензенскаго помѣщика Олсуфьева.

Изрѣдка посѣщалъ моихъ хозяевъ одинъ мой знакомый, мой землякъ, Пензенскій помѣщикъ, отставной генералъ-маіоръ Алексѣй Даниловичъ Копіевъ. Это лицо было гораздо примѣчательнѣе тески своего Болотникова, съ характеромъ котораго имѣло и нѣкоторое сходство и много противоположностей. Онъ былъ извѣстенъ всей Россіи, въ сихъ Запискахъ часто мимо его проходилъ я съ перомъ въ рукѣ; не знаю какъ онъ ускользалъ отъ него; теперь не долженъ увернуться. Начертаніе его біографіи если не для читателя, то для меня самого будетъ весьма занимательно.

Правда или нѣтъ, что отецъ его былъ Еврейскаго происхожденія, какое мнѣ до того дѣло; довольно съ меня и того, что Даніилъ Самойловичъ Копіевъ (котораго знаю только по наслышкѣ) принадлежалъ къ націи благородно-мыслящихъ и дѣйствующихъ людей. Онъ былъ первымъ вице-губернаторомъ въ Пензѣ, когда Ступишинъ былъ губернаторомъ; они равны были честностію, а не умомъ; но въ томъ было его еще достаточно, чтобы его уважить въ Копіевѣ и пользоваться имъ. Вдову его, Надежду Карповну, урожденную Ельчанинову, я знавалъ; она до глубокой старости оставалась въ Пензѣ, гдѣ и скончалась. Говоря по большей части о недостойныхъ или ничтожныхъ людяхъ, въ чей живущихъ, я не смѣлъ между ними назвать эту праведницу. При большомъ природномъ умѣ, не было ни одной женской добродѣтели, которой бы она не имѣла, а слабость одну—чрезмѣрную любовь къ дѣтямъ своимъ. Въ злости людской видѣла она одну только болѣзнь и молила Бога объ исцѣленіи ею одержимыхъ. И въ городѣ, гдѣ были довольно равнодушны къ сверхъестественнымъ доблестямъ, всѣ ее уважали, ибо смиреніе ея было исполнено достоинства.

Отъ этой четы, сверхъ четырехъ или пяти дочерей, родилось одно чадо мужескаго пола: это нашъ герой. Въ немъ не было ни злости, ни недостатка въ умѣ, ни одного изъ пороковъ молодости, которые иногда остаются и въ старости; а со всѣмъ тѣмъ трудно было бы пріискать что-нибудь ему въ похвалу. Всѣ его молодые современники щеголяли безбожествомъ и безнравственностію болѣе въ рѣчахъ, чѣмъ въ поступкахъ, и это давало имъ видъ веселаго, но нестерпимаго безстыдства: онъ старался ихъ превзойти. Будучи офицеромъ гвардіи въ Измайловскомъ полку, онъ прославился насмѣшками надъ честнымъ, довольно-строгимъ, но слабодушнымъ начальникомъ своимъ, Арбеневымъ, о которомъ я уже говорилъ. Все сходило ему съ рукъ, по добродушію и невниманію этого начальника, и все болѣе умножало его смѣлость. Его репутація, какъ остряка и балагура, дошла до князя Зубова, который, по примѣру князя Потемкина, имѣлъ свиту огромную, безчисленную, составленную изъ адъютантовъ, ординарцевъ и чиновниковъ

для порученій; онъ помѣстилъ его при себѣ съ чиномъ армейскаго подполковника. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, послѣднихъ царствованія Екатерины, всѣ покровительствуемые Зубовымъ и при немъ состоявшіе пользовались совершенною безнаказанностію. Копіевъ былъ еще довольно молодъ, а молодости если не все, то многое прощается; проказничалъ же онъ болѣе рѣчами, и къ его забавной наглости были снисходительны даже въ большомъ обществѣ. Онъ не замѣчалъ, что нечувствительнымъ образомъ превращался въ княжескаго шута и что сего рода людямъ въ Россіи все дозволялось. Только лестно ли такимъ правомъ пользоваться?

По вступленіи Павла на престолъ Зубовъ низвергнутъ, и Копіевъ остался безъ подпоры съ своими пресловутыми фарсами. Всѣхъ возмущала тогда перемѣна мундирной формы по старинному Прусскому образцу, всѣ возроптали, и Копіевъ пожелалъ угодить общему мнѣнію. Онъ, какъ говорили тогда, выкинулъ штуку: заказалъ себѣ въ преувеличенномъ видѣ все, ботфорты, перчатки съ раструбами, прицѣпилъ уродливыя косу и пукли, и въ этомъ шутовскомъ нарядѣ явился къ Павлу, который шутить не любилъ. Но въ первые дни онъ хотѣлъ казаться милостивымъ и снисходительнымъ, удовольствовался тѣмъ, что виновнаго посадилъ на сутки подъ арестъ и велѣлъ отправить въ драгунскій полкъ, къ которому онъ принадлежалъ и который стоялъ въ Финляндіи. Анекдотовъ про него была куча; онъ не унимался, по старой привычкѣ неосторожно вралъ и ругательными насмѣшками продолжалъ преслѣдовать Царя. Тутъ ему даромъ не прошло: онъ разжалованъ въ рядовые и записанъ въ гарнизонный полкъ тамъ же въ Финляндіи. Въ семъ горестномъ положеніи влюбился онъ въ единственную дочь одной небогатой помѣщицы, которая, къ его счастію, согласилась ее за него выдать *). Донесеніемъ этого событія умѣли искустно растрогать, разжалобить императора, который велѣлъ отставить его прежнимъ подполковничьимъ чиномъ, но тамъ же въ Финляндіи оставить на жительствѣ. Тогда самъ онъ купилъ тамъ помѣстье и думалъ поселиться въ немъ на вѣки. Въ первые мѣсяцы при Александрѣ, Паленъ и Зубовы дѣлали чтó хотѣли; они вызвали Копіева изъ заточенія и въ сравненіи съ сверстниками доставили ему прямо чинъ генералъ-маіора; но времена перемѣнились, и послѣ того никогда уже онъ употребленъ быть не могъ.

---

*) Въ фамильномъ ея прозваніи, кажись, ничего не было ни Шведскаго, ни Чухонскаго, а скорѣе Шотландское: оно было Скотъ, и какъ оно туда попало! По-русски оно показалось Копіеву не довольно благородно, и онъ всегда выдавалъ тещу свою за баронессу фонъ-Шкоттъ. Тогда еще о Вальтеръ-Скоттѣ и помину не было; а то Копіевъ этого бы не сдѣлалъ, а скорѣе сталъ бы причитаться къ нему въ родню.

Онъ теперь болѣе чѣмъ въ пожилыхъ годахъ. Не одинъ десятокъ лѣтъ оставался онъ, можно сказать, въ неподвижномъ состояніи; самыя черты лица его почти не измѣнялись, но отношенія къ нему общества совсѣмъ перемѣнились. Безчинство и богохульство въ старости во всякомъ должны производить омерзѣніе; его циническая неопрятность и совершенно Еврейская алчность къ прибыли, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти и какъ бы на показъ выставляемая, должны были рождать къ нему отвращеніе. Странно, какъ съ умомъ его онъ былъ всегда нечувствителенъ ко всеобщему неуваженію: лишь бы сорвать улыбку, хотя бы презрительную, и онъ оставался доволенъ. Съ Болотниковымъ онъ сходствовалъ скупостію; но у того хоть все было въ обрѣзъ, за то все опрятно, а у этого и мебель, и люди, и самъ онъ все оборвано, все запачкано, все засалено, не отъ небрежности, а отъ износки. Онъ вѣкъ проходилъ въ зеленомъ фракѣ; увѣряли, что для того скупаетъ онъ поношенное сукно съ биліардовъ, и что замѣтны были даже пятна, напоминающія мѣста, гдѣ становились шары. И онъ же всегда ругался надъ графомъ Хвостовымъ, утверждая, будто его назвать нельзя безъ «съ позволенія сказать». Веселый умъ всегда встрѣчалъ я съ удовольствіемъ, и я вкушалъ Копіева, какъ говорятъ Французы; но, признаюсь, иногда и мнѣ отъ него тошнилось.

Я не назвалъ его между литераторами, потому что онъ совсѣмъ съ ними не водился, хотя, такъ про себя, и писалъ стихи и драматическія творенія. Его шутовски-забавныя комедіи: *Лебедянская Ярмарка*, *Княгиня-Муха* и другія были играны при Екатеринѣ съ успѣхомъ и напечатаны. Онъ любилъ русить иностранныя слова; у него выше сего заимствовалъ я слово *апроппе*; про Лифляндскихъ помѣщиковъ говорилъ онъ, что у кого изъ нихъ болѣе помѣстьевъ, тотъ и *фонъе*. Изъ множества стиховъ, коими иногда душилъ онъ меня, одно четверостишіе осталось у меня въ памяти. Онъ питалъ любовь къ какой-то княжнѣ, которая на нее не отвѣчала, что̀ приписывалъ онъ холодности ея сердца, и онъ написалъ:

Боже Ты, ее создавши,
Иль мой пламень утуши,
Иль всѣ прелести ей давши,
Дай хоть крошечку души.

Кажется, какъ бы легко сдѣлаться ему порядочнымъ человѣкомъ. Онъ никогда не былъ развратникъ, а только что срамословъ; всегда шутилъ надъ семейными и супружескими добродѣтелями, а былъ вѣренъ и преданъ женѣ своей, благонравной, скромной и пристойной, и безъ памяти любилъ дѣтей; ни противъ кого не имѣлъ ни злобы, ни зависти, а не о комъ не умѣлъ сказать хорошаго слова; для краснаго

словца, какъ говорилось тогда, не щадилъ онъ, если не отца, то матери и сестеръ, къ коимъ, впрочемъ, чрезвычайно былъ привязанъ. Наклонности, полученныя нами въ первой молодости, видно, ничто исправить не можетъ.

Разъ, вечеромъ, встрѣтилъ я его у Болотниковой, и онъ вдругъ предложилъ мнѣ прокатиться съ нимъ въ Финляндію, для свиданія съ сестрою и зятемъ. Это было въ концѣ Марта, и между многими другими препятствіями замѣтилъ я ему, что совершенная распутица; онъ увѣрялъ меня, что зимній путь тамъ еще мѣсяцъ простоитъ. Вотъ какая была у него цѣль: онъ жену и весь домъ давно уже отправилъ на все лѣто въ деревню, а при немъ находился одинъ только человѣкъ, котораго непремѣнно надобно было ему оставить въ Петербургѣ; онъ разсчитывалъ, что при мнѣ вѣрно будетъ слуга и что въ зимней перекладной повозкѣ, издержки пополамъ, ѣзда будетъ стоить ему дешевлѣ, и что такимъ образомъ выиграетъ онъ и деньги, и прислугу, и общество. Не знаю, какъ онъ сдѣлалъ, только меня подговорилъ. Не видя никакой надежды скоро получить мѣсто съ жалованьемъ, я все рѣже сталъ являться въ канцелярію къ Рибопьеру и едва въ мѣсяцъ разъ туда показывался; для кратковременной отлучки мнѣ отпуска просить было не нужно, такъ я думалъ по крайней мѣрѣ. Подорожная была у Копіева, и сборы мои не могли также быть велики.

Мы выѣхали или, лучше сказать, мы вышли изъ Петербурга 30 Марта, въ Четвергъ на Страстной недѣлѣ. Какъ выше сказалъ, я жилъ на берегу Невы; онъ зашелъ ко мнѣ, и мы стали перебираться по настланнымъ мосткамъ черезъ гибкій и мѣстами треснувшій ледъ на Выборгскую сторону; за нами несли наши чемоданы. На противоположномъ берегу въ это время обыкновенно дожидаются повозки съ конями; но какъ на улицахъ была вездѣ одна жидкая грязь, то, положивъ въ нихъ пожитки наши, мы сами не сѣли, а предпочли идти пѣшкомъ по доскамъ, возлѣ домовъ, до самой заставы. За нею едвали было лучше, и мы шагомъ до станціи Дранишниковой должны были тащиться по голой землѣ. Далѣе, дѣйствительно Копіевъ былъ правъ, и мы нашли зимній путь, если не лучшій, то, по крайней мѣрѣ, возможный.

Мы лежали покойно въ извѣстныхъ Чухонскихъ, длинныхъ и крытыхъ саняхъ, которыхъ, не знаю, сохранилось ли еще употребленіе. Веселость его, которую никакая печаль не въ силахъ была омрачить, многорѣчіе его, которое никакое приличіе не могло остановить, дорогой, въ темнотѣ, сначала служили мнѣ пріятнымъ развлеченіемъ; но когда сонъ сталъ меня одолѣвать, то превратились въ столь нестер-

пимое мученіе, что я, наконецъ, принужденъ былъ униженно просить его превосходительство, чтобъ оно умолкло.

На другой день, рано поутру, пріѣхали мы въ Кексгольмъ, сдѣлавъ всего только 140, верстъ и остановились на все утро у какого-то Финна, пріятеля г. Копіева. Я ходилъ смотрѣть упраздненную крѣпость, и въ ней показывали мнѣ семейство Пугачова, не знаю зачѣмъ все еще содержавшееся подъ стражею, хотя не весьма строгою. Оно состояло изъ престарѣлаго сына и двухъ дочерей: простой мужикъ и крестьянки, которые показались мнѣ смирными и робкими. Обѣдали мы не весьма вкусно: насъ подчивали Чухонскимъ кушаньемъ; между прочимъ кормили салакушкой съ молокомъ, и въ молокѣ же вареною черникой, да кнакебрё, сушеными лепешками, а поили швадрикомъ, квасопивомъ. Послѣ обѣда отправились мы прямо на мызу Копіева, отъ Кексгольма въ 20 верстахъ лежащую.

Какой странный былъ онъ человѣкъ! Ко всѣмъ другимъ недостаткамъ своимъ присовокуплялъ онъ удивительное хвастовство или, по просту сказать, безстыдную ложь. Мы ѣхали къ нему, и онъ увѣрялъ меня, что я увижу чудеса, зàмокъ на скалѣ, съ идущею внизъ мраморною лѣстницей прямо къ озеру и стоящему на немъ маленькому флоту изъ мачтовыхъ судовъ разныхъ величинъ. Онъ не подумалъ, что часа черезъ полтора, черезъ два, обманъ его долженъ мнѣ открыться. Мы подъѣхали, и дѣйствительно тутъ были скала и озеро (земля Финновъ ими изобилуетъ); но на скалѣ, вмѣсто зàмка, стоялъ самый простой деревянный домъ, какіе внутри Россіи бываютъ у мелкопомѣстныхъ дворянъ; неправильно выдолбленныя въ гранитѣ ступени замѣняли выдуманную имъ лѣстницу, и двѣ рыбачьи лодки, затертыя еще льдомъ, составляли его флотъ. Взглянувъ на это, я не утерпѣлъ, улыбаясь, замѣтить ему, что 1-е Апрѣля еще не наступило, а будетъ только завтра, и онъ ни мало не разсердился. Добрая хозяйка меня встрѣтила съ удовольствіемъ, хотя нѣсколько смутилась отъ неожиданнаго моего пріѣзда: ей совѣстно было кому-нибудь изъ Петербурга показать свое деревенское житье. Однакоже ея попеченіямъ остался я обязанъ за тощій ужинъ и опрятную постель, которые мнѣ дали. Самъ же хозяинъ чрезвычайно торопилъ меня ѣхать, чтобы мнѣ поспѣть къ свѣтлому празднику въ назначенное мнѣ мѣсто, до котораго оставалось еще 150 верстъ. Чтобы не дать мнѣ у себя обѣдать, онъ безъ всякаго дѣла провелъ то утро въ Кексгольмѣ и рано на другой день отпустилъ меня безъ чаю.

Названія Копіевской мызы я теперь не знаю; только помню, что оно оканчивалось на ярви или на лаксъ. Изъ нея путешествіе было для меня не совсѣмъ веселое: я могъ на каждой станціи быть оста-

новленъ. Къ счастію, въ этомъ захолустьѣ ни на одной не было смотрителя, и нигдѣ не спрашивали у меня подорожной, которой у меня не было. Ужасы дикой природы могли бы лѣтомъ быть очаровательны, а зимой я не прельщался ими даже среди Алтайскихъ горъ; ѣхалъ я не шибко, ибо мѣстами санный путь прерывался, и я тащился по обнаженнымъ уже камнямъ; наконецъ, что́ всего досаднѣе, цѣлые сутки я голодалъ, ничего не находя, кромѣ черстваго ржанаго съ мякиной хлѣба, и послѣдній день поста былъ осужденъ на самый строгій постъ. Ночью сдѣлалось очень холодно; морозу, я думаю, было градусовъ пять или шесть; закрытый въ повозкѣ, я вдругъ услышалъ вопли. Пойга, какъ зовутъ Чухонскихъ мальчиковъ, который везъ меня, плохо одѣтый, весь оборванный, рыдалъ и плакалъ; высунувшись, мы съ человѣкомъ моимъ спросили: о чемъ? Бѣдняжка, весь окоченѣвъ, не могъ и на своемъ языкѣ намъ отвѣчать и уже не держалъ возжей. Слуга мой предложилъ сѣсть на его мѣсто и на волю Божію править лошадьми, а его положить въ повозку и прикрыть бывшимъ со мною заячьимъ одѣяломъ. Это было около полуночи или за полночь. Вотъ положеніе, подумалъ я, когда добрые люди, православные христіане, стоятъ у заутрени, молятся и радостно внимаютъ воскдику Христосъ воскресе, я не знаю даже, не потерялъ ли дороги и не пропаду ли среди незнакомыхъ мнѣ мѣстъ. Однакоже Богъ помогъ, и мы пріѣхали на станцію, на которой и сдали мальчишку съ отмороженными пальцами на одной ногѣ; а часу въ десятомъ утра и въ самый городъ Нейшлотъ, гдѣ находился штабъ бригады и полка моего зятя.

Онъ меня совсѣмъ не ожидалъ, и отъ того пріѣздъ мой въ такой день, въ такой пустынѣ, его съ женой еще болѣе обрадовалъ. Я самъ на нѣсколько минутъ позабылъ свой голодъ, но потомъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ приступилъ къ куличу, къ пасхѣ и къ крутымъ яйцамъ. Долго я не хотѣлъ оставаться; но родные просятъ, сегодня да завтра, постой да погоди, такъ что я пробылъ тутъ до 15 Апрѣля, слѣдовательно болѣе чѣмъ достаточно имѣлъ времени узнать все Нейшлотское общество; да узнать-то было почти нечего.

Два Нѣмецкія семейства, Брамбургъ и Шаренбергъ, не знаю какъ туда попавшихъ, да третье Финское Тавастъ, составляли это общество. Послѣднія два жили больно скромно, а первый г. Брамбургъ почитался роскошнымъ человѣкомъ, мотомъ. Судя по вечеринкѣ, которую онъ далъ намъ на мызѣ своей, въ двухъ верстахъ отъ города, можно было полагать, что проматывать ему нечего. Былъ также въ крѣпости Русскій комендантъ, подполковникъ Лопотевъ, со своею комендантшей, прекуріозно-забавною женщиной, дочерью какого-то генералъ-майора Горемыкина, о чемъ она безпрестанно твердила. Примѣчательнѣйшее

же лицо былъ бургомистръ или ратманъ, Русскій купецъ Илья Родіоновъ, который славно выучился по-шведски и по-фински, для котораго, кажется, нарочно придумано названіе продувной и который тамъ всѣмъ ворочалъ. Такіе люди, если умѣть ихъ употребить, довершаютъ завоеваніе края, начатое оружіемъ. Вообще же у всѣхъ Русскихъ и не-Русскихъ видны были чистота и бѣдность.

Одинъ весьма небогатый человѣкъ жилъ между ними царькомъ, это Алексѣевъ; но онъ былъ хлѣбосолъ, былъ Русскій генералъ съ Русскими привычками. На его частые и сытные обѣды, хотя немноголюдные по тѣснотѣ дома, приходилъ попеременно откармливаться весь этотъ голодный народъ: изъ кушанья, сколько бы его ни было, ничего не оставалось, ниже крохи хлѣба. Дивясь черезчуръ почтительному его обхожденію съ пасторомъ и важности, съ которою сей послѣдній принималъ ото всѣхъ привѣтствія, я спросилъ его о причинѣ. «Чтó дѣлать, братецъ? отвѣчалъ онъ мнѣ, я люблю хорошо поѣсть, а эти проклятые Чухонцы безъ его приказанія за мои же деньги ничего не смѣютъ мнѣ отпустить; по его милости я всегда сытъ». Надъ низшимъ сословіемъ, надъ мужиками имѣлъ онъ туже моральную власть, которую Родіоновъ имѣлъ тутъ надъ высшимъ.

Какъ ни малъ былъ городокъ Нейшлотъ, но въ немъ находился тогда танцовальный клубъ, помѣщавшійся въ невысокомъ и весьма необширномъ домѣ. Въ продолженіи двухнедѣльнаго моего тамъ пребыванія, семь разъ я видѣлъ танцы: два раза въ клубѣ, четыре раза у зятя моего и одинъ разъ у Брамбурга. Тамъ гдѣ есть Нѣмочки, кавалерійскіе офицеры и полковая музыка, и нѣтъ большихъ прихотей, тамъ состряпать балъ дѣло весьма нетрудное. Только странно, что между танцующими дѣвицами и молодыми женщинами не находилъ я ни одного путнаго лицà; отъ того-то еще прелестнѣе казалась жена полковаго командира Митавскаго драгунскаго полка Родіона Ѳедоровича Гернгроса, Анна Ѳедоровна, урожденная фонъ-Брадке. Она была великая мучительница, ибо была прекрасна, привлекательна, привлекающа и недоступна.

Одна улица, не слишкомъ длинная, выстроенная на продолговатой скалѣ, составляетъ весь городъ Нейшлотъ. Крѣпость, коей стѣны выложены камнемъ, построена на каменистомъ острову большущаго озера Соймы, величиною уступающаго одному только Ладожскому, ему сосѣднему озеру. Посредствомъ небольшаго моста, чрезъ узкій проливъ, крѣпость соединяется съ городомъ. Отъ бездѣлья, мнѣ часто случалось гулять по крѣпостному валу и глядѣть на необозримое водное пространство, не оживляемое ни одною ладьей, и это зрѣлище, даже освѣщаемое яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, всегда наводило на меня ужасную

тоску. Мнѣ сказывали, что крѣпость эта нынѣ упразднена; она прежде находилась на самой Шведской границѣ, но года за полтора до этого граница была уже отодвинута на восемьсотъ верстъ.

Воротиться по той дорогѣ, по которой я пріѣхалъ, сдѣлалось невозможно. Мнѣ оставалось одно средство—ѣхать небольшими озерами, еще покрытыми крѣпкимъ льдомъ, по другой дорогѣ, сдѣлавъ небольшой крюкъ. Итакъ, взявъ подорожную на имя моего служителя, я отправился въ обратный путь. Далѣе маленькаго города Вильманштранда сей удобною ѣздой я пользоваться не могъ, но все-таки нѣкоторое время могъ ѣхать на полозьяхъ. Извѣстно, что въ Финляндіи употребляются большіе треугольники для разчистки и углаживанія зимнихъ дорогъ; они, раздвояя снѣгъ и отбрасывая его по обѣимъ сторонамъ, наконецъ образуютъ изъ него двѣ высокія стѣны, между которыми ѣдешь какъ въ ящикѣ. Когда наступитъ весна, то безпрестанно сметаемый съ дороги снѣгъ скоро на ней исчезаетъ, и ящикъ, наполняясь водой, превращается въ канаву. Это нашелъ я; но, на счастіе мое, къ вечеру сдѣлался изрядный морозъ, отъ котораго поверхность снѣжной стѣны окрѣпла и оледенѣла, и по этой гладкой равнинѣ всю ночь быстро проскакалъ я до самаго губернскаго города Выборга.

Мнѣ хотѣлось на него хорошенько взглянуть, и для того на почтовомъ дворѣ часа на два остановился я въ немъ. Наружность его мнѣ довольно понравилась; я могъ почитать себя въ одномъ изъ Петербургскихъ предмѣстій, тѣмъ болѣе, что на улицахъ встрѣчалъ я почти одинъ Русскій народъ и слышалъ одинъ Русскій языкъ. Также какъ и въ Нейшлотѣ, во всѣхъ другихъ малыхъ городахъ Старой Финляндіи, Кареліи или Саволакса, всѣ главныя лица отъ купеческихъ и мѣщанскихъ выборовъ были изъ Русскихъ. Оно иначе быть не могло: на столь близкомъ разстояніи отъ первенствующаго града царства Русскаго, его побѣдоносные жители, въ продолженіи почти цѣлаго столѣтія, должны были въ семъ краю заступить мѣсто удалившихся Шведовъ и взять верхъ надъ слабыми Финнами и Карелами, его населяющими. Удержусь на этотъ разъ отъ горькихъ и досадныхъ размышленій, возбуждаемыхъ во мнѣ воспоминаніемъ о добровольномъ отчужденіи сего края отъ Россіи: скоро придется мнѣ о томъ говорить.

Въ Выборгѣ *) долженъ былъ я уже сѣсть въ Чухонскую одноколку, короткій ящикъ на двухъ довольно высокихъ колесахъ. Оставалось мнѣ еще 132 версты, и всякій шагъ впередъ къ Петербургу было все менѣе снѣга. Эта ѣзда мнѣ показалась гораздо безпокойнѣе,

---

*) То чѣмъ этотъ городъ славится, его знаменитые Выборгскіе крендели, какъ я въ томъ удостовѣрился, суть изобрѣтеніе одного бывшаго тамъ Русскаго булочника.

чѣмъ на нашихъ перекладныхъ: я долженъ былъ сидѣть на корточкахъ, согнутый вдвое. Утомившись, измучившись, ночью на какой-то станціи рѣшился я остановиться, чтобы нѣсколько часиковъ отдохнуть. На другой день, 18 Апрѣля, рано по утру, былъ уже я на берегу Невы, черезъ которую мосты еще не были наведены, хотя уже шесть дней до того она очистилась отъ льду. Итакъ, я переплылъ ее въ лодкѣ прямо къ моему болоту, то-есть къ Болотниковскому дому.

Вся эта моя Финляндская экспедиція показываетъ много безразсудности, много легкомыслія, но вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, что молодость моя не совсѣмъ еще исчезла. Главная во всемъ этомъ дѣлѣ ошибка была—напрасная потрата денегъ, и я долженъ былъ восчувствовать ея послѣдствія. Еще въ началѣ Апрѣля по моему разсчету долженъ былъ я получить слѣдуемыя мнѣ отъ родителей деньги; я ходилъ справляться на почту, повѣстки не было, и приближался срокъ уплаты за квартиру неумолимому, жестокому Болотникову. Кое у кого перехватилъ десятки рублей, расплатился съ хозяиномъ, но затѣмъ остался почти безъ гроша. Надобно же случиться такой бѣдѣ! У пріятелей моихъ кошелекъ въ это время былъ почти также пустъ, какъ и мой, и занять было не у кого; знакомые, къ которымъ за просто могъ ходить обѣдать, были нездоровы или въ отлучкѣ, кухаркѣ долженъ былъ отказать и довольствоваться пищею моего слуги: совершенная нищета угрожала мнѣ. А по безпечности, все-таки дѣйствію юныхъ лѣтъ, видѣлъ я болѣе смѣшную, чѣмъ ужасную сторону моего положенія, въ которомъ первый разъ въ жизни, впрочемъ, я находился.

Наступилъ памятный мнѣ, страшный день, 29 Апрѣля. Слуга пришелъ мнѣ сказать, что онъ въ послѣдній разъ напоилъ меня чаемъ, который весь вышелъ, что онъ самъ не знаетъ чѣмъ этотъ день прокормится, что ложки и часть посуды заложены, и что въ лавочкѣ копѣйки болѣе вѣрить не хотятъ. Стоически дотолѣ переносивъ бѣдствіе, я тутъ пришелъ въ совершенное отчаяніе. Я не зналъ что̀ начать; одѣлся и хотѣлъ идти со двора, чтобы дорогой придумать какъ пособить горю. Но лишь только спустился съ лѣстницы, какъ встрѣтилъ какого-то отставнаго унтеръ-офицера, присяжнаго или сторожа, въ сюртукѣ съ галуномъ и съ огромнымъ ин-фоліо подъ мышкою, который спросилъ у меня, тутъ ли я живу? «Это я, что̀ тебѣ отъ меня надобно, любезный?» отвѣчалъ я. Росписаться въ этой книгѣ, былъ его отвѣтъ. Въ замѣшательствѣ, въ смущеніи, въ которомъ я находился, мнѣ показались, что на меня падаетъ какое-то казенное взысканіе; не знаю что̀ сказалъ я унтеръ-офицеру, только онъ отвѣчалъ мнѣ: «да нѣтъ, ваше высокоблагородіе, это вамъ деньги; извольте ихъ напередъ получить, а потомъ роспишитесь».

Что̀ же вышло? Чиновники, отряженные въ банкъ для подписыванія ассигнацій, вопіяли, что работаютъ безъ всякаго возмездія, и министръ финансовъ согласился, наконецъ, не назначая имъ жалованья, выдать трудящимся и трудившимся за прежнее время по сту рублей на мѣсяцъ; такимъ образомъ и на мою долю досталось слишкомъ четыреста. Какъ съ неба онѣ мнѣ упали. Нѣтъ, утопающій, котораго вытащили изъ воды, не можетъ ощутить той радости, которую я чувствовалъ! Въ тотъ же день, разумѣется, явились опять чай и кухарка, а на другой день получилъ я и повѣстку съ почты.

Вскорѣ послѣ этого, случилось у меня другое, небольшое домашнее безпокойство. Разъ, въ мое отсутствіе изъ дому, слуга мой и кухарка по какой-то надобности пошли со двора, и первый, на случай моего возвращенія, оставилъ ключъ отъ комнатъ моихъ одному изъ слугъ Болотникова, живущему на одной со мною лѣстницѣ. Когда я воротился домой прежде моего Василья, то этотъ человѣкъ отперъ мнѣ двери, но ключа отдать мнѣ не хотѣлъ, утверждая, что онъ похищенъ изъ комнатъ его господина, хотя я и увѣрялъ его, что онъ болѣе шести мѣсяцевъ находится у меня въ рукахъ. Совсѣмъ незабавно было думать, что посторонніе люди безъ меня, когда захотятъ, могутъ безвозбранно входить въ мое жилище.

Утромъ на другой день пошелъ я жаловаться г. Болотникову. Выслушавъ меня со всею важностію судьи, онъ приказалъ позвать своего лакея; я думалъ за тѣмъ, чтобъ его побранить и велѣть отдать мнѣ отнятое. Ни мало: онъ потребовалъ отъ него объясненій противъ обвиненія моего. Смѣшно и досадно было мнѣ слушать, особенно когда онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, что̀ имѣю я противъ этого сказать? Ничего, отвѣчалъ я: дѣло самое простое, вы можете мнѣ вѣрить или слугѣ вашему, съ которымъ, признаюсь, никакъ не ожидалъ тягаться и стоять на одной доскѣ. Строго взглянувъ на меня, онъ отвѣчалъ, что во всемъ любитъ справедливость и никогда односторонне не судитъ, и что я долженъ передъ нимъ не забываться. На это возразилъ я, что въ настоящемъ случаѣ имѣю дѣло не съ сенаторомъ, а съ хозяиномъ дома, и что еслибы слѣдовать справедливости, то я имѣлъ бы право на него просить полицію; но для скорѣйшаго прекращенія предпочитаю оставить домъ его, въ полномъ смыслѣ, такъ чтобы нога моя никогда въ немъ не бывала. Онъ затрясся отъ досады, грозно посмотрѣлъ на меня, но ни слова не молвилъ, а я съ поклономъ вышелъ. И эта дубина, нѣсколько лѣтъ спустя, болѣе года временно управляла Министерствомъ Юстиціи и, наконецъ, засѣла въ Государственномъ Совѣтѣ!

Я приказалъ слугѣ моему немедленно отправиться искать мнѣ квартиру, какую бы то ни было и гдѣ бы то ни было, туда перенести мои пожитки и только адресъ ея оставить дворнику, а самъ пошелъ по городу шататься. День былъ прекрасный, какіе изрѣдка бываютъ въ Петербургѣ весною; я загулялся и когда уже смерклось пришелъ справиться о новомъ своемъ жилищѣ. Адресъ былъ сдѣланъ очень глупо, выставлено названіе части, квартала и нумеръ дома, а не означена ни улица, ни прозваніе владѣльца. Днемъ отыскать было легко, а ночью весьма затруднительно: однимъ словомъ, около часу не зналъ я, гдѣ живу и чуть было не принужденъ былъ ночевать на улицѣ.

Служитель мой исполнилъ приказаніе мое въ точности, отыскалъ мнѣ квартиру *какую-нибудь*: она находилась въ самомъ верхнемъ жильѣ, на весьма узкомъ проходномъ дворѣ между Милліонной и Мойкой, куда никогда солнце не заглядывало и гдѣ жили всякаго рода люди. Это было одно изъ тѣхъ жилищъ, кои, по примѣру Эжена-Сю въ *Таинствахъ Парижа*, сочинители романовъ нынѣ такъ любятъ описывать, одно изъ убѣжищъ, знакомыхъ или пороку или крайней бѣдности и милосердію, приносящему ей утѣшеніе и помощь. Первый, который открылъ меня въ моей трущобѣ, былъ Блудовъ, и нашелъ, что я живу не en petite maîtresse. Я объяснилъ ему причину моего внезапнаго перемѣщенія, прибавивъ, что не знаю куда бы не бѣжалъ, чтобъ избавиться отъ Болотникова. Тотъ же день собирался я самъ искать новую квартиру; но Блудовъ меня уговорилъ покамѣстъ тутъ остаться, ибо на Петербургской Сторонѣ, близъ Аптекарскаго острова, нанялъ онъ на все лѣто большой домъ г. Фока съ преболышимъ садомъ и предложилъ мнѣ сожительствовать съ нимъ на этой полудачѣ. На такое предложеніе кто бы не согласился на моемъ мѣстѣ, и дня черезъ три перешелъ я отъ зловонія къ благорастворенному воздуху, въ наипрекраснѣйшую Майскую погоду.

Такимъ образомъ прошла для меня первая треть 1811 года, которая, равно какъ и глава эта, вся наполнена была двумя Алексѣями: Болотниковымъ и Копіевымъ. Съ первымъ хотя иногда и встрѣчался, но къ счастію ни дѣлъ, ни даже никакихъ сношеній съ нимъ болѣе въ жизни не имѣлъ.

XII.

Предчувствуя, предвидя общую для насъ войну съ Западомъ, весь Петербургъ въ 1811 году нетерпѣливо желалъ скорѣйшаго окончанія частной войны нашей съ Турками. Никто уже не мечталъ о томъ, чтобы нашъ молодой полководецъ, по примѣру и по слѣдамъ Олега, прибилъ Русскій щитъ ко вратамъ Цареграда; но всѣ были увѣрены, что графъ Каменскій, хорошо познакомившись съ мѣстностями Заду-

найскими, будетъ умѣть въ слѣдующую кампанію нанести непріятельскому войску столь сильные удары, что принудитъ Турокъ къ выгодному для насъ миру, какъ вдругъ, въ концѣ Февраля, получено было извѣстіе, что сей, съ небольшимъ тридцатилѣтній воинъ лежитъ въ Бухарестѣ на смертномъ одрѣ.

Кому было вмѣсто его поручить армію? Въ это время вопросъ сей былъ довольно затруднителенъ. Искусный старикъ, Михаилъ Ларіоновичъ Кутузовъ, лучше другихъ зналъ Турецкую войну: во время первой при Екатеринѣ въ 1770 годахъ, когда былъ онъ еще молодъ, и въ продолженіе послѣдней, когда былъ онъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, безпрестанно отличался онъ подъ начальствомъ Румянцова, Потемкина и Суворова и, наконецъ, по заключеніи послѣдняго мира, находился чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополѣ. Но онъ былъ разобиженъ; послѣ не имъ проиграннаго Аустерлицкаго дѣла, онъ, въ званіи военнаго губернатора, отправленъ былъ въ Кіевъ, почти какъ въ ссылку; оттуда былъ онъ вызванъ для второстепенной роли дядьки при впадающемъ во младенчество главнокомандующемъ Прозоровскомъ, который его ни въ чемъ не слушался, съ нимъ ссорился и которому онъ былъ пожертвованъ, отозванъ и замѣненъ Багратіономъ. Однакоже знали его честолюбіе, и онъ охотно согласился принять начальство надъ Молдавскою арміей, къ которой поспѣшно и отправился.

Онъ нашелъ молодаго предмѣстника своего распростертаго, безгласна, бездыханна, окружилъ его самыми нѣжнѣйшими попеченіями (старикъ былъ самый привлекательный, когда хотѣлъ), и какъ скоро въ южномъ краю наступило теплое время, съ бережливостію отправилъ его въ Одессу, въ сопровожденіи адъютантовъ его и медиковъ. Я говорилъ уже о причинахъ разстройства его здоровья; но дѣйствія ихъ не могли развиться съ такою быстротой, тѣмъ болѣе что всю зиму чувствовалъ онъ себя совершенно здоровымъ. Послѣ вечера, проведеннаго у жены одного Грека, консула не помню какой державы, на которомъ выпилъ онъ стаканъ лимонаду, приключилась съ нимъ сія скоропостижная болѣзнь, и подозрѣнія въ отравѣ были единогласны. Ненависть всегда охотно взводитъ клевету на враговъ; многіе увѣрены были, что сіе сдѣлано по наущенію генерала Себастіани, бывшаго Французскимъ посланникомъ въ Константинополѣ. Это не стóитъ опроверженія; ибо гдѣ примѣры, чтобы Наполеонъ пытался чрезъ довѣренныхъ своихъ изводить сильныхъ и опасныхъ противниковъ, которыхъ такъ много было на свѣтѣ? Скорѣе въ этомъ видно нѣчто Византійское, Фанаріотское. По прибытіи въ Одессу онъ прожилъ недолго; онъ таялъ какъ воскъ и, говорятъ, что какъ воскъ были мягки его кости, когда, послѣ кончины его, около половины Мая, вскрывали его тѣло. Его смерть

можно было сравнить съ кончиной другаго Русскаго молодаго героя, князя Скопина-Шуйскаго; но о семъ послѣднемъ никто тогда не вѣдалъ у насъ. Мы жили вмѣстѣ съ Блудовымъ почти за городомъ, когда получено сіе извѣстіе, которое хотя и было вседневно ожидаемо, но со всѣмъ тѣмъ крайне его опечалило. Потеря друга-начальника и, можетъ-быть, скоро родственника и для равнодушнаго человѣка была бы чувствительна. Тогда между благовоспитанными Русскими все еще существовала мода писать Французскіе стихи, и онъ, въ подраженіе надписи къ портрету Паскаля, сдѣлалъ ей подобную къ изображенію графа Каменскаго. Я помню только послѣдніе три стиха:

...Balança sous Dantzig les destins de la France,
Enchaîna la Finlande et fit trembler Byzance.
Admirez et pleurez: il mourut à trente ans.

Третій разъ въ продолженіи этой войны Русская армія перешла черезъ Дунай. Она была подъ предводительствомъ опытнаго полководца; всѣ крѣпости, затруднявшія начало кампаніи, были въ нашихъ рукахъ, а со всѣмъ тѣмъ войско, уменьшенное на половину и не видя начальниковъ своихъ, одушевленныхъ блестящими надеждами предыдущаго похода, лишалось бодрости и нравственной силы. Однакоже все исполняло свой долгъ, и въ половинѣ Іюня Кутузовъ одержалъ немаловажную побѣду надъ собравшеюся довольно многочисленною Турецкою арміей. Потомъ все лѣто въ частыхъ встрѣчахъ съ непріятелемъ Русскіе всегда брали верхъ, и за каждымъ успѣхомъ послѣдовало предложеніе о мирѣ, который одинъ былъ только цѣлію желаній правительства и войска. Главнымъ его условіемъ все-таки оставались Молдавія и Валахія, столько разъ нами занимаемыя, которыя полтораста лѣтъ, какъ кладъ, намъ не даются.

Осенью узнали, что Наполеонъ перенесъ Францію за Эльбу и ея гранью поставилъ Любекъ на Балтійскомъ морѣ, и такимъ образомъ захватилъ не только Ганзеатическіе города, но и владѣнія герцога Ольденбургскаго, Россіи преданнаго и многими родственными узами съ императорскимъ домомъ связаннаго. Тогда не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ намѣреній всемірнаго завоевателя, быстро къ намъ приближавшагося, никакихъ надеждъ не только на продолженіе съ нимъ мира, но и на кратковременную отсрочку войны. Мы съ Турками сдѣлались уступчивѣе, сбавили спѣси и, вмѣсто двухъ большихъ княжествъ, стали ограничиваться рѣкою Прутомъ и узкою Бессарабіей, мнѣ послѣ столько знакомою. Съ этимъ дѣломъ скорѣе можно было поладить; прошелъ даже слухъ, что Кутузовъ, столько же дипломатъ, какъ и воинъ, успѣлъ уже подписать о томъ и трактатъ,

и Маринъ, болѣе царедворецъ, чѣмъ поэтъ и воинъ, успѣлъ уже на этотъ случай написать стихи, въ которые вклеилъ каламбуръ, что старикъ наказалъ мусульманъ *и мечемъ, и Прутомъ.* Ожиданія не сбылись: хотя трактатъ и дѣйствительно былъ подписанъ, но стараніями Французскаго посольства въ Константинополѣ не былъ ратификованъ, и всю зиму на этотъ счетъ остались мы въ безпокойномъ состояніи.

Я говорю все *мы*, разумѣя подъ этимъ бо́льшую часть жителей Петербурга, а внутри Россіи только тѣхъ людей, кои, одарены будучи разсудкомъ и чувствомъ, имѣли довольно просвѣщенія, чтобы видѣть опасность, грозящую ихъ отечеству и скорбѣть о томъ. Число безчувственныхъ невѣждъ, разумѣется, было всотеро больше, и они, какъ говорится о мужикахъ, тогда только перекрестились, когда громъ грянулъ надъ ними.

Мнѣ хотѣлось имъ уподобиться и по крайней мѣрѣ въ продолженіи этого прекраснаго лѣта вести жизнь беззаботной твари. Я старался ничего не дѣлать, какъ только пить, ѣсть, спать и разгуливать по дачамъ безъ всякихъ мыслей, и сначала мнѣ сіе удавалось. Вдругъ одно небесное явленіе смутило меня: показалась на горизонтѣ ужасная, великолѣпная, блестящая комета съ огромнымъ хвостомъ, которой подобной я во всю жизнь мою не видывалъ ни прежде, ни послѣ. Все лѣто, вплоть до осени, горѣла она на нашемъ небѣ и освѣщала мои вечернія и ночныя прогулки. Какъ простолюдинъ, вѣровалъ я въ сіе страшное знаменіе и въ мрачныхъ мысляхъ невольно сталъ переноситься въ будущее.

Одинъ случай, который можно было бы назвать пріятнымъ, еслибы причина его не была весьма незабавная, неожиданный для меня пріѣздъ моихъ родителей, еще болѣе нарушилъ то животное спокойствіе, которое въ это лѣто надѣялся я сохранять. Предупредивъ меня письмомъ только дня за два, прибыли они 24 Іюня. Непріятный процесъ, какіе впрочемъ всѣ они бываютъ, вызвалъ ихъ въ столицу.

Прежде нежели объясню я несправедливость, съ какою Сенатъ поступилъ противъ моей матери, да позволено мнѣ будетъ, чтобъ отдохнуть отъ тогдашняго грустнаго настоящаго, нынѣ прошедшаго, перенестись въ давно-прошедшее и приняться за разсказъ, которому не здѣсь мѣсто, а при самомъ началѣ сихъ Записокъ. Но подробности нѣкоторыхъ семейныхъ обстоятельствъ мнѣ не были извѣстны, когда я приступилъ къ сему труду: покойная родительница моя никогда не хотѣла ихъ мнѣ открывать, и только послѣ, одна девяностолѣтняя старуха, сохранившая твердо память, передала мнѣ слышанное отъ своей матери. Все нижеслѣдующее мой читатель можетъ пропустить; я писалъ болѣе для потомства моихъ братьевъ и сестеръ.

Когда при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1666 году, Пенза сдѣлана была городомъ, то первымъ въ нее воеводою посаженъ былъ мой пращуръ, Иванъ Кондратьевичъ Лебедевъ, мною уже упомянутый, человѣкъ великомощный, богатый и щедрый. Въ шести верстахъ отъ города поселилъ онъ крестьянъ, построилъ имъ деревянную церковь и основалъ село Лебедевку, нынѣ принадлежащее моему племяннику. А потомъ въ самомъ городѣ, за рѣкою Пензой воздвигъ онъ на свой счетъ каменную церковь во имя Казанской Божіей Матери и черезъ рѣку построилъ мостъ, который доселѣ носитъ его фамильное имя, называется Лебедевскимъ; все это для того времени было очень важно. У него было два сына, между которыми, по его смерти, раздѣлилось его имущество: старшему, котораго не знаю какъ звали, отдалъ онъ вотчины свои близъ Казани, откуда онъ былъ родомъ; меньшому же Ивану (отъ кого мы происходимъ)—пріобрѣтенныя имѣнія около Пензы, гдѣ онъ былъ пришельцемъ. Старшая отъ него отрасль сохранила, если еще не умножила, его богатство; меньшая не столько была счастлива. Въ проѣздъ мой черезъ Казань, зимою 1806 года, правнукъ его Евграфъ Алексѣевичъ Лебедевъ, внучатный братъ моей матери, принялъ меня не такъ какъ дальняго, а какъ близкаго родственника, и въ славномъ каменномъ домѣ своемъ радушно и роскошно угостилъ. Я о томъ забылъ упомянуть; но, право, всего вдругъ не припомнишь.

Прадѣдъ мой Иванъ Ивановичъ Лебедевъ, уже вдовый, умеръ довольно молодъ и оставилъ по себѣ единственнаго сына, осмилѣтняго сироту, дѣда моего Петра Ивановича. Съ горестію надобно признаться, что Татарское иго на долго истребило между Русскими чувство справедливости и поселило между ними смѣлую, безстыдную наклонность къ похищенію чужой собственности. Богатому мальчику дана была опека, которая, безпрестанно грабя его, въ нѣсколько лѣтъ успѣла сдѣлать его почти нищимъ; и онъ, рѣшившись искать счастія въ службѣ, вступилъ простымъ рядовымъ въ гвардейскій Измайловскій полкъ. Тутъ начинается разсказъ моей старухи.

Въ это время въ Петербургѣ славился своею честностію, прямодушіемъ, любовію къ истинѣ генералъ-аншефъ Василій Ивановичъ Чулковъ, любимый императрицею Елисаветою Петровной и ею изъ простыхъ придворныхъ истопниковъ возведенный на знатную степень, котораго, можетъ быть, читатель мой помнитъ (по крайней мѣрѣ, я того желаю). Къ сему извѣстному защитнику отъ притѣсненій, для всѣхъ доступному вельможѣ, рѣшился прибѣгнуть робкій, обиженный дѣдъ мой. «Что тебѣ надобно?» спросилъ онъ его въ просительской прихожей; тотъ объяснился, какъ умѣлъ. «Да что за хорошенькій! Ну точно писанный мальчикъ!» сказалъ онъ, погладилъ по головкѣ и велѣлъ на

другой день въ назначенный часъ быть у себя, чтобы выслушать наединѣ.

Когда тотъ явился и обстоятельно разсказалъ ему свое горе, завязался между ними слѣдующій разговоръ. «Сколько тебѣ лѣтъ?»—«Восемнадцать».—Хочешь ли жениться?– «У меня о томъ и въ помышленіи не было».—«Ну а если я тебѣ сыщу хорошую невѣсту?» И вмѣстѣ съ этимъ велѣлъ вывести падчерицу свою, Марѳу Григорьевну Кривскую. Она была дѣвица лѣтъ тридцати, толстая, черная, рябая и, какъ сказывали (боюсь прогнѣвить ея тѣнь), ума болѣе чѣмъ ограниченнаго. Обомлѣлъ мой бѣдный малый и съ простотою невинности отказалъ на отрѣзъ; предложенная удалилась. «Ну, такъ послушай же», сказалъ Чулковъ, «тебя никто не неволитъ; но знай, что если ты не согласишься, я въ дѣло твое не вступаюсь. И то всего имѣнія спасти не берусь, а только выручу тебѣ хорошій кусокъ хлѣба. Пораздумай хорошенько, и что̀ придумаешь, приди мнѣ сказать». Ни живъ, ни мертвъ вышелъ несчастный. Такая грубость была тогда еще въ нравахъ, что человѣкъ дѣйствительно-добрѣйшій, благонамѣреннѣйшій, не посовѣстился воспользоваться безнадежнымъ положеніемъ сироты, чтобы навязать ему свою падчерицу.

У жениха, кромѣ состоянія было все: онъ былъ совершенный красавецъ, милъ, добръ и чрезвычайно уменъ; у невѣсты ничего, ни даже состоянія. Недѣли двѣ (говоритъ преданіе старухи) поплакалъ онъ, погрустилъ, помолился Богу и, видно, воля небесная положила ему на сердце принести себя въ жертву: его женили и возвратили ему часть его имѣнія (безъ этого вынужденнаго брака и меня не было бы на свѣтѣ). Таковъ Русскій человѣкъ: неволя его не убиваетъ, какъ людей другихъ націй, а напротивъ дѣлаетъ ко всему способнымъ, и онъ всегда готовъ покорить себѣ волю свою, а самъ покориться обстоятельствамъ. Женившись дѣдъ мой прожилъ всего только восемь лѣтъ и умеръ офицеромъ того же Измайловскаго полка. Трое дѣтей были плодомъ сего союза, въ послѣдствіи довольно счастливаго: дочь Елисавета, семью годами старѣе моей матери, бывшая въ замужествѣ за надворнымъ совѣтникомъ Сергѣемъ Семеновичемъ Тухачевскимъ, сынъ Илья, умершій въ малолѣтствѣ, и наконецъ, меньшая дочь, мать моя, Мавра, родившаяся три недѣли послѣ кончины отца своего.

Моя бабка, которой такъ трудно было сыскать перваго мужа, легко нашла втораго. Въ семъ второмъ бракѣ съ Иваномъ Львовичемъ Трескинымъ прожила она недолго и умерла, оставивъ ему двухъ малолѣтнихъ дѣтей, сына Петра, всегда остававшагося холостымъ, и дочь Надежду, вышедшую послѣ за одного господина Тютчева. Законная седьмая часть, во вдовствѣ полученная ею изъ Лебедевскаго имѣ-

нія, разумѣется досталась сыну, за исключеніемъ трехъ мелкихъ дробей дочерямъ. Вотчимъ Трескинъ успѣлъ склонить своихъ падчерицъ (моихъ—тетку и мать), еще несовершеннолѣтнихъ, къ подписанію отреченія отъ мелкихъ дробей своихъ въ пользу брата. Прошли десятки лѣтъ, и когда сей братъ, Петръ Ивановичъ Трескинъ, скончался бездѣтенъ, то имѣніе, полученное имъ отъ матери, раздѣлилось между ея тремя дочерьми. Младшей, Надеждѣ Ивановны Тютчевой, уже не было на свѣтѣ, и ея мѣсто заступалъ малолѣтній сынъ.

Вступивъ въ совершеннолѣтіе, онъ сталъ жаловаться на несправедливость дѣлежа, утверждая, что тетки его, отреченіемъ отъ слѣдуемыхъ имъ послѣ матери долей, отказались и отъ правъ на всякое послѣ нея наслѣдство. По неясности законовъ, всякое у насъ неосновательное притязаніе служило доселѣ предлогомъ къ тяжбѣ; уѣздный судъ и гражданская палата присудили въ нашу пользу, и дѣло по апеляціи поступило въ Сенатъ. Московскіе его департаменты, не находясь подъ близкимъ надзоромъ Министерства Юстиціи, всегда извѣстны были лѣностію, безпечностію или пристрастіемъ сенаторовъ, лихоимствомъ оберъ-секретарей и секретарей. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ Шлыковъ, въ вѣдомостяхъ вызывая тяжущихся, поставилъ будто по ошибкѣ, титулярную совѣтницу Марью Васильеву, вмѣсто тайной совѣтницы Мавры Вигелевой, дабы тѣмъ устранить съ нашей стороны хожденіе по дѣлу. Какъ бы то ни было, оно нами проиграно въ Сенатѣ. Престарѣлаго отца моего взволновало такое мошенничество, и вслѣдствіе его столь явная несправедливость (какъ будто онъ не цѣлый вѣкъ прожилъ въ Россіи!), и онъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ, съ намѣреніемъ, не довѣряя никому, самому хлопотать чрезъ Коммисію Прошеній о высочайшемъ повелѣніи пересмотрѣть дѣло въ общемъ собраніи департаментовъ *).

Живши почти на дачѣ, я не инако какъ на другой день послѣ пріѣзда моихъ родителей могъ узнать о немъ и съ того дни, разумѣется, находился на безсмѣнномъ дежурствѣ при нихъ, ночевалъ же у Блудова; но только рѣдко, послѣ обѣда, могъ отлучаться домой.

Я содрогнулся, когда, послѣ годовой разлуки, въ первый разъ я увидѣлъ отца моего; мнѣ казалось, что не его самого, а только его тѣнь я вижу передъ собою. Хотя, конечно, былъ уже ему семьдесятъ второй годъ отъ роду, но не съ большимъ за годъ передъ тѣмъ былъ

*) Согласно его желанію, дѣло было разсматриваемо какъ въ общемъ собраніи Сената, такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ; но онъ не имѣлъ горести видѣть рѣшенія обоихъ сихъ главныхъ судилищъ. Безъ особыхъ побужденій рѣдко случается, чтобы въ нихъ внимательно обсуживали рѣшенія Сената. Окончательно мы вездѣ проиграли.

онъ еще довольно свѣжъ и бодръ, а потомъ въ столь короткое время совершенно рухнулся. Горести долго подкапывали и, наконецъ, сломили эту твердую натуру. Обидная отставка безъ вины, обвиненія и просьбы, потеря любимой невѣстки, а вскорѣ послѣ нея одного изъ сыновей, неудачное служеніе оставшихся, долги, опасное состояніе отечества, самая жизнь въ провинціи, гдѣ онъ прежде начальствовалъ и сошелъ на степень небогатаго помѣщика, наконецъ этотъ глупый процесъ, все соединилось, чтобы убивать его безотрадную старость; надежда ни откуда ему не свѣтила. Онъ все былъ на ногахъ, съ самаго утра до вечера одѣтъ съ головы до ногъ; у него была не болѣзнь, а разслабленіе всѣхъ нравственныхъ и физическихъ силъ, совершенное ихъ разрушеніе. Нервная система до того поражена была въ немъ, что онъ сдѣлался раздражителенъ, нетерпѣливъ, какъ ребенокъ. Увы! Что̀ сталось съ этимъ человѣкомъ! Охъ, какъ тяжело и жалко было смотрѣть на него. Чего не дѣлали мы съ матерью и съ прибывшею изъ Финляндіи для свиданія съ нимъ сестрою, чтобы какъ нибудь его развеселить, развлечь, ободрить! Усилія наши почти всегда оставались тщетны.

Я вообразилъ себѣ, что шумъ, многолюдство, блескъ празднества могутъ сколько-нибудь оживить, такъ сказать, гальванизировать сіе гаснущее, дорогое мнѣ существо. Приближался день имянинъ императрицы Маріи Θеодоровны, 22 Іюля, въ который ежегодно бывалъ въ Петергофѣ всенародный праздникъ; я сталъ уговаривать его туда поѣхать и не безъ труда могъ получить на то согласіе. Чтобы не утомить его въ одинъ день болѣе чѣмъ пятидесятиверстнымъ путешествіемъ взадъ и впередъ, мы приготовили ему въ Стрѣльнѣ, на квартирѣ конногвардейскихъ офицеровъ, двухъ братьевъ Беклемишевыхъ (племянниковъ зятя Алексѣева), удобный и покойный ночлегъ, и наканунѣ праздника туда отправились; на другой день только послѣ обѣда мы были въ Петергофѣ. И что̀ же? Все его сердило. Зачѣмъ тянется эта несносная, безконечная цѣпь экипажей? Зачѣмъ толпы народа такъ весело спѣшатъ на праздникъ? Зачѣмъ такое безчисленное множество огней? Это скорѣе похоже на пожаръ, чѣмъ на иллюминацію. И хоть бы, по крайней мѣрѣ, былъ гнѣвъ, досада, пусть бы брань; а то все неудовольствіе – какой-то брюзгливый, невнятный ропотъ. Мы были при немъ безотлучно, какъ три няньки; на насъ совсѣмъ были нерадостныя лица, и куда какъ не веселъ былъ намъ этотъ вечеръ! Переночевавъ опять въ Стрѣльнѣ, на другой день воротились мы въ городъ.

Желаніе его исполнилось: дѣло съ Тютчевымъ велѣно пересмотрѣть въ общемъ собраніи Московскихъ департаментовъ Сената, и онъ, нѣсколько успокоенный, началъ собираться въ обратный путь. Въ пер-

выхъ числахъ Августа проводилъ я моихъ родителей до Средней Рогатки, чтò нынѣ называется Четыре Руки; прощаясь съ ними и чувствуя, что съ отцомъ разстаюсь на вѣки, не могъ я удержаться отъ слезъ, и это скорѣе огорчило его, чѣмъ тронуло. Возвратясь къ себѣ на Петербургскую Сторону, началъ я жить не веселѣе, но нѣсколько покойнѣе, въ обществѣ постояннаго утѣшителя, скораго помощника моего Блудова. Черезъ мѣсяцъ надобно было подумать о переселеніи опять въ центръ города.

XIII.

Осень стояла сначала столь же ясная, тихая и жаркая, какъ лѣто; многіе приписывали это дѣйствію кометы, которая все продолжала еще бѣдой сверкать намъ въ очи. Эта осень замѣчательна была двумя событіями въ столицѣ: окончаніемъ и освященіемъ Казанскаго собора и основаніемъ Царскосельскаго Лицея.

Вообще цари, и особенно самодержавные, любятъ оставлять потомству огромные памятники своего царствованія; и замѣчательно, что чѣмъ болѣе народъ былъ угнетенъ, униженъ, тѣмъ выше они воздымались: доказательствомъ тому служатъ въ преданіяхъ существующій Вавилонъ, пирамиды, Колизей и все Египетское и Римское гигантское зодчество (Греческія произведенія въ семъ родѣ болѣе отличаются граціей и совершенствомъ формъ). Когда императоръ Павелъ окончилъ свой по мнѣнію его чудо-дворецъ, чтó нынѣ Михайловскій или Инженерный зàмокъ, и на короткое время поселился въ семъ сооруженномъ себѣ храмѣ, то задумалъ воздвигнуть другой храмъ и Божеству, и незадолго передъ смертію своею заложилъ новый Казанскій соборъ. Старый, даже при Елисаветѣ, стоялъ почти на краю нераспространившагося еще города, надъ мутнымъ ручьемъ, называемымъ Черною рѣчкой, чтó нынѣ вычищенный, но все-таки грязный Екатерининскій каналъ. Подобно нѣкоторымъ, находящимся донынѣ въ Петербургѣ церквамъ, былъ онъ ничто иное какъ продолговатый, просторный каменный сарай съ довольно-высокимъ деревяннымъ куполомъ; позади его находилось обширное мѣсто, избранное для помѣщенія его великаго преемника.

Великимъ строителемъ новаго храма назначенъ былъ графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ. Онъ всегда былъ покровитель художниковъ и любитель художествъ, не знаю до какой степени въ нихъ свѣдующій; съ иностраннымъ воспитаніемъ и вкусами сочетая Русскіе навыки и хлѣбосольство, жилъ онъ барски, по Воскресеньямъ угощалъ у себя не однимъ рожденіемъ, но и талантами отличающихся людей. Онъ былъ старикъ просвѣщенный, умный и благородный, однакоже,

вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно искусный царедворецъ, чтобы ладить со всѣми любимцами царей и пользоваться благосклонностію четырехъ вѣнценосцевъ. Ему удалось устранить отъ строенія собора, строившаго Михайловскій зáмокъ, самозванца архитектора Бренну, весьма любимаго Павломъ, бывшаго въ Италіи едва ли посредственнымъ маляромъ *), и предложить доморощеннаго своего зодчаго Воронихина. У Павла совсѣмъ не было вкуса, у Александра очень много; но въ первые годы своего царствованія чрезвычайно любилъ онъ колонны, вездѣ онѣ были ему надобны, и оттого-то сохранилъ онъ утвержденный отцомъ его планъ, ибо на немъ находились онѣ въ большомъ изобиліи.

Все огороженное мѣсто вокругъ новостроящагося храма, равно какъ и входъ во внутренность его, когда строеніе его начало приходить къ окончанію, оставались открыты для любопытныхъ; не такъ какъ нынѣ, когда никому, исключая самыхъ избранныхъ, не дозволяется взглянуть на работы, производящіяся десятки лѣтъ, когда какъ будто опасаются, чтобы порядочно одѣтые люди днемъ не утащили лежащіе кирпичъ и известку, когда фиглярство строителей хочетъ какою-то таинственностію закрыть отъ народа совершаемыя имъ чудеса. Мнѣ иногда случалось входить въ достраивающееся зданіе, и нельзя было не подивиться богатству, расточаемому для внутренняго его убранства. Мраморный узорчатый помостъ, необъятной величины полированные монолиты, составляющіе длинную колоннаду, серебряныя рѣшетки, двери и паникадилы, покрытыя золотомъ и облитыя бриліантами иконы, все должно было изумлять входящихъ во храмъ. Нѣкоторые однакоже позволяли себѣ сравнивать архитектора съ неискуснымъ поваромъ, который, начиняя всѣ кушанья свои перцомъ, инбиремъ, корицей, всякими пряностями, думаетъ стряпнѣ своей придать необычайно-пріятный вкусъ.

Ровно черезъ десять лѣтъ послѣ вѣнчанія на царство императора Александра, 15 Сентября, происходило освященіе новаго храма. Всѣ носящіе мундиръ, безъ изъятія, были допущены во внутренность его; у меня мундира не было, и я на улицѣ скромно стоялъ между фраками и крестьянскими кафтанами, въ народной толпѣ. День былъ жаркій, ни вѣтра, ни облачка на небѣ, и умиленный народъ радостно смотрѣлъ на крестный ходъ и на свѣтлыя очи и веселый ликъ идущаго въ немъ

*) Если кто умѣетъ сколько-нибудь рисовать, тому у насъ нетрудно назвать себя архитекторомъ. Стóитъ только проводить линіи подлиннѣе, давать прожектированному зданію большія пропорціи, отовсюду заимствовать для него орнаменты и на чертежѣ вкось и вкривь ихъ прилаживать: за прочность строенія отвѣчаетъ каменныхъ дѣлъ мастеръ. Такимъ образомъ прославился у насъ Монферранъ.

Царя, что уже такъ рѣдко случалось ему видѣть. Тутъ первый разъ въ жизни узрѣлъ я пятнадцатилѣтняго мальчика, будущаго властелина моего, будущую судьбу мою, Николая Павловича.

Въ этотъ день Государь былъ щедръ: старика Строгонова изъ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ пожаловалъ онъ въ первый классъ, награда столь рѣдкая, что почиталась тогда происшествіемъ. Всякое сильное ощущеніе въ старости служитъ придиркою для смерти: печаль и радость равно убиваютъ ее. Отчего же, если не отъ радости, черезъ десять дней скоропостижно было умереть здоровому графу Строгонову? Незадолго, 26 Августа, видѣли его на дачѣ, когда онъ праздновалъ имянины сватьи своей Голицыной, гуляющаго вечеромъ въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ. Тѣло его предано землѣ въ построенномъ подъ надзоромъ его соборѣ. И въ этомъ увидѣли худое для Россіи предзнаменованіе.

Не столь блестящимъ образомъ, въ Октябрѣ было открытіе Царскосельскаго лицея. Кто подалъ мысль или кто первый имѣлъ ее объ его основаніи, не знаю, но если не ошибаюсь, то кажется самъ Государь. Въ первоначальные счастливые годы его царствованія, любилъ онъ свою простонародность (слово, которымъ я думаю замѣнить употребляемое нынѣ популярность *). Наскучивъ пышностію и величіемъ, среди коихъ возросъ, всегда любилъ онъ также простоту, какъ въ одѣяніи, такъ и въ образѣ жизни. Изо всѣхъ дворцовъ своихъ, самый укромнѣйшій, совсѣмъ забытый Каменноостровскій дворецъ, выбралъ онъ лѣтнимъ своимъ мѣстопребываніемъ. Одна сторона его обращена была къ рѣкѣ, другая къ саду, въ которомъ два большіе входа, одинъ противъ другаго, дѣлали его проходнымъ, такъ что люди всякаго званія, даже простые мужики, могли безвозбранно толпами ходить (и ходили) подъ самыми окнами, не высоко надъ землею стоящаго царскаго кабинета и почти въ него заглядывать. Это его чрезвычайно тѣшило и радовало. Такъ было до Тильзитскаго мира, послѣ котораго сталъ онъ предпочитать Царское Село.

Странная была участь этого казеннаго городка и дворца его! Онъ никогда при началѣ, а всегда подъ конецъ царствованія государей дѣлался любимымъ ихъ убѣжищемъ. Мѣсто подаренное Петромъ Великимъ Екатеринѣ І-й, въ сторонѣ отъ большой Московской дороги, тайкомъ отъ него засадила она липовыми деревьями и построила на немъ трехъэтажное высокое, но не обширное зданіе. Въ Августѣ 1724 года въ первый разъ угощала она тутъ своего дарителя; все ему чрезвычайно понравилось, и онъ возвѣстилъ, что не только гостить, но даже

*) Народность въ переводѣ значитъ nationalité.

часто будетъ жить у нея; въ слѣдующемъ Январѣ онъ скончался. Говорятъ, что Анна Ивановна передъ смертію неоднократно сбиралась туда переѣхать, но что Биронъ всегда ее отговаривалъ отъ того. Елисавета Петровна строила Зимній дворецъ, а въ окрестностяхъ Петербурга, на островахъ Крестовскомъ, Петровскомъ, на Средней Рогаткѣ, на мызѣ Пеллѣ, небольшіе крестообразные дома, величаемые дворцами, не для жительства своего, а для отдохновенія во время частыхъ своихъ прогулокъ. Постояннѣе всего жила она въ Петергофѣ; въ Царское Село никогда не заглядывала, какъ вдругъ, во второй половинѣ своего правленія, плѣнилась имъ, растянула фасадъ построеннаго ея матерью дворца, не будучи расточительна, посадила въ него миліоны и сдѣлалась настоящею основательницей сего истинно-царскаго жилища. Нѣсколько лѣтъ Екатерина II также предпочитала Петергофскій видъ на взморье другимъ увеселительнымъ мѣстамъ своей столицы, пока не прилѣпилась къ Царскому Селу; тогда наложила она на него свою могущественную руку и тутъ, какъ и во всемъ что предпринимала, творила чудеса, такъ что сынъ ея, малолѣтный, когда она вступала на престолъ, все почиталъ тутъ ея созданіемъ. Конечно не изъ сыновней нѣжности совершенно бросилъ онъ Царское Село и на поддержаніе его никакихъ суммъ не велѣлъ отпускать; все начало глохнуть, поростать крапивой, покрываться тиной, все портиться, валиться, и сіе грозящее разрушеніе пѣвецъ Екатерины, Державинъ, грустно изобразилъ въ стихахъ своихъ, подъ названіемъ *Развалины*. Окружающимъ Павла I жалко стало Русскаго Версаля, и они, убѣдивъ его, что оно твореніе не одной матери его, но бабки и прабабки, склонили въ Іюлѣ 1800 года въ него переѣхать. Онъ прожилъ тутъ до Сентября, съ быстротою, съ которой отъ одного чувства переходилъ къ другому, нашелъ мѣсто сіе очаровательнымъ, гораздо лучше его Павловска, и объявилъ намѣреніе свое каждое лѣто проводить въ немъ по два мѣсяца. Онъ не могъ его исполнить: въ Мартѣ его не стало.

Я помню то почтительное удивленіе, смѣшанное съ тоской, съ которыми раза два случалось мнѣ посѣтить садъ и дворецъ Царскосельскіе, въ первые годы Александра. Присмотръ за тѣмъ и за другимъ казался дѣйствіемъ одного приличія; небрежность, съ какою сохраняютъ у насъ пышные надгробные памятники, и тутъ была замѣтна: вездѣ царствовала пустота. Все это перемѣнилось въ 1808 году. Императоръ Александръ сталъ убѣгать сближенія съ подданными, въ преданности коихъ началъ сомнѣваться; въ расположеніи духа, въ которомъ онъ находился, уединеніе сдѣлалось для него привлекательно: онъ поселился въ Царскомъ Селѣ и часто бывалъ въ немъ и зимой. Густой, сосновый боръ, обнесенный каменною оградой, называемый

Звѣринцемъ, но въ которомъ не дикіе звѣри были видны, а одна дикая природа, нерѣдко посѣщалъ онъ и любилъ теряться въ чащѣ его вѣковыхъ деревьевъ съ мрачными мыслями, глубоко въ головѣ его затаенными; гораздо послѣ украсилъ онъ сіе любимое мѣсто и превратилъ его въ безподобный паркъ.

Но надобно было сколько нибудь оживить сію пустыню. Чадолюбіе было всегда отличительною чертою характера четырехъ братьевъ, сыновей Павла I-го, и этимъ они совсѣмъ не походили на отца. Два раза надежда поманила родительскимъ счастіемъ и два раза она обманула Александра. Но вчужѣ не переставалъ онъ любить нѣжный дѣтскій возрастъ и полагалъ, что разсадникъ будущихъ, вѣрныхъ ему служителей, составленный изъ невинныхъ, веселыхъ отроковъ, будетъ утѣшителенъ для его взоровъ. И для того, кажется, и помѣстилъ онъ его подлѣ самаго дворца, въ высокомъ и длинномъ павильонѣ, построенномъ Екатериною для великихъ княжонъ, малолѣтнихъ ея внучекъ.

При торжественномъ открытіи лицея находился Тургеневъ; отъ него узналъ я нѣкоторыя о томъ подробности. Вычитывая воспитанниковъ, сыновей извѣстныхъ отцовъ, между прочимъ назвалъ онъ одного двѣнадцатилѣтняго мальчика, племянника Василья Львовича, маленькаго Пушкина, который, по словамъ его, всѣхъ удивлялъ остроуміемъ и живостію. Странное дѣло! Дотолѣ слушалъ я его довольно разсѣянно, а когда произнесъ онъ это имя, то въ мигъ пробудилось все мое вниманіе. Мнѣ какъ будто послышался первый далекій гулъ той славы, которая вскорѣ потомъ должна была гремѣть по всей Россіи; какъ будто впередъ что-то сказало мнѣ, что бесѣда его доставитъ мнѣ въ жизни столько радостныхъ, усладительныхъ, а чтеніе его столько восторженныхъ часовъ.

Какъ водится въ природѣ, за осенью пришла зима, въ этотъ годъ для меня скучная, невыносимая. Чтобы не раздражить слабости родителя моего, я продолжалъ все числиться на службѣ, нуждаться во всемъ и жить день за день, ничего лучшаго не видя впереди. Въ этомъ состояніи я охотно принялъ приглашеніе сестры моей встрѣтить у нея новый годъ въ Финляндскомъ уѣздномъ городкѣ, уже не въ Нейшлотѣ, а гораздо ближе, въ Кексгольмѣ, куда бригада и полкъ мужа ея были переведены. Туда отправился я на третій день послѣ Рождества.

Помѣщеніе имѣли тутъ супруги гораздо удобнѣе и просторнѣе, чѣмъ въ Нейшлотѣ: большой одноэтажный каменный домъ, бывшій комендантскій, въ упраздненной крѣпости. Припасы всѣ были дешевы, а нѣкоторые предметы роскоши, по близости, можно было легко выписывать изъ Петербурга; житье, да и только! У меня на сердцѣ до того было но

весело, что изъ новыхъ лицъ, посѣтителей и посѣтительницъ, я никого не замѣчалъ, никого не помню. Чтобы сколько-нибудь развеселить меня, хотя на одинъ вечеръ разсѣять и собственную тоску и весело начать наступающій годъ, добрая сестра моя наканунѣ 1 Января затѣяла большой пиръ. Какъ не вѣрить примѣтамъ? Вѣдь этотъ начинающійся годъ былъ нашъ роковой двѣнадцатый годъ; что́ ни дѣлала бѣдная сестра, судьба такъ устроила, чтобы намъ печально его встрѣтить. Вечеромъ полученныя съ почты бумаги и пріѣздъ одного человѣка разстроили всѣ наши намѣренія и на нѣсколько часовъ даже не дали забыть намъ горе. Вечеринку, однакоже, не отложили; но для насъ съ сестрой она совсѣмъ не была забавна. Молодые люди обоего пола веселились, плясали; а я, хотя по лѣтамъ и принадлежалъ еще къ ихъ возрасту, смотрѣлъ на нихъ съ досадою и удивленіемъ, какъ будто бы они обязаны были раздѣлять мои чувства.

Отъ военнаго министра тотъ вечеръ получено приказаніе зятю моему, по волѣ Государя, отправиться въ Абовъ, для принятія временнаго начальства надъ пѣхотною дивизіей генерала Демидова, заболѣвшаго и уволеннаго въ отпускъ. Это было знакомъ довѣренности, совсѣмъ не несчастіемъ, но въ тоже время величайшимъ разстройствомъ въ домашнихъ обстоятельствахъ.

Другая вѣсть была для насъ не менѣе тревожна. Вмѣсто матери, которая не въ силахъ была уже писать, братъ и сестры увѣдомляли насъ изъ Пензы, что нашъ отецъ совершенно упадаетъ духомъ и даже примѣтно слабѣетъ и тѣломъ; и хотя все на ногахъ и продолжаетъ выѣзжать, но они мало имѣютъ надежды долго сохранить его.

Наконецъ, прискакавшій Алексѣй Даниловичъ Копіевъ съ бодрымъ духомъ и не совсѣмъ сокрушеннымъ сердцемъ объявилъ имъ еще вѣсть, которая мнѣ показалась бѣдственною. Передъ отъѣздомъ, я тоже что-то слышалъ, но никакъ не могъ тому повѣрить, чтобы Выборгскую губернію захотѣли отнять у Россіи и, присоединивъ къ новымъ завоеваніямъ, составить изъ нихъ какое-то отдѣльное отъ нея государство, подъ названіемъ Великаго Княжества Финляндскаго. Какъ ни тайно производилось о томъ дѣло, хлопотунъ Копіевъ, заблаговременно о немъ провѣдавъ и зная, какое плохое житье будетъ Русскимъ подъ управленіемъ высшаго сословія туземцевъ, все однихъ Шведовъ, ненавидящихъ Россію, зная, что Русскіе владѣльцы вынуждены будутъ за безцѣнокъ кидать свои имѣнія, первый поспѣшилъ довольно выгоднымъ образомъ сбыть свою мызу, получить за нее деньги и пріѣхалъ совершить только продажный актъ. Конечно и Копіеву не совсѣмъ пріятно было разстаться съ гнѣздомъ имъ самимъ свитымъ, куда лѣтомъ мирно удалялся онъ съ семействомъ, откуда въ столицѣ имѣлъ

всегда свѣжіе запасы, и онъ не старался скрывать своего сожалѣнія; но по крайней мѣрѣ безъ убытка лишался онъ своего пріюта. Другіе же тутъ случившіеся Русскіе чиновники и владѣльцы, пораженные симъ извѣстіемъ, точно какъ одурѣли.

Манифестъ о семъ событіи, въ этомъ краю столь важномъ, положено было обнародовать въ новый годъ; слѣдовательно тутъ онъ не могъ еще быть полученъ. Такими подарками, étrennes, при наступленіи года, Государь, съ помощію Сперанскаго, любилъ насъ дарить. Въ эту же эпоху, во всемъ, что было вредно и постыдно для Россіи, всегда находишь руку Сперанскаго. Императоръ Александръ имѣлъ нѣкоторыя собственныя мнѣнія, которыя лучшими доводами трудно было поколебать; напримѣръ, мысль о маленькихъ царствахъ, ему подвластныхъ, а отъ Россіи вовсе независимыхъ, нѣтъ сомнѣнія, родилась въ его головѣ. Но всякій приближенный къ нему патріотъ и честный человѣкъ обязанъ былъ объяснить ему весь вредъ, который можетъ произойти отъ того для главнаго государства. Сперанскій, имѣя свои особенные виды, того не сдѣлалъ; напротивъ, онъ одобрилъ намѣреніе, поощрялъ приступить къ его исполненію и предложилъ себя главнымъ орудіемъ въ этомъ дѣлѣ.

«Какое право имѣете вы, государь, можно было бы сказать ему, безъ бою, безъ всякой видимой причины, безъ многократныхъ пораженій и слѣдствія ихъ (вынужденнаго примиренія), не для спасенія цѣлаго государства, по одному произволу вашему, отрывать отъ Россіи области, не вами, а вашими предками и ихъ подданными пріобрѣтенныя? Для чего дѣлаются завоеванія, если не для усиленія государственнаго тѣла? Они достояніе не только еще царя, какъ народа, ихъ совершившаго; онъ старается распространить предѣлы земли своей для того, чтобы внутри ея пользоваться бо́льшею безопасностію; а вы опасности опять къ нему приближаете. Знаете ли вы исторію этого народа, государь? Читали-ли вы ее? Если вы свѣдѣнія ваши о ней почерпнули только изъ уроковъ вашего Лагарпа или изъ чтенія невѣжды и лжеца Рюльера, то плохо же вы ее знаете. Стало быть, вамъ неизвѣстно, что этотъ народъ, ослабленный, изнеможенный, со всѣхъ сторонъ тѣснимый, давимый сильными, лютыми врагами, болѣе его въ ратномъ дѣлѣ свѣдущими, Татарами, Турками, Поляками, Литвою, Ливоніей и Швеціей, медленно приподнявшись и поддержанный единою вѣрою отцовъ своихъ и силою великаго своего имени, не убоялся подставить имъ грудь свою, пять столѣтій на смерть съ ними бился и, о чудо! устоялъ и всѣхъ одолѣлъ. И теперь, когда, благодаря его вѣковымъ усиліямъ, вы, потомокъ избранныхъ имъ Романовыхъ, красуетесь и возвышаетесь предъ другими земными владыками, задумали вы въ руки злодѣямъ его, побѣ-

жденнымъ, но не обезоруженнымъ, предать дѣтей вашихъ, ихъ побѣдителей, ихъ прежнія жертвы. О горе! О стыдъ! Въ исторіи народовъ найдите мнѣ другой примѣръ столь несправедливому дѣйствію необузданной воли царской: ни великій Петръ, ни могущій Наполенъ ни на что подобное бы не рѣшились. Откуда взяли вы, что вамъ дана власть, по прихоти вашей, единымъ почеркомъ пера и одною каплею чернилъ, уничтожать то что сотворено сотнями тысячъ штыковъ и цѣлыми рѣками крови? Нѣтъ, нѣтъ, будьте велики, но да будетъ велика и Россія ваша! Само Провидѣніе доселѣ вело ее за руку, и не вамъ дано будетъ разрушать то что въ вѣчной мудрости Своей Оно устроиваетъ». Такъ конечно въ презираемой нами старинѣ заговорилъ бы не одинъ брадатый бояринъ, зная, что вмѣстѣ съ тѣмъ подъ топоръ подставляетъ онъ голову свою. Теперь по большей части своекорыстные льстецы и обманщики, тайные непріятели, а при случаѣ и мятежники, а не вѣрные и смѣлые слуги государей, окружаютъ ихъ въ Европѣ.

Все вышесказанное, разумѣется, не столько относится къ Финляндіи, какъ къ другой гораздо обширнѣйшей странѣ, которую впослѣдствіи намѣревались отмежевать отъ Россіи. Кажется, само Небо насылало внезапныя происшествія и нѣкоторыхъ людей, каковы Карамзинъ, Поццо-ди-Борго, чтобы препятствовать исполненію дурнаго умысла, коего послѣдствія могли бы быть ужасны. Незлопамятный народъ Русскій давно забылъ вѣковыя обиды, врагами нанесенныя; но главѣ его не должно ихъ забывать, не для отмщенія, а для истребленія возможности имъ возобновиться. Богъ любилъ еще Александра: Онъ не попустилъ ему совершить замышляемое преступленіе.

Можетъ быть, Сперанскій полагалъ, что при всеобщемъ неудовольствіи столь смѣлая несправедливость Царя еще болѣе возстановитъ противъ него подданныхъ. Ни мало: онъ ошибся, и такой поступокъ, который въ другомъ государствѣ взволновалъ бы всѣхъ, остался незамѣченнымъ. При неизмѣримомъ пространствѣ земель, коимъ владѣетъ Россія, нѣкоторые только посмотрѣли на то какъ на уступку немногихъ десятинъ, богатою вотчиною, другой небольшой сосѣдней деревнѣ, одному же съ нею помѣщику принадлежащей. Всѣ взоры устремлены были на Западъ и на Югъ, а до Сѣвера никому дѣла не было. Лучше сказать, никто почти не узналъ о томъ; въ этомъ случаѣ Россія была, какъ огромная хоромина, для изображенія величины которой есть поговорка, что въ одномъ углу обѣдаютъ, а въ другомъ не вѣдаютъ. По самому названію, присоединеніе Старой Финляндіи къ Новой показалось дѣломъ весьма естественнымъ, простою правительственною мѣрою, совсѣмъ не политическимъ фактомъ.

Нынѣ плоды этого отчужденія видимы очень явственно, но никто не хочетъ взять труда замѣтить ихъ. Старанія правителей изженить нашихъ соотечественниковъ имѣли совершенный успѣхъ; какъ говоритъ простой народъ, Русскимъ духомъ тамъ уже нигдѣ не пахнетъ, онъ нетерпимъ, и въ шестидесяти верстахъ отъ столицы можно себя почитать совсѣмъ въ чужой землѣ. Въ военныхъ и торговыхъ приморскихъ городахъ, гдѣ стоятъ или куда показываются наши корабли, люди, составляющіе ихъ экипажи, не могутъ имѣть никакихъ сношеній съ жителями высшаго рязряда, а только пируютъ по трактирамъ, да веселятся и пляшутъ съ непристойными женщинами. Число Русскихъ, заглядывающихъ въ Финляндію, ничтожно; черезъ нее лежитъ дорога только что въ Стокгольмъ, а кому охота туда ѣздить? Да къ тому же моремъ можно сдѣлать сіе скорѣе, и покойнѣе, и дешевлѣ. Лѣтомъ, во время морскихъ купаній, бываетъ много охотниковъ, которые, пользуясь близостію разстоянія и удобностію пароходства, изъ Ревеля дѣлаютъ прогулки въ Гельсингфорсъ. Тамъ, оглянувъ городъ и его окрестности, накупивъ дешево множество иностранныхъ, у насъ запрещенныхъ, а тамъ дозволенныхъ товаровъ и ни съ кѣмъ не познакомившись, черезъ нѣсколько дней спѣшатъ оттуда воротиться. Бываютъ также лѣтомъ изъ Петербурга поѣздки любопытныхъ, чтобы полюбоваться водопадомъ Иматры, который охотно назвалъ бы я Русской Ніагарой, еслибъ тутъ что нибудь Русскаго оставалось; эти путешествія бываютъ, такъ сказать, мгновенныя, и ни тѣ ни другія никакихъ слѣдовъ за собою не оставляютъ. Вотъ всѣ сношенія, которыя остались у Россіи съ покореннымъ ею краемъ. Благодаря бѣшеной страсти нашей къ заграничнымъ путешествіямъ, нѣтъ Итальянскаго или Нѣмецкаго небольшаго города, гдѣ бы нынѣ не нашли вы болѣе Русскихъ, чѣмъ въ главномъ городѣ Финляндіи.

Ни мы, ни Шведы — не коренные ея жители. Кромѣ права завоеванія, ни мы, ни они другаго права надъ нею не имѣемъ и, кажется оно обыкновенно принадлежитъ послѣднему. Для бѣдныхъ Финновъ совершенно равно, кто бы ни управлялъ ими — южные или западные ихъ завоеватели, лишь бы управляемы они были правосудно. Кому же пожертвованы права, честь и выгоды государства? Горсти иноземныхъ его враговъ. Будь всеобщая война, къ которой Швеція непремѣнно противъ насъ пристанетъ, и тогда мы увидимъ, какъ поступятъ сіи новые вѣрноподданные. Впрочемъ и теперь, чтобы увидѣть это, стóитъ только побывать въ Гельсингфорсѣ: почти ото всѣхъ посѣтившихъ его единоземцевъ моихъ слышалъ я о ненавистныхъ, дерзкихъ взглядахъ, коими тамошніе авторитеты встрѣчали ихъ въ публичныхъ мѣстахъ, коль скоро узнавали, что они Русскіе. Въ Петербургѣ оно

не совсѣмъ такъ: Шведо-Финскія бѣдныя красавицы охотно выходятъ за Русскихъ богачей, и у нихъ только можно изрѣдка встрѣчать небольшое число ихъ земляковъ, въ столицѣ живущихъ. Нѣкоторые изъ нихъ числятся при дворѣ и являются на придворныхъ и званыхъ балахъ, короткости ни съ кѣмъ изъ Русскихъ не имѣютъ, всѣхъ ихъ вообще чуждаются. Надобно правду сказать, что и наши не очень охотно ищутъ ихъ общества.

Такъ какъ съ тѣхъ поръ никогда не случалось мнѣ и надѣюсь никогда не случится болѣе быть въ Финляндіи, то я нашелъ, что здѣсь единственное мѣсто, гдѣ могу я говорить объ ней и о причинахъ, которыя вѣчно совершенно отдѣлять ее будутъ отъ Россіи, если въ отношеніяхъ ихъ никакой перемѣны не послѣдуетъ *).

Въ день Крещенія Господня, въ который былъ точно крещенскій морозъ, видѣлъ я зрѣлище изумительное. Не знаю, какъ тамъ теперь, а тогда Русскіе священники ходили еще въ этотъ день съ крестами на воду, къ устроенной для того Іордани. Лишь только освященіе воды кончилось, откуда ни возьмись голая женщина, которая съ необыкновенною быстротой кинулась въ прорубь, пробывъ въ ней съ минуту, выскочила и также быстро исчезла. Это была семидесятипятилѣтняя вдова Русскаго унтеръ-офицера, у которой на душѣ тяготѣлъ какой-то важный грѣхъ, и она ежегодно такимъ образомъ старалась очищать себя отъ него.

На другой день поѣхалъ я обратно въ Петербургъ.

Возвратясь послѣ краткаго отсутствія, я нашелъ его жителей нѣсколько уже въ тревожномъ ожиданіи. Находясь гораздо болѣе въ сосѣдствѣ съ Европой, по образу жизни и по всякаго рода сношеніямъ принадлежа къ ней болѣе, чѣмъ внутреннія части государства, Петербургъ сильнѣе чуялъ приближающуюся грозу, которая однакоже не надъ нимъ должна была разразиться. Трудно объяснить состояніе, въ которомъ находились тогда умы; не видно было унынія, отчаянія, но

---

*) Лѣтъ черезъ двадцать послѣ соединенія двухъ Финляндій былъ я очень коротко знакомъ съ министромъ статсъ-секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго графомъ Ребиндеромъ и могу сказать, что пользовался пріязнію этого почтеннаго человѣка, искренно, но тайно любящаго Россію, которой онъ всѣмъ былъ обязанъ. Не рѣдко посѣщалъ онъ меня, я его тоже, но всегда принятъ былъ у него только что въ кабинетѣ. Разъ пришло мнѣ въ голову спросить его: зачѣмъ не представляетъ онъ меня своей графинѣ и почему считаетъ недостойнымъ быть въ его гостиной? Онъ вздохнулъ и, пожавъ мнѣ руку, сказалъ, что онъ почелъ бы себя счастливымъ, еслибъ могъ онъ сіе сдѣлать, но что знакомство наше принужденъ выдавать онъ за официальное: ибо по извѣстному моему патріотизму, всякая связь между нами могла бы навлечь на него подозрѣніе въ любви къ Русскимъ, сдѣлать его ненавистнымъ для Финляндцевъ, возбудить ихъ интриги противъ него и нанести ему великій вредъ. Все это просилъ онъ меня сохранить въ тайнѣ, и его смерть дала мнѣ право нарушить мой обѣтъ.

также и смѣлой въ себѣ увѣренности: замѣтно было какое-то грустное чувство, не совсѣмъ лишенное надежды. Казалось, всѣ думали, а многіе и говорили: ну чтò дѣлать, увидимъ, что-то Богъ дастъ! Въ высшемъ кругу старались веселиться, чтобы показать или придать себѣ болѣе бодрости. Такъ иногда испуганные громко распѣваютъ, чтобы заглушить въ себѣ страхъ.

Забыты прежнія неудовольствія на правительство. Противъ чрезвычайнаго умноженія налоговъ, требованія добровольныхъ приношеній не поднялся ни малѣйшій ропотъ: всѣ чувствовали, что при наступленіи рѣшительной, окончательной борьбы, государству нужны всевозможныя вспомогательныя средства. Гвардіи велѣно приготовиться къ выступленію въ походъ и, нѣжно смотря на нее, напередъ всѣ уже напутствовали ее благословеніями; офицеры вдругъ всѣ выросли и въ глазахъ гражданъ сдѣлались существами священными. Воззрѣніе на спокойно-печальный Петербургъ было тогда истинно-трогательно. Въ немъ много иностраннаго и иностранцевъ; за то онъ заключаетъ въ себѣ все лучшее, чтò производитъ земля Русская, цвѣтъ юношества ея и все чтò въ ней есть образованнѣйшаго. Его Русскихъ жителей упрекаютъ въ холодности къ отечеству единственно оттого, что въ другой древней столицѣ чувства выражаются обыкновенно съ чрезвычайнымъ преувеличеніемъ; но это свойство скорѣе простонародія, чѣмъ образованныхъ классовъ.

Разставшись съ мужемъ, къ концу Генваря, сестра моя привезла въ Петербургъ двухъ малолѣтнихъ сыновей, которые, въ награду за заслуги отца ихъ, пожалованы были пажами, но только не опредѣлены еще въ Пажескій корпусъ. Она пріѣхала о томъ просить; ибо въ кочевой жизни, которая вновь ей предстояла, десяти или двѣнадцатилѣтніе мальчики были бы для нея великою обузой.

Мы поселились вмѣстѣ и, какъ умѣли, старались другъ друга утѣшать, какъ вдругъ получили странное письмо отъ брата изъ Пензы. Онъ, который во всемъ былъ примѣромъ точности, такъ неясно, такъ неопредѣленно, съ такимъ примѣтнымъ смущеніемъ писалъ о внезапно умножившейся болѣзни отца нашего, что понять истину было бы не трудно, еслибъ люди до послѣдней минуты не отказывались вѣрить тому, чего страшатся. Онъ прибавлялъ, что отецъ не только соглашается на мой пріѣздъ, но и самъ изъявилъ желаніе скорѣе меня видѣть, и что онъ съ своей стороны приглашаетъ меня поспѣшить отъѣздомъ. Сборы мои, въ томъ числѣ и полученіе отпуска, продолжались не болѣе сутокъ; 14 Февраля оставилъ я Петербургъ и въ слезахъ горестную сестру.

До Москвы я быстро домчался, но въ ней взяло меня раздумье. Къ чему я спѣшу? подумалъ я. Еслибъ я былъ увѣренъ, что въ нашемъ домѣ все благополучно, то и часу бы не остался; еслибы, по крайней мѣрѣ, могъ ожидать, что приму его послѣднiй вздохъ, то, кажется, не остановился бы и на минуту; но теперь, дня на два, на три пусть хотя невѣдѣнiе замѣнитъ мнѣ надежду.

Я остановился въ домѣ трехъ братьевъ Товаровыхъ, изъ которыхъ съ меньшимъ были мы великiе прiятели. Этотъ большой деревянный домъ находился (и что удивительно послѣ всего около него происходившаго, находится и понынѣ) близъ Кузнецкаго моста, на концѣ Газетнаго переулка. Мой милый хозяинъ Александръ Григорьевичъ, чувствительный, сердобольный, скрывалъ отъ меня ему уже извѣстную истину, старался всячески развлекать и для меня отказался отъ пиршествъ наступившей суматошной Масляницы. За то старшiе братья, великiе Московскiе франты, безъ памяти веселились. Безпрестанно появлялись и исчезали посѣтители, то собирались шумною толпой, то разсѣвались по лицу разгульной Москвы. Я только что оставилъ Петербургъ, и такая противоположность меня поразила. Вслѣдствiе сдѣланныхъ мною разспросовъ, узналъ я, что Масляница совсѣмъ тутъ не виновата и что такъ продолжается всю зиму. Молодежь никогда еще столько не вертопрашничала, франтихи никогда еще пестрѣе и смѣшнѣе не одѣвались, никогда столько не разорялись на наряды, простой народъ никогда еще столько не пилъ и не буянилъ. Одинъ богатый и скупой старикъ, Позняковъ, который вѣкъ копилъ деньги, при концѣ дней своихъ вздумалъ купить огромный домъ, великолѣпно отдѣлалъ его и эту зиму пустился промотываться на пиры.

Невольно приходилось мнѣ иногда заговаривать о предметѣ, который, не смотря на собственное горе, не переставалъ еще наполнять мое воображенiе, о грядущемъ на насъ ураганѣ; а весельчаки не весьма учтиво принимались хохотать. Одинъ изъ нихъ, близкiй родственникъ Товаровыхъ, Макаровъ 2-й, извѣстный читателю, сказалъ мнѣ: «Да какое намъ дѣло до Европы? Пусть тамъ воюютъ, дерутся, мирятся; мы здѣсь веселимся, пируемъ и ничего знать не хотимъ». Какiе-то молодые люди, которые за нимъ начинали карабкаться на Парнасъ, и также, какъ онъ, вѣчно обрывались, ему поддакивали съ улыбкой. «Гнѣвъ Господень надъ старою грѣшницей, подумалъ я; не сдобровать Русскому Вавилону». Можетъ быть, я ошибаюсь; но бывали минуты въ моей жизни, въ которыя мнѣ казалось, что я одаренъ ясновидѣнiемъ. Бывало на старый, на священный Кремль не взгляну я безъ благоговѣнiя, а тутъ смотрѣлъ на него съ ужасомъ: мнѣ чудилось, что на башняхъ его вижу я *Мане-Ѳекелъ-Фаресъ*, тѣ страш-

ныя слова, которыя невидимая рука огненными буквами писала на стѣнѣ во время пиршества Валтазарова.

Оставилъ я городъ, который уже въ иномъ видѣ долженъ былъ узрѣть. Въ самую минуту выѣзда моего изъ Рогожской заставы, вмѣстѣ со мною проѣхала чья-то погребальная процессія, и потомъ, странное дѣло, во всю дорогу все говорило мнѣ о смерти, все напоминало объ ней. На станціи Мошки, близъ Мурома, захотѣлось мнѣ отдохнуть; я былъ тогда неприхотливъ и растянулся на голой лавкѣ. На ней же, повыше меня, лежало что-то длинное, покрытое простыней; входя въ избу, съ просонья мнѣ показалось, что это собранный холстъ. Проснувшись поутру, я увидѣлъ, что это трупъ покойника, положенный подъ образа, и что я проспалъ у ногъ его. На другой станціи за Муромомъ нашелъ я въ почтовой избѣ выносъ тѣла младенца. Далѣе за Арзамасомъ, гласъ смерти сдѣлался мнѣ какъ будто еще слышнѣе; у меня правилъ лошадьми молодой, красивый парень, который такъ и заливался слезами; когда я спросилъ его о причинѣ, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Да что̀, баринъ, у меня и руки и ноги трясутся, я себя не помню; ребята сказывали, что у меня отецъ померъ на той станціи, куда мы ѣдемъ. Охъ, да кабы ты зналъ, какъ я люблю его!» Подъѣзжая ночью къ Саранску, въ сильномъ волненіи, сквозь слезы смотрѣлъ я на чистое небо, усѣянное звѣздами; вдругъ одна отдѣлилась отъ нихъ и упала. Я упрямился, а небо не хотѣло оставить мнѣ минуты сомнѣнія. Я все это помню какъ диво, хотя и очень знаю, что не для меня многогрѣшнаго могутъ твориться чудеса, и передаю это просто, какъ оно было, читателю: повѣритъ ли онъ мнѣ или не повѣритъ, мнѣ все равно. Съ этого времени началось мое суевѣріе.

Наконецъ, въ Саранскѣ безжалостный станціонный смотритель поспѣшилъ объявить мнѣ извѣстіе, къ которому болѣе недѣли я былъ приготовленъ. Не смотря на то, что̀ произошло со мною, не буду описывать. Рано по утру, 21 Февраля, привезли меня въ Пензу.

Я здѣсь остановлюсь Въ продолженіи немногихъ лѣтъ совершаются величайшія перемѣны въ судьбахъ нашего отечества, равно какъ и цѣлаго міра. Для меня тоже начинается новая жизнь. Не знаю, для изображенія сихъ перемѣнъ едва ли достаточно будетъ одной, послѣдующей части.

ЗАПИСКИ

ФИЛИПА ФИЛИПОВИЧА

ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО АРХИВА».

(дополненное съ подлинной рукописи).

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1892.

I.

Ужаснѣйшую и славнѣйшую эпоху нашего времени приходится мнѣ описывать. Но прежде нежели приступлю къ исполненію обязанности, которую, не спросясь моихъ читателей, возложилъ я на себя, будто для ихъ пользы и удовольствія, постараюсь на время потерять ихъ изъ виду; равномѣрно и ихъ охотно разрѣшаю, можетъ быть, отъ скуки читать сію первую главу. Я буду писать ее единственно для внуковъ и правнуковъ братьевъ и сестеръ моихъ; имъ посвящаю ее и въ ней изображу послѣднія минуты примѣрной жизни того необыкновеннаго человѣка, происхожденіемъ отъ котораго имѣетъ право гордиться тотъ изъ нихъ, который будетъ сколько-нибудь достоинъ называться его потомкомъ.

Я пріѣхалъ въ опустѣлый безъ него домъ. Онъ мнѣ показался трупомъ, отъ котораго отлетѣла душа, хотя унылая, обезсиленная, но дотолѣ все одна его оживлявшая. Въ избыткѣ горести, моя мать казалась даже нечувствительною къ пріѣзду любимаго сына. Выраженіе этой горести инымъ могло бы показаться преувеличеннымъ, и неестественнымъ только тѣмъ, которые не знали безпредѣльной ея любви къ покойному мужу; въ Пензѣ же никто не позволялъ себѣ осуждать ее, всѣ изъявляли участіе и сожалѣніе; даже дивились, какъ она могла пережить свое несчастіе. Я нашелъ, что занавѣски у кровати матери моей, равно какъ и у окошекъ ея комнаты, были черныя, закрытыя, того же цвѣта были одѣяло и чехлы на креслахъ; этотъ усиленный трауръ, этотъ мракъ, которымъ она окружала себя, всѣ знаки глубокой скорби ея, одни были для нея усладительны. Она лежала неподвижна, безсловесна. Врачи опасались, что продолженіе такого состоянія будетъ имѣть самыя вредныя послѣдствія вообще для здоровья ея и особенно для разсудка, и для того, чтобъ выводить ее изъ онѣмѣнія, одеревененія, прибѣгали къ средству сильному, къ припоминанію причины ея горести. Успѣхъ бывалъ ужасенъ: нечеловѣческій, страшный и тяжкій стонъ, раздирающій душу присутствующихъ, начиналъ выходить изъ глубины ея груди. Одному только простодушному, свя-

тому старцу, епископу Аѳанасію, самому удрученному болѣзнями, удавалось врачевать ея душу. Его сердце было исполнено человѣколюбія, а уста нѣжныхъ, утѣшительныхъ словесъ; о предчувствуемомъ небѣ умѣлъ говорить онъ какъ о знакомомъ почти мѣстѣ. Слушая его, она тихо проливала потоки слезъ и чувствовала на время облегченіе сердечной скорби своей.

Такъ продолжалось около двухъ мѣсяцевъ. Наконецъ, Небо послало ей нѣкоторую твердость, и она начертала себѣ новый образъ жизни, которому слѣдовала до конца ея. Ровно двадцать лѣтъ осуждена была она влачить свое вдовство, и ничто не измѣнилось въ принятомъ ею порядкѣ. Она всегда носила черное платье, только по большимъ праздникамъ надѣвала бѣлое. Прежде любила она играть иногда въ вистъ; на карты наложено запрещеніе въ домѣ ея; не только въ какія-нибудь собранія, ни даже запросто ни къ кому она не ѣздила, посѣщала одни Божіи храмы, да навѣщала больныхъ и скорбныхъ. Однимъ словомъ, безъ пострижевія, вела она всегда иноческую жизнь. О печали, которая никогда ея не покидала, никому не говорила; за то трудно было дождаться улыбки на лицѣ ея, прежде всегда веселомъ, довольномъ.

Возвратясь изъ Петербурга, какъ мнѣ разсказывали, покойный отецъ мой нѣсколько было ожилъ. Онъ принялся опять за любимую страсть свою, продолжалъ отдѣлывать вновь имъ выстроенную каменную церковь въ селѣ Лебедевкѣ и доканчивать новый, большой деревянный домъ въ селѣ Симбухинѣ, который началъ возводить онъ, не имѣя средствъ отдѣлать другой каменный трехъэтажный домъ, тутъ же давно имъ построенный. Къ этому примѣшалась еще другая страсть. Въ первой части сихъ Записокъ говорилъ уже я о привязанности его къ меньшой дочери, которую любилъ онъ паче всѣхъ другихъ дѣтей своихъ: онъ не видѣлъ въ ней никакихъ несовершенствъ, хотя, къ сожалѣнію, они были. Ее призвалъ онъ на совѣтъ при составленіи плана новаго строенія; она не имѣла понятія объ архитектурѣ и такъ, шутя, наобумъ стала проводить линіи карандашомъ. Этотъ странный чертежъ рѣшился онъ привести въ исполненіе, тѣшась мыслію, что онъ твореніе любимой дочери. Къ счастію, вышло что-то совсѣмъ необыкновенное, но не совсѣмъ дурное. Разумѣется, и во внутреннемъ небогатомъ убранствѣ слѣдовали ея же вкусу. Наконецъ, домъ поспѣлъ, и 14 Ноября, день имянинъ его, жители Пензы за 13 верстъ во множествѣ пріѣхали праздновать съ нимъ новоселье. Веселились, пили, ѣли, танцовали, и звуки музыки тутъ послѣдній разъ раздавались въ домѣ нашемъ.

Конечно, эти строенія *разстраивали* все болѣе семейное состояніе; но какъ они были послѣднею, единственною его утѣхой, то бѣд-

ная, бережливая мать моя не хотѣла, показывая ему истину, отговаривать его отъ сихъ непомѣрныхъ издержекъ. Когда домъ былъ совсѣмъ оконченъ, и прекратились его занятія, онъ опять началъ впадать въ уныніе и тоску; это было совершенно состояніе больнаго дитяти, котораго можно только развлекать игрушками. Къ Рождеству уговорили его переѣхать въ городъ; почтительное состраданіе вкралось въ сердца прежнихъ враговъ его: всѣ оказывали ему знаки непритворнаго уваженія; ко всему оставался онъ невнимателенъ, равнодушенъ.

Вдругъ 25 Января захворалъ онъ сильною простудой, пересталъ выѣзжать изъ дому, однако не слегъ. Отмѣнно досадно казалось ему, что онъ не можетъ быть на какомъ-то пирѣ, на какомъ-то балѣ, который дворянство, не знаю по какому случаю, хотѣло дать въ Благородномъ Собраніи своемъ, и тамъ полюбоваться пляскою дочери. Часу въ двѣнадцатомъ вечера, 27 числа, когда всѣ улеглись, кромѣ его, но еще не спали, побрелъ онъ въ комнату дочерей, присѣлъ на кровать меньшой и велѣлъ подать новое бальное платье, въ которомъ она должна была явиться на помянутомъ пирѣ. Посмотрѣлъ на него грустно, потомъ всталъ и, прощаясь съ необыкновенною нѣжностію, поцѣловалъ обѣихъ дочерей. Середи ночи, часу въ четвертомъ, мать моя была пробуждена какимъ-то страннымъ шорохомъ, и при свѣтѣ лампады, передъ образомъ зажженной, увидѣла его какъ тѣнь бродящаго по комнатѣ. Онъ сказалъ, что чувствуетъ сильное круженіе головы, приливъ къ ней крови и надѣется, что ходьбою оно пройдетъ. Потомъ, уставши, прилегъ на диванъ и минутъ черезъ десять страшно захрипѣлъ. Его не стало.

Съ крикомъ бросилась къ нему испуганная супруга. Менѣе чѣмъ черезъ четверть часа весь домъ былъ на ногахъ, и гонцы верхомъ посланы за священникомъ и врачомъ. Они явились; къ счастію, мать моя находилась тогда въ совершенномъ безпамятствѣ, и это брату моему дало возможность сказать ей простительную въ семъ случаѣ ложь, будто въ это время покойный на нѣсколько минутъ открылъ глаза и успѣлъ причаститься святыхъ таинъ. Съ ея набожностію, безъ этого успокоительнаго обмана, она бы промучилась всю жизнь. Черезъ три дня жители Пензы, въ томъ числѣ множество простаго народа, 13 верстъ провожали тѣло бывшаго начальника губерніи, до села Симбухина, гдѣ недавно праздновалъ онъ временное новоселье, а этотъ разъ поселялся на вѣчное. Тамъ, въ имъ же построенной каменной церкви сего помѣстья, которое отъ первой супруги по наслѣдству ему досталось и носитъ ея фамильное имя, лежитъ онъ, подобно графу Глейхену, близъ нея и рядомъ со второю супругою своей.

Не одна тяжкая печаль ожидала меня въ Пензѣ, но и заботы дотолѣ мнѣ вовсе незнакомыя. Все имѣніе, состоявшее не съ большимъ изъ шести сотъ душъ, было опутано долгами, такъ что десятками тысячъ рублей ихъ считалось. Прежде предохранявшая его отъ разоренія, заботливая мать первоначально отказалась отъ всего и объявила дѣтямъ, чтобъ они спасались какъ хотятъ и умѣютъ, а что ей ничего не нужно. Изъ двухъ сестеръ одна близилась къ сорока годамъ, другая едва перешла за двадцать. Старшая дала обѣтъ никогда не отлучаться отъ матери, совершенно посвятить себя ей и не имѣть иныхъ заботъ. Меньшая никогда ихъ не знала, думала объ однихъ только нарядахъ и удовольствіяхъ жизни, которыя по возможности были ей доставляемы; ничѣмъ нѣсколько серіознымъ не умѣла заниматься, ни чтеніемъ, ни даже рукодѣліемъ. Первое горе, ее постигшее, и самое для нея тяжкое, не могла она, по примѣру сестры, перенести съ покорностію къ волѣ Божіей, и отчаяніе ея походило на сумасшествіе. Наконецъ, старшій братъ Павелъ давно замышлялъ омыть хотя бы своею кровію незаслуженное пятно, которое правительство и общее мнѣніе наложили на провіантское вѣдомство, къ которому онъ принадлежалъ. И для того, еще при жизни отца, умолялъ онъ военнаго министра Барклая-де-Толли, лично его съ хорошей стороны знавшаго, объ опредѣленіи его по прежнему и съ прежнимъ чиномъ въ военную службу. Тотъ отвѣчалъ ему, что воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы выполнить его желаніе, но что это для него самого даже трудно: ибо съ 1807 года не было примѣра, чтобы кто-нибудь, служившій въ провіантскомъ штатѣ былъ принятъ въ службу армейскимъ чиномъ. Съ недѣли на недѣлю ожидая рѣшенія судьбы своей, онъ также совершенно не могъ приступить къ управленію имѣніемъ.

Итакъ вся обуза должна была лечь на меня. Много помогали мнѣ сначала совѣты старшаго опытнаго брата. Изо всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствъ жизни моей, при всей моей торопливости, часто необдуманности поступковъ, всегда выходилъ я довольно благополучно. Не смѣю и подумать, чтобы чѣмъ-либо заслужилъ особое милосердіе Божіе, но оно одно всегда явно выводило меня изъ пучины золъ мнѣ угрожавшихъ. Какъ же мнѣ было не любить и не страшиться этого невидимаго всемогущества? Какъ отъ всей души не вѣровать было въ него, посреди общаго почти невѣрія? И въ этомъ случаѣ явило оно благодать свою надо мною и надъ моими, такъ что къ концу года денежныя дѣла наши взяли самый благопріятный оборотъ.

За Сурой, въ большомъ лѣсномъ участкѣ, намъ принадлежащемъ, называемомъ Кичкилейка, былъ у насъ винокуренный заводъ. Такого рода заведенія обыкновенно даютъ значительный доходъ; только нуженъ

хорошій присмотръ, а его-то послѣднее время и не было. Къ тому же десятилѣтнее существованіе этого завода истребило лѣсъ и раззорило мужиковъ. Необходимость заставила его погасить. Послѣ него осталось большое количество мѣдной посуды, которую можно было продать только на вѣсъ; къ счастію, одинъ добрый сосѣдъ, который въ это время приступалъ къ такого же рода предпріятію, не сталъ торговаться, а купилъ посуду почти по той же цѣнѣ, по которой она намъ обошлась, и такимъ образомъ можно было выручить нѣсколько тысячъ рублей. Еще другія тысячи получили мы благодаря угасшему заводу. Правительство, полагая, что всѣ сѣверо-западныя области изобилуютъ рогатымъ скотомъ, обратилось къ нимъ съ предложеніемъ пожертвовать нѣкоторую часть онаго для прокормленія собравшейся на границѣ арміи. Въ Симбирской и въ Саратовской губерніяхъ, особливо же за Волгою, было тогда еще болѣе, чѣмъ нынѣ, необозримыхъ степей, на которыхъ тысячами паслись стада: для нихъ эта жертва была совсѣмъ не значительна. Но для Пензенской губерніи, которая такъ туго заселена, гдѣ такъ мало пастбищныхъ мѣстъ, которую мясомъ по большей части продовольствуютъ сосѣди, для нея это было довольно накладно. Пріятно было видѣть радостную готовность, которую, не смотря на то, изъявило Пензенское дворянство въ семъ случаѣ: она въ моихъ глазахъ, по крайней мѣрѣ, была предзнаменованіемъ того великодушнаго всеобщаго, дружнаго возстанія, которое не замедлило потомъ обнаружиться во всей Россіи. Положено было купить 2.400 быковъ, по какой бы то цѣнѣ ни было, и съ надежнымъ чиновникомъ, на дворянскій счетъ, отправить къ войску, разложивъ сумму, для того употребленную, на помѣщиковъ по числу душъ ими владѣемыхъ. На нашу долю пришлось весьма мало, или лучше сказать, ничего, или лучше сказать, меньше чѣмъ ничего: на нашемъ заводѣ были десятки быковъ, которыхъ содержаніе дотолѣ намъ приходилось даромъ, которые сдѣлались не нужны, а кормить ихъ становилось дорого. Представился единственный случай ихъ дорого сбыть съ рукъ, и я не упустилъ имъ воспользоваться.

Одинъ Нижегородскій откупщикъ Мартыновъ, за проданную и поставленную ему водку, былъ долженъ пятнадцать тысячъ рублей отцу моему, но подъ разными предлогами отказывался уплачивать сіи деньги, какъ ни просили его и на него, такъ что долгъ сей почитали мы пропавшимъ. Видно, вдругъ ему стало совѣстно, ибо онъ прислалъ мнѣ эту сумму сполна, при письмѣ, въ которомъ объясняетъ, что, узнавъ о стѣсненномъ положеніи нашего семейства, хотя и самъ находится въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, далѣе откладывать уплаты не хочетъ.

Въ душевной тоскѣ и тѣлесномъ разслабленіи, метаясь, можно сказать, не зная куда, отецъ мой задумалъ было поселиться въ Москвѣ и для того послѣднею осенью купилъ въ ней за шесть тысячъ рублей небольшой деревянный домъ въ какомъ-то переулкѣ, близъ Арбата; этотъ домъ намѣренъ былъ онъ послѣ себя отдать любимой дочери. Въ благополучные дни нашего семейства, было у матери моей и у сестеръ нѣсколько алмазовъ, въ томъ числѣ одна сохранившаяся бриліантовая нитка, которая имѣла нѣкоторую цѣнность и была предназначена старшей сестрѣ, болѣе въ видѣ капитала, чѣмъ украшенія. Той и другой предметы сіи были обѣщаны, а не отданы. Однакоже, для продажи я счелъ долгомъ испросить ихъ согласія, и онѣ, безъ малѣйшаго затрудненія, дали его. Но гдѣ было сыскать покупщиковъ въ такое время, когда всѣ, чуя приближеніе чернаго дня, берегли про него деньги, а многіе даже прятали ихъ? Судьба послала ихъ. Одинъ богатый помѣщикъ, Вельяшевъ, просваталъ въ это время единственную дочь свою за богатаго же помѣщика Ранцова и хотѣлъ дать ей приличное обоимъ состояніямъ приданое: бриліантовую нитку купилъ онъ у насъ за пять тысячъ рублей. Сыскался и другой, человѣкъ неблагоразумный, неосторожный, котораго прозванія не запомню, но котораго не мнѣ осуждать: онъ купилъ Московскій домъ за десять тысячъ рублей, четырьмя тысячами дороже того, что́ онъ былъ заплаченъ, домъ, который, черезъ два мѣсяца спустя, съ тысячью другихъ, долженъ былъ обратиться въ пепелъ.

Было еще нѣсколько такихъ неожиданныхъ, благопріятныхъ случаевъ, о коихъ говорить не буду и которые помогли мнѣ въ полгода совсѣмъ почти выпутать изъ долговъ семейство мое. Всѣ эти мелочи, подробности, можетъ-быть, вовсе не занимательны, не скажу только для читателей моихъ (отъ нихъ уже отрекся я въ началѣ сей главы), но даже и для потомковъ моихъ родителей. Но мнѣ не упоминать о нихъ было бы и стыдно, и грѣшно, когда во всемъ этомъ видѣлъ я несомнѣнные знаки милосердія небеснаго къ осиротѣвшему семейству честнѣйшаго человѣка въ мірѣ, которое простодушіемъ и любовію къ ближнимъ было его достойно, и къ неопытному молодому человѣку, пожираемому желаніемъ быть полезнымъ еще болѣе ему, чѣмъ самому себѣ. Одинъ умный человѣкъ сказалъ, что то въ чемъ черствыя души видятъ одинъ слѣпой случай, не что̀ иное, какъ инкогнито Провидѣнія, и что одни чувствительныя, благодарныя сердца способны Его угадывать.

Осенью другія заботы мнѣ представлялись, и тогда, закрывъ свою коммиссію погашенія долговъ, всѣ дѣла при вѣрномъ отчетѣ вручилъ я матери моей, которая, изъявивъ мнѣ свое удовольствіе, къ счастію, въ состояніи была опять успѣшно и прилежно заниматься ими.

II.

Около года Крыжановскаго не было въ Пензѣ. Грубіянъ, безстыдный лгунъ, грабитель, который явно лѣзъ ко всѣмъ за пазуху, и непотребная жена его, которые два года наполняли ненавистью и омерзѣніемъ цѣлую губернію, были живымъ упрекомъ правительству, такихъ людей для управленія областями употребляющему. Молва о ихъ неслыханныхъ дѣяніяхъ разнеслась по всѣмъ сосѣднимъ губерніямъ и достигла столицы. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, какъ видѣли выше, раздвоилось, и губернаторы поставлены были болѣе въ зависимость министра полиціи. Балашовъ былъ не изъ числа тѣхъ людей, которыхъ возмущаютъ дѣла̀ Крыжановскихъ; не знавши его лично, онъ, кажется, его покровительствовалъ, и вѣроятно при немъ онъ долго усидѣлъ бы на мѣстѣ. Хорошо, что человѣкъ, который пожелалъ этого мѣста, имѣлъ большія связи при дворѣ и умѣлъ о непристойностяхъ Крыжановскаго распустить слухи даже въ гостиныхъ большаго свѣта. Такимъ образомъ дошло до самого Государя, и онъ велѣлъ министру немедленно смѣнить его. По какому-то инстинктивному благорасположенію къ такого рода людямъ Балашовъ, однакоже, спасъ его отъ простой отставки, а выпросилъ дозволеніе причислить его по особымъ порученіямъ къ своему министерству. Имѣя его подъ рукой, могъ онъ ожидать, что употребитъ его съ большею пользою.

При полученіи о томъ извѣстія, въ Пензѣ случился довольно забавный анекдотъ. Будучи тайно предувѣдомленъ о своемъ паденіи, Крыжановскій сталъ наскоро сбирать жену свою въ дорогу, дабы негубернаторшей ей тутъ и дня не оставаться. Такъ какъ она внутри Россіи никогда еще одна не путешествовала, то онъ предложилъ приверженцу своему Андрею Сергѣевичу Мартынову быть ея проводникомъ до Москвы, на что̀ сей послѣдній охотно согласился. Съ этимъ Мартыновымъ я уже познакомилъ читателя, но это было давно, во второй части сихъ Записокъ; знакомство вѣроятно забыто, и я осмѣлюсь вновь его представить. Въ семъ дворянинѣ древняго происхожденія и весьма достаточномъ была врожденная склонность подличать. Во время сборовъ догадался ли онъ или провѣдалъ о чемъ, только отказаться уже не смѣлъ. Доѣхавъ до Саранска, на первомъ ночлегѣ прикинулся онъ больнымъ, кричалъ, жалуясь на нестерпимыя боли въ животѣ, въ головѣ, не хуже Жилблаза въ Роландовой Пещерѣ, такъ что перепугалъ спутницу свою. Она должна была отправиться одна далѣе; а онъ, какъ Сикстъ Пятый, вскочивъ, захохотавъ, спросилъ у предстоящихъ, каково сыгралъ онъ комедію? Когда въ Пензѣ спросили его, зачѣмъ онъ

такъ дурачился, онъ отвѣчалъ, что вѣдь указъ объ увольненіи еще полученъ не былъ [1]). Когда же его получили, еще до возвращенія Мартынова, то г. Крыжановскій, совсѣмъ готовый къ отбытію, не медля ускакалъ. Проводовъ ему не было: его отъѣздъ похожъ былъ на побѣгъ.

Вскорѣ прибылъ его преемникъ; но полно, такъ ли я сказалъ? Это было не вступленіе въ должность губернатора, а восшествіе, воцареніе владѣтельнаго князя. Послѣ смерти князя Сергія Өеодоровича Голицына, въ началѣ 1810 года, неутѣшная вдова его, Варвара Васильевна, рѣшилась удалиться отъ свѣта въ любимую свою Зубриловку, куда изъ Галиціи и привезено было его тѣло [2]). При ней находились неотлучно младшіе сыновья ея, на службѣ числящіеся, и самый старшій, отставной князь Григорій Сергѣевичъ съ женою и семействомъ. Но какъ поладить съ тѣмъ, чтобы, не разлучаясь съ нею, могли одинъ продолжать службу, а другой поступить въ нее опять? Вотъ почему князь Григорій, будучи въ генеральскомъ чинѣ, началъ искать мѣста Пензенскаго губернатора и получилъ его, вмѣстѣ съ дозволеніемъ каждое лѣто за 130 верстъ ѣздить въ деревню къ матери. Весною и осенью могъ онъ проживать у нея подъ предлогомъ обозрѣнія губерніи, а зимою могла она пріѣзжать къ нему. Меньшіе три брата были всѣ камеръ-юнкеры; только средній, Василій, былъ пожалованъ до изданія указа о семъ званіи и состоялъ въ пятомъ классѣ, а другіе два (Павелъ) и Владиміръ, послѣ, и имѣли только оберъ-офицерскіе чины. Ихъ опредѣлили къ брату чиновниками по особымъ порученіямъ, а Василья помѣстили совѣтникомъ, сверхъ штата, въ Губернское Правленіе. Разумѣется, всѣ сохранили право жить въ Зубриловкѣ, когда они или мать ихъ того пожелаютъ.

Я нашелъ князя Голицына утвердившагося на своемъ губернаторско-княжескомъ престолѣ. По прошествіи шестинедѣльнаго траурнаго срока явился я къ нему и былъ милостиво принятъ; но и до того не одинъ разъ имѣлъ я случай его видѣть. Моя мать была имъ отмѣнно довольна: изъ уваженія къ званію предмѣстника, онъ былъ распорядителемъ похоронъ отца моего и потомъ разъ или два въ недѣлю посѣ-

[1]) Чистосердечіе въ такомъ поступкѣ отнимаетъ у него почти всю гадость. Обманъ и подлость суть пороки, которые татарщина ввела между смышлеными предками нашими. Провести, надуть совсѣмъ не значило просто обманывать, а слыло доказательствомъ тонкости и превосходства ума. Все это нынѣ чрезвычайно рѣдко встрѣчается, развѣ между мелкими купцами и простымъ народомъ.

[2]) Онъ начальствовалъ тамъ вспомогательною арміей Наполеону противъ Австрійцевъ, въ извѣстной войнѣ безъ сраженій. Миръ былъ заключенъ, армія мало-по-малу возвращалась, и онъ скончался въ минуту отъѣзда своего.

щалъ ее. По старинному знакомству какъ съ нимъ, такъ и съ братьями, по пріятностямъ тогдашней свѣтской ихъ образованности, могъ я дѣйствительно домъ его почитать для себя отрадою; но, въ продолженіи пребыванія моего въ Пензѣ, не всегда мы ладили, какъ увидятъ послѣ.

Большая часть Пензенцевъ были отъ него безъ памяти, и какъ не быть? Послѣ смутныхъ временъ Крыжановскаго, имъ казалось, что насталъ для нихъ настоящій золотой вѣкъ: губернаторъ, еще молодой, красивый, ласковый, привѣтливый, принадлежащій къ княжескому роду, почитаемому однимъ изъ первыхъ въ Россіи, въ близкомъ родствѣ со всѣмъ, что̀ Петербургъ являетъ высокаго и знатнаго при дворѣ. Обыкновенно эти люди, когда невзначай попадали въ провинцію, чтобы не остаться одним, поневолѣ сближались съ почетнѣйшими изъ ея жителей и совсѣмъ не скупились на любезности, которыми, по крайней мѣрѣ, въ прошедшее время они славились. Въ столицахъ дѣло было другое; не переставая быть учтивыми, ихъ обращеніе примѣтно дѣлалось холоднѣе со сдѣланными тамъ знакомствами, и наши добрые люди никакъ не могли понять причинъ такой перемѣны. Итакъ, мои тщеславные земляки были очарованы: «ну, подлинно, говорили они, можно сказать, что баричъ такъ баричъ, не то что̀ иной, другой какой-нибудь, нашъ братъ рядовой дворянинъ». Знавши такъ давно и такъ коротко всю эту Голицынскую семью, я не могъ раздѣлять ихъ восторговъ, но и не думалъ стараться умѣрять ихъ.

«И какъ такому вельможѣ захотѣлось у насъ поселиться?» говаривали иные Дѣйствительно, оно могло казаться страннымъ и тогда, а еще страннѣе нынѣ, когда губернаторскія мѣста болѣе упали въ общемъ мнѣніи. Восемнадцати лѣтъ былъ онъ уже генералъ-майоромъ, генералъ-адъютантомъ и докладчикомъ по военному вѣдомству при императорѣ Павлѣ; но какъ одинъ царскій капризъ создалъ его, такъ другой уничтожилъ, и никогда уже съ тѣхъ поръ не могъ онъ подняться. Когда при Александрѣ воротились всѣ изгнанные отцомъ его, то онъ сталъ проситься въ службу при особѣ Государя; нашли, что онъ годится только въ дѣйствительные камергеры; а какъ и это званіе почиталось тогда во сто разъ важнѣе, чѣмъ нынѣ, то онъ охотно его и принялъ. Замѣтивъ, что этотъ титулъ совсѣмъ не въ почетѣ у новаго Царя, сталъ проситься въ военную службу прежнимъ чиномъ, и его приняли съ состояніемъ по арміи и съ нахожденіемъ при отцѣ, тогда Рижскомъ военномъ губернаторѣ; съ нимъ вмѣстѣ опять вышелъ онъ въ отставку. Послѣ того, во время первой милиціи 1807 года, не вступая въ дѣйствительную службу, находился онъ при немъ же по какимъ-то порученіямъ; но какъ, видно, знали, что онъ тутъ (какъ и вездѣ) ничего не дѣлалъ, то и сочли достаточнымъ дать ему Аннин-

ской крестъ на шею. Въ армію противъ Австрійцевъ съ отцомъ онъ не поѣхалъ, а остался при матери. Большаго свѣта онъ не любилъ, хотя въ немъ вездѣ былъ принятъ, но вовсе незамѣчаемъ. Государь, который его лично зналъ, былъ весьма плохаго мнѣнія объ его способностяхъ и только вслѣдствіе одного сильнаго ходатайства *), назначилъ его губернаторомъ, съ переименованіемъ однакоже въ дѣйствительные статскіе совѣтники. И наши Пензенцы находили, что онъ спустился на губернаторство.

Будучи малолѣтнымъ, около года прожилъ я у Голицыныхъ въ селѣ Казацкомъ и, кажется, довольно вѣрно изобразилъ характеръ княгини. Полагая, что того не забыли читавшіе меня, почитаю излишнимъ какъ повторять сказанное мною, такъ и указывать на него. Оба они, мать и сынъ, не очень любили видѣть равныхъ себѣ, ибо между ними находили по большей части превосходящихъ ихъ въ образованности. Гораздо пріятнѣе имъ было окружать себя существами подчиненными, подвластными; ей—деревенскими барынями и барскими барынями; ему, пока онъ ни надъ кѣмъ не начальствовалъ—избранными холопями, изъ которыхъ творилъ онъ собесѣдниковъ. Въ отдаленномъ краю, гдѣ сходятся двѣ губерніи, Саратовская и Тамбовская, и по сосѣдству съ Пензенской, создала себѣ княгиня Голицына маленькое царство, которое, по назначеніи сына ея въ правители, чрезвычайно умножилось присоединеніемъ къ нему цѣлой губерніи.

Нашъ князь Григорій Пензенскій былъ аристократъ совсѣмъ особаго покроя, совершенно отличный отъ брата своего Ѳеодора, который настоящей тогдашней аристократіи служилъ образцомъ. Онъ находилъ, что не иначе можно блистать какъ въ столицѣ и при дворѣ; а какъ всѣ усилія ума его, котораго у него было довольно, къ тому были направлены, то онъ совершенно и успѣвалъ. Много способствовалъ ему выгодный бракъ съ единственною дочерью фельдмаршала князя Прозоровскаго, у которой было 14 тысячъ душъ, изъ коихъ послѣ едва ли осталась у нея десятая доля. Его ласково-вѣжливое обхожденіе не допускало однакоже никакой короткости съ тѣми, съ кѣмъ онъ имѣть ея не хотѣлъ. Старшій же братъ, напротивъ, охотно балагурилъ, вралъ, полагая, что со всѣми можетъ безнаказанно быть фамиліаренъ. Онъ любилъ угощать у себя, попить, поѣсть, поплясать. По моему онъ былъ правъ: такими только манерами можно было тогда понравиться въ провинціи; grand-genre князя Ѳеодора тамъ бы не поняли. Два брата были вѣрнымъ изображеніемъ—одинъ новѣйшаго ари-

---

*) Марьи Антоновны Нарышкиной, которой мужъ, Дмитрій Львовичъ, былъ родной дядя жены Голицына.

стократизма, заимствованнаго у Запада, другой—стариннаго Русскаго барства. Только, къ сожалѣнію, легкомысліемъ, прихотями, странностями онъ совсѣмъ не походилъ на древнихъ бояръ, которые отъ толпы обязаны были отличаться основательностію въ мысляхъ, обдуманностію въ поступкахъ.

Нашъ губернаторъ былъ чрезвычайный оригиналъ, и главныя черты его характера непремѣнно я долженъ здѣсь представить. Съ природною смышленостію, Русскіе равно способны и къ изобрѣтательности, и къ переимчивости; но съ природною же ихъ лѣнью и съ навыками, которые даны имъ лѣтъ полтораста тому назадъ, превратились они совершенно въ постоянныхъ подражателей всего западнаго. Въ каждомъ изъ насъ болѣе или менѣе есть что-то обезьянное, кого-нибудь или что-нибудь должны мы непремѣнно копировать; нашъ Голицынъ всѣхъ насъ превзошелъ, избравъ себѣ не одинъ, а нѣсколько образцовъ. Ему было лѣтъ двѣнадцать, когда умеръ дѣдушка Потемкинъ; онъ очень хорошо могъ помнить открытую грудь, босыя ноги, халатъ на распашку, въ которомъ принималъ онъ первыхъ вельможъ, сырыя рѣпу и морковь, которыя, всѣмъ пресыщенный, при нихъ же онъ грызалъ; помнилъ также царскую его представительность и всѣ алмазы Востока, коими потомъ онъ осыпался. До губернаторства не имѣлъ онъ случая, подобно ему, являть попеременно такую простоту и такое величіе. Жаль только, что онъ не имѣлъ сокровищъ, коими владѣлъ его дѣдъ образецъ: изъ десяти тысячъ душъ, послѣ смерти отца раздѣленныхъ между семью братьями, на долю его досталось не слишкомъ огромное состояніе, и онъ проматывалъ его, стараясь, елико возможно, не отставать отъ великолѣпнаго князя Тавриды.

Извѣстно, что императоръ Александръ умѣлъ скрывать свой гнѣвъ и народу являлъ всегда одну милостивую улыбку. И это довольно удачно умѣли мы перенять. По воскреснымъ днямъ, вмѣсто собора, князь съ своею княгиней предпочиталъ ѣздить къ обѣднѣ въ женскій монастырь; тамъ отъ святыхъ воротъ до храма было пространство, которое надобно было проходить пѣшкомъ и которое наполнено бывало народомъ, и онъ шествовалъ объ руку съ супругою, ласково кланяясь направо и налѣво восторженной толпѣ. Княгиня Катерина Ивановна, жена его, урожденная Сологубъ, своею кротостію и благовидностію, совсѣмъ не думая о томъ, была дѣйствительно сколкомъ съ Елисаветы Алексѣевны.

Онъ любилъ ее и уважалъ и всегда былъ ей вѣренъ, но полагалъ, что владѣтельной особѣ для вида необходимо имѣть метрессъ, какъ ихъ тогда называли. Онъ слыхалъ о Лудовикѣ XIV, и кто же изъ находившихся тогда при дворѣ не слыхалъ о немъ? Двѣ пожилыя женщины, одна вдова, другая дѣва, влюбились въ князя, и онъ обра-

довался тому, какъ способу въ глазахъ свѣта—сихъ мнимыхъ наложницъ выдавать за настоящихъ.

Родъ .... есть одинъ изъ древнѣйшихъ въ Русскихъ родословныхъ книгахъ. Послѣднiй, кажется, изъ него, надворный совѣтникъ, Левъ Васильевичъ жилъ въ Пензѣ. Онъ былъ старичишка весьма неглупый, маленькаго роста, съ маленькимъ въ морщинахъ лицомъ и съ сверкающими плутовскими сѣрыми глазами. Извѣстенъ былъ онъ какъ скряга, ростовщикъ и безстыдный подлецъ, который, искусно раздражая своихъ должниковъ, часто терпѣлъ отъ нихъ побои, дабы заставить ихъ послѣ заплатить себѣ за безчестiе и увѣчье. Зато отъ 150 душъ нажилъ онъ болѣе тысячи и вмѣстѣ съ полумилiономъ денегъ оставилъ ихъ меньшому сыну и дѣтямъ вдовы старшаго. Эта вдова, опекунша малолѣтныхъ наслѣдниковъ, Александра Степановна .... урожденная Топорнина, была дѣйствительно топорной работы, баба здоровенная, провинцiалка съ ногъ до головы и, кажись простая, но какъ говорили тогда, себѣ на умѣ. При жизни свекора, который умеръ не задолго до прибытiя Голицына и который ей ничего не давалъ, съ собственнымъ малымъ состоянiемъ, жила она скромно, скудно, объ ней мало было слышно, и презрѣнiе къ покойному, ею совсѣмъ незаслуженное, какъ будто разливалось и на нее. Тутъ она воспрянула: замѣтивъ, что Голицыну очень хочется, чтобъ его обожали, стала прехладнокровно его обожать, начала для него дѣлать обѣды, принимать гостей; за то онъ пожаловалъ ее маркизою де-Монтеспанъ, и помнится я подсунулъ ему этотъ титулъ. Она всегда составляла его партiю въ бостонъ, и какъ лучше его играла, то всегда обыгрывала; сверхъ того, давала ему деньги взаймы, только за высокiе проценты и на вѣрные векселя, за что къ первому ея титулу онъ прибавилъ второй, мадамъ ла-Рессурсъ. Вотъ, кажется, чѣмъ ограничивались любовныя связи Монтеспанъ съ Пензенскимъ Лудовикомъ. Ни про нее, ни про ея свекора, я доселѣ ни слова не сказалъ; но Пензенское дворянство неисчислимо и, право, всѣхъ не припомнишь.

Другая связь была гораздо интереснѣе. Сестрѣ многорѣченнаго въ предыдущей части Алексѣя Даниловича Копiева, дѣвицѣ Александрѣ Даниловнѣ, было гораздо за сорокъ лѣтъ; нескромная толщина тѣла и смуглость ея не молодили, но для пылкихъ сердецъ нѣтъ возраста. Въ молодости она полюбила какого-то маiора Неймича, а смерть похитила ея возлюбленнаго, когда онъ готовился быть ей супругомъ. Убитая горестiю, она хотѣла идти въ монастырь, убѣжище всѣхъ мученицъ чувствительности. Чтобы приготовить себя къ тому, оставила она свѣтъ, надѣла черное платье, постомъ и молитвой старалась заглушить память объ ожидавшемъ ее блаженствѣ; устремившись мыслiю къ Богу,

надѣялась забыть боготворимаго. Время, видно, истребляетъ всѣ впечатлѣнія, всѣ воспоминанія (кромѣ моихъ). Оно успокоило ея сердце, а свѣтъ приманилъ ее опять къ себѣ, но когда плѣняться ей было еще легко, а плѣнять уже поздно. Никогда еще у брата съ сестрой не было менѣе сходства, какъ у этихъ Копіевыхъ. Она была тиха, скромна и до того не злорѣчива, что когда одинъ разъ при ней стали говорить о человѣкѣ уличенномъ въ отцеубійствѣ, она вскрикнула: ахъ какъ онъ дурно сдѣлалъ! Никого не могла она ненавидѣть, но за то слишкомъ расположена была любить. Чтеніе Французскихъ романовъ пуще воспламенило ея воображеніе; въ мнѣніи ея мадамъ Жанлисъ оспаривала первенство у мадамъ Сталь и всегда одерживала верхъ; главною же ея любимицей была мадамъ Коттенъ. Уважая ея добрыя, милыя свойства, никто изъ провинціаловъ не хотѣлъ замѣтить ея смѣшной стороны и для потѣхи показать чувство, котораго не имѣлъ. Напрасно: это оживило бы ея тоскливое существованіе. Наконецъ явился спаситель,—это былъ Голицынъ. Возбужденною въ ней страстію онъ гордился, смѣялся надъ ней, выставлялъ ее на позоръ, а она не въ силахъ была ее скрывать. Она вся предалась ей; не суждено было ей узнать сущности любви, она прилѣпилась къ ея призраку. Въ умѣ у нея недостатка не было, и она должна была замѣтить, что все это вздоръ и что она сдѣлалась посмѣшищемъ цѣлаго города; но что̀ дѣлать, такъ и быть! Она тѣшилась въ мечтахъ и, казалось, говорила: обманывай, обманывай меня, ради Бога не переставай! Ее посвятилъ онъ въ дѣвицы ла-Валліеръ. И, что́ всего забавнѣе, онъ заставлялъ жену показывать чрезвычайную холодность къ обѣимъ симъ дамамъ. Я воображаю, какъ этой почтенной женщинѣ тяжело было въ угожденіе ему дурачиться.

Продолжая примѣры свои брать свысока, онъ захотѣлъ быть и преобразователемъ Пензы, какъ Петръ Великій. Въ чемъ же состояли предпринятыя имъ перемѣны? Онъ нашелъ въ одеждѣ мущинъ и женщинъ много отсталаго, запоздалаго; легкими, но часто повторяемыми шутками насчетъ ихъ нарядовъ онъ многихъ заставилъ переодѣться по модѣ. Странность экипажей также не избѣгла его замѣчаній и насмѣшекъ; скоро начали изчезать старыя колымаги и четвероместныя дрожки-линейки, столь удобныя для живущихъ въ провинціи недостаточныхъ семействъ. Всѣ крѣпко держались привилегіи, данной первымъ чинамъ до статскаго совѣтника включительно, ѣздить цугомъ или шестерней; штабъ-офицеры ѣздили четверней, а оберъ-офицеры не смѣли у себя впрягать болѣе пары лошадей; тутъ было нужно нѣчто похожее на насиліе, чтобъ у пятиклассныхъ отпречь пару и припречь ее къ каретамъ людей четырнадцатаго класса. У этого человѣка ни о

чемъ настоящаго понятія не было. Такимъ образомъ, съ одной стороны, стараясь распространить все новосвѣтское, съ другой онъ любилъ придерживаться старины, во всемъ чтò только могло умножить личное его величіе. О святкахъ всегда создавалъ онъ маскарады и на нихъ являлся одинъ безъ маски, въ богатомъ длинномъ платьѣ старинныхъ Русскихъ бояръ, стараясь разыгрывать ихъ роль, тогда какъ всѣ другіе, въ угожденіе ему, были въ личинахъ и какъ можно шутовски наряжены: ему казалось, что все это дворня, которая на игрищѣ тѣшитъ своего боярина. А иногда такъ у себя дòма облекался онъ въ тотъ же аксамитъ, бархатъ и парчу. Сіятельный изволитъ тѣшиться, говорили иные съ подобострастіемъ, а нѣкоторые уже съ насмѣшливою улыбкой.

Куда какой онъ былъ затѣйникъ, этотъ князь Григорій Сергѣевичъ! Кого бы вы думали поставилъ онъ въ число образцовъ своихъ? Давида, Іудейскаго царя-пророка. Въ первой молодости, говорятъ, выучился онъ довольно изрядно играть на арфѣ, потомъ бросилъ ее, и на губернаторствѣ уже, видно отъ нечего дѣлать, принялся опять за сіе музыкальное искусство. По утрамъ находили его иногда въ какомъ-то костюмѣ, драпированнаго, за этимъ инструментомъ, съ звуками коего сочеталъ онъ голосъ свой и на напѣвы разныхъ пѣсенъ или арій, *При долинушкѣ стояла*, *Выйду-ль я на рѣченьку* или *Lison dormait dans un bocage*, воспѣвалъ онъ псалмы. Вообще онъ имѣлъ небольшую склонность къ набожности, а вкусъ къ церковнымъ обрядамъ. Въ деревнѣ, какъ увѣряли, наряжалъ самого себя и любимѣйшихъ слугъ въ стихари, пѣвалъ съ ними на клиросѣ и читалъ апостольскія посланія. Утверждали, что онъ читаетъ духовныя книги; я увѣренъ, что однѣ только литургическія, за то уже другихъ никакихъ въ руки не бралъ. Съ этой стороны, то есть со стороны любви къ церковнослужительству, опять сближался онъ въ сходствѣ съ высокомощнымъ дѣдомъ своимъ.

Нужно ли говорить, что онъ составилъ себѣ дворъ? Между прочимъ для молоденькихъ писцовъ канцеляріи своей, изъ низкаго происхожденія, нанялъ онъ гдѣ-то танцмейстера, одѣлъ ихъ на свой счетъ и представилъ въ свѣтъ, гдѣ всѣ дѣвицы обязаны были съ ними танцовать. Онъ называлъ ихъ своими камеръ-юнкерами, и они отличались отъ другихъ однообразнымъ цвѣтомъ жилетовъ. Секретарь жаловался, что некому переписывать въ канцеляріи, что они ничего дѣлать не хотятъ; онъ велѣлъ набрать другихъ, ихъ считать сверхъ штата, и далъ имъ отъ себя содержаніе.

Всему, чтò до него относилось, умѣлъ онъ давать какой-то державный видъ. Занеможетъ ли у него жена, по всѣмъ церквамъ велитъ онъ служить молебствія о ея выздоровленіи. Родится ли у него сынъ,

онъ своеручно пишетъ церемоніалъ его крестинъ: отъ губернаторскаго дома до собора, по улицѣ, несутъ младенца на подушкѣ, окруженнаго разряженными повивальною бабкой, нянькою, кормилицей и для прислуги дѣвочкою; впереди и сзади два ливрейные лакея; курьеръ открываетъ шествіе, другой замыкаетъ его. Весною, при отправленіи въ Зубриловку (за 130 верстъ), семейства, свиты, живущихъ, дворни и конюшни, соблюдались также офиціальныя формы, составлялся также маршрутъ, поѣздъ дѣлился на три отдѣленія, назначались роздыхи, ночлеги, и по дорогѣ разсылались копіи съ письменнаго распоряженія.

При такихъ мелочныхъ, но многоразличныхъ занятіяхъ, когда ему было входить въ дѣла по управленію губерніей? Онъ рѣшительно ничего не дѣлалъ. Тотъ же плутъ Арфаловъ, уже не секретарь губернаторскій, а совѣтникъ Губернскаго Правленія, который вкрался въ довѣренность къ отцу моему, который сдружился съ Крыжановскимъ, при немъ самовластно всѣмъ заправлялъ.

Человѣкъ этотъ былъ и не глупый и не злой; умнымъ и добрымъ опять назвать было его нельзя. Да что же былъ онъ? Да такъ, Богъ знаетъ что-то такое. Только утвердительно могу сказать, что въ немъ не было ни искры чувства, ни капли разсудка. Проказамъ, причудамъ его не было конца. Меня, признаюсь, часто онѣ весьма забавляли; но иногда, глядя на нихъ, становилось и досадно, и скучно.

Съ удивленіемъ должно замѣтить, что всѣ члены не одного этого семейства, но всего многочисленнаго, безчисленнаго рода Голицыныхъ, болѣе или менѣе, всѣ на одинъ покрой: довольно не глупы, иные весьма остроумны, веселонравны, храбры, услужливы; все это прекрасно... Правда, когда загорится война, они бросаются въ службу, во многихъ изъ нихъ удальство пробуждается; видно, что кровь Литовскихъ героевъ кипитъ еще въ ихъ жилахъ; но настанетъ миръ, они погружаются въ прежнюю праздность. Это напоминаетъ дикія времена ихъ великихъ предковъ; но въ нынѣшній вѣкъ, именующій себя просвѣщеннымъ, несовсѣмъ это ловко. Весьма немногіе изъ нихъ (а ихъ такъ много!) пытались быть поэтами, музыкантами, даже живописцами; ни одинъ не сталъ выше посредственности, ни одинъ не обѣщаетъ Россіи хорошаго полководца или искуснаго государственнаго человѣка. Я все говорю не о прошедшемъ, а объ настоящемъ.

Нѣкоторые изъ внуковъ Гедемина явились при Василіѣ Дмитріевичѣ въ Московской Россіи, когда, послѣ кроваваго хаоса, начинала понемногу принимать она тѣнь устройства. Сперва женились они на дочеряхъ великокняжескихъ, сроднились потомъ съ другими Русскими князьями и породили Голицыныхъ, Куракиныхъ, Корецкихъ, Трубецкихъ и иныхъ. Впослѣдствіи потомство ихъ, размножаясь, стало на-

равнѣ, ни выше, ни ниже другихъ княжескихъ семействъ племени Рюрикова. Въ исторіи Голицыныхъ что-то не видать *) до правленія Софіи Алексѣевны; при ней любимецъ ея Василій Васильевичъ между ними вдругъ выросъ, какъ великанъ. Могущество его въ государствѣ равнялось силѣ его ума. Сія чета должна была вмѣстѣ пасть въ борьбѣ съ юношей сильнѣе ея и геніемъ и правами. Карая достойныхъ его противниковъ, Петръ Великій всѣми мѣрами возвышалъ крѣпкихъ мужей, сподвижниковъ своихъ, какъ всѣ великіе государи, которые не страшатся соперничества съ необыкновенными людьми своего государства. При немъ два брата, близкіе родственники погубленнаго имъ Голицына, заняли первыя мѣста, одинъ въ арміи, другой во флотѣ, оба въ думѣ государственной; онъ осыпалъ ихъ богатствами, а они покрыли себя славою, коей блескъ разлился на всѣхъ однофамильцевъ ихъ, тогда еще не столь многочисленныхъ. Пять лѣтъ послѣ его кончины воцарилась Анна Ивановна; при ней руссоненавистникъ Биронъ между Русскими искалъ преимущественно высокихъ жертвъ; имя Голицыныхъ паче другихъ тогда возносилось, и казнь и заточеніе сдѣлались удѣломъ главнѣйшихъ изъ нихъ. За то наступило для нихъ время новаго рода знаменитости, всенародной любви и участія. Пережившіе жестокія гоненія съ торжествомъ возвратились ко двору Елисаветы. Съ тѣхъ поръ ихъ порода примѣтно стала меркнуть, хотя еще далеко было до нынѣшняго полнаго ея затмѣнія: они все болѣе плодились и мелѣли. Во второй половинѣ прошедшаго столѣтія только трое изъ нихъ сдѣлались извѣстными: первый фельдмаршалъ князь Александръ Михайловичъ, котораго по доказанному неискусству пришлось отозвать отъ начальствованія арміей, не смотря на взятіе имъ приступомъ пустаго, никѣмъ не защищаемаго Хотина съ брошенными пушками; другой также князь Александръ Михайловичъ, плохой дипломатъ, котораго изъ вице-канцлеровъ перевели въ оберъ-камергеры; наконецъ, третій князь Сергій Өедоровичъ, отлично храбрый генералъ, котораго судьба, къ счастію или къ несчастію его, никогда не допустила показать себя хорошимъ полководцемъ. Еще былъ четвертый князь Дмитрій Михайловичъ; честь и хвала ему, воздвигнувшему себѣ памятникъ—Московскую Голицынскую больницу.

Взысканные царскими милостями, обогащаемые царскими щедротами, немногіе изъ нихъ умѣли по крайней мѣрѣ умножать собою блескъ

---

*) Я было забылъ, что послѣ Годунова, Лжедимитрія и Шуйскаго, былъ одинъ Голицынъ въ числѣ искателей Русскаго престола, тогда какъ смѣшная его претензія никѣмъ не была поддержана, тогда какъ Мстиславскій, правитель Россіи и Пожарскій, спаситель ея, не дерзали посягнуть на то.

двора. Вѣкъ Екатерины былъ для нихъ особенно пагубенъ именно потому, что она особенно къ нимъ благоволила. Не смотря на ея философствованіе, въ Царскомъ Селѣ ей хотѣлось Версали: въ ея угожденіе изъ Голицыныхъ богатая молодежь разъѣздилась по чужимъ краямъ и во Франціи обрѣла рай, по возвращеніи же награждаема была камергерствомъ и камеръ-юнкерствомъ. Изъ-за границы вывезли они новыя понятія о преимуществахъ аристократіи и стали почитать себя по крайней мѣрѣ наравнѣ съ дюками и пэрами той земли, гдѣ ихъ величали принцами; начали, и не одни, свой новый аристократизмъ прилаживать къ Русскому боярству; начали явно пренебрегать не столько еще простымъ народомъ, какъ мелкими, хотя бы и старинными дворянами и стараться понизить ихъ до своей домашней прислуги, которую, выводя въ мелкіе чины, старались съ ними сравнять. Въ ихъ предпріятіяхъ большою помощницею была княгиня Наталья Петровна, умная и гордая женщина, съ твердымъ, даже крутымъ нравомъ, вошедшая въ ихъ семейство: она лучше всякаго мужчины умѣла поддержать на нѣкоторой высотѣ родъ ихъ, клонившійся къ паденію. Они, не думая о томъ, хотѣли вводить къ намъ все то, что, раздражая самолюбіе среднихъ классовъ, породило ужасную революцію 1789-го года.

А между тѣмъ нѣкоторыя отдаленныя вѣтви и тогда уже не цвѣли, а прозябали пустоцвѣтомъ въ провинціяхъ, вдали отъ твердаго еще своего корня. Въ Саранскѣ было пять бѣдныхъ Голицыныхъ, родныхъ братьевъ и двоюродныхъ князю Сергію Θеодоровичу, изъ которыхъ трое не служили. А какъ они, такъ и другіе неимущіе ихъ соплеменники, не смотря на свою малозначительность, кичились своимъ именемъ и полагали, что послѣ императорской фамиліи ихъ родъ есть первый въ Россіи! Кто это вложилъ имъ въ голову? И не странно-ли, что съ такими предразсудками соименные имъ, счастливые и могущіе въ Петербургѣ, безъ всякой причины чуждаются ихъ? Сколько разъ приходилось мнѣ отъ нихъ слышать: «да, они тоже Голицыны, да только не изъ тѣхъ».—Да изъ какихъ же? Лѣность, тщеславіе и мысль, что ихъ имя выше достоинствъ, пріобрѣтаемыхъ заслугами, все болѣе и болѣе отдаляютъ ихъ отъ дороги, по которой могли бы они дойти до прежней высоты. Множатся же они не по-княжески, а по-мѣщански. Потому-то части богатаго наслѣдства предковъ едва ли доходятъ до третьяго поколѣнія, отъ безпрестаннаго дѣлежа, отъ безразсудности, неразсчетливости, неимовѣрной жажды къ наслажденіямъ, однимъ словомъ отъ мотовства потомковъ. Особенное свойство этого уже не рода, а народа, есть страсть не столько къ женщинамъ, какъ къ женитьбѣ, какое-то матримоніальное бѣшенство, которое впрочемъ чрезвычайно для нихъ бываетъ полезно: женитьба всегда возстановляетъ

разрушенное ихъ состояніе. Можно, но трудно найти Нѣмца или Голицына, который бы женился не по разсчету, на бѣдной дѣвицѣ; они такъ стерегутъ богатыхъ невѣстъ, какъ Ливонія и Литва въ старину добычи всегда искали въ Россіи. Имя Голицыныхъ, не смотря на то, что носящимъ его скоро нужно будетъ сдѣлать особую перепись или ревизію, и понынѣ имѣетъ еще нѣкоторую цѣну въ глазахъ провинціаловъ, хотя съ другой стороны насмѣшливыя прозвища рябчиковъ, куликовъ показываютъ, что она много понизилась. И хотя бы брачными союзами пріобрѣтаемыя имѣнія сохранялись въ родѣ! Но нѣтъ, они также истребляются для поддержанія великаго имени великою роскошью. Наконецъ, что̀ такое нынѣ Голицыны? Люди, которые, не хотѣвши знать ни подчиненности, ни трудовъ, ни порядка, по полученіи первыхъ офицерскихъ чиновъ оставляютъ службу, женятся, чванятся женинымъ имѣніемъ, проживаютъ его, множатся и плодятся. У одного князя Григорія Сергѣевича, о которомъ я здѣсь такъ много говорилъ, пять сыновей малочиновныхъ, отставныхъ, женатыхъ, невоздержныхъ и плодородныхъ. Всѣ вкупѣ представляютъ они нѣчто, какъ бы чудище обло, озорно, о тысячѣ зѣвахъ, поглощающихъ плоды долголѣтнихъ усилій трудолюбивыхъ семействъ, но которые насытить его не могутъ; или какъ бы все ширѣющій каналъ, чрезъ который богатства земли только что протекаютъ. Въ этомъ только отношеніи конечно они полезны государству; ибо, приводя въ движеніе расточаемые ими капиталы, они способствуютъ развитію промышленности; да сверхъ того, при безпрестанномъ переводѣ имѣній изъ рукъ въ руки, пошлинами обогащаютъ казну. И пусть бы, такъ и быть, разорялись сами въ Россіи; этого имъ мало: съ нѣкотораго времени начали они и ее разорять. Самые богатѣйшіе изъ нихъ *) продаютъ здѣсь свои имѣнія, селятся за границей, переводятъ туда милліоны и передаютъ ихъ въ руки Іезуитовъ, лютѣйшихъ враговъ Православія. Если между Русскими захотите вы узнать измѣнниковъ вѣрѣ отцовъ своихъ, не ищите ихъ въ другихъ семействахъ, ихъ тамъ нѣтъ; всѣхъ найдете вы между одними Голицыными обоего пола.

Увы, все, что́ сказалъ я о сихъ падшихъ, до нѣкоторой степени можетъ относиться и до большей половины моихъ соотечественниковъ изъ дворянъ, почитающихъ себя просвѣщенными, разумѣется только въ гораздо уменьшенномъ видѣ.

Вся эта Голицынская исторія приводитъ насъ къ вопросу, кото-

---

*) Родные племянники и единственные наслѣдники нашего Креза, бездѣтнаго князя, Сергія Михайловича, который необыкновеннымъ добросердечіемъ заставляетъ часто забывать глупую спѣсь свою.

рый неоднократно самъ себѣ и другимъ я дѣлалъ и который ни я, ни они никакъ разрѣшить не могли: въ чемъ состоитъ у насъ знатность, аристократія или высшее сословіе? То, что̀ подъ симъ именемъ разумѣютъ на Западѣ, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что̀ мы у себя называемъ вельможествомъ. Тамъ оно вѣками утвержденное, хотя въ иныхъ мѣстахъ пошатнувшееся, но все еще довольно прочно существующее состояніе; оно имѣетъ смыслъ: у насъ оно состояніе преходящее. Тамъ оно—за̀мокъ въ развалинахъ, у насъ оно—великолѣпная палатка.

Когда Германскія Готѳскія племена стали нападать на порабощенные Римомъ народы, они совсѣмъ не сильны были числомъ: силу свою получали они отъ воли Всевышняго; ихъ отчаянную храбрость избрала она какъ орудіе для сокрушенія человѣческой гордости, злости и пороковъ, олицетворенныхъ обладателями тогдашняго міра. Жители Галліи, Испаніи, Лузитаніи, части Британіи и, наконецъ, самой Италіи, раздавленные Римскимъ ярмомъ, потеряли энергію предковъ, не могли долго сопротивляться дикимъ варварамъ Сѣвера и перешли подъ новое иго. На́чалъ исчезать весь прежній бытъ, и съ нимъ вмѣстѣ названія патриціевъ и плебеевъ; ихъ замѣнили названія завоевателей и завоеванныхъ. Первые послѣднихъ начали дѣлить какъ стада, но только съ Нѣмецкою точностію, съ своимъ особымъ законодательствомъ, и составили ѳеодализмъ. Главные ихъ предводители, нѣсколько олатинившись, начали охотно изъ кёниговъ, герцоговъ и графовъ переименовывать себя въ рексы, дуки и комесы. Всѣ эти народныя волны, всемірною бурею на высоты земныя вознесенныя, на нихъ остались и какъ будто окаменѣли. Главные вассалы, вспомнивъ, что предки ихъ, во время завоеванія, повиновались королямъ, какъ равные старшему или главному между ними и, пользуясь слабостію Карловинговъ, сдѣлались почти независимы; въ свою очередь ихъ подвассалы (arrières-vassaux) также небезусловно имъ покорились; вся Европа покрылась безчисленными, разностепенными, крупными и мелкими государствами. На прочномъ основаніи воздвигнутое Готическое зданіе устояло противъ дѣйствія времени, простояло десять столѣтій. Наконецъ, и давно уже (первоначально во Франціи) гордые и хищные бароны стали покидать свои каменныя гнѣзда; опустѣвшіе послѣ нихъ за̀мки, нѣкогда устрашавшіе путниковъ, нынѣ плѣняютъ ихъ взоры. Подобно кризалидѣ, перерождающейся въ мотылька, сбросивъ рыцарскія латы, превратились они въ напудреныхъ, раздушеныхъ маркизовъ, въ шитыхъ бархатныхъ кафтанахъ, въ шелковыхъ чулкахъ, съ фарфоровыми шпагами и красными каблуками. Но и тутъ названія провинцій, городовъ и за̀мковъ, ими носимыя, богатства, сохранившіяся посредствомъ майоратовъ, блескъ

двора, въ коемъ наслѣдственно занимали они первыя мѣста, долго внушали къ нимъ невольное уваженіе другихъ сословій, пока развратъ и мотовство совсѣмъ не уронили ихъ въ общемъ мнѣніи еще до начала революціи. Нынѣ они почтенны въ глазахъ моихъ, когда противъ всѣхъ упорно защищаютъ древнія права свои еще не столько изъ тщеславія, какъ по священной обязанности, завѣщанной имъ предками.

То ли же самое было въ Россіи? При рожденіи ея, какихъ иноземцовъ покорили мы или кѣмъ были покорены? Новгородцы добровольно призвали Рюрика съ горстью Варягъ, чтобы защищалъ ихъ и водворилъ между ними правосудіе. Преемникъ его съ умножившеюся дружиною быстро и безвозбранно протекъ всю нашу землю до Кіева, гдѣ встрѣтилъ первое сопротивленіе, и изо всѣхъ племенъ Славянскихъ отъ Сѣвера до Юга разомъ сплотилъ великую Россію; его наслѣдники между Славянскими же народами расширили ее на Западъ и на Востокъ. Но какими особенными правами пользовались малочисленные сподвижники Олега, Игоря и Святослава? И гдѣ ихъ потомство? Въ родословныхъ книгахъ находимъ мы только Одинцовыхъ да Блудовыхъ, которые показаны изъ Кіевлянъ; всѣ прочіе пришельцы позднѣйшихъ временъ, кто изъ Татаръ, кто будто изъ Рима, будто изъ Англіи; все какіе нибудь фигляры, потѣшники великихъ князей или мастеровой народъ, имъ такъ нужный. Столь сильный сперва Рюриковъ родъ одинъ умѣлъ удержать за собою верховную власть. Такъ тому и слѣдовало быть: Славянскіе народы, послѣдніе выходцы изъ невѣдомыхъ странъ Востока и Азіи, сохраняли ихъ духъ и вѣрованія: великихъ завоевателей принимали за боговъ, въ однихъ потомкахъ ихъ видѣли нѣчто божественное, отдѣляющее ихъ отъ земнородныхъ и возвышающее ихъ надъ ними. Такъ было нѣкогда съ Арзасидами, такъ было съ потомствомъ Чингисъ-Хана, съ Гиреями въ Крыму, такъ существуетъ понынѣ Оттоманскій домъ: имъ однимъ предоставлены священныя наслѣдственныя права. Въ правителяхъ же областей, въ военачальникахъ своихъ видѣлъ всегда народъ равныхъ себѣ людей, временно, случайно надъ нимъ поставленныхъ, дуновеніемъ вѣнценосцевъ созданныхъ. Сами вольные Новгородцы, нѣсколько сблизившіеся съ германизмомъ, чрезъ торговлю съ Ганзой и сосѣдство съ Ливоніей, преимущественно избирали въ князья или предводители войска потомковъ нѣкогда избраннаго ими Рюрика.

Эти Рюриковичи, сыны небесъ въ глазахъ предковъ нашихъ, къ несчастію Россіи и ихъ потомства, имѣли чрезвычайно производительную силу и были слишкомъ чадолюбивы. Безпрестанно раздробляемыя ими владѣнія между дѣтей составили удѣлизмъ, нѣчто похожее на феодализмъ Запада. Татары еще не положили ему конца, но только на-

чали дѣло, довершенное Іоанномъ III-мъ. Сей гордый властелинъ, почитавшій себя наслѣдникомъ Византійскаго престола, послѣдній удѣлъ истребившій, хотѣлъ поставить неизмѣримое пространство между собою и единокровными мелкими князьями, дабы заставить ихъ даже забыть, что они одного съ нимъ происхожденія. Въ этомъ случаѣ онъ похожъ былъ на людей изъ низкаго состоянія, заслугами или Фортуной на высокую степень возведенныхъ, которые гнушаются своими родственниками. По крайней мѣрѣ ни съ однимъ изъ нихъ не хотѣлъ онъ вступить въ ближайшее родство: сперва женился на дочери послѣдняго владѣтельнаго Тверскаго князя, почти ему равносильнаго; во второй бракъ вступилъ съ извѣстною Софіею Ѳоминишною, племянницею послѣдняго Восточнаго императора Константина Палеолога; старшаго сына женилъ на дочери еще сильнаго владѣтельнаго государя Молдавскаго Стефана Воеводы. Онъ старался князьковъ вдавить въ толпы другихъ своихъ подданныхъ, и это не трудно было ему сдѣлать: во время двухвѣковаго владычества Татаръ, они не переставали размножаться, бѣднѣть отъ безпрестанныхъ поборовъ, которые истощали тогда Россію, и до того упали въ народномъ мнѣніи, что подобно простолюдинамъ стали получать отъ него прозвища, которыя перешли къ ихъ потомству, такъ напримѣръ: Лыко, Буйносъ, Касатка, Гагара, Тюфякъ, Голица. Княжескій титулъ до того сдѣлался пошлымъ, что многія семейства сами собою отъ него отказались, какъ напримѣръ Татищевы, Ржевскіе, Всеволожскіе, Еропкины *). Всенародное обожаніе осталось одной счастливой вѣтви великихъ князей Московскихъ; даже самыя жестокости Іоанна IV-го почиталъ народъ исполненіемъ воли Божіей, Его наказаніемъ. Когда царскій родъ внезапно прекратился смертію Ѳеодора Іоанновича, какого князя пожелали Русскіе видѣть на престолѣ? Ни объ одномъ даже не подумали они; всѣ бросились къ простому бояріну, честолюбивому шурину послѣдняго царя. Вдругъ слухъ прошелъ, что священная для нихъ кровь не изсякла, что живъ еще сынъ бича ихъ; съ какою неимовѣрною радостію, съ какимъ легковѣріемъ ухватились они за тѣнь его, и возстали на стараго и мудраго правителя своего. Обманъ открылся стараніями одного хитраго князя; тогда съ остервенѣніемъ, равнымъ ихъ недавнимъ восторгамъ, сокрушили они кумиръ свой. На-скоро, не одумавшись, на его мѣсто посадили они возмутившаго ихъ князя, и не потому что онъ былъ

*) Немногія княжескія фамиліи, всего пять или шесть, сохранили названія городовъ, коими владѣли ихъ предки: Одоевскіе, Козловскіе, Елецкіе, Волховскіе, Звенигородскіе, Вяземскіе. Говорятъ, что въ Польшѣ можно найти еще Шуйскихъ. Нѣкоторые стали въ послѣдствіи къ прозваніямъ имъ даннымъ прибавлять имена городовъ: Ростова, Бѣлозерська и Мосальска.

князь, а потому что онъ первый имъ попался. За то неповиновеніемъ, презрѣніемъ къ его власти четыре года казнили они его на тронѣ и безжалостно предали его въ руки враговъ своихъ. Дѣло почти неслыханное въ исторіи Русской, чтобы подданные были гонителями своихъ государей. А чтó перетерпѣли отъ нихъ Годуновы, Лжедимитрій и Шуйскій? Они видѣли въ нихъ святотатцевъ (сперва по ихъ же желанію), осквернившихъ собою мѣсто, принадлежащее единому роду, Богомъ избранному, престолъ, подъ названіемъ котораго равно мы разумѣемъ и тронъ, и алтарь. Среди всеобщаго волненія, когда Россія безъ кормчаго неслась прямо въ бездну, кому рѣшились вручить кормило? Были воеводы сильные княжескаго рода, освободившіе Москву отъ Поляковъ, Пожарскій, Трубецкой; объ нихъ никто и не заикнулся. Изъ стѣнъ монастыря извлекли испуганнаго отрока, ни отъ Рюрика, ни отъ Гедимина не происходящаго. Но онъ былъ по тогдашнему родочисленію внукомъ царицы Анастасіи, коей добродѣтели жили еще въ памяти народной; онъ былъ двоюродный племянникъ кроткаго, христолюбиваго, послѣдняго законнаго царя; онъ былъ сынъ посвятившаго себя Церкви мученика, измѣннически похищеннаго ненавистными Поляками, и почтенной инокини, въ страхѣ Божіемъ воспитавшей его; онъ казался Россіи какъ бы весь озаренный небесною благодатію. Въ страшныя годины народъ Русскій мало ждетъ помощи отъ людей, а молитъ о ней Всевышняго; избраніе Романова было дѣломъ вѣры, и въ этомъ случаѣ сбылись слова Господни: «Вѣра твоя спасетъ тя». Въ дни безначалія, всякій имѣлъ право оспорить этотъ выборъ; но радостные вопли миліоновъ людей подтвердили его.

При Романовыхъ князья начали опять подыматься. Какъ юный Михаилъ, такъ и преемники его, чувствовали себя слишкомъ прочно утвердившимися, чтобы мысль о какомъ либо съ ними соперничествѣ не показалась имъ безумною, даже для нихъ обидною. Однакоже и при нихъ никакими особыми преимуществами передъ другими они не пользовались, и въ старинныхъ дѣлахъ мы часто находимъ, что князь на боярина и бояринъ на князя бьетъ челомъ за мѣсто. Счастливыя войны, которыя велъ уже Алексѣй Михайловичъ, а еще болѣе сынъ его, дали имъ средства подѣлиться завоеваннымъ съ храбрыми князьями, участвовавшими въ ихъ побѣдахъ. Вотъ начало ихъ новаго богатства; другіе же не столь чистые источники, изъ коихъ черпали они золото, были воеводства и намѣстничества, на которыя ихъ часто сажали. Петръ Великій многихъ изъ нихъ насильно сталъ посылать путешествовать за границу (охота же ему была!), имъ стерпѣлось и слюбилось. Тамъ познакомились они съ Польскими магнатами, съ Нѣмецкими маркъ-ландъ-бургъ-алтъ-вильдъ и рейсъ-графами, съ Французскими дюкъ-

э-пэрами, съ Англинскими лордами, съ Испанскими грандами и съ Итальянскими принчипе; болѣе всего плѣнились они регентствомъ Орлеанскимъ и его милыми, знатными злодѣями, которые такъ весело, такъ остроумно и безнаказанно ругались надъ народомъ и развращали его. «Вотъ житье, подумали они; а мы несчастные, какая наша участь! Этотъ грубіянъ, этотъ неучъ съ своимъ плотничьимъ топоромъ (вѣроятно продолжали они, какъ гуси Крыловской басни) забываетъ, что его предки были подданными нашихъ; все твердитъ о трудахъ и о пользѣ; пусть требуетъ ихъ отъ черни, она и создана на то». Дѣйствіе, произведенное на нихъ зрѣлищемъ Европейской аристократіи, скоро обнаружилось. Послѣ кончины Петра II-го, когда не знали которой изъ наслѣдницъ его принадлежитъ право ему наслѣдовать, нѣкоторые изъ нихъ въ Москвѣ составили изъ себя временное правленіе, которое надѣялись превратить въ вѣчное, начертали какую-то конституцію, которая всю власть предавала въ ихъ руки и, желая показать, что они могутъ располагать короною, предложили ее вдовствующей герцогинѣ Курляндской, мимо старшей сестры ея, мимо дочери Петра Великаго и малолѣтнаго сына ея старшей сестры. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписали они ей условія, которыя всѣ она приняла и ни одного не исполнила. Первымъ ихъ нарушеніемъ былъ пріѣздъ Бирона, главнѣйшая изъ воспретительныхъ кондицій. Замѣтивъ, что новый образъ правленія совсѣмъ не въ духѣ народномъ, что онъ вовсе ему не нравится, поспѣшилъ онъ такъ круто поворотить дѣломъ, что всѣ олигархи съ высоты своей стремглавъ полетѣли въ Сибирь. Такъ часто Нѣмцы неумышленно дѣлаютъ услуги Россіи. Но разъяренный Латышъ тѣмъ не довольствовался: во все время владычества своего не переставалъ онъ мстить высшему дворянству, казнить, вѣшать его и тѣмъ самымъ для будущихъ временъ оказалъ еще новую услугу, ибо породилъ столь сильную вражду къ Нѣмцамъ, что рѣшительно овладѣть Россіей они никогда уже не могутъ. Чувствуя всю свою немощь при Елисаветѣ, князья попритихли, а Екатериной были окованы, очарованы.

Но вопросъ все еще не разрѣшенъ: да развѣ кромѣ князей въ Россіи нѣтъ аристократіи? Какъ не быть, да еще безчисленная; княжескія фамиліи суть только самомалѣйшая часть ея. Да изъ кого же состоитъ она? Это трудно было бы объяснить, еслибы не было отвѣта императора Павла королю Шведскому: «у меня нѣтъ въ Россіи другихъ знатныхъ, кромѣ тѣхъ, съ которыми говорю и пока я съ ними говорю». А между тѣмъ сколько разъ случалось мнѣ слышать отъ людей, принадлежащихъ къ высшему кругу, что они совсѣмъ не нуждаются въ милостяхъ двора и существуютъ совсѣмъ отъ него независимо. И тогда было нѣчто на то похожее. Я помню, жена князя Ѳео-

дора Голицына, урожденная Прозоровская, разъ спросила у меня: «Я слышала, вы знакомы съ Козодавлевыми (министръ внутреннихъ дѣлъ и жена его, урожденная Голицына же); скажите мнѣ, чтó это за люди и чтó у нихъ за общество, я понятія о томъ не имѣю; ихъ племянница Щербатова очень искала моего знакомства, я бы не прочь, да какъ то случая не было». Другой разъ уже г-жа Козодавлева сказала мнѣ: «Я вчера провела вечеръ на балѣ у Барклаевой; мужья наши министры, и я принуждена была туда ѣхать; я встрѣтила тамъ вашу сестру и чрезвычайно ей обрадовалась, какъ единственной своей знакомкѣ. Чтó это за фигуры! Вы понимаете, что это совсѣмъ не мое общество». Такъ всѣ старались стать одна выше другой. До революціи аристократію составляли всѣ тѣ, коимъ хорошо было у двора; а при дворѣ Екатерины хорошо было всѣмъ тѣмъ, кои съ весьма извѣстнымъ именемъ, съ большимъ состояніемъ умѣли пріятно объясняться и болѣе или менѣе быть любезными. Послѣ революціи число аристократовъ умножилось прибытіемъ изъ Парижа бѣжавшихъ ихъ собратій, которые потеряли прежнюю веселость духа и вездѣ видѣли плебеевъ-заговорщиковъ; тогда высшее общество совсѣмъ офранцузилось, сдѣлалось гордѣе, недоступнѣе, стало отталкивать тѣхъ, кои не имѣли предписанныхъ имъ формъ и, по наущенію эмигрантовъ, начало сражаться съ фантомами, которымъ наконецъ дало существенность. При Александрѣ оно было просто котерія, которая взяла себѣ девизомъ: никто ни уменъ, ни знатенъ, кромѣ насъ и нашихъ. Странно вспомнить: ни высокій чинъ, ни княжеское старинное имя, ни придворныя званія камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, ни большой умъ и познанія преимущественно никакъ тутъ не давали правъ, въ этотъ храмъ не отпирали дверей, а однѣ только прихоти заключающихся въ немъ. Напримѣръ, одинъ торгашъ, Грекъ Пали, весьма проворный, изворотливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ надменный, помогалъ мотоватымъ великимъ господамъ занимать деньги; кажется, должность не высокая, но онъ умѣлъ себя поставить на такую ногу, что обходился съ ними какъ съ равными, около нихъ же наживаясь; въ ихъ кругу прожилъ вѣкъ и состарился, изъ него на всѣхъ смотритъ свысока и бѣда тому, о комъ онъ скажетъ: я его вовсе не знаю. Другіе мерзавцы знатнымъ особамъ обоего пола помогали въ ихъ любовныхъ дѣлахъ, за эти великія услуги были ими всюду вводимы, всюду приняты. Иногда хорошенькій юноша, ничѣмъ не отличающійся кромѣ силы и красоты, полюбится какой-нибудь старой или молодой боярынѣ и тотчасъ подъ ея покровительствомъ между знатью получаетъ право гражданства. А сколькихъ Гагариныхъ, Волконскихъ, Трубецкихъ, весьма порядочныхъ и образованныхъ людей, которымъ отказано было въ пріемѣ, знавалъ я. Я не совсѣмъ это

осуждаю: нельзя знакомиться съ цѣлымъ міромъ; но если хочешь быть уваженъ, умѣй выбирать своихъ знакомыхъ и пріятелей; а если они дурны, не презирай тѣхъ, которые лучше ихъ.

Нынѣ все это совершенно измѣнилось. Было нѣкогда у насъ увѣсистое боярство, послѣ того довольно вѣрная копія съ Французской аристократіи прошедшаго вѣка. Что такое нынѣ? Право, не разберешь. Немного есть еще людей, которые хвастають тѣмъ, что ѣздятъ на скучные вечера старыхъ штатсъ-дамъ играть съ ними въ вистъ или въ бостонъ; все стремится къ наслажденіямъ, туда, гдѣ раззолоченные салоны, гдѣ объѣденіе, шумъ, музыка и пляска. Въ Петербургѣ между тѣми, коихъ мы называемъ знатными, есть довольно еще людей богатыхъ, чтобы общество не имѣло нужды бросаться на вечера къ людямъ, коихъ извѣстность и Фортуна вчера созданы; въ Москвѣ же барская спѣсь совсѣмъ преклонила выю передъ золотымъ тельцомъ. Лучше ли это? По моему, нѣтъ. Но обо всемъ этомъ еще рѣчь впереди.

Не смѣшны ли иностранцы, когда въ печатныхъ сочиненіяхъ своихъ они такъ важно разсуждаютъ о могуществѣ древней Русской аристократіи, коего само правительство имѣетъ причины опасаться? И г. Альмагро *), кажется, утвердилъ ихъ въ семъ мнѣніи. Долго почти всѣ мы знали о себѣ только изъ Французскихъ и Нѣмецкихъ книгъ; намъ казалось, что до Петра Великаго у насъ былъ хаосъ, тьма, времена неизвѣстныя, миѳическія. Были однакоже писатели, Ломоносовъ, Щербатовъ, Татищевъ, Болтинъ, которые усердно и пристально занимались отечественной исторіей; но ихъ читали только люди, исключительно посвятившіе себя наукѣ. Первый Карамзинъ, очаровательнымъ слогомъ своимъ освѣтивъ нашу древность, показалъ намъ, сколь она привлекательна; но въ огромной картинѣ творенія своего не могъ онъ помѣстить всѣхъ подробностей. Тогда для любопытныхъ, имъ разохоченныхъ, желающихъ проникнуть въ эту глубину, явилось множество небольшихъ свѣтильниковъ. Въ числѣ ихъ находится одинъ писатель, мало въ свѣтѣ извѣстный, а по моему мнѣнію въ этомъ дѣлѣ болѣе всѣхъ оказавшій услуги, трудолюбивый профессоръ Харьковскаго университета Успенскій, сочинитель опыта *Повѣствованія о древностяхъ Русскихъ.* Если бы прежде прочтенія его книги меня кто-нибудь сталъ увѣрять, что до Петра Великаго у насъ не было родоваго наслѣдственнаго дворянства, я бы сказалъ ему, что онъ вретъ. Въ этой книгѣ такъ ясно и просто изложены доказательства о томъ, кто изъ нашихъ

*) Одинъ князекъ Долгоруковъ, который подъ симъ именемъ написалъ Французскую брошюрку.

и какими правами пользовался, что всякій скоро пойметъ, и мнѣ хочется сказанное въ ней какъ можно вкратцѣ передать читателю.

Успенскій утверждаетъ, что у насъ первоначально было только два класса свободныхъ людей, изъ коихъ одни передъ другими пользовались большими преимуществами; одни плѣнные были рабами. Онъ сравниваетъ это съ обычаями древнихъ Германцевъ, у коихъ также были Männer и Leute; онъ основываетъ это болѣе на сходствѣ именъ: мужи или бояре и людины. Если оно было такъ, то вѣрно уже не между Славянами, а вѣроятно введено Норманами-Варягами, единоплеменными и, если можно сказать, единообычными съ Германцами. Только послѣ утвержденія великаго княженія въ Москвѣ, при Димитріѣ Донскомъ, начинаетъ показываться то, что̀ мы нынѣ называемъ чины и мѣста. Также какъ нынѣ четырнадцать, первыхъ было тогда восемь степеней, и вотъ онѣ: 1) бояре, 2) окольничіе, 3) думные дворяне, 4) стольники, 5) стряпчіе, 6) дворяне, прежде гридни, 7) жильцы, 8) дѣти боярскія. Носящіе сіи званія могли занимать вмѣстѣ и должности воеводъ, намѣстниковъ, печатниковъ, стряпчихъ съ ключемъ (камергеровъ), по военной части становщиковъ и знаменщиковъ и рындъ (родъ фл.-адъютантовъ). Одни только думные дьяки, дьяки и подьяки, всѣ изъ духовнаго званія, были нѣчто отдѣльное, не очень любимое, но при тогдашней всеобщей безграмотности по необходимости многопочитаемое: это были наши статсъ-секретари, оберъ-секретари и секретари. Все тѣже первостепенные, вышепоказанные (назовемъ ихъ чиновники) занимали и главныя должности при дворѣ: 1) *дворецкаго*, оберъ-гофмаршала, 2) *конюшаго*, и 3)*ясельничаго*, оберъ-шталмейстера и шталмейстера, 4) *крайчаго*, оберъ-шенка, 5) *постельничаго*, оберъ-камергера, 6) *оружейничаго*, 7) *казначея*, 8) *ловчаго*, оберъ-егермейстера, 9) *сокольничаго*, егермейстера и 10) *чашника*, мундшенка. Потомъ люди изъ тѣхъ же чиновниковъ пониже занимали мелкія должности комнатныхъ дворянъ, путевыхъ ключниковъ, шатерничаго и другихъ. Также подробно входитъ онъ въ описаніе состоянія смердовъ, половниковъ, холопей, кабалы, всѣхъ низшихъ классовъ; но сіе до предмета моего не касается. Выбравъ изъ него нѣкоторыя мѣста, постараюсь показать, какая въ старину у насъ была знатность.

Во времена Владимира и вообще до нашествія Татаръ, когда были *бояре* да *люди*, говоритъ онъ, «къ потомкамъ, отличившимъ себя храбростію и прославившимся въ ратоборныхъ подвигахъ народъ всегда сохранялъ преимущественное уваженіе, которое они должны были поддерживать или богатствомъ своимъ, или личными достоинствами; а безъ того, лишась своего наслѣдственнаго предъ другими преимущества, входили въ сословіе *людей*. Сіи, потомъ находясь подъ начальствомъ и руководствомъ бояръ, могли опять пріобрѣтать

богатства, почести и уваженіе службою, трудами и храбростію; а, снискавъ оныя, паки удобно поступали въ сословіе *мужей* и званіе сіе оставляли *иногда* въ наслѣдіе дѣтямъ своимъ».

Гораздо далѣе вотъ что еще говоритъ онъ: «Въ старину дворянинъ былъ у насъ тотъ, кто въ сей чинъ жалованъ по указу государеву лично. Сіе достоинство давалось тогда на одну особу, но въ родъ и дѣтямъ въ наслѣдство не переходило; словомъ, дворянство составляло чинъ, а не званіе. Дворяне назывались отъ двора государева, къ которому имѣли всегда свободный доступъ и отправляли при ономъ нѣкоторыя должности. Въ дворяне жаловали государи не токмо жильцовъ, но часто изъ думныхъ людей, и даже княжескія дѣти въ семъ чинѣ служить начинали». Изъ князей жаловать въ дворяне! Да отъ этого вскрикнешь.

Вотъ еще слова его: «Ни въ которомъ архивѣ, говоритъ ученый Миллеръ, точныхъ указаній о дворянствѣ до временъ Петра Великаго не находится и, кажется, продолжаетъ онъ, что и въ самомъ дѣлѣ оныхъ не было; потому что еслибъ они были и утратились, то бы когда-нибудь, по какимъ ни есть дѣламъ, въ грамотахъ, указахъ, челобитныхъ, приговорахъ и выписяхъ на оныя ссылались; но сего вовсе не видно. Вмѣсто указаній служили древнія обыкновенія».

Я продолжаю выписывать изъ Успенскаго. «Въ старину не было въ Россійскомъ языкѣ таковаго слова, которое бы означало то, что мы нынѣ разумѣемъ подъ названіями дворянинъ и дворянство. Равнымъ образомъ и на другихъ Славянскихъ языкахъ такого слова нѣтъ; а Польское шляхтичъ и шляхетство заимствовано отъ Нѣмецкаго Geschlecht. Чинъ дворянина былъ невысокій и не наслѣдственный, хотя изъ него происходили въ стольники и доходили иногда до боярства. Нестерпимо было бы тогда боярину, еслибъ сказали ему, что онъ дворянинъ. Когда же, при Петрѣ Великомъ, старые чины были оставлены, то слово дворянинъ введено въ употребленіе за общее названіе всѣхъ, которые находились въ старыхъ чинахъ. Миллеръ справедливо удивляется, что таковая немаловажная перемѣна во всей Россіи произведена съ великимъ единомысліемъ, безъ особливаго о томъ указа и безъ обнародованнаго отъ верховныхъ судебныхъ мѣстъ опредѣленія; а извѣстно де только то, что перемѣна сія послѣдовала по возвращеніи Государевомъ изъ перваго путешествія въ чужіе краи».

О князьяхъ вотъ что онъ глаголетъ: «Іоаннъ Васильевичъ, совокупя подъ единоначаліе удѣльныя княжества, включилъ въ число бояръ и удѣльныхъ князей, а потомки ихъ остались въ числѣ простаго дворянства. Нѣкоторые изъ князей, пришедъ въ бѣдность, записались въ дѣти боярскія и титулъ княжескій оставили. Когда царства Казанское и Астраханское присовокуплены къ Россіи, тогда находившееся въ оныхъ многочисленное Татарское дворянство, извѣстное подъ названіемъ мурзъ, опасаясь, что ихъ сравнятъ съ простолюдинами, просили побѣдителя о своемъ отъ простаго народа отличеніи наименованіемъ ихъ князьями».

Вышесказанное не доказываетъ ли намъ, что въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, не смотря на перемѣну названій, мы все держимся

прежняго порядка и сохраняемъ прежнія повѣрія? Обычай есть сильный царь, котораго Петръ Великій не совсѣмъ побѣдилъ. Какъ у древнихъ, такъ и у новѣйшихъ Восточныхъ народовъ нѣтъ такой привилегированной касты, праздной, безполезной, которая бы съ тѣмъ вмѣстѣ пользовалась наслѣдственнымъ правомъ на уваженіе другихъ сословій. Не знаю, какъ было въ Византійской имперіи; чего не знаю того сказать не могу; только кажется, что послѣ паденія ея, потомки побѣжденныхъ должны бы сохранить какія нибудь письменныя или словесныя преданія о преимуществахъ предковъ своихъ; а этого нѣтъ. У Турокъ, сынъ верховнаго визиря, пока не поступитъ въ султанскую службу, равенъ сыну всякаго поселянина. Замѣчено, что особенно всѣ Славянскіе народы имѣютъ врожденное отвращеніе отъ всякой наслѣдственной аристократіи, наслѣдственнаго дворянства.

Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, что̀ въ старину была Россія, стоитъ только съѣздить въ Молдавію и Валахію. Тамъ найдете вы и понынѣ пять крупныхъ чиновъ подъ общимъ Славянскимъ названіемъ бояръ; другіе пониже и, наконецъ, нѣсколько мелкихъ чиновъ, всего четырнадцать. Между ними найдете вы и Латинскій титулъ спатаря, и Славянскій постельничаго, исправника, шатраря, и Греческій логоѳета, и Турецкій аги. Тамъ чинъ есть должность; но, по оставленіи послѣдней, сохраняется первый. Не подумайте однакоже, чтобы шатрари, медельничеры, житничеры могли надѣяться когда либо попасть на высокія степени: вѣками засѣвшіе въ боярствѣ Стурдзы, Россеты, Бальши, Гики и другіе ихъ къ нимъ не подпустятъ; они берегутъ эти мѣста для сыновей, которые, не занявъ ихъ и гнушаясь послѣдними мѣстами, остались бы въ податномъ состояніи. Всѣ эти вышепоимянованныя мною первостатейныя семейства крѣпко держатся между собою, и ни которое изъ нихъ не согласилось бы войдти въ брачный родственный союзъ съ какимъ нибудь Балачаномъ, Прункулемъ или подобнымъ имъ, хотя бы разбогатѣвшимъ человѣкомъ. Вотъ аристократія на дѣлѣ (de fait), а не по праву (de droit). Когда Бессарабію отъ Молдавіи отмежевали къ Россіи, и нужно было приступить къ выборамъ, то подавай дворянъ. А гдѣ ихъ взять? Ихъ никогда и не бывало. Ну вынь, да положь. Что̀ дѣлать? Такъ и быть: всѣхъ мелкочиновныхъ Молдаванъ пожаловали въ сіе званіе, и какъ Молдавскій языкъ на половину состоитъ изъ Славянскихъ словъ, то между ними это невѣдомое названіе и легко нашло себѣ мѣсто.

Подобно сему, если и у насъ не было наслѣдственнаго дворянства, то было нѣчто лучше его: были знаменитые роды, родословные люди, какъ ихъ тогда называли. Они съ точностію вписывали въ книги имена дѣтей своихъ, числа ихъ рожденія и брака, ихъ и свои дѣянія,

награды за то отъ царей получаемыя и съ сими документами, не совсѣмъ безполезными для самой Исторіи, считались съ равными и мѣстничали. Чтобы не упасть, чтобы съ цѣлымъ племенемъ своимъ удержаться на вершинѣ, нужны имъ были величайшая дѣятельность, безпрестанно возобновляемыя усилія. Я увѣренъ, что всѣ обрадовались наслѣдственному праву, которое даровалъ Петръ Великій созданному имъ дворянству. Это умножило его силу и число приверженцевъ его; въ стремленіи своемъ подражать Западу скоро установилъ онъ и майораты. Сіи ошибки великаго человѣка при немъ не могли быть очень важны (еще не было дано вольности дворянству), и посреди его водрузилъ онъ *чинъ*, что̀ на Русскомъ языкѣ въ настоящемъ смыслѣ значитъ *порядокъ* или степень *). Не разъ приходится мнѣ сказать, что Нѣмцы часто неумышленно дѣлаютъ много добра Россіи. Биронъ, въ бѣшеной злости своей на Русскую знать, склонилъ императрицу Анну уничтожить законъ о майоратствахъ и тѣмъ цѣлой Россіи оказалъ великую услугу. За то другіе Нѣмцы, подальновиднѣе его, болѣе ознакомленные съ характеромъ нашей націи, предложили Петру III-му издать знаменитую грамоту о вольности дворянства. Они были увѣрены, что, обезпеченные на счетъ правъ своего потомства, лѣнивые наши дворяне станутъ убѣгать отъ службы, и всѣ мѣста, вся власть останутся въ ихъ рукахъ. Но древній обычай служить не могъ такъ скоро измѣниться; презрительное названіе недоросля всѣмъ было противно, и Екатерина, особенно въ семъ дѣлѣ дѣйствительно мудрая, умѣла дворянство заманивать въ службу, возбуждая въ немъ честолюбивую зачесь и въ молодости облегчая ему всѣ средства къ быстрому повышенію; за то умѣла также останавливать нетерпѣніе его при достиженіи высшихъ степеней. Все предвидѣнное Нѣмцами Петра III-го должно было въ наше время только сбыться.

Всѣ Славянскіе народы менѣе или болѣе одарены храбростію, добродушіемъ и смышленостію; но грѣха таить нечего, съ тѣмъ вмѣстѣ они лѣнивы, нетерпѣливы, алчны къ чувственнымъ наслажденіямъ, золоту, ихъ доставляющему, небрежны, тщеславны болѣе, чѣмъ горды и честолюбивы: почти у каждаго изъ нихъ на высотѣ кружится голова. Оттого-то вездѣ должны были они уступать и покоряться или дикой энергіи Турокъ или твердости Германскихъ народовъ, не болѣе ихъ храбрыхъ, но гораздо болѣе ихъ хладнокровныхъ, терпѣливыхъ, осторожныхъ, разсудительныхъ и разсчетливыхъ. Одна Россія, выросшая подъ прессомъ тяжкихъ испытаній, выправленная, направленная

*) Чинъ—ordre. Монахи по чину Св. Василія, religieux de l'ordre de S-t Basile. Благочиніе, благоустройство. Безчиніе, безчинство, безпорядокъ.

къ великому, могла въ двѣсти лѣтъ совершить такъ много чудесъ. У Славянъ для вельможей, аристократовъ, въ чаду ихъ личныхъ успѣховъ, нѣтъ отечества; во времена мирныя, спокойныя, нѣтъ его у народа и у людей средняго состоянія; одна только царская власть дорожитъ имъ: ибо ея выгоды тѣсно связаны съ его благосостояніемъ. Олигархія всегда была гибелью Славянскихъ государствъ. Галицкое княжество или королевство лишилось существованія, благодаря хищности бояръ своихъ, продававшихъ его попеременно то Венгріи, то Польшѣ, и навсегда отторгнуто отъ единоплеменной Россіи. Источниками всѣхъ несчастій Польши были несмѣтныя богатства и необузданная власть ея магнатовъ, вѣчныхъ противниковъ короля. Изъ видовъ корысти или честолюбія предавали они отчизну: Чарторижскіе—Австріи, Браницкіе, Потоцкіе, Коссаковскіе—Россіи. Оковы, въ которыхъ Австрія держитъ Богемію, суть также Лобковичи, Кинскіе, Сѣдлницкіе, Коловраты, Чернины и другіе первые вельможи Чешскіе. А у насъ бояре (разумѣется, не всѣ) искони любили не свое, питали вражду къ непреклоннымъ, благороднымъ, вѣрнымъ сынамъ отечества, не сгибающимъ предъ ними хребта, и покровительствовали измѣнниковъ, льстившихъ ихъ самолюбіе. Не они ли умнаго Алексѣя Михайловича умѣли почти поссорить съ доблестнымъ Хмѣльницкимъ и отравить послѣдніе дни почтеннаго мужа, подарившаго насъ Украйной? Не они ли были друзьями Мазепы? Не они ли на счетъ его ввели въ заблужденіе прозорливаго Петра и склонили выдать предателю двухъ вѣрныхъ обвинителей его? А нынѣ что̀ уже и говорить! Даже тѣ, которые занимаютъ первыя мѣста въ государственномъ управленіи, половину жизни проводятъ за границей; а если въ отставкѣ, то непремѣнно тамъ поселяются. Какъ быть, не мила имъ Россія, и особенно противна ихъ женамъ. Вся вина возлагается на дурной климатъ, вездѣ одинаковый отъ Торнео до Ленкорана. Пагубный примѣръ сихъ господъ множество Русскихъ, даже провинціаловъ, превращаетъ въ странствующихъ Жидовъ. Примѣчательно, что Русскій народъ, въ томъ числѣ купцы и малочиновные, имѣетъ инстинктивное отвращеніе отъ аристократіи *). Вообще этотъ народъ слѣпо повинуется по необходимости, не любитъ надъ собою властей, обожаетъ одну только царскую, и то сильную и побѣдоносную. Мнѣ случалось иногда въ присутствіи самихъ аристократовъ объясняться нѣ-

*) Лѣтъ тридцать поболѣе тому назадъ, давали еще водевиль г. Малиновскаго или оперу весьма незамысловатую подъ названіемъ „Старинные Русскіе Святки". Она оканчивалась куплетами; когда запоютъ: „Слава Богу на небѣ, Русскому царю на земли слава!" а потомъ: „Слава храброму Русскому воинству, слава!" то отъ рукоплесканій можно было оглохнуть. Когда же запоютъ: „Слава великимъ Русскимъ боярамъ-вельможамъ, слава!" бывало, ни одна рука не подымется, чтобы ударить въ ладоши.

сколько откровенно на счетъ сомнительности ихъ правъ; тогда, взглянувъ на меня съ презрѣніемъ, давали они мнѣ чувствовать, что почитаютъ меня Якобинцомъ; а мнѣ хотѣлось отвѣчать имъ стихомъ Буало:

Qui n'aime pas Cotin, n'aime pas son roi
Et n'a, selon Cotin, ni Dieu, ni foi, ni loi.

Теперь намъ извѣстно, что̀ такое были бояре въ старину. Знаемъ также, что въ новѣйшія времена аристократія наша была довольно вѣрной копіей съ Французскаго подлинника: гордость свою прикрывала учтивостію и нестрогую нравственность благопристойностію. Всего затруднительнѣе представить послѣднюю ея метаморфозу—нынѣшнее загадочное ея состояніе. Здѣсь не мѣсто, а найдется при описаніи настоящихъ временъ. Конечно во всѣ времена аристократія была у насъ царство прозябаемыхъ, которые не иначе могли зрѣть и возрастать какъ согрѣваемые сильными лучами солнышка-царя; однакоже были и люди, болѣе всѣхъ пользующіеся довѣренностію Государя, которые аристократами не почитались и о коихъ они говорили съ презрѣніемъ, напримѣръ Аракчеевъ. Я увѣренъ, что еслибъ онъ говорилъ по-французски, ѣздилъ въ общества и имѣлъ у себя швейцара, то между ними былъ бы не послѣдній. Но этотъ странный человѣкъ почиталъ себя ихъ выше и довольствовался тѣмъ, что видѣлъ всѣхъ ихъ ползающими у ногъ его.

Нынѣшняя Россія является мнѣ какъ бы высокая гора, коей вершина ярко озарена свѣтомъ царскаго величія. Съ одной стороны толпы людей взбираются, лѣзутъ по дорогѣ, къ ней ведущей, уставленной гранями; нѣкоторые, болѣе счастливые или проворные, бѣгомъ бѣгутъ по крутизнѣ; иные, уставъ, останавливаются; иные же совсѣмъ обрываются. Одно, два, много три поколѣнія остаются на темѣ горы; потомъ съ противоположной стороны начинаютъ спускаться все ниже и ниже, многіе изъ нихъ внизъ катятся кубаремъ въ ту мрачную долину, которая у подошвы горы наполнена миліонами людей. Однакоже исходъ изъ нея открытъ: вмѣстѣ съ тѣми, которые никогда изъ нея не выходили, падшіе могутъ опять подыматься вверхъ. Мнѣ кажется, ничего не можетъ быть естественнѣе этого кругообращенія. Пусть бы оно такъ и оставалось, пусть бы аристократія наша продолжала существовать въ томъ безтолковомъ видѣ, въ которомъ находится; дай Богъ ей много лѣтъ здравствовать! Но увы, большія общія перемѣны не перестаютъ угрожать намъ; одинъ Господь знаетъ, что́ мы такое: консерватёры или реформатёры? Давно уже сбираются истребить чины, то есть порядокъ, учрежденный Великимъ Петромъ, которымъ замѣнилъ онъ прежній порядокъ, который ничѣмъ замѣнить нельзя и который одинъ исправилъ всѣ его ошибки. Говорятъ, что общее мнѣніе того требуетъ. Дѣйстви

тельно, лѣнивое и тщеславное дворянство наше твердитъ о томъ; сотни тысячъ отставныхъ поручиковъ и регистраторовъ, владѣльцы сотни, двухъ или трехъ сотъ душъ, населяющихъ Москву и провинціи, желаютъ, чтобы ихъ праздность, безполезность, ничтожество поставлены были наравнѣ или даже выше заслугъ трудолюбивыхъ людей; злонамѣренные же люди замышляютъ изъ рукъ правительства исхитить важнѣйшій способъ къ поощренію ему преданныхъ.

Не знаю, правда ли, а говорятъ, что затѣваютъ нѣчто еще худшее, что хотятъ возстановить майораты. Да къ какой стати? спрашивается. Или смѣшная, жалкая страсть къ подражаніямъ такъ еще въ насъ сильна, что мы хотимъ вводить у себя даже обветшалое на Западѣ, то, чтò, подобно полуразрушеннымъ его замкамъ, сегодня или завтра должно упасть. Къ счастію, можно предсказать, что сначала это встрѣтитъ большія затрудненія въ исполненіи. Но кто можетъ знать будущее? Огромныя состоянія будутъ возрастать и увѣковѣчиваться въ рукахъ немногихъ семействъ и умножать силу владѣльцевъ своихъ. Не смотря на слишкомъ поздно принятыя мѣры, дворянство безпрестанно будетъ размножаться и тяжестію числа непремѣнно канетъ на дно. Мѣста привлекаютъ еще къ себѣ большимъ жалованьемъ; но ихъ такъ умѣли уронить въ мнѣніи, что въ отставкѣ носимыя ихъ названія никакого не будутъ возбуждать уваженія: чины уничтожатся. Чтò же останется? Высокомощіе бояръ. Тогда-то водворится у насъ Европа; тогда-то воскреснутъ между нами средніе ея вѣка; о, блаженное время! Или лучше сказать, постигнетъ насъ участь благополучной Польши съ ея завидной анархіей, и наши Юсуповы будутъ созывать сеймы, составлять конфедераціи. Хороши мы тогда будемъ! Право, уже лучше бы удѣльныя княжества! Богъ вамъ судія, господа великіе законодатели наши, великіе преобразователи; дѣлайте по своему, только будете отвѣчать Ему и потомству. Если всѣ наши государи, подражая Петру Великому, захотятъ все перестроивать, то неизбѣжно ослабнутъ подпоры государственнаго зданія и, наконецъ, оно рухнется вмѣстѣ со спасительною въ существѣ, но неискусно употребленною ихъ властію.

Удалившись отъ суетъ міра сего и его превратностей, мнѣ бы хотѣлось и слѣдовало жить только въ прошедшемъ и даже въ давно прошедшемъ и о немъ только вѣщать. Но какъ быть? Я еще живъ, не ослѣпъ, не оглохъ, не могу не знать и не видѣть происходящаго вокругъ меня. Такимъ образомъ, говоря о быломъ, какъ избѣгнуть того, чтобъ иногда не коснуться настоящаго? У меня нѣтъ ни родныхъ, ни друзей, я все пережилъ, всего лишился, ко всему охладѣлъ; даже между оставшимися у меня родными нѣтъ ни одного, въ которомъ бы я могъ найти сочувствіе, единомысліе: состояніе горестное! Но есть чув-

ство, которое, въ милосердіи Своемъ, самъ Создатель, кажется, вложилъ мнѣ въ сердце; оно одно животворитъ меня и привязываетъ къ землѣ, на которой не знаю долго ли буду скитаться. И хотя оно было для меня источникомъ многихъ горестей, я не могу разстаться съ нимъ. Я не назову его: на каждой страницѣ сихъ Записокъ оно само собою высказывается. Все къ нему относится, и если иногда на бумагу изливалась желчь моя, если я позволялъ себѣ порицать моихъ согражданъ, то клянусь, что съ сокрушеннымъ сердцемъ. Еслибы я могъ вдохнуть въ нихъ національное самолюбіе, которому непремѣнно уступило бы мѣсто жалкое, мелочное, личное ихъ самолюбіе, съ какою радостію я осыпалъ бы ихъ похвалами! Я то и дѣлалъ, когда случай къ тому представлялся. Было время, когда въ Россіи некого было осуждать, и я приступаю къ его изображенію.

III.

Менѣе полуторы тысячи верстъ отдѣляютъ Пензу отъ Петербурга. Въ нашемъ необъятномъ государствѣ, кажется, пространство не слишкомъ великое, а насчетъ любопытныхъ извѣстій оттуда мы жили словно въ Иркутскѣ. Горизонтъ нашъ былъ весьма ограниченъ; еще менѣе чѣмъ въ Москвѣ думали мы о томъ что̀ насъ ожидаетъ, и вседневный вздоръ, который слышалъ я вокругъ себя, непримѣтно успокоивалъ волнуемую страхомъ душу мою.

Первая важная вѣсть, которую получили мы въ концѣ Марта, была о неожиданныхъ отставкѣ и ссылкѣ Сперанскаго; но эта вѣсть громко разнеслась по всей Россіи. Не знаю, смерть лютаго тирана могла ли бы произвести такую всеобщую радость. А это былъ человѣкъ, который никого не оскорбилъ обиднымъ словомъ, который никогда не искалъ погибели ни единаго изъ многочисленныхъ личныхъ враговъ своихъ, который, мало показываясь, въ продолженіи многихъ лѣтъ трудился въ тишинѣ кабинета своего. Но на кабинетъ сей смотрѣли всѣ какъ на Пандоринъ ящикъ, наполненный бѣдствіями, готовыми излетѣть и покрыть собою все наше отечество. Всѣ были увѣрены, что неоспоримыя доказательства въ его виновости открыли, наконецъ, глаза обманутому Государю; только дивились милосердію его и роптали. Какъ можно было не казнить преступника, государственнаго измѣнника, предателя, и довольствоваться удаленіемъ его изъ столицы и устраненіемъ отъ дѣлъ! Не менѣе того сію мѣру, слишкомъ строгую, если человѣкъ былъ безвиненъ, торжествовали какъ первую побѣду надъ Французами. Многіе, помню, приходили меня съ этимъ поздравлять и, виноватъ, я принималъ поздравленія.

Непонятно также казалось молчаніе хранимое вѣдомостями о столь важной перемѣнѣ, тогда какъ онѣ всегда возвѣщали объ отставкѣ чиновниковъ, невысокія мѣста занимавшихъ. Оттого многіе не хотѣли вѣрить своему счастію, пока изъ сосѣдняго Нижняго Новгорода, совсѣмъ неужаснаго мѣста заточенія его, не были получены точныя свѣдѣнія о прибытіи его туда, о снисходительномъ пріемѣ сдѣланномъ ему губернаторомъ и объ уединенномъ образѣ жизни, который онъ началъ тамъ вести. Между тѣмъ слухъ о его измѣнѣ, настоящей или мнимой, распространился и между простымъ народомъ: не подозрѣвая того, лѣтомъ отправился онъ взглянуть на Макарьевскую ярмарку; проходя гостинымъ дворомъ, онъ едва не былъ умерщвленъ разъяренною чернью и спасся черезъ лавку знакомаго ему купца. Главное тогда областное начальство, желая будто спасти дни его, а вѣроятно движимое местію, отправило его на жительство въ холодный, скучный губернскій городъ Пермь.

Уже давно все это было, уже давно нѣтъ того, кто былъ благомъ и казнію Сперанскаго, его самаго уже нѣтъ; а повѣсть объ его изгнаніи все еще остается для насъ загадкою, и вѣроятно даже потомствомъ нашимъ не будетъ разгадана. Въ преданіяхъ Русскихъ она останется тоже что̀ во Франціи исторія о Желѣзной маскѣ. Я полагаю, что онъ былъ виновенъ, но не совсѣмъ. Сопровождая Александра въ Эрфуртъ, онъ былъ очарованъ величіемъ Наполеона; замѣчено уже, что всѣ люди, изъ ничего высоко поднявшіеся, не смѣя завидовать избраннику счастія и славы, видѣли въ немъ свой образецъ и кумиръ и почтительнѣе другихъ ему поклонялись. Мало заботясь объ участи отечества, будучи увѣренъ, что Наполеонъ одолѣетъ насъ, могъ онъ отъ послѣдствій сей войны ожидать чего-то для себя полезнаго, могъ питать какія-нибудь неясныя надежды; но чтобъ онъ вошелъ въ тайныя сношенія съ непріятелемъ, это дѣло невозможное: онъ былъ слишкомъ остороженъ. Какъ ни воздерженъ былъ онъ въ рѣчахъ своихъ, но пріятныхъ, сильныхъ своихъ ощущеній при имени нашего врага онъ скрывать не могъ. Въ глазахъ людей, окружавшихъ Царя, и особенно сестры его, Екатерины Павловны, это одно уже было великое преступленіе и было важнѣйшимъ орудіемъ къ обвиненію его. Въ безпокойствѣ духа, въ которомъ находился Государь при ожиданіи великихъ событій, предался онъ подозрѣніямъ и рѣшился величію обстоятельствъ принести великую жертву. Вся Россія требовала ея, и на этотъ разъ только въ гласѣ народа послышался Александру гласъ Божій. Иначе я этого дѣла объяснить не умѣю.

Не помню, какой-то Французскій писатель (нынѣ ихъ такъ много),

но уже вѣрно не добрый человѣкъ *), сказалъ, что въ несчастіяхъ самихъ друзей нашихъ, для всякаго изъ насъ есть всегда какая-нибудь отрадная сторона. Мнѣ кажется напротивъ: я не скрою, что, паденіе Сперанскаго мнѣ было пріятно, ибо я раздѣлялъ общее мнѣніе объ немъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ, вспоминая его счастливые дни, представляя себѣ страданія его при переѣздѣ изъ одной ссылки въ другую, подъ проклятіями народными, грустное чувство противъ воли моей закрадывалось мнѣ въ сердце.

На мѣсто его посаженъ былъ старый вице-адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ, плохой писатель, но самый пылкій патріотъ. Вездѣ, гдѣ говорилъ я о литературѣ нашей, имя его всегда поминается. Вскорѣ потомъ, въ Апрѣлѣ, отправился онъ къ арміи съ Государемъ въ Вильну. Изъ его назначенія могъ я заключить, что люди, отличающіеся особою любовію къ отечеству, должны быть всѣ въ ходу. Мнѣніе сіе подтвердилось другимъ назначеніемъ, сдѣланнымъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

Съ 1809 года начальствовалъ въ Москвѣ старый фельдмаршалъ, графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ. Въ арміи былъ онъ извѣстенъ какъ храбрый генералъ, отнюдь не какъ полководецъ. Онъ умѣлъ хорошо поддерживать высокое званіе главнокомандующаго въ столицѣ, т. е. заставлялъ себѣ повиноваться, окружалъ себя помпой и давалъ официальные обѣды и балы. Можетъ быть, въ зрѣлыхъ лѣтахъ имѣлъ онъ много твердости, но подъ старость она превратилась у него въ своенравіе. Не смотря на то, такъ сказать выживъ изъ лѣтъ, онъ совершенно отдалъ себя въ руки меньшаго брата графа Михаила Васильевича, который слылъ человѣкомъ весьма корыстолюбивымъ. Оттого-то управленіе Москвою шло не лучше нынѣшняго: все было продажное, все было на откупѣ. Подручникомъ послѣдняго былъ какой-то медикъ, Французо-Итальянецъ, если не ошибаюсь, Салватори, и они между собою дѣлили прибыль. Такъ по крайней мѣрѣ всѣ утверждали, и въ тоже время были увѣрены, что медикъ не что̀ иное какъ тайный агентъ Французскаго правительства. Москва находилась далеко отъ театра могущей быть войны, но по какому-то предчувствію на состояніе ея обращено было особое вниманіе правительства. Надлежало непремѣнно смѣнить Гудовича, и Государь сдѣлалъ сіе съ обычными ему привлекательными формами, при весьма лестномъ рескриптѣ, препроводивъ къ нему портретъ свой алмазами украшенный.

Можно сказать, что Александръ былъ вдохновенъ свыше, когда въ преемники ему выбралъ графа Растопчина. Я говорилъ только о

*) Этотъ неизвѣстный писатель былъ извѣстный Ларошфуко. Сію грубую ошибку со стыдомъ пополамъ спѣшитъ исправить не издатель, а самъ сочинитель Записокъ.

дѣйствіи, произведенномъ на меня угрюмымъ лицомъ его, когда въ Петергофѣ, будучи еще отрокомъ, трепетною рукою подалъ я ему просьбу объ опредѣленіи меня въ Иностранную Коллегію, а объ немъ собственно ничего не говорилъ. Когда онъ былъ еще министромъ, а я находился подъ его главнымъ начальствомъ, отецъ его, Василій Ѳедоровичъ, сталъ часто посѣщать зятя моего Алексѣева, тогда полицеймейстера въ Москвѣ. Не разъ случилось мнѣ слышать разсказы его о томъ, какъ онъ выкупился изъ крѣпостнаго состоянія, вступилъ на службу, получилъ небольшіе чины, нажилъ небольшое состояніе, и какъ ничего не щадилъ, чтобы дать хорошее воспитаніе единственному сыну своему. За то сынъ хорошо ему и отплатилъ: пользуясь удобною минутой у щедраго Павла, изъ отставныхъ майоровъ выпросилъ ему прямо чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и Аннинскую ленту. Съ природнымъ необыкновеннымъ умомъ и полученнымъ образованіемъ, молодой Растопчинъ не могъ бы имѣть столь великихъ успѣховъ, если бы не женился на родной племянницѣ Анны Степановны Протасовой, любимицы Екатерины Второй. Черезъ нее попалъ онъ къ большому двору, но предпочелъ ему дворъ наслѣдника въ Гатчинѣ. Это составило его счастіе.

Нѣкоторые люди видѣли въ Растопчинѣ препятствіе къ исполненію ихъ тайныхъ замысловъ; они знали его какъ человѣка благороднаго, твердаго, который ни за что не измѣнитъ благодѣтелю своему и готовъ пожертвовать жизнію, чтобы спасти дни его. Ихъ происки успѣли ниспровергнуть его за нѣсколько дней до кончины Павла. Первый годъ скрывался онъ въ деревнѣ, а потомъ постоянно жилъ въ Москвѣ. Тамъ скоро сталъ онъ наряду съ вельможами, сошедшими съ поприща, коихъ пребываніемъ она такъ гордилась. Это было не легко: всѣ они были семидесяти или шестидесятилѣтніе старцы, а онъ едва перешелъ за сорокъ; всѣ они болѣе или менѣе были древняго происхожденія, а онъ своимъ хвалиться не могъ. За то всѣхъ выше былъ онъ душою и чувствами, и бо̀льшую часть изъ нихъ превосходилъ умомъ. Но это самое нѣсколько вредило ему въ мнѣніи Москвичей. Одна изъ принадлежностей необыкновенныхъ умовъ есть живость ихъ; она отнимаетъ у разговоровъ ихъ ту тяжеловѣсную важность, которая такъ почтенна въ глазахъ глупцовъ: искры ума и воображенія имъ кажутся или опасными для нихъ, готовыми ихъ обжечь, или потѣшнымъ огнемъ, для ихъ забавы сожигаемымъ. Извѣстное острословіе свое умѣлъ Растопчинъ удерживать, пока былъ государственнымъ сановникомъ; но тутъ, сдѣлавшись мирнымъ обитателемъ старой столицы, онъ захотѣлъ сложить оковы этикета, налагаемыя на людей, находящихся въ высокихъ должностяхъ. Тогда далъ онъ волю рѣчамъ своимъ, но скоро

увидѣлъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Можно было найдти тогда въ Москвѣ довольно людей, которые, какъ говорится, были ему по плечу, уже вѣрно болѣе чѣмъ нынѣ: имъ однимъ могъ онъ передавать высокія думы свои, сообщать свои оригинальные разсказы. Съ прочими же обходился онъ просто, былъ словоохотенъ, любилъ пошучивать и употреблялъ съ ними языкъ, которымъ говорятъ совершеннолѣтніе, играя съ дѣтьми. Его не поняли: «Да это видно нашъ братъ», сказали Москвичи, а нѣкоторые даже: «да онъ просто шутъ». Между тѣмъ прилежно изучалъ онъ нравы какъ дворянства Московскаго, такъ и простаго народа. Странный, непонятный былъ онъ человѣкъ! Безъ малѣйшаго отвращенія смотрѣлъ онъ на совершенное отсутствіе мыслей Московскихъ, даже высшихъ обществъ, и чрезвычайно забавлялся ихъ нелѣпыми толками, сплетнями, пересудами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминалъ онъ дни славы своей, время управленія его Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ и союза нашего съ Австріей, когда Русскія войска стояли на границѣ Франціи и готовы бы ворваться въ ея предѣлы. Съ бѣшенною яростію, какую могутъ только чувствовать сильныя души истинныхъ патріотовъ, въ 1807 году видѣлъ онъ, что дѣло пошло наоборотъ, и Наполеонъ недалеко уже отъ Нѣмана. Кажется, что въ раздраженномъ состояніи, въ коемъ онъ находился, наконецъ, надоѣла ему болтовня Московскихъ пустомелей, и онъ излилъ свою на нее досаду въ горькой, язвительной шуткѣ, въ небольшой комедіи, подъ названіемъ: *Вѣсти или Живой Убитый*. Ее прочитали, одни посмѣялись, другіе посердились, и вскорѣ потомъ забыли; а она весьма примѣчанія достойна, какъ изображеніе тогдашнихъ нравовъ. Гдѣ-то отыскалъ онъ или выдумалъ Силу Андреевича Богатырева, одного изъ тѣхъ кремней, изъ коихъ при Екатеринѣ составлена была вся неодолимая Русская армія: такіе люди во множествѣ доживали почтенія достойный вѣкъ свой по закоулкамъ Москвы, и никто не зналъ объ нихъ. Этотъ просваталъ дочь свою за офицера; женихъ на войнѣ, и онъ ждетъ отъ него извѣстій, какъ вдругъ дѣятельнѣйшая изъ вѣстовщицъ безжалостно спѣшитъ объявить ему, что будущій зять его убитъ, съ такими подробностями, которыя не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ истины ея словъ. Все семейство въ отчаяніи, ибо всѣ безъ памяти отъ храбраго молодца; а онъ, получивши отпускъ, является посреди его живъ и здоровъ. Тутъ-то Растопчинъ, подъ маскою разгнѣваннаго старца, принимается позорить злую вѣщунью, ее и подобныхъ ей особъ обоего пола, а она отбранивается по своему. Вотъ неважное содержаніе піесы; послѣдняя

сцена составляетъ двѣ трети оной и, кажется, для нея она была и написана *).

Когда въ 1809 году Императоръ посѣтилъ Москву, то въ первый разъ по воцареніи увидѣлъ Растопчина, сталъ разговаривать съ нимъ и былъ увлеченъ силою и ясностію ума его. Тутъ же онъ сошелся съ Екатериною Павловной, и вслѣдствіе ея приглашеній не разъ навѣщалъ ее въ Твери. Затѣмъ получилъ онъ еще лестнѣйшее приглашеніе прибыть въ Петербургъ, гдѣ его сдѣлали оберъ-камергеромъ и членомъ Государственнаго Совѣта, съ дозволеніемъ жить въ Москвѣ, откуда, по сдѣланной привычкѣ, онъ рѣдко отлучался. Говорятъ, что онъ былъ въ числѣ обвинителей Сперанскаго и что письмо его о семъ предметѣ сильнѣе всего на Государя подѣйствовало.

Всѣ жители Москвы чрезвычайно обрадовались, когда въ исходѣ Мая 1812 года назначили его къ нимъ главнокомандующимъ, съ переименованіемъ въ военный чинъ; только радость была не продолжительна. Онъ выпрямился во всю вышину роста и ума своего, и вдругъ явился грознымъ повелителемъ, съ своими нахмуренными бровями, какъ бы Юпитеромъ-громовержцемъ. Это было необходимо. Онъ совершенно зналъ духъ непокорности дворянъ, зналъ также своеволіе, предразсудки, повѣрія простаго народа; онъ зналъ, что сей послѣдній въ свирѣпомъ видѣ всегда предполагаетъ смѣлость и силу. Сжавъ тѣхъ и другихъ въ мощной рукѣ своей, онъ въ тоже время умѣлъ овладѣть ихъ умами и привязать къ себѣ. Искусство удивительное, которое не умѣли у насъ довольно оцѣнить. Если вспомнить, что Москва имѣла тогда сильное вліяніе на внутреннія провинціи и что примѣръ ея дѣйствовалъ на все государство, то надобно признаться, что заслуги его въ семъ году суть безсмертны.

Третье извѣстіе порадовало меня не менѣе двухъ первыхъ. Когда совсѣмъ потеряли надежду на миръ съ Турками, его заключили въ Бухарестѣ 26-го Мая. Онъ былъ если не весьма славенъ, то по крайней мѣрѣ весьма выгоденъ для насъ. Граница наша отъ Днѣстра отодвинута къ Пруту, на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ; что̀ важнѣе того, Русскіе опять стали на берегахъ, давно, при первыхъ ихъ князьяхъ, знакомаго имъ и никогда не забытаго Дуная, воспѣтаго въ ихъ старинныхъ пѣсняхъ; Бессарабія, мнѣ послѣ столь извѣстная, присоединена къ Россіи.

*) Въ вѣстовщицѣ Маремьянѣ Бобровнѣ Набатовой всякій узналъ знаменитую Настасью Димитріевну Офросимову, лѣтъ сорокъ сряду законодательницу Московскихъ гостиныхъ. Она была воплощенная неблагопристойность, ругала дамъ въ глаза, толкала мущинъ кулаками въ грудь или во что попало и была грозой женщинъ зазорнаго поведенія, пока онѣ совершенно ей не покорялись: тогда брала ихъ подъ свою защиту и покровительство. Поэтому можно посудить о тонѣ тогдашнихъ Московскихъ обществъ.

Сказывали, что Кутузовъ, столь же искусный дипломатъ, какъ и воинъ, провѣдавъ, что, скучая медленностію, съ какою ведетъ онъ переговоры, Государь рѣшился назначить ему преемника (да еще какого же?), тайно просилъ о пособіи Англійское посольство въ Константинополѣ, единственной столицѣ, гдѣ оно могло встрѣтиться съ Французскимъ. Англія, съ которою не былъ еще возобновленъ у насъ союзъ, но которой желательно было умножить силы наши противъ заклятаго ея врага, употребила старанія свои, чтобы помочь Кутузову въ семъ дѣлѣ. Княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости было его наградою.

Черезъ два дня послѣ подписанія мирнаго трактата, прибылъ въ Бухарестъ адмиралъ, Павелъ Васильевичъ Чичаговъ, бывшій морской министръ, и Кутузовъ тогда съ удовольствіемъ передалъ ему главное начальство надъ арміей. Онъ по женѣ былъ Англичанинъ. При таковомъ званіи въ 1807 году счелъ онъ для себя неприличнымъ оставаться въ министерствѣ, когда Россія примирилась съ непріятелемъ имъ избраннаго отечества. Однакоже къ этому непріятелю отправился онъ въ Парижъ и тамъ, видно, имѣлъ великій вѣсъ, ибо самъ собою пошелъ прямо къ Наполеону объявить ему, что при его свадьбѣ не подобаетъ Русской великой княгинѣ Марьѣ Павловнѣ находиться въ толпѣ королевъ и великихъ герцогинь, долженствующихъ окружать его молодую императрицу. Смѣлость его была не безуспѣшна, и по возвращеніи его въ Россію для него не безполезна. Этотъ самолюбивый и мстительный человѣкъ за все хватался и ни въ чемъ не имѣлъ удачи, а можетъ-быть, по нелюбви его къ родимому краю, неудачи его были и умышленныя. Такого человѣка, право, безгрѣшно можно подозрѣвать, особливо послѣ знаменитаго дѣла, коимъ заключилъ онъ свое поприще.

Всѣ эти вѣсти утѣшали и нѣсколько успокоивали меня среди скорби, которая меня окружала, и заботъ, въ кои я былъ погруженъ. Въ это время одно небольшое горе, если только можно назвать его симъ именемъ, посѣтило наше семейство. Вслѣдствіе неотступной просьбы къ Барклаю, тогда начальствовавшему надъ главной арміей, старшій братъ мой, Павелъ, былъ принятъ въ военную службу прежнимъ маіорскимъ чиномъ и опредѣленъ въ Курляндскій драгунскій полкъ. Его по крайней мѣрѣ это чрезвычайно обрадовало: это стирало съ него провіантское пятно, и его увѣдомляли, что онъ долженъ принять сіе какъ знакъ особой милости, ему оказанной. Но для насъ разлука съ нимъ была весьма тягостна, особенно для меня, который терялъ въ немъ опытнаго помощника и друга. Въ первыхъ числахъ Іюня отправился онъ въ армію.

Сколько лѣтъ семейство мое праздновало 12 Іюня, день рожденія покойнаго родителя нашего! Въ этомъ году матери моей угодно было, чтобы сей день отпразднованъ былъ печальнымъ обрядомъ поминовенія надъ его могилою. Ни сама она, ни меньшая сестра, по совершенному разстройству нервъ, не могли тамъ находиться. Мы одни съ старшею сестрой отправились въ село Симбухино и встрѣтили тамъ архимандрита и соборныхъ протоіереевъ съ церковнымъ причтомъ. По окончаніи обѣдни и торжественной панихиды, довольно роскошно угощали мы ихъ трапезой, въ домѣ, недавно отдѣланномъ покойникомъ. Горесть мою время смягчило, ослабило и во время богослуженія молился я усердно о душѣ давшаго мнѣ жизнь, но признаюсь, безъ чувства первой глубокой печали. Во время же обѣда и совершаемой по немъ тризны, вдругъ почувствовалъ я сильное волненіе въ груди; непонятныя мнѣ грусть и тоска овладѣли мною, и, стараясь скрыть невольныя слезы, я даже зарыдалъ. Дѣло чудное: въ семъ тяжкомъ чувствѣ былъ какой-то и восторгъ. Пусть не вѣрятъ предчувствіямъ, пусть смѣются надъ ними, а мнѣ столько разъ возвѣщали они печали и радости, что я принужденъ въ нихъ вѣрить. Наполеонова армія въ этотъ день переправлялась черезъ Нѣманъ.

Съ конца Мая въ Пензѣ царствовала мертвая тишина: всѣ помѣщики разъѣхались по деревнямъ, и самъ губернаторъ Голицынъ, пользуясь даннымъ ему правомъ, съ семействомъ и братьями жилъ у матери въ Зубриловкѣ. Я тоже только два раза въ недѣлю покидалъ Симбухино, чтобы навѣстить мою мать, которой отсовѣтовали жить въ деревнѣ и которая, оставивъ прежде занимаемый ею собственный домъ, гдѣ, какъ говорила, лишилась она своего счастія, жила на горѣ, близъ рощи, въ самомъ уединенномъ углу Пензы, въ небольшомъ домикѣ, состоящемъ изъ трехъ или четырехъ келій. Я не скучалъ деревенскою жизнію и моимъ одиночествомъ; занимался хозяйствомъ, читалъ книги изъ множества въ послѣднее время отцомъ моимъ накупленныхъ, гулялъ по саду, имъ насажденному, бродилъ по рощамъ, наше селеніе окружающимъ, иногда для перемѣны ѣздилъ верхомъ. Ничто не говорило о войнѣ, лѣто стояло прекраснѣйшее, и все было такъ успокоительно. Передъ ярмаркой, къ 24 Іюня, всѣ опять начали сбираться. Въ это время былъ тутъ, не помню изъ арміи или изъ Петербурга, какой-то свитскій полковникъ Энгельсонъ, проѣздомъ въ Оренбургъ. Онъ всѣмъ разсказывалъ, что ничего еще не слыхать о разрывѣ съ Наполеономъ, что посолъ его Лористонъ все еще находится въ Петербургѣ и со многими бьется объ закладъ, что войнѣ не бывать, и что самъ онъ полагаетъ, что безъ нея дѣло обойдется. Я не видѣлъ его, но слышанному повѣрилъ съ провинціальнымъ легковѣріемъ. На-

ходятъ же на людей дни глупости, и на меня чаще чѣмъ на другихъ. Газеты наши, правда, были скромнѣе нежели когда либо; однакоже и въ нихъ видѣли мы, что Наполеонъ прибылъ въ Дрезденъ, что онъ предсѣдательствуетъ въ сонмѣ королей, какъ бы для совѣщанія о великомъ предпріятіи, что самъ тестюшка, императоръ Австрійскій, явился тутъ болѣе въ видѣ главнаго вассала, чѣмъ союзника его и, наконецъ, что король Прусскій (точныя слова газеты) всячески старается ему угодить и ни въ чемъ не смѣетъ отказывать. И послѣ того думать, что громовыя тучи, со всѣхъ концовъ сошедшіяся, сгустившіяся, навислыя, безъ столкновенія опять разойдутся! Однакоже, оно было такъ и, что всего страннѣе, въ Вильнѣ точно также, какъ и въ Пензѣ. И если бы даже предполагать возможность возобновленія союза съ этимъ человѣкомъ, то можно ли было надѣяться, что сіе будетъ безъ величайшихъ пожертвованій для чести и выгоды Россіи? А въ такомъ случаѣ всякому благородно-мыслящему Русскому должно было желать войны, какъ послѣдняго, отчаяннаго средства. Но мы были какъ боязливые люди, которые, встрѣчаясь съ чѣмъ-нибудь ужаснымъ, закрываютъ глаза.

Ярмарка была чрезвычайно многолюдна и шумна. Сдѣлавшись сперва гораздо спокойнѣе, сталъ я и повеселѣе: не отказывался отъ званыхъ обѣдовъ и даже въ Петровъ день, 29-го Іюня, конецъ кратковременной ярмарки, хотя будучи въ траурѣ и не имѣлъ права быть на балѣ, который дворянство давало во вновь выстроенной большой галереѣ, разгуливалъ, однакоже, въ освѣщенномъ вокругъ ея садѣ и все видѣлъ. Я попросилъ бы читателя припомнить себѣ нѣкую Катерину Васильевну Кожину, урожденную княжну Долгорукову, жену любителя и содержателя театра, а тутъ уже вдову, которая, имѣя гораздо болѣе сорока лѣтъ, любила еще невиннымъ образомъ пококетничать. Она избрала себѣ въ обожатели равнаго себѣ, князя Василія, одного изъ меньшихъ братьевъ губернатора Голицына: онъ будто бы влюбленъ былъ въ нее, а я будто бы ревновалъ. Гдѣ-то на вечерѣ 30-го Іюня, пригласила она обоихъ насъ на слѣдующее утро къ ней завтракать; а мы уговорились между собою, чтобъ играть у нея роли, ему торжествующаго, а мнѣ отчаяннаго любовника. Въ пріятномъ ожиданіи этой комедіи, заснулъ я, не зная что на другой день меня ожидаетъ.

IV.

Часу въ одиннадцатомъ утра, 1-го Іюля, зашелъ я къ Голицынымъ, которые жили отдѣльно отъ брата въ купленномъ ихъ матерью особомъ домѣ. Я сталъ торопить князя Василія, чтобъ онъ скорѣе одѣвался, и мы совсѣмъ готовы были въ походъ, какъ вдругъ вбѣжалъ

самый меньшой изъ братьевъ Владиміръ, всегдашній повѣса и вѣчный хохотунъ, въ столь смущенномъ видѣ, что вѣроятно, онъ разъ въ жизни только его имѣлъ. Онъ пришелъ отъ князя Григорія, и вотъ что̀ онъ намъ разсказалъ: чиновникъ, посланный отъ губернатора съ гуртомъ быковъ, пожертвованныхъ дворянствомъ, не могъ довести ихъ до мѣста ихъ назначенія, ибо довольно далеко отъ него встрѣтилъ онъ армію, поспѣшно ретирующуюся и съ трудомъ могъ добиться кому ихъ сдать. Онъ воротился на курьерскихъ и сказывалъ, между прочимъ, что Наполеонъ уже въ Вильнѣ. Я былъ пораженъ извѣстіемъ, но не менѣе того изумленъ дѣйствіемъ, которое произвело оно на Василія Голицына: онъ поблѣднѣлъ, и право не отъ страха, и выронилъ изъ рукъ трость, которую держалъ. Какъ? И это тѣ легкомысленные мальчики, которымъ отъ роду серіозная мысль не входила ва голову! О, Господи, подумалъ я, дай, чтобы вторженіе Французовъ во всѣхъ произвело подобное дѣйствіе, и мы спасены. «Нѣтъ, видно намъ сегодня не идти къ Кожиной», сказалъ Василій. «И я тоже думаю», отвѣчалъ я, и мы послали слугу съ извиненіемъ.

Задумавшись медленными шагами пошелъ я домой, и вотъ какъ разсуждалъ я. Невозможно, чтобъ армія такъ быстро отступала, не проигравъ генеральнаго сраженія: теперь гдѣ она остановится? Этому человѣку открытъ путь во внутрь Россіи, и что̀ съ нами будетъ! Я одинъ занималъ собственный домъ, въ коемъ скончался отецъ мой, довольно далеко отъ наемной квартиры, которую мать моя занимала, и все временилъ, чтобы идти къ ней, не зная, какъ ей объявить нерадостную вѣсть; но я нашелъ, что она объ ней уже знала и гораздо болѣе меня.

Почта изъ столицъ обыкновенно приходила по Понедѣльникамъ, чѣмъ свѣтъ; въ этотъ день, который также былъ Понедѣльникъ, она опоздала нѣсколькими часами. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, которыя привезла она, находился рескриптъ Государя на имя графа Салтыкова, предсѣдателя Государственнаго Совѣта, который можно было почитать объявленіемъ войны *). Въ прибавленіяхъ припечатано было извѣстіе о попятномъ движеніи корпусовъ первой арміи, дабы болѣе сосредоточить ее. Рескриптъ былъ отъ 13 Іюня изъ Вильны; пока онъ дошелъ до Петербурга, оттуда до Москвы, тамъ напечатанъ и по почтѣ у насъ полученъ, прошло 18 дней. Газеты поспѣшили доставить къ матери моей и до меня еще успѣли ей прочитать ихъ.

*) Нѣкоторые люди находили, что рескриптъ этотъ показываетъ большую робость, потому что Наполеонъ въ немъ не былъ разруганъ. Я замѣтилъ имъ, что человѣкъ, который говоритъ, что не положитъ оружія, пока единый непріятель останется въ землѣ его, напротивъ, долженъ быть исполненъ твердости и рѣшимости.

Нельзя мнѣ было не удивиться внезапной перемѣнѣ, которую нашелъ я въ ней. Она съ мужемъ похоронила свое счастіе, всѣ радости свои и почитала себя чуждою всему что̀ происходитъ въ мірѣ семъ. Такъ оно и было, пока голосъ отечества не отозвался въ сердцѣ ея; погибель ему грозящая дала ей почувствовать, что на свѣтѣ есть еще что̀ ей любить, за что̀ ей страшиться. Она какъ будто ожила и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпилась вѣрою: я нашелъ ее почти спокойною. Видя мое уныніе, она сказала мнѣ только: «молись, молись; повѣрь, это одно только можетъ спасти насъ». Итакъ, появленіе врага, особъ разнаго пола и возраста въ одинъ мигъ заставило забыть и горе, и веселіе.

Къ печальному и великому какъ часто примѣшивается и смѣшное. Вскорѣ послѣ меня пріѣхала къ матери моей разгнѣванная Кожина и самымъ неучтивымъ образомъ принялась упрекать меня въ неучтивости: она никакъ понять не могла, что̀ съ полученнымъ извѣстіемъ можетъ имѣть общаго приготовленный на славу ею завтракъ; я даже не хотѣлъ и слушать ея. Наконецъ вступилась за меня мать моя, которая гораздо старѣе ея была лѣтами и подобно ей не была воспитана въ Смольномъ монастырѣ, но гораздо ея богаче была умомъ и чувствами. Она сказала ей: «И, матушка, полно, объ чемъ тутъ толковать! Да пропадай твой завтракъ; до него ли, помилуй». Тогда меня она оставила въ покоѣ.

По прочтеніи газетъ у меня немного отлегло на сердцѣ. Стало быть, армія цѣла, сказалъ я самъ себѣ; да еще ихъ четыре, какъ вижу изъ газетъ; первою и второю начальствуютъ Барклай и Багратіонъ, третья резервная подъ начальствомъ Тормасова, а четвертую изъ Молдавіи ведетъ Чичаговъ. Еслибъ имъ сойтись на какомъ-нибудь укрѣпленнномъ пунктѣ, то, кажется, трудно будетъ Наполеону разбить ихъ. Не менѣе того ободряло меня совершенное перерожденіе большей части нашихъ помѣщиковъ: они не хвастались, не храбрились, а показывали спокойную рѣшимость жертвовать всѣмъ, и жизнію, и состояніемъ, чтобы спасти честь и независимость Россіи. Весьма немногіе не объ ней думали, а о своей особѣ и о своемъ ларцѣ, и тѣ втихомолку только вздыхали. Все это похоже было на чудо, совершающееся въ глазахъ нашихъ.

Я опять уѣхалъ въ деревню, но жизнь моя тамъ не была уже какъ прежде спокойна и безмятежна; часто не понималъ я что̀ читаю и, прогуливаясь, иногда сбивался съ дороги. Болѣе всего страшилъ меня поносный миръ послѣ рѣшительной побѣды надъ нашею арміей. Въ городъ ѣздилъ я только по почтовымъ днямъ за новостями; въ газетахъ ничего не видѣлъ такого, что̀ бы могло умножить наши опасенія, за то и ничего утѣшительнаго въ нихъ не находилъ. Казалось

сперва, что войска наши хотятъ упереться на Двину; но потомъ замѣтно было, что и за эту линію намѣрены перейдти. Такъ оно было по 19 Іюля.

Въ этотъ день къ вечеру пріѣхала навѣстить меня осмидесятилѣтняя старушка, мамушка моя, Аксинья Ивановна, которую можно найти въ началѣ моихъ воспоминаній о давнопрошедшемъ. Между разговорами сказала она мнѣ, что въ городѣ большая суматоха, что пришелъ-дескать указъ, и назначенъ престрашный рекрутскій наборъ, по четыре человѣка со ста душъ. Это меня озадачило. Что-то не къ добру, подумалъ я: вѣдь это почти поголовщина. Ночью я мало спалъ и рано поутру поскакалъ въ Пензу.

Дѣло совсѣмъ не было такъ страшно, какъ я вообразилъ себѣ. Никакой побѣды Французъ еще не одержалъ надъ Русскими, но 18-го числа полученъ былъ съ курьеромъ знаменитый манифестъ изъ Полоцка отъ 6-го Іюля, въ коемъ Государь, величая дворянъ Пожарскими, купцовъ Миниными и духовенство Палицыными, всѣхъ призываетъ къ оружію. Ему неизвѣстно, кажется, еще было, что силы, Наполеономъ противъ насъ собранныя, несмѣтны: шестью стами тысячъ воиновъ предводительствовалъ этотъ искусный и счастливый полководецъ, и его Европейская орда посильнѣе была Батыевой. И, о диво! этотъ манифестъ, sauve qui peut, который могъ бы привести въ отчаяніе жителей другой страны, вдругъ возвысилъ духъ нашихъ согражданъ. Они увлечены были величіемъ зрѣлища, въ коемъ отечество наше готовилось сразиться съ цѣлою частію міра, и почувствовали, что хотятъ и должны быть въ немъ дѣйствующими лицами.

Губернаторъ дожидался только распоряженій правительства, чтобы созвать дворянство; они получены съ почтою 22 Іюля. Народное ополченіе должно составиться изъ трехъ главныхъ отдѣленій; главноначальствующими надъ ними назначены: въ Петербургѣ, прибывшій изъ Бухареста князь Михаилъ Ларіоновичъ Кутузовъ, въ Москвѣ графъ Растопчинъ, въ Нижнемъ Новгородѣ графъ Петръ Александровичъ Толстой, бывшій военный губернаторъ въ Петербургѣ, бывшій посолъ въ Парижѣ; по полученнымъ въ тотъ же день извѣстіямъ сей послѣдній прибылъ уже къ мѣсту назначенія своего. Въ составъ третьяго отдѣленія входила и Пензенская губернія, которая одна должна была выставить 10 тысячъ ратниковъ.

По письмамъ изъ Москвы, съ тою же почтой полученнымъ, узнали мы, что Государь, оставивъ армію, явился въ ней печальный, встревоженный. Описывали въ нихъ почтительное къ нему состраданіе дворянства и купечества, трогательныя ихъ сцены съ нимъ; какъ одинъ смѣлый купецъ подступилъ къ нему и сказалъ: «батюшка, посмотри

здѣсь сколько насъ, а въ Россіи у тебя насъ въ тысячу разъ больше; когда ни одного не останется, когда всѣхъ перебьютъ, тогда только унывай». Между тѣмъ, сгарая огнемъ любви къ отечеству, отважный, неутомимый Растопчинъ всѣми силами раздувалъ благородное пламя между жителями ввѣреннаго ему города; онъ успѣлъ въ нихъ пробудить, давно уснувшій въ лѣни и праздности, доблестный духъ предковъ ихъ. Подобно нашимъ знатнымъ, былъ онъ воспитанъ за границею и зналъ въ совершенствѣ иностранные языки, но тѣмъ отличался отъ вельможныхъ, что славно выучился и отечественному и не гнушался даже простонароднымъ. Онъ пригодился ему, когда, среди волненія, произведеннаго грозными обстоятельствами, ежедневно разговаривалъ онъ съ народомъ посредствомъ печатныхъ афишекъ, которыя приправлялъ онъ разными прибаутками и коими веселилъ, ободрялъ и воспламенялъ его къ добру. Эта была не война обыкновенная государства съ государствомъ, а великое возстаніе, общее дѣло, въ которомъ необходимо было и простой народъ сдѣлать участникомъ.

Все съ тою же почтой семейство наше обрадовано было письмомъ отъ брата изъ арміи. Болѣе мѣсяца не имѣли мы объ немъ никакого извѣстія послѣ послѣдняго письма его изъ Москвы. Онъ увѣдомлялъ насъ, что пользуется особымъ случаемъ писать къ намъ, а что сообщенія весьма затруднены. Мы не понимали, отчего это, вѣроятно, чтобы внутри государства не знали навѣрное, что́ происходитъ въ арміи.

Извѣстія изъ нея, оффиціально объявляемыя, становились однакоже живѣе и любопытнѣе. Пораженіямъ Французовъ Платовымъ при Мирѣ, Остерманомъ при Островнѣ и Багратіономъ при Дашковкѣ мы что-то плохо вѣрили и почитали ихъ болѣе стычками, въ которыхъ едва удалось непріятелю дать отпоръ. Я былъ не великій стратегъ и не умѣлъ понять, что дѣло Багратіона сто́итъ великой побѣды; ибо онъ пробился сквозь Французскую армію, чтобы соединиться съ Барклаемъ, тогда какъ намѣреніе Наполеона было непремѣнно отрѣзать его. Но первая, настоящая побѣда графа Витгенштейна при Клястицахъ всѣхъ чрезвычайно восхитила. Не было обѣда, даже семейнаго, на которомъ бы не пили за здоровье побѣдителя. Имя его, дотолѣ вовсе неизвѣстное, съ шумомъ пронеслось по всей Россіи; всѣ находили, что спасеніе часто приходитъ къ намъ оттуда, откуда мы его не ожидаемъ, и оттого еще болѣе утверждались въ вѣрѣ на помощь Всевышняго.

Въ Москвѣ, послѣ посѣщенія сдѣланнаго ей Государемъ (который, пробывъ два дня, отправился въ Петербургъ), все закипѣло, все запылало усердіемъ къ великому дѣлу спасенія отечества. Все въ ней

дѣлалось на широкую руку. Но боярское тщеславіе и тутъ не забыло себя выказать: молодые люди, знатные и богатые, не владѣющіе однакоже миліонами, мѣтившіе въ вельможи или, лучше сказать, по праву наслѣдства почитающіе себя ими, предложили на свой счетъ сформировать полки, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они назначены были ихъ шефами и полки носили ихъ имена. Отставной гвардіи ротмистръ, графъ Салтыковъ, добрый малый, о которомъ мнѣ случалось упоминать, сынъ графа Ивана Петровича, обремененный долгами, взялся поставить гусарскій полкъ; казачій конный полкъ началъ собирать надменный мальчикъ графъ Мамоновъ, который въ послѣдствіи отъ спѣси сошелъ съ ума, сынъ одного изъ любимцевъ Екатерины, первый изъ Мамоновыхъ родившійся графомъ; камеръ-юнкеръ князь Николай Сергѣевичъ Гагаринъ хотѣлъ набрать егерскій полкъ, а Николай Никитичъ Демидовъ, всѣхъ ихъ вмѣстѣ гораздо богаче, чтобы не отстать, довольствовался простымъ пѣхотнымъ. Купцы не брались формировать полки, но такъ и посыпали золотомъ. Въ Петербургѣ безъ шуму, безъ преувеличенія, безъ возгласовъ, дѣло шло точно также: не щадили капиталовъ, поспѣшно и дѣятельно собирали и вооружали войско.

Дошла и до насъ очередь. Въ концѣ Іюля съѣхалось дворянство, чтобы приступить къ разсчету суммъ, потребныхъ на обмундированіе и вооруженіе десяти тысячъ воиновъ и къ назначенію мѣръ для исправнаго собиранія ихъ съ помѣщиковъ по числу душъ ими владѣемыхъ; также должно оно было поспѣшить избраніемъ какъ начальника всего ополченія, такъ и полковыхъ и сотенныхъ начальниковъ. Дѣло пошло какъ нельзя лучше. Отставныхъ военныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ не было и десятой доли противъ нынѣшняго, а все-таки ихъ было много; не сыскалось ни единаго, который бы пожелалъ остаться дома, всѣ явились на службу. Однакоже для пополненія всѣхъ мѣстъ ихъ было недостаточно; дозволено было гражданскимъ чиновникамъ, служащимъ и отставнымъ, вступать въ ополченіе, только съ потерею двухъ или трехъ чиновъ; это никого не удержало: сотни предложили свои услуги. И это были не одни помѣщики и дѣти ихъ: канцеляріи присутственныхъ мѣстъ начали пустѣть. Наконецъ, множество семинаристовъ, сыновей священниковъ и церковнослужителей, бросились въ простые рядовые, впрочемъ увѣрены будучи, что, какъ людей письменныхъ, грамотныхъ, не замедлятъ ихъ сдѣлать урядниками.

Начальникомъ Пензенскаго ополченія былъ выбранъ отставной генералъ-майоръ Николай Ѳедоровичъ Кишенскій, который давно уже не служилъ, однакоже былъ еще не старъ. Онъ рѣшился жениться на чрезвычайно безобразной и хворой единственной дочери Александра Васильевича Салтыкова, не знаю почему прозваннаго а-ла-Кокъ, ко-

торый умеръ, не успѣвъ промотать послѣднее имѣніе свое, тысячи полторы душъ въ селѣ Безсоповкѣ, подъ самой Пензой находящейся. Госпожа Кишенская прожила недолго и, умирая, все имѣніе отказала мужу. Онъ былъ человѣкъ дюжій, широкоплечій, довольно простой, ласковый, даже черезчуръ, ибо обходился со всѣми, какъ говорится, за-панибрата. Его генеральскій чинъ, мужественный видъ, обходительность и большое состояніе рѣшили выборъ дворянства.

Многіе изъ помѣщиковъ опасались, что приближеніе Французской арміи и тайно подосланные отъ нея люди, прельщеніями, подговорами возмутятъ противъ нихъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Напротивъ, въ это время казалось, что съ дворянами и купцами слились они въ одно тѣло. Ничто такъ не раздираетъ душу, какъ зрѣлище обыкновенныхъ рекрутскихъ наборовъ: отовсюду слышны стонъ и вой. Мирные поселяне, отъ самого рожденія привычкою прикованные къ землѣ, не имѣютъ другихъ желаній, кромѣ хорошаго урожая; повышеніе, слава суть для нихъ слова непонятныя; вдругъ отрываютъ ихъ отъ всего роднаго, привычнаго; они трудолюбивы и не знаютъ боязни, но невѣдомое ужасаетъ ихъ; всѣ ближніе ихъ заживо хоронятъ; что́ удивительнаго, если горькій плачъ и ропотъ всегда бываютъ при исполненіи сего насильственнаго дѣйствія? Тутъ, при наборѣ ратниковъ, видѣли мы совсѣмъ тому противное: радость была написана на лицѣ тѣхъ, на коихъ палъ жребій; семейства ихъ, жены, матери осыпали ихъ ласками, цѣловали, миловали, дарили чѣмъ могли. «Голубчикъ, вѣдь ты идешь за насъ, да за Божье дѣло», повторяли они.

Названія дружинъ, ратниковъ ополченія, совершенно отечественныя, всѣмъ были пріятны. Самый нарядъ ополченныхъ, совсѣмъ уже не богатый, но отличающій ихъ отъ линейнаго войска, чрезвычайно всѣмъ понравился. Онъ состоялъ изъ казацкаго платья, кафтана и шароваръ свѣтлосѣраго простого сукна съ зеленымъ воротникомъ, цвѣтомъ Пензенскаго герба. Офицеры и ихъ начальники имѣли право носить тонкое сукно и наплечники (имя, которое хотѣли дать тогда эполетамъ); ратникамъ же, имѣющимъ бороду, дозволено было и даже велѣно не брить ея. Вооруженіе состояло изъ самыхъ простыхъ сабель и пикъ; другихъ оружій достать было негдѣ и не на что́; правительство обѣщало само доставить ихъ. Наконецъ, шапка, украшенная мѣднымъ крестомъ, къ которому, подобно Лудовику XI, многіе изъ ратниковъ прикладывались, прежде чѣмъ ее надѣвали, довершала давать этому сборищу видъ воинства Христова. Все это было въ такомъ восторженномъ состояніи, что, право, описать его нельзя.

Читателю покажется удивительнымъ, что, при описаніи всеобщаго сильнаго движенія умовъ, я ничего не упоминаю о себѣ. Человѣкъ

этотъ видно толковалъ все о любви къ отечеству, пока дѣло не дошло до опасности, скажетъ онъ. Я никогда не хвастался храбростію, и мнѣ пріятно думать, что сограждане мои въ этомъ году превзошли меня въ патріотическихъ чувствахъ. Но въ прекрасномъ чаду, въ которомъ кружились тогда всѣ головы (и который, увы, въ слѣдующемъ же году разсѣялся) никто не думалъ о жизни; и мнѣ оставалось, никого не возбуждая, слѣдовать только общему примѣру: я такъ и сдѣлалъ. Ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, пошелъ я къ генералу Кишенскому и предложилъ ему себя, не имѣя никакого понятія о фронтовой службѣ и полагая, что подъ непріятельскимъ огнемъ все равно быть, начальствуя ли взводомъ, исполняя ли приказанія начальника. Я сказалъ ему, что мнѣ бы пріятно было находиться при его высокой особѣ. Тогда, принявъ видъ уже главнокомандующаго, объявилъ онъ мнѣ, что число желающихъ окружать его очень велико и что потому затрудняется онъ исполнить мою просьбу. Не обидясь отказомъ человѣка, съ которымъ нѣсколько дней передъ тѣмъ, опасаясь скуки, я не охотно вступалъ въ разговоры, такъ почтительно, такъ убѣдительно повторилъ я свою просьбу, что наконецъ изъявилъ онъ согласіе и черезъ два дня велѣлъ подать просьбу.

Но въ тотъ же день успѣлъ онъ разсказать въ городѣ о моленіяхъ моихъ, о моей настойчивости. Если не обманываетъ меня самолюбіе, то я вижу тутъ маленькое его хвастовство: въ Пензѣ не прослылъ я человѣкомъ слишкомъ низкопоклоннымъ. Разумѣется, на другой же день дошло это до матери моей, которая, призвавъ меня, слезно стала убѣждать оставить мое намѣреніе. Она обратила ко мнѣ сію для самолюбія моего не совсѣмъ лестную рѣчь. «Послушай: братъ и зять твой на войнѣ, имѣніе разстроено, ты видишь въ какомъ я положеніи, мы съ сестрами твоими безъ тебя совершенно сироты; я знаю, мущинка ты ледащій, да все-таки мущинка; пока ты тутъ, все-таки есть у насъ опора и защита. Подумай, и въ крестьянской семьѣ послѣдняго не берутъ въ рекруты; много ли въ войскѣ однимъ собою ты прибавишь? Ну, если Всевышнему такъ угодно, чтобы злодѣй добрался до насъ, тогда удерживать тебя не буду, ступай съ Богомъ; я сама благословлю». Не знаю, на моемъ мѣстѣ кто-либо другой поступилъ ли бы иначе, какъ я. Скоро представился случай въ этой экстраординарной службѣ и мнѣ не остаться безполезнымъ.

Съ тою же почтительною покорностію, съ которою ходилъ я просить генерала Кишенскаго, пошелъ я благодарить его за данное мнѣ позволеніе и объяснить невозможность воспользоваться имъ. Въ Пензѣ, гдѣ дворянство почти всегда не въ мѣру было спѣсиво и гдѣ состояніе всегда предпочиталось чинамъ, вы бы съ удивленіемъ увидѣли почтеніе

и послушаніе, оказываемыя людьми довольно богатыми, вступившими въ ополченіе, тѣмъ, кои становились ихъ начальниками. Самолюбіе было первою жертвой, которое дворянство, въ этотъ чудный годъ, предавало закланію на жертвенникѣ отечества. Самый простой народъ сдѣлался гораздо смѣлѣе въ поступи и рѣчахъ *), за то въ дѣйствіяхъ никогда не показывалъ такого повиновенія. Право, глядя на все это, сердце не нарадовалось. Это всегда спасало Россію и отличало отъ другихъ государствъ, какъ напримѣръ отъ Польши или отъ Франціи: тамъ лишь народъ почуетъ, что узда опущена и что онъ дѣлается нуженъ, начнетъ шумѣть, бурлить, и съ нимъ не сладишь.

Въ первой половинѣ Августа начали появляться у насъ, еще не эмигранты изъ захваченныхъ Наполеономъ областей (дотолѣ все были однѣ такъ-называемыя Польскія губерніи), а ссыльные по высочайшему повелѣнію.

Первою изъ нихъ была графиня Рыщевская, урожденная Холоневская, богатая и пожилая Полька, которая слишкомъ много любила заниматься политикой. Волынскій губернаторъ, Михаилъ Ивановичъ Комбурлей, не могъ остаться равнодушенъ, зная о воззваніяхъ ея къ помѣщикамъ, когда непріятельская армія показалась въ Россіи: по праву ему данному, въ критическихъ обстоятельствахъ, въ коихъ находилась его губернія, онъ именемъ Государя отправилъ ее во внутреннія губерніи, и Пензѣ досталась она на долю. Нѣкоторые, только весьма немногіе, обвиняли Комбурлея въ жестокости къ слабой женщинѣ, знатной и образованной; но вскорѣ всѣ ее раскусили. Въ ней былъ самый злой полонизмъ, умѣряемый свѣтскимъ знаніемъ и пріятнымъ обхожденіемъ, и если въ глубинѣ Россіи, въ заточеніи своемъ, она не хотѣла скрывать ни желаній, ни надеждъ своихъ, видя себя окруженною народомъ, вооружающимся для сопротивленія ихъ исполненію, то можно посудить о дѣяніяхъ ея, когда она находилась на свободѣ и на Волыни. Она наняла самый лучшій домъ въ Пензѣ, привезла съ собой славнаго повара и сдѣлала визиты всѣмъ дамамъ, изъ коихъ весьма немногія ихъ отплатили ей. Мать моя, которая ни къ кому не ѣздила и, не зная иностранныхъ языковъ, не могла съ ней объясняться, передала ее моему угощенію. Мы очень хорошо сошлись; было намъ о чемъ

*) Я помню одного стараго слугу, который съ своими господами довольно свободно вступалъ въ разговоры и самъ съ молодымъ бариномъ попросился въ ополченіе. „Что это, господа, говорилъ онъ, вѣдь это все Государь да Константинъ Павловичъ, народъ молодой, намъ накуралесили: раздразнили мужика сердитаго, а теперь что дѣлать, хоть головы положимъ, пойдемъ выручать ихъ“. Другой слуга, при которомъ разсказывали, что Барклай не поладилъ съ Константиномъ Павловичемъ и отправилъ его въ Петербургъ, сказалъ: „Да вѣдь онъ правъ этотъ Барклай; ужъ не до поросятъ, коли саму свинью палятъ“.

потолковать. Я долженъ былъ прикидываться раздѣляющимъ не чувства ея, а мнѣнія насчетъ неизбѣжнаго паденія Россіи. *Но однакоже*, всегда оканчивалъ я тѣмъ наши разговоры, и начиналъ, какъ умѣлъ, указывать на средства къ ея спасенію и даже возвеличенію. Сіи часто повоpяемыя *однакоже* начинали ее сердить, и какъ она была женщина умная, то и не могла не догадаться, что я всепокорнѣйше ее дразню. Она не вытерпѣла и стала мнѣ грубить; я тоже снялъ маску и самымъ учтивымъ образомъ язвилъ ея національное самолюбіе. Мы, слава Богу, наконецъ совсѣмъ поссорились.

Другой изгнанникъ былъ Французъ въ Русской службѣ, полковникъ Радюльфъ, который сосланъ былъ за то, что не согласился идти воевать противъ соотечественниковъ. Всѣ косились на него; а мнѣ понравился онъ, какъ человѣкъ скромный, честный, который, не принадлежа къ дореволюціонной Франціи, хотѣлъ исполнить долгъ свой; въ самой ссылкѣ его видѣлъ я одну мѣру предосторожности правительства. Третій, вѣроятно, по ошибкѣ попалъ въ Пензу: его бы слѣдовало отправить въ Нерчинскъ, ибо онъ былъ совершенно каторжный. Я слыхалъ и читывалъ о санкюлотизмѣ, бывшемъ въ ужаснѣйшіе и отвратительнѣйшіе дни Французской революціи, а не имѣлъ объ немъ настоящаго понятія; онъ мнѣ предсталъ въ лицѣ г. Магіё. Наглость и дерзость, безнравственность и невѣріе, перешли въ немъ за границы возможнаго. Не понимаю, какъ пустили его въ Россію, а еще менѣе какъ одна нѣжная и попечительная мать могла поручить ему воспитаніе любимѣйшаго сына. Мальчикъ, съ сердцемъ нѣжнымъ и благороднымъ, съ умомъ быстропонятливымъ и любознательнымъ, съ дарованіями необыкновенными, которыя могли бы послужить къ чести и пользѣ отечества, отъ пагубныхъ правилъ почти въ младенчествѣ внушенныхъ ему симъ отравителемъ, сдѣлался почти преступнымъ и кончилъ несчастную жизнь, едва перешедъ за обыкновенную половину пути ея. И въ глубокой старости, гордая и упрямая мать не хочетъ сознаться, что она была главнѣйшею, единственною виной погибели сыновей своихъ. Я бы ее назвалъ, но теперь еще не до нея. Въ послѣднее время находился онъ при образованіи безобразнаго сына уродливаго графа Хвостова, котораго шуринъ князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ управлялъ тогда министерствомъ военнымъ, на время командованія Барклаемъ одною изъ дѣйствующихъ армій. Вслушавшись въ дерзкія рѣчи его, Горчаковъ счелъ его опаснымъ и отправилъ въ Пензу; а онъ тамъ разсказывалъ, будто это сдѣлано было съ намѣреніемъ разорвать любовныя связи его съ какою-то кузиной, княжной Горчаковой, какъ всякій Французъ, который самохвальству своему честь женщины приноситъ въ жертву. Но никто не хотѣлъ ему вѣрить.

Накануне Успеньева дня пришли мнѣ сказать, что нѣкто Мордвиновъ желаетъ меня видѣть. Я одѣлся наскоро, чтобы къ нему выйдти и, взглянувъ на него, изумился: я не имѣлъ понятія о необыкновенной красотѣ, которую можетъ имѣть старость. Передо мною былъ человѣкъ не съ большимъ лѣтъ шестидесяти, невысокаго роста, одѣтый съ изысканною опрятностью, въ черномъ фракѣ не новаго покроя, съ расчесанными и на обѣ стороны распущенными бѣлыми волосами, съ чрезвычайною живостію во взорахъ, съ удивительною пріятностію въ голосѣ, что-то напоминающій собою Вакефильдскаго священника: передо мною былъ прославившійся въ государствѣ Николай Семеновичъ Мордвиновъ. Пріѣхавъ наканунѣ вечеромъ въ Пензу, онъ съ семействомъ своимъ, состоящимъ изъ жены, трехъ молодыхъ дочерей и малолѣтняго сына, остановился въ какомъ-то заѣзжемъ домѣ, въ нижней части города. Неизвѣстно, по какимъ причинамъ, находясь въ службѣ, намѣревался онъ провести у насъ всю зиму и для того искалъ для себя удобную квартиру. Какъ лучшій домъ былъ занять Полькою Рыщевской, ему указали на нашъ, который не великъ и не красивъ былъ, однакоже чрезвычайно помѣстителенъ; но мать моя, переѣхавъ изъ него, не хотѣла ни отдавать его въ наймы, ни сама возвращаться въ него, а оставить его въ томъ видѣ, въ которомъ онъ находился въ минуту кончины отца моего. Смущенный внезапнымъ появленіемъ г. Мордвинова, я не умѣлъ порядочно съ нимъ объясниться и почтительно повелъ его показывать ему комнаты. Онъ остался доволенъ какъ числомъ, такъ и расположеніемъ ихъ и вдругъ спросилъ меня о цѣнѣ? Еще болѣе смѣшавшись, я запросилъ 1500 рублей въ годъ, сумму тогда необъятную въ провинціи, въ надеждѣ, что онъ начнетъ торговаться, и я могу отослать его къ настоящей владѣлицѣ дома. Но онъ этого не сдѣлалъ и въ мигъ согласился дать мнѣ требуемую сумму. Тогда рѣшился я объявить ему, что мнѣ нужно переговорить о томъ съ матерью, а онъ сказалъ мнѣ, что за отвѣтомъ самъ придетъ къ ней послѣ обѣда. Скорѣе побѣжалъ я къ ней и не безъ труда могъ получить ея согласіе, представляя ей, что само Небо, кажется, со всѣхъ сторонъ посылаетъ намъ средства къ скорѣйшей уплатѣ долговъ нашихъ.

Неожиданный пріѣздъ столь знаменитаго человѣка, какъ Мордвиновъ, бывшаго морскаго министра, настоящаго предсѣдателя одного изъ департаментовъ Государственнаго Совѣта, въ другое время взволновалъ бы весь нашъ губернскій городъ. Тутъ этого не было. Голицынская спѣсь заставила губернатора оказать пріѣзжему совершенное невниманіе: чтобы не совсѣмъ показаться ему неучтивымъ, поспѣшилъ онъ уѣхать на ярмарку въ Саранскъ. Въ Петербургѣ отъ Мордвинова совершенно зависѣло принадлежать къ высшей аристократіи, но онъ

любилъ дѣлать все по своему. Женившись въ Ливорно на скромной дѣвицѣ, дочери Англинскаго консула Кобле, всегда велъ онъ съ нею жизнь довольно уединенную, въ кругу своего семейства, въ кругу близкихъ и дальнихъ родственниковъ, старинныхъ, просвѣщенныхъ и достаточныхъ дворянъ, которые не думали гоняться за знатностью; охотно принималъ онъ у себя также ученыхъ, артистовъ и литераторовъ. Отъ того между аристократами прослылъ онъ вольнодумцемъ, республиканцемъ; внутри Россіи почитали его усерднымъ, смѣлымъ патріотомъ. Ничего этого не было. У него была страсть риторствовать, изумлять довольно смѣлыми, на Западѣ совсѣмъ не новыми мыслями; но сильныхъ, внутреннихъ убѣжденій, но положительныхъ, твердыхъ мнѣній ни о чемъ у него не было. Пожалуй, это можно назвать безпристрастіемъ, умѣренностію. Напримѣръ, онъ былъ однимъ изъ основателей *Бесѣды Россійскаго Слова* и почитался задушевнымъ другомъ руссомана до безумія Александра Семеновича Шишкова, новаго государственнаго секретаря; въ тоже время всѣмъ извѣстны были связи его съ Сперанскимъ, и онъ явно и громко порицалъ строгость, употребленную съ симъ падшимъ временщикомъ. Неизвѣстно, немилость ли къ нему двора, или его собственное неудовольствіе на правительство, заставили его выѣхать изъ Петербурга. Такъ по крайней мѣрѣ казалось; и это, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, вмѣстѣ съ внушеніями Голицына, удержало дворянъ отъ изъявленій знаковъ должнаго къ нему уваженія, отъ которыхъ, впрочемъ, и самъ онъ уклонялся. За годъ передъ этимъ, разсчитывая на плодородіе Пензенской губерніи, купилъ онъ въ ней тысячу душъ; но имѣніе было малоземельное, и онъ никакого почти не получалъ съ него доходу: онъ хотѣлъ накупить земель въ Саратовскихъ степяхъ, чтобы переселить туда половину крестьянъ, и по словамъ его, вотъ была причина появленія его между нами.

Итакъ, я сталъ тѣсниться въ банѣ, на одномъ дворѣ съ матерью моей, оставивъ чертоги свои; но, по приглашенію нанимателя, иногда посѣщалъ ихъ. Супруга его Генріетта Александровна, милая и почтенная дама, въ уединеніи своемъ (ибо никто къ нимъ не ѣздилъ), всегда мнѣ была очень рада; но молоденькія миссъ Мордвиновы были отмѣнно дики и, казалось, страшились дуновенія мущинъ. Самого же Николая Семеновича я всегда слушалъ съ жаднымъ любопытствомъ и, кажется, иногда понималъ; я находилъ много ума, бездну познаній, но, признаюсь, толку никакого. Къ несчастію моему, осенью маленькое семейное его общество умножилось прибытіемъ къ нему одного молодаго ученаго, весьма почтеннаго Гульянова, который въ послѣдствіи сдѣлался такъ извѣстенъ соперничествомъ съ Шамподьйономъ въ объясненіи гіероглифическихъ знаковъ. Онъ все разсуждалъ со мною о Санскрит-

скомъ языкѣ, котораго даже названія я дотолѣ не слыхивалъ. Не подозрѣвая, что онъ говоритъ со мною о прародителѣ нашего Русскаго и всѣхъ Славянскихъ языковъ, мнѣ казалось, что дѣло идетъ о священномъ писаніи, sancto scripto, и это недоразумѣніе, обнаруживая все невѣжество мое, совершенно погубило меня въ мнѣніи Мордвинова; я замѣтилъ это и совсѣмъ отсталъ отъ дому его.

Со всѣми этими пріѣзжими я какъ будто потерялъ изъ виду великій предметъ, который тогда всѣхъ и каждаго, безпрестанно, исключительно занималъ, какъ будто позабылъ о войнѣ. Правда, недѣли двѣ уже никакихъ почти о ней извѣстій не было, все какъ будто поумолкло, попритихло, и что-то такое похожее на надежду стало оживлять насъ. Мы знали или, лучше сказать, слышали, что двѣ главныя арміи, Барклая и Багратіона, должны были соединиться или уже соединились подъ укрѣпленнымъ Смоленскомъ, надъ трудною переправой черезъ Днѣпръ. Этотъ оплотъ былъ упованіе наше, мы въ немъ для Наполеона видѣли столпы Геркулесовы, за которые сила его не прорвется.

Между тѣмъ губернаторъ отправился въ Саранскъ совсѣмъ не на ярмарку, а болѣе для свиданія съ главноначальствовавшимъ надъ ополченіями графомъ Петромъ Александровичемъ Толстымъ, для совѣщаній съ нимъ и для принятія его приказаній по дѣлу вооруженія. Въ Воскресенье 18-го Августа (мнѣ такъ памятны всѣ эти числа), день былъ прекрасный, вечеръ теплый и ясный, и мнѣ почти было весело. Гуляя по городу, вдругъ повстрѣчался я съ канцелярскимъ чиновникомъ, любимцемъ Голицына, котораго бралъ онъ съ собою.

— Вы уже опять здѣсь, сказалъ я ему, какъ вы скоро воротились!—Да-что̀ дѣлать отвѣчалъ онъ: бѣда, пришло ужасное извѣстіе, была большая рѣзня, и въ самый день Преображенія Французы штурмомъ взяли Смоленскъ; графъ въ отчаяніи поспѣшилъ обратно въ Нижній-Новгородъ, и намъ уже безъ него въ Саранскѣ ничего не оставалось дѣлать.

Было уже поздно; какъ одурѣлый побрёлъ я домой и не зашелъ къ матери, чтобы не испугать ее отчаяннымъ видомъ своимъ.

Это былъ третій электрическій ударъ, который раздался по всей Россіи, который, поражая печалью сердца̀ Русскихъ, какъ будто всякій разъ все болѣе возжигалъ въ нихъ мужество и усердіе защищать отечество. На другой день, въ Понедѣльникъ, 19-го числа, многіе сбѣжались на почту, въ томъ числѣ и я. Вотъ какія вѣсти привезла она намъ: Государь отлучался изъ Петербурга для свиданія въ Абовѣ съ Шведскимъ кронпринцемъ, бывшимъ Французскимъ генераломъ Бернадотомъ. Хотя то и показалось намъ нѣсколько унизительнымъ для императорскаго достоинства, но такое согласіе успокоивало насъ

насчетъ опасности для Петербурга и нашей крайней сѣверной границы. Узнавъ о взятіи Смоленска, Государь прискакалъ обратно въ Петербургъ, чтобы назначить искуснаго полководца, старика князя Кутузова, главнокомандующимъ надъ всѣми дѣйствующими арміями. Приписывая всѣ неудачи наши разброду, въ которомъ какъ будто они находились, мы ободрены были мыслію, что главная власть сосредоточится въ однѣхъ рукахъ; жалѣли только, что не ранѣе о томъ подумали. Къ тому же, самое имя Кутузова напоминало Екатерину и побѣды.

Въ это время были у меня еще другія заботы, въ которыхъ, къ удовольствію моему, мать моя принимала дѣятельное участіе. Покойный отецъ мой, не столько изъ усердія къ православію, какъ по извѣстной читателю архитектурной его страсти, впродолженіи пяти лѣтъ, исподоволь, экономическимъ образомъ сооружалъ въ приданомъ матери моей селѣ Лебедевкѣ каменную, небольшую, но хорошенькую церковь во имя Владимирской Божіей Матери, коей икона была ея же родительскимъ благословеніемъ. Строеніе церкви было окончено, и она внутри совсѣмъ почти была отдѣлана, когда смерть его постигла. Лѣто прошло у насъ въ сборахъ; надобно было, наконецъ, подумать о ея освященіи, и для совершенія того мать моя назначила 26-е Августа, день, въ который празднуются чудеса сказанной иконы. Обрядъ сей, въ селеніяхъ всегда радостный, веселый, призываетъ къ себѣ обыкновенно всѣхъ сосѣднихъ помѣщиковъ и ихъ крестьянъ и долго остается у нихъ въ памяти. Тутъ, къ сожалѣнію, ничего этого не было.

У всѣхъ на умѣ было тогда одно только: Москва. Болѣе двухъ сотъ верстъ еще отдѣляли ее отъ непріятеля; большая, сильная армія, еще не истребленная, находилась впереди ея, и, какъ утверждали, всѣ ея жители готовы были пасть съ оружіемъ въ рукахъ. Но буря шла прямо на нее; сколько разъ уже потоки Литовскихъ, Польскихъ и Татарскихъ полчищъ истребляли ее! Какая ждетъ ее участь? Мы хотѣли вѣрить спасенію ея и не могли. Нашему воображенію представлялась она вѣнчанною мученицей, съ христіанскимъ терпѣніемъ, спокойно ожидающею неизбѣжной казни. О, какъ величественна и прекрасна была она тогда въ глазахъ нашихъ, сія родная Москва, наша древность, наша святыня, колыбель новаго могущества нашего! Нѣтъ, развѣ только дѣти въ послѣднія минуты жизни обожаемой матери могутъ такъ трепетать, видя приближеніе конца ея.

Итакъ, въ самый день Бородинской битвы, 26-го Августа, происходило у насъ, въ шести верстахъ отъ Пензы, освященіе новаго храма. Маленькій домъ не былъ достаточенъ для помѣщенія прибывшихъ изъ города гостей; для большей половины ихъ столъ былъ накрытъ въ особливой палаткѣ. Воздухъ былъ теплый, удушливый, и ни

одинъ листокъ не колыхался; небо было темносѣраго цвѣта, и сквозь облака ни единое голубое пятнышко не проглядывало. Преосвященный Аѳанасій, хворый старецъ, съ добродушнымъ взглядомъ своимъ и грустною улыбкой совершалъ богослуженіе; по слабости нервовъ онъ не могъ выносить громогласнаго пѣнія, и отъ того въ голосѣ пѣвчихъ было нѣчто заунывное. Все было тихо и печально. Мать моя въ этотъ день старалась укрѣпиться духомъ и въ первый разъ послѣ кончины супруга нарядилась въ бѣлое платье; во время служенія не проронила ни одной слезки, не испустила ни единаго вздоха, но когда вмѣсто многолѣтія создателю храма возгласили вѣчную память, она упала замертво и вѣрно бы расшиблась, еслибы не успѣли ее поддержать. Послѣ того была одна неожиданно-трогательная минута: когда вокругъ церкви понесли икону Владимирской Божіей Матери и запѣли ей извѣстный тропарь: «Днесь свѣтло красуется славнѣйшій градъ Москва, яко зарю солнечную воспріемше чудотворную Твою икону... Молися воплощенному Христу Богу нашему, да избавитъ градъ сей», всѣ отъ перваго гостя до послѣдняго мужика въ одинъ голосъ зарыдали.

Грустно подумать, что въ это самое время и въ этой самой Москвѣ, для насъ провинціаловъ столь священной, находились люди безъ ума и безъ сердца, которые смотрѣли не только равнодушно на приближеніе врага, но еще радовались тому. Послѣ описаннаго мною, дня черезъ два могъ я въ томъ удостовѣриться. Въ день Ивана Постнаго, 29-го Августа, мнѣ сказали послѣ обѣда, что изъ Москвы пріѣхали два Пензенскихъ помѣщика, года три туда переселившіеся. То были: Савва Михайловичъ Мартыновъ и Владимиръ Егоровичъ Жедринской. Послѣдній, провинціальный франтъ и соблазнитель, нѣсколько уже знакомъ моимъ читателямъ. Первый былъ въ нѣкоторомъ съ нами свойствѣ: отецъ его, Михаилъ Ильичъ, былъ женатъ на теткѣ моей матери, и дѣти отъ сего брака приходились ей двоюродными; будучи уже старъ, вступилъ онъ въ третій бракъ съ дочерью какого-то подъячаго Дрындина, и послѣднимъ плодомъ онаго былъ этотъ Савва. Съ ребячества былъ онъ примѣчателенъ гнуснымъ безобразіемъ и чрезмѣрнымъ самолюбіемъ; въ первой молодости, получивъ первый офицерскій чинъ и владѣя только ста душами, оставилъ онъ службу и началъ думать о средствахъ замѣнить искусствомъ скудость даровъ Фортуны. Онъ началъ, какъ говорится, служить четыремъ королямъ и вѣровать въ одного Вольтера, котораго, выучившись по-французски, онъ одного только прочиталъ: можно посудить о его правилахъ и религіозныхъ чувствахъ. Посвященный наконецъ во всѣ таинства картежной игры, онъ примѣтно началъ разживаться; удачно и разсчетливо выставляемая имъ роскошь и смѣлая болтовня дали въ Пензѣ большой ему вѣсъ. Но онъ оставилъ ее, ибо

Москва представляла ему гораздо богатѣйшую добычу. Жедринской, малый простой, пошелъ къ нему въ опеку, но никогда не могъ подняться до высоты его, хотя, впрочемъ, и геніальность Мартынова не простиралась далѣе обмана и фанфаронства. Оба они въ Пензѣ щеголяли Французскимъ діалектомъ; у Жедринскаго былъ выговоръ лучше, зато Мартыновъ говорилъ бѣгло и безошибочно: это вѣроятно дало имъ надежду, что Наполеонъ, покоривъ Россію, назначитъ ихъ, прапорщика и титулярнаго совѣтника, префектами въ завоеванныя имъ провинціи. Вотъ къ какимъ людямъ побѣжалъ я за извѣстіями, можетъ-быть, утѣшительными! Я нашелъ ихъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа; на вопросъ мой отвѣчали они мнѣ, что оставили Москву, такъ сказать, почти наканунѣ ея сдачи. «Согласитесь», улыбаясь сказалъ мнѣ Мартыновъ, «что смѣшно и безразсудно противиться великому человѣку, у котораго полмиліона войска и двѣ тысячи пятьсотъ пушекъ» Негодованіе оковало мнѣ языкъ; но, видно, глаза мои выразительно говорили, ибо въ обоихъ скоро замѣтилъ я смущеніе и досаду. Не говоря ни слова, всталъ я и вышелъ, и долго молчаніе мое съ ними не прерывалось. И эти люди прямо изъ православной, подумалъ я; ну, если подобныхъ имъ много тамъ? А впрочемъ, что̀ за важность: и въ самихъ Божіихъ храмахъ, по небрежности церковнослужителей, часто разводятся крысы и всякая гадина. Однакоже, ихъ слова навели на меня неизъяснимую тоску, которая могла нѣсколько быть разсѣяна только трудными занятіями, мнѣ предстоявшими.

Во всякой изъ ополчающихся губерній учреждался комитетъ для принятія и храненія какъ отъ дворянства поступающихъ, такъ и другими сословіями жертвуемыхъ суммъ, для производства жалованія ратникамъ, для обмундированія, вооруженія и продовольствія ихъ, до выступленія въ походъ за предѣлы губерніи; однимъ словомъ, для каждаго ополченія учреждалась особая комисаріатская и провіантская вмѣстѣ комисія. Предсѣдателями сихъ комитетовъ вездѣ были губернскіе предводители дворянства. Но по несогласіямъ Пензенскаго Колокольцова съ губернаторомъ, сей послѣдній выпросилъ у графа Толстаго, чтобъ отъ дворянства былъ выбранъ особый предсѣдатель. Къ 1-му Сентября собралось оно для выборовъ на убылыя мѣста поступившихъ въ ополченіе, и такъ поспѣшно поворотило дѣломъ, что въ два дня все было кончено.

Комитетъ пожертвованій для ополченія долженъ былъ состоять изъ предсѣдателя и трехъ членовъ, одного отъ правительства, другаго отъ дворянства, третьяго отъ купечества. Въ предсѣдатели выбранъ былъ бывшій Екатерининскій гвардіи капитанъ, отставной бригадиръ Николай Степановичъ Кашкаровъ, человѣкъ лѣтъ около шестидесяти,

родной дядя описаннаго мною меломана того же имени. Трудно сказать, чего болѣе былъ онъ достоинъ, любви или уваженія. Въ дѣйствіяхъ и рѣчахъ его было нѣчто особенно-благородное, отличающее его отъ другихъ дворянъ. Членомъ избрали дворяне отставнаго гвардіи поручика, Алексѣя Гавриловича Караулова, человѣка довольно пожилаго, степеннаго, который слова́ выпускалъ на мѣру и на вѣсъ, у котораго немного было идей, но довольно смыслу, чтобы по пустому не говорить. Купцы посадили въ комитетъ торговца, не весьма богатаго, добраго и толстаго простяка, Петра Васильевича Козицына. Не знаю, какіе были толки у матери моей съ княземъ Голицынымъ; но въ одно утро предложили они мнѣ мѣсто члена отъ правительства въ семъ комитетѣ. Я принялъ это предложеніе съ удовольствіемъ и благодарностію; ибо тяжело бы мнѣ было во всеобщемъ движеніи оставаться простымъ зрителемъ всего происходящаго. Я продолжалъ числиться въ Министерствѣ Финансовъ и въ отпуску, и объ этомъ назначеніи мнѣ стоило только увѣдомить мое начальство. Сверхъ того, въ нашъ комитетъ назначены были секретаремъ: Иванъ Ѳеоимовичъ Аѳанасьевъ, малый проворный, великій писака, и казначеемъ—Андрей Сергѣевичъ Мартыновъ, помѣщикъ весьма достаточный, извѣстный губернаторскій и архіерейскій угодникъ, самый добрый и откровенный изъ подлецовъ и трусовъ.

Засѣданія наши открыли мы въ Понедѣльникъ, 2 Сентября, день также весьма памятный въ этомъ году. Среди занятій нашихъ мы однакоже нетерпѣливо ожидали прибытія почты; она пришла и привезла намъ, увы, послѣднія Московскія газеты. Въ нихъ прочитали мы реляцію о великомъ Бородинскомъ дѣлѣ 24 и 26 чиселъ; узнали, что поле битвы осталось за нашими и... не смѣли радоваться. Кто побѣдитель? Кто побѣжденный? Этого опредѣлительно сказано не было, и сіе недоумѣніе насъ пуще тревожило. А между тѣмъ воздухъ охолодѣлъ, дождикъ лилъ ливмя; городъ былъ наполненъ пріѣзжими, и по грязнымъ улицамъ его въ этотъ день скакали они изъ дома въ домъ, въ какой-то тоскливой суетѣ.

Куды какъ всю эту недѣлю тяжело было у меня на сердцѣ! Къ счастію, заботы по новому временному служенію моему оставляли мнѣ немного часовъ для грустныхъ размышленій. Наборъ ратниковъ почти уже кончился; съ одной стороны требованія, а съ другой деньги начали поступать къ намъ въ большомъ количествѣ; надобно было наскоро завести канцелярскій порядокъ и счетную часть; съ помощію моихъ добрыхъ товарищей, въ семъ дѣлѣ столь же неопытныхъ какъ и я, все какъ-то уладилось. Въ Русской землѣ, когда нужда того потребуетъ, все должно скоро вскипѣть и поспѣвать.

Какъ странно было видѣть, въ продолженіе этой недѣли, что при постоянно сырой, ненастной погодѣ, на Пензенскихъ улицахъ затрудняется проѣздъ отъ множества неизвѣстныхъ экипажей, запачканныхъ, забрызганныхъ грязью, каретъ, колясокъ, колымагъ и цѣлыхъ дорожныхъ обозовъ. Мы сначала подумали, что всѣ семейства уѣздныхъ помѣщиковъ рѣшились поселиться въ губернскомъ городѣ; но вскорѣ узнали, что то были эмигранты изъ Смоленской губерніи, которые хотѣли у насъ пріютиться и съ трудомъ искали квартиръ: за довольно большія деньги находили они себѣ помѣщенія въ небольшихъ домахъ мелкихъ чиновниковъ и мѣщанъ въ нижней части города.

Никто не хотѣлъ или не умѣлъ въ ихъ появленіи между нами видѣть одно изъ чудесъ царствованія Екатерины. Древній Русскій городъ Смоленскъ, въ несчастное время смутъ, Лжедимитріевъ и междуцарствія, сдѣлался добычей Польши; силою оружія царь Алексѣй Михайловичъ возвратилъ его опять Россіи, но въ короткое время Польскаго владычества, онъ до того ополячился, что еще внука сего самаго Алексѣя Михайловича, государыня Елисавета Петровна, къ кому то писала: «Какъ мнѣ быть съ Смольянами? Я ли ихъ не тѣшу? Но какъ видно по пословицѣ, какъ волка не корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ». Настоящей преемницѣ ея, Екатеринѣ Второй, которая не тѣшила и не угнетала ихъ, достаточно было тридцати четырехъ лѣтъ, чтобы совершенно перелить ихъ въ Русскихъ, да еще въ какихъ! Самыхъ вѣрныхъ и преданныхъ престолу и своему истинному отечеству.

Такими явили они себя въ началѣ этой войны. Нѣкоторые помѣщики сами собою вооружили дворовыхъ людей и крестьянъ и составили изъ нихъ небольшіе партизанскіе отряды, которые при переходѣ Французовъ тревожили ихъ, нападали на ихъ обозы и захватывали отсталыхъ, и такимъ образомъ подали примѣръ и мысль о партизанской войнѣ и всеобщемъ вооруженіи. Одинъ изъ нихъ, доблестный Энгельгардтъ, попавшійся въ плѣнъ, правосуднымъ Французскимъ начальствомъ былъ разстрѣлянъ. Семейства свои, послѣ паденія Смоленска, съ полною довѣренностію отправили они въ самую глубь родной Россіи. Сначала не могли они слишкомъ быть довольны гостепріимствомъ Пензы; но вскорѣ потомъ, какъ объясню я далѣе, поступлено было съ ними истинно по-братски.

Приблизился, наконецъ, тотъ день, въ который, лишившись послѣдней надежды спасти наше сокровище, мы вмѣстѣ съ тѣмъ освободились отъ всякаго страха: день сильнаго перелома, въ который война совершенно превратилась въ отечественную, въ народную, и, для пришельцевъ наступило время погибели.

V.

Въ Воскресенье, 8 Сентября, день Рождества Богородицы, пошелъ я на поклоненіе губернатору, какъ будто уже моему начальнику. Я нашелъ его въ залѣ, провожающаго князя Четвертинскаго. Я худо повѣрилъ глазамъ своимъ, и у меня въ нихъ помутилось. Не будучи съ нимъ лично знакомъ, много разъ встрѣчалъ я въ Петербургскихъ гостинныхъ этого красавца, молодца, опаснаго для мужей, страшнаго для непріятелей, обвѣшаннаго крестами, добытыми въ сраженіяхъ съ Французами. Я зналъ, что сей извѣстный гусарскій полковникъ, наѣздникъ, долго владѣвшій женскими сердцами, наконецъ самъ страстно влюбился въ одну княжну Гагарину, женился на ней и сдѣлался мирнымъ жителемъ Москвы; зналъ также, что, по усильной просьбѣ графа Мамонова, онъ взялся сформировать его конный казачій полкъ. Какими судьбами онъ въ Пензѣ? Чтó имѣетъ онъ съ нею общаго? Оборотясь къ одному изъ братьевъ Голицыныхъ и на него указывая: «чтò это значитъ?» спросилъ я. «Онъ пріѣхалъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, навѣстить жену свою, которая теперь съ матерью находится въ Пензѣ, проѣздомъ въ Саратовское имѣніе».—«А чтò армія?» спросилъ я.— «Онъ видѣлъ ее на Поклонной горѣ, гдѣ собирались, кажется, дать послѣднее рѣшительное сраженіе». Пріѣздъ Четвертинскаго мнѣ все сказалъ. Онъ не хочетъ быть дурнымъ вѣстникомъ, подумалъ я, и на день, на два оставляетъ намъ еще надежду.

Цѣлый день ходилъ я какъ шальной, избѣгая, елико возможно, дѣлать вопросы. Вечеромъ навѣстили меня братья Ранцовы, изъ коихъ старшій былъ нѣкогда моимъ товарищемъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ; видъ ихъ показался мраченъ и угрюмъ. Говоря о томъ о семъ, «завтра Понедѣльникъ, сказалъ я, чтò-то привезетъ намъ завтрашняя почта?»—«Нѣтъ, сказалъ мнѣ младшій Ранцовъ, не ждите ея, она уже не придетъ», и... объявилъ мнѣ истину. Четвертинскій не могъ скрыть ее отъ губернатора, а сей скромный человѣкъ сказалъ ее на ухо двумъ или тремъ столь же скромнымъ людямъ, такъ что къ вечеру, кромѣ меня, почти весь городъ зналъ, что Москва сдана безъ бою.

Не помню, чтó было со мною въ слѣдующіе дни; только кажется, что безъ заботъ комитета я сошелъ бы съ ума. Въ эти горестные дни семейство наше, 11 Сентября, было нѣсколько утѣшено и обрадовано пріѣздомъ брата моего, который на время отлучился отъ арміи для свиданія съ родными. Разсказъ сего достовѣрнаго очевидца въ семейномъ кругу, сколько припомню, передаю здѣсь читателю.

Отъ самаго Смоленска, Курляндскій драгунскій полкъ, въ коемъ онъ служилъ, находился въ аріергардѣ и прикрывалъ отступленіе нашей арміи, слѣдственно ежедневно имѣлъ или сильную драку или, по крайней мѣрѣ, перестрѣлку съ непріятелемъ. На великомъ пространствѣ, коимъ проходило войско, каждый день и каждую ночь самыя печальныя зрѣлища представлялись ему. Не проходило ночи, чтобы горизонтъ во многихъ мѣстахъ не былъ освѣщаемъ заревомъ окрестъ пылающихъ селъ. Кто зажигалъ ихъ? Неужели Французы? Это было бы верхъ безумія: какъ истреблять все по единственной линіи сообщенія ихъ съ Польшей и Европой? Развѣ только наше войско? Но пожары всегда были видны позади его, въ той сторонѣ, куда приходило непріятельское. Въ иныхъ мѣстахъ, можетъ быть, отчаяніе жителей предавало огню то чего не хотѣлось имъ отдать въ руки нехристей, какъ они полагали; а въ другихъ, можетъ-быть, причиною была неосторожность при разведеніи биваковъ. Въ селеніяхъ, куда приходили они днемъ, вездѣ находили они крестьянъ или убирающихъ скромные свои пожитки, или уже ихъ уложившихъ на возы и готовыхъ къ отъѣзду; всюду спрашивали они ихъ: «скажите, батюшки, далеко ли еще злодѣй-то, извергъ рода человѣческаго?» Женскій полъ являлъ сцены трогательныя, раздирающія душу. Старыя крестьянки, въ обыкновенное время столь крикливыя и сварливыя, казались молчаливо-сердиты. Молодыя же, въ избыткѣ чувствъ и горести, по-своему краснорѣчиво выражали ее, разставаясь съ родимымъ гнѣздомъ. «Прости, моя милая горенка; долго холила, чистила и мыла я тебя; теперь, видно, пришлось въ послѣдній разъ омыть тебя только горючими слезами», приговаривали онѣ. Бывало, что иныя въ этомъ случаѣ падали въ непритворный обморокъ. Особенно же братъ мой не могъ смотрѣть равнодушно на семейства сихъ простыхъ людей, когда, готовясь снять со стѣны наслѣдственныя иконы, они съ мольбою упадали ницъ предъ ними и потомъ нѣжно, уныло и почтительно изъ избы выносили съ собою пенаты свои. И это, говорятъ, кочевой народъ! Это варвары, неумѣющіе ничего чувствовать и понимать!

За два дня до большаго Бородинскаго дѣла, 24 Августа, былъ прологъ его, который отдѣльно самъ могъ бы почитаться великимъ сраженіемъ. Въ этотъ день братъ мой получилъ сильную контузію въ правую ногу, такъ что съ трудомъ могли снять его съ лошади, положили въ телѣгу, запряженную двумя его лошадьми, верховою и вьючною, и отправили за 10 верстъ въ столь же извѣстный какъ и маловажный городокъ Можайскъ. Въ семъ опустѣломъ мѣстѣ раненые, коихъ число было еще не такъ велико, могли выбирать любыя квартиры. 25-е число прошло для него довольно тихо, но 26-го

былъ онъ пробужденъ такимъ пушечнымъ громомъ, какого, не взирая на разстояніе, онъ дотолѣ не слыхивалъ. Такъ продолжалось почти до вечера; тогда раздались другіе, ужаснѣйшіе звуки. Всѣми ранеными, коихъ можно было только свезти съ поля сраженія, наполнился городокъ; въ домахъ его ни чулана, ни чердака не осталось пустаго. Но всего этого было мало: двѣ трети сихъ несчастныхъ не могли помѣститься, и они тысячами страдали и умирали на улицахъ, кои были ими завалены. Стоны и крики слышны были всю ночь: кто тщетно просилъ воды, чтобъ утолить его смертельную жажду, кто просилъ, чтобъ его прикололи. Брату было не до собственныхъ страданій и, не смотря на нихъ, рѣшился онъ на другое утро, безъ всякаго вида, отправиться въ Москву, куда и прибылъ онъ 29 числа.

Онъ гдѣ-то остановился близъ Дорогомиловскаго моста. Вообще имѣлъ онъ мало знакомыхъ въ Москвѣ, а тутъ, съ помощію слуги своего, нашелъ только одного, полицеймейстера полковника Адама Ѳомича Брокера, великаго пріятеля зятя нашего и любимца Растопчина. Изъ пріязни и состраданія привезъ онъ ему медика, и самъ раза по два въ день навѣщалъ его. Въ день Александра Невскаго, именины Императора, пріѣхалъ онъ къ нему поздно ночью прямо изъ маскарада, послѣдняго публичнаго увеселенія въ Москвѣ, послѣ котораго нескоро должны были они возобновиться въ этомъ всесожженію обреченномъ городѣ. Залы по обыкновенію, сказывалъ онъ, были ярко освѣщены; но посѣтителями ихъ были только съ полдюжины раненыхъ молодыхъ офицеровъ, да съ дюжину не весьма пристойныхъ дѣвицъ. Черезъ два дня въ такую же пору пріѣхалъ онъ ему сказать, что онъ долженъ поспѣшить выѣздомъ изъ Москвы, если не хочетъ попасться въ плѣнъ къ Французамъ. Въ брошенныхъ хозяевами домахъ находилось множество забытыхъ ими или оставленныхъ экипажей; въ минуту, когда они должны были сдѣлаться добычею непріятеля, всякій, кто имѣлъ въ томъ нужду, бралъ ихъ себѣ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Въ спасительной заботливости своей, Брокеръ привезъ брату, изъ числа ихъ, одну весьма хорошую коляску, какъ будто никому не принадлежащую; да сверхъ того, вручилъ ему видъ за подписаніемъ графа Растопчина. Это были уже не услуги, а настоящія благодѣянія.

Въ семь часовъ утра, 2 Сентября, поднялся братъ мой, а въ восемь былъ уже за Покровскою заставой. Ужасомъ наполнилось сердце его, когда проѣзжалъ онъ по опустѣвшимъ безконечнымъ улицамъ Москвы, мимо высокихъ зданій, коихъ жители, казалось, всѣ вымерли: ни лица, ни голоса человѣческаго. На пути изъ края въ край обширнѣйшаго города, встрѣтилъ онъ всего человѣкъ семь или восемь ощипанныхъ, оборванныхъ, съ подозрительными фигурами, которые какъ

будто еще прятались, зловѣщія тѣни, которыя быстро исчезали. Но, приближаясь къ заставѣ, для всѣхъ уже открытой, толпы людей становились все гуще и гуще; проѣхавъ же ее, съ трудомъ могъ онъ подвигаться впередъ посреди плотной массы удаляющихся. Безпорядокъ, въ которомъ остатокъ народонаселенія Московскаго спѣшилъ изъ нея, являлъ картину, единственную въ своемъ родѣ, ужасную и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько карикатурную. Тамъ виденъ былъ попъ, надѣвшій одну на другую всѣ ризы и державшій въ рукахъ узелъ съ церковною утварью, сосудами и прочимъ; тамъ четвероместную, тяжелую карету тащили двѣ лошади, тогда какъ въ иныя дрожки впряжено было пять или шесть; тамъ въ телѣжкѣ, которыя и понынѣ еще въ большомъ употребленіи между среднимъ состояніемъ, сидѣла достаточная мѣщанка или купчиха, въ парчовомъ нарядѣ и въ жемчугахъ, во всемъ, чего не успѣла уложить; конные, пѣшіе валили кругомъ; гнали коровъ, овецъ; собаки въ великомъ множествѣ слѣдовали за всеобщимъ побѣгомъ, и печальный ихъ вой, чуя горе, сливался съ мычаніемъ, съ блеяніемъ, со ржаніемъ другихъ животныхъ. Шагъ за шаговъ, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ проѣхавъ такимъ образомъ верстъ пятнадцать, братъ мой рѣшился остановиться, опасаясь, что далѣе не найдетъ убѣжища по безчисленности спутниковъ. Немногіе послѣдовали его примѣру; болѣе боязливые весь день и часть ночи продолжали печальное свое шествіе. Ночью сдѣлалось почти свѣтло: огненный столбъ поднялся надъ Москвою, когда загорѣлись въ ней винные или водочные магазины. Какъ ни привыкъ мой братъ къ зрѣлищамъ разрушенія, ни которое такъ сильно его не поразило.

Проѣхавъ Коломну и Оку, многочисленное общество, съ которымъ онъ долженъ былъ ѣхать, примѣтно стало уменьшаться, и онъ, хромой, дотащился наконецъ до Пензы, гдѣ былъ встрѣченъ и окруженъ попеченіями близкихъ родныхъ и знакомыхъ врачей. Но не долѣе какъ три или четыре недѣли оставался онъ съ нами; чувствуя совершенное облегченіе, онъ опять поспѣшилъ къ знаменамъ, вскорѣ потомъ уже побѣдоноснымъ. Чтобы не забыть, скажу я здѣсь, что слѣдующей зимой за эту кампанію былъ онъ, наконецъ, произведенъ въ подполковники.

Городъ Пенза, между тѣмъ, съ каждымъ днемъ становился многолюднѣе. Изъ первыхъ пріѣзжихъ, Мордвиновъ никуда не показывался, а Рыщевскую всѣ бросили *). Послѣ Смольнянъ, изъ всѣхъ уѣздовъ

---

*) На другой день по полученіи извѣстія о взятіи Москвы, праздновала она у себя сіе счастливое событіе съ двумя Французами, Радюльфомъ и Магіеромъ. Всѣ комнаты были освѣщены. Но радостное спокойствіе сего торжества было внезапно нарушено. Градъ камней

семейства помѣщиковъ дѣйствительно начали прибывать и какъ будто спасаться въ губернскій городъ. Въ числѣ ихъ можно назвать и самоё княгиню Голицыну, мать губернатора, которая къ сыну на всю зиму переселилась изъ Зубриловки. Съ половины Сентября стали наѣзжать уже Московскіе эмигранты, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, въ великомъ множествѣ начали, какъ говорилъ народъ, пригонять плѣнныхъ. Наконецъ, поворотиться у насъ было трудно.

Пріѣзжіе Москвичи почти всѣ были люди достаточные, владѣющіе въ Пензенской губерніи или въ сосѣдственныхъ съ нею хорошими помѣстьями и ни въ чемъ не могли нуждаться. Въ домахъ, Пензенскому обществу, такъ называемому лучшему, вовсе неизвѣстныхъ, но не менѣе опрятныхъ, теплыхъ и просторныхъ, принадлежащихъ купцамъ и нѣкоторымъ чиновникамъ, нашли они себѣ удобныя квартиры, и такимъ образомъ самимъ жителямъ открыли сокровенныя отъ нихъ богатства.

Но бѣдные Смольняне, въ такомъ дальнемъ разстояніи отъ имѣній своихъ, истратившіе взятыя съ собою небольшія суммы, угрожаемы были совершенною нищетой. Тутъ дворянство наше въ отношеніи къ нимъ явило себя истинно-достойнымъ своего имени: всякій, кто только могъ, потѣснился, чтобы дать у себя мѣсто хотя одному Смоленскому семейству; разумѣется, что для дорогихъ гостей столъ былъ готовый; что овощи, картофель, рѣпа, горохъ, мука, крупа для людей, а сѣно и овесъ лошадямъ были даровые. И это довольно накладное гостепріимство сопровождалось ласками, привѣтствіями, которыя давали ему еще болѣе цѣны. Сколько разъ мать моя упрекала меня за поспѣшность, съ которою отдалъ я домъ нашъ Мордвинову. «Три семейства, потѣснившись, могли бы въ немъ помѣститься», говорила она, «а отъ полуторы тысячи рублей мы не разбогатѣемъ». Однакоже представился случай быть полезными Смольнянамъ. Одна госпожа Повалошвейковская выдала дочь за господина Гернгросса; не только съ нею и съ зятемъ своимъ, но и съ его матерью и тремя сестрами, Полоцкими жительницами, пріѣхала она; трудно было такой гурьбѣ помѣститься, и она согласилась жить въ селѣ Симбухинѣ, въ старомъ господскомъ домѣ нашемъ, гдѣ, разумѣется, всѣ провизіи были къ услугамъ ея. Тутъ у насъ на

изъ каржановъ и рукъ двухъ человѣкъ, ѣхавшихъ мимо верхомъ, посыпался въ ея окна, и всѣ стекла разбилъ въ дребезги; верховые ускакали потомъ неизвѣстно куда, и никогда не могли ихъ отыскать. Черезъ нѣсколько времени мнѣ одному открылась тайна, но я никому не объявлялъ о ней, не изъ скромности, а изъ опасенія быть подозрѣваемымъ въ подученіи. Это были—одинъ молодой малый, прежде бывшій у меня въ услуженіи, родными моими отпущенный на волю и находившійся тогда канцелярскимъ служителемъ въ Губернскомъ Правленіи; а другой—пріятель и товарищъ его въ томъ же правленіи. Оба они поступили въ ополченіе, а изъ него перешли въ настоящую военную службу.

то была еще особая причина: братъ этого Гернгросса былъ полковымъ командиромъ Митавскаго драгунскаго полка, коего генералъ Алексѣевъ былъ шефомъ, и онъ съ женою жили въ большой дружбѣ съ сестрою моей и зятемъ. Но о сихъ послѣднихъ давно уже не сказалъ я ни слова, какъ будто вовсе о нихъ позабывъ.

Не скоро могли мы получить извѣстія изъ Петербурга, который былъ отрѣзанъ отъ насъ непріятельскою арміей; только во второй половинѣ Сентября установилось съ нимъ регулярное сообщеніе чрезъ Ярославль, Кострому и Нижній Новгородъ. Письмомъ, полученнымъ, наконецъ, по почтѣ симъ новымъ трактомъ отъ сестры Натальи Филиповны были мы насчетъ ея нѣсколько успокоены; предыдущія неизвѣстно куда пропадали. До свиданія въ Абовѣ Государя съ Шведскимъ кронпринцемъ войска въ Финляндіи оставались неподвижны; но послѣ того велѣно имъ, двумъ пѣхотнымъ дивизіямъ и одной кавалерійской бригадѣ, быстро двинуться въ Петербургъ. Едва лишь успѣли они туда придти, какъ имъ приказано готовиться къ дальнѣйшему походу. Петербургское ополченіе съ такою неимовѣрною поспѣшностію было набрано, выучено и вооружено, что оно готово было присоединиться къ прибывшему изъ Финляндіи войску, чтобы вмѣстѣ съ нимъ выступить къ Полоцку для подкрѣпленія корпуса графа Витгенштейна. Зять мой, Алексѣевъ, простоялъ недѣли полторы съ бригадою своей въ Новой Деревнѣ, прежде занимаемой кавалергардскимъ полкомъ, и вмѣстѣ съ ополченіемъ оставилъ Петербургъ 8-го Сентября. Тогда бѣдная сестра на всю зиму осталась въ немъ одна. Не было возможности ѣхать къ роднымъ. Государь приказалъ отвести ей славную генеральскую квартиру въ кавалергардскихъ казармахъ, съ отопленіемъ и съ освѣщеніемъ, а сыновей ея велѣлъ принять въ Пажескій корпусъ, и ими одними была она только утѣшена. Вотъ о чемъ увѣдомляла она насъ въ письмѣ своемъ.

О Москвѣ получали мы свѣдѣнія самымъ страннымъ образомъ. Когда непріятель вступилъ въ нее, оставалось еще въ ней, говорятъ, до двадцати тысячъ жителей: однимъ не съ чѣмъ было подняться, другихъ, не предувѣдомленныхъ, застали Французы въ расплохъ; другіе же полагали, что имъ нечего ихъ бояться; а иные, питая преступныя надежды, даже ожидали ихъ съ нетерпѣніемъ. Но когда, на второй или на третій день по вступленіи, въ войскѣ Наполеона безпорядокъ и своеволіе возрасли до такой степени, что начался дневной разбой; когда ни пищи въ домахъ, ни одежды и обуви на улицахъ солдаты не оставляли несчастнымъ жителямъ, тогда всякій изъ нихъ, кто могъ и какъ могъ, старался спастись бѣгствомъ. Помѣщики многихъ губерній, въ томъ числѣ и Пензенской, посылали мальчиковъ въ Москву и от-

давали ихъ тамъ въ ученье къ мастеровымъ; многіе изъ нихъ подросли и возмужали. Они первые, какъ говорили они, дали тягу: валъ, на великомъ протяженіи окружающій Москву, такъ низокъ, что вездѣ могли они легко перепрыгнуть или даже перешагнуть черезъ него; далѣе лѣсами и болотами также не трудно было имъ прокрасться. Покрытые рубищемъ, пробирались они въ родину, питаясь мірскимъ подаяніемъ. Въ Пензу одинъ за другимъ пришло ихъ нѣсколько, и между прочимъ въ нашъ домъ двое, портной и сапожничій ученикъ. Въ нѣкоторые дома призывали ихъ для разспросовъ; отъ нихъ узнали мы много подробностей о неистовствахъ, творимыхъ врагами въ падшей столицѣ: напримѣръ, объ оскверненіи святыни, какъ знаменитую часовню Иверскія Богоматери превратили они въ нужное мѣсто; потомъ, какъ изъ лѣни и прихоти, чтобы не дѣлать крюку, переходя черезъ Каменный мостъ, заставляли они дюжихъ мужиковъ переплывать черезъ Москву-рѣку, неся ихъ на спинѣ своей. Никого изъ Французовъ столько не обвиняли они въ жестокостяхъ, какъ тѣхъ, кои, по словамъ ихъ, хорошо умѣли по-русски, хотя плохо выговаривали: всякій понялъ, что они говорятъ о Полякахъ. Въ продолженіе Сентября ежедневно сотни людей бѣжали изъ Москвы, такъ что изъ тѣхъ, кои видѣли не совсѣмъ торжественный въѣздъ Наполеона, едва осталась десятая доля, чтобы быть свидѣтелями его ужаснаго выѣзда.

Можно себѣ представить, что породили во всей Россіи разсказы людей, по всѣмъ направленіямъ изъ Москвы бѣжавшихъ. Но еще до того, при полученіи перваго извѣстія о взятіи ея, показалось между Русскими, особенно между дворянами, нѣчто страшное, давно небывалое: въ нихъ загорѣлась неутолимая, казалось, жажда мести. Москва перестала для нихъ существовать; оплакавъ какъ слѣдуетъ родимую, они съ нѣкоторою радостію смотрѣли, какъ злодѣи терзаютъ трупъ ея, мысленно приготовляя ей кровавые поминки и какъ будто предчувствуя, что не далекъ день мщенія. Всѣ опасались одного—мира съ Наполеономъ, и продолженіе войны возвеличило въ глазахъ ихъ Александра. Дѣло странное, непонятное! Едва Наполеонъ успѣлъ войдти въ Москву, какъ внутри Россіи всѣ начали видѣть въ ней западню для него и желать, чтобъ онъ долѣе въ ней оставался. Надобно было видѣть тогда, что при одномъ имени его дѣлалось съ большею частію Русскихъ: черты лица оставались неподвижны; но чело являло гнѣвъ, и уста шептали угрозы. О, вѣчно памятный Наполеонъ! Могущій, славный нашъ врагъ, гроза и жертва наша, какихъ чудесъ ты не творилъ! Тебѣ одному дано было народу бѣшеному, яростному въ пылу сраженій, но вообще безпечному, незлобивому, равнодушному, забывчивому,

вдохнуть на время всю спокойную, неистощимую Корсиканскую твою злость.

За то что̀ можетъ сравниться съ добрымъ согласіемъ, которое съ самаго начала войны, какъ сказалъ я выше, стало водворяться между всѣми состояніями? Съ силою вѣры въ Промыселъ Всевышняго, ихъ оживлявшей, не слабѣвшей, а безпрестанно возраставшей съ несчастными событіями, которыя другой народъ ввергнули бы въ отчаяніе? Прекратились всѣ ссоры, всѣ неудовольствія; составилось общее братство молящееся и отважное. Время быстро протекшее! Время вмѣстѣ ужасное и блаженное, когда, возлюбивъ другъ друга, едиными устами и единымъ сердцемъ не переставали мы призывать великое имя Его, нашего Бога и Спасителя! Кто видѣлъ это время, тотъ по гробъ его не забудетъ.

Всю осень, по крайней мѣрѣ у насъ въ Пензѣ, въ самыхъ мелочахъ старались выказывать патріотизмъ. Дамы отказались отъ Французскаго языка. Пожертвованіе жестокое! А вышло на повѣрку, что по-русски говорить имъ легче, что на нашемъ языкѣ изъясняются онѣ лучше, и что онъ весьма способенъ къ употребленію въ гостиныхъ. Многія изъ нихъ, почти всѣ, одѣлись въ сарафаны, надѣли кокошники и повязки; поглядѣвшись въ зеркало, нашли, что нарядъ сей къ нимъ очень присталъ и нескоро съ нимъ разстались. Что̀ касается до насъ, мущинъ, то, вопервыхъ, члены комитета, въ коемъ я находился, яко принадлежащіе нѣкоторымъ образомъ къ ополченію, получили право, подобно ему, одѣться въ сѣрые кафтаны и привѣсить себѣ саблю; однихъ эполетъ имъ дано не было. Губернаторъ не могъ упустить случая пощеголять новымъ костюмомъ: онъ нарядился, не знаю съ чьего дозволенія, также въ казацкое платье, только темнозеленаго цвѣта съ свѣтлозеленою выпушкой. Изъ губернскихъ чиновниковъ и дворянъ всѣ тѣ, которые желали ему угодить, послѣдовали его примѣру. Слугъ своихъ одѣлъ онъ также по-казацки, и двое изъ нихъ, вооруженные пиками, ѣздили верхомъ передъ его каретою.

Въ столь смутное время, гдѣ было собираться большому обществу? Кому была охота дѣлать званые вечера? Однакоже туземные и пріѣзжіе, на столь небольшомъ пространствѣ скопившіеся, скоро ознакомились, и чтобы раздѣлить горе свое, а иногда и забыть о немъ, часто за-просто навѣщали другъ друга и ѣздили изъ дома въ домъ; и оттого вездѣ можно было найдти толпы людей. Московскіе.... какъ бы назвать ихъ? изъ учтивости, par courtoisie (какъ сыновей Англинскихъ пэровъ именують лордами) назову ихъ аристократы, держали себя нѣсколько поодаль, неохотно искали знакомствъ и все болѣе лѣпились около князя-губернатора и его семейства; однакоже, при встрѣчахъ

со всѣми были вѣжливы и ласковы безъ притворства. Примѣчательныхъ лицъ между ими не было; и все-таки тѣхъ, коихъ не забылъ, долгомъ считаю здѣсь представить. Объ аристократіи же, которую и я самъ признавалъ за настоящую, которая никого не чуждалась, всѣхъ искала привязать къ себѣ, буду говорить послѣ.

Былъ у насъ нѣкто Андрей Михайловичъ Рябининъ, сынъ вице-адмирала, дѣйствительный камергеръ, который очень хорошо говорилъ по-французски, имѣлъ достатокъ и былъ женатъ на княжнѣ Шаховской. Изъ всѣхъ условій сихъ, съ точностію выполненныхъ, легко ему было состряпать себѣ Русскую знатность, и онъ пользовался всѣми правами ея безспорно и самодовольно, даже въ самой Москвѣ. Супруга его, совсѣмъ не миловидная, еще болѣе его, казалось, дорожила сими законно-пріобрѣтенными правами.

Другое семейство у насъ, именемъ къ аристократіи болѣе принадлежащее, были Шереметевы. Оно состояло изъ Сергѣя Васильевича *), отставнаго коллежскаго асессора, самаго добраго и простаго человѣка, изъ матери его, изъ жены его Варвары Петровны, столь же доброй и нельзя сказать геніальной женщины, которая нѣкогда, подъ фамильнымъ именемъ дѣвицы Алмазовой, сіяла красотой, и наконецъ изъ сестры его, Катерины Васильевны, которой природа отказала въ красотѣ и щедро наградила необыкновенно - пріятнымъ неувядаемымъ умомъ.

Къ этой, тогда кочующей, аристократіи принадлежалъ, кто бы подумалъ? Докторъ Скюдери, не потому, что онъ былъ искусный врачъ, не потому, что онъ былъ весьма хорошій и любезный человѣкъ, а потому, что онъ ѣздилъ во всѣ первые Московскіе дома и женился на Русской дѣвицѣ Храповицкой, которая съ сими домами была въ какомъ-то дальнемъ родствѣ.

Ни изъ однихъ Москвы и Смоленска были у насъ эмигранты: изъ отдаленнѣйшаго края, изъ Литвы, изъ Гродненской губерніи, прибыла въ Пензу вдовствующая княгиня Четвертинская. Она помнила мученическую смерть мужа своего, убитаго Варшавскою чернью за настоящую или мнимую любовь къ Россіи; помнила отеческую нѣжность Суворова къ ея семейству, неисчетныя благодѣянія, коими оное осыпала Екатерина. Не говоря уже о помѣстьяхъ ему дарованныхъ, двѣ несовершеннолѣтнія падчерицы ея сдѣланы были фрейлинами, а малолѣтній пасынокъ и два младенца-сына пожалованы прямо офицерами гвардіи. Все это были преступленія въ глазахъ Поляковъ, и она могла

---

*) Дочь его, тогда въ пеленкахъ, нынѣ за первымъ богачемъ нашимъ графомъ Димитріемъ Николаевичемъ Шереметевымъ.

страшиться ихъ мести; къ тому же, вѣроятно, она помнила еще священныя обязанности, налагаемыя благодарностію, и сыновей своихъ, не поступившихъ еще на службу, хотя весьма уже взрослыхъ, преданныхъ душою врагамъ Россіи, не хотѣла допустить присоединиться къ нимъ. Для того, сама не зная куда, рѣшилась ѣхать внутрь государства. Гдѣ-то узнала она, что родная сестра ея Рыщевская, сослана въ Пензу, и туда направила путь. Тутъ нашла она не ее одну, но еще и пасынка своего, о коемъ упомянулъ я въ самомъ началѣ сей главы. Для молодыхъ людей, сыновей ея (одного бѣлокураго, другаго чернаго) Константина и Густава, тетка и братъ были въ Пензѣ Ариманомъ и Оромзадомъ, съ двухъ сторонъ ихъ влекшими къ добру и злу; но Ариманъ-Рыщевская натурально взяла верхъ. Отъ меня такъ и несло Русскимъ духомъ, и они съ Польскимъ чутьемъ своимъ тотчасъ почувствовали отвращеніе отъ меня; я же возненавидѣлъ ихъ съ перваго взгляда. Совсѣмъ противное сему чувство внушилъ мнѣ къ себѣ старшій, родной, но не единоутробный братъ ихъ.

Родъ князей Четвертинскихъ происходитъ отъ Русскихъ государей, отъ Святаго Владиміра и отъ правнука его Святополка, князя Черниговскаго. Потомство послѣдняго, а ихъ предки, имѣли удѣлы въ Волыніи и сдѣлались подвластны Литвѣ, когда, въ несчастное для Россіи время, этотъ край отдѣлился отъ нея. Потомъ, подобно единокровнымъ князьямъ внутри Россіи, разножаясь, они бѣднѣли. При Польскомъ правительствѣ они ни разбогатѣть, ни высоко подняться не могли: ибо ни одинъ изъ княжескихъ родовъ въ Западной Россіи столь долго не стоялъ за вѣру отцовъ своихъ, столь упорно не боролся съ насиліями и прельщеніями Іезуитовъ, такъ что еще при Петрѣ Великомъ, Гедеонъ, князь Четвертинскій, былъ православнымъ митрополитомъ въ Кіевѣ; наконецъ, и они, и уже вѣрно самые послѣдніе, впали въ католицизмъ и возвысились въ почестяхъ. Кто знаетъ? Для самолюбія ихъ было лестно вспомнить, что предки ихъ возсѣдали нѣкогда на престолѣ, сдѣлавшемся столь блистательнымъ, и оттого-то, можетъ, въ разныхъ вѣтвяхъ сего рода встрѣчались люди, увлекаемые чувствомъ любви къ истинному своему отечеству. Не былъ ли въ числѣ ихъ и князь Антоній, заплатившій жизнію за подозрѣваемое въ немъ чувство сіе? Не низкая доля ожидала семейство его въ Россіи.

Старшая дочь его, Жанета, оставалась долго безбрачною. Привязанность къ ней цесаревича Константина Павловича до того простиралась, что хотя онъ былъ уже женатъ, хотѣлъ онъ развестись со своею Анною Ѳеодоровною, чтобы на ней жениться. Вдовствующая Императрица всѣми силами противилась сему союзу, и напрасно: ибо этотъ бракъ былъ бы въ тысячу разъ приличнѣе, чѣмъ тотъ, въ кото-

рый онъ послѣ вступилъ. Блестящія партіи представлялись для этой княжны, но съ честолюбивыми своими надеждами она отвергала ихъ.

Меньшая дочь, въ самой нѣжной молодости, выдана была за Димитрія Львовича Нарышкина. Родство съ царствующимъ домомъ, высокія, первыя должности при дворѣ, пятью поколѣніями постоянно, безпрерывно занимаемыя, и великое богатство между ними въ цѣлости сохранившееся, составили бы вездѣ дѣйствительную знатность, а у насъ могла она почитаться дивною. Такими преимуществами пользовалась эта отрасль Нарышкиныхъ, и вотъ начало поприща, на кое вступила сія молодая женщина. Кому въ Россіи неизвѣстно имя Марьи Антоновны? Я помню, какъ, въ первый годъ пребыванія моего въ Петербургѣ, разиня ротъ стоялъ я передъ ея ложей и преглупымъ образомъ дивился ея красотѣ, до того совершенной, что она казалась неестественною, невозможною; скажу только одно: въ Петербургѣ, тогда изобиловавшемъ красавицами, она была гораздо лучше всѣхъ. О взаимной любви ея съ императоромъ Александромъ я не позволилъ бы себѣ говорить, еслибы для кого нибудь она оставалась тайной; но эта связь не имѣла ничего похожаго съ тѣми, кои обыкновенно бываютъ у другихъ вѣнценосцевъ съ подданными. Молодая чета, однихъ лѣтъ, равной красоты покорилась могуществу всесильной любви, предалась страсти своей, хотя и съ опасеніемъ общаго порицанія. Но кто могъ устоять противъ плѣнительнаго Александра, не царя, а юноши? Кто бы не влюбился въ Марью Антоновну, хотя бы она была и горничная? Честолюбіе, властолюбіе, подлая корысть были тутъ дѣло постороннее. Госпожа Нарышкина рожденіемъ, именемъ, саномъ, богатствомъ высоко стояла въ обществѣ.....; никакія новыя, высокія титла, несмѣтныя сокровища или наружные блестящіе знаки отличія не обезславили ея привязанности.

Славное житье было тогда меньшому ихъ брату, князю Борису Антоновичу, молоденькому полковнику, милому, доброму, отважному, живому, веселому, писаному, какъ говорится, красавчику. Въ старости сохраняемъ мы часто привычки молодости; а въ молодости всегда остается у насъ много ребяческаго. Такъ и Четвертинскій, служившій въ Преображенскомъ полку, все бредилъ однимъ гусарскимъ мундиромъ и легко-кавалерійскою службой, пока желанія его наконецъ не исполнились, и его перевели въ гусары. Въ любимомъ мундирѣ дѣлалъ онъ кампаніи противъ Французовъ и дрался съ тою храбростію, съ какою дерутся только Поляки да Русскіе. Во время мира, пресыщенный наслажденіями, дарами Марса и Амура, онъ начиналъ уже скучать жизнію, какъ вдругъ настоящая любовь опять оживила его; скоро сдѣлалась она законною, и онъ съ молодою женою поселился въ Москвѣ.

Тутъ опять настигла его война среди первоначальныхъ восторговъ счастливаго супружества; онъ однакоже не отказался сослужить еще службу Россіи; но какъ полкъ, надъ коимъ принялъ онъ начальство, пошелъ въ Ярославль и не прежде слѣдующей весны могъ быть сформированъ, то и предпочелъ онъ ѣхать отыскивать отправленную имъ жену туда, гдѣ онъ ее настигнетъ. Между тѣмъ военныя обстоятельства приняли для насъ благопріятный оборотъ, и защищать Россію уже было нечего; тогда, махнувъ рукой славѣ и почестямъ, сказалъ онъ себѣ: «j'aime mieux ma mie, o gué!» и на время остался у насъ.

Молодая княгиня Четвертинская была изъ тѣхъ женщинъ, коихъ стоитъ любить. Не знаю, какъ сказать мнѣ о ея наружности? Если прямой, гибкій станъ, правильныя черты лица, большіе глаза, пріятнѣйшая улыбка и матовая, прозрачная бѣлизна неполированнаго мрамора, суть условія красоты, то она ее имѣла. Съ особами обоего пола была она равно привѣтлива и обходительна. Ее звали Надежда Ѳедоровна; но для мущинъ на челѣ этой Надежды была всегда надпись Дантова ада: «оставь надежду навсегда» *). Кто кого болѣе любилъ, мужъ или жена? Право сказать не могу.

Она пріѣхала въ Пензу съ матерью своею. Сія послѣдняя была столь долго въ Москвѣ извѣстная Прасковья Юрьевна, урожденная княжна Трубецкая, родная племянница фельдмаршала Румянцова-Задунайскаго, въ первомъ замужествѣ за полковникомъ княземъ Ѳедоромъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ. Странная встрѣча случаевъ! Отецъ княгини Четвертинской погибъ, бывъ умерщвленъ въ 1794 году, во время Варшавскаго возмущенія, почти въ одинъ день съ отцомъ мужа ея. Неутѣшная молодая вдова, мать нѣсколькихъ малолѣтнихъ дѣтей, взята была въ плѣнъ и въ темницѣ родила меньшую дочь, какъ гдѣ-то сказалъ я; вмѣстѣ съ другими была она освобождена Суворовымъ послѣ взятія Праги. Долго отвергала она всякія утѣшенія, въ серьгѣ носила землю съ могилы мужа своего; но вмѣстѣ съ твердостію имѣла она необычайныя, можно сказать, невиданныя живость и веселость характера; разъ предавшись удовольствіямъ свѣта, она не переставала имъ слѣдовать.

Она жила въ Москвѣ, въ странномъ городѣ, гдѣ на все смотрятъ, всему подражаютъ, все дѣлаютъ въ преувеличенномъ видѣ. Правнуки степенныхъ княгинь и боярынь, рѣдко покидавшихъ свои терема̀, пользовались въ немъ совершенною свободой, смѣю даже прибавить излишнею. Сбросивъ иго старинныхъ предразсудковъ, онѣ часто не хотѣли повиноваться и законамъ приличія. Тридцать или сорокъ лѣтъ спустя,

---

*) Извѣстнѣйшій нашъ поэтъ въ досадѣ сказалъ тоже о Петербургскихъ дамахъ.

родился комунизмъ, и показались львицы; но тогда никто не могъ имѣть объ нихъ понятія; однакоже названіе *бойкихъ* Московскихъ дамъ и барышень и тогда вселяло страхъ и уваженіе въ провинціалкахъ, не смѣвшихъ имъ подражать. Смотря безпристрастно, я нахожу, что нравы были дурны, но не испорчены; я полагаю, судя по холодности Русскихъ женщинъ, что грѣха было мало, или и вовсе его не было, но соблазна много. Худо было то въ этомъ жестокомъ и снисходительномъ городѣ, что клевета или злословіе не оставляли безъ вниманія ни одной женщины. И все это дѣлалось (и дѣлается) безъ всякаго дурнаго умысла; всѣ эти примѣчанія, выдумки совсѣмъ не были камнями, коими бы хотѣли бросать въ грѣшницъ; ибо каждый зналъ, что онъ самъ можетъ быть ими закиданъ. Радуясь чужому паденію, казалось, говорили: нашего полку прибыло. Чтобы сохранить чистое имя, должны были женщины приниматься за pruderie, что̀ иначе не умѣю я перевести, какъ словомъ жеманство. Ихъ число было немалое, но ихъ не терпѣли и надъ ними смѣялись, тогда какъ торжество и побѣды ожидали истинно или мнимо-виновныхъ. Бѣда вся оттого, что въ Москвѣ не было регулятора—двора и тѣхъ бдительныхъ полицеймейстеровъ въ юбкахъ, которые въ другихъ столицахъ наблюдаютъ за порядкомъ въ гостиныхъ большаго свѣта. Прасковья Юрьевна, которая всему охотно смѣялась, особенно вранью, никакъ не хотѣла разсердиться за то, что̀ про нее распускали.

Но время шло, дѣти росли, и когда она совсѣмъ почти начинала терять свои прелести, явился обожатель. То былъ Петръ Александровичъ Кологривовъ, отставной полковникъ, служившій при Павлѣ въ кавалергардскомъ полку. Утверждаютъ, что онъ былъ въ нее безъ памяти влюбленъ. Où l'amour va-t-il se nicher? Любовь, куда тебя занесло? хотѣлось бы сказать. А между тѣмъ оно было такъ: надобно было имѣть необыкновенную привлекательность, чтобы въ утробѣ этого человѣка расшевелить нѣчто нѣжное, пламенное. Дотолѣ и послѣ ничего подобнаго нельзя было въ немъ найти. Въ душѣ его, въ умѣ, равно какъ и въ тѣлѣ, все было аляповато и неотесано. Я не знавалъ человѣка болѣе его лишеннаго чувства, называемаго тактъ: онъ безъ намѣренія дѣлалъ грубости, шутилъ обидно и говорилъ не въ попадъ. Любовь такихъ людей бываетъ обыкновенно настойчива, докучлива, неотвязчива. Во Франціи, говорятъ, какая-то дама, чтобы отвязаться отъ преслѣдованій влюбленнаго, вышла за него; въ Россіи это не водится, и Прасковья Юрьевна не безъ причины согласилась отдать ему свою руку. Какъ всѣ знатные у насъ, не однѣ женщины, но и мущины, не думала она о хозяйственныхъ дѣлахъ своихъ, которыя пришли въ совершенное разстройство. Она до безумія любила дѣтей сво-

ихъ; мальчики вступали въ тотъ возрастъ, въ который по тогдашнему обычаю надобно было готовить ихъ на службу, дѣвочки съ каждымъ годомъ милѣе разцвѣтали. Какъ для нихъ не пожертвовать собою? Какъ не дать имъ защитника, опекуна и опору? Вообще же женщины любятъ любовь, и не такъ какъ мы, видя ее къ себѣ въ существахъ даже имъ противныхъ, не могутъ отказать имъ въ участіи и состраданіи; а тамъ, поглядишь, онѣ уже и раздѣляютъ ее. Кологривовъ имѣлъ весьма богатое состояніе, да сверхъ того, не смотря на военное званіе свое, былъ великій хлопотунъ и дѣлецъ.

На полдорогѣ, между Пензой и Зубриловкой, было у него обширное помѣстье, село Мещерское, на три версты растянутое. Туда пробираясь, остановился онъ на всю зиму въ Пензѣ съ семействомъ, то есть съ женою и съ двумя падчерицами, княжнами Софьею и Любовью; съ ними вмѣстѣ жили и Четвертинскіе.

Я написалъ почти исторію этого дома, оттого, что онъ сдѣлался моею отрадой: бывало погрустятъ о Москвѣ, а тамъ и примутся за хохотъ, за растабары, и нечувствительнымъ образомъ забудешься и, хотя на время, уймется сердечная тоска.

Польско-Французская компанія, не смотря на родство, очень рѣдко тутъ показывалась: сборнымъ мѣстомъ ея былъ домъ госпожи Рыщевской. Прибытіемъ въ Октябрѣ плѣнныхъ Французскихъ офицеровъ сдѣлалось въ немъ большое приращеніе, но не умножились пріятности и достоинство его. Всѣ эти господа были въ поношенномъ, а мѣстами истертомъ и изорванномъ платьѣ; бѣдѣ этой помочь легко, лишь были бы деньги, а Рыщевская не жалѣла ихъ, чтобы обмундировать любезныхъ Французовъ. Но манеры ихъ и казарменныя рѣчи поправить она не могла; всѣ они отъ сохи перешли прямо къ ружью и шпагѣ, воспитаны были въ лагерѣ и не могли произнесть ни одного слова, не сопровождая его слишкомъ энергическими, непристойными терминами, такъ что сама Рыщевская, кажется, принуждена была, наконецъ, отказаться отъ ихъ посѣщеній.

VI.

Наступила глухая осень. Желаніе Русскихъ исполнялось: Наполеонъ не трогался съ мѣста; казалось, его взяло какое-то раздумье. Мы не могли знать причинъ его нерѣшимости, да, лучше сказать, и ничего не знали о томъ, что̀ происходитъ въ арміи. Извѣстія о ней, печатаемыя въ Петербургскихъ газетахъ, которыхъ никто прежде у насъ не получалъ, дѣлая великій объѣздъ, приходили къ намъ весьма поздно. Мы знали только, что въ селеніи Леташевкѣ, на Калужской дорогѣ, находится главная квартира новопожалованнаго фельдмаршала

Кутузова. Надежда, между тѣмъ, закралась и ко мнѣ въ сердце и съ каждымъ днемъ болѣе возрастала. Про себя проходя мысленно исторію чуднаго града Москвы, вспоминалъ я, вычитывалъ всѣ Татарскія, Литовскія и Польскія нашествія, которыя, разрушая ее, объ нее сокрушались. Сходство между настоящимъ и давнопрошедшими событіями становилось очевидно, когда непобѣдимые воины бродили голодными стаями по опустошеннымъ окрестностямъ обгорѣвшей столицы и всегда почти дѣлались жертвами неустрашимости даже поповъ и деревенскихъ бабъ. Какъ было твердо не уповать на помощь небесную!

О первомъ настоящемъ успѣхѣ нашего войска узналъ я первый, и пресмѣшнымъ образомъ. Былъ нѣкто майоръ Францовъ, обрусѣвшій Полякъ Нѣмецкаго происхожденія, который всю жизнь прослуживъ въ гарнизонныхъ полкахъ, сдѣлался наконецъ командиромъ Пензенской штатной роты, и на этомъ покойномъ мѣстѣ надѣялся окончить вѣкъ. Но въ 1811 году роты сіи были взяты изъ-подъ начальства губернаторовъ и послужили основаніемъ составлявшагося тогда корпуса внутренней стражи; и бѣдный Францовъ, здоровый еще тѣломъ, но вѣчный инвалидъ умомъ, надѣвъ эполеты, долженъ былъ опять приняться за фронтъ. Замѣчателенъ былъ онъ также великимъ невѣдѣніемъ своимъ и, кажется, былъ не изъ храбраго десятка: когда въ 1812 году потребовали и внутреннюю стражу, и она стала въ ряды сражающихся, не знаю какъ Францовъ умѣлъ это дѣлать, только безпрестанно, не вдаваясь въ опасности, отводилъ и приводилъ онъ какія-то команды и рекрутскія партіи. Не помню, 16 или 17 Октября сказали мнѣ, что онъ пріѣхалъ изъ Рязанской губерніи; я скорѣе къ нему, и онъ встрѣтилъ меня радостною вѣстію о пораженіи Французовъ, о которомъ достовѣрно слышалъ онъ въ Рязани. «Да гдѣ это было? и кто командовалъ?» спросилъ я его. «Да кому же? Нашъ генералъ-майоръ Русановъ». Это былъ окружной генералъ внутренней стражи и его начальникъ, и онъ выше его никого въ арміи не полагалъ. «Да это просто вздоръ; охота же мнѣ слушать дурака!» съ досадою подумалъ я. Не менѣе того, въ тотъ же вечеръ не утерпѣлъ я, чтобы не объявить о пустой вѣсти нѣкоторымъ знакомымъ; одни смѣялись, а другіе, хватаясь за все что льстило ихъ надеждамъ, находили, что тутъ можетъ быть и правда. На другой же день всѣхъ взяло тревожное любопытство: стали развѣдывать, сторожить всякаго пріѣзжаго, какого бы званія онъ ни былъ, разспрашивать его, и дня черезъ два узнали, наконецъ, что Францовъ не совсѣмъ совралъ и что, дѣйствительно, не Русановъ, а Бенигсенъ, 6-го числа при Тарутинѣ, одержалъ великую побѣду надъ Мюратомъ. Это было только прелюдіемъ другихъ, еще болѣе важныхъ, болѣе радостныхъ извѣстій.

Домоправители, прикащики оставленныхъ въ Москвѣ господскихъ домовъ, изъ нея бѣжавшіе, жили однакоже не очень вдалекѣ отъ нея. Другіе, изъ усердія, чтобы спасти господское добро, не покидали ея и претерпѣвали всѣ мученія и нужды, коимъ подвергнута была горсть оставшихся въ ней жителей; нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось разжалобить полковниковъ и офицеровъ, и подъ ихъ защитою сберегать имущество, ихъ храненію ввѣренное. Первые кинулись въ Москву, коль скоро узнали только, что она очищена отъ непріятеля; тѣ и другіе, приведя въ извѣстность сколько чего погибло и чтó сохранилось, поспѣшили съ нарочно-посланными отправить донесенія свои къ владѣльцамъ въ мѣста ихъ пребыванія. Одинъ изъ сихъ посланныхъ, первый прискакалъ въ Пензу къ Кологривову, рано поутру, 22-го числа, въ день Казанской Божіей Матери.

Можно себѣ представить чувство радости и печали вмѣстѣ, при полученіи сопровождаемаго подробностями привезеннаго имъ извѣстія. Церкви въ этотъ день наполнены были народомъ, и благодарственнымъ молебнамъ не было конца. Нашимъ Москвичамъ посчастливилось: почти у всѣхъ уцѣлѣли дома; нѣкоторые были деревянные, а пламя, которое вокругъ все пожирало, какъ будто съ осторожностію обошло ихъ. Этого мало: въ иные снесены были, среди всеобщаго разгрома, захваченныя дорогія вещи, картины, зеркала, бронзы, цѣлыя библіотеки книгъ, которыя Французы, при великой поспѣшности, съ какою выходили, увезти съ собою не имѣли средствъ. Разбирать, кому вещи эти принадлежали прежде, не было возможности, и онѣ остались собственностію тѣхъ, къ кому попали.

Прощаніе Наполеона съ Москвою было жестокое, варварское; одни только Вандалы, безъ всякой нужды, любили истреблять памятники древности. Всякаго рода славы хотѣлось этому человѣку, даже— Эрострата и Омара. Онъ задумалъ внутренность холма, на коемъ поставленъ Кремль, начинить тысячами центнеровъ пороха, дабы въ одно мгновеніе, знаменующее его отбытіе, разрушить созданіе вѣковъ; въ бѣшенствѣ неудачъ ему такъ и хотѣлось вырвать самое сердце Россіи. Но Богъ не попустилъ: цѣлые водопады, по сказаніямъ самихъ Французовъ, низринулись съ неба на землю, чтобы въ утробѣ ея затушить адскій огонь. Уголъ Арсенала, часть стѣны и Никольской башни взлетѣли только на воздухъ; но, о чудо новое, не только икона на башнѣ висящая, даже стекло ее покрывающее остались невредимы. Великъ-ли былъ въ эти дни великій Наполеонъ, когда въ дѣйствіяхъ своихъ являлъ одну только злость безсилія? Пусть о томъ посудятъ нынѣшніе его почитатели. Онъ еще не палъ тогда, и здѣсь еще не мѣсто выговорить послѣднее слово безпристрастнаго сужденія моего о немъ.

Но куда онъ направитъ теперь разрушительный свой ходъ? Куда онъ пойдетъ? Онъ пошелъ, куда повела его рука Божія. Она подъ Малымъ Ярославцемъ заслонила ему дорогу во внутреннія области, въ изобильную и теплую Украйну, и насильно поворотила его на тотъ самый путь, гдѣ, незадолго передъ тѣмъ, земля стонала подъ шагами шести-сотъ-тысячной его арміи, гдѣ отъ приближенія ея все гибло, все превращалось въ пепелъ, гдѣ, слѣпое орудіе Провидѣнія, онъ самъ себѣ готовилъ гибель. Когда съ неописанною радостію узнали у насъ о томъ, то всѣ вскрикнули: «ну, теперь ему конецъ!» «Нѣтъ, еще не совсѣмъ», отвѣтъ былъ свыше, «но онъ уже недалекъ».

Отъ добрыхъ вѣстей, одна за другою быстро слѣдовавшихъ, не вдругъ мы опомнились; но когда, въ началѣ Ноября, мрачныя тучи совсѣмъ закрыли отъ насъ небо, и снѣгъ покрылъ вдругъ всю землю, когда зима, съ своими ужасами, прежде обыкновеннаго времени къ намъ поспѣшила, намъ показалось тогда, что горизонтъ совершенно прояснился. По мѣрѣ удаленія Наполеона, угрюмость стала исчезать съ лицъ нашихъ, морщины—со лбовъ; но увы, какъ будто понемногу началъ слабѣть и энтузіазмъ моихъ соотечественниковъ. Таковъ-то еще народъ Русскій въ своей незрѣлости, отъ барина до мужика: бѣда проходитъ, бѣда едва прошла, а ее какъ будто бы уже никогда и не бывало.

Въ день именинъ моихъ, 14 Ноября, получилъ я прекрасный подарокъ: мнѣ принесли первый нумеръ вновь выходящей Московской газеты, и я нашелъ въ ней подробности какъ о разстройствѣ, о всѣхъ безпорядкахъ быстраго побѣга Наполеоновой арміи, такъ и о столь же быстромъ преслѣдованіи ея самимъ Кутузовымъ, о новыхъ подвигахъ прославившихся въ эту войну партизановъ: Давыдова, Сеславина, Фигнера; о летучихъ стаяхъ казацкихъ, которыя со всѣхъ сторовъ теребили бѣгущихъ, пока не уступили ихъ хищнымъ звѣрямъ и птицамъ, псамъ и коршунамъ. Казалось дѣло конченнымъ, и погибель враговъ нашихъ неизбѣжною.

Еще болѣе утвердились мы въ этомъ мнѣніи, когда 22 числа получили мы извѣстіе о дѣлѣ, бывшемъ 4-го подъ Краснымъ. Ужасный сѣверный вѣтеръ, какъ гнѣвъ Божій, внезапно настигъ еще многочисленныя толпы несчастныхъ, полуодѣтыхъ, полуобутыхъ. Одни, еще согрѣтые мужествомъ, отстрѣливались; другіе, не въ силахъ владѣть оружіемъ, роняли его изъ окоченѣлыхъ рукъ и тысячами сдавались. Небо явно споспѣшествовало намъ: стихіи сдѣлались нашими союзницами; отъ проливнаго дождя, спасшаго древній Кремль, до жестокаго мороза, близъ Смоленска истребившаго бо́льшую, лучшую часть непріятельской арміи, едва прошло три недѣли.

Все оживилось, все радостно зашумѣло у насъ. Въ злобѣ еще не совсѣмъ угасшей, никто изъ насъ не подумалъ пожалѣть о тысячахъ несчастныхъ жертвъ, насильно противъ насъ привлеченныхъ; во всѣхъ нихъ видѣли мы еще лютыхъ звѣрей, въ погонѣ за коими ни единаго Кутузовъ не долженъ былъ пощадить.

Губернатору Голицыну давно уже хотѣлось поплясать; но въ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась тогда Россія, балъ могъ бы почесться верхомъ неприличія. Тутъ показалось ему, что всѣ находятся въ одинаковомъ съ нимъ расположеніи, и онъ всѣхъ, туземныхъ и пріѣзжихъ, поспѣшилъ пригласить на большую вечеринку въ день именинъ жены своей, 24 Ноября. Губернаторскій домъ довольно великъ, а въ комнатахъ его едва продраться было возможно. Веселѣе и забавнѣе этого бала я не видалъ: онъ былъ вмѣстѣ и раутъ, и маскарадъ безъ масокъ. Многіе изъ мущинъ, находя, что на именинный вечеръ къ губернаторшѣ, къ княгинѣ, пріѣхать не въ гражданскомъ мундирѣ будетъ слишкомъ непочтительно, явились въ немъ при шпагахъ; другіе дерзнули облечься опять во вражій костюмъ, во фраки, и самъ хозяинъ въ этомъ случаѣ послужилъ имъ примѣромъ (казачій кафтанъ успѣлъ уже ему надоѣсть); ополченные, затянутые, съ эполетами и саблями, имѣли довольно воинственный видъ; другіе же, въ томъ числѣ и я, въ широкихъ сѣрыхъ или зеленыхъ зипунахъ казались нѣсколько мужиковаты. Еще болѣе пестроты являлось между прекраснымъ поломъ: бо̀льшая половина дамъ была красивѣе въ сарафанахъ и повязкахъ; другія же, по склонности къ перемѣнѣ, нарядились по послѣдней извѣстной имъ модѣ; пожилая Полька Рыщевская была въ чалмѣ и казалась бунтующимъ Турецкимъ пашею. Эмигрантки одѣты были слишкомъ скромно; однакоже замѣтно было, что Смольянки, по недостатку въ деньгахъ и въ модныхъ торговкахъ, надѣли довольно поношеное простое платье, тогда какъ гордыя Московки для Пензенскаго общества не захотѣли позаботиться о туалетѣ. Но кто бы въ какомъ нарядѣ ни былъ, вниманіе мало обращалось на то: угощеніе, освѣщеніе были славныя, и всѣ плавали въ удовольствіи, въ веселіи.

Праздникъ этотъ былъ только сигналомъ другихъ увеселеній, продолжавшихся во всю зиму; Голицыну удалось заманить въ Пензу и остановить въ ней два богатыхъ, увеселительныхъ семейства, которыя нѣкоторымъ образомъ какъ будто одно изъ себя составляли; объ одномъ изъ нихъ упомянулъ я мелькомъ.

Двѣ сестры, дѣвицы Машковы, Ольга и Елисавета Александровны, были выданы замужъ, одна за Николая Андреевича Арапова, другая за нѣкоего г. Улыбышева. О первой я уже говорилъ, когда попалъ къ ней въ

деревню въ то самое время, какъ получено было извѣстіе о свиданіи Наполеона съ Александромъ въ Тильзитѣ. Она имѣла ростъ высокій, осанку важную, тѣло обширное и ошибалась, почитая столь же обширнымъ и умъ свой. Мужъ ея былъ старинный дворянинъ, богатѣющій откупами, къ тому же знаменитѣйшій гастрономъ, и что́ почти всегда съ тѣмъ неразлучно и самъ искуснѣйшій поваръ во всей нашей околодкѣ. Съ большимъ состояніемъ супруги скорбѣли о томъ, что не имѣютъ дѣтей, то-есть не могутъ сохранить ихъ. Уже четырнадцать душъ Ольга Александровна народила Николаю Андреевичу, и ни единаго живаго дѣтища у нихъ не оставалось, какъ вдругъ употребила она съ великою пользою одно указанное ей средство: велѣла пригласить перваго встрѣчнаго быть воспріемникомъ новорожденнаго ею пятнадцатаго младенца, и по его имени назвали его Пименомъ *). Первый шагъ только труденъ; всѣ послѣдующіе затѣмъ семь или восемь человѣкъ дѣтей обоего пола остались живы и здравы, крѣпки и толсты. Въ 1812 году истощилось уже плодородіе г-жи Араповой; но она все казалась еще беременною и, подобно Mère Gigogne, бывало того и гляди, что изъ кармана выскочитъ у нея ребенокъ.

Другая сестра, Елисавета Александровна, нисколько на нее не походила. Она была коротенькая, полненькая, смугленькая, картавая бабочка, исполненная живости и пріятнаго ума. Сильныя страсти обуревали жизнь ея. Дѣвочкой выдали ее за глупаго и пьянаго Улыбышева, который, слѣдуя древнему Русскому обычаю, только между нетрезвыми сохранившемуся, иногда ее бивалъ; и безъ того былъ онъ ей давно уже противенъ. Тогда вице-губернаторомъ въ Пензѣ былъ поэтъ князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ, прозванный Балкономъ по нижней челюсти необычайной величины, выдвигающей въ видѣ сего архитектурнаго прибавленія столь же большую губу. Это безобразіе не помѣшало Улыбышевой влюбиться въ него. Давно замѣчено уже, что однѣ женщины способны плѣняться красотами душевными или умственными предпочтительно наружнымъ. Ревнивый мужъ, вооружась многовѣсной дубиной, дождался соперника своего у подъѣзда, при выходѣ изъ присутствія, и съ такимъ бѣшенствомъ внезапно напалъ на него, что едва за безчестіе свое не заставилъ заплатить его жизнію подъ сильными ударами палки, еслибы не подоспѣла помощь. Из-

*) Этотъ Пименъ Николаевичъ всегда оставался примѣчателенъ своими смирными странностями, безплодіемъ ума и тѣла. Имъ заключился рядъ несовершенныхъ произведеній Ольги Александровны, и вся жизнь его отзывалась симъ несовершенствомъ. Вѣчно хлопоталъ онъ около словесности, гражданской службы и красивой жены: слыветъ литераторомъ, дѣятельнымъ чиновникомъ и мужемъ, но въ исполненіи всѣхъ принятыхъ имъ обязанностей оказался совершенно несостоятельнымъ.

увѣченный Долгоруковъ сталъ обвинять его въ замышляемомъ смерто-убійствѣ; а тотъ въ оправданіе свое представилъ всѣ любовныя письма жены своей, которыя посредствомъ подкупа умѣлъ онъ достать. Изъ этого возникъ длинный, ужасный уголовный процессъ, прекратившійся уже въ Сенатѣ смертію, постигшею обвиняемаго Улыбышева. Письма понынѣ находятся при дѣлѣ, и не такъ давно съ великимъ удовольствіемъ имѣлъ я случай читать ихъ въ подлинникѣ. Нельзя не подивиться страннымъ, новымъ, оригинальнымъ оборотамъ и выраженіямъ, которыя сила чувства внушила страстной женщинѣ на Русскомъ языкѣ, на которомъ особы ея пола тогда порядочно писать не умѣли. Родственники тщетно старались истребить сіи любопытные документы; а по моему ихъ слѣдовало бы напечатать безъ имени. Преданіе еще было живо, когда я узналъ ее, и оттого казалась она мнѣ еще милѣе.

Если Елисавета Александровна не была примѣромъ вѣрности супружеской, за то могла служить образцомъ материнской нѣжности къ единственной дочери, которую имѣла отъ ненавистнаго мужа и которая, право, этого не заслуживала. По сосѣдству съ удалившейся отъ свѣта Улыбышевой жили въ чудесномъ согласіи два брата Хрущовы, изъ которыхъ у каждаго было по тысячѣ душъ крестьянъ. Старшій Петръ Петровичъ былъ красивъ и видѣнъ собою; другой же Александръ Петровичъ, хотя и гораздо моложе его, наружностію похвастать не могъ. Старшій чрезвычайно понравился еще нестарой матери, меньшаго полюбила семнадцатилѣтняя дочь. Какъ быть въ этомъ случаѣ? Въ столь близкомъ родствѣ два брака могли быть дозволены только всемогущему Наполеону среди несовсѣмъ еще христіанской Франціи. Обязанностями религіи Улыбышева пожертвовала обязанностямъ матери: дозволила дочери своей вступить въ законный бракъ съ меньшимъ Хрущовымъ; а сама всю жизнь осталась въ незаконной связи съ старшимъ. Доброе согласіе отъ времени все болѣе умножалось между сими двумя четами; онѣ не покидали деревни, и четыре имѣнія, скопившіяся такъ сказать въ однѣхъ рукахъ, дали имъ возможность посредствомъ бережливости, винокуренъ и откуповъ въ нѣсколько лѣтъ удвоить состояніе свое. Зависть стала приписывать ихъ успѣхи дѣланію фальшивыхъ ассигнацій; но одни только безсовѣстные усиливались вѣрить этой глупой клеветѣ. Все было хорошо, богато и пристойно въ домѣ семъ, кромѣ молодой хозяйки. Къ несчастію матери, она вся была въ отца: имѣла грубыя манеры простой крестьянки и чтó еще хуже того, отъ скуки ли посреди однообразія деревенской жизни или по наслѣдственной, врожденной къ тому склонности, съ позаранку начала она явно придерживаться хмѣльнаго. Пить и родить, вотъ все чтó Агаѳья

Ивановна умѣла дѣлать въ жизни сей и въ семъ послѣднемъ занятіи, кажется, перещеголяла даже тетку свою Арапову.

Не долженъ ли я просить извиненія у читателя въ томъ, что позволилъ себѣ представить здѣсь, можетъ быть и не у мѣста, сіи два семейства, совсѣмъ не изъ историческихъ лицъ состоящія, и въ описаніе грознаго 1812 года вклеить эпизодомъ незанимательную повѣсть о нихъ. Но отъ воспоминаній сего года я никакъ не могу отодрать ихъ; ибо они стоятъ на самомъ рубежѣ, отдѣляющемъ мрачное, гнѣвное отчаяніе наше отъ безумныхъ удовольствій, которыми какъ будто хотѣли истребить мы память о горѣ, только что минувшемъ. Во всю зиму, еженедѣльно разъ у Голицына, разъ у Арапова и два раза у Хрущовыхъ плясала вся Пенза со всѣми невольно ее посѣтившими. Большую ролю на сихъ балахъ играла одна Московская старая дѣвка и франтиха, Наталья Павловна Машкова. Съ отцовской стороны была она двоюродная сестра Араповой и Улыбышевой, которыя оказывали ей знаки глубочайшаго уваженія по той причинѣ, что съ материнской стороны была она также двоюродная сестра кн. Ивана Сергѣевича Барятинскаго, женатаго на Гольштинской принцессѣ. Позорная хроника Московская, никакъ не осуждая ея, утверждала, будто родственныя связи съ княземъ симъ скрѣпляла она другими пріятнѣйшими узами. Не оттого ли почитала она себя знатною и съ такимъ пренебреженіемъ говорила не только о провинціалахъ, даже о Москвичахъ, не принадлежавшихъ къ ея обществу? Мы было сначала подружились съ ней, и она любила разсказывать мнѣ о блестящей ампиреѣ, въ которой жила; но какъ я провелъ молодость въ Петербургѣ, оттого что-то плохо вѣровалъ въ преимущества Московскаго бомонда, едва признавалъ его существованіе и не съумѣлъ этого скрыть отъ нея, то она совсѣмъ ко мнѣ охолодѣла.

Итакъ, при свѣтѣ лампъ и люстръ примѣтно начиналъ гаснуть огонь патріотическаго энтузіазма нашего. А, кажется, было чѣмъ питать въ насъ сіе священное пламя! Непріятель хотя и бѣжалъ опрометью, но еще не выбѣжалъ за предѣлы Россійскаго государства. Въ Петербургѣ, вѣрномъ подражателѣ всего Европейскаго, придумано было новое, дотолѣ не употребляемое средство къ возбужденію народа противъ враговъ. У Англичанъ переняли обычай рисовать и печатать карикатуры на Наполеона и стали кипами разсылать ихъ по всей Россіи. Тамъ въ присядку пляшетъ Наполеонъ подъ Русскую дудку, тамъ голодные воины его варятъ вороній супъ. Нѣкто Теребеневъ прославился въ этомъ дѣлѣ и въ это время. Русскіе отъ души начали смѣяться; тѣмъ хуже: съ ихъ незлобіемъ и врожденнымъ великодушіемъ, смѣхъ почти всегда обезоруживаетъ ихъ.

Другое средство внушено было Нѣмцами, тогда только искренними, вѣрными, преданными намъ союзниками. Никто у насъ не умѣлъ или, лучше сказать, не смѣлъ отважно и основательно писать о политическихъ дѣлахъ. Газеты, издаваемыя отъ правительства или отъ правительственныхъ мѣстъ, разсказывали о происшествіяхъ, не позволяя себѣ никакихъ сужденій: не только о другѣ Наполеонѣ, даже о злодѣѣ Бонапарте говорили съ нѣкоторою почтительностію и робостію. Самые такъ-называемые литературные журналы наши почти не выходили изъ предѣловъ словесности, а когда изрѣдка случалось имъ коснуться до происходящаго въ Европѣ, тотчасъ окрашивались они какимъ-то офиціальнымъ колоритомъ. Въ 1812 году, два человѣка спаслись къ намъ отъ гоненій мучителя Германіи: знаменитый государственный мужъ баронъ Штейнъ и столь же извѣстный профессоръ и писатель Арндтъ. Оба были политическіе вольнодумцы и прибѣгнули подъ крыло либеральнаго деспота. Надобно полагать, что первый изъ нихъ склонилъ Александра употребить магическое слово *вольность*, дабы всѣ Европейскіе народы воззвать къ оружію противъ насильственной Французской власти. Предложеніе не могло быть отвергнуто: оно тѣшило любимую мысль Царя нашего, забаву ума его. Совѣтъ былъ недуренъ, и средство казалось вѣрнымъ; жаль только, что не подумано было о послѣдствіяхъ въ случаѣ побѣды, которая все еще казалась не совсѣмъ вѣроятною: возбуждать легко, унимать трудно. Какъ бы то ни было, ученые и восторженные Нѣмцы нашли, что наступило уже время откровенно говорить съ просвѣщенною частію жителей и, чтобы взволновать до дна океанъ народовъ, населяющихъ Россію, необходимо приступить немедленно къ изданію политическаго журнала. Дѣло уже и безъ того было сдѣлано, и Шишковымъ дурно написаннаго манифеста въ Полоцкѣ было на то достаточно. Но гдѣ вдругъ найдешь матеріалы? Портфели Арндта наполнены были неизданными проклятіями на Наполеона, а между Нѣмцами какъ не найдти трудолюбиваго переводчика? Нѣмецъ Гречъ избранъ былъ издателемъ, и еженедѣльно сталъ появляться *Сынъ Отечества*. Кажется, это было около половины Ноября; ибо въ началѣ Декабря уже читалъ я съ жадностію жиденькія книжки его, исполненныя выразительныхъ, даже бѣшеныхъ статей. Были люди, которые находили, что это послѣ ужина горчица, только не тѣ, которые пылали безкорыстною любовію къ отечеству, дорожили его честію и надѣялись видѣть совершенное торжество его. Для справедливаго негодованія ихъ журналъ сей былъ пищей.

Судьба Наполеона, казалось, рѣшена. Всѣ только разсчитывали пространство, по коему оставалось ему бѣжать, и съ нетерпѣливымъ

любопытствомъ ожидали, какъ зрѣлища, рѣшительную его гибель. Странно и непонятно! Безъ всякаго знанія мѣстностей, еще прежде чѣмъ достигъ онъ Березины, народный гласъ уже избралъ берега ея мѣстомъ его казни. Молдавская армія въ соединеніи съ резервною, подъ предводительствомъ Чичагова, шла съ Юга къ нему на встрѣчу; большая армія съ начала шла по пятамъ его, но, утомленная безпрерывною погоней за нимъ, начинала отставать; при первой же остановкѣ его всегда могла его настигнуть. Съ правой стороны шибко приближался къ нему Виттенштейнъ, побѣдитель трехъ маршаловъ, Макдональда, Удино и Виктора, съ корпусомъ усиленнымъ Петербургскимъ ополченіемъ и войсками изъ Финляндіи выведенными *).

Ужасами переправы черезъ знаменитую съ тѣхъ поръ Березину не могла быть удовлетворена въ насъ жажда мести: намъ подавай самого Наполеона, а онъ ускользнулъ. И теперь еще не знаю, обвинять ли слѣдуетъ Чичагова или оправдывать его? Нельзя изобразить общаго на него негодованія: всѣ состоянія подозрѣвали его въ измѣнѣ, снисходительнѣйшіе кляли его неискусство, и Крыловъ написалъ басню о пирожникѣ, который берется шить сапоги, то-есть, о морякѣ начальствующемъ надъ сухопутнымъ войскомъ. Отъ воиновъ, безпристрастныхъ очевидцевъ и свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ судей, гораздо послѣ слышалъ я, что Чичаговъ невзначай оказалъ тутъ великую услугу Россіи. Онъ не пошелъ туда, гдѣ могъ бы остановить Наполеона; но кто знаетъ: сей послѣдній, въ отчаянномъ положеніи, могъ бы опрокинуть его небольшую армію и пойдти въ Минскъ, гдѣ, среди изобилія, находился Шварценбергъ съ Австрійскими и Саксонскими войсками, сомнительными союзниками, но тогда еще обязанными подкрѣпить его. Узнавъ, гдѣ Чичаговъ стережетъ его, Наполеонъ предпочелъ кинуться на открытый, но ужасный путь къ Вильнѣ, который безъ сраженій довершилъ истребленіе его арміи.

Я того мнѣнія, что гордый и злой Чичаговъ, ненавистникъ своего отечества, неумышленно, по ошибкѣ въ семъ случаѣ, услужилъ ему, подобно другимъ заклятымъ врагамъ его, которыхъ Провидѣнію угодно обращать въ полезныя для Него орудія. Вражда за вражду; Русскіе въ несправедливости своей, по мнѣнію моему, извинительнѣе Чичагова.

Для подданныхъ Александра 1812 годъ памятенъ еще тѣмъ, что въ душѣ его послѣдовала необычайная перемѣна Онъ всегда любилъ

*) Въ день побѣды Бенигсена при Тарутинѣ, 6-го Октября, Виттенштейнъ одержалъ таковую же подъ Полоцкомъ. Кому до кого, а мнѣ до своихъ: зять мой, генералъ Алексѣевъ въ этотъ день былъ откомандированъ на рѣчку Струню, чтобы штурмомъ взять возведенныя надъ нею укрѣпленія. Онъ сдѣлалъ сіе съ обычною ему неустрашимостію, за что и награжденъ былъ Владимирскою звѣздою второй степени.

и уважалъ добродѣтель; ложными понятіями, въ малолѣтствѣ данными ему о свободѣ, столь плѣнительной въ теоріи, увлекался онъ большую часть своей жизни. Но воспитанному въ вѣкъ невѣрія недоставало ему религіознаго чувства. Онъ былъ нѣженъ сердцемъ; наслажденіями его никто еще изъ смертныхъ такъ упоенъ не былъ. Нѣсколько лѣтъ сряду былъ онъ предметомъ обожанія не одной Россіи, но и цѣлаго міра и, наконецъ, самый противникъ его, геній зла, какъ онъ почитался геніемъ добра, былъ побѣжденъ не оружіемъ его, а благостію. Вдругъ все стало измѣнять ему, счастіе и вмѣстѣ съ нимъ и люди. Тогда, не находя уже любви, которая дотолѣ всюду встрѣчала его на землѣ, сталъ онъ искать ее на небѣ. Наступила тяжкая та година, въ которую онъ, владѣя громадной имперіей, вмѣстѣ съ нею казался раздавленнымъ громадными силами всего Запада. Въ невольномъ бездѣйствіи въ Царско-сельскомъ уединеніи своемъ, вдали отъ браней, среди мрачной осени, какая лютая, великая царская скорбь должна была раздирать душу его! И гдѣ было искать ему утѣшеній, если не у престола Того, Кто Самъ претерпѣлъ муки для спасенія рода человѣческаго? Въ это же время съ лица всей земли Русской согласнымъ хоромъ подымалась молитва; ею наполненъ, кажется, былъ весь воздухъ, и какъ сей священной заразѣ не коснуться было души готовой къ ея воспріятію! Въ пожарѣ Москвы, какъ въ горящемъ кустѣ Моисею, явился ему Господь; и когда среди радостныхъ кликовъ освобожденія послышался ему небесный отвѣтъ: вѣра твоя спасла тебя; тогда съ благодарностію, упованіемъ и покорностію къ волѣ Всевышняго смѣло устремился онъ на Западъ, куда самъ перстъ Его указывалъ ему путь. Но увы, не въ славу нашей православной Греко-Россійской церкви исполнился онъ тогда христіанскаго духа!

Со временъ Петра Великаго между нашимъ духовенствомъ нерѣдко встрѣчались люди, которые, не умѣя сильно чувствовать, любили умствовать и разсуждать о вѣрѣ. Всѣ они, начиная съ Ѳеофана Прокоповича, показывали наклонность къ ученію Лютера. Около этого времени число ихъ размножилось; примѣчательнѣе всѣхъ былъ одинъ молодой монахъ, одаренный столь же сильнымъ характеромъ, какъ и чудесно-свѣтлымъ умомъ. Это нашъ знаменитый Филаретъ. Не трудно было необыкновенному юношѣ поработить набожнаго, недальновиднаго и слабаго любимца государева, министра духовныхъ дѣлъ Голицына и сдѣлать его покровителемъ распространяющагося у насъ мистицизма, съ помощію правителя дѣлъ его Мартиниста Тургенева, впрочемъ ни во что не вѣрующаго. Этотъ Голицынъ во дни печали вмѣстѣ съ Императоромъ вздыхалъ и молился и тѣмъ еще болѣе пріобрѣлъ любовь его и довѣренность. Когда загорѣлась война 1812 го-

да, то Россія не отверзла объятій своихъ Англіи (это много сказать), но открыла ей двери настежъ, и жители трехъ королевствъ толпами къ намъ привалили. Въ числѣ ихъ находился и Шотландецъ Пинкертонъ, не знаю хорошенько: основатель ли или главный двигатель Библейскаго Общества. Для введенія его къ намъ нашелъ онъ готовыя орудія, исключая духовныхъ лицъ, Лабзина съ Сіонскимъ Вѣстникомъ. Чтеніе Библіи полезно для людей глубокомысленныхъ и твердыхъ въ религіозныхъ правилахъ своихъ, тогда какъ между другими, которые легкомысленно приступаютъ къ разбору и пересмотру Священнаго Писанія, порождаетъ много сомнѣній; и для того во всѣхъ Римско-католическихъ странахъ, для простонародія Ветхій Завѣтъ вездѣ запрещенный плодъ. Поборнику Христіанства и другу человѣчества Александру мысль объ учрежденіи этого Общества въ Россіи чрезвычайно полюбилась; космополитизму, въ которомъ онъ былъ воспитанъ, пріятно было видѣть въ немъ средство къ соединенію всѣхъ вѣръ и сліянію всего міра христіанскаго въ одно согласное семейство. Въ Петербургѣ духовенство всѣхъ исповѣданій покорилось его волѣ, и митрополитъ Римско-католическихъ въ Россіи церквей, Сестренцевичъ, началъ возсѣдать между схизматиками и еретиками. Среди шума и треска все еще продолжающихся военныхъ дѣйствій и, прибавить должно, среди тогдашняго дѣтскаго невѣдѣнія нашего, сія новизна внутри государства сочтена небесною благодатію: никому не пришло въ голову подозрѣвать настоящей цѣли Библейскаго Общества, столь опаснаго для чистоты Православія.

Когда въ дѣлѣ Россіи съ Наполеономъ судъ Божій произнесъ рѣшительный свой приговоръ, когда изъ разсѣянной огромной тучи непріятельской слабый остатокъ ея, въ видѣ легкаго облачка, гонимаго бурнымъ вѣтромъ, сталъ быстро удаляться отъ границъ нашихъ, тогда богобоязненный Царь, смиренно повинуясь высокому призванію, почувствовалъ, что наступило и для него время великихъ подвиговъ. Онъ оставилъ Петербургъ и прибылъ въ Вильну, 12 Декабря, съ побѣдоноснымъ войскомъ праздновать день рожденія своего, ровно черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ того, какъ въ той же самой Вильнѣ объявилъ, что не положитъ оружія, доколѣ единый непріятельскій воинъ останется на землѣ Русской. Онъ сдержалъ слово, но не совсѣмъ: ибо оружія не положилъ. Да благословенъ будетъ тотъ, кто подалъ ему смѣлую мысль, не останавливаясь, продолжать идти впередъ, чтобы захватить задорную Польшу и ободрить напуганную Нѣмечину, пока Франція не успѣла опомниться и оправиться. Мнѣ пріятно думать, что отнынѣ Александръ дѣйствовалъ единственно по вдохновеніямъ, ниспосылаемымъ ему свыше.

Бросаясь въ объятія Кутузова, недавно украшеннаго великолѣпнымъ титломъ Смоленскаго князя, но что̀ еще гораздо важнѣе того, цѣлою Россіей провозглашеннаго спасителемъ отечества, Государь возложилъ на него знаки ордена, по моему, перваго въ мірѣ *). Любопытно было бы знать, что̀ происходило тогда въ душѣ Кутузова? Всѣ современники согласны въ томъ, что онъ имѣлъ высокое образованіе, былъ чрезвычайно уменъ и пріятенъ въ обществѣ, неустрашимъ въ бояхъ и равно искусенъ въ дѣлахъ войны, какъ и мира. Все это служитъ доказательствомъ необыкновеннаго ума и твердости, и соотечественники по всей справедливости могутъ гордиться имъ. Утверждаютъ однакоже, что онъ былъ также уклончивый и тонкій царедворецъ; это заставляетъ уже сомнѣваться въ высотѣ его чувствъ. Какъ бы ни было, но невозможно, чтобъ онъ не раздѣлялъ восторговъ имъ производимыхъ: миліоны людей безпрестанно насылали ему нѣжнѣйшія хвалы и благословенія. Какъ все это должно было волновать и молодить его сердце! И какой блескъ юности можетъ сравниться съ пламенною зарей его заката! Онъ едва было не сдѣлалъ Русскихъ неблагодарными: чуть было не заставилъ ихъ забыть Суворова.

Всѣ были увѣрены, что неудачи сопутствуютъ Александру и являются вездѣ, гдѣ онъ лично присутствуетъ. Оттого всѣ не одобряли ни прибытія его къ арміи, ни намѣренія идти съ нею за границу. «Да и зачѣмъ? спрашивали у насъ въ Пензѣ; уже коли дома не успѣли поймать вора, гдѣ станешь ловить его вчужѣ? Да, кажется, мы и хорошо его проучили: другой разъ не полѣзетъ къ намъ». Хорошо же они знали его! Дурацкія эти сужденія были мнѣ какъ острый ножъ. Думая, что все уже кончено, не хотѣлось Пензякамъ отпустить совсѣмъ уже готовое къ выступленію, но все еще не тронувшееся ополченіе.

Приблизился конецъ этого вѣчнопамятнаго года, и все что̀ въ продолженіе его я перечувствовалъ, имѣло сильное вліяніе на здоровье мое. Я впалъ въ нервную болѣзнь, довольно серіозную, и въ страданіяхъ встрѣтилъ 1813 годъ. Я здѣсь остановлюсь, чтобы бросить взглядъ на сію чудную эпоху въ нашей исторіи. Желая польстить нашему самолюбію, Английскіе журналы начали сравнивать тогда подвиги Русскихъ съ тѣми, кои въ это время на противуположномъ концѣ Европы совершали у себя Гишпанцы. Кто изъ насъ позволитъ себѣ оспаривать славу великодушной защиты Саррагосы и вообще всѣхъ отчаянныхъ, неимовѣрныхъ усилій Кастиланской гордости, Ар-

---

*) Съ самаго учрежденія Георгіевскаго ордена въ 1769 году, кавалеровъ его первой степени всего было понынѣ только шестнадцать, а въ это время ни одного.

рагонскаго и Бискайскаго упрямства, особенно когда нѣкоторымъ образомъ были они для насъ полезны? Нынѣ, признаюсь, сіе сравненіе мнѣ кажется обиднымъ. Въ одинакихъ ли отношеніяхъ съ Гишпаніей Россія находилась тогда къ Франціи? Давно подвластная республикѣ и имперіи, Гишпанія тогда только возмутилась, когда ей стало не въ мочь: это былъ мятежъ вассаловъ противъ притѣсненій власти, надъ ними господствовавшей. Природа на каждомъ пунктѣ жителямъ этой страны представляла удобныя средства къ отпору непріятелей: непроходимыя горы и дебри, и Сіерра Морена, и всѣ другія Сіерры не напоминаютъ ли скорѣе Кавказъ и борьбу горцевъ съ Россіей? Если симъ послѣднимъ и сыпались сотни тысячъ гиней, то это тайкомъ; за то нѣтъ десятковъ тысячъ вооруженныхъ Англичанъ, которые бы явно сражались за нихъ. Безъ помощи Англіи, новой госпожи своей, что̀ бы сдѣлали Гишпанцы?

Какихъ союзниковъ имѣла Россія въ началѣ войны 1812 года, кромѣ Бога, безпредѣльной вѣры въ Его могущество и мужества ею внушеннаго? Она одна встрѣтила напоръ двадесяти языкъ, или, вѣрнѣе сказать, по крайней мѣрѣ десяти народовъ, изнемогала подъ ударами ихъ, но не пала; и ихъ же дружелюбно взявъ за руку, повела на предводительствовавшаго ими. Шести мѣсяцевъ было ей достаточно, чтобы произвести совершенный переломъ въ судьбахъ цѣлаго міра. Шесть лѣтъ боролась Гишпанія съ нѣсколькими отрядами Наполеоновскими, и едва успѣла не одолѣть Франціи, а только освободиться отъ ея ига, и то, благодаря быстротѣ бурнаго потока, какъ будто на помощь ей съ Сѣверо-Востока текущаго. Гдѣ же тутъ сходство?

Изъ неприступнаго острова своего, какъ съ высоты амфитеатра, смотрѣли Англичане на гладіаторовъ, проливающихъ кровь свою будто для ихъ забавы и пользы и, рукоплеская Русскимъ, хотѣли сравнить ихъ съ наемниками своими Гишпанцами. Даже и тогда, какъ спасительная рать ея явилась посреди Европы, чтобы избавить ее отъ тягости вѣчной войны, Россія сдѣлалась уже предметомъ зависти для западныхъ народовъ. Извинительно было неправдолюбивой и пристыженной Франціи приписывать неслыханный уронъ свой единственно суровости климата; но мнѣніе сіе, не раздѣляя его, старались также поддерживать Англичане и Нѣмцы. Извѣстно, что горячая кровь полуденныхъ людей сильнѣе противится дѣйствію холода, чѣмъ медленнѣе обращающаяся кровь жителей Сѣвера. Послѣднимъ сама природа дала защиту, звѣриныя кожи, въ которыя съ малолѣтства, такъ сказать, пеленаясь, они прячутся въ невыносимо-жаркихъ своихъ избахъ. Первые цѣлый вѣкъ любятъ жить на воздухѣ, который при всякой температурѣ, обхватывая весь составъ ихъ, пріучаетъ его къ перенесе-

нію всякихъ непогодъ. Кто не видѣлъ Французовъ въ однихъ фракахъ, съ руками въ карманахъ, весело пляшущихъ на морозѣ *), когда термометръ показывалъ десять или двѣнадцать градусовъ? Цыгане, не погибая, въ кибиткахъ своихъ всю зиму кочуютъ у насъ на Сѣверѣ. Отчего же Русскіе, преслѣдуя Французовъ, подобно имъ не падали какъ мухи? Оттого что они были въ шапкахъ, въ шубахъ, даже въ лаптяхъ и не съ пустыми желудками; оттого что воины непобѣдимой арміи шли наги, босы и голодны. Въ такомъ состояніи должны бы они были гибнуть и среди лѣта. А кто привелъ ихъ къ нему? Прозорливый, терпѣливый нашъ Фабій, великій Русскій вождь все разчелъ, все предугадалъ: умудрилъ его Господь, «насылая слѣпоту на того, кто мысленно дерзалъ уже почитать себя Ему равнымъ». Съ самыхъ первыхъ шаговъ Наполеона въ Россіи замѣтны были въ немъ нетерпѣливость, самонадѣянность, опрометчивость; замѣтно было, что надежды не столько возлагаетъ онъ на геніяльность свою, какъ на счастіе и на сплоченныя имъ массы, огромный запасъ людей. «Двадцать пять тысячъ человѣкъ могу я проживать ежемѣсячно», говорилъ онъ; и онъ промотался и бѣжалъ изъ Россіи, какъ должникъ отъ тюрьмы. Не столько храбрость и число солдатъ, сколько искусство полководцевъ даруетъ побѣды. Спрашивается: кто изъ двухъ показалъ тутъ болѣе искусства? Ужъ конечно тотъ, кто съ меньшимъ числомъ войскъ предводительствовавшаго несмѣтными силами заставилъ обратиться въ бѣгство. Все еще толкуютъ о генералѣ-*морозѣ*, забывая, что этотъ годъ осень стояла у насъ теплѣе чѣмъ во Франціи, что первыя пораженія при Тарутинѣ и Маломъ Ярославцѣ были въ началѣ Октября, и что на протяженіи почти четырехъ сотъ верстъ отъ Москвы до Смоленска, когда еще генералъ этотъ не думалъ показываться, уже цѣлыя бригады и дивизіи начинали исчезать въ непріятельской арміи.

Все въ этомъ году было необычайно, неожиданно, чудесно; изображеніе его, по мнѣнію моему, принадлежитъ эпопеѣ еще болѣе чѣмъ исторіи. Запрятанный въ уголъ той огромной сцены, на которой разыгрывалась великая драма, какъ почти всѣ тогда, былъ и я нѣкоторымъ образомъ вовлеченъ въ ея движеніе, и изъ тогдашнихъ событій могъ собрать нѣкоторыя черты, достойныя вниманія читателя. Какой же славный трудъ предстоитъ будущему творцу Русской Иліады! Но гдѣ онъ? Родился ли онъ, тотъ, который, соединяя въ себѣ одномъ геніи Карамзина и Пушкина, Тацита и Гомера, былъ бы въ состояніи достойнымъ образомъ начертать потомству величіе его предковъ? Сіи

*) Подъ Прейсишъ-Эйлау, 27 Генваря, въ Пруссіи вѣрно было не теплѣе, чѣмъ осенью въ Бѣлоруссіи, а Французы, если и не побѣдили, но и побѣждены не были.

шесть мѣсяцевъ великому писателю едва ли не болѣе представляютъ матеріаловъ, чѣмъ десятилѣтіе Троянской войны. Для кисти его сколько красивыхъ, мужественныхъ лицъ, коимъ въ стихахъ тогда же сдѣланъ былъ обрисъ! И почти у всѣхъ Русскія названія: Платовъ и Милорадовичъ, Раевскій и Дохтуровъ, и молодой еще тогда, храбрый Воронцовъ, богатый золотомъ и доблестьми, который всю тягость и опасности воинской жизни предпочелъ забавамъ и пышности двора,— нѣжный, попечительный отецъ для подчиненныхъ, товарищъ, братъ и другъ соратствующимъ. И ты предстанешь тутъ, близнецъ его во славѣ, менѣе его счастливый, но гораздо болѣе чтимый, чудный Ермоловъ, чье имя, священное для Русскихъ, почти въ первый разъ тогда имъ прогремѣло. Какъ бы нарочно, во станъ христолюбиваго воинства Провидѣніе послало юношу достойнаго воспѣть его подвиги, чистаго душой и тѣломъ, восторженнаго Жуковскаго. Цари тутъ также сражались подъ знаменами Царя царей, передъ которымъ Агамемнонъ можетъ казаться Терситомъ. Только изъ пепла нашей Трои возникла гибель новымъ Грекамъ, ибо на нашей сторонѣ былъ опытный, мудрый Несторъ, съ хитростью Улисса и отважностію Ахилла. Неимовѣрное, почти тоже, что баснословное,— его тутъ было вдоволь; и какъ иначе назвать внезапную казнь гордынѣ и спасеніе погибающимъ, съ высоты могущества паденіе исполина, и изъ пучины золъ быстрое вознесеніе народа? У насъ боги, съ человѣческими страстями, непристойнымъ образомъ не мѣшались въ дѣла смертныхъ; за то вездѣ и во всемъ было чувствуемо присутствіе чего-то невидимаго и всесильнаго. Я почти увѣренъ, что Александръ и Кутузовъ Его прозрѣли, и что даже самому Наполеону блеснулъ гнѣвный ликъ Его.

Въ недавнемъ времени, одинъ сенаторъ-воинъ взялся написать намъ исторію этой войны. Вышло, какъ въ наше время и ожидать было должно, что официальное твореніе его не что иное какъ собраніе раскрашенныхъ реляцій, съ прибавкою похвальныхъ словъ Чернышеву и всѣмъ, въ живыхъ еще находящимся, сильнымъ міра сего. Вы правы, г. Данилевскій-Михайловскій, если имѣли только въ виду почести и деньги; вы получили ихъ. Но я надѣюсь, что вы не погонитесь за безсмертіемъ. Куды вамъ до него! Даже и нынѣ никто не хочетъ вѣрить льстивымъ устамъ вашимъ.

VII.

Въ болѣзненномъ состояніи, въ которомъ находился я при наступленіи 1813 года, какъ сказалъ я выше, утѣшали меня вѣсти, получаемыя уже изъ-за границы; ибо во второй половинѣ Декабря заняты нашими войсками восточная Пруссія и даже Варшава въ самый

день Рождества; какъ вдругъ былъ я встревоженъ и сильно огорчеаъ однимъ неожиданнымъ и для Русской чести постыднымъ происшествіемъ, о коемъ хотѣлось бы мнѣ, но не смѣю, умолчать.

Изъ полковъ новонабраннаго Пензенскаго ополченія одинъ только формировался и стоялъ на квартпрахъ въ губернскомъ городѣ, другіе размѣщены были въ уѣздахъ. Двое изъ начальствовавшихъ надъ ними полковниковъ, люди черезъ мѣру разчетливые, нашли, что о прокормленіи ратниковъ много заботиться нечего, и что, при всеобщемъ усердіи жителей, они безъ пищи ихъ не оставятъ, а между тѣмъ исправно принимали и клали себѣ въ карманъ суммы, изъ нашего комитета отпускаемыя, для продовольствія воиновъ. Названіе одного я къ счастію позабылъ; имяни другаго не скрою.

Иванъ Дмитріевичъ Дмитріевъ былъ приглашенъ, упрошенъ оставить кавалергардскій полкъ, въ которомъ дослужился до полковничьяго чина. По моему мнѣнію, неправы были господа офицеры, а онъ совсѣмъ не виноватъ, если, будучи сыномъ бѣднаго помѣщика Мокшанскаго уѣзда, попалъ онъ нечаянно въ такой полкъ, гдѣ тогда однимъ богачамъ служить было подъ силу, и что для поддержанія требуемаго велелѣпія долженъ былъ онъ прибѣгать къ такъ-называемымъ непозволительнымъ средствамъ. Дѣло не обошлось безъ драки, разумѣется не рукопашной. Говорятъ, онъ былъ не труслив и между военными товарищами своими; въ провинціи же, среди мирныхъ земляковъ, смѣлость его часто доходила до дерзости. Чтò удивительнаго? Все на свѣтѣ, даже уваженіе сограждан, долженъ былъ брать онъ съ бою; самые дары Фортуны могъ онъ не иначе похищать, какъ насильственнымъ образомъ: вотъ отчего всегда находился онъ въ бранномъ состояніи. Простое воровство въ обществѣ презирается: необходимо надобно нѣсколько облагородить его разбойничьими формами. Въ Москвѣ, главномъ центрѣ тогдашнихъ картежныхъ операцій, поселился г. Дмитріевъ и подвизался тамъ въ сообществѣ съ родственникомъ своимъ Саввою Мартыновымъ, мною не разъ упомянутымъ. Онъ оставилъ ее въ 1812 году, когда въ ней ничего ему дѣлать не оставалось, и прибылъ въ Пензу, гдѣ удальцу сему предложенъ былъ полкъ.

Оба полковника сіи прежде всего принялись за полковую экономію. Пока средства не истощались у жителей, ни они, ни ратники роптать не смѣли. Но когда голодъ привелъ ихъ въ отчаяніе, послѣдніе возмутились, изъ своей среды выбрали себѣ начальниковъ, а офицеровъ перевязали и вѣроятно сдѣлали бы тоже съ полковниками, еслибъ сіи послѣдніе заблаговременно не успѣли спастись бѣгствомъ.

Сіе происходило въ двухъ городахъ, Саранскѣ и Чембарѣ, полтораста верстъ одинъ отъ другаго отстоящихъ. Ни безчинства, ни

грабежа не было; воины требовали одной пищи, и понаѣвшись сдѣлались спокойнѣе и смирнѣе. Ужасу было много у насъ въ продолженіе двухъ или трехъ дней. Но скоро подоспѣли другіе ополченные, самъ графъ Толстой прискакалъ въ Саранскъ, и мятежъ утушенъ безъ кровопролитія. Дѣло обошлось какъ нельзя лучше: виновныхъ не нашлось, полковники съ глазу на глазъ названы мошенниками, а рядовымъ передъ фронтомъ объявлено, что ихъ хорошо будутъ кормить; но если впредъ что нибудь подобное они затѣятъ, то десятый изъ нихъ будетъ разстрѣлянъ; все же дѣло подъ шумокъ представлено выше дѣйствіемъ неудачнаго подговора какихъ-то небывалыхъ лазутчиковъ. Въ половинѣ Генваря, бунтовавшіе и уже покорные, равно какъ и разруганные, связанные и уже освобожденные, и начальствующіе, преспокойно отправились вмѣстѣ въ дальній походъ по направленію къ Кіеву.

Съ отбытіемъ ополченія, казалось, что занятія нашего комитета, кромѣ приготовленія отчетовъ, должны бы были прекратиться; ни мало. Не зная, достанетъ ли у Нѣмцевъ довольно смѣлости, чтобъ явно присоединиться къ нему; съ другой стороны, видя съ какимъ рвеніемъ и поспѣшностію, по единому слову его, земля Русская рождаетъ и образуетъ рати; желая имѣть достаточный запасъ воиновъ, въ случаѣ несогласія съ Нѣмцами,— Государь повелѣлъ, чтобы набрано было, подъ именемъ резерва, второе ополченіе, только въ половину меньше перваго. Изъ него велѣно отдѣлить нѣсколько штабъ- и оберъ-офицеровъ, если не въ ратномъ, то во фронтовомъ дѣлѣ искусившихся. Геройскій жаръ въ нѣкоторыхъ успѣлъ уже погаснуть, и они охотно воспользовались случаемъ на нѣсколько мѣсяцевъ еще остаться, не покидать родимаго края. Не оставалось болѣе военныхъ людей, высокое званіе носящихъ, и надлежало довольствоваться менѣе чиновными. Казань избрана мѣстомъ пребыванія главнаго начальства новаго ополченія, и оно поручено отставному артилеріи генералъ-маіору, Дмитрію Александровичу Булыгину, съ тѣми же правами, кои присвоены были графу Петру Александровичу Толстому.

Я знавалъ этого Булыгина, только немного. Онъ слылъ весьма умнымъ; объ этомъ судить я не могу, ибо вниманіе мое не столько обращено было на его рѣчи, сколько на наружность. Отецъ его былъ женатъ на придворной Калмычкѣ, и образъ ея, въ преувеличенномъ видѣ, рѣзкими чертами напечатанъ былъ на лицѣ сына. Говорили также, что онъ былъ отличный артилеристъ, добрый и честный человѣкъ.

Губернскимъ же начальникомъ, вмѣсто отбывшаго генерала Кишенскаго, выбранъ былъ у насъ отставной бригадиръ, графъ Ѳедоръ Андреевичъ Толстой; какъ говорилось въ старину между военными: за неимѣніемъ маркитанта блинникъ служитъ. На вопросъ (если мнѣ

сдѣлаютъ его): какой это былъ Толстой? вмѣсто отвѣта, отошлю я читателя къ краткой родословной сей многочисленной нынѣ фамиліи, здѣсь ниже въ особой выноскѣ помѣщенной *). Онъ и нѣкоторые изъ братьевъ его служили припѣваючи при Екатерининской гвардіи до капитанскаго чина, потомъ вышли въ отставку бригадирами, поселились въ Москвѣ и стали искать богатыхъ невѣстъ; употребляли самыя легкія и простыя средства, чтобы быть счастливыми. Ему посчастливилось болѣе другихъ: со Степанидою Алексѣевною Дурасовой, на коей онъ женился, пріобрѣлъ онъ большой достатокъ. Даже для умѣреннаго удовлетворенія его вкусовъ надобно было много денегъ, и онъ бы раззорился, еслибы не былъ удержанъ бережливостію, можно сказать, скупостію жены своей. Онъ былъ несвѣдущій, а не менѣе того страстный антикварій и собиратель всякаго рода рѣдкостей. Но какъ при покупкѣ картинъ, манускриптовъ, медалей, всегда руководствовался онъ совѣтами свѣдущихъ людей, то въ собраніе его немного попадало ничтожныхъ вещей, и оно наполнено было драгоцѣнностями. По природѣ мягконравный, онъ всегда казался веселъ, оставался спокоенъ духомъ и оттого-то, кажется, и поднесь тянется жизнь его. Воинъ былъ бы онъ плохой, и если вступилъ въ ополченіе, то вѣроятно для того, чтобы нѣсколько времени, хотя бы съ сѣрымъ кафтаномъ, пощеголять генеральскими эполетами.

Супруга его рѣшительно была и нелюбезна, и немиловидна. Она, по матери, была въ числѣ наслѣдницъ знаменитаго Твердышева, простаго мужика, который съ пятью только рублями, но съ умомъ и честностію, съ неимовѣрною дѣятельностію, изворотливостію и смѣтливостію, началъ созидать огромную фортуну свою. Онъ соорудилъ двадцать шесть желѣзныхъ и мѣдиплавильныхъ заводовъ, тѣмъ оживилъ и обогатилъ заброшенный дотолѣ Оренбургскій край, и каждой изъ четырехъ племянницъ своихъ, Дурасовой, Пашковой, Бекетовой и Козицкой, сверхъ сказанныхъ заводовъ, оставилъ по шестнадцати тысячъ душъ крестьянъ. Каждый обломокъ раздробленнаго послѣ нихъ имѣнія стоитъ еще не менѣе миліона.

*) У первопожалованнаго графа Толстаго, въ исторіи Петра Великаго столь извѣстнаго Петра Андреевича, любимца его и преданнаго ему до готовности къ преступленіямъ, было два сына, Иванъ да Петръ, которые при Аннѣ Іоанновнѣ попали въ немилость. Старшій Иванъ былъ сосланъ въ Архангельскъ, гдѣ отъ скуки женился на дочери какого-то неважнаго чиновника и прижилъ съ нею семь сыновей. Всѣ они послѣдовали его примѣру, всѣ переженились, оставили потомство; одинъ изъ нихъ, Андрей Ивановичъ, подражаніе довелъ до совершенства, имѣлъ также семь сыновей, въ томъ числѣ и нашего Ѳедора Андреевича. Другая линія, отъ Петра происходящая, не была такъ плодуща, оттого сохранила богатство и знатность тогда какъ прочіе графы Толстые нынѣ въ Москвѣ стали на ряду и едва ли не ниже простыхъ дворянъ.

Графиня Толстая, подобно дѣду, не наживала богатства, а только умѣла сохранять его; заботливость ея о томъ назову я чрезмѣрною, даже непристойною. Въ продолженіе всего времени, что̀ Москва занята была Французами, на свѣтъ Божій не смотрѣла она, кляла Ростопчина и о томъ только жалѣла, что Наполеона не приняли съ честію и не дозволили откупиться отъ него посредствомъ сильной контрибуціи. Мнѣ случилось обѣдать у нихъ въ тотъ самый день, въ который получила она извѣстіе о томъ, что великолѣпный домъ ея на Большой Дмитровкѣ остался цѣлъ, что сдѣланы въ немъ нѣкоторыя поврежденія, за то весь онъ загроможденъ нанесенными въ него дорогими предметами; какъ сохранившемуся, такъ и пріобрѣтенному при донесеніи приложена была опись. Во время чтенія улыбка показалась было на лицѣ ея, какъ вдругъ залилась она слезами, воскликнувъ: «Я никакъ не нахожу тутъ прекраснаго тюфяка моего, обшитаго шелковой объяринной матеріей; злодѣи погубили его!» Всѣхъ изумило и всѣмъ показалось это чрезвычайно гадко. Въ послѣдствіи единственную дочь свою выдала она за единственнаго графа Закревскаго.

И такъ наши помѣщики покряхтѣли, поморщились; но дѣлать было нечего, принялись опять за наборъ людей и за пожертвованія; черезъ то на неопредѣленное время должно было продлиться существованіе нашего комитета. Это испугало почтеннаго предсѣдателя нашего Кашкарова. Болѣе двадцати лѣтъ былъ онъ въ отставкѣ съ бригадирскимъ чиномъ, изрѣдка показывался въ Москвѣ и, хотя былъ холостой, совершенно свыкся съ деревенскою жизнію. Долгъ дворянина, въ тяжкій годъ для отчизны, вызвалъ его опять на временную службу; но бѣдствія миновались, дни становились все длиннѣе, солнышко краснѣе и ярче, и все тянуло его въ мирное убѣжище, гдѣ жилъ онъ отцомъ и благотворителемъ дворни и крестьянъ. Ему не стерпѣлось, онъ отказался отъ мѣста и сказался больнымъ.

Въ великое затрудненіе поставленъ былъ губернаторъ Голицынъ. По вздорнымъ несогласіямъ съ губернскимъ предводителемъ Колокольцовымъ, какъ сказалъ я выше, умѣлъ онъ, чрезъ посредство главноначальствовавшаго графа Толстаго, совершенно устранить его отъ сего предсѣдательства. Тогда надлежало на мѣсто Кашкарова вызвать старшаго по немъ кандидата, который былъ ему во сто разъ противнѣе Колокольцова. И кто же былъ сей кандидатъ? Отставной уже тогда оберъ-прокуроръ, ***, высокомѣрный, высокорослый человѣкъ, о которомъ что-то очень давно я ни слова не упоминалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ сихъ Запискахъ разстался я съ нимъ, продолжалъ онъ служить экспедиторомъ, или начальникомъ отдѣленія, въ канцеляріи министра юстиціи и по возможности вредить моему отцу.

Наконецъ назначенъ онъ оберъ-прокуроромъ въ одинъ изъ Московскихъ департаментовъ Сената и находился тамъ въ видѣ делегата Сперанскаго. Если сей послѣднiй имѣлъ намѣренiе черезъ него распространить что нибудь въ древней столицѣ, то весьма ошибся въ своихъ разсчетахъ: ***, всегда покорный, преклонный передъ государственными властями, вооружался только противъ мѣстныхъ. Главнокомандовавшiй, фельдмаршалъ Гудовичъ, засѣдалъ тогда въ Сенатѣ и въ немъ хотѣлъ деспотствовать точно также, какъ и въ городѣ; можетъ быть, весьма основательно противился *** его незаконнымъ требованiямъ; но въ протестахъ своихъ употреблялъ выраженiя столь грубыя, столь дерзкiя, что далъ старику все право справедливо жаловаться на него самому Государю. Еще за полгода до паденiя Сперанскаго, не смотря на его покровительство, былъ онъ отставленъ и поселился въ своей Пензенской деревнѣ. Въ началѣ Сентября 1812 года, внезапно явился онъ на дворянскомъ съѣздѣ и дѣйствовалъ такъ быстро и такъ тайно, что едва не попалъ въ предсѣдатели комитета для пожертвованiй. Дворяне имѣли только въ виду его ростъ и его чинъ, и ахнули, когда имъ объяснили, что они выбрали друга и соумышленника подозрѣваемаго въ измѣнѣ Сперанскаго. Голицынъ, яко знатный, почиталъ себя въ обязанности ненавидѣть сего послѣдняго и, желая показать то ***—ну, обошелся съ нимъ неучтиво; тотъ, кажется, отвѣчалъ ему тѣмъ же.

Недѣли полторы или двѣ, губернаторъ все медлилъ съ извѣщенiемъ его объ отбытiи Кашкарова и съ приглашенiемъ занять его мѣсто. Бумага о томъ была уже подписана, а онъ не рѣшался ее отправить и надѣялся, что наступившая совершенная распутица воспрепятствуетъ ***—ну скоро прiѣхать. Между тѣмъ, по званiю старшаго члена, вступилъ я въ должность предсѣдателя. Кто повѣритъ, чтобы мнѣ, молодому человѣку, совсѣмъ не польстила временная честь наслѣдовать старику-бригадиру? Но съ нею сопряжены были затрудненiя, которыя долженъ буду здѣсь объяснить.

Между оставшимися отъ перваго ополченiя, для образованiя новаго, находился одинъ отставной конной гвардiи штабъ-ротмистръ, Ѳедоръ Ивановичъ Левинъ. Человѣкъ былъ онъ еще довольно молодой, весьма неглупый, исполненный чести. Другъ порядка, безъ малѣйшей подлости, всегда оказывалъ онъ должное уваженiе начальству, что̀ въ нынѣшнее время непремѣнно бы названо было холопствомъ. Жаль только, что, при столь похвальныхъ свойствахъ, чрезмѣрная живост въ крови часто затмѣвала у него разсудокъ, такъ что названiе «взбалмошный» какъ бы нарочно для него было придумано. Ему поручено было сформировать конницу втораго ополченiя, то-есть всего только

два эскадрона, и онъ захотѣлъ блеснуть ими передъ Пензенской публикой. Для того, затѣялъ онъ для нихъ какія-то куртки, съ широкими свѣтлозелеными отворотами и краснымъ кушакомъ, сабли, мѣдные эполеты и мѣховыя, за неимѣніемъ медвѣжьихъ, собачьи шапки. Все это шутовство, по его счету, должно было обойтись въ сорокъ пять, а навѣрное стоило бы не менѣе семидесяти тысячъ рублей; тогда какъ по распоряженіямъ главнаго, въ Петербургѣ, комитета, подъ предсѣдательствомъ Аракчеева, все должно было ограничиваться пиками и простыми сѣрыми кафтанами. Въ семъ видѣ конный полкъ перваго ополченія вышелъ и въ походъ.

По связямъ своимъ съ губернаторомъ Голицынымъ и губернскимъ начальникомъ Толстымъ, Левинъ безъ затрудненія склонилъ ихъ утвердить его затѣи; князь отнесся къ намъ о томъ, а графъ потребовалъ денегъ. Я не зналъ что́ дѣлать. Осторожный, даже боязливый членъ отъ правительства, Карауловъ, прикинулся больнымъ и не участвовалъ въ засѣданіяхъ; безграмотный купецъ Козицынъ сдѣлалъ бы только то, что̀ я приказалъ бы ему, слѣдственно я оставался совершенно одинъ, и вся отвѣтственность лежала на мнѣ. Немногіе наличные дворяне тайкомъ убѣждали меня понапрасну не сорить деньгами, и мнѣ самому не хотѣлось поплатиться, можетъ быть, цѣлымъ имѣніемъ за чужія прихоти; но я опредѣленъ былъ правительствомъ, то-есть губернаторомъ, и трудно мнѣ было опять идти противъ него. Я не отказывалъ и не соглашался, и старался выиграть только время; къ счастію, Левинъ, не полагая возможнымъ какое-нибудь съ моей стороны сопротивленіе, дѣломъ не торопилъ. Насчетъ нелѣпыхъ требованій его рѣшился я однимъ вечеромъ объясниться съ губернаторомъ; тотъ отвѣчалъ мнѣ ласками и шутками. Тогда составилъ я себѣ планъ и хотѣлъ дѣйствовать смѣло.

На слѣдующее утро, когда еще лежалъ я въ постелѣ, въ мою низенькую комнату ввалилось огромное туловище ***—на безъ всякаго предваренія. Это было въ началѣ Апрѣля. Не дождавшись офиціальнаго извѣщенія, онъ рѣшился сдѣлать болѣе ста верстъ по непроходимымъ дорогамъ, тамъ завязая въ глубокой грязи, тамъ преплывая быстрые поточки и, ни съ кѣмъ не увидѣвшись, показался мнѣ первому. У меня голова закружилась, такъ озадачилъ онъ меня и неожиданнымъ появленіемъ своимъ, и расточительностію похвалъ: отъ имени цѣлаго дворянства благодарилъ онъ меня; и защитникъ-то я былъ правъ его, и блюститель его выгодъ. «Да я еще ничего не сдѣлалъ», отвѣчалъ я. «Все равно, вы медлили и хотѣли сумасбродамъ дать время образумиться. И я пріѣхалъ вамъ на помощь, пріѣхалъ выручать васъ». Что́ было дѣлать? По неволѣ пришлось сойтись съ

врагомъ отца моего, съ недругомъ цѣлаго моего семейства и противъ человѣка, дотолѣ мнѣ благопріятствовавшаго.

*** не замедлилъ вступить въ должность, и первымъ дѣйствіемъ его, вмѣстѣ съ комитетомъ, былъ отказъ въ удовлетвореніи фантазій г. Левина. Но, противъ обыкновенія своего, согласно съ моимъ желаніемъ, сдѣлалъ онъ его въ умѣренныхъ и почтительныхъ терминахъ, съ сожалѣніемъ представляя всю невозможность исполнить требованіе начальства, по неимѣнію на то достаточныхъ правъ. Вскорѣ получили мы отвѣтъ, полный угрозъ и писанный самымъ повелительнымъ тономъ; Левинъ являлся также въ засѣданіе комитета съ дерзостію объявить гнѣвную волю губернатора. Тогда *** задумалъ посѣщеніе и слова его внести въ журналъ, а Комитетъ объявить въ опасности: этому человѣку вездѣ хотѣлось какихъ-то конституціонныхъ, чтобы не сказать, революціонныхъ формъ. Я возсталъ противъ того, доказавъ ему, что это будетъ черезчуръ смѣшно и скандально.

Была тогда Страстная недѣля. *** самъ маралъ возраженіе и, чтобы выслушать его, въ Великую Пятницу, подъ предлогомъ нездоровья, пригласилъ меня къ себѣ въ домъ. Меня нѣсколько удивило, что опредѣленіе и отпускъ уже написаны были на бѣло. Съ видомъ самодовольствія, охриплымъ голосомъ своимъ началъ онъ мнѣ читать свое твореніе; не подозрѣвая никакой хитрости, видѣлъ я тутъ одно только авторское наслажденіе; а онъ, злодѣй, съ умысломъ искусно пропускалъ всѣ рѣзкія, язвительныя мѣста, противъ которыхъ я могъ бы возставать. Чтобы кончить все передъ праздникомъ, онъ разсѣянно предложилъ мнѣ скорѣе подписать бумаги; я то и сдѣлалъ. На другой день поступилъ онъ также съ членомъ отъ купечества Козицынымъ, призвалъ его къ себѣ, показалъ только свою и мою подписи, а тотъ, по обыкновенію своему, подъ ними всепокорнѣйше подмахнулъ и свое купеческое прозваніе. Притворная болѣзнь г. Караулова все еще продолжалась, и сею искусною, по мнѣнію его, уловкою онъ выигралъ одно только то, что съ обѣихъ сторонъ на него досадовали.

Въ свѣтлый день Пасхи былъ я съ поздравленіемъ у сіятельнаго. Онъ похристосовался со мною ласково, только слегка пошучивалъ на счетъ новыхъ связей моихъ, но не получалъ еще нашей бумаги, а если и получилъ, то вѣрно не распечатывалъ еще; сіе послѣдовало на другой день. Онъ былъ человѣкъ, нельзя сказать, добрый, но легкомысленный, разсѣянный, который ничего не умѣлъ дѣлать серіозно, особенно сердиться. Тутъ, говорятъ, онъ на себя не походилъ: ярился, свирѣпствовалъ,—и было отъ чего! Онъ объявилъ, что никогда уже

со мной не увидится и не велитъ къ себѣ даже на крыльцо пускать. А за Козицынымъ послалъ на другой же день.

— Какъ смѣлъ ты, купчишка мерзкой, написать ко мнѣ ругательную бумагу? сказалъ онъ ему.

— Да возможно ли, да какъ бы осмѣлился я евто сдѣлать? О семи что ли я головахъ?

— Да чья же это подпись?

— Охъ, виноватъ, согрѣшилъ: мнѣ велѣли подписать, а я и самъ не знаю что̀ подписалъ.

— Да какъ же ты не читавши подписываешь?

— Да что̀ дѣлать? Умилосердитесь, батюшка, ваше сіятельство! Человѣкъ я темный: еслибы я сталъ читать, вѣдь все бы равно, вѣдь я ничего бы не понялъ.

Голицынъ расхохотался.

Не житье было тогда ***—ну въ Пензѣ. Тѣ, которые тайно одобряли поступокъ сего новаго Мирабо, явно не смѣли того показывать. Другіе какъ будто боялись зачумиться близъ него; иные позволяли себѣ дѣлать ему грубости.

Такъ времена переходчивы. Смирный графъ Толстой болѣе всѣхъ пѣтушился, хорохорился; въ домѣ у зятя его, мужа сестры его, вице-губернатора Евреинова, онъ до того разъярился, что схватилъ его за воротъ. Онъ былъ холоденъ и твердъ, какъ гранитъ; я это сказалъ ему, и это, кажется, весьма его потѣшило.

Мое положеніе было также не совсѣмъ пріятное. Мнѣ бы обидно было уподобиться Козицыну; я ни отъ чего не отрекался и не хотѣлъ признаться въ томъ, что также, какъ и онъ, не читавши подписалъ бумагу; даже самому ***—ну не сдѣлалъ ни малѣйшаго упрека. Кому-то изъ друзей моего семейства вздумалось выдавать меня за невинную жертву, опутанную сатанинскими сѣтями ***—на; такъ по крайней мѣрѣ дѣло представлено моей матери, которая крайне скорбѣла о происходящемъ. Все таки невесело было видѣть, что люди смотрятъ на меня съ горделивымъ состраданіемъ.

Новые перуны готовилъ на насъ Голицынъ, но не самъ хотѣлъ грянуть ими, а грозу вызвалъ изъ Казани. Нѣсколько дней писали, писали у него, сочиняли ужасную бумагу къ главноначальствовавшему, генералу Булыгину, и отправили ее съ нарочнымъ. Въ ней представленъ бунтовщикъ ***, какъ человѣкъ весьма опасный въ настоящихъ обстоятельствахъ. «Будучи въ тѣсной связи съ предателемъ Сперанскимъ, можетъ имѣть онъ и тайныя сношенія съ Наполеономъ. Вотъ почему, вѣроятно, старается онъ препятствовать скорому образованію новаго ополченія, и особенно Левинскихъ эскадроновъ, кото-

рые могли бы нанести послѣдніе удары непріятелю». О другихъ членахъ ни слова не сказано.

Дороги были ужасныя, ручьи, рѣчки и рѣки выступили изъ береговъ своихъ и покрывали поля; во многихъ мѣстахъ не было переправъ, и пятьсотъ верстъ надобно было сдѣлать курьеру. И потому-то болѣе двухъ недѣль прождали мы, пока получили отвѣтъ отъ Булыгина, который былъ довольно благоразуменъ. Приписывая всѣ несогласія, неудовольствія, недоумѣнія, нарушенію общеутвержденнаго порядка при назначеніи предсѣдателя въ комитетъ, для возстановленія его онъ требовалъ, чтобы губернскій предводитель занялъ сіе мѣсто. А этотъ предводитель, какъ не разъ уже сказалъ я, былъ Димитрій Аполоновичъ Колокольцовъ, котораго Голицынъ не терпѣлъ единственно за то, что изъ-подтишка онъ иногда трунилъ надъ нимъ. Но все таки, въ глазахъ его, это было лучше чѣмъ ***.

Сей послѣдній дня два-три хотѣлъ было воспротивиться распоряженіямъ Булыгина, и собирался писать уже протестъ, какъ вдругъ ото всего отступился. Мнѣ первому, какъ увѣрялъ онъ меня, объявилъ онъ за тайну, что замыслилъ жениться, просватанъ и даже помолвленъ на Вѣрѣ Николаевнѣ... Сіе единственно заставляетъ его бросить эту дурацкую распрю. Онъ спѣшитъ въ деревню, гдѣ послѣ отца остался ему огромный домъ; въ немъ станетъ ожидать будущаго тестя, невѣсту и все ихъ семейство, и тамъ надѣется безъ промедленія сыграть свадьбу. На другой день всѣ о томъ узнали, и въ обществѣ Голицына не оставили приписать сей союзъ духу революціонной партіи Сперанскаго, не совсѣмъ еще въ Россіи подавленному. Сватовство происходило въ домѣ нашемъ; постоялецъ, несмотря на извѣстную скупость свою, заплатилъ мнѣ за весь годъ, хотя прожилъ въ немъ не болѣе девяти мѣсяцевъ. Изъ конурки своей перебрался я въ него опять и принялся жить на просторѣ.

Никакихъ болѣе сношеній съ тѣхъ поръ у меня съ ***—мъ не было, и ни разу въ сихъ Запискахъ не придется мнѣ упомянуть объ немъ. Потому-то мнѣ хочется досказать здѣсь біографію его. Говорятъ: женишься—перемѣнишься; послѣ женитьбы сдѣлался онъ осторожнѣе и гибче и, переходя изъ одной крайности съ другую, изумлялъ раболѣпствомъ своимъ передъ министрами юстиціи и финансовъ. Онъ вступилъ опять въ службу оберъ-прокуроромъ и былъ наконецъ сенаторомъ въ Петербургѣ. Съ сердцемъ, источеннымъ червемъ честолюбія и съ тѣломъ, пожираемымъ худосочіемъ крови, онъ долго прожить не могъ и умеръ при Александрѣ, не имѣя еще сорока пяти лѣтъ отъ роду.

Между тѣмъ Левинская исторія все не кончилась. Губернскій предводитель, Колокольцовъ, пользуясь отпускомъ, жилъ въ деревнѣ, и мѣсто его заступалъ уѣздный предводитель, Николай Степановичъ Ермолаевъ, милый и кроткій чудакъ, дѣйствительно, а иногда притворно разсѣянный, который въ дѣлахъ, какъ и въ разговорахъ, своимъ уступчиво-упорнымъ обхожденіемъ не допускалъ возможности разсердиться на него. За отсутствіемъ Колокольцова, по предложенію губернатора, занялъ онъ мѣсто предсѣдателя комитета. Онъ не одобрялъ поступковъ ***—на; не спѣшилъ однакоже и повиноваться: еще успѣемъ, сегодня да завтра, подождемъ да погодимъ, все откладывалъ, все медлилъ. Начинали уже меня въ томъ обвинять и изъ жертвы произвели въ соблазнители. Такимъ образомъ прошло еще дней десять.

Вдругъ Колокольцовъ явился къ должности, хотя срокъ отпуска его еще не кончился. Представился единственный случай подразнить ему Голицына, и онъ не хотѣлъ его упустить. Ермолаевъ опрометью бѣжалъ отъ насъ. Съ первой минуты, Колокольцовъ, дотолѣ довольно робкій и покорный, какъ возмутившійся трусъ, объявилъ намѣреніе противиться неправильнымъ требованіямъ губернскаго начальства. Дабы сколько-нибудь законнымъ образомъ оградить себя отъ буйныхъ набѣговъ Левина, какъ говорилъ онъ всѣмъ, перенесъ онъ присутствіе комитета въ депутатское собраніе и на столѣ поставилъ зерцало. Озлобленный Карауловъ, видя, что нимало не угодилъ тѣмъ, что устранилъ себя отъ соучастія въ дерзостяхъ ***—на, выписался изъ больныхъ и вновь засѣлъ у насъ, съ желаніемъ усилить оппозицію. Купеческое сердце Козицына умѣлъ я тронуть, предрекая раззореніе скудной лавкѣ его, въ случаѣ какого-нибудь взысканія. Видя тогда, что большинства будетъ достаточно, чтобы не попустить нападчикамъ нашимъ восторжествовать при составленіи новаго опредѣленія, вошелъ я съ особливымъ мнѣніемъ. Въ немъ одинъ соглашался я на выдачу большой суммы, уступая волѣ пославшаго мя и убѣдившись, наконецъ, въ пользѣ и необходимости собачьихъ шапокъ и красныхъ кушаковъ. Мнѣ непремѣнно нужно было примириться съ Голицынымъ, какъ для того чтобы успокоить бѣдную мать мою, такъ и по другимъ причинамъ, которыя гораздо послѣ долженъ буду объяснить.

Губернаторъ не зналъ что́ ему дѣлать. Все это ему надоѣло, и человѣкъ былъ онъ весьма не упрямый; но Толстой и Левинъ подбивали его, стараясь ему доказать, что онъ совсѣмъ останется въ дуракахъ, если прекратитъ свои настаиванія.

Въ половинѣ Мая, изъ главной императорской квартиры пришло примиреніе—развязка всему дѣлу: приказаніе распустить это ополченіе и ратниковъ возвратить по домамъ. Всѣ чрезвычайно обрадовались

тому, кромѣ Левина, который одинъ остался съ носомъ и съ убыткомъ: ибо многое для эскадроновъ своихъ уже закупилъ, иное заказалъ, въ увѣренности, что дворянскія деньги уплатятъ сіи издержки, и все за безцѣнокъ долженъ былъ сбывать.

Изъ чего же спорили, ссорились? Изъ чего вся эта возня? Не менѣе того сія буря въ нашей лужѣ безъ малаго три мѣсяца сильно волновала ее. Вотъ такъ-то между людьми. Шести недѣль было для насъ достаточно, чтобы свести всѣ наши счеты; вышло, что, за удовлетвореніемъ потребностей обоихъ ополченій, осталось еще 150 тысячъ рублей ассигнаціями, которыя для приращенія положены въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія. Сбереженіе по крайней мѣрѣ половины этой суммы имѣю, кажется, я право приписывать себѣ; ибо, при безпрестанной перемѣнѣ предсѣдателей и отлучкѣ члена, я одинъ постоянно отстаивалъ ее. И что же? На первыхъ дворянскихъ выборахъ положено небольшой капиталъ этотъ превратить въ вспомогательную кассу для неимущихъ и задолжавшихъ дворянъ, дабы за малые проценты ссужать ихъ небольшими суммами, а комитету объявить благодарность дворянства. Но и этого спасибо я не получалъ, равно и ни малѣйшаго изъявленія благоволенія отъ правительства за временную, однакоже, довольно заботливую тутъ службу мою. Такъ-то всегда со мною было и послѣ; такъ, видно, у меня на роду написано. Я не ропщу; это видно компенсація, ибо сначала все приходило мнѣ даромъ.

Если подробности, въ кои входилъ я, найдутъ излишними и пустыми, я съ этимъ не соглашусь. Я пишу воспоминанія свои, и это дѣло занимаетъ въ нихъ просторное мѣсто. Въ отдаленіи тридцати лѣтъ, описаніе обстоятельствъ его нахожу я даже забавнымъ, и такимъ, по мнѣнію моему, должно оно казаться читателю. Къ тому же оно изображаетъ состояніе, въ коемъ находилась Россія послѣ сильной брани и тревогъ, во время продолжительнаго отсутствія Государя своего, когда при слабомъ управленіи предсѣдателя Государственнаго Совѣтника, Салтыкова, царствовало въ ней нѣчто похожее на безначаліе.

Военныя происшествія перестали столь сильно занимать насъ, провинціаловъ; слухи и извѣстія о движеніи арміи изъ-за границы стали все позже доходить до насъ: во мнѣ любопытство и участіе никакъ не уменьшались. Русскія войска безостановочно такъ и катились по слѣдамъ полчищъ Наполеоновскихъ, растаявшихъ какъ воскъ отъ лица Господня. Бывало въ вѣдомостяхъ только и читаешь, какъ они заняли то Кенисбергъ, то Варшаву, то Берлинъ, то Гамбургъ, то Дрезденъ. Прусская монархія, всѣмъ составомъ своимъ, примкнула къ намъ; но она только одна Разобиженный, униженный, не менѣе правдивый и достопочтенный король ея, укрѣпясь духомъ, въ Бреславлѣ наскоро подписалъ миръ и

поскакалъ въ Калишъ, чтобы пасть въ объятія великодушнаго, уже счастливаго Александра, который въ глубинѣ души не переставалъ быть его союзникомъ. Сердце мое исполнено было надеждъ и благодарности къ промыслу Всевышняго.

Одно только смущало меня: это было явное пристрастіе, которое Государь оказывалъ враждовавшимъ намъ Полякамъ, во время послѣдняго похода, болѣе чѣмъ когда ознаменовавшимъ себя жестокостями противъ Русскаго народа. Это не было прощеніе, христіанское забвеніе зла, а скорѣе походило на любовь, на награду. По его особенному приказанію, Рыщевская освобождена и весною провалилась отъ насъ.

Вскорѣ послѣ нея стали покидать насъ и другіе наши посѣтители. Въ числѣ ихъ находилось и семейство Кологриво-Гагаринское, къ которому принадлежалъ и князь Четвертинскій. Главѣ семейства сего, какъ сказалъ я выше, принадлежало село Мещерское, по дорогѣ къ Зубриловкѣ, верстахъ въ сорока не доѣзжая ея. Тамъ не было пріюта; но въ продолженіе зимы, съ Русскою поспѣшностью, настроено множество отдѣльныхъ деревянныхъ хоромъ, такъ что къ лѣту для всѣхъ готово было просторное помѣщеніе. Я принялъ приглашеніе прогуляться туда на нѣсколько дней, пока приводились къ концу отчеты по дѣламъ и суммамъ комитета моего.

На обратномъ пути, остановился я переночевать въ селѣ Бекетовкѣ, принадлежащемъ помѣщику того же имени, только не Аполону Николаевичу, неугомонному и многогрѣченному прокурору, который давно уже былъ въ отставкѣ и жилъ смирно. Вотъ еще новое лицо, новый членъ безчисленнаго Пензенскаго дворянства, котораго не случилось еще мнѣ назвать.

Жизнь Алексѣя Матвѣевича Бекетова и самъ онъ похожи были на тѣ образцовыя письма, которыя можно находить въ письмовникахъ: слогъ чистъ, все правильно, и всѣ формы соблюдены. Онъ не былъ ни скупъ, ни мотоватъ, ни съ кѣмъ ни заносчивъ, ни подобострастенъ, имѣлъ хорошій разсудокъ, хорошее состояніе—всего вдоволь, ничего лишняго. Въ Пензѣ, преисполненной тогда одними чудаками, совершенное отсутствіе оригинальности одно только дѣлало его оригиналомъ. Странно было только то, что супруга его Анна Матвѣевна, урожденная Солнцова *), была вся въ него, даже лицомъ; а какъ она носила одинаковое съ нимъ отчество, то можно было подумать, что онъ женатъ на родной сестрѣ своей.

---

*) Родная тетка извѣстному въ Москвѣ камергеру Матвѣю Михайловичу «Кровному» Солнцову, какъ назвалъ его въ стихахъ поэтъ-племянникъ Пушкинъ.

Если сія чета, о которой съ душевнымъ уваженіемъ я вспоминаю, прошла сквозь міръ сей, не возбуждая въ немъ особеннаго вниманія, за то изъ шести человѣкъ дѣтей ея было одно чадо, весьма примѣчанія достойное. Три сына были на войнѣ, а изъ трехъ дочерей одна была только замужемъ: полно, такъ ли я сказалъ? безошибочно можно было ее назвать женатою. У Катерины Алексѣевны Дмитрій Васильевичъ Золотаревъ, нашъ Симбухинскій сосѣдъ, былъ плохой мужишка, но отличный хозяинъ, котораго умѣла употребить она съ большою пользой, опредѣливъ его прикащикомъ надъ общимъ ихъ имѣніемъ и предоставивъ себѣ главное надъ онымъ распоряженіе. Природа дѣлаетъ такого рода, ошибки; но онѣ случаются такъ часто, что, право, можно подумать, будто она творитъ сіе съ умысломъ. Она дала Катеринѣ Алексѣевнѣ то удальство, которое львицы нынѣшняго времени пріобрѣтаютъ только искусствомъ. Ея откровенный видъ, всегда веселое лицо и дебелость, довольно преувеличенная съ перваго взгляда, заставляли предполагать въ ней много простодушія и даже какую-то рыхлость въ характерѣ. Это было обманчиво: твердость воли была у нея мужская, и злоязычіе ея всегда бывало остроумно. Паче всего любила она упражненія нашего пола. Сколько разъ видѣли ее по дорогѣ стоймя въ телѣгѣ, съ шапкою на бекрень, погоняющую тройку лихихъ коней, съ ямскою приговоркой: «съ горки на горку, дастъ баринъ на водку».

Откуда ни возьмись ей подстать одна иностранка, поселившаяся въ домѣ ея родителей. За весьма умѣренную цѣну нанялась она быть гувернанткой при двухъ взрослыхъ, почти двадцатилѣтнихъ, меньшихъ сестрахъ ея. Француженка съ Нѣмецкимъ прозваніемъ, мадамъ Гофъ,— все въ ней казалось загадочнымъ. Она была малаго роста, худая, дряблая, косая, въ морщинахъ и имѣла голосъ мужающаго отрока. Также какъ у Золотаревой, были у нея всѣ склонности не женскія: чрезвычайно любила играть въ биліардъ и курить трубку, и отъ того-то у сихъ женщинъ свелась самая тѣсная дружба. Времена были старинныя, варварскія, всѣмъ это казалось зазорно; нынѣшнее новое, смѣлое женское поколѣніе можетъ почитать ихъ своими прародительницами.

Съ Золотаревой были у насъ лады, но Француженкѣ я не полюбился, и она старалась насъ поссорить. Съ первою бывало мнѣ очень весело, можно было похохотать съ нею и надъ нею; но когда подлѣ этой сосѣдки появилась мрачная сова, и мы съ сею послѣднею не могли скрывать взаимнаго другъ отъ друга отвращенія, то знакомство наше на время прекратилось. Когда разгорѣлась война, то на Француженку стали падать какія-то подозрѣнія: она часто начала посѣщать Рыщевскую и водиться съ Французами, которые были сосланы. Въ обѣихъ нашихъ столицахъ не бывала, ни въ какомъ другомъ домѣ

прежде она не живала, никто не зналъ ея, и за годъ до войны она какъ будто съ неба свалилась въ Пензу. Голицынъ хотѣлъ было ее выслать, но его упросили, а меня стали подозрѣвать въ склоненіи его къ сей строгой мѣрѣ; я же, напротивъ, находилъ, что въ расположеніи, въ которомъ были умы, никакой лазутчикъ не могъ быть опасенъ; напраслина всегда была моя участь. Весною г жа Гофъ сама уѣхала съ г-жею Рыщевской, и только года два спустя узнали настоящее ея фамильное имя. Она писала изъ Вѣны, что обстоятельства, о которыхъ она умалчиваетъ, заставляли ее нѣкоторое время искать убѣжища въ Россіи, и подписалась,—графиня Куденговенъ: это названіе одной изъ извѣстнѣйшихъ и знатнѣйшихъ Австро-баварскихъ фамилій. Ея уже не было, когда я рѣшился посѣтить Бекетовку; самого хозяина не было дома, и по усильному приглашенію почтенной хозяйки согласился я переночевать.

Рано поутру послышались мнѣ голоса въ сосѣдней комнатѣ, отъ которой отдѣленъ я былъ запертою дверью. Семейство собралось въ кабинетѣ отца читать въ слухъ только-что полученныя изъ Пензы *Московскія Вѣдомости*, и до меня невнятно доходили слова: сраженіе, Кутузовъ, Витгенштейнъ. Это совсѣмъ прогнало у меня сонъ; я наскоро одѣлся и за чаемъ узналъ множество новостей. Дивному Наполеону достаточно было трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, чтобы набрать новыя, огромныя силы, поднять ихъ на Россію и сразиться съ нею въ самомъ сердцѣ Германіи. И уже не долженъ былъ онъ встрѣтить искуснаго, престарѣлаго побѣдителя своего, который въ это самое время на одрѣ болѣзни исчезалъ, озаренный своей славой. Какъ всякому сыну отечества, прискорбна мнѣ была утрата, имъ сдѣланная; но утѣшеніе являлось вмѣстѣ съ горестью: Люценское сраженіе выдали намъ за побѣду; присоединясь къ намъ, вся Пруссія возстала, и войсками предводительствовалъ недавно прославившійся полководецъ.

Театръ войны такъ отдалился отъ насъ, что только въ концѣ Мая получены были нами извѣстія сіи, болѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ происшествія: о желѣзныхъ дорогахъ и даже о пароходахъ тогда еще у насъ и помину не было.

Лѣто прошло почти непримѣтнымъ образомъ. Война продожалась вдали, реляціи искусно умѣли скрадывать наши уроны, въ нихъ находились все названія Нѣмецкихъ городовъ и, послѣ прошлогоднихъ тревогъ, это казалось обыкновеннымъ браннымъ состояніемъ, которое дотолѣ для Россіи никогда почти не прекращалось. Только не могли понять земляки мои, отчего мы все вертимся на одномъ мѣстѣ, не подвигаясь ни взадъ, ни впередъ; невѣдѣніе иногда бываетъ дѣло весьма полезное. Немногимъ, которые подобно мнѣ, не смотря на сходство

именъ, знали, что Бауценъ далеко отстоитъ отъ Люцена, не хотѣлось сознаться, что вѣроятно мы принуждены были много отступать.

Я рѣдко посѣщалъ Пензу. Мать моя, построивъ себѣ небольшой домикъ въ подгородномъ селѣ Лебедевкѣ, туда переѣхала, а я поселился опять въ томъ же Симбухинѣ, въ семи верстахъ отъ нея; слѣдственно, въ городъ мнѣ почти и не зачѣмъ было ѣздить. Сіи два три мѣсяца были если не пріятнѣйшимъ, то едва ли не спокойнѣйшимъ временемъ въ моей жизни. Перемиріе, заключенное съ Франціей, и Прагскій конгрессъ подавали надежду на прочный, продолжительный миръ. Я полагалъ, что Наполеонъ не захочетъ продлить борьбы истощенной Франціи съ торжествующею Россіей и раздраженною, возставшею, ополчающеюся почти цѣлою Германіей,—захочетъ взять отдыхъ и исполненіе дальнѣйшихъ замысловъ отложить до удобнѣйшаго времени. Я старался не узнавать что происходитъ въ свѣтѣ, не читалъ даже вѣдомостей. Успокоенный духомъ, пользуясь совершенною независимостію и не имѣя ни какихъ заботъ (ибо мать моя опять вступила въ совершенное распоряженіе имѣніемъ), я съ наслажденіемъ предавался моей лѣни и праздности, которыя могутъ быть только пріятны послѣ сильныхъ душевныхъ волненій и тяжкихъ умственныхъ трудовъ. Тишина, меня окружавшая, благорастворенный воздухъ, тѣнь сада и рощъ, ослабляя во мнѣ даже способностть мыслить, создавали мнѣ то матеріальное благосостояніе, которое испытываютъ выздоравливающіе послѣ жестокой болѣзни. Не на долго судьба дала мнѣ отпускъ отъ печалей жизни сей, на которыя, кажется, постоянно она осуждала меня. Онѣ ожидали меня слѣдующей зимой, и нынѣ въ старости не безъ стыда приступлю я къ изображенію ихъ въ слѣдующей главѣ.

VIII.

Въ концѣ Сентября узнали мы, что Австрія съ Юга и Швеція съ Сѣвера пристали къ великому союзу нашему противъ Наполеона; что послѣдняя на Нѣмецкій берегъ высадила уже войска свои, которыя прикрываютъ Берлинъ; что искусные и храбрые Французскіе генералы, Моро и Бернадотъ, находятся въ рядахъ нашихъ противъ порабощеннаго отечества и, наконецъ, что военныя дѣйствія уже начались.

Опять съ новою силой запылала еще неугасшая всеобщая Европейская война, въ которой всѣ народы ея должны были принять непосредственное участіе. О, неизгладимыя воспоминанія послѣдней гигантской борьбы, въ которой все было велико,—и цѣль, и люди, и средства, и усилія, и чувства, кои оживляли царей и народы, вождей

и ратниковъ! Чтò нынѣ съ вами сравниться можетъ? Франція, которая билась на смерть, упорно защищая пріобрѣтенныя славу и могущество, Германія, съ отчаяннымъ мужествомъ подымающаяся изъ праха на завоеваніе своей независимости, Россія, идущая освободить народы, Англія, напрягающая всѣ силы для поддержанія союза, ибо въ низложеніи своего безсмертнаго противника видѣла единственное спасеніе своихъ всемірныхъ богатствъ,—вотъ зрѣлище, которое являлось тогда на сценѣ міра и которое въ продолженіе немногихъ мѣсяцевъ быстро стремилось къ развязкѣ чудной революціонной драмы. Кто изъ подвизавшихся въ сію великую эпоху можетъ вспомнить объ ней безъ восторга, особливо когда сравнитъ ее со скудостію и съ подлостію настоящаго? Страданія, конечно, были велики, язвы наносимыя народамъ глубоки, боль была живая, но утишаема, умѣряема высокими чувствами патріотизма и чести. Она ничего не имѣла общаго съ глухою болью, съ тоскою и ломотою, которыя нынѣ одолѣваютъ составъ общественнаго тѣла и въ будущемъ предвѣщаютъ ему много золъ. Тогдашнее общее волненіе въ отношеніи къ нынѣшнему мирному состоянію тоже самое, чтò быстрыя движенія сильнаго бойца къ судорожнымъ движеніямъ гальванизированнаго трупа. Но оставимъ настоящее: грустно смотрѣть на него!

Хотя, при открытіи сей новой кампаніи, первая попытка союзныхъ войскъ на Дрезденъ и весьма походила на пораженіе, но мы вдали едва могли это замѣтить, ибо оно въ тоже время было заглушено тремя побѣдами: кронъ-принца Шведскаго при Гросъ Бееренѣ, Блюхера при Кацбахѣ и, наконецъ, одной Русской гвардіи при Кульмѣ, въ ущеліяхъ Богемскихъ. Отъ сей послѣдней мы всѣ были безъ памяти и ужасно какъ ею возгордились.

Одинъ изъ отличавшихся въ сію знаменитую войну находился тогда у насъ, среди нашего семейства: это былъ зять мой Алексѣевъ. Жена его, по недостаточному состоянію, долго жить въ Петербургѣ не могла; поручивъ Богу двухъ малолѣтнихъ сыновей и оставивъ ихъ въ Пажескомъ корпусѣ, еще въ Мартѣ мѣсяцѣ пріѣхала она къ намъ въ Пензу. Генералъ же Алексѣевъ находился въ сраженіи при Люценѣ и получилъ сильную контузію въ ногу. Этотъ совершенно Русскій человѣкъ не умѣлъ какъ-то угодить возрастающему тогда въ могуществѣ Нѣмцу Дибичу, имѣлъ нѣкоторыя непріятности и воспользовался заключеннымъ перемиріемъ, чтобы отпроситься домой, отдохнуть, полѣчиться и навѣстить жену и родныхъ. Съ Іюля мѣсяца жилъ онъ въ Пензѣ. Неблагорасположенные къ нему въ главной квартирѣ воспользовались его отсутствіемъ, чтобы вмѣсто какой-нибудь лестной награды испросить ему подарокъ въ десять тысячъ рублей, да Прус-

скій король далъ ему орденъ Краснаго Орла второй степени. Когда пришли къ намъ вѣсти о новыхъ Русскихъ побѣдахъ, сильно забилось въ немъ ретивое. Несмотря не неудовольствія, которыя онъ уже имѣлъ и которыхъ еще ожидать могъ, его такъ и позывало въ армію. Какъ ни старались его удержать, въ половинѣ Октября отправился онъ по пути къ Кіеву, а мы съ сестрой провожали его до Чембара.

Верстахъ въ пятидесяти отъ Чембара, черезъ степныя и мало населенныя мѣста, находилась Зубриловка. Князь Өеодоръ Голицынъ, которому селеніе сіе досталось по раздѣлу, на зиму съ семействомъ своимъ уединился въ немъ и, вѣрно скуки ради, меня убѣдительно приглашалъ навѣстить его. Пользуясь сосѣдствомъ, далъ я сестрѣ одной отправиться обратно въ Пензу; а самъ, не смотря на непріятности осеннихъ дорогъ и погоды, отправился къ нему.

Я пріѣхалъ поздно вечеромъ и нашелъ его вдвоемъ съ женой въ слабо освѣщенной комнатѣ нижняго этажа. Они умирали со скуки, и нѣтъ ничего удивительнаго, если пріѣздъ новаго лица, человѣка сколько-нибудь образованнаго, ихъ обрадовалъ. Тутъ только, могу сказать, познакомился я съ этою княгиней; въ Петербугской многолюдной ея гостиной, гдѣ на софѣ, какъ на тронѣ, предсѣдала она, это дѣло было невозможное; тамъ можно было довольствоваться отъ нея двумя-тремя словами, какъ отъ особъ царской фамиліи. Она имѣла всѣ свойства Европейскихъ аристократокъ прежняго времени: вмѣстѣ съ умомъ и добротою была холодна и надменна; дѣлалась любезна только съ короткими людьми. Такія женщины своимъ примѣромъ поддерживали лучшее общество, но въ провинціи онѣ не годились. Учтивость безъ малѣйшей улыбки, которую княгиня Голицына оказывала сосѣдкамъ своимъ, имъ казалась обидною; и онѣ вмѣстѣ съ мужьями своими перестали тутъ показываться. Домашній весьма тѣсный кругъ, составленный изъ наемныхъ иностранцевъ и иностранокъ, былъ единственнымъ обществомъ знатной четы.

Но саженяхъ въ семидесяти отъ ея жительства можно было еще иногда встрѣчать барынь, прежнихъ частыхъ посѣтительницъ Зубриловки. Тамъ, подлѣ церкви и близъ праха супруга, старая княгиня построила себѣ небольшіе деревянные хоромы, какъ внутри какъ и снаружи отличающіеся совершенною простотою, и въ нихъ поселилась, большія палаты предоставивъ сѣдящему на княжествѣ наслѣднику своему. Пока мы вечеромъ разговаривали, хозяинъ получилъ отъ матери маленькую записку, въ которой поручаетъ она ему пригласить меня на другой день къ ней обѣдать. Я во вдовствѣ еще не видалъ ея; хотя она пріѣзжала въ Пензу, но рѣдко кому показывала свѣтлое лицо свое. Не предвидя ничего для себя непріятнаго, безъ малѣйшей боязни по-

шелъ я къ ней. Она встрѣтила меня съ какою-то язвительною улыбкой, превративъ старинное, знакомое *ты* въ учтиво-укоризненное *вы*. Когда я усѣлся противъ нея, вопросила она меня, часто ли я получаю письма отъ друга моего ***—на? Я отвѣчалъ, что имѣлъ сношенія съ нимъ по службѣ, но переписки никогда *). Тутъ пустилась она всячески поносить его и меня, утверждая, будто изъ подлости, изъ пустой надежды на покровительство Мордвинова (тогда не служащаго), рѣшился я попрать всѣ обязанности сына и пріятеля, не убоялся оскорбить два семейства, коимъ злодѣйствовалъ ***, и тому подобное. Я призвалъ на помощь все достоинство свое, стараясь ей напомнить, что я уже не тотъ отрокъ, котораго знала она въ Казацкомъ, а едва ли не юноша, за-урядъ. Куда тебѣ! Глаза у нея засверкали, губы затряслись и, послѣ минутнаго молчанія, она вскрикнула: «Да знаешь ли, что ты у меня въ рукахъ? Знаешь ли что̀ я могу съ тобою сдѣлать? Могу велѣть разложить тебя и высѣчь». Я вспомнилъ то, что́ слышалъ про подвиги ея молодости и обмеръ. Сынъ ея, мигая мнѣ глазомъ, бросился къ ней съ словами: «Полноте, матушка, вѣдь они давно съ братомъ помирились; дайте и вы ему вашу руку поцѣловать». Дѣлать было нечего, я подошелъ, а она то подавала, то отдергивала руку свою. Черезъ минуту пришли сказать, что обѣдъ готовъ; она встала, увѣряя, что меня не надобно за столъ пускать, а между тѣмъ сама повела къ нему и посадила подлѣ себя. За обѣдомъ повторяла, что мнѣ не надобно ѣсть давать, а всякаго кушанья сама накладывала мнѣ на тарелку. Такія взбалмошныя злы не бываютъ: это доказываетъ, что сердитыя женщины въ существѣ всегда предобрыя; только избави Богъ и отъ нихъ. Невѣстка была свидѣтельницей сей траги-комической сцены и отъ нея, конечно, не менѣе меня страдала: она вся была исполнена важности и приличія и вѣрно въ жизни ни разу не забывалась. Между ею и свекровью находилось какъ будто цѣлое столѣтіе; одна казалась боярыней временъ Елисаветы Петровны, другая—дамой двора Елисаветы Алексѣевны.

Вечеромъ объявилъ я любезному хозяину моему, что Зубриловка его становится страшна, опасна, и что на другой день, рано поутру, намѣренъ я бѣжать изъ нея. Онъ увѣрялъ меня, что мать его опомнилась, въ отчаяніи отъ случившагося и хочетъ удвоенными ласками меня заставить забыть его. На безлюдьи Ѳома человѣкъ, готовъ я сказать, можетъ-быть, съ излишнею скромностію: оттого-то хозяева мои употребили всѣ убѣжденія, чтобы удержать меня долѣе, и я про-

*) Думала ли она, что внукъ ея, сынъ князя Ѳеодора, будетъ нѣкогда женатъ на дочери этого ***—на.

былъ цѣлую недѣлю въ добромъ согласіи съ обѣими княгинями. Граѣъ замерзала отъ сильныхъ утренниковъ, а днемъ сонце сіяло на чистомъ небѣ, и прогулки по рощамъ были не безъ пріятности.

Не прошло еще пяти лѣтъ какъ князь Өеодоръ былъ женатъ на пребогатой единственной дочери фельдмаршала князя Прозоровскаго; затѣи его не успѣли еще разстроить имѣніе, и раззореніе даже издали еще не грозило ему. Отъ великолѣпій двора по временамъ отдалялся онъ, чтобы мѣнять ихъ на пышности собственнаго виликокняжскаго житья, которое намѣренъ былъ завести онъ въ отдаленномъ помѣстьѣ. Ему хотѣлось, чтобы замокъ его походилъ на Павловскій дворецъ; и средній и верхній этажъ его въ это время передѣлывались самымъ великолѣпнымъ образомъ, а самъ онъ покамѣстъ помѣщался въ нижнемъ, который также съ большимъ вкусомъ и роскошью отдѣланъ. Этого мало: огромный, красивый прудъ хотѣлъ онъ обратить въ широкую рѣчку; для открытія видовъ дѣлалъ просѣки и рубилъ славныя деревья въ степныхъ мѣстахъ, гдѣ лѣсъ цѣнится золотомъ; однимъ словомъ, знатнымъ образомъ куралесилъ. Въ этомъ состояли его деревенскія занятія; княгиня занималась дѣтьми, чтеніемъ классическихъ авторовъ и изученіемъ древней исторіи; хозяйствомъ, кажется, никто. Право, жаль мнѣ было на все это смотрѣть.

Можетъ быть, читатель подивится терпѣливости моей въ отношеніи къ Голицынымъ. Чтобы оправдать себя передъ нимъ, долженъ я войти въ нѣкоторыя подробности, въ описаніе нѣкоторыхъ семейныхъ и провинціальныхъ сплетенъ, коими, можетъ быть, ему наскучу; но что дѣлать? Безъ этого я никакъ обойтись не могу.

Да вспомнитъ читатель стариннаго друга, потомъ недруга отца моего, Еөима Петровича Чемесова; его уже не было на свѣтѣ; о немъ и о супругѣ его я много говорилъ, а о семействѣ его едва упомянулъ. Изъ трехъ меньшихъ дочерей его средняя, Марөа, была некрасавица; но миловидность ея была лучше красоты. Ея черные, огня исполненные глаза и самая пріятная улыбка были отмѣнно привлекательны. Она хорошо умѣла воспользоваться воспитаніемъ, полученнымъ въ Екатерининскомъ институтѣ, со всѣми была отмѣнно любезна и умомъ превосходила все семейство свое. Честолюбивая тетка, Елисавета Петровна Леонтьева, которую также прошу не забывать и которая брата моего не допустила жениться на внучкѣ своей Ступишиной, имѣла на племянницу великіе виды. Не знаю по какому случаю были у нея давнишнія, короткія связи съ княгинею Варварой Васильевной Голицыной, и въ Пензѣ выдавала она себя за опекуншу трехъ маленькихъ сыновей ея, братьевъ губернатора. Она положила одного изъ нихъ непремѣнно женить на Марөѣ Чемесовой, и старшій, Павелъ, оказался болѣе другихъ къ

тому склоненъ. Такой женихъ право не могъ почитаться находкой; въ немъ не было ни крошечки ума, а тьма пороковъ. Лицомъ не совсѣмъ дуренъ, былъ онъ записной и несчастливый игрокъ, любилъ лишнее выпить и въ отношеніи къ женскому полу велъ жизнь самую развратную. Ни мысли, ни движенія благороднаго, а уже способностей никакихъ. Семейство его не было ослѣплено на счетъ его недостатковъ, а со всѣмъ тѣмъ Голицынская гордость сильно возмутилась, когда изъявилъ онъ желаніе соединиться бракомъ съ простою дворянкою. Сначала мать слышать не хотѣла, но какъ это было въ самый разгаръ войны, и молодой человѣкъ вступилъ въ ополченіе, то, дабы выиграть время, изъявила она согласіе, съ условіемъ, чтобы свадьбѣ быть по заключеніи мира. А между тѣмъ женихъ такъ захворалъ, что все тѣло его покрылось злокачественными ранами, и вмѣсто арміи, среди зимы, долженъ былъ онъ ѣхать лѣчиться на Кавказъ.

Въ тоже время другое горе посѣтило Голицынскую семью: любимецъ княгини, Василій, почувствовалъ также необоримую склонность къ дѣвочкѣ, можно сказать сироткѣ, воспитывавшейся въ домѣ у брата его Григорія. Это уже было дѣло совсѣмъ нешуточное; моложе Павла четырьмя годами, Василій совсѣмъ былъ не чета старшему брату, во всемъ бралъ первенство передъ нимъ, и если взять въ соображеніе и чины, то и тутъ стоялъ выше его, будучи камеръ-юнкеромъ пятаго класса, когда тотъ находился въ десятомъ; въ самомъ обращеніи съ нимъ онъ какъ будто удостоивалъ его братствомъ. Хотя въ немъ не было ничего необыкновеннаго, но по мнѣнію матери и братьевъ, ему предстояло самое блестящее поприще, и также подобная женитьба ожидала его въ будущемъ. Война и это дѣло поправила: онъ вступилъ въ Пензенское ополченіе и отправился съ нимъ въ походъ.

Исторія красотки, къ ногамъ которой Василій Голицынъ надѣялся, по возвращеніи, бросить лавры свои, вѣроятно потому мнѣ кажется *занимательною*, что въ воспоминаніяхъ моихъ *занимаетъ* важное мѣсто. Лѣтъ двадцать тому назадъ, мнѣ бы еще пріятно было ее разсказывать, подъ перомъ моимъ ей бы конца не было; а нынѣ, да успокоится читатель, мнѣ нетрудно будетъ ее сократить.

Дочь пребогатаго и презнатнаго Польскаго пана, князя Ксаверія Любомирскаго, Клементина, влюбилась въ шляхтича Петра Крогера, сына однаго изъ управителей отцовскихъ имѣній, бѣжала съ нимъ и, противъ воли отца, съ нимъ обвѣнчалась. Жестокое наказаніе, какъ бы самимъ небомъ ниспосланное, было послѣдствіемъ сего дѣтскаго неповиновенія—преступленія, которое въ глазахъ моихъ извиняется силою любви. Отецъ никогда не хотѣлъ ее простить, лишилъ наслѣдства и выдѣлилъ ей только законную часть изъ имѣнія умершей матери.

Въ продолженіе немногихъ лѣтъ, неблагодарный мужъ, которому всѣмъ она пожертвовала, и который всѣмъ ей былъ обязанъ, успѣвъ присвоить себѣ все небольшое имущество ея, прогналъ ее и отнялъ у нея даже двухъ малолѣтнихъ дѣтей, дочь и сына. Лишившись всего, гдѣ было искать ей утѣшеній, если не тамъ, гдѣ всѣ несчастные находятъ его? Она нашла убѣжище въ женскомъ Кармелитскомъ монастырѣ, въ городѣ Дубнѣ, Волынской губерніи, и спустя нѣсколько времени въ немъ постриглась.

Во время предпослѣдней войны нашей съ Французами, когда наши Поляки не смѣли еще и думать, чтобъ имъ возможно было отдѣлиться отъ Россіи, Бѣлорусскій помѣщикъ Петръ Крогеръ вступилъ въ милицію, которою въ этомъ краю начальствовалъ князь Сергѣй Өеодоровичъ Голицынъ. Человѣкъ былъ онъ проворный, полюбился ему и прилпелся къ его свитѣ. Случись, что брошенная имъ жена находилась въ родствѣ, и весьма недалекомъ, съ невѣсткою князя, женою Григорія, урожденною Сологубъ. Сія послѣдняя, благочестивая и сострадательная, выпросила къ себѣ у Крогера несчастную дѣвочку, дочь его, которая не получала никакого воспитанія, и онъ отказать ей въ томъ не смѣлъ, а можетъ быть и радъ былъ освободиться отъ дочери, какъ отъ обременительной заботы.

Когда первый разъ увидѣлъ я въ Пензѣ эту дѣвочку, которую звали Теофила, ей было лѣтъ шестнадцать, но въ сужденіяхъ и разговорахъ она была еще совершенное дитя. Создавая ее на славу и украсивъ всѣми наружными прелестями, сама природа, видно, такъ залюбовалась своимъ произведеніемъ, что въ разсѣянности забыла ей дать многое, которое для женщинъ въ жизни бываетъ не излишнимъ. Тоже самое дѣлали и люди: пораженные ея очаровательною красотой, не думали справляться, подъ этою небесною оболочкой есть ли чувство и умъ? Просто какъ совершенствомъ творенія величайшаго изъ артистовъ, долго любовался я симъ цвѣткомъ, который все пышнѣе въ глазахъ моихъ распускался. Братья Голицыны всѣ до единаго были люди весьма любострастные; но истинная любовь ни одному изъ нихъ не была извѣстна: семейства менѣе поэтическаго я не знавалъ. Василью полюбилась дѣвочка, препятствій желаніямъ своимъ онъ еще не встрѣчалъ, и потребовалъ дозволенія жениться на ней. Она же, безъ всякой особой къ нему склонности, охотно была на то согласна; но когда, послѣ отъѣзда его, запрещено было ей о томъ думать, она ни мало не огорчилась. Все это была семейная тайна, о которой я не имѣлъ никакого понятія, тогда какъ свотовство Павла на Чемесовой было извѣстно цѣлому городу.

Не надобно было полагаться на дѣйствіе времени, забвеніе, охлажденіе двухъ влюбленныхъ; нужно было воспользоваться ихъ отсутствіемъ, чтобы пріискать жениховъ для ихъ невѣстъ, а гдѣ ихъ было взять тогда? Губернаторъ Голицынъ подмѣтилъ необыкновенное удовольствіе, съ которымъ слушалъ я милый вздоръ изъ устъ ихъ воспитанницы, сталъ подозрѣвать чувство, котораго во мнѣ вовсе еще тогда не было, и ожидалъ его развитія, чтобы поощрить его; исторія съ ***—нымъ на время все это остановила.

Вскорѣ послѣ примиренія нашего, не могъ я не замѣтить, что какъ будто невзначай мнѣ случается часто оставаться наединѣ съ молоденькою красавицей, дозволяется дѣлать прогулки пѣшкомъ и въ коляскѣ за городъ съ нею и съ Нѣмкою, болѣе нянькою чѣмъ гувернанткою, что въ обращеніи со мною она сдѣлалась скромнѣе, что отъ малѣйшей похвалы, у меня вырывавшейся, она улыбается, краснѣетъ и потупляетъ глаза; эдакъ она мнѣ еще болѣе нравилась. Да что́ же? подумалъ я, почему бы мнѣ прелестною подругой не украсить жизнь мою, которая въ будущемъ является мнѣ столь одинокою и тоскливою? Я шутя́ началъ говорить о томъ матери моей; она сильно и гнѣвно возстала противъ намѣренія моего. Живши долго въ Варшавѣ, въ Люблинѣ, наконецъ въ Кіевѣ, имѣла она сильное предубѣжденіе противъ Полекъ: всѣ онѣ кокетки, невѣрныя жены, твердила она. Я зналъ, что въ важныхъ случаяхъ воля ея бываетъ очень тверда и, дабы положить всему конецъ, рѣшился переѣхать въ наше Симбухино. Напрасно: препятствія раздражили меня; въ бездѣйствіи, въ уединеніи деревенской жизни воображеніе мое пуще воспламенилось, и все мелькалъ передо мною чудесный образъ; то, что̀ едва зародилось въ сердцѣ, развилось въ головѣ. Такъ-то, я думаю, почти и всегда бываетъ съ любовію.

Когда осенью воротился я въ Пензу, то эта была уже настоящая страсть. Описывать ее не буду, во первыхъ потому, что теперь не сумѣю, во вторыхъ потому, что какъ-то совѣстно въ нынѣшнія лѣта мои за это приниматься. Еслибы, паче чаянія, читатель захотѣлъ узнать о томъ, то пусть раскроетъ любой романъ: тамъ изображено все то, что̀ я перечувствовалъ. Мнѣ кажется нынѣ, что это должно походить на сонъ, въ который погружаетъ опіумъ послѣ сильнаго его пріема; въ опьяненіи, которое онъ производитъ, чувствуешь, говорятъ, неизъяснимыя муку и блаженство. Вообще, изо всѣхъ моихъ воспоминаній это одно, которое постоянно я отталкиваю. Любовь есть безпрерывное самоотверженіе; но когда разгоряченное самолюбіе восторжествуетъ надъ ней, она становится ненавистна. Никогда еще въ жизни не игралъ я столь глупой роли; въ провинціяхъ всякій несчастный

любовникъ казался смѣшонъ, и я былъ баснею Пензы. А отъ чего я былъ несчастливъ? Оттого единственно, что былъ покорный сынъ.

Итакъ, любовь была причиною, истребившею во мнѣ духъ опозиціи. На Голицына въ началѣ зимы, я никакъ жаловаться не могъ; онъ какъ нельзя болѣе былъ доволенъ моею покорностію и часто шутилъ со мною насчетъ моей страсти. Въ случаяхъ объясниться съ Теофилой у меня недостатка не было, но я не рѣшался; когда же сіе сдѣлалось противъ воли моей, она отвѣчала мнѣ глупою улыбкой, которую назвалъ я невинною и прелестною, и принялъ за согласіе. Вскорѣ потомъ все перемѣнилось. Въ Январѣ получилъ я наконецъ согласіе матери моей, и она поручила сестрѣ моей Алексѣевой сдѣлать формальное предложеніе Голицыну; онъ отвѣчалъ, что у воспитанницы его есть отецъ, который одинъ можетъ располагать ея судьбою, что онъ въ концѣ Марта долженъ пріѣхать въ Пензу, слѣдственно переписка объ этомъ предметѣ будетъ напрасна, а что, по пріѣздѣ его, онъ самъ берется быть моимъ сватомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ онъ сестру мою, чтобъ она убѣдила меня воздерживаться отъ прежней короткости съ невѣстою; ибо дѣло, становясь серіознымъ и будучи не рѣшеннымъ, должно оставаться тайною, иначе было бы неприлично въ глазахъ публики. Пензенской публики! Я какъ дуракъ повѣрилъ, и дня два или три былъ совершенно счастливъ.

Вдругъ увидѣлъ я, что моя возлюбленная совсѣмъ отъ меня отворачивается и всегда такъ окружена, что нѣтъ для меня возможности лишняго слова съ нею молвить. Я подумалъ сперва, что это какой-нибудь брачный этикетъ, мнѣ вовсе неизвѣстный, но вскорѣ потомъ со всѣхъ сторонъ начали обращаться ко мнѣ съ вопросомъ: «скажите, правда ли, что вы сватались, и вамъ отказали?» Легкомысленный и нескромный Голицынъ двумъ или тремъ знакомымъ успѣлъ разсказать, что онъ лучше отъ меня отдѣлаться не умѣлъ, какъ выдумать пріѣздъ Крогера. Мнѣ показалось, что все это было сдѣлано съ намѣреніемъ меня одурачить. Мое положеніе сдѣлалось ужаснымъ: я кипѣлъ досадой и не смѣлъ показывать ее; это значило бы навсегда проститься съ надеждой, которая одна только живила меня тогда. Я не прервалъ знакомства съ домомъ губернатора, но когда, разговаривая съ нимъ, выжималъ на уста улыбку, глаза мои горѣли негодованіемъ. Замѣтивъ это, разъ опуская голосъ, такъ чтобы окружающіе не слыхали его, сказалъ онъ мнѣ: «пожалуста ничему не вѣрьте, имѣйте только маленькое терпѣніе, мы всѣмъ этимъ дѣломъ поладимъ».

Вотъ что́ было причиною этой внезапной перемѣны. Осенью пришли слухи, что Павелъ Голицынъ умеръ на Кавказѣ; онъ дѣйствительно умиралъ, но ожилъ, и здоровый въ Декабрѣ явился къ матери

въ Зубриловку; тамъ наложили на него секвестръ и въ Пензу не пустили. Въ это же время губернаторша Голицына съ цѣлымъ семействомъ, ѣздила навѣстить свекровь; пріѣзжій нашелъ, что дѣвица Крогеръ выросла, похорошѣла и сказалъ, что она ему очень приглянулась. Тогда между членами этого семейства родилась новая комбинація. «Нѣтъ Германской принцессы, руки которой бы братъ Василій не былъ достоинъ, но для глупаго, пьянаго, гнилаго Павла, чего же лучше?—красотка, какъ бы уже принадлежащая къ семейству и по матери въ родствѣ со всею Польскою знатью. Состояніе, правда, весьма небольшое; но для человѣка, котораго нельзя показать въ столицѣ и его будетъ достаточно; главное же, чтобы спастись отъ Пензенскаго родства и однимъ махомъ сдѣлать два удара». Тогда, кажется, положено бросить веденную на меня атаку, а напротивъ, поставить себя въ оборонительное состояніе. Не понимаю, отчего нескоро послѣдовало исполненіе общаго приговора. Она все дѣлала по приказу: не было ни мыслей, ни чувствъ, ни воли въ этомъ жалкомъ, прекрасномъ созданіи, а онъ всегда былъ существо самое безхарактерное, неосновательное.

Спѣшу кончить романъ сей, котораго я былъ весьма не блестящій ирой, съ тѣмъ чтобы впередъ никогда о немъ не поминать. Когда уже меня не было въ Пензѣ, ровно черезъ годъ послѣ предложенія моего, совершился ненавистный мнѣ бракъ Василій Голицынъ возвратился почти наканунѣ свадьбы; братья не поссорились; я повторяю: они не знали истинной любви. Что касается до меня, то нескоро могъ я забыть близость недостигнутаго блаженства. Бывало, когда случится мнѣ сдѣлать доброе дѣло, или сердце мое исполнится сострадапія къ несчастію ближняго, или внезапно чувство набожности наполнитъ душу мою,—въ эти рѣдкія и прекрасныя минуты жизни моей, бывало, всегда посѣтитъ меня нѣжный образъ Теофилы и напомнитъ мнѣ время чистѣйшей любви. Но, наконецъ, призракъ исчезъ навсегда. Увы, зачѣмъ увидѣлъ я ее вдовою, лѣтъ черезъ двадцать послѣ ея замужества! Еслибы, по крайней мѣрѣ, и станъ и черты ея вовсе измѣнились, я бы могъ еще увѣрить себя, что вижу совсѣмъ иную женщину; но нѣтъ, почти все тоже, а со всѣмъ тѣмъ! какъ сказать мнѣ?... Въ прекрасной Теофилѣ, или Ѳеофилѣ, увидѣлъ я настоящую Фефѣлу. Заимствуя выраженіе у Французовъ скажу, что я нашелъ въ ней горькую дуру.

Извѣстіе о знаменитой Лейпцигской битвѣ, самой рѣшительной изо всѣхъ бывшихъ въ эту войну, получено у насъ въ половинѣ Ноября. Со всѣхъ концовъ Европы собрались тутъ сражающіеся: съ четырехъ сторонъ, четыре арміи устремились на одинъ пунктъ сей,

защищаемый Наполеономъ. Французы приписываютъ потерю этого сраженія какому-то капралу, который поспѣшилъ взорвать мостъ и чрезъ то предалъ бѣгущихъ въ руки непріятеля; да вѣдь надобно же было напередъ, чтобъ они обращены были въ бѣгство. Тутъ нельзя уже было взвалить вину на морозы, а очевидцы увѣряютъ, что послѣ того ретирада ихъ совершенно походила на прошлогоднее бѣгство изъ подъ Краснаго. Кажется, Французы взяли девизомъ: побѣдить непріятеля или бѣгомъ бѣжать отъ него; надобно отдать имъ справедливость, они великіе мастера бороться съ истиной. Съ другой стороны, Нѣмцы въ этомъ дѣлѣ и понынѣ почитаютъ себя единственными побѣдителями, забывая, что съ ними вмѣстѣ сражалась вся огромная Русская армія, сражались Шведы, Венгры, Славяне по всѣмъ наименованіямъ, даже изъ отдаленныхъ мѣстъ Башкиры и Татары. И кто былъ душею, двигателемъ, можно сказать, главою этого безчисленнаго сборища, между которымъ такъ трудно было сохранить согласіе? Кто поставилъ на ноги Прусскаго короля? Кто вытащилъ на поприще великихъ событій самого мирнаго Австрійскаго императора? Кто, если не нашъ молодой Агамемнонъ, какъ въ стихахъ назвалъ его Жуковскій, если не тотъ, надъ которымъ въ этотъ день и въ послѣдующіе за нимъ мѣсяцы видимо сіяла благодать небесная?

У насъ въ провинціяхъ отъ этой вѣсти и отъ многихъ другихъ, быстро одна за другою получаемыхъ, только-что съ ума не сошли отъ радости. Давно ли, кажется, дрались наши на берегахъ Москвы-рѣки, и вотъ уже они на Рейнѣ и, въ свою очередь, Франція угрожается нашествіемъ иноплеменныхъ! Если Наполеонъ не совсѣмъ рехнулся, онъ поспѣшитъ заключить миръ. И въ этихъ провинціальныхъ сужденіяхъ, право, было болѣе благоразумія, чѣмъ въ его тогдашнихъ дѣйствіяхъ. Особенно нашимъ Пензенскимъ пріятно было узнать, что ихъ ополченіе участвовало въ славной битвѣ, и что изъ ихъ родныхъ никто въ немъ не погибъ. Ополченіе это, принадлежавшее къ арміи Бенигсена, направлено было потомъ къ Гамбургу, а малая часть его причислена къ гарнизону, занявшему Дрезденъ.

Все располагало моихъ дворянъ къ веселостямъ; но въ предшествующемъ году они крѣпко поиздержались, а безъ денегъ какъ можно веселиться? Не смотря на то, къ Рождеству, откуда взялись наши помѣщики: изо всѣхъ уѣздовъ понаѣхали, и пошла потѣха! Отъ самаго Рождества вплоть до послѣдняго дня масляницы, только два дня были безъ пляски, въ томъ числѣ одинъ сочельникъ. Весело проживался Голицынъ и другихъ въ мотовство умѣлъ втягивать. Изъ Зубриловки, по его вызову, пріѣхалъ и братъ его, князь Ѳеодоръ съ супругой сво-

ею; но она ни съ кѣмъ почти не говорила, ни на что́ не хотѣла смотрѣть и вскорѣ потомъ уѣхала.

Что́ я дѣлалъ въ это время общаго сумасброднаго разгулья? То же, но иначе,—сумасбродствовалъ! Я ничего не вѣдалъ о замышляемыхъ бракахъ Василія и Павла Голицыныхъ, никакъ не подозрѣвалъ, что Теофила невѣста трехъ жениховъ, и все еще предавался слабой надеждѣ. Она въ такихъ случаяхъ настоящее зло и похожа на продолжительныя предсмертныя страданія, когда человѣкъ невольно хватается за жизнь; скорое ея пресѣченіе дѣлается тогда счастіемъ. Еслибы не глупая страсть, я, кажется, всю эту зиму плавалъ бы въ радостныхъ восторгахъ: Россія наша вездѣ торжествовала! Но что̀ дѣлать? Никогда еще судьба не дала мнѣ вполнѣ насладиться удовольствіями жизни, и въ розы, которыми изрѣдка украшала ее, всегда вплетала самыя колючія тернія.

IX.

Прошла зима, первые мѣсяцы 1814 года; наступила Русская весна, Мартовская великопостная оттепель; все возвѣщало скорое появленіе жизни. Но праздникъ Свѣтлаго Воскресенія, въ самомъ концѣ Марта, встрѣтили мы невесело: воротилась стужа съ вѣтрами, метелями и непогодою. Къ тому же и самыя извѣстія изъ арміи почитали мы неудовлетворительными,—мы, уже избалованные постоянными и быстрыми успѣхами. Казалось, что союзная армія разгуливаетъ по Франціи, напрягая всѣ силы, чтобы гдѣ нибудь прорваться къ Парижу, но что вездѣ, гдѣ только встрѣтится ей Самъ, всюду покажетъ еще себя прежнимъ, несокрушимымъ Наполеономъ. Такъ было гораздо за половину Апрѣля мѣсяца.

Въ это время создалъ я себѣ новую забаву, вовсе непохвальную: я золъ былъ на все человѣчество, и кого бы ни было сердить, огорчать сдѣлалось для меня наслажденіемъ. Я избѣгалъ сосланныхъ Французовъ, Радюльфа и Магіёра, а еще болѣе плѣнныхъ; тутъ началъ я сближаться съ ними, ихъ посѣщать и принимать у себя. Ни Рыщевской, ни сестры ея Четвертинской, ни котораго изъ Поляковъ и даже изъ Москвичей, которые съ ними были знакомы, давно уже не было, а въ нашихъ случайный патріотизмъ не успѣлъ еще довольно простыть, чтобы съ ними водиться. По-русски ни одинъ изъ нихъ не зналъ ни слова, иностранныхъ газетъ мы не получали; откуда было имъ знать что́ происходитъ въ мірѣ, и я былъ для нихъ газетой. Особенно примѣчателенъ былъ плѣнный полковникъ Піонъ, который молодымъ солдатомъ, съ молодымъ генераломъ Бонапарте, воевалъ еще въ Египтѣ, былъ имъ замѣченъ, отличенъ, всегда лично ему извѣстенъ и

находился потомъ во всѣхъ съ нимъ кампаніяхъ. Другіе плѣнные также говорили о Наполеонѣ съ восхищеніемъ, но въ этомъ преданность доходила до изувѣрства, и я увидѣлъ, какъ человѣкъ изъ другаго человѣка можетъ сотворить себѣ Бога. Я всегда спѣшилъ возвѣщать ему наши успѣхи, а онъ бѣсился и отвергалъ истину моихъ словъ.

— Вѣдь это не мое, а напечатано въ вѣдомостяхъ.

— Да ваши газеты лгутъ, также какъ и наши.

— Можетъ быть, и я готовъ согласиться, что Французы вездѣ бьютъ Русскихъ, отвѣчалъ я; только странно, что подъ ихъ ударами они все идутъ впередъ отъ Москвы до Рейна и далѣе.

Онъ пересталъ со мною видѣться и другимъ заказалъ. Но нѣтъ, любопытство его проняло, и онъ опять ко мнѣ явился. Я заговорилъ съ нимъ о дѣлахъ совсѣмъ постороннихъ войнѣ; онъ вѣрно подумалъ, что мнѣ нечѣмъ передъ нимъ похвастаться, и рѣшился меня вопросить. «Я ничего не скажу вамъ: вы мнѣ не вѣрите, все сердитесь, а мнѣ совсѣмъ не хочется васъ печалить», и такимъ образомъ заставлялъ его умолять меня о вѣстяхъ, а я съ нѣкоторою прикраскою ихъ сообщалъ ему. Бѣдняжка! Нынѣ, право, мнѣ жаль его.

Въ концѣ Апрѣля, помнится 28-го числа, на безоблачномъ небѣ запылало вновь яркое солнце. Въ этотъ же день какой-то пріѣзжій или проѣзжій изъ Петербурга кому-то сказалъ, что Парижъ взятъ штурмомъ и, подобно Москвѣ, другой день какъ горитъ: вѣрно ему этого хотѣлось. Побѣда! Торжество! Но не такое, какого бы я желалъ. Для другихъ было все равно, и радостная вѣсть изъ устъ въ уста вездѣ разнеслась. На другой день къ вечеру, съ присланнымъ отъ министерства курьеромъ, получилъ губернаторъ предписаніе распорядиться о совершеніи благодарственнаго молебствія по случаю сего чрезвычайно-важнаго событія. Къ предписанію приложены были два печатныхъ листочка. Въ одномъ находилось извѣстіе, что Парижъ сданъ на капитуляцію, послѣ сраженія, бывшаго подъ стѣнами его, и что Русскій генералъ Сакенъ назначенъ военнымъ его губернаторомъ. Въ другомъ было объявленіе Парижу и Франціи, что союзные монархи болѣе не намѣрены входить въ какія-либо условія съ Наполеономъ и членами его семейства: оно подписано однимъ только Александромъ, котораго имя гремѣло тогда во всѣхъ концахъ міра, и скрѣплено Нессельродомъ, коего имя и въ Россіи тогда было вовсе неизвѣстно. Дальнѣйшихъ подробностей мы не могли еще имѣть; но и этого было довольно и гораздо лучше слуховъ, пришедшихъ наканунѣ.

Вотъ тутъ-то Россія заликовала и, правду сказать, было чѣмъ возгордиться! Чтò бы ни говорили Нѣмцы, все главное дѣло сдѣлано Русскимъ царемъ и Русскимъ войскомъ; тѣ, которые, полтора года

передъ тѣмъ по Владимирской дорогѣ отступали къ Клязьмѣ, готовы были потянуться къ Лоарѣ.

Губернаторъ хорошо сдѣлалъ, что на нѣсколько дней отложилъ молебствіе, дабы поболѣе дворянъ могли къ нему съѣхаться, и черезъ то придалъ ему былъ видъ болѣе торжественный. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему хотѣлось, чтобы данъ былъ великолѣпный пиръ, обѣдъ и балъ; это уже было неумѣстно. Съѣхавшіеся помѣщики на радостяхъ изъ кошельковъ и шкатулокъ потащили послѣднее; кто-то указалъ имъ на средство сдѣлать лучшее употребленіе изъ значительной суммы ими собранной. Отдѣливъ нѣкоторую часть на какое-нибудь простонародное увеселеніе, все остальное должно было принадлежать вдовамъ и сиротамъ, инвалидамъ, увѣчнымъ, страждущимъ, нищимъ, такъ что въ этотъ памятный день не оставалось въ городѣ ни одного человѣка, который не ощутилъ бы радости. Въ эти дни я опять было полюбилъ Пензу: я не слыхалъ ни одной хвастливой рѣчи, а всѣ казались исполнены трогательнаго умиленія и благодарности какъ къ небесному, такъ и земному Создателю ихъ благъ.

Въ Воскресенье 3 Мая, день имянинъ и рожденія матери моей, у насъ въ домѣ былъ семейный, а въ городѣ общественный праздникъ. Въ этотъ день мать моя была почти весела, и я почти забылъ сердечное свое горе. Поутру соборный храмъ не могъ вмѣстить въ себѣ стекшагося народа, и онъ густыми толпами тѣснился вокругъ него, и всѣ мы съ восторгомъ внимали побѣдную пѣснь поющимъ. Купцы и откупщикъ угощали потомъ народъ пивомъ, водкой и пирогами.

Между губернаторскимъ домомъ и соборомъ былъ просторный, пустой квадратъ, который Голицынъ засадилъ березами, и на нихъ, какъ нарочно, къ этому дню распустились листья; на этомъ мѣстѣ сочинили кой-какую илюминацію. Въ серединѣ горѣлъ щитъ, на коемъ выставлены были слова: Парижъ, 19 Марта, и вензелевое имя Государя, и онъ окруженъ былъ рамкой изъ разноцвѣтныхъ стаканчиковъ, разумѣется, раскрашенныхъ. Вечеромъ, въ этомъ небольшомъ пространствѣ вся Пенза старалась умѣститься. Поодаль, въ темнотѣ, замѣтилъ я Французскихъ плѣнныхъ, ласково подошелъ къ нимъ, но не утерпѣлъ, чтобы, указывая на щитъ, не спросить Піона, все ли онъ еще сомнѣвается. «Вы можетъ правы, отвѣчалъ онъ, а я все-таки не могу повѣрить». Я улыбнулся и вспомнилъ Чванкину въ *Хвастунѣ*, комедіи Княжнина: «знаю, да не вѣрю», также говоритъ она.

Надобно признаться, что и намъ едва вѣрилось: все то, что́ прочитали мы въ полученныхъ на другой день газетахъ, казалось обворожительнымъ сномъ. Какъ? Бурбоны провозглашены, и Наполеонъ изъявляетъ согласіе отказаться отъ престола! Да это конецъ революціи, конецъ

всѣмъ бѣдствіямъ. Миръ мірови дарованъ, и источникомъ благоденствія Европы, будущаго ея спокойствія все-таки останется наша Россія. О, какъ попралъ Господь гордыню народовъ западныхъ, и какъ высоко вознесъ Онъ наше смиреніе!

Черезъ нѣсколько дней долженъ былъ я находиться на другомъ празднествѣ, хотя частномъ, но болѣе великолѣпномъ. Зимой, изъ Петербурга, къ Ѳеодору Голицыну пріѣхалъ погостить Рибопьеръ, другъ его и родственникъ по женѣ, урожденной Потемкиной, со всѣмъ семействомъ. Послѣ Парижскихъ извѣстій, кому была охота оставаться въ глуши! Всѣ спѣшили показаться на свѣтъ и, на прощанье съ Зубриловкой, князю Ѳеодору хотѣлось задать огромный пиръ; для того избралъ онъ день рожденія Рибопьера, 13 Мая. Онъ какъ можно болѣе разослалъ пригласительныхъ грамотъ, и я получилъ собственноручную записку отъ самой княгини. Мнѣ бы не ѣхать; но губернаторъ отправлялся туда на все лѣто со всѣмъ семействомъ своимъ, и мнѣ хотѣлось хоть бы еще поглядѣть на *нее*.

Пиръ былъ пребогатый, только не гостями: изъ приглашенныхъ немногіе на него пріѣхали. Наши дворяне начинали уже чувствовать чѣмъ обязаны своему, начинали уже считаться съ боярами. Однакоже человѣкъ до пятидесяти было за обѣдомъ; въ томъ числѣ изъ сосѣднихъ уѣздныхъ городовъ нѣсколько плѣнныхъ Французскихъ офицеровъ. Одинъ изъ нихъ, вѣроятно, полагая, что Россія раздѣлена на мелкія княжества, также какъ Германія, въ которой онъ воевалъ, почиталъ себя въ гостяхъ у владѣтельнаго герцога и весьма искренно поздравлялъ меня съ особою милостью, которою, по замѣчаніямъ его, я пользуюсь у его свѣтлости; я не оставилъ этимъ потѣшить добраго и чваннаго нашего хозяина. Вечеромъ, на всѣхъ возвышенныхъ мѣстахъ горѣли смоляныя бочки; вся роща была освѣщена плошками, и по ней въ разныхъ мѣстахъ раздавались пѣсни разныхъ народовъ Европейскихъ: тамъ были Русскіе пѣсельники, коихъ нетрудно было найти; тамъ труппы Тирольцевъ, Итальянцевъ, Славянъ и другихъ, все набранные изъ плѣнныхъ солдатъ разнородной разрушенной Наполеоновой арміи. На щитахъ въ одномъ мѣстѣ видно было 19 Марта, въ другомъ 13 Мая: свобода Европы и рожденіе Рибопьера. Когда онъ былъ моимъ начальникомъ (онъ оставилъ уже должность свою въ Министерствѣ Финансовъ), держалъ онъ себя такъ высоко, что мнѣ трудно было коротко узнать его; тутъ же въ Зубриловкѣ, гдѣ послѣ празднества еще оставался я нѣсколько дней, могъ я измѣрить всю пучину его ничтожества.

Возвратясь въ Пензу, пошли у насъ совѣты, что́ мнѣ изъ себя сдѣлать? Я въ службѣ себя болѣе не почиталъ: по поступленіи въ

Пензенскій комитетъ для пожертвованій, просилъ я министерство уволить меня изъ онаго вовсе, а получилъ увольненіе, вѣрно по ошибкѣ, для продолженія занятій по сказанному комитету, и это недоразумѣніе въ послѣдствіи было для меня весьма полезно. Мать моя, тайно радуясь моимъ любовнымъ неудачамъ, весьма желала, чтобы для развлеченія оставилъ я Пензу; но я, сколько могъ, тому противился. Она доказала мнѣ, наконецъ, сколь несбыточны мои мечты, и самого заставила желать удалиться.

Но меня въ сторону, и нѣсколько словъ о моихъ военныхъ родныхъ. Зять мой, Алексѣевъ, никакъ не могъ догнать арміи, которая двинулась изъ Лейпцига прежде, чѣмъ выѣхалъ онъ изъ Пензы. Путемъ-дорогой остановился онъ въ Дрезденѣ, у царствующаго тогда въ Саксоніи князя Репнина, и съ нимъ нѣкоторое время пропировалъ, до чего оба были великіе охотники. Явясь въ армію, находился при осадѣ Метца и вскорѣ тамъ узналъ о взятіи Парижа, куда поспѣшно и отправился: слѣдственно, прокатался даромъ. Братъ же мой Павелъ въ началѣ 1813 года назначенъ былъ комендантомъ Варшавскаго извѣстнаго укрѣпленія Праги, а потомъ опять находился въ арміи, гдѣ въ сраженіяхъ, вѣроятно, успѣлъ отличиться: ибо во время двухъ кампаній получилъ двѣ шпаги, Аннинскую и золотую *за храбрость*, Владимірскій крестъ съ бантомъ, Аннинскій на шею, да Прусскій Пуръ-ле-Меритъ и Французскій Почетнаго Легіона въ петлицу и, наконецъ, чинъ полковника. Отъ обоихъ получили мы радостныя, веселыя письма изъ Парижа.

Конечно, и холодный Петербургъ ощутилъ восторги не менѣе чѣмъ у насъ въ провинціяхъ. Тамъ начали приготовляться къ торжественной встрѣчѣ миротворца-побѣдителя. Совѣтъ, Сенатъ и Синодъ, въ совокупности, опредѣлили поднести ему титулъ «Благословеннаго»; два верховныхъ государственныхъ сановника должны были ѣхать ему на встрѣчу съ поздравленіемъ и изъявленіемъ вѣрноподданнической благодарности и, наконецъ, для сего же предмета вызваны въ Петербургъ изо всѣхъ губерній депутаты отъ дворянства. Все это весьма милостиво и кротко онъ однакоже отвергъ. Что́ побудило его къ тому? По усилившейся въ немъ набожности, можетъ быть, желалъ онъ только наградъ небесныхъ и пренебрегалъ величіемъ мірскимъ? Или, не смотря на нее и на мнимый свой либерализмъ, среди успѣховъ своихъ, помнилъ еще зло и никакихъ почестей не хотѣлъ принимать отъ подданныхъ? Гордость ли или смиреніе заставили его сіе сдѣлать? Это единому Богу извѣстно.

Ничего о томъ не зная, у насъ въ Пензѣ, около половины Іюня, дворянство, чрезъ губернскаго предводителя, сдѣлало мнѣ приглашеніе

отправиться въ Петербургъ, чтобы тамъ вмѣстѣ съ генералъ-майоромъ Сергѣемъ Адамовичемъ Олсуфьевымъ и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Платономъ Богдановичемъ Огаревымъ, сыномъ не разъ реченнаго мною Богдана Ильича, составить отъ него депутацію къ Царю. Предложеніе было слишкомъ лестно, чтобы отказаться отъ него. Я готовъ былъ это сдѣлать подъ предлогомъ, что, исключая подорожной безъ пошлинъ, дворянство не соглашается ничего мнѣ дать на путевыя издержки; но мать моя объявила, что въ этомъ случаѣ замѣнитъ она дворянство. И такъ дѣло рѣшено; я опять ѣду въ Петербургъ и опять дѣлаюсь искателемъ фортуны.

Между тѣмъ мать моя и сама дѣлала сборы къ отъѣзду: она хотѣла съ двумя дочерьми ѣхать въ Кіевъ, чтобы поклониться тамъ святымъ угодникамъ и взглянуть еще на мѣсто, гдѣ провела столько счастливыхъ дней. Третья сестра, Алексѣева, должна была ей сопутствовать, дабы изъ Кіева отправиться навстрѣчу къ мужу. Отслуживъ молебенъ 23 Іюня, благословясь пустились онѣ въ путь. Я остался совершенно одинъ; не было для меня ни малѣйшей причины длить мое пребываніе въ Пензѣ, но начиналась ярмарка, и она послужила мнѣ предлогомъ пробыть въ ней еще нѣсколько дней.

Въ Москву дотолѣ обыкновенно ѣзжалъ я по Владимірской дорогѣ, на этотъ разъ захотѣлось мнѣ испытать ѣзду по Рязанской, которая была нѣсколько длиннѣе, но за то, говорили, гораздо лучше и покойнѣе. Чтобы укоротить ее, я задумалъ ѣхать не на Чембаръ, а проселочными дорогами на Зубриловку: разницы было всего верстъ двадцать или тридцать; но да позволено мнѣ будетъ не сказать здѣсь, почему я предпочелъ ее. Въ день Сергія чудотворца, 5 Іюля, выѣхалъ я, наконецъ, изъ Пензы.

Въ Зубриловкѣ царствовала совершенная пустота: въ ней нашелъ я одного Павла Голицына, котораго никакъ еще не думалъ подозрѣвать въ соперничествѣ. Старая княгиня, такъ же какъ и мать моя, уѣхала на богомолье въ Кіевъ и для свиданія съ сестрой своей Браницкой. Князь Θеодоръ со всѣмъ дворомъ своимъ отправился въ подмосковную, въ Петербургъ или въ чужія края: въ день отъѣзда своего онъ еще навѣрное не зналъ. Оставшійся въ Зубриловкѣ единственный членъ Голицынской фамиліи, не знаю почему, отказался ѣхать со мной до селенія Макарова, въ десяти верстахъ отъ нея лежащаго. Оно принадлежало брату его, нашему губернатору, который съ семействомъ своимъ на все лѣто тамъ находился. Оно было на самой дорогѣ, пролегающей оттуда въ Тамбовъ, и объѣхать его было бы странно. Вотъ тутъ-то насмотрѣлся я его княжескихъ проказъ. Хоромы деревянные, не весьма большіе, но которые стоили очень дорого, ибо безпрестанно

перестраивались, прислонены были къ хорошенькой рощицѣ и были мѣстомъ жительства владѣльца. Маленькій дворъ, составленный изъ увезенныхъ имъ писцовъ губернаторской канцеляріи, одѣтъ былъ единообразно, въ казачьи кафтаны сѣраго цвѣта изъ холщевой матеріи съ синимъ холстиннымъ стоячимъ воротникомъ, на которомъ бѣлыми нитками было вышито слово *Макарово*; потомъ дворня, раздѣленная на три класса, изъ коихъ каждый отличался цвѣтомъ жилета; по праздникамъ производство въ сіи классы и допущеніе къ цѣлованію руки; лакейскіе балы, въ которыхъ, исключая князя и княгини, должна была еще принимать участіе и самая мелочь изъ сосѣднихъ дворянъ, и на которыхъ, вмѣсто лакомства, подавались брусника и моченыя яблоки,— и многое множество другихъ нелѣпостей. Все это было странно, смѣшно, но въ расположеніи духа, въ которомъ я находился, мнѣ совсѣмъ не казалось забавно. Я далъ слово читателю не докучать ему болѣе моимъ любовнымъ вздыхательствомъ, и потому скажу только, что тяжело мнѣ было оставаться нѣсколько дней въ этомъ Макаровѣ, а можетъ быть еще тяжелѣе было разстаться съ нимъ.

Проѣхавъ оттуда верстъ пятьдесятъ по дорогѣ ведущей въ Тамбовъ, въ какомъ-то бѣшенномъ отчаяніи пріѣхалъ я въ селеніе Оржевку, Кирсановскаго уѣзда, и тамъ остановился. Другаго названія не умѣю дать Оржевкѣ; мѣстечекъ у насъ въ Россіи нѣтъ, а пригородомъ или посадомъ нельзя назвать нѣсколько деревень, собранныхъ вмѣстѣ на большомъ пространствѣ, на которомъ живутъ сорокъ помѣщиковъ, изъ коихъ десять или двѣнадцать весьма зажиточныхъ и даже довольно богатыхъ. Въ числѣ ихъ была у меня тамъ одна родственница, которую давно обѣщалъ я посѣтить. Кто изъ читателей моихъ вспомнитъ чудака Ѳедора Михайловича Мартынова, двоюроднаго брата матери моей, тому скажу я, что у него былъ братъ Димитрій Михайловичъ, уже умершій, который оставилъ по себѣ вдову Елисавету Петровну, урожденную Сабурову, и что къ ней я заѣхалъ. Ничего не могло быть добродушнѣе ея самой и многочисленнаго ея семейства; у нея было четыре молодца сына, всѣ въ отставкѣ, и четыре красотки дочери, всѣ невѣсты. Обо всѣхъ ихъ ничего не скажу, что̀ бы могло походить на осужденіе или насмѣшку; все что́ можно сказать въ похвалу ихъ сердца и наружности, я сказалъ, и сего довольно.

Уѣздное любопытство гораздо сильнѣе губернскаго, но и оно ничто въ сравненіи съ деревенскимъ. Лишь только узнали, что къ Мартыновой пріѣхалъ гость, наѣхали сосѣди и осыпали меня приглашеніями на обѣды и вечера; отъ нѣкоторыхъ умѣлъ я отдѣлаться, но не ото всѣхъ; и такъ дня три-четыре пришлось мнѣ тутъ остаться. Все такъ быстро измѣняется у насъ въ Россіи, что, по протеченіи двадца-

ти пяти лѣтъ, наше старинное дворянское житье въ помѣстьяхъ, даже у меня, видѣвшаго его, осталось въ памяти какъ сонъ; на яву же ни я, нынѣ, и вѣрно, никто его уже не узритъ. И потому я счелъ неизлишнимъ дать здѣсь о немъ нѣкоторое понятіе. Весьма немногіе изъ помѣщиковъ занимались тогда сельскимъ хозяйствомъ, хлѣбопашествомъ; осеннее время было для нихъ лучшее въ году: они могли гоняться за зайцами; карты не были еще въ такомъ всеобщемъ употребленіи какъ нынѣ. Ихъ жизнь была совершенно праздная, однакоже они не скучали, безпрестанно посѣщая другъ друга, пируя вмѣстѣ. За обѣдомъ и по вечерамъ шли у нихъ растабары о всякой всячинѣ; они шутили не весьма приличнымъ образомъ, подтрунивали другъ надъ другомъ въ глаза и весело выслушивали насмѣшки, въ отсутствіи вступаясь за каждаго, однимъ словомъ, въ образѣ жизни приближались къ низшему сословію. Барыни и барышни занимались нарядами, а когда съѣзжались вмѣстѣ, то маленькимъ злословіемъ и сплетнями, точно такъ же какъ въ небольшихъ городахъ.

Оржевка, будучи ни городъ, ни деревня, имѣла пріятности и неудобства обоихъ. Не сказываться дома не было возможности, а ежедневнымъ посѣтелямъ конца не бывало. Дѣвицы не позволяли себѣ не только привозить съ собою рукодѣлье, но даже заниматься имъ въ присутствіи гостей. Шутихи, дураки, которые были принадлежностью каждаго довольно богатаго дворянина, также много способствовали къ увеселенію особъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ. Такое житье для человѣка съ просвѣщеннымъ разсудкомъ, конечно, должно было казаться мукою; но у меня его тогда не было, и оно мнѣ полюбилось. Беззаботность, веселое простодушіе этихъ владѣльцевъ, безтрепетность ихъ слугъ, которые смѣло разговаривали съ ними, даже во время обѣда, стоя за ихъ стуломъ,—вся эта патріархальность нравовъ дѣйствительно имѣла въ себѣ что-то привлекательное. Къ тому же, въ это время, нѣкоторыми изъ сихъ господъ получены были самыя радостныя вѣсти изъ-за границы: ихъ братья и сыновья писали къ нимъ, что вышли живы, здоровы и невредимы изъ кровопролитной войны, получили награды и осенью надѣются ихъ обнять. По сему случаю начались безконечные пиры, и я попался въ самый разгулъ, что̀ мнѣ, горемычному, показалось весьма отрадно. Человѣкъ въ иныя минуты жизни своей совсѣмъ бываетъ не похожъ на себя; а въ эти дни шумъ, смѣхъ, громкіе и нестройные звуки домашнихъ оркестровъ, Цыганская пляска съ визгливымъ пѣніемъ горничныхъ дѣвокъ, объяденіе и безпрестанно пѣнящіеся бокалы, могли одни на время заглушить тоску моего сердца. Взятіе Парижа положило начало совсѣмъ у насъ новому (какъ называютъ его) гражданскому развитію, которое мало-по-малу истребило,

даже въ провинціяхъ, весь нашъ старинный Русскій бытъ, и я здѣсь сотворилъ ему поминку.

Проведя нѣсколько дней въ Оржевкѣ совсѣмъ непривычнымъ для меня образомъ, пустился я далѣе. Прошелъ слухъ, что Государю неугодно принимать никакихъ депутацій, и мнѣ казалось, что я могу располагать своимъ временемъ. Однакоже оттуда, благодаря казенной подорожной и расточаемымъ мною гривнамъ на водку, поскакалъ я, какъ говорится, сломя голову. Я никуда и ни къ чему не спѣшилъ, но быстрота ѣзды какъ-то оживляла упадшій мой духъ.

Начиная отъ самаго Тамбова, проѣзжалъ я по дорогѣ совсѣмъ для меня новой, но никогда еще я не былъ менѣе внимателенъ къ окружающимъ меня предметамъ. На Козловъ и на Ряжскъ я едва взглянулъ; въ послѣдствіи, проѣзжая разъ черезъ первый, могъ я замѣтить, что онъ одинъ изъ красивѣйшихъ нашихъ уѣздныхъ городовъ. Все-таки губернскій городъ хотѣлось мнѣ посмотрѣть, и для того въ Рязани намѣренъ я былъ провести нѣсколько часовъ; судьба того не хотѣла. Передъ пріѣздомъ туда, грустныя размышленія во всю ночь не дали мнѣ сомкнуть глазъ моихъ, и только передъ разсвѣтомъ, утомленный, заснулъ я крѣпкимъ, сладкимъ сномъ. Когда солнце взошло, меня разбудили; я взглянулъ на какой-то бѣлый домъ, что-то пробормоталъ и опять въ сонъ погрузился. Изъ невнятныхъ словъ моихъ слуга понялъ приказаніе запрягать лошадей и ѣхать далѣе, и когда я совсѣмъ проснулся, Рязань была уже далеко за мною. Я было хотѣлъ разсердиться на слугу своего, но равнодушіе ко всему восторжествовало надъ моимъ гнѣвомъ. На Зарайскъ, и даже на Коломну, поглядѣлъ я съ тѣмъ же вниманіемъ какъ на Козловъ и на Ряжскъ.

Около полудня, 18 Іюля, увидѣлъ я издали Москву, и сердце опять забилось во мнѣ любовью, которую другая не могла погасить. Золотая шапка Ивана Великаго горѣла вся въ солнечныхъ лучахъ, какъ бы вѣнецъ сей новой великомученицы. Надъ нимъ сіялъ крестъ, сорванный безбожіемъ и возстановленный вѣрою, и я бы воскликнулъ съ Жуковскимъ, пѣвцомъ въ Кремлѣ:

Свѣтлѣй вознесъ ты къ небесамъ
Свой крестъ непобѣдимый.

Но эти славные стихи его тогда еще не были написаны.

Все было ясно, тихо, весело окрестъ Москвы многострадательной, недавно успокоенной и возвеличенной. Сама она, въ отдаленіи, попрежнему казалась громадною, и только проѣхавъ Коломенскую заставу могъ я увидѣть ужасные слѣды разрушенія. Тѣ части города, чрезъ кои я проѣзжалъ, кажется, Таганская и Рогожская, со-

вершенно опустошены были огнемъ. Вымощенная улица имѣла видъ большой дороги, деревянныхъ домовъ не встрѣчалось, и только кой-гдѣ начинали подыматься заборы. Далѣе стали показываться каменные двухъ и трехъэтажные обгорѣлые дома, сквозные какъ рѣшето, безъ кровель и оконъ. Только приближаясь къ Яузскому мосту и Воспитательному дому, увидѣлъ я, наконецъ, жилые дома, уцѣлѣвшіе или вновь отдѣланные. Подумавъ гдѣ бы мнѣ пристать, вспомнилъ я добраго моего пріятеля, Александра Григорьевича Товарова, у котораго въ послѣдній проѣздъ черезъ Москву я останавливался. Къ счастію моему, деревянный домъ его былъ цѣлъ, и самъ хозяинъ въ Москвѣ. Мы обрадовались другъ другу, обнялись и стали бесѣдовать: было намъ чтó одинъ другому поразсказать.

Послѣ обѣда поспѣшилъ я въ Кремль, оскверненный и поруганный. Чудомъ спасенный нашъ Сіонъ, нашъ Капитолій, наполненъ еще былъ знаками лютаго, безсильнаго мщенія врага нашего. Цѣлый уголъ Арсенала, прилегающій къ Никольской башнѣ, кособразно былъ оторванъ; вся площадь вокругъ соборовъ завалена мусоромъ, отломками обрушившихся зданій; дворца не было, и Грановитая Палата безъ него казалась печально вдовствующею. Но сами соборы были очищены и приведены въ прежнее состояніе; всѣ двери въ нихъ были открыты, съ утра до вечера народъ въ нихъ толпился, и священники едва успѣвали служить молебны: вѣра и любовь Русскихъ къ сему священному мѣсту, послѣ временнаго его пораженія, кажется, еще болѣе усилились. Въ слѣдующіе дни не пощадилъ я денегъ на извощиковъ, чтобы изъѣздить Москву по всевозможнымъ направленіямъ, право, не столько изъ любопытства, какъ по чувству искренняго участія. Я находилъ цѣлыя улицы нетронутыя пожаромъ, точно въ томъ видѣ, въ какомъ я зналъ ихъ прежде; въ другихъ видѣлъ каменные дома, коихъ владѣльцы, вѣроятно богатые, съ большими пожертвованіями начинали ихъ вновь отдѣлывать; въ иныхъ мѣстахъ стукъ топора возвѣщалъ мнѣ подымающееся надворное деревянное строеніе; но гораздо болѣе показывались мнѣ дворы, совсѣмъ поросшіе травой. Вообще, возбуждающее во мнѣ сожалѣніе встрѣчалъ я чаще, чѣмъ утѣшительное. И посреди сей картины раззоренія, все одни довольныя и веселыя лица! Привычка смотрѣть на пепелища, успокоеніе послѣ ужасовъ, новыя надежды и даже благопріятная погода истребили между всѣми сословіями печальныя мысли.

Хозяина моего Товарова разъ при мнѣ посѣтили двѣ пожилыя дѣвицы, его дальнія родственницы (названія ихъ не помню) и доставили мнѣ большое удовольствіе. Съ гнѣвомъ разсказывали онѣ, какъ работающій на нихъ женскій портной, дабы попасть въ моду, принялъ

Французское названіе и на вывѣскѣ своей поставилъ *Ажуръ*; какъ въ негодованіи своемъ поѣхали онѣ сами къ нему и объявили, что если не смараетъ онъ ненавистнаго прозвища, то онѣ донесутъ о томъ Сергѣю Глинкѣ. Нравственное могущество этого человѣка было еще такъ велико, что испуганный портной исполнилъ ихъ требованіе. Я подумалъ, что и лучшее общество въ столицахъ дышетъ тѣмъ же патріотизмомъ. Какъ я ошибся, и вскорѣ въ томъ удостовѣрился!

Отъ Прасковьи Юрьевны Кологривовой имѣлъ я письмо къ старшей дочери ея и зятю, Вяземскимъ. Отъ Петербурга до Пензы былъ я наслышанъ объ очаровательности княгини Вѣры; о мужѣ ея много я говорилъ въ предыдущей части, а еще болѣе слышалъ: общіе пріятели наши заочно всегда восхищались его остроуміемъ. Не знаю, отчего не вдругъ рѣшился я къ нимъ ѣхать, хотя умъ въ другихъ я болѣе любилъ, чѣмъ боялся его. Они жили въ такомъ кварталѣ, въ которомъ нынѣ едва ли сыщется порядочный человѣкъ. Сему мѣсту, между Грузинами и Тверскими воротами, кѣмъ-то дано было пріятное названіе *Тишина*; нынѣ называется оно прежнимъ подлымъ именемъ *Живодерки*. Тутъ находился длинный, деревянный, одноэтажный, несгорѣвшій домъ, принадлежавшій г. Кологривову *), вотчиму княгини, со множествомъ службъ, съ обширнымъ садомъ, огородами и прочимъ, однимъ словомъ— господская усадьба среди столичнаго города.

Меня сначала смутила холодность, съ какою, казалось мнѣ, былъ я принятъ. Вяземскій, съ своими прекрасными свойствами, талантами и недостатками, есть лицо ни на какое другое не похожее, и потому необходимо изобразить его здѣсь особенно. Онъ былъ женатъ, былъ уже отцомъ, имѣлъ видъ серіозный, даже угрюмый, и только что начиналъ брить бороду. Не трудно было угадать, что много мыслей роится въ головѣ его; но съ перваго взгляда никто не могъ бы подумать, что съ малолѣтства сильныя чувства тревожили его сердце: эта тайна открыта была однѣмъ женщинамъ. Съ ними только былъ онъ живъ и любезенъ какъ Французъ прежняго времени; съ мущинами холоденъ какъ Англичанинъ; въ кругу молодыхъ друзей былъ онъ Русскій гуляка. Я не принадлежалъ къ числу ихъ и не имѣлъ правъ на его привѣтливую искренность. Но съ неподвижными чертами и взглядомъ, съ голосомъ немного охриплымъ, сдѣлалъ онъ мнѣ нѣсколько предложеній, которыя всѣ клонились къ тому, чтобы въ краткое пребываніе мое въ опустѣвшей Москвѣ доставить мнѣ какъ можно болѣе развлеченій. Онъ поспѣшилъ записать меня въ Англійскій клубъ (куда одна-

*) Въ этомъ домѣ, нѣсколько лѣтъ спустя, Кологривовы имѣли счастіе видѣть у себя на балѣ самого Государя Императора.

кожъ я не поѣхалъ), пригласилъ меня на другой день къ себѣ обѣдать и назначилъ мнѣ въ тотъ же вечеръ свиданіе на Тверскомъ бульварѣ, лишенномъ почти половины своихъ деревъ, куда два раза въ недѣлю остатки Московской публики собирались слушать музыку, имѣя въ виду цѣлый рядъ обгорѣвшихъ домовъ.

Супруга его, Вѣра Ѳеодоровна, была также существо весьма необыкновенное. Я зналъ трехъ меньшихъ сестеръ ея, милыхъ, скромно-веселыхъ; она не совсѣмъ походила на нихъ. При неистощимой веселости ея нрава, никто не сталъ бы подозрѣвать въ ней глубокой чувствительности, а я менѣе чѣмъ кто другой. Какъ другія любятъ выказывать ее, такъ она ее прятала передъ свѣтомъ, и только время могло открыть ее передъ нимъ. Не было истинной скорби, которая бы не произвела не только ея сочувствія, но и желанія облегчить ее. Ко всему человѣчеству вообще была она сострадательна, а немилосердна только къ нашему полу. Какая женщина не хочетъ нравиться, и я готовъ прибавить, какой мущина? Въ ней это желаніе было сильнѣе чѣмъ въ другихъ. Плѣнники красоты суть ея подданные. Въ молодости женскій полъ любитъ царствовать такимъ образомъ и долго не соглашается отказаться отъ престола, воздвигнутаго страстями. Иныя дорого платятъ за успѣхи кратковременнаго своего владычества. Такого рода честолюбія вовсе не было въ княгинѣ Вяземской: всѣ влюбленные казались ей смѣшны; страсти, ею производимыя, въ глазахъ ея были ни что иное, какъ сочиненныя ею комедіи, которыя передъ ней разыгрывались и ее забавляли. Не служитъ ли это доказательствомъ, что, при добротѣ ея сердца, то, что̀ мы называемъ любовію, никогда не касалось его? Если бы она могла понять ея мученія, то содрогнулась бы. Самымъ прекраснѣйшимъ изъ женщинъ одной красоты недостаточно, чтобы увлекать въ свои сѣти; необходимы нѣкоторое притворство, тонкость, уловки, однимъ словомъ, вся стратегія кокетства. Отъ нихъ она тѣмъ отличалась, что никогда не прибѣгала къ подобнымъ средствамъ, употребляя, если можно сказать, простыя, естественныя чары. Никого не поощряя, она частыми насмѣшками болѣе производила досаду въ тѣхъ, коихъ умѣла привлекать къ себѣ. Какъ между ископаемыми, въ царствѣ животныхъ нѣтъ ли также существъ одаренныхъ магнитною силой? Не будучи красавицей, она гораздо болѣе ихъ нравилась; немного старѣе мужа и сестеръ, она всѣхъ ихъ казалась моложе. Небольшой ростъ, маленькій носъ, огненный, пронзительный взглядъ, невыразимое перомъ выраженіе лица и граціозная непринужденность движеній долго молодили ее. Смѣлымъ обхожденіемъ она никакъ не походила на нынѣшнихъ львицъ; оно въ ней казалось не наглостію, а остаткомъ дѣтской рѣзвости. Чистый и громкій хохотъ

ея въ другой казался бы непристойнымъ, а въ ней восхищалъ; ибо она скрашивала и приправляла его умомъ, которымъ безпрестанно искрился разговоръ ея. Такія женщины иногда родятся, чтобы населять сумасшедшіе дома. Въ это время я самъ годился бы туда; но, можетъ быть, это и спасло меня. Я не могъ прельститься умомъ, тогда какъ я плѣнялся простодушіемъ, то есть глупостію. Увы, и безъ меня сколько было безумцевъ, закланныхъ подобно баранамъ на жертвенникѣ супружеской вѣрности тою, которая и мужа своего любила болѣе всего, любила нѣжно, но не страстно!

У Вяземскихъ увидѣлъ я въ первый разъ Катерину Андреевну Карамзину и былъ ей представленъ. Она обошлась со мною, также какъ и со всѣми незнакомыми и даже со многими давно знакомыми, не весьма привѣтливо; это не помѣшало мнѣ отдать справедливость ея наружности. Чтó мнѣ сказать о ней? Она была бѣла, холодна, прекрасна, какъ статуя древности. Еслибы въ головѣ язычника Фидіаса могла бы блеснуть христіанская мысль, и онъ захотѣлъ бы изваять Мадонну, то, конечно, далъ бы ей черты Карамзиной въ молодости. Одно имя, ею носимое, уже освящало ее въ глазахъ моихъ: я любовался ею робко и подобострастно, и хотя уже былъ зрѣлый, и едва ли не перезрѣлый юноша, но, какъ пажъ Херубини о графинѣ Альмавива готовъ былъ сказать о ней «qu'elle est belle, mais qu'elle est imposante!» А душевный жаръ, скрытый подъ этою мраморною оболочкой, могъ узнать я только позже. Послѣ обѣда пріѣхалъ самъ Карамзинъ и разговаривалъ со мною; ему нельзя было узнать человѣка, котораго, вѣроятно, едва замѣтилъ онъ мальчикомъ, а я не смѣлъ ему напомнить о себѣ въ Мареинѣ.

Тутъ за обѣдомъ находился одинъ персонажъ, съ которымъ меня познакомили и который мнѣ вовсе не полюбился. Это былъ многоглаголивый генералъ и камергеръ Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, острякъ, волтеріянецъ, циникъ и безбожникъ. Онъ былъ гораздо просвѣщеннѣе современника своего Копіева; его умъ былъ забавенъ, но не довольно высокъ, чтобы снять съ него печать, наложенную обществами восемнадцатаго вѣка. Странно и довольно гадко было мнѣ слушать обветшалыя сужденія и правила философизма, отчасти породившаго революцію, въ ту самую минуту, когда казалось, что она сокрушена была навсегда. Этотъ Пушкинъ былъ родственникъ кроткаго, безобиднаго Василія Львовича и вѣчный его гонитель, мучитель.

Также прискорбно показалось мнѣ, что въ два или три посѣщенія, сдѣланныхъ мною Вяземскимъ, не слыхалъ я ни одного Русскаго слова. Въ городѣ, который нашествіе Французовъ недавно обратило въ пепелъ, всѣ говорили языкомъ ихъ. Одинъ только Карамзинъ гово-

рилъ языкомъ, можно сказать, имъ созданнымъ. Стыдно, право, Вяземскому, который такъ славно писалъ на немъ, такъ чудесно выражался на немъ въ разговорахъ, что онъ не попытался ввести его въ употребленіе въ Московскомъ обществѣ, гдѣ имѣлъ онъ такой вѣсъ. Но онъ съ малолѣтства, такъ же какъ и я съ первой молодости, прельстился Французскою литературой, а отъ пристрастія къ твореніямъ, до любви къ сочинителямъ недалеко. И мнѣ ли упрекать его, когда съ любезными ему Французами онъ храбро сражался и въ славной Бородинской битвѣ готовъ былъ проливать кровь за отечество, тогда какъ я, въ Пензѣ, объ участи его проливалъ однѣ только слезы?

Вообще, примиреніе съ милою Франціей казалось искреннимъ, вѣчнымъ. И за что̀ ихъ ненавидѣть, голубчиковъ Французовъ? Вѣдь они противъ воли увлечены были ненасытнымъ честолюбіемъ вождя своего. Забыты всѣ ихъ злодѣянія, ихъ несносное хвастовство, ихъ лживые бюллетени, въ которыхъ Русскихъ топтали они въ грязь. Всѣ вины взвалены на одного Наполеона: и по дѣломъ ему, разбойнику! Весь міръ, который хотѣлъ онъ завоевать, обрушился на преступную главу его; пусть же задыхается теперь на островкѣ своемъ Эльбѣ. Слушая членовъ офранцуженнаго нашего высшаго общества, право, можно было подумать, что наша война съ Наполеономъ была не что иное какъ междоусобіе: Россія въ борьбѣ своей оживлена, поддержана была духомъ противной ему партіи; эта партія восторжествовала, и вся наша знатность предовольна.

Извѣстно было, что 13-го Іюля побѣдоносный Александръ возвратился въ восторженную свою столицу; разсказывали о трогательномъ первомъ свиданіи его съ счастливою матерью, съ этою Маріей, благословенною въ женахъ, коей плодъ чрева вся Россія назвала «Благословеннымъ», о великолѣпномъ праздникѣ, данномъ ею въ Павловскѣ, по случаю его возвращенія. Узнали также съ сожалѣніемъ, но безъ ропота, что онъ продолжаетъ отклонять отъ себя всякое изъявленіе общественной благодарности: другимъ народамъ даровавъ независимость, своему не дозволяетъ даже въявь любить себя.

Узнали также, что онъ соглашается, наконецъ, принять со всѣхъ краевъ Россіи съѣхавшіяся дворянскія депутаціи не вдругъ, но поочередно. Раздѣляя общее чувство, мнѣ желательно было, хотя на минуту вблизи посмотрѣть на него и услышать его голосъ, и я вмигъ собрался къ отъѣзду. Я поскакалъ по дорогѣ тогда безпокойной, тряской, столько разъ мною проѣханной, все такимъ же бѣднякомъ, въ такой же кибиткѣ, какъ и прежде. Ничего примѣчательнаго на этой дорогѣ мнѣ не встрѣтилось, и послѣдній день Іюля къ вечеру пріѣхалъ я въ Петербургъ.

X.

Какъ сущій провинціалъ повѣрилъ я словамъ ямщика, который меня привезъ, и послушался его совѣта. Онъ увѣрилъ меня, что Петербургъ такъ наполненъ пріѣзжими, что ни въ одной гостиницѣ не найду я для себя помѣщенія, и уговорилъ меня пристать на какомъ-то постояломъ дворѣ, на межѣ Разъѣзжей улицы и Ямской, близъ Глазова кабака. И за этотъ тѣсный и зловонный уголъ, въ которомъ я пробылъ не болѣе сутокъ, долженъ былъ я заплатить вдвое болѣе, чѣмъ бы за комнату въ хорошемъ трактирѣ.

Однакоже, въ немъ на слѣдующее утро, 1-го Августа, принарядился я, вымылся, выбрился, натянулъ мундиръ и, вышедъ изъ него, сѣлъ въ карету, чтобъ ѣхать въ Большую Морскую являться къ главнокомандующему въ Петербургѣ, Сергѣю Кузьмичу Вязмитинову.

Какъ въ столицѣ начальствовалъ онъ, такъ и управлялъ Министерствомъ Полиціи только временно, по случаю постояннаго отсутствія Балашова, который, по должности генералъ-адъютанта, во все время войны сопровождалъ Императора, сохраняя, впрочемъ, званія министра и военнаго губернатора. Нельзя сказать, чтобъ онъ находился неотлучно при Государѣ, ибо безпрестанно былъ на посылкахъ, то къ Наполеону, то къ Мюрату, то къ Англійскому принцу-регенту; оно могло казаться доказательствомъ особой къ нему довѣренности, но рысьи очи царедворцевъ ясно видѣли, что кредитъ его примѣтно упадаетъ. Даже воротившись изъ походовъ, онъ къ должностямъ своимъ допущенъ не былъ.

Прождавъ болѣе часа не совсѣмъ въ прихожей, а въ комнатѣ передъ кабинетомъ вельможи не по рожденію, а по сану, когда онъ вошелъ, подалъ я почтенному старцу бумагу отъ моихъ вѣрителей. Онъ спросилъ меня, не сынъ ли я отца моего, котораго онъ коротко зналъ и съ коимъ нѣкогда былъ товарищемъ по службѣ. Послѣ того объявилъ онъ мнѣ, что я опоздалъ двумя сутками, что списки отъ него уже посланы, и что на другой день, 2-го числа, Пензенская депутація вмѣстѣ съ двумя или тремя другими въ 10 часовъ утра, на Каменномъ острову, будетъ представляться Государю. Странное дѣло! Всякій разъ, что пріѣзжалъ я въ Петербургъ, встрѣчала меня въ немъ какая-нибудь неудача, какъ читатель сіе замѣтить можетъ.

Большіе столичные города въ тѣхъ, кои никогда въ нихъ не бывали и пріѣзжаютъ въ первый разъ, производятъ невольно почтительное изумленіе, въ которомъ они охотно никогда не признаются. Обширность города, многолюдство его, роскошь вездѣ выказываемая,

шумъ, движеніе на улицахъ, все поражаетъ непривыкшаго къ тому. Все, что ни встрѣчается ему, кажется принадлежащимъ къ этой огромной машинѣ и участвующимъ въ ея дѣйствіяхъ. Тоже самое впечатлѣніе, хотя въ меньшей степени, дѣлаютъ столицы на людей, кои подобно мнѣ возвращаются въ нихъ послѣ долгаго отсутствія. Это чувство, не совсѣмъ пріятное для самолюбія, было не одно, которое по пріѣздѣ моемъ сначала я долженъ былъ испытать.

Я долженъ былъ спросить у себя, зачѣмъ я пріѣхалъ, и на то никакъ не могъ дать себѣ отвѣта. Я почиталъ себя въ отставкѣ, неохотно вступилъ бы въ службу, а еслибъ и пожелалъ, то встрѣтилъ бы много препятствій: у меня не было никакого покровительства, никакой подпоры. Что же? Приняться опять за прежнюю жизнь, скучную, одинокую, бѣдную, праздную, которую только легкомысліе первой молодости помогало мнѣ весело переносить. А тутъ, достигая совершенной зрѣлости, опять, какъ говорится, бить мостовую, житъ безъ цѣли, безъ надеждъ, тогда какъ всѣ ровесники мои давно меня опередили, не говоря уже о томъ, о чемъ читателю далъ я слово не поминать! Сообразивъ все это вмѣстѣ, можно себѣ представить всю тягость моего тогдашняго положенія.

Но въ это время холодный Петербургъ былъ такъ оживленъ, такъ весь исполненъ радости, что даже я, горемычный, наконецъ былъ ею потопленъ. Общему счастію какъ можно завидовать? Имъ всегда я былъ утѣшенъ. Само небо, казалось, праздновало торжество Россіи: Іюнь и начало Іюля, говорятъ, были холодные и дождливые, но Августъ сами пріѣзжіе изъ Южной Европы называли Итальянскимъ. И дѣйствительно, вмѣсто свѣтлыхъ и сырыхъ ночей, которыя обыкновенно бываютъ на Сѣверѣ, въ этомъ феноменальномъ году имѣли мы ночи темныя, совершенно темныя и почти жаркія. Въ день Успенія Богородицы была ужаснѣйшая гроза и чуть чуть освѣжила только воздухъ.

Зрѣлище совершенно новое и отъ того довольно странное въ воинственно-придворномъ Петербургѣ было тогда: какъ на улицахъ, такъ и вездѣ, отсутствіе военныхъ мундировъ, генеральскихъ и офицерскихъ; всѣ ходили во фракахъ. Самолюбивые офицеры Французской арміи, дотолѣ непобѣдимой, приписывали однимъ Русскимъ (Русскіе всегда во всемъ виноваты) ея уроны, ея паденіе, и въ Парижѣ во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ придирались къ нашимъ офицерамъ, чтобъ оскорбить ихъ честь, отъ чего выходили частые поединки. Дабы положить тому препоны, Государь приказалъ, чтобы они всѣ одѣлись во фраки; по возвращеніи же въ Россію сія обязанность обратилась имъ въ право, коего лишены были они со временъ Екатерины. Были люди, которые въ этомъ видѣли начало торжества

гражданственности: по ихъ мнѣнію, самъ мечъ уничтожилъ царствіе меча.

Однакоже подъ этимъ (какъ называютъ его у насъ) партикулярнымъ платьемъ легко былъ узнавать молодыхъ гвардейцевъ, по ихъ скромно-самодовольному виду. Изъ нихъ нѣкоторая только часть, четыре полка старой гвардіи, за нѣсколько дней до пріѣзда моего, возвратилась изъ похода. Ихъ посадили на Англійскіе корабли, они приставали сутокъ на двое къ Англинскому порту Дилю, потомъ привезены были моремъ и высажены на берегъ въ Петергофѣ, гдѣ уготовлены имъ были успокоеніе и пиры, и откуда церемоніальнымъ маршемъ вступили они въ Петербургъ. Тѣлохранители, сотрудники, сподвижники Александра сдѣлались въ это время его любезнымъ семействомъ; имъ предоставилъ онъ все торжество его ожидавшее. Чрезъ тріумфальные ворота, хотя деревянные, но богато изукрашенные, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ у Петергофской новой заставы возвышаются нынѣ гранитные и мѣдные, не хотѣлъ онъ самъ въѣзжать, а чрезъ нихъ имъ велѣлъ вступить. Великолѣпную илюминацію во всемъ городѣ, къ пріѣзду его приготовленную, по ихъ возвращеніи, имъ въ честь велѣлъ онъ зажечь. За то и ихъ энтузіазмъ къ нему изобразить невозможно: по возможности желая уподобиться кумиру своему, они въ разсказахъ не думали хвастаться подвигами своими, съ сердечною радостью обнимали знакомыхъ, всѣхъ мирныхъ согражданъ встрѣчали улыбкою и ласковыми привѣтами. Чтó за время! Особенно, какъ милъ казался нѣжный возрастъ самой первой молодости, уже опаленной порохомъ! Забывая совершенно о славныхъ опасностяхъ, въ кои вдавался, не умолкалъ онъ о Парижскихъ своихъ наслажденіяхъ, о Пале-Роялѣ, о Вери, о тысячеколонномъ кафе и прекрасной лимонадьерѣ, о театрахъ, о *Жокондѣ*. Увы, кто могъ бы тогда подумать, что между ними зародятся первыя мысли о возстаніи противъ законной, благотворной имъ власти!

Итакъ, съ душевнымъ удовольствіемъ смотрѣлъ я на то, чтó едва ли кому удастся когда-либо видѣть: смотрѣлъ на Петербургъ не зѣвающій, не суетящійся и не чванный. Отъ хорошихъ знакомыхъ желательно мнѣ было узнать, какой видъ имѣлъ онъ въ предыдущихъ годахъ, и слышанное отъ нихъ могу здѣсь передать. Во время отсутствія Государя, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ коихъ находилась Россія, дворъ притихъ, замолкъ; веселиться ему было бы неприлично. Когда, въ началѣ зимы, императрица Елисавета Алексѣевна, въ первый разъ по замужествѣ, поѣхала для свиданія съ Германскими своими родными, а вслѣдъ затѣмъ молоденькіе великіе князья, братья государевы, отправились въ армію, то знатные, при дворѣ состоящіе,

рѣшительно стали гнушаться столицей. Въ модномъ свѣтѣ вошло въ моду покидать Петербургъ. Одни, болѣе богатые, еще прошлогоднею весной отплыли въ союзную намъ роскошную Англію, гдѣ въ это время всякому Русскому было житье; другіе поспѣшили въ освобожденную Германію услышать благословенія спасительному нашему оружію; многіе удалились въ деревни, какъ мы видѣли Голицына и Рибопьера. Тогда-то Петербургъ изъ придворнаго города превратился въ казенный: всѣ тѣ, кои занимали въ немъ высшія должности, заняли также и первыя мѣста въ обществѣ.

Полумертвый Николай Ивановичъ Салтыковъ, вскорѣ пожалованный свѣтлѣйшимъ княземъ, однимъ только именемъ управлялъ Россіей и въ шутку называемъ былъ принцемъ-регентомъ. Онъ почти не двигался съ мѣста, нигдѣ не показывался, и жизнь его была продолжительная агонія. Всѣмъ завѣдывалъ бывшій оберъ-прокуроръ Петръ Степановичъ Молчановъ, который, доказывая виновность Саратовскаго губернатора Бѣлякова, былъ причиною паденія Кочубея; онъ чрезъ то сдѣлался извѣстенъ и попалъ въ милость. Онъ былъ тогда въ одно время сенаторъ, статсъ-секретарь въ коммиссіи прошеній и управляющій дѣлами Комитета Министровъ; да сверхъ того князь Салтыковъ безъ него ничего не дѣлалъ по Государственному Совѣту, въ которомъ предсѣдательствовалъ.

Онъ былъ не изъ дворянъ. Въ Россіи извѣстно, что старинное дворянское фамильное имя есть одна только собственность, которой похищеніе не воспрещается законами Отецъ его управлялъ гдѣ-то имѣніемъ князя Куракина и сына записалъ въ его генералъ-прокурорскую канцелярію. Мальчикъ удался; онъ отличался не однимъ знаніемъ, но и большимъ просвѣщеніемъ и свѣтскою любезностію. Когда былъ онъ уже во времени, то женился на богатой невѣстѣ, дочери сенатора Ивана Ивановича Кушелева, родной племянницѣ и одной изъ наслѣдницъ фаворита Ланскаго. Сіе пріобрѣтенное имѣніе началъ онъ слишкомъ много и скоро умножать благопріобрѣтеннымъ, безпрестанно строилъ огромные дома, покупалъ деревни и тѣмъ возбудилъ завистливое вниманіе Петербургской публики. Не смотря на то, вся она бросилась на славные балы, которые началъ онъ давать: пирами успѣлъ онъ почти заглушить общій голосъ, и домъ его, за неимѣніемъ другихъ открытыхъ домовъ, сдѣлался первымъ.

Однимъ изъ самоважнѣйшихъ лицъ былъ тогда управляющій Военнымъ Министерствомъ, князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ, человѣкъ добрый, весьма простой, который, будучи племянникомъ Суворова, почиталъ обязанностію подражать ему въ странностяхъ и только что передразнивалъ его. Хотя и жилъ онъ розно со своею женою, Вар-

варой Юрьевной, урожденной княжной Долгоруковой, но, по ней будучи племянникомъ Салтыкова, на старика также имѣлъ большое вліяніе. Его канцелярія, свита, любимцы дѣлали что̀ имъ было угодно и, во всеобщемъ волненіи видя мутную воду, ловили въ ней что̀ хотѣли. Все это вмѣстѣ съ Молчановымъ составляло правительственную камариллу.

Самъ князь Горчаковъ у себя гостей не принималъ, а у сестры своей графини Хвостовой. У нея начались балы, и домъ ея, куда прежде люди хорошаго тона не ѣздили, сдѣлался однимъ изъ первыхъ въ Петербургѣ. Тяжело было бѣдному Димитрію Ивановичу къ авторскимъ издержкамъ прибавить еще полубоярскія, и это, говорятъ, весьма разстроило его состояніе.

Весьма важную ролю также игралъ въ это время одинъ частный человѣкъ, отставной статскій совѣтникъ Иванъ Антоновичъ ***. Онъ женился на побочной дочери какого-то богатаго боярина, которому для нея былъ нуженъ чинъ, чтобы законнымъ образомъ оставить ей свое наслѣдство. *** былъ слишкомъ благоразуменъ, чтобы ревновать жену моложе его тридцатью годами. Онъ пользовался ея имѣніемъ; она пользовалась совершенной свободой. Я знавалъ ее лично, эту всѣмъ извѣстную Варвару Петровну, полненькую, кругленькую, бѣленькую безстыдницу. Она была типомъ Русскихъ Лаисъ, Русскихъ Фринъ. Изъ Славянскихъ женъ однѣ только Польки умѣютъ быть увлекательны, прелестны, даже довольно пристойны и благородны среди студодѣяній своихъ; Русскія въ этомъ искусствѣ все какъ будто не за свое дѣло берутся.

Аракчеевъ, сначала сопро̀вождавшій Государя, еще изъ Праги давно уже воротился. Онъ жилъ, казалось, совсѣмъ безъ дѣла и по видимому ни во что̀ не вмѣшивался. Но чрезъ происки свои интересованныя въ томъ лица дознались, что онъ ведетъ тайную частую переписку съ Императоромъ и отъ того оказывали ему всевозможное почтеніе. На досугѣ завелъ онъ любовныя связи съ ***. Съ грубостію его чувствъ, утонченность ума не могла бы уловить его сердце; его разсчетливости нравилась и самая дешевизна этой связи, ибо *** изъ чести лишь одной предалась ему. За то отъ другихъ, отъ искателей фортуны, принимала она подарки, выпрашивала, даже вытребовала ихъ. Она стала показываться на всѣхъ балахъ и изумлять своею наглостію. Всѣ высокомощные стали ухаживать за нею и за мужемъ ея. А сей нечестивецъ, сей плутъ, всѣхъ увѣрилъ, что черезъ жену дѣлаетъ изъ Аракчеева что̀ хочетъ. У Салтыкова, Горчакова, Молчанова почитался онъ домашнимъ другомъ; да и многіе другіе, въ надеждѣ на его подпору, ни въ чемъ ему отказывать не умѣли.

Онъ прослылъ источникомъ всѣхъ благъ и просящимъ, разумѣется не даромъ, раздавалъ мѣста. Между тѣмъ самъ Аракчеевъ охотно принималъ его, ласкалъ, все изъ него вывѣдывалъ, все помѣчалъ и обовсемъ доносилъ. Любовь надъ симъ твердымъ мужемъ не имѣла довольно силы, чтобы заставить его забыть свой долгъ.

Но время кары еще не приспѣло; оно отсрочено, ибо Государь почиталъ себя въ Петербургѣ какъ бы проѣздомъ, какъ бы въ гостяхъ. Въ Парижѣ положено было только основаніе всеобщаго мира, устроена участь одной только Франціи; на знаменитомъ Вѣнскомъ конгрессѣ, имъ созванномъ, надѣялся онъ упрочить сей миръ, стараясь по возможности удовлетворять требованія Европейскихъ государей, согласовать между собою, охранять выгоды каждаго изъ воевавшихъ народовъ и устранить на будущее время малѣйшія причины къ раздорамъ. Сіи высокія мысли занимали его, и въ концѣ Августа намѣренъ былъ онъ опять отправиться въ путь, дабы, возвратясь зимой, приняться за внутреннее устройство собственнаго государства.

Прежде отъѣзда Государь хотѣлъ обрадовать Петербургъ столь же умилительнымъ, какъ и великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Въ день Свѣтлаго Воскресенія, въ прекраснѣйшій весенній день, на площади мятежа, гдѣ совершено было величайшее изъ преступленій, воздвигъ онъ высокій помостъ, на которомъ православное духовенство громко возгласило: *Христосъ Воскресъ*! При семъ возгласѣ, всякое Русское сердце радостнымъ трепетомъ наполняющемъ, православный Царь и за нимъ воины всѣхъ христіанскихъ народовъ и вѣроисповѣданій пали на колѣна передъ Богомъ браней и Богомъ мира, благословившимъ однѣ и даровавшимъ имъ другой. Безчисленныя толпы нечестивыхъ зрителей составляли раму этой картины, изображающей торжество вѣры, примиреніе неба съ землею. Есть въ исторіи минуты, которыя должны гремѣть въ вѣкахъ, и Русскій молебенъ на Парижской площади принадлежитъ къ нимъ. У насъ давнымъ давно объ ней забыли, но кичливые иностранцы-иновѣрцы помнятъ ее и не могутъ ее простить намъ.

Сіе благодарственное торжество повторено было на Царицыномъ лугу 18-го Августа, въ день воспоминанія Кульмскаго сраженія. Большая часть участвовавшихъ въ немъ, ровно за годъ передъ тѣмъ, находилась въ парадѣ. Это также одно изъ нашихъ славнѣйшихъ воспоминаній въ нынѣшнемъ вѣкѣ, когда избраннѣйшая часть Русскаго войска въ Богемскихъ ущеліяхъ возобновила чудеса Ѳермопилъ. Въ этотъ же самый день учрежденъ благотворный комитетъ для раненыхъ воиновъ, и десятина со всего жалуемаго Государемъ должна собираться на содержаніе и успокоеніе ихъ.

Къ отъѣзду Государя ожидали большихъ перемѣнъ въ министерствахъ, и нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно послѣдовали. Министръ иностранныхъ дѣлъ, государственный канцлеръ графъ Румянцовъ, еще въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ самовольно и безнаказанно сложилъ съ себя должности сіи. Онъ былъ ненавидимъ: чистосердечно дивясь и уважая Наполеона, союзника Россіи, онъ не могъ и не хотѣлъ никого увѣрить въ перемѣнѣ чувствъ своихъ къ нему, когда онъ возсталъ на нее. При началѣ войны, лишился онъ мѣста предсѣдателя Государственнаго Совѣта, переданнаго Салтыкову, потому что послѣдовалъ за Государемъ въ Вильну; потомъ въ Великихъ Лукахъ заключилъ онъ союзный трактатъ съ Гишпанскимъ правительствомъ и находился, наконецъ, въ Абовѣ во время свиданія кронъ-принца Бернадотта съ Императоромъ, но послѣ того оставался въ Петербургѣ безъ всякаго значенія, безъ всякой довѣренности. Радуясь успѣхамъ нашего оружія, онъ явно не одобрялъ средствъ, употребляемыхъ къ умноженію нашего нравственнаго могущества, и время показало, какъ былъ онъ правъ. А его почитали недругомъ отечества, и онъ оставался въ самомъ фальшивомъ положеніи, изъ коего онъ вышелъ, наконецъ, смѣло и благородно. Товарищъ его, сынъ князя Салтыкова, Александръ Николаевичъ, видя, что всѣ важные дипломатическіе акты совершаются за границей безъ участія ихъ обоихъ, прежде его еще вышелъ въ отставку. Управленіе (все еще) Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ само собою пало на жалкаго члена ея, тайнаго совѣтника Ивана Андреевича Вейдемейера, который, вѣроятно слишкомъ обрадовавшись столь неожиданной для него чести, тотчасъ послѣ того и умеръ. Тогда управленіе сей коллегіи перешло къ старшему ея чиновнику, начальнику одной изъ экспедицій ея, тайному совѣтнику Павлу Гавриловичу Дивову, человѣку весьма образованному, но не довольно способному къ занятію столь важной должности. Такъ оставалось оно болѣе полутора года.

Во время походовъ своихъ, при свиданіяхъ съ присоединяющимися къ нему одинъ за другимъ Европейскими государями и при личныхъ его переговорахъ съ ихъ министрами, императоръ Александръ позналъ истинное призваніе свое: онъ также родился дипломатомъ, какъ Наполеонъ полководцемъ. Тогда онъ нашелъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ ему вовсе не нуженъ и что онъ самъ можетъ замѣнить его. Онъ ошибался; по Русской пословицѣ: умъ хорошо, а два лучше; онъ послѣ призналъ эту истину, когда по этой части взялъ себѣ въ помощь славнаго сотрудника. Но покамѣстъ сталъ употреблять перваго попавшагося ему подъ руку, не знаю въ какомъ качествѣ слѣдовавшаго за арміей, Нессельроде. Онъ сдѣлалъ изъ него статсъ-секретаря и родъ правителя военно-походной дипломатической канцеляріи своей. Онъ

взялъ его съ собою и въ Вѣну, гдѣ для совершенія великаго труда ожидали опытные люди: Разумовскіе, Стакельберги, Анстеты; Нессельроде же безсловесно долженъ былъ возсѣдать на конгрессѣ. Можетъ быть, царскому самолюбію нравилась самая ничтожность этого человѣка, безотвѣтная его робость, его покорность.

Люди съ такими свойствами, поставленные на самую высокую степень, почти всегда бываютъ вредны для государства, полезны же только самимъ себѣ. Имъ ли указывать на путь славы и величія? Ихъ угодливость—язва самодержавія. Въ сильномъ движеніи огромной машины Русскаго государства быстро уносятся люди и учрежденія; Нессельроде одинъ устоялъ противъ бурнаго потока; счастіе постоянно ласкало его. Его начинаютъ уже называть Вѣчнымъ Жидомъ, и точно кажется, что съ нечистою силою заключилъ онъ тайный трактатъ. Изъ развалинъ прошедшаго этотъ поганый грибъ все еще торчитъ одинъ, цѣлъ и невредимъ. Но оставимъ его; если смерть не остановитъ руки моей, не разъ придется еще объ немъ писать.

Наканунѣ отъѣзда своего, въ день своихъ имянинъ, 30 Августа, Государь роздалъ много наградъ и сдѣлалъ нѣсколько новыхъ назначеній. Главнокомандовавшій не весьма удачно арміями, Александръ Петровичъ Тормасовъ, въ семъ же званіи опредѣленъ въ Москву на мѣсто графа Растопчина. «Онъ сжегъ Москву», начали кричать пострадавшіе отъ пожара и недовольные строгимъ порядкомъ имъ вводимымъ. Не знаю, но думаю, что неблагодарность соотечественниковъ возмутила его строптивый духъ, и онъ самъ пожелалъ отойдти, а Государь вѣроятно не захотѣлъ воспротивиться общему желанію. Послѣ того Растопчинъ на долго уѣхалъ за границу.

Призваніе Димитрія Прокофьевича Трощинскаго къ должности министра юстиціи было также большою новостію этого дня. Въ первые полтора года царствованія Александра былъ онъ главною пружиной управленія. Послѣ того обидно ему казалось оставаться при однихъ почтахъ и удѣлахъ, и онъ оставилъ службу. Но видно, бездѣйствіе тяготило его точно такъ же, какъ дѣятельностію скучалъ его предмѣстникъ. Дмитріевъ по прошенію весьма милостиво уволенъ. Мнѣ случилось послѣ отъ него самого слышать, что какія-то несогласія съ Молчановымъ побудили его выйдти. Признаюсь, я въ этомъ видѣлъ одинъ предлогъ. Оторванный отъ мирной жизни и любимыхъ занятій поэтъ, я думаю, часто вздыхалъ о свободѣ. Доказательствомъ того, что онъ мечталъ о ней, служитъ годовой отпускъ его въ 1813 году. Онъ воспользовался имъ, чтобы на пожарищѣ Москвы уготовить для себя укромный и красивый пріютъ. Во время отсутствія его министерствомъ

управлялъ преданный ему Болотниковъ, кажется, знакомый моему читателю.

При этомъ вспомнилъ я разсказанные мнѣ довольно забавные анекдоты, и ими хочу кончить сію главу. Когда Дмитріевъ уѣхалъ, Болотниковы, не спросясь его и отдавъ собственный домъ въ наймы, перебрались въ казенный домъ Министерства Юстиціи, въ старинномъ вкусѣ просторный отель, во времена Екатерины построенный генералъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ, и перевезли туда весь хламъ свой. Тамъ расположились они въ богатыхъ комнатахъ со штофными обоями и бархатомъ обитыми креслами, но никакъ не отказались отъ мѣщанскихъ привычекъ своихъ. Каждое утро, падчерица Софья Николаевна Бушенъ, которой нѣкогда былъ я обреченъ, въ большой пріемной залѣ проходила сквозь толпу просителей и докладчиковъ, взлѣзала на стулъ и собственноручно заводила стѣнные деревянные часы съ кукушкой, вѣроятно родовые, наслѣдственные. Елисавета Христіановна подлѣ самой спальни министерской, съ раззолоченною альковой, устроила себѣ кухню съ плитой. Со времени прекрасныхъ дней Французской революціи, послѣ мадамъ Роланъ, ни одна министерша въ житьѣ своемъ не являла столь милой простоты.

За мѣсяцъ до возвращенія своего, Дмитріевъ письменно извѣщалъ объ немъ Болотникова и просилъ очистить для него домъ. Но супругѣ его полюбилось широкое житье, и она не хотѣла съ нимъ разстаться. Въ одну ночь, когда, возвратясь съ бала, можетъ быть отъ Хвостова, она начинала раздѣваться и обнажать прелести свои, безъ спросу вошелъ къ ней Дмитріевъ въ дорожномъ платьѣ, и пошли у нихъ пререканія. Въ эту ночь Иванъ Ивановичъ въ одной изъ комнатъ нашелъ себѣ мѣсто для отдохновенія, а на другое утро Алексѣй Ульяновичъ, какъ съ чужаго коня средь грязи, долженъ былъ выѣхать изъ дома. И это ихъ навсегда поссорило.

XI.

Совершенное выздоровленіе вскорѣ послѣ тяжкой болѣзни есть самое пріятное состояніе для человѣка. Въ немъ, казалось, всю осень и всю зиму находился Петербургъ. Никакихъ заботъ, неудовольствій, искательствъ, ничего что̀ бы похоже было на обманутое честолюбіе не было замѣтно: ну точно какъ будто въ прежніе годы въ Москвѣ. О политикѣ не было помину; впрочемъ, подъ этимъ словомъ разумѣли дотолѣ толки о побѣдахъ и завоеваніяхъ или о пораженіяхъ Наполеона.

Все что̀ происходило въ Вѣнѣ, какъ межевали тамъ Европу, какія представлялись затрудненія, какія возникли несогласія, все это

было великою тайной, которую никто проникнуть не старался. Знали только, что Польша будетъ наша. Говорили также, что конгрессъ не идетъ, а пляшетъ: увеселеніямъ, празднествамъ конца тамъ не было.

Утраты придворнаго общества въ эту зиму еще болѣе умножились. Сама императрица съ супругомъ находилась въ Вѣнѣ. Знатные сотнями кинулись за границу, въ отпертую имъ со всѣхъ сторонъ Европу; это совершенно походило на эмиграцію. Оттого Петербургское общество сохранило прошлогодній цвѣтъ, и графиня Хвостова съ компаніей продолжала бальничать. Изъ высшаго круга нѣкоторые члены посѣщали сіи вечернія собранія и жестоко надъ ними насмѣхались.

Я возобновилъ въ это время много старыхъ знакомствъ и сдѣлалъ нѣсколько новыхъ. Послѣ долгой разлуки, первое свиданіе мое съ Дмитріемъ Николаевичемъ Блудовымъ было одною изъ радостныхъ минутъ моей жизни. Въ продолженіе двухъ лѣтъ съ половиною сколько перемѣнъ! Нужно ли говорить, что взаимныя чувства наши не измѣнились? Любопытно мнѣ было человѣка, котораго оставилъ я безпечнымъ юношей, найдти мужемъ, отцомъ и хозяиномъ дома. Желанія его совершились: весной 1812 года вступилъ онъ въ бракъ съ княжною Щербатовой. Военныя происшествія омрачили первые мѣсяцы его супружества, и вскорѣ потомъ, когда собирался онъ къ новому мѣсту назначенія, совѣтника посольства въ Стокгольмѣ, долженъ былъ похоронить онъ тещу. Онъ оставилъ эту должность и пріѣхалъ въ Петербургъ, не задолго до возвращенія моего въ сію столицу.

Находясь въ Стокгольмѣ, онъ имѣлъ случай близко узнать славнаго воина Бернадота, мудраго и дальновиднаго человѣка, который, не смотря на всѣ быстрыя перемѣны обстоятельствъ, умѣлъ твердо удержаться на ступеняхъ Шведскаго престола и на немъ самомъ. Потомъ былъ онъ въ короткихъ сношеніяхъ съ ученымъ и достопочтеннымъ библіофиломъ, графомъ Сухтеленомъ, о которомъ много говорилъ я въ первой части сихъ Записокъ и который находился тогда при этомъ дворѣ въ качествѣ не посланника, а чего-то болѣе. Тутъ познакомился онъ и сблизился съ знаменитою Сталь, которая, бѣгая отъ Наполеона изъ государства въ государство, цѣлую зиму провела въ Швеціи. Чужой умъ пристаетъ только къ тѣмъ, кои сами имъ изобилуютъ; имъ только однимъ идетъ онъ въ прокъ. Обмѣнъ мыслей есть обширная торговля, въ которой непремѣнно надобно быть капиталистомъ, чтобы сдѣлаться миліонеромъ, и въ этомъ смыслѣ я нашелъ, что Блудовъ еще болѣе разбогатѣлъ. Онъ часто удивлялъ меня своимъ умомъ, а послѣ возвращенія его изъ Швеціи и моего изъ Пензы, начиналъ онъ ужасать меня имъ.

Какъ пріятно мнѣ было видѣть его счастливымъ въ домашней жизни! Болѣе по слуху уже изобразилъ я Анну Андреевну; лично узнавъ ее, не могу здѣсь умолчать о ея почтенныхъ и любезныхъ свойствахъ. Природа одарила ее чувствами самыми нѣжными и кроткими: я не знавалъ женщины болѣе способной любить ближнихъ, любить не пылко, но искренно и постоянно. Около нея была атмосфера добра и благосклонности; разумѣется, что тѣ, кои были ближе къ ней, мужъ, дѣти и родственники, болѣе другихъ испытывали усладительное дѣйствіе оной; но и друзья и знакомые ихъ, вступая въ этотъ благорастворенный кругъ, подчинялись его пріятному вліянію.

Если сначала я нѣсколько завидовалъ Блудову какъ супругу, то отнюдь не какъ отцу. На рукахъ терпѣливой Шведской дады (кормилицы) было маленькое созданіе, въ которомъ уже можно было угадывать умъ, затѣйливость, по прихотямъ, кои возрастали по мѣрѣ безпрестаннаго удовлетворенія ихъ. Отецъ въ полномъ смыслѣ боготворилъ дочь свою, а мнѣ дѣвочка казалась несносною. Могъ ли я думать тогда, что придетъ время, въ которое высокія чувства души, любезность ея, доброта и успѣхи въ свѣтѣ, будутъ радовать меня какъ роднаго и, повторяя слова Пушкина, я буду гордиться ею, какъ старая няня своею барышней?

Въ числѣ новыхъ знакомствъ не надлежало бы упоминать мнѣ о мимоходныхъ, о тѣхъ, кои по себѣ не оставили никакихъ слѣдовъ. Но когда это весьма замѣчательныя лица, то какъ не помѣстить ихъ здѣсь? Не знаю почему, Четвертинскому такъ полюбилась Пенза, что покамѣстъ онъ все еще оставался въ ней. Когда я началъ собираться въ дорогу, желая мнѣ много добра, сказалъ онъ мнѣ, что знакомство съ его сестрой можетъ быть мнѣ полезно и по службѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ признался, что дружба ихъ до того охолодѣла, что они болѣе не переписываются, и предложилъ мнѣ только письмо къ зятю своему, Димитрію Львовичу Нарышкину, который и введетъ меня въ гостиную, а можетъ-быть и въ кабинетъ жены своей.

Марья Антоновна жила тогда (и кажется, въ послѣдній разъ) на дачѣ своей у Крестовскаго перевоза. Хотя домъ былъ довольно просторенъ и красивъ, и передъ нимъ растилался къ рѣкѣ прекрасный цвѣтникъ, но это никакъ не походило на за̀мокъ какой-нибудь Діаны де-Поатье. Соображаясь съ простотою вкусовъ Императора, который въ первые годы своего царствованія всѣмъ загороднымъ дворцамъ своимъ предпочиталъ Каменноостровскій, она по близости его купила сію дачу у наслѣдниковъ Петра Ивановича Мелиссино, который, истративъ большія суммы на обсушеніе и возвышеніе сего небольшаго уголка, далъ ему названіе Ma Folie. Отдѣленное Карповкой отъ другихъ

дачъ Аптекарскаго острова, сіе мѣсто представляло ей удобство сосѣдства и уединенія для принятія тайныхъ посѣщеній Царя.

Одичавъ въ провинціи, я не тотчасъ по пріѣздѣ рѣшился везти письмо къ Нарышкину. Хорошимъ пріемомъ онъ ободрилъ меня. Онъ принадлежалъ къ небольшому остатку придворныхъ вельможъ прежняго времени, со всѣми былъ непринужденно учтивъ, благороденъ сердцемъ и манерами, но также, какъ почти всѣ они, сластолюбивъ, роскошенъ, расточителенъ, при умѣ и характерѣ не весьма твердомъ.

Попросивъ меня немного подождать, черезъ нѣсколько комнатъ пошелъ онъ самъ доложить обо мнѣ, и вскорѣ потомъ черезъ нихъ проводилъ меня въ храмъ красоты. Она была одна, приняла меня стоя, не посадила, а только по Польскому или не знаю какому другому обычаю протянула мнѣ руку, которую поцѣловалъ я. Наружный жаръ былъ умѣряемъ спущенными маркизами и прохладительнымъ вѣтеркомъ; среди благовонія цвѣтовъ и тысячи великолѣпныхъ бездѣлокъ, которыя начинали тогда входить въ моду, смотрѣть на совершенную красавицу было бы весьма пріятно; но я въ ней видѣлъ полу-царицу и немного смѣшался, только не на долго. Она была женщина добрая и не спѣсивая, разспрашивала меня о братѣ, о его семействѣ и житьѣ и, наконецъ, пригласила меня, и довольно настоятельно, обѣдать у нея по воскреснымъ днямъ, когда бываетъ у нея много гостей и передъ окнами играетъ музыка, въ виду гуляющихъ на Крестовскомъ острову.

Въ первое Воскресенье воспользовался я сдѣланнымъ мнѣ приглашеніемъ. Общество было отборное, съ хозяйкой свободно-почтительное. Она обошлась со мной весьма ласково и рекомендовала меня сестрѣ своей, княжнѣ Жанетѣ Четвертинской и Поляку Вышковскому, который, какъ послѣ узналъ я, былъ ея суженый. Наружность сей послѣдней мнѣ показалась бы непріятною, еслибъ она была со мною и повнимательнѣе; изъ нѣсколькихъ словъ Поляка, довольно пожилаго и незначущаго, не менѣе того весьма надменнаго, могъ я замѣтить, что онъ великій руссоненавистникъ. И вотъ кто долженъ былъ замѣнить ей Цесаревича! Двѣ воспитанницы или собесѣдницы, право не знаю, одна дородная, свѣжая и пригожая Полька Студиловская, другая молоденькая, тоненькая, хорошенькая Англичаночка, которую звали просто Салли, подошли ко мнѣ сами знакомиться, были отмѣнно любезны и сказали мнѣ, что, во вниманіи къ пріязни моей съ братомъ, котораго Марья Антоновна никогда не переставала любить, желаетъ она, чтобы я сдѣлался у нея домашнимъ. Братья Нарышкины были извѣстные гастрономы: столъ и вина были чудесные.

Все это мнѣ очень полюбилось, и въ слѣдующее Воскресенье явился я опять къ обѣду, хотя и зналъ уже, что на покровительство г-жи Нарышкиной надѣяться мнѣ нечего. Намъ съ братомъ ея въ Пензѣ еще не было извѣстно, что царственная связь, увы! уже совершенно разорвана. Это нимало не помѣшало бы мнѣ повторять мои посѣщенія; но наступилъ Сентябрь, Нарышкины переѣхали въ городъ и въ томъ же мѣсяцѣ Марья Антоновна на долго отправилась въ чужіе края. Мнѣ больно было бы сказать здѣсь, какою нашелъ я ее, когда, послѣ десятилѣтій, встрѣтясь съ ней за границей, возобновилъ я знакомство съ нею и часто видѣлся.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Пензы, часто началъ посѣщать меня плутъ Магіёръ, который перессорился съ плѣнными Наполеоновскими Французами. Онъ старался увѣрить меня, что втайнѣ никогда не переставалъ быть преданъ законнымъ государямъ своимъ, Бурбонамъ, и прочиталъ письмо или просьбу къ герцогу Ангулемскому, въ которомъ, объясняя, что отецъ его (не упоминая въ какой должности) служилъ графу д'Артуа, отцу герцога, онъ, наслѣдникъ вѣрности, желаетъ посвятить жизнь свою его высочеству. Когда совсѣмъ собрался я въ путь, вручилъ онъ мнѣ другое письмо къ Екатеринѣ Ѳеодоровнѣ Муравьевой, желая, чтобы я отдалъ его лично, присоединивъ мои просьбы къ его моленіямъ о помощи, дабы могъ онъ освободиться отъ ссылки и возвратиться въ отечество. Я радъ бы былъ избавить Россію отъ всѣхъ иностранныхъ негодяевъ и далъ ему слово исполнить его требованіе.

Даму, къ которой адресовалъ онъ меня, я лично не зналъ. Она слыла добродушною и добродѣтельною, то-есть строгой нравственности въ отношеніи къ супружескому долгу. Послѣднее было справедливо и, я думаю, не весьма трудно, ибо она была дурна какъ смертельный грѣхъ и съ богатымъ приданымъ лѣтъ тридцати едва могла найдти жениха. Я немного совѣстился быть ходатаемъ за мошенника и старался разжалобить ее; къ изумленію моему, она горячо принялась за это дѣло, и участіе мое въ немъ послужило мнѣ лучшею у нея рекомендаціей. Она оказала мнѣ много благосклонности и просила почитать себя у нея какъ дома.

Мужъ ея, Михаилъ Никитичъ, былъ примѣромъ всѣхъ добродѣтелей и послѣ Карамзина, въ прозѣ, лучшимъ у насъ писателемъ своего времени. Онъ вмѣстѣ съ Лагарпомъ находился при воспитаніи императора Александра, платилъ дань своему вѣку и мечталъ о народной свободѣ, пока она была еще прекрасною мечтою, а не ужасною истиной; кроткую душу его возмущало слово тиранство. Свои правила передалъ онъ женѣ, и они сдѣлались наслѣдіемъ его семейства. По

втайнѣ она была исполнена гордости и тщеславія, а только по наружности заимствовала у мужа видъ смиренія. По мнѣнію ея, онъ не былъ достойнымъ образомъ награжденъ по воцареніи воспитанника своего за попеченія его объ немъ.

Онъ не одинъ пользовался его довѣренностію и былъ только товарищемъ министра народнаго просвѣщенія; при первомъ случаѣ вѣрно былъ бы онъ и министромъ, но смерть рано его похитила, и Государь забылъ о вдовѣ его, которую впрочемъ и не знавалъ. Неудовольствіе на правительство часто обращается въ постоянную опозицію и принимаетъ видъ свободомыслія. Сія малорослая женщина, худая какъ сухарь, вѣчно судорожно-тревожная, отъ природы умная и образованная мужемъ, въ гостиныхъ умѣла быть тиха, воздерживаться отъ гнѣва и всѣхъ дарить улыбками. Горе только тѣмъ, кои находились въ прямой отъ нея зависимости: она была ихъ мучительницей, ихъ губительницей. Но подобно самкамъ всѣхъ лютыхъ животныхъ, чувство материнской нѣжности превосходило въ ней все, что̀ вообразить можно.

У нея было два сына, которые оба походили на отца душой и сердцемъ, а старшій даже и умомъ. Меньшой, малолѣтній, находился при ней; старшаго Никиту, офицера Генеральнаго Штаба, ожидала она съ нетерпѣніемъ изъ арміи. Всѣ радости, всѣ надежды ея сосредоточивались на немъ, и онъ былъ дѣйствительно того достоинъ. Къ несчастію, поручила она образованіе его сорванцу, Якобинцу Магіёру. Идеями, согласными съ ея образомъ мыслей, вкрался онъ въ ея довѣренность и заразилъ ими воображеніе отрока, но не могъ испортить его сердца. Не могла того сдѣлать и мать, вливая въ него желчь свою и раздражая его противъ верховной власти.

Я сказалъ, что она была богата; тогда пользовалась она только частію слѣдуемаго ей имущества. У нея живъ былъ еще отецъ, осмидесятилѣтній скупой старецъ, сенаторъ Ѳедоръ Михайловичъ Колокольцовъ, баронъ по неволѣ *). Долго, очень долго голосъ опытнаго, умнаго и злаго старика увлекалъ въ Сенатѣ невнимательныхъ или несвѣдущихъ сочленовъ. Онъ уже слабѣлъ и вскорѣ потомъ умолкъ. Тогда домъ разбогатѣвшей его дочери сдѣлался однимъ изъ роскошнѣйшихъ и пріятнѣйшихъ въ столицѣ. Встрѣчая въ немъ почти всѣхъ моихъ знакомыхъ, сдѣлался я частымъ его посѣтителемъ. Что̀ я послѣ

---

*) Надѣясь на кредитъ зятя, въ коронацію Александра, Колокольцовъ изъявилъ желаніе получить графское достоинство. Государь, улыбаясь, пожаловалъ его барономъ, и раздосадованный Колокольцовъ, даже въ офиціальныхъ бумагахъ, никогда не хотѣлъ употреблять сего титула.

въ немъ увидѣлъ, увидятъ и читатели, если Записки сіи не прекратятся.

Въ домахъ Блудова и Муравьевой познакомился я съ двумя молодыми людьми, коихъ пріязнію и благорасположеніемъ имѣю право гордиться. Я только что назвалъ Дмитрія Васильевича Дашкова, когда онъ пріѣхалъ съ Дмитріевымъ служить въ Петербургѣ; нѣсколько разъ видѣлъ я его, кажется, даже и разговаривалъ съ нимъ, но вообще онъ не спѣшилъ знакомиться. Онъ былъ въ лучшихъ годахъ жизни, высокъ ростомъ, имѣлъ черты правильныя и красивыя, видъ мужественный и скромный вмѣстѣ. Въ обществѣ казался онъ даже нѣсколько угрюмъ, смотрѣлъ задумчиво и разсѣянно, и рѣдко кому улыбался; за то улыбка его была пріятна, какъ отъ скупаго дорогой подарокъ; только въ пріятельскомъ кругу скупой дѣлался расточителенъ. Незнакомые почитали Дашкова холоднымъ и мрачнымъ: онъ весь былъ любовь и чувство; былъ чрезвычайно вспыльчивъ и нетерпѣливъ, но необычайная сила разсудка, коимъ одарила его природа, останавливала его въ предѣлахъ умѣренности. Эта вѣчная борьба съ самимъ собою, въ которой почти всегда оставался онъ побѣдителемъ, проявлялась и въ рѣчахъ его, затрудняла его выговоръ: онъ заикался. Когда же касался важнаго предмета, то говорилъ плавно, чисто, безостановочно; таже чистота была въ душѣ его, въ слогѣ и даже въ почеркѣ пера.

Онъ принадлежалъ къ древнему дворянскому роду, но не былъ богатъ. Когда былъ онъ еще мальчикомъ, Дмитріевъ замѣтилъ его литературныя способности и поощрялъ ихъ. Онъ служилъ въ Иностранной Коллегіи, когда Дмитріева сдѣлали министромъ юстиціи; привлеченный имъ, онъ перешелъ на другую стезю. На трехъ дорогахъ, по которымъ въ самой первой молодости повела его судьба, умѣлъ онъ отличиться. Упражняясь пристально въ дѣлахъ судебныхъ, въ минуты отдохновенія продолжалъ онъ предаваться любимымъ юношескимъ занятіямъ своимъ. Маленькая брошюра, подъ названіемъ: *О легчайшемъ способѣ отвѣчать на критики*, была праща, съ которою сей новый Давидъ вступилъ въ борьбу съ тогдашнимъ Голіаѳомъ, Шишковымъ. Я счелъ не излишнимъ означить здѣсь первыя начала прекрасной полезной жизни, которой конецъ осужденъ я былъ оплакать. Я знавалъ людей, которые имѣли несчастіе ненавидѣть Дашкова; презирать его никто не смѣлъ и не умѣлъ.

Двоюродный племянникъ покойнаго Муравьева, Константинъ Николаевичъ Батюшковъ, въ домѣ его вдовы былъ принятъ какъ сынъ родной. Подъ руководствомъ благодѣтельнаго дяди, съ малолѣтства посвятилъ онъ себя поэзіи. Но лишь только прошелъ первый слухъ о

дальней опасности, грозящей отечеству, бросилъ онъ лиру и схватилъ мечь. Онъ вступилъ въ Петербургскую милицію, и съ нею, будучи почти мальчикомъ, сражался въ 1807 году и былъ раненъ. Изъ военной службы его не выпустили и перевели офицеромъ въ гвардейскій егерскій полкъ; тутъ опять пошелъ онъ въ походъ противъ Шведовъ, опять дрался и опять былъ раненъ. Сложенія былъ онъ не крѣпкаго, здоровье и нервы его послѣ того разстроились; онъ долженъ былъ оставить службу. Когда силы возвратились къ нему, въ 1813 году поспѣшилъ онъ къ знаменамъ отчизны и подъ ними вступилъ въ Парижъ. Потомъ опять принялся онъ пѣть стихи свои; я говорю пѣть, ибо они—музыка. Въ нихъ и въ его гармонической прозѣ видна вся душа его, чистая, благородная, то дѣтски веселая, то нѣжно унылая. Въ такія лѣта, когда разсудокъ еще не образовался, врожденный вкусъ уже указалъ ему на недостатки многихъ бездарныхъ нашихъ писателей, и когда другіе безотчетно поклонялись имъ, онъ въ забавныхъ стихахъ: *Видѣніе на берегахъ Леты*, позволилъ себѣ ихъ осмѣять. Ими почти никого не раздражилъ онъ; не то еслибы намъ грѣшнымъ! И вотъ привилегія добродушія: его насмѣшки получаютъ всегда просто названіе шутокъ.

Онъ давно уже былъ завербованъ въ Оленинское общество, о коемъ говорилъ я въ предыдущей части. Во время долгаго отсутствія моего изъ Петербурга, согласіе въ образѣ мыслей сблизило его сперва съ Тургеневымъ, потомъ съ Дашковымъ и Блудовымъ. Составилась пріятная, безпритворная, холостая компанія, и вечернія бесѣды наши оживлялъ Батюшковъ веселымъ, незлобивымъ остроуміемъ своимъ. Мы недавно были знакомы, а его уже безпокоило затруднительное положеніе мое, и онъ помышлялъ о средствахъ меня изъ него вывести.

Послѣ смерти графа Строгонова, Оленинъ былъ назначенъ президентомъ Академіи Художествъ и директоромъ Императорской Публичной Библіотеки. Она помѣщена была въ прекрасномъ закругленномъ зданіи, построенномъ при Екатеринѣ на углу Невскаго проспекта и Садовой улицы, и на двѣ трети составлена была изъ завоеванной въ Варшавѣ библіотеки графа Залуцкаго. Съ пріобрѣтенными прежде и вновь пріобрѣтаемыми твореніями, число книгъ было довольно значительно, но всѣ онѣ, неразобранныя, лежали грудами. Заботливый Оленинъ составилъ новое положеніе и новый штатъ для заведенія сего, и они были утверждены въ началѣ 1812 года; послѣ того книги кое-какъ приведены въ нѣкоторый порядокъ. Тутъ нужны были ученые, а новыя мѣста, раздѣленныя на библіотекарей и ихъ помощниковъ, Оленинъ роздалъ поэтамъ и приближеннымъ своимъ. Въ числѣ первыхъ прежде его находился одинъ человѣкъ, который бы могъ быть весьма

полезенъ, братъ генерала графа Сухтелена, Руфъ Корниловичъ, съ которымъ путешествовалъ я по Сибири. Но онъ устарѣлъ, безъ брата жить не могъ и, получивъ отпускъ, отправился къ нему въ Стокгольмъ; оттуда прислалъ онъ просьбу объ отставкѣ. Его-то мѣсто втайнѣ прочилъ мнѣ Батюшковъ и для того желалъ познакомить меня съ домомъ Олениныхъ. Симъ мѣстомъ могли быть удовлетворены скромныя желанія мои: хорошая квартира съ дровами, полторы тысячи рублей ассигнаціями жалованья и занятія по вкусу, вотъ что̀, по тогдашнему мнѣнію моему, казалось достаточнымъ на цѣлую жизнь.

Хотя по извѣстности Батюшкова, его чрезвычайно и приголубливали у Олениныхъ, но онъ на одного себя не понадѣялся, зная, что есть существо, которое мало-по-малу овладѣло всѣмъ этимъ домомъ. Разъ, прогуливаясь со мною вмѣстѣ, какъ будто не нарочно завелъ онъ меня къ другу своему, Гнѣдичу. Кривому Пиладу было мало одного Ореста, Крылова; тотъ никогда не отпирался отъ его дружбы, но никогда и не сознавался въ ней; легче было пріобрѣсти ее у пылкаго Батюшкова. Тѣсная связь между ими сплетена была какъ изъ хитрости Украинца, такъ и изъ добросердечія и довѣрчивости Русскаго. Предупредивъ Гнѣдича о своихъ и моихъ намѣреніяхъ, онъ какъ будто нечаянно вспомнилъ о томъ, дабы у перваго посѣщенія отнять видъ презентаціи и просительности. Пріемомъ остался я доволенъ; въ немъ было даже нѣчто пріязненное. Черезъ нѣсколько дней Гнѣдичъ самъ зашелъ навѣстить меня и объявить, что дѣло можно почитать, какъ говорится, въ шляпѣ; что оно могло бы тотчасъ быть окончено, но что Сухтеленъ при отставкѣ требуетъ полный пенсіонъ и чинъ статскаго совѣтника, чего нельзя сдѣлать безъ Государя, а онъ кромѣ самоважнѣйшихъ бумагъ не велѣлъ ничего присылать къ себѣ въ Вѣну, но вѣроятно скоро возвратится. Онъ сказалъ мнѣ, что Оленинъ самъ очень желаетъ познакомиться со мной, но что чрезвычайно озабоченъ по новой должности на него возложенной, и свободныя минуты посвящаетъ семейству своему, живущему до зимы на дачѣ его, Пріютинѣ, въ двадцати верстахъ отъ Петербурга. И дѣйствительно, контрастъ между Сперанскимъ, столь примѣчательнымъ по необыкновенному уму своему и познаніямъ, и преемникомъ его Шишковымъ, который внѣ Славянской лингвистики ничего не смыслилъ, былъ слишкомъ разителенъ, чтобы сей послѣдній могъ долго оставаться на его мѣстѣ государственнымъ секретаремъ. Онъ уволенъ, и исправленіе этой должности поручено было Оленину.

Живши посреди друзей Русской литературы, я непримѣтнымъ образомъ съ нею ознакомился и сталъ болѣе заниматься сю. Все что̀ ни затѣвалъ я въ жизни, приходило мнѣ въ голову внезапно, неожи-

данно; разъ поутру сказалъ я самъ себѣ: дай попробую, и принялся писать, что̀ бы вы думали? историческій словарь великихъ мужей въ Россіи. Этотъ трудъ уже самъ по себѣ мнѣ былъ не подъ силу; но былъ еще другой, гораздо важнѣе, отрывать источники, копаться въ нихъ; сей послѣдній испугалъ меня, отнялъ у меня всю бодрость. А покамѣстъ написалъ я нѣсколько статей и имѣлъ безстыдство показать ихъ Блудову. Его неистощимая снисходительность ко мнѣ ослѣпила ли его, или онъ нашелъ, что для неопытнаго дѣйствительно недурно и надѣялся что со временемъ могу набить я руку, только похвалилъ меня. Похвала изъ устъ такого строгаго судьи въ литературѣ чрезвычайно возбудительна и... и, какъ говорится, пошла писать! Судя по связямъ моимъ, хотя написалъ я немного строкъ и ни одной не напечаталъ, безграмотные начали подозрѣвать меня въ авторствѣ, и сіе дало мнѣ новое право на званіе библіотекаря.

Наконецъ, въ Ноябрѣ, Алексѣй Николаевичъ и Елисавета Марковна Оленины возвратились изъ Пріютина и открыли домъ свой. Я вступилъ въ него твердою ногой, упираясь на трехъ поэтовъ, на прежняго наставника моего Крылова, на Гнѣдича и на Батюшкова. Подобнаго дома трудно было бы сыскать тогда въ Петербургѣ, нынѣ невозможно, и я думаю услужить потомству, изобразивъ его. Начнемъ съ хозяина. Принадлежа по матери къ Русской знати, будучи роднымъ племянникомъ князя Григорія Семеновича Волконскаго, Оленинъ получилъ аристократическое воспитаніе, выученъ былъ иностраннымъ языкамъ, посылаемъ былъ за границу. Древность дворянскаго рода его и состояніе весьма достаточное не дозволили бы однакоже ему, подобно знатнымъ, ожидать въ праздности наградъ и отличій, подобно имъ быть знакому съ одною роскошью и любезностью гостиныхъ. Вѣроятно, онъ это почувствовалъ, а можетъ-быть, по врожденной склонности, сталъ прилежать къ наукамъ, пріучать себя къ трудамъ; онъ прослужилъ цѣлый вѣкъ и пріобрѣлъ много познаній, правда, весьма поверхностныхъ, но которыя въ его время и въ его кругу заставили видѣть въ немъ ученаго и дѣловаго человѣка. Его чрезмѣрно сокращенная особа была отмѣнно мила; въ маленькомъ живчикѣ можно было найти тонкій умъ, веселый нравъ и доброе сердце. Онъ не имѣлъ пороковъ, а нѣсколько слабостей, свѣтомъ извиняемыхъ и даже раздѣляемыхъ. Напримѣръ, никогда не измѣняя чести, былъ онъ, какъ всѣ служащіе въ Петербургѣ быть должны, искателенъ въ сильныхъ при дворѣ и чрезвычайно уступчивъ въ сношеніяхъ съ ними. Также, по пословицѣ, всегда гонялся онъ за всѣми зайцами вдругъ; но, не по пословицѣ, настигалъ ихъ: у котораго оторветъ лоскутъ уха, у котораго клочекъ шерсти, и сими трофеями любилъ онъ украшать не только

кабинетъ свой, а отчасти и гостиную. Онъ имѣлъ притязанія на званіе литератора, артиста, археолога; даже тѣ люди, кои видѣли неосновательность сихъ претензій, любя его, всегда готовы были признавать ихъ правами. Самъ Александръ шутя прозвалъ его Tausendkünstler, тысячеискусникомъ.

Его подруга, исключая роста, была во многомъ съ нимъ схожа. Эта умная женщина исполнена была доброжелательства ко всѣмъ; но въ изъявленіи его нѣкоторая преувеличенность заставляла иныхъ весьма несправедливо сомнѣваться въ его искренности. Она была дочь извѣстнаго при Елисаветѣ и потомъ долго при Екатеринѣ Марка Ѳедоровича Полторацкаго, основателя придворной капеллы пѣвчихъ и чрезвычайно многочисленнаго потомства. Характеръ имѣетъ также свою особую физіономію какъ и лицо, и единообразіе ея выпечатано было на всѣхъ дѣтяхъ его обоего пола; всѣ они склонны были, смотря по уму каждаго, къ пріятному или скучному балагурству; объ одномъ изъ нихъ, Константинѣ, гдѣ-то вскользь я упомянулъ. Склонность, о которой сейчасъ говорилъ я, и любовь къ общежитію, побѣждали въ Елисаветѣ Марковнѣ самыя тѣлесныя страданія, коимъ такъ часто была она подвержена. Часто, лежа на широкомъ диванѣ, окруженная посѣтителями, видимо мучась, умѣла она улыбаться гостямъ. Я находилъ, что тутъ и мужская твердость воли, и ангельское терпѣніе, которое дается однимъ только женщинамъ. Ей хотѣлось, чтобы всѣ у нея были веселы и довольны, и желаніе безпрестанно выполнялось. Нигдѣ нельзя было встрѣтить столько свободы удовольствія и пристойности вмѣстѣ, ни въ одномъ семействѣ—такого добраго согласія, такой взаимной нѣжности, ни въ какихъ хозяевахъ—столь образованной привѣтливости. Всего примѣчательнѣе было искусное сочетаніе всѣхъ пріятностей Европейской жизни съ простотой, съ обычаями Русской старины. Гувернантки и наставники, Французы, Англичанки и дальнія родственницы, проживающія барышни и нѣсколько подчиненныхъ, обратившихся въ домочадцевъ, наполняли домъ сей какъ Ноевъ ковчегъ, составляли въ немъ разнородное, не менѣе того весьма согласное, общество и давали ему видъ трогательной патріархальности. Я увѣренъ, что Крыловъ болѣе всѣхъ умѣлъ окрасить его въ Русскій цвѣтъ. Замѣтно было, какъ пріятно было умному и уже нѣсколько пожилому тогда холостяку давать себя откармливать въ немъ и баловать. Посѣщаемый знатью и лучшимъ обществомъ Петербургскимъ, домъ сей былъ уважаемъ; по моему онъ могъ назваться образцовымъ, хотя имѣлъ и мало подражателей. Въ послѣдніе годы существованія старыхъ супруговъ, когда Россія такъ и въѣлась въ европеизмъ, онъ сдѣлался анахронизмомъ. Миръ праху вашему, чета неоцѣненная! Оставайтесь

неразлучны въ другомъ мірѣ, какъ связаны были въ этомъ! Я иногда тоскую по васъ. Простите мнѣ, если безпристрастіе и правдолюбіе мое вынудили меня коснуться нѣкоторыхъ несовершенствъ, нераздѣльныхъ съ человѣческою слабостію. Тѣни, наведенныя мною на свѣтлую картину жизни вашей, я думаю, еще болѣе выказываютъ всѣ красоты ея.

Итакъ, зиму эту провелъ я довольно пріятнымъ образомъ, стараясь помаленьку забывать свое Пензенское горе. Въ продолженіе сей зимы пришлось мнѣ сдѣлать небольшое путешествіе. Въ самомъ началѣ сихъ Записокъ сказалъ я, что дѣдъ мой съ отцовской стороны заложилъ на пятьдесятъ лѣтъ все маленькое имущество свое, состоящее изъ двухъ мызъ въ Везенбергскомъ округѣ, въ Евскомъ кирхшпилѣ, съ такимъ условіемъ, чтобы залогодержатель, владѣя имъ, вмѣсто процентовъ пользовался доходами съ него. Отцу моему чрезвычайно хотѣлось, чтобы родовое имѣніе сіе возвращено было фамиліи его. Во исполненіе желанія его, для нея священнаго, мать моя, согласно съ условіемъ, за два года до истеченія срока предъявила Эстляндскому Губернскому Правленію намѣреніе свое имѣніе выкупить. Срокъ приблизился, и она прислала мнѣ бумагу, уполномочивающую меня дѣйствовать отъ имени всего семейства съ нѣкіимъ Александромъ Никитинымъ, крѣпостнымъ человѣкомъ, прикащикомъ ея, проворнымъ, вѣрнымъ и рачительнымъ о барскихъ выгодахъ: такихъ нынѣ уже болѣе нѣтъ.

На другой день Богоявленія, мы выѣхали съ нимъ по Рижскому тракту на наемныхъ извощикахъ. На всемъ этомъ пути до самой границы, частному лицу и съ подорожной невозможно было имѣть почтовыхъ лошадей, развѣ платя двойные или тройные прогоны. Смотрители на станціяхъ и трактирщики все были одни Нѣмцы; первые прижимали путешествующихъ, послѣдніе обирали ихъ. Внутри Россіи можно было еще иногда на плута прикрикнуть; тутъ было дѣло другое: народъ былъ хотя хищный, но гордый и самолюбивый, потому что умѣлъ пріобрѣсть покровителей въ почтовомъ департаментѣ. До Нарвы на всѣхъ станціяхъ выстроены уже были красивые, каменные дома для проѣзжающихъ, съ просторными, свѣтлыми и чистыми комнатами, довольно хорошо меблированными; окончательно и поспѣшно были они отдѣланы для проѣзда королевы Прусской. На входъ въ нихъ, мнѣ безподорожному, давало право требованіе обѣда, ужина или чая; плата за входъ обходилась довольно дорого. Дома сіи называли шагами къ просвѣщенію; съ этимъ я согласенъ и желаю, чтобы по большей части такими шагами подвигались мы къ нему.

Прибывши въ Нарву, не знаю по чьему совѣту, остановился я въ маленькомъ предмѣстіи, Ивангородѣ, у трактирщика Юргенса. Оттуда

отправилъ я Александра Никитина къ владѣющему имѣніемъ, изъ руки въ руки переходившимъ, отставному полковнику Борису Владимировичу Ребиндеру, возвѣстить о моемъ пріѣздѣ и спросить: гдѣ ему угодно будетъ назначить мѣсто для совѣщаній. Оставшись безъ него одинъ, и первый разъ въ жизни совсѣмъ безъ слуги, мнѣ было весьма невесело. Горе мое умножалъ дешевый, но уже слишкомъ умѣренный, столъ и хозяинъ, съ которымъ пришлось мнѣ жить почти въ одной комнатѣ и который половину дня бывалъ пьянъ. Мрачный и молчаливый поутру, послѣ обѣда дѣлался онъ говорливъ и фамиліаренъ, дерзокъ и шутливъ; а вы знаете, какъ несносны шутки Нѣмца-простолюдина! Въ совершенной скукѣ, не зная что̀ дѣлать, пока бывало свѣтло, все бродилъ я пѣшкомъ. Осмотрѣвъ старый за̀мокъ, Русскими по сю сторону Наревы построенный, въ два дня разъ десять побывалъ я въ самомъ городѣ, котораго тѣсныя улицы и древняя архитектура сначала были для меня любопытною новостью; наконецъ я ходилъ къ расхваленному мнѣ водопаду, у котораго вокругъ него построенныя мельницы отнимаютъ всю поэзію. На третій день рано поутру, лишь успѣлъ я встать и одѣться, послышался мнѣ ужасный крикъ. Загорѣлось на чердакѣ, и я нашелъ работниковъ усиливающихся залить огонь. Пока они тушили пожаръ, возгорѣлась жестокая брань между Юргенсомъ и его толстою супругой. Онъ разсудилъ въ этотъ день напиться до свѣту; при видѣ опасности исполнился онъ ярости и страха, началъ упрекать жену въ небрежности, поносить ее; она ему отвѣчала, и кончилось тѣмъ, что онъ прибилъ ее до крови. Въ негодованіи своемъ она сбѣжала внизъ, схватила дѣтей и опрометью помчалась къ какому-то богатому родственнику Гросслупу, давъ клятву никогда не возвращаться.

Я готовъ былъ за нею послѣдовать; мнѣ приходилось уже не въ мочь, какъ вдругъ явился мой Никитинъ и привезъ приглашеніе г. Ребиндера посѣтить его мызу не подалеку отъ станціи Вайвары. Никитинъ поступилъ какъ настоящій дипломатъ: онъ успѣлъ увѣрить Ребиндера, что я очень высоко цѣню честь быть Эстляндскимъ помѣщикомъ, и что въ Петербургѣ занялъ я семь тысячъ рублей серебромъ, дабы выкупную сумму внести всю сполна, тогда какъ присланныхъ матерью моею денегъ не было на то и четвертой доли *). Онъ изъявилъ также желаніе осмотрѣть имѣніе въ подробности, и самъ Ребиндеръ возилъ его по полямъ и рощамъ: вотъ отчего замедлилось его возвращеніе. Не полѣнись только Русскій человѣкъ, онъ всегда проведетъ Нѣмца.

---

*) Суммы, которую по письму и довѣренности моей матери долженъ былъ я получить въ Петербургѣ, мнѣ не дали и очень хорошо сдѣлали.

Я пріѣхалъ на готовое: мнѣ не оставалось солгать ни одного слова. Г. Ребиндеръ старался мнѣ доказать всѣ невыгоды этого владѣнія. «Надобно самому тутъ жить, говорилъ онъ, и заниматься экономіей, чтобы извлечь изъ него какую-нибудь пользу; правда, лѣсу много, но онъ здѣсь не по чемъ; мужики лѣнивы, и составляется проектъ объ ихъ освобожденіи: тогда дворяне лишатся половины своихъ доходовъ». Болѣе всего испугалъ онъ меня однимъ изъ условій закладной, мною незамѣченнымъ: сказано, что за детеріорацію (ущербъ) наслѣдники ничего не имѣютъ права взыскивать, а за всякую меліорацію (улучшеніе) должны платить; изъ одного этого могъ бы выйдти процессъ. Я молчалъ, а послѣ какъ будто сталъ колебаться, и когда онъ мнѣ предложилъ семь тысячъ рублей серебромъ въ наличности, дабы временное владѣніе превратить въ вѣчное, я едва могъ скрыть свою радость: онъ могъ бы не дать мнѣ ни одной копѣйки. Я для пристойности сталъ торговаться, но онъ устоялъ на своемъ. По странности случая, отрицательный мой актъ подписанъ нами, съ приложеніемъ печатей, равно черезъ пятьдесятъ лѣтъ, изо дня въ день, послѣ закладной, 14 Января 1815 года. *)

Всего прожилъ я тутъ дни два, и мнѣ показалось весьма пріятно, особливо послѣ Нарвскаго сраженія, коего былъ я только что зритель. Семейство было доброе, честное и образованное, Нѣмецкое семейство, какихъ нынѣ найдти только можно въ романахъ Августа Лафонтена. Сынъ г. Ребиндера, Борисъ Борисовичъ, человѣкъ уже въ лѣтахъ, находился въ отпуску и помогалъ отцу угащивать пріѣзжающихъ. Онъ служилъ въ Морскомъ Министерствѣ и по женѣ своей, урожденной Брунъ, былъ свойкомъ морскаго министра, маркиза де-Траверсе. Тутъ была еще одна родственница, двадцатипятилѣтняя замужняя женщина, госпожа Гернетъ, которая обворожила меня. Полная, но стройная имѣла она прекрасныя черты и блѣдно-здоровый цвѣтъ лица. Она знала одинъ только Нѣмецкій языкъ, на немъ выражалась умно и красно и очаровательнымъ голосомъ своимъ его грубое нарѣчіе умѣла превращать въ небесную гармонію. Чтò, подумалъ я, еслибы наши красавицы захотѣли говорить по-русски! На обратномъ пути, разумѣется, не останавливался я у Юргенса; однакоже не оставилъ, чтобы не освѣдомиться о его домашнихъ дѣлахъ, и узналъ, что неумолимая супруга не поки-

*) Многорѣченный чудакъ Копіевъ, который безпрестанно покупалъ и продавалъ маленькія имѣнія вокругъ Петербурга и для того читалъ всѣ печатныя объявленія о продажахъ, встрѣтясь со мною, воскликнулъ: „Помилуй, братецъ, чтò это ты сдѣлалъ? (тогда кто десятью годами былъ старѣе, позволялъ себѣ говорить *ты*). Я прочелъ въ Эстляндской газетѣ, что ты уступилъ право называться фонъ-Иллукъ, фонъ-Куртна. Да знаешь ли, что это не шутка: у нихъ кто фонѣе, тотъ и знатнѣе.»

даетъ своего убѣжища, а онъ продолжаетъ упиваться въ одиночествѣ. Тоже самое было мнѣ подтверждено, когда, три года спустя, случилось мнѣ опять проѣзжать Нарву. Отправивъ Александра Никитина въ Пензу съ вырученною мною суммой, весьма небольшую часть ея оставилъ я себѣ, и это помогло мнѣ въ этомъ году менѣе нуждаться.

Во время десятидневнаго отсутствія моего изъ Петербурга, разумѣется, никакой перемѣны въ немъ произойти не могло. Только я нашелъ, что приближеніе масляницы еще болѣе располагало всѣхъ къ веселостямъ. Въ этомъ шумѣ, кажется, забыли думать какъ о прошедшемъ, такъ и о будущемъ.

Беззаботное тогда Петербургское общество нимало не дивилось продолжительности нескончаемаго Вѣнскаго конгресса. Повторяя чужія слова, онъ не идетъ, говорило оно, оттого что пляшетъ. Немногимъ, однакоже, привыкшимъ разсуждать казалось странно, что дѣло, повидимому рѣшенное торжествомъ Александра и паденіемъ Наполеона, можетъ встрѣчать еще какія-либо препятствія. Франція одна могла бы почитать себя обиженною, но ея участь рѣшена; всѣ царственные изгнанники: Гишпанскій и Сардинскій короли, папа, давно уже воротились въ свои столицы; возстановлены дома, Оранскій, Гессенъ-Кассельскій, Брауншвейгскій. Зачѣмъ же дѣло стало? Терялись въ догадкахъ и не могли совершенно проникнуть тайну, которая покрывала совѣщанія. Никто, можетъ быть, съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ я, не ожидалъ окончанія сего конгресса Вѣнскаго, который тогда назвалъ я вѣчнымъ: напередъ надобно было рѣшить судьбу Европы, чтобы потомъ рѣшить мою судьбу. Впрочемъ и я, среди всеобщаго пріятнаго усыпленія, менѣе чѣмъ бы въ другое время заботился о своей будущности. Скоро всѣхъ насъ ожидало пробужденіе, произведенное ударомъ, которымъ на нѣкоторое время потрясена была вся Европа.

XII.

У Анны Андреевны Блудовой была меньшая единственная сестра, фрейлина, княжна Марья Андреевна Щербатова. Она по зимамъ жила вмѣстѣ съ нею, а лѣто и осень проводила въ Павловскомъ и въ Гатчинѣ у императрицы Маріи Ѳеодоровны, которой особенною милостію она пользовалась. Дабы понять нижеписанное, надобно знать, что она была нрава веселаго, но совсѣмъ не живаго; столько флегма ни въ комъ не случалось мнѣ находить. Одинъ вечеръ (это было 6 Марта) провели мы очень весело у старшей сестры ея. Она довольно поздно воротилась изъ дворца отъ Императрицы; входя, очень равнодушно она

сказала намъ: «слышали ли вы, что Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы?» Мы съ изумленіемъ посмотрѣли другъ на друга. «Успокойтесь» продолжала она; не знали, куда онъ дѣвался и были въ тревогѣ; но получили хорошее извѣстіе: онъ вышелъ на берегъ не подалеку отъ Фрежюса».—«Ну, правда, невольно усмѣхаясь сказалъ Блудовъ, добрыя вѣсти привезли вы намъ!» Мы подивились, потолковали и разъѣхались.

Въ слѣдующіе дни всѣ бросились на расхватъ читать газеты и ничего не находили въ нихъ ободрительнаго. Вѣчная война въ лицѣ Наполеона быстрыми шагами шла къ Парижу. Возвратившіеся изъ Россіи многочисленные старые солдаты его поступили опять въ полки, и новое правительство имѣло неосторожность послать ихъ къ нему навстрѣчу. Съ хвастливымъ краснорѣчіемъ, приспособленнымъ къ ихъ понятіямъ и сильно дѣйствующимъ на Французское тщеславіе, были написаны объявленія его. Отъ башни до башни, говорилъ онъ, полетятъ его орлы до Парижскаго собора; и онъ сдержалъ слово. Въ тотъ самый день, въ который могли бы мы праздновать взятіе Парижа, 19 Марта, вечеромъ у Оленина я узналъ, что онъ вступилъ въ него и что Бурбоны бѣжали.

Неисповѣдимы пути, избираемые Провидѣніемъ. Доселѣ всегда самихъ враговъ нашихъ превращало оно въ полезныя для насъ орудія. Во время конгресса старый обманщикъ Талейранъ успѣлъ составить союзъ между неблагодарнымъ Лудовикомъ XVIII, властолюбивою Англіей, коей всею душой сей послѣдній былъ преданъ, и недовѣрчивою Австріей, противъ того что̀ называлъ завоевательнымъ духомъ Россіи. Неизвѣстно, съ какимъ намѣреніемъ онъ это дѣлалъ. Нѣтъ сомнѣнія, что о возникшихъ несогласіяхъ былъ тайно извѣщаемъ Наполеонъ. Неугомоннымъ, вертлявымъ Французамъ между тѣмъ успѣлъ уже надоѣсть ихъ благоразумный, важный и толстый король, съ своею подагрой и бархатными сапогами: онъ сдѣлался предметомъ ихъ безпрестанныхъ насмѣшекъ; въ тоже время ихъ краснобаи въ камерахъ пользовались безнаказанно правомъ имъ даннымъ болтать съ дерзостію. Возможно ли было, чтобы Наполеонъ не пожелалъ воспользоваться видимою для него благопріятностію такихъ обстоятельствъ, чтобы душа Корсиканца не алкала мести, чтобы честолюбивѣйшій изъ смертныхъ не захотѣлъ вновь ухватить отъятое у него всемогущество? Онъ былъ не подъ стражей; напротивъ, онъ имѣлъ своихъ тѣлохранителей, однимъ словомъ, онъ все-таки царствовалъ; и не знаю, имѣли ли Англичане право остановить его, еслибы встрѣтили его на морѣ. Гигантскими замыслами и геніальнымъ исполненіемъ, конечно, стоялъ онъ выше всѣхъ предтечей своихъ во всемірномъ величіи; но свѣтозарное его поприще

было все выпачкано безстыднымъ вѣроломствомъ Итальянскихъ кондотіери среднихъ вѣковъ; ничего для него не было священнаго, никакая клятва для него не была обязательною. Слава его была безъ благородства *). Вольно же было, знавши это, щеголять великодушіемъ, и послѣ рѣшительнаго, смертоноснаго удара, нанесеннаго революціи взятіемъ Парижа, къ истребленію ея, равно какъ и въ отношеніи къ нему, не принять самыхъ рѣшительныхъ мѣръ? Но, впрочемъ, все было къ лучшему.

Русскіе забывчивы, Нѣмцы злопамятны: имъ казалось, что только вчера спало съ нихъ тяжкое ярмо, и оно вновь грозитъ имъ. Появленіе Наполеона произвело на нихъ впечатлѣніе гораздо сильнѣе чѣмъ на насъ, и между ими находился обворожительный Александръ, воинъ-миротворецъ, личный, главный непріятель Наполеона, настоящій его соперникъ, предметъ тайной зависти правительствъ, но тогда кумиръ всѣхъ народовъ. Его могучее, звучное, ласковое слово раздалось на конгрессѣ и всѣхъ ободрило, все примирило, все соединило. Внимая этому слову, всѣ народы Европейскіе вдругъ поднялись, какъ одинъ народъ. Ошибся въ своихъ разчетахъ нетерпѣливый Наполеонъ.

Важное это происшествіе потревожило и Россію; однакоже, въ изъявленіяхъ безпокойства ея жителей видно было болѣе досады, чѣмъ страха. Въ одной только Москвѣ, говорятъ, пріостановились было съ новыми постройками, но не долго: дѣло весьма естественное, она болѣе другихъ была настращена, а пуганая ворона, по пословицѣ, и куста боится. Въ Петербургѣ же мнѣ пріятно было видѣть, что лучшее общество заговорило однимъ языкомъ съ простымъ народомъ. Люди, разъ зазнавшись, уже не сомнѣваются въ успѣхѣ. Поступокъ Наполеона въ глазахъ нашихъ былъ ни что иное, какъ возмущеніе противъ Александра, на котораго въ двѣнадцатомъ году всѣ смотрѣли мы съ обиднымъ состраданіемъ и въ котораго черезъ три года вѣровали безпредѣльно. Грозный же повелитель народовъ, законодатель цѣлой Европы, ужасъ Россіи, который имя свое долженъ былъ дать столѣтію, въ которомъ жилъ, казался намъ отчаяннымъ пройдохой, которому нечего было терять и который въ послѣдній разъ хочетъ испытать свое счастіе. Сама Франція, сума переметная, въ мнѣніи нашемъ ниспала до состоянія слабой, вѣчно мятежной Польши, которую Россія столько

*) Не Юлій Кесарь и не Карлъ Великій были сначала его образцами, а Висконти, Галеасъ Сфорца, Скала, Медичи, Малатеста. Въ немъ ожили всѣ эти храбрые, хитрые и счастливые клятвопреступники, которые задушили маленькія республики, неосторожно вручившія имъ власть надъ собою, и которыхъ исторія среднихъ вѣковъ запятнала прозваніемъ тирановъ. Кругъ дѣйствія ихъ былъ только тѣснѣе, но во всѣхъ нихъ можно видѣть микроскопическихъ Наполеоновъ.

разъ безъ труда унимала. Даже простой народъ полагалъ, что съ Бонапартомъ также легко будетъ справиться, какъ съ Костюшкой (Косціюшко), и что казакъ на арканѣ вѣрно притащитъ его въ Русскій станъ. Что̀ дѣлать? Видно Небу не угодно наше высокомѣріе; тотъ самый, кто далъ намъ всѣ причины, даровалъ намъ всѣ права возгордиться, увы! послѣ того всемѣрно трудился, чтобы сбавить у насъ спѣси.

Гвардія начала живо приготовляться къ походу и съ открытіемъ весны выступила изъ Петербурга. Радость была написана на лицахъ офицеровъ; они надѣялись опять понатѣшиться въ Пале-Роялѣ, и когда ихъ спрашивали, куда имъ велѣно идти, они очень просто отвѣчали: да куда же? въ Парижъ! Нашу новую столицу болѣе всего можно назвать гвардейскимъ городомъ. Гвардія составляетъ значительную часть Петербургскаго населенія; они родились почти въ одно время и вмѣстѣ росли и расширялись: безъ нея онъ какъ будто сиротѣетъ; я нахожу даже, что безъ нея онъ на себя не похожъ. Это первый разъ могъ я замѣтить только въ 1815 году, ибо во время троекратной отлучки ея изъ Петербурга и меня въ немъ не было.

Какъ ни любопытны сдѣлались опять заграничныя извѣстія, какъ сильно ни возбуждалось всеобщее вниманіе происходящимъ во Франціи, приготовленіями къ возгорающейся войнѣ, это никому не мѣшало заботиться о томъ, какъ бы пріятнѣйшимъ образомъ провести наступающее лѣто. Блудовъ для маленькаго семейства своего нанялъ не весьма большую дачу; а какъ за удобнымъ размѣщеніемъ этого семейства, все еще оставалась одна лишняя комната, то онъ предложилъ мнѣ занять ее, и такъ же, какъ въ 1811 году, раздѣлить съ нимъ лѣтніе веселые досуги.

То, что̀ назвалъ я дачей, былъ одинъ изъ двухъ деревянныхъ, продолговатыхъ, двухъэтажныхъ домовъ, которые на Крестовскомъ островѣ стоятъ близнецами, вблизи стараго, долговѣчнаго трактира и неподалеку отъ большаго перевоза съ Колтовской. Крестовской островъ былъ нѣкогда уединеннѣйшимъ мѣстомъ въ окрестностяхъ Петербурга, далѣе всѣхъ другихъ острововъ выдвинутый во взморье; трехверстное его пространство со всѣхъ сторонъ окружено широкими протоками Невы и покрыто было дремучимъ непроходимымъ лѣсомъ. Съ удаленнѣйшими частями города имѣлъ онъ сообщеніе только посредствомъ лодокъ. Императрица Елисавета Петровна любила вездѣ ставить маленькіе дворцы; построенное тутъ при ней каменное зданіе имѣло форму Андреевскаго креста, да, сверхъ того, сдѣланы были крестообразно двѣ просѣки, одна вдоль, другая поперекъ острова. Увѣряютъ, что это дало ему названіе Крестовскаго; другіе утверждаютъ, что будто какой-то найденный въ немъ деревянный крестъ: хорошенько никто не

знаетъ. Императрица подарила это мѣсто любимцу своему графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому; отъ него перешло оно къ брату и наслѣднику его Кирилу Григорьевичу, у котораго вездѣ были дворцы и загородные дома. Крестовскій островъ былъ совсѣмъ заброшенъ, и при Павлѣ, когда въ Петербургѣ всякій сбывалъ собственность свою за ничто, былъ онъ проданъ за девяносто тысячъ рублей ассигнаціями расчетливой княгинѣ Бѣлосельской, тогда какъ одного лѣса было въ немъ на полмиліона.

Когда, въ началѣ царствованія своего, Александръ полюбилъ Каменный островъ и твердымъ мостомъ соединилъ его съ Крестовскимъ, тогда вся эта сторона ожила. Мужъ княгини Бѣлосельской, человѣкъ со вкусомъ образованнымъ, хотя довольно страннымъ, поселившись на островѣ, имъ принадлежащемъ, исправилъ и украсилъ домъ и развелъ подлѣ него садъ. Онъ поселилъ нѣсколько крестьянъ противъ Елагина острова, и уголъ между Каменнымъ и Аптекарскимъ очистивъ отъ лѣса, построилъ на немъ увеселительныя приманки, качели и горы, и уже въ 1802 году Французъ Торси, во Французскихъ стихахъ, воспѣлъ это мѣсто подъ именемъ Жоли-Кантона. Лучшее общество сперва мало посѣщало еще сію прогулку, за то деревенька противъ Елагина съ нововыстроеннымъ трактиромъ сдѣлалась вожделѣннымъ мѣстомъ для Нѣмцевъ и особенно для молодыхъ Нѣмокъ: наканунѣ каждаго лѣтняго воскреснаго дня уже все твердили онѣ про Крештовски. Тамъ, въ трактирной залѣ, можно было найдти тогда то, что̀ на провинціальныхъ балахъ, а можетъ быть и на нѣкоторыхъ Петербургскихъ, сдѣлалось нынѣ такъ обыкновенно: табачный дымъ столбомъ и посреди его неутомимую пляску. Когда графъ Строгановъ скончался, въ концѣ 1811 года, дача его покрылась трауромъ, звуки музыки умолкли на ней, открытое мѣсто на Крестовскомъ сдѣлалось средоточіемъ веселостей для всѣхъ окрестныхъ, знатныхъ и незнатныхъ, островитянъ, и княгиня Бѣлосельская, уже вдовствующая, всѣми признана за Lady des Isles. Вокругъ новаго гулянья построила она нѣсколько домовъ, и въ одномъ изъ нихъ, по милости Блудова, пришлось мнѣ провести это лѣто.

Житье мнѣ было славное: общество самое для меня пріятное, квартира, столъ,—все даромъ; только это продолжалось недолго. Супруга Блудова была вновь беременна, и не знаю почему, не хотѣла родить на дачѣ. Въ половинѣ Іюля хозяева мои вдругъ переѣхали въ городъ, а я остался и изъ гостя превратился въ хозяина, только безъ хозяйства, ибо некогда и не для чего было мнѣ имъ заводиться. По близости отъ меня находился трактиръ, но въ цѣломъ Петербургѣ

нигдѣ нельзя было найдти кушанья хуже и дороже. Бѣдѣ этой помогли сосѣди, и я опять долженъ сдѣлаться портретистомъ.

Рядомъ съ нами, домъ совершенно нашему подобный занималъ одинъ прелюбезнѣйшій молодой человѣкъ; живши, такъ сказать, объ стѣну, какъ было не познакомиться съ нимъ? Въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ, графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій былъ уже вдовъ; отецъ его, вельможный панъ при дворѣ Екатерины, имѣлъ знатный чинъ и былъ женатъ на богатой наслѣдницѣ, единственной дочери оберъ-гофмейстерины, графини Анны Алексѣевны Матюшкиной; отъ того-то сосѣдъ нашъ Віельгорскій по вѣрѣ и по сердцу принадлежалъ Россіи. При первой встрѣчѣ поразилъ меня магнетизмъ его глазъ. Съ лицомъ бѣлымъ и румянымъ, онъ только-что былъ не дуренъ собою; но необычайный блескъ его взоровъ, какъ бы разливаясь по чертамъ его, дѣлалъ его почти красавцемъ. Двойное происхожденіе его, двойная природа образовали изъ него человѣка весьма примѣчательнаго. Въ немъ было пропасть ума, но съ недостатками обоихъ народовъ: Польская живость всегда ослабляема была въ немъ лѣностію, безпечностію совершенно Русскими, неосмотрительность Польская умѣряема Русскимъ здравомысліемъ; вся же эта смѣсь была прелесть. Какими талантами не надарила его природа? Конечно, они не безполезны были собственно ему; но они такого рода, что могли бы еще съ большею пользой посвящены быть государству. Родись онъ безъ состоянія, безъ извѣстнаго имени, изъ него бы вышелъ славный министръ, или извѣстный писатель, или знаменитый композиторъ музыки. Чтò дѣлать! Можно довольствоваться и тѣмъ, чтò есть. Слабости его, пороки даже, милы; достоинства его внушаютъ къ нему общую любовь и уваженіе: ни непріязненнаго, ни обиднаго чувства никогда ни въ одномъ человѣкѣ онъ не возбуждалъ.

Разъ въ недѣлю обѣдали у него знакомые; по сосѣдству онъ и меня пригласилъ и, разумѣется, я не отказался. Посѣтители его были все люди степенные, довольно образованные, но совсѣмъ не любезные и не блистательные. Людьми учеными или дѣловыми ихъ опять нельзя было назвать, хотя разговоръ ихъ былъ дѣльный, съ примѣсью, однакоже, нѣкоторыхъ изреченій, мнѣ вовсе непонятныхъ. Моложе ихъ всѣхъ, графъ Віельгорскій хотѣлъ быть между ими, какъ старшій между равными; это было невозможно: разстояніе было слишкомъ велико, и я скорѣе видѣлъ въ немъ маленькаго Нѣмецкаго владѣтельнаго князя, отмѣнно снисходительнаго къ приближеннымъ своимъ подданнымъ. Мнѣ было совсѣмъ неловко среди сихъ людей, между собою чрезвычайно согласныхъ, и коихъ присутствіе мое какъ будто тяготило; еслибы не любезность хозяина и славный его обѣдъ, я бы прекратилъ свои по-

сѣщенія. Къ повторенію ихъ побуждало меня и любопытство. Загадка сія вскорѣ для меня разрѣшилась. Віельгорскій былъ главою одного тайнаго общества, до того безвреднаго, до того неопаснаго для государства, что въ послѣдствіи и я не убоялся принадлежать къ нему. Лишившись родителей своихъ въ ребячествѣ, онъ слишкомъ рано пользовался независимостію; къ сожалѣнію, никѣмъ не руководимый, его пылкій, испытующій умъ требовалъ пищи, и онъ попалъ на такую, которая для него была вовсе не подкрѣпительна.

На Каменномъ острову, съ Крестовскаго перейдя мостъ, былъ у меня другой обѣдъ. Не помню, сказалъ ли я гдѣ-нибудь, что у матери моей была сестра Елисавета Петровна Тухачевская, нѣсколькими годами ея старѣе, которой имѣніе, равно как и собственное, умѣлъ промотать въ уѣздномъ городѣ Ломовѣ мужъ ея, Сергѣй Семеновичъ. Во вдовствѣ и въ бѣдности, спокойно и весело доживала она вѣкъ у меньшей сестры, матери моей. Старшій сынъ ея, Николай Сергѣевичъ, былъ человѣкъ съ высокими притязаніями и низкими пороками, слѣдствіями дурнаго воспитанія и страсти къ забавамъ и роскоши. Счастіе долго улыбалось ему; онъ избранъ былъ опекуномъ груднаго ребенка, роднаго племянника и однофамильца жены своей, Надежды Александровны, урожденной Кирѣевской, у котораго было болѣе пяти тысячъ душъ крестьянъ. Когда мальчикъ осиротѣлъ, у него не было ни одной копѣйки долгу; когда же вступилъ въ совершеннолѣтіе, оказалось его до трехъ сотъ тысячъ рублей; изъ сего можно видѣть, какъ роскошно и расточительно жилъ его попечитель *). На счетъ малолѣтнаго Кирѣевскаго супруга его воспитывала дѣтей своихъ. Она была женщина предобрѣйшая; страсть ко всему Французскому была единственно ея смѣшная, слабая сторона. Она обожала Лизаньку, дочь свою, которая была мила какъ ангелъ; но ее начинила она своими заблужденіями, съ помощію мамзелей сдѣлала ее сентиментальною, романическою, и когда маленькой мечтательницѣ едва исполнилось шестнадцать лѣтъ, выдала ее за миліонера, жирнаго, здороваго купца Кусова. Еслибы она искала ея погибели, то лучше бы сдѣлать не могла.

Старикъ Иванъ Васильевичъ Кусовъ торговалъ долго, честно, неутомимо и счастливо, и дѣйствительно могъ почитаться Крезомъ. Но потомство его было безчисленное; этого не разочли мои Тухачевскіе. Бѣдная дочь ихъ попала въ семейство, гдѣ ни она никого, ни ея никто не понималъ и, можетъ быть, менѣе всѣхъ мужъ ея, Николай Ивано-

---

*) Сдавши опеку, онъ не зналъ, чѣмъ жить и для того пошелъ опять въ службу, хотя былъ уже не въ молодыхъ лѣтахъ. Ему и тутъ посчастливилось. Онъ получилъ мѣсто губернатора сперва Архангелогородскаго, потомъ Тульскаго, полѣзъ было въ гору, но съ нея упалъ подъ судъ; не оправданный и не прощеный онъ умеръ съ горя.

вичъ, котораго смѣшило слово чувствительность. Жаловаться ни на что не могла она: никто не обижалъ ея, всѣ тѣшили, дарили бархатами и камками, жемчугами и алмазами, кормили на убой. А она все скучала, ныла, сердце ея еще не знало любви; но въ головѣ у нея былъ идеалъ, который могъ осуществить всякій скорѣе чѣмъ мужъ ея. Свекру ея на Каменномъ острову принадлежала земля, которую обстроилъ онъ, когда Царь въ первый разъ поселился тутъ на лѣто. Александръ весьма искусно умѣлъ соединять величіе съ простотой. Онъ не посѣщалъ первыхъ вельможъ своихъ, оставляя между ними и собою почтительное пространство, которое никто не смѣлъ перешагнуть. За то охотно заѣзжалъ онъ иногда къ нѣкоторымъ купцамъ: разстояніе было слишкомъ велико, чтобы мысль о какомъ-либо равенствѣ могла придти имъ въ голову. Почитая себя Каменностровскимъ помѣщикомъ, онъ видѣлъ въ Кусовѣ фермера своего, у котораго старшій сынъ женатъ былъ на красивой Англичанкѣ. Она скоро умерла, но знакомства съ симъ домомъ Государь не хотѣлъ прекратить. Иногда приходило ему въ голову послать къ Кусову сказать, что онъ будетъ къ нему запросто обѣдать: слуги не входили въ столовую, Государь сидѣлъ съ одпѣми женщинами, женой, невѣстками и дочерьми хозяина, который стоялъ за его стуломъ, а зятья и сыновья подавали кушанья и перемѣняли тарелки. Эта простота нравилась Царю, и безъ всякаго тайнаго умысла онъ дѣлался веселъ и любезенъ. Очень рѣдко семейство сіе бывало счастливо его присутствіемъ, когда молодая родственница моя вступила въ него. Никакого особаго вниманія не обращалъ онъ на нее; но видъ человѣка, повелѣвающаго миліонами людей, еще молодаго, прекраснаго, ласковаго произвелъ на нее неизгладимое впечатлѣніе. Окружающее еще болѣе ей опротивѣло, и она втайнѣ лелѣяла мечту свою. Смотря на ея тихую грусть, Кусовы спрашивали у себя: чего недостаетъ ей? Развѣ птичьяго молока. Любовь, особенно безнадежная, рано или поздно всегда даетъ себя угадывать.

По причинѣ этого дальняго родства, лѣтъ пять уже какъ узналъ я Кусовыхъ и ихъ богатое житье, но видѣлъ ихъ очень рѣдко; потому что мнѣ казалось у нихъ скучно, и жили они далеко отъ середины города, въ огромномъ домѣ у Тучкова моста. Старикъ возсѣдалъ съ женой всегда на первомъ мѣстѣ за длиннымъ столомъ, по бокамъ коего два поколѣнія, отъ него происшедшія, перемѣшаны были съ гостями, между коими находились и довольно чиновные. Съ дворянскими понятіями моими, или пожалуй предразсудками, я находилъ, что купцу не довлѣетъ такъ высоко держать себя, забывая, что богатство, а еще болѣе царскія посѣщенія во всякія лѣта могутъ кружить головы.

Старикъ былъ не говорливъ и слишкомъ невнимателенъ къ гостямъ своимъ; онъ былъ правъ: ихъ привлекали къ нему его жирные обѣды. Отъ трехъ женъ сколько имѣлъ онъ дѣтей обоего пола, этого перечесть не могъ бы я и въ тогдашнее время; помню только, что между ими были сорокапятилѣтнія и пятилѣтнія. Желая пріятнымъ образомъ польстить ему, нѣкоторые изъ посѣтителей называли его патріархомъ; мнѣ же напоминалъ онъ собою старинную оперу Федулъ съ дѣтьми. Не подозрѣвая даже никакой потаенной страсти въ кузинѣ своей, я одинъ понялъ положеніе ея и душевно скорбѣлъ о ней, и когда всѣ другіе видѣли въ ней причудницу, я про себя называлъ ее Бѣдною Лизой. Участіе, прочитанное ею въ глазахъ моихъ, сдружило насъ. Хорошенькая эта женщина, съ нѣжными чувствами, съ умомъ и знаніемъ приличій, могла бы украсить собою всякій аристократическій кругъ. Во время отсутствія моего изъ Петербурга, она съ каждымъ мѣсяцемъ болѣе дичала, уединялась и, наконецъ, получила дозволеніе являться только по праздникамъ къ общему столу; она страдала нервическими припадками и обѣдала одна у себя въ комнатѣ. По возвращеніи моемъ, зимой, не могъ я часто съ нею видѣться; а тутъ, въ столь близкомъ сосѣдствѣ, по возможности старался я развлекать, развеселять ее; иногда въ томъ и успѣвалъ. Я съ собою вносилъ къ ней нѣкоторую отраду, и мы довольно часто обѣдали вдвоемъ, не видя противныхъ ей и мнѣ не совсѣмъ пріятныхъ, широкихъ и раздутыхъ Кусовскихъ лицъ. Въ это время, слава Богу, особенно между среднимъ состояніемъ, дальнее родство почиталось еще наравнѣ съ близкимъ; любовная связь между родными была бы непонятный грѣхъ, которому православные не захотѣли бы повѣрить, и потому-то наша пріязнь въ глазахъ самого Бога, какъ и въ глазахъ человѣковъ, не имѣла ничего предосудительнаго. О несчастной и постыдной развязкѣ этого супружества да позволено мнѣ будетъ здѣсь ничего не говорить.

Предшествовавшею зимой познакомился я вновь съ Прасковьей Ивановной и Петромъ Васильевичемъ Мятлевыми. Родители, единственный братъ и обѣ сестры Прасковьи Ивановны одинъ за другимъ отошли въ вѣчность, и все Салтыковское имѣніе досталось ей по наслѣдству. Сдѣлать домъ свой почтеннымъ и веселымъ вмѣстѣ никто лучше ея не умѣлъ. Страсть ея къ домашнимъ театральнымъ представленіямъ не уменьшилась лѣтами, и въ одной изъ длинныхъ залъ Салтыковскаго дома, на большой набережной, воздвигла она сцену, на которой въ эту зиму нѣсколько разъ играли Французскія піесы. Я учтиво отклонился отъ участія въ сихъ представленіяхъ, но не могъ отказаться отъ другаго, нѣсколько на то похожаго. У покойной фельдмаршальши Салтыковой была двоюродная сестра, Наталья Михайловна Строгонова,

которую Мятлева уважала какъ родную тетку; и кто же не уважалъ эту святую женщину, примѣръ всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей? Надобно точно думать, что Небо испытуетъ своихъ избранныхъ, насылая имъ смертельныя горести. Оставшись въ молодости вдовой, имѣла она одного только сына, барона Александра Сергѣевича, коего нѣжностію была она счаслива, коего жизнію она дышала. Онъ былъ весьма не глупъ, и добръ, и милъ, и умѣлъ хорошо воспользоваться даннымъ ему аристократическимъ тогдашнимъ воспитаніемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ онъ весьма деликатнаго сложенія, чрезвычайно женоподобенъ, и отъ того въ обществѣ получилъ прозваніе барончика. Это еще идетъ къ первой молодости, но когда онъ достигъ тридцати лѣтъ и былъ гофмейстеромъ при дворѣ, то инымъ казался нѣсколько смѣшонъ. Грозная судьба, вскорѣ его постигшая, заставила умолкнуть смѣющихся. Годъ отъ году сталъ онъ болѣе страдать и сохнуть: сперва лишился употребленія рукъ, потомъ ногъ, наконецъ и зрѣнія, и въ семъ ужасномъ положеніи прожилъ нѣсколько лѣтъ. Всѣ родные по возможности старались облегчать ему тягость такого существованія. Когда наступилъ постъ и даже дома нельзя было играть на театрѣ, госпожа Мятлева изобрѣла для него новаго рода спектакль; зрѣлищемъ еще менѣе назвать можно то, что̀ придумано было для слѣпаго. Вокругъ большаго стола садились родные и знакомые, имѣя каждый передъ собою по экземпляру трагедіи или комедіи, которую въ тотъ вечеръ читать собирались; всякій старался голосу своему дать то выраженіе, котораго требовала его роля; бѣднаго слѣпца это забавляло: онъ могъ почитать себя въ театрѣ. Я зналъ тогда хорошо одну только старую Французскую классическую литературу, особенно драматическую ея часть, и любилъ о томъ потолковать: это побудило Мятлевыхъ предложить мнѣ доброе дѣло, быть въ числѣ сихъ чтецовъ-актеровъ и, получивъ мое согласіе, они поспѣшили предувѣдомить Строгоновыхъ о моемъ посѣщеніи.

Состраданіе къ безнадежному состоянію хозяина пріязненно расположило меня къ нему. Онъ былъ лѣтъ сорока пяти отъ роду, но весь сѣдой и казался семидесяти; странно было въ старцѣ находить рѣчи и манеры молодой придворной женщины. Онъ много путешествовалъ, все помнилъ, и я находилъ разговоръ его и пріятнымъ, и занимательнымъ. Тогда свѣтскіе люди старались быть лишь вѣжливы, любезны, остроумны, не думали изумлять глубокомысліемъ, которое и въ малолюдныхъ собраніяхъ не совсѣмъ было терпимо. Съ запасомъ дерзости и отвлеченностей (абстракцій, какъ говорятъ нынѣшніе писатели), съ которыми нынѣ въ обществахъ являются и проповѣдуютъ часто невѣжды и глупцы, тогда нельзя было показываться.

Строгоновъ находилъ, что у меня голосъ привлекательный, съ удовольствіемъ слушалъ меня, и эта маленькая лесть, а можетъ быть искренняя похвала, понравились мнѣ. Мы другъ друга очень полюбили.

Сіе семейство, изъ двухъ лицъ состоящее, переѣхало также на Крестовскій островъ въ небольшой павильйонъ, построенный самимъ причудливымъ княземъ Александромъ Михайловичемъ Бѣлосельскимъ, братомъ Натальи Михайловны, котораго тогда уже на свѣтѣ не было. Это малое зданіе находилось и теперь находится на самомъ гуляньѣ, по берегу рѣки, и слѣдственно саженяхъ во ста отъ нашего жительства. Сосѣдство людей хорошо расположенныхъ другъ къ другу еще болѣе сближаетъ въ чувствахъ. Не знаю, какъ узнали они, мать и сынъ, что я, лишившись Блудова, лишился и дневнаго пропитанія, и вслѣдствіе того предложили мнѣ не только всякій день обѣдать у нихъ, но когда почувствую лѣнь или болѣзнь, то присылать къ нимъ на кухню требовать что̀ мнѣ угодно. Симъ послѣднимъ предложеніемъ, весьма заманчивымъ, мнѣ ни разу не случилось воспользоваться.

Лѣтомъ Петербургская знать разсыпается по окрестностямъ столицы. Многіе однакоже вблизи живущіе посѣщали этотъ домъ; чаще всѣхъ невѣстка баронессы Строгоновой, вдова Бѣлосельскаго княгиня Анна Григорьевна. Спѣсивое родство видѣло въ этомъ союзѣ неровный бракъ, мезалліансъ, ибо на Русскомъ языкѣ для того слова еще не существуетъ. А между тѣмъ предки отца ея, любимаго статсъ-секретаря Екатерины, умнѣйшаго и просвѣщеннѣйшаго человѣка своего времени, Козицкіе, Руссо-украинскаго происхожденія, долго извѣстны были на Волыни своими богатыми владѣніями, и одна изъ нихъ, яже во святыхъ, Параскевія, была основательницею Почаевскаго монастыря. Но за то мать ея, тоже преумнѣйшая женщина, имѣла несчастіе наслѣдовать миліонамъ дяди своего, купца Твердышова. Богатство родителей съ меньшою сестрой раздѣлила Бѣлосельская пополамъ; но весь умъ ихъ ей одной уступила она. Встрѣчая меня часто, она не лично меня пригласила, а поручила баронессѣ объявить мнѣ, что въ назначенные дни, разъ въ недѣлю, могу я обѣдать у нея въ за̀мкѣ. Такого рода приглашеніе столь же мало полюбилось мнѣ какъ и особа ея. Никакой пользы не видѣлъ я тогда въ этомъ знакомствѣ; она каза̀лась мнѣ такъ скучна, такъ чванно пришепетывала, что я было отказался; но почтенная старуха сказала мнѣ, что ей сдѣлаю я тѣмъ удовольствіе. И какъ вассалъ у сюзереньши своей, и то не иначе какъ вмѣстѣ съ Строгоновыми, раза два обѣдалъ я у этой владѣтельной княгини. До конца Августа, всего только недѣль шесть, оставался я одинъ на Крестовскомъ, и слѣдственно недолго пожилъ на чужой счетъ.

Осень разлучила меня съ моими обѣдодавцами; и не одна осень, а съ иными и смерть. Наканунѣ переѣзда моего въ городъ обѣдалъ я у Бѣлосельской; въ послѣдній разъ, сидя за столомъ, Строгоновъ смѣялся, былъ веселъ; къ вечеру, кресла его поставили на носилки, и слуги понесли его домой; одинъ изъ нихъ поскользнулся и упалъ. Отъ этого паденія расшибся и бѣдный слѣпецъ: потрясеніе его полуразрушеннаго состава было слишкомъ сильно, чтобъ онъ могъ его перенести; черезъ двѣ недѣли прекратились его земныя страданія; уповаю, что незлобіе его души и молитвы матери спасли его и отъ вѣчныхъ. Наслѣдникъ его, двоюродный братъ, Григорій Александровичъ Строгоновъ, предоставилъ его матери пожизненное владѣніе имѣніемъ его; она недолго пользовалась симъ благороднымъ поступкомъ племянника. Зимой раза три я посѣтилъ ее и увидѣлъ, какую твердость можетъ дать вѣра; печаль ея была тиха и спокойна, и даже въ глазахъ ея можно было прочитать надежду на скорое свиданіе; она не обманула ея, ибо не болѣе четырехъ мѣсяцевъ прожила она безъ сына. Къ Бѣлосельской я съ тѣхъ поръ ногой не ступалъ; она меня не узнавала, и при встрѣчахъ съ нею я не находилъ надобности кланяться ей. Любезную мою Кусову мнѣ нельзя было покинуть, и хотя изрѣдка, но я посѣщалъ уединеніе ея.

Въ городѣ графъ Віельгорскій тогда почти никого не принималъ. Онъ былъ женатъ на принцессѣ Биронъ и овдовѣлъ, какъ сказалъ я выше. Потерявъ жену, единственное утѣшеніе находилъ онъ въ единственной сестрѣ ея Луизѣ и всей душой привязался къ ней. Не знаю почему, религія наша, къ которой онъ принадлежалъ, допуская супружество между единокровными не въ дальнихъ степеняхъ, воспрещаетъ его между тѣми, кои по крови другъ другу совершенно чужды. Второй бракъ его, не будучи одобренъ дворомъ, равномѣрно не былъ признанъ и обществомъ, и молодая чета нѣсколько лѣтъ должна была уединяться. Но этотъ бракъ, видно, не противенъ былъ Небу: ибо семейство, отъ нея происшедшее, по всей справедливости всѣми почитается благословеннымъ.

Иные могутъ подумать, что это лѣто, ведя жизнь праздную, хотя и не безпечную (ибо долженъ былъ пещись о прокормленіи своемъ), я мало заботился о важномъ вопросѣ, разрѣшающемся на Западѣ, быть или не быть Наполеону? Напрасно. Сей вопросъ весьма занималъ меня, но, признаюсь, по какому-то предчувствію мало безпокоилъ. Отрѣзанный отъ своего прошедшаго ссылкой на Эльбу, Наполеонъ казался другимъ человѣкомъ, даже въ самой Франціи Очарованіе исчезло; сосудъ, избранный Провидѣніемъ, ударившись о земь, расшибся; склеенный и подъятый вновь, онъ потерялъ большую часть цѣны сво-

ей въ глазахъ народовъ. Какъ утопающій хватается за гнилой сукъ дерева, такъ онъ прибѣгнулъ къ орудію, употребленному противъ него вѣнчанными его противниками: онъ заговорилъ о свободѣ. Онъ созвалъ новыя камеры. Изъ глубины общества, изъ окровавленной грязи его, въ которую онъ умѣлъ его вдавить, показался опять якобинизмъ, во всемъ ужасномъ безобразіи своемъ, и возсѣлъ между новыми законодателями. Казалось, что правительственная власть вся въ рукахъ ихъ; а онъ, участвующій только въ ней, главный полководецъ. За то всѣ старые усачи, всѣ старые брюзги, гроньяры его, какъ онъ называлъ ихъ, съ восторгомъ собрались подъ вновь подъятымъ знаменемъ его, залогомъ для нихъ будущихъ побѣдъ; съ досадою косились они на жестокосердыхъ и неутомимыхъ болтуновъ, которые многорѣчіемъ и часто пустословіемъ своимъ надѣялись уничтожить и замѣнить какъ права, освященныя религіей и древностію, такъ и новѣйшія права, пріобрѣтенныя славою. Нельзя было не замѣтить обмана съ обѣихъ сторонъ; но разсчетъ Наполеона бытъ вѣрнѣе: побѣдивъ непріятелей, могъ онъ легко обратить оружіе на горсть непокорныхъ подданныхъ, осадить ихъ, связать нескромные ихъ языки. А они чего могли ожидать? Въ случаѣ новаго паденія Наполеона и они неизбѣжно должны были убраться въ нечистыя норы свои. Но много ли есть Французовъ, которые размышляютъ о послѣдствіяхъ предпринимаемаго ими даже въ случаѣ успѣха? Двѣ трети изъ нихъ спѣшатъ воспользоваться настоящимъ: courte, mais bonne, «на часъ, да въ скачъ». Первый, лучшій изъ ихъ ораторовъ, Бенжаменъ Констанъ, тому обрадовался тогда, что можетъ разъѣзжать въ каретѣ. Сими господами составленъ наскоро такъ называемый дополнительный актъ, и сію конституцію топорной работы торжественно принялъ бѣдный Наполеонъ на Майскомъ полѣ, гдѣ въ послѣдній разъ воспользовался онъ уроками наставника своего въ царскомъ величіи, актера Тальма.

Съ Майскаго поля, на которомъ былъ онъ какъ не свой, поспѣшилъ онъ на другое, ему столь знакомое, на которомъ наконецъ могъ онъ свободно вздохнуть. Среди шумнаго стана воспрянулъ опять упадшій духъ его, пробудился его геній, запылалъ прежнимъ огнемъ его всевидящій взглядъ. Но все это похоже было только на эпилогъ великой поэмы, писанной потоками крови человѣческой, распѣтой пушечными громами.

Едва успѣли мы узнать въ Петербургѣ о выступленіи его въ походъ, какъ получили извѣстіе о рѣшительномъ, окончательномъ его пораженіи. Въ одинъ Іюньскій вечеръ пріѣхалъ къ Строгоновымъ посланникъ маленькаго возстановленнаго Сардинскаго королевства, графъ Іосифъ Местръ, еще болѣе папистъ, чѣмъ легитимистъ, равносильно

ненавидящій, и безбожниковъ Французовъ, и схизматиковъ Русскихъ. Объ немъ говорю я уже не въ первый разъ. Онъ вошелъ съ видомъ вдохновеннымъ, пророческимъ; помолчавъ съ минуту и вперивъ взоръ свой въ потолокъ, возвѣстилъ онъ обществу, что демонъ палъ, ниспровергнутъ, истребленъ и что два еретика, Веллингтонъ и Блюхеръ, были исполнителями неисповѣдимой небесной воли. Нѣкоторыя подробности не совсѣмъ точныя, не совсѣмъ ясныя, увѣрили насъ однакоже въ истинѣ имъ объявляемаго. Онъ назвалъ только Бель-Алліансъ, и въ семъ имени уже увидѣли мы счастливое знаменованіе. Нѣсколько дней прошло, и міру прогремѣвшее имя Ватерлоо достигло и до слуха нашего. Оно заглушило названія Маренго, Аустерлица, Бородина и Лейпцига; они мало-по-малу слабѣютъ въ памяти человѣческой, когда оно послѣ тридцати лѣтъ все еще раздается по вселенной. Если я позволилъ себѣ двѣнадцатый годъ сравнить съ Троянскою войной, то, конечно, его можно уподобить Фарзалѣ, и если не Гомеръ, то какой-нибудь Луканъ воспоетъ его. Увы! Русскіе не участвовали въ семъ великомъ дѣлѣ: они изъ глубины своей едва поспѣли только къ концу вторичнаго завоеванія Франціи.

Во время этого похода, одно только важное событіе ознаменовало силу Россійскаго оружія, и этой славой обязано отечество генералу Чернышову (послѣ министру, графу и князю), который привыкъ поражать непріятелей неожиданными ударами, который быстро вскакалъ въ Берлинъ и еще быстрѣе и удачнѣе выскочилъ изъ него съ отрядомъ казаковъ, который въ томъ же 1813-мъ году вступилъ съ тріумфомъ въ опустѣвшій городъ Кассель, столицу великаго Вестфальскаго королевства. Онъ донесъ, что взялъ штурмомъ неукрѣпленный городъ Шалонъ на-Марнѣ, не потерявъ ни одного человѣка, не убивъ ни одного непріятеля, и за сей изумительный, неимовѣрный фе-д'армъ, едва по ошибкѣ не получилъ было Александровскую ленту.

Движенія Французской арміи бываютъ всегда чрезвычайно быстры. Ретирадѣ училъ ихъ Моро, но не выучилъ: послѣ неудачи, знаютъ они только побѣгъ. Какъ изъ-подъ Малаго-Ярославца, какъ изъ-подъ Лейпцига, такъ и тутъ, употребляя Малороссійское выраженіе, утекли они. Не переводя духа, Англинская и Прусская арміи пустились за ними въ погоню до самаго Парижа и облегли его. Унялись ли наконецъ въ немъ крикуны? Ни мало; они пуще прежняго начали шумѣть: въ остающіеся имъ не дни, а часы, имъ хотѣлось навраться. Ихъ бодрость въ палатахъ походила на сумасшествіе. Пощады имъ ждать было не отъ кого: Веллингтонъ былъ холоденъ какъ ледъ и гусаръ Блюхеръ казался разъяреннымъ дикимъ звѣремъ, а въ дали, какъ бури, катили Русская и Австрійская арміи. Но и безъ Александра, послѣ него, при-

мѣръ его еще спасительно дѣйствовалъ. Отправляя къ союзнымъ монархамъ депутаціи съ нелѣпыми предложеніями, въ тоже время, вмѣсто того, чтобы участіемъ утѣшить ими же вызваннаго Наполеона, они упояли его оскорбленіями. Сравненіе съ ослами, лягающими въ умирающаго льва, никому такъ не было прилично, какъ имъ. Жалка и гадка была въ это время Франція!

Не замедлилось рѣшеніе участи ея: стодневное правленіе рушилось, и возвратились опять Бурбоны. Въ судѣ царей рѣшенъ и жребій Наполеона, и въ ссылкѣ, и въ утробѣ земли величіе было суждено этому человѣку. Океанъ сдѣлался его темницей, Великобританія—стражемъ, цѣлый островъ—могилой его и памятникомъ. Малодушіе Французовъ, дважды развѣнчавшее его, не оставляющее въ покоѣ ни живыхъ, ни мертвыхъ, для потѣхи своей, лишило его и сей великолѣпной гробницы. Изъ нея возставалъ онъ привидѣніемъ пловцамъ Англіи и минувшими бѣдами еще грозилъ ей самой; она уже натѣшилась его страданіями, прахъ его тяготилъ ее, и она охотно уступила его любезной своей, а еще болѣе покорной, союзницѣ.

Изнуренная длиннымъ и шибкимъ походомъ, Русская армія такъ скоро успѣла выправиться, что подала Александру счастливую мысль пощеголять ею. Лагерь и маневры подъ Вертю стоили выиграннаго сраженія: они равно изумили непріятелей и союзниковъ. Все хорошо на своемъ мѣстѣ, и такая мирная война разъ-два можетъ быть полезна, но, наконецъ, безъ настоящей потеряетъ свое дѣйствіе. Говоря о подвигѣ Чернышова, я было и забылъ сказать, что въ эту войну Русское войско встрѣтило дѣйствительное упражненіе подъ стѣнами Метца, который довольно долго и упорно защищался. Въ сей осадѣ особенно отличился зять мой Алексѣевъ, и доказательствомъ тому служитъ данный ему за то чинъ генералъ-лейтенанта.

Въ день Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста, 14-го Сентября, тайно подписанъ и впослѣдствіи объявленъ былъ религіозный и политическій актъ, столь извѣстный подъ именемъ Священнаго Союза. Сей залогъ мира для правительствъ и народовъ внушенъ былъ Александру любовію къ Богу и человѣчеству, къ неблагодарному человѣчеству, коего обуздывалъ онъ страсти и которое, обругавъ его за то, и понынѣ не перестаетъ поносить безсмертную мысль, его создавшую. Если Александръ, въ древности прозванный Великимъ, мечемъ разсѣкалъ узлы, то Александръ новѣйшихъ временъ любовію умѣлъ ихъ завязывать.

Переговоры съ новымъ или, лучше сказать, съ возобновленнымъ Французскимъ правительствомъ могли быть не иначе какъ продолжительны. Для собственнаго спасенія своего ему надлежало принять са-

мыя тягостныя условія для націи. Не говоря уже о необъятной контрибуціи, которую наложили на нее, недавно еще столь гордая Франція подвергнута величайшимъ изъ уничиженій. Какъ бы малолѣтняя, или развратная, или ума лишенная, поставлена она подъ опеку союза Европейскихъ государей и отдана подъ караулъ. Стопятидесятитысячная армія, подъ начальствомъ Веллингтона, должна была занять ея сѣверо-восточныя провинціи и всѣ крѣпости въ нихъ находящіяся, и на ея же иждивеніи должна была оставаться тутъ три года. Въ ней было четыре корпуса: Австрійскій, Россійскій, Англійскій, Прусскій, да еще пятый, составленный изъ воиновъ другихъ мелкихъ государствъ, въ каждомъ по тридцати тысячъ человѣкъ. Прославившійся въ послѣднюю войну графъ Воронцовъ назначенъ начальникомъ Русскаго корпуса; новый генералъ-лейтенантъ Алексѣевъ, по собственному выбору Государя, въ этотъ корпусъ начальникомъ кавалерійской дивизіи. Братъ мой Павелъ, полковникъ еще безъ полку, былъ очень радъ, что съ огромнымъ содержаніемъ сдѣлали его директоромъ корпусныхъ госпиталей. Итакъ, часть семейства моего, сестра, зять и братъ сдѣлались жителями Франціи, чего имъ прежде и во снѣ не грезилось.

Послѣ Наполеона Европа, какъ будто, Александру была приказана. Множество разнообразныхъ заботъ, распоряженій всю осень удержали его въ Парижѣ, и онъ только зимой могъ воротиться къ намъ.

XIII.

Въ это гремучее время поэзія у насъ не умолкала: ея голосъ иногда громко раздавался, и воины, равно какъ и граждане, съ восторгомъ внимали ему. Жуковскій, Вяземскій, Батюшковъ, Шаховской и многіе другіе литераторы и стихотворцы вступили въ дружины и ополчились на враговъ отечества. Но только первый изъ нихъ, *пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ*, какъ они назвали его, и какъ самъ онъ назвалъ прекрасное стихотвореніе свое, былъ счастливо вдохновенъ ужаснымъ и новымъ для него зрѣлищемъ.

Всѣ журналы гласили только о военныхъ или политическихъ происшествіяхъ. На сценѣ ничего не показывалось новаго, кромѣ небольшихъ патріотическихъ піесъ, приноровленныхъ къ настоящимъ обстоятельствамъ. Изъ-подъ пера славнаго баснописца нашего, Крылова, выходили басни, также къ сему предмету относящіяся. Въ одной изъ нихъ ворона попадаетъ къ Французамъ въ супъ, въ другой ловчій Кутузовъ говоритъ волку Наполеону: «ты сѣръ, а я, братъ, сѣдъ, и волчью вашу я натуру знаю».

Когда же, послѣ взятія Парижа, Александръ возвратился въ Петербургъ, тогда вся восхищенная имъ толпа поэтовъ, въ честь и хвалу его, возвысила свои искренніе, не купленные голоса. Посланіе свое къ нему Жуковскій начиналъ сими словами:

Когда летящіе отвсюду шумны клики,
Въ одинъ сливаясь гласъ, къ тебѣ зовутъ великій..

Когда раздался всеобщій сей безподобный, трогательный гимнъ, то въ немъ различить можно было и умирающіе звуки лиры Державина, и нѣжный, но уже сильный голосъ еще ребенка-Пушкина, который посвятилъ ему первые плоды чуднаго своего таланта. Крыловъ нашелъ средство въ маленькой, премилой баснѣ, *Чижъ и Ежъ*, также воспѣть ему хвалу. Все напоминало первые дни его царствованія; сердца Русскихъ, казалось, еще сильнѣе пылали къ нему, но онъ былъ уже не тотъ.

Пока продолжался Вѣнскій конгрессъ, внутри Россіи, такъ же какъ и въ Петербургѣ начали забывать и прошедшее горе, и минувшую радость; всякій помаленьку сталъ приниматься за прежнее дѣло, и сочинители стали попрежнему пописывать и слегка перебраниваться.

Бесѣда открыла вновь свои торжественныя засѣданія, но они становились все рѣже и совсѣмъ потеряли великое значеніе, которое имѣли до войны. Разъ вздумалось намъ съ Блудовымъ (помнится, въ Ноябрѣ 1814 года) изъ любопытства отвѣдать ихъ препрославленной скуки и, можно сказать, были ею пресыщены. Ни забавнаго, веселаго и остроумнаго, ни глубокомысленнаго или ученаго ничего мы не слыхали, а все что-то такое, о чемъ бы не стоило говорить. Не одною скукою были мы жестоко наказаны за сію не совсѣмъ благопріязненную попытку. Блудовъ отослалъ домой карету и слугу; они еще не воротились, когда кончилось чтеніе; свѣтъ началъ гаснуть въ залѣ, и она скоро закрылась. Намъ пришлось оставаться въ передней между лакеями, ибо въ гостиную къ Державину, куда переселились чтецы и слушатели, одному незнакомому, а другому извѣстному противнику *Бесѣды* и Шишкова, явиться было неприлично. Мы предпочли въ однихъ фракахъ идти пѣшкомъ вдоль по Фонтанкѣ, при сильномъ холодномъ вѣтрѣ, и осыпаемые мелкимъ снѣгомъ. Скоро встрѣтилась намъ карета, мы сѣли въ нее и, только согрѣвшись, нашли, что случившееся съ нами довольно забавно. Впослѣдствіи Блудовъ весьма искусно помѣстилъ сіе происшествіе въ одномъ шуточномъ произведеніи своемъ.

Во время продолжительнаго отсутствія моего изъ Петербурга произошла въ немъ перемѣна, не смотря на мой патріотизмъ, для меня

весьма непріятная. Французскій театръ для холостыхъ, для молодыхъ людей, большой свѣтъ мало посѣщающихъ, былъ усладительнымъ препровожденіемъ времени. Въ 1812 году, по мѣрѣ какъ Французскія войска приближались къ Москвѣ, началъ онъ пустѣть и наконецъ всѣми брошенъ. Государь, который никогда не былъ охотникъ до театральныхъ зрѣлищъ, симъ воспользовался, чтобы велѣть его закрыть и разсчитаться съ актерами, которые почти всѣ одинъ за другимъ черезъ Швецію уѣхали *). Публика лишилась плѣнительныхъ Филисъ и Жоржъ, сперва повидимому мало о томъ жалѣла, а наконецъ и совсѣмъ ихъ забыла. Для меня же безъ нихъ Петербургъ потерялъ болѣе половины своей прелести.

Нѣмецкій театръ замѣнить его не могъ. Онъ, точно такъ же какъ до упраздненія Французскаго, какъ и послѣ него, такъ же какъ и понынѣ существуетъ для особаго міра. Не смотря на предпочтеніе, данное впослѣдствіи духу Германской литературы предъ другими, даже Нѣмцы лучшаго тона никогда не посѣщаютъ его. Онъ остался вечернею отрадой всего своекорыстнаго и трудящагося у насъ Нѣмецкаго населенія. Пасторы, аптекари, профессоры и медики занимаютъ въ немъ кресла; семейства ихъ—ложи всѣхъ ярусовъ; булочники, портные, сапожники—партеръ; подмастерья ихъ, вѣроятно, раекъ.

Итакъ, для общей забавы оставалась одна только Русская труппа, и надобно признаться, она умѣла воспользоваться присутствіемъ Французской, а еще болѣе отсутствіемъ ея. Русскій народъ переимчивъ: наши актеры, насмотрѣвшись на Французовъ, первыхъ актеровъ въ мірѣ, всѣми силами старались замѣнить ихъ, и начали прилежно изучать всѣ тонкости художества своего, когда предстали предъ лучшею публикой. Созрѣвшій талантъ Семеновой изумлялъ и очаровывалъ даже тѣхъ, которые не понимали Русскаго языка; до того черствые стихи Хвостова и другихъ въ устахъ ея дѣлались мягки и пріятны. Она заимствовала у Жоржъ поступь, голосъ и манеры, но такъ же какъ Жуковскій, можно сказать, творила подражая. Въ комедіи и оперѣ показалось нѣсколько примѣчательныхъ молодыхъ артистовъ; но какъ они долго оставались на сценѣ, то надѣюсь найти случай въ другомъ мѣстѣ поговорить о нихъ.

Мода на трагедіи какъ будто прошла. Новыхъ комедій тоже что-то не было. Ополчившемуся Шаховскому сперва не до того было; но онъ уже замышлялъ вступить въ новый бой, ему болѣе свойственный, а покамѣстъ новымъ, маленькимъ твореніемъ потѣшилъ публику. Его

*) Какъ времена мѣняются! Нынѣ высшій кругъ, совсѣмъ объевропеившійся, такую справедливую мѣру не могъ бы простить правительству.

Казакъ Стихотворецъ очень милый малый и особенно примѣчателенъ тѣмъ, что первый выступилъ на сцену подъ настоящимъ именемъ водевиля. Отъ него потянулась эта нескончаемая цѣпь сихъ легкихъ произведеній, которыхъ нынѣ по три и по четыре ежедневно появляется на сценѣ. Въ первые годы появленіе каждаго изъ нихъ было происшествіемъ для любителей театра. Оперы почти всѣ попрежнему были переводныя съ Французскаго; опасаясь сравненія, преимущественно играли тѣ, кои гвардія вновь привезла съ собою изъ Парижа,—*Жана Парижскаго*, *Жаконду*, именно тѣ, въ коихъ зрители не видали Филисъ.

Въ 1815 году, откуда ни возьмись, показался новый комикъ, который въ произведеніяхъ своихъ сдѣлался извѣстенъ не на одномъ драматическомъ поприщѣ. Мнѣ былъ онъ давно знакомъ, равно и тѣмъ, кои съ нѣкоторымъ вниманіемъ прочтутъ меня. Никто не подозрѣвалъ въ родственникѣ моемъ, Михаилѣ Николаевичѣ Загоскинѣ, тѣхъ рѣдкихъ способностей, которыя труды и время развили въ немъ, а я, можетъ быть, менѣе чѣмъ кто другой. Отецъ его, почтенный чудакъ, исполненъ былъ религіознаго духа и любознательности, жилъ всегда въ деревнѣ и на ярмаркахъ запасался всякаго рода книгами, выходящими на Русскомъ языкѣ; ихъ давалъ онъ читать сыновьямъ своимъ. У старшаго было чрезвычайно много живости въ крови и мыслей въ головѣ; къ тому же съ ребячества имѣлъ онъ любовь (которую назову я страстною) къ истинѣ и справедливости и какой-то свой особенный, но не менѣе того вѣрный и ясный взглядъ на людей и ихъ недостатки. Однимъ словомъ, въ немъ воображеніе сочеталось съ разсудкомъ, а изъ чего же составляется умъ? Проведя отрочество въ деревнѣ и первую молодость въ среднемъ тогдашнемъ кругу, его наблюдательности представились сперва самые низшіе слои общества. Онъ тѣмъ воспользовался, и я готовъ назвать его Крыловымъ въ прозѣ и романахъ. Но кипеть его характера дѣлала его разсѣяннымъ и невнимательнымъ къ этой глазури свѣта, которую посредственность, а часто и ничтожество, такъ удачно наводить на себя умѣютъ. Какъ человѣкъ совершенно Русскій, онъ любилъ подтрунивать; видя зло, горячился, сердился, но никогда до ненависти, и въ сегодняшнемъ врагѣ такъ и хотѣлось ему видѣть завтрашняго друга. Я всегда любилъ его за его доброту и веселонравіе, но не имѣлъ довольно опытности, чтобы умѣть достойнымъ образомъ оцѣнить качества его души и ума: въ глазахъ моихъ, всякій гостинный эмабельный дуракъ стоялъ выше его. До 12 года оставался онъ мирнымъ канцелярскимъ чиновникомъ; казалось, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ военнымъ ремесломъ, какъ вдругъ любовь къ отчизнѣ вызвала его на поле брани; онъ всту-

пилъ въ Петербургское ополченіе и храбро дрался съ нимъ подъ Полоцкомъ и подъ Данцигомъ. По возвращеніи изъ похода, всегдашняя страсть его къ театру сблизила его съ Шаховскимъ; имъ ободряемый, онъ рѣшился написать небольшую комедію *Проказникъ*, довольно плохую, но которая дала ему почувствовать, что онъ въ состояніи творить лучше.

Весной того же года рѣшился, наконецъ, Жуковскій пріѣхать въ Петербургъ на житье. Ему предшествовала выросшая его знаменитость, и онъ особенно милостиво былъ принятъ у вдовствующей Императрицы, которая любила въ немъ пѣвца обожаемаго ею, могущественнаго, препрославленнаго сына своего. Не смотря на новый образъ жизни, Петербургъ не могъ показаться ему чужбиной: нѣдра дружбы ожидали его въ немъ. Тщеславный и лѣнивый Тургеневъ, который выслуживался чужими трудами и плелъ себѣ вѣнокъ изъ чужой славы, конфисковалъ его въ свою пользу и далъ ему у себя помѣщеніе.

Желая имъ похвастаться и имъ угостить, въ одинъ весенній вечеръ созвалъ онъ на него всѣхъ короткихъ знакомыхъ своихъ. Я рано придти не могъ: принадлежа къ Оленинскому обществу, я счелъ обязанностью въ этотъ день видѣть первое представленіе Расиновой *Ифигеніи въ Авлидѣ*, коей переводчикъ, Михаилъ Евстафьевичъ Лобановъ, былъ одинъ изъ приближенныхъ къ Алексѣю Николаевичу. Публика приняла трагедію хорошо; а какъ одинъ партеръ съ нѣкотораго времени имѣлъ право изъявлять народную волю (чтὸ шалунамъ и крикунамъ было весьма пріятно), то она не упускала случая симъ правомъ воспользоваться, и потому-то, вѣроятно, шумными возгласами вызвали переводчика. Ничтожество и самолюбіе были написаны на лицѣ этого бездарнаго человѣка; переводъ его былъ не совсѣмъ дуренъ, но Хвостовъ, я увѣренъ, сдѣлалъ бы его лучше, то-есть смѣшнѣе.

Съ Крыловымъ, съ Гнѣдичемъ и съ самимъ, вѣнчаннымъ свѣжими лаврами, поэтомъ, послѣ представленія, прямо изъ театра явились мы къ Тургеневу. Но, о горе! приходъ послѣдняго едва былъ замѣченъ. На Жуковскомъ сосредоточивались всѣ любопытные и почтительные взоры присутствовавшихъ: онъ былъ истиннымъ героемъ празднества. Въ помутившихся глазахъ и на блѣдныхъ щекахъ Лобанова выступила досада, которую развѣ одинъ я только замѣтилъ. Быстрый переходъ отъ торжества къ совершенному невниманію дѣйствительно жестокимъ образомъ долженъ былъ тронуть его самолюбіе. Вскорѣ послѣ того неудовольствіе свое выместилъ онъ на мнѣ: осмѣивая пристрастіе мое къ Французскому театру, въ какомъ-то стихотвореніи, необидную, неопасную злость свою излилъ онъ слѣдующими стихами:

Не столько Телемакъ крушился объ Улиссѣ,
Какъ многіе у насъ крушились о Филисѣ.

На этомъ вечерѣ, къ кругу не весьма обширномъ, могъ я ближе разглядѣть одного молодаго еще человѣка, котораго дотолѣ встрѣчалъ въ однихъ только большихъ собраніяхъ. Щеголяя свѣтскою ловкостью, всякаго рода успѣхами и Французскими стихами, Сергѣй Семеновичъ Уваровъ старался брать первенство передъ находящимися тутъ ровесниками своими, и его откровенное самодовольствіе нѣсколько смирялось только передъ остроуміемъ Блудова и исполненнымъ достоинства разговоромъ Дашкова. Мнѣ показался онъ нестерпимъ. Человѣкъ этотъ играетъ важную роль въ государствѣ; онъ даетъ направленіе образованію всего учащагося юношества, и благо или зло, имъ посѣянное, отзовется въ потомствѣ. Вотъ почему я полагаю, что всякая подробность, относящаяся до происхожденія его, характера, жизни, достойна вниманія этого потомства и заслуживаетъ быть ему передана.

У одного богатаго дворянина древняго рода, Ивана Головина, женатаго на одной бѣдной Голицыной, сестрѣ оберъ-егермейстера князя Петра Алексѣевича, было двѣ дочери. Старшая Наталья, съ молода красавица, вышла за упомянутаго мною не разъ князя Алексѣя Борисовича Куракина. Меньшая Дарья, слѣдуя ея примѣру, искала также блистательнаго союза...

У князя Потемкина былъ одинъ любимецъ, добрый, честный, храбрый, веселый Семенъ Ѳедоровичъ Уваровъ. Благодаря его покровительству, сей бѣдный рядовой дворянинъ былъ флигель-адъютантомъ Екатерины и подъ именемъ вице-полковника начальствовалъ лейбъ-гренадерскимъ полкомъ, коего сама называлась она полковникомъ. Онъ мастеръ былъ играть на бандурѣ и съ нею въ рукахъ плясать въ присядку. Отъ того-то безъ всякаго обиднаго умысла Потемкинъ, а за нимъ и другіе, прозвали его Сеней-бандуристомъ. Пріятелей было у него много; они сосватали его... Во время короткаго знакомства моего съ г. Уваровымъ, мнѣ случилось съ любопытствомъ смотрѣть на портретъ или картину, въ его кабинетѣ висящую. На ней изображенъ человѣкъ лѣтъ тридцади пяти, пріятной наружности, въ простомъ Русскомъ нарядѣ съ бандурою въ рукахъ, но съ бритою бородою и съ короткими на головѣ волосами. На нескромный вопросъ, мною о томъ сдѣланный, отвѣчалъ онъ сухо: «это такъ, одна фантазія». Я нашелъ однакоже, что на эту фантазію чрезвычайно похожъ меньшой братъ его, Ѳедоръ Семеновичъ. Рано лишился Уваровъ... отца своего. Въ родствѣ съ Куракиными да съ Голицыными, воспитанный на знатный манеръ какимъ-то ученымъ аббатомъ, онъ спозаранку исполнился аристократическаго духа. Признанный вельможею, любимецъ двухъ импе-

раторовъ Павла и Александра, дальній родственникъ его, Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ, далъ новый блескъ мало извѣстному дотолѣ его фамильному имени. Мальчикъ былъ отъ природы уменъ, отмѣнно понятливъ въ наукахъ, чрезвычайно пригожъ собою, говорилъ и писалъ по-французски въ прозѣ и въ стихахъ, какъ настоящій Французъ; всѣ хвалили его, дивились ему, и все это вскружило ему голову. Семнадцати лѣтъ не болѣ попалъ онъ ко двору камеръ-юнкеромъ пятаго класса.

Но вдругъ и на него пришла невзгода. Мать его, желая обоимъ сыновьямъ своимъ, особенно старшему, доставить средства для поддержанія себя блистательнымъ образомъ въ свѣтѣ, за большіе проценты отдала все имѣніе свое подъ залогъ по казенному питейному откупу. Она умерла, откупщикъ сдѣлался несостоятеленъ, страшное взысканіе пало на имѣніе, и совершенное раззореніе угрожало Уварову. Чтобы сохранить довольно завидное положеніе, въ которомъ онъ находился, готовъ онъ былъ на все. Одна фрейлина, богатая графиня Разумовская, двѣнадцатью годами его старѣе, которая, не знаю по какому праву, имѣя родителей, могла располагать собою, давно была въ него влюблена; а онъ объ ней думать не хотѣлъ. Узнавъ о крайности, къ которой онъ приведенъ, она безъ обиняковъ предложила ему руку свою, и онъ съ радостью принялъ ее. Этотъ бракъ въ полномъ смыслѣ составилъ фортуну его.

Вскорѣ послѣ совершенія его, тесть его, графъ Алексѣй Кириловичъ назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ тотчасъ доставилъ ему, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, мѣста попечителя Санктпетербургскаго учебнаго округа и президента Академіи Наукъ, остававшіяся праздными послѣ удалившагося, прежде всемогущаго, Новосильцова. И ему было тогда только двадцать три года отъ роду.

Вступивъ въ храмъ учености, узналъ онъ, что одной Французской литературы мало, и устыдился невѣдѣнія своего. Съ большими способностями, сильнымъ желаніемъ приведенными въ движеніе, началъ успѣвать онъ въ наукахъ, даже усердно принялся за Русскій языкъ. Но по мѣрѣ какъ въ сей части дѣлалъ онъ новыя пріобрѣтенія, со врожденнымъ его тщеславіемъ, спѣшилъ ими хвастать. Баричъ и галломанъ во всемъ былъ виденъ; отъ того-то многимъ членамъ Бесѣды онъ совсѣмъ пришелся не по вкусу; нѣкоторые изъ нихъ, болѣе самостоятельные, позволяли себѣ даже подсмѣиваться надъ нимъ. Это его взорвало; но покамѣстъ принужденъ онъ былъ молчать. Пріѣздъ Жуковскаго не нравился большей части Бесѣдниковъ, что̀ и подало Уварову мысль вступить съ нимъ въ наступательный и оборонительный союзъ противъ нихъ.

Онъ обманулся въ своихъ разчетахъ: Жуковскій, такъ же какъ и Карамзинъ, чуждался всякой чернильной брани. Не менѣе того ошиблись въ немъ и Петербургскіе его естественные враги. Въ наружности его дѣйствительно не было ничего вселяющаго особое уваженіе или удивленіе; въ обхожденіи, въ рѣчахъ, былъ онъ скроменъ и простъ: ни чванства, ни педантства, ни витійства нельзя было найти въ нихъ. Оттого въ одно время успѣхамъ его завидовали, а особу его презирали. Оленинская партія не въ явь, но тайно также не благоволила къ нему. Тогда-то Шаховскому (и кому же иному?) вздумалось однимъ ударомъ сокрушить сіе безобидное, по мнѣнію его, твореніе, его и всю знаменитость и всѣхъ друзей его.

Мы обыкновенно день имянинъ Дашкова и Блудова, 21-го Сентября, праздновали у сего послѣдняго; Крыловъ и Гнѣдичъ тутъ также находились за обѣдомъ. Афишка въ этотъ день возвѣщала первое представленіе 23-го числа новой комедіи Шаховскаго въ пяти дѣйствіяхъ и въ стихахъ, подъ названіемъ: *Липецкія воды или Урокъ Кокеткамъ*. Для любителей литературы и театра извѣстіе важное; кто-то предложилъ заранѣе взять нѣсколько нумеровъ креселъ рядомъ, чтобы раздѣлить удовольствіе, обѣщаемое симъ представленіемъ; всѣ изъявили согласіе кромѣ двухъ Оленистовъ.

Насъ сидѣло шестеро въ третьемъ ряду креселъ: Дашковъ, Тургеневъ, Блудовъ, Жуковскій, Жихаревъ и я. Теперь, когда я могу судить безъ тогдашнихъ предубѣжденій, нахожу я, что новая комедія была произведеніе примѣчательное по искусству, съ какимъ авторъ побѣдилъ трудность заставить свѣтскую женщину хорошо говорить по-русски, по вѣрности характеровъ въ ней изображенныхъ, по веселости, заманчивости, затѣйливости своей и, наконецъ, по многимъ хорошимъ стихамъ, которые въ ней встрѣчаются. Но лукавый дернулъ его, ни къ селу ни къ городу, вклеить въ нее одно дѣйствующее лицо, которое все дѣло перепортило. Въ поэтѣ Фіалкинѣ, въ жалкомъ вздыхателѣ, всѣми пренебрегаемомъ, передъ всѣми согнутомъ, хотѣлъ онъ представить благородную скромность Жуковскаго; и дабы никто не обманулся на счетъ его намѣренія, Фіалкинъ твердитъ о своихъ балладахъ и произноситъ нѣсколько извѣстныхъ стиховъ прозваннаго нами въ шутку баладника. Это все равно что намалевать рожу и подписать подъ нею имя красавца; обманъ немедленно долженъ открыться, и я не понимаю, какъ Шаховской не разсчелъ этого. Можно вообразить себѣ положеніе бѣднаго Жуковскаго, на котораго обратилось нѣсколько нескромныхъ взоровъ! Можно себѣ представить удивленіе и гнѣвъ вокругъ него сидящихъ друзей его! Перчатка была бро-

шена; еще кипящіе молодостію Блудовъ и Дашковъ спѣшили поднять ее.

Это можно было почитать продолженіемъ литературной войны между Москвою и Петербургомъ, нѣкоторыя подробности которой описаны мною въ предшествующей части сихъ Записокъ, или лучше сказать возобновленіемъ ея, ибо во дни всеобщей борьбы Европейскихъ народовъ сія пустая возня на время прекратилась. Она должна была возгорѣться съ новою силой, когда не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ прочности Европейскаго мира.

Побѣда казалась на сторонѣ Шаховскаго; новая піеса его имѣла успѣхъ чрезвычайный, публика приняла ее съ шумнымъ, громогласнымъ одобреніемъ. Въ тотъ же вечеръ, какъ намъ сказывали, по сему случаю было большое празднество у Петербургскаго гражданскаго губернатора Бакунина, коего супруга, сестра Павла Ивановича Кутузова, надѣла вѣнокъ на счастливаго автора. Крыловъ, съ которымъ на другой день я увидѣлся, сказалъ мнѣ съ коварною улыбкой: «Какъ быть les rieurs sont de son côté» (насмѣшники на его сторонѣ). Торжество Шаховскаго пуще раздражало насъ. Ахъ, юность, юность! Ну, право, какъ будто и смѣшно, и совѣстно за себя и за другихъ, когда вспомнишь, какъ всѣ эти пустяки почитали мы дѣломъ серіознымъ и важнымъ.

Для полученія наслѣдства Блудовъ когда-то ѣздилъ въ Оренбургскую губернію. Дорогой случилось ему остановиться въ Арзамасѣ; рядомъ съ комнатой, въ которой онъ ночевалъ, была другая, куда нѣсколько человѣкъ пришли отужинать, и ему послышалось, что они толкуютъ о литературѣ. Тотчасъ молодое воображеніе его создало изъ нихъ общество мирныхъ жителей, которые въ тихой, безвѣстной долѣ своей посвящаютъ вечера сужденіямъ о предметѣ, который тогда исключительно занималъ его. Воспоминаніе объ этомъ вечерѣ и о другомъ, проведенномъ со мною, подало ему мысль библейскимъ слогомъ написать нѣчто подъ названіемъ: *Видѣніе въ какой-то оградѣ.* Арзамаскіе любители словесности, въ одно изъ своихъ вечернихъ собраній слышатъ странный шорохъ въ сосѣдней комнатѣ; Шаховской въ магнетическомъ снѣ бродитъ по ней; они прислушиваются, а онъ разсказываетъ, какъ въ памятную намъ бурную ночь вздумалось ему остановиться передъ окошкомъ опустѣвшей залы дома Державина, и какія чудеса ему тамъ привидѣлись. Потомъ принимается онъ исповѣдывать всѣ тайные, но всѣмъ извѣстные грѣхи свои. Писано было отмѣнно забавно, а для Шаховскаго съ товарищами довольно язвительно. Напечатать было невозможно, а рукописи всегда трудно разойтись по рукамъ и получить общую извѣстность; главное было то, чтобъ она

дошла до Шаховскаго, и въ чашу радости его много подлила она горечи.

Дашковъ поступилъ еще лучше, то-есть смѣлѣе. За начинающимся недостаткомъ политическихъ происшествій, слѣдственно и извѣстій, въ *Сынѣ Отечества* Гречъ начиналъ уже помѣщать литературныя статьи, но и ими журналъ сей не изобиловалъ. Вѣроятно оттого-то согласился онъ напечатать въ немъ *Письмо къ новѣйшему Аристофану* Дашкова, притворяясь, будто не знаетъ, на чье лицо оно писано. А угадать было не трудно: самымъ пристойнымъ, почти учтивымъ образомъ авторъ письма, какъ палицей, такъ и билъ съ плеча въ Аристофана. Шумъ и великая тревога сдѣлались оттого въ непріятельскомъ станѣ.

Принимая въ этомъ дѣлѣ живѣйшее участіе, не менѣе того видѣлъ я и забавную его сторону. Съ родственникомъ моимъ Загоскинымъ, вѣрно преданнымъ Шаховскому, я не прерывалъ своихъ сношеній; мы часто посѣщали другъ друга. Я любилъ бѣсить его, позволяя себѣ нескромныя шутки и повторяя всѣ колкости, слышанныя мною въ кругу моихъ пріятелей на счетъ его патрона. Съ своей стороны и онъ не слишкомъ щадилъ сихъ послѣднихъ, и въ нетерпѣніи своемъ высказывалъ мнѣ злыя намѣренія нашихъ противниковъ. Такимъ образомъ пламя раздора все болѣе раздувалось, и съ обѣихъ сторонъ готовились къ новымъ битвамъ. Передавая все слышанное мною дружескому обществу нашему, я въ шутку самъ прозвалъ себя его шпіономъ или лазутчикомъ, а тамъ, въ сердито-веселомъ расположеніи духа, находя это названіе слишкомъ жестокимъ, перевели его на слово соглядатай. Роль поджигателя была очень веселая, не совсѣмъ уваженія достойная, но какъ быть? дѣло отъ бездѣлья.

Новое нападеніе противной стороны, возбужденной мною посредствомъ Загоскина, ограничилось его комедіей *Урокъ волокитамъ*, въ трехъ дѣйствіяхъ и въ прозѣ. Она была не дурна, особливо какъ скороспѣлка. Въ ней, хотя не совсѣмъ остроумно, досталось всѣмъ, а болѣе всѣхъ мнѣ. Пожалуй, я могъ бы не узнать себя въ Фольгинѣ, большомъ вралѣ, вѣтреномъ модникѣ, какимъ никогда я не бывалъ, еслибы нѣкоторыя изъ словъ и сужденій моихъ не были вложены въ уста его. Я зналъ чѣмъ отомстить человѣку, который, по всей справедливости, гордился едва ли не болѣе древностію рода своего, чѣмъ новостію своей извѣстности. Я увѣрилъ его, что всѣ пріятели мои не хотятъ вѣрить его существованію, фамильное имя его почитаютъ вымышленнымъ, однимъ словомъ, видятъ въ немъ псевдонимъ, подъ которымъ самъ Шаховской написалъ комедію.

Любопытно въ это время было видѣть Уварова. Онъ слегка былъ задѣтъ въ комедіи Шаховскаго и придрался къ тому, чтобъ изъявлять

величайшее негодованіе. Мнѣ кажется, онъ болѣе радъ былъ случаю тѣснѣе соединиться съ новыми пріятелями своими. Мысленно видѣлъ онъ уже себя предводителемъ дружины, въ которой были столь славные бойцы, и на челѣ его долженъ былъ сіять вѣнецъ, въ который какъ драгоцѣнный алмазъ намѣренъ былъ онъ вставить Жуковскаго. Опытъ доказалъ ему, что онъ никакой подчиненности не можетъ ожидать отъ соратствующихъ: все равно, въ Петербургскомъ большомъ свѣтѣ онъ гораздо ихъ болѣе извѣстенъ, и въ глазахъ его можетъ показаться главою партіи. Вѣчно-тщеславные разсчеты этого человѣка бывали часто невѣрны, но иногда и удачны и тогда помогали ему возвыситься то въ общемъ мнѣніи, то на поприщѣ службы. Друзья литературы поступили бы безразсудно, еслибъ отвергли помощь зятя министра просвѣщенія, человѣка, который имѣлъ непосредственное вліяніе на цензуру.

Въ одно утро нѣсколько человѣкъ получили циркулярное приглашеніе Уварова пожаловать къ нему на вечеръ 14-го Октября. Въ ярко освѣщенной комнатѣ, гдѣ помѣщалась его библіотека, нашли они длинный столъ, на которомъ стояла большая чернильница, лежали перья и бумага; онъ обставленъ былъ стульями и казался приготовленнымъ для открытія присутствія. Хозяинъ занялъ мѣсто предсѣдателя и въ краткой рѣчи, хорошо по-русски написанной, осуществляя мысль Блудова, предложилъ засѣдающимъ составить изъ себя небольшое общество *Арзамасскихъ безвѣстныхъ литераторовъ*. Изобрѣтательный геній Жуковскаго по части юмористической въ мигъ пробудился: однимъ взглядомъ увидѣлъ онъ длинный рядъ веселыхъ вечеровъ, нескончаемую нить умныхъ и пристойныхъ проказъ. Отъ узаконеній, новому обществу имъ предлагаемыхъ, всѣ помирали со смѣху; единогласно избранъ онъ секретаремъ его. Когда же дѣло дошло до президентства, Уваровъ позналъ, какъ мало готовы къ покорности избранные имъ товарищи. При окончаніи каждаго засѣданія, жребій долженъ былъ рѣшать кому предсѣдательствовать въ слѣдующемъ; для нихъ не было даже назначено постояннаго мѣста; у одного изъ членовъ поперемѣнно другіе должны были собираться. Уварову не могло это нравиться, но съ большинствомъ спорить было трудно; онъ остался при мысли, что время подчинитъ ему эту республику.

Все это знаю я только по слуху, ибо въ этомъ первомъ засѣданіи я не участвовалъ: Уваровъ забылъ или не хотѣлъ пригласить меня на него. Удивленные моимъ отсутствіемъ, всѣ другіе члены изъявили желаніе видѣть меня между собою. Тогда собралось насъ всего семь человѣкъ, которыхъ въ припадкахъ ослѣпленнаго дружелюбія и самолюбія сравнивалъ я съ семью мудрецами Греціи, а общество наше

называлъ то плеядой, то семиствольною цѣвницей. Всѣхъ выводилъ я на сцену передъ читателемъ, одинъ Жихаревъ оставался въ глубинѣ ея. Теперь его очередь.

Изъ деревни привезенъ былъ онъ въ Московскій университетскій пансіонъ и оттуда воротился опять въ провинцію, гдѣ и оставался лѣтъ до восемнадцати. Онъ принялъ всѣ ея навыки; съ большимъ умомъ, съ большими способностями, въ кругу образованныхъ людей, онъ никогда не могъ отстать отъ нихъ. Наружность имѣлъ онъ Азіатскую: оливковый цвѣтъ лица, черные какъ смоль кудрявые волосы, черные блистающіе глаза, но которые никогда не загорались ни гнѣвомъ, ни любовію, и выражали одно флегматическое спокойствіе. Онъ казался мраченъ, угрюмъ, и не знаю, бывалъ ли онъ когда сердитъ или чрезвычайно веселъ. Образъ жизни тогдашнихъ Петербургскихъ гражданскихъ дѣльцовъ имѣлъ великое сходство съ тѣмъ, который вели дворяне внутри Россіи. Тѣхъ и другихъ могъ совершенно развеселить одинъ только шумный пиръ, жирный обѣдъ и безпрестанно опоражниваемыя бутылки. Покинутую родину обрѣлъ нашъ Жихаревъ въ Петербургѣ у откупщиковъ, у оберъ-секретарей. Потомъ свелъ онъ дружбу съ Шаховскимъ и Русскими актерами, что̀ и вовлекло его въ литературу и даже въ Бесѣду, куда былъ принятъ онъ сотрудникомъ. Онъ принялся за трудъ, перевелъ трагедію *Атрей*, комедію *Розовый Чортъ*, написалъ какую-то поэму *Барды*: все это ниже посредственности. Безвкусіе было главнымъ недостаткомъ его въ словесности, въ обществѣ, въ домашней жизни. У него былъ живъ еще отецъ, человѣкъ достаточный, но обремененный долгами; онъ поступалъ съ нимъ какъ почти всѣ тогдашніе отцы, которые къ дѣтямъ не слишкомъ были чивы и требовали, можетъ-быть весьма справедливо, чтобы сынки сами умѣли наживать копѣйку, а Жихаревъ любилъ погулять, поѣсть, попить и самъ поподчивать. Это заставило его войдти въ долги и прибѣгать къ разнымъ изворотамъ (expédiens, какъ называютъ ихъ Французы), строгою совѣстливостію не совсѣмъ одобряемымъ. Дурныя привычки, по нуждѣ въ молодости принятыя, къ сожалѣнію, иногда отзываются и въ старости. Богъ вѣсть какъ приплелся онъ къ моимъ знакомымъ, вѣроятно черезъ Дашкова, съ которымъ учился; только въ 1814 году нашелъ я его уже водвореннымъ между ними. Я не встрѣчалъ человѣка болѣе готоваго на послуги, на одолженія; это похвальное свойство и оригинальность довольно забавная сблизили его со мною и съ другими.

Арзамасское общество, или просто *Арзамасъ*, какъ называли мы его, сперва собирался каждую недѣлю весьма исправно, по Четвергамъ, у одного изъ двухъ женатыхъ членовъ—Блудова или Уварова. Съ каждымъ засѣданіемъ становился онъ веселѣе; за каждою шуткой

слѣдовали новыя, на каждое острое слово отвѣчало другое. Съ какою цѣлію составилось это общество, теперь бы этого не поняли. Оно составилось невзначай, съ тѣмъ, чтобы проводить время пріятнымъ образомъ и про себя смѣяться глупостямъ человѣческимъ. Не совсѣмъ прошелъ еще вѣкъ, въ которой молодые люди, какъ умныя дѣти, отъ души умѣли смѣяться; но конецъ его уже близился.

Благодаря неистощимымъ затѣямъ Жуковскаго, *Арзамасъ* сдѣлался пародіей въ одно время и ученыхъ академій, и масонскихъ ложъ, и тайныхъ политическихъ обществъ. Такъ же, какъ, въ первыхъ, каждый членъ при вступленіи обязанъ былъ произнесть похвальное слово покойному своему предмѣстнику; таковыхъ на первый случай не было и положено брать ихъ на прокатъ изъ Бесѣды. Самимъ основателямъ общества нечего было вступать въ него; все равно, каждый изъ нихъ въ свою очередь долженъ былъ играть ролю вступающаго, и рѣчь президента всякій разъ должна была встрѣчать его похвалами. Какъ въ послѣднихъ странныя испытанія (впрочемъ не соблюденныя) и клятвенное обѣщаніе въ вѣрности обществу и сохраненіи тайнъ его предшествовали принятію каждаго новаго Арзамасца. Все отвѣчало одно другому.

Вечеръ начинался обыкновенно прочтеніемъ протокола послѣдняго засѣданія, составленнаго секретаремъ Жуковскимъ, чтó уже сильно располагало всѣхъ къ гиларитету, если позволено такъ сказать. Онъ оканчивался вкуснымъ ужиномъ, который также находилъ мѣсто въ слѣдующемъ протоколѣ. Кому въ Россіи не извѣстна слава гусей Арзамаскихъ; эту славу захотѣлъ Жуковскій присвоить обществу, именемъ ихъ родины названному. Онъ требовалъ, чтобы за каждымъ ужиномъ подаваемъ былъ жареный гусь, и его изображеніемъ хотѣлъ украсить гербъ общества.

Все шло у насъ не на обыкновенный ладъ. Дабы болѣе отдѣлиться отъ свѣта, отреклись мы между собою отъ именъ, которыя въ немъ носили, и заимствовали новыя названія у баладъ Жуковскаго. Такимъ образомъ нареченъ я Ивиковымъ Журавлемъ, Уварова окрестили Старушкой, Блудова назвали Кассандрой, Жуковскаго Свѣтланой, Дашкову дали названіе Чу, Тургеневу Эоловой Арфы, а Жихареву Громобоя.

Ни Государь, ни Елисавета Алексѣевна въ это время не воротились еще изъ-за границы, а дворъ со вдовствующею Императрицей оставался въ Гатчинѣ. Чтò удивительнаго если въ Петербургѣ дѣятельно занимались тогда всякимъ вздоромъ. Глухо разнеслась въ немъ вѣсть о существованіи какого-то во мракѣ возникшаго общества. Бѣсѣда первая догадалась, что оно оживлено не совсѣмъ пріязненнымъ

къ ней духомъ; въ ней предполагали, что тайно готовятся на нее сильныя нападенія: кто скрывается, тотъ долженъ имѣть дурной умыселъ, и словесники готовы были приписывать намъ заговоръ противъ правительства. А впрочемъ кому же придетъ въ голову, что порядочные люди собираются еженедѣльно единственно за тѣмъ, чтобъ умно подурачиться! Еслибы нѣкоторые изъ членовъ Бесѣды, изъ тѣхъ которые были поумнѣе, могли подслушать насъ, то вѣрно были бы успокоены и обезоружены. Правда, въ похвальныхъ имъ рѣчахъ дарованія ихъ не слишкомъ высоко оцѣнивались, притязанія ихъ на авторство были осмѣяны, но личности противъ нихъ никто себѣ не позволялъ. Они бы узнали, что, устранивъ всякое педантство, Арзамасцы между собою не чинились и часто позволяли себѣ даже трунить одинъ надъ другимъ.

Не менѣе Бесѣды взволновано было Оленинское общество: Арзамасъ казался ему загадкою, которой тайну я не спѣшилъ открыть ему. Изъ словъ и обхожденія Крылова и Гнѣдича могъ я замѣтить, что они чуждаются падшихъ и не дерзнутъ возстать на торжествующихъ. Вся эта истинно-комическая исторія (ибо комедія Шаховскаго была началомъ ея) должна была имѣть вліяніе на судьбу мою. Въ домѣ у Олениныхъ Жуковскій былъ принятъ съ усиленною ласкою; со мною какъ будто ни въ чемъ не бывало. Не смотря на то, я могъ ясно видѣть, что недавнія связи совершенно разорваны, а все изъ чего? Батюшковъ могъ бы вразумить этихъ людей, но его тогда въ Петербургѣ не было: онъ лѣтомъ уѣхалъ въ армію и оттуда еще не возвращался. По пріѣздѣ онъ вѣрно бы бросился въ отверстыя ему объятія *Арзамаса*, который и по заочности избралъ его своимъ членомъ подъ именемъ Ахилла. Случилось то, чего ожидать надлежало: старикъ Сухтеленъ, по желанію, уволенъ съ чиномъ и пенсіономъ, а на его мѣсто въ библіотеку опредѣленъ нѣкто Аткинсонъ, ничтожный и ледащій малый, одинъ изъ домочадцевъ Оленинскихъ, сынъ Англинской няньки, воспитывавшей у нихъ дѣтей.

Идя отъ неудачи къ неудачѣ, я какъ будто привыкъ къ нимъ и, какъ Панглосъ, готовъ былъ сказать, что все къ лучшему. Но пріятели мои сильно вознегодовали: имъ хотѣлось приклеить меня къ какому нибудь вѣдомству, дабы оттуда вѣрнѣе могъ я попасть на стезю настоящей службы. Не говоря мнѣ ни слова, поставили на ноги Жихарева, который имѣлъ связи во всѣхъ правительственныхъ мѣстахъ, канцеляріяхъ, департаментахъ. Также не предупредивъ меня, переговорилъ онъ обо мнѣ съ Дружининымъ, директоромъ канцеляріи министра финансовъ, и въ одинъ разъ привезъ мнѣ и опредѣленіе, подписанное министромъ о причисленіи меня вновь къ канцеляріи его, и о

томъ мою просьбу, которую заднимъ числомъ заставилъ подписать меня. Это опредѣленіе было тѣмъ особенно для меня выгодно, что въ немъ сказано, будто, по окончаніи занятій моихъ въ Пензенскомъ комитетѣ, возвратился я къ прежнему мѣсту служенія. Итакъ, два года съ половиною, проведенные мною въ праздности, зачтены мнѣ въ службу, тогда какъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, по милости Сперанскаго, почитался я два года въ отставкѣ, когда часто являлся на службу. Въ судьбѣ людей такимъ образомъ иногда встрѣчаются вознагражденія.

Меня причислили къ неизбѣжному для меня третьему отдѣленію, по кредитной части, и я не весьма охотно въ него явился. Послѣ Рибопьера имъ управлялъ графъ Ламбертъ, бывшій секретаремъ посольства, отправленнаго въ Китай, читателю извѣстный. Онъ удивилъ меня своимъ пріемомъ: тоже едва замѣтное наклоненіе головы, туже сухость и важность въ манерахъ нашелъ я; только слова его исполнены были вѣжливости и доброжелательства. Онъ сказалъ мнѣ, что благодаритъ случай, который свелъ его съ прежнимъ сослуживцемъ и надѣется, что мы не скоро разстанемся. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ мнѣ, что слѣдующею весной имѣетъ въ виду другое назначеніе, котораго пока открыть онъ мнѣ не можетъ, но что въ предполагаемомъ новомъ управленіи (коммиссія погашенія долговъ, какъ послѣ я узналъ) приготовитъ онъ мнѣ мѣсто, гдѣ выгоднымъ и пріятнымъ образомъ могу продолжать я службу. Между тѣмъ онъ нашелъ, что посѣщать мнѣ отдѣленіе совсѣмъ не нужно, развѣ только для свиданія и бесѣды съ нимъ.

На минуту возвратимся въ Арзамасъ. Слѣдующею зимой, среди морозовъ, онъ все болѣе разцвѣталъ и съ каждымъ мѣсяцемъ обогащался новыми членами, изъ коихъ многими имѣлъ онъ причину гордиться. Существованіе его было непродолжительно; онъ прожилъ не съ большимъ два года. Если Богъ дастъ мнѣ написать пятую часть сихъ Воспоминаній, то непремѣнно помѣщу въ ней всѣ занимательныя подробности, до него относящіяся.

XIV.

Въ первыхъ числахъ Декабря (1815) Государь возвратился послѣ вторичнаго продолжительнаго отсутствія; но какое разительное несходство было между первымъ его пріѣздомъ изъ Парижа и послѣднимъ! Совершивъ великое чудо избавленія Европы отъ тягостнаго ига, былъ онъ тогда кумиромъ подданныхъ, союзниковъ и самихъ враговъ. Въ благо-

пріятнѣйшее время года природа за одно съ людьми ликовала, привѣтствовала его. Онъ вѣровалъ тогда въ добро, въ возможность творить его, дѣлать людей счастливыми, и взоръ его былъ ясенъ, улыбка его была нѣжна и ласкова. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и онъ узналъ все коварство, всю неблагодарность тѣхъ, коихъ помощь его воскресила. Онъ любилъ родъ человѣческій, и тяжко ему было научиться презирать его. Спокойствіе опять возстановлено, но душа его разочарована. Сію кроткую душу не могла радовать жестокая участь изумительнаго и въ паденіи своемъ врага его (онъ подплывалъ тогда къ каменному гробу, въ которомъ немилосердая Англія заживо хотѣла его похоронить). Александръ казался скученъ, говорятъ, даже сердитъ. Никакими восторгами Петербургъ его не встрѣтилъ. Казалось, Россія познала, что наступило для нея время тихое, но сумрачное.

Государь началъ показывать себя вновь взыскательнымъ и строгимъ: всѣмъ гвардейскимъ и другимъ военнымъ офицерамъ запретилъ носить гражданское платье, находя сіе вреднымъ для дисциплины. Вскорѣ потомъ явилъ онъ себя даже грознымъ: статсъ-секретарь Молчановъ, столь могущій въ продолженіи трехъ или четырехъ лѣтъ, который заправлялъ дѣлами цѣлаго государства, вдругъ былъ отставленъ и преданъ суду. Сего мало: наряжено слѣдствіе для разсмотрѣнія дѣйствій Военнаго Министерства и самого управляющаго онымъ, князя Алексѣя Ивановича Горчакова, который вмѣстѣ съ тѣмъ и удаленъ отъ должности. Всѣ приближенные его главные чиновники, Самбурскій, Приклонскій и другіе отданы подъ судъ и разсажены по разнымъ гауптвахтамъ столицы, гдѣ и оставались нѣсколько лѣтъ. Всѣ ужаснулись сперва: но когда увидѣли, что за сими суровыми мѣрами, коихъ справедливость, впрочемъ, была доказана, не послѣдовало никакихъ новыхъ, то вскорѣ и успокоились потомъ.

Послѣ удаленія князя Горчакова, управляемое имъ министерство получило новое образованіе. Во время послѣдней войны армія до того увеличилась, что число дѣлъ по военному вѣдомству, конечно, утроилось. Государь нашелъ нужнымъ раздѣлить ихъ на двое, часть денежную счетную, продовольственную отдавъ военному министру, которому послѣ этого, кажется, слѣдовало бы называться генералъ-интендантомъ; всѣ прочія дѣла поступили въ вѣдѣніе Главнаго Штаба его величества.

Примѣрно отличившійся во время послѣднихъ кампаній генералъ Петръ Петровичъ Коновницынъ назначенъ былъ военнымъ министромъ. Въ молодости, при Екатеринѣ, начальствуя Старооскольскимъ пѣхотнымъ полкомъ, слылъ онъ лихимъ полковникомъ и отчаянно дрался съ Поляками подъ начальствомъ Суворова. При Павлѣ, какъ и всѣ, былъ въ отставкѣ и не хотѣлъ было опять вступить въ службу, но всеобщій

бранный шумъ пробудилъ въ немъ бодрость. Онъ былъ при Буксгевденѣ дежурнымъ генераломъ во время Шведской войны, и находился начальникомъ штаба при Кутузовѣ въ 1812 году. Должность на него возложенная не была слишкомъ тягостна, и онъ былъ еще не старъ; но военные труды, походы, раны изнурили его, и послѣ назначенія своего министромъ, кажется, не болѣе двухъ лѣтъ онъ прожилъ.

Самый близкій человѣкъ къ Государю, съ малолѣтства при немъ неотлучный, князь Петръ Михайловичъ Волконскій назначенъ былъ начальникомъ штаба его. Не знаю, какъ до сихъ поръ не пришлось мнѣ сказать объ немъ ни слова. Примѣчательно, что при дворѣ почти всѣ случайные люди съ знатнымъ фамильнымъ именемъ принадлежатъ къ носящимъ его обѣднѣвшимъ семействамъ. Такимъ образомъ и этотъ князь, кажется, происходитъ отъ той отрасли, которая все болѣе размножается нынѣ и почти заселяетъ Рязанскую губернію. Родному дядѣ его, князю Димитрію Петровичу, удалось жениться на Катеринѣ Алексѣевнѣ Мельгуновой, племянницѣ Николая Ивановича Салтыкова, воспитателя великихъ князей Александра и Константина. Старый царедворецъ, желая въ будущемъ еще болѣе умножить кредитъ свой, маленькихъ наслѣдниковъ престола умѣлъ окружить малолѣтными же сыновьями своими, близкими и дальными родственниками; въ числѣ ихъ находился и Волконскій.

Онъ болѣе всѣхъ сдѣлался угоденъ Александру. Я помню, какъ, въ ребячествѣ, не смотря на запрещеніе наставника, любилъ я, бѣгая по саду, играть съ холопскими мальчиками. Я право не золъ, чтобы ни говорили, а иногда случалось мнѣ тузить ихъ, и тѣ, которые были болѣе покорны и терпѣливы, мнѣ болѣе нравились. Почему же слабость простаго отрока не могла встрѣтиться и въ порфирородномъ? Главная, единственная добродѣтель Волконскаго была собачья вѣрность. Когда во дни Павла самъ наслѣдникъ его долженъ былъ трепетать и окруженъ былъ тайными надсмотрщиками, адъютанту его, Волконскому, никто не подумалъ даже о томъ предложить. Въ день восшествія на престолъ, сдѣланъ онъ флигель-адъютантомъ его, а въ день коронаціи—генералъ-адъютантомъ.

Зная, сколь полезна царямъ нравственная власть, какъ избавляетъ она ихъ отъ необходимости часто употреблять матеріальную, Александръ, даже въ кругу самыхъ близкихъ по крови, не переставая быть любезнымъ, старался сохранять всю величественную свою важность. Нельзя, чтобы безпрестанное наблюденіе за самимъ собою иногда не утомляло его; наединѣ съ Волконскимъ любилъ онъ отдыхать; не открывая ему души своей, при немъ становился онъ человѣкомъ, который смѣется, сердится или бранится, какъ всѣ прочіе люди. Точно

также во время частыхъ и быстрыхъ путешествій своихъ, сидя съ нимъ въ коляскѣ, говорятъ, не иначе привыкъ онъ отдыхать, какъ засыпая на плечѣ его. Такія удобства объясняютъ продолжительность милостей къ нему Александра, который, не такъ какъ другіе, въ окружающихъ его любилъ находить просвѣщенный умъ. Говорятъ, что для камердинера нѣтъ великаго человѣка; Александръ угадалъ, что для вѣрноподданничества Волконскаго всякій былъ бы великій мужъ, лишь былъ бы онъ Царь. Долго государствомъ былъ онъ мало замѣченъ въ толпѣ Чарторижскихъ, Строгановыхъ, Голицыныхъ и другихъ любимцевъ, всѣхъ, болѣе его отличенныхъ. Однакоже самую мелкую вещь, поставленную у самаго свѣтильника, нельзя не разглядѣть; но въ глазахъ Россіи все оставался онъ на одномъ планѣ съ метръ-дотелемъ Миллеромъ, медикомъ Вилліе и брадатымъ кучеромъ Ильею. Только въ 1815 году началъ онъ вдругъ выростать до Аракчеева, до соперничества съ нимъ.

Столько же, какъ тотъ, былъ онъ суровъ, но совсѣмъ не такъ золъ. Если Аракчеевъ старался выигрывать у Царя мнимымъ чистосердечіемъ своимъ, то Волконскій—истиннымъ безпристрастіемъ. Онъ никого не хотѣлъ знать: ни друзей, ни родныхъ; не только наградъ, прощенія, помилованія въ случаѣ вины, никому изъ нихъ не хотѣлъ онъ выпрашивать. До того прославился онъ ненавистію къ непотизму, что чувство это начали называть уже эгоизмомъ. Въ безпредѣльной преданности Царю у Аракчеева болѣе всего былъ разсчетъ, у Волконскаго—привычка; только развѣ у одного Александра Николаевича Голицына было чувство. На одномъ Волконскомъ истощалось иногда все дурное расположеніе духа Государя, къ нему чрезмѣрно милостиваго: онъ все переносилъ со смиреніемъ и вѣроятно полагалъ, что въ свою очередь имѣетъ онъ право показывать себя грубымъ, брюзгливымъ съ подчиненными, даже съ тѣми, къ которымъ особенно благоволилъ. Я не имѣлъ никакихъ сношеній съ симъ вельможею, не видалъ отъ него ни худа ни добра, и меня не станутъ обвинять, я надѣюсь, въ пристрастіи при изображеніи его портрета.

Хотя зима была холодная и мрачная, какъ расположеніе царствующаго, однакоже она была свидѣтельницей нѣсколькихъ необходимыхъ торжествъ, изъ коихъ первымъ былъ въѣздъ Персидскаго посла и свиты его.

О Закавказскомъ краѣ, въ 1812 и послѣдующихъ годахъ, Россія совсѣмъ забыла, какъ будто онъ ей не принадлежалъ, какъ будто онъ никогда не существовалъ. А между тѣмъ война съ Персіей тамъ не прекращалась, и ручьями текла благородная кровь Русскихъ воиновъ. Съ такимъ же самоотверженіемъ, съ какимъ братія ихъ внутри оте-

чества гибли тогда, спасая его, они сражались единственно во славу его; вожди ихъ падали съ оружіемъ въ рукахъ, не возбуждая никакого участія въ согражданахъ и не сѣтуя на темный свой жребій. Главнымъ начальникомъ посланъ былъ туда одинъ престарѣлый, увѣчный и хворый генералъ Николай Ѳедоровичъ Ртищевъ, въ военной лѣтописи почти неизвѣстный; изъ Тифлиса, какъ могъ, распоряжалъ онъ дѣйствіями. Но гроза Русскаго имени все еще удерживала горцевъ, и борьба съ Персіянами шла не безуспѣшно.

Изъ глубокаго забвенія, коимъ тогда покрыта была эта часть Россіи, вдругъ вырвалось одно славное имя и ярко блеснуло. Котляревскій, Петръ Степановичъ, съ малолѣтства воинъ, всю жизнь провелъ на Кавказѣ и за Кавказомъ въ бояхъ съ воинственными народами, его обитающими. Достигнувъ генеральскаго чина, онъ безпрестанно поражалъ непріятелей и никому изъ насъ не былъ вѣдомъ, тогда какъ въ тоже время имя каждаго партизана повторялось по цѣлой Россіи. Подвиги свои довершилъ онъ взятіемъ неприступной крѣпости Ленкорана, на берегу Каспійскаго моря. По грудамъ тѣлъ Русскихъ и вражьихъ взошелъ онъ въ нее самъ, весь изъязвленный, весь покрытый ранами. Смерть пощадила его; но онъ ожидалъ ея, счастливѣе Эпаминонда, видя непріятеля не бѣгущаго, а истребленнаго. Онъ живъ еще и понынѣ, только умеръ для службы, ибо съ трудомъ владѣетъ членами. Щедро и справедливо былъ онъ награжденъ Георгіевскою звѣздой; поэзія поднесла ему также свой вѣнокъ. Славнѣйшій изъ поэтовъ его времени, исполненный сочувствія ко всякой славѣ отечества своего, положилъ на него клеймо славы слѣдующими стихами:

О, Котляревскій, бичъ Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой—
Твой ходъ, какъ черная зараза,
Губилъ, ничтожилъ племена...

Взятіе Ленкорана понудило Персіянъ искать примиренія. Не весьма задолго до взятія Парижа, миръ, подписанный въ Гюлистанѣ, положилъ конецъ двѣнадцатилѣтней войнѣ и владѣнія Россіи распространилъ до Аракса и Куры.

Въ 1814 году отправленъ былъ отъ Тегеранскаго двора посолъ съ поздравленіями къ нашему Царю и съ увѣреніями въ дружбѣ шаха Персидскаго. Онъ пріѣхалъ въ Москву осенью и былъ тамъ задержанъ всю зиму. Весною привезли его въ Петербургъ и помѣстили въ Таврическомъ дворцѣ Онъ скучалъ, опасался своего правительства и говорилъ: «какъ вы хотите, чтобъ у насъ кто-нибудь повѣрилъ, будто во время столь продолжительнаго отсутствія падишаха не было въ

народѣ мятежей и все государство не возмутилось?» Это былъ онъ же, который видѣлъ въ Петербургѣ вновь строющійся городъ и наше лѣто, которое тогда дѣйствительно было чрезвычайно дождливо, называлъ зеленою зимой.

Въ разсказахъ о привезенныхъ имъ будто сокровищахъ было много баснословнаго, напоминающаго *Тысячу и одну ночь.* Между прочимъ говорили о какой-то серебряной кадкѣ, вмѣсто земли наполненной жемчугомъ, въ которой посажено было золотое дерево съ изумрудными листьями и алмазными цвѣтами. Всѣ подарки ограничились на повѣрку плохими шалями для императорской фамиліи и главныхъ придворныхъ особъ; важнѣйшими же дарами были два слона обоего пола. На другой день Рождества, 26 Декабря, при сильномъ вѣтрѣ и ужасной мятели, они, одинъ за другимъ, открывали церемоніальное шествіе посольскаго въѣзда. На нихъ надѣты были теплые сапожки; бѣдная слониха потеряла одинъ изъ нихъ и жалобно выла.

Другія торжества происходили внутри дворца: Царь выдавалъ замужъ двухъ сестеръ или, лучше сказать, одну, ибо старшая сама выходила.

Великая княгиня Екатерина Павловна, предметъ обожанія Россійскаго двора, воинства и народа, лѣто 1812 года провела въ Ярославлѣ, а по очищеніи Москвы отъ непріятелей возвратилась въ Тверской дворецъ свой. Тамъ лишилась она супруга, сдѣлавшагося жертвой человѣколюбія своего. Онъ часто посѣщалъ въ больницѣ раненыхъ, подвергся заразительному ея вліянію и умеръ отъ гошпитальной горячки. Тогда навсегда оставила она Тверь, которая безъ нея опустѣла и поднесь живетъ однимъ ея воспоминаніемъ. Для развлеченія горести уговорили ее отправиться въ Германію, куда силою оружія брата ея открыта была дорога для Русскихъ путешественниковъ. Потомъ явилась она въ Лондонѣ; красота ея, умъ и враждебное расположеніе къ Наполеону восхитили Англичанъ. А она, пользуясь симъ и въ виду имѣя одну только пользу любезной ей Россіи, успѣла, говорятъ, разстроить преднамѣреваемый бракъ наслѣдницы престола, единственной дочери принца-регента, съ принцемъ Оранскимъ, наслѣдникомъ не утвердившагося еще Голандскаго престола; все это, говорятъ, съ намѣреніемъ выдать за него меньшую сестру свою, Анну Павловну, а брата своего Николая Павловича женить на невѣстѣ его, Англинской принцессѣ Шарлоттѣ. Первое удалось ей, а послѣднее было дѣломъ несбыточнымъ.

На Вѣнскомъ конгресѣ, или гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ за границей, понравился ей кронъ-принцъ Виртембергскій. Будучи вдовою, имѣла она право собою располагать, и согласилась отдать ему свою руку. Этотъ

союзъ, говорятъ не слишкомъ нравился ея семейству, вѣроятно отъ того, что, по любви ихъ къ ней, братья и мать надѣялись никогда съ ней не разстаться. Женихъ былъ мужчина видный, совсѣмъ не чета первому ея супругу. Другой же, принцъ Оранскій, молоденькій красавчикъ, умный и ловкій и уже знаменитый въ бояхъ, который имѣлъ въ виду владѣть отдѣльнымъ государствомъ и повелѣвать народомъ, прославившимся въ искусствахъ, торговли и мореплаваніи, казался всѣмъ еще выгоднѣйшею партіей. Тѣнь Петра Великаго въ горнихъ селеніяхъ должна была возрадоваться, видя, что потомству его суждено владычествовать въ Сардамѣ.

Сіи браки совершены въ Генварѣ и Февралѣ мѣсяцахъ 1816 года, а я намѣренъ былъ воспоминаніями о 1815-мъ заключить четвертую часть сихъ Записокъ; но въ бракахъ сихъ вижу я непосредственныя послѣдствія происшествій, бывшихъ въ предшествующихъ годахъ. Какъ громовыя тучи пронеслись они надъ нами. На политическомъ горизонтѣ все прояснѣло; но воздухъ сталъ ли чище? Здѣсь не мѣсто еще о томъ говорить.

Великія событія временъ Наполеона само собою врѣзывались въ память, и простой разсказъ о нимъ могъ быть уже достаточно занимателенъ. Но послѣ него наступили времена иныя; первые годы послѣ его паденія не были столько обильны происшествіями, за то показывали гораздо болѣе движенія въ умахъ. Я смотрѣлъ на него равнодушно, разсѣянно; занятія по службѣ, удовольствія не совсѣмъ еще покинувшей меня молодости, при наружномъ спокойствіи, коимъ пользовались тогда всѣ народы, развлекая меня, не допускали меня обращать на происходящее наблюдательныхъ взглядовъ. Вотъ почему описаніе этой эпохи для меня дѣло многотрудное; оно ужасаетъ меня.

И такъ положу покамѣстъ перо; пособравшись съ мыслями и съ духомъ, не иначе какъ послѣ зрѣлыхъ размышленій, можетъ-быть, приступлю къ изображенію временъ болѣе новыхъ. Да поможетъ мнѣ Господь Богъ!

Конецъ четвертой части.